Весь

ХАЙНЛАЙН

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

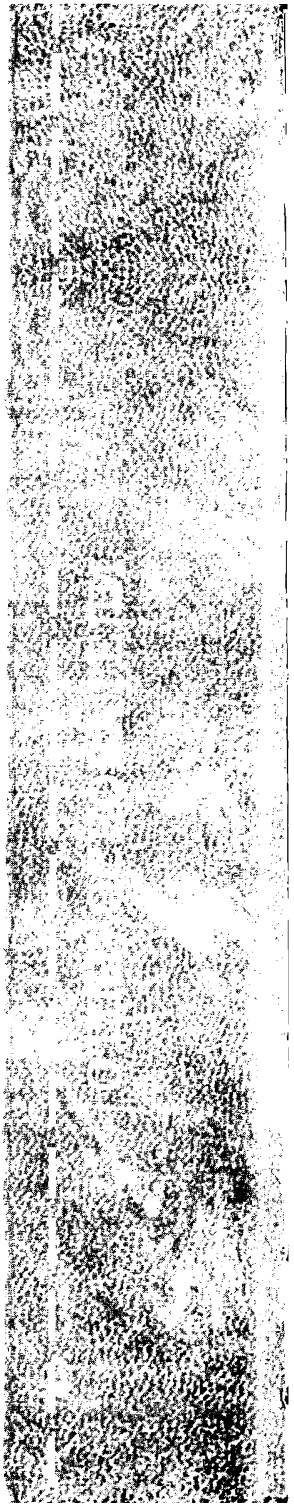
Весь

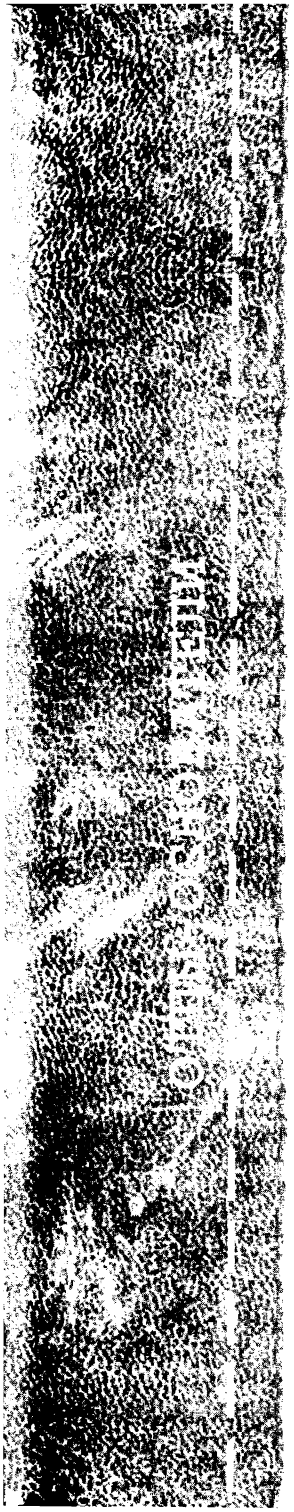
ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ
УГРОЗА С ЗЕМЛИ

Роберт

ХАЙНЛАЙН

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 16

Robert A. Heinlein

STORIES

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 16 Угроза с Земли: Фантастические повести и рассказы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.; сост., коммент. А. Ермолаева; ил. Я. Ашмариной]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 1056 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-0738-3 (TF)
ISBN 978-5-699-22831-7 (Эксмо)

В данный том собрания сочинений великого американского фантаста вошли его рассказы и повести, составившие первые тома легендарной «Истории будущего». Это произведения о драматическом покорении Луны и ближнего космоса, о героизме простых людей, которые сталкиваются с невероятными сложностями и порой попадают в безвыходные ситуации, но становятся победителями благодаря силе духа и логическому мышлению.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. М. Борисова, Н. Гурова, А. Дмитриев, М. Ермашова, А. Етоев, Б. Иванов, Н. Изосимова, Я. Кельтский, В. Ковалевский, А. Корженевский, С. Логинов, Ф. Мендельсон, Ю. Михайловский, И. Оранский, М. Пчелинцев, Н. Романецкий, Д. Старков, А. Тюрин, И. Чебартынов, Н. Штуцер, А. Щербаков, Г. Усова, Ян Юа, 2007
© TERRA FANTASTICA, 2007
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 1993
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-7921-0738-3
ISBN 978-5-699-22831-7

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали — по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его мягкое лицо было бесстрастно. Председатель повернулся к докладчику, с трудом сдерживая раздражение:

— Доктор Пинеро,— сказал он, выделив голосом первое слово,— я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о приличествующем ученым достоинстве и позволить себе прерывать докладчика — независимо от того, насколько...— он сделал паузу и пожевал губами,— насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

— Моя обязанность — следить за соответствием программы нашего собрания регламенту. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден попросить вас воздержаться

© А. Дмитриев, перевод

от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

— Но как же я смогу внушить вам новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? — Пинеро театрально воздел свои пухлые, белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

— Джентльмены! Прошу вас! — и обратился к Пинеро: — Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

— Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

— Верно,— председатель снова пожевал губами.— Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся — все той же раздражающей улыбкой:

— Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не станет выкладывать Бидуэллу денежки даже за самые распрекрасные страховые полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, поскольку весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро хладнокровно повернулся к залу спиной, не обращая ни малейшего внимания на ропот, из гневного превратившийся в зловещий. Председатель безнадежно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

— Господин председатель!

Председатель решил не упустить шанса и прокричал:

— Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван-Рейнсмитту!

Гомон в зале мало-помалу прекратился.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид непременного участника заседаний дамских благотворительных обществ.

— Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд вынесет свой приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае — он отвесил доктору Пинеро легкий поклон,— если мы не слишком хорошо знаем университет, присвоивший ему ученую степень. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно,— чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует знать их.— Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая.— Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять такой круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и попечитель попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван-Рейнсмитт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты утихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

— Вы продолжите, доктор Пинеро?

— Зачем?

Председатель пожал плечами:

— Вы для этого и пришли.

— Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно — приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный открыто взглянуть в лицо голому факту и не смутиться при этом? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку — примет ли он истину? Нет, не примет! Тем не менее, если я не стану продолжать, вы победите меня потому уже, что я отказался от борьбы. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие люди, изобличили меня, Пинеро, как мошенника. Это меня не устраивает. Я буду говорить. Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда Черный Верблюд преклонит колени у ваших дверей. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Некоторое время никто в зале не проронил ни слова.

— Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? — спросил председатель.

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

— Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это,— он ударил себя в грудь,— для самого себя.

— Но как же мы узнаем, что за вашими словами стоит реальность, а не только нелепые заявления?

— Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает — прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему

миру. Если же нет — я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий, сутулый человек:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Игнорируя председателя, Пинеро ответил непосредственно спрашивавшему:

— Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? Я предлагаю обследовать каждого из присутствующих, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти.— Он свирепо оглядел аудиторию.— Вы согласны?

Поднялся дородный человек и размеренно заговорил:

— Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Будучи медиком, я с прискорбием замечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающегося докладчика или нет.

Его поддержал другой оратор:

— Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти ведьмины игры? Я убежден, что субъект, именующий себя доктором Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом, мы лишь играем ему на руку. Не знаю, какими махинациями он занимается, но мы ему нужны для рекламы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту регламента.

Предложение было принято одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!»– он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

— Варвары! Болваны! Бестолочи! Такие как вы, испокон веков не признавали ни единого великого открытия! Из-за вашей

компании невежд Галилей вертится в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, он что, смеет называть себя медиком? «Знахарь» — было бы точнее! А вы, лысый коротышка,— да, да, вы! — вы называете себя философом и рассуждаете о временах и нравах, аккуратно раскладывая их по полочкам. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! — он плюнул на пол.— И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи ваших энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его подхватили с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв.

Газетчики перехватили Пинеро, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В нем не было и следа воинственности, которую он недавно демонстрировал. Репортеры окружили его:

— Как насчет интервью, док?

— Ваши взгляды на современное образование?

— Ну и всыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?

— Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

— По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

— Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

— Итак, ребята, что вас интересует?

— Выкладывайте начистоту, док, есть у вас там что-то или нет?

— Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

— Вот и расскажите, как оно работает. На той ерунде, которую вы городили этим яйцеголовым, с нами вы недалеко уйдете.

— Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я так и стану рассказывать о нем первому встречному?

— Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

— Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

— Охотно! Это деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату.

— Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно — даже о назначении установки.

— На каком принципе эта штуковина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время — это четвертое измерение пространства. Хотите — верьте, хотите — нет, об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, ощутите эмоционально.— Он подошел к одному из репортеров.— Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шести футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. Во времени за вами простирается значительная часть пространственно-временного объекта, берущего начало примерно в 1916 году. То, что мы видим сейчас,— поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и имеющий определенное сечение. На одном конце объекта —

младенец, пахнущий кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом — в восьмидесятых, вероятно,— находится почти старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы; один его конец во чреве матери, а другой — в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение видится нам одним дискретным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянущегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность народа в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле народ похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И мы считаем срезы индивидуальными лишь потому, что воспринимаем только поперечные сечения.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, деловой мрачноватый парень, поинтересовался:

— Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

— Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слыхали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашим червем. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря — когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно — вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

— Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о народе, как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать даты рождения, потому что связь с народом продолжается и через момент рождения отдельного человека.

Пинеро расцвел:

— Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолокатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, соответственно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

— Ну а теперь покажите, как это делается!

— С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

— Что, Люк, попался! — съехидничал кто-то из репортеров.— Или соглашайся, или заткнись!

— А я отнюдь не прочь. Что я должен делать?

— Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

— И что теперь?

— Разденьтесь и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

— К чему вся эта болтовня?

— Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь — не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился за аппарат. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он набросил на голову накидку. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро объявил:

— У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

— Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

— Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

— Проверьте меня, док!

— Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

— И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под накидку, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

— Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажите нам и это?

— Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка.

— Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки.

— Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

— Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?

— Мне очень жаль, но я должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурок.

— Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вызнал возраст каждого репортера в городе, чтобы приготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

— Вы женаты, друг мой?

— Нет.

— Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Какой-нибудь родственник?

— Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

— Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

«Ученое собрание оборачивается скандалом»
«Компостер смерти на ваших табельных часах»
«Журналист умирает по предсказанию доктора»
«Мошенничество,— утверждает Ученый Совет»
«Дипломированные дураки,— парирует прорицатель»

«... через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к редакции «Дейли Геральд», в которой он сотрудничал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался. Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...»

«Беспокоит ли Вас Ваше будущее???

Не выбрасывайте деньги на гадалок — обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту, который при помощи непогрешимых методов науки поможет Вам спланировать будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов».

Наши предсказания обеспечены обязательством на 10 000 долларов, помещенных в банк.

Проспект высылается по первому требованию.

«Песочные часы жизни, Инкорпорейтед».

Мажестик Билдинг, № 700».

«Юридическое уведомление.

Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской

конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на сохранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями.

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро (и/или «Песочные часы жизни, Инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в беспристрастный Первый Национальный Банк этого города.

Подписано и заверено:
Джон Кэбот Уинтроп III.
Подписано и заверено в моем присутствии
во 2-й день апреля 1951 года.
Альберт М. Свенсон, нотариус графства и штата.
Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года».

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели. Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и никто еще не востребовал залоговую сумму, помещенную им в банк на случай своей возможной ошибки. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что он обладает прямой связью с главной конторой костлявой старухи с косой. Впрочем, что до меня, то мне не хотелось бы знать о своей смерти до того, как она произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

— Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к истокам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также, чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оставить риторику и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничкам и продолжил:

— С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

— Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

— Формально да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных и финансовых учреждений, а значит, большинство населения, которое является держателем акций и обладателем полисов. Таким образом, мы считаем, что косвенно защищаем интересы всего населения — неорганизованного, безмолвствующего и беззащитного.

— Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я,— сухо заметил судья.— Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя формального клиента. Но продолжайте; каковы ваши доводы?

Пожилой барристер безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

— Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимых причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он — обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он, конечно, хитроумнее простой цыганки, предсказывающей судьбу по

руке, астролога и медиума, но как раз потому и более опасен. Пытаясь ввести всех в заблуждение, он ссылается на современные научные методы, чтобы придать своим «чудесам» не принадлежащий им по праву авторитет. Мы пригласили в суд выдающихся ученых, академиков, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний. Во-вторых, даже если утверждения этого человека справедливы — допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение,— мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке,— мы убеждены, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места.

— Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

— Что именно?

— Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

— Ваша честь,— прервал его Уимс,— это абсолютно противоречит правилам.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

— Благодарю, ваша честь. Обратившись сперва к последнему пункту мистера Уимса, я готов признать, что публиковал те высказывания, о которых он говорил...

— Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката. Вы уверены, что вашей компетентности хватит, чтобы защитить свои интересы?

— Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, с чем я готов согласиться и так.

— Отлично. Можете продолжать.

— Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что поступившие так понесли потери. Я согласен, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это — естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я открою фабрику керосиновых ламп, а потом обращусь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал Электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания. Я согласен, что мой бизнес — предсказание даты смерти, но отрицаю, что занимаюсь магией — черной, белой или радужной. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой данной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои? Конечно, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

— Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его методами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

— Позволит ли мне суд несколько минут посовещаться с клиентами?

— Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

— У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратил к Пинеро вопрошающий взгляд.

— Добровольно я на это не пойду,— ответил Пинеро.— Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной,— он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся: — И они сами это прекрасно знают. Кроме того, нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода формирования мнения: эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него — лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом. Именно такой взгляд — точка зрения академических умов, как устрицы приросших к отжившим теориям,— всегда препятствовал развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!». Однажды я уже предлагал этим самозваным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри — дата его смерти. На других конвертах я помещу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой группе людей, если верить актуариям «Смешанного», каждые одну-две

недели кто-нибудь да умирает. Таким вот способом они смогут очень быстро выяснить, лжец Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

— Ну так как же?

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

— Вы принимаете?

— Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

— Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

— Мы принимаем, ваша честь.

— Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом.

Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в стране утвердилось представление, что если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общему благу. Эта странная доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

Бидуэлл недовольно проворчал:

— Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрисконсульта. Вот уже

десять недель, как вы проиграли дело, этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были возвращены с тех пор, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

— Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны принимать никаких новых заявлений клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Не можем ли мы подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

— Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо факту? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены.— Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой. — Убирайтесь отсюда, все вы. Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс опасливо откашлялся:

— Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

— О'кей, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро обежал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом торопливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, если не считать быстрых, словно звериных глаз.

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

— О чем?

— Садись, потолкуем.

* * *

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета.

— Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней перекличке?

Открытое лицо юноши выразило легкое замешательство.

— Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем — то есть Бетти ждет — ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

— Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба или только молодой человек?

— Мы оба хотим,— ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

— Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои, приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

— Сначала миссис Хартли, пожалуйста, будьте добры, разденьтесь там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгновение появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута. Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

— Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь становитесь на этот помост. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под накидку, и шкалы ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

— Эд, вы прикасались к ней?

— Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

— Приготовьтесь, Эд.

— Ну что там у Бетти, доктор?

— Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

— Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

— Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

— Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко посидеть со мной?

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

— Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровенно стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

— Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать завтра.

— Завтра? Но завтра на это не будет времени.

— У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.

— Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?

— Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.

— И вас невозможно переубедить?

— Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор приблизился к окну. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на мостовой, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и повернули. Но машина была уже рядом. Когда она, провизжав тормозами, замерла на месте,— то, что извлекли из-под нее, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая скорее беспорядочную груду тряпья.

— Отмените все оставшиеся на сегодня посещения... Нет... Ни одного... Меня это не интересует; отмените их.

Потом он опустился в кресло. И еще долго после наступления темноты продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

— Мадонна! Non entrate! Хозяин обедает!

— Пустяки, Анджела. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

— У вас ко мне дело, не так ли?

— Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашим проклятым колдовством!

— И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький юркий человечек.

— Мы можем начать,— председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик.— Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

Служитель коснулся его руки:

— Доктор Берд, вас к телефону.

— Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

— Алло... Да. Говорите... Что? Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?.. Мертв! Как?.. Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

— Что случилось?

— Кто мертв?

Берд поднял руку:

— Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

— Убит?

— Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Члены комитета молча смотрели друг на друга. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

— Достаньте его.

— Что?

— Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежавший в конверте листок, пробежал его глазами.

— Ну? Что там?

— Час тринадцать минут пополудни — сегодня.

Его слушали в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящику. Берд перехватил его руку:

— Что вы хотите сделать?

— Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

— Да, да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося не слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

— Конечно, вы правы...

— Дайте вон ту корзину для бумаг.— Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал полдюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

— Боюсь, я испортил стол.

— Кто заставляет дороги катиться?

Оратор застыл на трибуне, ожидая ответа. Послышались редкие выкрики, рассекающие глухой, настороженный гул собравшихся в зале людей:

— Мы!

— Мы!

— Мы, кто же еще!

— А кто там, в «преисподней», делает всю грязную работу, чтобы добропорядочные чистюли могли спокойно разъезжать наверху?

На этот раз люди откликнулись дружным ревом:

— Мы-ы!..

Не теряя времени зря, оратор подпускал пару. Слова уже не падали одно за другим, а неслись с металлическим скрежетом — бойко, без остановок, словно полотно транспортера. Говоривший навис над толпой, стараясь задержаться взглядом на каждом и одновременно обращаясь ко всем:

— На чем держится бизнес? На дорогах! Что подвозит людям жратву? Дороги! Как они едут на работу? Их везут дороги! А как добираются домой к своим женам? Опять же — по дорогам!

© С. Логинов, А. Етоев, перевод

Он выждал эффекта ради и, понизив голос, продолжил:

— Где они все окажутся, если вы, парни, перестанете двигать дороги? В заднице, вот где, и они это прекрасно знают! Знают, но что это в них меняет? Да ничего! Неужели мы просим у них слишком много? Или наши просьбы необоснованны? «Право увольняться по собственному желанию». У каждого работника в любом другом месте оно есть. «Равная зарплата с инженерами». А почему бы и нет? Кто здесь настоящие профессионалы — мы или они? Неужели обязательно надо отбарабанить свое в кадетах, нарядившись в их дурацкие шапочки, чтобы выучиться протирать подшипники или опускать барабаны? Кто по-настоящему отрабатывает свой хлеб — джентльмен в конторе или парень в «преисподней»? Какие еще у нас требования? «Право самим выбирать инженеров». Да, мы хотим этого! Кто сумеет лучше подобрать инженеров — техники или тупая экзаменационная комиссия, которая даже носа в «преисподнюю» не совала и не может отличить подшипника от катушки электромагнита?

Он, словно прирожденный актер, сменил темп и еще больше понизил голос.

— Я говорю вам, братья, пора кончать с бессмысленными петициями в Транспортную комиссию и начинать бороться по-настоящему. Пусть слабаки болтают о демократии — в наших руках сила, и мы как раз те самые люди, с которыми им придется считаться!

Пока он так разглагольствовал, в конце зала поднялся человек.

— Брат Председатель,— он дождался очередной паузы и произнес, растягивая слова: — Можно мне пару слов?

— Конечно, брат Харви. Говори.

— Я вот что хочу спросить: для чего вы затеяли весь этот балаган? У нас самая большая почасовая оплата во всей гильдии механиков, у нас полная страховка и пенсия, безопасные условия труда, если не считать шума, из-за которого мы все можем оглохнуть,— Харви демонстративно сдвинул на затылок звукозащитный шлем. Одет Харви был в робу, видно пришел сюда прямо с дежурства.— Конечно,— продолжал он,— нам приходится предупреждать об уходе за девяносто дней, но, какого, спрашивается, хрена, мы же знали об этом, когда поступали на работу. Дороги должны

катиться, они не могут тормозить всякий раз, когда какому-нибудь бездельнику надоела его работа. А теперь Соупи...

Стук молотка резко его оборвал.

— Простите,— поправился Харви,— я хотел сказать — *брат* Соупи расписывает, какие мы сильные и каким способом нам следует брать за глотку остальной мир. Крысы! Разумеется, мы можем остановить дороги и превратить страну в сумасшедший дом, но на это способен любой псих с банкой нитроглицерина, и ему при этом вовсе не обязательно быть техником. Думаете, мы с вами одни квакаем в этом болоте? Да, наша работа важна, но где бы мы оказались без фермеров и сталеваров, без дюжин других профессий и ремесел? Да в той же самой заднице, вот где.

Его прервал невысокий, болезненного вида человек с выпирающими, словно у крысы, верхними зубами.

— Минуточку, брат Председатель,— сказал он.— Я хотел бы задать вопрос брату Харви.

Он повернулся и ехидно спросил:

— Ты говоришь от имени гильдии или как? Может быть, ты и вовсе не веришь в гильдию? Ты, случаем, не...— он приостановился, скользнув взглядом по долговязой фигуре Харви,— не шпион, а?..

Харви глянул на него так, как смотрят на таракана, плавающего в тарелке с супом.

— Сайкс,— произнес он,— не будь ты таким коротышкой, я вбил бы твои вставные зубы тебе же в глотку. Я помогал создавать нашу гильдию, я бастовал в шестьдесят шестом. А ты где тогда был? Со штрейкбрейхерами?

Ударил молоток Председателя.

— Прекратите,— потребовал он.— Никто из знающих историю гильдии не сомневается в лояльности брата Харви. Продолжаем в обычном порядке,— он прокашлялся.— Обычно мы не даем слова посторонним. Большинство из вас терпеть не может инженеров, которые с вами работают, но есть среди них один, которого всем нам приятно видеть, когда ему случается бывать у нас по делам. Думаю, это оттого, что он не боится испачкать руки в машинном масле, у него та же грязь под ногтями, что и у нас. Во всяком случае, имею честь представить вам мистера Шорти Ван Клика!..

Выкрик из зала прервал его:

— Брата Ван Клика!

— Отлично, брата Ван Клика, заместителя Главного инженера нашего родтауна.

— Благодарю, брат Председатель,— представленный оратор проворно взобрался на трибуну, раздаривая собранию улыбки. Его прямо-таки распирало от внимания к своей персоне.

— Спасибо, братья. Разумеется, наш Председатель прав: здесь, в зале гильдии сектора Сакраменто, или в любом другом помещении гильдии я чувствую себя куда уютнее, чем в клубе инженеров. Во всяком случае, здесь нет сопливых кадетов, воображающих себя инженерами. Кто знает, если бы я окончил один из престижных технических институтов, возможно, я считал бы иначе, но свою точку зрения я вынашивал там, внизу, в «преисподней». А теперь я хочу сказать о ваших требованиях, которые Транспортная комиссия вам же и швырнула в лицо. Вы позволите мне быть откровенным?

— Говори, Шорти!

— Можешь нам доверять!

— Возможно, мне не стоило бы об этом и говорить, но ваши интересы — это мои интересы, и молчать я не могу. Дороги сейчас — самое главное, а вы — те люди, которые их заставляют катиться. И разве не справедливо бы было, если бы ваше мнение выслушали, а просьбы удовлетворили. Думается, политики достаточно умный народ, чтобы понимать это. Иногда, просыпаясь ночью, я ловлю себя на мысли, а почему бы нам, техникам, не взять это дело полностью в свои руки и...

— Мистер Гейнс, звонит ваша жена.

— Хорошо,— он взял трубку и повернулся к видеоэкрану.

— Да, дорогая, я помню, что обещал, но... Ты абсолютно права, дорогая, но из Вашингтона просили показать мистеру Блекинсопу все, что он пожелает. А я никак не думал, что он прибывает сегодня... Нет, я не могу поручить заместителю. Это было бы невежливо. Он министр транспорта Австралии, и принимать его должен я сам. Я говорил тебе... Да, дорогая, я знаю, что вежливость начинается дома, но ты же понимаешь — дороги должны

катиться. Это моя работа, и ты знала, за кого выходила замуж... Да, это тоже часть моей работы... Вот, славная девочка. Мы обязательно поедем куда-нибудь завтра с утра. Давай сделаем так: ты закажи лошадей, завтраки, и мы устроим пикник. Я встречу тебя в Бейкерсфилде, как обычно... До свидания, дорогая. Поцелуй за меня малыша перед сном.

Он положил трубку на пульт, и хорошенькое, хоть и недовольное разговором лицо жены исчезло с экрана.

В кабинет вошла молодая дама. На внешней стороне двери, пока женщина ее открывала, на табличке мелькнула надпись:

РОДТАУН ДИЕГО-РЕНО
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Усталым взглядом Гейнс посмотрел на вошедшую.

— А, это вы. Хотите добрый совет, Долорес? Никогда не выходите замуж за инженера. Выходите за художников, они чаще бывают дома.

— Хорошо, мистер Гейнс. Мистер Блекинсоп уже здесь, мистер Гейнс.

— Уже? Я не ждал его так скоро. Видимо, корабль из Австралии приземлился раньше времени.

— Да, мистер Гейнс.

— Долорес, вы когда-нибудь испытывали эмоции?

— Да, мистер Гейнс.

— Хм-м... по вам не скажешь. Ну ладно, придется поверить, вы же никогда не ошибаетесь. Пригласите мистера Блекинсопа.

— Хорошо, мистер Гейнс.

Ларри Гейнс поднялся, приветствуя гостя.

«Не больно представительный малый»,— подумал он, протягивая вошедшему руку и обмениваясь принятыми в таких случаях любезностями. Сложенный зонтик и котелок настолько соответствовали невзрачной внешности посетителя, что выглядели слишком уж нарочито. Впрочем, отлично поставленное оксфордское произношение маскировало его гнусавый говорок австралийца, который нет-нет да и прорывался порой наружу.

— Рад видеть вас, мистер Блекинсоп. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным.

Блекинсоп улыбнулся.

— Уверен, что так и будет. Это мой первый визит в вашу замечательную страну. И знаете, я чувствую себя здесь как дома: эвкалипты, коричневые сопки...

— Но наверно, цель вашей поездки не только в этом?

— О, разумеется! Моя основная задача — изучить дорожные города — родтауны и доложить моему правительству, имеет ли смысл применять ваш опыт для решения наших социальных проблем. Поэтому меня к вам и направили.

— Понятно... Не знаю только, что именно вы бы хотели посмотреть. Полагаю, вы уже наслышаны о родтаунах, как они начинались, как действуют и так далее?

— Да, конечно, кое-что я читал, но я же не инженер, мистер Гейнс. Я политолог. Мне было бы интереснее посмотреть, как все это сказывается на людях. Давайте так — вы будете мне рассказывать о дорогах, как будто я вообще о них ничего не слышал. А я буду задавать вопросы.

— Согласен, предложение дельное. Кстати, вы здесь один или с вами кто-нибудь еще?

— Нет, я один. Секретаря я отослал в Вашингтон.

— Понятно,— Гейнс взглянул на часы.— Скоро ужин. Я предлагаю пройти на Стоктонскую полосу. Там скоро будет проезжать неплохой китайский ресторанчик — очень даже рекомендую. Перекусим — это займет час, не больше,— а заодно вы посмотрите как действуют наши дороги.

— Отлично.

Гейнс нажал клавишу, и на большом экране у противоположной стены появился плечистый молодой человек, сидящий за полукруглым пультом. Вверху светилась контрольная панель. Во рту у него застряла дымящаяся сигарета.

Он поднял взгляд, улыбнулся и помахал рукой.

— Мое почтение, шеф. Чем могу служить?

— Привет, Дейв. Значит, ты сегодня дежуришь? Слушай, я убегаю ужинать в сектор Стоктона. Где Ван Клик?

— Ушел на какое-то собрание. Куда не сказал.

— Происшествия были?

— Нет, сэр. Дороги катятся, население топает к домашнему очагу.

— О'кей. Так держать.

— Есть так держать, шеф.

Гейнс отключил связь и повернулся у Блекинсопу.

— Ван Клик — мой первый заместитель. Последнее время он слишком увлекся политикой, вместо того чтобы почаще бывать на дорогах. Впрочем, Дэвидсон и без него справится. Идем?

Они спустились по эскалатору и вышли на пешеходную дорожку, которая ограничивала полосу, бегущую на север со скоростью пять миль в час. Обогнув вход в туннель с указателем «ПРОХОД НА ЮЖНУЮ ДОРОГУ», они остановились у края первой полосы.

— Вам приходилось кататься на транспортере? — поинтересовался Гейнс.— Это очень просто. Шагайте на полосу лицом навстречу движению.

Переходя с ленты на ленту, они начали пробираться сквозь толчею спешащих людей. Посреди двадцатимильной полосы им попалась прозрачная перегородка, почти достигающая крыши. Блекинсоп вопросительно вскинул брови.

— Это ветроломы,— ответил на молчаливый вопрос Гейнс и откатил в сторону дверь, приглашая своего спутника пройти дальше.— Если бы у нас не было способа разделения воздушных потоков у полос с различными скоростями, то на стомильной полосе ветер изорвал бы вам всю одежду.

Во время разговора Гейнсу постоянно приходилось наклоняться к Блекинсопу, чтобы перекричать свист ветра, шум толпы и приглушенный рокот машин, скрытых под полосой внизу. По мере приближения к середине дороги сочетание этих шумов делало разговор невозможным.

Они миновали еще три ветролома, расположенных на сорока, шестидесяти и восьмидесятимильных полосах, и наконец добрались до самой быстрой, стомильной полосы, которая пробегала от Сан-Диего до Рено и обратно за двенадцать часов.

Блекинсоп увидел, что оказался на пешеходной дорожке шириной двадцать футов. С другой стороны дороги высилось ограждение, вдоль которого, словно лавки на средневековом мосту, стояли легкие домики. Как раз напротив в окне одного из них призывно загорелась реклама:

«БИФШТЕКСЫ ДЖЕЙКА»

филиал № 4
Самая быстрая еда на самой быстрой дороге!
Обед в полете, а мили — в пролете!

— Потрясающе,— сказал Блекинсоп.— Это, должно быть, напоминает обед в трамвае. Там что, действительно хороший ресторан?

— Один из лучших. Конечно, не экстра-класс, но знатоки его уважают.

— В таком случае, может быть...

Гейнс улыбнулся.

— Насколько я понимаю, сэр, вы хотели бы туда заглянуть?

— Право, я не хотел мешать вашим планам.

— Не беспокойтесь. Я голоден как волк, а до Стоктона еще час езды.

Гейнс приветствовал хозяйку, словно знал ее много лет:

— О, миссис Маккой, привет. Как мы поживаем?

— Неужто сам шеф пожаловал? Давненько же мы вас у себя не видали.

Она проводила их в небольшой кабинет, отделенный перегородкой от прочих перекусывающих пассажиров.

— Вы и ваш друг желают поужинать?

— Конечно, миссис Маккой. И во всем полагаемся на ваш вкус, но непременно хотим попробовать ваши замечательные бифштексы.

— Двухдюймовые, из молодого бычка, который умер счастливым,— она ушла выполнять заказ, с удивительной легкостью неся свое грузное тело.

Маккой часто принимала в своем заведении главного инженера и поэтому первым делом принесла и поставила перед ним на столик переносной телефон. Гейнс подключил телефон к розетке на стене кабинета и сразу же набрал номер.

— Алло! Дэвидсон? Дейв, это я, шеф. Я ужинаю в четвертой столовке Джейка. Звони мне по 10-Л-66.

Когда он положил трубку, Блекинсоп вежливо поинтересовался:

— Вы всегда должны сообщать диспетчеру, где находитесь?

— Нет, что вы,— ответил Гейнс,— но, знаете, как-то спокойней, когда бываешь в курсе всех дел. Мне или Ван Клику всегда желательно находиться неподалеку от телефона, чтобы старший сменный инженер — сейчас это Дэвидсон — в случае необходимости знал, где нас найти. Сами понимаете, если возникнет чрезвычайная ситуация, я обязан знать об этом в первую очередь.

— А что может вызвать чрезвычайную ситуацию?

— Главная опасность — обесточивание роторных барабанов, это остановит дорогу и оставит миллионы людей в сотнях миль от дома. Если такое произойдет в час пик, нам придется эвакуировать всех этих людей с дороги, что не так просто сделать.

— Вы сказали — миллионы людей. Неужели их здесь так много?

— Конечно. От дороги, на которой мы сейчас едем, зависят двенадцать миллионов человек, живущих или работающих в пятимильной полосе вдоль всего её протяжения.

С появление дешевой энергии человечество вступило в новую эпоху, которую можно было назвать не только эпохой энергии, но и эрой транспорта. Два события особо выделяются в этот период: получение дешевой солнечной энергии и пуск первой механической дороги.

Несмотря на вспыхивающие от случая к случаю кампании за экономию энергетических ресурсов, уголь и нефть в США были позорным образом сожжены еще в первой половине двадцатого века. Главная заслуга в этом деле бесспорно принадлежала автомобилю. Меньше чем за полстолетия скромная, одноцилиндровая безлошадная карета превратилась в стального монстра мощностью в сотню лошадиных сил и скоростью, превышающей сто миль в час. Даже в провинции автомобили кишели словно дрожжи в закваске. Только по данным 1955 года один автомобиль приходился на каждых двух человек.

Собственно говоря, такое засилье автомобилей и стало причиной их гибели. Восемьдесят миллионов стальных колесниц,

несущихся на огромной скорости и управляемых далекими от совершенства людьми, принесли разрушений и жертв больше, нежели война. В том же 1955 году суммы выплаченные владельцами автомобилей в качестве компенсации за нанесенный ущерб, превысили суммы, затраченные на покупку автомобилей. Кампании за безопасность движения стали хроническим явлением, но при этом они явно напоминали благочестивые попытки королевской рати собрать Шалтая-Болтая. В сутолоке городов автомобиль делается особенно опасен. В ходу были мрачные шуточки вроде: пешеходы делятся на два класса — мертвые и быстроногие. А еще пешехода определяли как водителя, которому посчастливилось отыскать стоянку для своей машины.

Таким образом, автомобили обусловили быстрый рост городов, а затем сами же их и задушили своим громадным количеством. Еще в 1900 году Герберт Уэллс заметил, что предельные размеры города находятся в прямой зависимости от скорости и пропускной способности транспортных магистралей. Казалось бы, скорость автомобилей позволяет городам вырастать до двухсот миль в диаметре, но постоянные транспортные пробки и растущая опасность, исходящая от мощных, плохо управляемых машин, перечеркнули эту возможность.

В 1955 году «главная улица Америки» — шоссе № 66, Лос-Анджелес — Чикаго, была переоборудована в суперхайвей с нижним пределом скорости шестьдесят миль в час. Строительство дороги планировалось как госзаказ, она должна была поддержать развитие тяжелой промышленности, однако ее появление имело неожиданные последствия. Большие города, Чикаго и Сент-Луис, выпустили навстречу друг другу что-то наподобие псевдоподий и слились, встретившись возле Блумингтона, штат Иллинойс. Вдоль магистрали выросла застроенная полоса, а население городов-родителей стало меньше.

В этом же году произошла замена устаревших фуникулеров на эскалаторы, действующие от солнечных экранов Дугласа-Мартина.

Хотя за 1955 год американцы приобрели рекордное число автомобилей, закат автомобильной эры был уже не за горами. Первым и грозным предупреждением об этом стал Закон о государственной обороне, принятый в 1957 году. Этот закон, с таким

трудом прошедший через Конгресс, объявил нефть стратегическим сырьем. Вооруженные силы получили приоритетное право на все наземные и подземные запасы нефти, а восемьдесят миллионов автомобилей оказались на голодном пайке. Возьмем скоростные автострады того времени, урбанизированные вдоль всей своей длины. Добавим к ним механизированные улицы сан-францисских холмов. Нагреем до кипения грозящей нехваткой бензина и приправим полученную смесь изобретательностью янки. В результате получим первую механическую дорогу, которая была открыта в 1960 году между Цинциннати и Кливлендом.

Как и следовало ожидать, она была довольно примитивна. Ее основой послужили рудные транспортеры, самая быстрая полоса имела скорость тридцать миль в час и была довольно узкой, так что никто и не помышлял заниматься на ней мелкой торговлей. Тем не менее эта лента оказалась прототипом сложнейшей социальной структуры, которой предстояло доминировать на американском континенте в последующие десятилетия. Сельская и городская культуры слились, объединенные быстрым, дешевым и удобным транспортом.

Фабрики — широкие, низкие здания, с крышами, покрытыми солнечными экранами того же типа, что двигали полосы,— тянулись по обеим сторонам дороги. Тут же находились отели, магазины, театры, жилые дома. А если пройти еще несколько шагов, то окажешься за городом, где и проживала основная часть населения. Небольшие коттеджи расположились среди холмов, по берегам рек, тут и там виднелись между сельскими фермами. Люди работали в городе, а жить предпочитали в деревнях, которые находились друг от друга в десяти минутах ходьбы.

Миссис Маккой сама обслуживала шефа и его гостя. Появление знаменитых бифштексов вмиг оборвало разговор.

Ресторан «Бифштексы Джейка» плавно катился вперед. Вдоль всей протянувшейся на шестьсот миль линии дежурные инженеры секторов каждый час выслушивали доклады техников, следящих за своими подсекторами.

«Подсектор 1 — проверен», «подсектор... проверен». Тензометрические данные напряжения, нагрузки, температуры под-

шипников... показания сихнротахометров... «Подсектор 7 — проверен!» Все техники, как один,— выносливые толковые люди в робах, проводящие большую часть жизни в «преисподней» среди вечного шума стомильной полосы, резкого визга вращающихся роторных барабанов и жалоб передаточных роликов.

Дежурный инженер Дэвидсон рассматривал схему дороги, светящуюся на стене центрального поста управления сектора Фресно. Миниатюрная стомильная полоса на схеме едва заметно двигалась, и Дэвидсон машинально отметил место, где располагался четвертый ресторан Джейка. Шеф скоро доберется до Стоктона, надо будет позвонить ему после проверки. На трассе все спокойно, транспортная нагрузка нормальная для часа пик. Когда все вот так идет своим чередом, дежурный в центральной диспетчерской может спокойно вздремнуть, и никто этого не заметит.

Дэвидсон повернулся к кадет-инженеру:

— Мистер Барнс.

— Да, сэр.

— Как насчет чашки кофе?

— Неплохая идея, сэр. Я закажу, как только поступят все рапорта.

Минутная стрелка хронометра на панели управления подошла к двенадцати. Кадет щелкнул тумблером.

— Всем секторам доложить о ходе работ! — произнес он ломающимся от волнения голосом.

На экране появились лица двух дежурных по сектору. Тот, что помладше, тоже изо всех сил стараясь скрыть смущение, отрапортовал:

— Диего-Кольцевая — катится!

Почти мгновенно их сменили двое других:

— Сектор Анджелес — катится!

Еще через секунду:

— Сектор Бейкерсфилд — катится!

И:

— Сектор Фресно — катится!

Последней отчиталась Рено-Кольцевая. Кадет повернулся к Дэвидсону и доложил:

— Дороги катятся!

— Очень хорошо — так держать!

Неожиданно видеоэкран осветился вновь.

— Сектор Сакраменто — дополнительный рапорт.

— Слушаю.

— Кадет Гюнтер — дежурный кадет-инженер сектора во время инспекционной проверки обнаружил, что кадет Алек Джинс и техник второго класса Р. Дж. Росс играли на посту в карты. Как долго они отлынивали от патрулирования — в точности неизвестно.

— Повреждения есть?

— Один барабан перегрелся, но остался синхронизирован. Его немедленно опустили и заменили другим.

— Очень хорошо. Прикажите бухгалтерии рассчитать Росса и передайте его дело гражданским властям. Кадета Джинса — под арест и доставить ко мне.

— Слушаю, сэр.

— Так держать!

Дэвидсон повернулся к пульту управления и набрал номер «Бифштексов Джейка».

— Мистер Гейнс, вы говорили, что обесточивание большого участка дороги — главная причина, которая может вызвать чрезвычайную ситуацию. Значит, есть еще и другие причины?

Гейнс собрал с тарелки остатки салата и только тогда ответил:

— На самом деле никаких других причин нет и быть не может, но мы стараемся предусмотреть любые, даже самые невероятные события. Вот например: мы сейчас едем со скоростью сто миль в час. Можете представить, что будет, если полоса под нами неожиданно разорвется?

. Мистер Блекинсоп беспокойно заерзал на стуле.

— М-да, наверно, это было бы неприятно. Я хочу сказать, что, сидя в этом уютном кабинете, я как-то совсем забыл, с какой скоростью мы несемся. Ну, так что бы тогда произошло?

— Не волнуйтесь. Лента разорваться не может. Она собрана из перекрывающихся секций и имеет двенадцатикратный запас прочности. Чтобы она порвалась, должны заглохнуть сразу несколько миль роторов и разом отказать все предохранители на

оставшейся части дороги. Не исключено, что тогда возникнет достаточное для разрыва напряжение. В свое время нечто подобное было на дороге Филадельфия — Джерси-Сити. Вряд ли мы когда-нибудь забудем об этом. Авария произошла на одной из первых скоростных дорог. По ней перевозилось огромное количество пассажиров и грузов — она обслуживала большой индустриальный район. Лента дороги была довольно примитивной, немногим сложнее, чем обычный конвейерный транспортер. Когда ее строили, никто не предполагал, какие нагрузки ей придется выдерживать. Катастрофа случилась при максимуме нагрузки, когда лента была переполнена людьми. Часть ленты, оказавшаяся позади разрыва, вспучилась на несколько миль. Она двигалась со скоростью восемьдесят миль в час, размазывая пассажиров о крышу. Часть ленты в месте перед разрывом рванулась вперед и щелкнула, словно кнут, сбросив людей на соседние полосы, швырнув их вниз на вращающиеся барабаны или ударив о крышу. Погибших было больше трех тысяч, и по всей стране вспыхнуло движение за запрещение дорог. По приказу президента их даже остановили на неделю, но потом пустили опять. Просто не было выбора.

— Но почему?

— Страна стала экономически зависимой от дорог. К тому времени они превратились в основное средство сообщения между индустриальными районами, во всяком случае — единственное средство, которое можно было принимать всерьез. Фабрики встали, продовольствие не подвозилось, людям начал грозить голод,— президент был просто вынужден пустить дороги опять. Другого выхода не было, социальная модель вылилась в определенную форму, которую стало уже невозможно изменить никаким распоряжением сверху. Крупное индустриальное общество должно иметь и соответствующий транспорт, и даже не столько для людей, сколько для нужд торговли.

Мистер Блекинсоп зачем-то скомкал салфетку и неуверенно произнес:

— Мистер Гейнс, я не собираюсь умалять изобретательность и достижения вашего великого народа, но вспомните поговорку — нельзя укладывать слишком много яиц в одну корзину. По-моему,

это слишком рискованно — ставить экономику всей страны в зависимость от механизмов какого-то одного типа.

— Я вас понимаю,— спокойно ответил Гейнс.— Правда в ваших словах есть, но далеко не вся правда. Любая цивилизация, поднявшаяся выше натурального крестьянского хозяйства, зависит от одного, ключевого типа машин. Старый Юг держался на хлопкоочистительных машинах. Британская империя возникла благодаря паровым двигателям. Большие народы, если они хотят выжить, должны иметь развитое производство, источники энергии и транспорт. Если бы не техника, наша цивилизация никогда бы не встала на ноги. Это не вина техники — это ее сила.

Разумеется, когда техника достигает высокого уровня, люди от нее начинают зависеть. Техника обеспечивает высокий уровень жизни, а нам приходится поддерживать ее работоспособность или страдать от последствий, ежели она вдруг откажет. Как видите, подлинный риск не в технике, а в людях, которые управляют машинами. Дороги, если рассматривать их только как механизмы, в полном порядке. Они мощны и безопасны, легко выдерживают любую нагрузку. Нет, угроза таится не в машинах, а в людях. Когда цивилизация начинает зависеть от техники, она становится заложницей тех людей, что обслуживают механизмы. Если у них сильно развито чувство ответственности, а мораль их высока...

За стеной кто-то на полную мощность включил радио. Взрыв музыки заглушил голос Гейнса. Когда звук немного убавили, Гейнс сказал:

— Кстати. Вот прекрасная иллюстрация к тому, что я говорил.

Блекинсоп прислушался. По радио передавали марш с навязчивым, затягивающим ритмом и в современной аранжировке. Оркестр подражал шуму моторов, ритмичному стуку работающих машин. На лице австралийца появилась улыбка — он узнал мотив.

— Это же гимн полевой артиллерии «Сбор канониров», правильно? Но я не вижу связи с тем, что вы рассказывали.

— Сейчас увидите. Это действительно музыка артиллерийского марша, но мы дали ей другие слова. Теперь это называется «Гимн кадетов-дорожников». Вот, послушайте.

Навязчивый ритм марша, казалось, слился в одно целое с шумом дороги. Затем вступил мужской хор:

Слушай дороги гуд,
Смотри, как они бегут!
Наш бесконечен труд, вечен пот,
Ибо наши дороги идут вперед!
Покуда вы мчите,
Покуда скользите,
Мы снизу следим за главным событьем:
Как наши дороги идут вперед!

Ну-ка быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!
ТАК ПУСТЬ ОНИ КАТЯТСЯ!
Это ваши дороги идут вперед!

— Вы слышите? — оживленно воскликнул Гейнс.— Слышите?.. Вот в чем подлинное назначение Академии транспорта США. Вот почему транспортники — полувоенная специальность со строгой армейской дисциплиной. Мы — узкое место, *sine qua non*, непременное условие существования индустрии и всей экономической жизни. В любых других отраслях возможны забастовки, но они вызовут лишь временные и локальные трудности. Время от времени могут случаться неурожаи — страна переживет их довольно легко. Но если замрут дороги — остановится все. Результат будет такой же, как при всеобщей забастовке, но с одним важным отличием: всеобщую забастовку должно поддерживать большинство работников, которых надо как следует поприжать, чтобы они решились на такой шаг. А вот людей, двигающих дороги,— хоть и немного, но они способны вызвать полный паралич всей страны. Пока у нас была всего одна дорожная забастовка — в

шестьдесят шестом. Причины ее были действительно серьезные, она выявила множество злоупотреблений. Но повториться она не должна!

— А что, по-вашему, мистер Гейнс, может служить порукой, чтобы такое больше не повторилось?

— Гордость работников — *esprit de corps*. Техникам дорожной службы постоянно внушается мысль, что они не просто трудятся, а выполняют священный долг. Кроме того, мы делаем все возможное, чтобы улучшить их социальное положение. Еще больше внимания мы уделяем Академии. Мы хотели бы выпускать не просто инженеров, а преданных делу людей, людей с железной самодисциплиной и желанием выполнять свой долг всегда, при любых обстоятельствах и не смотря ни на что. У нас есть прекрасные образцы для подражания: Аннаполис, Вестпойнт, Годдард.

— Годдард? Ах да, Ракетная Академия. Ну и каковы же ваши успехи?

— Возможно, они могли быть и лучше, но мы стараемся. Не так это просто — создать традицию, для этого требуется время. Вот когда выпускник Академии, поступивший в нее мальчишкой, превратится в самого старого дорожного инженера, тогда можно будет немного расслабиться и считать, что главная задача выполнена.

— Вы сами, конечно, тоже кончали Академию?

Гейнс улыбнулся.

— Вы мне льстите. Неужели я кажусь таким молодым? Меня перевели сюда из армии. Видите ли, во время забастовки «шестьдесят шестого» министерство обороны целых три месяца обслуживало дороги. Я был в составе согласительной комиссии, она урегулировала условия труда, решала вопрос о повышении зарплаты и все остальное. Ну а после меня приписали...

Сигнальная лампочка на переносном телефоне замигала красным.

— Извините,— сказал Гейнс и поднял трубку.— Да?

Блекинсоп мог слышать голос на другом конце провода:

— Шеф, это Дэвидсон. Дороги катятся!

— Отлично. Так держать!

— Поступил еще один тревожный рапорт из Сакраменто.

— Опять? Что там на этот раз?

Но прежде чем Дейв успел ответить, связь оборвалась. Гейнс начал набирать номер, и в этот момент чашка с недопитым кофе опрокинулась на колени. В ровное жужжание дороги вплелась незнакомая тревожная нота, Блекинсопа качнуло на край стола.

— Что случилось, мистер Гейнс?

— Непонятно. Аварийная остановка. Не знаю почему.

Несколько раз он нервно набирал номер, потом бросил трубку, не заботясь, чтобы она попала на место.

— Телефоны не работают. Пойдемте! Хотя нет, вам лучше обождать здесь, так безопасней.

— Можно я пойду с вами... Если не возражаете.

— Ладно, но не отходите от меня далеко.

Он выбежал из ресторана, не заботясь о том, поспевает ли за ним австралийский министр.

Полоса медленно останавливала свой бег. Гигантские роторные барабаны и мириады роликов все еще двигались по инерции, предотвращая резкую остановку; она оказалась бы гибельной для всех, кто находился на полосе. У выхода из ресторана уже начинала собираться толпа пассажиров, которые оставили ужин, чтобы узнать, что же произошло.

— Тихо!

В голосе человека, привыкшего к повиновению окружающих, есть что-то, заставляющее ему уступать. Возможно, это особая интонация или та гипнотическая сила, которой, как говорят, отличаются укротители диких зверей. В критическую минуту таинственное «нечто» проявляется и подчиняет даже тех, кто не привык уступать ни в чем.

Пассажиры замерли. Гейнс продолжал:

— Всем оставаться на местах, пока мы не подготовим эвакуацию. Я — Главный инженер. Здесь вам ничто не угрожает. Вот вы,— он указал на здоровенного парня, стоящего в дверях,— назначаетесь старшим. Проследите, чтобы больше никто не выходил из ресторана. Миссис Маккой, продолжайте обслуживание.

Гейнс вышел наружу, Блекинсоп тащился за ним.

На самой полосе ситуация выглядела далеко не так просто. Стомильная полоса стояла, в то время как рядом с ней бешено мчалась другая, делавшая девяносто пять миль в час. Скорость не

позволяла рассмотреть людей, стоявших на движущейся полосе, и их мелькающие фигуры казались вырезанными из картона.

Когда произошла остановка, пешеходная дорожка стомильной полосы была переполнена. Вдобавок на нее высыпала куча народу из магазинов, закусочных и прочих доходных мест, это не считая посетителей комнат отдыха и видеозалов. Все они сгрудились на дорожке, желая узнать, что же произошло. Вот тут-то и случилась беда.

Толпа, напирая, вытолкнула на край дорожки какую-то женщину. Пытаясь удержать равновесие, та ступила на летящую мимо девяностопятимильную полосу. Еще не опустив ногу полностью, она поняла, что сделала, и в отчаянии закричала. Спустя мгновение движущаяся полоса рванула ее, закружила волчком, придав упавшему телу скорость сто тридцать девять футов в секунду. Падая, женщина повалила несколько картонных фигурок, скосив их как серп траву, и через секунду пропала с глаз, унесенная потоком дороги. Кто была эта женщина, жива ли, сильно ли пострадали сбитые ею люди — можно было только гадать.

Но этим дело не кончилось. Одну из картонных фигурок, тех, что она скосила, выбросило на стомильную полосу, она врезалась в шарахнувшуюся толпу, и люди увидели человека, живого, но искалеченного, всего в крови, лежащего среди тех, которые своими телами задержали его дикий полет.

Но это было еще только начало. Несчастье распространялось лавиной, каждая сбитая кегля в этой безумной игре неминуемо сбивала другие, те касались опасной границы, и их снова швыряло в толпу людей, пока еще сохраняющих равновесие.

Центр бедствия давно скрылся из глаз. Блекинсоп не видел всего, но его ум, привыкший вести дела в пересчете на миллионы людей, умножил кровавую лавину, что зародилась здесь, на двенадцать тысяч миль забитой людьми дороги — и у него похолодело внутри.

К удивлению Блекинсопа, Гейнс не стал помогать упавшим и успокаивать охваченную страхом толпу, он решительно повернул к ресторану. Блекинсоп сначала не понял, но когда до него дошло, что они и вправду возвращаются в ресторан, он схватил Гейнса за руку.

— Вы что, не останетесь им помочь?

Гейнс на ходу оглянулся. Это уже не был прежний радушный хозяин, принимающий высокого гостя. Лицо застыло, исчезла мальчишеская моложавость, весь он был сплошная энергия, управляемая холодной волей.

— Нет. Им помогут соседи. Мне надо заниматься дорогой. Всей. Целиком. Не мешайте.

Возмущенный политик стих. Он смирился. Разумом Блекинсоп понимал, что Главный инженер прав — человек, отвечающий за жизнь миллионов, не может все бросить ради нескольких пострадавших, но такой неприкрытый прагматизм был ему отвратителен.

Гейнс вернулся в ресторан.

— Миссис Маккой, где тут у вас запасной выход?

— На кухне, сэр.

Гейнс поспешил туда, Блекинсоп за ним. Мальчишка-филиппинец, который резал салат, увидев бегущих людей, быстро отскочил в сторону. Не долго думая, Гейнс взобрался на кухонный стол, смахнув с него разложенную мальчишкой зелень. Он дотянулся до круглого люка в потолке и открыл его с помощью ручного штурвала. Тут же был откидной металлический трап, закрепленный крючком на потолке.

Пытаясь поспеть за Гейнсом, Блекинсоп потерял шляпу. Оказавшись на крыше здания, Гейнс зажег карманный фонарик и принялся изучать верхнее перекрытие дороги. Согнувшись чуть ли не вдвое, он возился в тесном четырехфутовом промежутке между крышей ресторана и перекрытием.

Вскоре он нашел, что искал. В пятидесяти футах в стороне оказался другой лаз, похожий на тот, через который они только что пролезали. Гейнс крутанул колесо замка, выпрямился, положив руки на край отверстия, и одним ловким движением запрыгнул на крышу. Его компаньон полез следом за ним, хотя у него это получилось не сразу.

Они оказались в темноте, мелкий холодный дождь падал сверху на лица. Под ногами, от горизонта до горизонта тянулись, слабо фосфоресцируя, солнечные энергетические экраны. Та часть падающей на них лучистой энергии, которую не удавалось

преобразовать в электричество, рассеивалась в воздухе. Она-то и создавала это призрачное свечение. Свет этот был так слаб, что по-настоящему ничего осветить не мог, он больше напоминал ровное сияние снега, искрящегося на равнине под звездами.

Ступая в этом призрачном свете, они отыскали проход, по которому им предстояло добраться до невидимой из-за дождя стены, отделяющей дорогу от расположенных по соседству зданий. Узкая лента мостков таяла в темноте за плавным изгибом крыши. Они побежали по мосткам, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяла темнота. Блекинсоп все никак не мог успокоиться, возмущенный бездушием Гейнса. Несмотря на аналитический ум, по натуре он был человек чувствительный, он чувствовал свою сопричастность простому люду, а без этого никакой политик со всеми его достоинствами и недостатками не может рассчитывать на успех. Вот потому-то Блекинсоп инстинктивно не доверял тем, чьими поступками управляет исключительно логика. Сам он отлично понимал, что если держаться одной лишь логики, то можно запросто зачеркнуть сам смысл существования рода человеческого, не говоря уже о каких-то там человеческих ценностях.

Побудь он в шкуре того, кто был рядом с ним, вот тогда он наверное бы успокоился. Глядя со стороны, и вправду можно было подумать, что в голове у Гейнса работает электронное устройство, которое мгновенно анализирует информацию, вырабатывает варианты действий, но, совершенно лишенное чувств, откладывает оценку ситуации до тех пор, пока не будут получены все необходимые данные.

На самом деле, в глубине он сильно переживал, и лишь привычка сдерживать свои чувства, не давала им выходить наружу. Душа его мучалась от тех бесконечных упреков, которыми он сам себя осыпал. Видя страдания людей, он места себе не находил, представляя, что творится сейчас вдоль всей полосы дороги. Гейнс не знал, чем вызвана катастрофа и где искать виноватых, зато очень хорошо понимал, что прежде всего виноват сам,— он начальник, а начальник отвечает за действия своих подчиненных.

Он слишком долго был лидером, слишком долго взваливал на себя ответственность, от которой любой нормальный человек

на его месте давно бы уже свихнулся. И, казалось, теперь он приблизился к той роковой черте, перейдя которую капитану ничего другого не остается, как идти на дно вместе со своим кораблем. И только необходимость немедленных и конкретных действий поддерживала его в эти минуты.

Но на его лице не было и следа бушевавшей в глубине бури.

На стене здания зеленым пунктиром светились стрелки, указывающие влево. Над ними возле узкой двери горел указатель: «ПРОХОД ВНИЗ». Гейнс и следом за ним задыхающийся Блекинсоп поспешили туда. Они спустились по узкой лестнице, освещенной одинокой люминесцентной лампой, и оказались на переполненной шумной толпой неподвижной пешеходной дорожке, примыкающей к северной магистрали.

Рядом с лестницей, чуть правее, стояла телефонная будка. Сквозь стеклянную дверь был виден солидный, прилично одетый господин, увлеченно говоривший что-то своей не менее представительной собеседнице, чье изображение виднелось на экране. Еще три человека дожидались своей очереди. Гейнс протолкался к будке, рывком распахнул дверь, ухватил за плечи изумленного и возмущенного человека и выпихнул его вон. Одним движением он убрал с экрана матрону — та даже слова не успела сказать — и нажал аварийную кнопку.

Он набрал свой личный код, и на экране возникла осунувшаяся физиономия дежурного инженера Дэвидсона.

— Докладывайте!

— Это вы, шеф! Слава богу! Где вы? — воскликнул Дэвидсон с облегчением.

— Докладывайте!

Старший дежурный офицер овладел собой и принялся излагать суть дела:

— В девятнадцать ноль девять натяжение двадцатой полосы сектора Сакраменто неожиданно начало расти. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, оно вышло за критический уровень.

Сработала блокировка. Подача энергии на полосу прекратилась. Причина аварии неизвестна. Связи с постом управления Сакраменто — нет. Они не отвечают ни по запасному, ни по коммерческому каналу. Попытки наладить связь продолжаются.

Послан курьер из подсектора десять сектора Стоктон. По нашим данным — жертв на линии нет. Пассажирам по трансляционной сети рекомендовано держаться подальше от девятнадцатой полосы. Принимаются меры по эвакуации людей.

— Жертвы есть,— вставил Гейнс.— Срочно вызывайте полицию и скорую помощь.

— Слушаюсь, сэр! — Дэвидсон повернулся, чтобы отдать распоряжение, но дежурный кадет уже принялся его выполнять.— Надо ли останавливать действующую часть дороги, сэр?

— Не надо. Думаю, что жертв больше не будет. Продолжайте предупреждать людей об опасности. Если мы остановим движение остальных полос, то получим такую пробку, что сам черт ее не пробьет.

Принимая такое решение, Гейнс исходил из того, что остановить полосу легко, а вот разогнать ее снова можно только предварительно разгрузив. Роторы не такие мощные, чтобы сдвинуть с места ленту, переполненную людьми и грузами. После остановки дороги пришлось бы сначала эвакуировать со всех полос пассажиров, затем, исправив положение на двадцатой, опять запустить дорогу и лишь после этого решать проблему с образовавшейся пробкой.

А тем временем, пять с лишним миллионов людей, застрявших вдали от дома, задали бы серьезную задачу полиции. Гораздо проще и безопаснее было эвакуировать людей с двадцатой полосы по крыше, чтобы они могли добраться до дома с помощью оставшихся полос.

— Сообщите мэру и губернатору, что я принимаю чрезвычайные полномочия,— распорядился Гейнс.— Поставьте в известность начальника полиции, пусть выполняет ваши распоряжения. Прикажите коменданту вооружить всех имеющихся под рукой кадетов — чтобы в случае необходимости они были готовы. Выполняйте!

— Есть, сэр! Надо ли вызвать свободных от дежурства техников?

— Нет. Это не авария. Посмотрите на ваши данные — целый сектор остановился одновременно. Не иначе как кто-то вручную отключил роторы. Впрочем, нет, техников соберите тоже, но не

вооружайте и в «преисподнюю» посылать не надо. Весь наличный состав кадетов-старшекурсников направьте в десятый подсектор Стоктона в мое распоряжение. Вооружите их пистолетами и усыпляющими гранатами.

— Слушаюсь, сэр!

К плечу Дэвидсона склонился клерк и что-то прошептал ему на ухо.

— Сэр,— сказал Дэвидсон,— с вами хочет переговорить губернатор.

— У меня нет времени. У вас, кстати, тоже. Кто ваш заместитель? Вы за ним посылали?

— Хаббард. Он уже здесь.

— Вот пусть он и разбирается с губернатором, мэром, газетчиками, с кем угодно, хоть с Белым Домом. А вы занимайтесь дежурством. Все, я отключаюсь. Выйду на связь, когда разыщу патрульную машину.

Экран не успел погаснуть, когда Гейнс был уже на улице.

Блекинсоп, не решаясь заговорить, поспешил за ним на северную двадцатимильную полосу. Там Гейнс остановился у ветролома, повернулся и начал присматриваться к стене, мимо которой они двигались. Заметив какой-то неведомый его спутнику знак, он словно фигуристка, исполняющая на льду пробежку, метнулся обратно на неподвижный тротуар. Все произошло так быстро, что Блекинсоп отстал от него на несколько сотен футов и уже подумал, что не догонит, когда Гейнс нырнул в какую-то дверь и побежал по лестнице вниз.

Они оказались в «преисподней». Впереди открывался неширокий проход между работающими машинами. Грохот со страшной силой надавил на барабанные перепонки и отозвался в каждой клеточке тела. Блекинсоп, ошалев от шума, смутно воспринимал окружающее. Прямо перед ним находился один из роторов, приводящих в движение пятимильную полосу: его огромный барабан медленно вращался вокруг статора, на который он был надет, словно на ось. Верхняя часть барабана прижималась к ползущей над головами ленте дороги, передавая ей свое движение. Справа и слева, на сколько хватало глаз, крутились другие роторы. Промежутки между работающими роторами тесно, словно

сигары в коробке, заполняли ряды роликов. Ролики служили постоянной опорой движущейся ленте. Сами они опирались на арки, собранные из стальных балок; сквозь их переплетение Блекинсоп с каким-то внутренним трепетом рассматривал ряды роторов — каждый следующий ряд вращался быстрее предыдущего.

Неподалеку от узкого тротуара, на котором они стояли, за металлическими колоннами проходила мощеная насыпная дорога; с тротуаром дорога соединялась пандусом. Гейнс, не скрывая своего раздражения, всматривался в обе стороны образованного дорогой туннеля. Блекинсоп спросил было, что он там ищет, но обнаружил, что не слышит и собственного голоса. Невозможно было перекричать лязг тысячи роторов и визг сотен тысяч роликов.

Гейнс по движению губ понял вопрос Блекинсопа. Соорудив из ладоней рупор, он прокричал Блекинсопу на ухо:

— Нет машины! Здесь должна быть машина!

Австралиец, желая помочь и не зная, как это сделать, схватил Гейнса за руку и показал куда-то назад, в джунгли механизмов. Гейнс взглянул в том направлении и увидел группу людей, которых не замечал раньше.

В нескольких полосах от них шестеро человек суетились у одного из барабанов. Опустив барабан так, чтобы он больше не соприкасался с дорогой, они собирались полностью его заменить. Замена лежала рядом на низкой массивной тележке.

Главный инженер отблагодарил Блекинсопа улыбкой и направил фонарь на группу работающих людей, сфокусировав луч в тонкую яркую иглу света. Один из техников поднял голову; Гейнс ему просигналил. Человек отделился от остальных и бегом направился к ним.

Подбежавший механик оказался худощавым молодым человеком, одетым в робу. На голове у него были наушники и нелепая шапочка с золотой кокардой и знаками отличия. Кадет узнал главного инженера и козырнул. За внимательным выражением его лица чувствовалось с трудом скрываемое напряжение.

Гейнс сунул фонарь в карман и принялся быстро жестикулировать, объясняясь с помощью языка, похожего на язык глухонемых. Блекинсоп покопался в своих дилетантских знаниях и решил, что больше всего это напоминает язык жестов американских

индейцев, сдобренный элементами мимического языка гавайских аборигенов. Разумеется, так только казалось, поскольку язык был приспособлен для технических нужд и состоял почти нацело из специальных терминов.

Кадет ответил на том же языке, подошел к краю тротуара и направил луч своего фонаря на юг. Световое пятно выхватило из темноты машину; она была еще далеко, но приближалась с огромной скоростью. Затормозив, машина остановилась около них. Это был небольшой экипаж, внешне напоминающий яйцо, поставленное на два колеса. Передняя часть откинулась вверх, и показался водитель — тоже кадет. Гейнс несколькими жестами объяснился с ним, затем протолкнул Блекинсопа в тесный пассажирский отсек и сам втиснулся следом.

Прозрачный колпак еще не успел стать на место, когда их ударил шквал ветра от пронесшихся мимо машин. Из трех австралиец успел разглядеть лишь последнюю. Они мчались на север со скоростью не меньше двухсот миль в час. Блекинсопу показалось, что за стеклом последней машины мелькнули маленькие кадетские шапочки, впрочем, полной уверенности у него не было.

Спросить Блекинсоп так и не успел — водитель дал старт. Гейнс, не обращая внимания на перегрузки, вызывал по встроенному телефону Дэвидсона. В закрытой машине стало достаточно тихо, чтобы можно было говорить. На экране появилось лицо телефонистки релейной станции.

— Соедините меня со старшим дежурным офицером!

— О, мистер Гейнс! С вами хочет говорить мэр, мистер Гейнс!

— Пошлите его к черту и дайте Дэвидсона! Скорее!

— Хорошо, сэр.

— И еще: держите этот канал соединенным с пультом Дэвидсона, пока я не прикажу отключить.

— Хорошо,— телефонистка исчезла с экрана, уступив место дежурному офицеру.

— Это вы, шеф? У нас пока никаких новостей.

— Ладно. Ты можешь связываться со мной по этому каналу или через центр управления десятым подсектором. У меня — все.

Лицо Дэвидсона вновь сменилось лицом телефонистки.

— Звонит ваша жена, мистер Гейнс. Будете говорить?

Гейнс пробормотал что-то не слишком вежливое, потом ответил:

— Да.

На экране появилась миссис Гейнс. Не дожидаясь, когда она начнет говорить, он выпалил на одном дыхании:

— Дорогая, со мной все в порядке, буду дома, когда сумею добраться, я сейчас очень занят.

И быстренько отключил телефон. Экран погас.

Машина резко затормозила и остановилась у лестницы, ведущей в пост управления десятым подсектором. Они вышли наружу. Три больших грузовика стояли на пандусе, а три взвода кадетов, выстроившись в шеренги, нетерпеливо переминались рядом.

Подбежавший к Гейнсу кадет отдал честь.

— Дежурный кадет-инженер Линдсей, сэр. Дежурный инженер просил вас немедленно пройти на пост.

Они вошли в комнату, и дежурный офицер обратился к Гейнсу:

— Шеф, вас вызывает Ван Клик.

— Давайте.

Ван Клик появился на большом экране.

— Привет, Ван,— произнес Гейнс.— Ты где?

— В посту Сакраменто. Теперь слушай...

— В Сакраменто? Отлично! Докладывай.

Ван Клик состроил презрительную гримасу.

— Черта с два я буду тебе докладывать. Никакой тебе я больше не заместитель. Ты теперь мне будешь докладывать.

— Послушай, что ты там мелешь?

— Это ты слушай и не перебивай, тогда поймешь. Тебе конец, Гейнс. Я избран председателем временного комитета управления Новым порядком.

— Ван, у тебя все дома? О каком Новом порядке ты говоришь?

— Узнаешь. Сегодня произошла технократическая революция. Вы ушли, а мы пришли вместо вас. Это мы остановили Двадцатую, чтобы показать вам, что мы многое можем и больше шутить не намерены.

Трактат «Социальные функции: естественное устройство общества» впервые увидел свет в 1930 году. Это сочинение пре-

тендовало на создание научной теории социальных отношений. Его автор — Пол Декер отвергал «устаревшие и пустые» идеи демократии и равенства людей, предлагая взамен систему, в которой люди оценивались функционально, то есть по той роли, которую они играли в экономике. Основное положение этой теории гласит, что каждый человек должен обладать той степенью власти над окружающими, какая внутренне присуща социальным функциям, им исполняемым. Любая другая форма социальной организации глупа, нереальна и противна «естественному» порядку.

То, что все отрасли современной экономики полностью зависимы друг от друга, совершенно ускользнуло от внимания создателя этой замечательной теории. Зато его идеи подкреплялись выводами поверхностной механистической псевдофизиологии, основанной на наблюдениях за иерархией среди домашних птиц, а также на известных павловских опытах по изучению условного рефлекса собак. При этом автора совершенно не интересовало, что люди — не собаки и не цыплята. Старый доктор Павлов полностью отвергал эту теорию, как отвергал все потуги тех, кто слепо и ненаучно пытался обратить в догму его важные, но строго ограниченные эксперименты.

Функционализм получил признание не сразу: во время Великой депрессии все — от водителя грузовика до девицы из гардероба — имели собственные планы «правильного» устройства мира, причем за самый короткий срок, и, самое удивительное, что большинство этих деятелей умудрялись печатать свои «труды». И все-таки, функционализм распространился. Особенно популярен он был среди людей маленьких, которых полно в любом уголке и которым ничего не стоило себя убедить, что именно их труд совершенно необходим миру, а поэтому при «естественном порядке вещей» они стали бы хозяевами положения. А поскольку в мире всегда в избытке действительно необходимых профессий, то очень многие легко поверили в полезность и необходимость функционализма.

Прежде чем дать ответ, Гейнс какое-то время внимательно смотрел на Ван Клика.

— Ван,— медленно сказал он,— неужели ты действительно собираешься начать такую аферу и думаешь, что это сойдет тебе с рук?

Коротышка выпятил грудь.

— Мы ничего не собираемся начинать. Мы *уже* начали. Ты не сможешь запустить Двадцатую, пока я не дам разрешения, и между прочим, если понадобится, я могу остановить всю дорогу.

Только теперь Гейнс с тревогой понял, что его заместитель оказался маниакально тщеславным человеком. Значит, надо держать себя в руках и не раздражать себя понапрасну.

— Конечно, Ван, ты можешь это сделать. Но как быть со всей остальной страной? Ты полагаешь, что Армия США будет спокойно смотреть, как ты управляешь Калифорнией словно собственным королевством?

Ван Клик усмехнулся.

— Я это учел. Только что по радио было передано обращение ко всем дорожным техникам страны. Я рассказал, какие шаги мы предприняли, и призвал их к восстанию, чтобы добиться наконец справедливости. Если остановятся все дороги страны и люди начнут голодать, то, полагаю, президент сначала крепко подумает, прежде чем посылать армию против нас. Да, он, конечно, может послать спецгруппу, чтобы захватить или убить меня. Но я не боюсь смерти, а он не посмеет начать уничтожение техников как класса. Страна не может существовать без нас, значит, ему придется смириться с нами и принять наши условия!

Гейнс чувствовал, что в словах Ван Клика скрывалась горькая правда. Если забастовка дорожных техников станет всеобщей, правительство не сможет подавить ее силой. Такая попытка сродни попытке избавиться от головной боли с помощью гильотины. Хотя, с чего он решил, что возмущение будет всеобщим?

— Почему ты думаешь, что техники всей страны пойдут за тобой?

— А почему нет? Ведь это естественно. Сейчас век машин, реальная власть в руках техников, но они обмануты и не пользуются своей властью, потому что им ловко заморочили головы кучей вчерашних истин. А из всех техников самое главное место занимают дорожные техники. Сегодня они выходят на сцену, и это в порядке вещей! — он отвернулся, покопался в разложенных на столе бумагах и добавил: — Я сказал все, Гейнс. Теперь мне надо позвонить в Белый дом и сообщить президенту о положе-

нии дел. И скажи вашим, чтобы продолжали работу и вели себя смирно, если не хотят нарваться на неприятности.

Экран погас, но Гейнс еще какое-то время сидел неподвижно, осмысливая услышанное. Вот оно что, оказывается. Интересно, чего добьется Ван Клик своим призывом к забастовке? Скорее всего, ничего! Трудно предположить, что техники окажутся способны на подобные действия. С другой стороны, может быть зря он отказался обсуждать этот вопрос с кем-либо, кроме своих сотрудников? Нет, все правильно, если бы он начал тогда говорить с губернатором или газетчиками, разговор бы, наверное, не закончился до сих пор. И все-таки...

Гейнс позвонил Дэвидсону.

— Дейв, в других секторах без происшествий?

— Да, сэр.

— А как на других дорогах?

— Пока сообщений нет.

— Слышал мой разговор с Ван Кликом?

— Да, слышал. Я был на связи.

— Ладно. Пусть Хаббард свяжется с президентом и губернатором и передаст им, что я категорически возражаю против применения военной силы, пока беспорядки ограничиваются одной дорогой. Передай, что я сниму с себя всю ответственность, если они вмешаются прежде, чем я попрошу.

Дэвидсон не мог скрыть сомнения.

— Вы считаете, что это будет правильно, сэр?

— Да! Если мы натравим на Вана и его бунтовщиков армию, мы и вправду рискуем вызвать восстание по всей стране. Кроме того, он успеет разрушить дорогу так, что сам Господь Бог и вся королевская конница не смогут ее собрать. Какова сейчас загрузка дороги?

— Пятьдесят три процента от пиковой.

— Что на Двадцатой?

— Почти всех эвакуировали.

— Хорошо. Надо очистить дорогу как можно скорее. Лучше, если полиция выставит на подходах к дороге посты, чтобы снизить пассажирский поток. Ван может в любой момент остановить полосы, или я сделаю это сам в случае необходимости. Теперь

слушай план действий: я вместе с кадетами иду в «преисподнюю». Мы будем пробиваться на север. Если встретим сопротивление — придется подавлять. Ты подготовь команды обслуживания из дежурных техников. Они должны следовать за нами. Каждый барабан, до которого они доберутся, должен быть переключен на контрольный щит сектора Стоктон. Делать все это придется быстро, отключив блокировку, поэтому пошли сюда побольше мотористов, чтобы они могли вовремя заметить все неисправности. Если наш план сработает, мы выкрадем управление сектором Сакраменто из-под носа у Вана, а после этого пусть он хоть сколько сидит на посту управления Сакраменто, пока не проголодается и не надумает образумиться.

Гейнс выключил связь и повернулся к дежурному инженеру подсектора.

— Эдмундс, дайте мне шлем и пистолет.

— Есть, сэр.

Он выдвинул ящик и протянул шефу пистолет. Пистолет был небольшой, но выглядел достаточно внушительно. Гейнс сунул его за ремень, затем втиснул голову в шлем, но наушники пока оставил открытыми.

Блекинсоп кашлянул, напоминая о себе, и спросил:

— Можно... э-э-э... мне тоже взять шлем?

— Что? — Гейнс не сразу понял, о чем его спрашивают.— Нет, он вам не понадобится. Вы пока оставайтесь здесь, если что, я вас позову.

— Но...— австралийский министр хотел было ему возразить, потом передумал и сдался.

Стоящий у дверей дежурный кадет обратился к Гейнсу:

— Мистер Гейнс, здесь техник, он хочет с вами поговорить. Его зовут Харви.

— Мне некогда.

— Он из Сакраменто, сэр.

— Из Сакраменто? Давайте его сюда!

Харви коротко рассказал Гейнсу, что видел и слышал на митинге в гильдии.

— Мне стало противно, и я ушел, а они еще продолжали трепаться. Я даже вспоминать о них не хотел, пока не остановилась

Двадцатая. А когда я узнал, что в секторе Сакраменто беспорядки, то сразу решил встретиться с вами.

— И давно у них готовилось выступление?

— Думаю, что порядочно. Вы же знаете, как это бывает: маньяки, они везде, хоть несколько, да найдутся, и уж конечно некоторые из них окажутся функционалистами. Но не будешь же отказываться работать с человеком только из-за того, что у него не такие политические взгляды? У нас свободная страна, и я просто не обращал внимания на болтовню функционалистов.

— Пораньше бы вам прийти ко мне, Харви!

Харви угрюмо молчал. Гейнс внимательно посмотрел ему в лицо.

— Не расстраивайтесь, вы были правы. Следить — это моя обязанность, а не ваша. И насчет свободной страны вы верно сказали. Ко мне у вас больше ничего?

— Я... раз все так повернулось, я готов вам помочь... ну хотя бы выявить зачинщиков.

— Спасибо. Тогда пойдете со мной. Мы собираемся в «преисподнюю», попробуем разгрести весь этот бардак.

В этот момент дверь неожиданно распахнулась и в помещение поста вошли двое — техник и кадет, которые несли на руках тело третьего. Они осторожно положили его на пол.

Убитый оказался совсем молодым парнем. Грудь его была залита кровью. Гейнс вопросительно посмотрел на дежурного офицера.

— Кто это?

Эдмундс наклонился над телом и ответил:

— Кадет Хьюджес, связист, его я отправил в Сакраменто, когда оборвалась связь. Мы не знали, что с ним, и следом я послал Мартсона и кадета Дженкинса.

Гейнс что-то буркнул себе под нос и пошел к выходу.

— Идем, Харви.

Настроение ожидавших внизу кадетов было уже другим. Гейнс видел, что вместо юношеского азарта появилась злая готовность драться. Многие переговаривались на языке жестов, кто-то сосредоточенно проверял оружие. Гейнс кинул взгляд на кадетов, потом подозвал старшего. Между ними произошел

быстрый обмен жестами. Кадет козырнул, повернулся к остальным и, подав короткий сигнал, резко махнул рукой. Кадеты один за другим направились в комнату сменного персонала. Гейнс двинулся следом.

Оказавшись в помещении, где не было шума, Гейнс сказал:

— Вы все видели Хьюджеса. Кто из вас хочет свести счеты с той сволочью, которая это сделала?

Трое кадетов отозвались немедленно. Сломав строй, они шагнули вперед.

Гейнс холодно посмотрел на них.

— Хорошо. Вы трое, сдайте оружие и возвращайтесь в казарму. Если кто-то еще думает, что нам предстоит месть или охота,— он может присоединиться к ним.— Гейнс выдержал паузу, потом продолжил: — Сектор Сакраменто захвачен самозванцами. Мы пойдем его отбивать, но надо стараться, чтобы все обошлось без жертв и чтобы не останавливалась дорога. План такой: двигаемся в «преисподней», отбивая один барабан за другим, и переключаем их на Стоктон. Всех, кто вам встретится на пути, захватывайте и обезоруживайте. Но помните, что большинство из них невиновны. Поэтому старайтесь использовать гранаты с усыпляющим газом, стрелять только в крайнем случае. Капитан, разбейте людей на десятки и каждому отделению назначьте командира. Отделение распределяется по «преисподней» цепью, садится на «жуки» и движется на север. Скорость держать пятнадцать миль в час, интервал между цепями — сто ярдов. Передняя цепь окружает замеченных людей, задерживает их и доставляет в транспортную машину, затем, став за последней цепью, вновь продолжает движение. Фургоны, которые доставили вас сюда, используйте для размещения пленных. Водители фургонов должны держаться поблизости от второй цепи. Выделите группу захвата центров управления подсекторами, но ни одного поста не атаковать, пока его подсектор не будет переключен на Стоктон. Особое внимание обратите на обеспечение связи. У меня — все. Вопросы есть?

Гейнс пробежал взглядом по лицам. Не услышав вопросов, он снова повернулся к старшему:

— Отлично, сэр. Выполняйте приказ!

Пока Гейнс ставил задачу, прибыла группа техников. Возглавлявший ее инженер тут же получил от Гейнса распоряжения. Кадеты уже стояли у «жуков» наготове, и кадет-капитан в ожидании смотрел на Гейнса. Тот кивнул, кадет сделал рукой отмашку, и первая партия, оседлав неслышно гудящие «жуки», двинулась вперед.

Гейнс и Харви, оба на «жуках», держались возле кадет-капитана ярдах в двадцати пяти позади первой линии. С тех пор как Главный инженер последний раз ездил на «жуке» — маленькой, нелепого вида машине,— прошло немало времени, и сейчас Гейнс чувствовал себя не слишком уверенно. «Жук» не придает своему седоку внушительности, по размерам и форме он чем-то напоминает кухонную табуретку, гиростабилизированную на одном колесе. Но для патрулирования в тесном лабиринте под дорогой лучшего средства не придумаешь, он может пролезть в любой узкий проход, легко управляется и терпеливо сохраняет устойчивость, ожидая, пока наездник слезет.

Небольшая патрульная машина следовала за Гейнсом. Шныряя среди вращающихся барабанов, она старалась держаться поближе к Главному инженеру, с ее помощью обеспечивалось оперативное взаимодействие со всеми подразделениями. Первые двести ярдов были пройдены без происшествий, затем им попался оставленный неподалеку от роторного барабана «жук». Техник, хозяин «жука», в это время снимал показания с индикаторов контрольно-измерительного пульта и приближения их не заметил. Техника тут же арестовали — он и не думал сопротивляться, хотя и был до крайности возмущен.

Отделение отстало, пропустив на смену вторую цепь. Через три мили насчитывалось уже тридцать семь арестованных, но убитых, по счастью, не было. Двое кадетов получили небольшие ранения, и их отправили в тыл. Из всех пленников только четверо оказались вооружены, Харви узнал среди них одного из зачинщиков беспорядков. Самого себя Харви предложил в качестве парламентера, но пока такой нужды не было.

Гейнсу идея Харви понравилась. Он знал, что техник признанный профсоюзный лидер, и его авторитетом пренебрегать не стоило. Ради успеха надо было идти на все, кроме жертв и пролитой

крови. Через какое-то время первая цепь обнаружила очередного техника. Его скрывал вращающийся барабан, и кадеты почти подошли вплотную, прежде чем на него наткнулись. Он не сопротивлялся, хотя и был вооружен, и происшествие не стоило бы внимания, если бы у техника не обнаружили потайной микрофон. Этот миниатюрный приборчик закреплялся во рту и, поскольку был нечувствителен к посторонним шумам, позволял говорить среди самого ужасного грохота.

Техника уже задержали, когда подоспел Гейнс. Он ухватил резиновый нагубник прибора и так сильно за него дернул, что послышался хруст зубов. Техник сплюнул обломок зуба, свирепо глянул на задержавших его людей, но все попытки заставить его говорить ничего не дали.

Гейнс хоть и действовал быстро, но пленник по переговорному устройству мог успеть предупредить противника об атаке. В этом случае внезапного удара не получалось. По цепи передали приказ продолжать движение, но с большой осторожностью.

Опасения Гейнса вскоре подтвердились — впереди показалась группа людей на «жуках». Не доезжая несколько сотен ярдов, они остановились. Людей в группу входило десятка два, точнее сказать было трудно — большинство из них укрывались за стальными барабанами.

Харви взглянул на Гейнса, тот кивнул и просигналил кадет-капитану остановиться.

Харви выехал вперед, высоко подняв над головой руки. Он вплотную приблизился к замершим на месте бунтовщикам и тоже затормозил. Один из заговорщиков, явно вожак, заговорил с Харви на языке жестов, Харви ему что-то ответил.

Они были чересчур далеко, а желтый свет слишком тускл, чтобы понять, о чем они говорили. Разговор продолжался недолго, затем наступила пауза. Вожак, казалось, был в нерешительности. Тогда из группы вперед выехал человек и, сунув пистолет в кобуру, заговорил с предводителем. В ответ на резкие жесты подъехавшего тот отрицательно помотал головой.

Парень начал опять, но получил тот же ответ. Тогда он в последний раз сделал недовольный короткий жест, потом выхватил пистолет и выстрелил в Харви. Харви согнулся, схватившись за живот. Парень пальнул еще раз. Харви дернулся и съехал на пол.

Капитан выхватил оружие раньше Гейнса. Пуля попала в убийцу, тот подался назад, с удивлением вскинув голову. Казалось, он не может понять, что же такое произошло, хотя куда ему теперь понимать — парень был уже мертв.

Кадеты открыли огонь. Передняя шеренга вдвое уступала числом противнику, но тот был явно сбит с толку. Заговорщики ответили беспорядочным залпом, и сразу сделалось ясно, что кажущееся их преимущество ничего не стоит. После выстрела, сразившего Харви, не прошло и тридцать секунд, а повстанцы были кто перебит, кто ранен или взят в плен.

Потери Гейнса составили двое убитых, считая Харви, и двое раненых.

Теперь Гейнсу пришлось резко сменить тактику. Враг знает о нападении, и значит, главное теперь — это скорость и сила удара.

Вторая цепь двигалась по пятам за первой, почти вплотную. Третья отставала всего на двадцать пять ярдов. Эта группа не обращала внимания на безоружных, оставляя их четвертой цепи, но должна была без предупреждения стрелять в каждого, у кого будет замечен пистолет.

Гейнс просил кадетов, чтобы, когда стреляли, старались ранить, а не убивать, хотя понимал прекрасно, что выполнить это практически невозможно. Будут смерти. Он этого не хотел, но выбора уже нет. Он не мог посылать своих ребят под пули, запретив им стрелять первыми. Любой вооруженный повстанец был потенциальным убийцей, и приказ открывать огонь был более чем справедлив.

Перестроившись, цепи взяли с места с той максимальной скоростью, которую только могли дать «жуки» — около восемнадцати миль в час. Гейнс ехал вместе со всеми.

Объезжая мертвое тело Харви, он невольно посмотрел на него. Натриевая лампа окрашивала лицо в неприятный желтушный цвет, но и на этой неживой маске отпечаталась суровая красота; даже сейчас, в смерти, был виден его сильный характер. Посмотрев в лицо Харви, Гейнс уже не так сильно жалел о своем приказе стрелять. Но тем безжалостней продолжало его мучить другое — сознание, что скажут теперь про него люди.

Некоторое время они двигались, не встречая сопротивления, и Гейнс с надеждой подумал, что кровь больше литься не будет.

Но тут он заметил, что ритмичный грохот машин, проникавший даже через наушники шлема, сделался каким-то другим. Он сдвинул шлем. Грохот машин затихал, роторные барабаны и ролики останавливали свой бег.

Дорога встала.

— Остановите людей! — крикнул он кадет-капитану, и слова его гулким эхом отозвались в неестественной тишине.

Откинулась дверца патрульной машины, и Гейнс поспешил туда.

— Шеф! — позвал из машины связист,— вас — к экрану.

Узнав Гейнса, девушка на экране сразу же уступила место Дэвидсону.

— Шеф,— сказал он,— с вами хочет говорить Ван Клик.

— Кто остановил дорогу?

— Он.

— Какие еще происшествия?

— Никаких. Когда произошла остановка, на дороге уже почти никого не было.

— Хорошо. Давай Ван Клика.

Лицо главаря заговорщиков было злее некуда.

— Ну что?! — с ходу закричал он.— Ты думал, я шутки с тобой шучу? Ну так получай, что хотел! Интересно, как ты теперь запоешь, мистер Главный инженер?

На Гейнса накатило желание выложить вслух все, что он думает о своем заме. Голос этого недоростка действовал на него подобно скрежету ножа по стеклу, но Гейнс не мог позволить себе роскоши говорить прямо. Он заставил себя говорить самым уважительным тоном, стараясь не выдавать чувств и успокоить болезненное тщеславие собеседника.

— С чего ты взял, Ван, будто я тебя плохо ценю? Я слишком давно тебя знаю, чтобы все принимать за шутку. Я знаю, что ты говорил совершенно серьезно и признаю, что в этом тайме победил ты. Дорога стоит, и с этим ничего не поделаешь.

Чувствовалось, что Ван Клик доволен покорным видом Гейнса, но пытается скрыть свою радость.

— Тогда какого дьявола ты там суетишься? — он уже не говорил — требовал.— Сдавайся! Ты же сам знаешь, что победы вам не видать.

— Возможно, это и так, Ван, но, видишь ли, я не могу сдаться без боя. Кстати, с чего ты взял, что мое дело проиграно? На моей стороне вся армия США.

На лице Ван Клика появилась гордая улыбка победителя.

— Видишь вот это? — он показал грушевидный блок управления и длинный шнур, который отходил от него.— Стоит мне нажать кнопку, и взрыв перерубит дорогу пополам. Слышишь? Все полетит к черту! А перед уходом я возьму топор и напоследок разнесу на этой станции все, что можно.

Единственное, о чем Гейнс сейчас сожалел — что плохо разбирается в психиатрии. Чтобы переиграть Ван Клика, надеяться оставалось только на собственный здравый смысл.

— На это трудно что-нибудь возразить, Ван,— согласился он,— и все-таки я не вижу причины, почему бы мне не попробовать поискать выход еще.

— Не видишь причины? Так раскрой глаза! Если ты начнешь пробовать, я взорву дорогу тебе назло, вот и подумай, что станет тогда с людьми, которые будут на ней?

Гейнс судорожно искал решение. Он ничуть не сомневался, что Ван Клик выполнит свою угрозу. Неестественное возбуждение, с которым тот говорил, какая-то детская обидчивость, даже мальчишеское словцо «назло» — выдавали опасный крен во всем его поведении. Разрыв дороги в густонаселенном секторе Сакраменто скорее всего разрушит несколько крупных домов, и при этом наверняка погибнут владельцы и служащие стоящих на полосе магазинов и просто случайные люди, которые окажутся рядом.

Ван прав, абсолютно прав. Он не может понапрасну рисковать жизнью людей, и понятия не имеющих о происходящем; люди не хотят умирать, заработает дорога или не заработает. Если уж откровенно, проблема сейчас не в том, какой ущерб понесет дорога. Его выбила из колеи угроза, нависшая над ничего не подозревающими людьми. В голове его звучала мелодия: Слушай дороги гуд, смотри, как они бегут! Наш бесконечен труд... Что делать? Что ему делать? «Покуда вы мчите, покуда скользите...» Выхода нет, нет никакого выхода...

Он повернулся к экрану.

— Слушай, Ван, ты ведь не станешь взрывать дорогу, если тебя не вынудят. Я уверен, ты не хочешь, чтобы дорога погибла. И я не хочу. Два джентльмена всегда найдут способ договориться.

— Что ты еще задумал? — подозрительно поинтересовался Ван Клик.

— Да ничего я не задумывал. Я приеду один, без оружия, буду скоро, как только позволит машина.

— А твои люди?

— Пока я не вернусь, они останутся здесь. Не веришь — можешь выставить наблюдателей.

Где-то с секунду Ван Клик мялся с ответом, с одной стороны, раздираемый страхом угодить ненароком в капкан, с другой — желанием видеть, как бывший шеф приползет к нему на коленях умолять об условиях сдачи. Наконец с недовольным видом он согласился.

Гейнс дал инструкции Дэвидсону и рассказал ему, что он собирается делать.

— Дейв, если через час я не вернусь, действуй по своему усмотрению.

— Будьте осторожны, шеф.

— Постараюсь.

Гейнс отослал водителя патрульной машины, вывел ее на насыпную дорогу, развернулся на север и дал газ. Несмотря на двести миль в час, с которыми мчалась машина, первый раз у него появилась возможность собраться с мыслями.

Положим, его план удастся, но и в этом случае после победы многое придется менять. В первую очередь надо сделать выводы из двух тяжелых уроков; мысли о них крепко сидели в мозгу словно вонзившиеся занозы. Первое, что придется сделать — это установить на полосах перекрестную блокировку, чтобы в случае резкого расхождения скоростей, примыкающие ленты ускорялись бы или тормозили. То, что произошло на Двадцатой, не должно повториться.

Но с этим просто, это задача техническая. Главная проблема не в этом, главное — подбор кадров. Разумеется, отборочные тесты должны быть улучшены, они должны гарантировать, что на транс-

порте будут работать только сознательные, понимающие свою ответственность люди. Но черт побери, ведь считалось, что именно это и гарантируют нынешние тесты. Улучшенный метод Хамма—Уодсворта—Бертона еще ни разу не приводил к ошибкам. Во всяком случае, до сегодняшних событий в секторе Сакраменто. Непонятно, как Ван Клику удалось склонить к мятежу такое количество проверенных на тестах людей? Это просто немыслимо!

Без серьезной причины хорошо подобранный коллектив не выйдет из равновесия. Поведение одного человека еще может не поддаваться прогнозам, но когда их большое количество, они надежны словно числа или машины. Они подчиняются законам статистики, их действия можно измерить, проверить, классифицировать.

Гейнс представил себе отдел кадров, шкафы с картотеками, клерков... Наконец-то! Он понял! Ван Клик как первый заместитель Главного инженера был *офицером по кадрам* целой дороги!

Вот он — ответ, который объяснял все. Кому как не офицеру по кадрам дана в руки замечательная возможность собрать весь мусор в одну корзину. Только он может это сделать, причем — один, без помощников. Теперь Гейнс был твердо убежден, что Ван Клик намеренно переводил подходящих ему людей в один сектор, подделывая их личные дела. Должно быть, надувательство с тестами классификации темперамента тянулось не один год.

Вот он самый главный урок: необходимы более жесткие тесты для офицеров. Классификацию и назначение персонала на должности нельзя доверять ни одному офицеру, если за ним не ведется самого тщательного контроля. Даже его, Гейнса, необходимо проверять в этом отношении. Вот только... *Qui custodiet ipsos custodes?* Кто будет сторожить самих сторожей? Латынь, конечно, вещь устаревшая, и все-таки древние римляне отнюдь не были дураками.

Теперь он знал, в чем была ошибка, и это доставляло ему мрачное удовлетворение. Надзор и контроль, проверка и перепроверка — вот ответ на вопрос. Да, будет хлопотно, да, не эффективно, но с этим придется смириться — повышая безопасность, всегда что-нибудь да приносишь в жертву.

Не надо было ему давать столько власти Ван Клику, не изучив его досконально. Но еще не поздно разузнать о нем кое-что!

Он нажал аварийную кнопку, и машина резко остановилась.

— Станция? Соедините меня с моим офисом!

Лицо Долорес смотрело на него с экрана.

— Вы на месте? — сказал он.— Отлично! Я думал, что вы уже дома.

— Я услышала об аварии и сразу вернулась, мистер Гейнс.

— Вы умница. Дайте мне личное дело Ван Клика. Я хочу посмотреть его квалификационную запись.

Она мгновенно вернулась с делом и принялась читать ему записи, большей частью состоящие из символов и процентов. Слушая, Гейнс машинально кивал головой — данные только подтверждали его подозрения: скрытый интроверт, комплекс неполноценности... Все сходится.

— Замечание комиссии,— прочитала она.— Несмотря на потенциальную нестабильность, выявленную максимумом А и Д на результирующей кривой, комиссия убеждена, что этот офицер тем не менее пригоден к работе. У него исключительно хороший послужной список, и он особенно подходит для руководства людьми. Поэтому его рекомендовано оставить на службе с возможностью дальнейшего продвижения.

— Достаточно, Долорес. Спасибо.

— Да, мистер Гейнс.

— Я иду ва-банк. Побольше меня ругайте, Долорес.

— Но, мистер Гейнс...— Там, во Фресно, на Долорес смотрел пустой экран.

— Проведите меня к Ван Клику!

Охранник нехотя убрал пистолет, упиравшийся Гейнсу в ребра, и кивком головы велел ему первым идти наверх. Гейнс вылез из машины и пошел как ему велели.

Ван Клик обосновался не в административном корпусе, а на самом посту управления сектором. Его окружали с полдюжины вооруженных мятежников.

— Добрый вечер, директор Ван Клик.

Услышав, что Гейнс признал его новое звание, коротышка буквально разбух от гордости.

— Мы здесь не очень обращаем внимание на титулы,— сказал он с показным безразличием.— Можешь говорить просто — Ван. Ну что ж, Гейнс, присаживайся.

Гейнс так и сделал. Теперь надо было как-то удалить посторонних. Со скучающим видом он удивленно посмотрел на охрану.

— Ты что, боишься, что сам не справишься с одним безоружным человеком? Или функционалисты уже не доверяют друг другу?

На лице Ван Клика появилось раздраженное выражение, но он ничего не мог поделать против обезоруживающей улыбки Гейнса. Наконец, коротышка взял со стола пистолет и указал парням на дверь.

— Оставьте нас, ребята.

— Но, Ван...

— Пошли вон, я сказал!

Когда они остались одни, Ван Клик подвинул к себе пульт взрывного устройства, который Гейнс до этого видел на экране, и направил на своего бывшего шефа пистолет.

— Смотри у меня,— проговорил он,— попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель — все полетит к чертям. Ну, так что ты хотел мне сказать?

Улыбка на лице Гейнса стала еще шире. Ван Клик нахмурился.

— Что здесь смешного?

— Прежде всего ты сам, Ван,— ответил Гейнс.— Это надо же такое придумать: ты затеял функционалистскую революцию, а единственная функция, до которой ты смог додуматься,— взорвать дорогу, без которой ты вообще окажешься полный нуль. Признайся, чего это ты так боишься?

— Я не боюсь!

— Неужели? Ты сидишь здесь, готовый совершить харакири при помощи своей игрушечной кнопки, и еще говоришь мне, что не боишься? Если бы твои приятели знали, как близок ты к тому, чтобы уничтожить все, за что они столько боролись,— да они тебя тут же бы пристрелили! Ты ведь их тоже боишься, а?

Ван Клик оставил кнопку и встал.

— Я ничего не боюсь! — выкрикнул он и, подбираясь к Гейнсу, начал обходить пульт.

Гейнс сидел на месте и улыбался.

— Я же вижу, как ты боишься! Сейчас ты боишься меня. Боишься, что я вызову тебя на ковер и отчитаю за плохую работу. Ты боишься, что кадет при встрече не отдаст тебе честь. Ты боишься взять за обедом чужую вилку. Ты боишься, когда на тебя смотрят люди, думаешь, что они тебя не заметят.

— Нет! Ты врешь! — во все горло кричал Ван Клик.— Ты... ты грязный заносчивый сноб! Ты думаешь, будто лучше других только из-за того, что закончил престижную школу...— он задохнулся, голос его сорвался в попытке скрыть накатившие от бессильного гнева слезы.— Это все ты, ты и твои кадеты поганые...

Гейнс внимательно за ним наблюдал. Теперь он ясно видел, какой слабый у этого человека характер, и удивлялся, почему не замечал этого раньше. Ведь признаки были явные. Он припомнил, как однажды недоволен был Ван, когда Гейнс предложил помочь ему разобраться в каких-то вычислениях.

Но сейчас надо было сыграть на его слабости, отвлечь внимание Вана от кнопки, полностью направив его на одного Гейнса. Хотя, слишком его провоцировать тоже не следует, иначе неожиданный выстрел может положить конец самому Гейнсу, а заодно и лишить всех последнего шанса избежать кровавой битвы за контроль над дорогой. Гейнс презрительно хмыкнул.

— Ван,— сказал он,— ты ничтожество, ты жалкое насекомое. Сейчас ты себя показал в полном свете. Я вижу тебя насквозь. Ты — третий сорт, Ван, и ты вечно боишься, что тебя разглядят как следуют и пошлют туда, где место таким, как ты. Да какой из тебя директор! Плюнуть и растереть! Если ты лучший из функционалистов, то вас можно просто не замечать, вы сломаетесь сами, потому что прогнили насквозь.

Он повернулся в кресле, демонстративно подставив спину Ван Клику с его пистолетом. Тот приблизился к своему мучителю, остановившись в нескольких футах, и заорал:

— Ты!.. Я тебе покажу!.. Я всажу в тебя пулю, понял, ты?..

Гейнс медленно развернулся, встал и пошел прямо на Вана.

— Убери эту хлопушку, а то еще поранишь себя.

Ван Клик отступил на шаг.

— Не подходи!..— закричал он,— или я тебя пристрелю! Вот увидишь, я...

«Пора»,— решил Гейнс и нырнул ему под руку.

Пистолет грохнул над самым ухом. Что ж, эта пуля была не его. Вцепившись друг в друга, они повалились на пол. Для своего малого роста Ван Клик был довольно крепок. Где же пистолет? Вот! Гейнс схватил выпавший пистолет и быстро вскочил, думая, что Ван Клик тут же бросится на него. Но Ван Клик не поднялся. Он лежал на полу, слезы текли из закрытых глаз, он рыдал, словно наказанный ни за что ребенок.

Секунду Гейнс глядел на него, перебарывая в себе сострадание, потом размахнулся и ударил рукояткой пистолета под ухо. Подошел к двери, прислушался и как следует ее запер. Шнур от кнопки вел к щиту управления. Гейнс проверил соединение и осторожно его разъединил. Закончив эту нехитрую работу, он повернулся к пульту и вызвал Фресно.

— Порядок, Дейв,— сказал он,— атакуйте прямо сейчас, и Бога ради, побыстрее!

И тут же ушел со связи; он не хотел, чтобы подчиненный видел, как его трясет.

Новое утро Гейнс, уже совершенно спокойный, встречал в зале центрального поста управления во Фресно. Дороги катились — вскоре они должны разогнаться до нормы.

Это была долгая ночь. Гейнс потребовал провести тщательную проверку сектора Сакраменто, и туда для этой работы были посланы все свободные от службы инженеры и все кадеты, чтобы дюйм за дюймом проверить каждую из шестисот миль дороги. Посты управления двумя подсекторами, пульты которых были повреждены, пришлось переносить на другие, действующие. Но главное — дороги катились, подошвами, через пол, он ощущал их ритмичный бег.

Гейнс остановился рядом с усталым небритым Дэвидсоном.

— Почему ты не уходишь домой, Дейв? Макферсон уже принял дежурство. Шел бы, выспался, сегодня ты здорово поработал.

— А вы, шеф? Вы тоже не слишком тянете на роль жениха.

— Ничего. Я могу поспать у себя в кабинете. Чуть попозже. Между прочим, свою жену я уже предупредил. Она сама приедет ко мне сюда.

— И как она? Очень была недовольна?

— Да так, самую малость. Ты ведь знаешь, что женщины всегда чем-нибудь недовольны.

Он повернулся к приборному щиту и посмотрел как работают контрольные комплексы, принимающие показания сразу шести секторов. Сан-Диего-Кольцевая, сектор Анджелес, сектор Бейкерсфилд, сектор Фресно, Стоктон... Стоктон? О Боже! Блекинсоп! Он же оставил министра Австралии в конторе Стоктона на всю ночь!

Гейнс бросился к двери, крикнув на ходу Дэвидсону:

— Дэйв! Ради Бога! Срочно закажи мне машину!

Смысл просьбы дошел до Дэвидсона лишь тогда, когда Гейнс пересек зал и был уже у себя в кабинете.

— Долорес! — с порога обратился Гейнс к секретарше.

— Слушаю, мистер Гейнс.

— Позвоните моей жене и передайте, что я еду в Стоктон. Если она уже выехала, пусть ждет меня здесь. И еще, Долорес...

— Да, мистер Гейнс.

— Попробуйте ее как-нибудь успокоить.

Губы ее плотно сжались, но лицо осталось непроницаемым.

— Хорошо, мистер Гейнс.

— Ну вот и умница.

Он вышел из офиса и сбежал по ступенькам вниз. На дороге он огляделся. От вида бегущих полос на душе у него потеплело — наверно, это и было то, что называется счастьем. Большими шагами он двинулся в сторону указателя: «ПРОХОД ВНИЗ». Насвистывая себе под нос, Гейнс открыл дверь, и грохочущий, ревущий ритм «преисподней» словно бы подхватил мелодию, слившись с ней воедино:

Ну-ка быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом тяжелого медно-кадмиевого панциря.

— Какого черта, док?

Они смотрели друг на друга, как два гладиатора, ожидающие только сигнала к бою. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла контрольного зала к ним приблизилась третья фигура в панцире.

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначаетесь вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком,— казалось, что все происходящее его нисколько не касается. Инженер, которого подменил Эриксон, положил гаечный ключ на место.

© Ф. Мендельсон, перевод

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Может быть, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — комплексным атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибка в нужную сторону, ибо в этом деле заскоки недопустимы, потому что любой заскок может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. И это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы — его пригласили для проверки психической реакции персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб — его разум отступал.

Возможно, инженерам-атомщикам это удастся. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они живо представляют себе, какое непостижимо ужасное чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного, что их преследует страх и искушение...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя.

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось отстранить Харпера.

Силард уловил подозрительный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда и белые мыши, вроде вас, тоже взрываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже,— сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения — его сопло, извергающее поток разогнанных до немыслимых скоростей элементарных частиц на бериллиевый стержень в центре самого реактора, исчезало за вторым щитом, расположенным между ускорителем и реактором. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестойкие изотопы — в процессе радиоактивного распада и цепной реакции в свою очередь делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая энергию чудовищную и невообразимую,— это превращение было самым важным и самым рискованным. Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и в свою очередь вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуловимое мгновение, в одну микросекунду, перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было немыслимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

И тем не менее, для того чтобы промышленный атомный реактор работал, реакцию атомного распада необходимо было поддерживать на грани атомного взрыва. Бомбардировка ядер урана нейтронами бериллиевого стержня забирала гораздо больше энергии, чем ее высвобождалось при первичном делении. Поэтому для работы реактора было необходимо, чтобы каждый атом, расщепленный нейтронами бериллиевого стержня, в свою очередь вызывал расщепление других атомов.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно затухала. В противном случае вся масса урана взорвалась бы за такой ничтожно малый промежуток времени, что его невозможно было бы измерить никакими способами. Да и некому было бы измерять.

Инженеры-атомщики контролировали работу реактора с помощью «триггеров»– слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевый стержень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники энергии. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена — вернее, была укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе сейчас, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика. Инженеры походили на птиц, летящих хвостами вперед: они видели путь, который уже пролетели, но никогда не знали, где они находятся в данную секунду и что их ждет впереди. И тем не менее инженер, и только он один, должен был обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не перешла критической точки и не превратилась во взрыв.

А это было невозможно. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог работать с полной отдачей, используя весь свой опыт и глубочайшие технические знания, чтобы свести роль случайности до математически допустимого минимума, однако слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют в царстве элементарных частиц, могли в любой момент обратиться против него и обмануть самые тонкие расчеты.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни. Потому что никто не мог толком предугадать, во что выльется такой взрыв. Наиболее консервативно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но

заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный железнодорожный узел на линии Лос-Анджелес — Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой и было получено разрешение на установку промышленного реактора, основывалась на математических выкладках Комиссии по атомной энергии, предусматривавших, что масса урана дезинтегрируется на молекулярном уровне,— таким образом, процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем не очень-то верили в официальную теорию. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как они того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были подтверждены опытом.

Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих собратьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и неослабевающее чувство ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, интеллигентные, которые могли до конца осознать всю значительность доверенного им дела,— другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для интеллигентных, чутких людей.

Поневоле возникала психологическая неустойчивость. И помешательства становились профессиональным заболеванием.

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитного панциря, непроницаемого для радиации.

— Что произошло? — спросил он Силарда.

— Пришлось отстранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

— Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в панцире, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратноголовые не сходят с ума, а, Густав?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело»– и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психиатры не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, обращаясь к Силарду.— Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор между щитами, окружающими контрольный зал. В раздевалке за последним щитом он вылез из своего похожего на жесткий скафандр панциря, поставил его в нишу и вошел в лифт. Кабина лифта остановилась глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, завинтил герметическую дверцу и откинулся на сиденье, чтобы резкое ускорение подействовало не так сильно.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета генерал-директора, в двадцати милях от реактора.

Собственно промышленный реактор был выстроен в котловине среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное,— располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х» когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых

блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай истерии, но бедняга ничего не мог с собой поделать. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет генерал-директора. Харпер был уже там и ответил на его приветствия с ледяной вежливостью. Генерал-директор, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение исчерпало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Генерал-директор смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

Силард тяжело вздохнул.

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя контрольного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный только для фланцев водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из контрольного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот провидец мог

отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился и только взглянул на приборы.

Генерал-директор вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, что это правда,— проворчал тот упрямо.— Будем считать, что это чистая правда, но это не меняет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки нельзя предсказать заранее, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Генерал-директор Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Послушай, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Кинг помолчал, но и Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти испытания или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он.— Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-нибудь все время стоит у тебя за спиной и ждет, что ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь ученый муж, сам наполовину сумасшедший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

— Ну и распрекрасно! Мне не понадобится смирительная рубашка, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас,— прибавил он.— Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подождите,— сказал он.— Мы еще не кончили. Забудьте об отпуске. Я перевожу вас в лабораторию изотопов. Как-никак вы исследователь, и никто вас от этой работы не освобождал. Если я назначил вас на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов. Что касается психологического контроля,— продолжал он,— то мне он так же неприятен, как и вам. Полагаю, вам неизвестно, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Вы помните Маннинга? Хотя нет, он был здесь до вас. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Маннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в контрольном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психиатра, чтобы мне подсказать. И однажды ночью помощник Маннинга вынужден был его оглушить... Он застал его в тот момент, когда Маннинг разбирал предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Маннинг так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе — в каждой смене два квалифицированных инженера и один психиатр-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф,— задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным.— Все равно, шеф, нам чертовски неприятно.

— Смотри на это проще! — Кинг встал и протянул Харперу руку.— Послушай, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно — я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психиатру:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю,— ответил Силард, потирая щеку.— Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психиатры, кстати, не очень-то хорошо с этим справляются. Мы сами нервничаем рядом с Большой Бомбой, тем более что ничего в ней не понимаем. А ведь именно нам нужно бороться со страхом и нервозностью других. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть какой-то выход! — сказал он твердо.

Силард покачал головой:

— Это выше моих сил, генерал-директор. Как психиатр, я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый главный?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

— Трудно сказать. В нашей области нет такого единственного лучшего в мире психиатра,— мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психиатр, разбирающийся в редких нетравматических и профессиональных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Он связывает теорию оптимального раздражения с искусственным торможением, технику которого Коржибский разработал опытным путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом работал у Коржибского, и это, кажется, единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь он, должно быть, уже староват,— Коржибский-то когда умер?

— Я просто хотел вас сориентировать, поскольку работы Ленца имеют отношение к инженерно-математической психологии.

— Ага, это нам и нужно! Значит, Ленц? Но я никогда не думал о нем как о психиатре!

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения заразительных неврозов, свирепствовавших в сумасшедшие года, а он тогда сделал все, что мог.

— Где он теперь?

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустился в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. Лицо его снова стало уверенным.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф,— попробовал он возразить.— Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это... Ведь он — Ленц!

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится, заставьте на него нажать из Вашингтона. Пусть его вызовет Белый дом. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело!

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он наскоро перекусил на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадиз.

Парадиз, или Рай штата Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: они всемерно старались избавить служащих реактора от их повышенных заработков. В этом

сами служащие охотно шли им навстречу, потому что в каждую получку им выдавали раз в десять больше, чем где бы то ни было. Они никогда не были уверены, что доживут до следующей зарплаты, а потому не откладывали денег на старость. К тому же компания открывала для своих работников солидные счета в банках Манхэттена — так что ж было скряжничать?

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадизе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадиз «Самым Большим Маленьким Городом в Мире». Разобиженные кабатчики Рено отвечали на это, что, поскольку любой город, расположенный по соседству с атомным заводом, неизбежно вызывает представление о смерти, гораздо более подходящим названием для Парадиза было бы «Врата Ада».

Эриксон, не теряя времени, начал обход злачных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадиза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Эриксон не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лансея «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лансей был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а от дам требовал, чтобы они были одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца:

— А ну, сколько?

— Три,— отозвался Харпер.— Садись, Густав.

— Правильно,— одобрил Эриксон, умещая свое долговязое тело в низком кресле.— Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Наверное, Лансей его разводит. А я совсем спекся.

— Нет, Лансей этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдаться? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделать их под орех.

— Я и высказался! — проворчал Харпер.— Э, все это чушь, Густав. Шеф прав. Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он должен его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши милые психиатры от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай найдем кого-нибудь одного и проверим на чувствительность! Я буду его держать, а ты лупи!

— Оставь, Густав! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини,— скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо,— Эриксон поднял свою белокурую голову и заорал: — Израэль!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

— Мистер Эриксон? Слушаю, сэр.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом,— он повернулся к Харперу: — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть одна мысль.

Харпер посмотрел на него с насмешливым удивлением:

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, брат, с Земли нам не вырваться, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Все равно остается огромная масса реактора. Огромная из-за защитных покрытий. А использовать можно будет не более одного процента мощности. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон был невозмутим.

— Я не считаю, что ты предусмотрел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они

построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан, летающий к антиподам, можно было бы отправить на Луну, если бы у них было подходящее горючее. Но его нет. А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам. Потому что они до сих пор зависят от молекулярного топлива, от энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Ракетчики не виноваты: они давно ждут от нас концентрированного ракетного горючего и строят на этом все свои расчеты. А что мы для них сделала? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав,— возразил Харпер.— Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая слишком медленна — энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в межпланетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет.

— По-настоящему мы еще не пытались его найти,— отозвался Эриксон.— Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

— Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы:

— Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться теплоносителем, хотя бы просто водой. Тогда защита сведется к свинцовым или кадмиевым костюмам. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся:

— Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь даже доставить такое горючее на ракету: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке:

— Прошу вас, все готово!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израэль. Он выбрасывал кости в лучшем стиле, раскачивая стаканчик в гибкой кисти и далеко закидывая его назад. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — Лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь,— вздохнул Харпер.— Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Густав?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз это было весьма соблазнительное существо в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Существу было лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скучаем,— терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

— Этот? От него никакого толку! Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку.— Вот, пойди пока выпей. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала.— Спросите Элит, и я приду.

— Ханнинган и в самом деле плох,— согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя.— И последнее время он что-то слишком

самоуверен. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся,— ответил Эриксон.— Здесь уже есть соглядатай. Видишь? — Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Он сидел в дальнем углу бара, вертя в руках высокий бокал, чтобы не бросаться здесь в глаза. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

— Да, ты прав,— пробормотал Харпер.— И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда,— предложил он.— Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лансей.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар.— Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить.— Он широко улыбнулся.

— Нет, Лансей, сегодня никаких даров моря! — объяснил ему Харпер.— Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор в любую минуту может отправить вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

— Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю.— Де Лансей доверительно наклонился к ним.— Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро подработать для моей семьи, пока меня не изгрыз рак желудка. Но в клинике новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

— А что, если он взорвется?

— Господь Бог призовет меня, когда я ему понадоблюсь,— ответил он и быстро перекрестился.

Когда они уже уходили, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли бы так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю,— проворчал он.— Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность невольно поразила генерал-директора: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но перед ним предстал крепко сколоченный, почти толстый мужчина хорошего роста, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие, поросячьи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже круглый, как яблоко, подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна.

Длинный мундштук постоянно торчал из угла его широкого рта, казавшегося еще шире от неизменной улыбки, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. В Ленце определенно был свой смак. Оказалось, что договориться с ним не составляет труда. По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса.

Был только один способ экономически выгодного производства плутония — с помощью высокого напряжения в реакторе с неустойчивой реакцией природного, слегка обогащенного урана. Под воздействием тока в миллион с лишним электронвольт уран-238 начинал расщепляться. При незначительном уменьшении напряжения он превращался в плутоний. Такой реактор сам поддерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой, по сути дела, атомную бомбу. Что может произойти в таком реакторе — этого никто не знал. Он будет вырабатывать большое количество плутония, ну а если он взорвется?

Инженерам-атомщикам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, он даже взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть — и эта возможность оставалась,— что вся многотонная масса урана взорвется одновременно.

— Выход из тупика подсказала дестреевская механика бесконечно малых величин,— продолжал Кинг.— Его уравнения доказывали, что, если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из частиц тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Однако этого, разумеется, больше чем достаточно — такой взрыв опустошит половину штата. Но я лично никогда не был уверен, что дело ограничится только этим.

— Наверное, потому вы и согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

— Да,— сказал он наконец.— Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — не мог! Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если она вас убьет. А что касается этого Дестрея, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

— В том-то и беда! — согласился Кинг.— Его работа блистательна, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же,— признался он с горечью.

Кинг рассказал Ленцу о трудностях работы и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Мы установили дополнительную экранировку, ввели индивидуальные защитные панцири, но это не помогло. Один юноша, который пришел к нам уже после установки экранов, однажды вечером за обедом вдруг сошел с ума: он кричал, что свиной окорок сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он взбесился во время дежурства!

Система постоянного психиатрического контроля намного снизила опасность внезапных помешательств у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: количество неврозов даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц,— закончил он.— И с каждым днем они идут хуже. Вы можете нам помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он.— Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет точных данных, нет фактов. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это возможно? Тогда через несколько дней мы, может быть, сообразим, что делать.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши инженеры не знают, кто я такой. Предположим, для них я ваш старый друг, такой же физик, который приехал вас навестить,— вы не возражаете?

— Конечно, почему бы и нет! Я сам им так скажу.

— Так мы ничего не добьемся, Густав!

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

— Похоже на то,— мрачно согласился Эриксон.— Но, черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и

использовать по мере надобности. И ответ искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. Я уверен!

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

— Только не вешай носа! — сказал Харпер.— Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти. Прежде всего — три серии естественных изотопов уже проверены, так?

— Так. Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

— Прекрасно. Остается предположить, что другие исследователи испробовали все, что зафиксировано в их записях,— иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился бы даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

— Искусственные изотопы.

— Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследования, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь непонятными символами исчисления состояния. Харпер одобрительно кивнул:

— Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

— Ты хотя бы представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

— Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

— Ну, ты слишком скромен! Речь идет о десятках тысяч, не считая будущих изотопов! С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон угрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

— Густав,— сказал он,— похоже, эта работа и тебя доконала.

— С чего ты взял?

— Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда не перепробуем всех комбинаций и в худшем случае только избавим кого-нибудь другого от повторения наших ошибок. Вспомни Эдисона — шестьдесят лет бесконечных опытов по двадцать часов в день, а ведь он так и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эриксон немного стряхнул уныние.

— Наверное, сможем,— согласился он.— Может быть, даже нам удастся придумать какое-нибудь приспособление, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

— Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто правильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все привыкли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг генерал-директора. Ленц сунул свой нос даже в коммерческий отдел предприятия и выслушал подробнейшие объяснения о том, как энергия реактора превращается в электричество с помощью усовершенствованных солнечных батарей. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что психиатры никогда не обращали внимание на прошедших огонь и воду техников отдела превращения энергии. В этом не было нужды: даже явная психическая неуравновешенность этих людей ничем не угрожала реактору, да они и не испытывали убийственного гнета ответственности перед родом человеческим. Здесь шла обычная работа, конечно, опасная для самих техников, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

Так, совершая свой обход, Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл

сам Харпер в защитном шлеме с откинутым забралом,— казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

— В чем дело? — спросил Харпер.— О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

— Собственно, и да и нет,— ответил толстяк.— Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

— Нисколько, заходите. Густав!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера — скорее видоизмененного бетатрона, чем резонансного ускорителя.

— Хэлло! — сказал он.

— Густав, это доктор Ленц. Познакомьтесь — Густав Эриксон.

— Мы уже знакомы,— отозвался Эриксон, стаскивая перчатки, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком».— Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гордостью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психиатр слушал, время от времени вставлял подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому инженеру, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

— Видите ли,— с явным увлечением объяснял Харпер,— мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в реакторе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу Большую Бомбу для производства безопасного, удобного атомного горючего для ракет и вообще для чего угодно.

Он объяснил последовательность экспериментов.

— Понимаю,— вежливо сказал Ленц.— Какой элемент вы изучаете сейчас?

— Дело не в элементе, а в его изотопах,— поправил его Харпер.— Мы уже испытали изотоп-два, и результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и показал Ленцу образец. Потом быстро прошел за щит, ограждающий бетатрон. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с помощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

— Густав, как там у тебя?! — крикнул он.— Можно начинать?

— Пожалуй, начнем,— проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый щит из многослойного металлобетона, который заслонял их от бетатрона.

— Мне тоже надеть защитный панцирь? — спросил Ленц.

— Незачем,— успокоил его Эриксон.— Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих штуковин каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке.

Эриксон посмотрел на Харпера — тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку посреди приборной доски, потом услышал щелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях — ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять немыслимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь — первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эриксон уже поднялся — у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

— Вы ранены? — бессмысленно спросил Ленц.— Что бы это могло?..

— Густав! — заорал Харпер.— Мы нашли, нашли! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

— Пять? — недоуменно переспросил он.— При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

— Ты заложил? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять! Понятно?

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

— Постойте, мальчики,— нерешительно вмешался Ленц.— Может быть, вы оба правы. Густав, вы заложили в камеру изотоп-два?

— Ну конечно! Я был недоволен результатом предыдущего опыта и решил его повторить.

— Джентльмены, значит, во всем виноват я! — радостно признался Ленц.— Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул толстяка по плечу.

— Не извиняйтесь! — воскликнул он, хохоча.— Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Густав? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

— Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался,— заметил психиатр.

— А, пустяки! — отрезал Харпер.— Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это узнаем. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

Несмотря на все настояния Кинга, Ленц все еще отказывался высказать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет генерал-директора и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

— Ну что ж, я очень рад,— сказал он.— Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

— Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? — спросил он.

Кинг мгновенно понял, куда он клонит.

— Если вы думаете о том, чтобы остановить реактор на длительное время, то из этого ничего не выйдет.

— Почему? Если полученные мной сведения правильны, вы вырабатываете не более тринадцати процентов всей энергии, потребляемой страной.

— Да, это верно, но мы обеспечиваем выработку еще тринадцати процентов энергии, поставляя наш плутоний атомным электростанциям, и вы, наверное, не учли, что это значит в общем энергетическом балансе. А наша энергия, которую мы вырабатываем прямо или косвенно, предназначена для самых важных отраслей тяжелой индустрии — стальной, химической, станкостроительной, машиностроительной, обрабатывающей. Лишить их тока — все равно что вырезать у человека сердце.

— Но ведь пищевая промышленность от вас, по существу, не зависит! — настаивал Ленц.

— Нет. Сельское хозяйство... Хотя мы поставляем определенный процент энергии обрабатывающим предприятиям. Я вас понимаю и готов признать, что производство, а также транспорт, то есть распределение пищевых продуктов, могут обойтись без нас. Но подумайте, доктор, что будет, если мы лишим страну атомной энергии. Всеобщая паника! Ведь это же краеугольный камень всей нашей индустрии!

— В нашей стране и раньше бывали всеобщие паники, но мы справились даже с нефтяным кризисом, когда нефть начала иссякать.

— Да, справились, потому что на смену нефти пришла солнечная и атомная энергия. Вы не представляете, что это будет, доктор. Это почище войны. В нашей системе все взаимосвязано. Если вы сразу остановите тяжелую промышленность, все остальное полетит кувырком.

— Не важно. Все равно вы должны остановить реактор!

Кинг невольно взглянул на застекленное реле в стене кабинета. Он, как и каждый дежурный инженер, мог бы укротить реактор. Уран в реакторе находился в расплавленном состоянии при

температуре выше двух тысяч четырехсот градусов по Цельсию, и, чтобы остановить реактор, достаточно было разлить уран по небольшим контейнерам. Масса урана в каждом таком контейнере была недостаточна для поддержания цепной реакции.

— Нет, я не могу этого сделать,— сказал Кинг.— Вернее могу, но реактор недолго будет стоять. Совет директоров просто пришлет другого человека, который меня заменит.

— Да, вы правы.

Некоторое время Ленц молча обдумывал положение, потом сказал:

— Прошу вас, закажите мне место, я хочу вернуться в Чикаго.

— Вы нас покидаете?

— Да.

Ленц вынул изо рта мундштук, и лицо его, впервые утратив благодушное выражение олимпийского божества, стало серьезным, почти трагичным.

— Если нельзя остановить реактор, мне здесь нечего делать. Иного решения проблемы я не вижу, да его и не может быть! Я должен объяснить вам все до конца,— продолжал он.— Вы имеете здесь дело с локально обусловленными неврозами. Грубо говоря, симптомы их проявляются как нервная неустойчивость, или своего рода истерия. Частичное выпадение памяти у вашего секретаря Штейнке — хороший пример этому. Штейнке можно вылечить шоковой терапией, но это вряд ли будет гуманно, поскольку сейчас он избавлен от постоянного напряжения, которого он не смог бы вынести. Другой ваш юнец, этот Харпер, из-за которого вы послали за мной,— пример неустойчивости из-за повышенного чувства ответственности. Как только его избавили от этой ответственности, он моментально стал вполне нормальным человеком. Но вот его друг Эриксон — за ним нужен глаз да глаз... Но главное — это причина всех подобных неврозов, и мы говорим о том, как их устранить, а не о том, в какой форме они выражаются. Так вот, такого рода неврозы возникают всегда, когда обстоятельства сильнее человека, когда он не в силах вынести постоянной тревоги и страха. В конце то концов он так или иначе сходит с ума. А здесь обстоятельства именно таковы. Вы набираете интеллигентных, чутких молодых людей, втолковываете им,

что малейшая их ошибка или даже случайное, неподвластное их контролю изменение в реакторе приведет к гибели бог знает скольких тысяч человек, и после этого хотите, чтобы они не сходили с ума! Это же просто нелогично, немыслимо!

— Ради бога, доктор, неужели нет никакого выхода? — Кинг вскочил и забегал по кабинету.

Ленц с горечью отметил про себя, что сам генерал-директор стоит на грани того самого нервного состояния, о котором они говорили.— Нет,— сказал он медленно.— Выхода нет. Позвольте, я продолжу. Вы не можете доверить управление реактором менее чувствительным, менее ответственным людям. Это все равно что доверяться безмозглому идиоту. А ситуационные неврозы лечатся только двумя способами. В первом случае, когда невроз возникает из-за неправильной оценки ситуации, достаточно помочь больному правильно оценить обстоятельства. Все его страхи исчезают. Для них никогда и не было реальных оснований. Больной просто их вообразил. Во втором случае больной правильно судит об окружающем и справедливо оценивает ситуацию как угрожающую. Его страх вполне нормален и обоснован, но он не может преодолевать его до бесконечности — и сходит с ума. В этом случае единственное лечение — изменение обстановки. Я пробыл у вас достаточно долго, чтобы убедиться: здесь дело обстоит именно так. Вы, инженеры, правильно оцениваете страшную опасность вашей Большой Бомбы, и это сознание неизбежно сведет всех с ума. Единственный выход — остановить реактор.

Кинг продолжал метаться по кабинету, словно стены были клеткой, в которой он был заперт со своей неразрешимой дилеммой.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — воскликнул он, на мгновение остановившись.

— Вылечить — нельзя. Облегчить болезнь, пожалуй, возможно.

— Каким образом?

— Ситуационные психозы возникают из-за недостатка адреналина. Когда человек испытывает нервное напряжение, железы, чтобы ему помочь, усиленно выделяют адреналин. Но если напряжение слишком велико, адреналиновые железы не справляются со своей задачей и человек заболевает. Это и происходит здесь. Адреналиновая терапия может отдалить душевное расстройство всего

организма. С точки зрения общественной безопасности второе, конечно, предпочтительнее, но... тогда у вас скоро не останется физиков.

— И больше вы ничего не можете посоветовать?

— Нет. Пусть ваши психиатры займутся профилактикой. Они у вас люди способные.

Кинг нажал кнопку и коротко приказал что-то Штейнке. Повернувшись снова к Ленцу, он спросил:

— Вы побудете здесь, пока не подадут машину?

Ленц решил, что Кингу это было бы приятно, и согласился.

Внезапно раздался металлический щелчок, и на стол Кинга упал цилиндрик пневматической почты. Вытащив из него белый листок картона, визитную карточку, генерал-директор с удивлением прочитал ее и протянул Ленцу:

— Не могу понять, зачем я ему понадобился. Вы, наверное, не хотите, чтобы он вас здесь видел?

Ленц прочел по карточке: «Томас Р. Харрингтон, доктор математики, капитан ВМС США, директор Морской обсерватории».

— Нет, почему же,— возразил он.— Мы с ним знакомы, и я буду только рад...

Харрингтон был явно чем-то озабочен. Он вздохнул с облегчением, когда Штейнке, пропустив его в кабинет, исчез в соседней комнате, и сразу же заговорил, обращаясь к Ленцу, который сидел ближе к двери:

— Вы мистер Кинг? Постойте, да это же Ленц! Что вы здесь делаете?

— Я здесь по приглашению,— ответил Ленц совершенно правдиво, но не полно, здороваясь с Харрингтоном за руку.— Знакомьтесь: генерал-директор Кинг, капитан Харрингтон.

— Как поживаете, капитан? Рад вас видеть.

— Для меня большая честь познакомиться...

— Садитесь, прошу вас.

— Благодарю.— Харрингтон сел, положив на угол стола свой портфель.— Вы, конечно, хотите знать, зачем я к вам явился вот так, без приглашения?..

— Я счастлив познакомиться..

В действительности все эти церемонии были уже слишком для натянутых нервов Кинга.

— Вы очень любезны, но... Кстати, нельзя ли сделать так, чтобы ваш секретарь, который меня впустил, забыл мое имя? Я понимаю, что это кажется вам странным, но...

— Совсем нет, я ему скажу!

Кинг был заинтригован и решил не отказывать своему выдающемуся коллеге в таком пустяке. Он вызвал Штейнке к видеофону и отдал соответствующее приказание.

Ленц встал, показывая, что уже давно собирается уйти. Уловив взгляд Харрингтона, он пояснил:

— Я полагаю, вы хотите поговорить наедине.

Кинг вопросительно посмотрел на него, потом на Харрингтона, потом опять на Ленца.

— Я лично ничего не имею против,— запротестовал астроном после секундной заминки.— Решайте сами, доктор Кинг! Честно говоря, я буду только рад, если Ленц останется.

— Я не знаю, что вы хотите мне сообщить,— заметил Кинг,— но доктор Ленц здесь тоже по конфиденциальному поручению.

— Очень хорошо! В таком случае все в порядке. Перейду прямо к делу. Доктор Кинг, вы знакомы с механикой бесконечно малых величин?

— Разумеется.

Ленц подмигнул Кингу, но тот предпочел этого не заметить.

— Да, да, конечно. Вы помните шестую теорему и переход от тринадцатого уравнения к четырнадцатому?

— Кажется, помню, но я сейчас взгляну.

Кинг встал и направился к шкафу, но Харрингтон остановил его нетерпеливым жестом:

— Не беспокойтесь! У меня все есть.

Он открыл ключом портфель и извлек потрепанный блокнот с выпадающими листками.

— Вот! А вы, доктор Ленц, знакомы с этими построениями?

Ленц кивнул:

— Я как-то их проглядывал.

— Прекрасно. Итак, я полагаю, что вы со мной согласитесь, что ключ к решению всей проблемы именно здесь, в переходе от

тринадцатого уравнения к четырнадцатому. Этот переход кажется вполне обоснованным и справедлив в определенных условиях. Но что, если мы расширим его значение и проследим всю цепь логического построения для всех возможных состояний материи?

Он перевернул страницу и показал те же два уравнения, разбитые на девять промежуточных. Ткнув пальцем в среднюю группу математических знаков, Харрингтон спросил, тревожно заглядывая собеседникам в глаза:

— Видите? Вы понимаете, что это значит?

Кинг помолчал, шевеля губами, потом ответил:

— Да, кажется, я понимаю... Странно. Да, так оно и есть!

Харрингтон должен был бы обрадоваться, но он только тяжело вздохнул.

— Я надеялся, что хотя бы вы найдете ошибку,— проговорил он, чуть не плача,— но, боюсь, теперь надеяться не на что. Дестрей сделал допущение, действительное для молекулярной физики, однако у нас нет ни малейшей уверенности, что оно действительно для физики атомной. Я полагаю, вы сознаете, что это значит для вас, доктор Кинг...

Голос Кинга превратился в хриплый шепот.

— Да, сознаю,— сказал он.— Да... Это значит, что, если наша Большая Бомба взорвется, она взорвется мгновенно и целиком, а не так, как предполагал Дестрей... И тогда один Бог знает, что здесь, что здесь останется.

Капитан Харрингтон откашлялся.

Но тут заговорил Ленц:

— А что, если мы проверим ваши расчеты и они окажутся непогрешимыми,— что дальше?

Харрингтон всплеснул руками:

— Я для того сюда и приехал, чтобы спросить вас: что будет дальше?

— Дальше ничего,— угрюмо сказал генерал-директор.— Ничего сделать нельзя.

Харрингтон уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Но послушайте! — взорвался он наконец.— Разве вы не понимаете? Ваш реактор необходимо демонтировать, и немедленно!

— Успокойтесь, капитан! — Невозмутимый голос Ленца был словно холодный душ.— И не надо злиться на бедного Кинга — все это волнует его больше, чем вас. Поймите его правильно. Речь идет не о физической проблеме, а о политической и экономической. Скажем так: остановив реактор, Кинг уподобился бы крестьянину, который оставил бы свой дом, виноградник, скот и семью на склонах Везувия и сбежал, потому что когда-нибудь сможет произойти извержение вулкана. Этот реактор не принадлежит Кингу, он всего лишь служащий. Если он остановит реактор против воли владельцев, они просто вышвырнут его за порог и наймут другого, более покладистого. Нет, нам необходимо убедить хозяев.

— Президент мог бы их заставить,— высказал предположение Харрингтон.— Я могу обратиться к президенту...

— Разумеется, можете, по инстанции, через свой департамент. Возможно, вы его даже убедите. Но что он сделает?

— Как — что? Все! Ведь он же президент!

— Подождите! Вот вы, например, директор Морской обсерватории. Представьте, что вы взяли молоток и вознамерились разбить главный телескоп. Что у вас выйдет?

— Да, пожалуй, ничего,— согласился Харрингтон.— Мы с нашего малютки глаз не спускаем. Охрана...

— Так и президент ничего не может решать самостоятельно,— продолжал Ленц.— Допускаю, тут еще мог бы повлиять Конгресс, поскольку Комиссия по атомной энергии от него зависит. Но что вы скажете о приятной перспективе читать нашим конгрессменам курс элементарной механики?

Эту перспективу Харрингтон сразу же отверг, однако не сдался.

— Есть другой путь! — сказал он.— Конгресс зависит от общественного мнения. Нам нужно только убедить народ, что реактор представляет собой смертельную угрозу для всего человечества. А это можно сделать и не прибегая к высшей математике.

— Да, конечно,— согласился Ленц.— Вы можете поднять шум и перепугать всех до полусмерти. Вы можете вызвать такую панику, какой еще не видела даже эта полусумасшедшая страна. Ну уж нет, спасибо!

— Хорошо, но что в таком случае предлагаете вы?

Ленц немного подумал, прежде чем ответить.

— Это почти безнадежно, однако попробуем вколотить в головы директоров компании хоть крупицу здравого смысла.

Кинг, который, несмотря на усталость, внимательно следил за разговором, спросил:

— А как вы это сделаете?

— Не знаю,— признался Ленц.— Мне надо подумать. Но это мне кажется самым верным путем. Если у нас ничего не выйдет, можно вернуться к варианту Харрингтона — к широкой кампании в печати.

Харрингтон взглянул на часы довольно необычной формы и присвистнул:

— Боже правый, я забыл о времени! Официально я сейчас должен быть в Центральной обсерватории.

Кинг невольно заметил время, которое показывали часы Харрингтона.

— Сейчас не может быть так поздно! — возразил он.

Харрингтон удивленно посмотрел на него, потом рассмеялся.

— Конечно, здесь сейчас на два часа меньше! Но мои часы радиосинхронизированы с городскими часами в Вашингтоне, а там другой пояс.

— Вы сказали «радиосинхронизированы»?

— Да. Остроумно, не правда ли? — Харрингтон показал свои часы.— Я называю их телехронометром. Это племянник придумал специально для меня. Голова парень! Он далеко пойдет. Конечно,— лицо его омрачилось, словно эта маленькая интерлюдия только подчеркнула весь ужас нависшей над ним угрозы,— конечно, если кто-нибудь из нас останется в живых!

Вспыхнула сигнальная лампочка, на экране возникло лицо Штейнке. Кинг выслушал его и сказал:

— Машина ждет вас, доктор Ленц.

— Пусть ею воспользуется капитан Харрингтон.

— Значит, вы не улетаете в Чикаго?

— Нет. Ситуация изменилась. Если вы не возражаете, я еще попытаюсь кое-что сделать.

В следующую пятницу, когда Штейнке ввел Ленца в кабинет Кинга, тот встретил гостя чуть ли не с распростертыми объятиями:

— Откуда вы взялись, доктор? Я и не ждал вас раньше чем через час-два.

— Только что прибыл. Чтобы не ждать, я нанял машину.

— Что-нибудь удалось?

— Ничего. Они твердят свое: «Независимые эксперты утверждают, что расчеты Дестрея безупречны, а потому компания не потерпит истерических настроений среди своих служащих».

Кинг забарабанил по столу, уставившись в пространство. Потом он круто повернулся к Ленцу и сказал:

— А вы не считаете, что президент компании прав?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, мы все трое — вы, я и Харрингтон — попросту заработались и свихнулись?

— Исключено.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я нашел других «независимых» экспертов, которые не работают на компанию, и дал им проверить расчеты Харрингтона. Все сходится.

Ленц не стал упоминать о том, что устроил эту проверку отчасти потому, что не был до конца уверен в здравом смысле самого генерал-директора.

Кинг резко наклонился и нажал кнопку.

— Сделаем одну попытку,— объяснил он.— Посмотрим, удастся мне напугать этого болвана Диксона или нет. Штейнке! Соедините меня с мистером Диксоном.

— Слушаюсь, сэр.

Минуты через две экран видеофона ожил, и на нем возникла физиономия президента компании Диксона. Он был не у себя, я в зале совета директоров энергетической компании в Джерси-Сити.

— Да! — сказал Диксон.— Это вы, генерал-директор?

Голос его был одновременно ворчлив и добродушен.

— Мистер Диксон,— начал Кинг.— Я потревожил вас, чтобы объяснить вам всю серьезность действий компании. Моя репутация ученого позволяет мне утверждать, что Харрингтон полностью доказал...

— Ах, вы об этом? Мистер Кинг, я думал, вы поняли, что с этим уже покончено.

— Но, мистер Диксон...

— Прошу вас, генерал-директор! Если бы действительно было хоть какое-то основание для опасений, неужели бы я колебался? Знаете ли, у меня самого есть дети и внуки...

— Именно потому...

— Именно потому мы стараемся вести дела компании так, чтобы избегать ненужного риска и приносить пользу обществу. Но у нас, кроме того, есть и ответственность. Сотни и тысячи вкладчиков рассчитывают на приличные дивиденды.

— Я приму это к сведению, мистер президент! — процедил Кинг ледяным тоном.

— Бросьте, мистер Кинг, не обижайтесь. Кстати, хорошо, что вы меня вызвали. Только что закончилось специальное заседание совета. Мы решили дать вам возможность выйти в отставку — разумеется, с сохранением полного оклада.

— Я не подавал в отставку!

— Знаю, мистер Кинг! Однако совет решил, что вы...

— Понимаю. Прощайте!

Кинг выключил экран и повернулся к Ленцу.

— «С сохранением полного оклада»! — повторил он.— Я могу теперь жить безбедно до конца моих дней и наслаждаться жизнью, как в морге!

— Совершенно верно,— согласился Ленц.— Ну что ж, испробовали этот путь. Полагаю, теперь можно позвонить Харрингтону. Пусть попробует чего-нибудь добиться через печать и наших политиканов.

— Да, пусть попробует,— повторил Кинг с отсутствующим видом.— Вы возвращаетесь в Чикаго?

— Нет,— пробормотал Ленц.— Нет. Я, пожалуй, полечу прямо в Лос-Анджелес, а оттуда на вечерней ракете махну прямо к антиподам.

Кинг посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

— Я сделал здесь все, что мог,— ответил Ленц на его невысказанный вопрос.— И я предпочитаю быть живым пастухом в Австралии, чем мертвым психиатром в Чикаго.

Кинг яростно закивал головой:

— Прямой смысл! Я гроша ломаного не дам за этот реактор, готов хоть сейчас остановить его и последовать за вами!

— Нет, Кинг, не прямой смысл. Прямым путем попадешь из огня да в полымя, чего я как раз и не собираюсь делать. А почему бы вам не остаться? Тогда с помощью Харрингтона вы сможете нагнать на них такого страху!..

Лицо Штейнке возникло на экране.

— Шеф, здесь Харпер и Эриксон.

— Я занят.

— Они срочно хотят вас видеть.

— О господи! Ладно, впусти их,— проговорил Кинг устало.— Теперь уже все не важно.

Они не вошли, а влетели. Харпер — первым и сразу заговорил, сообразив, что генерал-директор не в духе и действительно занят:

— Шеф, мы нашли, мы своего добились! И все расчеты сходятся до последней единички!

— Что вы нашли? Чего добились? Говорите толком.

Харпер только усмехнулся. Это был час его триумфа, и он хотел насладиться им до конца.

— Шеф, помните, несколько недель назад я просил дополнительных ассигнований, не объяснив, зачем они мне нужны?

— Да, конечно. Но в чем, наконец, дело?

— Сначала вы заупрямились, но потом выдали деньги, помните? Так вот, за это мы вам принесли подарок — вот он, перевязанный розовой ленточкой. Это величайшее достижение в атомной физике с тех пор, как был расщеплен атом урана! Это — атомное горючее, шеф, атомное горючее, безопасное, компактное, управляемое! Подходящее для ракет, для электростанций, для всего, что душа пожелает!

Кинг наконец заинтересовался:

— Вы имеете ввиду источник энергии, для которого не нужен реактор?

— О нет, этого я не говорил. Наш большой реактор нужен для производства горючего, но потом вы можете использовать это горючее где угодно и как угодно, извлекая из него до девяноста

двух процентов энергии. Но, если хотите, можете и уменьшить отдачу.

Дикая надежда, что, может быть, это и есть выход из безвыходного тупика, рухнула. Кинг сник.

— Продолжайте,— сказал он.— Рассказывайте все.

— Так вот, все дело в радиоактивных изотопах. Как раз перед тем, как мы попросили дополнительные ассигнования на исследования, Эриксон и я... Доктор Ленц тоже приложил свою руку,— добавил он, благодарно кивнув психиатру,— обнаружили два взаимно антагонистичных изотопа. То есть, когда их соединяешь, они сразу выделяют всю заложенную в них энергию — взрываются ко всем чертям! Но самое главное в том, что мы брали ничтожные крохи — реакция протекает при самой незначительной массе.

— Не понимаю, как это может быть,— заметил Кинг.

— И мы не понимаем! Но так оно и есть. Мы молчали, пока сами в этом не убедились. Но потом мы начали пробовать и нашли еще дюжину различных атомных горючих. Возможно, если попотеть, мы сможем скомбинировать горючее для любых целей. Вот здесь все изложено. Это ваш экземпляр, взгляните!

И он протянул Кингу кипу машинописных листов. Кинг погрузился в них. Ленц, попросив взглядом разрешения у Эриксона, который радостно кивнул: «Ну, конечно!»— тоже начал читать. По мере того как Кинг просматривал страницу за страницей, чувство издерганного и обиженного служаки постепенно оставляло его. Он становился тем, кем был на самом деле,— ученым. Его охватывал чистый и сдержанный азарт беспристрастного искателя истины. Кровь молчала — сейчас ее задача сводилась к тому, чтобы насыщать мозг и поддерживать в нем холодное пламя обостренной мысли. Сейчас он был совершенно здоров, и разум его был яснее, чем у большинства людей в самые ясные моменты их жизни.

Долгое время он лишь изредка одобрительно хмыкал, шелестел страницами и молча покачивал головой. Но вот Кинг дочитал до конца.

— Вот это да! — сказал он.— Вы это сделали, мальчики! Это здорово! Я вами горжусь!

Эриксон густо покраснел и сглотнул слюну; маленький взъерошенный Харпер встрепенулся, как жесткошерстый фокстерьер, которого похвалил хозяин.

— Спасибо, шеф! Для нас ваши слова дороже Нобелевской премии.

— Я думаю, вы и ее получите. Впрочем,— гордый блеск в глазах Кинга померк,— я для вас уже ничего не смогу сделать.

— Но почему, шеф? — недоуменно спросил Харпер.

— Потому что мне предложили уйти в отставку. Мой преемник вскоре прибудет, а это слишком большое дело, чтобы сейчас его начинать.

— Вы — и в отставку? Какого дьявола!

— Причина та же, по какой я отстранил тебя от дежурства. Во всяком случае, на ней настаивает совет директоров.

— Но это же чепуха! Со мной вы были правы: я действительно чуть не помешался. Но вы совсем другое — мы все вам верим!

— Спасибо, Кальвин, но дело обстоит именно так, и тут уже ничего не изменишь. Вам не кажется, Ленц, что этот завершающий иронический штрих окончательно превращает всю мою деятельность в фарс? Это великое открытие, оно гораздо значительнее, чем мы сейчас думаем, и мне приходится отдавать его в чужие руки.

В голосе Кинга звучала горечь.

— Ах так? — вспылил Харпер.— Ну ладно же, тогда я знаю, что делать! — Он перегнулся через стол и схватил рукопись.— Либо вы остаетесь генерал-директором, либо компания может идти ко всем чертям — нашего открытия ей не видать вовек!

Эриксон воинственно поддержал его.

— Минутку! — На сцену выступил Ленц.— Доктор Харпер, вы разработали способ производства ракетного горючего?

— Да, можно сказать так. Оно у нас в руках.

— И это космическое горючее?

Все поняли, что Ленц имел в виду — горючее, способное вырвать ракету из объятий земного тяготения.

— Разумеется! — ответил Харпер.— Можно взять любую рейсовую межконтинентальную ракету, переделать ее немного и отправлять экскурсии на Луну.

— Превосходно!

Ленц попросил у Кинга листок бумаги и принялся быстро писать. Заинтригованные, все смотрели на него с нетерпением. Он писал бегло, лишь изредка задумываясь, и наконец протянул листок Кингу:

— Решите-ка эту задачку!

Кинг долго смотрел на листок, и постепенно удивление на его лице сменялось восторгом.

— Эриксон! Харпер! — завопил он.— Мы возьмем ваше новое горючее, построим большую ракету, установим на ней наш реактор и запустим его на постоянную орбиту подальше от Земли! И пусть он там вырабатывает атомное топливо, безопасное топливо для людей. Тогда взрыв Большой Бомбы будет угрожать лишь дежурным операторам, да и то до поры до времени. Понимаете?

Оваций не последовало: такую сложную идею нужно было переварить. Наконец Харпер обрел дар речи.

— А как насчет вашей отставки? Шеф, мы все равно с этим не согласимся.

— Не беспокойся,— утешил его Кинг, указывая на листок с формулами.— Здесь все предусмотрено.

— Да, здесь предусмотрено все,— согласился Ленц.— Все, кроме времени.

— Что?

— Ну да, посмотрите, оно выражено как неопределенная неизвестная.

— В самом деле... Ну что ж... Все равно рискнем! И не будем терять времени!

Председательствующий на совете директоров Диксон попросил тишины.

— Поскольку это совещание экстраординарное,— объявил он,— сегодня не будет ни докладов, ни сообщений. Согласно повестке дня уходящему в отставку генерал-директору Кингу предоставляется два часа для прощального слова.

— Господин президент!

— Да, мистер Стронг?

— Я считал, что с этим вопросом покончили!

— Вы не ошиблись, мистер Стронг. Однако, учитывая долголетнюю безупречную службу мистера Кинга, мы решили удовлетворить его просьбу и сочтем за честь его выслушать. Мистер Кинг, слово предоставляется вам!

Кинг встал, коротко сказал: «За меня будет говорить доктор Ленц»— и снова сел.

Ленцу пришлось подождать, пока в зале утихнет гул.

Ленц начал с того, что Большая Бомба представляет собой грозную опасность, пока находится на Земле, и сжато повторил свои основные доказательства. После этого он сразу выдвинул предложение: поместить большой реактор в ракетоплан и вывести его на стационарную орбиту, достаточно удаленную от Земли — скажем, на пятнадцать тысяч миль. Пусть он работает там, на искусственном спутнике, производя безопасное горючее для атомных электростанций.

В связи с этим он сообщил об открытии Харпера—Эриксона, подчеркнув его коммерческое значение. Он постарался изложить все это как можно убедительнее, пустив в ход все свое обаяние, чтобы завоевать доверие господ бизнесменов. Потом сделал паузу, выжидая ответной реакции.

Она не заставила себя ждать. Послышались возгласы: «Чепуха! Бред! Бездоказательно! Это ничего не изменит!» Ясно было, что все были рады узнать о новом горючем, но должного впечатления оно не произвело. Лет через двадцать, когда этот проект будет досконально изучен и коммерческая выгода его будет доказана, они, может быть, и решат запустить на орбиту еще один большой реактор. А пока — время терпит. Только один из директоров поддержал Ленца, но явно было, что он не пользуется симпатией остальных.

Ленц терпеливо и вежливо опроверг все их возражения. Он рассказал об учащающихся случаях профессиональных психоневрозов среди инженеров и подчеркнул огромную опасность, которой они подвергаются, работая с Большой Бомбой, даже с точки зрения официальной теории Дестрея. Он напомнил им о немыслимо высоких затратах на страхование и миллионных суммах, идущих на «подмазку» политиканов.

Потом он резко изменил тон и обрушился открыто и яростно.

— Джентльмены! — сказал он.— Мы считаем, что это вопрос жизни и смерти, нашей жизни и жизни наших семей, и не только их. И если вы не пойдете на компромисс, мы будем драться, не считаясь ни с чем и не соблюдая никаких правил, как борется за свою жизнь загнанный в угол зверь.

После этого Ленц перешел в наступление. Первый его ход был предельно прост. Он изложил подготовленный им план пропагандистской кампании в общенациональном масштабе — так какая-нибудь фирма предупреждает своих конкурентов. План был разработан до последних мелочей. Тут было все: радио, телевидение, порочащие выступления, инспирированные статьи в газетах и журналах, «гражданские комитеты», а самое главное — активное распространение слухов и бомбардировка Конгресса «письмами избирателей». Любой бизнесмен по собственному опыту знал, что это такое. Цель кампании была одна: сделать из аризонского реактора жупел, но вызвать не панику, а ярость обезумевших обывателей, направить ее против совета директоров и добиться от Комиссии по атомной энергии решения о немедленной переброске Большой Бомбы в космос.

— Это шантаж! Мы заткнем вам рот!

— Вряд ли,— вежливо возразил Ленц.— Вы можете только закрыть нам доступ в некоторые газеты. Вам не удастся нас изолировать.

Страсти разгорались, и Диксон вынужден был призвать совет к порядку.

— Доктор Лоренц,— сказал он, путая имя и с трудом сдерживая собственную ярость,— вы хотите выставить нас эдакими кровожадными злодеями, думающими только о собственной выгоде и готовыми ради этого пожертвовать тысячами жизней. Но вы знаете, это не так: нас с вами разделяет только разница во мнениях.

— Но вы сами понимаете,— настаивал доктор Ленц,— что в глазах широкой публики вы будете выглядеть злонамеренными преступниками. А что касается разницы во мнениях, то ни вы и никто из вас вообще не смыслит в атомной физике, а потому ваше мнение в счет не идет. Единственное, что мне еще неясно,— продолжал он,— так это кто кого опередит: Конгресс, лишив вас прав, или разъяренная публика, которая разнесет на куски ваш драгоценный реактор!

И прежде чем они успели сформулировать достаточно продуманный ответ, прежде чем их бессильная злоба перешла в холодное упрямство, Ленц предложил им свой гамбит. Он ознакомил их с другим планом пропагандистской кампании, прямо противоположным первому.

Теперь речь шла не о том, чтобы свергнуть совет директоров, а о том, чтобы его возвеличить. Техника осталась прежней: выступления и тонко построенные статьи, полные глубокого человеческого интереса к деятельности компании, которая на сей раз будет представлена как мощное предприятие, управляемое бескорыстными патриотами и мудрыми представителями делового мира, пекущимися о благе страны. В нужный момент будет обнародовано открытие Харпера — Эриксона, но не как почти случайный результат личной инициативы двух молодых инженеров, а как плод многолетних систематических изысканий, проводившихся в соответствии с неизменной политикой совета директоров, человеколюбивой политикой, обусловленной твердой решимостью избавить навсегда от угрозы атомного взрыва даже безлюдную пустыню Аризоны. Об опасности нависшей катастрофы не будет даже упомянуто.

Ленц обрабатывал их со всех сторон. Он долго распространялся о бесконечной признательности благодарного человечества и, незаметно передергивая карты, внушал им, что они настоящие герои. Он беззастенчиво играл на самых сокровенных инстинктах представителей рода человеческого, для которых всегда приятно одобрение себе подобных, даже если оно незаслуженно.

И с каждой минутой он выигрывал драгоценное время. Он перебирал одно за другим самые веские возражения, убеждал одного за другим самых твердолобых. Он был мягок с одними и жесток с другими, играя на личных интересах каждого. Для чувствительных, религиозных отцов семейств он еще раз, не жалея красок, обрисовал страдания, смерть и разрушения, которые могли бы последовать из-за их слепой веры в бездоказательные и весьма рискованные допущения дестреевской теории. И сразу же вслед за этим он в самом радужном свете набросал картину счастливого мира, освобожденного от страха и полностью обеспеченного безопасной энергией, картину «золотого века», который они создадут своей ничтожной уступкой.

И великий психолог выиграл. Они сдались не все сразу, все-таки создали комитет для изучения возможности запуска большого реактора в космос. Ленц умело подсказывал имена, и Диксон утверждал их — вовсе не потому, что был с ним согласен. Но он был захвачен врасплох и, не находя достаточного повода для отвода того или иного кандидата, просто боялся испортить отношения с коллегами. А уж Ленц позаботился о том, чтобы в комитет вошли все его сторонники.

О предполагавшейся отставке Кинга никто даже не заговаривал. Ленц был уверен, что никто о ней и не вспомнит.

Ленц выиграл, но дел впереди было невпроворот. Первые дни после победы Кинг воспрянул, надеясь, что он будет избавлен от убийственного страха и ответственности. Надежды его рухнули, когда ему любезно предложили в дополнение к прежним взять на себя новые обязанности. Харпер и Эриксон были откомандированы в распоряжение Годдардского центра. Там они вместе с ракетчиками должны были проектировать корабль для вывода на орбиту Большой Бомбы.

Когда возбуждение первого периода после победы прошло, даже перспектива остановки реактора и его перемещения в космос не смогла спасти Кинга от вполне естественной реакции. Он мог только следить за своей Большой Бомбой и ждать, пока инженеры из Годдардского центра не справятся со всеми проблемами и не построят подходящий для реактора космический корабль.

А там, в Годдардском центре, были свои трудности, за которыми возникали другие, все новые и новые. Еще никто не сталкивался с такими высокими скоростями. Пришлось перепробовать несчетное количество вариантов, прежде чем была определена наиболее подходящая форма корабля. Когда с этим было покончено и успех, казалось, был уже достигнут, внезапно во время наземных испытаний сгорели двигатели.

И была еще одна проблема, совсем непохожая на проблемы, вставшие перед ракетчиками: что делать с энергией, которую будет вырабатывать большой реактор на спутнике? Ее разрешили только в общих чертах, решив установить реактор не внутри, а вне спутника, безо всяких ограждений, чтобы он сиял как маленькая звезда. Ученые надеялись, что со временем им удастся обуз-

дать и эту лучистую энергию и направить ее к приемным станциям Земли.

А тем временем генерал-директор Кинг ждал и от нетерпения грыз ногти. Даже возможность следить за работой Годдардского центра не приносила облегчения. И чем скорее продвигалась работа, тем насущнее, тем навязчивее становилась потребность отдавать все силы, все внимание большому реактору здесь, чтобы он — не дай бог! — не взорвался в последнюю минуту.

Кинг начал сам проверять дежурных инженеров, но от этого ему пришлось отказаться: его посещения еще больше нервировали их, и двое помешались в один день, причем один — во время дежурства.

Вначале Кинг старался держать в тайне принятое решение, но скоро эта тайна стала всеобщим достоянием — видимо, по вине тех, кто участвовал в работе комитета. В конце концов Кинг рассказал инженерам все, взяв с них слово не разглашать секрет. Это действовало неделю или чуть больше, пока длился подъем. Потом наступила реакция, и психиатры-наблюдатели начали снимать инженеров с дежурств одного за другим почти каждый день. Кроме того, они все чаще сообщали о психологической неустойчивости своих коллег. И Кинг с горьким юмором констатировал, что скоро ему не будет хватать психиатров. Теперь инженеры, выходившие на четырехчасовые смены, менялись уже через каждые шестнадцать часов. Кинг знал, что, если снимут хотя бы еще одного, ему самому придется встать на его место. И это было бы для него облегчением — взглянуть наконец опасности в глаза.

Тем временем страшная тайна каким-то образом дошла до кое-кого из гражданских лиц, не имевших к реактору прямого отношения. Это было недопустимо — паника грозила захлестнуть всю страну. Но что он мог сделать? Ничего.

Кинг долго ворочался в постели, взбивая подушку, старался уснуть, но ничего не получалось. Голова трещала, глаза болели от напряжения, мозг работал бессмысленно и безостановочно, как испорченная патефонная пластинка, повторяющая одно и то же.

О господи! Это было невыносимо. Кинг подумал, не сходит ли он с ума, если только уже не сошел. Теперь все было сложнее и

страшнее, в тысячу раз страшнее, чем раньше, когда он считал опасность только возможной, но не неизбежной. Реактор остался таким же — страшно было сознание, что пятиминутное перемирие окончилось, и вот прогремит залп, и он перед ним беззащитен и безоружен.

Кинг сел на постели, включил ночник и посмотрел на часы. Три часа тридцать минут. Хорошенькая примета! Он встал, пошел в ванную, всыпал в стакан снотворное и, растворив его в виски пополам с водой, залпом проглотил.

Потом он вернулся в спальню и лег. И наконец уснул.

Он бежал, он молча бежал по длинному коридору. В конце его было спасение — он знал это, но был так измучен, что боялся не добежать.

Опасность была слишком близка, а он едва передвигал свинцовые, налитые болью ноги. Опасность настигала, он чувствовал, что не успевает, и сердце его то останавливалось, то снова начинало гнать кровь судорожными толчками. Но он должен был добежать до конца коридора, он знал, что от этого зависит не только его жизнь, а гораздо большее! Он должен был, должен был, должен!

Ослепительная вспышка — и он понял, что опоздал, и беспредельное, горькое отчаяние поражения охватило его. Он проиграл: большой реактор взорвался...

Кинга разбудила вспышка автоматически включившейся лампы — семь часов утра! Пижама его была мокрой от пота, и сердце стучало как молот. Каждый его нерв дрожал от напряжения. Чтобы избавиться от этого, ему нужно было нечто большее, чем холодный душ.

Кинг явился в свое бюро, когда уборщик лишь только заканчивал свою работу. Он сел за стол и сидел, ни о чем не думая и ничего не делая, часа два. Ленц вошел в кабинет как раз тогда, когда генерал-директор вынул из коробочки на столе две маленькие таблетки.

— Минутку... не спешите, старина,— медленно проговорил Ленц.— Что это у вас?

Он обошел стол и взял коробочку.

— Всего лишь успокаивающее.

Ленц внимательно прочел надпись на коробке.

— Сколько вы уже приняли сегодня?

— Только две таблетки.

— Вам это ни к чему. Прогулка на свежем воздухе будет полезней. Пойдемте-ка со мной!

— Хм, послушать вас — одно удовольствие. А сам курит незажженную сигарету!

— Я? В самом деле. Значит, прогулка нам обоим не помешает. Пойдемте!

Харпер появился на пороге приемной комиссии минут через десять после ухода Кинга и Ленца. Штейнке был уже на своем месте. Харпер и его спутник, молодой крепкий парень с уверенными движениями, вошли в секретарскую. Штейнке кивком указал им на дверь кабинета генерал-директора.

— Приветствую, мистер Кинг! — начал было Харпер, но остановился, видя, что кабинет пуст.

— Где шеф? — спросил он.

— Вышел,— отозвался Штейнке.— Он сейчас вернется.

— Я подожду. Да, Штейнке, это Грин — познакомьтесь!

Покончив с рукопожатиями, Штейнке спросил Харпера:

— Ты чего вернулся, дружище?

— Я? Тебе, пожалуй, можно сказать...

Внезапно осветившийся экран внутреннего видеофона прервал его. Чье-то смутное лицо заполнило все пространство — очевидно, человек стоял слишком близко и был явно не в фокусе.

— Мистер Кинг! — прокричал исполненный ужаса голос.— Реактор...

Какая-то тень пронеслась наискосок через весь экран, послышался хрустящий удар, и лицо исчезло. Сразу стал виден контрольный зал. На плитах пола неподвижно лежала бесформенная фигура. Другая фигура промчалась мимо приемного объектива и исчезла.

Харпер очнулся первым.

— Это Силард! — закричал он.— Силард в контрольном зале. Штейнке, скорей!

И он бросился к двери.

Штейнке смертельно побледнел, но уже через мгновение нагнал Харпера. Грин, хотя его никто не приглашал, бежал за ними по пятам ровным тренированным шагом.

На станции подземки им пришлось подождать, пока из тунеля не выскочила свободная капсула. Потом все трое втиснулись в кабину, рассчитанную на двух пассажиров. Капсула не отходила, и они потеряли еще несколько секунд, пока Грин не вылез.

Четырехминутное путешествие с наивысшим ускорением показалось им вечностью. Харпер уже подумал, что они застряли, когда раздался знакомый щелчок и вспыхнул свет,— они были под зданием реактора. При выходе они действительно застряли в узкой дверце, пытаясь выскочить одновременно.

Лифта внизу не оказалось, и они не стали его ждать. Это было ошибкой. Во времени они ничего не выиграли и добрались до этажа, где находился контрольный зал, совершенно запыхавшись. Несмотря на это, они еще прибавили скорости, промчались бок о бок между щитами защиты и влетели в контрольный зал.

Безжизненная фигура по-прежнему лежала на полу, другая, такая же неподвижная, растянулась рядом.

Третий человек, в панцире, стоял склонившись над триггером. Он поднял голову и бросился на них. Харпер и Штейнке вцепились в него, и все трое покатились по полу. Их было двое на одного, но они только мешали друг другу, а тяжелый панцирь защищал их противника от ударов. И он отбивался с нечеловеческой яростью одержимого.

Харпер вдруг ощутил слепящую, острую боль — его правая рука повисла как тряпка. Бронированный безумец отшвырнул их обоих. В это мгновение чей-то голос рявкнул за их спиной:

— Ни с места!

Харпер увидел вспышку и услышал глухой треск, прозвучавший неестественно громко в замкнутом пространстве контрольного зала. Человек в панцире упал на колени, качнулся назад, потом вперед и тяжело рухнул ниц. В дверях стоял Грин, поддерживая указательным пальцем еще раскачивающийся армейский пистолет.

Харпер встал и подошел к триггеру. Он попытался уменьшить мощность энергетического потока, но правая рука его совсем не слушалась, а левая была разбита в кровь.

— Штейнке! — крикнул он.— Иди сюда! Займись этим.

Штейнке подбежал к нему, взглянул на приборы и лихорадочно принялся за дело.

За этим и застал их Кинг, когда ворвался в контрольный зал минут десять спустя.

— Харпер! — закричал он, еще не успев с первого взгляда оценить ситуацию.— Что здесь случилось?

Харпер коротко объяснил. Кинг кивнул:

— Я видел самый конец вашей свалки из кабины...

Но тут взглянув, наконец, на триггер, он задохнулся от ужаса и бросился к приборам.

— Штейнке! Ведь он же не может вычислять!!!

Штейнке со счастливой улыбкой повернулся к нему навстречу.

— Шеф! — ликовал он.— Шеф, я вспомнил все, всю мою математику!

Кинг остановился в изумлении. Он только кивнул и повернулся к Харперу:

— А как ты здесь оказался?

— Я? Чтобы сообщить вам, шеф: у нас все готово!

— Что все?

— Мы закончили работу. Эриксон завершает установку оборудования для реактора на большом корабле, а я прилетел на рейсовой ракете, которая будет доставлять атомное горючее с нашей Бомбы на Землю. Вот мой штурман,— и он указал на Грина, из-за широкой спины которого выглядывал подоспевший Ленц.

— Одну минуту! — сказал Кинг.— Ты говоришь, у нас все готово для установки реактора на корабле-спутнике? Ты в этом уверен?

— А как же! Большой корабль уже летал на нашем горючем, и летал куда дольше и быстрее, чем ему понадобится, чтобы выйти на свою орбиту. И я был там, в космосе! Шеф, у нас состояние готовности номер один.

Кинг посмотрел на аварийную кнопку за хрупким стеклом посреди приборного щита.

— Горючего у нас достаточно,— проговорил он негромко, как будто беседовал сам с собой,— горючего хватит не на одну неделю.

Он быстро шагнул вперед, разбил кулаком стекло и нажал кнопку.

Пол дрогнул, и стена завибрировала, когда тонны расплавленного металла, более тяжелого, чем золото, устремились по отводящим каналам, ударили в распределительные заслонки, разбились на сотни ручейков и потекли в свинцовые контейнеры, чтобы застыть там безобидными и безопасными брусками, пока их не соберут все вместе в космосе, далеко от Земли.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

1

— Да ты поверь!

В ответ на восклицание компаньона Джордж Стронг лишь фыркнул.

— Кончай, Делос. Сколько лет уже эта песня тянется... Может, когда-нибудь и доберутся люди до Луны. Только не верится что-то. Во всяком случае, мы-то с тобой не доживем. Потеря энергетического спутника лишила наше поколение возможности достичь Луны.

Д.Д. Харриман ухмыльнулся.

— Конечно, не доживем, если будем без толку штаны просиживать! Мы можем сделать это!

— Во-первых, как? А во-вторых, для чего?

— Он еще спрашивает! Джордж, да есть ли в твоей душе место для чего-либо, кроме прибылей и убытков? Неужели тебе никогда не приходилось лунной летней ночью сидеть с девчонкой, глазеть на Луну и думать: а что там, на Луне?

— Да, раз пришлось. И я на этом заработал приличный насморк.

© Д. Старков, перевод

Харриман вопросил Всевышнего, за какие такие грехи тот предал его в руки филистимлян, а затем вновь обратился к компаньону.

— Я могу объяснить, для чего нам это нужно, да ты все равно не поймешь. Тебя ведь выгода интересует, верно? Выгода, которую «Харриман и Стронг» и «Харриман Энтерпрайзис» с этого будут иметь?

— Верно,— согласился Стронг.— И не рассказывай мне сказок об организации экскурсий и несметных сокровищах Луны, всего этого я уже достаточно наслушался.

— Ты просишь выложить тебе все цифры по предприятию совершенно нового типа, отлично зная, что я не смогу. Это все равно что просить братьев Райт во времена «Китти Хоук» оценить будущие доходы «Куртисс-Райт Корпорейшн» от самолетостроения. Я сделаю по-другому. Помнишь, ты был против того, чтоб мы занялись пластиковыми домами, а? Если б все шло потвоему, мы бы по сию пору торчали в Канзас-Сити и получали ренту за сдачу в поднаем коровьих пастбищ!

Стронг пожал плечами.

— А сколько на сегодняшний день принесла нам «Нью Уорлд Хоумс»?!

С безразличным видом Стронг в очередной раз продемонстрировал тот талант, который был его вкладом в Компанию:

— Э-э... сто семьдесят два миллиона девятьсот сорок шесть тысяч четыре доллара шестьдесят два цента, это после вычета налогов за прошедший финансовый год. На сегодняшний день...

— Ладно, ладно. Сколько пришлось на нашу долю?

— Так... Компания, не считая твоей личной доли, которую ты потом продал мне, за тот же период выручила от «Нью Уорлд Хоумс» около тринадцати миллионов десяти тысяч четырехсот тридцати семи долларов двадцати центов, не считая персональных налогов. Знаешь, Делос, с этим двойным налогообложением надо что-то делать. Наказывать бережливость — значит загонять страну прямиком в...

— Потом, потом! Сколько принесли нам «Скайбласт Фрейт» и «Энтиподиз Трансуэйз»?

Стронг ответил и на это.

— А помнишь, мне пришлось пообещать задать тебе трепку, чтобы заставить выложить хотя бы десять центов в обеспечение нашего контроля над инжекторным патентом?! Помнишь, как ты утверждал, что мода на ракеты скоро пройдет?!

— Ну, это нам просто повезло,— возразил Стронг.— Откуда тебе было знать, что в Австралии произойдет большая урановая забастовка. А не будь ее, группа «Скайуэйз» ничего, кроме долгов, не принесла бы. И с «Нью Уорлд Хоумс» мы тоже прогорели бы, если б не появление городов-дорог! Только потому, что они обеспечили нам рынок, не связанный местными законами о строительстве...

— Ерунда — целиком и полностью! Быстрая транспортировка всегда себя оправдывает, а насчет «Нью Уорлд» — если десяти миллионам семей необходимы новые дома — а мы можем продавать такие недорого,— то они их с удовольствием купят и не позволят законникам путаться под ногами. Мы играли наверняка, будь уверен! Любая моя «авантюра» приносила прибыль — скажешь, нет? А тот единственный раз, когда мы понесли убытки, к моим «авантюрам» не относился!

— Ну, мы и без твоих авантюр деньги делали,— возразил Стронг.

— Этих денег и на яхту твою не хватило бы. Будь честен хотя бы с самим собой, Джордж. Вспомни «Андс Дивелэпмент Компани», патент на интегрирующий пантограф — любая из «авантюр», в которую я тебя втянул, приносила прибыль.

— Ну,— проворчал Стронг,— мне до кровавого пота пахать пришлось, чтобы твои авантюры принесли этот доход.

— Потому-то мы и компаньоны. Я хватаю сумасшедшую идею за хвост, а ты ее объезжаешь и приспосабливаешь к работе. Теперь мы отправимся на Луну, и ты выжмешь деньги из нее.

— Говори за себя. Лично я на Луну не собираюсь.

— А вот я — полечу!

— Уф-ф-ф! Делос, ну ладно. Мы на твоих догадках разбогатели, это так. Есть такая поговорка: «жадность фраера сгубила».

— К чертям все это, Джордж! Я полечу на Луну. Если не хочешь меня поддержать, давай ликвидируемся; я займусь этим сам.

Стронг забарабанил по столешнице.

— Погоди, Делос. Я вовсе не отказывался поддержать тебя...

— Тогда — или тащи рыбу, или режь леску. Пришла пора, и я решился. Я хочу быть Первым человеком на Луне.

— Ну что же... Тогда давай полетим. Кстати, мы на собрание опаздываем.

Выходя из их общего кабинета, экономный во всем Стронг погасил свет. Харриман тысячу раз видел, как он это делает, но теперь заметил:

— Джордж, а что ты скажешь об автоматическом выключателе, который будет гасить свет, если выходишь из кабинета?

— Хм-мм... А если в кабинете кто-то остался?

— Настроить его на тепло человеческого тела — пускай горит, пока в помещении кто-то есть.

— Сложно. Да и дороговато.

— Не факт. Подкину идейку Фергюссону, пусть побалуется. Чтобы прибор был размером не больше обычного выключателя и дешевле той суммы, которую он сэкономит за год на энергии.

— А как он будет работать? — осведомился Стронг.

— А я откуда знаю? Я же не инженер. Спроси Фергюссона или еще кого из образованных.

— В коммерческом отношении это не слишком заманчиво,— заметил Стронг.— Гасить свет, уходя, это черта характера. У меня она есть, у тебя — нет, и человека, у которого ее нет, таким выключателем не заинтересуешь.

— Заинтересуем, если не снимут лимиты на электричество. Сейчас у нас энергетический кризис, а дальше будет еще хуже.

— Временно, временно. Сегодня на собрании все будет ясно.

— Джордж, в мире нет ничего постояннее временных кризисов. Выключатель будут покупать.

Стронг достал ручку и блокнот.

— Завтра введу Фергюссона в курс дела.

Харриман уже забыл о выключателе. Они вышли на крышу, он знаком подозвал такси, а затем вновь обратился к Стронгу.

— Сколько мы сможем собрать, если продадим наши доли в «Роудуэйз», «Белт Транспорт Корпорейшн» и «Нью Уорлд Хоумс»?

— Чего-о? Ты что, совсем рехнулся?!

— Возможно. Однако мне понадобятся все деньги, какие только ты сможешь найти. «Роудуэйз» и «Белт Транспорт» все равно нам не нужны: следовало еще раньше от них избавиться.

— Нет, ты точно с ума сошел! Это — единственные устойчивые предприятия из всех, что ты финансируешь!

— Когда я начал их финансировать, они не были устойчивыми. Пойми, Джордж, города-дороги — вчерашний день. Они родились мертвыми, как железные дороги в свое время. Пройдет какая-нибудь сотня лет, и на континенте их совсем не останется. А назови-ка мне формулу получения денег?

— Купи дешево, продай дорого.

— Это только половина... Та, что касается тебя. Мы должны догадаться, куда идет наш мир, начать дело, а затем урвать для себя местечко в бельэтаже. Так что ликвидируй всю эту ересь, Джордж; чтобы действовать, мне нужны деньги.

Такси приземлилось, они забрались в него и взлетели.

Приземлившись на крыше «Хемисфиар Пауэр Билдинг», они отправились в зал совещаний энергетического синдиката, расположенный под землей, на глубине, равной высоте небоскреба. В то время, несмотря на многолетний покой и мир, финансовые воротилы предпочитали относительно защищенные от ядерного удара помещения. Впрочем, зал не был похож на бомбоубежище — он скорее напоминал комнату в роскошном пентхаусе. «Окно» за председательским креслом показывало панораму города — очень натуральное стереоизображение, которое передавалось сюда с крыши.

Другие члены правления уже собрались. При появлении Харримана и Стронга Диксон кивнул и, глядя на часы, сказал:

— Что ж, джентльмены, вот и наш опоздавший явился; пожалуй, можно начинать.

Заняв место председателя, он слегка постучал по столу, прося тишины.

— Протоколы последнего заседания, как обычно, в ваших блокнотах. Сигнализируйте готовность.

Харриман глянул в конспект, лежавший перед ним на столе, и нажал кнопку в столешнице. Рядом с ним загорелась небольшая зеленая лампочка. То же самое проделали большинство членов правления.

— Кто там все тормозит? — оглянулся Харриман.— Ты, Джордж? Давай, не задерживай.

— Цифры я предпочитаю проверять,— проворчал в ответ его компаньон и нажал кнопку. Перед председателем Диксоном вспыхнула большая зеленая лампочка, и тот, в свою очередь тоже нажал кнопку. На табло, возвышавшемся перед ним в нескольких дюймах от столешницы, высветилась надпись: «Идет запись».

— Рабочий доклад.

Диксон нажал другую кнопку; в комнате зазвучал женский голос. Харриман принялся следить за докладом по своему собственному блокноту. Тринадцать энергореакторов Кюри были задействованы, после последнего собрания прибавилось еще пять. Реакторы Саскуэханны и Чарльстона выдали мощности, равные тем, что раньше забирали у города-дороги Атлантик; теперь он смог выйти на нормальную скорость. Восстановление движения дороги Чикаго — Лос-Анджелес ожидалось в течение следующих двух недель. Лимиты на энергию снимать пока что рано, но в целом кризис уже миновал.

Все это было очень интересно, однако Харримана сейчас занимало другое. Энергетический кризис, вызванный взрывом энергоспутника, преодолели удовлетворительно; хорошо, конечно, но Харриман думал лишь о том, что теперь закладка фундамента в дело межпланетных перелетов задерживается.

И возможно, навсегда.

Как известно, с открытием искусственного изотопного топлива Харпера-Эриксона помимо решения проблемы безопасности энергоисточников было найдено эффективное средство для осуществления межпланетных перелетов. В Аризоне на одну из самых больших транспортных ракет был установлен энергореактор; он вырабатывал топливо для самой ракеты, которая и вывела установку на околоземную орбиту. Между новым спутником и Землей курсировал «шаттл», доставлявший все необходимое для персонала реактора и увозивший синтезированное ядерное топливо для Земли.

Харриман, как член правления энергетического синдиката, поддерживал идею спутника, но при этом не забывал и о собственных интересах. Он предполагал заправить лунный корабль произведенным на спутнике топливом и, таким образом, почти сра-

зу же совершить первый полет к Луне. Пробудить от извечной спячки Министерство Обороны он даже не пытался, равно как и получить субсидии от правительства. Корабль ведь уже имелся, а вскоре и топливо должно было подоспеть.

Кораблем была его собственная транспортная ракета, ранее называвшаяся «Брисбейн» и вновь введенная в строй под именем «Санта-Мария». Ее химические двигатели заменили, крылья сняли, остановка была лишь за топливом. Но топливо задерживалось. В нем нуждался и «шаттл», и весь континент — а эти ежедневно растущие потребности один спутник удовлетворить не мог. Понятное дело, синдикат не спешил выделять топливо для неприбыльного полета на Луну, а чтобы быстрее утолить растущий энергетический голод, предпочел запуску новых спутников безопасные, но менее эффективные низкотемпературные урановые соли и тяжелую воду, а для их использования — энергореакторы Кюри.

К несчастью, реакторы Кюри не могли воспроизвести звездной среды, необходимой для производства изотопного топлива, так нужного ядерным ракетам. Харриман с досады уже подумывал получить топливо для «Санта-Марии» с помощью политического нажима — тут-то спутник и взорвался.

От глубоких размышлений Харримана пробудил голос Диксона.

— Рабочий доклад, джентльмены, кажется удовлетворительным. Если не будет возражений, мы его примем. Заметьте, через девяносто дней мы выйдем на тот же уровень, какой был налицо до вынужденного закрытия реактора в Аризоне.

— Это — не считая будущего возрастания потребностей,— заметил Харриман.— Пока мы тут заседаем, одних детей сколько народится!

— Этим вы хотите возразить против принятия доклада, Ди-Ди?

— Нет.

— Отлично. Теперь — о связях с общественностью. Джентльмены, прошу обратить внимание на пункт первый. Ответственный зампредседателя представляет перечень ежегодных выплат, пособий, стипендий и тому подобного — для семей персонала спутника и пилота «Харона», смотрите приложение «С».

Сидящий напротив Харримана Финеас Морган, член правления и председатель продовольственного треста «Кьюзин, Инкорпорейтед», возразил:

— Эд, как же так? Конечно, это нехорошо, что они погибли, но ведь мы платили им громадные деньги — да еще страховку в придачу! На что нам еще эта благотворительность?!

Харриман нахмурился:

— А я предлагаю заплатить. Это же чепуха. В Писании сказано: «Не заграждай рта волам молотящим»...

— Ничего себе «чепуха» — больше девятисот тысяч!

— Минутку, джентльмены,— вклинился зампредседателя по связям с общественностью, тоже член правления.— Если вы, мистер Морган, посмотрите смету, то увидите, что восемьдесят пять процентов всех ассигнований пойдут на рекламу этой самой благотворительности.

Морган заглянул в смету.

— А, это ладно. Что ж вы сразу не сказали? Хорошо, отнесем это к неизбежным издержкам, но прецедент мне совсем не нравится.

— Но без него и рекламировать было бы нечего.

— И все-таки...

Диксон громко постучал по столу.

— Мистер Харриман предложил принять смету. Пожалуйста, голосуйте.

Табло засветилось зеленым; даже Морган после некоторых колебаний одобрил смету.

— Следующий пункт — того же рода,— сказал Диксон.— Миссис... э-э... Гарфилд через своего поверенного тянет нас к ответу за врожденную неполноценность своего четвертого ребенка, мотивируя это тем, что ребенок родился в момент взрыва спутника, а миссис Гарфилд находилась прямо под спутником, на меридиане. Она оценивает ущерб в полмиллиона.

Морган покосился на Харримана:

— Делос, ты, верно, предложишь уладить это без суда?

— Не говори глупостей. Будем судиться.

— Зачем, Ди-Ди? — удивился Диксон.— Я думаю, мы с ней сойдемся на десяти-пятнадцати тысячах; я предлагаю уладить

дело миром. Я удивляюсь, как наши юристы могли предать это огласке.

— Да ведь ясно: история скверная, однако следует драться, несмотря на то что она сделает нам плохую рекламу. Миссис Гарфилд со своим щенком к нам никакого отношения не имеет. Любой дурак знает, что при облучении в момент рождения ребенка такого дефекта возникнуть не могло: тут дело в давних генетических нарушениях. Но если мы заплатим ей сейчас, на нас будут подавать в суд за каждое яйцо с двумя желтками! Все это — в пользу того, что на защиту не следует ограничивать ассигнований, но на компромисс — ни цента!

— Возможно, процесс влетит нам в копеечку,— заметил Диксон.

— Компромисс обойдется дороже. Надо будет — купим судью.

Зам по связям с общественностью шепнул что-то Диксону, а затем во всеуслышанье объявил:

— Я поддерживаю предложение мистера Харримана. Можете считать это официальной рекомендацией моего отдела.

Предложение было одобрено.

— Далее,— объявил Диксон,— груда исков; это из-за уменьшения скорости городов после того, как ввели лимиты на электричество. Иски по поводу убытков, потери времени, того, сего, но главная причина везде одна и та же. По-моему, самый заковыристый из них — от акционера, который заявил, будто «Роудуэйз» и наша Компания так тесно переплетены, что решение отдать энергию ущемляло интересы акционеров «Роудуэйз». Делос, это по вашей части. Что скажете?

— Скажу, что этим не следует забивать себе голову.

— Как?

— Чушь собачья все эти иски. Корпорация ответственности не несет. Я проследил, чтобы «Роудуэйз» пошла на продажу энергии добровольно, поскольку предвидел такой финт. Правление ничем не связано — во всяком случае, на бумаге. Стало быть, на иски акционеров внимания обращать не стоит. Забудем. На каждый такой иск «Роудуэйз» может хоть дюжину подать! И мы их все разнесем в пух и прах.

— Отчего вы так уверены?

— Да вот...

Харриман, повернувшись в кресле, перекинул ногу через подлокотник.

— Давным-давно, в незапамятные времена, работал я посыльным в «Вестерн Юнион». Пока сидел и ждал в конторе — читал все, что под руку попадется. Естественно, и текст контракта на обороте телеграфных бланков. Помните, большие такие блокноты; бумага желтая... Составляя текст телеграммы на лицевой стороне, заказчик тем самым подписывал контракт, напечатанный красивым шрифтом на обороте, только большинство людей этого не понимало. И знаете, к чему этот контракт обязывал компанию?

— Наверное, доставить послание...

— Черта-с-два! Компания лишь обещала *попытаться* его доставить: караваном верблюдов, у улитки на спине — любым подходящим способом. А в случае неудачи компания умывала руки! Этот мелкий шрифт я выучил наизусть — поверьте, это лучшая проза, какую я читал в своей жизни! И все свои договоры с тех пор я строил только по этому принципу. Те, кто собирается притянуть «Роудуэйз» к ответу, обнаружат, что ее нельзя привлечь по временному фактору; время не является существенным условием. В случае же полного невыполнения — правда, такого еще не бывало — «Роудуэйз» отвечает только за груз и стоимость личных проездных билетов. Вообщем, не берите в голову.

Морган так и вскинулся:

— Ди-Ди! А если я нынче вечером поеду по дороге в свой загородный дом, и тут случится авария, или еще что, и я до утра не доберусь... «Роудуэйз» не отвечает?!

— «Роудуэйз» не отвечает,— улыбнулся Харриман,— даже если вы в дороге помрете с голоду. Так что вам лучше воспользоваться вашим вертолетом.

Харриман обратился к Диксону:

— Предлагаю с этими исками потянуть; пусть за нас этим занимается «Роудуэйз».

Вскоре Диксон объявил:

— Повестка дня на сегодня исчерпана. Слово предоставляется нашему коллеге, мистеру Харриману. Он выносит на обсуждение

вопрос, выбранный им лично. Ранее вопрос в повестку дня включен не был, но, надеюсь, мы выслушаем мистера Харримана.

Морган мрачно покосился на Харримана:

— Я предлагаю — разойтись.

— Будь моя воля,— ухмыльнулся Харриман,— я бы это поддержал, чтобы вы подохли от любопытства.

Собрание изъявило желание выслушать Харримана. Тот поднялся:

— Господин председатель! Друзья мои!

Кинув взгляд на Моргана, он добавил:

— ... и компаньоны. Всем вам известен мой интерес к межпланетным путешествиям.

— Не начинай ты снова-здорово, Делос! — вызверился на Харримана Диксон.— Не будь я председателем, я тоже предложил бы всем разойтись!

— Именно «снова-здорово»,— признался Харриман.— Опять и впредь. Вы послушайте. Три года назад, когда мы выводили на орбиту аризонский реактор, это выглядело чуть ли не развлечением. Когда формировалась «Спейсуэйз, Инк.», некоторые из вас поддержали меня, вложив деньги в космические исследования и эксперименты и в эксплуатацию технических средств. Космос был покорен. Ракеты, снующие по орбитам вокруг нашего шарика, можно было переделать для полета на Луну, а уж оттуда — куда угодно! Остановка была за малым — взяться за дело. Главную проблему представляли финансы. Финансы и — политика. Потому что все серьезные технические проблемы были решены еще во времена Второй мировой, однако покорение космоса долгое время оставалось вопросом финансов и политики. Опыт Харпера-Эриксона, в результате которого у нас появились ракеты, способные облететь земной шар, и практичное, экономичное топливо для них, настолько приблизил космические полеты к реальности, что я не возражал против выделения первых партий топлива, изготовленного на спутнике, для нужд промышленности.

Харриман оглядел присутствующих.

— А следовало возражать! Орать, давить, и наконец так достать вас, чтоб вы выделили топливо для космического перелета — лишь бы от меня отделаться. А теперь наш лучший шанс — и тот

улыбнулся нам на прощанье! Ни спутника, ни иного источника топлива, ни даже «шаттла». Мы отброшены назад, в тысяча девятьсот пятидесятый. И потому...

Он вновь сделал паузу.

— И потому я предлагаю: построить космический корабль и достичь Луны!

Первым молчание нарушил Диксон:

— Делос, ты здоров? Ты сам только что сказал, что теперь уже поздно. И тут же предлагаешь строить корабль.

— Я не говорил, будто теперь уже поздно. Я сказал, что мы упустили лучшую нашу возможность. Время космических полетов пришло! На нашем шарике с каждым днем все тесней, и, несмотря на все технические достижения, ежедневное потребление продовольствия стало меньше, чем тридцать лет назад.Каждую минуту у нас рождаются сорок шесть малышей; в сутки — шестьдесят пять тысяч; в год — двадцать пять миллионов! Человечество готово заселять иные миры; если там будет что искать, мы пойдем туда! Да, наш лучший шанс упущен, однако технические проблемы решить можно. Вопрос в том, кто будет платить по счетам. И потому я обращаюсь к вам, джентльмены. Ведь здесь, в этом зале, виднейшие финансисты планеты.

Морган поднялся.

— Господин председатель! Если все дела *Компании* завершены, прошу меня извинить...

Диксон кивнул.

— Счастливо, Финеас,— сказал Харриман.— Извините, что задержал. Итак, как я уже говорил, все дело в деньгах, и именно у нас они есть. Предлагаю синдикату финансировать полет на Луну.

Предложение никого особенно не удивило: Харримана здесь знали. Диксон сказал:

— Кто поддержит предложение Ди-Ди?

— Минутку, господин председатель.

Это сказал Джек Энтенса, президент «Ту-Континентс Эмьюзмент Корпорейшн».

— Я бы хотел задать Делосу несколько вопросов.

Энтенса обратился к Харриману:

— Ди-Ди, ты помнишь, я поддержал тебя, когда ты начинал дело со «Спейсуэйз». Предприятие, казалось, немногого стоило, ну, может быть, в плане образования и науки. Меня никому не удавалось надуть с помощью космолетов, летающих к другим планетам; это — фантастика чистейшей воды. И впредь я не собираюсь сверх разумного увлекаться твоими мечтаниями, однако... Как ты собираешься достичь Луны? Сам ведь говоришь, что мы теперь без топлива.

С лица Харримана не сходила улыбка.

— Ладно, Джек, я ведь не мальчик. Я знаю, отчего ты меня поддержал. На науку ты бы гроша ломаного не выложил. Ты хочешь забрать себе монопольное право на кино и телевидение. Поддержишь меня — будет тебе монопольное право, а нет — я с «Рекриэйшн, Анлимитед» столкуюсь. Они дадут денег; хотя бы просто тебе назло.

Энтенса с подозрением покосился на Харримана.

— И сколько ты с меня хочешь?

— Твою последнюю рубашку, глазной зуб да плюс обручальное кольцо твоей благоверной. Если «Рекриэйшн, Анлимитед» не даст больше.

— Ну тебя к дьяволу, Делос! Крокодил бесстыжий!

— Чья бы корова мычала... Ладно, похоже, дело у нас пойдет. Что касается способа достичь Луны — вопрос дурацкий. Среди нас нет никого, кто мог бы управиться с техникой сложнее ножа и вилки. Ты ведь гаечного ключа от ракеты не отличишь, а задаешь мне вопросы о проекте корабля! Ладно, я скажу, как думаю добраться до Луны. Найму головастых ребят, дам им все, что попросят, позабочусь о том, чтоб денег им хватило, уговорю работать рук не покладая, потом затихарюсь в уголке и буду ждать, пока они не закончат. Буду вести дело, как Манхэттенский проект — помните историю с атомной бомбой? Кое-кто из вас должен помнить «пузырь» на Миссисипи. Тот, кто эту лавочку возглавлял, не смог бы отличить нейтрона от собственного дядюшки Джорджа, однако результатов добился. Они решили проблему *четырьмя* способами! Вот почему я не беспокоюсь о топливе. Мы его получим, и в нескольких вариантах.

— Думаете, получится? — спросил Диксон.— По-моему, вы хотите, чтобы мы разорили Компанию ради изысканий, которые не принесут никакой прибыли. Разве что — для науки и одноразовых развлечений. Против вас я ничего не имею и даже готов вложить тысяч десять-пятнадцать в ваше, без сомнения, достойное предприятие, однако извините, деловым предложением это считать не могу.

Харриман встал, опершись о столешницу кончиками пальцев, и оглядел сидящих за столом.

— Десять-пятнадцать тысяч шоколадных медалек! Дэн, я рассчитываю получить от тебя, самое меньшее, два миллиона! И мы еще не успеем закончить, как ты уже начнешь выпрашивать побольше акций! Ведь это — величайшая операция с недвижимостью со времен раздела Папой Нового Света. Не спрашивай, как именно мы сделаем на этом деньги; я не смогу расписать тебе все по пунктам — однако вот что скажу. В активе у нас — целая *планета!* Планета, Дэн, притом — нетронутая! А дальше — тысячи таких планет! И если мы не срубим на этом деле пару-другую долларов, нам пора уходить от дел. Это ж все равно что нам предлагают остров Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски!

— Тебя послушать, так это — наш единственный в жизни шанс,— буркнул Диксон.

— К дьяволу — единственный в жизни! Это величайшая возможность в истории! Это манна небесная — успевай только раскрывать рот!

Сидевший рядом с Энтенсой Гастон П. Джонс, директор «Транс-Америки» и еще полудюжины банков, один из самых богатых в зале людей, аккуратно стряхнул со своей сигары два дюйма пепла и сухо произнес:

— Мистер Харриман! Я готов продать вам все мои дивиденды от вашего лунного предприятия, как в настоящем, так и в будущем, за пятьдесят центов.

— Продано! — в восторге заорал Харриман.

Энтенса напряженно следил за происходящим, а затем потянув себя за нижнюю губу, сказал:

— Минутку, мистер Джонс. Я даю доллар.

— Полтора,— ответил Харриман.

— Два,— протянул Энтенса.

— Пять!

Так они некоторое время набавляли, но на десяти долларах Энтенса сдался и сел на место, все еще сохраняя задумчивый вид. Харриман радостно оглядел присутствующих:

— Эй, негодяи! В законах из вас кто-нибудь смыслит?

Вопрос был чисто риторическим: из семнадцати членов правления одиннадцать человек были юристами.

— Тони,— продолжал Харриман,— сделай-ка мне документик на эту покупку, да так, чтобы даже Страшный суд не мог опротестовать. Все интересы — имущественные, природные, прямые и косвенные, настоящие и будущие, и так далее. Чтоб латынь там... Суть контракта в том, что любой доход на Луне, каковой мистер Джонс сейчас имеет, либо может заиметь в будущем — мой. За десять монет, деньги уплачены.

Харриман шлепнул кредиткой о стол.

— Верно, мистер Джонс?

Джонс слегка улыбнулся.

— Верно, друг мой.

Он спрятал бумажку.

— Вставлю ее в рамку. Пусть внуки видят, как легко иногда делать деньги.

Энтенса тем временем переводил взгляд с Джонса на Харримана и обратно.

— Отлично,— сказал Харриман.— Джентльмены! Мистер Джонс определил стоимость доли одного человека в стоимости спутника нашей планеты. Народу у нас около трех миллиардов; стало быть, Луна оценивается в тридцать миллиардов долларов.

Он вынул пачку денег.

— Есть еще идиоты? Покупаю каждый предложенный пай по десятке!

— Даю двадцать! — воскликнул Энтенса. Харриман грустно посмотрел на него:

— Не надо, Джек. Мы ведь заодно. Давай вместе скупать паи по десять.

Диксон постучал по столу, призывая к порядку.

— Джентльмены! Прошу вас заключать подобные сделки после собрания. Кто поддерживает предложение мистера Харримана?

Гастон Джонс сказал:

— По процедуре я обязан довести предложение мистера Харримана до голосования. Прощу поднять руки.

Возражений не последовало. Провели голосование. Одиннадцать против трех. Харриман, Энтенса и Стронг — за, остальные против. Но не успел кто-то предложить разойтись, как Харриман вскочил:

— Я так и думал. Но раз уж Компания более не заинтересована в космических полетах, не будете ли вы любезны продать мне кое-что из патентов, технологий, оборудования, словом, всего, что находится во владении Компании, связано с космосом и не имеет отношения к производству энергии на Земле? Короткий наш медовый месяц со спутником оставил кое-какие запасы, и я хочу задействовать их. Ничего формального: только решение, что политика Компании направлена на всяческое мне содействие, разумеется, не в ущерб своим интересам. Ну как, джентльмены? Это избавит вас от хлопот со мной.

Джонс снова принялся изучать свою сигару.

— Не вижу причин для отказа, джентльмены... Говорю это вам, как лицо незаинтересованное.

— Да, Делос, это можно,— согласился Диксон.— Только продавать не будем; мы все дадим вам в долг. Значит, если вам удастся сорвать банк, Компания сохранит свой интерес. Есть возражения?

Возражений не было. Решение внесли в протокол как стратегию Компании, и собрание было закрыто. Харриман чуть задержался, чтобы посекретничать с Энтенсой и назначить ему встречу. Гастон Джонс, разговаривавший в дверях с Диксоном, помахал компаньону Харримана, Стронгу.

— Джордж, можно личный вопрос?

— Давайте. Только ответа не гарантирую.

— Я всегда считал вас человеком здравомыслящим. Скажите, почему вы поддерживаете Харримана? Он же не в своем уме!

Ответил Стронг не совсем уверенно:

— Я бы должен вас одернуть, он ведь — мой друг... Однако не могу. И все же, черт побери, всякий раз, как у Делоса появлялась дикая идея, она вскоре становилась реальностью! Я терпеть не

могу поддерживать его: это заставляет меня нервничать... Но его предчувствиям научился доверять — больше, чем чьим-либо точнейшим финансовым отчетам.

Джонс поднял бровь:

— У него что, дар Мидаса?

— Можно сказать, да.

— Что ж, не будем забывать, чем кончил Мидас. До свидания, джентльмены.

Харриман наконец отпустил Энтенсу, и Стронг присоединился к нему. Диксон проводил их задумчивым взглядом.

2

Дом Харримана построен был еще в те времена, когда всякий, кто мог, старался поселиться где-нибудь на периферии, да вдобавок — закопаться поглубже в землю. Поэтому над поверхностью виден был лишь коттедж-купол с мощным слоем брони под облицовкой, вокруг которого раскинулся искуснейше спланированный парк. Под землю же дом уходил на несколько этажей и защищен был вполне надежно — разве что бомба упадет прямо на крышу. В случае чего дом мог обеспечить жильцов и воздухом в течение целой тысячи часов. Когда настали «смутные времена», хозяева были вынуждены снести обычную ограду вокруг парка и выстроить взамен новую — с виду точно такую же, однако способную остановить даже танковую атаку. Ворота тоже не давали поводов для тревоги: новое оборудование охраняло их куда надежнее хорошо вышколенных сторожевых псов.

Вдобавок «крепость» Харримана была снабжена почти всеми мыслимыми удобствами. Дорого, конечно, но тут Харриман не жался — Шарлотте дом очень нравился и являлся предметом постоянных ее забот и попечения. В самом начале их супружеской жизни она безропотно сносила все неудобства тесной квартирки над бакалейным магазином; если теперь ей нравится играть с домом «в замок», что на это можно возразить?

Но сейчас Харриман, считай, с нуля начинал новое дело. Несколько тысяч, ежемесячно уходящих на содержание и налоги,

могли ощутимо повлиять на ход событий и направить их либо к госпоже Удаче, либо — к судебному исполнителю. Вечером, после ужина, Харриман решился поговорить с супругой. Как только подали кофе и портвейн, он обратился к Шарлотте:

— Дорогая! А почему б тебе не поехать во Флориду? Отдохнешь пару месяцев...

— Во Флориду?! — Жена изумленно уставилась на него.— Делос, ты с ума сошел! Флорида в это время года невыносима!

— Или в Швейцарию... Да выбирай сама местечко по вкусу и устрой себе настоящий отдых!

— Ох, Делос. Ты снова что-то затеял.

Харриман подавил вздох. «Что-то затеять» для любого мужа было непростительным, даже названия не имеющим грехом. «Что-то затеявший» муж немедля подвергался беспощадному осуждению и суровому наказанию. Он на минуту представил себе, что стряслось бы, если б мужчины всегда и во всем обязаны были подчиняться женщинам — их логике и принципам — точь-в-точь сопливые школяры под присмотром строгого учителя...

— Возможно. Слушай, а этот дом... Он не напоминает тебе известного белого слона? Работать не заставишь — все же священное животное; однако жрет не меньше обычного серого работяги.

— И что?

— Давай его продадим. И землю, она теперь в цене. А со временем построим вместо этого бомбоубежища что-нибудь современное. Как ты считаешь?

Это Шарлотту заинтересовало.

— Да, я уже думала... Делос, я представляю себе... Словом, совсем небольшое шале где-нибудь в горах. Ничего показного, не больше двух... нет, трех слуг. Но, пока мы не построимся, этот дом продавать не следует — иначе где же нам жить?

— Но я же не сию минуту собираюсь строить,— осторожно возразил Хэрримэн.

— А почему нет? Мы с тобой, знаешь, не молодеем, и если хотим иметь что-либо в жизни, то лучше нам с этим не медлить. Ты ни о чем не беспокойся; я сама все организую.

Харриман мысленно прикинул все «за» и «против». Пожалуй, стоит дать ей денег на «небольшое шале». Тогда ей, во вся-

ком случае, придется жить в отеле рядом с местом строительства, а значит, можно будет сбыть с рук эти чудовищные катакомбы. Участок менее чем в десятке миль от города-дороги, принесет гораздо больше, чем надо на ее «шале». Кроме того, бумажник Харримана перестанет ежемесячно худеть на несколько тысяч.

— Похоже, ты права,— согласился он.— Но если начинать строительство сейчас, то за ним придется присматривать на месте, и ты все равно здесь жить не сможешь. Давай избавимся от этого дома. Налоги, содержание — все это стоит громадных денег!

Супруга покачала головой.

— Делос, хватит об этом. Здесь мой дом.

Харриман раздавил в пепельнице едва раскуренную сигарету.

— Ты уж извини, Шарлотта, но тут придется выбирать. Оставшись здесь, ты не сможешь заниматься строительством. Если тебе так уж хочется жить здесь, давай переберемся в коттедж наверху и выставим всех этих прихлебателей, которые все равно только без толку под ногами путаются. Сейчас нам, как никогда, следует экономить.

— Уволить слуг? Делос, если ты думаешь, что я могу взвалить на себя...

— Прекрати! — Он поднялся и отшвырнул салфетку.— Ведение хозяйства вовсе не требует легиона дармоедов. Когда мы поженились, ты и без них отлично справлялась. Да, сама стирала и гладила, зато хозяевами в доме были мы, а не слуги! Все! Оставим дворецкого и повара, а остальных я вышвырну вон!

Жена будто и не слышала:

— Будь любезен, сядь и успокойся, Делос. Почему нам сейчас необходимо экономить? Что у тебя стряслось?

Утомленный, Харриман сел и ответил:

— Со всяким может что-нибудь стрястись...

— Само собой. И все-таки? Почему ты уходишь от ответа?

— Шарлотта! Мы уже давно договорились, что свои дела я оставляю в конторе. Что касается дома... Ну зачем он нам — такой громадный? Другое дело — если б у нас была куча детишек...

— А-а! Ты снова меня этим попрекаешь!

— Видишь ли, Шарлотта,— устало отозвался Харриман,— я никогда тебя этим не попрекал и сейчас не собираюсь. Я всего-то

однажды предложил тебе пойти к врачу и выяснить, в чем тут загвоздка. Однажды предложил, а после двадцать лет был перед тобой виноват. И хватит об этом. Я говорю только о том, что нам двоим нет нужды в двадцати двух комнатах. Хорошо, я дам тебе денег на новый дом,— он хотел сказать сколько, но раздумал.— Или так: закрываем низ и живем в коттедже. Это нам поможет временно сократить расходы.

— Временно? Что случилось, Делос? Что ты собрался делать с нашими деньгами?

Не дождавшись ответа, она двинулась к двери:

— Хорошо. Раз ты молчишь, позвоню Джорджу; он мне скажет.

— Шарлотта, прекрати! Я...

Она внимательно вгляделась в его лицо.

— Что «ты»? Да мне и Джорджу звонить не надо; у тебя же на лбу все написано! У тебя выражение лица точно как в тот раз, когда ты, явившись домой, сказал, что вбухал все наши деньги в те идиотские ракеты!

— Шарлотта, ты об этом зря говоришь! Те «идиотские ракеты» себя оправдали и сделали нам немало денег!

— Неважно. Я знаю, что с тобой, тебе опять на Луну возжелалось! А я не позволю, слышишь?! Завтра, прямо с утра, поеду к Каменсу и выясню, что может привести тебя в чувство.

Жилы на ее шее безобразно вздулись. Харриман призвал на помощь всю свою выдержку:

— Знаешь, Шарлотта, тебе, во всяком случае, жаловаться не на что. Что бы со мной не случилось — твоему будущему это не повредит.

— Думаешь, мне так уж хочется стать вдовой?

Харриман внимательно посмотрел на жену.

— Не знаю, не знаю.

— Что... ты... Скотина безжалостная! — Она так и взвилась над стулом.— Не хочу! Не желаю больше об этом говорить, ясно?!

Не дождавшись ответа, она вышла.

В спальне Харримана уже ждал лакей. Завидев хозяина, он поспешно принялся готовить ванну.

— Кончай,— буркнул Харриман.— Разденусь и сам.

— Распоряжения на вечер, сэр?

— Никаких. А впрочем... Сядь-ка, налей себе чего-нибудь. Слушай, Эд... Ты давно женат?

— Да не считал...— Слуга задумался.— А ведь двадцать три года будет в мае, сэр!

— И... И как оно тебе?

— Грех жаловаться, сэр. Конечно, всяко бывало...

— Понятно. А скажи, Эд, что б ты делал, если бы я тебя уволил?

— Знаете, сэр... Мы с женой частенько говорили, что хорошо бы завести небольшой ресторанчик. Попросту, без претензий, но... Понимаете, сэр: такое место, где джентльмен мог бы спокойно, вкусно и основательно пообедать.

— Стало быть, для холостяков?

— Да нет, сэр, не только. Но там обязательно был бы зал только для джентльменов. Даже без официанток, сэр; я бы сам обслуживал.

— Ну так ищи подходящий ресторан, Эд. Он, считай, уже твой.

3

Как обычно, ровно в девять Стронг вошел в их общий кабинет. Увидев Харримана, он поразился до глубины души. Харриман мог и вовсе не появляться на месте, для Стронга же делом чести было прийти раньше клерков.

Харриман изучал глобус и книгу — последний выпуск «Морского альманаха» — и едва кивнул Стронгу.

— Привет, Джордж. Кто у нас по Бразилии?

— Зачем тебе?

— Надо. Мне нужны несколько опытных руководителей, говорящих по-португальски. И еще несколько — с испанским. Это — не считая трех-четырех дюжин уже имеющихся. Я тут кое-что интересное обнаружил. Гляди. Судя по этим таблицам, Луна отходит к северу или югу от экватора всего-то градусов на двадцать восемь-двадцать девять.

Он приставил к глобусу кончик карандаша и крутанул глобус.

— Примерно так. Что ты, стало быть, на это скажешь?

— Только то, что ты портишь глобус, а он стоит шестьдесят долларов.

— И это — старый торговец недвижимостью! Что покупает человек вместе с земельным участком?

— От купчей зависит... Обычно — права на минералы, всякие полезные ископаемые...

— Вздор, вздор! Допустим, он покупает все, без разделения прав. Как глубоко и высоко простираются его владения?

— Ну, он владеет конусом вниз до центра Земли, это определили в связи со спорными случаями при косом и смещенном бурении нефтеносных земель. Теоретически, он владеет всем, что над его участком — до бесконечности. Правда, в ряде дел после начала коммерческих полетов этот порядок поломали, и для нас это хорошо, иначе пришлось бы платить за каждую ракету тьму всяких пошлин.

— Нет, Джордж, вовсе нет! Ты, видно, плохо те дела смотрел! Было установлено право пролета, но собственность на надземное пространство остается незыблемой! И даже право пролета не абсолютно — можешь, к примеру, выстроить тысячефутовую башню там, где обычно пролетают самолеты и ракеты,— и им придется брать выше, и даже жаловаться на тебя за это никто не станет! Помнишь, как нам пришлось арендовать воздушное пространство к югу от Хьюджес Филд, чтобы там ничего не строили и не помешали ракетам заходить на посадку?

Стронг задумался.

— Понятно. Древнейший принцип землевладения остается незыблемым: вниз до центра, вверх — до бесконечности. И что с этого? Это же чистейшей воды теория! Ты что, хочешь платить пошлины за пролет твоей лунной ракеты?

Стронг бледно улыбнулся своей шутке.

— Ни боже мой, Джордж. Дело в другом. *Кто владеет Луной?*

У Стронга отвалилась челюсть.

— Это ты... шутишь?

— Нет. Повторяю вопрос: если основной закон гласит, что землевладельцу принадлежит все пространство над его фермой до бесконечности, то *кто владеет Луной*? Посмотри-ка на глобус и скажи.

Стронг посмотрел на глобус.

— Да ерунда это, Делос. Земные законы на Луну не распространяются.

— Зато здесь действуют неплохо; именно это меня и беспокоит. Луна постоянно держится над узкой полоской земли, ограниченной двадцатью девятью градусами северной и двадцатью девятью — южной широты. Грубо говоря, если весь тропический пояс будет принадлежать одному человеку, то ему будет принадлежать и Луна. Так? Так. По любой из теорий землевладения, известной в наших судах. И, по логике вещей, которую так обожают законники, выходит, что все владельцы этого земного пояска имеют хорошее, стоящее денег право на Луну, неким образом между ними распределенное. Неясность распределения юристов волновать не будет — они с таких вот распределенных прав и кормятся.

Например, всякий раз, когда оспаривается завещание.

— Фантастика!

— Джордж, когда ты, наконец, поймешь, что юристам до лампочки — фантастика там, не фантастика...

— Так ты что — хочешь скупить весь тропический пояс? Так?

— Не-ет,— протянул Харриман,— но идея неплохая: скупить все права, интересы и привилегии на Луну прежде, чем они появятся у каждого из суверенных держав тропического пояса. Если б я знал, как проделать это тайно, чтоб не взбудоражить рынок, я бы так и сделал. У человека, считающего вещь ни на что не годной, ее можно купить дешево. Он еще будет бояться, как бы ты не раздумал. Однако мой план заключается не в этом. Я хочу основать местные компании в каждой из этих стран. И чтобы законодательные власти каждой страны этим местным корпорациям предоставили особые права на исследования, эксплуатацию, право претендовать от имени правительства на лунные территории, а в качестве награды за идею — еще и право абсолютной собственности для корпорации-патриота. И все это нужно делать втихаря, чтобы не давать слишком уж больших взяток. Конечно, корпорациями будем владеть мы, вот на что нужна группа опытных управляющих. Кажется, битва за Луну будет вроде Армагеддона. И я хочу перетасовать колоду так, чтоб мы выиграли при любом раскладе.

— Но, Делос, это же будет стоить безумных денег. И ты даже не знаешь, попадешь ли когда-нибудь на Луну... не говоря уже о выгоде.

— Мы доберемся! А не определятся с правами — дороже обойдется. Во всяком случае, не обязательно это так уж дорого выйдет. Применение взяток — это из области гомеопатии; их используют, как катализатор. В середине прошлого века четверо парней приехали из Калифорнии в Вашингтон, имея на четверых всего сорок тысяч. Вскоре у них не осталось ни гроша, но конгресс пожаловал им право на постройку железной дороги, а цена такому праву — миллиард! Хитрость в том, чтобы не взбудоражить рынок.

— Эти права тебе все равно ничего не дадут,— покачал головой Стронг.— Луна же не стоит на месте! Конечно, проходит над частными владениями, однако перелетные птицы делают то же самое...

— ... и на них прав нет ни у кого. Ясно. Но Луна *всегда* держится над этой полоской земли. Если ты передвинешь камень у себя в саду, он что, перестанет быть твоим? Ведь законы о правах все еще в силе. Это — как в тех делах о блуждающих островах на Миссисипи. Земля, друг мой Джордж, движется, поскольку река прокладывает новые русла, однако кто-то *всегда* владеет этой землей. В нашем случае я хочу позаботиться о том, чтобы этим «кто-то» стали мы.

Стронг сдвинул брови.

— Я кажется, читал, будто некоторые из дел об островах и побережьях решались так, а другие — этак...

— Возьмем прецеденты, которые нам подходят. Как ты думаешь, отчего жены у юристов в норковых шубках щеголяют? Ладно, Джордж. Вперед!

— Куда?

— За деньгами.

— А-а,— облегченно вздохнул Стронг.— Я-то думал, ты наши деньги хочешь тратить.

— Верно думал. Но их даже на первое время не хватит. С помощью нашего капитала дадим начальный толчок делу, а тем временем разработаем способы получения денег.

Харриман нажал кнопку на своем столе; на экране перед ним тут же появилось лицо начальника юридического отдела, Сола Каменса.

— Сол, есть время забежать к нам и потолковать?

— Что бы там ни было, на все отвечай «нет»,— ответил юрист.— Сейчас приду и сам займусь.

— Отлично. Дело в следующем: тут хотят передислоцировать пекло, и мне предлагают право на транспортировку первого десятка грузовых партий.

Каменс прибыл не так уж скоро. За несколько минут Харриман рассказал ему о своем плане утверждения в правах на Луну, а затем и полете к ней.

— Кроме подставных корпораций,— сказал он,— понадобится организация, которая сможет собирать пожертвования и при том не признавать никаких финансовых интересов вкладчика — как это делает Национальное географическое общество.

— Вы,— покачал головой Каменс,— не можете купить Национальное географическое общество.

— И пошло оно к черту; кто собирается его покупать? Свое откроем.

— Да, именно это я и хотел сказать.

— Хорошо. Я думаю, нам потребуется хотя бы одна недоходная корпорация, свободная от налогов и возглавляемая подходящими людьми. Зачем отдавать кому-то контроль над голосованием? Может, одной будет мало — тогда, по мере надобности, откроем еще. Вдобавок нам нужна еще одна корпорация обычного типа, облагаемая налогами, но не приносящая дохода, пока мы все не подготовим как следует. Суть в том, чтобы отдать недоходным корпорациям весь престиж и славу, а другим — весь доход, если таковой будет в наличии. Будем перебрасывать деньги — на совершенно законных основаниях — так, чтобы недоходные корпорации по мере продвижения дел оплачивали расходы. Подумайте над этим. Обычных корпораций лучше иметь хотя бы пару — в случае чего пусть одна обанкротится, а мы выйдем чистенькими. Таков, в общих чертах, мой план. А ты организуй дело так, чтобы все было по закону. Лады?

— Знаешь ли, Делос,— сказал Каменс,— ты поступишь гораздо честнее, если возьмешь пистолет и пойдешь грабить на большой дороге.

— Что я слышу?! Юрист мне о честности толкует! Нет, Сол, я не собираюсь никого обманывать...

— Вот как?!

— ... а просто хочу слетать на Луну. За это все будут платить и именно это в конечном счете получат. А ты спроворишь все так, чтоб вышло по закону правильно; уж постарайся, будь добр. Помнится, один из юристов Вандербилда-старшего в похожей ситуации сказал старику: «Это же и так просто замечательно, зачем же все портить законностью?» Ладно, брат-медвежатник, я расставляю капканы. Еще что-нибудь нужно?

— Конечно. Думай дальше, голова у тебя светлая. Джордж, ты не будешь любезен попросить подойти Монтгомери?

Монтгомери — начальник рекламного отдела — имел в глазах Харримана два неоспоримых достоинства. Во-первых, он был предан, а во-вторых, сумел бы с помощью рекламы убедить общественность в том, что леди Годива во время своей знаменитой поездки была одета в трусики фирмы «Карес» или что Геракл обрел свою силу только потребляя на завтрак «Кренчиз». Явился он с огромной папкой в руках.

— Хорошо, что вы послали за мной, хозяин! Принимайте работу.

Раскрыв папку на столе перед Харриманом, он принялся демонстрировать ему наброски и схемы.

— Это — Кински. Отличный парень!

Харриман захлопнул папку.

— Это для чего?

— Как «для чего»? Для «Нью Уорлд Хоумс»!

— Видеть не желаю. Мы продаем «Нью Уорлд Хоумс». Погоди, не ори. Пускай ребята доделают: нужно, чтоб перед продажей она поднялась в цене. И слушай сюда.

Он быстро ввел Монтгомери в курс дела. Теперь тот согласно кивал.

— Когда приступать и сколько на это тратить?

— Сию минуту, и тратьте, сколько понадобится. Не надо мелочиться; это — самое большое из всех наших дел.— Стронг при этих словах вздрогнул.— За ночь прикинешь, а утром встретимся и поговорим.

— Секунду, хозяин. Как вы собираетесь втихаря заполучить все эти привилегии от... хм... держателей Луны, развернув при этом большую рекламную компанию о том, что полет важен для всех? Вы сами себя не запутываете?

— Я что, такой дурак с виду? Все права получим до того, как ты запустишь новые пробы. Вы с Каменсом этим и займетесь. Вот вам задачка для начала.

— Хм-м-м...

Монтгомери принялся грызть ноготь большого пальца.

— Хорошо. Кое-что я себе уже представляю. А когда все должно быть готово?

— У вас есть шесть недель. Не успеете, можете принести мне заявление об увольнении, написанное на коже с вашей спины.

— Да я хоть сейчас напишу, только зеркало подержите!

— Какого черта, Монти? Я знаю, тебе не справиться за шесть недель. Но спроворь это побыстрее: мы не можем ассигновать на полет ни цента, пока вы не добудете все эти привилегии. Станете медлить — все с голоду подохнем. Не говоря о том, что до Луны никогда не доберемся.

— Ди-Ди! А к чему тратить время на эти липовые права молью изъеденных тропических стран? Если ты твердо решил лететь на Луну, давай просто вызовем Фергюссона и займемся делом.

— Нравится мне твоя прямота, Джордж,— сказал Харриман.— Однажды, году так в тысяча восемьсот сорок пятом или сорок шестом, один шибко умный американский офицер завоевал Калифорнию. Помнишь, что сделал госдепартамент?

— Нет.

— Заставил отдать ее обратно. То ли он был в положении «вне игры», то ли еще что... А через несколько месяцев пришлось захватывать ее опять. Я не хочу, чтобы с нами случилось что-то подобное. Достичь Луны недостаточно, чтобы предъявлять на нее права; нужно подтвердить эти права в земных судах, иначе у нас будет уйма хлопот. Верно, Сол?

Каменс кивнул:

— Да. Вспомни хотя бы Колумба.

— Вот именно. Мы же не хотим, чтоб нас, как его в свое время, надули.

Монтгомери выплюнул обгрызанный ноготь.

— Хозяин, вы же отлично знаете, что любые заявки от разных там банановых государств, даже все вместе взятые, не стоят и цента! Почему бы нам не выбить из ООН те самые права и не начать дело? Этим я займусь не менее охотно, чем двумя дюжинами косоглазых законодателей. Нет, правда! У меня есть идея: протащим это через Совет Безопасности...

— Продолжай думать над этим, потом воспользуемся. Ты, Монти, не понял, в чем дело. Естественно, все эти заявки ни хрена не стоят — кроме головной боли. Но это-то для нас и важно! Слушай. Допустим, мы достигли — или вот-вот достигнем — Луны. Все эти страны поднимут хай, мы их сами к этому подтолкнем через те липовые корпорации, которые они наделили правами. Куда они побегут жаловаться? Конечно, в ООН! Далее. Все крупные, солидные и богатые государства нашей планеты находятся в северном либо умеренном поясе. Они услышат, на чем основаны наши права, и злобно посмотрят на глобус. Дурак, и тот поймет, что Луна ни над одним из них не проходит. Самая большая страна — Россия — не имеет ни горсти песка южнее двадцать девятого градуса северной широты. А значит, все притязания отклонят.

— А отклонят ли? — продолжал он после некоторой паузы.— США будет тормозить — Луна ведь проходит над Флоридой и югом Техаса. Вашингтон станет колебаться: то ли встать на защиту тропических стран и традиционной теории землевладения, то ли считать, что Луна общая. А может, вообще США стоит попробовать загрести себе всю Луну, ведь первыми туда добрались американцы? Тут-то мы и выйдем на свет божий. Неожиданно оказывается, что лунный корабль принадлежит некоммерческой корпорации, учрежденной самим ООН, и эта корпорация оплатила все расходы.

— Погоди,— перебил его Стронг.— Разве ООН может учреждать корпорации?

— А вот увидишь. Правда, Сол?

Каменс кивнул.

— Во всяком случае, корпорация у меня уже есть, я ее несколько лет назад основал. Она может заниматься почти всем, чем угодно, то есть всем, что относится к научно-образовательной деятель-

ности, а это — понятие весьма широкое. Теперь вернемся к нашему делу. Эта корпорация, учрежденная ООН, попросит своего учредителя объявить лунное поселение автономной территорией под протекторатом ООН. На членство поначалу претендовать не будем, чтоб попроще выглядело.

— Он говорит «попроще»! — сказал Монтгомери.

— Именно. Фактически это поселение будет суверенным государством, имеющим право владения всей Луной и — слушайте внимательно! — право покупать, продавать, принимать законы, давать разрешения на земельные участки, устройство монополий, сбор пошлин и так далее, до бесконечности. И всем этим будем владеть *мы*! По той простой причине, что большие государства в ООН не смогут изобрести претензий, которые выглядели бы так же законно, как и у экваториальных стран. Если они попробуют применить силовое давление, то в жизни не договорятся о разделе добычи. Если США будут притязать на всю Луну, остальным крупным государствам это придется не по вкусу. Так что они решат сделать проще: сохранить права самого ООН. А фактически — право контроля над всеми юридическими и экономическими делами будет наше. Как тебе мой план, Монти?

Монтгомери просиял:

— Будь я проклят, если знаю, зачем вся эта каша, хозяин, однако мне нравится! Здорово.

— А по-моему, совсем наоборот,— проворчал Стронг.— Делос, я помню, ты всякие сделки проворачивал. Некоторые были такими путаными, что даже меня выворачивало, но эта... Похоже, тебя начинает заносить.

Харриман глубоко затянулся сигарным дымом.

— Ничего подобного, Джордж. Можешь говорить что угодно, а я собираюсь на Луну! И если для этого придется водить за нос миллионы людей — я это буду делать!

— Но зачем же так?

— А как?

— Ну... Я бы учредил обычную корпорацию, получил бы резолюцию Конгресса, по которой моя корпорация стала бы средством, избранным государством...

— Взятки?

— Не обязательно. Достаточно будет некоторого нажима. Затем нашел бы деньги и совершил полет.

— А затем США загребли бы под себя всю Луну?

— Ну да,— ответ Стронга прозвучал несколько холодно.

Харриман встал и прошелся по кабинету.

— Ты не понимаешь, Джордж. Луна — не для того, чтоб ей владела одна страна, пусть даже США.

— Наверное, она — для того, чтоб ей владел ты.

— Ну, если я буду некоторое время владеть Луной, то не стану делать ей больно и присмотрю, чтоб другие тоже не делали. Черт побери! Национализм нужно оставлять в стратосфере. Вы себе представляете, что произойдет, если США станет претендовать на владение Луной? Другие этого не признают, и вопрос будет постоянно торчать у Совета Безопасности, как кость в горле. И как раз тогда, когда все вроде бы наладилось; когда человек может спокойно заниматься своим делом, не боясь, что каждые несколько лет ему будут грозить войной. Другие страны до смерти испугаются Соединенных Штатов — и совершенно обоснованно. Они будут каждую ночь смотреть в небо, ожидая, что с лунных баз США им на головы посыплются ракеты. Что ж они, смогут в такой обстановке спокойно жить? Ну уж нет! Они постараются заполучить кусочек Луны и для собственных интересов! Луна слишком велика, чтобы принадлежать кому-то одному. Там возникнут другие базы, и тут уж начнется война — да такая, какой наша бедная Земля еще не видывала. А виноваты во всем окажемся мы. Нет уж. Дело должно обстоять так, чтобы все могли быть спокойны. И потому мы должны просчитать все варианты и хитрить до тех пор, пока план наш не начнет работать. И еще, Джордж. Если мы заявим о правах США на Луну, где будем мы с нашим бизнесом?

— Впереди всех.

— Сейчас! Да нас тут же выведут из игры! Министерство обороны скажет: «Спасибо вам огромное, мистер Харриман и мистер Стронг, в интересах безопасности государства мы берем дела в свои руки, а вы можете отправляться домой». И что нам останется, кроме как пойти домой и ждать атомной бомбы с неба? Но я не собираюсь так поступать, Джордж. Я не позволю военным

встрять в это дело. Я собираюсь основать поселение на Луне и пестовать его, пока оно не подрастет настолько, чтобы ходить собственными ножками. Клянусь, это — самое большое дело в истории человечества со времен открытия огня! При правильном подходе оно приведет нас в прекрасный, новый мир. А при неправильном — столкнет прямиком в Армагеддон, и обратного билета не будет. Этот мир приближается и скоро наступит — с нашей помощью или без нее. Однако я сам собираюсь стать Первым человеком на Луне и собственными глазами посмотреть, хорошо ли с ней обращаются.

Харриман умолк. Стронг осведомился:

— Делос, ты уже завершил свою проповедь?

— Черта с два! — огрызнулся Хэррримэн.— Все-таки ты видишь вещи в другом свете. А знаешь, что мы можем там обнаружить?

Харриман устремил палец вверх.

— *Людей!*

— На *Луне?!* – спросил Каменс.

— А почему нет,— прошептал Монтгомери.

— Да не на Луне. Я был бы удивлен, если на этой безвоздушной скорлупке кто-нибудь жил. Луна кончилась. Я говорю о других планетах — Марс, Венера, спутники Юпитера... Может, и на звездах! Допустим, где-нибудь мы встретим-таки людей. Что это может для нас означать? Мы были совершенно одиноки во Вселенной — единственная разумная жизнь в единственном известном нам мире. Объясниться с собаками или обезьянами еще не удавалось. Все вопросы приходилось разрешать самим, будто всеми покинутым сиротам. А если мы встретим людей, разумных людей со своим образом мыслей?! Наше одиночество кончится! Мы сможем поднять взгляд к звездам, без всякого страха!

Харриман устало замолчал. Он будто даже смутился из-за своего порыва, словно его застали за каким-нибудь очень уж интимным занятием. Стоя перед собеседниками, он внимательно вглядывался в их лица.

— Ну, хозяин, вы даете,— восхитился Монтгомери.— Это можно использовать. Как вы считаете?

— А ты что — все запомнил?

— Зачем же? Просто незаметно включил запись.

— А, лопни твои глаза!

— Пустим это дело на видео — может быть, в пьесе...

Харриман с мальчишеским задором улыбнулся:

— В жизни играть не пробовал, но если ты думаешь, что так надо — сыграю.

— Нет, хозяин, только не это,— ужаснулся Монтгомери.— Тип не тот. Тут, наверное, подойдет Бэзил Уилкс-Буз. Голос, будто орган, лицо ангельское — вместе с ними текст произведет впечатление.

Покосившись на свое брюхо, Харриман буркнул:

— Ладно, к делу. Теперь — о деньгах. Во-первых, одна из недоходных корпораций может собирать пожертвования — ну, как колледжи делают. Постараемся раскрутить на пожертвования самых богатых, которым действительно надо скостить налоги. Сколько, по-вашему, мы можем с них поиметь?

— Немного,— сказал Стронг.— У этой коровки молоко иссякло.

— Оно не иссякнет! Вокруг полно богачей, которые охотно подарят кому-нибудь деньги, лишь бы налогов не платить. А сколько может заплатить человек, желающий, чтобы один из лунных кратеров назывался его именем?

— А я-то думал, кратеры все уже названы,— заметил юрист.

— Большинство — нет. И у нас в запасе вся обратная сторона, еще не тронутая. Сегодня мы не будем делать точных оценок, просто будем иметь в виду этот источник. Монти, надо подумать, как выжать даймы из школьников. Сорок миллионов школьников — с каждого по дайму, будет четыре миллиона долларов — тоже на дороге не валяются.

— А зачем же останавливаться на десяти центах,— сказал Монти.— Если мы действительно сможем заинтересовать школьника, он и доллар наскребет.

— И что мы дадим ему за этот доллар? Кроме, конечно, чести участвовать в таком благородном начинании?

— Ну...

Монтгомери закусил ноготь указательного пальца.

— Допустим, они будут слать нам — кто доллары, кто даймы. Приславший дайм получит членский билет клуба «Лунный свет»...

— Нет, лучше «Юный космонавт».

— Ладно, а в « Лунном свете» пусть будут девочки. И не будем забывать о скаутах. Каждый школьник получит такой билет. Если он даст нам еще дайм — поставим в билете штамп. Когда он наштампует на доллар — получит сертификат со своим именем и виньетками, а на обороте — фотоснимок Луны. Можно в рамку вставить...

— Луна — на *лицевой* стороне,— сказал Харриман.— Все нужно печатать с одного оттиска — и дешевле, и красивее.

Следует дать малышу и еще что-нибудь, к примеру, пообещать, что его имя появится в списке Юных первооткрывателей Луны, а список будет помещен в монумент, который воздвигнут на Луне в том месте, где приземлится первый корабль... Конечно, список надо микрофильмировать — никакого избыточного веса!

— Отлично,— согласился Монтгомери.— А когда он доберется до десяти долларов, дадим ему настоящий позолоченный значок с метеоритом и звание старшего первопроходца с правом голоса или чего-нибудь там еще. И пообещаем, что имя его будет вычеканено на платиновой пластине *снаружи* монумента.

Стронг скроил кислую мину, будто лимон разжевал.

— А что будет, если он пришлет сто долларов?

— Ну, тогда,— радостно ответил Монтгомери,— мы дадим ему новый билет, и он сможет начать все сначала. Вы об этом не беспокойтесь, мистер Стронг,— если кто из ребятишек зайдет так далеко, то будет вознагражден соответственно. Может быть, устроим ему экскурсию — осмотр корабля перед отлетом — и совершенно бесплатно дадим его собственное фото на фоне корабля и с автографом пилота, автограф нам любая секретарша нацарапает.

— Детишек обирать... Как не стыдно!

— Почему же «обирать»? — оскорбился Монтгомери.— Неосязаемые вещи — самый лучший товар! Они всегда стоят ровно столько, сколько вам не жаль на них потратить. К тому же они не портятся со временем, так что можете спокойно забрать их с собой в могилу.

— Н-да-а....

Харриман выслушал все это с улыбкой и не сказал ничего. Каменс откашлялся:

— Если вы, упыри, уже насосались кровью юности планеты, у меня есть еще идея.

— Вперед!

— Джордж, ты ведь марки собираешь, так?

— Так.

— Сколько может стоить конверт со спецгашением, сделанным на Луне?

— Э-э... Но мы ведь не сможем этого проделать, ты сам знаешь.

— Думаю, не будет большой беды, если мы объявим лунный корабль официальным почтовым отделением. Сколько может стоить такой конверт?

— Зависит от того, сколько их будет выпущено.

— Должно быть некое оптимальное количество, чтоб доход вышел как можно больше. Можешь прикинуть?

Стронг уставился в потолок, затем вынул карандаш и начал считать. Харриман продолжал:

— Сол, я тут припоминаю, как удачно купил у Джонса его лунные дивиденды. Как там, по-твоему, насчет продажи участков под застройку?

— Делос, давай посерьезней. Этого делать нельзя, пока ты не достигнешь Луны.

— Я совершенно серьезен. Ты, наверное, думаешь о тех правилах, что действовали в сороковых годах: каждый участок надо застолбить и дать подробное описание. Я хочу продавать лунные участки, а ты придумай, как это сделать по закону. Если получится, продам всю Луну — права на землю, на полезные ископаемые — на все.

— Если кто-нибудь захочет купить.

— Отлично! Чем дальше, тем веселей. Обрати внимание также и на то, как именно мы будем облагать налогом то, что продадим. Если земля не будет использована и налогов платить не станут, она вернется к нам обратно. Ты пока что ты прикинь, как это сформулировать, чтобы не угодить сразу в тюрьму. Наверное,

следует вначале разрекламировать это в Европе, а распродажу провести исключительно в нашей стране. Вроде билетов ирландского тотализатора.

Каменс призадумался.

— Можно зарегистрировать фирму по торговле недвижимостью в Панаме, а рекламировать по радио и телевидению из Мексики. Ты что, и вправду веришь, что на эту ерунду найдутся покупатели?

— Да продать можно хоть лед в Гренландии,— заявил Монтгомери.— Все дело в рекламе.

— Ты, Сол, читал о земельном буме во Флориде? — спросил Харриман.— Там покупали участки не глядя, и не глядя продавали за тройную цену. Порой участок успевал сменить дюжину хозяев, пока не обнаруживалось, что он расположен под водой, на глубине десяти футов. А мы предлагаем кое-что получше: акр суши — гарантированной — и солнечного света хватает; по цене, скажем, десять долларов. Либо тысяча акров по доллару за каждый. Кто устоит перед такой сделкой? Особенно после слухов о том, что на Луне должны быть гигантские залежи урана?

— Должны быть?

— Да почем я знаю?! Когда ажиотаж начнет стихать, объявим о выборе места для Луна-Сити, и — совершенно случайно — окажется, что окрестные земли все еще ждут своих хозяев. Не волнуйся, Сол, мы с Джорджем продадим любую недвижимость. Помнится, на плато Озарк, где земля, как известно, набекрень, мы продавали обе стороны каждого акра!

Харриман на минуту задумался.

— Хотя, наверное, стоит оставить за собой права на минералы. А вдруг там действительно окажется уран?

— Делос,— усмехнулся Каменс,— ты все еще ребенок в душе. Такой переросший, толстый и симпатичный малолетний преступник.

Стронг поднял взгляд.

— Думаю, полмиллиона.

— Чего полмиллиона? — не понял Харриман.

— Доход от конвертов со спецгашением. Ну, мы же говорили! Оптимальное количество, какое можно предложить серьезным

коллекционерам и торговцам — пять тысяч экземпляров. Даже если нам придется отдать их со скидкой синдикату и придержать до окончания постройки корабля, когда полет станет выглядеть достаточно реально.

— Хорошо,— согласился Харриман,— займись. А мы запомним, что ближе к концу у тебя в загашнике будут полмиллиона.

— А мне комиссионные? — спросил Каменс.— Идея-то моя!

— Получишь за нее громадное спасибо и десять акров Луны. Откуда еще можно извлечь доход?

— А продавать акции ты не хочешь? — спросил Каменс.

— Да, я как раз подошел к акциям. Естественно, продавать будем, однако — никаких привилегированных акций — зачем нам возня с реорганизациями? Обычные акции без права голоса.

— Значит, еще одна корпорация в банановой республике?

— Конечно. Но часть продадим на Нью-Йоркской бирже; тебе придется поработать над этим с биржевым комитетом. Совсем немного — только для вида. Нужно, чтобы они хорошо продавались и вырастали в цене.

— А можно, я лучше переплыву Геллеспонт*?

— Ладно, Сол, не хнычь. Это совсем не больно.

— Ты уверен?

— Все, что от тебя требуется... Тьфу ты!

На столе перед Харриманом засветился экран. Секретарша сказала:

— Мистер Харриман, к вам — мистер Диксон. Ему не было назначено, но он уверяет, что вы хотели бы его видеть.

— А я думал, что выключил эту ерунду,— проворчал Харриман. Нажав кнопку, он ответил:

— Ладно, пусть войдет.

— Слушаю, сэр... Ох, мистер Харриман, тут пришел еще мистер Энтенса...

— Пусть войдут оба.

Выключив аппарат, Харриман обратился к своим сотрудникам:

— Вы, стадо обезьян! Рты на замок — да бумажники берегите.

— Чья бы корова мычала,— ответствовал Каменс.

Войдя следом за Энтенсой, Диксон сел, огляделся, хотел было что-то сказать, но раздумал и снова оглядел присутствующих, в особенности — Энтенсу.

— Выкладывай, Дэн,— подбодрил его Харриман.— Тут только мы — бе-е-едные, маленькие овечки.

Наконец Диксон решился.

— Я хочу поддержать тебя в этом деле, Ди-Ди,— объявил он.— И для демонстрации своей искренности я вот что добыл.

Он вынул из кармана бумагу официального вида. Это была купчая, по которой к Диксону переходили все лунные дивиденды Финеаса Моргана. Документ был составлен так же, как и тот, что скреплял сделку между Джонсом и Харриманом. Энтенса, заметно удивившись, полез во внутренний карман пиджака. На свет божий появились еще три таких купчих — каждая от одного из членов энергетического синдиката. Харриман насторожился.

— Джек принимает и удваивает. Дэн, ваше слово.

— Могу только принять,— невесело улыбнулся Диксон. Он вынул из кармана еще два таких же документа и прибавил к своему первому, а затем протянул Энтенсе руку.

— Что ж, ничья.

О семи купчих, переданных по факсу и лежащих в ящике стола, Харриман решил до времени умолчать. Недаром вчера, прежде чем уснуть, он до полуночи просидел на телефоне.

— Джек, почем брал?

— Стэндиш запросил тысячу, остальные — дешевле.

— А, черт тебя побери! Предупреждал же: не взвинчивайте цену... Теперь Стэндиш всем разболтает. А ты, Дэн?

— Мои цены были более чем умеренными.

— Ага, скрываешь! Ладно, не волнуйся. Джентльмены, а насколько серьезно вы к этому относитесь? Сколько денег вы нам принесли?

Энтенса покосился на Диксона. Тот сказал:

— А сколько надо?

— Сколько можешь достать?

Диксон пожал плечами.

— Так мы ни до чего не договоримся. Давай называть цифры. Допустим, сто тысяч.

— А, ясно,— фыркнул Харриман,— ты хочешь купить себе место на первом рейсовом корабле. Ладно, за сто штук продам.

— Делос, давай кончим эти хиханьки. Сколько?

Хотя лицо Харримана выражало абсолютное спокойствие, он лихорадочно соображал. Черт возьми, информации слишком мало — он даже не успел обсудить смету с главным инженером. Какого черта он не выключил видеофон?!

— Дэн, я уже говорил, с тебя следует, по меньшей мере миллион. Это — за вход в игру.

— Так я и думал. А сколько ты возьмешь с меня за то, чтобы остаться в игре?

— Все, что у тебя есть.

— Не будь идиотом, Делос. У меня денег больше, чем у тебя.

Харриман закурил сигару — только это выдавало его волнение.

— Ладно, доллар за доллар — и ты нам подойдешь.

— И по две доли на каждый доллар.

— Ну ладно, ладно. Будешь вносить по доллару всякий раз, как все остальные внесут по доллару, пай на пай. Но главный здесь — я.

— Да, заправлять всем будешь ты,— согласился Диксон.— Хорошо. Я сей же момент вкладываю миллион и вместе с вами добавлю по мере надобности. Вы, конечно, не будете возражать, если мой бухгалтер будет проверять отчетность?

— Дэн, когда я тебя обманывал?

— Никогда. И впредь не стоит.

— Черт с тобой. Но вначале как следует убедись, что твой парень будет держать язык за зубами.

— Будет. Душа его — в кувшине, а кувшин — в моем сейфе.

Харриман тем временем пытался представить себе, насколько велик капитал Диксона.

— Но мы могли бы разрешить тебе выкупить второй пай позже, Дэн. Хотя он тебе дорого обойдется.

Диксон свел кончики пальцев.

— Это мы в свое время обсудим. Я никогда не позволяю делу свернуться только из-за нехватки средств.

— Хорошо,— Харриман обратился к Энтенсе.— Ты слышал, на каких условиях мы приняли Дэна? Тебя они устраивают?

Лоб Энтенсы покрылся мельчайшими капельками пота:

— Я не смогу так вот сразу выложить миллион.

— Все в порядке, Джек. Сегодня утром он нам еще не понадобится. У тебя есть репутация хорошего дельца, так что можешь распродавать свое имущество не торопясь.

— Но ты говоришь, миллион — только для начала. А если я не смогу слишком долго вкладывать деньги вровень с вами? Срок надо как-то ограничить — у меня, в конце концов, семья...

— И никаких ежегодных рент? Никаких вкладов в тресты с неизменным уставом?

— Дело не в том. Вы можете выжать меня досуха — а затем вышвырнуть.

Харриман ждал, что на это скажет Диксон. Наконец тот заговорил:

— Мы не станем выжимать тебя, Джек, пока ты будешь в состоянии доказать, что конвертировал каждый свой актив. Мы позаботимся, чтобы ты мог держаться вровень с нами.

— Да, так и будет,— подтвердил Хэрримэн.

В этот момент он думал, что любое уменьшение пая Энтенсы даст им со Стронгом подавляющее большинство при голосовании. Стронг думал о том же и потому заявил:

— Мне это не нравится. Четверо равноправных компаньонов — слишком легко зайти в тупик.

— Я даже думать об этом не желаю,— пожал плечами Диксон.— Я пришел к вам потому, что, могу спорить, Делос в любом случае умудрится получить доход.

— Мы достигнем Луны, Дэн!

— Да я не о том. Могу спорить, прибыль будет в любом случае. Вчера я весь вечер читал весьма интересные отчеты о деятельности нескольких ваших компаний. Ужасно занимательно! Думаю, мы разрешим любые проблемы, если дадим директору — то есть, тебе, Делос,— полномочия лично разрешать противоречия. Энтенса, вы согласны?

— Конечно!

Харриман насторожился, хотя старался никак не выказывать волнения. Бойся Диксона, дары приносящего. Внезапно он поднялся:

— Мне пора, джентльмены. Поручаю вас мистеру Стронгу и мистеру Каменсу. Монти, идем.

За Каменса опасаться не приходилось: раньше времени он даже полноценным компаньонам ничего не скажет. Что касается Джорджа Стронга — тот даже своей левой руке не позволит узнать, сколько пальцев на правой.

За дверью он отпустил Монтгомери и пересек холл. Главный инженер «Харриман, Энтерпрайзис», Эндрю Фергюссон, встретил его словами:

— Здравствуйте, босс. Кстати, мистер Стронг сегодня утром подкинул мне интересную идейку — автоматический выключатель. На первый взгляд — несколько экстравагантно, однако...

— Оставь. Отдай кому-нибудь из своих гавриков, а сам забудь. Ты знаешь сегодняшнюю политику Компании?

— Говорили тут кое-что,— осторожно ответил Фергюссон.

— Гони к черту того, кто говорил. Нет, лучше пошли со спецзаданием в Тибет и держи там, пока мы не закончим. Ладно, к делу. Я хочу, чтобы ты построил корабль для полета на Луну. И чем скорее — тем лучше.

Фергюссон вынул перочинный нож и, перекинув ногу через подлокотник, принялся чистить на руках ногти.

— Вас послушать — это не сложней, чем сортир построить.

— А чего сложного? Теоретически — подходящее топливо существует еще с сорок девятого года. Подбери команду конструкторов и рабочих для постройки. Ты будешь строить, а я — платить. Чего же сложного?

Фергюссон уставился в потолок.

— Значит, подходящее топливо...

— Именно. Судя по цифрам, кислорода с водородом вполне хватит, чтобы доставить ступенчатую ракету на Луну и обратно. Все дело — в правильном проекте.

— Значит, в правильном проекте...— ласково протянул Фергюссон. Внезапно он вскочил, вонзил нож в изрезанную столешницу и заревел:

— Да что вы понимаете в проектах?! Сталь где брать?! Из чего делать вкладыши для сопел?! Каким образом, дьявол меня побе-

ри, жечь достаточно тонн смеси в секунду, чтоб вся энергия не пошла псу под хвост?! Как получить нужный коэффициент массы для ступенчатой ракеты?! Почему, черт вы старый, вы не позволили мне построить корабль, когда у нас было топливо?!

Харриман дал ему выкричаться, а затем сказал:

— Что тебе понадобится, Энди?

— Уф-ф-ф! Я думал над этим с того момента, как лег вчера спать. И моя старуха на вас в обиде — остаток ночи я был вынужден провести на диване. Прежде всего, мистер Харриман, за это нужно взяться с правильной стороны: то есть получить заказ на исследования от Министерства обороны, а потом...

— Нет уж. Ты, Энди, занимайся проектом, а всю политико-финансовую шелуху оставь мне. Тут мне твои советы не нужны.

— Делос, какого дьявола! Надо все делать с толком. Это ведь действительно серьезная проектная работа, а правительству принадлежит уйма данных по ракетной технике — все то, что от нас засекречено. И без соглашения с правительством в них даже краем глаза не заглянуть!

— Там не может быть ничего интересного. Чем правительственные ракеты лучше наших «Скайуэйз»? Ты сам говорил, что государственные технологии в ракетном деле больше не стоят и ломаного гроша.

— Наверное, непрофессионал этого не поймет,— несколько высокомерно заявил Фергюссон.— Вам следует принять за аксиому, что отчеты о правительственных исследованиях нам нужны. Какой смысл выбрасывать тысячи на ту работу, которая уже проделана?

— Если надо — трать.

— А если понадобятся миллионы?

— Трать, не бойся, Энди, я не хочу, чтобы военные наложили на это лапу.

Детально объяснять суть своего решения он не стал.

— Тебе действительно так уж нужна эта их засекреченная ерунда? Разве нельзя получить все эти сведения, просто наняв инженеров, работавших на правительство? Или даже нынешних переманим...

Фергюссон поджал губы.

— Если вы сами суете палки в колеса, зачем же торопиться с результатами?

— Я вовсе ничего подобного не делаю! Просто говорю, что проект не имеет никакого отношения к правительству. Если не хочешь работать над ним в таких условиях, скажи сразу, я найду кого-нибудь другого.

Фергюссон принялся играть в «ножички» сам с собой, вгоняя нож в столешницу. Дойдя до «носка» и срезавшись, он спокойно сказал:

— Есть тут один парень. Он работал на правительство в «Уайт Сендз». Крутой парнишка — главный конструктор отдела.

— И он мог бы возглавить твою команду?

— Пожалуй.

— Фамилия? Адрес? Место работы?

— Э-э... Дело в следующем. Когда правительство свернуло исследования в «Уайт Сендз», я подумал: это же просто позор на весь мир, если такой парень останется без работы. И я пригласил его в «Скайуэйз». Он — наш главный инженер по обслуживанию тихоокеанского побережья.

— Техобслуживание?! Что же это за занятие для творческой личности?! Значит, он работает у нас? Ну-ка, соедини меня с ним! Или нет: звони сам, пусть его отправляют сюда спецракетой — поговорю с ним за обедом.

— И так уж сложилось,— спокойно продолжал Фергюссон,— что прошлой ночью я встал и позвонил ему. На это моя благоверная и разозлилась. Он ждет за дверью, а фамилия его — Костер. Боб Костер.

Лицо Харримана расплылось в улыбке.

— Энди! Бессовестный старый мерзавец! Ты зачем мне голову морочил?

— Я и не думал. Мне нравится у вас работать, мистер Харриман. И все, что надо, я сделаю, если мне не будут мешать. Я вот что думаю: назначим этого парнишку, Костера, главным инженером проекта и введем в курс дела. Я вмешиваться не стану, буду только читать его отчеты. И вы тоже его не троньте, ладно? Для технаря хуже нет, чем безграмотный дилетант с толстым кошельком, который всюду сует свой нос и жить учит.

— Идет. Я тоже не хочу, чтобы какой-нибудь старый, мерзкий скопидом его тормозил. Думаю, ты не станешь ему слишком долго докучать, иначе я из-под тебя коврик выдерну. Договорились?

— По-моему, да.

— Тогда зови!

Видимо, Фергюссон считал «парнями» всех, кто моложе тридцати пяти: именно столько и дал бы Харриман вошедшему. Костер был высок, худощав, спокоен и целеустремлен. Сразу же после рукопожатия Харриман взял быка за рога:

— Боб, сможешь построить ракету, которая долетит до Луны?

Костер и глазом не моргнул:

— А где вы возьмете Х-топливо? — в свою очередь осведомился он, употребив жаргонное название, каким всякий ракетчик обозначал изотопное горючее, производившееся на спутнике до недавнего времени.

— Его взять негде.

Костер немножко поразмыслил, а потом ответил:

— Могу доставить беспилотную ракету на поверхность Луны.

— Этого мало. Я хочу, чтобы она достигла Луны, приземлилась, а затем вернулась обратно. Будет ли она на обратном пути садиться на двигателях, или атмосфера ее затормозит — уже неважно.

Видно было, что ответы свои Костер всякий раз обдумывает.

Харриману даже почудился скрип шестеренок в его голове.

— В копеечку влетит.

— Тебя не спрашивают, во что это нам обойдется. Ты сможешь это осуществить?

— Могу попробовать.

— Кой черт пробовать?! Ты уверен, что справишься? Сможешь отдать за это последнюю рубашку? Хочешь ли, пробуя, рискнуть своей шеей? Если ты, парень, не уверен в себе, то всегда останешься в проигрыше!

— А чем рискуете вы, сэр? Как я уже сказал, проект дорогой. Сомневаюсь, что вы представляете себе, насколько он дорогой.

— Я же сказал, деньги — моя забота. Трать, сколько понадобится, счета я оплачу. Что, берешься?

— Берусь. Через некоторое время дам вам знать, сколько потребуется денег и времени.

— Вот и замечательно. Сегодня же начнешь подбирать себе людей. Энди,— обратился Харриман к Фергюссону,— где будем строить? В Австралии?

— Нет,— ответил за Фергюссона Костер.— Австралия не подойдет. Тут нужна гора для катапульты; это сэкономит нам одну ступень.

— Какой высоты гора? Пик Пайкс подойдет?

— Она должна быть в Андах,— возразил Фергюссон.— Там и горы повыше, и к экватору ближе. Кроме того, у нас там уже кое-что есть, а все остальное обеспечит «Андс Дивелэпмент Компани».

— Ладно,— сказал Харриман,— ты, Боб, делай, как знаешь. Я бы предпочел пик Пайк, но ты выбирай сам.

Харриман думал о том, что размещение первого земного космопорта на территории США было бы очень выгодно. Он уже видел широкие возможности для рекламы; старт лунного корабля был бы виден с вершины пика за сотни миль...

— Я дам вам знать.

— Теперь — о зарплате. Забудь о том, сколько тебе платили раньше. Сколько ты хочешь?

Костер лишь махнул рукой:

— Мне хватит пирожных и кофе.

— Да ты с ума сошел, парень!

— Дайте договорить. Кофе с пирожными, и еще: я сам хочу лететь.

Харриман вздрогнул.

— Понимаю,— протянул он.— Тогда, если не поведешь корабль сам, рассчитывай его на три места.

— Я же не пилот...

— Значит — только три места. Я полечу тоже.

4

— Хорошо, что вы надумали войти в дело, Дэн,— говорил Харриман,— а то вскоре остался бы без работы. Я собираюсь как следует прижать энергетическую компанию.

Диксон намазывал булочку маслом.

— Да неужели? Как же это?

— Мы установим за углом, то есть на обратной стороне Луны, высокотемпературные реакторы, вроде того, аризонского, что взорвался. Управление будет дистанционным, так что, если один из них взорвется, вреда особого не будет. В неделю я стану производить столько Х-топлива, сколько компания — за три месяца. Не думай, тут никаких личных счетов. Просто хочу иметь источник топлива для межпланетных кораблей. Если нельзя делать его здесь, будем производить на Луне.

— Любопытно. А урана на шесть реакторов где возьмешь? По последним данным от комиссии по ядерной энергетике — все поступления распределены на двадцать лет вперед.

— Ха-ха, «где мы возьмем уран»! Не строй из себя незнайку. Там же, на Луне, и возьмем.

— На Луне? Там есть уран?

— А ты не знал? Я думал, ты именно поэтому и вошел в дело...

— Нет, не знал,— протянул Диксон.— Чем ты можешь это доказать?

— Ну, я же не ученый... Но это же всякому ясно! Спектроскопия и тому подобное... Любого профессора спроси; только слишком много любопытства не выказывай, раскрывать карты пока что рано.

Харриман поднялся.

— Все, я должен бежать, иначе не успею на роттердамский «шаттл». Спасибо за обед.

Схватив шляпу, он стремительно вышел.

Харриман встал:

— Поступайте, как знаете, минхер ван дер Вельде. Но я даю вам и вашим коллегам верный шанс. Все ваши геологи знают, что алмазы — продукт вулканической деятельности. Как вы думаете, что мы найдем в этих местах?

С этими словами он бросил на столик голландца большую фотографию — лунный ландшафт. Ювелир бесстрастно взирал на поверхность планеты, усеянную тысячами громадных кратеров.

— Вначале, мистер Харриман, вам нужно туда добраться.

Харриман сгреб фото со стола.

— Мы туда доберемся. И найдем алмазы, хотя я первый признаю, что до того, как мы отыщем достаточно большое месторождение, у вас еще есть в запасе лет двадцать или тридцать. Я пришел к вам вот почему: для нашего общества наибольшую опасность представляет тот человек, который вводит в экономику новый фактор и при этом вовсе не думает о мирном урегулировании. Я не хочу вас пугать, я только предупреждаю. До свидания.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Харриман. Меня всегда сбивает с толку забота посторонних о моих интересах. Давайте лучше так: скажите мне, какие интересы преследуете вы сами, а затем мы сможем обсудить, как защитить мировой рынок от внезапного наплыва лунных алмазов.

Харриман сел. Он любил Нидерланды. Он приходил в восторг, видя двуколку молочника, влекомую запряженным в нее псом, маленький хозяин которого шел следом в настоящих деревянных башмаках. Счастливый, он делал снимки и щедро давал ребенку на чай, даже не задумываясь о том, что все это организовано исключительно для туристов.

Он посетил нескольких торговцев алмазами, но о Луне ни с кем из них не говорил. Среди всех прочих покупок была и брошь для Шарлотты — в знак примирения.

Затем Харриман взял такси до Лондона, распустил слухи между представителями тамошнего алмазного синдиката, дал своим лондонским представителям задание застраховаться у Ллойда через подставных лиц *от* успешного полета на Луну и позвонил в свою контору, выслушав бесконечные отчеты Монтгомери и узнав, что тот посетил Нью-Дели. Харриман тут же позвонил ему туда, обстоятельно с ним поговорил и поспешил в порт, чтоб успеть на корабль, который к следующему утру доставил его в Колорадо.

В «Петерсон Филд», что к востоку от Колорадо-Спрингс, он с трудом прошел через проходную, хотя теперь являлся его арендатором. Конечно, стоило лишь позвонить Костеру, и вопрос тотчас же был улажен, однако Харриман хотел осмотреть все в одиночку перед встречей с ним. К счастью, начальник охраны знал Харримана в лицо; он прошел на территорию и блуждал около часа — трехцветный жетон на лацкане предоставил Харриману полную свободу передвижений.

Большая часть цехов пустовала, кое-как работали лишь литейный и механический. Осмотрев цеха, Харриман отправился в конструкторское бюро. Проектный отдел и плаз, а также вычислительный центр были заняты делом, однако в конструкторской группе столы пустовали. В отделе металлургии и его лаборатории было тише, чем в церкви. Харриман как раз собирался зайти к химикам и материаловедам, когда к нему неожиданно подошел Костер.

— Мистер Харриман! Мне только что сказали, что вы здесь.

— Кругом одни предатели,— проворчал Харриман.— Я просто не хотел тебя напрасно беспокоить.

— Да какое тут беспокойство... Пройдемте ко мне в кабинет.

Вскоре, устроившись поудобнее, Харриман спросил:

— Ну, как дела?

Костер сдвинул брови.

— Да, похоже, все в порядке.

Харриман отметил, что папки для бумаг на столе Костера загружены до отказа; бумаги даже расползались из них по столу. Прежде чем он успел что-либо сказать, заработал телефон и женский голос мягко сказал:

— Мистер Костер! Мистер Моргенштерн хочет с вами говорить.

— Я занят.

Через несколько секунд девушка озабоченно возразила:

— Он говорит, что ему срочно, сэр.

— Извините, мистер Харриман,— Костер был раздосадован.— Ладно, давайте его сюда!

Девушку на экране сменил мужчина:

— Наконец-то! Шеф, мы с этими грузовиками — в полной заднице.

Каждый из тех, что мы арендовали, нуждается в капитальном ремонте, да еще «Уайт Флит Компани» отказывается его проводить, ссылаясь на какие-то пункты в договоре. По-моему, этот договор лучше вообще расторгнуть и связаться с «Пик-Сити Транспорт», у них, кажется, условия подходящие. Они гарантируют...

— С этим вы бы и без меня справились! — заорал Костер.— Договор заключали вы, и вы имеете полное право его расторгнуть — ведь прекрасно знаете!

— Да, шеф, но я думал, вы захотите решить это лично. Все-таки дело касается тактики...

— Вот вы им и займитесь! Мне абсолютно все равно, что вы там будете делать — лишь бы транспорт, когда понадобится, был наготове!

Он отключил связь.

— Это что за тип? — поинтересовался Харриман.

— Этот? Моргенштерн. Клод Моргенштерн.

— Да мне плевать, как его фамилия — чем он у тебя занимается?

— Это один из моих замов — по строениям, земле и транспорту.

— Гони его ко всем чертям!

Костер хотел что-то возразить, но тут вошла секретарша и живым укором встала перед его столом, держа перед собой папку с бумагами. Костер с мрачной миной подписал их все и отослал секретаршу.

— Ты не думай, что я тебе указываю,— прибавил Харриман,— однако советую вполне серьезно. Я и за твоей спиной никаких приказов отдавать не стану, но может быть, ты выкроишь несколько минут, чтоб послушаться доброго совета?

— Естественно,— с неохотой согласился Костер.

— Так вот... Ты ведь в первый раз руководишь проектом?

Поколебавшись, Костер подтвердил, что так оно и есть.

— Мне рекомендовал тебя Фергюссон как инженера, наиболее подходящего для постройки корабля, который сможет достичь Луны. У меня нет причин идти на попятный, однако общее руководство кое в чем отличается от инженерии, и, с твоего разрешения, я расскажу тебе, в чем тут загвоздка.

Харриман несколько секунд выждал, затем продолжал:

— Я вовсе не хочу тут критику наводить... Общее руководство — все равно что секс: пока не попробуешь, не будешь толком знать, что это из себя представляет.

Про себя Харриман решил, что если этот мальчишка не последует его совету, то в один прекрасный день останется без работы, понравится это Фергюссону или нет.

Костер забарабанил пальцами по крышке стола.

— Я и вправду никак не пойму, что делаю правильно, а что — нет. Это факт. Я не могу никому ничего поручить, не могу ни на кого положиться. Вязну, как в зыбучих песках!

— Тебе последнее время много приходилось заниматься конструированием?

— Пытался, но...— Костер указал на другой стол, в противоположном углу.— Я работаю там по ночам.

— Вот это нехорошо. Я брал тебя в инженеры, Боб; дела здесь, видно, поставлены из рук вон плохо. В этой лавочке жизнь должна ключом бить — а я этого не вижу. А вот в твоем кабинете должно быть тише, чем в могиле, и этого я тоже не вижу! Кабинет твой бурлит, а завод — что кладбище!

Костер уткнулся лицом в ладони, затем снова поднял глаза:

— Я понимаю. И знаю, что следует сделать. Однако — стоит мне заняться техническими вопросами, какой-нибудь чертов кретин требует от меня распоряжений — о грузовиках, телефонах, черте, дьяволе!.. Ох, извините, мистер Харриман. Думаю, все же справлюсь со всем этим.

— Ну-ну, не расстраивайся,— ласково сказал Харриман.— Ты последнее время недосыпал, верно? Так вот, давай-ка разыграем нашего Фергюссона. На несколько дней я сам сяду за твой стол и устрою все так, чтобы тебя не отрывали от работы подобными вещами. Я хочу, чтобы твоя голова была занята векторами реакции, эффективностью топлива и напряжением конструкций, а не контрактами об аренде грузовиков.

Выглянув в приемную, Харриман увидел там странного типа: не то клерка, не то уборщика.

— Эй, ты! Поди-ка сюда!..

Тип здорово удивился, встал и вошел в кабинет.

— Слушаю вас.

— Вот этот стол, что в углу, и все хозяйство, которое на нем, немедленно перенести в свободный кабинет на этом же этаже.

Тот поднял брови:

— А кто вы, собственно, такой, хотел бы я знать?

— Какого...

— Выполняйте, Уэбер,— приказал Костер.

— И чтоб через двадцать минут было сделано! — добавил Харриман.— Шевелись!

Перейдя к другому столу, он взялся за телефон и позвонил в управление «Скайуэйз».

— Джим, там у тебя Джок Беркли твой далеко? Сделай ему отпуск и пришли ко мне, в «Петерсон Филд», спецрейсом, немедленно. Я хочу, чтобы корабль с ним на борту стартовал через десять минут после того, как ты повесишь трубку. Вещи пошлете вслед за ним.

Некоторое время Харриман слушал, затем сказал:

— Да не развалится без него твоя контора! А если развалится, значит, ты даром деньги получаешь. Ладно, ладно, когда поймаешь меня в следующий раз, можешь разок пнуть под зад, однако Джока высылай! Пока.

Он проверил, как выполнен приказ о переноске рабочего стола Костера в другой кабинет, проследил, чтобы там не было телефона, и задним числом сообразил приказать перетащить к Костеру и диван.

— Проектор, чертежную машину, стеллажи для книг и прочее установим вечером. Ты только составь список, что тебе нужно для работы.

Вернувшись в кабинет номинального главы проекта, он счастливо улыбнулся, засучил рукава и взялся за дело, стараясь понять, в каком состоянии эта лавочка и что в ней не так. Часа через четыре он повел прибывшего Джока Беркли к Костеру. Главный инженер спал за столом, уронив голову на руки. Харриман на цыпочках двинулся к дверям, но Костер вскинулся:

— Фу-ты! Извините, мистер Харриман. Отключился...

— Для этого у тебя есть диван,— заметил Харриман,— на нем удобнее. Боб, познакомься, это — Джок Беркли, твой покорный слуга. Ты остаешься главным инженером и высшим, неоспоримым начальством, а Джок — Властелин всего прочего. С этого момента можешь ни о чем не беспокоиться, исключая один пустяк — постройку лунного корабля.

— Только об одном вас попрошу, мистер Костер,— сказал Беркли, пожимая его руку,— можете делать через мою голову все, что хотите... и все, что надо для вашей техники, только, ради Всевышнего, все записывайте, чтобы я был в курсе происходящего. Я установлю на вашем столе кнопку, которая будет включать магнитофон у меня в столе.

— Замечательно!

Харриман отметил, что Костер как будто помолодел.

— Понадобится что-нибудь, не относящееся к технике, не делайте ничего сами. Только нажмите кнопку да свистните — и все будет сделано!

Беркли покосился на Харримана.

— Босс сказал, что хочет поговорить с вами о деле. А я пойду заниматься своим.

С этими словами он вышел.

Харриман сел. Костер последовал его примеру:

— Уф-ф-ф!

— Теперь лучше?

— Здорово выглядит этот ваш Беркли!

— Рад, что тебе он нравится. С этой минуты вы с ним — близнецы-братья. Можешь не беспокоиться, я сам с ним работал. Считай, что лежишь в приличной больнице. Ты, кстати, где остановился?

— В Спрингсе, в меблирашках.

— Смех, да и только! Выходит, тебе даже и выспаться-то негде?

Харриман дотянулся до стола и связался с Беркли.

— Джок, сними люкс в «Бродмуре» — для мистера Костера, но под чужим именем.

— Хорошо.

— А комнаты по соседству с этим его кабинетом пусть оборудуют под жилые помещения.

— Есть. Сегодня же.

— Ну вот, Боб, теперь — о лунном корабле. Как обстоят дела?

Часа два провели они за обсуждением деталей проблемы, как ее себе представлял Костер. С тех пор как предприятие начало функционировать, работы было проделано явно немного, но Костер успел продумать солидную часть теории и выполнить некоторые вычисления, прежде чем погряз в бумагах. Харриман, ни буквы не смыслящий в инженерии и математике, если не считать простейшей финансовой арифметики, все же очень долго поглощал всю доступную литературу о космических путешествиях, так что вполне смог проследить за ходом мыслей Костера.

— А что у нас с катапультой на горе? — вскоре спросил он.

Костер опечалился:

— Ах, это. Мистер Харриман, я, наверное, поторопился...

— Так что же? Я поручил ребятам Монтгомери сделать картинки с видами, которыми смогут любоваться пассажиры регулярных рейсов. Я хочу превратить Колорадо-Спрингс в мировой космический центр. Права на старый фуникулер у нас уже есть, так в чем же загвоздка?

— Время и деньги.

— Про деньги забудь, это — мое дело.

— Значит, остается время. Я все еще считаю электрическую пушку лучшим средством для задания начального ускорения кораблю, работающему на химическом топливе. Примерно так...

Он принялся чертить на скорую руку.

— Это позволит нам избавиться от первой ступени, а она больше всех остальных, вместе взятых, и эффекта от нее почти никакого — слишком мал коэффициент массы. Но как нам это осуществить? Мы не сможем построить башню двухмильной высоты, настолько прочную, чтобы она выдерживала стартовую нагрузку. По крайней мере, в этом году. Значит, придется использовать гору. Пик Пайк не хуже любого другого — он, в конце концов, легко досягаем. Только вот что нужно сделать, чтобы его использовать? Во-первых, туннель от вершины до подножия, который вместил бы в себя такой снаряд, как лунный корабль...

— Который мы опустим в туннель сверху,— предположил Харриман.

— Об этом я думал. Чтобы опустить космический корабль на две мили, никаких палок и веревок не хватит. Не годятся и другие доступные материалы. Конечно, можно приспособить для этого саму катапульту. Синхронизировать ее катушки несколько иначе... Но, вы уж мне поверьте, мистер Харриман, тут неизбежно возникнут другие технические трудности. Например, понадобится громадная железная дорога, чтобы поднять корабль к вершине. И сама шахта... Она должна быть куда шире корабля, это ведь не то что пуля в ружейном стволе... Зазор должен быть значительным: сжать воздушный столб высотой в две мили — это не игрушка. Словом, такую катапульту можно построить, но это займет не меньше десяти лет.

— Тогда забудем о ней. Отложим ее на будущее, а этот полет осуществим по другому. Стоп! А как насчет *наземной* катапульты? Сроем склон горы, а у вершины сделаем трамплин...

— Честно говоря, я думал, что нам придется использовать нечто подобное. Но не сейчас — иначе у нас появится слишком много новых проблем. Даже если мы сможем разработать электропушку с трамплином — а таких разработок пока еще не было,— все равно корабль придется рассчитывать для громадных боковых напряжений, пока же мы строим ракету, вся дополнительная нагрузка является паразитической.

— Ну, Боб, что ж мы решим?

Костер сдвинул брови:

— Вернемся назад, к вещам нам знакомым — к ступенчатой ракете.

5

— Монти...

— Что, шеф?

— Помнишь эту песенку?

Харриман припомнил слова, а потом запел, сильно перевирая мелодию:

Луна — для всех, и лучше всего
То, что за деньги не купишь...

— Не помню такой.

— Ну, это было еще до тебя. Я хочу снова вытащить ее на свет божий. Ее следует оживить и сделать популярной, так чтоб даже ад запел ее в тысячу глоток!

— Будет сделано.— Монтгомери достал свой блокнот.— Когда она должна стать популярной?

— Скажем, через три месяца,— прикинул Харриман.— И еще: первую фразу следует использовать в рекламных текстах.

— Есть!

— Как дела во Флориде?

— Я думал, всех этих клятых законодателей придется скупать оптом, но мы вовремя распустили слух, будто Лос-Анджелес заключил договор об установке на Луне указателя границы города. Мол, это понадобится для рекламных фотографий. Тогда только они пошли нам навстречу.

— Хорошо,— похвалил Харриман.— И вообще, идея неплохая. Как ты думаешь, сколько заплатит Торговая палата Лос-Анджелеса за такую картинку?

Монтгомери сделал еще одну пометку в блокноте.

— Выясним.

— Теперь, раз уж Флорида сдалась, ты, конечно, готов штурмовать Техас?

— В любое время. Для начала затравим их слухами.

Заголовок в газете «Знамя Даллас-Форт Уорта»:

ЛУНА ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕХАСУ !!!

«...и это, ребятки, пока что все. Не забудьте: принимаются только первые или вторые экземпляры машинописи. Главный приз — лунное ранчо в тысячу акров, бесплатное и не облагаемое налогами. Второй приз — точная копия лунного корабля высотой в шесть футов. Да плюс к тому пятьдесят — ну-ка, посчитайте внимательно — пятьдесят объезженных под седло шотландских пони! Ваше сочинение из ста слов "Почему я хочу на Луну" будет оцениваться за оригинальность и искренность, а не по правилам грамматики и всяким там писательским штучкам! Шлите свои сочинения дядюшке Таффи — Олд Мехико, Хуарес, п/я 214!»

Харримана ввели в кабинет президента «Мока-Кока Компани» («Только Мока — истинная Кока», «Я пью только Колу и весел всегда»). В дверях он притормозил — до стола президента было футов двадцать — и быстро приколол на лацкан круглый значок в два дюйма диаметром.

Паттерсон Григгс поднял взгляд:

— Ну, Ди-Ди, вот уж уважил... Проходи, са...

Внезапно неутомимый популяризатор безалкогольных напитков осекся; на лице его появилось совсем другое выражение.

— Зачем ты нацепил *эту* штуку?! — зарычал он.— Мне назло?!

Харриман отцепил от лацкана двухдюймовый кругляш и сунул его в карман. Значок был рекламным: на желтом фоне черной краской во всю его двухдюймовую ширину красовалось: (6+),— торговая марка единственного серьезного конкурента «Мока-Кока».

— Нет,— ответил Харриман,— и за твое раздражение я не в обиде. Я вижу, что такие значки таскает половина школьников, и пришел с дружеским советом, а вовсе не для того, чтоб злить тебя.

— И что же ты хочешь сказать?

— Когда я остановился в дверях, значок на моем лацкане с твоего места выглядел точно так же, как полная Луна, если смотреть из твоего сада. И ты с легкостью прочел, что на нем написано, так? Я знаю, что так: ты завопил прежде, чем я успел шевельнуться.

— И что с того?

— Как бы ты себя чувствовал — и как бы чувствовал себя твой отдел сбыта — если бы такая же надпись была и на Луне, а не только на свитерах школьников?

Поразмыслив, Григгс сказал:

— Ди-Ди, кончай эти дурацкие шутки. У меня сегодня был тяжелый день.

— А это не шутки. Ты, наверное, уже слышал на Уолл-Стрит, что за полетом на Луну стою я. Между нами говоря, Пат, это дело требует безумных денег. Даже для меня. На днях зашел ко мне один тип — имен я называть не буду, ладно? Ты и сам можешь догадаться. В общем, тип этот представляет клиента, желающего приобрести рекламную концессию для Луны. Он знает, что мы не уверены в успехе, но сказал, что его клиент склонен рискнуть. Вначале я не мог сообразить, о чем он; он разъяснил. Тогда я решил, что он валяет дурака. А потом у меня глаза на лоб полезли! Глянь-ка.

Харриман извлек из кармана большой лист бумаги и развернул его на столе перед Григгсом.

— Видал? Оборудование можно установить в любом месте вблизи от центра видимого лунного диска. Восемнадцать пиротехнических ракет выстреливаются в восемнадцати направлениях, как спицы в колесе, но каждая из них летит на строго выверенное расстояние. Они долетают, бомбы, которые они несут,

разрываются и рассыпают где надо мелкую сажу. Воздуха на Луне, как ты знаешь, нет, и мельчайший порошок бросить так же легко, как, скажем, копье. И вот результат.

Он перевернул лист; на обратной его стороне было желтое изображение Луны, а поверх него — жирное, черное (6+).

— Значит, эта шайка... эти отравители...

— Нет, я этого не говорил! Однако теперь суть тебе ясна: шесть плюс — всего два символа, их можно сделать такими большими, что их будет совсем легко прочесть с Земли.

Григгс не мог оторвать глаз от этого рекламного кошмара.

— Я не верю, что они смогут это сделать!

— Одна почтенная пиротехническая фирма гарантировала успех, при условии, что их оборудование будет доставлено на место. Подумай сам, Пат, много ли надо пиротехнической ракете, чтобы прилуниться там, где это потребуется? Ты же знаешь, гравитация там низкая, даже ты смог бы забросить бейсбольный мяч мили на две.

— Люди никогда этого не допустят! Это... святотатство!

Харриман грустно посмотрел ему в глаза:

— Твои бы слова — да Богу в уши... Но ведь допускают люди видеорекламу, а также надписи в воздухе реактивными струями самолетов...

Григгс закусил губу.

— Тогда я не понимаю, чего ты вообще ко мне с этим пришел! Ты же, черт тя подери, отлично знаешь, что название моей продукции нет смысла помещать на Луну! Буквы получатся слишком маленькими!

— Потому я к тебе и пришел,— кивнул Харриман.— Понимаешь, для меня это не просто новое предприятие. В этом предприятии — моя душа. И меня просто блевать тянет от мысли, что кто-то способен ради рекламы так испоганить Луну. Ты верно сказал — святотатство. Однако... Эти шакалы каким-то образом разнюхали, что у меня туговато с деньгами, и пришли, зная, что я вынужден буду их выслушать. Я их выпроводил, обещал дать ответ во вторник, а потом отправился домой и всю ночь мучился бессонницей. А потом вспомнил о тебе.

— Обо мне?

— Именно. О тебе и твоей компании. У тебя ведь отличная продукция, и ее действительно необходимо рекламировать. Я подумал, что есть множество других способов использовать Луну для рекламы — и при этом не нужно ее уродовать. Допустим, твоя компания купит эту самую концессию, но с проникнутым гражданским сознанием добровольным обязательством: никогда ею не пользоваться. Допустим, этот факт ты разрекламируешь на своих плакатах, допустим, ты выпустишь картинки: девочка и мальчик сидят на Луне с бутылочкой «Моки», допустим, «Мока» будет единственным безалкогольным напитком, побывавшим на Луне. В общем, не мне тебя учить.

Харриман бросил взгляд на часы.

— Пора, я не хочу торопить тебя с ответом. Если мое предложение тебя заинтересовало, дай мне знать до завтрашнего полудня, и я сведу своего Монтгомери с твоим заведующим рекламой.

Глава большого газетного треста недолго заставил Харримана дожидаться в приемной — самый минимум, как промышленного магната либо члена кабинета. Вновь Харриман задержался в дверях и приколол на лацкан значок.

— Привет, Делос,— сказал издатель.— Как нынче зеленый сыр; раскупают?

Заметив значок, он нахмурился:

— Если это шутка, то — дурного тона.

Харриман спрятал кругляш в карман. На сей раз на нем красовалось изображение серпа и молота.

— Это вовсе не шутка,— сказал он.— Это — кошмар, полковник! Мы с вами одни из немногих в этой стране понимаем, что коммунизм, как и раньше, представляет собой большую опасность.

Через некоторое время они беседовали так дружески, словно трест полковника не травил с первых же дней во всех своих газетах лунное предприятие Харримана. Издатель размахивал над столом сигарой:

— Как тебе удалось добыть эти планы? Украдены?

— Скопированы.— Доля истины в ответе была.— Но сами по себе они ничего не значат. Нам важно попасть туда первыми. Нельзя рисковать появлением на Луне вражеской ракетной базы.

Годами меня мучил кошмар — будто я просыпаюсь и читаю в газетах, что русские высадились на Луне и провозгласили о создании там Лунного Совета; и скажем, эти пятнадцать ученых — тринадцать мужчин и две женщины — подали прошение о включении их в состав СССР, а Верховный Совет, конечно же, с радостью пошел им навстречу. Я вскакивал с постели в холодном поту! Не знаю, вправду ли они собираются нарисовать на Луне серп и молот, однако это вполне в их духе. Вспомнить хоть эти идиотские плакаты, которые они развешивают там и сям...

Издатель крепко сжал зубами сигару.

— Мы посмотрим, что тут можно сделать. Что поможет тебе ускорить старт?

6

— Мистер Харриман!

— Да?

— Опять пришел мистер Лекруа.

— Скажите, что я занят.

— Хорошо, сэр. Но, мистер Харриман — раньше он этого не говорил, но теперь утверждает, будто он — пилот-ракетчик.

— Пусть идет в «Скайуэйз». Я не нанимаю пилотов.

Лицо секретарши на экране сменилось физиономией мужчины:

— Мистер Харриман! Я — Лесли Лекруа, дублирующий пилот «Харона»!

— Хоть сам архангел Гав... Как? Как вы сказали?! «Харон»?!

— Да, «Харон». Мне нужно с вами поговорить.

— Входите.

Харриман поздоровался с вошедшим, предложил ему закурить и с интересом принялся рассматривать. «Харон» — «шаттл» для недавно взорвавшегося энергоспутника — был ближе всего к настоящему космическому кораблю. Его пилот, погибший при взрыве, которым был уничтожен и спутник, и сам «Харон», по сути, был родоначальником племени космонавтов.

Харриман подумал, как же можно было забыть, что для «Харона» имелся еще один, запасной пилот. Конечно, он знал об этом,

но — бывает такое — забыл. Забыл, вычеркнув из памяти и спутник, и шаттл, и все, что к ним относилось. Теперь он с любопытством разглядывал Лекруа. Перед ним сидел невысокий, аккуратного вида человек с тонким, интеллигентным лицом и крупными, умелыми руками жокея. С виду он был спокоен и абсолютно уверен в себе.

— Чем могу быть полезен вам, капитан?

— Вы строите корабль для полета на Луну.

— Откуда вы знаете?

— Лунный корабль строится. И все наши парни говорят, что за этим делом стоите вы.

— Вот как?

— Я хочу его пилотировать.

— Почему именно вы?

— Я самый подходящий для этого человек.

Харриман выпустил облако табачного дыма.

— Если вы сможете это доказать — место за вами.

— Договорились.

Лекруа поднялся.

— Я оставлю секретарше свой адрес.

— Минуту. Я сказал «если»... Давайте-ка побеседуем. Дело в том, что я сам отправляюсь в этот полет, и хотелось бы узнать вас поближе, прежде чем доверить вам свою голову.

Они обсудили полет на Луну и межпланетные путешествия вообще; поговорили о ракетах и о том, что, возможно, будет обнаружено на Луне, и постепенно Харриман потеплел: он почувствовал родственную душу, тоже одержимую Прекрасной Мечтой. Не понимая почему, он уже практически нанял Лекруа: разговор пошел так, будто их совместный полет был делом решенным.

К реальности Харриман вернулся нескоро.

— Здорово мы с тобой, Лес, побеседовали, однако на сегодня у меня есть еще кое-какие делишки. На одних разговорах до Луны не долететь. Отправляйся в «Петерсон Филд», там тебя встретит Боб Костер, я ему позвоню. Сумеешь с ним поладить — тогда и о контракте поговорим.

Написав на листе бумаги несколько слов, он отдал записку Лекруа.

— Это передай мисс Перкинс — сразу при выходе; она внесет тебя в ведомость.

— Ну, это — не к спеху.

— Ничего-ничего; чтобы вести здоровый образ жизни, прежде всего нужна еда.

С этим Лекруа согласился, но в дверях замешкался:

— Одного только не понимаю, мистер Харриман.

— Чего же?

— Зачем вам корабль на химическом топливе? Нет, я не против, я любой пилотировать согласен, но зачем же себе жизнь осложнять? Вы ведь переоборудовали «Город Брисбейн» под Х-топливо.

Харриман окрысился на него:

— Ты, Лес, никак, спятил?! Тебе ли не знать, что утюги не летают, а Х-топлива больше нет и не будет, пока мы сами его не сделаем, на Луне!

— Кто вам сказал, что Х-топлива больше нет?

— Может, оно есть у тебя?

— Насколько я знаю, комиссия по ядерной энергетике, согласно существующему договору, распределяет Х-топливо между определенными странами. Некоторые страны, хоть и получают его, но применять пока не умеют. Куда же они его девают?

— А, это... Конечно. Каким-то закоулкам Центральной и Южной Америки из политических соображений отрезали по ломтику пирога, хотя они и укусить-то его не способны. Но во время энергетического кризиса мы выкупили топливо обратно и использовали.— Харриман сдвинул брови.— И все же ты прав. Мне надо было малость приберечь для себя.

— А вы совершенно уверены, что оно кончилось все, до последнего грамма?

— Конечно, я... Нет, не уверен. Надо подумать. Счастливо, Лес.

Связи Харримана позволили ему довольно скоро узнать судьбу каждого фунта Х-топлива, кроме того, что было выделено Коста-Рике. Эта страна отказалась продать свой запас — там якобы строительство электростанции, работающей на Х-топливе, к мо-

менту взрыва спутника было почти закончено. Однако из ответа на другой запрос стало ясно, что строительство станции законсервировано.

В это время Монтгомери как раз был в Манагуа.

Правительство Никарагуа сменилось, и он проверял, надежно ли защищен особый статус местной лунной корпорации. Харриман отправил ему шифровку с указанием мчаться в Сан-Хосе, разыскать Х-топливо, купить его за любые деньги и доставить в США. А сам отправился к председателю комиссии по ядерной энергетике.

Сей государственный муж, похоже, был рад его видеть и изо всех сил старался быть приветливым. Харриман начал было объяснять, что хотел бы получить лицензию на экспериментальные работы с изотопами, а конкретно — с Х-топливом.

— Такие вопросы решаются в рабочем порядке, мистер Харриман.

— Ясно дело. Это — всего лишь предварительная беседа. Я хотел бы знать, что вы на этот счет думаете.

— Ну, я ведь в комиссии не один... И мы почти всегда следуем рекомендациям нашего технического отдела.

— Карл, будь добр, не уходи от ответа. Ты же отлично сознаешь, что большинство голосов — в твоих руках. Не для протокола — что ты скажешь?

— Ладно, Ди-Ди, не для протокола. Х-топлива тебе взять негде — на что тебе лицензия?

— Это уж — мое дело.

— Мм-м-м... По закону мы не обязаны следить за каждым милликюри Х-топлива, поскольку оно не считается потенциально пригодным для изготовления оружия массового поражения, однако следим. В наличии нет ни грамма.

Харриман хранил молчание.

— Во-вторых, если хочешь получить лицензию на Х-топливо, можешь получить. Для любых целей, кроме исследования в качестве реактивного топлива для ракет.

— Это почему еще?!

— Ты ведь строишь корабль для полета на Луну, так?

— Какой корабль?

— Не уходи от ответа, Ди-Ди. Я все знаю, мне за это деньги платят. Ты все равно не достанешь Х-топлива, но если достанешь, то не сможешь использовать его для ракеты.

Председатель прошел к сейфу и вернулся с большим томом. Назывался он: «Теоретическое исследование устойчивости различных видов радиоизотопного топлива» — с примечаниями относительно гибели энергоспутника и «шаттла» «Харон». На обложке стоял номер и штамп: «Секретно».

Харриман отпихнул книгу в сторону:

— Этого я не имею права читать, а если б и стал, все равно ничего бы не понял.

— Отлично,— усмехнулся председатель,— я сам тебе все расскажу. Я нарочно связываю тебя государственной тайной, Ди-Ди.

— К черту тебя с твоей государственной тайной!

— Ди-Ди, не пытайся заправить космический корабль Х-топливом. Топливо замечательное, спору нет, однако где-нибудь в космосе оно может вспыхнуть, как шутиха! А в этом докладе сказано, отчего.

— Какого дьявола!? Мы гоняли «Харон» почти три года!

— Везунчики хреновы. Вот тебе официальное — несмотря на всю свою конфиденциальность — мнение правительства. «Харон» погубил энергоспутник, а не наоборот. Вначале мы считали, что это взрыв спутника уничтожил «шаттл». Конечно, могло быть и так. Однако записи показаний радаров заставляют призадуматься. Такое впечатление, что «шаттл» взорвался на долю секунды раньше спутника, и потому мы провели скрупулезное теоретическое исследование. Х-топливо слишком опасно для ракет.

— Ерунда! На каждый фунт, сожранный «Хароном», приходятся минимум сто фунтов, питающих земные электростанции. Почему они не взрываются?!

— Все дело в защите. Ракеты защищены хуже стационарных реакторов; вдобавок, они находятся в открытом космосе. Предположительно, взрыв произошел из-за первичного космического излучения. Хочешь, могу позвать кого-нибудь из теоретиков, он тебе подробно разъяснит.

Харриман задумчиво помотал головой.

— Ты же знаешь, я в ихних штуках не силен. Значит, все?

— Боюсь, что да. Мне действительно жаль.

Харриман поднялся, собираясь идти.

— Ди-Ди, еще одно. Ты не собираешься обратиться к кому-нибудь из моих подчиненных?

— Нет, конечно. Зачем?

— Рад слышать. Понимаете ли, мистер Харриман, некоторые из них, возможно не самые лучшие в мире — на государственной службе трудно удержать классного специалиста... Но в одном я совершенно уверен: никого из них невозможно подкупить. И я сочту личным оскорблением всякую попытку повлиять на кого-либо из моих людей. Весьма тяжелым личным оскорблением.

— Вот как?

— Да. Кстати, в колледже я занимался боксом — в полутяже. И сейчас еще в форме.

— Хм-м-м... Что ж, мы в колледжах не обучались... Зато я отлично играю в покер.— Харриман улыбнулся.— Ладно, Карл, не буду трогать твоих парней. Нехорошо дразнить голодного куском мяса. Счастливо.

Вернувшись в свой кабинет, Харриман позвонил одному из своих поверенных.

— Пошлите еще шифрограмму мистеру Монтгомери: пусть он лучше переправит груз в Панама-Сити, в Штаты не нужно.

Потом он принялся диктовать послание для Костера, предписывавшее ему остановить строительство «Пионера», остов которого уже нацелился в небо над прерией Колорадо, и заняться «Санта-Марией», бывшим «Городом Брисбейн».

Но вскоре Харриман передумал. Тогда стартовать придется не из США. При жестком противодействии со стороны комиссии по ядерной энергетике не стоит даже пытаться перевезти «Санта-Марию». Такой переезд все раскроет. Кроме того, ее все равно не перевезти, не переоборудовав предварительно под химическое топливо. Стало быть, придется снять с линии еще один корабль типа «Брисбейна» и отправить его в Панаму, а с «Санта-Марии» снять энергоустановку и отправить туда же. Недель через шесть, а может и быстрее, Костер подготовит новый корабль. И тогда они втроем — Харриман, Костер и Лекруа — отправятся

на Луну! И — к дьяволу все космические излучения! «Харон» ведь продержался почти три года... Они совершат перелет, докажут, что такое возможно, а уже потом, если потребуется, это послужит стимулом для поиска безопасного топлива. Но для этого нужно совершить первый полет. Если бы Колумб стал дожидаться хороших кораблей, Америку бы до сих пор не открыли. Если хочешь чего-нибудь добиться, следует идти на риск.

Удовлетворенный, он начал составлять распоряжения по новому плану работ.

Прервала его секретарша:

— Мистер Харриман, с вами желает говорить мистер Монтгомери.

— А? Шифровку он уже получил?

— Не знаю, сэр.

— Ладно, дайте его сюда.

Второго сообщения Монтгомери еще не получал, однако новости у него имелись: Коста-Рика продала все свое Х-топливо министерству энергетики Англии вскоре после взрыва спутника. Теперь ни в Англии, ни в Коста-Рике не было ни фунта.

Закончив разговор, Харриман несколько минут предавался печали, а после позвонил Костеру:

— Боб? Лекруа у тебя?

— Здесь. Мы хотели идти обедать. Сейчас позову.

— Здорово, Лес. Лес, ты выдал шикарную идею, но все напрасно. Кто-то украл нашу доченьку.

— Что? А, понятно. Жалко...

— Никогда не трать время на бесполезные сожаления! Будем работать согласно первоначальному плану — и достигнем Луны!

— А как же!

7

Июньский номер «Попьюлар Текникз»: ПОИСКИ УРАНА НА ЛУНЕ. Факты, говорящие о Большой индустрии, которая вскоре появится.

«Холидэй»: *Медовый месяц на Луне.* Дискуссионная статья о чудо-курорте, который непременно понравится вашим детям. По сообщениям заведующего отделом путешествий.

«Американ Санди Мэгэзин»: АЛМАЗЫ НА ЛУНЕ? Ученый с мировым именем объясняет, отчего алмазы должны встречаться в лунных кратерах чаще, чем щебень.

— Клем, я, конечно, в электронике ничего не смыслю, но мне объясняли: в наше время можно сжать передающий телевизионный луч до одного градуса или около того, так?

— Да. При достаточно большой антенне.

— Места для антенны там хватит. Значит, если смотреть с Луны, угловой размер Земли — около двух градусов. Правда, далековато, но зато нет энергетических потерь, а условия для передачи — почти идеальные и неизменные. Если оборудовать станцию, то вести передачу будет не дороже, чем на Земле, с вершины какой-нибудь горы. Не говоря о том, во что вам сейчас обходятся все те вертолеты, которые вы держите в воздухе над всей страной.

— Это — фантастика, Делос.

— Да что же тут фантастического? Как попасть на Луну — дело мое. А как только мы туда попадем, у нас появится телевещание на Землю, можете спорить на свою последнюю рубашку. Это — самая простая схема передачи в пределах прямой видимости. Если вас она не интересует — что ж, поищу кого-нибудь другого.

— Я не говорил, что нас она не интересует.

— Тогда решайтесь на что-нибудь. И еще одно, Клем. Не хочу совать нос в твои дела, однако — у тебя ведь были хлопоты после взрыва энергоспутника? Вы ведь использовали его, как ретрансляционную станцию.

— Ты сам прекрасно знаешь, нечего подкалывать. Издержки возросли непомерно, чего вовсе не скажешь о доходах.

— Я не совсем то имел в виду. Как насчет цензуры?

Телевизионщик замахал руками.

— Чтоб я больше не слышал в своем кабинете этого слова! Как можно требовать с нас чего-либо дельного, если всякий мелкий ханжа может указывать нам, что можно говорить, а что нельзя; что

можно показывать, а что — не следует. Прямо тошно! Сам принцип такой системы порочен: все равно, что требовать, чтобы взрослые люди питались снятым молоком, раз уж младенцы не могут есть бифштексы! Если б я мог добраться до этих чертовых, похотливых...

— Тише, тише,— вмешался Харриман.— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что вклиниться в передачу с Луны в принципе невозможно и все эти земные цензоры не могут иметь над лунной станцией никакой власти?

— Как? Ну-ка, еще раз.

«ЛАЙФ» ЕДЕТ НА ЛУНУ. «Лайф-Тайм, Инкорпорейтед» с гордостью сообщает, что вскоре сможет предоставить подписчикам личные впечатления первых людей, достигших нашего спутника. На месте обычной еженедельной рубрики «Лайф» идет в гости» немедленно после успешного возвращения первого...

В НОВУЮ ЭРУ — С УВЕРЕННОСТЬЮ В БУДУЩЕМ!

(Выдержка из рекламного проспекта Североатлантической компании Совместного Страхования и Обязательств.)

... тот же взгляд в будущее, который защитил владельцев наших страховых полисов от пожара в Чикаго, пожара в Сан-Франциско, от любого бедствия со времен войны 1812 года, теперь сможет защищать вас от любых неожиданностей *даже на Луне*...

НАША ТЕХНОЛОГИЯ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ.

Когда лунный корабль «Пионер» устремится по огненным ступеням в небеса, двадцать семь неотъемлемых компонентов его внутренностей будут питаться энергией специальных батарей «Дельта»...

— Мистер Харриман, вы можете приехать на космодром?

— Что стряслось, Боб?

— Неприятности,— кратко ответил Костер.

— Какие?

Костер помедлил.

— Я бы лучше не обсуждал это по видео. Если вы не можете приехать, может, мы с Лесом приедем к вам?

— Сегодня вечером буду.

Приехав на космодром, Харриман заметил, что за бесстрастностью Лекруа скрывается горечь, а Костер выглядит агрессивно. Он подождал, пока они не остались втроем.

— В чем дело, ребята?

Лекруа покосился на Костера. Инженер закусил губу и сказал:

— Мистер Харриман. Вы знаете, через какие стадии прошло проектирование.

— Ну, более-менее.

— Нам пришлось отказаться от катапульты. Потом было это...

Пошарив в бумагах на столе, Костер извлек на свет божий чертеж: четырехступенчатая ракета в перспективе, массивная, но достаточно изящная.— Теоретически это было возможно, практически же — слишком ненадежно. К тому времени, как группа нагрузок, группа вспомогательного оборудования и группа управления закончили все дополнительные разработки, мы были вынуждены перейти к такому варианту...

Перед Харриманом появился другой чертеж — ракета, в основном, была похожа, но выглядела более приземисто, почти как пирамида.

— Мы добавили пятую ступень — в виде кольца вокруг четвертой. Нам даже удалось сэкономить вес за счет того, что большая часть вспомогательного и контрольного оборудования четвертой ступени будет управлять пятой. Хоть ракета и неуклюжа, она все-таки имеет достаточное отношение массы к сечению, чтобы, пробиваясь сквозь атмосферу, не встретить серьезного сопротивления.

Харриман кивнул.

— Знаешь, Боб, перед пуском регулярных рейсов на Луну нам следует чем-то заменить ступенчатые ракеты.

— Не представляю себе, чем их можно заменить, имея лишь двигатели на химическом топливе.

— Если бы у тебя была приличная катапульта, то ты бы смог забросить одноступенчатую химическую ракету на земную орбиту, верно?

— Верно.

— Значит, так мы и сделаем. А на орбите будем дозаправлять.

— Старый фокус с космической станцией... Думаю, это имеет смысл. Даже уверен, что имеет. Только корабль не станет дозаправляться, продолжат полет к Луне специальные корабли, которые вообще никогда никуда садиться не будут, а только летать с заправочной станции на земной орбите к заправочной станции на орбите Луны — это гораздо дешевле. Потом...

— Сейчас об этом рано! — В голосе Лекруа звучало совсем не свойственное ему нетерпение.— Боб, давай о деле.

— Да, верно,— согласился Харриман.

— Так вот. Последняя модель должна была справиться со своей задачей, да, черт ее побери, она и сейчас может...

Харриман был озадачен.

— Боб, но ведь это улучшенная модель, верно? Это то самое, что уже на две трети построено?

— Верно,— подавленно ответил Костер.— Но она не выполнит задачи. Не сработает.

— Почему?

— Слишком много мертвого груза, вот почему. Вы, мистер Харриман, не инженер и, наверное, не поймете, насколько быстро падают характеристики, когда приходится впихивать в корабль помимо топлива и двигателей все остальное. Например, оборудование для посадки кольцевой пятой ступени. Она будет использоваться всего полторы минуты, а затем отстрелена, однако при этом нельзя позволить ей упасть на Уичиту или Канзас-Сити. Значит, нужны парашюты. И плюс к тому ее требуется все равно отслеживать радарами и парашюты отстреливать по радиосигналу, который будет послан, когда ступень окажется над пустынной местностью и на подходящей высоте. Значит, опять прибавка в весе. И в конце концов ступень не дает нам даже добавочной мили в секунду! Ее недостаточно.

Харриман заерзал в кресле.

— Похоже, мы зря собираемся запускать корабль из Штатов. Что, если мы стартуем из какой-нибудь богом забытой дыры — хоть на побережье Бразилии,— и пускай ступени падают прямо в Атлантику! Сколько удастся отыграть?

Костер уставился в потолок, а затем сказал:

— Может сработать.

— Что потребуется для перевозки корабля на этой стадии постройки?

— Так.... Его придется полностью разобрать, иначе никак. Сколько это будет стоить, точно не скажу, однако — дорого.

— А сколько времени это займет?

— Хм-м-м... Черт возьми, мистер Харриман, я не могу сейчас точно сказать. Года два. Если повезет, полтора. Нужно ведь будет построить стартовый комплекс и мастерские...

Харриман принялся обдумывать информацию, хотя ответ уже знал. Его финансы приблизились к критический точке. Оплачивать все счета еще два года он не мог: требовался успешный полет, и чем скорее, тем лучше. Иначе все его финансовые уловки пойдут прахом.

— Плохо, Боб. Не протянем.

— Этого я и боялся. Ладно. На всякий случай я попробовал добавить шестую ступень.

Костер вытащил из груды бумаг еще один чертеж.

— Видите, какое чудовище получилось? И никакой отдачи. С этой ерундой скорость в конечном счете становится меньше, чем у пятиступенчатой ракеты.

— Что ж, Боб? Значит, все? Ты не можешь построить лунный корабль?

— Нет. Я...

— Вычистим Канзас,— неожиданно сказал Лекруа.

— Как? — спросил Харриман.

— Эвакуируем всех из Канзаса и Восточного Колорадо. Пусть четвертая и пятая ступени падают туда. Третья упадет в Атлантику, вторая останется на орбите, а корабль полетит к Луне. Можно сделать так, если сэкономить на весе парашютов для пятой и четвертой ступеней. Как, Боб?

— Боб, что ты на это скажешь?

— Да, я об этом и говорил. Нас доконал паразитный вес — в основном, с проектом все в порядке.

— Так... Дайте-ка атлас...

Отыскав карту Канзаса и Колорадо, Харриман прикинул на глаз. Наконец он сказал:

— Не пойдет.

— Почему?

— Деньги. Я говорил, что о деньгах на постройку корабля можно не беспокоиться. Однако эта эвакуация — даже на сутки — обойдется нам, самое меньшее, в шесть-семь миллионов. Придется оплачивать издержки сразу же, тут ждать нельзя. Да еще найдутся упрямцы, которые вовсе не захотят сдвинуться с места.

— Если найдутся такие кретины,— зарычал Лекруа,— то пусть спасаются сами, как хотят!

— Я тебя понимаю, Лес. Однако проект слишком грандиозен, чтобы скрыть его или переменить место. А если мы не обезопасим окружающих, нас закроют судебным порядком. Я не могу скупить всех судей в двух штатах — некоторые из них просто не продаются.

— Ничего, Лес,— сказал Костер,— идея была замечательная.

— Думаю, нам всем придется этим утешаться,— отвечал пилот.

— Ты, Боб, хочешь сказать, что у тебя имеется другое решение? — спросил Харриман.

Костер смешался.

— Ну, вы ведь понимаете, корабль был рассчитан на троих — и место, и припасы...

— Верно. К чему ты клонишь?

— Его не следует делать трехместным. Расположим первую ступень, ужмем все до минимума для одного, а остальное выбросим. Это — единственный возможный способ выполнить основную задачу.

Костер показал Харриману еще один чертеж.

— Вот. Одно место, и запас меньше, чем на неделю. Воздушный шлюз больше не нужен — пилот все время находится в скафандре. Ни спальных мест, ни камбуза... Лишь самое необходимое для поддержки жизни одного человека максимум двести часов. Это сработает.

— Сработает,— глядя на Костера, повторил Лекруа.

Харриман смотрел на чертеж со странным и неприятным ощущением пустоты в желудке. Да, это, несомненно, сработает. Для рекламы неважно, сколько человек отправятся на Луну. Это решало все. Он знал: один успешный полет — и деньги польются рекой. Значит, появится капитал для создания практичных пассажирских кораблей.

Братья Райт начинали с меньшего.

— Если с этим я должен смириться, то валяйте.

— Отлично! — оживился Костер.— Но тут есть еще одна проблема. Вы помните, на каких условиях я взялся за это дело. Лететь должен я. А Лес трясет перед моим носом своим контрактом и заявляет, что пилотом должен быть он!

— И не только из-за контракта,— заметил Лекруа.— Ты, Боб, не пилот. Из-за своего ослиного упрямства сам угробишься и все предприятие погубишь.

— Я научусь пилотировать — в конце концов, я сам конструировал этот корабль. Мистер Харриман, мне вовсе не хочется с вами судиться. Лес говорит, что подаст в суд, но со мной контракт был заключен раньше. И я намерен его предъявить.

— Не слушайте его, мистер Харриман. Пусть себе бежит в суд. А я поведу корабль и верну его обратно. Он же его разобьет!

— Или я лечу, или достраивайте корабль сами,— категорически заявил Костер.

Харриман попытался успокоить обоих:

— Полегче вы, оба! Если хотите, можете оба подавать на меня в суд. Ты, Боб, глупости говоришь: на этой стадии с работой справится любой мало-мальски грамотный инженер. Вы говорите, лететь должен кто-то один.

— Да.

— И этот один — перед вами.

Спорщики изумленно уставились на него.

— Ну, что рты пооткрывали?! Что здесь смешного? Оба вы отлично знаете, что я собирался лететь. Или как по-вашему — я влез по уши в эту кашу, чтобы вас до Луны прокатить? *Полечу я.* Что я, в пилоты не гожусь? Здоров, как бык, зрение в порядке, и ума хватит, чтобы выучиться всему, что надо. Когда приходится, я сам вожу свою машину и никому ничего не уступлю. Ясно?

Костер перевел дух:

— Босс, вы сами не понимаете, что говорите.

В бесполезных спорах прошли два часа. Все это время Харриман упрямо стоял на своем, отказываясь выслушать какие бы то ни было доводы. Наконец он под житейским предлогом вышел из кабинета, а вернувшись, сказал:

— Боб, ты сколько весишь?

— Я? Чуть больше двухсот фунтов.

— Я бы сказал, даже двести двадцать. А ты, Лес?

— Сто двадцать шесть.

— Боб, рассчитывай корабль на чистую нагрузку в сто двадцать шесть фунтов.

— Что-о?! Погодите, мистер Харриман...

— Заткнись! Если мне за шесть недель не выучиться на пилота, то и тебе тоже.

— Но я ведь знаю математику и основы...

— Я сказал, заткнись! Лес осваивал свою профессию не меньше, чем ты — свою! Сможет он за шесть недель стать инженером?! Тогда почему ты считаешь, что сможешь за то же время освоить его специальность? Думаешь, я позволю ради твоего раздувшегося самолюбия пустить корабль псу под хвост? Во всяком случае, ты в ходе обсуждения проекта дал верное решение задачи. На самом деле нас ограничивает только один фактор — вес, чистый вес пассажиров. Так? Все остальное определяется им. Так?

— Да, но...

— Так или не так?!

— Д-да... Так. Я бы только хотел...

— Более легкому человеку требуется меньше воды, меньше воздуха и меньше места. Значит, полетит Лес.

Встав, Харриман положил руку на плечо Костера:

— Не расстраивайся, сынок. Мне ничуть не легче. Но полет *должен пройти успешно*, а, *стало быть, нам с тобой нужно отказаться* от чести быть первыми людьми на Луне. Но я тебе обещаю: мы с тобой обязательно отправимся во второй полет, а Лес будут нашим личным пилотом. Это будет первый из регулярных пассажирских рейсов. Подумай, Боб. Ты можешь стать в этой игре большим человеком, если не выйдешь из нее сейчас. Хочешь быть главным инженером первой лунной колонии?

— Неплохо, наверное,— криво улыбнулся Костер.

— Тебе понравится. Выживание на Луне — техническая задача; помнишь, мы с тобой об этом говорили? Так хочешь ли ты воплотить в жизнь свои замыслы? Построить первый лунный город, первую большую обсерваторию, которую мы там заложим? А потом посмотреть со стороны и заорать: да ведь это же я сделал?!

Похоже, Костер примирился с тем, что не попадет в первый полет.

— Да, в ваших устах все это выглядит весьма заманчиво. А чем же вы сами там займетесь?

— Я-то? Что ж, возможно, стану первым мэром Луна-Сити.

Эта новая мысль всецело захватила Харримана; он принялся смаковать ее:

— Достопочтенный Делос Дэвид Харриман, мэр Луна-Сити. А что, неплохо. У меня никогда не было общественной должности — все, что я имел, было исключительно личным.— Харриман окинул взглядом собеседников.— Возражений больше нет?

— По-моему, нет,— протянул Костер. Вдруг он подал руку Лекруа: — Давай, Лес. Я его построю, а ты поведешь к Луне.

Лекруа пожал руку Костера:

— Идет. А вы с боссом начинайте следующий корабль, чтобы всем троим поместиться!

— Отлично.

Харриман накрыл их руки своей.

— Вот это — другое дело! Мы будем вместе и вместе заложим Луна-Сити!

— По-моему, его надо бы назвать «Харриман»,— серьезно сказал Лекруа.

— Не-етушки! Я с детства думал о нем, как о «Луна-Сити», и так оно и будет. Ну, может быть, сделаем в центре площадь Харримана.

— Я на плане так и отмечу,— согласился Костер.

После разговора Харриман сразу же уехал. Несмотря на благополучное разрешение проблемы, он был страшно разочарован и не хотел показывать этого своим сотрудникам. Победа оказалась пирровой: он спас предприятие, но чувствовал себя зверем, которому пришлось отгрызть собственную лапу, чтобы выбраться из капкана.

8

Стронг сидел в кабинете один, когда ему позвонил Диксон:

— Джордж, мне нужен Ди-Ди. Он здесь?

— Нет. Он все еще в Вашингтоне, там какие-то проблемы. Скоро должен приехать.

— Хм-м-м... Нам с Энтенсой надо бы его повидать. Мы едем.

Вскоре они приехали. Энтенса был явно чем-то озабочен, а Диксон, как всегда, хранил полное спокойствие. Едва поздоровавшись, он сказал:

— Джек, ты ведь по делу приехал, верно?

Энтенса вздрогнул, полез в карман и извлек оттуда чек.

— Да, верно, Джордж, я больше не хочу вкладывать деньги пропорционально. Вот это взнос, чтоб довести мой пай до полного на сегодняшний день.

Стронг принял чек и спрятал его в ящик.

— Думаю, Делосу будет приятно.

— Как,— резко сказал Диксон,— а расписка?

— Если Джек желает — пожалуйста. Хватило бы и погашенного переводного векселя.

Стронг быстро написал расписку. Энтенса спрятал ее.

Некоторое время они молчали. Наконец Диксон сказал:

— Джордж, ты уже по уши в этом деле, верно?

— Может быть.

— Хочешь обезопасить свои вложения?

— Каким образом?

— Ну... честно говоря, я хочу обезопасить себя. Не продашь ли полпроцента от своего пая?

Стронг задумался. Он действительно беспокоился, здорово беспокоился. То, что при них был ревизор от Диксона, который следил за отчетностью, вынуждало его и Харримана вести дела только на наличном расчете — и только Стронг знал, как близко они из-за этого к критической черте.

— Зачем тебе это нужно?

— Да нет, ты не понял, я не хочу таким образом встревать в операции Делоса... Он — один из нас; мы все его поддерживаем. Однако я чувствовал бы себя куда спокойней, если б имел право вето — на случай, если он попробует втянуть нас во что-нибудь такое, чего мы не сможем оплатить. Ты же знаешь Делоса — он неисправим в своем оптимизме. И нам нужно то, что поможет привести его в чувство. Если понадобится.

Стронг задумался. Он был полностью согласен с Диксоном, и ему было больно от этого. Он отлично видел, как Делос транжирил оба их состояния, создававшиеся годами тяжкого труда. Ди-Ди это вовсе не трогало. Чего там, только сегодня утром он отказался даже взглянуть на отчет об автоматическом бытовом выключателе «H&S» – он забыл о нем, едва изложив Стронгу идею.

Диксон подался вперед:

— Так назови же цену, Джордж! Я сегодня щедр...

Стронг расправил узкие плечи:

— Что ж, я продам...

— И замечательно!

— ... если Делос согласится. Иначе — никак.

Диксон шепотом выругался. Энтенса захихикал. Неизвестно, куда бы повернул их разговор, если бы не вошел Харриман. О предложенном Стронгу никто и не заикнулся. Стронг спросил, чем кончилась поездка. Харриман показал большой палец.

— Порядок. Однако делать дела в Вашингтоне с каждым днем все дороже!

Он обратился к остальным:

— Что там у вас? Просто поболтать заехали или у нас деловое совещание?

Диксон повернулся к Энтенсе:

— Скажи ты, Джек.

— Зачем ты продал телевизионные права? — осведомился Энтенса.

Харриман поднял брови:

— А почему бы нет?

— Ты же мне обещал! Вот оригинал соглашения в письменной форме!

— Так почитай его повнимательнее, Джек, и не строй из себя дурочку. У тебя — эксплуатационные права на радио, телевидение и другие зрелищные и специальные мероприятия, связанные с первым полетом на Луну. Они — за тобой, включая и передачи с борта корабля, если таковые будут. Сообщать о том, что весовые ограничения уже сделали эти передачи невозможными, так как «Пионер» не возьмет на борт никакой электроники, кроме навигационного оборудования, пока не стоило.

— А продал я особое право на установку на Луне телестанции, через некоторое время, конечно. Это, между прочим, даже не исключительные права, что бы там Клем Хоггерти о них не думал. Если хочешь, купить такие и себе — бога ради.

— *Купить?!* Да ты...

— А-а, чтоб тебе... Ну, получить бесплатно. Если сможешь уломать Диксона с Джорджем отдать его тебе. Я жмотничать не стану. Что еще?

В разговор вмешался Диксон:

— Ты, Делос, скажи: где мы сейчас?

— Джентльмены! Можете быть уверены — «Пионер» отправится точно по расписанию в следующую среду. А теперь, вы уж извините, мне пора в «Петерсон Филд».

После ухода Харримана трое его компаньонов некоторое время хранили молчание. Энтенса что-то ворчал себе под нос. Диксон, похоже, дремал, а Стронг просто ждал, что последует дальше. Наконец Диксон сказал:

— Так что насчет твоего пая, Джордж?

— А ты не счел нужным сказать об этом Делосу?

— Ясно.

Диксон аккуратно стряхнул пепел с сигары.

— Чудак он у нас, верно?

Стронг неловко поерзал в кресле:

— Да.

— Ты его давно знаешь?

— Сейчас припомню. Я нанял его на работу в...

— *Он* работал на *тебя?!*

— Несколько месяцев. Потом мы основали нашу первую компанию,— вспоминал Стронг.— Наверное, у него уже тогда был комплекс силы.

— Нет,— осторожно сказал Диксон.— Я бы не назвал это комплексом силы. Куда больше похоже на комплекс Мессии.

Энтенса встрепенулся:

— Он — сукин сын без чести и совести, вот он кто!

— Брось, Джек,— приказал Диксон.— Иначе Джордж будет вынужден тебя треснуть как следует. Так вот. Одна из его странностей заключается в том, что он способен внушать преданность

не хуже любого феодального короля. Вот хоть ты. Я знаю, что ты разорен, хоть и не позволяешь мне себя спасти. Это уже недоступно логике; это — личное.

Стронг кивнул.

— Да, он странный человек. Иногда я думаю, что он — последний из баронов-грабителей.

Диксон покачал головой.

— Нет, не последний. Последний из них открыл Дальний Запад. Он — первый из новых баронов-грабителей, и мы с тобой никогда не увидим конца этого племени. Ты Карлейля читал?

Стронг снова кивнул:

— Я знаю, на что ты намекаешь. Теория «героя». Однако это не значит, что я с ней согласен.

— Однако в ней есть рациональное зерно,— возразил Диксон.— Честно говоря, я не уверен, что Делос ведает, что творит. Сейчас он закладывает фундамент для нового империализма. И придется выложить массу денег, прежде чем все придет в норму.

Он поднялся.

— Может быть, нам стоило подождать с этим делом. Или помешать ему, если бы удалось. Однако дело сделано. Мы — на карусели, и слезть уже не получится. Надеюсь, катание доставит нам удовольствие. Идем, Джек.

9

Над колорадскими прериями сгущались сумерки. Солнце скрылось за пиком; на востоке поднималась из-за горизонта белая Луна, полная и круглая. В центре «Петерсон Филдс» целился в небо «Пионер». Со всех сторон, на расстоянии тысячи ярдов, его окружала проволочная изгородь, сдерживавшая напор толпы. Но даже она не могла убавить хлопот полицейским патрулям. В самой толпе полицейских тоже хватало. Внутри изгороди, вплотную к ней, стояли грузовики и фургоны для телекамер и звукозаписывающего оборудования. От них к дистанционным камерам, установленным вблизи корабля и по всему полю — тянулись длинные кабели. Там же, неподалеку от корабля, стояло несколько грузовиков; возле них кипела работа.

Харриман сидел в кабинете Костера, сам Костер находился на поле. Диксону с Энтенсой тоже выделили комнату, а Лекруа, накачанный снотворным, все еще спал на кровати в жилых апартаментах Костера. За дверью завозились; раздался крик. Харриман посмотрел в щелку:

— Если это очередной газетчик — не пускать! Отправьте его к Монтгомери, чтоб не путался тут. Капитан Лекруа не дает интервью без моего разрешения.

— Делос, это я!

— А, входи, Джордж. Газетчики одолели...

Войдя, Стронг подал Харриману большую, тяжелую сумку.

— Вот.

— Что это?

— Конверты со спецгашением для филателистов. Ты, наверно, забыл. А ведь это — полмиллиона. Если б я не нашел их в твоем платяном шкафу, у нас были бы неприятности.

Харриман изобразил улыбку:

— Да ты просто молодчина, Джордж!

— Может, мне самому отнести их на корабль? — озабоченно спросил Стронг.

— А? Нет, нет. Лес отнесет.

Харриман поглядел на часы.

— Пора его будить. О конвертах я позабочусь.

Взяв сумку, он добавил:

— Ты пока не входи. На поле сможешь попрощаться.

Харриман прошел в другую дверь, запер ее за собой, подождал, пока сестра сделает пилоту инъекцию нейтрализующего стимулятора, а потом отослал ее. Когда он повернулся, пилот уже сидел в постели, протирая глаза.

— Как чувствуешь себя, Лес?

— Отлично. Что ж, пора.

— Верно. Мы все от нетерпения землю носом роем. Слушай сюда. Сейчас тебе надо выйти и хоть минуты две побыть на глазах у публики. Все готово, однако мне еще нужно тебе кое-что сказать.

— Слушаю.

— Видишь эту сумку?

Харриман наскоро объяснил, что находится в сумке. Лекруа испугался:

— Делос, я не могу ее взять! Все до унции рассчитано!

— Никто тебя и не заставляет. Они же тянут шестьдесят фунтов как минимум! Я просто про них забыл. Мы вот что сделаем: пока что я их тут спрячу...— Харриман засунул сумку в платяной шкаф,— А когда ты приземлишься, я уже тут как тут! Дальше — маленький фокус — ловкость рук и никакого мошенничества — и ты выносишь их из корабля.

— Делос, ты меня огорчаешь,— печально покачал головой Лекруа.— Ладно, не время спорить.

— Это хорошо. Иначе меня определенно посадили бы — из-за каких-то дрянных полумиллиона... Мы уже истратили эти деньги. И вообще, это неважно. Никто, кроме нас с тобой, об этом не узнает, а филателисты за свои денежки получат приличный товар.

Харриман воззрился на молодого человека так, будто одобрение его всерьез заботило.

— Ладно, ладно,— ответил Лекруа,— сейчас не до филателистов. Идем.

— Еще одно.— С этими словами Харриман вынул из кармана небольшой мешочек.— Вот это возьмешь с собой — вес уже учтен, я проследил. Теперь — о том, что с этим делать.

Харриман дал пилоту серьезную и очень подробную инструкцию. Тот задумался.

— Я все правильно понял? Сначала надо дать это обнаружить, а потом рассказать правду, как все было?

— Точно.

— Хорошо,— Лекруа сунул мешочек в карман комбинезона.— Идем на поле. До старта двадцать одна минута.

Стронг присоединился к Харриману в бункере управления. Лекруа был уже на борту.

— Конверты на корабле? — озабоченно спросил он.— У Лекруа в руках ничего не было.

— На корабле, на корабле,— ответил Харриман.— Я их раньше отправил. Садись-ка лучше на место — уже сигнальная ракета была.

Диксон, Энтенса, губернатор Колорадо, вице-президент Соединенных Штатов и еще дюжина особо важных персон уже сидели за стереотрубами, установленными над постом управления в амбразурах галереи. Взобравшись по трапу, Стронг и Харриман заняли два оставшихся места.

Харримана бросило в пот, он почувствовал, что дрожит. Прямо по курсу в стереотрубу был виден корабль; снизу слышался возбужденный голос Костера, принимавшего рапорты со стартовых постов. Рядом на малой громкости работал приемник: ведущий последних известий давал отчет о происходящем. А сам Харриман был... ну, вроде как адмиралом, что ли — и теперь ему оставалось только ждать, смотреть и молиться.

В небо взвилась вторая ракета, рассыпавшись на красные и зеленые огоньки. Пять минут.

Секунды тянулись, как часы. За две минуты до старта Харриман понял, что просто не в силах наблюдать сквозь узкую амбразуру. Ему нужно быть на поле, он должен участвовать в старте сам. Спустившись по трапу, он поспешил к выходу из бункера. Костер удивленно оглянулся, но не стал его останавливать: что бы ни случилось, он не мог оставить свой пост. Отстранив локтем охранника, Харриман вышел наружу.

На востоке, подобно башне, вздымался к небу корабль. Его стройный, пирамидальный силуэт чернел на фоне полной Луны. Корабль ждал.

Ждал...

Что же случилось? Когда Харриман выходил, оставалось меньше двух минут, это точно. Ракета все еще стояла — темная, тихая, неподвижная... Ни звука — только неподалеку воет сирена, предупреждающая зрителей за изгородью. Сердце у Харримана замерло, в горле пересохло. Что-то случилось! Провал...

С крыши бункера взвилась еще одна ракета. Тут же у основания корабля появился язык пламени.

Пламя превратилось в белую огненную подушку. Медленно, неуклюже «Пионер» пошел вверх. Секунду он словно стоял в воздухе, поддерживаемый огненным столбом, а потом вдруг устремился ввысь — с таким громадным ускорением, что скоро в небе осталось лишь ослепительно-белое пятнышко. Взлет был настолько стремителен, что Харриману почудилось, будто ракета нависс-

ла прямо над его головой и вот-вот упадет и раздавит. Инстинктивно он закрыл руками лицо.

И тут его настиг звук.

Нет, это был не звук; белый шум, рев на всех частотах, звуковых, инфразвуковых, ультразвуковых; рев, заряженный энергией невероятной силы, ударил Харримана в грудь. Харриман ощутил этот звук зубами, костями — так же явственно, как и слухом. Он пытался стоять, согнув ноги в коленях.

Черепашьим шагом следом за звуком подобралась взрывная волна... Она рванула его за одежду; сорвала дыхание с губ. Ничего не видя, Харриман попятился, пытаясь уйти под защиту бункера, но его сшибло с ног.

Очнувшись и кашляя от удушья, он снова посмотрел в небо. Прямо над его головой постепенно затухала звезда. Потом она исчезла совсем.

Харриман отправился в бункер.

Там царило напряжение и целеустремленный хаос. Сквозь непрерывный звон в ушах Харриман услышал голос, доносящийся из динамика:

— Пост один. Пост один — бункеру. Пятая ступень отделилась по графику; дает отдельный отраженный сигнал.

Раздался высокий, сердитый голос Костера:

— Следящий один! Дайте «Следящий один»! Они взяли пятую ступень? Ведут?

На заднем плане все еще надрывался комментатор службы новостей:

— Великий день, люди, великий день! Наш могучий «Пионер» идет вверх, летит, будто ангел господень, с пылающим мечом в руке! Он встал на свой славный путь к нашей космической сестре! Большинство из вас видели старт на экранах ваших телевизоров. Жаль, что вы не видели этого, как я, собственными глазами! Взлетев в вечернее небо, неся свой драгоценный груз...

— Да вырубите эту дрянь! — рявкнул Костер, а затем обратился к гостям на наблюдательной платформе:

— Там, наверху, закройте рты! Тихо!

Вице-президент США дернул головой, закрывая рот. Только потом он вспомнил об улыбке. Прочие особо важные персоны

умолкли, а затем возобновили беседу, но уже шепотом. Тишину нарушил женский голос:

— Следящий один — бункеру. Пятая ступень проходит на избыточной высоте — плюс два.

В углу поднялась суматоха. Там, под большим брезентовым навесом, прятался от прямых лучей света большой лист плексигласа. Он стоял вертикально и был подсвечен по краям; на нем была нанесена карта Колорадо и Канзаса: координатная сетка выделялась тонкими, четкими белыми линиями, а города и прочие населенные пункты светились красным. Неэвакуированные фермы были обозначены крошечными предупреждающими точками красного цвета.

Стоявший у карты тронул ее жировым карандашом; на поверхности листа остался светящийся след, отмечающий положение пятой ступени. Перед картой в кресле тихо сидел молодой парень. Он держал в руках грушевидный переключатель. Это был зенитчик, предоставленный ВВС. Когда он нажмет кнопку, радиоуправляемая система пятой ступени отстрелит парашют, и ступень упадет на Землю. Зенитчик работал по сообщениям радарных постов самостоятельно, без всяких премудростей вроде компьютерных прицелов. Работал он почти инстинктивно, или, вернее, концентрируя до предела свои профессиональные навыки; он обрабатывал в голове данные и решал с точностью до секунды, где должна приземлиться многотонная махина пятой ступени, если нажать кнопку. Выглядел он абсолютно спокойным.

— Пост один — бункеру,— раздался мужской голос,— Четвертая ступень отделилась согласно графику.

И почти сразу же отозвался более низкий голос:

— Следящий два, веду четвертую ступень, высота девятьсот пятьдесят одна миля, вектор предсказанный.

На Харримана никто не обращал внимания.

Под навесом демонстрировалась траектория пятой ступени, несколько отклоняющаяся от пунктира расчетной. От каждой точки отходили координатные линии, означавшие высоту для данной точки. Тихий человек, сидевший у карты, вдруг нажал кнопку своего переключателя. Он поднялся и, потягиваясь, спросил:

— Нет ли у кого закурить?

— Следящий два,— раздалось в ответ из динамика,— четвертая ступень — начальный прогноз точки падения. Сорок миль западнее Чарльстона. Южная Каролина.

— Повторить! — заорал Костер.

Почти без паузы динамик сказал:

— Коррекция, коррекция — сорок миль восточнее. Повторяю: восточнее.

Костер перевел дух. Вздох его был прерван рапортом:

— Пост один — бункеру. Третья ступень отошла на пять секунд раньше.

Оператор за контрольным пультом закричал:

— Мистер Костер! Мистер Костер!!! С вами хотят говорить из Паломарской обсерватории!

— Да пошли они... Хотя нет, пусть подождут.

И тут же раздался другой голос:

— Следящий один, вспомогательный полигон «Фокс», пятая ступень упадет вблизи Додж-Сити, Канзас.

— Насколько близко?!

Ответа не последовало. Вскоре «Следящий один» сказал:

— Сообщаю: падение пятой ступени; пятнадцать миль юго-западнее Додж-Сити.

— Жертвы?

Не успел Следящий-1 ответить, как вмешался Пост-1:

— Отошла вторая ступень, отошла вторая ступень. Теперь корабль — сам по себе.

— Мистер Костер, пожалуйста; мистер Костер...

И — совершенно новый голос:

— Пост два — бункеру. Ведем корабль. Приготовьтесь фиксировать дистанции и пеленги. Приготовьтесь...

— Следящий два — бункеру. Четвертая ступень определенно упадет в Атлантику. Прогнозируемая точка падения — ноль целых пятьдесят семь сотых миль восточнее Чарльстона. Пеленг — ноль девяносто три. Повторяю...

Костер раздраженно оглянулся:

— Даст мне кто-нибудь в этой неразберихе воды?

— Пожалуйста, мистер Костер — Паломар говорит, что они просто обязаны поговорить с вами...

Харриман пробрался к выходу и вышел на поле. Ему вдруг стало обидно, он почувствовал ужасную усталость и тоску. Поле без корабля выглядело непривычно. Корабль рос на глазах у Харримана, а теперь его вдруг нет... Восходящая Луна равнодушно взирала на Землю, а космический полет, казалось, был также далек от Харримана, как и в детстве.

У отражателя факела шатались несколько фигур. Сувениры ищут, с презрением подумал Харриман. Кто-то подошел к нему из темноты:

— Мистер Харриман?

— Чего?

— Хопкинс, «Ассошиэйтед Пресс». Как насчет заявления?

— Никаких заявлений. Я устал.

— О, хоть словечко! Как чувствует себя человек, организовавший первый удачный полет на Луну — если, конечно, полет пройдет удачно?

— Пройдет, пройдет.

Немного подумав, Харриман расправил опущенные плечи и сказал:

— Напишите, что это — начало величайшей эпохи для человечества. Напишите, что каждый человек получит шанс последовать за капитаном Лекруа на разведку новых миров и сможет завоевать себе дом на новой планете. Напишите, что появились новые рубежи, новые стимулы для процветания. Это значит...

Внезапно Харриман умолк.

— На сегодня все. Оставь меня в покое, сынок; я жутко устал.

Тут из бункера вышел Костер, а за ним скопом особо важные персоны. Харриман подошел к Костеру:

— Все в порядке?

— Конечно. А как иначе... «Следящий три» вел корабль до пределов видимости — полный порядок. Кстати, пятая ступень, приземлившись, прихлопнула корову.

— И черт с ней — будет нам бифштекс на завтрак.

Харриману пришлось побеседовать с губернатором и вице-президентом и проводить их до самолета. Диксон с Энтенсой улетели без всяких церемоний, и наконец Костер и Харриман остались вдвоем, если не считать подчиненных, слишком усталых,

чтобы лезть к ним с разговорами, и охраны, защищавшей их от толпы.

— Ты сейчас куда, Боб?

— В «Бродмур», и просплю не меньше недели. А вы?

— Если не возражаешь, я заночую здесь у тебя.

— Да бога ради. Снотворное в ванной.

— Оно мне не понадобится.

В апартаментах Костера они выпили, немного поболтали, потом Костер заказал воздушное такси и отбыл в отель. Харриман завалился спать; проснувшись, прочел вчерашний «Денвер Пост», до отказа забитый фотографиями «Пионера», а потом сдался и принял снотворное.

10

Кто-то тряс его за плечо:

— Мистер Харриман! Вставайте — мистер Костер звонит...

— А?! Что?! Сейчас.

Поднявшись, он побрел к видео. Костер выглядел всклоченным и довольным:

— Эй, босс! Получилось!

— Что получилось?

— Только что звонили из Паломара. Они засекли отметку, а теперь и корабль видят! Он...

— Погоди, Боб. Не гони. Он не мог так быстро долететь! Он ведь только вчера вылетел...

Костер смешался:

— Что с вами, мистер Харриман? Вы хорошо себя чувствуете? Он улетел в среду.

Понемногу Харриман пришел в себя. Верно, старт не мог быть вчера. Смутно припоминалась поездка в горы, день, проведенный под жарким солнцем; затем какая-то вечеринка, там он как следует выпил... Какой же сегодня день? Он не помнил. Но — какая разница, если Лекруа совершил посадку на Луне?!

— Все в порядке, Боб. Я еще толком не проснулся. Наверное, опять старт во сне видел. А теперь расскажи, что у нас новенького, только не спеши.

— Лекруа,— снова начал Костер,— совершил посадку к западу от кратера Архимеда. В Паломаре видят его корабль. Восхищаются вашей придумкой — пометить место посадки угольной пылью. Лес, наверное, акра два углем засыпал — говорят, смотрится в «Большой глаз» не хуже доски объявлений.

— Может быть, нам стоит приехать и поглядеть. Хотя — нет, потом. Сейчас у нас много дел.

— Не представляю, что мы еще можем сделать, мистер Харриман. Мы заняли под вычисления возможных траекторий двенадцать наших лучших компьютеров.

Харриман хотел сказать этому человеку, что следует подключить к работе еще двенадцать, но передумал и оборвал связь. Здесь, в «Петерсон Филдс», его дожидался один из лучших стратопланов «Скайуэйз», дожидался, чтобы доставить в любую точку планеты, куда приземлится Лекруа, вот уже целые сутки находившийся в верхнем слое стратосферы, медленно и осторожно сбрасывая скорость.

Его снова и снова отслеживали радарами, но пока что еще не удалось выяснить, где и как пилот рискнет пойти на посадку. Слушая текущие показания радаров, Харриман проклинал себя за то, что решил сэкономить вес за счет радиопередатчика.

Показания радара поступали все быстрее. Голос прервался, затем сказал:

— Идет на посадку!

— Передайте на поле, чтоб были готовы! — крикнул Харриман.

Затаив дыхание, он ждал. После бесконечно тянувшихся секунд ожидания вклинился другой голос:

— Лунный корабль приземляется. Сядет немного западней Чихуахуа, в Олд Мехико.

Харриман метнулся к выходу.

Направляемый по радио, пилот Харримана вскоре заметил «Пионера», непривычно маленького на фоне желтой пустыни. Пилот удачно посадил стратоплан совсем рядом с «Пионером». Еще до приземления Харриман уже нащупывал дверную ручку.

Лекруа сидел на песке, прислонясь спиной к опоре корабля и наслаждаясь тенью его куцых треугольных крыльев. Перед ним,

разинув рот, стоял какой-то деревенский пастух. Как только Харриман подбежал к нему, Лекруа встал, отшвырнул окурок и сказал:

— Привет, босс!

— Лес!

Харриман обнял молодого человека.

— Рад видеть тебя, дружище!

— И я рад видеть вас. Этот Педро не умеет говорить по-нашему.

Лекруа огляделся; вокруг больше никого не было, кроме пилота, доставившего сюда Харримана.

— А остальные? Где Боб?

— Я не стал их ждать. Скорее всего, через несколько минут будут. Э, да вот и они!

На посадку заходил еще один стратоплан. Харриман повернулся к своему пилоту:

— Билл, поди-ка, встреть их!

— А? Да вы не беспокойтесь, они подойдут.

— Делай, что говорят.

— Вы начальство...

Пилот побрел по песку, всем своим видом выражая недовольство. Лекруа был озадачен.

— Быстрей, Лес! Помоги-ка мне с этим!

«Этим» были пять тысяч конвертов со спецгашением, которые должны были побывать на Луне. Вдвоем они перетащили сумку в лунный корабль и запихнули в пустой шкафчик для продуктов. От взглядов вновь прибывших их надежно прикрывал стратоплан.

— Фу-ты,— сказал Харриман.— Чуть-чуть не влипли. Нам позарез нужны эти полмиллиона, Лес.

— Конечно. Однако, мистер Харриман...

— Тс-с-с! Они идут. Что насчет другого дела? Все готово?

— Да, но я бы хотел ска...

— Тихо!

На втором стратоплане прилетели вовсе не их сотрудники, а целое стадо репортеров, операторов, звукорежиссеров, комментаторов и техников. Лекруа и Харримана взяли в кольцо.

Харриман самодовольно помахал всем:

— Давайте, ребята! Снимайте, сколько влезет, облазайте весь корабль — будьте, как дома! Смотрите все, что хотите, только на капитана не шибко наседайте — он устал.

Приземлился еще один стратоплан — это был Костер с Диксоном и Стронгом. Энтенса прибыл на отдельно нанятом корабле и принялся командовать своими телевизионщиками, фотографами и репортерами. Все вместе они чуть не подрались с другой, несанкционированной командой журналистов.

Прибыл большой транспортный вертолет, из него выбрался наружу взвод мексиканских солдат в хаки. Откуда-то, похоже, прямо из-под песка появились несколько дюжин местных крестьян. Отбившись от репортеров, Харриман провел краткие, но довольно убыточные переговоры с капитаном местной армии, в результате чего был наведен относительный порядок, и «Пионер» спасен от любителей сувениров.

— Эй, положь, где лежало! — раздался из недр «Пионера» крик Лекруа.

Харриман замер, прислушиваясь. Голос пилота зазвучал выше:

— Не твое дело! Положь, говорят!

Харриман протолкался к люку:

— Что стряслось, Лес?

Внутри кабины, размерами едва ли больше телефонной будки, стояли трое: Лекруа и два репортера. Все трое были порядочно возбуждены.

— Что стряслось, Лес? — повторил свой вопрос Харриман.

Лекруа держал в руках маленький мешочек — пустой. На антиперегрузочном кресле, отделявшем его от репортеров, были рассыпаны маленькие, тускло поблескивающие камешки. Один из них репортер держал поближе к свету.

— Да вот,— зло сказал Лекруа,— суются, куда не просят.

Репортер, разглядывавший камень, сказал:

— Вы ведь нам позволили осмотреть все, что захотим? Так ведь, мистер Харриман?

— Именно.

— А ваш пилот,— он указал пальцем на Лекруа,— кажется, не предполагал, что мы это найдем. Они были спрятаны под обивкой кресла.

— И что с того?

— Это же алмазы!

— Отчего вы так уверены?

— Да точно вам говорю! Алмазы.

Харриман замер, разворачивая сигару, а потом сказал:

— Эти алмазы я сам туда положил.

Позади Харримана пыхнул блиц и раздался голос:

— Подыми-ка его повыше, Джефф.

Репортер по имени Джефф так и сделал, а затем обратился к Харриману:

— Довольно странно все это, а?

— Меня интересовало действие космического излучения на необработанные алмазы. По моему приказу капитан Лекруа поместил этот мешочек с алмазами в корабль.

Джефф задумчиво присвистнул.

— Знаете ли, мистер Харриман; если бы вы не дали такого объяснения, я бы решил, что Лекруа нашел эти камешки на Луне и попытался скрыть от вас сей факт.

— Только попробуй это напечатать — я тебя привлеку за клевету. Я уверен в капитане Лекруа на сто процентов. Дай-ка алмазы сюда!

Брови Джеффа взлетели вверх:

— А может, вы недостаточно в нем уверены, чтобы оставить камни ему?

— Дай сюда, говорят. Вот. А теперь — убирайтесь.

И Харриман как можно быстрее поволок Лекруа в свой корабль.

— Хватит на сегодня,— заявил он фотографам и репортерам.— Встретимся в «Петерсон Филдс».

Как только стратоплан поднялся в воздух, он обратился к Лекруа:

— Отличная работа, Лес.

— А этот репортер, по имени Джефф, похоже, был сильно сконфужен.

— Что? Ах, этот... Да нет, я о полете. Ты сделал! Ты — первый из всех!

— Боб выстроил хороший корабль,— пожал плечами Лекруа.— Остальное — мелочи. Так вот, об алмазах...

— Забудь ты это слово! Ты сделал свое дело. Мы поместили камни на корабль, а потом рассказали всю правду. Кто же виноват, если нам не поверят...

— Но, мистер Харриман...

— Что?

Лекруа расстегнул молнию на кармане комбинезона и извлек завязанный в узел грязный платок. Развязав его, он высыпал в ладони Харримана куда больше алмазов, чем нашли на корабле репортеры. Эти были крупнее и более чистые с виду.

Уставившись на них, Харриман от души расхохотался. Потом он вернул алмазы Лекруа:

— Держи.

— По-моему, они принадлежат нам всем.

— Ну, вот и сбережешь их для нас всех. Только держи язык за зубами. Нет, погоди-ка.— Харриман отделил два крупных камня.— Закажу кольца — одно тебе, другое — мне. Смотри, не проболтайся, иначе они потеряют всякую цену и пригодны будут разве что на сувениры.

Да, думал Харриман, именно так. Алмазный синдикат уже давно сообразил, что алмазы, когда их много, стоят немногим дороже стекла — если не брать в расчет их промышленное применение. На Земле их больше, чем достаточно — и для промышленности, и для ювелиров. Если на Луне алмазы лежат, как щебень, значит, они и есть щебень. Тогда они не оправдают и расходов по доставке на Землю. А вот уран... Если б на Луне его тоже было в избытке. Откинувшись в кресле, Харриман предался сладким грезам.

Вскоре Лекруа тихо сказал:

— Знаете, босс... Там просто здорово.

— А? Где?

— На Луне, где же еще. Я обязательно туда вернусь — и как можно скорее. Нам следует заняться новым кораблем.

— Конечно, конечно! На этот раз корабль будет достаточно большим, чтобы мы полетели все вместе! Уж теперь-то я обязательно полечу!

— А как же!

— Лес...— старик говорил едва ли не с почтительностью.— А как выглядит с Луны Земля?

— Земля? Как... как...

Лекруа осекся.

— Черт возьми, босс, словами этого не опишешь! Это просто замечательно. Черное небо... Знаете, вы лучше подождите моих снимков. Или нет, это лучше самому посмотреть.

— Да,— кивнул Харриман,— однако жутко тяжело ждать.

11

АЛМАЗНЫЕ РОССЫПИ НА ЛУНЕ!!!

МИЛЛИАРДЕР-ЗАКАЗЧИК ОТРИЦАЕТ НАХОДКУ АЛМАЗОВ, утверждая, что они взяты в космос с научной целью.

ЛУННЫЕ АЛМАЗЫ: МИСТИФИКАЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

«...но, подумайте сами, мои невидимые друзья, зачем человеку брать алмазы *на Луну?* Вес корабля был рассчитан до унции, а потому без веских причин алмазы не попали бы в космос! Многие авторитетные ученые утверждают, что объяснение мистера Харримана — абсурд! Легко можно заподозрить, что алмазы были взяты с целью «посолить» Луну, как говорится, земными драгоценностями, чтоб убедить нас в существовании лунных алмазов. Однако мистер Хэрримэн, капитан Лекруа и все, кто связан с этим предприятием, с самого начала божились, будто алмазы родом с Земли. С уверенностью можно утверждать одно: алмазы были на корабле, когда он совершил посадку. Вы можете думать, что хотите, а ваш покорный слуга собирается прикупить несколько акций лунных алмазных копей...»

Войдя в свой кабинет, Харриман, как обычно, застал Стронга на месте. Не успел он поздороваться, как раздался звонок. С засветившегося экрана сказали:

— Мистер Харриман, вас вызывают из Роттердама.

— Пускай идут... свои тюльпаны поливать!

— Вас ждет мистер ван дер Вельде, мистер Харриман.

— Ладно.

Позволив голландцу высказаться, Харриман ответил:

— Мистер ван дер Вельде, все приписываемые мне заявления абсолютно правдивы. Алмазы, которые нашли репортеры, я сам поместил в корабль перед стартом. Они были добыты здесь, на Земле. Честно говоря, я купил их, когда приезжал на встречу с вами и могу это доказать.

— Но, мистер Харриман...

— А вы — как хотите. На Луне может оказаться алмазов больше, чем вы сможете обойти либо перепрыгнуть. Тут я никаких гарантий дать не могу. Однако головой ручаюсь: те алмазы, о которых всюду трезвонят газетчики, вполне земного происхождения.

— Но, мистер Харриман, для чего же вы отправили алмазы на Луну? Может быть, вы пытались обмануть нас?

— Да можете думать, что хотите. Но я с самого начала говорил, что эти алмазы земные. Теперь послушайте меня. Вы уже сделали выбор — выбор из выборов, и говорите что угодно. Если хотите сделать второй взнос, чтобы упрочить свой выбор,— последний срок во вторник, в девять часов по нью-йоркскому времени, как указано в договоре. Решайте сами.

Выключив видеофон, Харриман встретил кислый взгляд своего компаньона.

— Ну, что тебя донимает?

— Знаешь, Делос, я тоже думаю об этих алмазах. И потому заглянул в весовую спецификацию «Пионера».

— Вот не знал, что ты техникой интересуешься...

— Ну, цифры-то я всяко разберу.

— И как, разобрался? Пункт Ф-17, две унции, оставленные лично для меня.

— Я видел. Трудно было не заметить. Однако я не нашел там кое-чего еще.

Харриман почувствовал холодок в животе.

— Чего же это?

— Я не нашел никакого упоминания о конвертах.

Стронг посмотрел на Харримана в упор.

— Как это? Должно быть. Дай-ка я сам гляну!

— Да нет их там, Делос. Знаешь, мне показалось странным, что ты настоял на том, чтобы лично встретить капитана Лекруа. Так что же произошло? Ты их тайно протащил на борт? — Стронг

продолжал неотрывно разглядывать ерзающего в кресле Харримана.— Мы проворачивали довольно рискованные сделки, но в первый раз кто-то может сказать: фирма «Харриман и Стронг» жульничает.

— Джордж! Я стану жульничать, лгать, воровать, клянчить, давать взятки, все, что угодно, лишь бы закончить то, что мы должны закончить.

Харриман прошелся по кабинету.

— Нам не обойтись без этих денег — без них корабль никогда не взлетел бы! Сейчас мы на нуле, и ты прекрасно это знаешь. Так?

Стронг кивнул.

— И все же эти конверты должны были побывать на Луне. Мы обещали.

— Я просто забыл. А потом уже поздно — весь вес был расписан. Да неважно! Я подумал, что если с кораблем что случится, если Лекруа разобьется, никто ничего не узнает и не станет беспокоиться о пропавших конвертах. Также я знал, что если Лекруа справится, конверты будут уже не важны — у нас появится куча денег. И так и будет, Джордж, верно тебе говорю!

— Но мы должны вернуть деньги за конверты.

— Прямо сейчас? Подожди немного, Джордж. Те, кто поддержал наше дело, счастливы, что оно удалось... Подожди, вот соберемся с силами, и я лично заплачу за все конверты сам, из собственного кармана. Честное слово.

Стронг продолжал сидеть молча. Харриман подошел к нему:

— Скажи, Джордж, какая польза от того, что мы угробим такое грандиозное предприятие из-за каких-то абстрактных принципов?

— Будешь выкупать,— со вздохом сказал Стронг,— бери деньги фирмы.

— Ну что за сила духа! Нет, даю слово, я потрачу только свои.

— Нет, деньги фирмы. Раз уж мы вместе, то во всем.

— Ладно, раз ты настаиваешь...

Харриман вернулся к своему столу. Долгое время партнеры хранили молчание. Наконец оно было прервано сообщением о прибытии Диксона с Энтенсей.

— Ну как, Джек? — спросил Харриман.— Легче?

— Благодарю тебя — нет. Даже за то, что мне удалось выпустить в эфир, пришлось драться — а кое-что у меня было просто пиратски перехвачено. Делос, на корабле надо было установить телепередатчик.

— Да не переживай ты так! Я же говорил: в этот раз нельзя было брать с собой лишний вес. В конце концов, это не последний полет — и твоя концессия принесет тебе кучу денег.

Диксон откашлялся.

— За этим мы к тебе и пришли, Делос. Что ты собираешься делать дальше?

— Дальше? Мы движемся вперед! Следующий полет совершим я, Лес и Костер. Устроим постоянную базу. Может, Костер останется там. А в третий раз отправим целую колонию — атомщики, шахтеры, эксперты по гидропонике, связисты... Мы заложим Луна-Сити, первый инопланетный город!

Диксон задумался.

— А когда это начнет окупаться?

— Что значит «окупаться»? Ты хочешь получить обратно свой капитал или увидеть доходы со своих вложений? Можно и так и так.

Энтенса хотел сказать, что хочет получить назад свой капитал, но Диксон опередил его:

— Конечно, доходы. Капитал уже вложен.

— Прекрасно!

— Только я не вижу, откуда они возьмутся. Да, Лекруа слетал на Луну и вернулся целым и невредимым. Этим мы можем гордиться. Но откуда возьмутся доходы?

— Погоди, Дэн, дай семенам взойти. Разве я тревожусь? Каковы наши активы?

Харриман принялся загибать пальцы.

— Фото, радио, телевидение...

— Это все пойдет Джеку.

— Загляни в соглашение. У него концессия, да; но он за нее платит фирме — то есть всем нам.

Энтенса хотел было что-то сказать, но Диксон осадил его:

— Заткнись, Джек! Ну, а еще? Одно это нам с долгами рассчитаться не поможет.

— Индоссаментов предостаточно! Над этим работает Монти с ребятами. Гонорар за самый знаменитый бестселлер — я нанял

литератора и стенографистку, чтоб ежеминутно крутились возле Лекруа. Привилегии на первую и единственную пассажирскую линию в космосе...

— От кого ты их собираешься получить?

— Неважно; получим. Сейчас Каменс и Монтгомери работают над этим в Париже. Сегодня вечером я к ним присоединюсь. И эту привилегию мы объединим с привилегией от другой стороны, как только там появится хоть какая-нибудь — но настоящая — колония. Это будет автономное лунное государство под протекторатом ООН, без разрешения ООН ни один корабль не стартует с его территории. Кроме того, право давать привилегии на разные разности дюжинам других компаний, а также — облагать их налогом, как только мы организуем «Муниципальную корпорацию Луна-Сити» по законам Лунного государства. Будем продавать все, кроме вакуума, и даже сам вакуум — для экспериментов там разных... И кроме этого мы — не забудьте — имеем порядочный кусок недвижимости. У нас, как у государства — суверенные права на все, еще не проданное имущество. Луна — она большая.

— Как и твоя идея, Делос,— буркнул Диксон.— И все же: что мы будем делать, например, завтра?

— Сперва надо получить право на владение, подтвержденное ООН. Сегодня заседает Ассамблея, а Совет Безопасности проводит закрытую сессию. Будут обсуждаться эти вопросы — поэтому мне необходимо там быть. Когда ООН решит — решит, не сомневайтесь,— что единственные реальные права на Луну имеет ее собственная недоходная корпорация, тогда я смогу действовать. Маленькая, хилая недоходная корпорация будет кое-что предоставлять настоящим, совершеннолетним корпорациям с волосатой грудью, в обмен, разумеется, на помощь в оборудовании физической лаборатории, обсерватории, лунографического института и еще разных — взаправду — недоходных учреждений. Это — промежуточный этап, пока у нас нет постоянной колонии с собственными законами. А потом...

Диксон нетерпеливо заерзал:

— Ладно, Делос, оставь эти юридические хитрости. Я тебя знаю достаточно давно и верю, что ты способен рассчитывать подобные комбинации. Что нам в первую очередь необходимо сделать?

— Как что? Построить еще один корабль, больше и лучше прежнего. Костер начал рассчитывать поверхностную катапульту — длиной от Маниту-Спрингс до вершины пика Пайк. С ее помощью мы выведем корабль на околоземную орбиту. Потом будем использовать такие корабли для заправки других — они будут орбитальной станцией типа энергоспутника. Таким образом, у нас появится возможность добираться до Луны на химическом топливе, не отстреливая девять десятых корабля.

— Дороговато обойдется...

— Именно. Однако не беспокойтесь, у нас еще есть десятка два всяких штучек для поддержания притока денег, пока не встанем на коммерческую основу. Потом будем еще акции продавать. Уже теперь мы продадим на тысячу там, где раньше продавали на десятку!

— И ты думаешь, нам удастся продержаться, пока все предприятие в целом не станет рентабельным?! Делос, оно не станет в целом рентабельным, пока у нас не будет кораблей, летающих от Земли к Луне без убытка, то есть пока не будет покупателей с наличными. А что можно вывозить с Луны? И — кто согласится платить за это?

— Дэн, неужели ты думаешь, что с Луны нечего вывозить? Если так, что ты вообще здесь делаешь?

— Я верю тебе, Делос, стало быть, верю и в Луну. Но каковы наши ближайшие планы? Каков наш бюджет? Чем ты собираешься торговать — только, бога ради, не надо об алмазах: эту хохму я, кажется, раскусил.

Некоторое время Харриман жевал сигарету.

— Есть один ценный товар, который мы начнем вывозить сразу же.

— Какой?

— Знания.

Энтенса фыркнул. Стронг задумался. Диксон согласно кивнул:

— Вот это я понимаю. Знание для человека, знающего, как им распорядиться, всегда чего-нибудь стоит. И я согласен, Луна имеет неисчерпаемый запас новых знаний. Похоже, мы сможем окупить следующий полет. Каков твой бюджет и смета?

Харриман не отвечал. Стронг внимательно вглядывался в его лицо. Ему-то каменное выражение лица Харримана говорило больше, чем строки, напечатанные крупным шрифтом. Кажется, его компаньон загнан в угол. Стронг нервничал в ожидании, однако в любую минуту готов был подыграть Харриману. Диксон продолжал:

— Судя по тому, как ты, Делос, все это расписываешь, денег на следующий шаг у тебя нет и где их взять, ты не знаешь. Я верю в тебя, и еще на старте говорил, что не люблю, когда новые предприятия погибают от анемии. Я готов купить пятый пай.

Харриман пристально посмотрел ему в глаза.

— Слушай,— резко сказал он,— тебе ведь сейчас принадлежит пай Джека, так?

— Я бы не сказал...

— Ты им голосуешь, это и ежу понятно!

— Неправда,— встрял Энтенса.— Я независим. Я...

— Джек, ты проклятый лгун,— спокойно сказал Харриман.— Дэн, сейчас за тобой пятьдесят процентов. При настоящих правилах я имею право на разрешение безвыходных положений, что дает мне контроль, пока Джордж за меня. Если мы продадим тебе еще один пай, ты будешь голосовать тремя пятыми, и тогда ты — босс. Ты этого хочешь?

— Делос, я уже сказал, что верю тебе...

— Но будешь чувствовать себя куда лучше с плеткой в руке. Так вот: на это я не пойду. Скорее соглашусь, чтобы космические полеты — настоящие полеты, по установленным маршрутам — задержались еще на двадцать лет, чем выпущу из рук контроль. Я скорее соглашусь, чтобы все мы обанкротились и жили лишь былой славой, чем выпущу из рук этот контроль. Придумай что-нибудь другое.

Диксон ничего не ответил. Харриман встал, прошелся по кабинету и остановился перед Диксоном.

— Дэн, если б ты действительно понимал, для чего все это делается, я бы дал тебе контроль. Но ты же не понимаешь. Тебе кажется, что это еще один путь к деньгам и власти. Я ничего не имею против, если вы, стервятники, на этом разбогатеете. Но контроль — мой! Я хочу развивать предприятие, а не выдаивать его досуха.

Человечество устремляется к звездам, и эта авантюра поставит перед ним такие задачи, в сравнении с которыми ядерная энергия — детские шалости. Если предприятие не поддерживать с надлежащей бережностью, оно рухнет. Ты разрушишь его, Дэн! Если только я позволю тебе иметь решающий голос. Ты же не понимаешь...

Хэрримэн перевел дух и продолжил:

— Взять хоть безопасность. Ты знаешь, почему я уступил этот полет Лекруа? Думаешь, я струсил? Черта с два! Я хотел, чтобы корабль благополучно возвратился на Землю! Чтобы космические путешествия не получили вдобавок еще одно препятствие! Ты понимаешь, для чего нам монополия — по крайней мере, на ближайшие несколько лет? Потому, что теперь всякий там «Черт-знает-кто и Сыновья» захочет построить лунный корабль, ведь уже известно, что это вполне возможно! Вспомни первые перелеты через океан! Стоило Линдбергу его перелететь, всякий, кто мог достать самую захудалую этажерку, пожелал отправиться в подобный беспосадочный полет. Некоторые даже детей с собой брали! И большей частью садились в лужу, в буквальном смысле! Вот пожалуйста, самолеты стали считаться опасными. А вскоре авиалинии при высокой конкуренции принялись гоняться за быстрыми заработками. И в результате не было ни одного газетного номера без статьи об авиакатастрофе! С космическими путешествиями такого быть не должно! Я не допущу этого! Космолеты слишком велики и дороги; если и они заработают дурную репутацию, мы можем отправляться в богадельню. Так что — командовать буду я.

Он замолчал. Подождав немного, Диксон сказал:

— Я сказал, что верю в тебя, Делос. Сколько тебе нужно?

— А на каких условиях?

— Твой вексель.

— Мой... Ты сказал «мой вексель»?

— Конечно, я бы хотел гарантий.

Харриман выругался.

— Я знал, что тут какой-то подвох. Дэн, ты отлично понимаешь: все, что у меня было, вложено в это дело.

— Ну, у тебя есть страховки. У тебя много страховок, я знаю.

— Верно. Но все они оформлены на жену.

— Кажется, ты говорил что-то подобное Джеку Энтенсе,— задумчиво протянул Диксон.— Стало быть, насколько я знаю твои манеры в отношении налогов, у тебя имеется хотя бы один трест с неизменным уставом, или выплаченная ежегодная рента, или еще что-нибудь, чтобы миссис Харриман в любом случае не попала в дом престарелых.

Харриман крепко задумался.

— А когда будет востребован вексель?

— В далеком, светлом будущем. Конечно, хотелось бы пунктик о небанкротстве.

— Зачем? Юридически он незаконен.

— Зато законен для тебя, верно?

— Хм-м-м... Ладно, черт с тобой.

— Тогда волоки свои полисы на свет божий — посмотрим, на сколько можно выписать вексель.

Бросив взгляд на Диксона, Харриман резко повернулся и прошел к своему сейфу. Вернулся он с целой грудой толстых папок. Они сложили стоимости полисов — сумма по тем временам вышла просто поразительная. Диксон заглянул в вынутую из кармана шпаргалку:

— Кажется, пропустили один, и довольно крупный. Вероятно, «Северо-Атлантического совместного».

Харриман бросил на него злобный взгляд:

— Кажется, пора гнать с работы всех моих служащих.

— Не стоит,— мягко сказал Диксон,— информация у меня не из вашего лагеря.

Харриман опять полез в сейф, вынул полис и добавил его к куче других.

— А мои не желаешь? — спросил у Диксона Стронг.

— Нет,— отвечал Диксон,— в этом необходимости нет.

Он принялся запихивать полисы в карман.

— Я их сохраню и позабочусь о выплатах. И, конечно же, это дело фактурирую. Можешь послать вексель и формы изменения бенефициария в мою контору. Вот твоя тратта.

Он извлек из кармана лист бумаги. Это была тратта, уже выписанная на общую сумму полисов. Харриман пристально посмотрел на Диксона.

— Порой я и понять не могу,— медленно сказал он,— кто же кого надувает?

Он перебросил бумагу Стронгу:

— Ладно. Джордж, займись. Я — в Париж, ребята. Пожелайте мне удачи.

Вышел он с видом веселым, как у щенка-фокстерьера. С захлопнувшейся двери Стронг перевел взгляд на Диксона, потом на вексель:

— Мне бы следовало его порвать...

— Не надо,— попросил Диксон.— Видишь ли, я действительно верю Ди-Ди.— Помолчав, он добавил: — Ты, Джордж, Карла Сэндберга когда-нибудь читал?

— Да какой из меня читатель...

— Будет время — прочти. У него была история о человеке, пустившем слух, что в аду найдена нефть. Очень скоро все перебрались в преисподнюю, поддавшись на провокацию. А парень, пустивший слух, посмотрел на все это, почесал репу и сказал сам себе: в конце концов, там просто не может не быть чего-нибудь такого! И сам отправился туда же.

Выслушав историю, Стронг сказал:

— И в чем же здесь суть?

— Суть в том, что я всего лишь хочу быть готовым защитить себя в случае надобности. И тебе, Джордж, того же советую. А ну как Делос сам поверит в свои слухи? Алмазы... Идем, Джек.

12

Следующие месяцы оказались такими же суматошными, как и все время до отлета «Пионера», ныне с помпой переданного Смитсоновскому университету. Группа инженеров и большой штат рабочих занимались катапультой, еще две группы — новыми кораблями «Мэйфлауэром» и «Колонистом». Третий корабль был пока что только на бумаге. Главным инженером всего проекта был Фергюссон; Костер же, как и прежде, поддерживаемый Джоком Беркли — техническим консультантом, работающим над тем, над чем хочет. Колорадо-Спрингс быстро развивался; посе-

ления городов-дорог Денвер-Тринидад вышли далеко за его пределы, вплотную подступив к «Петерсон Филдс».

Харриман крутился, точно белка в колесе. Постоянно расширяющиеся торговля и реклама отнимали у него восемь дней в неделю, но, доведя до язвы Монтгомери с Каменсом, сам почти без сна, он все же успевал частенько наезжать в Колорадо и подолгу беседовать с Костером.

Было решено, что Луна-Сити будет основан уже при следующем полете. «Мэйфлауэр» должен был нести полезную нагрузку не только в количестве семи пассажиров, но и запасов воздуха, воды и пищи, достаточных, чтобы четверым из пассажиров можно было продержаться до следующего корабля. Жить им предстояло в гофрированном алюминиевом домике — прочном, герметичном и вдобавок захороненном под рыхлой лунной почвой до прилета следующего корабля.

Выбор остальных четырех пассажиров превратился в очередное состязание, очередную рекламную кампанию и большую продажу акций. Харриман настоял на отборе двух семейных пар, на что ему тщетно пытались возражать все поголовно научные организации. Уступил Харриман только в одном — пусть все четверо будут учеными, но при этом они все равно должны составлять две семейные пары. Это привело к увеличению скоропалительных браков и разводов — после того, как объявили итоги конкурса.

«Мэйфлауэр» был загружен по максимуму — только-только, чтобы с помощью катапульты и собственных двигателей выйти на околоземную орбиту. Старту «Мэйфлауэра» должны были предшествовать старты четырех других кораблей (правда, космическими кораблями в прямом смысле слова они не являлись), таких же больших, как и он, безымянных танкеров. Самые скрупулезные баллистические расчеты и предельная точность при запусках помогут им собраться в одной и той же точке одной и той же орбиты. Там их встретит «Мэйфлауэр» и заберет оставшееся топливо.

Это была самая тонкая часть всего проекта. Если четыре танкера сойдутся на орбите, Лекруа, используя крошечный запас топлива для маневров, сможет подойти к ним на своем новом корабле. Если же нет — что ж, в космосе ему будет жутко одиноко.

Над пилотированием танкеров размышляли всерьез. Предполагалось поместить туда пилотов и счесть неизбежными издержками расход топлива на отделение спасательного бота с крыльями, уменьшение скорости при входе в атмосферу и посадочное торможение. Но Костер нашел более рациональный способ.

Радар-автопилот, чьим предком был дистанционный взрыватель, а родителями системы наведения самонаводящихся ракет, получит команду: свести танкеры вместе. На первом танкере его не будет, однако второй автоматически «увидит» первый и на минимальной тяге направится на сближение. Третий подойдет к двум первым, как и четвертый. Если это сработает, у Лекруа будет существенно меньше проблем.

13

Стронг хотел было продемонстрировать Харриману отчеты о реализации автоматических бытовых выключателей «H&S», но Харриман лишь отмахнулся. Стронг опять придвинул их к Харриману, прямо под нос:

— Делос, тебе пора бы хоть немного заинтересоваться такими делами. *Кое-кто* в этом кабинете должен бы, наконец, заметить, что к нам поступают некие деньги, принадлежащие лично нам. Иначе этому кому-то скоро придется идти торговать яблоками на углу.

Харриман откинулся в кресле, заложив руки за голову.

— Джордж, как ты можешь? В такой день!.. Никакой в тебе поэзии! Или ты не слышал, что я сказал, когда пришел? *Рандеву осуществлено!* Первый и второй танкеры соединились, как сиамские близнецы! На этой неделе — в полет!

— Очень может быть. А бизнес своим чередом!

— Стало быть, ты им и управляй, а у меня назначена встреча. Когда Диксон обещал быть?

— Должен с минуты на минуту.

— Хорошо.

Откусив кончик сигары, Харриман продолжал:

— Знаешь, Джордж, я уже не жалею, что не полетел с первым кораблем. Зато сейчас полечу! Я нетерпелив, как жених, и так же счастлив.

Он замурлыкал себе под нос какую-то песенку.

Диксон на сей раз явился без Энтенсы — так повелось с того дня, когда ему больше не нужно было скрывать, что он контролирует два пая. Они пожали друг другу руки.

— Слыхал новость, Дэн?

— Да, Джордж говорил.

— У нас все готово! То есть почти готово. Через неделю — ну, там чуть больше или меньше — я буду на Луне! С трудом верится...

Диксон молча уселся в кресло. Харриман продолжал:

— Ты что, не хочешь меня поздравить? Да это же великий день!

— Ди-Ди,— спросил Диксон,— а зачем?

— Чего-о?! Не задавай дурацких вопросов! Для чего я, по-твоему, все это затевал?

— Я не просто так тебя об этом спрашиваю. Я спрашиваю, для чего тебе нужно на Луну? У четверых колонистов причина достаточно веская. Кроме того, каждый из них — отобранный специалист-исследователь. Лекруа — пилот. Костер — инженер, проектирующий лунный город. Но ты-то там зачем? Что ты там будешь делать?

— Как это — что? Я — тот самый тип, который всем заправляет. Черт побери, когда я доберусь туда, стану мэром! Сигару, приятель? Моя фамилия Харриман, не забудь проголосовать.

Он ухмыльнулся. Диксон был мрачен.

— Вот не знал, что ты собираешься там остаться.

Харриман смущенно отвел взгляд.

— Ну, это все еще не наверняка... Если удастся быстро установить домик, возможно, мы сэкономим достаточно припасов, чтобы и я мог продержаться до следующего корабля. Ты ведь не станешь мне завидовать, так?

Диксон смотрел в глаза Харримана:

— Делос, я вообще не могу позволить тебе лететь.

Харриман онемел от изумления. Немного придя в себя, он сказал:

— Дэн, не шути такими вещами. Я лечу, и ты меня не остановишь. Никто на Земле меня не остановит!

— Делос, я не могу тебе этого позволить,— покачал головой Диксон.— Я слишком глубоко в этом деле. Если ты улетишь, и, не дай бог, с тобой что-то случится — я потеряю все.

— Это глупость какая-то! Вы с Джорджем продолжите дело.

— А вот ты спроси у Джорджа.

Стронг ничего не сказал. Казалось, он старательно избегал взгляда Харримана. Диксон продолжал:

— И не пытайся схитрить, Делос. Предприятие — это ты. А ты — это предприятие. Если ты погибнешь, всему конец. Я не говорю, что прекратятся космические полеты — ты уже дал им такой толчок, что дело будет продолжаться, даже если на твое место встанут людишки помельче. Но наше предприятие — вот эта самая Компания — пойдет прахом. Нам с Джорджем придется ликвидировать его по полпроцента за доллар. И это еще с учетом продажи патентных прав! Недвижимость же не стоит ничего.

— Черт с ним! Мы торгуем тем, чего нельзя положить в рот! Ты с самого начала это знал.

— Самый важный актив — ты, Делос. Ты — курица, несущая золотые яйца. И я хочу, чтобы ты никуда не улетал, пока еще способен их нести. Ты просто права не имеешь рисковать в космическом полете, пока дело не поставлено на рентабельную основу, так чтобы любой знающий менеджер, вроде нас с Джорджем, мог вести его дальше и поддерживать платежеспособность. Это я серьезно, Делос. Я слишком много вложил в это дело, чтобы позволить тебе рисковать им ради увеселительной прогулки.

Харриман встал, тяжело дыша и упершись кончиками пальцев в край столешницы.

— Тебе меня не остановить,— медленно и непреклонно сказал он.— Ты отлично знаешь, что я собираюсь лететь. И никакие чистые и нечистые силы меня не остановят!

— Прости меня, Делос,— спокойно возразил Диксон,— Но я могу и хочу остановить тебя. Я могу, например, задержать этот самый корабль...

— Попробуй! Адвокатов у меня не меньше; к тому же мои — лучше!

— Ты увидишь, что уже не так популярен в американских судах — особенно с тех пор, как США сообразили, что Луна им вовсе не принадлежит.

— А я говорю, попробуй! Я разобью тебя да вдобавок отберу твои же паи!

— Спокойнее, Делос. Не сомневаюсь, у тебя есть наготове план, с помощью которого ты хоть сейчас можешь отнять Компанию у нас с Джорджем. Если захочешь. Однако — ты вовсе не обязательно станешь это делать. И я не обязательно стану задерживать корабль. Я не меньше твоего хочу, чтоб этот полет состоялся. Но вот тебя в корабле не будет — ты передумаешь лететь.

— Я передумаю?! Я что, по-твоему, на чокнутого похож?!

— Нет, напротив.

— Тогда — с чего это я передумаю?

— Из-за твоего векселя, который у меня. Я хочу его инкассировать.

— Как это? Срок еще не вышел!

— Верно. Однако я хочу быть уверенным в инкассации.

— Зачем, дубина ты безмозглая? Если я погибну, ты его инкассируешь гораздо скорей!

— Вот как? Ошибаешься, Делос! Если ты погибнешь во время полета, я ничего не получу! Я справлялся во всех, страховавших тебя компаниях — большинство из них вносит оговорки насчет экспериментальных аппаратов; так повелось еще со времен ранней авиации. К тому же все они аннулируют полисы и будут стоять насмерть в суде, если ты ступишь на трап корабля.

— Это ты их надоумил!

— Остынь, Делос. Иначе жилы полопаются. Конечно, я справлялся у них, но ведь я вполне законно соблюдал собственные интересы. Я не хочу инкассировать вексель — ни сейчас, ни в случае твоей смерти. Я хочу, чтобы ты погасил его своими собственными трудами, оставшись дома и пестуя нашу Компанию, пока она не стабилизируется.

Харриман швырнул так и невыкуренную, но сильно изжеванную сигару в мусорную корзину — и промазал.

— Мне плевать, что ты на этом прогоришь. Если б ты их не потревожил, они бы заплатили, не пикнув.

— Однако в твоих планах, Делос, обнаружилось слабое место. Если космические полеты будут регулярными и успешными, страховым компаниям придется их страховать.

— Черт побери, одна уже сейчас так делает — «Северо-Атлантическая совместная».

— Я смотрел их рекламу и полюбопытствовал, что они предлагают. Все это — просто рекламные фокусы с обычными оговорками. Нет, все виды страховки придется пересматривать.

Харриман задумался.

— Надо проверить. Джордж, позвони Каменсу. Возможно, нам придется учредить свою страховую компанию.

— Не стоит звонить Каменсу,— возразил Диксон.— Дело в том, что ты не можешь отправиться в этот полет. Слишком много такого вот сорта мелочей, которые постоянно требуют хозяйского присмотра и заботы.

Харриман заглянул в глаза Диксона:

— Дэн, ты никак не можешь понять? Я лечу! Если сможешь — задержи корабль. Если ты расставишь вокруг шерифов — я найму громил, чтобы вышвырнуть их вон.

Диксон заметно опечалился.

— Я не хотел говорить об этом, Делос, однако тебя остановят и без меня.

— Это кто же?

— Твоя супруга.

— А она-то здесь причем?

— Она хоть сейчас готова подать на тебя в суд на алименты: она узнала о полисах. А когда услышит о твоих последних выдумках, уж точно притащит тебя в суд и получит возможность проверить бумаги с учетом твоих активов.

— Это ты ей подсказал!!!

Диксон колебался. Он знал, что миссис Харриман ввел в курс дела Энтенса — со злости. Но что толку подливать масла в огонь?

— У нее и своя голова имеется,— сказал Диксон,— чтобы кое-что выяснить о положении своих собственных дел. Я, честно говоря, беседовал с ней, но она сама меня пригласила.

— Да я вас обоих засужу!

Харриман прошел к окну и выглянул наружу. Окно было настоящим, приятно иногда было вот так подойти к нему и смотреть в небо.

Подошедший Диксон положил руку ему на плечо.

— Не расстраивайся так, Делос. Никто не собирается отнимать у тебя твою мечту. Однако сейчас тебе не следует лететь. Ты не имеешь права подводить нас. Мы вместе с тобой зашли слишком далеко, и ты обязан быть с нами до последнего.

Харриман молчал. Диксон продолжил:

— Ну ладно, я тебе не очень-то нравлюсь. А Джордж? Он ведь с тобой, и вы оба против меня. Однако ему больно от одной только мысли о том, на что ты его обрекаешь. Именно обрекаешь — если не доведешь дело до конца. Как же быть с Джорджем, Делос? Ты и его готов подвести?

Не обращая на Диксона внимания, Харриман резко обернулся к Стронгу:

— Джордж, что скажешь? Ты тоже считаешь, что я должен остаться?

Стронг потер руки, пожевал губу, и, наконец, поднял глаза.

— Со мной полный порядок, Делос. Делай, что считаешь нужным.

Харриман долго глядел на него. Похоже было, что он сейчас заплачет. Потом он хрипло выговорил:

— Ладно, крысы. Ладно. Я остаюсь.

14

То был один из великолепных вечеров, что, впрочем, обычно для пика Пайк после того, как гроза очищает небо. Трек катапульты прямой линией устремился к вершине горы, для этого пришлось срыть весь склон. Во временном здании космопорта Харриман в компании других почетных гостей прощался с пассажирами и экипажем «Мэйфлауэра».

Толпа почти вплотную подошла к рельсам катапульты. Не было надобности держать людей на расстоянии: двигатели не включатся, пока корабль не окажется на вершине пика. Охранялся лишь сам корабль да сияющие рельсы.

Диксон и Стронг вместе — ради Компании и для взаимной поддержки — держались у края площадки, отведенной экипажу и гостям. Они смотрели, как Харриман подшучивает над улетающими:

— До свиданья, доктор. А вы, Жанет, с ним построже: нечего там лунных дев искать!

Потом они принялись наблюдать, как он, о чем-то заговорив с Костером, хлопнул его по спине.

— Не вешает носа, верно? — шепнул Диксон.

— Может, надо было его отпустить? — спросил Стронг.

— Что? Ерунда! Он нужен здесь. Во всяком случае, место в истории ему обеспечено.

— Да что ему история,— серьезно ответил Стронг.— Он ведь просто хотел слетать на Луну...

— Да, черт его побери... Пусть летит — только сначала с нашим делом пусть закончит. В конце концов, он же все это затеял! Все это сделал он!

— Я понимаю.

Обернувшись, Харриман увидел их и направился в их сторону. Они тут же замолчали.

— Ладно, нечего там,— весело сказал он.— Все в порядке. Полечу в следующий раз. К тому времени дело должно уже само собой двигаться. Посмотрите,— он повернулся к «Мейфлауэру»,— каков красавец, а?

Внешний люк был задраен, вдоль трека и с контрольной вышки мигали огни готовности. Завыла сирена.

Харриман подошел поближе.

— *Пошел!*

Кричала вся толпа. Громадный корабль мягко тронулся вверх по треку, набирая скорость. Через некоторое время он, уже совсем крохотный, достиг вершины и устремился в небо. На долю секунды он завис над землей, затем из его сопел вырвался сноп пламени — включились двигатели.

Потом он превратился в светлое пятнышко — огненный мячик — и вскоре совсем исчез. Улетел — вперед и вверх, на рандеву с танкерами.

Едва корабль достиг вершины, толпа переместилась к западному краю платформы. Харриман остался на месте. Диксон и Стронг тоже не пошли со всеми. Они остались втроем. Харриман был самым одиноким из них — он, казалось, не замечал никого вокруг. Он смотрел в небо.

А Стронг смотрел на него. Наконец он шепнул Диксону:

— Ты Библию читал?

— Кое-что.

— Он совсем как Моисей, тот, наверное, выглядел точно так же, когда созерцал землю Обетованную.

Харриман опустил голову и увидел компаньонов.

— А, вы еще здесь? Пошли, работа не ждет.

ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК

Чего там греха таить — хлебнули мы горя пока монтировали Первую станцию.

А все работнички, им за это спасибо.

Спору нет, отгрохать такое сооружение, да еще за двадцать две тысячи триста миль от Земли — дело непростое. Это и называется инженерный подвиг: куда до него какому-нибудь Панамскому каналу, египетским пирамидам или даже ядерному реактору на Саскуэханне. Впрочем, это неудивительно, строил ее Крошка Ларсен, а раз уж он берется за дело, то делает его до конца.

В первый раз я увидел Крошку, когда он играл защитником в команде полупрофессионалов Оппенгеймерского Технологического — в нем он и начинал свою строительную карьеру. С той поры, пока Крошка учился, всякий раз на летних каникулах он подрабатывал у меня. Так он и пошел по строительной части, только теперь уже он, а не я, ходил у другого в начальниках.

Крошка такой — ни в жизнь не возьмет работу, пока не дознается наверняка, что проект хорош на все сто. А Первая станция изначально имела в своем составе узлы, которые если монтировать, то уж никак не людям в скафандрах — будь они хоть трижды здоровяки,— а по крайней мере обезьянам о шести лапах.

© А. Етоев, перевод

Крошка вынюхал все ляпы и минусы — ни тонны не отправилось в космос, пока он лично до последнего болтика не перелопатил всю документацию и чертежи.

И только люди... Вот единственный материал, доставлявший нам головную боль. Женатых на станции почти не было, все больше — отпетые холостяки: одни попали сюда, гонясь за длинной деньгой, других попутал бес приключений. Кто-то был разжалованным космонавтом, иные имели специальность, вроде электриков с прибористами. Где-то половину составляли водолазы-глубинники, а для них, как известно, скафандр, что для другого пижама. Были еще кессонщики, монтажники, сварщики, разметчики и даже два цирковых акробата.

Четверых мы погнали за пьянку на рабочем месте, Крошке даже пришлось сломать одному руку, уж слишком тот не хотел увольняться. И вот ведь что интересно — где эта пьянь брала выпивку? Источник мы не сразу, но отыскали: один умелец-разметчик соорудил низкотемпературный самогонный аппарат, использующий космический вакуум. Так и гнал потихоньку сивуху из ворованной на складе картошки. Если честно, расставаться с ним было жалко, да уж чересчур большой оказался нахал.

А игра в кости! Вы думаете, раз невесомость и станция находится на геостационарной орбите, так и играть нельзя? Вот и нет! Радист Петерс вам быстро доказал бы, кто прав. Это он придумал одно хитроумное приспособление. Представляете, стальных костей нет, магнитной доски нет, а главное — отсутствует элемент случайности. За последнее-то его и пришлось уволить.

Мы собирались отправить радиста на Землю ближайшим транспортным кораблем — как раз на подходе был «Полумесяц». Я сидел у Крошки в каюте, когда «Полумесяц» начал делать корректировку курса.

— Пошли кого-нибудь за Петерсом, Папа,— попросил Крошка, подплывая к иллюминатору,— скажи ему что-нибудь веселенькое на прощанье. Кто там ему на замену?

— Тип по имени Г. Брукс Макнай,— ответил я.

Из корабля, извиваясь змеей, начал выползать трос. Крошка сказал:

— Похоже, у них нелады с привязкой к нашей орбите.

Он запросил радиорубку о положении корабля относительно станции. Ответ ему не понравился, и он приказал соединить

его с «Полумесяцем». Крошка ждал, пока на экране не появился командир корабля:

— Доброе утро, капитан. И кого же ты собрался ловить на свою удочку?

— Твой груз, естественно. Давай, сгружай сюда своих алкашей. Я хочу отвалить до того, как до нас доберется тень.

Надо сказать, что каждый день примерно на час с четвертью станция попадала в тень Земли, и поэтому, чтобы не жечь зазря монтажных прожекторов и не изнашивать скафандров с обогревом, мы работали в две смены по одиннадцать часов каждая.

Крошка покачал головой:

— И не подумаю, пока вы не скорректируете с нами курс и скорость.

— А я что сделал!

— По моим приборам, а не по инструкции.

— Крошка, поимей совесть! У меня не так много топлива, чтобы маневрировать всякий раз. Мы же не минеры, к чему нам такая точность. И так я из-за тебя опаздываю, а если еще начну жонглировать кораблем ради паршивых нескольких тонн, то мне придется садиться на вспомогательную площадку. Или вообще планировать, не дай Бог!

В то время все корабли имели крылья на случай вынужденной посадки.

— Слушай, капитан,— грубо оборвал его Крошка,— ты для чего сюда прилетел? По-моему, как раз для того, чтобы ради этих паршивых нескольких тонн скорректировать наши орбиты. А куда и как ты там приземлишься — меня не волнует. Да хоть в Литл-Америку на задницу! Вспомни, когда привозил сюда первые грузы, ты же с ними как с ребеночком нянчился. Так вот — и это приказ,— давай и с другими также. Не порти первого впечатления!

— Ну хорошо, начальник,— угрюмо ответил капитан Шилдс.

— Не кипятись, Дон,— Крошка сменил гнев на милость.— Говорят, у тебя есть для меня пассажир?

— Уж это точно! — на лице Шилдса появилась мстительная улыбочка.

— Ты подержи его чуток у себя, пока мы не покончим с разгрузкой. Может быть, до тени и справимся.

— Отлично! Просто здорово! В конце концов, от неприятностей никуда не денешься, так зачем прибавлять новые? — Капитан ушел со связи, оставив моего босса в недоумении.

Но раздумывать над его словами времени у нас не было. Шилдс быстро развернул корабль по гироскопу, пару раз стрельнул дюзами и встал ровнехонько с нами, при этом топлива, несмотря на свое нытье, израсходовал всего ничего. Я выволок за борт всех, кого еще не успел уволить, и мы быстро принялись за разгрузку, стараясь успеть до того, как нас накроет земная тень. Невесомость при грузовых работах всегда только на руку: мы выпотрошили «Полумесяц» ровно за сорок четыре минуты.

Груз был обычный: заправленные кислородные баки в комплекте с защитными алюминиевыми отражателями, плиты внешней обшивки — этакие многослойные бутерброды из листового титана и наполнителя из пеностекла, а также ящики с РУВ — реактивными устройствами взлета — для раскрутки жилых отсеков. После того как все это было выгружено и прицеплено к грузовому тросу, по нему же я отослал наших ребят обратно: это вопрос жизни, без страховки любые работы за бортом я запрещаю категорически, тут уж никакие байки о любимчиках госпожи Вселенной не проходят. Затем я сказал Шилдсу, чтобы выпускал пассажира и отчаливал.

Этот малый вылез через воздушный шлюз и прицепился к соединительному тросу. Как матерый космический волк, он ловко оттолкнулся ногами и поплыл параллельно тросу — его страховочный карабин едва за ним поспевал. Увидев такое дело, я быстро рванул к нему и знаками велел следовать за собой. Вскоре вся наша компания — я, Крошка и новичок — одновременно достигли шлюзовой камеры.

Кроме обычного грузового шлюза у нас имелось еще три экстренных компании «Дженерал электрик». Экстренный шлюз — это та же самая «железная дева», только без шипов; он вмещает в себя скафандр, космонавта в скафандре и немного воздуха для продувки. Работает экстренный шлюз автоматически — тем самым экономя время при пересменке. Я выбрал средний, Крошка, как и положено, главный. Новенький, ничуть не смутившись, занял то, что ему оставалось.

Мы втроем ввалились в кабинет. Крошка щелкнул зажимами и откинул шлем.

— Что ж, Макнай,— сказал он,— рады тебя видеть.

Новый радиотехник тоже освободился от шлема. Я услышал тихий, приятный голос:

— Спасибо.

Когда я на него взглянул, то разом позабыл все на свете. Даже я со своего места увидел, что наш новый радиотехник носит в волосах бант.

Я думал, Крошка взорвется. Одного взгляда хватило, чтобы сообразить — новенький был такой же мужчина, как я — Венера Милосская! Но он плюнул и, придерживая свой шлем, бросился к иллюминатору.

— Папа,— завопил он на ходу,— радиорубку! Срочно! Остановить ракету!

Но «Полумесяц» уже превратился в чуть заметную огненную горошину. Крошка стоял как ошпаренный.

— Папа,— тихо спросил он,— кроме нас об этом кто-нибудь еще знает?

— Вроде нет.

Он задумался на секунду:

— Тогда надо спрятать ее от греха подальше. Вот что — запрем ее где-нибудь и подождем до следующего корабля.— Ее он словно не замечал.

— О ком это вы говорите? — громко спросила его Макнай. Приятности в ее голосе поубавилось.

Крошка волком посмотрел на нее:

— О вас, о ком же еще. Значит, путешествуем без билета?

— Не говорите глупостей! Я — Г. Б. Макнай, инженер-электронщик. Разве вы не получали на меня документов?

Крошка повернулся ко мне:

— Папа, да ты... Да какого... Прошу прощения, мисс. Чем ты смотрел, если тебе умудрились всучить бабу? Ты хоть рапорт на нее догадался прочитать?

Тут уж настала моя очередь возмутиться:

— Еще вопрос, кто из нас и болван. Где ты видел, чтобы в документах указывали пол. Комиссия по равноправному труду позволяет делать это только в особых случаях, когда это существенно для работы.

— То есть ты хочешь сказать, что здесь это несущественно?

— Так это же не физический труд. Ты ведь знаешь, сколько на Земле женщин-радисток и диспетчеров.

— Мы не на Земле.

Лицо Крошки стало мрачнее тучи. Он, наверно, подумал, каково ему теперь будет осаживать оголодавших двуногих козлов, которыми набита станция. Тем более что Г. Б. Макнай выглядела очень даже недурно. Не знаю, может быть, виноваты те восемь месяцев, что я провел на орбите без женщин, но про себя я решил твердо — новенькая должна остаться.

— Я слышал даже о женщинах-космопилотах,— злорадно продолжил я.

— А про женщин-архангелов ты ничего не слышал? Так вот, здесь на станции женщин не было и не будет!

— Погодите,— она в отличие от меня была не рассержена, а обижена,— вы здешний начальник?

— Ну,— согласился Крошка.

— Очень хорошо. Тогда спрашивается, откуда вам знать, женщина я или нет?

— Вы что, пытаетесь отрицать, что вы женщина?!

— Зачем же, я горжусь этим. Но если подойти к делу формально, вы же, когда читаете «Г. Брукс Макнай», не знаете, какого этот человек пола? Вот поэтому я всегда пишу «Г» вместо Глории. Терпеть не могу, когда меня начинают жалеть!

Крошка фыркнул:

— На это можете не рассчитывать. Я не знаю, как вы сюда пролезли, но имейте в виду, Макнай, Глория или, как вас там,— вы уволены и следующим кораблем вернетесь на Землю. А до отправки мы постараемся, чтобы никто из наших не догадался, что на борту женщина.

Я прочел по ее губам, как она сосчитала до десяти.

— Дадут мне здесь хоть слово сказать,— проговорила она, наконец,— или вы и дальше будете строить из себя капитана Блая?

— Говорите.

— Никуда я не пролезала. Я — штатный сотрудник станции, старший инженер по связи. Я сама выбрала эту должность специально, чтобы разобраться с оборудованием, пока его еще устанавливают, и не собираюсь из-за вас отказываться от работы. Я остаюсь здесь, вот и все.

Крошка не обратил на это внимания:

— Построим станцию, тогда живите. Всем будет можно — мужчинам, женщинам, даже детям. А сейчас — никаких женщин, говорю вам как начальник.

— Ну это мы еще поглядим. Во всяком случае, уволить меня вам не удастся: радиоперсонал на вас не работает.

В этом она была права: заказчик, компания «Харриман Энтерпрайзис», обязывалась при ведении работ обеспечить подрядчика, корпорацию «Файв Компаниз Инкорпорейтед», некоторыми своими специалистами, связистами в том числе.

Крошка усмехнулся:

— Уволить вас я, может, и не имею права, но отправить домой — могу: «поставляемый заказчиком персонал должен полностью удовлетворять подрядчика», то есть меня. Параграф семь, пункт «М», я же его и писал.

— Тогда вы обязаны знать, что если поставляемый персонал получает немотивированный отказ — расходы, связанные с его заменой, несет непосредственно подрядчик.

— Да, есть риск понести убытки, но я иду на него — вы возвращаетесь, и больше вас здесь никогда не будет!

— Вы... Вы просто глупец!

— Может быть, но здесь решаю я. И я скорее возьму какого-нибудь кретина, чем бабу, которая будет вертеть хвостом перед мужиками!

Она рот раскрыла от изумления. Крошка понял, что перегнул палку.

— Извините, мисс,— подавив смущенье, добавил он,— я серьезно вам говорю. Вы будете спрятаны до тех пор, пока мы не расстанемся.

Только она собралась ему возразить, как я крикнул, показывая на иллюминатор:

— Посмотри назад, Крошка!

К иллюминатору, вытаращив от изумления глаза, уже приклеился один из монтажников. Трое или четверо других плавали за его спиной, дожидаясь своей очереди.

Крошка щукой метнулся к иллюминатору, и они брызнули в разные стороны, как перепуганные пескари. Так напугались, бедные, что чуть скафандры не потеряли в спешке. Мне показалось,

что наш начальник собрался пробить иллюминатор кулаком — а стекло в нем как-никак кварцевое.

Когда он вернулся на место, вид у него был побитый.

— Мисс,— он указывал на дверь в глубине каюты,— подождите пока в моей спальне.

Когда она скрылась за дверью, Крошка меня спросил:

— Что теперь будем делать, Папа?

— Ты, Крошка, начальник, ты и решай.

— Я решил,— смущенно пробормотал он.— Вызови сюда главного инспектора, хорошо?

Было ясно — отступать он не собирается. Группа инспекторов принадлежала не нам, а компании «Харриман Энтерпрайзис», и, по мнению Крошки, они больше мешали, чем помогали делу. Кроме того, Крошка был выпускником Оппенгеймера, а Далримпл — главный инспектор — тот кончал Массачусетс.

Явился главный инспектор, бодрый и самоуверенный, как всегда:

— Доброе утро, начальник. Здравствуйте, мистер Визерспун. Чем могу быть полезен?

Крошка мрачно изложил — чем. Лицо Далримпла так и светилось самодовольством:

— Она права, старина. Ты можешь, конечно, отправить ее назад и даже указать в рекламации, чтобы прислали мужчину. Но вряд ли я смогу сейчас подтвердить твою «уважительную причину».

— Черт возьми! Далримпл, но мы не можем держать здесь бабу!

— В контракте этого не оговаривается, ты же знаешь.

— Если бы твоя компания не прислала нам того шулера, который был до нее,— я не вляпался бы во всю эту историю!

— Ну, ну, давай-ка без нервов. Давай откажемся от нее без указания причины и вместе понесем убытки. Такое тебя устроит?

— Еще бы! То есть, спасибо!

— Не за что. Но подумай, что получается — ты вытурил Петерса, заранее не переговорив с новичком, и этим сократил свой штат до одного радиооператора. А Хэммонд не может дежурить двадцать четыре часа в сутки.

— Он может спать прямо в рубке. Сигнал его разбудит.

— Ну уж, нет. И базу, и эфир надо прослушивать постоянно. «Харриман Энтерпрайзис» направила сюда квалифицированно-

го оператора, и хочешь ты этого или не хочешь, но боюсь, что тебе придется терпеть ее пока у себя.

Крошка понял, что от судьбы не уйдешь. Он тихо сказал:

— Папа, поставь ей первую смену. И будет лучше, если в эту же смену ты поставишь женатых.

Затем он позвал Глорию:

— Ступайте сейчас в радиорубку и потихоньку присматривайтесь к работе, чтобы Хэммонд мог поскорее сдать вам дежурство. Прислушивайтесь к его советам. Человек он порядочный.

— Знаю,— кротко сказала она,— я его обучала.

Крошка моментально заткнулся. Зато тут же встрял в разговор инспектор:

— Начальнику, конечно, можно не обращать внимание на такие мелочи, как знакомство, но все-таки позвольте представиться, я — Роберт Далримпл, главный инспектор. А заодно разрешите представить вам его помощника, мистера Визерспуна.

— Можете называть меня Папой,— сказал я.

— Привет, Папа,— она улыбнулась, и я почувствовал, как по всему моему телу разливается приятная теплота.

Потом она ответила Далримплу:

— Странно, что мы не встречались раньше.

Крошка ее перебил:

— Макнай, спать вы будете у меня,— на это она удивленно подняла брови, а он с суровым видом продолжил: — Все свое я уберу оттуда сегодня же. Да, и главное — как придете после дежурства, сразу же запирайте дверь.

— Спасибо за совет. Именно так я и сделаю.

Крошка при этом покраснел.

Работы навалилось так много, что мисс Глорию я почти не видел. Предстояло распределить поступивший груз, установить новые кислородные баки и поставить на них отражатели. Но самой хлопотной задачей была раскрутка жилых отсеков. Сегодня даже убежденные оптимисты не рассчитывают, что в ближайшие годы в развитии межпланетных транспортных средств возможны особые перемены. Тем не менее «Харриман Энтерпрайзис» планировала сдавать в аренду помещения станции для проведения разнообразных исследовательских работ, покрывая этим свои огромные вложения в строительство.

ИТТ, к примеру, арендовало здесь площадь для своей микроволновой релейной станции, обещая — только за одно телевидение — несколько миллионов в год; у Бюро погоды чесались руки оборудовать свою полусферическую комплексную станцию; у Паломарской обсерватории — у той просто была концессия («Харриман Энтерпрайзис» пожертвовало им площадь); Совет безопасности разрабатывал некий сверхсекретный проект; Физическая лаборатория Ферми и Кеттерингский институт тоже имели здесь свои помещения. В общем, дюжина арендаторов готова была въехать немедленно или в самое ближайшее время, а то — закончим мы когда-нибудь отсеки для туристов и путешественников или нет, на это им было наплевать. Корпорацией для нас были предусмотрены премии за досрочное выполнение работ, а также вознаграждение от заказчика.

Тем, кто никогда не бывал в открытом космосе, вряд ли придутся по сердцу кувырки через голову,— по крайней мере, я от них радости не испытывал,— ведь здесь, на свободной орбите, вы не ощущаете веса, здесь нет ни «верха», ни «низа». Есть Земля, круглая и прекрасная, и всего в каких-то двадцати с лишним тысячах миль — вот она, почти рядом, того и гляди заденешь за нее рукавом. Только здесь начинаешь по-настоящему понимать, как она тянет к себе. Но своего веса вы просто не чувствуете, ну ни капли, вы парите...

Парение просто незаменимо для некоторых видов работ, но что касается приема пищи или, скажем, игры в карты, не говоря уже про купание,— в этих вещах ощущать свой вес и стоять на ногах более чем желательно. Вы чувствуете себя непринужденнее, и ваш обед тогда от вас не улетает.

Вы, наверное, видели фотографии станции — огромный цилиндр, похожий на большой барабан, по бокам у него «кармашки», в них-то и швартуются корабли. А теперь представьте, внутри большого вращается барабан поменьше, так вот, этот маленький барабан и есть жилые отсеки, в которых центробежная сила создает искусственную гравитацию. Конечно, можно раскрутить целиком всю станцию, но тогда попробуйте — пришвартуйтесь к этакому «кружащемуся дервишу».

Поэтому мы и делали внутреннюю часть вращающейся, чтобы в ней можно было нормально жить, а на внешней — стационарной — размещали стыковочные узлы, топливные и кислород-

ные баки, кладовые и все прочее. Переход из одной части в другую осуществлялся через «ступицу» — специальный переходный отсек. Когда мисс Глория оказалась на станции, внутренняя часть ее была уже вставлена и загерметизирована, а внешняя представляла собой голый скелет из балок.

Нет, это просто здорово — видеть, как на фоне черного звездного неба переплетаются отсвечивающие металлом стойки, рамы и фермы из титанового сплава 1403, легкого, прочного, не подверженного коррозии. Но с космическим кораблем станцию все-таки не сравнишь — на взрывные напряжения ее конструкция не рассчитана. Потому мы и не отваживались сразу раскручивать отсеки, а дожидались, когда нам пришлют РУВ.

РУВ — реактивное устройство взлета — что-то вроде ракеты, только предназначенное для запуска самолетов. Сейчас их используют где угодно, если требуется направленный рывок, например, когда вытягивают грузовик из трясины. Мы разместили четыре тысячи РУВ по окружности внешней рамы жилых отсеков, каждый — в строго определенном месте. К ним уже был подсоединен шнур и оставалось дать команду «старт», когда Крошка вдруг обратился ко мне, явно чем-то озабоченный:

— Папа, все срочно отставить, заканчиваем отсек Д-113.

— О'кей,— сказал я. Д-113 входил во внешнюю часть станции.

— Подготовь шлюзовую камеру и закинь в отсек двухнедельный запас жизнеобеспечения.

— Это изменит распределение нагрузки при вращении,— возразил я.

— Ближайшей «ночью» я сделаю пересчет, а после скорректируем расположение РУВ.

Далримпл, узнав про это, тут же явился за разъяснениями, подобное нарушение графика означало задержку сдаваемых в аренду отсеков.

— В чем дело? — спросил он Крошку.

Тот пристально посмотрел на него. В последнее время их отношения стали холоднее обычного: Далримпл постоянно искал поводы посетить мисс Глорию. А чтобы попасть в ее временное жилище, бывшую спальню Крошки, ему приходилось пробираться через его кабинет. Крошке это в конце концов надоело, и однажды он попросил Далримпла убраться и к нему больше не заходить.

— В чем? — спокойно ответил Крошка.— Чтобы иметь хотя бы собачью конуру, если дом сгорит от пожара. Вот в чем.

— Ты что имеешь в виду?

— То и имею, что вдруг мы запустим РУВ, а конструкция возьмет и развалится. Хочешь болтаться в космосе, пока тебя не подберет какой-нибудь корабль?

— Это глупо. Напряжения были рассчитаны.

— Так всегда говорят после того, как мост рухнул. Будем делать по-моему.

Лицо Далримпла потемнело от злости.

Усилия Крошки, направленные на изоляцию Глории, вызывали у меня по меньшей мере сочувствие. Вот вам пример. Известно, что в обязанности радиотехника входит ремонт переговорных устройств, вмонтированных в часы скафандра. Так почему-то больше всего поломок приходилось на ее смену. И мне снова пришлось делать перестановки в рабочих сменах, а заодно и уменьшить кое-кому оклады. Техобслуживание не предусмотрено при умышленной порче имущества. Были и другие примеры. Вдруг стало модным бриться. Парни перестали по пояс голыми болтаться по станции, а времени на мытье стало уходить столько, что я уже было думал устанавливать дополнительный опреснитель.

И вот наступил момент, когда отсек Д-113 был подготовлен, а РУВ — переустановлены. Не думаю, чтобы я особенно волновался перед предстоящим событием. Рабочим было приказано покинуть отсеки и всем одеться в скафандры. Оседлав балки, люди сидели и ждали.

В скафандрах все кажутся близнецами, поэтому, чтобы не путаться, мы пользовались номерами и цветными повязками. Бригадиры имели по две антенны, одну для связи с рабочими, другую — связываться между собой, так называемый бригадирский канал. У Крошки и у меня вторая антенна предназначалась для общей радиосвязи.

Бригадиры доложили, что их люди к взрывным работам готовы, и Крошка уже собрался скомандовать, когда вдруг в самом центре опасной зоны показалась продирающаяся сквозь балки фигура. Без страховочного фала. Без повязки на рукаве. С одной антенной.

Конечно, это была мисс Глория! Крошка вытащил ее из опасной зоны и обвязал своим страховочным фалом. Я слышал, как он грубо ей выговаривает:

— Вы кого тут из себя строите? Начальника на прогулке?!

Ее голос отвечал:

— А что бы вы мне посоветовали сделать? Причалить к какой-нибудь звезде?

— Я говорил тебе — нельзя сюда лезть! Если ты не будешь подчиняться моим приказам — я просто посажу тебя под замок!

Я добрался до них, отключил свой передатчик и, приблизившись к Крошке вплотную, так что шлем упирался в шлем, сказал:

— Босс, ты же — в режиме передачи!

— О! — воскликнул он и тут же выключил передатчик.

Она свой отключать не стала:

— Послушайте, вы, бабуин несчастный, вы же сами послали поисковую партию, чтобы убрать всех оттуда, я не стала их дожидаться, потому и вышла наружу. А про страховочный фал я и знать не знала. Вы же держите меня взаперти!

Я оттащил Крошку в сторону, и он приказал главному электрику начинать. А когда мы увидели великолепное, невиданное доселе зрелище взрывных работ, мы сразу забыли обо всем. Это было похоже на огромное колесо Святой Екатерины, расцвеченное ракетными вспышками. И все в абсолютной тишине, вокруг был открытый космос — ну, просто сказочная картина!

Взрывные работы закончились, и показались жилые отсеки, раскручивающиеся подобно маховику; мы с Крошкой выдохнули с облегчением. Затем пробрались внутрь, чтобы «глотнуть» тяжести.

Ощущение было забавным. Пройдя через «ступицу», я спустился по трапу, чувствуя, как вновь обретаю вес по мере приближения к краю. И так же, как и в тот раз, когда я впервые испытал его отсутствие, накатил приступ морской болезни. Икры свело судорогой, и я едва смог идти.

Мы все проверили, потом прошли в кабинет и только тут, наконец, присели. В кабинете было уютно — ровно одна треть от величины силы тяжести на краю, как раз столько, чтобы не испытывать неудобств. Крошка погладил ручки кресла и усмехнулся:

— А всех бездельников — в изоляцию, в Д-113.

— Кстати, об изоляции,— на пороге стояла мисс Глория.— Могу я с вами поговорить, мистер Ларсен?

— А? Ну конечно! Я сам хотел с вами встретиться. Должен принести вам свои извинения, мисс Макнай. Я был...

— Не стоит вспоминать,— перебила она,— вы были тогда на пределе. Но мне интересно знать, долго ли вы еще собираетесь навязываться ко мне в дуэньи.

— Недолго,— он посмотрел на нее внимательно.— До тех пор, пока не придет вам замена.

— Вот как? Кто здесь у вас главный профсоюзный деятель?

— Макэндрюс, разметчик. Но вряд ли он сможет вам помочь: вы же штатный сотрудник станции.

— К той проблеме, которая меня сейчас волнует, это не имеет отношения. Мне необходимо с ним поговорить. По вашей милости я не могу распоряжаться даже своим свободным временем. Это дискриминация, вот что это такое.

— Может быть, но скоро вы сможете убедиться, что я здесь пользуюсь некоторым авторитетом. Юридически я сейчас капитан корабля. А капитан в космосе обладает неограниченной властью.

— Тогда вы должны применять ее разборчиво!

— Вот, вот. Именно этим я и занимаюсь, здесь я с вами согласен,— ухмыльнулся Крошка.

Мы не знаем, что сказал ей Макэндрюс, но только мисс Глория стала вести себя совершенно по-другому. После очередного дежурства она заявилась в кино вместе с Далримплом. Крошка встал и на середине картины демонстративно покинул зал — из Нью-Йорка как раз транслировали «Лисистрата идет в город».

Крошка подстерег ее, когда она возвращалась одна, но подгадал так, чтобы рядом в этот момент оказался я, как свидетель.

— Гм, мисс Макнай...

— Да?

— Думаю, вам следовало бы знать... Это, как его... ну, вообщем, главный инспектор Далримпл — человек женатый.

— Вы полагаете мое поведение непристойным?

— Нет, но...

— Тогда не лезьте не в свое дело! — Он еще рта не успел открыть, как она добавила: — И будет вам известно — я знаю, что у вас четверо детей, Далримпл мне все рассказал.

У Крошки отвисла челюсть:

— Как... Но позвольте, я ведь даже не женат!

— Как? Вот именно — как, хотела бы я знать,— и она удалилась.

Крошка уже не пытался прятать ее в каюте; единственное, о чем он просил,— если она куда-нибудь соберется, предупреждать его об этом в любое время. С той поры он тем только и занимался, что пас ее. Меня так и подмывало предложить ему поменяться местами с Далримплом. И как же я удивился, когда однажды он поручил мне провести приказ об ее увольнении. Я был совершенно уверен, что он и думать про это забыл.

— И в чем она виновата? — поинтересовался я.

— В нарушении субординации!

Я на это ничего не ответил, а он продолжал:

— Она же приказы не выполняет.

— Зато она работу свою выполняет, и притом хорошо. А эти твои приказы... Да прикажи ты что-нибудь подобное кому-нибудь из парней, любой выполнять откажется.

— Ты не согласен с моими приказами?

— Не в этом дело. Ты не докажешь ее вину, Крошка.

— Тогда уволим ее за то, что она... женщина! Уж это-то я смогу доказать.

Я опять промолчал.

— Папа,— он как будто меня уговаривал,— ты же мастер стрянать такие штуки: ну там «никаких персональных претензий, но, полагая, что в интересах дела...» и прочая дребедень.

Я составил нечто подобное и по секрету показал Хэммонду. Известно, как радиотехники умеют держать язык за зубами, и я не очень-то удивился, когда меня вдруг останавливает О'Коннор, один из лучших на станции кузнецов, и спрашивает:

— Папа, скажи, это правда, что Старик избавляется от Брукси?

— Брукси?

— Брукси Макнай. Она сама просила так ее называть. Так правда?

Я подтвердил и пошел дальше, раздумывая на ходу, а не лучше ли было ему соврать?

С Земли к нам ракета идет примерно четыре часа. За смену до прилета «Полярной звезды», на которой должна была улететь мисс Глория, табельщик принес мне два заявления об уходе. Два

человека — не страшно: с каждым кораблем мы теряли больше. Но не прошло и часа, как он вызвал меня по бригадирскому каналу и попросил срочно зайти к нему в кабинет. Я как раз был снаружи — проверял качество сварки — и поэтому отказался.

— Пожалуйста, мистер Визерспун,— чуть ли не умолял он,— вы должны прийти.

Когда кто-то из ребят перестает называть меня «Папой» — это дурной знак. Я пошел.

Около его двери выстроилась целая очередь, обычно такая бывает, когда на станцию доставляют почту. Я вошел и хлопнул у них перед носом дверью. Он протянул мне целую кипу заявлений.

— Что же это происходит в великих глубинах ночи? — спросил я.

— И есть еще десятка два или три, которых я не успел оформить.

Ни в одном из заявлений не стояло конкретной причины — только «по собственному желанию».

— Слушай, Джимми. Что же такое делается?

— А вы все не догадываетесь? Серьезно? В таком случае я тоже теряюсь в догадках.

Тогда я ему высказал все, что об этом думаю, и он со мной согласился. Потом я собрал заявления, вызвал по радио Крошку и попросил его, ради всего святого, прийти в свой кабинет.

Крошка в задумчивости жевал губу.

— Но послушай, Папа, они не имеют права бастовать. В контракте это оговаривается особо и согласовано со всеми заинтересованными инстанциями.

— Это не забастовка, Крошка. Ты не можешь препятствовать их уходу.

— Тогда пусть они платят за обратный билет из собственного кармана! Поможешь мне это сделать?

— Не знаю, не знаю. Многие проработали достаточно долго, чтобы получить его бесплатно.

— Тогда нам придется быстро набрать других, иначе мы не уложимся в сроки.

— Если бы так, Крошка. Мы просто не сможем закончить. К следующей «ночи» у тебя не останется даже команды обеспечения.

— У меня еще никогда не уходило столько народу. Ладно, я с ними поговорю.

— Бесполезно, Крошка. Ты идешь против того, что сильнее тебя.

— И ты, Папа, против меня?

— Я всегда за тебя, Крошка.

Тогда он сказал:

— Папа, я знаю, ты думаешь, что я упрямый баран, но я прав. Мы не можем держать одну женщину на несколько сотен парней. Они же все как чокнутые.

Я не стал ему объяснять, чем он от них отличается, лишь спросил:

— По-твоему, это плохо?

— Конечно. Я не могу позволить, чтобы смех одной бабы развалил мне всю работу.

— Крошка, ты видел последние графики хода работ?

— У меня не было времени, а что?

Я-то знал, почему у него не было времени:

— Ты окажешься в дураках, если начнешь доказывать, что мисс Глория тормозит работу. Мы же опережаем план.

— Мы?!

Пока он изучал графики, я, положа руку ему на плечо, сказал:

— Поверь, сынок. Секс на нашей планете хозяйничает не первый год. Там, на Земле, им от этого просто никуда не деться, и, заметь, несмотря на это, даже самые крупные стройки кое-как, но все-таки доводились до конца. Может, и нам здесь стоит попробовать — вдруг ничего? Между прочим, ты сам только что дал готовый ответ.

— Я?

— Ты сказал: «мы не можем держать здесь одну женщину на несколько сотен парней». Так?

— Да... То есть нет! Постой, погоди минутку. Ну, предположим, да.

— Ты джиу-джитсу когда-нибудь занимался? Иногда побеждаешь за счет того, что расслабишься.

— Да, верно!

— А когда чувствуешь, что противник сильнее, ты просто уворачиваешься от него.

Он вызвал радиорубку:

— Макнай, передайте Хэммонду, чтобы он вас сменил, и зайдите ко мне.

Он сделал это красиво. Поднялся и произнес речь: да, он был не прав; да, слишком много было потрачено времени, чтобы понять такую простую вещь. Но он надеется, что на него не станут держать обиду, ну и так далее. Он связался с Землей и выдал базе задание рассмотреть, на каких работах можно задействовать женщин уже сейчас.

— Не забудь семейные пары,— ненавязчиво вставил я,— и еще пусть пришлют нескольких женщин постарше.

— Будет сделано,— согласился Крошка.— Больше я ничего не забыл, Папа?

— Вроде бы ничего. Осталось только подготовить жилплощадь, а для этого нужно время.

— О'кей. Глория, я приказал задержать старт «Полярной звезды», так что уже этим рейсом они смогут кого-нибудь к нам прислать.

— Чудесно! — похоже, она действительно была счастлива.

Крошка закусил губу:

— Мне все время кажется, будто я что-то забыл. Ну-ка, ну-ка, конечно! Папа, попроси их прислать для станции капеллана, и поскорее. При нашей новой политике он может понадобиться в любую минуту.

Я тоже так думал.

Они уже подходили к дверям, когда раздался телефонный звонок.

— Не отвечай! — взмолилась жена.— Мы опаздываем на спектакль.

Но он все же снял трубку. На экране появилась Ольга Пирс — секретарь местной конторы «Транслунных перевозок».

— Попросите к аппарату мистера Пембертона... а, это ты, Джейк! Быстренько собирайся. Рейс двадцать семь, орбита Нью-Йорк — Лунный терминал. Вертолет через двадцать минут.

— Что за дела? — запротестовал он.— По графику я четвертый.

— Был четвертым. Но ты дублер Хикса, а он только что срезался на психотесте.

— Хикс срезался? Чушь собачья!

— Увы, такое случается и с лучшими пилотами. Так что, готовься, дружище. Пока.

Жена нервно комкала платочек, не замечая, что пальцы рвут тонкое шестнадцатидолларовое кружево.

— Джейк, это несправедливо. Тебя не было три месяца. Еще немного, и я тебя совсем забуду.

— Прости, малыш. Придется тебе сходить в театр с Элен.

© С. Логинов, перевод

— Джейк, пойми, спектакль меня совершенно не интересует. Я просто хочу пойти вместе с тобой... куда-нибудь, где они тебя не достанут.

— Меня нашли бы и в театре.

— Нет. Я стерла запись, которую ты оставил.

— Филлис! Ты хочешь, чтобы меня уволили?

Она не ответила, ожидая его раскаяния. Но он молчал, а она не знала, как объяснить ему свое раздражение. Неужели Джейк сам не видит, что это вызвано не досадой из-за пропавшего вечера, а томительным страхом, который она испытывает каждый раз, когда муж улетает в космос.

— Не смотри на меня так,— попросила она и, не дождавшись ответа, принялась доказывать: — Тебе не следовало соглашаться, милый. Они не имеют права посылать тебя, ты пробыл на Земле меньше положенного срока. Джейк, ну пожалуйста!..

Он снимал смокинг.

— Я тысячу раз говорил: пилот никогда не получит регулярных рейсов, если вздумает корчить из себя законника со сводом правил под мышкой. Подумать только — стереть мое контрольное сообщение! Зачем ты это сделала, Филлис? Стараешься приземлить меня?

— Нет, дорогой. Просто я думала, что хотя бы в этот раз...

— Когда мне предлагают рейс, я беру его,— холодно произнес он и вышел из комнаты.

Вернулся он через десять минут уже переодетый для полета. Этого времени ему хватило, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Как обычно перед рейсом Джейк был в приподнятом настроении и насвистывал:

> Сказал диспетчер Кейси, что рейс в пять часов.
> Жену целует Кейси, он к рейсу готов.

Заметив выражение ее лица, он оборвал мотив.

— Где мой комбинезон?

— Я сейчас принесу. И приготовлю тебе поесть.

— Чтобы во время старта набитый желудок размазал меня по стенам? К тому же за превышение веса меня оштрафуют. У тебя много лишних денег?

Подтянутому, стройному, одетому лишь в шорты и футболку, в легких сандалиях на ногах, ему была уже гарантирована пятидесятидолларовая весовая премия, и поэтому Филлис хотела сказать, что сэндвич и чашка кофе не грозят штрафом, который бы их разорил. Но глянув на Джейка, она промолчала, чтобы не увеличивать еще на одну фразу стену непонимания между ними.

Больше они не произнесли ни слова, пока на крышу дома не опустилось аэротакси. Перед уходом Джейк поцеловал жену и попросил не провожать. Филлис покорно кивнула, но услышав, как вертолет взлетел, выбралась наверх и долго смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду.

Путешествующая публика, что без дела мотается на Луну и обратно, любит жаловаться на неудобства транзитных перевозок, но все-таки охотно пользуется теми маршрутами, которые требуют пересадок на орбитальных станциях. Причина этому — деньги.

Для трехпересадочного полета на Луну был установлен тариф в тридцать долларов за каждый фунт веса. Прямой перелет обошелся бы куда дороже. Корабль, с равным успехом взлетавший и садившийся и в земной атмосфере, и в безвоздушном пространстве, был бы настолько технологически сложен и громоздок, что не окупал бы себя и при цене в тысячу долларов за фунт принятого на борт веса. При старте с Земли оборудование для прилунения просто бы превратилось в балласт, а на Луне ненужными оказались бы все приспособления для полета в атмосфере. Корабль напоминал бы кошмарное сочетание парома, локомотива и скоростного лифта. Двигаться такому агрегату было бы тяжело.

Поэтому для выхода на орбиту «Транслунные перевозки» использовали крылатые ракеты «Небесный призрак» и «Светлячок», снабженные противоперегрузочными устройствами, позволяющими сносно перетерпеть катапультирование с поверхности Земли. Летит эта махина только до орбитальной станции Нью-Йорк-Верх. Затем начинается самая долгая часть путешествия.

На этом перегоне использовались корабли типа «Филип Нолан» и «Летучий голландец», которые никогда не опускались на планеты и даже собраны были в космосе. Длительный полет требует комфорта и жизненного пространства, поэтому такие

корабли слишком велики, чтобы совершать посадки. К тому же, у них попросту нет ни амортизаторов, ни обтекателей, стабилизирующих полет в атмосфере. И вообще, они похожи на стартовые корабли не больше чем пульмановский вагон на парашют.

Добравшись до селеноорбитальной станции Лунный терминал, пассажир пересаживался на посадочный модуль «Лунный нетопырь» или «Гремлин». Они годились только для прыжка на Луну. Противоперегрузочное оборудование у них было сведено до минимума, у них отсутствовали крылья, а двигатели были хоть и не слишком мощные, но зато маневренные, чтобы можно было совершать посадку на дюзах.

Станции пересадки, строго говоря, были попросту огромными запаянными со всех сторон консервными банками, болтающимися в космосе. Лунный терминал считался вполне приличным местом, с него отправлялись рейсы на Марс и Венеру, а Нью-Йорк-Верх и сейчас оставался примитивной заправочной станцией, где размещался лишь небольшой ресторан и несколько комнат отдыха, в которых центробежное устройство создавало искусственную гравитацию. Устройство это было построено лет пять назад специально для пассажиров со слабыми желудками.

Пембертон прошел контрольное взвешивание и поспешил к «Небесному призраку», который покоился в катапульте, словно дитя в колыбельке. При входе сбросил комбинезон, поежившись от холода, отдал его дежурному и нырнул в люк, потом устроился на противоперегрузочной койке и спокойно уснул. С Земли корабль будут поднимать другие, его работа начнется в глубоком космосе.

Разбудил его рывок катапульты. Казалось, дрожь гигантской тетивы пронизала окрестности пика Пайк. Катапульта швырнула «Небесный призрак» с вершины, и несколько секунд корабль летел по инерции. Как ни старался Пембертон выглядеть безучастным, в эти секунды у него всегда замирало дыхание, и он тревожно ожидал рева проснувшихся дюз. Если дюзы вдруг не сработают, пилот должен будет перевести корабль на режим парения и посадить с помощью крыльев.

В положенное время дюзы дружно взревели, а Джейк немедленно погрузился в сон.

Когда «Призрак» отшвартовался на станции Нью-Йорк-Верх, Пембертон направился в диспетчерскую и немало обрадовался, увидав, что вахту несет Шорти Вайнштейн. На самих кораблях не было штурманов-программистов, все расчеты передавались отсюда, а вычислениям Шорти можно было доверять. Это не так мало, если учесть, что от точности программы зависит сохранность корабля, жизнь пассажиров и твоя драгоценная шкура в придачу. Чтобы справиться с простеньким корабельным компьютером, Пембертону хватало своих довольно средних способностей, и потому он особо ценил гений тех, кто рассчитывал орбиты.

— Приветствую грозу космических трасс, великого пилота Пембертона! — Вайнштейн протянул лист с результатами штурманских расчетов.

Джейк, изумленно приподняв бровь, изучал ряд цифр.

— Слушай, Шорти, по-моему, ты неправ.

— Что? Не может быть. «Мейбл» не ошибается,— Вайнштейн дернул головой в сторону гигантского навигационного компьютера у дальней стены.

— Ошибку сделал ты, а не машина. Погляди, ты опять предлагаешь в качестве реперных точек Вегу, Антарес и Регул. Чтобы лететь по твоим данным, вовсе не надо быть пилотом. Если ты и впредь будешь работать так хорошо, гильдия космонавтов взбунтуется и тебя вышвырнут вон.

Вайнштейн с самодовольным видом выслушал такой панегирик в свой адрес.

— Я вижу,— говорил Пембертон, изучая колонки цифр,— что должен вылететь только через семнадцать часов. Я точно так же мог прилететь сюда утренним рейсом. Не понимаю, зачем было пороть горячку? — он вспомнил обиженную Филлис, и в его голосе прозвучало огорчение.

— Утренний рейс отменен Советом безопасности.

— А что...— начал было Джейк, но замолк, понимая, что Вайнштейн знает также мало, как и он сам.

Скорее всего, траектория полета должна была пройти в опасной близости от одной из военных баз, что кружили вокруг Земли словно бдительные полисмены. А может быть, причина в чем-то

другом — Совет безопасности ООН не любит афишировать, каким способом он ухитряется сохранять мир на планете.

Пембертон пожал плечами.

— Раз так, я пошел спать. Разбуди меня часа за три до старта.

— Хорошо. Твоя программа будет готова.

Пока он спал, «Летучий голландец», мягко уткнувшись носом в стыковочный узел, припечатанный к станции гармошками воздушных шлюзов, принимал багаж и пассажиров из Луна-Сити. Когда Джейк проснулся, корабль уже загрузили под завязку, полностью заправили топливом и объявили посадку.

Он остановился перед конторкой радиопочты узнать, нет ли весточки от Филлис. Ничего не обнаружив, Джейк сказал себе, что она, вероятно, послала письмо сразу на Лунный терминал. Пембертон прошел в ресторан, купил факсимильный номер «Геральд трибюн» и мрачно уселся за столик, собираясь в одиночестве насладиться комиксами и завтраком.

Но тут к нему подсел какой-то турист и принялся забрасывать глупейшими вопросами о предстоящем полете. При этом любознательный джентльмен упорно величал его «капитаном», наверное, неправильно истолковав знаки различия, вышитые на футболке. Желая поскорее избавиться от надоедливого собеседника, Джейк поспешно проглотил завтрак, заглянул к Вайнштейну забрать бобину с программой для автопилота и поднялся на борт «Летучего голландца».

После рапорта капитану он направился на пост управления. Здесь не было искусственной тяжести и по коридору приходилось плыть, подтаскивая себя за скобы, приделанные к стенам. В рубке он уселся в кресло пилота, пристегнулся и начал предстартовую проверку. Через минуту в рубку вплыл капитан Келли и занял соседнее кресло. Пембертон заканчивал холостые прогоны курсопрокладчика.

— Хочешь сигарету, Джейк? У меня — «Кэмел».

— Я хочу сначала проверить противометеоритную защиту,— проговорил Пембертон, не отрываясь от экрана.

Келли, слегка нахмурившись, смотрел на него. Взаимоотношения капитана и пилота в космосе напоминали отношения капитана и лоцмана, так сочно описанные Марком Твеном в «Жиз-

ни на Миссисипи». Сходство было неслучайным. Капитан отвечает за судно, груз, пассажиров, но по реке корабль ведет лоцман, а в космосе пилот. Значит, он фактический и безусловный хозяин корабля с момента старта и до последней минуты пути. Перед полетом капитан мог отвергнуть назначенного ему пилота, но тем его полномочия и ограничивались; вмешиваться в действия пилота он уже не имел права.

Келли нащупал лежащую в кармане бумагу, и вновь вспомнил слова, с которыми дежурный психолог вручил ему этот лист:

— Я даю вашему пилоту допуск, но вы можете забраковать его.

— Что случилось? Пембертон славный парень.

— Психолог только что закончил обследование. Он притворился идиотом-туристом из тех, что изводят соседей по столику бесконечными вопросами. Так вот, Пембертон проявляет сегодня повышенную неуравновешенность. По сравнению с результатами прошлого осмотра он более асоциален. Я не утверждаю, что это скажется на поведении, но все может быть. Неплохо бы проследить за ним.

— А вы сами полетели бы с таким пилотом? — спросил Келли.

— А почему бы и нет?

— Тогда я беру его. Я верю своему пилоту и не вижу необходимости возить его пассажиром.

Пембертон заправил ленту в автопилот и повернулся к капитану:

— Проверка закончена, сэр.

— Запускай, раз готово,— после принятого решения Келли почувствовал облегчение.

Пембертон просигналил приказ начать расстыковку. Пневматическая система стала медленно отталкивать корабль, пока он не поплыл рядом со станцией, удерживаемый одним лишь тросом. Затем Джейк развернул «Голландца», быстро раскрутив гироскоп, установленный в центре тяжести корабля на вращающемся подвесе. Гироскоп вращался в одну сторону, а корабль, в полном соответствии с третьим законом Ньютона — в другую.

Послушный программе автопилот сориентировал призмы перископа так, чтобы Вега, Антарес и Регул слились в окуляре в одну точку, когда судно ляжет на правильный курс. Пембертон

плавно выводил корабль на нужный курс, торопливость в таком деле неуместна, а ошибка в одну дуговую минуту дала бы двухсотмильное отклонение от цели.

Когда три изображения совпали в заданной точке, он остановил маховики и застопорил гироскоп. Затем провел контрольную проверку прямым наблюдением каждой звезды. Морские шкиперы так работают с секстантом, разницы нет никакой, если не считать, что астронавигационные приборы на много порядков точнее. Правда, измерения ничего не сообщили ему о правильности предписанного Вайнштейном курса. Пилот должен веровать в расчеты штурмана, как истовый лютеранин верует в Евангелие. И все-таки наблюдения подсказывали, что автопилот ведет себя как положено. Удовлетворенный таким результатом, он отдал последний швартов.

До старта оставалось семь минут.

Пембертон щелкнул переключателем, позволив автопилоту стартовать по сигналу таймера. Сам он ждал, держа руки на панели управления, готовый немедленно вмешаться, если автопилот вдруг выкинет какой-нибудь фортель. Как всегда перед стартом внутри у него все сжималось от болезненного ощущения тревоги. Адреналин пульсировал в крови, превращая минуты в долгие часы. Чтобы убить эту бездну времени, Джейк стал думать о Филлис.

Неудивительно, что девочка им недовольна — космонавту вообще не следует жениться. Конечно, если однажды он не вернется из рейса, она не останется нищей, но ей нужна не страховка, ей нужен муж.

Шесть минут...

Если бы его поставили на регулярные рейсы, они могли бы жить на Лунном терминале! Хотя и это не выход. Даже самая идеальная женщина не выдержит на станции долго. Это не значит, что Филлис стала бы шлюхой или, скажем, спилась; скорее всего, она свихнулась бы от тоски.

Оставалось пять минут, когда он понял, что ненавидит Лунный терминал и вообще космос. Романтика межпланетных путешествий великолепно выглядит в детских книжках, но он-то знает — это прежде всего работа, монотонная и чреватая смертельными сюрпризами. Всплески адского труда и бездна утомительного ожидания. И никакой личной жизни.

Почему он не взялся за какую-нибудь нормальную работу, чтобы ночи проводить дома? Ответ прост. Потому что он космический извозчик, и стал им слишком давно, чтобы менять жизнь.

И вообще, может ли начать сначала тридцатилетний женатый мужчина, привыкший к хорошему заработку?

Четыре минуты...

Он мог бы устроиться агентом по продаже вертолетов. Чем не профессия? Говорят, там платят хорошие комиссионные. Жаль, что его тошнит при одной мысли о такой карьере.

Вот если бы удалось купить участок орошаемой земли... Но что он понимает в выращивании моркови? Ровно столько же, сколько корова в извлечении кубических корней. Нет уж, ты сделал свой выбор, когда молоденьким новобранцем на учебных сборах возился с ракетами. А ведь мог стать инженером-электронщиком или поступить в военную академию. Теперь поздно жалеть, что по окончании службы он принялся возить с Луны руду для «Харриман Лунар эксплуатейшнз».

— Все в порядке? — в голосе Келли звучала тревога.

Какого черта! До старта две минуты с секундами, а Келли лезет со своими вопросами! Он же знает, что нельзя отвлекать пилота перед стартом!

Джейк бросил взгляд в перископ, ему показалось, Антарес чуть-чуть сместился. Он освободил гироскоп, наклонил и раскрутил один из маховиков, резко остановив его через мгновение. Изображения вновь слились в одну точку. Джейк не мог бы объяснить, как он это сделал, его работа напоминала ловкие движения жонглера, которым невозможно выучиться по книгам.

Двадцать секунд... По шкале хронометра, отсчитывая секунды, ползла яркая искра. Пембертон напрягся, готовый продублировать старт или — если потребует ситуация или подтолкнет внутренний голос — отключить автопилот и отказаться от полета. Если он окажется перестраховщиком, это будет стоить ему летного звания, а безрассудная храбрость может обернуться гибелью его самого и других.

Но в эти секунды он не думал ни о званиях, ни даже о жизнях.

Честно говоря, сейчас он вообще ни о чем не думал, а лишь ощущал корабль, словно его нервные окончания проросли в каждую пядь машины.

Пять секунд...— щелкнули реле предохранителей. Четыре секунды, три... две... одна...

Палец вдавил кнопку ручного старта одновременно с рывком проснувшихся двигателей.

Келли лежал, вдавленный в кресло стартовой перегрузкой и наблюдал за действиями пилота. Пембертон спокойно проверял показания приборов, отмечая время и следя за движением корабля по экрану радара. Расчеты Вайнштейна, автопилот и сам корабль — все работало слажено.

Еще через несколько минут автопилот должен вырубить тягу. Пембертон поставил палец на ручное отключение, следя сразу за радаром, дальномером, перископом и хронометром. Рев двигателей оборвался и корабль перешел в режим свободного полета, направляясь в сторону Луны. Действия человека и автопилота были столь согласованы, что Пембертон сам не знал, кто выключил тягу.

Бросив последний взгляд на панель управления, он освободился от ремней.

— Капитан, помнишь, ты предлагал мне сигарету? И, кстати, можешь разрешить пассажирам отстегнуть ремни.

Никакого дублера в космосе не требуется, и большинство пилотов скорее поделились бы своей зубной щеткой, чем постом управления. Пилот работает около часа на старте и примерно столько же при посадке. В полете он просто бездельничает: убивая время рутинными проверками и корректировкой курса. Пембертон собирался в течение ста четырех часов заниматься едой, чтением, сочинением писем и сном, уделяя последнему занятию особое внимание.

Проснувшись в очередной раз, он проверил положение корабля и принялся писать жене:

«Филлис, дорогая. Я не виню тебя за вчерашнюю ссору. Я и сам был расстроен, что наш вечер прошел зря. Потерпи немножко, милая. Я должен вскоре получить регулярные рейсы, а через десять лет меня отправят в отставку, и у нас будет сколько угодно времени для бриджа, гольфа и всего остального. Я знаю, это трудно...»

Его прервал щелчок селектора.

— Ну-ка, Джейк, быстренько скорчи самую компанейскую рожу. Веду посетителя в пост управления.

— Никаких посетителей, капитан!

— Нет, Джейк. У этого болвана письмо от самого старика Харримана. «Окажите все возможное содействие...» — и прочее в том же духе.

Мгновение Пембертон колебался, понимая, что обижать такую важную птицу не стоит.

— О'кей, капитан. Пусть зайдет ненадолго.

Визитером оказался мужчина — общительный и огромный: Джейк прикинул, что в нем примерно фунтов восемьдесят облагаемого штрафом веса. За ним следовала его тринадцатилетняя копия мужского пола. Ворвавшись в дверь чадо немедленно бросилось к пульту управления.

Пембертон перехватил мальчишку и заставил себя вежливо произнести:

— Держись за эту скобу, иначе ты можешь разбить себе голову.

— Пусти меня! Пап, заставь его отпустить меня!

Капитан Келли поспешил вмешаться.

— Я думаю, судья, ему лучше держаться за скобу.

— М-мм, да, хорошо. Сынок, делай, как говорит капитан.

— Ого, смотри, пап, вот здорово!

— Судья Шахт, позвольте представить вам старшего пилота Пембертона,— быстро произнес Келли.— Он покажет все, что вас интересует.

— Рад познакомиться, пилот. Любезно с вашей стороны.

— Что бы вы хотели посмотреть, судья? — осторожно спросил Джейк.

— Как бы сказать... и то, и се. Все, что может заинтересовать мальчугана. Это его первый рейс. Сам-то я старый космический волк, налетал, должно быть, больше часов, чем половина вашей команды,— он засмеялся.

Пембертон оставался серьезен.

— В свободном полете и смотреть-то нечего.

— Пусть. Мы просто посидим здесь. Хорошо, капитан?

— Я хочу в кресло пилота! — заявил юнец.

Пембертон протестующе вздрогнул, но Келли произнес голосом не терпящим возражений:

— Джейк, расскажи мальчику в общих чертах о системе управления, и мы сразу уйдем.

— Мне не надо ничего показывать. Я и так все знаю. Я — юный американский космонавт — вы что, не видите значка?

Мальчишка, оттолкнувшись, поплыл к пульту. Пембертон подхватил его, усадил в кресло пилота и пристегнул ремни. Затем щелкнул тумблером.

— Что вы делаете?

— Обесточил пульт и объясню тебе его работу.

— Вы что же, не будете запускать двигатели?

— Их сейчас нельзя запускать,— и Джейк принялся быстро указывать на кнопки, циферблаты, переключатели, счетчики и прочие хитроумные приспособления, стараясь по возможности говорить попроще.

Малый скорчил недовольную гримасу.

— А вдруг в корабль попадет метеорит? — спросил он.

— Этого бояться не надо. У нас один шанс из миллиона встретиться в космосе с метеоритом. Метеориты — большая редкость.

— Да? А вдруг все-таки нарветесь? Вот вы и влипли.

— Я бы так не сказал. Специальный радар стережет нас в радиусе пятисот миль. Если что-то держится на постоянном пеленге в течение трех секунд, автоматически запускаются двигатели. Сначала будет дан сигнал тревоги, чтобы люди могли ухватиться за что-нибудь прочное, а через секунду — бац! — мы пулей вылетаем из-под носа у любого метеорита.

— Что-то не верится. Вот я сейчас покажу, как это делает коммодор Картрайт из «Дикой кометы».

— Не трогай управление!

— А ты не командуй! Корабль не твой. Мой папа говорит...

— Послушай, Джейк...— услышав свое имя, Пембертон развернулся к Келли.— Судья Шахт хотел бы узнать...

Краем глаза Джейк засек, как мальчишка потянулся к контрольной панели. Джейк с криком развернулся, но двигатели уже громыхнули, и на него обрушился удар, вызванный резким ускорением.

Опытный космонавт сродни кошке и при самом резком переходе от невесомости к ускорению успевает во что-нибудь вцепиться. Но Джейк вместо того, чтобы держаться самому, хватал мальчишку и мотался из конца в конец рубки, чудом изворачиваясь, чтобы не сбить Шахта. Потом ударился головой о раму кессонной двери и в полуобморочном состоянии был выброшен на нижнюю палубу.

Келли тряс его.

— Что с тобой?

Джейк сел.

— Все в порядке...

Он приходил в себя, ощущая дрожь палубы.

— Двигатели выруби! — оттолкнув Келли, Джейк метнулся в рубку и ткнул в кнопку отключения. Упавшая тишина показалась не менее оглушительной, чем рев двигателей. Мгновенно вернулась невесомость.

Джейк повернулся, отстегнул ремни с Шахта-младшего и толкнул его к Келли.

— Капитан, убери это бедствие из моей рубки.

— Пусти! Пап, он хочет сделать мне больно!

Старший Шахт мгновенно ощетинился.

— Что это значит? Отпустите моего сына!

— Ваш драгоценный сынок включил двигатели!

— Детка, это правда?

Парень смутился.

— Нет, па,— ответил он.— Это... это был метеор!

Шахт был явно озадачен. Пембертон презрительно фыркнул.

— Он врет. Повторяет то, что я рассказывал минуту назад о противометеоритном радаре.

Шахт обдумал положение и вынес вердикт:

— Малыш никогда не врет. Стыдитесь, вы взрослый человек, а сваливаете свою вину на беспомощного мальчика. Я буду жаловаться на вас, сэр. Пошли, сынок.

Джейк схватил его за руку.

— Капитан, я требую, чтобы прежде, чем эти двое покинут пост, с панели управления сняли отпечатки пальцев. Не было

никакого метеора, а управление было отключено, пока ваш парень не врубил его. К тому же противометеоритная система предварительно подает сигнал.

Шахт забеспокоился.

— Это нелепо. Я протестую против обвинения. Мой сын не причинил никакого вреда.

— Вы так уверены? А как насчет сломанных рук и шей? И топлива, что уже истрачено и которое еще предстоит истратить, чтобы вернуться на прежний курс? Известно ли вам, мистер «космический волк», сколько топлива нам потребуется для согласования орбит с Лунным терминалом? Скорее всего, ради спасения корабля, нам придется сбрасывать груз, а одна только его перевозка обходится в шестьдесят тысяч долларов за тонну. Отпечатки пальцев подскажут арбитражной комиссии, с кого взыскивать убытки!

Когда они наконец остались одни, Келли озабоченно спросил:

— Ты что, действительно собираешься сбрасывать груз? У тебя же есть маневренный запас.

— Я не уверен, сможем ли мы вообще добраться до Терминала. Как долго работали двигатели?

— Не знаю, я сам потерял голову.

— Надо вскрыть акселерограф и уточнить.

Келли просветлел.

— Да, конечно! Если этот выродок не извел слишком много топлива, нам придется только развернуть корабль и включить двигатели на такой же срок.

Джейк покачал головой.

— Ты забыл, что у нас совсем другая масса.

— Ах, да...

Келли выглядел смущенным. Ведь в самом деле, изменились все характеристики корабля: масса, уменьшившаяся на вес сгоревшего топлива, курс, скорость. Прежней осталась только тяга. Возврат на старую баллистическую кривую казался почти невыполнимой задачей.

— Но ты попробуешь это сделать?

— Я должен. Хотя мне чертовски хочется, чтобы рядом был Вайнштейн.

Келли покинул пост управления и отправился к пассажирам, а Джейк принялся за работу. Необходимо было узнать курс, ско-

рость и положение корабля. С помощью радара он определил все три показателя, хотя и с недостаточной точностью. Астрономические наблюдения Солнца, Луны и Земли дали ему координаты корабля, а курс и скорость, как и прежде, были известны лишь приблизительно. Проводить вторую серию наблюдений, чтобы определить все как следует, он уже не мог.

По имеющимся данным он оценил ситуацию, прибавив к расчетам Вайнштейна результаты вмешательства Шахта-младшего. Полученные величины неплохо согласовывались с наблюдениями, но ничего не сообщили о том, сможет ли он вернуться на прежнюю траекторию. Требовалось вычислить, хватит ли оставшегося топлива, чтобы сбросить скорость и согласовать орбиты.

В космосе нельзя считать, что ты добрался до цели путешествия, если примчался к финишу со скоростью несколько миль в секунду или пусть даже сотню миль в час. Состыковаться на такой скорости так же трудно, как подхватить тарелкой падающее яйцо, ничего при этом не разбив.

Джейк занялся расчетами, но маленький бортовой калькулятор не мог тягаться с многотонным компьютером перевалочной станции, а кроме того, Джейк не был Вайнштейном. Спустя три часа он получил ответ, который заставил его усомниться в правильности своих расчетов.

Джейк вызвал Келли.

— Капитан? Сброс груза можешь начинать с Шахта и сына.

— Я так и сделаю. Но сначала посмотри, нет ли другого выхода.

— Не думаю, что смогу доставить корабль на место без сброса. Лучше скинуть лишнюю массу сейчас, перед разгоном. Это обойдется дешевле.

Келли и сам понимал, что это лучший выход, хотя с куда большим удовольствием он дал бы руку на отсечение.

— Дай мне подумать, что выбросить.

— О'кей! — Пембертон вернулся к своим выкладкам, надеясь отыскать в них спасительную ошибку. Некоторое время он размышлял, потом вызвал радиорубку.

— Соедините меня с Вайнштейном со станции Нью-Йорк-Верх.

— Он вне прямой слышимости.

— Знаю. Говорит пилот Пембертон. Мне это нужно в интересах безопасности корабля. Обеспечьте связь направленным лучом и держите ее.

— Хорошо, сэр. Я попытаюсь.

Узнав в чем дело, Вайнштейн растерялся.

— Что ты говоришь, Джейк? Я не смогу вести тебя.

— Не дрейфь, черт подери. Тебе не придется меня вести, ты будешь всего лишь решать задачки!

— А какой смысл в точности до седьмого знака, если исходные данные взяты с потолка?

— Сам знаю. Но ты ведь помнишь, какие у меня приборы и как я управляюсь с ними. А ты дай мне самый лучший ответ.

— Я попробую.

Через четыре часа Вайнштейн вышел на связь.

— Джейк! Принимай информацию. Ты хотел погасить скорость до расчетной, а затем сделать боковую коррекцию. Решение правильное, но неэкономное. Я заставил «Мэйбл» рассчитать все снова.

— Отлично!

— Не торопись. Так мы сэкономим мало топлива. Скорее всего, ты не сможешь вернуться на траекторию, не сбрасывая груза.

Пембертон молча проглотил новость, затем ответил:

— Я сообщу Келли.

— Подожди. Лучше попробуй решать с самого начала.

— Что-о-о?

— Выкини за борт программу автопилота и забудь о том, что было раньше. Рассматривай маневр как совершенно самостоятельную задачу. У тебя есть скорость и координаты, вот исходя из них и ищи способ добраться до Терминала. Наплюй на старую траекторию и иди новым маршрутом.

Пембертон почувствовал себя дураком.

— Я как-то не подумал об этом.

— Разумеется. С твоей тарахтелкой понадобилось бы недели три, чтобы рассчитать новую траекторию. Ты готов записывать?

— Конечно!

— Вот твои данные,— и Вайнштейн начал диктовать.

Когда они кончили сверку, Джейк спросил:

— Ты уверен, что выведешь меня куда надо?

— Я надеюсь на это. *Если* координаты, которые ты мне дал абсолютно точны, *если* ты сможешь действовать верней, чем автомат, *если* ты стартуешь и совершишь стыковку безо всякой коррекции, то тогда ты, *может быть*, сумеешь просочиться домой. Повторяю: может быть. Но, в любом случае, желаю удачи...— помехи заглушили последние слова.

Джейк вызвал Келли.

— Отставить сброс, капитан. Пассажирам пристегнуться. Старт через четырнадцать минут.

— Хорошо, пилот.

После того как корабль вышел на новую орбиту, у Джейка опять появилось свободное время. Он вытащил неоконченное письмо, перечитал и порвал его.

«Дорогая моя Филлис,— снова начал он.— В этом полете я многое передумал и понял, что был упрямым дураком. Я думаю, с этим пора кончать. Я люблю свой дом, люблю видеть свою жену. Так зачем ради перевозки какого-то хлама рисковать собственной шеей и твоим спокойствием? Я не хочу больше сидеть у телефона и ждать вызова, чтобы везти на Луну всяких твердолобых болванов. Из-за денег я мучил тебя и мучился сам. Я боялся рискнуть попробовать изменить свою жизнь. Вряд ли я найду другую работу, где мне станут платить хотя бы половину того, что здесь, но если ты согласна, я приземлюсь, и мы начнем все сначала. Я люблю тебя.

Джейк».

Он отложил письмо и отправился спать. Ему приснилось, будто банда юных ракетчиков взяла штурмом рубку управления.

Вид Луны с близкого расстояния чрезвычайно привлекателен для туристов, но Пембертон настоял, чтобы во время маневра пассажиры пристегнулись. Практически не имея запаса топлива, Джейк не хотел растягивать маневр ради удобства зевак.

Вскоре Терминал показался из-за края Луны и попал в поле зрения радара. Оптической видимости не было, поскольку «Летучий голландец» приближался к цели задом наперед. После каждого небольшого торможения Пембертон считывал показания радара, сравнивая реальное движение с кривой, вычерченной Вайнштейном. Одновременно с этим он следил за часами, за окуляром перископа, за схемой полета и индикатором топлива — и все это разом.

— Ну как, Джейк? — беспокоился Келли.— Получается?

— Откуда я могу знать? Будь готов к сбросу.

Еще прежде они договорились освободиться от жидкого кислорода, поскольку вылить его через внешние клапаны можно было автоматически.

— Не говори этого, Джейк.

— Да сгинь ты! Я ничего не буду сбрасывать ради собственного удовольствия...

Он нажал клавиши, рев двигателей обрубил конец фразы. Когда грохот смолк, раздался вызов из радиорубки.

— Говорит пилот «Летучего голландца»! — закричал Джейк.

— Управление Терминала. Нам сообщили, что у вас на исходе топливо.

— Абсолютно верно.

— Не приближайтесь. Мы согласуем скорости на орбите и вышлем заправщика и катер, чтобы забрать пассажиров.

— Не надо. Я смогу сесть и так.

— Не пытайтесь. Ждите заправщика.

— Не учите меня управлять кораблем! — Пембертон вырубил связь и склонился над пультом, насвистывая веселый мотивчик.

Келли вспомнил слова песенки:

Закричал Кейси Джонс кочегару: «Сигай!
Эти два паровоза отправляются в рай».

— Ты хочешь все-таки состыковаться?

— Э... нет. Только приблизиться. Я не могу рисковать, у меня на борту пассажиры. Но согласовать скорости на расстоянии пятьдесят миль, а потом ждать заправщика, я не собираюсь.

Стараясь подойти к станции как можно ближе, он направлял корабль с небольшим упреждением, действуя чисто интуитивно, поскольку теперь цифры Вайнштейна ничего не значили. Прицелился он точно, тратить горючее на боковую коррекцию ему не пришлось. Теперь главное — не врезаться ненароком в Терминал. Когда Джейк уверился, что пройдет мимо станции, если двигатели вдруг не включатся, он последний раз тормознул. И как раз в тот самый момент, когда они кашлянули, зашипели и стихли.

«Летучий голландец» парил в космосе в пятидесяти ярдах от Терминала, скорости были согласованы.

Джейк вышел на связь.

— Терминал, примите швартовы. Я начинаю стыковку.

Джейк сдал рапорт, принял душ и направился к почтовому отделению, чтобы радировать на Землю письмо, когда по селекторной связи его вызвали в контору.

«О-хо-хо,— сказал он себе,— чует мое сердце, что Шахт наябедничал. Интересно было бы узнать, сколько акций у этого враля? А на мне еще висит история с самовольной швартовкой».

Явившись, он сухо доложил:

— Старший пилот Пембертон, сэр.

Коммодор Сомс взглянул на него.

— Пембертон? Прекрасно. Насколько мне известно, у вас права двух категорий: «космос-космос» и «безвоздушная посадка».

«Что-то не так»,— подумал Пембертон и произнес:

— Я не собираюсь оправдываться за то, что случилось в последнем рейсе. Если коммодор не одобряет моих действий, я готов немедленно подать в отставку.

— О чем вы говорите?

— Разве у вас нет на меня жалобы?

— Ах это! — Сомс отмахнулся.— Да, он был здесь. Но у меня есть рапорты Келли и вашего старшего механика, а также экстренное сообщение со станции Нью-Йорк-Верх. Вы показали высший пилотаж.

— Вы хотите сказать, что у Компании нет ко мне претензий?

— Неужели я когда-нибудь не мог отстоять своих пилотов? Вы были абсолютно правы. Я на вашем месте выкинул бы его к

чертовой матери через воздушный шлюз. Однако, к делу. Вы приписаны к маршруту «космос-космос», но мне надо отправить спецрейс в Луна-Сити. Не возьметесь ли вы за это... ради меня?

Пембертон молчал, не зная, что и сказать.

— Тот кислород, что вы спасли, предназначен для «Космических изысканий». У них нарушилась герметичность северного туннеля, потеряны тонны запасов. Каждый день простоя обходится им в сто тридцать тысяч долларов. «Гремлин» здесь, но пока не прибудет «Лунный нетопырь», у нас нет другого пилота. Так что вся надежда на вас. По рукам?

— Но, коммодор, вы не можете рисковать людьми, доверив мне посадку на дюзах. Я отвык. Мне надо пройти переподготовку.

— Никаких пассажиров, экипажа, капитана. Вы рискуете только своей шеей.

— Тогда я берусь.

Двадцать восемь минут спустя уродливый, но мощный «Гремлин» стартовал в направлении Луны. Полет начался с мощного рывка двигателей, достаточного, чтобы сойти с орбиты и начать падение на Луну. Затем вновь наступила полоса вынужденного безделья. Падать корабль мог и без его помощи, а до поверхности Луны, когда понадобится точное торможение, еще далеко.

Настроение у него было прекрасным, но потом Джейк достал письма: свое, которое не успел отправить, и письмо от Филлис, пришедшее на Терминал.

Письмо от Филлис было поверхностно нежным и бессодержательным. Она не вспоминала ни о размолвке, ни о его неожиданном отъезде. Она совершенно игнорировала его профессию. Письмо было образцом вежливости, и это ему не понравилось.

Он порвал оба письма и начал новое.

«...ты никогда этого не говорила, но я знаю, что ты ненавидишь мою работу. Чтобы обеспечить семью, я должен работать. У тебя тоже есть работа. Это очень старая профессия, ею женщины занимались от сотворения мира: вслед за мужьями пересекать в фургонах равнины, ждать возвращения кораблей из Китая, молча стоять возле шахты, где случился взрыв, на прощанье целовать с улыбкой и с улыбкой заботиться о муже, когда он дома. Ты вышла замуж за космонавта, поэтому часть

твоей работы состоит в том, чтобы бодро признавать важность моей службы и принимать меня таким, каков я есть. Думаю, ты справишься с этим занятием, когда поймешь все как следует. Я надеюсь на это, ведь то, что происходит сейчас, никому из нас не приносит радости. Поверь, я люблю тебя.

Джейк».

Он вымучивал письмо, пока не наступило время посадки. На высоте двадцати миль он включил автопилот, а когда до Луны оставалась одна миля, перешел на ручное управление.

Скорость падения уменьшилась, но оставалась еще достаточно большой. Правильная безвоздушная посадка похожа на запущенный в обратную сторону старт боевой ракеты: сначала свободное падение, а затем продолжительная работа реактивных двигателей и полная остановка корабля в момент касания поверхности. При этом пилоту нужно чувствовать свое падение. Если чересчур замедлить его, можно сжечь все топливо, а опоздавший с включением двигателей рискует быть убитым перегрузками или разбиться...

Через сорок секунд, сохраняя скорость сто сорок миль в час, он поймал в перископ трехсотметровые башни Луна-Сити. Он резко затормозил, так что в течение секунды перегрузки составляли пять *g*, затем убавил тягу, остановившись на одной шестой — нормальное для Луны ускорение свободного падения. Чувствуя себя счастливым, он по каплям ослаблял тягу.

Пламя расплескивало камни, «Гремлин» парил, стоя на столбе огня, затем с достоинством, мягко, словно пушинка, опустился на грунт.

Наземная команда занялась кораблем. Герметичный мобиль подвез Пембертона ко входу в туннель. Здесь его ждали. Он еще не кончил заполнять рапорт, когда услышал, что его вызывают к аппарату. Сомс улыбнулся ему с экрана.

— Я наблюдал за посадкой, Пембертон. Переподготовка вам ни к чему.

Джейк смущенно покраснел.

— Спасибо, сэр.

— Если вы не слишком привязаны к маршруту «космос-космос», я мог бы предложить вам регулярные рейсы в Луна-Сити. Жилье в Луна-Сити или здесь. Ну как?

Он услышал собственный голос:

— Луна-Сити. Я согласен.

По дороге на почту Джейк порвал свое третье письмо. Подойдя к телефонной стойке, он попросил у блондинки в голубой лунной униформе:

— Пожалуйста, соедините меня с миссис Пембертон, Суброб, 64-03, Додж-Сити, Канзас.

Она окинула его взглядом.

— Вы, пилоты, любите тратить деньги.

— Иногда телефонный звонок оказывается дешевле письма. Будьте добры, поскорее, пожалуйста.

Филлис подбирала слова для письма, которое, как она теперь понимала, надо было написать раньше. На бумаге легче выразить, что она не жалуется ни на одиночество, ни на отсутствие простых человеческих радостей, но больше не может вынести ежеминутного напряженного ожидания, полного тревоги за его жизнь. Но потом она поняла, что неспособна правильно выразить то, что ее мучает. Она сама не знала, готова ли отказаться от Джейка, если он не бросит свой космос. Тут не найти логики! Телефонный звонок прозвучал как нельзя кстати.

Видеоэкран оставался пустым.

— Дальний,— раздался женский голосок.— Вызывает Луна-Сити.

У нее оборвалось сердце.

— Филлис Пембертон слушает.

Последовала бесконечная пауза. Она знала: радиоволнам требуется больше трех секунд, чтобы преодолеть расстояние от Земли до Луны и обратно, но сейчас она забыла об этом, да это и не успокоило бы ее. В воображении маячили жуткие картины: ее дом разрушен, она сама — вдова, а Джейк, ее любимый Джейк,— где-то в космосе мертвый.

— Миссис Пембертон?

— Да, да! Говорите же!

Вновь долгое ожидание.

Зачем она это сделала? Нельзя было отпускать его в рейс с плохим настроением. А теперь он умер там, думая, что она — ничтожная пустышка, заботящаяся только о своих удобствах. Она

предала его в ту самую минуту, когда была особенно нужна ему. Она пыталась привязать его к своей юбке, словно маменькиного сынка, а взрослые мужчины не выносят такого обращения. Они должны уходить по своим мужским делам, и если пытаться их удерживать, они оборвут любые, самые прочные узы. Ведь она знала об этом с самого начала, еще мама предупреждала ее, чтобы она не смела этого делать.

Она молилась, слушая могильную тишину телефонной трубки.

И вот там раздался голос, разом смявший все страхи:

— Это ты, родная?

— Да, дорогой, да! Что ты делаешь на Луне?

— Длинная история. При тарифе доллар в секунду она может и подождать. Ответь только, хочешь ли ты приехать ко мне в Луна-Сити?

Теперь настала очередь Джейка страдать от запаздывания радиоволн. Вдруг Филлис настолько привыкла к размеренной жизни, что не решится бросить все и отправиться за ним в небеса? Наконец он услышал.

— Конечно, дорогой! Когда мне собираться?

— А разве ты не хочешь узнать — зачем?

Она принялась уверять, что это неважно, а потом все-таки попросила:

— Расскажи.

Радиоволны по-прежнему приходили с задержкой, но это уже было неважно. Он рассказал подробности и добавил:

— Съезди в Спрингс, попросил Ольгу Пирс оформить нужные бумаги. Тебе понадобится моя помощь, чтобы собраться?

Она не раздумывала.

— Нет, я справлюсь сама.

— Ты у меня умница. Я радирую тебе длинное письмо, что взять с собой. *Я люблю тебя.* А пока — до свидания.

— Я тоже тебя люблю! До свидания, дорогой!

Пембертон вышел из кабинки, насвистывая. Все-таки славная девочка, его Филлис. Верная. Удивительно, как он мог сомневаться в ней?

На одном из высоких холмов Самоа есть могила, и там, на надгробном камне, начертано:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —
Написать на мой плите гробовой:
«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно».

Эти же строки можно увидеть и в другом месте — они выцарапаны на регистрационной пластине от баллона со сжатым воздухом, которая приколота к грунту ножом.

Ничего особенного ярмарка из себя не представляла — бывают и лучше. Скачки тоже не обещали никаких сюрпризов, хотя, по уверениям организаторов, в нескольких заездах участвовали потомки знаменитых некогда скакунов. Палаток и лотков на пло-

---

© А. Корженевский, перевод

щади было немного, да и сами торговцы выглядели довольно уныло. Шоферу Д. Д. Харримана казалось, что останавливаться тут незачем, поскольку их ждали в Канзас-Сити на совещании совета директоров. Вернее, там ждали только Харримана, однако и у шофера были свои причины торопиться — веселая компания на Восемнадцатой улице. Тем не менее Харриман не только велел остановиться, но и решил задержаться.

За ипподромом располагался большой огороженный участок. Перед входом высилась полотняная арка, украшенная флагами.

Красные с золотым буквы гласили:

Только у нас:
ЛУННАЯ РАКЕТА!!!
Хотите отправиться в полет?
Демонстрационные полеты дважды в день.
У нас НАСТОЯЩАЯ РАКЕТА, на такой же человек впервые достиг ЛУНЫ!!!
Не упускайте свой шанс — всего 50 долларов!!

У входа, разглядывая ракетный щит, околачивался мальчишка лет девяти-десяти.

— Хочешь взглянуть на корабль, сынок?

Глаза у мальчишки заблестели.

— Еще бы, сэр. Конечно.

— Я тоже. Пошли.

Харриман заплатил за два розовых билетика доллар. С детской непосредственностью мальчишка выхватил у него из рук свой билет и, не оглядываясь, умчался вперед. Харриман подошел к ракете поближе и, окинув ее тупоносый обтекаемый корпус профессиональным взглядом, отметил, что это однодюзовая модель с маневровыми двигателями в центральной части. Затем, прищурив глаза за стеклами очков, прочел название корабля, выписанное золотыми буквами на празднично-красном корпусе: «Беззаботный». Заплатив еще двадцать пять центов, Харриман прошел в кабину управления.

Иллюминаторы были закрыты темными противорадиационными фильтрами, и, когда глаза привыкли к царившему в кабине

полумраку, Харриман медленно, любовно прошелся взглядом по клавиатуре приборной консоли и расположенным полукругом над ней индикаторам и экранам. Каждый прибор — на своем месте, и все до единого он знал по памяти, словно они были выгравированы у него в душе. Охваченный теплым ностальгическим чувством, Харриман задумчиво разглядывал пульт управления, но тут в кабину вошел пилот и тронул его за руку.

— Прошу прощения, сэр, но нам пора отправляться в демонстрационный полет.

— А? — Харриман вздрогнул и посмотрел на вошедшего: симпатичный, черт — крупная голова, сильные плечи; глаза бесшабашные, чувственной рот, но волевой подбородок...— Да, извините, капитан.

— Ничего страшного.

— М-м-м... Я хотел спросить, капитан...

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, вы не возьмете в этот полет еще одного пассажира? — Старик с надеждой взглянул на капитана и даже чуть подался вперед.

— Разумеется, если вы желаете. Прошу за мной,— он провел Харримана в павильончик у ограды, на дверях которого значилось «Контора».— Пассажир на осмотр, док.

Харриман хотел было возразить, но все же позволил доктору прослушать его худощавую грудь стетоскопом, а затем застегнуть на руке резиновый бандаж. Спустя несколько секунд тот убрал прибор, взглянул на Макинтайра и покачал головой.

— Не судьба, док?

— Верно, капитан.

Харриман перевел взгляд с одного на другого и сказал:

— Но сердце у меня в порядке. Почти не болит.

Врач удивленно вскинул брови.

— Ой ли? Впрочем, дело не только в сердце. В вашем возрасте кости становятся хрупкими — слишком хрупкими, чтобы рисковать на перегрузках при взлете.

— Извините, сэр,— добавил капитан,— но Контрольная комиссия округа Бейтс платит доктору именно за то, чтобы он не допускал к полетам людей, которые могут пострадать при перегрузках.

Плечи старика поникли.

— Я в общем-то был готов к этому.

— Извините, сэр.— Макинтайр повернулся и вышел, но Харриман последовал за ним.

— Минутку, капитан...

— Да?

— Не согласитесь ли вы и ваш... э-э-э... бортинженер пообедать со мной после полета?

Пилот взглянул на него с интересом.

— Почему бы и нет... Спасибо.

— Я никак не могу понять, капитан Макинтайр, что может побудить человека оставить маршрут Земля—Луна.

Жареные цыплята и горячие бисквиты в отдельном кабинете лучшего из отелей, которым мог похвастаться маленький городок Батлер, плюс выдержанное бренди и дорогие сигары создали идеальную атмосферу для откровенного разговора.

— Мы просто там не понравились.

— Да брось ты, Мак. Тебя же вышибли из-за правила «Джи»,— сказал механик и налил себе еще бренди.

Макинтайр насупился.

— Ну подумаешь, выпил пару раз лишнего. В конце концов, для меня бросить — раз плюнуть. Но мне просто осточертели эти дурацкие правила... И вообще, кто бы говорил? Контрабандист!

— Ну и что? А кто бы не польстился, когда там эти камешки на каждом шагу валяются? Красотища! Они просто сами просятся на Землю. Один раз у меня был алмаз величиной... Да если бы меня не поймали, я бы сейчас сидел не здесь, а где-нибудь в Луна-Сити. И ты тоже, пьянь ты этакая... Представляешь: все нас угощают, девочки стреляют глазками и сами вешаются на шею...— Он уронил голову на стол и тихо всхлипнул.

Макинтайр потряс его за плечо.

— Набрался.

— Неважно.— Харриман махнул рукой.— Но скажите, вас в самом деле устраивает, что вы больше не работаете на лунных перевозках?

Макинтайр закусил губу.

— Он прав, конечно... Разумеется, нет. Этот балаган меня совсем не устраивает. Одно время мы перебрасывали всякий хлам вверх и вниз по Миссисипи — спали в туристских лагерях и постоянно ели какую-то дрянь. А теперь... В половине случаев местный шериф налагает на корабль арест, в остальных же обязательно находится Общество-Против-Того-Сего, которое, едва мы появимся, подает в суд, чтобы запретить наши полеты. Что ж это за жизнь для космического пилота?

— Если вы попадете на Луну, это поможет?

— Да... Пожалуй. Обратно на трассу Земля—Луна меня не возьмут. Но если бы я оказался в Луна-Сити, я бы устроился возить руду для Компании: у них вечно не хватает пилотов, и там мое прошлое никого не волнует. А со временем, если все будет чисто, меня бы даже взяли обратно на трассу.

Харриман задумчиво повертел в пальцах ложечку и поднял глаза.

— Джентльмены, вы готовы выслушать деловое предложение?

— Возможно. А в чем оно заключается?

— «Беззаботный» принадлежит вам?

— Да. В смысле, Чарли и мне. Правда, есть парочка долговых расписок, где он у нас стоит в обеспечение... А что?

— Я хотел бы арендовать корабль... чтобы вы с Чарли доставили меня на Луну.

Чарли рывком выпрямился.

— Ты слышал его, Мак? Он хочет, чтобы мы летели на этой старой калоше на Луну!

Макинтайр покачал головой.

— Ничего не выйдет, мистер Харриман. Развалюха не выдержит. Чтобы достичь скорости отрыва, нужно специальное горючее, а мы даже стандартную смесь не используем — только бензин и жидкий кислород. И то Чарли постоянно что-то там латает. Когда-нибудь эта рухлядь просто взорвется.

— Послушайте, мистер Харриман,— вставил Чарли,— а что мешает вам получить экскурсионное разрешение и отправиться туда кораблем Компании?

— Это не для меня, сынок,— ответил старик.— Пустой номер. Ты же знаешь условия, по которым ООН передала Компании

монопольное право на использование Луны. Ни один человек, чье физическое состояние вызывает сомнения, не может быть допущен в космос. Компания принимает на себя всю полноту ответственности за безопасность и здоровье любого гражданина Земли, находящегося за пределами стратосферы. Официально — чтобы избежать лишних жертв в первые годы освоения космического пространства.

— И у вас никаких шансов пройти медкомиссию?

Харриман покачал головой.

— Ну тогда... Если уж вы, черт побери, в состоянии позволить себе нанять нас, почему бы просто не подкупить кого-нибудь из медиков Компании? Это уже делалось, и не раз.

Губы Харримана изогнулись в печальной улыбке.

— Я знаю, Чарли, но тут тоже ничего не выйдет. Видишь ли, я для этого слишком известен. Меня зовут Делос Д. Харриман.

— Что? *Тот самый* Харриман?! Вот дьявольщина! Один из владельцев Компании! Да нет, что я говорю, вы же и есть Компания! За чем тогда дело? Для вас правила не писаны.

— Это весьма распространенное мнение, но оно, к сожалению, неверное. У богатых людей свободы отнюдь не больше, чем у других — скорее, меньше, намного меньше. Я уже пытался провернуть такой фокус, но остальные члены совета директоров мне просто не позволили. Они боятся нарушить условия ООН и потерять монопольное право. Ситуация и без того обходится недешево... Политические контакты и прочее...

— Чтоб я сдох! Ты что-нибудь понимаешь, Мак? У человека полно «капусты», а он не может ее потратить, как ему вздумается!

Макинтайр промолчал, ожидая, что скажет Харриман.

— Капитан Макинтайр, если бы у вас был корабль, вы бы взялись доставить меня на Луну?

Тот задумчиво потер подбородок.

— Это противозаконно.

— Но я могу *очень* хорошо заплатить.

— Конечно же, он возьмется, мистер Харриман! О чем речь, Мак? Вспомни: Луна-Сити и все такое... О боже!..

— А почему вам так хочется на Луну, мистер Харриман?

— Дело в том, капитан, что это моя единственная настоящая мечта. С самого детства. Я даже не знаю, смогу ли это объяснить. Вы молодые, росли вместе с освоением космоса, как я рос с развитием авиации. Я ведь намного старше вас, по крайней мере, лет на пятьдесят... Когда я был мальчишкой, почти никто не верил, что когда-нибудь люди достигнут Луны. Вам-то ракеты знакомы всю жизнь, и первый человек высадился на Луне, когда вы еще под стол пешком ходили. А когда я был в таком возрасте, люди просто смеялись над этой идеей. Но я верил. Все равно верил. Читал Уэллса, Жюля Верна, Смита и верил, что мы можем... нет, что мы обязательно будем на Луне. Еще тогда я решил, что непременно стану одним из тех, кто оставит на Луне свои следы, что увижу ее обратную сторону, увижу висящую над головой Землю... Помню, я ходил голодный, потому что деньги, которые мне давали на ланч, тратил, чтобы заплатить взносы Американскому ракетному обществу. Мне верилось, что я помогаю приблизить день, когда мы доберемся до Луны... Правда, когда этот день настал, я был уже стариком. Я прожил явно дольше, чем следовало, но я не могу умереть — не умру! — пока не побываю на Луне.

Макинтайр встал и протянул ему руку.

— Ищите корабль, мистер Харриман. Я готов.

— Молодец, Мак!.. Я уже говорил, что он согласится, мистер Харриман.

По дороге до Канзас-Сити, которая заняла около получаса, Харриман, убаюканный легким покачиванием машины и собственными мыслями, то и дело погружался в тревожную стариковскую полудрему. Словно неуловимые тени, всплывали и растворялись в памяти эпизоды его долгой жизни. Вот тот случай... Когда же это было?.. В 1910-м, пожалуй... Маленький мальчишка на улице теплой весенней ночью... «Что это, папа?» — «Комета Галлея, сынок».— «А откуда она взялась?» — «Не знаю, сынок. Прилетела откуда-то издалека, должно быть».— «Как краси-и-во! Папа, я хочу ее потрогать».— «Боюсь, ничего не выйдет, сынок...»

Или... «Делос, ты хочешь сказать, что вложил все деньги, которые мы скопили на дом, в эту бредовую ракетную компанию?» — «Ну не горячись, Шарлотта. Никакая она не "бредовая" — это трез-

вый деловой расчет. Когда-нибудь — уже скоро — реактивные ракеты заполнят все небо. Корабли и поезда останутся в прошлом. Вспомни, наконец, что уготовила судьба людям, у которых хватило ума вложить деньги в дело Генри Форда!» — «Я эту песню уже слышала».— «Шарлотта, поверь мне, настанет день, когда люди вознесутся над Землей, достигнут Луны и даже других планет. Мы еще в самом начале пути».— «А кричать-то зачем?» — «Извини, но...» — «У меня опять начинается головная боль. Не шуми, пожалуйста, когда будешь ложиться спать».

Он тогда так и не лег. Всю ночь напролет просидел на веранде, глядя, как ползет по небу полная Луна. Утром придется расплачиваться за бессонную ночь, утром будут сердито поджатые губы жены, обиженное молчание, но он не уступит. В чем угодно, но только не в этом. И ночь будет его. Сегодня он один на один со своим старым другом...

Впрочем, ему даже не нужно видеть Луну перед собой, он и так знает все ее черты наизусть — море Кризисов, море Плодородия, море Спокойствия — как хорошо это звучит! — Апеннины, Карпаты, старый кратер Тихо с раскинувшимися в стороны таинственными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли по экватору. Неужели людям не под силу будет перекинуть мост на столь мизерное расстояние? Ведь вот она, Луна, почти рядом, за ветвями старого вяза — кажется, протяни руку, и дотронешься...

Но он ничем не может помочь, не хватает образования.

«Делос, мне нужно серьезно с тобой поговорить».— «Да, мама».— «Я знаю, что ты надеялся поступить в следующем году в колледж...» (Надеялся! Он ради этого только и жил! Сначала Чикагский университет, обучение под руководством Молтона, а затем Йеркссская обсерватория, работы у самого доктора Форста...) «...и я тоже надеялась. Но теперь, когда мы остались без папы, а девочки уже подрастают, нам очень трудно будет свести концы с концами. Ты — хороший сын и работал изо всех сил, чтобы помочь семье... Я знаю, что ты поймешь...» — «Да, мама».

«Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! СТРАТОСФЕРНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ПАРИЖА! Читайте экстренный выпуск!»

Худощавый невысокий мужчина в двухфокусных очках выхватил у разносчика газету и заторопился обратно в контору. «Ты только посмотри, Джордж!» — «А? Да, любопытно, а что?» — «Да как же ты не понимаешь? Следующий шаг — Луна!» — «Ну и лопух же ты, Делос. Похоже, тебе вредно читать эти дрянные журнальчики. Я тут на прошлой неделе нашел у своего парня один такой — "Удивительные истории" или еще что-то подобное — и устроил ему хорошую взбучку. Твоим родителям следовало поступить так же». Харриман расправил узкие, уже поникшие к середине жизни плечи. «Но они будут на Луне!» Его партнер рассмеялся: «Как скажешь. Чем бы дитя не тешилось... Однако ты лучше займись скидками и комиссионными — вот где нас ждут деньги!»

Длинная машина пошелестела по Пасео и свернула на бульвар Армор. Старик Харриман судорожно дернулся в полудреме и что-то невнятно пробормотал.

— Но мистер Харриман...— В глазах молодого человека с блокнотом промелькнуло беспокойство.

— Ты слышал, что я сказал,— проворчал старик.— Продавай. Я хочу обратить в наличные все мои акции, и как можно скорей: «Космические Пути», «Снабжение Космических путей», «Шахты Артемиды», «Развлечения в Луна-Сити» — все до единой.

— Но они сразу понизятся в цене. Вы не получите их полной стоимости.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Но я могу себе это позволить.

— А как насчет акций, которые вы собирались завещать обсерватории Ричардсона и стипендиальному фонду Харримана?

— Да, верно. Эти не продавай. Организуй передачу акций в попечительство соответствующих фондов. Давно это следовало сделать... Скажи молодому Каменсу, пусть подготовит необходимые документы. Он знает, что мне нужно.

Вспыхнул экран интеркома на столе.

— Джентльмены уже прибыли, мистер Харриман.

— Пригласите их. Это все, Эшли. К делу.

Выходя из кабинета, секретарь столкнулся в дверях с Макинтайром и Чарли. Харриман поднялся из-за стола и засеменил им навстречу.

— Входите, ребята, входите. Очень рад вас видеть. Усаживайтесь поудобней. Сигары. Угощайтесь.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Харриман,— признал Чарли.— Сказать по правде, нам просто необходимо было вас увидеть.

— Какие-то осложнения, джентльмены? — Харриман перевел взгляд с одного на другого.

— Ваше предложение по-прежнему в силе, мистер Харриман? — спросил Макинтайр.

— В силе? Разумеется. А вы часом не собрались на попятную?

— Ни в коем случае. Эта работа нам теперь просто необходима. Дело в том, что «Беззаботный» сейчас на дне реки Осейдж и дюза маршевого двигателя у него лопнула до самого инжектора.

— Боже правый! Но вы не пострадали?

— Нет, разве что несколько царапин и синяков. Пришлось катапультироваться.

— Я даже поймал зубами какую-то рыбину,— добавил Чарли и фыркнул.

Но спустя несколько минут они перешли к делу.

— Вам двоим придется купить для меня корабль. Сам я не могу сделать это в открытую: мои коллеги сразу же поймут, что я задумал, и попытаются мне помешать. Необходимые средства я предоставлю. Ваша задача — найти корабль, который можно будет переоснастить для полета к Луне. Придумайте убедительную легенду: мол, получили заказ на стратосферную яхту от какого-нибудь богатого бездельника, или собираетесь открыть туристский маршрут Арктика—Антарктика, словом, что-нибудь в этом духе. Главное, никто не должен заподозрить, что вы готовите корабль к перелету на Луну. Затем, когда Транспортный департамент выдаст вам лицензию на стратосферные полеты, вы посадите корабль в пустыне, где-нибудь на западе — я выберу подходящий участок земли и куплю его,— и дождетесь меня. После чего мы установим дополнительные баки для горючего, поменяем инжекторы, таймеры и все такое — короче, подготовим корабль к перелету. Ну как план?

Макинтайр с сомнением покачал головой.

— Та еще работенка... Как по-твоему, Чарли, ты справишься с этим делом в полевых условиях?

— Я-то? Конечно, справлюсь, если ты не будешь отлынивать от работы. Дайте мне необходимые материалы и оборудование, и я все сделаю сам. Только не очень гоните. Разумеется, получится не бог весть как красиво, зато...

— Красота меня не интересует. Мне нужен корабль, который не разнесет на куски, когда я начну щелкать переключателями. Изотопное горючее — с ним шутки плохи.

— Не волнуйся, Мак, не разнесет.

— То же самое ты говорил и про «Беззаботного».

— Ну, это просто нечестно, Мак. Ей-богу, мистер Харриман... По «Беззаботному» давно уже свалка плакала, и Мак прекрасно это знает. Но сейчас все будет по-другому. Мы ведь не будем жалеть денег и сделаем все честь по чести. Верно, мистер Харриман?

Тот потрепал его по плечу.

— Верно, Чарли. Денег можешь тратить сколько угодно. Это наименьшая из наших проблем. И кстати, устраивает ли вас предложенное вознаграждение? Мне бы не хотелось, чтобы вы остались потом на мели...

— ...как вам известно, мои клиенты являются ближайшими родственниками мистера Харримана, и они озабочены исключительно его благосостоянием. Мы утверждаем, что поведение мистера Харримана за последние несколько недель — и приведенные здесь доказательства подтверждают это — свидетельствует о старческом слабоумии, постигшем человека, известного некогда своими блестящими финансовыми операциями. Следовательно, мы с глубочайшим прискорбием просим уважаемый суд, буде он согласится с нами, объявить мистера Харримана недееспособным и назначить опекуна для соблюдения его финансовых интересов и финансовых интересов его будущих наследников и правопреемников.— Довольный собой адвокат сел на место.

Поднялся мистер Каменс.

— Если мой глубокоуважаемый коллега полностью закончил свое выступление, я с позволения суда замечу, что послед-

ними словами он практически подытожил суть выступления и обнажил его смысл. Финансовые интересы будущих наследников и правопреемников! Совершенно очевидно, что заявители убеждены, будто мой клиент должен вести свои дела таким образом, чтобы гарантировать его племянницам, племянникам и их потомкам ничем не заслуженное беззаботное существование до конца их жизни. Жена моего клиента умерла, и своих детей у них не было. Известно, что мистер Харриман всегда был щедр к своим сестрам и их детям в прошлом, и кроме того, он позаботился о ежегодных выплатах для ближайших родственников, не имеющих достаточных средств к существованию. Теперь же ближайшие родственники моего клиента, как стервятники — хуже, чем стервятники, потому что они даже не позволяют ему умереть спокойно,— решили воспрепятствовать его праву наслаждаться своим состоянием так, как ему заблагорассудится. Верно, он распродал все свои владения, но что же тут странного, когда пожилой человек решает отойти от дел? Верно, в результате этой финансовой операции он потерял какую-то часть своих средств, однако, как говорится, вещь стоит ровно столько, сколько за нее дадут. Мой клиент решил уйти на покой и потребовал наличные — что же тут необычного? Я согласен, он отказался обсуждать свои действия с нежно любящими его родственниками. Но с каких это пор человек должен обсуждать со своими племянниками вообще что бы то ни было? Следовательно, мы просим глубокоуважаемый суд подтвердить право моего клиента поступать со своей собственностью таким образом, как ему заблагорассудится, отклонить исковое заявление родственников клиента и указать им на то, чтобы они не лезли в дела, которые их не касаются.

Судья снял очки и в задумчивости протер стекла.

— Мистер Каменс, суд относится к свободе личности с не меньшим уважением, чем вы. Можете быть уверены, любое принятое решение будет полностью в интересах вашего клиента. Тем не менее люди действительно стареют, действительно порой впадают в старческие заблуждения, и в таких случаях они нуждаются в защите от самих себя. Я откладываю вынесение решения до завтра. Заседание суда закрывается.

«Канзас-Сити-Стар»:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА

...не появился на последнем заседании суда. Судебные исполнители, направленные по адресам, где обычно бывает Харриман, вернулись с сообщением о том, что его никто не видел с предыдущего вечера. Вынесено постановление о неуважении к суду и...

Закат в пустыне возбуждает аппетит не хуже, чем варьете в ресторане. Чарли убедительно доказал это, старательно подобрав куском хлеба последние остатки мясной подливы в тарелке, после чего Харриман протянул молодым людям по сигаре и взял одну сам.

— Мой врач утверждает, что это вредно для сердца,— заметил он, раскуривая сигару,— но с тех пор, как я прибыл к вам сюда на ранчо, его рекомендации вызывают у меня серьезные сомнения.— Харриман выпустил облако серо-голубого дыма и продолжил: — Похоже, здоровье человека больше зависит не от того, что он делает, а от того, хочется ли ему это делать. Я вот сейчас делаю как раз то, что мне хочется.

— Чего же еще желать от жизни? — согласился Макинтайр.

— Как, ребятки, продвигается наша работа?

— У меня почти полный порядок,— ответил Чарли,— сегодня мы закончили повторные испытания новых баков и топливопровода. Все наземные проверки проведены, осталось только откалибровать датчики. Это быстро — всего часа на четыре, если ничего не случится. А как ты, Мак?

Макинтайр принялся загибать пальцы:

— Продукты и вода уже на борту. Три скафандра плюс один запасной и аварийные наборы. Медицинские припасы. Все, что необходимо для стратосферного полета, входило в комплектацию с самого начала. Пока не прибыло только навигационное оборудование для сближения с Луной.

— Будет тебе хвастаться, Колумб! — сказал Чарли.— Мы и так верим, что шляпой в стену ты не промахнешься. Надо понимать, ты готов отправиться прямо сейчас, а?

— Точно.

— Ну раз так, то я вполне могу провести калибровку и сегодня. Что-то я немного нервничаю — уж слишком гладко все шло до сих пор. Если ты мне поможешь, мы управимся еще до полуночи.

— Ладно, только сигару докурю.

Некоторое время они курили в молчании. Каждый думал о приближающемся полете и о том, что с ним связано. Харриман старался унять возбуждение, охватившее его при мысли о том, что мечта всей его жизни вот-вот осуществится.

— Мистер Харриман?

— А? Что, Чарли?

— Как люди становятся богатыми — вот, как вы, хотя бы?

— Богатыми? Трудно сказать. Я никогда не старался разбогатеть. Никогда не хотел ни богатства, ни известности, ни чего-либо еще в таком духе.

— Как это?

— Просто я хотел жить долго и все увидеть своими глазами. Впрочем, парней вроде меня было тогда много: мы сами мастерили радиоприемники, делали телескопы и строили аэропланы. У нас были научные клубы, подвальные лаборатории, научно-фантастические лиги — для таких, как мы, в одном номере «Электрического экспериментатора» больше романтики, чем во всех книгах Дюма. Нам не хотелось разбогатеть, нет — мы просто мечтали строить космические корабли. И некоторым из нас мечта покорилась.

— Да, папаша, судя по твоим словам, вы нескучно жили.

— Так оно и было, Чарли. Двадцатый век — век романтики и надежд, несмотря на все его трагедии. И с каждым годом жить становилось интереснее. Нет, я не хотел быть богатым, мне просто хотелось прожить до тех пор, когда человек отправится к звездам, и, бог даст, полететь на Луну самому.— Харриман осторожно стряхнул пепел в блюдце.— Я прожил хорошую жизнь. Мне не на что жаловаться.

Макинтайр оттолкнул кресло назад.

— Ладно, Чарли, если ты готов, то пошли займемся делом.

— О'кей.

Харриман тоже поднялся. Он хотел что-то сказать, но вдруг схватился за грудь, и лицо его стало смертельно бледным.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В нагрудном кармане.

Они уложили его на диван. Макинтайр отломил головку ампулы, обмотав ее платком, и сунул ампулу под нос Харриману. Аэрозольное лекарство, похоже, помогло, и щеки старика немного порозовели. Они сделали, что было в их силах, и теперь просто ждали, когда Харриман придет в себя.

Первым нарушил молчание Чарли.

— Мак, а может, бросить нам все это дело, а?

— Почему?

— Это же чистое убийство. Старик не выдержит стартовой перегрузки.

— Может, и не выдержит, но он сам этого хочет. Ты же его слышал.

— Но мы обязаны помешать ему.

— С какой стати? Это его жизнь, и ни ты, ни это вонючее правительство, которое всюду сует свой нос, не в праве запрещать человеку рисковать своей жизнью, если он действительно этого хочет.

— Все равно, мне как-то не по себе. Такой отличный старикан.

— Так чего ж ты хочешь? Отправить его обратно в Канзас-Сити, к этим старым гарпиям, которые засунут его в дурдом? Чтобы он умер там от тоски по своей мечте?

— Боже, нет!

— Ну тогда, давай, дуй к ракете и готовь приборы к испытаниям. Я сейчас подойду.

На следующее утро в ворота ранчо проехал джип с широкими колесами и остановился перед домом. Из машины выбрался плечистый, крепкий мужчина с твердым, но добродушным лицом и обратился к Макинтайру, который вышел из дома навстречу.

— Джеймс Макинтайр?

— А в чем дело?

— Я — заместитель начальника полиции в здешних местах. У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— Действия, имеющие целью нарушить «Акт о безопасности космических полетов».

Тут из дома появился Чарли.

— Что за шум, Мак?

— А вы, надо полагать, Чарлз Каммингс? На вас тоже есть ордер. Плюс на человека по фамилии Харриман и судебное постановление опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет никакого космического корабля.

— А вон в том ангаре что?

— Стратосферная яхта.

— Да? Ну тогда за неимением корабля я опечатаю яхту. Где Харриман?

— А вон он,— Чарли указал, не обращая внимания на мрачную гримасу Макинтайра.

Полисмен повернул голову. Чарли врезал ему, должно быть, точно в солнечное сплетение, потому что тот свалился как подкошенный.

— Черт бы его побрал,— обиженно пробормотал Чарли, потирая руку.— Тот же самый палец, что я уже сломал один раз, когда играл в баскетбол. Вечно ему достается...

— Быстро давай старика в кабину,— перебил его Макинтайр,— и пристегни его к противоперегрузочному гамаку.

— Слушаюсь, капитан.

Они прицепили ракету к тягачу, вывезли ее из ангара, развернули и двинулись подальше от дома. Затем забрались в кабину. В правый иллюминатор Макинтайр заметил очухавшегося полицейского — тот беспомощно смотрел им вслед.

— Все в порядке, Чарли?

— Да, капитан. Но мы не можем взлететь, Мак. У корабля нет названия!

— У нас нет времени на твои суеверия!

Тут раздался слабый голос Харримана:

— Назовите его «Лунатик». Лучше и не придумаешь.

Макинтайр откинул голову и противоперегрузочную подушку, нажал две клавиши, затем сразу же еще три, и «Лунатик» взлетел.

— Ну как ты тут, папаша?

Чарли встревоженно глядел в лицо Харримана. Тот облизал губы и с трудом произнес:

— Все в порядке, сынок. В лучшем виде.

— Ускорение закончено. Теперь будет полегче. Я тебя развяжу, чтобы ты мог шевелиться, но пока тебе лучше оставаться в гамаке.

Он потянул за пряжку ремня, и Харриман коротко простонал.

— Что такое, папаша?

— Ничего. Все нормально. Но полегче с этим боком.

Чарли пробежался по его боку пальцами, легкими, уверенными прикосновениями опытного механика, отыскивая повреждения.

— Тебе меня не перехитрить, папаша. Но тут уж до самой посадки я ничем не смогу помочь.

— Чарли...

— Да?

— Ты можешь передвинуть меня к иллюминатору? Я хочу увидеть Землю.

— Пока еще смотреть не на что. Она под кораблем. Но как только мы развернемся, я тебя передвину. А сейчас, пожалуй, дам тебе снотворного и разбужу, когда мы развернемся.

— Я не буду спать!

— Как скажешь, папаша.

Чарли, словно обезьяна, пробрался в нос корабля и ухватился за крепление пилотского кресла. Макинтайр посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Жив,— ответил Чарли,— но не в лучшей форме.

— Что с ним?

— Два ребра сломаны точно, а уж что там еще, я не знаю. И не известно, протянет ли он до конца полета, Мак. Сердце у него совсем ни к черту.

— Он выдержит, Чарли, не беспокойся. Крепкий старикан.

— Крепкий? Да он как канарейка — еле-еле душа в теле.

— Я о другом. Он в душе крепкий, а это важнее.

— Ладно. Но если ты хочешь, чтобы после посадки команда была в полном составе, тебе нужно будет садиться о-о-очень мягко.

— Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и пойду по сужающейся спирали. Горючего у нас, думаю, хватит.

Теперь они двигались без ускорения. Когда Макинтайр развернул корабль, Чарли вернулся к Харриману, отцепил гамак и перенес его к боковому иллюминатору. Макинтайр зафиксировал «Лунатика» в положении дюзами к Солнцу, затем дал короткий тангенционный импульс двумя расположенными в середине корабля маневровыми двигателями — корабль начал вращаться вокруг своей оси, создавая слабое подобие гравитации. Период невесомости, наступивший по окончании первого этапа полета, вызвал у старика, как это обычно бывает, тошноту и головокружение, и Макинтайру хотелось избавить своего пассажира по крайней мере от этих неудобств.

Но сам Харриман почти не замечал собственного состояния.

Ведь вот он, космос,— все, как ему представлялось раньше. Луна, величественно проплывающая в иллюминаторе, только гораздо больше, чем он когда-либо видел с Земли, и все ее знакомые черты различимы теперь так ясно, словно они вырезаны на камее. Затем корабль поворачивался, и в поле зрения появлялась сама Земля — да, именно так он видел ее в своих мечтах: огромный диск благородного небесного тела, будто спутник неведомой планеты; во много раз больше Луны, видимой землянам, во много раз ярче, и несравненно красивее. Чарующая, манящая красота... К Атлантическому побережью Америки приближался закат, граница тени прорезала северную часть континента, пересекала Кубу и почти целиком, кроме западного побережья, скрывала Южную Америку. Харриман наслаждался ясной голубизной Тихого океана, ощупывал размытую зелень и мягкие коричневые тона материков, восторженно взирал на холодные бело-голубые полярные шапки. Канаду и северные штаты закрывали облака, зона низкого давления расползлась почти на весь континент, но чистая белизна отраженного от облаков света радовала глаз даже больше, чем полярные снега.

Корабль продолжал вращаться, Земля уплывала из поля зрения, и в иллюминаторе появились звезды — те же, знакомые с Земли звезды, только яркие, немигающие, на фоне абсолютной,

почти живой черноты. Затем снова появилась Луна и вновь овладела мыслями... Харриман был безмятежно счастлив; такое счастье редко дается даже людям, прожившим долгую жизнь. Он чувствовал себя так, словно в нем соединились сразу все люди, жившие когда-то на Земле, заглядывавшиеся на звезды и мечтавшие.

Тянулись долгие часы полета, а он все смотрел и смотрел, иногда впадая в полудрему и видя сны. Один раз он, должно быть, и в самом деле уснул либо провалился в болезненное забытье, потому что проснулся, услышав голос Шарлотты, своей жены: «Делос! Ну-ка немедленно иди домой! Ты что, хочешь простудиться и умереть?!».

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, действительно хорошей. Харриман не сомневался, что, умирая, она жалела только об одном — о том, что некому будет о нем позаботиться. И не ее вина, что ей не дано было разделить его мечту, его тягу к звездам.

Когда они зашли над обратной стороной Луны, Чарли приладил гамак к правому иллюминатору. Харриман разглядывал знакомые по тысячам фотоснимков черты лунной поверхности с каким-то ностальгическим восторгом, как будто его ждало возвращение на родину. Вскоре они вновь очутились над обращенной к Земле стороной, и Макинтайр медленно снизился, готовясь к посадке на востоке от моря Плодородия, в десяти милях от Луна-Сити.

Учитывая обстоятельства, посадка прошла не так уж плохо. Макинтайр садился без наводок с поверхности и без второго пилота, который следил бы за радаром. Стараясь опустить корабль помягче, он увлекся маневром и промахнулся миль на тридцать в сторону от намеченной точки, но тем не менее сделал все, что было в его силах. Их все-таки тряхнуло, хотя и несильно.

Когда осела взметенная дюзами пыль, в рубке появился Чарли.

— Как там наш пассажир? — встревоженно спросил Макинтайр.

— Сейчас погляжу, но ручаться ни за что не стану: это не самая лучшая твоя посадка, Мак.

— Черт побери, я и так сделал все, что мог!

— Я знаю, капитан. Не обращай на меня внимания.

Пассажир был жив и в сознании, хотя из носа у него текла кровь, а на губах пузырилась розовая пена. Он безуспешно пы-

тался выбраться из гамака, и Чарли с Макинтайром вдвоем освободили его наконец от ремней безопасности.

— Где скафандры? — спросил Харриман первым делом.

— Спокойно, мистер Харриман. Вам нельзя выходить в таком состоянии. Сначала мы должны оказать вам первую помощь.

— К черту первую помощь! *Скафандры!*

Они молча подчинились. Левая нога у Харримана почти не двигалась, и им пришлось сопровождать его через шлюз и по трапу. Но на Луне он весил всего фунтов двадцать, так что это было нетрудно. Они отыскали место в пятидесяти ярдах от корабля и усадили Харримана спиной к камню, чтобы он видел окрестности.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему старика и сказал:

— Мы оставим вас пока здесь наслаждаться пейзажем, а сами подготовимся к переходу до города. Это не так далеко, миль сорок, но надо взять запасные баллоны с воздухом, питание и все такое. Мы скоро вернемся.

Харриман молча кивнул.

Он сидел, почти не шевелясь, и только гладил руками лунный грунт рядом с собой, с удивлением ощущая, как слабо его тело давит на поверхность. В сердце его наконец-то воцарился покой. Боль куда-то ушла. Он исполнил свою мечту и попал туда, куда стремился всю жизнь. Над горизонтом, словно гигантский зелено-голубой спутник, висела Земля в последней четверти. Еще выше с черного, усыпанного звездами неба сияло Солнце. А под ним была Луна, сама Луна. Он на Луне, черт побери!

Харриман откинулся назад, каждой своей клеточкой ощущая накативший, словно прилив, покой.

На мгновение он задумался, и ему снова показалось, что кто-то зовет его по имени. Глупо, подумал Харриман, я стар, и мне мерещится всякая всячина...

В кабине корабля Чарли и Мак прилаживали к носилкам заплечные ремни.

— Отлично,— сказал Макинтайр,— Сойдет. Надо привести старика. Пора двигаться.

— Я его принесу,— ответил Чарли.— Он почти ничего не весит.

Чарли отсутствовал дольше, чем ожидал Макинтайр, и вернулся один. Макинтайр подождал, пока он закроет шлюзовую камеру и снимет шлем.

— Что случилось?

— Носилки можно оставить, капитан. Они нам уже не понадобятся,— он помолчал, потом добавил: — Старик умер. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча наклонился и поднял с пола широкие лыжи для передвижения по лунной пыли. Чарли сделал то же самое. Затем они закинули на плечи запасные баллоны с воздухом и вышли из корабля.

Наружный люк шлюзовой камеры так и остался открытым.

«Девять кораблей взметнулись с Лунной Базы. Вскоре восемь из них образовали сферу, в центре которой был девятый — самый маленький. Этот строй они сохраняли на всем пути до Земли. На маленьком корабле виднелась эмблема адмирала, однако на нем не было ни одного живого существа. Это был даже не пассажирский корабль, а радиоуправляемая ракета, предназначенная для радиоактивного груза. В этом рейсе у нее на борту был один лишь свинцовый гроб и гейгеровский счетчик, который ни на минуту не утихал».

(Из передовой статьи «Десять лет спустя», пленка 38. 17 июня 2009 г. Архивы «Нью-Йорк таймс».)

1

Джонни Далквист выпустил на гейгеровский счетчик струю дыма. Горько усмехнулся и снова выпустил дым. Все его тело было теперь радиоактивно. Даже его дыхание, дым его сигареты могут заставить взвыть гейгеровский счетчик.

© М. Ермашова, перевод

Как долго он здесь находится? На Луне время течет незаметно. Два дня? Три? Неделю? Он мысленно оглянулся назад: вспомнил момент, когда его вызвал заместитель начальника, сразу же после утреннего завтрака...

— Разрешите доложить. Лейтенант Далквист.

Полковник Тауэрс поднял глаза:

— А, Джон Эзра! Садитесь, Джонни. Сигарету?

Джонни сел, заинтригованный и польщенный. Он восхищался полковником Тауэрсом — его выправкой, умением командовать, боевыми заслугами. Сам Джонни не имел боевых заслуг, он был произведен в офицеры после того, как получил степень доктора ядерной физики. Теперь он состоял младшим бомбардиром Лунной Базы.

Полковник заговорил о политике; Джонни это озадачило. Наконец Тауэрс дошел до существа вопроса: небезопасно, сказал он, оставлять в руках политиков власть над миром. Она должна принадлежать избранной группе. Короче говоря, Лунному Дозору.

Далквиста удивили не столько эти слова, сколько сам факт такого разговора между ним и полковником. Сама по себе мысль Тауэрса казалась разумной. Лига Наций распалась — разве не может случиться то же с Организацией Объединенных Наций? А что тогда? Новая мировая война.

— Но вы ведь знаете, Джонни, как ужасна была бы такая война?

Далквист с этим согласился. Тауэрс был доволен. Он так и сказал, что Джонни понял суть дела. Старший бомбардир и сам мог справиться, но лучше, если в таком деле будут участвовать оба специалиста.

Резким движением Джонни выпрямился.

— Вы действительно собираетесь что-то сделать в этом отношении? — Он полагал, что начальник хотел только побеседовать.

Тауэрс улыбнулся:

— Мы не политики, мы не занимаемся разговорами, мы действуем!

Джонни свистнул.

— Когда это начнется? — спросил он.

Тауэрс щелкнул выключателем. Джонни был ошеломлен, услышав свой собственный голос: это была запись беседы, происходившей в столовой для младших офицеров — тот самый политический спор. Ему пришлось тогда быстро уйти, и слава Богу... Но то, что за ним шпионили, его возмутило.

Тауэрс выключил аппарат.

— Мы *уже* действуем,— сказал он.— Мы знаем, кто надежен, а кто нет. Возьмите Келли...— Он указал рукой на громкоговоритель.— Келли политически неблагонадежен. Вы заметили, что его не было за завтраком?

— О! Я думал, что он на вахте.

— Для Келли вахты кончились. Успокойтесь, с ним все в порядке.

Джонни немного подумал.

— А в каком списке значусь я? — спросил он.— Я надежен или ненадежен?

— Рядом с вашим именем стоит знак вопроса. Но я все время говорил, что на вас можно положиться.— На его устах играла покоряющая улыбка.— Вы ведь не подведете меня, Джонни?

Далквист не отвечал; тогда Тауэрс сказал резко:

— Ну так как же — что вы думаете об этом? Говорите!

— Что ж, по-моему, вы переоценили свои силы. Если это и верно, что Лунная База может держать Землю в своей власти, то сама Лунная База тоже очень удобная мишень. Одна бомба и — бац!

Тауэрс взял со стола радиограмму и протянул ее Джонни; там было:«У МЕНЯ ВАШЕ ЧИСТОЕ БЕЛЬЕ. ЗАК».

— Это означает,— сказал Тауэрс,— что все бомбы на «Трюгве Ли» выведены из строя. Мною получены рапорты со всех кораблей, которые могли бы нам угрожать.— Он поднялся.— Подумайте над этим и зайдите ко мне после завтрака. Майору Моргану понадобится ваша помощь, чтобы изменить управляющие частоты бомб.

— Управляющие частоты?

— Разумеется. Чтобы не допустить их блокировки радиопомехами до того, как они достигнут своих объектов.

— Что? Но ведь вы сказали, что ваша цель — *предотвратить* войну!

Тауэрс сделал отрицательный жест.

— Не будет никакой войны — всего лишь психологическая демонстрация: один-два незначительных города. Маленькое кровопускание, для того чтобы избежать всеобщей войны. Простая арифметика.— Он положил руку на плечо Джонни.— Вы ведь не щепетильны, иначе вы не были бы бомбардиром. Смотрите на это как на хирургическую операцию. И подумайте о вашей семье.

— Сэр, я хотел бы видеть командующего.

Тауэрс нахмурился.

— Коммодора видеть нельзя. Вы знаете, что я говорю от его имени. Зайдите ко мне после завтрака.

Коммодора действительно видеть было нельзя; коммодор был мертв. Но Джонни этого не знал.

Далквист вернулся в столовую, сел и закурил сигарету. Впрочем, он тут же встал, смял окурок и направился к западному шлюзу Базы. Там он надел свой скафандр и подошел к часовому.

— Откройте, Смитти!

На лице часового отразилось удивление.

— Я никого не могу выпустить на поверхность без разрешения полковника Тауэрса, сэр. Разве вы этого не знаете?

— О да! Дайте мне вашу приказную книгу,— Далквист взял книгу, сам выписал себе пропуск и подписал его: *По приказу полковника Тауэрса.*— Позвоните начальнику и проверьте,— добавил он.

Часовой прочитал приказ и сунул книгу в карман.

— О нет, лейтенант. Вашего слова достаточно.

— Вам не хочется беспокоить начальника? Я вас понимаю.

Джонни вошел в камеру, запер внутренний люк и подождал, пока оттуда вытянет воздух.

Выйдя на поверхность Луны, он прищурился от яркого света и поспешил на станцию космических ракет: там его ждала машина. Он протиснулся в нее, спустил колпак и нажал пусковую кнопку. Ракетная машина взвилась к холмам, юркнула между ними и выбралась на равнину, усеянную управляемыми ракетами, как именинный пирог свечками. Затем она стремительно нырнула в туннель и помчалась сквозь холмы. Джонни вдруг ощутил щемящую боль в желудке от падения скорости — и машина остановилась у подземного склада атомных бомб.

Он вылез из машины и включил свой приемник-передатчик. Часовой, стоявший в скафандре у входа, взял оружие наизготовку.

— Доброе утро, Лопес,— сказал Далквист, прошел мимо часового к воздушной камере и отворил дверь.

— Эй,— окликнул его часовой,— никто не должен входить туда без приказа начальника.— Он опустил ствол, порылся в походной сумке и вытащил какую-то бумагу.— Читайте, лейтенант!

Далквист отстранил бумагу.

— Я сам составил этот приказ. Это *вы* читайте его, вы его неправильно поняли.

— Как же так, лейтенант?

Далквист взял у него из рук бумагу, взглянул на нее, затем указал на одну строчку:

— Видите? «За исключением лиц, особо назначенных начальником»— а это бомбардиры, майор Морган и я.

Часовой казался встревоженным.

— Посмотрите в вашем уставе, черт возьми,— продолжал Далквист.— Найдите *«особо назначенные»*— это в пункте «Помещение для бомб. Безопасность. Процедура...». Не говорите мне, что вы забыли устав в казарме!

— О нет, сэр! Устав при мне.

Часовой сунул руку в сумку. Далквист протянул ему приказ; часовой, после минутного колебания прислонив оружие к бедру, взял в левую руку бумагу, а правой стал искать в сумке устав.

Далквист схватил оружие и, ударив часового, сбил его с ног. Затем он отшвырнул оружие в сторону и проскользнул в воздушную камеру. Захлопывая дверь, он увидел, как часовой с трудом поднялся и потянулся за пистолетом. Наглухо запирая внешнюю дверь, Джонни почувствовал дрожь в пальцах: в дверь ударила пуля. Он бросился к внутренней двери, рывком повернул рычаг, впускающий в шлюз воздух, вернулся к внешней и всем своим телом налег на ее ручку. Он сразу почувствовал, что часовой поднимает ее кверху; лейтенант тянул ее вниз, но ручка медленно поднималась.

Воздух из бомбового погреба через клапан втягивался в камеру. Далквист ощутил, как скафандр на его теле стал оседать, когда давление в камере начало уравниваться с давлением в скафандре. Он перестал напрягаться и позволил часовому поднять

ручку двери. Теперь это уже не имело никакого значения: тринадцать тонн воздушного давления держали дверь на прочном запоре.

Внутреннюю дверь, ведущую в бомбовый погреб, Джонни закрепил так, чтобы она не могла захлопнуться. До тех пор, пока дверь открыта, камера не будет функционировать — никто не сможет войти.

Перед ним в бомбовом погребе рядами лежали атомные бомбы, по одной для каждой управляемой ракеты, на достаточно большом расстоянии одна от другой, чтобы предупредить малейшую возможность внезапной цепной реакции. Это были самые смертоносные штуки во всей Вселенной, и все они были поручены его заботам. Джонни встал между ними и каждым, кто вздумал бы ими злоупотребить. И все же теперь, когда он уже здесь, у него еще нет никакого плана, никакого понятия о том, как он сможет использовать свое временное преимущество.

Вдруг из громкоговорителя раздался голос:

— Эй! Лейтенант! Что происходит? Вы сошли с ума?..

Далквист не отвечал. Пусть Лопес стоит там в полной растерянности — тем больше у него останется времени, чтобы принять какое-нибудь решение. У него, Джонни Далквиста, будет столько минут, сколько он сможет выиграть. Лопес продолжал шуметь. Наконец он замолчал.

Джонни преследовал одну цель: любыми средствами не допустить, чтобы бомбы — *его* бомбы! — были использованы для «маленького кровопускания». Но что делать дальше?

Что ж, во всяком случае, Тауэрс не сможет проникнуть через камеру. Джонни будет сидеть здесь хоть до второго пришествия!

Но не обольщайся, Джон Эзра! Тауэрс сможет попасть сюда. Немного взрывчатки под внешнюю дверь — воздух сразу вытянет, и наш мальчик Джонни потонет в крови своих разорвавшихся легких, а бомбы по-прежнему будут лежать невредимыми. Они изготовлены так, чтобы выдержать полет с Луны на Землю; вакуум не нанесет им никакого вреда.

Джонни решил оставаться в скафандре, взрывное снижение давления ему вовсе не улыбалось. Пожалуй, лучше все-таки умереть от старости. Или же они могут просверлить дыру, выпустить воздух и открыть дверь. Что еще? Тауэрс может также пост-

роить новую камеру, за стенами старой. Хотя вряд ли — ведь успех *coup d'état* всегда зависит от быстроты действия. Тауэрс почти наверняка изберет самый быстрый путь — взрыв. И Лопес, вероятно, сейчас уже вызывает Базу. Тауэрсу понадобится пятнадцать минут, чтобы переодеться и прибыть сюда.

Здесь он, возможно, еще немного поторгуется, а затем — вжжж! И партия окончена.

Пятнадцать минут...

Через пятнадцать минут бомбы могут попасть в руки заговорщиков; за пятнадцать минут он должен их обезвредить. Атомная бомба — это всего лишь две или больше частей разъединенного вещества, например плутония; отдельно они не более взрывчаты, чем фунт масла; быстро соединенные, они взрываются. Все сложности в механизмах, электронных цепях и в заряде взрывчатки, используемых, чтобы соединить их в одно целое,— точно в нужное время и в нужном месте.

Электрические цепи — «мозг бомбы» — легко разрушить, но саму бомбу разрушить трудно как раз ввиду ее простоты. Джонни решил расколоть «мозг» и сделать это быстро! У него под рукой были лишь простые инструменты, применяемые при обращении с бомбами. Кроме бомб, в помещении были еще гейгеровский счетчик, громкоговоритель, приемник-передатчик, телевизионная установка для связи с Базой — и больше ничего. Бомбу, с которой работали, обычно брали в другое место не из-за опасности взрыва, а чтобы поменьше подвергать персонал радиации. Радиоактивный материал бомб скрыт в «набивке», в этих бомбах «набивкой» было золото. Оно задерживает альфа- и бета-лучи и в значительной мере смертельную гамма-радиацию, но не нейтроны.

Увертливые, отравляющие не́йтроны, выделяемые плутонием, должны вырываться на свободу, в противном случае произойдет цепная реакция и — взрыв. Все помещение было затоплено незримым, почти неуловимым дождем нейтронов.

Помещение было нездоровое; в нем полагалось оставаться как можно меньше времени.

Гейгеровский счетчик небольшим потрескиванием отмечал фоновую радиацию, космические лучи, следы радиоактивности в коре Луны и вторичную радиоактивность, вызванную нейтронами.

Свободные нейтроны имеют опасное свойство заражать все, на что они попадают, возбуждая всюду радиоактивность, будь то бетонная стена или человеческое тело. Со временем это помещение пришлось бы оставить.

Далквист повернул ручку гейгеровского счетчика — аппарат перестал потрескивать. При помощи ограничительного контура он оставил влияние фоновой радиации на том уровне, который был сейчас в помещении. Это еще раз напомнило ему, как опасно здесь оставаться. Он вынул чувствительную пленку; когда он сюда вошел, она была чистой. Теперь конец пленки уже слегка потемнел. Посредине пленку пересекала красная линия. Теоретически, если носитель пленки в течение недели подвергается достаточно большой дозе радиации, способной затемнить пленку вплоть до этой линии, то он, как напомнил себе Джонни, «конченый человек».

Неуклюжий скафандр полетел в сторону. Сейчас главное — как можно скорее кончить дело и сдаться: лучше попасть в тюрьму, чем оставаться в столь «горячем» месте.

Джонни, задержавшись лишь на секунду, чтобы выключить телекамеру, схватил с полки для инструментов молоток и принялся за работу. С первой бомбой ему было трудно: когда он начал разбивать обшивочный лист «мозга», пришлось остановиться, чтобы превозмочь тягостное чувство: он всю жизнь чтил тонкую аппаратуру.

Собравшись с духом, он размахнулся — звякнуло стекло, металл издал скрежещущий звук. Настроение Джонни изменилось; он начал ощущать постыдное удовольствие от разрушения. Теперь он с энтузиазмом размахивал молотком, раскалывал, разрушал!

Джонни был так поглощен своим делом, что сначала даже не услышал, как его окликнули:

— Далквист! Отвечайте! Вы там?

Джонни вытер с лица пот и посмотрел на телевизионный экран. С него таращил глаза встревоженный Тауэрс.

Тут только Джонни увидел, что он успел уничтожить всего лишь шесть бомб. Неужели они схватят его до того, как он кончит? О нет! Он *должен* довести дело до конца. Выкручивайся, малыш, выкручивайся!

— Да, полковник! Вы меня звали?

— Разумеется, звал! Что все это значит?

— Мне очень жаль, полковник.

Выражение лица Тауэрса стало немного спокойнее.

— Включите вашу камеру, Джонни, я вас не вижу. Что это был за шум?

— Камера включена,— соврал Джонни.— Она, вероятно, испортилась. Шум? О, сказать правду, полковник, я тут принимаю меры, чтобы никто не мог сюда войти.

После минутного колебания Тауэрс твердо сказал:

— Я могу лишь допустить, что вы больны, и послать вас к врачу. Но я требую, чтобы вы вышли оттуда сейчас же. Это приказ, Джонни.

Джонни медленно проговорил:

— Сейчас я не могу, полковник. Я пришел сюда, чтобы принять решение, и я еще не успел этого сделать. Вы велели зайти к вам после завтрака.

— Я полагал, что вы будете у себя.

— Да, сэр, но я подумал, что должен стоять на страже у бомб, на тот случай, если я решу, что вы не правы.

— Это не вы должны решать, Джонни. Я ваш начальник. Вы дали присягу повиноваться мне.

— Да, сэр.

Все это лишь потеря времени: полковник, эта старая лиса, может быть, уже послал сюда отряд.

— Но я дал также присягу охранять мир. Не могли бы вы приехать сюда и обсудить это со мной? Я не хотел бы поступить неправильно.

Тауэрс улыбнулся.

— Прекрасная идея, Джонни. Ждите меня там. Я уверен, что вы поймете, в чем тут дело.— Он выключил телепередатчик.

«Ну вот,— сказал про себя Джонни,— надеюсь, ты уверен, что я помешался, коварное ты ничтожество!» Он схватил молоток, стремясь использовать выигранные минуты.

Но он почти сразу же остановился: его вдруг осенило, что разрушить «мозг» недостаточно. Запасных «мозгов», правда, не было, но на складе хранился большой запас нужных материалов, и Морган мог бы изготовить временные цепи управления для бомб.

Да и Тауэрс сам мог бы это сделать — правда, не очень искусно, но они все же действовали бы.

Ему придется разрушить сами бомбы, и не более чем за десять минут!

Но бомба — это массивный кусок металла, прочно стянутый большим стальным обручем. Он не может разрушить бомбы. Во всяком случае, за десять минут.

Проклятье!

Разумеется, тут есть один выход. Он хорошо знал цепи управления и знал также, как вывести их из строя. Взять хоть вот эту бомбу: если он вынет предохранительный стержень, отключит дистанционный взрыватель, закоротит задержки, руками включит цепь, ставящую бомбу на боевой взвод, затем отвинтит *здесь* и соединит *там* — тогда он сможет при помощи одной только длинной проволоки взорвать бомбу.

А там он взорвет и другие, и саму долину — и все полетит прямо в царство небесное!

А с ними и Джонни Далквист, вот так!

Джонни одновременно и думал, и делал. Все, кроме самого последнего шага — взрыва. Готовая к взрыву бомба, казалось, угрожала: она будто присела перед прыжком. Он поднялся весь в поту.

Он спрашивал, хватит ли у него мужества, чтобы взорвать себя; не струсит ли он в последнюю минуту, и надеялся, что воля его не покинет. Он сунул руку в карман куртки и вынул фотографии Эдит и дочки. «Милая,— сказал Джонни,— если я выберусь отсюда, я даже на красный свет никогда не поеду».— Он поцеловал фотографию и положил ее обратно в карман. Теперь не оставалось ничего другого, как ждать.

Почему задерживается Тауэрс? Джонни хотел удостовериться, что полковник находится в зоне взрыва. «Забавная ситуация — я сижу здесь, готовый поднять его на воздух!» Эта мысль развеселила его — она вызвала другую, более приятную: «Зачем взрывать себя живым?» Был другой способ все уладить — управление «мертвой руки»: приспособить все таким образом, чтобы бомба не взорвалась до тех пор, пока он держит руку на выключателе, или рычаге, или на чем-либо подобном!

Тогда, если они взорвут дверь или застрелят его, все полетит к черту!

Еще лучше было бы удержать их этой угрозой — раньше или позже должна прийти помощь: Джонни был уверен, что большая часть Дозора не участвует в этом отвратительном заговоре. И вот тогда — Джонни торжественно прибывает домой! Какая встреча! Он уйдет в отставку и устроится преподавателем: он выстоял свою вахту.

Джонни опять напряженно думал. Собрать электрический замыкатель?.. Нет, слишком мало времени. Он сделает простое механическое сцепление. Но едва только он взялся за это, как громкоговоритель снова окликнул его:

— Джонни!

— Это вы, полковник? — Пальцы Джонни продолжали быстро работать.

— Впустите меня.

— Ну нет, полковник, такого уговора не было!

Что бы такое найти, черт возьми, что могло бы послужить длинным рычагом?

— Я войду один, Джонни, даю вам слово. Мы поговорим без свидетелей.

Его слово!

— Мы можем говорить через громкоговоритель, полковник.

Эврика! Вот оно — металлическая линейка, свисающая с полки для инструментов.

— Джонни, я предупреждаю вас! Впустите меня, или я взорву дверь!

Проволоку! Ему нужна проволока, достаточно длинная и крепкая. Он сорвал со своего скафандра антенну.

— Вы этого не сделаете, полковник. Это разрушит бомбы.

— Вакуум не повредит бомбам. Не морочьте голову.

— Лучше посоветуйтесь с майором Морганом. Вакуум не повредит им, но мгновенное снижение давления в результате взрыва разрушит все цепи.

Полковник не был специалистом по бомбам, он затих на несколько минут. Джонни продолжал работать.

Наконец Тауэрс заговорил:

— Далквист, это была наглая ложь. Я проверил у майора Моргана. Даю вам шестьдесят секунд, чтобы вы надели скафандр, если он снят. Я намерен взорвать дверь.

— Нет, вы этого не сделаете! — крикнул Джонни.— Вы когда-нибудь слышали об управлении «мертвой рукой»?

Теперь надо быстро найти противовес и ремень!

— Что вы имеете в виду?

— Я приспособил номер семнадцать, чтобы взорвать вручную. Но я устроил так, что бомба не взорвется, пока я держусь за ремень. Если же со мной что-нибудь случится, все взлетит в воздух! Вы находитесь примерно в пятидесяти футах от центра взрыва. Подумайте об этом!

На миг наступила тишина.

— Я вам не верю!

— Нет? Спросите Моргана. Он поверит. Он может проверить это на телевизионном экране.— Джонни привязал пояс от своего комбинезона к концу линейки.

— Вы сказали, что ваша телекамера испорчена.

— Я соврал. Теперь я докажу вам это. Пусть меня вызовет Морган.

Вскоре на экране появилось лицо майора Моргана.

— Лейтенант Далквист?

— Эй, Вонючка! Подожди секунду!

С большой осторожностью Далквист сделал последнее соединение, продолжая держать в руке линейку. Все так же осторожно он скользнул рукой по ремню и, зажав в руке его конец, сел на пол, вытянул руку и включил телевизионный экран.

— Ты меня видишь, Вонючка?

— Вижу,— ответил Морган сухо.— Что это за вздор?

— Маленький сюрприз, который я вам приготовил.

Джонни начал объяснять все: какие цепи он выключил, какие закоротил, как он временно приспособил механическое сцепление,— все в точности, как было на самом деле. Морган кивнул.

— Это блеф, Далквист. Я уверен, что ты не разъединил цепь «К». У тебя не хватит духу взорвать себя.

Джонни коротко рассмеялся.

— Разумеется, нет. Но в этом вся прелесть. Я не могу взлететь, *пока я жив*. Если ваш грязный босс, экс-полковник Тауэрс,

взорвет дверь, я буду мертв, и бомба взорвется. Мне будет уже все равно, но ему — нет. Скажи это Тауэрсу.

Он выключил передатчик. Вскоре Тауэрс снова заговорил через громкоговоритель:

— Далквист?

— Я вас слушаю.

— Вам нет никакой надобности губить свою жизнь. Выходите, и вы получите отставку с сохранением полного жалованья. Вы сможете вернуться к вашей семье. Обещаю вам.

Джонни был взбешен.

— Оставьте мою семью в покое!

— Подумайте о них, Далквист.

— Замолчите. Идите назад в вашу дыру. Мне хочется почесаться! И может случиться так, что вся эта лавочка обрушится вам на голову!

2

Джонни вздрогнул и выпрямился. Хоть он и задремал, его рука не отпустила ремень: у него мурашки пробежали по спине, когда он подумал о том, что могло произойти.

Может быть, ему следует обезвредить бомбу и положиться на то, что они не посмеют его вытащить? Но шея изменника Тауэрса уже в петле, он способен рискнуть. Если бы он это сделал, а семнадцатая была обезврежена, Джонни был бы мертв и Тауэрс завладел бы всеми бомбами. Нет, он уже зашел слишком далеко и ради нескольких минут сна не допустит, чтобы его девочка выросла при военной диктатуре.

Он услышал потрескивание гейгеровского счетчика и вспомнил, что использовал ограничительный контур. Радиоактивность в помещении, наверное, все увеличивается, может быть, еще от того, что разбиты «мозговые» цепи — ведь приборы, несомненно, радиоактивны: они достаточно долго пробыли близко к плутонию. Он вынул из кармана контрольную пленку.

Темная зона распространилась в сторону красной черты.

Джонни сунул пленку обратно. «Лучше найди выход из тупика, приятель,— сказал он себе,— или будешь светиться, как

циферблат часов на ночном столике!» Это была чистая риторика — зараженная живая ткань не светится, она просто медленно умирает.

Телевизионный экран снова зажегся, появилось лицо Тауэрса.

— Далквист? Я хочу поговорить с вами.

— Проваливайте!

— Надо признать, вы поставили нас в неприятное положение.

— Неприятное? Черт, я заставил вас остановиться.

— На время. Я принимаю меры, чтобы достать другие бомбы.

— Вы лжец!

— Но вы нас задерживаете. Я хочу сделать вам предложение.

— Оно меня не интересует.

— Погодите. Когда все это кончится, я буду главой Всемирного правительства. Если вы станете сотрудничать со мной, даже теперь, после всего, что вы натворили, я сделаю вас главой администрации.

Джонни грубо посоветовал Тауэрсу, что ему следует сделать со своим предложением.

— Не будьте идиотом,— прошипел Тауэрс,— что вы выиграете, если умрете?

— Какой же вы негодяй, Тауэрс! Вы говорили о моей семье. Уж пусть лучше они умрут, чем будут жить под властью такого копеечного Наполеона, как вы. Ну а теперь убирайтесь — мне надо кое о чем подумать.

Тауэрс выключил телепередатчик. Джонни снова достал свою пленку. Затемненная часть как будто не увеличилась, но настойчиво напоминала, что пора уходить. Он испытывал голод и жажду — и не мог же он вечно оставаться без сна! Четыре дня потребуется, чтобы прислать корабль с Земли, раньше этого ему нечего ожидать спасения. А он не проживет четырех дней: как только затемнение распространится за красную черту, наступит смерть.

Его единственный шанс — разрушить бомбы настолько, что их нельзя будет восстановить, и выбраться отсюда до того, как пленка затемнится еще сильнее.

Он прикинул, как это сделать, затем взялся за работу. Повесил груз на ремень, привязал к нему шнур. Если Тауэрс взорвет дверь, он дернет ремень, прежде чем умереть.

Существовал простой, хотя и опасный способ уничтожить бомбы настолько, что Лунная База не сможет их восстановить.

Сердцевину бомбы составляли два полушария из плутония, их плоская поверхность была гладко отполирована, чтобы сделать возможным полное соприкосновение: только в таком случае может быть вызвана цепная реакция, от которой зависит атомный взрыв.

Джонни начал разбивать первую бомбу на части.

Ему пришлось отбить четыре массивных выступа, затем расколоть стеклянную оболочку вокруг внутренней аппаратуры. После этого бомба легко распалась. Наконец перед ним лежали два блестящих, гладких как зеркало полушария.

Удар молотком — и одно из них перестало быть столь совершенным... Еще удар, и второе полушарие треснуло, как стекло.

Несколько часов спустя Джонни, смертельно усталый, вернулся к подготовленной к взрыву бомбе. Заставляя себя оставаться спокойным, он с чрезвычайной осторожностью обезвредил ее. Вскоре два ее серебристых полушария тоже были приведены в негодность. Теперь в погребе больше не оставалось ни одной исправной бомбы. А вокруг на полу были разбросаны огромные богатства в виде самого ценного, самого ядовитого и самого смертоносного металла из ныне известных.

Джонни посмотрел на эти разрушения.

— Скорей в скафандр и прочь отсюда, малыш! — проговорил он вслух.— Интересно, что теперь скажет Тауэрс?

Он направился к полке, чтобы повесить молоток. Когда он проходил мимо гейгеровского счетчика, тот бешено затрещал. Гейгеровский счетчик вряд ли реагирует на плутоний, но вызванная плутонием радиоактивность на него действует. Джонни посмотрел на молоток, затем поднес его к гейгеровскому счетчику. Счетчик взревел.

Джонни отбросил молоток и поспешил обратно к своему скафандру.

Когда он поравнялся со счетчиком, тот снова бешено затрещал.

Джонни остановился.

Вытянув руку, он приблизил ее к счетчику. Щелканье превратилось в рев. Не двигаясь с места, Джонни сунул руку в карман и вытянул свою пленку.

Она была вся черная, из конца в конец.

3

Губительные частицы, проникая в тело человека, быстро достигают костного мозга. Тут уж ничто не поможет — жертва обречена. Нейтроны, излучаемые плутонием, устремляются сквозь тело, ионизируя ткань, превращая атомы в радиоактивные изотопы, разрушают и умертвляют его. Роковая доза ничтожна мала — массы в десятую часть крупинки столовой соли более чем достаточно, она может проникнуть через ничтожную царапину. Во времена исторического «Манхэттенского проекта» немедленная ампутация рассматривалась как единственно возможный способ оказания первой помощи.

Джонни все это знал, но это уже не тревожило его. Он сидел на полу, курил сигарету и думал. В голове Джонни проносились события его долгой вахты.

Он выпустил струю дыма на счетчик и невесело усмехнулся, услышав, как счетчик ответил усиленным треском. Теперь даже дыхание его было «горячим» — углерод, наверное, превратился в радиоактивный изотоп, углерод 14, и выделяется из его крови как двуокись углерода. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Сдаваться уже не было никакого смысла, да ему и не хотелось доставлять Тауэрсу такое удовольствие — он закончит свою вахту именно здесь. Кроме того, пусть они думают, будто одна бомба готова к взрыву, это помешает им захватить сырье, из которого изготовляются бомбы. Это может в конце концов сыграть решающую роль.

Без удивления он принял тот факт, что не чувствует себя несчастным. Ему было приятно, что он не испытывает более никакой тревоги. Он не ощущал боли и даже не испытывал голода. Физически он чувствовал себя все еще хорошо. В душе его был покой. Но он был мертв — он знал, что уже мертв, хотя еще некоторое время был в состоянии ходить и дышать, видеть и чувствовать.

Джонни не испытывал тоски. Он не был одинок, его окружали друзья: мальчик, затыкающий пальцем отверстие в дамбе; полковник Боуи, слишком обессиленный, чтобы двигаться самому,

но требующий, чтобы его перевезли через линию фронта; умирающий капитан «Чесапика» все с тем же бессмертным вызовом на устах; Роджер Янг, всматривающийся во мрак. Они собрались вокруг него в темном бомбовом погребе.

И, разумеется, тут была Эдит. Она была единственная, чье присутствие он ощущал всегда. Джонни хотелось бы более ясно видеть ее лицо. Она сердится? Или она гордится им и довольна?

Она гордится, хоть и несчастна,— теперь он видит ее лучше и даже чувствует прикосновение ее руки.

Он сидел очень тихо. Сигарета догорала, обжигая кончики его пальцев. Он сделал последнюю затяжку, снова выпустив дым прямо на счетчик, и смял окурок. Это была его последняя сигарета. Он собрал несколько окурков, скрутил еще одну из бумажки, найденной в кармане, осторожно закурил ее и уселся поудобнее, ожидая, когда снова покажется Эдит. Он был счастлив.

Он все еще сидел, прижимаясь к корпусу бомбы; последняя его сигарета лежала погасшая возле него, когда вновь ожил громкоговоритель.

— Джонни? Эй, Джонни! Ты меня слышишь? Это Келли. Все кончено. Прибыл «Лафайет», и Тауэрс пустил себе пулю в лоб. Джонни! *Ответь мне!*

...Когда они отворили наружную дверь, первый из вошедших держал впереди себя на длинном шесте гейгеровский счетчик. Он остановился на пороге и быстро попятился назад.

— Эй, начальник,— позвал он.— Лучше достаньте носилки, а заодно уж — и свинцовый гроб...

«...Четыре дня понадобилось маленькому кораблю и его эскорту, чтобы достигнуть Земли. Четыре дня, в продолжение которых все люди на Земле ожидали его прибытия. В течение девяноста шести часов были отменены все обычные телевизионные программы — вместо них передавалась бесконечная панихида: похоронный марш из «Саула», тема «Валгаллы», «Возвращаемся на родину» и песня Лунного Дозора «Покидаем орбиту».

...Девять кораблей приземлились в ракетном порту Чикаго. Радиоуправляемый трактор-манипулятор вытащил гроб

из маленького корабля; после этого корабль снова заполнили горючим и, выбросив его за пределы Солнечной Системы, взорвали, чтобы он никогда не мог послужить менее возвышенной цели.

...Панихида продолжалась, пока гроб везли в городок в штате Иллинойс, где родился лейтенант Далквист. Там гроб был поставлен на пьедестал, окруженный барьером, переступать который было небезопасно. В карауле была космическая гвардия — *винтовки к ноге, с опущенными головами*. Толпа людей стояла вокруг. А панихида все продолжалась.

...Бесчисленные цветы увяли, и прошло много-много времени до того, пока свинцовый гроб заделали в белый мрамор. Такой вы и видите эту могилу сегодня».

В колонизации Луны участвовали как люди, подверженные клаустрофобии, так и люди, подверженные агорафобии. Хотя лучше было бы назвать их любителями открытого пространства и любителями закрытого пространства, потому что отправляющимся в космос людям лучше не иметь никаких фобий, то есть страхов. Если человека может напугать что-либо, находящееся на планете, внутри нее, либо в пустых пространствах вокруг планет, ему лучше оставаться на матушке-земле. Тот, кто хочет зарабатывать на жизнь в дали от Земли, должен сознательно идти на то, чтобы его заперли в тесном космическом корабле, должен знать, что корабль может стать его гробом, и тем не менее не страшиться открытых пространств космоса. Космонавты — люди, которые *работают* в космосе; пилоты, механики, астронавигаторы и другие — это те, кому нравится иметь вокруг себя несколько миллионов миль пустоты.

С другой стороны, колонисты должны уютно чувствовать себя и внутри планеты, где они, словно кроты, роют свои норы.

Во второй раз оказавшись в Луна-Сити, я направился в обсерваторию Ричардсона, чтобы посмотреть на телескоп и раскопать

© И. Оранский, перевод

какую-нибудь историю, публикация которой покрыла бы мои расходы на отпуск. Я гордо продемонстрировал удостоверение гильдии журналистов, наговорил кучу комплиментов и в результате местный казначей согласился побыть моим гидом. Мы пошли по северному туннелю, который прокладывали к предполагаемому месту установки короноскопа.

Путешествие оказалось скучным — мы ехали на скутере по ничем не примечательному туннелю, останавливались у герметических дверей, проходили сквозь шлюзы, садились на другой скутер и все начиналось заново. Мистер Ноулз разбавлял тишину хвалебными отзывами по поводу строительства.

— Все это временно,— объяснял он.— Когда мы прорoем второй туннель, мы соединим все напрямик, уберем шлюзы, в этом туннеле установим движущуюся дорожку, идущую на север, в другом — дорожку, идущую на юг, и все путешествие будет занимать менее трех минут. Все будет как в Луна-Сити — или на Манхэттене.

— Почему бы не убрать шлюзы сейчас? — поинтересовался я, когда мы проходили через очередной из них — кажется, уже седьмой по счету.— Ведь давление по обе стороны одинаковое.

Ноулз как-то странно взглянул на меня.

— У этой планеты есть одна особенность — надеюсь, вы не станете использовать этот факт для того, чтобы сочинить сенсационную статью?

— Слушайте,— с раздражением ответил я.— Я надежен настолько же, насколько надежен любой писака, но если в этом проекте что-то не так, лучше прямо повернуть назад и забыть о нем раз и навсегда. Цензуру я не люблю.

— Полегче, Джек,— мягко сказал он, в первый раз назвав меня по имени, что я сразу отметил, но тем не менее проигнорировал.— Никто не собирается подвергать цензуре то, что ты напишешь. Мы рады сотрудничать с журналистами, но Луна и так уже пользуется весьма дурной славой — которой она не заслуживает.

Я молчал.

— В любой инженерной работе заложен определенный риск,— настойчиво продолжал он,— и есть свои преимущества. Наши люди не болеют малярией и им не надо пристально смотреть себе

под ноги, чтобы не наступить на гремучую змею. Я покажу тебе цифры, доказывающие, что с учетом всех факторов гораздо безопаснее быть кессонщиком на Луне, чем перебирающим бумажки клерком где-нибудь в Де-Мойне. Например, на Луне люди крайне редко ломают себе кости, поскольку здесь очень низкая гравитация — в то время как в Де-Мойне клерк рискует всякий раз, когда залезает в ванну и вылезает из нее.

— Ну, хорошо,— прервал его я,— место здесь безопасное. Так в чем же секрет?

— Место *действительно* безопасное. Что доказывают статистические выкладки, причем сделанные не нашей компанией и не торговой палатой Луна-Сити, а лондонской страховой компанией «Ллойдс».

— И тем не менее здесь есть никому ненужные шлюзы. Зачем?

Он помялся и затем произнес:

— Колебания почвы.

Колебания почвы. Землетрясения — в смысле, лунотрясения. Я посмотрел на проносящиеся мимо стены и мне очень захотелось в Де-Мойн. Кому охота оказаться похороненным заживо, но если это произойдет на Луне, у вас не будет ни единого шанса выжить. Неважно даже, насколько быстро доберутся до вас спасатели — ваши легкие к тому моменту просто-напросто разорвутся. Воздуха-то здесь нет.

— Это случается не так уж часто,— продолжал Ноулз,— но мы должны быть готовы ко всему. Ты ведь знаешь, что масса Земли в восемьдесят раз превышает массу Луны, и приливной эффект здесь в восемьдесят раз превышает возникающий под воздействием Луны приливной эффект на Земле.

— Подождите-ка,— остановил я его.— На Луне нет воды. Так причем здесь приливы?

— Для возникновения приливного напряжения вода совсем не обязательна. Не думай об этом — просто прими все как есть. В результате мы получаем неуравновешенное напряжение. Которое может вызвать колебания почвы.

— Понятно,— кивнул я.— Раз на Луне все должно быть загерметизировано, вам приходится опасаться колебаний почвы. А шлюзы ограничат число человеческих жертв.

И я начал представлять себя в качестве такой жертвы.

— И да, и нет. Шлюзы сыграют большую роль в том случае, если что-нибудь произойдет — но пока ничего не происходило, и это место вполне безопасно. Поначалу они давали нам возможность вести работы при нулевом давлении в какой-нибудь из секций туннеля, не трогая остальные. Но вдобавок ко всему каждый шлюз — это временное гибкое соединение. Конструкции небольших размеров можно соединять жестко, и они выдержат колебания почвы, но для туннеля это не подходит, начнутся утечки. На Луне сложно создать эластичную перемычку.

— А почему нельзя использовать резину? — настойчиво спросил я. Я несколько нервничал и потому был склонен поспорить.— Дома у меня есть обычный автомобиль, на счетчике которого двести тысяч миль, но я ни разу не менял шин с тех пор, как их загерметизировали в Детройте.

Ноулз вздохнул.

— Мне следовало прихватить с собой одного из наших инженеров, Джек. Летучие вещества, благодаря которым резина сохраняет мягкость, в вакууме выкипают, и резина становится жесткой. То же самое происходит и с эластичными пластмассами. При низкой температуре они становятся хрупкими, как яичная скорлупа.

Пока Ноулз говорил, скутер остановился, и как только мы из него вышли, то столкнулись с шестью мужчинами, появившимися из соседнего шлюза. Одеты они были в скафандры — точнее, специальные герметические костюмы, потому что вместо кислородных баллонов у них были дыхательные шланги, а солнечные фильтры отсутствовали. Шлемы были откинуты назад, головы просунуты сквозь расстегнутую спереди молнию, и возникало странное впечатление, словно у них по две головы.

— Эй, Конски,— окликнул одного из них Ноулз.

Тот повернулся. Росту в нем было сантиметров сто девяносто, но даже для своих габаритов весил он слишком много. Я прикинул, если брать по земным меркам, получалось что-то под сто пятьдесят килограммов.

— А, мистер Ноулз,— обрадовался он.— Неужели вы хотите сообщить мне о повышении зарплаты?

— Ты и так зарабатываешь слишком много, Конски. Познакомься, это Джек Арнольд. Джек, это Толстяк Конски — лучший кессонщик на четырех планетах.

— Только на четырех? — поинтересовался Конски.

Он высунул из костюма правую руку и обхватил ей мою. Я сказал, что рад с ним познакомиться, и попробовал вернуть свою руку обратно, пока он не успел ее изуродовать.

— Джек Арнольд хочет посмотреть, как вы герметизируете туннели,— продолжал Ноулз.— Пойдешь с нами.

Конски начал разглядывать потолок.

— Вообще-то, мистер Ноулз, я только что закончил смену.

— Толстяк, ты настоящий стяжатель и вообще негостеприимный человек,— ответил Ноулз.— Ну, ладно — полуторная ставка.

Конски повернулся и начал разгерметизировать дверь.

Открывшийся за дверью туннель очень напоминал предыдущий, только в нем не было рельсов для скутера и постоянного освещения — с потолка свисали закрепленные на проводах лампы. А метров через триста-четыреста мы увидели перегородку и в ней круглую дверь.

— Это передвижная перемычка,— объяснил толстяк, перехватив мой взгляд.— За ней воздуха нет, все работы ведутся здесь.

— Могу я посмотреть, что вы там делаете?

— Сначала надо будет вернуться назад и взять для вас костюм.

Я покачал головой. По туннелю плавали штук десять похожих на пузыри объектов, по размерам и внешнему виду напоминающих надувные шары. Казалось, пузыри вытесняют из атмосферы ровно свой собственный вес — они спокойно плавали, не опускаясь и не поднимаясь. Конски ударил по шару, оказавшемуся у него на пути, и ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать.

— Сегодня в эту часть туннеля нагнетали давление,— объяснил он.— А эти шарики предназначены для обнаружения отдельных утечек. Внутри у них липкая масса. Они присасываются к месту утечки, лопаются, липкая масса засасывается внутрь, замерзает и запечатывает дыру.

— И больше никакой работы не требуется? — поинтересовался я.

— Вы что, шутите? Они просто показывают место, где надо поработать сварочным аппаратом.

— Покажи ему гибкое соединение,— приказал Ноулз.

— Идем.

Мы остановились посреди туннеля, и он показал на кольцо, шедшее по всему диаметру.

— Мы ставим такие через каждые триста пятьдесят метров. Это стеклоткань, покрывающая и соединяющая две стальные секции туннеля. Благодаря этому туннель приобретает некоторую эластичность.

— Стеклоткань? Для герметизации? — не поверил я.

— Стеклоткань не герметизирует, она укрепляет. Здесь десять слоев ткани, между слоями — силиконовая смазка. Со временем она портится снаружи, но лет на пять, а то и больше, покрытия хватает.

Я поинтересовался у Конски, нравится ли ему работа, рассчитывая раздобыть какую-нибудь историю для статьи. Он пожал плечами.

— Все в порядке. Ничего особенного. Давление всего в одну атмосферу. Вот когда я работал под Гудзоном...

— Где тебе платили десятую часть того, что ты получаешь здесь,— вставил Ноулз.

— Мистер Ноулз, вы меня обижаете,— запротестовал Конски.— Дело не в деньгах, дело в творческом подходе. Возьмем для примера Венеру. На Венере платят не меньше, и пошевеливаться там надо будь здоров. Под ногами такая жидкая грязь, что приходится ее замораживать. Там могут работать только настоящие кессонщики. А половина работающих здесь молокососов — обыкновенные шахтеры, и если кто-то из них заболеет кессонной болезнью, остальные просто перепугаются до смерти.

— Лучше расскажи ему, почему ты сбежал с Венеры, Толстяк.

Конски принял гордый вид.

— Осмотрим гибкое соединение, джентльмены? — спросил он.

Мы еще немного побродили вокруг, и я уже готов был возвращаться обратно. Смотреть было особенно не на что, тем более что чем больше я здесь находился, тем меньше это место мне нравилось. Конски возился с дверью шлюза, ведущего в обратном направлении, когда что-то произошло.

Я оказался на четвереньках, вокруг была кромешная тьма. Возможно, я закричал — точно не помню. В ушах стоял звон. Я попытался встать, и, когда у меня это получилось, замер на месте. В та-

кой тьме мне еще не приходилось бывать, вокруг была абсолютная чернота. Я подумал было, уж не ослеп ли. Темноту прорезал луч электрического фонарика, нащупал меня и пошел дальше.

— Что это было? — заорал я.— Что случилось? Это толчок?

— Перестань вопить,— спокойно ответил мне Конски.— Это не толчок, это какой-то взрыв. Мистер Ноулз, с вами все в порядке?

— Надеюсь,— Ноулз с шумом выдохнул воздух.— Что случилось?

— Не знаю. Надо немного осмотреться.

Конски встал на ноги и, тихо посвистывая, начал водить лучом фонарика по туннелю. Фонарь у него был инерционный, который светит, только если все время давишь на рычаг,— поэтому он светил неровно, постоянно помигивая.

— Похоже, все в порядке. О, господи!

Луч фонарика остановился на участке гибкого соединения где-то возле пола. Там уже начали скапливаться шары — три были у цели, к ним подплывали остальные. На наших глазах один из шаров лопнул и превратился в клейкую массу, отмечая место утечки. Щель всосала лопнувший шар и начала шипеть. Тут же подплыл второй, немного покачался на месте и тоже лопнул. На этот раз щели понадобилось больше времени на то, чтобы всосать и проглотить клейкую массу.

Конски передал мне фонарь.

— Поработай немного, парень.

Он высунул из гермокостюма правую руку и поднес ее к щели, где как раз лопнул третий шар.

— Ну как, толстяк? — громко спросил Ноулз.

— А кто его знает. Похоже, что образовалась дыра размером с мой большой палец. И воздух она засасывает со страшной силой.

— Как это могло произойти?

— Понятия не имею. Наверное, что-то пробило туннель снаружи.

— Ты закрыл дыру?

— Да, вроде. Сходите-ка проверьте манометр. Джек, посвети ему.

Ноулз потопал к гермодвери.

— Давление стабильное,— крикнул он оттуда.

— Показания верньера видите?

— Конечно. Плотность воздуха стабильная.

— Каковы размеры утечки?

— Не больше фунта или двух. Какое здесь было давление?

— Как на Земле.

— Значит, мы потеряли один и четыре десятых фунта.

— Что ж, все не так уж плохо. Мистер Ноулз, сразу за дверью в следующей секции есть набор инструментов. Принесите мне заплату третьего размера, можно даже побольше.

— Хорошо.

Мы услышали, как открылась и закрылась со стуком дверь, и снова оказались в полной темноте. По-видимому, я издал какой-то звук, потому что Конски сказал, чтобы я держал нос повыше.

Наконец мы снова услышали, как открывается дверь, и появился благословенный луч света.

— Принесли? — спросил Конски.

— Нет, Толстяк. Нет...— голос Ноулза дрожал.— На той стороне нет воздуха. Та дверь не открывается.

— Может, ее заклинило?

— Нет, я проверил манометр. В следующей секции нет давления.

Конски опять присвистнул.

— Похоже, нам придется подождать, пока за нами не придут. В таком случае... Посветите мне, мистер Ноулз. Джек, помоги снять костюм.

— Что ты задумал?

— Если у меня нет заплатки, мне придется сделать ее самому. Единственная подходящая для этого вещь — костюм.

Я начал ему помогать — это было достаточно нелегко, потому что одной рукой он закрывал дыру.

— Можно засунуть туда мою рубашку,— предложил Ноулз.

— С тем же успехом можно есть суп вилкой. Нет, без костюма тут не обойтись — только он может держать давление.

Сняв костюм, он заставил меня разгладить его на спине, точнее, малость пониже, а затем, как только он убрал руку, я быстро закрыл дыру костюмом, а Конски тут же уселся сверху.

— Ну,— сказал он счастливым голосом,— дыру мы закрыли. А теперь будем сидеть и ждать, ничего другого не остается.

Я хотел спросить его, почему он не уселся на щель прямо в костюме — но затем понял, что та часть костюма, которая находится ниже спины, сморщилась, а для того чтобы закрыть дыру, надо наклеить на оставшуюся от шаров клейкую массу абсолютно гладкую заплату.

— Дай-ка посмотреть твою руку,— потребовал Ноулз.

— Пустяки,— отмахнулся Конски.

Но Ноулз все равно осмотрел ее. Я тоже взглянул и почувствовал себя дурно. На ладони остался след, будто только что наложили клеймо,— сплошная кровоточащая рана. Ноулз из носового платка быстро изготовил повязку, а поверх обмотал моим, накрепко его затянув.

— Спасибо, джентльмены,— поблагодарил Конски и добавил: — Чего зря время терять. Может, сыграем в пинокль?

— Твоими картами? — спросил Ноулз.

— Уж вы скажете, мистер Ноулз! Впрочем, ладно. В любом случае казначею нельзя играть в азартные игры. Кстати о казначеях — мистер Ноулз, надеюсь, вы понимаете, что сейчас я работаю в условиях пониженного давления?

— При разнице всего в фунт с четвертью?

— Я уверен, что в данном случае профсоюз примет это во внимание.

— А если я сяду на дыру?

— Повышенная ставка касается и тех, кто находится рядом.

— Ну ты и жлоб! Ладно — тройная ставка.

— Это больше похоже на такого доброго человека как вы, мистер Ноулз. Надеюсь, что наше долгое ожидание будет приятным.

— Толстяк, как ты думаешь, сколько нам ждать?

— Это не должно занять у них больше часа, даже если им придется идти от обсерватории Ричардсона.

— Хм... А почему ты думаешь, что они нас станут искать?

— Не понял! Разве в вашей конторе не знают где вы?

— Боюсь, нет. Я сказал им, что сегодня уже не появлюсь.

Конски задумался.

— Я не сдал свою карточку. Так что они узнают, что я внутри.

— Если они об этом и узнают, то только завтра, когда твоей карточки не окажется в моей конторе.

— Есть еще этот болван на входе. Он знает, что у него внутри еще трое.

— Если только он не забудет сказать об этом своему сменщику. И если только он сам не попался в ту же ловушку, что и мы.

— Верно,— задумчиво произнес Конски.— Джек, да оставь ты в покое фонарик. Расход воздуха будет меньше.

Мы долго сидели в темноте, вслух обдумывая случившееся. Конски нас убеждал, что это был взрыв, Ноулз сказал, что происшедшее напомнило ему взрыв на взлете грузовой ракеты, который он видел сам. Когда разговор начал стихать, Конски рассказал несколько анекдотов. Я тоже попытался кое-что рассказать, но так нервничал — а попросту говоря, боялся,— что не мог вспомнить концовку. Было так страшно, что хотелось заорать во все горло.

— Джек, займись-ка фонариком,— произнес после долгой паузы Конски.— Я кое-что придумал.

— Что еще? — спросил Ноулз.

— Была бы у нас заплатка, вы могли бы надеть мой костюм и пойти за помощью.

— Но у нас нет кислорода.

— Потому-то я вас и выбрал. Вы здесь самый маленький — и вам вполне хватит воздуха, имеющегося в самом костюме, для того, чтобы пройти через следующую секцию.

— Ну, хорошо. А что ты возьмешь вместо заплаты?

— То, на чем я сижу.

— Что?

— Я имею в виду эту большую круглую штуку, на которой я сижу. Я сниму штаны, прижму одну ягодицу к дыре и гарантирую, что заплата будет герметичной.

— Но... Нет, Толстяк, так дело не пойдет. Посмотри во что превратилась твоя рука. Ты же кровью весь истечешь прежде, чем я вернусь.

— Ставлю два к одному, что нет,— пятьдесят ставите?

— А если я выиграю, то с кого мне получать деньги?

— Вас не проведешь, мистер Ноулз. Глядите, моя жировая прослойка — толщиной пять-шесть сантиметров. Так что особой крови не будет — просто синяк останется.

Ноулз покачал головой.

— Никакой необходимости в этом нет. Если мы будем сидеть спокойно, нам хватит воздуха на несколько дней.

— Да дело не в воздухе, мистер Ноулз. Вы заметили, как здесь похолодало?

Я давно это заметил, просто не придавал значения. В моем состоянии — а мной владели страх и отчаяние — холод казался чем-то вполне естественным. Теперь я начал об этом задумываться. Когда отключился свет, отключилось и отопление. И теперь будет становиться все холоднее, и холоднее... и холоднее...

Мистер Ноулз тоже это заметил.

— Ну, ладно, Толстяк. Давай делать по-твоему.

Я сел на костюм, пока Конски готовился к операции. Он снял с себя штаны, поймал один шар, раздавил его и обмазал клейкой массой правую ягодицу. А затем повернулся ко мне.

— Ну, птенчик — давай, снимайся с гнезда.

Мы быстро поменялись местами, потеряв, несмотря на злобное шипение в дыре, лишь небольшое количество воздуха.

Конски ухмыльнулся:

— Ребята, а здесь удобно как в мягком кресле.

Ноулз поспешно надел костюм и ушел, унеся с собой фонарь. Мы снова остались в темноте.

Через какое-то время Конски нарушил тишину.

— Джек, есть одна игра, в которую можно играть в темноте. Ты в шахматы играешь?

— Ну да, немного.

— Хорошая игра. Я играл в шахматы в декомпрессионных камерах, когда работал под Гудзоном. Может, поставим по двадцатке для интереса?

— Что? А, давай.

Он мог предложить поставить по тысяче — мне было все равно.

— Прекрасно. Королевская пешка на e-3.

— Ага — королевская пешка на e-4.

— А ты консерватор, да? Ты напоминаешь мне одну девицу, с которой я был знаком в Хобокене...

То, что он о ней рассказал, не имело никакого отношения к шахматам, хотя и доказывало, что в определенном смысле она тоже была консерватор.

— Слон f-4. Напомни, чтобы я рассказал тебе о ее сестре. Похоже, она не всегда была рыжей, но ей хотелось, чтобы люди считали, что она такой родилась. И она... Извини, твой ход.

Я начал думать, но голова у меня шла кругом.

— D-2 — d-3.

— Ферзь f-3. Так вот, она...

Он начал подробный рассказ. Я уже слышал однажды эту историю и сомневался, чтобы подобное когда-нибудь с ним происходило, но своим рассказом он меня несколько приободрил. Я даже улыбнулся в темноте.

— Твой ход,— добавил под конец Конски.

— Ох,— я уже не мог вспомнить положение фигур на доске. И решил подготовиться к рокировке, что в начале игры всегда достаточно безопасно.— Конь с-6.

— Ферзь бьет пешку f-7. Шах и мат. С тебя двадцатка, Джек.

— Что? Этого не может быть!

— Давай, повторим ходы,— и он перечислил их один за другим.

Я мысленно провел всю игру заново и только тогда сообразил:

— Ах, черт меня побери! Ты же сделал мне детский мат!

Он захихикал:

— Тебе надо было следить за моим ферзем, а не за этой рыжей из рассказа.

Я громко расхохотался.

— У тебя есть в запасе еще какие-нибудь истории?

— Найдутся.— И Конски рассказал мне еще одну. А когда я попросил его продолжать, сказал: — Думаю, мне надо малость передохнуть, Джек.

Я вскочил с места.

— Все в порядке, Толстяк?

Он не отзывался, и мне пришлось искать его наощупь. Когда я коснулся его лица, оно было холодным, а сам он молчал. Прижав ухо к груди, я услышал слабое сердцебиение, но руки и ноги его были словно изо льда.

Конски примерз к дыре, и я изрядно намучался, прежде чем оттащил его в сторону. Я нащупал корку из льда, хотя понимал, что скорее всего это замерзшая кровь. Я попытался привести его в чувство и тут же принялся растирать, но остановился, услышав доносившееся из дыры шипение. Я сорвал с себя брюки, потом мне пришлось понервничать, прежде чем я отыскал в темноте дыру, а когда я ее нашел — сел, плотно закрыв ее правой ягодицей.

Было ощущение, будто я сел на мощный ледяной насос. Затем тело словно обожгло. А через некоторое время я уже не чувствовал вообще ничего — кроме холода и тупой боли. Где-то вспыхнул свет. Помигал и снова погас. До меня донесся лязг двери. И я что было сил закричал.

— Ноулз! — орал я.— Мистер Ноулз!

Фонарик снова замигал.

— Иду, Джек...

— Вам удалось...— громко зарыдал я.— Вам удалось...

— Нет, Джек. Я не смог пройти следующую секцию. А когда я добрался назад к гермодвери, то потерял сознание.— Он остановился чтобы перевести дыхание.— Там воронка...

Фонарик перестал мигать и ударился о пол.

— Помоги мне, Джек,— странным голосом произнес он.— Разве ты не видишь, что мне нужна помощь? Я пытался...

Я услышал как он споткнулся и упал. Я позвал его, но он не ответил.

Я попытался встать, но мне это не удалось — я застрял как пробка в бутылке...

Я пришел в себя, лежа лицом вниз,— подо мной была чистая простыня.

— Ну как, получше? — спросил кто-то.

Это был Ноулз, одетый в пижаму и стоящий возле моей постели.

— Вы мертвы,— ответил я.

— Ничуть,— усмехнулся он.— Они вовремя добрались до нас.

— Что произошло? — Я смотрел на него, не веря своим глазам.

— Как мы и думали — взрыв ракеты. Беспилотная почтовая ракета потеряла управление и врезалась в туннель.

— А где Толстяк?

— Здесь!

Я повернулся и увидел Толстяка, лежавшего на животе, как и я.

— С тебя двадцатка,— весело сказал он.

— С меня...— я обнаружил, что у меня без всякой причины текут слезы.— Ладно, с меня двадцатка. Но чтобы получить ее, тебе придется приехать за ней в Де-Мойн.

В Резерфорд мы двинулись на другое утро после прибытия на Луну. То есть папе и мистеру Лэтему (мистер Лэтем — служащий треста Харримана, папа на Луну прилетел, чтобы с ним встретиться) — папе и мистеру Лэтему нужно было туда по делу. Я приставал к папе, пока он не пообещал взять меня с собой,— ведь смахивало на то, что это мой единственный шанс выбраться на поверхность Луны. В Луна-Сити, по-моему, подходяще, но ведь его коридоры не отличишь от обыкновенных улиц Нью-Йорка. Разве что в Луна-Сити не идешь, а почти летишь.

Когда папа пришел к нам в номер гостиницы сказать, что скоро ехать, мы с братишкой играли на полу в ножички. Мама прилегла и попросила меня занять шкета, чтобы не мешал. Ее одолевала космическая болезнь с той самой минуты, как мы оторвались от Земли, и она чувствовала себя неважнецки. Шкет баловался с осветительными плафонами: переводил регулятор с «сумерек» до «палящего солнца» и наоборот. Я взял его за шиворот и посадил на пол.

Я-то, конечно, в ножички уже не играю, но на Луне это очень здорово получается. Нож сам парит в воздухе, и с ним можно проделывать все, что угодно. Мы выдумали массу новых правил.

© Г. Усова, перевод

Папа сказал:

— Планы меняются, мои дорогие. Мы сию минуту едем в Резерфорд. Давайте-ка собираться.

Мама сказала:

— Ах, Боже мой, кажется я не могу. Поезжайте вы с Дикки, а мы с Бэбинькой побудем здесь денек и отдохнем.

Бэбинька — это шкет. Я всегда говорил ей, что это неверный подход. Он мне чуть глаз не выколол ножом и начал канючить:

— Куда? Что? И я поеду. Давайте поедем!

Мама сказала:

— Ну, Бэбинька, не огорчай свою дорогую мамочку. Мы с тобой лучше сходим в кино.

Шкет на семь лет младше меня, но уж если нужно от него чего-нибудь добиться, нечего его называть Бэбинькой. Он принялся реветь:

— Ты же говорила, что мне можно поехать!

— Нет, Бэбинька. Я тебе так не говорила. Я...

— Папа говорил, что можно!

— Ричард, разве ты говорил Бэбику, что ему можно ехать?

— Да нет же, дорогая, я этого не помню. Возможно я...

Шкет завелся еще сильней:

— Вы говорили, что мне можно туда же, куда и Дикки. Вы мне обещали, вы мне обещали, вы мне обещали...

Приходится иногда отдавать шкету должное: он таки заставил их нудно и без толку выяснять, кто ему что обещал. Короче говоря, минут через двадцать мы все вчетвером вместе с мистером Лэтемом были уже на ракетодроме и садились в резерфордский «шаттл».

Дорога отнимает всего-то минут двадцать, ничего толком и не увидишь, разве краешек Земли, когда «шаттл» еще неподалеку от Луна-Сити, а потом и этого не видать, пока на обратной стороне Луны не покажутся атомные заводы. В «шаттле» было человек десять туристов, и почти все они начали страдать космической болезнью, как только мы вышли в свободный полет. И мама тоже. Некоторые никогда так и не могут привыкнуть к «шаттлам».

Но стоило нам прилуниться и оказаться внутри, «под землей», как маме сразу же полегчало. В Резерфорде все не так, как

в Луна-Сити: там нет туннеля, который подходит к самому кораблю. Вместо этого на поверхность посылают специальную герметично закрытую машину, которая стыкуется прямо со шлюзом ракеты, потом в этой машине проезжаешь около мили назад, ко входу в подземелье. Мне это понравилось, и шкету тоже. Папе нужно было ехать по делу с мистером Лэтемом, а маму, шкета и меня он решил оставить с группой туристов, которая отправлялась осматривать лаборатории.

Там было довольно интересно, но ничего такого, чтобы поднимать из-за этого шум. Я убедился, что все атомные заводы на один лад. Резерфорд вполне мог бы сойти за какой-нибудь крупный завод в окрестностях Чикаго. То есть я хочу сказать, что все хоть сколько-нибудь стоящее бывает прикрыто футлярами и щитками и не подлежит осмотру. Разрешают смотреть только на всякие циферблаты и доски с приборами, да на персонал, который за ними наблюдает. Устройство дистанционного управления такое же, как на заводе в Окридже. Гид кое-что рассказывает об идущих экспериментах, да несколько роликов после показывают — вот и все.

Наш гид мне понравился. Похож на Тома Джерема из фильма «Армия космоса». Я спросил, не космонавт ли он, а он поглядел на меня насмешливо и сказал, что нет, он просто рядовой Колониальной Службы. Потом он спросил, где я учусь и состою ли скаутом. Он сам когда-то был командиром Скаутов Первого отряда, Резерфорд-Сити, Лунный патруль.

Похоже, там только один патруль и есть — не так уж много на Луне скаутов, я полагаю.

Папа и мистер Лэтем подошли как раз тогда, когда мы заканчивали экскурсию и мистер Перрин — это наш гид — объявлял о прогулке на поверхность.

— В экскурсионный маршрут по Резерфорду,— вещал он голосом диктора,— входит прогулка в космическом скафандре на поверхность Луны — без дополнительной оплаты. Вы осмотрите Дьявольское Кладбище и место Великой Катастрофы 1984 года. Прогулка не включена в обязательную программу маршрута. Опасности практически нет, у нас еще ни с кем ничего не случалось, но Компания требует от всех желающих пойти расписаться в том, что всю ответственность за свою безопасность они берут

на себя. Прогулка продолжается около часа. Кто хочет остаться, может пока посмотреть кино или перекусить в кафе.

Папа потер руки:

— Вот это для меня,— сказал он.— Мистер Лэтем, как мы вовремя! Ни за что на свете не хотел бы ее пропустить.

— Вам понравится,— согласился мистер Лэтем.— И вам тоже, миссис Логан. Мне самому очень хотелось бы пойти.

— Так за чем же дело стало? — спросил папа.

— Нет, я хочу к вашему возвращению подготовить документы, чтобы вы и директор подписали их до вашего отлета из Луна-Сити.

— Ну зачем же так загонять себя? — убеждал папа.— Уж если нельзя положиться на слово человека, что толку от подписанного контракта? Вы можете выслать мне эти бумаги в Нью-Йорк почтой.

Мистер Лэтем покачал головой:

— Дело не только в этом. Я ведь был на поверхности десятки раз. Но я вас провожу и помогу надеть скафандры.

Мама сказала:

— О, Боже!

Ей кажется, лучше бы не ходить, для нее совершенно невыносимо сознавать, что она заточена в скафандре, кроме того, палящее солнце всегда вызывает у нее головную боль.

Папа сказал:

— Не говори глупости, милочка, такой случай бывает один-единственный раз в жизни.

Мистер Лэтем объяснил ей, что в шлеме имеются фильтры, которые защищают от палящего солнца. Мама всегда сначала возражает, потом уступает. Я считаю, что у женщин нет никакой силы характера. Еще позавчера вечером — то есть, я хочу сказать, что по-земному был вечер, а не в Луна-Сити,— она купила себе классный лунный костюм, чтобы выходить в нем к обеду в зал со смотровой площадкой, откуда можно наблюдать Землю прямо не выходя из отеля. Но после она застеснялась и пожаловалась папе, что слишком толстая для такой одежды. Еще бы, когда со всех сторон одно только неприкрытое тело. Папа сказал:

— Чепуха, милочка, ты выглядишь восхитительно.

И она надела костюм и прекрасно провела время, особенно когда какой-то пилот пытался за ней приударить.

Вот и на этот раз было также. Она пошла. Нас провели в комнату, где надевали сафандры, и я все разглядел, пока мистер Перрин по очереди пропускал туда всю компанию и давал расписываться. В дальнем конце этой комнаты был ведущий в шлюз люк, а в нем довольно большой глазок. В глазок был виден еще один люк, а в нем — такой же глазок. Можно было посмотреть через два эти глазка и увидеть поверхность Луны, которая казалась горячей, яркой и какой-то неправдоподобной, несмотря на мутно-желтые стекла. А наверху висел двойной ряд скафандров, похожий на пустые оболочки от людей. Я шнырял везде, пока мистер Перрин не подошел к нам.

— Можно договориться с хозяйкой кафе, чтобы она присмотрела за малышом,— сказал он маме, наклонился и взъерошил шкету волосы. Шкет попытался укусить его, и он поспешил убрать руку.

— Спасибо, мистер Перкинс,— сказала мама,— думаю, что так будет лучше всего — хотя мне, наверно, лучше остаться с ним.

— Моя фамилия Перрин,— спокойно поправил тот.— Такой необходимости нет. Хозяйка как следует за ним присмотрит.

Почему это взрослые говорят при детях так, будто те ни слова не понимают по-английски? Будто его не могли просто спихнуть в это кафе. А теперь шкет понял, что его хотят провести. Он воинственно огляделся.

— Я тоже пойду,— громогласно заявил он.— Вы мне обещали.

— Нет, Бэбинька,— *мама попробовала его унять.— Твоя* дорогая мамочка вовсе не говорила тебе...

Еще бы, говорила она только себе: шкет пустил в ход звуковые эффекты.

— Вы мне говорили, что я могу ходить туда же, куда и Дикки, вы мне обещали, когда я болел. Вы мне обещали, вы мне обещали...— затянул он, при этом голос его с каждой секундой делался все выше и громче.

Мистер Перрин вроде бы растерялся. Мама сказала:

— Ричард, попробуй-ка успокоить своего ребенка. В конце концов, это же ты ему обещал...

— Я, милочка? — удивился папа.— Да я вообще тут никакой проблемы не вижу. Положим, мы ему даже и обещали, что позволим делать все, что делает Дикки,— так возьмем его с собой, да и все.

Мистер Перрин прочистил горло:

— Боюсь, что нет. Вашего старшего я могу отправить в женском скафандре, он для своих лет довольно высокий. Но у нас нет костюмов для маленьких детей.

Ну, тут уж у нас все окончательно запуталось. Шкет всегда может заставить маму бегать вокруг него кругами, а мама то же самое проделывает с папой. Папа сразу багровеет и начинает сваливать все на меня. Получатся вроде цепной реакции, которая заканчивается на мне — дальше ее некому передать. Они приняли очень простое решение: я должен остаться и присматривать за этим шкетом!

— Папа, но ведь ты же говорил...— начал я.

— Мало ли что я говорил. Я не хочу семейных скандалов при людях. Ты уже слышал, что тебе сказала мама.

Я был в отчаянии.

— Слушай, папа,— я старательно произносил слова потише,— если я вернусь на Землю, так ни разу и не надев скафандра и не высунув носа на поверхность, придется тебе искать для меня другую школу. Не вернусь я больше в Лоренсвилл — меня же все засмеют!

— Мы об этом поговорим, когда вернемся домой.

— Нет, папа, ты же дал честное благородное слово...

— Хватит, молодой человек. Вопрос закрыт.

Мистер Лэтем стоял рядом, внимательно слушая, но рта не раскрывал. При этих словах он приподнял бровь и очень спокойно сказал папе:

— Как, Р. Дж., а я-то думал, что ваше слово — ваш вексель!

Предполагалось, что я ничего не слышу, да и все остальные тоже, и прекрасно, потому что не стоит, чтобы папа знал, что кто-то знает, что он не прав. От этого с ним еще тяжелее иметь дело. Я поспешно переменил тему:

— Слушай, папа, может, мы все сможем пойти? Вон, что это там за скафандр? — и показал на вешалку внутри какой-то загородки.

На загородке висел замок. На вешалке болталось десятка два скафандров, а на дальнем ее конце я заметил совсем маленький скафандр — его ботинки едва доставали до пояса соседнего.

— Ага,— просиял папа,— это как раз то, что нужно! Мистер Перрин! А, мистер Перрин? На минуточку! Я-то понял так, что у

вас вообще нет маленьких скафандров, а тут висит как раз такой, который будет впору!

Папа уже возился с замком на перегородке. Мистер Перрин его остановил:

— Этот скафандр брать нельзя.

— Да? Это почему?

— Все скафандры за этой перегородкой — частная собственность, они напрокат не выдаются.

— Что? Чушь какая — Резерфорд же общественное предприятие. А мне нужен скафандр для моего ребенка...

— Но он не выдается.

— Я поговорю с директором.

— Думаю, что придется. Этот скафандр изготовлен по специальному заказу для его дочери.

Они так и сделали. Мистер Лэтем поймал директора на линии. Папа поговорил с ним, потом директор поговорил с мистером Перрином; потом опять с папой. Директор не возражал одолжить скафандр, тем более папе, но не хотел приказывать мистеру Перрину брать на поверхность ребенка.

Мистер Перрин не поддавался, и я его не осуждал, но папа потихоньку успокоил его и уговорил, и в конце концов мы все влезли в скафандры, проверили давление и кислородное снабжение, настроили портативные передатчики. Мистер Перрин устроил перекличку по радио и напомнил, что мы все на одной волне, поэтому лучше предоставлять ему большую часть переговоров и не отпускать вслух посторонние замечания, потому что это будет мешать всем слушать. Потом мы остановились у шлюзовой камеры, и он предупредил, чтобы мы держались все вместе и не пробовали, как быстро можно бегать и как высоко прыгать. У меня прямо сердце из груди выскакивало.

Наружная дверь открылась, и мы гуськом вышли прямо на поверхность Луны. Это было так же здорово, как я представлял в мечтах, но я так сильно волновался, что плохо соображал в ту минуту. Солнце сверкало так ослепительно ярко — ничего ярче я в жизни не видел, а тени были такие чернильно-черные, что в них с трудом можно было что-нибудь разобрать. Слышно ничего не было, кроме голосов по радио, но их можно было выключить.

Мягкая пыль, как дым, обволакивала ноги и медленно оседала вниз. Больше не двигалось ничего. Это было самое безжизненное пространство, какое только можно себе представить.

Держась тесной группой, мы не сходили с тропинки, только мне пришлось дважды бегать за шкетом, когда он обнаружил, что может прыгнуть на двадцать футов. Я хотел было его отшлепать, но вы пробовали когда-нибудь отшлепать человека в скафандре? Это бесполезно.

Мистер Перрин велел всем остановиться и начал:

— Мы находимся на Дьявольском Кладбище. Каменные пики-близнецы позади нас поднимаются на пять тысяч футов над поверхностью. На них никто еще не поднимался. Эти пики, или монументы, названы в честь апокрифических или мифологических персонажей, потому что фантастический пейзаж напоминает гигантское кладбище. Вельзевул, Тор, Шива, Каин, Сет...— он водил указкой вокруг.— Селенологи расходятся в объяснении этих странных образований. Некоторые утверждают, что на них заметно воздействие воздуха или воды, а не только вулканической деятельности. Если так, эти пики простояли здесь немыслимо долгий период, потому что в настоящее время, как видите, Луна...

Об этом можно было и в «Космическом журнале» почитать, только большая разница, скажу я вам, когда своими глазами видишь. Эти пики напомнили мне скалы в Саду Богов в Колорадо-Спрингс, куда мы ездили прошлым летом, только здешние были гораздо выше и вместо синего неба над головой была сплошная чернота и холодные резкие звезды. Довольно жутко!

С нами был еще один рядовой Колониальной Службы с фотоаппаратом. Мистер Перрин еще что-то пытался сказать, но тут шкет завопил, и мне пришлось отключить его радиосвязь, пока никто не услышал. Так я и держал ее выключенной, пока мистер Перрин не закончил. Он велел нам выстроиться для снимка на фоне пиков и черного неба.

— Наклоните голову к стеклу шлемов, чтобы было видно лицо. Так — великолепно. Давай,— скомандовал он, и солдат щелкнул фотоаппаратом.— Карточки будут готовы, когда вернемся, десять долларов штука.

Я задумался. Одна карточка мне нужна, чтобы повесить у себя в комнате в школе, еще одна, чтобы подарить — не важно, кому.

Словом, нужна еще одна. У меня оставалось еще восемнадцать долларов из денег, подаренных на день рождения, остальные можно выпросить у мамы. Так что я заказал две.

Подъем был долгим, и вот мы таращились на кратер, на роковой кратер — все, что осталось от первой лаборатории. Он простирался далеко, миль за двадцать, поверхность его была покрыта блестящим пузырчатым стеклом, а не пылью. На постаменте я прочитал:

ЗДЕСЬ, РЯДОМ С ВАМИ, ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ
Курта Шаффера,
Мориса Файнштейна,
Томаса Дули,
Хейзл Хайакава,
Дж. Вашингтона Слэппи,
Сэма Хьюстона Адамса.
ОНИ ПОГИБЛИ В БОРЬБЕ ЗА ЗНАНИЕ,
КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ.
В одиннадцатый день августа 1984.

Это было потрясающе. Я отступил назад и начал слушать мистера Перрина. Папа и некоторые другие задавали ему вопросы.

— Точно не известно,— говорил он.— Ничего не осталось. Теперь-то все показания приборов немедленно передаются в Луна-Сити, но ведь это случилось еще до установки линии дальней связи.

— А что было бы,— спросил кто-то,— если бы этот взрыв произошел на Земле?

— Не хочу даже пытаться вам отвечать, но поэтому лабораторию и устроили здесь, на обратной стороны Луны.— Он поглядел на часы.— Пора возвращаться.

Все заторопились назад, пробираясь вниз к тропинке, когда мама воскликнула:

— Бэбинька! Где же Бэбинька?

Я вздрогнул, но пока еще не перепугался. Шкет всегда где-нибудь болтается, то тут, то там, но далеко не уходит, ему ведь всегда нужно, чтобы кто-нибудь выслушивал его болтовню.

Папа обнял маму одной рукой, другой он делал мне знаки.

— Дик,— рявкнул он, и голос его резко щелкнул в моих наушниках,— ты куда девал своего брата?

— Я? — откликнулся я.— Нечего на меня сваливать, я его в последний раз видел, когда мама вела его сюда за руку.

— Не ври, Дик. Мама присела отдохнуть, когда мы пришли сюда, и прислала его к тебе.

— Если даже и так, он здесь не показывался.

Тут уж мама зарыдала по-настоящему. Все, конечно, слушали, больше ничего не оставалось: ведь мы были на одной волне. Мистер Перрин подошел и выключил мамин микрофон. Сразу сделалось тихо.

— Успокойте свою жену, мистер Логан,— приказал он, потом добавил: — Когда вы в последний раз видели ребенка?

Папа ничем не мог помочь; как только они пытались снова подключить маму, приходилось тут же отключать ее. Помочь она ничем не могла, только нас заглушала. Мистер Перрин обратился к остальным:

— Видел кто-нибудь маленького мальчика, который был с нами? Не отвечайте, если вам нечего сообщить. Кто-нибудь видел, как он уходил?

Никто не видел. Я сообразил, что он, наверное, убежал, пока все, повернувшись к нему спиной, разглядывали кратер. Я сказал об этом мистеру Перрину.

— Похоже на то,— согласился он.— Внимание все! Я постараюсь разыскать ребенка. Оставайтесь там, где вы находитесь. Не двигайтесь отсюда никуда. Я отлучусь минут на десять.

— Почему бы всем не пойти на поиски? — поинтересовался кто-то.

— Потому что,— сказал мистер Перрин,— пока у меня потерялся только один человек. Я не хочу, чтобы их было десять.

И он исчез огромными прыжками, каждый из которых покрывал футов пятьдесят.

Папа хотел было броситься за ним, но передумал, потому что мама внезапно пошатнулась, упала на колени и медленно осела на землю. Все разом заговорили. Какой-то идиот хотел снять с нее шлем, но папа ведь не сумасшедший. Я отключил радиосвязь,

чтобы подумать самому, и начал осматриваться, не отходя от толпы, стоя у края кратера и пытаясь рассмотреть все, что было видно.

Я проделал глазами весь путь, который мы прошли. Глядеть на кратер было абсолютно ни к чему: если бы шкет был там, его было бы видно, как муху на тарелке. Другое дело — за пределами кратера: за несколько метров от нас можно было спрятать целый полк, скалы громоздились вдоль всего пути. Огромные, как дома, валуны с дырами, нагромождения камней, ущелья — сплошная каша. Время от времени виден был мистер Перрин, который рыскал кругом, точно собака, выслеживающая кролика, и подолгу возился на одном месте. Он почти что летал. Когда ему попадался крупный валун, он перепрыгивал через него и в прыжке наклонял голову, чтобы лучше видеть.

Потом он снова устремился к нам, и я опять включил радиосвязь. Все продолжали наперебой разговаривать. Кто-то говорил:

— Надо его найти до захода солнца.

Кто-то другой ответил:

— Глупости какие, солнце не зайдет еще неделю. Дело в запасе воздуха, говорю я вам. Эти скафандры только на четыре часа.

Первый голос сказал:

— О! — потом тихо добавил: — Как рыба, вытащенная из воды...

Вот тогда я перепугался.

Чей-то голос произнес, задыхаясь:

— Бедный, бедный малыш! Надо его найти, пока он не задохнулся.

Тут резко вмешался голос моего папы:

— Перестаньте!

Я услышал чье-то рыдание. Может быть, мамино.

Мистер Перрин подошел к нам почти вплотную и заговорил:

— Всем замолчать! Мне надо вызвать базу,— и произнес решительным голосом: — Перрин вызывает контрольный пост, Перрин вызывает контрольный пост.

Ответил женский голос:

— Говорите, Перрин.

Он рассказал о случившемся и добавил:

— Вышлите Смита забрать эту группу, я остаюсь. Мне нужны все солдаты, которые есть поблизости, и добровольцы из чис-

ла опытных сотрудников Колониальной Службы. С первой же партией пришлите радиопеленгатор.

Долго ждать не пришлось. Они стаей налетели на нас, точно кузнечики, наверное, они делали миль сорок-пятьдесят в час. Было бы на что посмотреть, если бы мне не было так тошно. Папа попробовал было поспорить, чтобы его не отправляли на базу с остальными туристами, но мистер Перрин оборвал его:

— Если бы не ваше упрямство, мы не попали бы в эту переделку. Следили бы как следует за своим ребенком, он не заблудился бы. У меня тоже дети есть, но я их не таскаю на Луну, пока они еще маленькие и не могут сами о себе позаботиться. Так что идите со всеми — не могу я еще и вас на себя брать.

Я думал, папа бросится на него с кулаками,— и он бы так и сделал, если бы мама снова не потеряла сознание. Мы ушли вместе с группой.

Следующие два часа был сплошной кошмар. Нас посадили рядом с пунктом управления, и мы могли слышать через громкоговоритель, как мистер Перрин командует поисками. Сначала я думал, что они наткнутся на шкета сразу же, как начнут применять радиопеленгатор: даже если шкет не подавал голоса, можно было бы поймать треск его передатчика. Но с этим не получилось. Так ничего и не было слышно. И люди, которые отправились на поиски, тоже ничего не обнаружили.

Хуже всего было, что папа и мама даже не пытались ругать меня. Мама тихонько плакала, а папа утешал ее и поглядывал на меня с каким-то странным выражением. Я понял, что он меня просто не видит. Но догадался, о чем он думает: если бы я не настаивал на прогулке на поверхность, ничего бы не случилось. Я сказал:

— Да не смотри ты на меня так, папа. Никто ведь мне не поручал за ним следить. Я думал — он с мамой.

Папа ничего не ответил, только головой покачал. Похоже было, что он здорово устал, весь даже как-то съежился. А мама, вместо того, чтобы обвинять меня и кричать, перестала плакать, и ей удалось через силу мне улыбнуться.

— Поди сюда, Дикки,— сказала она и обняла меня свободной рукой.— Никто тебя не винит, Дикки. Что бы ни случилось, ты не виноват, Дикки. Помни об этом.

И я позволил ей меня поцеловать, а потом ненадолго присел рядом с ними, но мне было еще хуже, чем прежде. Я все думал про шкета — как он и что с ним, кислород-то ведь у него кончается. Может и не по моей вине, но я знал, что мог этого не допустить.

Не надо было мне полагаться на маму и надеяться, что она за ним присмотрит, не умеет она этого как следует. Она из тех людей, которые собственную голову могли бы потерять, если бы она не была как следует привинчена — для украшения. Мама, понимаете ли, хорошая, но страшно непрактичная.

Она бы страшно переживала, если бы шкет не нашелся. И папа, да и я тоже. Шкет всегда ужасно мешает, но чего-то стало не хватать, когда он перестал болтаться под ногами. Я вспомнил слова: «Как рыба, вытащенная из воды...». Как-то я нечаянно опрокинул аквариум — и вспомнил теперь, как эти рыбы выглядели. Довольно неприглядно. Если шкет умрет такой смертью...

Я взял себя в руки и решил, что лучше придумать, как бы его найти. Через какое-то время я понял, что *могу* найти его, если бы только они пустили меня туда. Но меня, конечно бы, не пустили.

Снова появился доктор Эванс, директор,— он нас встречал, когда мы только подошли,— и спросил, не может ли он что-нибудь сделать для нас и как себя чувствует миссис Логан.

— Вы же знаете, что я все на свете бы отдал, чтобы этого не случилось,— сказал он.— Мы делаем все возможное. Я распорядился, чтобы из Луна-Сити выслали несколько металлоискателей. Возможно, мы обнаружим ребенка по металлу его скафандра.

Мама спросила, нет ли у них собак-ищеек, а доктор Эванс даже не стал смеяться. Папа предложил использовать вертолеты, тут же поправился — ракеты. Доктор Эванс растолковал ему, что со скоростью ракеты невозможно тщательно осмотреть окрестность. Немного погодя я отозвал его в сторонку и стал уговаривать, чтобы он позволил мне участвовать в экспедиции. Он был вежлив, но непреклонен, а я все настаивал.

— А почему ты так уверен, что найдешь его? — спросил он.— Мы собрали сейчас самых опытных людей Лунной Службы, какие только оказались поблизости. Боюсь, сынок, что ты сам заблудишься или с тобой что-нибудь случится, если ты попробу-

ешь искать наравне с ними. Если ты здесь потеряешь из виду ориентиры, то наверняка заблудишься.

— Но послушайте, доктор,— сказал я ему,— я ведь знаю шкета, то есть, я хотел сказать, своего братишку, лучше, чем кто бы то ни было на свете. Я не заблужусь — то есть, если и заблужусь, то так же как он. А за мной пусть кто-нибудь следит.

Он обдумал мои слова.

— Стоит попробовать,— неожиданно согласился он.— Я сам за тобой пойду. Надевай скафандр!

Мы вылезли, делая тридцатифутовые шаги,— максимум, на что я был способен. Доктор Эванс держал меня за пояс, чтобы я не споткнулся. Мистер Перрин ждал нас. Ему вроде бы мой план не совсем понравился.

— Может быть, старый приемчик «заблудившегося мула» и сработает,— согласился он,— но я буду продолжать поиски тем же порядком. Ну, малый, возьми-ка этот сигнальный фонарик, в тени он тебе пригодится.

Я стоял у края кратера и старался представить себе, что я — шкет, усталый и порядком разобиженный, что на меня не обращают внимания. Что я стал бы делать дальше?

Я вприпрыжку помчался вниз по склону — без определенной цели, так, как это сделал бы шкет. Потом остановился и обернулся, чтобы проверить, следят ли за мной мама, папа и Дикки. Следили за мной хорошо: доктор Эванс и мистер Перрин держались неподалеку сзади. Я сделал вид, что никто за мной не смотрит, и продолжал идти. Я оказался совсем близко от большого скопления скал и повернул к первой из них. Она не была достаточно высокой, чтобы я мог за ней спрятаться, но шкет там поместился бы. Похоже, он мог бы здесь затаиться — шкет любил играть в прятки, чтобы становиться центром внимания.

Вот я и подумал об этом. Когда шкет играл в эту игру, он воображал, что спрятаться — это забраться *подо* что-нибудь: под кровать или диван, под автомобиль или даже под кухонную раковину. Я огляделся вокруг. Множество подходящих местечек: в скалах было полно глубоких полостей и нависающих уступов. Я начал прочесывать их. Это было безнадежно — поблизости таких полостей, наверное, штук сто.

Мистер Перрин подошел ко мне, когда я выползал из четвертого по счету укромного местечка, слишком тесного для меня.

— Наши уже прошлись здесь с фонариками,— сказал он мне.— Не думаю, что это что-нибудь даст, парень.

— Ладно,— сказал я, но продолжал свое.

Я же знал, что смогу забраться в такие уголки, куда не пролезет взрослый. Я только надеялся, что шкет не забрался в такое место, куда мне не пролезть.

Шло время, а я все коченел и коченел и стал ужасно уставать.

Прямые лучи Солнца на Луне очень жаркие, но в ту же секунду, как попадаешь в тень, становиться холодно. А среди скал, у их подножий, никогда не бывает тепло. Скафандры, выданные нам, туристам, хорошо изолированные, но дополнительная изоляция помещается в перчатках и ботинках, да еще в задней части брюк, а я большую часть времени ползал на животе, залезая в укромные местечки.

Тело мое так онемело, что я с трудом двигался, а спереди был весь покрыт льдом. Из-за этого я, кроме всего прочего, ужасно беспокоился: а как же шкет? Не замерз ли он?

Если бы я не вообразил себе, как выглядела рыба, и как шкет, может замерзнуть прежде, чем я доберусь до него, я бы уже все бросил. Я почти потерпел поражение. Кстати, в этих полостях было довольно жутко — никогда не знаешь, что там в их глубине.

Доктор Эванс взял меня за руку, когда я выполз из очередной дыры, и прислонил свой шлем к моему, чтобы я мог услышать его голос без передатчика:

— Пожалуй, пора кончать, сынок. Ты совершенно измотался, а не обработал и акра.

Я вырвался.

Следующая скала нависала немного, не выше фута. Я направил в углубление луч света. Оно было пустое и, казалось, не ведет никуда. Потом я заметил там поворот. Я пригнулся и пополз. Коридор чуть расширялся и сужался снова. Я подумал, что не стоит залезать глубоко, ведь шкет не стал бы ползти дальше в темноте, но все таки пролез еще немного и зажег фонарик.

И увидел торчащий ботинок.

Вот как это все получилось. Я чуть не разбил голову в шлеме, выбираясь оттуда, зато тащил за собой шкета. Он был слаб, точно

котенок, и лицо у него было какое-то странное. Когда я вылез, мистер Перрин и доктор Эванс так и бросились ко мне, начали колотить по спине и радостно кричать.

— Он *умер,* мистер Перрин? — спросил я, как только смог перевести дыхание.— Нехорошо он как-то выглядит.

Мистер Перрин осмотрел его.

— Нет... На горле есть пульс. Шок — да, и на холоде он пробыл слишком долго... Но ведь этот скафандр сделан по специальному заказу... Мы живо приведем его в чувство.

Он взял шкета на руки, а я потащился следом.

Через десять минут шкет, закутанный в одеяло, пил горячее какао. И я выпил немного. Все говорили одновременно, а мама опять плакала, но теперь вид у нее был нормальный, и папа тоже немного пришел в себя. Он пытался заполнить чек на имя мистера Перрина, но тот резко отказался:

— Не нужно мне вознаграждения: ведь это ваш мальчик нашел его. Вы мне можете сделать только одно одолжение.

— Да? — Папа был сама любезность.

— Держитесь подальше от Луны. Здесь вам не место, вы не из породы пионеров.

Папа принял это как должное.

— Я уже обещал это жене,— ответил он, и глазом не моргнув.— Можете не беспокоиться.

Когда мистер Перрин уходил, я догнал его и сказал, чтобы никто не услышал:

— Мистер Перрин, я только хотел вам сказать, что вернусь, если вы не возражаете.

Он пожал мне руку и ответил:

— Я знаю, парень.

— Скорей, Аллан!

Домой, снова на Землю! Сердце ее бешено колотилось.

— Одну минутку!

Она стрелой выскочила из комнаты, а муж замешкался, в последний раз проверяя, не забыто ли что-нибудь важное в опустевшем помещении. Из-за высоких грузовых тарифов на линии Луна — Земля отправлять багаж ракетой было чистым безумием, и они распродали все, кроме тех мелочей, которые уместились в рюкзаке. Убедившись, что ничего не забыто, он двинулся к лифту, где его уже поджидала жена. Они поднялись на административный этаж и подошли к двери с табличкой: «Жилищный отдел. Управляющая Анна Стоун».

Мисс Стоун угрюмо приняла ключи от квартиры.

— Мистер и миссис Макрей, вы в самом деле от нас уезжаете?

Джозефина вмиг ощетинилась:

— А вы считали, что мы передумаем?

Управляющая пожала плечами:

— Ну, я еще три года назад по вашим жалобам поняла, что вы уедете.

© Г. Усова, перевод

— По моим жа... Мисс Стоун, я не меньше других терпела все эти дикие неудобства в нашем... в вашем перенаселенном крольчатнике. Я не хотела бы обвинять лично вас, но ведь...

— Полегче, Джо! — одернул ее муж.

Джозефина вспыхнула:

— Извините, мисс Стоун.

— Пустяки. Мы просто по-разному смотрим на вещи. Я-то была здесь еще в те времена, когда весь Луна-Сити состоял из трех герметичных бараков, соединенных туннелями, по которым приходилось ползти на четвереньках,— мисс Стоун протянула супругам крепкую руку: — Что ж, землеройки, будьте счастливы, от всей души вам этого желаю! Удачного старта, счастливого пути и благополучной посадки!

В лифте Джозефина пробормотала:

— Землеройки, вот еще! Только потому, что мы предпочитаем нашу родную планету, где можно, по крайней мере, дышать свежим воздухом.

— Но ты ведь и сама употребляешь это словечко,— заметил Аллан.

— Да, когда говорю о людях, вообще не покидавших Земли.

— Мы с тобой тоже не раз говорили, что если бы обладали достаточно здравым смыслом, то никогда не покинули бы Землю. В душе мы с тобой землеройки, Джо.

— Да, но... Ах, Аллан, ты просто невыносим. Ведь это счастливейший день в моей жизни! А ты разве не рад, что едешь домой? Неужели не рад?

— Конечно, рад. Это же так здорово — вернуться! Верховая езда... Лыжи...

— И опера. Настоящая, живая опера! Аллан, поживем недельку-другую на Манхэттене, прежде чем уехать в деревню?

— Вот те раз! А я-то думал, что ты жаждешь ощутить дождевые капли на лице.

— Хочу! Страшно хочу! Хочу многого и немедленно. Ах, милый, правда, похоже, что мы из тюрьмы выходим на волю?

Она прильнула к мужу. Лифт остановился, и он отстранил ее.

— Перестань трещать!

— Аллан, ты ужасен,— сказала она мечтательно.— Я так счастлива!

Им пришлось немного задержаться на этаже, где находились отделения банков. Клерк из Национального городского банка уже приготовил их аккредитивы.

— А-а, домой едете? Распишитесь здесь. Завидую вам: охота, рыбная ловля...

— Я предпочитаю купание в прибое и прогулки на яхте.

— А я,— сказала Джо,— хочу просто поваляться на зеленой травке и посмотреть на голубое небо.

Клерк кивнул:

— Вполне понимаю вас. Тут ведь ничего подобного и в помине нет. Желаю приятного отдыха. На три месяца едете или на шесть?

— Мы больше не вернемся,— твердо сказал Аллан.— Три года прожили, как рыбы в аквариуме, хватит.

— Ах так,— клерк уткнулся в лежавшие перед ним бумаги и с дежурной вежливостью добавил: — Что ж, удачного старта.

— Спасибо.

Они поднялись на последний подземный этаж и встали на самодвижущуюся дорожку, ведущую к космопорту. В одном месте туннель выходил на поверхность и дорожка бежала внутри герметичного перехода. В смотровое окошко, обращенное на запад, была видна поверхность Луны, а за холмами — Земля. Вид ее, огромной, зеленой и щедрой, на фоне черного лунного неба и суровых немигающих звезд вызвал на глазах Джо слезы. Дом! Эта прекрасная планета принадлежит ей! Аллан рассматривал Землю с меньшими эмоциями: он пытался определить гринвичское время. Восходящее Солнце как раз коснулось своими лучами Южной Америки. Должно быть, восемь двадцать, надо поторапливаться.

Они сошли с дорожки и попали в объятия друзей, пришедших их проводить.

— Эй, копуши, где вы там пропадаете? «Гремлим» отправляется через семь минут!

— А мы на нем не летим,— ответил Макрей.— Можно не спешить.

— Как не летите? Вы что, передумали?!

Джозефина рассмеялась:

— Да нет, просто мы взяли билеты на экспресс. Поменяли одни на другие. Так что у нас еще минут двадцать в запасе.

— Вот как! Парочка богатых туристов, а?

— Ну, разница в цене невелика, зато избежим двух пересадок и не будем болтаться в космосе целую неделю вместо двух дней,— Джо многозначительно потерла оголенную поясницу.

— Она плохо переносит невесомость, Джек,— объяснил Аллан.

— Я и сам ее плохо переношу, всю дорогу мучился. И все же не думаю, чтобы вам было бы очень худо, Джо: на Луне вы уже достаточно привыкли к слабому тяготению.

— Может быть,— согласилась она,— но все же большая разница — одна шестая земной гравитации или совсем никакой.

В разговор вступила жена Джека Крейла:

— Джозефина Макрей, вы что, захотели рисковать жизнью, летя в ракете с атомным двигателем?

— А что в этом такого, дорогая? Вы же работаете в атомной лаборатории.

— Ну! В лаборатории мы соблюдаем все меры предосторожности. Торговой палате следовало бы запретить эти экспрессы. Может быть, я и старомодна, но я-то вернусь так же, как и приехала сюда,— на добром старом химическом топливе.

— Не запугивай ее, Эмма,— возразил Крейл,— технические дефекты на этих ракетах уже устранены.

— Не все. Я бы...

— Неважно,— перебил ее Аллан,— все решено, пора на стартовую площадку. Прощайте, друзья! Спасибо, что проводили. Рады были с вами познакомиться. Если вернетесь в наши богоспасаемые края, обязательно навестите нас.

— До свидания, ребята!

— До свидания, Джо! До свидания, Аллан.

— Привет Бродвею!

— Пока! И непременно пишите!

— Хорошего старта!

Они предъявили билеты, вошли в шлюз и забрались в стоявший там вагончик скоростной дороги, соединявшей собственно порт со стартовой площадкой.

— Держитесь, ребята! — бросил через плечо водитель.

Они поспешно уселись на мягкие сиденья. Шлюз открылся: туннель впереди был лишен воздуха. Через пять минут Аллан и Джо уже вылезали из вагончика в двадцати милях от порта, за холмами, которые покрывали крышу Луна-Сити, предохраняя от радиоактивных излучений двигателей космических экспрессов.

На «Ястребе» они попали в одно купе с семьей миссионера. Достопочтенный доктор Симмонс счел нужным объяснить, почему он путешествует в такой роскоши.

— Все из-за ребенка,— говорил он, пока его жена привязывала девочку к маленькому противоперегрузочному креслицу, укрепленному тяжами между креслами родителей,— она никогда не бывала в космосе, вот мы и решили не рисковать ее здоровьем.

При звуке сигнальной сирены все застегнули ремни. Сердце Джо забилось еще сильнее. Наконец... наконец-то!

Заработали двигатели, вжимая их в подушки. Джо и не подозревала, что можно чувствовать себя такой тяжелой. Ей было хуже, куда хуже, чем на пути сюда с Земли. Все время, пока ракета набирала скорость, ребенок громко рыдал от ужаса и непривычных ощущений. Казалось, прошло бесконечно долгое время, прежде чем корабль перешел в свободный полет. Когда исчезло отвратительное ощущение огромной тяжести, сдавившей ее грудь, Джо почувствовала, что сердцу стало так же легко, как и телу. Аллан отстегнул верхний ремень, стягивавший грудь, и сел.

— Как ты, малышка?

— Прекрасно,— Джо тоже отстегнула ремень и обернулась к нему. Потом она икнула.— Ох нет, совсем не прекрасно.

Минут через пять у нее уже не было никаких сомнений в характере своих ощущений: ей хотелось только одного — умереть. Аллан выплыл из каюты и вызвал корабельного врача, который сделал ей укол. Аллан подождал, пока подействует наркотик, а потом отправился разыскивать буфет, чтобы испробовать собственное средство от космической болезни — микстуру Мазерсилла от тошноты, смешанную пополам с шампанским. К сожалению, ему пришлось убедиться, что это великолепные порознь средства не действуют. Может, не надо было их смешивать?

У маленькой Глории Симмонс космической болезни не было. Вскоре она обнаружила, что невесомость очень забавна, и упру-

го, точно воздушный шарик, отскакивала от потолка, пола и переборок. Ослабевшая Джо раздумывала, не удавить ли девчонку, когда та будет проплывать мимо, но это потребовало бы слишком больших усилий.

Торможение, хотя и превратило их вновь в неподвижные бревна, было все же огромным облегчением после тошнотворной невесомости. Для всех, кроме Глории. Она снова заплакала от страха и боли. Мать что-то пыталась ей объяснять, отец молился.

Они ощутили резкий толчок, завыла сирена. Джо с трудом подняла голову:

— Что это? Авария?

— Не думаю. Кажется, мы приземлились.

— Не может быть! Мы продолжаем тормозить — я же тяжелая, как свинец.

Аллан слабо улыбнулся:

— Я тоже. Земное притяжение. Забыла?

Ребенок продолжал плакать.

Они распрощались с семьей миссионера еще на корабле, так как миссис Симмонс решила подождать стюардессу из космопорта. Супруги Макрей, поддерживая друг друга, с трудом выбрались из ракеты.

— Не может быть, что это только сила тяжести,— негодовала Джо. Ей казалось, будто ноги вязнут в зыбучем песке.— Я же прошла специальный курс адаптации к земному притяжению на центрифуге там, у нас дома, то есть я хотела сказать, в Луна-Сити. Наверное, мы просто ослабели от космической болезни.

Аллан с трудом распрямился.

— Ты права. Мы же два дня ничего не ели.

— Аллан, разве ты тоже не ел?

— Нет. Или скажем так: ничего не мог проглотить *надолго*. Ты голодна?

— Просто умираю от голода.

— Как насчет обеда в бифштексной у Кина?

— Чудесно. Ой, Аллан, мы ведь и вправду вернулись! — у нее в глазах опять блеснули слезы.

С Симмонсами они встретились снова, когда, перелетев через долину Гудзона в вагончике скоростной дороги, вышли на Большом центральном вокзале. Пока они ожидали багаж, Джо увидела достопочтенного пастора, который грузно выбирался из соседнего вагончика. На руках он держал Глорию. Жена шла следом. Симмонс осторожно опустил девочку на перрон. Глория с минуту постояла на дрожащих толстеньких ножках, потом шлепнулась наземь. Так она и лежала, тонёнько всхлипывая. Какой-то космонавт, судя по форме — пилот, остановился и с жалостью посмотрел на ребенка.

— На Луне родилась? — спросил он.

— Да, конечно, сэр,— несмотря на все неприятности, Симмонс был чрезвычайно обходителен.

— Возьмите ее на руки. Ей снова придется учиться ходить.

Космонавт печально покачал головой и ушел. Симмонс постоял с озабоченным видом, потом, не обращая внимания на грязь, сел на пол возле ребенка.

Джо была слишком слаба, чтобы попытаться помочь Симмонсам. Она огляделась, ища Аллана, но тот был занят: прибыл рюкзак, который поставили прямо к его ногам. Аллан попытался поднять его и почувствовал себя глупо. Казалось, кто-то пригвоздил рюкзак к полу. А ведь Аллан прекрасно знал, что там нет ничего, кроме цветных и черно-белых микрофильмов, нескольких сувениров, туалетных принадлежностей и других мелочей — всего фунтов пятьдесят. Не мог этот рюкзак быть таким тяжелым, просто не мог. И все же это было так. Аллан забыл, что такое пятьдесят фунтов на Земле.

— Носильщика, мистер? — обратился к Аллану щуплый седой старичок и подхватил рюкзак, словно перышко.

Аллан крикнул:

— Пошли, Джо! — и двинулся за старичком, чувствуя себя весьма неловко.

Носильщик замедлил шаг, приноравливаясь к тяжелой поступи Аллана.

— Вы что, с Луны?

— Да.

— Есть где остановиться?

— Нет.

— Ладно, придется вам помочь. Один мой приятель работает портье в «Коммодоре»...

Носильщик довел их до полотна самодвижущейся дороги, а затем до гостиницы.

Они были слишком измотаны, чтобы идти куда-нибудь обедать, и Аллан заказал обед в номер. Джо уснула прямо в горячей ванне, и ее удалось извлечь оттуда с большим трудом: никак не хотела расстаться с приятным ощущением потери веса в воде. Аллан еле-еле убедил жену, что мягкий поролоновый матрац обладает почти такими же достоинствами. Спать они легли рано.

Около четырех утра Джо пробудилась от тревожного сна.

— Аллан, Аллан!

— М-м-м? Что случилось? — он протянул руку к выключателю.

— Да ничего особенного. Просто мне приснилось, что я опять в ракете... Аллан, отчего здесь так душно? У меня ужасно болит голова.

— А? Не должно быть душно, у нас ведь номер с кондиционером.— Аллан пошмыгал носом.— Что-то и у меня голова побаливает,— признался он.

— Ну так открой окно.

Едва лишь холодный, наружный воздух проник в комнату, Аллан задрожал и быстро юркнул под одеяло. Он еще не успел заснуть, размышляя, можно ли вообще спать под городской шум, врывавшийся в открытое окно, как жена снова позвала его:

— Аллан!

— Ну? Что еще?

— Милый я совсем окоченела. Можно я переберусь к тебе?

— Конечно.

В окно струился теплый и мягкий свет. Когда солнечный зайчик коснулся век Аллана, он открыл глаза. Жена тоже проснулась. Она вздохнула и прижалась к нему.

— Ой, милый, погляди-ка! Голубое небо — мы *дома*! Я и забыла, какое оно чудесное.

— А ведь здорово вернуться! Как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше. А ты?

— Великолепно,— Алан откинул одеяло.

Она взвизгнула и натянула одеяло на себя.

— А?

— Пусть мальчик встанет и закроет окно, а его девочка еще понежится в постельке.

— Ладно.

Аллан двигался куда легче, чем накануне, но лежать в кровати все-таки было приятнее. Он снял телефонную трубку и попросил:

— Отдел обслуживания.

— Что вам угодно заказать? — приятным контральто ответила трубка.

— Апельсиновый сок и кофе на двоих, яичницу из шести яиц — не слишком прожаренную, тосты из хлеба грубого помола. И пришлите «Таймс» и «Сатердей ивнинг пост».

— Через десять минут будет исполнено.

— Спасибо.

Подающее устройство загудело, когда он еще брился. Аллан взял поднос и подал Джо завтрак в постель. Поев, он отложил газету и сказал:

— Оторви-ка на минуту нос от своего журнала.

— С удовольствием. Уж очень велика эта проклятая штуковина, ее и держать то устанешь.

— А ты бы выписала облегченное лунное издание. И обойдется-то всего в восемь-девять раз дороже...

— Не дури. Ну, что ты задумал?

— Как насчет того, чтобы выбраться из нашего затхлого гнездышка и отправиться покупать одежду?

— О-о-ох... Нет, не пойду я на улицу одетая по лунной моде!

— Боишься, что станут глазеть? Ты что, стала на старости лет пуританкой?

— Нет, милорд, просто не могу я выходить на улицу всего-навсего в куске нейлона и паре сандалий. Для начала мне нужна теплая одежда.

И она еще уютнее завернулась в одеяло.

— Прямо-таки больно слышать такие слова от отважной покорительницы космоса. Слушай, может, вызвать портного в номер?

— Пожалуй, слишком накладно. Ты-то все равно собирался выходить? Так купи мне любую тряпку, лишь бы она согревала.

Макрей заупрямился:

— Пробовал я уже для тебя покупать...

— Ну, пожалуйста, в последний раз... Зайди к Сэку и купи синее джерси для улицы, десятый размер. И пару чулок.

— Уговорила.

— Вот и молодец. А я тут бездельничать не буду: вон какой длиннющий список людей, которым я должна позвонить и с кем должна повидаться.

Сначала Аллан отправился купить одежду для себя. Привычные ковбойка и шорты грели не лучше соломенной шляпы в зимнюю вьюгу. Хотя в действительности было совсем не холодно. Солнце дарило приятное тепло, но человеку, привыкшему к постоянной температуре не ниже семидесяти по Фаренгейту, погода казалась холодной. Аллан всячески старался либо подольше оставаться в метро, либо идти по той стороне Пятой авеню, которая была защищена крышей.

Аллан подозревал, что продавец всучил ему завалящий костюм и что он выглядит в нем деревенщиной. Костюм, правда, согревал, но и весил изрядно, к тому же он стягивал грудь и затруднял дыхание. Интересно, думал Аллан, долго ли еще придется мучиться, пока снова обретешь земную походку?

Заботливая продавщица выполнила заказ Джо и, кроме того, подобрала для нее теплую пелеринку. Аллан отправился домой, согнувшись под тяжестью пакетов. Тщетно он пытался поймать такси. По-видимому, спешили все, а не он один. Один раз его чуть не сбил с ног какой-то мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Мальчишка крикнул: «Разуй глаза, дед!» — и скрылся прежде, чем Аллан подобрал подходящий ответ.

Когда он вернулся, все у него ныло и он мечтал о горячей ванне. Принять ванну не удалось: у Джо сидела гостья.

— Миссис Эпплби, это мой муж. Аллан, это матушка Эммы Крейл.

— Как поживаете, доктор... Или... Как лучше сказать — профессор?

— Лучше просто мистер.

— Когда я узнала, что вы в городе, я чуть не сгорела от нетерпения, так хотелось поскорее услышать о моей драгоценной девочке... Как ей там живется? Похудела? Хорошо ли выглядит? Уж эти мне современные девицы... Я всегда втолковывала ей, что надо побольше гулять. Сама я ежедневно совершаю променад в парке — вы только посмотрите на меня. Она прислала свою фотографию, кажется, я ее захватила с собой. На ней она выглядит совсем плохо, наверно, неважно питается. Эта синтетическая пища...

— Не ест она синтетической пищи, миссис Эпплби.

— ... должно быть, малопитательна, не говоря уже о вкусе. Что вы сказали?

— Ваша дочь питается вовсе не синтетической пищей,— повторил Аллан.— Свежие фрукты и овощи это чуть ли не единственное, чего у нас в Луна-Сити в избытке. Растения, понимаете ли, выращиваются в специальных условиях.

— Вот я об этом и толкую. Признаться, не понимаю, как это вы там у себя, на Луне, получаете пищу из этих машин, кондиционирующих воздух...

— *В* Луне, миссис Эпплби.

— ... но она не может быть здоровой. Наши домашние установки для кондиционирования воздуха вечно ломаются и ужасно пахнут, просто невыносимо, мои дорогие. И вы думаете, что возможно построить небольшую установку, такую, что... Хотя, конечно, если вы хотите, чтобы она еще изготавливала синтетическую пищу...

— Миссис Эпплби...

— Да, доктор? Вы что-то хотели сказать? Лично я...

— Миссис Эпплби,— с отчаянием заговорил Макрей,— растения в Луна-Сити выращиваются на огромной гидропонической ферме, в большущих чанах. Там масса зелени. Растения извлекают из воздуха углекислоту и обогащают его кислородом.

— Но... вы в этом уверены? Помнится, Эмма говорила...

— Совершенно уверен.

— Ну-ну... Я не претендую на понимание подобных вещей, я ведь натура художественная, как частенько говаривал мой бедный Герберт. Герберт — это отец Эммы, он был всецело поглощен техникой, хотя я и настаивала, чтобы он слушал хорошую музыку и просматривал критические обзоры бестселлеров. Бо-

юсь, что Эмма пошла по стопам отца. Я просто мечтаю, чтобы она бросила свою дурацкую работу. Неподходящее это дело для женщины, как вы считаете, миссис Макрей? Все эти атомы и нейтроны и прочие штуки, которые летают вокруг нас в воздухе. Я читала о них в разделе «Популярная наука» в журнале...

— Она хорошо в этом разбирается, и работа ей по душе.

— Ну, разумеется, так и должно быть. Это же так важно — быть удовлетворенной тем, что делаешь, пусть ты даже и занимаешься ерундой. И все же я беспокоюсь о девочке — похоронить себя вдали от цивилизации! Поговорить не с кем, ни театров, ни культурной жизни, ни общества...

— В Луна-Сити демонстрируются стереокопии каждого бродвейского спектакля, имеющего успех,— в голосе Джо зазвучали резкие нотки.

— О-о? В самом деле? Но ведь это совсем не то, что пойти в театр, моя дорогая, там же общество изысканных людей. Вот когда я была девушкой, мои родители...

Аллан, позабыв о всяком приличии, сказал:

— Уже час. Ты обедала, родная?

Миссис Эпплби выпрямилась в кресле:

— О боже! Пора бежать. Моя портниха — такая тиранка, но она гениальна, надо будет дать вам ее адрес. Вы были очаровательно любезны, мои дорогие, и я вам бесконечно благодарна за рассказ о моей бедняжке. Как бы мне хотелось, чтобы она оказалась такой же благоразумной, как вы. Она ведь знает, что я всегда готова предоставить свой дом в ее распоряжение, да уж если на то пошло, то и в распоряжение ее мужа. Заходите ко мне почаще. Обожаю разговаривать с людьми, которые побывали на Луне...

— *В* Луне.

— Это так сближает меня с моей милой крошкой. До свидания, до свидания.

Когда дверь за ней закрылась, Джо сказала:

— Аллан, мне необходимо глотнуть чего-нибудь покрепче.

— Мне тоже.

Поход по магазинам Джо сократила до минимума. Это занятие было слишком утомительно. К четырем часам они отправились в

Центральный парк насладиться красотой осеннего пейзажа под ленивое цоканье лошадиных копыт. Вертолеты, голуби и перистые полосы, оставленные ракетными двигателями, придавали парку идиллическую прелесть и безмятежность. Джо проглотила подступивший к горлу комок и прошептала:

— Аллан, разве это не прекрасно?

— Да, конечно. Как все-таки здорово вернуться! Кстати, ты заметила, что Сорок вторую улицу опять всю разрыли?

Вернувшись в номер гостиницы, Джо рухнула на кровать, а Аллан немедленно сбросил ботинки. Сев в кресло и растирая ноющие ноги, он сказал:

— Весь вечер буду ходить босиком. Господи, как болят ноги!

— И у меня. Но мы же собирались к твоему отцу, милый.

— Что-о-о? Вот черт, я и забыл. Джо, нет, ты просто с ума сошла! Позвони и договорись на другой вечер. Мы же совсем выдохлись.

— Но, Аллан, он ведь напригласил кучу твоих друзей!

— Чушь собачья! Нет у меня в Нью-Йорке никаких друзей! Договорись на ту неделю.

— На ту? Гм-м-м... Слушай, Аллан, давай-ка лучше сразу уедем в деревню.

У Джо был крошечный клочок земли в Коннектикуте — старая, заброшенная ферма, оставленная ей родителями.

— А я-то думал, что тебе хочется недельки две походить по театрам и концертам. С чего вдруг такая спешка?

— Сейчас покажу,— она подошла к окну, которое не закрывалось с самого полудня.— Погляди-ка на подоконник,— и она нарисовала на слое сажи свои инициалы.— Аллан, в этом городе столько грязи!

— Было бы странно, если бы девять миллионов людей не поднимали пыль.

— Но всю эту грязь мы вдыхаем в легкие! Почему здесь не соблюдаются законы по борьбе со смогом?

— Это не смог, а нормальная городская грязь.

— Луна-Сити никогда не был таким грязным! Там можно носить одно и то же белое платье, пока оно не надоест. Здесь его и на один день не хватит.

— Над Манхэттеном нет крыши, а копоти в воздухе хоть отбавляй от выхлопных газов.

— В том-то и дело. Я тут или мерзну, или задыхаюсь.

— А мне казалось, что ты мечтаешь о прикосновении дождевых капель к твоему личику.

— Не будь занудой. Я и теперь хочу того же, но только на свежем воздухе и среди зелени.

— Ладно. Мне это тоже по душе: надо поскорее приступить к своей книге. Я поговорю с твоим агентом по недвижимости.

— Я уже говорила с ним сегодня утром по телефону. Мы можем ехать в деревню когда угодно. Он начал там наводить порядок сразу же после получения моего письма.

В тот вечер в доме отца Аллана ужинали а ля фуршет, но Джо сейчас же уселась и попросила принести ей еду. Аллан тоже с удовольствием присел бы, но положение почетного гостя обязывало его провести весь прием на ногах. Возле буфета его поймал отец и ухватил за пуговицу:

— Попробуй-ка эту гусиную печенку, сынок. Полагаю, после того, что вы ели на Луне, она покажется тебе чудесной.

Аллан согласился, что печенка великолепна.

— Ну, сынок, а теперь ты должен рассказать гостям о своих странствиях.

— Никаких речей, папа! Пусть они читают «Национальный географический журнал».

— Чепуха! — Отец повернулся к гостям: — Внимание, сейчас Аллан расскажет нам о жизни лунатиков!

Аллан закусил губу. Конечно, жители Луна-Сити именно так называли друг друга, но здесь это слово звучало совсем иначе.

— Да мне и говорить не о чем. Лучше продолжайте ужинать.

— Рассказывай, а мы будем закусывать!

— Расскажи нам о городе лунатиков!

— А вы видели лунного человека?

— Давай, Аллан, загни-ка нам про жизнь на Луне!

— Да не на Луне, а *в* Луне.

— Какая разница?

— Наверно, никакой,— он колебался: действительно, объяснить, почему лунные колонисты так подчеркивали, что живут

внутри земного спутника, было трудно, но манера говорить «на Луне» раздражала его так же, как слово «Фриско» раздражает жителей Сан-Франциско.— «В Луне» — просто мы так говорим. На поверхности мы проводим очень мало времени, разве что персонал Ричардсоновской обсерватории, изыскатели и так далее. Жилые кварталы, разумеется, расположены под поверхностью.

— Боитесь метеоритов, что ли?

— Не больше, чем вы — молнии. Подземное строительство облегчает решение проблемы отопления и герметизации. Облегчает и удешевляет. Проходка горных пород не так уж трудна, а трещиноватая почва выполняет роль вакуума в термосе, в этих трещинах ведь и вправду вакуум.

— Но, мистер Макрей,— спросила очень серьезная дама,— неужели у вас не болят уши оттого, что вы живете под давлением?

Аллан обвел комнату рукой:

— Здесь точно такое же давление, как и там,— пятнадцать фунтов.

Дама была сбита с толку, но быстро нашлась:

— Возможно, вы и правы, хотя этому и трудно поверить. И все же я бы не могла жить замурованной в пещере. А вдруг произойдет взрыв из-за разницы в давлении?

— Давление в пятнадцать фунтов не опасно. Инженерам приходится работать при давлении в тысячи фунтов на квадратный дюйм. Кроме того, Луна-Сити подобно кораблям состоит из множества отсеков. Это гарантирует безопасность. Живут же голландцы под защитой плотин, есть дамбы и в низовьях Миссисипи. Метро, океанские лайнеры, самолеты — все это искусственная среда для обитания человека. Луна-Сити кажется вам странным только потому, что до него далеко.

Дама содрогнулась:

— Даже представить себе что-либо подобное жутко!

Какой-то весьма самоуверенный человечек протолкался вперед:

— Мистер Макрей, даже если допустить, что вся эта затея имеет значение для науки и так далее, то почему все-таки надо выбрасывать деньги налогоплательщиков на содержание города на Луне?

— Полагаю, что вы сами уже ответили на этот вопрос,— сдержанно сказал Аллан.

— А вы чем это оправдываете? Ответьте, сэр!

— Это не требует оправданий. Лунная колония уже многократно окупила себя. Все лунные предприятия приносят доходы своим акционерам: и Шахты Артемиды, и Космические пути сообщений, и Компания обеспечения космических полетов, и туристическая корпорация «Диана», и Корпорация исследований в области электроники, и Лунные биологические лаборатории, не говоря уже о Лабораториях Резерфорда,— можете поинтересоваться. Согласен, Программа космических исследований иногда пощипывает налогоплательщиков, поскольку является объединенным владением правительства и Фонда Харримана.

— Ах, так вы признаетесь в этом! А здесь важен принцип!

У Аллана невыносимо горели ноги.

— Принцип, принцип! Есть только один принцип: научные работы всегда окупались.

Он повернулся спиной к собеседнику и положил себе еще гусиной печенки. Кто-то тронул его за плечо. Аллан узнал старого школьного друга.

— Здорово ты отбрил старину Битла, поздравляю. Так ему и надо: он ведь, кажется, радикал.

Аллан улыбнулся:

— Все же не следовало выходить из себя.

— Ты его хорошо отделал. Слушай, Аллан, завтра вечером я собираюсь совершить экскурсию с парочкой приезжих клиентов по злачным местам. Поехали, а?

— Спасибо, но мы уезжаем в деревню.

— Как же можно упускать такой случай? Столько времени быть погребенным на Луне и не позволить себе самых невинных удовольствий после этакой тоски!

Аллан почувствовал, что краснеет.

— Спасибо за предложение, но... ты видел когда-нибудь зал с видом на Землю отеля «Лунная гавань»?

— Нет. Собираюсь съездить. Разумеется, когда разбогатею.

— Вот это настоящий ночной клуб. Видел ты когда-нибудь, как танцовщица взмывает на тридцать футов и медленно опускается,

кружась в воздухе? Пробовал коктейль «Лунатизм»? Видел, как работают жонглеры при малой силе тяжести?..— Аллан встретился взглядом с глазами Джо, сидевшей в другом конце комнаты.— Извини, старик, жена ждет.— Он отвернулся от приятеля, а затем бросил через плечо: — Кстати, «Лунная гавань» — не ночлежка для космонавтов, а вполне респектабельный «звездочный» отель. Он даже занесен в каталог «Дункан хайнес ассошиэйшен».

Джо была бледна.

— Милый, уведи меня. Задыхаюсь. Совсем расклеилась.

— Пошли.

Они извинились и уехали.

Утром Джо проснулся с сильным насморком, и для поездки в деревню пришлось взять воздушное такси. Под ними плыли низкие облака, но над облачной пеленой сияло солнце. Яркое солнце и усыпляющий рокот вертолета вновь наполнили их радостью.

Аллан нарушил мечтательное молчание:

— Забавно, Джо! Меня ни за какие коврижки не заманить обратно на Луну, но вчера я поймал себя на том, что стоит лишь раскрыть рот — и я яростно защищаю все лунное.

Она кивнула:

— Я тебя понимаю. Честное слово, Аллан, кое-кто из этих людишек ведет себя так, будто считает, что Земля плоская. Одни из них просто ничему не верят, а другие так ограничены, что ничего не понимают. Не знаю, кто меня больше бесит.

Стоял легкий туман, когда они приземлились. Домик встретил их уютом. Агент Джо к приезду хозяев разжег камин и набил холодильник всякой снедью. Через десять минут после посадки они уже пили горячий пунш и наслаждались покоем и теплом.

— Ну вот,— сказал, сладко потягиваясь, Аллан,— все в порядке. И в самом деле, как здорово вернуться!

— Гм-м... Все хорошо, кроме этой дороги.

Новое супершоссе для скоростных грузовых и легковых машин было проложено всего в пятидесяти ярдах от их домика, и рев мощных дизелей, одолевающих подъем, был слышен великолепно.

— Да забудь ты об этом шоссе. Повернись к нему спиной и смотри на лес.

Они уже настолько привыкли к ходьбе, что могли наслаждаться короткими прогулками. Им повезло: стояло теплое бабье лето. Уборщица попалась молчаливая и работящая. Аллан разбирал материалы трехлетних исследований, готовясь приступить к своей книге. Джо помогала ему с расчетами, снова привыкала к стряпне, спала и отдыхала.

В день, когда засорился туалет, ударили первые заморозки.

Они обратились к деревенскому водопроводчику, который пообещал заглянуть на следующий день. Пока же пришлось прибегнуть к маленькому уютному строению — реликту древних времен, стоявшему возле поленницы. Там жили полчища пауков.

Водопроводчик их не порадовал:

— Новый унитаз. Новую трубу. Стоит сменить и остальную арматуру. Пятнадцать-шестнадцать сотен долларов. По предварительному подсчету.

— Хорошо,— сказал Аллан,— начнете сегодня же?

Водопроводчик расхохотался:

— Я вижу, мистер, вам невдомек, как трудно в наше время раздобыть материалы и рабочих. Только весной, когда земля оттает.

— Это невозможно, друг. Во сколько бы ни обошлось, делайте сейчас.

Местный житель пожал плечами:

— Ничем не могу быть полезен. До свидания.

Когда он ушел, Джо взорвалась:

— Аллан, он просто не хотел нам помочь!

— Что ж, возможно. Вызову кого-нибудь из Норвока или даже из Нью-Йорка. Не можем же мы всю зиму бегать по снегу в эту избушку на курьих ножках.

— Очень надеюсь, что не придется.

— Конечно нет. Ты и так уже один раз простудилась,— Аллан мрачно уставился на огонь.— Боюсь, что это я сам виноват и мое чувство юмора.

— Как так?

— Знаешь, все стали подсмеиваться над нами, когда пронюхали, что мы с Луны. Мне-то наплевать, но все же иной раз становится не по себе. Помнишь, на прошлой неделе я ходил в деревню?

— Что же случилось?

— Они взяли меня в оборот в парикмахерской. Сначала я и ухом не повел, а потом что-то во мне взыграло. Начал я им рассказывать про Луну. Вспомнил бородатые анекдоты насчет червей — обитателей вакуума, про окаменелый воздух. До них не сразу дошло, что я их дурачу, а когда дошло, все обозлились. Наш друг — специалист по санузлам — тоже был в той же компании. Очень сожалею, малышка.

— Ничего.— Джо поцеловала мужа.— Если мне придется пробираться в туалет по снегу, то сознание, что ты хоть немного отыгрался на них, будет меня согревать.

Водопроводчик из Норвока оказался более деятельным, но дождь и последовавший за ним мокрый снег сильно задержали работу. Аллан и Джо простудились. На девятый день после аварии Аллан сидел за письменным столом, когда услышал скрип двери. Значит, вернулась Джо с покупками. Он продолжал трудиться, но вскоре спохватился, что жена так и не вошла в комнату со своим обычным: «Привет!». Пришлось идти выяснять, в чем дело. Джо, сидя на кухонной табуретке, тихонько плакала.

— Милая,— сказал он настойчиво,— родная моя, что случилось?

Она подняла взгляд:

— Тебе лучше не знать.

— Высморкайся. Теперь вытри глаза. Чего это мне лучше не знать? Что произошло?

Она заговорила, отмечая знаки препинания взмахами носового платка. Сначала лавочник сказал, что у него нет губок для мытья посуды. Потом, когда она ему на них показала, он стал уверять, что губки проданы. Наконец, он прошелся по адресу тех, кто «приглашает в деревню чужих рабочих и отбивает хлеб у честных людей». Джо разозлилась и напомнила эпизод в парикмахерской. Лавочник стал еще суровее.

— «Леди,— сказал он мне,— не знаю, были ли вы с мужем на Луне или нет. Меня это не интересует, как и ваши деньги». Ох, Аллан, как мне плохо!

— Ну, сейчас ему станет куда хуже, чем тебе! Где шляпа?

— Аллан, никуда я тебя не пущу! Не хватало еще, чтобы ты ввязался в драку.

— Я не позволю ему грубить тебе!

— У него не будет такой возможности. Ох, милый, я так старалась делать вид, что все в порядке, но больше не могу. Я тут не останусь. И не только из-за лавочника, а из-за холода, тараканов и постоянного насморка. Я так измучилась. И ноги все время болят...— Она опять заплакала.

— Вот те раз! Ну так уедем, родная. Поедем во Флориду. Я буду кончать книгу, а ты — загорать на солнце.

— Не хочу во Флориду! *Я домой хочу*!

— Что-о? В Луна-Сити?

— Да! О боже, я знаю, что ты не хочешь, но я не могу выносить всего этого. И не в грязи дело, и не в холоде, и не в этом идиотском сортире, а в том, что здесь нас никто не понимает. В Нью-Йорке было не лучше. Эти землеройки *ничего* не смыслят!

Он улыбнулся:

— Давай, давай, детка, я на приеме.

— Аллан!

Он кивнул:

— Я уже давно понял, что в душе лунатик, но боялся признаться тебе. Ноги у меня ужасно болят, и мне осточертело, что со мной обращаются, как с ненормальным. Я старался быть терпимым, но эти землеройки просто невыносимы. Мне не хватает людей с нашей доброй старой Луны. Они цивилизованны.

Она закивала головой:

— Может, это предубеждение, но у меня такие же ощущения.

— Это *не* предубеждение. Что надо, чтобы попасть в Луна-Сити?

— Билет.

— Господи, да я же не о туристской поездке, а о том, что нужно, чтобы получить работу! Ты знаешь что — интеллект. Отправка человека на Луну стоит дорого, а содержание его там — тем более. Чтобы окупить себя, он должен обладать многими достоинствами: высоким умственным коэффициентом, хорошим индексом совместимости, отличным образованием. Все это делает человека приятным, легким в общении и интересным. Мы избалованы: тупость среднего обывателя, которой землеройки почти не замечают, мы находим невозможной, потому что лунатики — *другие*. И неважно, что Луна-Сити — самый удобный город из всех, построенных человеком. Главное — люди. Поедем домой.

Он подошел к телефону, старинному аппарату, предназначенному только для передачи речи, и вызвал Нью-Йоркское отделение Фонда. Пока он ждал ответа, прижимая к уху дубиноподобную трубку, Джо спросила:

— А если нас не возьмут?

— Вот и я этого боюсь.

Они знали, что лунные компании редко соглашаются брать на работу тех, кто однажды уехал. Требования к физической выносливости в таких случаях резко повышались.

— Алло... Алло... Фонд? Можно соединиться с сектором набора? Алло... Да не могу я включить изображение, у меня настенный висячий аппарат средних веков. Говорит Аллан Макрей, специалист по физической химии, контракт номер 1340729. И моя жена, Джозефина Макрей, контракт номер 1340730. Мы хотим возобновить контракты... Ладно, подожду.

— Моли Бога, милый, моли.

— Я и молю... Как вы сказали? Мое место еще не занято? Чудесно! Чудесно! А как насчет моей жены? — Он слушал с озабоченным видом. Джо затаила дыхание. Затем он прикрыл трубку рукой: — Эй, Джо, твое место занято. Спрашивают, пойдешь ли ты временно младшим бухгалтером.

— Скажи — да!

— Вот и прекрасно. Когда мы можем пройти испытания? Прекрасно, спасибо. До свидания,— он повесил трубку и повернулся к жене: — Проверка состояния здоровья и психики — когда угодно, а по специальности экзамены сдавать не надо.

— Чего же мы ждем?

— Ничего,— он набрал номер Норвокской вертолетной службы.— Можете доставить нас на Манхэттен? Силы господни, неужели у вас нет радара? Ладно, ладно, до свидания! — он фыркнул.— Их вертолеты не поднимаются из-за плохой погоды. Сейчас вызовут Нью-Йорк и попробуют заказать более современную машину.

Через полтора часа они уже садились на крышу башни Харримана.

Психолог был предельно доброжелателен.

— Ладно, разделаемся с проверкой психики до того, как за вас примутся терапевты. Расскажите мне о себе.

Он почти вывернул их наизнанку, время от времени покачивая головой:

— Понятно, понятно. А канализацию вам все-таки починили?

— Только что закончили.

— Сочувствую вам по поводу болей в ногах, миссис Макрей. У меня тоже они здесь ноют в подъеме. Значит, по этой причине вы и решили вернуться обратно?

— О нет!

— А по какой же, миссис Макрей?

— Честное слово, не по этой! Просто я хочу иметь дело с честными людьми, способными меня понимать. Если я чем-нибудь больна, то только тоской по дому и людям моего склада. Я хочу вернуться домой и готова взяться за любую работу, лишь бы попасть туда. Мое место на Луне, клянусь, только там.

Доктор стал необычайно серьезен:

— А что с вами, мистер Макрей?

— Да, в общем-то, почти то же самое. Пытался писать книгу, но не могу здесь работать. Тоскую по дому. Хочу вернуться.

Доктор Фельдман улыбнулся:

— Это не так уж трудно.

— Вы хотите сказать, что мы приняты?! Если выдержим проверку здоровья?

— Да бог с ней, с проверкой! Вы же проходили ее перед отправкой с Луны, данные достаточно свежие. Конечно, придется съездить в Аризону, пройти карантин и систему адаптационных процедур. Вы, вероятно, удивлены, что вопрос решается так просто. Ответ элементарен: нам не нужны люди, которых влечет высокая зарплата. Нам нужны люди, которые будут счастливы только на Луне и станут ее постоянными жителями, короче говоря, люди, считающие Луна-Сити своим домом. Теперь, когда вы получили «лунный удар», мы будем рады вашему возвращению.

Он встал и протянул руку.

Ночевали они в том же «Коммодоре». Джо внезапно осенило:

— Аллан, а как ты думаешь, не удастся ли нам получить прежнюю квартиру?

— Ох, вот уж не знаю. Надо бы дать старушке Стоун радиограмму.

— Лучше позвони ей, Аллан. Мы можем позволить себе такую роскошь.

— Идет!

Потребовалось около десяти минут, чтобы попасть на линию. Физиономия мисс Стоун, когда она их увидела, стала чуть менее угрюмой.

— Мисс Стоун, мы возвращаемся домой!

Обычная трехсекундная задержка, потом:

— Я знаю. Телеграмма пришла минут двадцать назад.

— Ах вот как! Мисс Стоун, наша прежняя квартира свободна?

Они ждали ответа.

— Я ее попридержала. Я же знала, что вы скоро вернетесь. Добро пожаловать домой, лунатики!

Когда экран погас, Джо спросила:

— Что она хотела сказать, Аллан?

— Похоже, что мы стали для нее своими. Члены одной лиги.

— Наверно, так... Ой, Аллан, погляди-ка!

Она подошла к окну. Ветер согнал облака и открыл Луну. Она была совсем тоненькая, новорожденная. Море Плодородия — завиток в волосах Лунной девы — ярко светилось. У правого края этого «моря» находилась крошечная точка, видимая лишь их внутреннему взору,— Луна-Сити.

Ясный серебристый полумесяц висел над небоскребами.

— Милый, разве она не прекрасна?

— Конечно, прекрасна. Будет так здорово вернуться! Не хлюпай носом!

— «Неограниченные услуги». Мисс Кормет слушает,— сказала она, глядя на экран.

В голосе звучали одновременно дружеское участие и холодная деловитость — как раз в необходимой пропорции. Экран немного помигал и выдал стереоизображение: толстая, разодетая в пух и прах особа аристократической наружности, которой явно не помешали бы занятия спортом.

— О, моя дорогая,— простонало изображение.— Я просто не знаю, сумеете ли вы мне помочь...

— Я не сомневаюсь, что это в наших силах,— заворковала мисс Кормет, мгновенно прикинув стоимость платья и драгоценностей, явно настоящих, и решив, что клиент выгодный.— Какие у вас проблемы? И ваше имя, пожалуйста.— Она протянула руку к подковообразному пульту и коснулась клавиши «Связь с кредитным отделом».

— Все так безумно сложно! — с чувством произнесло изображение.— Надо же было Питеру именно сейчас сломать себе бедро! — Мисс Кормет нажала клавишу «Медицина».— Я всю жизнь говорила, что поло — опасное занятие. Нет, вы не представляете, моя дорогая, что такое материнские страдания... И главное, так некстати...

© А. Корженевский, перевод

— Вы хотите, чтобы мы взяли на себя уход за больным? Где он сейчас?

— Уход? Боже! Ни в коем случае! Этим займутся в клинике «Мемориал». Мы им достаточно платим. Нет, меня беспокоит званый обед. Принцесса будет очень недовольна, если все сорвется...

Ответный сигнал из кредитного отдела настойчиво мигал, и мисс Кормет решила вернуться к началу разговора.

— Понятно. Мы обо всем позаботимся. А теперь, пожалуйста, ваше имя, постоянный адрес и местонахождение в данный момент.

— Как?! Вы меня не знаете?

— Я догадываюсь,— тактично ушла от ответа мисс Кормет,— но в «Неограниченных услугах» полагаются только на информацию, полученную от самого клиента.

— Да, действительно... Очень мило и предусмотрительно с вашей стороны. Меня зовут миссис ван Хогбейн-Джонсон.

Мисс Кормет едва сдержала удивление. Необходимость консультироваться в кредитном отделе отпала. Но сигнал на пульте уже вспыхнул: «ААА» — неограниченный кредит.

— Однако я не вижу, как вы сумеете мне помочь,— продолжала миссис Джонсон.— Я же не могу разорваться, а мне нужно быть одновременно в двух местах.

— Мы любим сложные задачи,— заверила ее мисс Кормет,— и если вы расскажете мне подробнее...

Через несколько минут она вытянула из миссис Джонсон более-менее связный рассказ. Оказалось, ее сын, Питер III — слегка потрепанный годами Питер Пэн, хорошо знакомый мисс Кормет по стереографиям в прессе, где его показывали в самых невообразимых нарядах, что захватывало воображение богатых бездельников, прожигающих время в свое удовольствие,— совершенно бездумно выбрал именно этот день,— когда у матери намечено важнейшее светское мероприятие,— чтобы покалечиться, причем довольно серьезно. Более того, он настолько невнимателен к своей матушке, что совершил эту оплошность за полконтинента от дома.

Мисс Кормет поняла, что давняя привычка миссис Джонсон держать отпрыска под контролем требовала от нее немедленного появления у постели больного. И, разумеется, личного участия в подборе младшего медперсонала. Однако званый обед, назначен-

ный на сегодня, должен был стать кульминацией многомесячных усилий и интриг. Как совместить все это в один вечер?

Твердо помня, что процветание «Неограниченных услуг» и ее собственный, довольно значительный доход зависят в основном от глупости, отсутствия предприимчивости или просто лени пустоголовых паразитов на теле общества, мисс Кормет объяснила миссис Джонсон, что компания «Неограниченные услуги» проследит, чтобы ее светский обед прошел успешно, для чего в ее гостиной будет установлен стереоэкран, и тогда она, видная в полный рост, сможет приветствовать гостей и беседовать с ними, находясь на самом деле у постели сына. Мисс Кормет проследит, чтобы приемом руководил самый способный менеджер с безупречной репутацией в обществе, чья связь с «Неограниченными услугами» не известна никому. При правильной постановке дела катастрофу можно превратить в светский триумф, лишний раз подчеркнув, что миссис Джонсон не только изобретательная, гостеприимная хозяйка, но и заботливая мать.

— Воздушное такси, которое доставит вас в ракетный порт, прибудет к подъезду через двадцать минут,— добавила она, нажимая клавишу «Транспорт».— До порта вас будет сопровождать один из наших молодых сотрудников, которому вы сообщите все необходимые дополнительные сведения. Каюта для вас и место для вашей горничной зарезервированы на рейс до Ньюарка, отбывающий в 16.45. Можете ни о чем не беспокоиться. Теперь это будет делать за вас компания «Неограниченные услуги».

— О, благодарю вас, моя дорогая. Вы меня так выручили. Вы ведь просто не представляете себе, какая ответственность лежит на человеке с моим положением в обществе.

Мисс Кормет вполне профессионально выразила сочувствие и решила, что старуху можно раскрутить на дополнительные услуги.

— Вы очень устало выглядите, мадам,— произнесла она озабоченно.— Может быть, мне следует позаботиться о массажисте, который будет сопровождать вас в дороге, или лучше дать вам в сопровождающие врача? Как вы себя сейчас чувствуете?

— О, вы так заботливы!

— Я пришлю обоих,— решила мисс Кормет и отключила экран, немного сожалея, что не догадалась сразу предложить даме отдельную ракету. Особые услуги, не включенные в прейскурант,

оплачивались по схеме «цена-плюс», и в подобных случаях «плюс» означал столько, сколько можно вытянуть из клиента.

Она переключилась на служебный канал: на экране возникло изображение молодого человека с внимательными глазами.

— Передаю запись, Стив,— отчеканила мисс Кормет.— Особые услуги, кредитный код — тройное «А». Я распорядилась о немедленном обслуживании.

Брови у Стива подскочили вверх.

— Тройное «А»... Премиальные?

— Конечно. Обслужи эту старую перечницу по полной программе, и чтобы все было безукоризненно. Ее сын сейчас в больнице. Проверь медсестер, которые его обслуживают, и, если хоть одна из них хорошенькая, немедленно поставь вместо нее какое-нибудь пугало.

— Ясно. Давай запись.

Она отключилась, экран потускнел, и над ним загорелся зеленый огонек «Свободно». И почти тут же он сменился красным: на экране материализовалось новое изображение.

Этот уже не будет швырять деньги попусту, подумала Грейс Кормет, увидев ухоженного, подтянутого мужчину лет за сорок с проницательным взглядом — твердым, но вполне вежливым. Накидка церемониального утреннего плаща была небрежно отброшена назад.

— «Неограниченные услуги»,— сказала она.— Мисс Кормет слушает.

— Э-э-э... мисс Кормет,— начал мужчина,— я бы хотел поговорить с вашим руководством.

— С начальником оперативной службы?

— Нет, мне нужен президент «Неограниченных услуг».

— А что вас интересует? Может быть, я смогу вам помочь?

— Извините, но я не могу объяснить цель своего обращения. Мне необходимо увидеть президента, и немедленно.

— Извините и вы нас, но мистер Клер очень занятой человек. Увидеться с ним без предварительной договоренности и без объяснений цели визита просто невозможно.

— Вы записываете?

— Разумеется.

— Тогда будьте добры, отключите запись.

Грейс протянула руку и на виду у клиента выключила магнитофон. Затем нажала еще одну кнопку, уже под пультом, и включила запись снова. Иногда в «Неограниченные услуги» обращались с просьбами о чем-то незаконном; служащие компании не болтали лишнего, однако предпочитали не рисковать. Мужчина выудил что-то из складок одежды и протянул в сторону мисс Кормет — из-за стереоэффекта казалось, что он тянется прямо через экран.

Лишь профессиональная выучка позволила Грейс скрыть удивление: перед ней блестела печать представителя всепланетного правительства, причем значок был зеленого цвета.

— Я договорюсь о встрече,— сказала она.

— Хорошо. И не могли бы вы встретить меня в фойе? Через десять минут.

— Я вас встречу, мистер...

Но того уже не было на экране.

Грейс соединилась с начальником оперативной службы и вызвала себе замену. Затем, отключив пульт, извлекла кассету с тайной записью разговора, взглянула на нее в нерешительности и, помедлив немного, опустила в прорезь панели, чтобы уничтожить нестойкую магнитную запись.

В кабинку вошла девушка — довольно эффектная блондинка. Она выглядела чуть заторможенной и вялой, однако на самом деле ни то ни другое к ней не относилось.

— Привет, Грейс,— сказала она.— Что-нибудь оставляешь?

— Нет. Чистый пульт.

— Что случилось? Заболела?

— Нет.

Ничего больше не объясняя, Грейс вышла из кабинки и прошла мимо целого ряда таких же помещений с операторами по особым услугам в большой зал, где работали операторы каталогизированных услуг. Здесь не было такого сложного оборудования, как в кабинке у Грейс: один только огромный талмуд с перечислением цен на все стандартные услуги компании и обычный видеофон позволяли оператору вполне успешно справляться практически с любым пожеланием клиента. Если же запросы

превышали возможности каталога, клиента соединяли с кем-нибудь из аристократов находчивости вроде Грейс.

Она срезала путь, пройдя через главную картотеку между двумя рядами стучащих телетайпов и оказалась в фойе. Пневматический лифт мгновенно доставил ее на президентский этаж. Секретарша не остановила мисс Кормет и даже не доложила о ее приходе, но Грейс заметила, как быстро забегали пальцы девушки по клавиатуре вокодера.

Обычно операторы не заходят просто так к президентам корпораций с оборотом в несколько миллиардов долларов, но компания «Неограниченные услуги» заметно отличалась от всех других на планете. Как и везде, здесь учитывали, покупали и продавали специальную подготовку, но превыше всего ценили находчивость и быстрый ум. Первым в иерархии компании стоял президент Джей Клер, вторым — его помощник Сандерс Френсис, а затем шли более двадцати операторов, принимавших заказы на особые услуги, к числу которых принадлежала и Грейс, а также менеджеры, в чью задачу входило выполнение особо сложных специальных заданий. Собственно, это была одна административная группа, поскольку операторы и менеджеры такого класса нередко просто подменяли друг друга.

За ними шли десятки тысяч других сотрудников, рассеянных по всей планете,— от главного бухгалтера, начальника юридического отдела, главного архивариуса до местных управляющих, операторов стандартных услуг и прочих, включая временных сотрудников: стенографисток, работающих где и когда требуется, повес, готовых занять пустующее место за праздничным столом, и так далее — вплоть до человека, сдающего внаем броненосцев и дрессированных блох.

Грейс прошла в кабинет мистера Клера — единственное помещение в здании, не заставленное электромеханическим, записывающим и коммуникационным оборудованием. Здесь был лишь пустой стол, несколько кресел и стереоэкран, который, не будучи занят, выглядел известной картиной Кранца «Плачущий Будда», ее оригинал находился в подземном хранилище в тысяче футов под кабинетом.

— Привет, Грейс,— поздоровался президент и придвинул ей листок бумаги.— Что ты об этом думаешь? Санс говорит, это дрянь.

Сандерс перевел спокойный взгляд своих чуть выпученных глаз с шефа на Грейс Кормет, но никак не прокомментировал сказанное.

Грейс прочла:

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ?
МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ
«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»?
Можете ли вы НЕ позволить себе «Неограниченные услуги»???
В наш реактивный век можете ли вы позволить себе тратить свое драгоценное время на то, чтобы ходить по магазинам, самим оплачивать счета, убирать жилище?
Мы отшлепаем за вас ребенка
и накормим кошку.
Мы снимем вам дом и купим новые ботинки.
Мы напишем за вас письмо теще
и подсчитаем расходы по корешкам чеков.
Для нас нет работы слишком большой или слишком незначительной — и все услуги удивительно дешевы!
«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»!
ЗВОНИТЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ!
P. S. А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК.

— И как? — спросил Клер.

— Санс прав. Дрянь.

— Почему?

— Слишком логично. Слишком многословно. Нет динамики.

— А как, по-твоему, должна выглядеть реклама для неохваченного рынка?

Грейс на секунду задумалась, затем взяла у Клера ручку и написала:

ВАМ НУЖНО КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ?
Тогда НЕ ОБРАЩАЙТЕСЬ в
«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»
По любому другому поводу звоните в ЛЮБОЕ ВРЕМЯ — окупится!
P. S. А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК

— М-м-м... Может быть...— осторожно сказал мистер Клер.— Попробуем. Санс, организуй распространение по типу «В», на две недели, только на Северную Америку. Потом дашь мне знать, как это восприняли.

Френсис спрятал листок в свой портфель, храня все то же непроницаемое выражение лица.

— А теперь, как я и говорил...— начал было президент.

— Шеф,— перебила его Грейс,— я назначила тебе встречу, через...— она взглянула на часы в перстне,— через две минуты и сорок секунд. Человек из правительства.

— Облагодетельствуй его и отправь назад. Я занят.

— Зеленый значок.

Мистер Клер встрепенулся. Даже Френсис посмотрел на нее с интересом.

— Вот как? Запись разговора у тебя с собой?

— Я ее стерла.

— Да? Впрочем, тебе видней... Твоя интуиция никогда тебя не подводила. Что ж, веди его сюда.

Она кивнула и вышла.

Спустя минуту ее человек появился в приемной для публики, и она провела его мимо нескольких постов, где в противном случае от незнакомца обязательно потребовали бы документы и стали бы выяснять причину визита. Оказавшись в кабинете Клера, гость огляделся и спросил:

— Могу ли я поговорить наедине с вами, мистер Клер?

— Мистер Френсис — моя правая рука, а с мисс Кормет вы уже общались.

— Хорошо.— Он достал зеленый значок и протянул его Клеру.— Пока обойдемся без имен, хотя я и не сомневаюсь, что на вас можно положиться.

Президент компании нетерпеливо выпрямился.

— Давайте к делу. Вы — Пьер Бьюмон, глава протокольного отдела Администрации. Что от нас требуется?

Бьюмон словно не заметил перемены стиля.

— Что ж, раз вы меня знаете... Отлично. До дела мы еще доберемся. Возможно, правительству действительно потребуются ваши услуги. Но в любом случае содержание нашего разговора должно остаться между нами.

— Все связи «Неограниченных услуг» являются служебной тайной.

— Речь идет не о служебной тайне. Мне необходима полная секретность,— сказал Бьюмон.

— Хорошо,— согласился Клер.— Продолжайте.

— Занятная у вас организация, мистер Клер. Насколько я понимаю, вы готовы взяться за любое дело — при соответствующем вознаграждении.

— Если это не противоречит закону.

— Да, конечно. Но закон можно интерпретировать по-разному. Я до сих пор восхищаюсь вашими действиями при оснащении второй экспедиции к Плутону. Некоторые ваши методы, на мой взгляд, просто м-м-м... бесподобны.

— Если у вас есть какие-то претензии, их лучше предъявить нашему юридическому отделу по обычным каналам.

Бьюмон выставил ладонь вперед.

— Ну что вы, мистер Клер. Вы неправильно меня поняли. Я не собирался критиковать, наоборот. Сколько изобретательности! Из вас вышел бы отличный дипломат!

— Ладно, давайте оставим пустые разговоры. Чего вы от нас хотите?

Бьюмон вытянул губы трубочкой, затем сказал:

— Предположим, вам необходимо принять более десятка представителей различных рас в этой планетарной системе и вы хотите, чтобы все они чувствовали себя как дома и не испытывали никаких затруднений. Такая задача вам по силам?

Клер принялся размышлять вслух:

— Давление, влажность, радиационный фон, состав атмосферы, температура, специфические особенности культуры — это все просто. А как начет силы тяжести? Мы могли бы приготовить центрифугу для юпитерианцев, но с марсианами и титанцами все гораздо сложнее. Мы не можем уменьшить притяжение Земли. Придется принимать их на орбите или на Луне. Следовательно, это не по нашей части: мы никогда не оказываем услуг за пределами стратосферы.

Бьюмон покачал головой.

— Нет. Основное условие заключается в том, чтобы встречу провести здесь, на Земле.

— Почему?

— Разве в «Неограниченных услугах» принято спрашивать, почему клиенту требуется тот или иной вид услуги?

— Нет. Извините.

— Ничего страшного. Но вам, безусловно, потребуется дополнительная информация, чтобы понять, что именно предстоит сделать и почему работа должна проводиться тайно. Очень скоро — максимум через три месяца — на Землѐ состоится конференция. Однако до официального объявления никто не должен даже догадываться о ее созыве. Если о подготовке станет известно в определенных кругах, само проведение конференции потеряет свой смысл. Считайте эту конференцию чем-то вроде «круглого стола» с участием ведущих э-э-э... ученых системы примерно такого же состава и масштаба, как сессия Академии, проходившая прошлой весной на Марсе. Вы должны подготовить все необходимое для приема делегатов, но до поры до времени скрывать эти приготовления. Что касается деталей...

— Вы, похоже, считаете, что мы уже взялись за работу,— перебил его Клер.— Но судя по вашим объяснениям, нас ждет лишь колоссальный провал. В «Неограниченных услугах» провалов не любят. Мы оба с вами знаем, что жители планет с низкой гравитацией не способны провести в условиях повышенной силы тяжести более нескольких часов — во всяком случа̀е, без серьезного ущерба своему здоровью. Межпланетные встречи всегда проводились на планетах с низкой гравитацией и всегда будут проводиться в подобных условиях.

— Да, всегда проводились,— терпеливо подтвердил Бьюмон.— Но вы представляете себе, в каком дипломатически невыгодном положении оказываются вследствие этого Земля и Венера?

— Не особенно.

— Хотя, может, это и к лучшему. Политическая психология не должна вас волновать. Но поверьте, невыгодное положение землян действительно существует, и эту конференцию Администрация намерена провести именно на Земле.

— Почему не на Луне?

Бьюмон покачал головой.

— Это не одно и то же. Хотя формально спутник находится в подчинении Земли и Луна-Сити — свободный порт, но политически это совсем разные вещи.

— Мистер Бьюмон,— сказал Клер, в свою очередь качая головой,— мне кажется, вы в такой же степени не понимаете характер работы «Неограниченных услуг», как я не понимаю тонкостей дипломатии. Мы здесь не творим чудеса и не обещаем их. Мы просто посредники, типичные маклеры из прошлого века, только объединенные в огромную корпорацию и оснащенные новейшей технологией. Мы что-то вроде отмирающего класса прислуги, но отнюдь не джинны из лампы Аладдина. У нас даже нет серьезных исследовательских лабораторий. Просто мы стараемся по возможности полно использовать последние достижения техники связи и практики менеджмента и проводить в жизнь то, что уже сделано.— Он указал на стену, где висела освященная временем эмблема компании: шотландская овчарка на натянутом поводке, обнюхивающая столб.— Вот суть нашей работы. Мы выгуливаем собак за тех, кому некогда этим заниматься. Мой дед так зарабатывал себе на колледж. И я тоже до сих пор выгуливаю собак. Но я никогда не обещаю чудес и не вмешиваюсь в политику.

Бьюмон старательно соединил кончики пальцев.

— Вы выгуливаете собак за плату. Да, разумеется, я знаю, вы ведь выгуливаете и моих псов. Пять мини-кредиток — это совсем недорого.

— Верно. И выгул сотни тысяч собак два раза в день дает совсем неплохой доход.

— Доход за выгуливание этой «собаки» будет весьма значителен.

— Сколько? — спросил Френсис, впервые выказав интерес к теме разговора.

Бьюмон перевел взгляд в его сторону.

— Результатом этого э-э-э... «круглого стола» могут стать буквально сотни миллиардов кредиток для нашей планеты. И, простите за выражение, мы жаться не станем.

— Сколько?

— Тридцать процентов от общей стоимости работ вас устроит?

Френсис покачал головой.

— Может статься, это будет не так много.

— Хорошо, давайте не будем торговаться. Мы оставим гонорар на ваше усмотрение, джентльмены, простите, мисс Кормет, и вы сами решите, сколько стоят ваши услуги. Думаю, я могу положиться на ваш планетарный и расовый патриотизм.

Френсис молча откинулся на спинку кресла, но на лице у него промелькнуло довольное выражение.

— Минутку! — запротестовал Клер.— Мы еще не дали согласия!

— Но ведь мы уже обсудили вознаграждение,— заметил Бьюмон.

Клер перевел взгляд с Френсиса на Грейс Кормет, затем стал внимательно рассматривать свои ладони.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я узнаю, возможно ли это в принципе,— сказал он наконец,— и тогда сообщу вам, возьмемся ли мы выгуливать вашу «собаку».

— Я не сомневаюсь, что возьметесь,— ответил Бьюмон, вставая и запахивая плащ.

— Ну что, умники,— произнес Клер с горечью,— допрыгались?

— Я как раз хотела вернуться к работе менеджера,— сказала Грейс.

— Всем остальным, кроме проблемы гравитации, может заниматься подчиненная команда,— предложил Френсис.— Гравитация — единственная загвоздка, остальное — ерунда.

— Разумеется,— согласился Клер,— но именно с этой загвоздкой нужно справиться. В противном случае у нас будут только колоссальные подготовительные расходы, которые нам никто не оплатит. Кому ты хочешь поручить это дело? Грейс?

— Почему бы и нет? — ответил Френсис.— Она вполне способна сосчитать до десяти.

Грейс Кормет бросила на него холодный взгляд.

— Санс Френсис, иногда я жалею, что вышла за тебя замуж.

— Семейные сцены будете устраивать дома,— предупредил Клер.— С чего начнем?

— Надо узнать, кто лучше всех разбирается в вопросах гравитации,— заявил Френсис.— Грейс, свяжись с доктором Кратволом.

— Хорошо,— сказала она и подошла к пульту стереоэкрана.— В нашем деле есть огромный плюс: вовсе не обязательно знать все, важно лишь знать, где узнать.

Доктор Кратвол входил в число постоянных сотрудников «Неограниченных услуг». И хотя в настоящий момент он не участвовал ни в одной целевой программе, компания платила ему хорошее жалование и предоставила неограниченный кредит для оплаты любых научных публикаций и поездок на разные конференции, которые время от времени устраивают ученые мужи. Доктору Кратволу недоставало упорства настоящего исследователя, он по натуре был дилетантом. Но иногда ему задавали вопросы, и тогда все затраты на него окупались.

— О, привет, моя дорогая! — Лицо доктора Кратвола на экране расплылось в улыбке.— Знаешь, я только что обнаружил в последнем номере «Нейчур» интереснейший факт. Теория Браунли предстает теперь в совершенно неожиданном...

— Секундочку, док,— перебила его Грейс.— У нас мало времени.

— Да. Слушаю.

— Кто разбирается в вопросах гравитации лучше всех?

— В каком смысле? Вам нужен астрофизик или специалист в вопросах теоретической механики? В первом случае я, пожалуй, рекомендовал бы Фаркварсона.

— Я хочу попытаться понять суть явления. Как, что и почему.

— Ага. Значит, теория поля, так? В этом случае Фаркварсон вам не нужен; он занимается по большей части описательной баллистикой. В вашем случае я бы посоветовал работы доктора Джулиана.

— Как нам с ним связаться?

— Боюсь, это невозможно: бедняга умер в прошлом году. Огромная потеря для науки.

Грейс не стала пояснять, насколько велика эта потеря, и спросила:

— Кто занял его место?

— В смысле? А, понял, вам нужен ведущий специалист в области теории поля. Это О'Нил.

— Где он?

— Мне надо будет выяснить. Я его немного знаю, с ним не очень-то легко иметь дело.

— Выясните, пожалуйста. И скажите, кто мог бы тем временем дать нам хотя бы общие представления о гравитации?

— Может, вам стоит связаться с молодым Карсоном из нашего же проектного отдела? До перехода сюда он очень активно занимался подобными вопросами. Весьма сообразительный парень — я с ним неоднократно беседовал.

— Хорошо. Спасибо, док. Свяжитесь с кабинетом шефа, как только отыщете О'Нила. Это очень срочно,— сказала Грейс и отключила аппарат.

Карсон согласился с мнением Кратвола, однако тут же высказал свои сомнения:

— О'Нил высокомерен, и с ним очень тяжело договориться. Я у него работал. Но он, без сомнения, знает о теории поля и структуре космического пространства больше, чем кто бы то ни было на Земле.

Карсона посвятили в суть дела и объяснили стоящую перед ним задачу. Он сразу признал, что не видит решения.

— Может быть, мы все-таки преувеличиваем сложность проблемы? — сказал Клер.— У меня есть кое-какие идеи. Давайте посмотрим, прав я или нет.

— Что же, давайте, шеф.

— Притяжение, насколько я понимаю, создается близостью массы, так? Соответственно, привычная нам сила тяжести создается самой Землей. Каков будет результат, если над определенной точкой поверхности планеты поместить значительную массу? Получим ли мы противодействие силе земного тяготения?

— Теоретически, да. Но это должна быть чертовски большая масса.

— Неважно.

— Очень даже важно, шеф. Чтобы полностью нейтрализовать притяжение Земли, потребуется еще одна планета такого же размера. Разумеется, если вам нужно устранить тяготение не полностью, а частично, можно использовать меньшую массу, но толку все равно не будет. Притяжение ослабевает пропорционально квадрату расстояния от центра тела — в данном случае половины диаметра,— а масса тела и соответственно создаваемая им сила тяжести уменьшаются пропорционально кубу диаметра.

— И что выходит?

Карсон что-то подсчитал, затем поднял взгляд:

— Даже говорить страшно. Тут потребовался бы довольно большой астероид, причем из свинца.

— Астероиды уже перемещали.

— Да, но на чем он будет держаться? Ничего не получится, шеф: на свете нет ни источника энергии, ни технологии, которые позволили бы вам повесить над определенной точкой на поверхности Земли большой планетоид и удержать его на месте.

— Что ж, это была всего лишь идея,— сказал Клер задумчиво.

Грейс следила за обсуждением, наморщив лоб, затем решила высказаться:

— Насколько я понимаю, гораздо эффективнее в таком случае использовать очень большую массу в маленьком объеме. Я, кажется, читала что-то о веществах, плотностью в несколько тонн на кубический дюйм.

— Ядра карликовых звезд,— согласился Карсон.— Все, что нам нужно,— это корабль, способный преодолеть несколько светолет за считаные дни, затем способ получить материю из ядра такой звезды и новая теория пространства-времени.

— Ладно. Бог с ним.

— Подождите,— заметил Френсис.— Магнетизм в определенном смысле очень напоминает гравитацию, так ведь?

— Да, пожалуй.

— А нельзя ли как-нибудь намагнитить этих гостей с маленьких планет? Может, какие-то отличия в их биохимии?..

— Хорошая идея,— согласился Карсон.— Они действительно отличаются от нас, но не настолько сильно: по большому счету это все та же органика.

— Видимо, да. Ничего не выйдет.

В этот момент вспыхнул экран, и доктор Кратвол доложил, что О'Нил в своем летнем доме в Портидже, штат Висконсин. Сам он с ним еще не связывался и, честно говоря, предпочел бы, чтобы это сделал кто-то другой.

Клер поблагодарил его и повернулся к остальным.

— Мы попусту тратим время,— заявил он.— После стольких лет нам следовало бы знать, что технические вопросы не по нашей части. Я не физик и, в конце концов, мне решительно все равно, что из себя представляет гравитация. Это дело О'Нила и

Карсона. Кстати, Карсон, вы сейчас отправляетесь в Висконсин и нанимаете О'Нила.

— Я?

— Да. Вам поручается эта операция — с соответствующей прибавкой к жалованью. Мигом в порт, ракета и кредитные документы будут готовы. Через семь-восемь минут вы должны быть в воздухе.

Карсон недоуменно захлопал глазами.

— А как насчет моей текущей работы?

— В проектный отдел сообщат, и в расчетный. Вперед!

Карсон молча направился к двери. Покидая кабинет, он уже почти бежал.

После ухода Карсона им оставалось только ждать его доклада. Но не дожидаясь результатов, они развернули деятельность по воссозданию полных физических и культурных условий трех планет и четырех крупных спутников — за исключением гравитации у поверхности каждого небесного тела. Задача, хотя и новая, в общем-то не представляла для «Неограниченных услуг» особых сложностей. Где-то кто-то наверняка знал все необходимое, и огромная гибкая организация под названием «Неограниченные услуги» начала отыскивать этих людей, нанимать и включать их в работу. Любой из операторов по особым услугам и значительный процент сотрудников рангом пониже могли браться за это дело и выполнять его спокойно, без суеты.

Френсис связался с одним из операторов по особым услугам — он даже не выбирал кого-то конкретно, просто поручил работу первому попавшемуся из свободных в данный момент: все они были готовы взяться за любое задание. Френсис подробно проинструктировал своего сотрудника и тотчас же выбросил из головы все мысли о новом проекте. Задание будет выполнено, и непременно в срок. Чуть громче застучат телетайпы, чаще засверкают стереоэкраны, и множество сообразительных молодых людей по всей Земле оставят свои прежние дела и кинутся на поиски специалистов, которые и сделают эту работу.

Он повернулся к Клеру, и тот сказал:

— Хотел бы я знать, что у Бьюмона на уме. Научная конференция — это, конечно, для отвода глаз.

— Мне казалось, что политика тебя не интересует, Джей.

— Верно, ни межпланетная, никакая другая. Разве что в тех случаях, когда от нее зависит наш бизнес. Но если бы я точно знал, что происходит, мы, возможно, сумели бы отрезать себе кусок побольше.

— Думаю,— вставила Грейс,— что соберутся крупные политики со всех планет и начнется большая дележка ресурсов системы.

— Да, но кого выкинут из игры?

— Надо полагать, Марс.

— Возможно. И бросят кость венерианцам. В таком случае есть смысл прикупить акций Юпитерианской торговой корпорации.

— Полегче тут,— предостерег Френсис.— Стоит только начать, и кто-нибудь обязательно заинтересуется, а у нас секретная работа.

— Пожалуй, ты прав. Тем не менее держи ухо востро. Наверняка найдется какой-нибудь способ погреть руки, пока вся эта история не закончилась.

Зазвонил телефон Грейс Кормет, и она достала аппарат из кармана.

— Да?

— Вас спрашивает некто миссис Хогбейн-Джонсон.

— Займитесь ею. Я сдала дежурство.

— Она не хочет говорить ни с кем, кроме вас.

— Хорошо. Подключите ее к экрану шефа, но держитесь на параллельной линии. Я с ней поговорю, а заниматься ее делом будете вы.

Экран ожил, и в центре появилось плоское, обрамленное рамкой изображение миссис Джонсон — одно только пухлое лицо.

— О, мисс Кормет,— простонала она.— Произошла ужасная ошибка. На этой ракете нет стереосвязи.

— Ее установят в Цинциннати. Минут через двадцать.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— О, благодарю вас! С вами так приятно иметь дело. И знаете, я подумываю о том, чтобы пригласить вас на должность секретарши.

— Спасибо,— ответила Грейс, не моргнув глазом,— но у меня контракт.

— Ерунда! Вы ведь можете разорвать контракт.

— Это невозможно. Извините, миссис Джонсон. До свидания,— Грейс отключила экран и снова взяла телефон.— Передайте в расчетный отдел, чтобы удвоили стоимость ее заказа. И я не намерена разговаривать с ней впредь.

Она в раздражении сунула аппарат обратно в карман. Надо же додуматься — секретарша!

После обеда, когда Клер отправился домой, позвонил Карсон, и его соединили с кабинетом Френсиса.

— Успешно? — спросил он, когда на экране возникло изображение Карсона.

— Отчасти. Я виделся с О'Нилом.

— И что же?

— Вы имеете в виду, сможет ли он выполнить работу?

— Да, именно. Сможет?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное. Я полагал, это даже теоретически невозможно. Но, поговорив с ним, понял, что очень даже возможно. У него есть новые разработки по теории поля, которые он до сих пор не публиковал. О'Нил — настоящий гений.

— Меня меньше всего волнует, гений он или идиот,— сказал Френсис.— Важно другое: построит ли он нам какой-нибудь нейтрализатор или уменьшитель гравитации?

— Думаю, да. Уверен.

— Отлично. Вы с ним договорились?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому я и звоню. Ситуация такова: я его застал в хорошем расположении духа, ну и поскольку мы когда-то вместе работали и я раздражал его реже, чем другие ассистенты, он пригласил меня остаться на обед. Поговорили о том, о сем — его просто нельзя торопить,— а потом я сделал ему предложение от лица компании. Его это слегка заинтересовало — я имею в виду сама идея, а не предложение,— и он поделился со мной кое-какими соображениями. Но работать на нас О'Нил не будет.

— Почему? Вы, очевидно, предложили ему слишком мало. Видимо, этим придется заняться мне.

— Нет, мистер Френсис, не в этом дело. Деньги его не интересуют. Он весьма состоятелен и вполне способен финансировать свои собственные исследовательские программы. У него вообще

денег больше, чем ему нужно. Но сейчас О'Нил занимается волновой механикой и не хочет отвлекаться ни на что другое.

— Вы дали ему понять, насколько важна наша работа?

— И да, и нет. Скорее, нет. Я пытался, но для него нет ничего важнее собственных планов. Своего рода интеллектуальный снобизм, если хотите. Заботы других людей его просто не трогают.

— Ладно,— сказал Френсис.— Пока я вашими действиями доволен. Теперь вы займетесь вот чем: как только мы закончим разговор, вы свяжетесь с оперативным отделом и запишете все, что запомнили из разговора с О'Нилом о теории гравитации. Мы наймем других специалистов в этой области, скормим им новую информацию и посмотрим, не возникнет ли у них каких-то годных идей. Я же тем временем назначу группу людей, чтобы проверили его прошлое. Должны же у него быть какие-то уязвимые места — нужно их только найти. Может быть, какая-нибудь женщина...

— Годы уже не те.

— ...или какие-то укрытые от налогов суммы. Разберемся. Вы оставайтесь в Портидже. Раз вам не удалось нанять его, попробуйте наняться к нему. Будете снабжать нас информацией. Нам просто необходимо узнать, о чем он, может быть, мечтает или чего боится.

— Он ничего не боится. Это совершенно точно.

— Тогда ему что-то очень нужно. Если не деньги или женщины, то обязательно что-нибудь другое. Это как закон природы.

— Сомневаюсь,— медленно произнес Карсон.— Хотя... Я еще не рассказал о его хобби?

— Нет. Что за хобби?

— Фарфор. В частности, фарфор династии Мин. Судя по всему, у него лучшая коллекция в мире. И я знаю, что ему нужно!

— И что же это? Не тяните.

— Маленькое китайское блюдечко или мисочка — дюйма четыре в диаметре и два дюйма высотой. У этой штуковины есть китайское название, которое переводится как «Цветок забвения».

— Хм... не очень обнадеживающе. Думаете, он действительно ему нужен?

— Уверен. У него в кабинете есть голограмма «Цветка» — чтобы все время был перед глазами. Но когда О'Нил говорит о нем, у него только что слезы не наворачиваются.

— Узнайте, где он находится и кому принадлежит.

— Знаю, в Британском музее. Потому-то О'Нил и не может его купить.

— Вот как? — задумчиво произнес Френсис.— Ладно, тут ничего не поделаешь. Действуйте дальше.

Клер явился в кабинет к Френсису, и они обсудили ситуацию втроем.

— Похоже, нам для этого понадобится Бьюмон,— сказал он, выслушав последние новости.— Выцарапать что-нибудь у Британского музея — на это способно только Всемирное правительство.

Френсис угрюмо молчал.

— Что ты молчишь? Я что-нибудь не то сказал?

— Кажется, я знаю, в чем дело,— пояснила Грейс.— Помнишь договор, по которому Великобритания вошла в планетарную конфедерацию?

— Историю я всегда знал неважно.

— Суть в том, что правительство Земли просто не сможет взять что-то из музея без согласия британского парламента.

— Почему? Договор договором, но мировое правительство обладает всей полнотой власти над отдельными странами. Это подтвердил еще Бразильский инцидент.

— Да, разумеется. Но в палате общин начнут задавать вопросы, а это приведет к тому, чего Бьюмон старается всеми силами избежать,— к огласке.

— Ладно. Что вы предлагаете?

— Думаю, нам с Сансом нужно прокатиться в Англию и разузнать, насколько крепко «Цветок забвения» «приколочен» к месту, кто «забивает гвозди» и какие у него слабости.

Клер посмотрел на своего помощника: взгляд Френсиса, казалось, ничего не выражал, но, зная его долгие годы, Клер понял, что тот согласен.

— О'кей,— сказал он.— Берите это дело в свои руки. Полетите специальным рейсом?

— Нет, думаю мы успеем на ночной из Нью-Йорка. Пока.

— Пока. Завтра позвоните.

* * *

Когда Грейс появилась на следующий день на экране, Клер удивленно воскликнул:

— Боже, крошка! Что ты с собой сделала?

— Мы нашли нужного человека,— коротко объяснила Грейс.— Он любит блондинок.

— Но ты, похоже, еще и кожу осветлила?

— Да. Как я тебе в таком виде?

— Изумительно! Хотя раньше ты мне нравилась больше. Что об этом думает Санс?

— Он не возражает: дело есть дело. Однако докладывать мне особенно нечего, шеф. Придется добывать товар левым путем. Обычными способами — никаких шансов.

— Не поступай опрометчиво.

— Ты же меня знаешь. Я не впутаю тебя в какую-нибудь историю. Но получится недешево.

— Разумеется.

— Тогда пока все. До завтра.

На следующий день она снова была брюнеткой.

— Что такое? — спросил Клер.— Маскарад?

— Оказалось, я не из тех блондинок, которые его интересуют,— пояснила Грейс,— но мы уже нашли подходящую.

— Сработало?

— Думаю, сработает. Санс готовит копию. Если все будет успешно, завтра увидимся.

Они вошли в кабинет — как будто бы с пустыми руками.

— Ну? — спросил Клер.— Как дела?

— Заэкранируй помещение, Джей,— предложил Френсис.— Тогда и поговорим.

Клер щелкнул тумблером интерференционного поля, и кабинет превратился в неприступную для любых следящих устройств гробницу.

— Как дела? — спросил он снова.— Достали?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс отвернулась, покопалась в одежде, извлекла «Цветок забвения» и поставила на стол шефа.

Сказать, что «Цветок» красив, значило бы вообще ничего не сказать. Он и был сама красота. Изящная простая форма без всякого орнамента — рисунок только испортил бы это чудо. Рядом с ним хотелось говорить шепотом, словно резкий звук мог уничтожить хрупкое творение искусства.

Клер потянулся было к «Цветку», но одумался и отдернул руку. Затем склонился над ним и заглянул внутрь. Дно сосуда угадывалось с трудом — как будто взгляд медленно уходил все глубже и глубже, тонул в этом средоточии света.

Он резко выпрямился, моргнул и прошептал:

— Боже... Я даже не подозревал, что на свете есть нечто подобное.

Затем посмотрел на Грейс и на Френсиса. У того в глазах стояли слезы — а может, ему показалось, потому что слезы застилали глаза ему самому.

— Послушай, Джей,— сказал наконец Френсис.— Может... Может, оставим его себе и просто откажемся от всего этого дела?

— По-моему, говорить об этом дальше бессмысленно,— устало произнес Френсис.— Мы не можем оставить его у себя. Мне не следовало предлагать это, а тебе не следовало меня слушать. Давай свяжемся с О'Нилом.

— Может, подождем еще денек и потом решимся,— предложил Клер, и его взгляд снова вернулся к «Цветку забвения».

Грейс покачала головой.

— Зачем? Завтра расстаться с ним будет еще труднее. Я просто чувствую.— Она решительно подошла к экрану и набрала нужную комбинацию.

О'Нил был очень рассержен, что его потревожили, тем более что они воспользовались экстренным кодом и вызвали его к отключенному экрану.

— В чем дело? — резко спросил он.— По какому праву вы беспокоите частное лицо, да еще через отключенный экран? Немедленно объяснитесь, и ваше счастье, если объяснение меня удовлетворит, а не то я еще в суд на вас подам.

— Мы бы хотели заказать вам небольшую работу, доктор,— спокойно начал Клер.

— Что? — О'Нил, казалось, был слишком удивлен, чтобы рассердиться всерьез.— Вы хотите сказать, что нарушили мое уединение, чтобы предложить мне работать на вас?

— Вознаграждение вас наверняка удовлетворит.

О'Нил помолчал, словно успокаивая нервы, сосчитал до десяти, затем сдержанно сказал:

— Сэр, некоторые люди считают, будто могут купить что угодно или кого угодно. Согласен, часто не без оснований. Но должен вам сказать, что я не продаюсь за деньги. И поскольку вы, по-видимому, принадлежите к числу таких людей, я приложу все усилия, чтобы это интервью обошлось вам недешево. Мой адвокат с вами свяжется. Всего доброго!

— Подождите,— торопливо сказал Клер.— Насколько я понимаю, вас интересует фарфор...

— Что, если это и так?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс бережно, почти с благоговением взяла «Цветок забвения» в руки и поднесла к экрану.

О'Нил молча наклонился вперед и впился взглядом в фарфоровый сосуд. Еще немного, и он бы, наверно, пролез сквозь экран.

— Где вы его взяли? — спросил он наконец.

— Не важно.

— Я готов его купить — назначайте цену.

— Не продается. Но вы можете получить «Цветок», если мы придет к соглашению.

О'Нил смерил его взглядом.

— Он украден.

— Ошибаетесь. И уверяю вас, вы вряд ли найдете кого-нибудь, кто заинтересуется подобным обвинением. А по поводу работы...

О'Нил оторвал взгляд от «Цветка забвения».

— Что вам от меня нужно?

Клер объяснил ему суть проблемы, и, выслушав его до конца, О'Нил покачал головой.

— Но это просто смешно!

— У нас есть основания полагать, что теоретически тут нет ничего невозможного.

— Разумеется! Теоретически можно и жить до бесконечности, только никому это еще не удавалось.

— Мы думаем, что вы справитесь.

— Благодарю, конечно... Кстати...— О'Нил ткнул пальцем в сторону Клера.— Значит, вы и подпустили ко мне этого щенка Карсона!

— Он действовал в соответствии с моими распоряжениями.

— Тогда, сэр, мне не нравятся ваши манеры.

— Ладно. Как насчет работы? И вот этого? — Клер указал на «Цветок забвения».

О'Нил снова долго его разглядывал и жевал ус.

— Предположим,— вымолвил он наконец,— я приложу все свои силы к решению вашей проблемы... и потерплю неудачу.

— Мы платим только за результат,— сказал Клер, качая головой.— Вы, разумеется, получите денежное вознаграждение, но не это. «Цветок» будет премией только в случае успеха.

О'Нил, похоже, согласился, потом вдруг обеспокоенно спросил:

— А что, если вы просто дурачите меня голограммой? Этот чертов экран не дает возможности удостовериться.

Клер пожал плечами.

— Приезжайте.

— И приеду. Немедленно. Ждите. Кстати, где вы находитесь и, черт побери, сэр, как вас зовут?

Спустя два часа О'Нил влетел в кабинет президента «Неограниченных услуг».

— Вы меня обманули! Я навел справки, «Цветок» по-прежнему в Англии. Я... Вы еще пожалеете об этом, сэр!

— Можете убедиться сами,— ответил Клер и шагнул в сторону, чтобы О'Нилу был виден стол.

Они его не тревожили, понимая, что надо дать человеку спокойно насладиться чудом, и спустя какое-то время он повернулся к ним сам, но продолжал молчать.

— Так как? — спросил Клер.

— Я построю вашу чертову машину,— сказал О'Нил хрипло.— По пути сюда я понял, с чего надо начинать.

* * *

Бьюмон явился лично за день до открытия первой сессии конференции.

— Просто светский визит, мистер Клер,— заявил он.— Я хотел выразить свое восхищение по поводу выполненной вами работы. И передать вот это.— Он вручил Клеру чек Центрального банка на оговоренную сумму.

Клер принял чек, взглянул на цифры, кивнул и, положив на стол, сказал:

— Надо понимать, правительство удовлетворено качеством наших услуг.

— Это слишком скромная оценка,— заверил его Бьюмон.— По правде сказать, я не думал, что вам удастся выполнить такой объем работ. Делегация с Каллисто сейчас как раз путешествует в одной из этих передвижных цистерн, что разработали ваши люди. Они в полном восторге. Между нами говоря, я думаю, мы можем рассчитывать на их голоса на предстоящей сессии.

— Гравитационные экраны работают нормально?

— Безукоризненно. Я заходил в одну из таких цистерн, прежде чем их передали в пользование инопланетянам, и буквально не чувствовал своего веса — меня даже замутило, как в невесомости.— Он косо улыбнулся.— В юпитерианские корпуса я тоже заглядывал — совсем другие ощущения.

— Да уж,— согласился Клер.— Когда сила тяжести в два с половиной раза больше земной, это, мягко говоря, давит.

— Что ж, задача была сложная, но вы с ней справились с честью. Мне пора идти. Впрочем, осталось еще одно дело... Я уже говорил доктору О'Нилу, что Администрацию, возможно, заинтересуют и другие сферы применения его открытия. Чтобы упростить дело, нам желательно получить от «Неограниченных услуг» отказ от претензий на эффект О'Нила.

Клер задумчиво посмотрел на «Плачущего Будду», погрыз костяшку большого пальца, затем медленно произнес:

— Нет. Боюсь, это будет сложно.

— Почему же? — спросил Бьюмон.— Таким образом нам удалось бы обойтись без вынесения судебного решения и сэкономить

время. Мы готовы признать ваше участие и компенсировать его значительной суммой.

— М-м-м. Похоже, вы не совсем понимаете ситуацию, мистер Бьюмон. Между нашим с вами контрактом и контрактом доктора О'Нила с «Неограниченными услугами» есть значительная разница. Вы заказали определенный тип услуг и определенный товар, необходимый для выполнения услуг. И то и другое мы вам предоставили — за плату. Дело сделано. А в контракте доктора О'Нила оговорено, что на время действия контракта он является нашим штатным сотрудником. Следовательно, все результаты его исследований и соответствующие патенты принадлежат «Неограниченным услугам».

— В самом деле? — удивился Бьюмон.— Доктор О'Нил придерживается иного мнения.

— Доктор О'Нил заблуждается. В самом-то деле, мистер Бьюмон, вы, фигурально выражаясь, заказали нам пушку, чтобы убить комара. Неужели вы всерьез считаете, что мы, бизнеємены, после одного выстрела выбросим пушку на свалку?

— Нет, пожалуй. Каковы ваши планы?

— Коммерческое использование гравитационного модулятора. Подозреваю, что мы получим неплохую цену за соответствующую модификацию этой машины, скажем, на Марсе.

— Да, конечно. Это было бы вполне реально. Но я буду до конца откровенен с вами, мистер Клер: скорее всего, у вас ничего не выйдет. В интересах Земли использование изобретения доктора О'Нила должно быть ограничено только этой планетой. По-видимому, Администрация сочтет необходимым вмешаться и распространение модулятора станет правительственной монополией.

— А как вы утихомирите О'Нила?

— Ввиду изменившихся обстоятельств, откровенно говоря, не знаю. У вас есть какие-то предложения?

— Корпорация, где он будет президентом и обладателем значительной части акций. Кто-нибудь из наших многообещающих молодых сотрудников станет председателем совета директоров.— Клер подумал о Карсоне, потом добавил, наблюдая за реакцией Бьюмона: — Акций будет достаточно много.

Бьюмон проигнорировал приманку.

— И надо полагать, корпорация будет работать по контракту с правительством, ее единственным клиентом?

— Что-то в этом духе.

— Что ж, пожалуй, логично. Может быть, мне стоит переговорить с доктором О'Нилом?

— Прошу вас.

Бьюмон связался с О'Нилом и, когда тот появился на экране, завел разговор вполголоса. Вернее, вполголоса говорил только Бьюмон, сам О'Нил кричал так, что едва выдерживал микрофон. Клер тем временем пригласил Френсиса и Грейс и объяснил им, что происходит.

Наконец Бьюмон повернулся к ним лицом.

— Доктор желает поговорить с вами, мистер Клер.

— Что это за чушь собачья, которую мне пришлось тут выслушивать, сэр? — спросил О'Нил, смерив Клера холодным взглядом.— Как понимать ваши слова о том, что эффект О'Нила принадлежит компании?

— Это оговорено в вашем контракте, доктор. Вы разве не помните?

— Не помню? Я даже читал эту дурацкую бумагу. Но предупреждаю: я потащу вас в суд, и разбирательство затянется на долгие годы. Я не позволю так себя дурачить!

— Подождите, доктор,— успокаивающе произнес Клер.— Мы не собираемся пользоваться преимуществом, предоставленным нам всего лишь юридической формальностью, и никто не оспаривает ваши права. Позвольте мне обрисовать, что я имею в виду...— И он вкратце изложил ему свою идею корпорации.

О'Нил внимательно дослушал, но лицо его по-прежнему хранило неумолимое выражение.

— Меня это не интересует,— сказал он резко.— Я скорее передам все свои права правительству.

— Я не упомянул еще одно условие,— добавил Клер.

— И можете не беспокоиться.

— Видимо, все же придется. Это будет, скорее, джентльменское соглашение, но оно очень важно. У вас хранится «Цветок забвения»...

— Что значит «хранится»? — мгновенно насторожился О'Нил.— Это моя собственность. *Моя*. Понятно?

— Согласен,— сказал Клер.— Однако мы делаем уступку в отношении подписанного вами контракта и хотим кое-что взамен.

— Что именно? — Упоминание о «Цветке забвения» сразу поубавило О'Нилу самоуверенности.

— Вы остаетесь владельцем «Цветка», но должны пообещать, что я, мистер Френсис и мисс Кормет имеем право появляться иногда у вас, чтобы взглянуть на ваше приобретение. Возможно, это будет случаться довольно часто.

О'Нил даже оторопел.

— Вы хотите сказать, что будете просто *смотреть* на «Цветок»?

— Да, именно.

— Просто смотреть и *наслаждаться*?

— Совершенно верно.

Теперь О'Нил взглянул на него по-новому, с уважением.

— Я не оценил вас раньше, мистер Клер. Приношу свои извинения. А насчет этой корпорации... Поступайте, как знаете. Мне все равно. Вы, мистер Френсис и мисс Кормет можете появляться и смотреть на «Цветок», когда пожелаете. Даю слово.

— Спасибо, доктор. От нас от всех,— сказал Клер быстро, насколько это было возможно, чтобы не показаться невежливым, распрощался и отключил экран.

Когда Бьюмон заговорил, в его голосе тоже чувствовалось гораздо больше уважения:

— В следующий раз я, по-видимому, просто не стану вмешиваться в подобные дела: вы справляетесь с ними гораздо лучше. Ну а сейчас мне пора прощаться. До свидания, джентльмены, до свидания, мисс Кормет.

Он вышел, дверь за ним опустилась на место, и Грейс сказала:

— Похоже, дело сделано.

— Да,— откликнулся Клер.— Мы «вывели его собаку погулять». О'Нил получил то, о чем мечтал. Бьюмон — тоже, и даже сверх того.

— Но что именно ему нужно?

— Не знаю, но подозреваю, что он хочет стать первым президентом Федеративной Солнечной Системы, если таковая когда-нибудь образуется. С нашими козырными картами у него есть шанс. Вы представляете себе потенциальные возможности эффекта О'Нила?

— Смутно,— сказал Френсис.

— А ты думал, например, какую революцию он произведет в космонавигации? Или о широчайших возможностях колонизации новых планет, которые он откроет? Или хотя бы об использовании эффекта в индустрии развлечений? В одной только этой области он сулит несметные богатства.

— А что получим с него конкретно мы?

— Как что? Деньги, старина. Горы денег. Когда даешь людям то, что они хотят, это всегда прибыльно,— сказал Клер, поднимая взгляд на эмблему компании с изображением шотландской овчарки.

— Деньги...— повторил Френсис.— Да, видимо.

— И плюс к тому,— добавила Грейс,— мы всегда можем съездить посмотреть на «Цветок».

— Она слышит вас?

— Если она на поверхности. Если сумела выбраться из корабля. Если рация в ее скафандре не повреждена. Если она включила рацию. Поскольку корабль молчит, а «маячок» отключен, невероятно, что хоть кто-нибудь выжил.

— Ее необходимо отыскать! Космическая станция, оставайтесь на связи. База Тихо, ответьте.

Сигнал задержался на три секунды — из Вашингтона до Луны и обратно.

— Начальник лунной базы на связи.

— Генерал, пусть каждый человек на Луне ищет Бетси!

Из-за задержки ответ больше напоминал брюзжание:

— Вам известны размеры Луны, сэр?

— Какая разница? Бетси Барнс находится где-то на ней, так что все ищут ее до тех пор, пока не найдут. А если она мертва, вашему драгоценному пилоту тоже лучше погибнуть!

— Луна — это почти пятнадцать миллионов квадратных миль, сэр. Если я отправлю на розыски всех своих людей, то на каждого придется больше тысячи квадратных миль. Я дал Бетси своего лучшего пилота. И я не буду выслушивать угрозы в его адрес, раз он

© Я. Кельтский, перевод

не может ответить вам. И мне неважно, кто ему угрожает, сэр! Меня тошнит от советов людей, не знакомых со здешними условиями. А вот мой вам совет, сэр,— мой официальный совет, сэр! — дайте шанс станции «Меридиан». Возможно, они там сотворят чудо.

— Ну что ж, генерал,— прозвучал недовольный ответ.— Мы с вами поговорим позже. «Меридиан»! Доложите обстановку и ваши планы...

Элизабет Барнс, «Слепая Бэтси», юный гений фортепиано, совершала турне по Луне. Она произвела настоящий фурор на базе Тихо, затем отправилась ракетой на Дальнюю базу, чтобы развлечь поселенцев на обратной стороне спутника нашей планеты. Путешествие заняло бы от силы час. Пилота Бетси дали просто на всякий случай; подобные рейсы совершались на автоматических кораблях.

После взлета ракету потеряли на радарах Тихо. Она находилась... где-то там.

Не в космосе, иначе вызвала бы помощь, а ее «маячок» заметили бы остальные корабли, космические станции и базы на поверхности. Она разбилась — или совершила вынужденную посадку — где-то на лунных пустошах.

— Директор космической станции «Меридиан» на связи...

Задержка была незаметна; радиосигнал проскакивал между Вашингтоном и станцией всего за четверть секунды.

— Станции земной стороны прослушивают эфир. Задействована станция Ньютон. Корабли с Тихо облетают Луну по терминатору. Если мы услышим радиоэхо...

— Да-да! А как идет поиск радарами?

— Сэр, ракета на поверхности Луны для радара ничем не отличается от миллионов прочих предметов такого же размера. Наш единственный шанс — это получить ответ... если они сумеют ответить. На поиск радарами высокого разрешения уйдет несколько месяцев, а скафандры рассчитаны лишь на шесть часов. Мы все молимся, что нас услышат и ответят.

— А когда ответят, вы воспользуетесь радиопоисковиком, так?

— Нет, сэр.

— Почему же, во имя Господа?

— Сэр, определитель направления для такой задачи бесполезен. Он скажет нам, что сигнал идет с луны, не более того.

— Доктор, вы хотите сказать, что услышите Бетси, но не будете знать, где она?

— Здесь мы слепы, как и она. Мы надеемся, что девочка поможет нам... если она нас услышит.

— Каким образом?

— Лазер, сэр. Узконаправленный световой луч высокой интенсивности. Она услышит его и...

— Услышит луч света?

— Да, сэр. Мы перемодулировали несущую частоту и подключили к роялю. Если девочка отзовется, мы попросим ее внимательно слушать, пока мы зондируем поверхность и...

— И все это, пока маленькая девочка умирает?

— Заткните пасть, господин президент!

— Это еще кто?

— Отец Бетси. Со мной связались из Омахи. Прошу вас, господин президент, замолчите и не мешайте этим людям работать. Я хочу вернуть свою дочь.

— Хорошо, мистер Барнс,— сухо произнес президент.— Продолжайте, директор. Сообщите, если что-то потребуется.

Директор станции «Меридиан» вытер взмокшее лицо.

— Есть что-нибудь?

— Нет. Босс, можно сделать что-нибудь с этой станцией в Рио? Они сидят прямо на нашей частоте!

— Сбросьте на них кирпич. Или бомбу. Джо, наябедничай президенту.

— Я все слышал, директор. Сейчас они замолчат.

— Ша! Тишина! Бетси... ты меня слышишь? — оператор крутил настройку.

Из динамика раздался чистый детский голос:

— ...услышать кого-нибудь! Ух, как я рада! Поторопитесь, майор ранен.

Директор прыгнул к микрофону.

— Да, Бетси, мы обязательно поторопимся. Но тебе придется помочь нам. Ты знаешь, где находишься?

— Где-то на Луне, наверное. Мы здорово ударились, и я только-только хотела подразнить майора, как ракета перевернулась. Я отвязала ремни и отыскала майора Питерса, и он не двигался. Он не умер, нет-нет, я так не считаю! Его скафандр не сдулся, и я что-то слышала, когда прижала свой шлем к его шлему. Я только что сумела открыть люк,— добавила девочка.— Мы не на обратной стороне, там должна быть ночь. А я уверена, что здесь солнце. Скафандр очень нагрелся, мне в нем жарко.

— Бетси, оставайся снаружи. Там ты сможешь нас увидеть.

— Смешно! — развеселилась девочка.— Но я смотрю ушами.

— В точности! Ими ты нас и увидишь. Бетси, мы обшариваем Луну пучком света. Ты услышишь его как удар по клавише рояля. Мы разбили поверхность на восемьдесят восемь нот. Как только услышишь звук, кричи «Есть!», а потом скажешь, какая это была нота. Сумеешь?

— Разумеется,— деловито ответила девочка.— Если только рояль не расстроен.

— Надеюсь, что нет. Ладно, мы начинаем...

— Есть!

— Какая нота, Бетси?

— Ре-диез в первой октаве.

— Это точно, Бетси?

— Я слышала.

— Где это у нас? — спросил оператор.— В Море тьмы? Сообщите немедленно генералу,— он вернулся к микрофону.— Бетси, детка, мы почти нашли вас! Теперь мы проверим только этот квадрат. Пока мы перенастраиваем аппаратуру, хочешь поговорить со своим папой?

— Да! А можно?

— Конечно же!

Минут через двадцать он прервал их на фразе:

— ...вовсе нет, папа. Ну да, испугалась немножко, когда упала ракета. Но люди обо мне позаботились. Как всегда.

— Бетси?

— Да, сэр?

— Приготовься опять слушать.

— Есть! — и через миг.— Соль в третьей октаве.

— Вот эта?

— Ага.

— Сверьтесь с картой и сеткой, пусть генерал поднимает корабли. Им нужно будет осмотреть всего десять квадратных миль. Бетси, мы почти знаем, где вы. Мы близко и скоро отыщем тебя. Может, ты пока заберешься в ракету, чтобы не перегреться на солнце?

— Мне не так уж и жарко. *Я только немного вспотела.*

Через сорок минут в динамике громыхнул генерал:

— Они нашли ракету! Девочка машет им рукой.

Наверное, нам вообще не стоило соваться в космос. Есть две вещи, которых каждый человек боится с самого рождения — шум и высота. А космос находится настолько высоко, что непонятно, зачем человек в здравом уме забирается туда, откуда, если ему не повезет, он будет падать... и падать... и падать. Впрочем, все астронавты сумасшедшие. Это известно.

Он решил, что врачи были к нему добры.

— Вам повезло. Вы не должны забывать об этом, старина. Вы еще молоды, а пенсия у вас такая, что о будущем можно не беспокоиться. Руки и ноги у вас целы, и вообще вы в прекрасной форме.

— Прекрасной! — В голос его непроизвольно закралась нотка презрения к самому себе.

— Но это на самом деле так,— продолжал мягко настаивать главный психиатр.— То, что с вами произошло, не причинило вам никакого вреда, если не считать того, что в космос вы больше не полетите. Честно говоря, я не могу назвать акрофобию неврозом — боязнь высоты вполне естественна. Вам не повезло, но если учесть, что вы пережили, то можно утверждать, что никаких отклонений у вас нет.

Одного напоминания об этом хватило, чтобы его снова начало трясти. Он закрыл глаза и увидел кружащиеся внизу звезды.

© И. Оранский, перевод

Он падал, и падение это было бесконечным. Из забытья его вывел голос психиатра:

— Успокойтесь, старина. Вы на Земле.

— Извините.

— Не за что. А теперь скажите, что вы собираетесь делать дальше?

— Не знаю. Видимо, буду искать работу.

— Компания обеспечит вас работой, вы это знаете.

Он покачал головой:

— Я не хочу слоняться по космопорту.

Он представил себе, как будет ходить здесь в рубашке с маленькой кнопкой, показывающей, что когда-то он был человеком; откликаться на уважительное обращение «капитан», доказывать, что своим прошлым он заслужил право на отдых в помещении для пилотов, замечать, как смолкает при его появлении разговор на профессиональные темы, думать о том, что говорят о нем за его спиной... Нет, спасибо!

— Я думаю, вы приняли мудрое решение. Лучше покончить с прошлым раз и навсегда, по крайней мере до тех пор, пока вы не начнете чувствовать себя лучше.

— Вы думаете, этот день когда-нибудь наступит?

Психиатр поджал губы.

— Возможно. У вас чисто функциональное расстройство, травм нет.

— Но вы уверены, что этот день придет?

— Я этого не говорил. Признаться, я просто ничего не могу сказать по этому поводу. Мы до сих пор очень мало знаем об этом заболевании.

— Понятно. Ну, я, пожалуй, пойду.

Психиатр поднялся с кресла и сунул ему свою руку.

— Позвоните, если вам что-либо потребуется. И, во всяком случае, не пропадайте навсегда.

— Спасибо.

— С вами будет все в порядке. Я в этом убежден.

Глядя в спину удаляющегося пациента, врач покачал головой. Походка этого человека уже ничем не напоминала легкую, уверенную поступь астронавта.

* * *

В то время лишь небольшая часть Нью-Йорка находилась под землей, но он, выйдя от врача, и не собирался подниматься наверх — подземка домчала его до гостиницы для холостяков. Он отыскал комнату, на двери которой светилась надпись «Свободно», опустил в прорезь монету, забросил внутрь свою спортивную сумку с пожитками и вышел. Монитор на подземном перекрестке выдал ему адрес ближайшего бюро по трудоустройству. Добравшись до места, он уселся за стол для собеседований, дал компьютеру снять отпечатки пальцев и начал заполнять анкеты. У него появилось ощущение, что он вернулся в прошлое: последний раз он искал работу еще до того, как поступил в школу астронавтов.

Графу «фамилия» он оставил пустой и, заполнив всю анкету, продолжал раздумывать. Известностью он был сыт по горло, ему не хотелось, чтобы его узнавали и вокруг него поднимался ажиотаж,— больше всего он не хотел, чтобы ему рассказывали, какой он герой. Наконец, он впечатал в пустую графу слова «Уильям Сондерс» и бросил листки в предназначенную для них щель. Он докуривал уже третью сигарету и потянулся за следующей, когда перед ним зажегся экран.

— Мистер Сондерс,— произнесла симпатичная брюнетка.— Пройдите, пожалуйста, комната семнадцать.

Когда он вошел, брюнетка указала ему на кресло и предложила сигарету.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Сондерс. Меня зовут мисс Джойс. Я бы хотела поговорить о вашем заявлении.

Он уселся и молча ждал продолжения. Увидев, что он не расположен говорить, брюнетка добавила:

— Вы назвали себя мистером Сондерсом, но судя по вашим отпечаткам, у вас другое имя. Мы знаем, кто вы на самом деле.

— Не сомневаюсь.

— Я понимаю, что раз вы назвали себя мистером Сондерсом, мистер...

— Сондерс.

— ...мистер Сондерс... Это заставило меня покопаться в вашем досье,— она достала катушку с микрофильмом, повернув ее так,

чтобы он смог разглядеть на ней свое имя.— Теперь я о вас знаю, больше, чем вы сочли нужным напечатать в анкете. У вас хороший послужной список, мистер Сондерс.

— Благодарю.

— Но я не смогу воспользоваться им, чтобы подыскать вам работу. Я даже не имею права упоминать о нем, если вы будете настаивать, что ваша фамилия Сондерс.

— Моя фамилия Сондерс,— голос его был спокойным и невозмутимым.

— Вы поступаете опрометчиво, мистер Сондерс. Существует много ситуаций, в которых престиж имени может быть совершенно законно использован для того, чтобы клиент получал гораздо более высокую ставку, чем...

— Мне это неинтересно.

Она посмотрела на него внимательно и решила не продолжать.

— Как хотите. Загляните в комнату «Б», там вы сможете пройти классификационные и профессиональные тесты.

— Благодарю.

— Если вы передумаете, мистер Сондерс, мы будем рады пересмотреть ваш вопрос. Сюда, пожалуйста.

Через три дня он уже работал в небольшой фирме по выпуску систем связи. Проверял электронное оборудование. Это была монотонная, спокойная работа, занимающая все его мысли, и к тому же легкая для человека с его опытом и классификацией. К концу трехмесячного испытательного срока он был переведен на более высокую должность.

Он устроил себе хорошо изолированное от внешнего мира логово, работал, спал, ел, иногда проводил вечер в библиотеке или Ассоциации молодых христиан, и никогда, ни при каких обстоятельствах, не выходил под открытое небо и не поднимался на высоту даже театрального балкона. Он старался вычеркнуть прошлое из памяти, но воспоминания все еще были свежи, и он нередко грезил наяву: он снова видел остроконечные звезды над замороженным Марсом, шумную ночную жизнь венерианской столицы, раздутый красный Юпитер, его гигантское обрюзгшее

тело, сплющенное у полюсов и заполнявшее собой все небо над космопортом Ганимеда.

А иногда он снова испытывал сладкое спокойствие длинных вахт во время межзвездных перелетов. Но эти воспоминания были опасны, они грозили поколебать с трудом обретенное душевное равновесие. Он слишком легко соскальзывал из настоящего в прошлое и внезапно обнаруживал, что висит, цепляясь изо всех сил за стальные бока «Валькирии»,— пальцы немеют и разжимаются, а под ним бездонный колодец космоса. Тогда он возвращался в настоящее, приходил в себя, трясясь от волнения и судорожно сжимая в руках инструмент.

Когда это в первый раз произошло с ним во время работы, он заметил, что один из его коллег, Джо Талли, смотрит на него с явным любопытством.

— Что с тобой, Билл? — поинтересовался Джо.— Похмелье?

— Да нет,— с трудом вымолвил он.— Обычная простуда.

— Ты бы лучше принял таблетку. Пойдем, уже время ленча.

Талли пошел к лифту, у которого толпился народ. Большинство работников фирмы, даже женщины, предпочитали спускаться на специальных парашютах, но Талли всегда пользовался лифтом. Тот, кто называл себя Сондерсом, разумеется, избегал спуска на парашюте, это сближало его с Талли, и за ленчем они сидели за одним столом. Он знал, что парашют безопасен, что даже если вдруг отключится энергия, его застопорит на уровне следующего этажа и спускающийся избежит даже малейших неудобств, но он не мог заставить себя шагнуть с платформы в пустоту.

Талли во всеуслышание заявлял, что после такого спуска у него болит спина, но наедине он признался Сондерсу, что просто не доверяет автоматике. Сондерс понимающе кивнул и промолчал. Его тянуло к Талли. Впервые в начале новой жизни он не чувствовал необходимости быть настороже с другим человеком и начал считать Талли своим другом. Ему даже захотелось рассказать Талли всю правду о себе. И он рассказал бы, если бы был уверен, что Джо не начнет относиться к нему как к герою. Честно говоря, он в общем-то ничего не имел против роли героя. Еще ребенком — когда он бродил вокруг космопортов, обдумывая, как попасть на борт корабля, и прогуливая уроки ради того, чтобы

наблюдать за взлетами,— он мечтал о том, что в один прекрасный день станет героем, героем космоса, возвращающимся на Землю с триумфом. Но его мучило то, что сейчас он не походил на того героя, которым мечтал быть когда-то: герой не должен избегать распахнутых окон, бояться пройти через площадь под открытым небом и наглухо замыкаться в себе при одной мысли о бесконечном космосе.

Талли пригласил его к себе домой на обед. Ему хотелось пойти, но он попробовал уклониться от приглашения, когда узнал, где живет Талли: в Шелтон Хоумс, как сказал ему Джо, имея в виду одну из этих огромных коробок-муравейников, пришедших на смену уютным домам.

— Слишком долго возвращаться,— с сомнением ответил Сондерс, проигрывая в уме, как по дороге избежать того, чего он боялся.

— Тебе не придется возвращаться,— заверил его Талли.— У нас есть комната для гостей. Ну давай, приезжай. Моя старушка отлично готовит, потому-то я с ней и живу.

— Хорошо,— согласился он.— Спасибо, Джо.— Он решил, что от станции подземки ему останется каких-нибудь полкилометра, а там можно взять такси и задернуть шторки на окнах.

Талли встретил его в прихожей и шепотом извинился:

— Хотел пригласить для тебя девушку, Билл. А вместо этого к нам заявился шурин, полное ничтожество. Прости.

— Да брось, Джо. Я рад, что пришел.

Он действительно был этому рад. Правда, известие о том, что Джо живет на тридцать пятом этаже, поначалу встревожило его, но вскоре он с облегчением обнаружил, что не чувствует высоты. В квартире горел свет, окна были закрыты, пол под ногами был твердым и прочным. Он чувствовал себя здесь в тепле и безопасности. К его удивлению, выяснилось, что миссис Талли действительно хорошая хозяйка — как и все холостяки, он не доверял домашней кухне. Ощущение того, что он дома, ему рады и ничто не угрожает, смыло внутреннюю напряженность, и он даже умудрялся пропускать мимо ушей большую часть агрессивных и самоуверенных сентенций шурина.

После обеда он расслабился в мягком кресле с бокалом пива в руке и принялся смотреть видео. Показывали музыкальную комедию, и впервые за несколько месяцев он от души посмеялся. После комедии началась религиозная программа, выступление Национального кафедрального хора,— ему нравилось так вот сидеть, прислушиваясь то к телевизору, то к разговору.

Хор уже допел «Молитву о путешествующих» до середины, когда он наконец осознал, что они поют:

Услышь, мы молимся Тебе
За тех, кто нынче в море.
О Ты, правитель всех и вся,
Тебе покорен всяк,
До звезд простерлась власть Твоя,
Ты всем внушаешь страх,
Но будь же милостлив.
Но будь Ты милосерден к тем,
Кто в космосе сейчас летит,
В бездонной пустоте.

Он хотел сразу же выключить телевизор, но не смог — он должен был дослушать это до конца, хотя слова пронзали его сердце и заставляли чувствовать себя вечным изгнанником, страдающим от невыносимой тоски по дому. Еще в школе астронавтов при исполнении этого гимна на глаза его наворачивались слезы, и сейчас он наклонил голову, чтобы никто не увидел мокрых дорожек на его щеках.

Когда хор пропел «аминь», он быстро переключил телевизор на другую, любую другую, программу и склонился над пультом, делая вид, что изучает его. Когда он повернулся к остальным, внешне он был абсолютно спокоен, но ему казалось, что все видят комок боли, набухающий и ворочающийся в его груди. Шурин все еще шумел.

— Мы должны присоединить их,— доказывал он,— и только так! Договор трех планет — вздор! Как они смеют указывать нам, чего мы можем и чего не можем делать на Марсе?

— Но, Эд,— примиряюще произнес Талли,— ведь это их планета, не так ли? Они были там первыми.

Эд не обратил на его слова никакого внимания.

— Разве мы спрашивали индейцев, нравится ли им наше присутствие в Северной Америке? Никто не имеет права цепляться за то, чем он не способен распорядиться как следует. Если правильно использовать Марс...

— Это твои собственные теории, Эд?

— Это были бы не теории, если бы наше правительство не было бы таким бесхребетным и нерешительным. Конечно, для них важнее всего права аборигенов. Какие могут быть права у сборища дегенератов?

Сондерс вдруг поймал себя на том, что сравнивает Эда Шульца с Кнатом Суутом, единственным марсианином, которого он близко знал. Интеллигентным Кнатом, который по земным меркам был уже стариком, а среди марсиан считался юношей. Кнат... Да, Кнат часами мог сидеть рядом с другом или хорошим знакомым, не говоря ни слова, потому что слова были не нужны. Марсиане называли это «расти вместе» — так «росла вместе» вся их раса, и до появления землян они не нуждались в правительстве.

Сондерс однажды спросил друга, почему он практически ни к чему не стремится и довольствуется столь малым. Прошло больше часа, и Сондерс уже начал сожалеть о своем любопытстве, когда Кнат наконец ответил:

— Мои отцы трудились, а я устал.

Сондерс поднял голову и посмотрел шурину в глаза.

— Они не дегенераты.

— Неужто? Можно подумать, что ты специалист в этом вопросе.

— Марсиане не дегенераты, они просто устали,— твердо повторил Сондерс.

Талли ухмыльнулся. Шурин, заметив его ухмылку, помрачнел.

— Откуда ты знаешь? Ты что, бывал на Марсе?

Сондерс спохватился, что утратил бдительность.

— А ты бывал? — осторожно спросил он.

— Это к делу не относится. Лучшие умы соглашаются, что...

Разговор перестал занимать Билла, и он решил больше не возражать, только с облегчением вздохнул, когда Талли заметил, что всем им утром рано вставать и, наверное, пора уже готовиться ко

сну. Билл сказал миссис Талли «спокойной ночи», поблагодарил ее за чудесный обед и отправился за Талли в гостевую комнату.

— Эд — наш семейный позор, единственный способ избавиться от него — уйти спать,— извинился Талли.— Живи у нас сколько захочешь,— он подошел к окну и открыл его.— Здесь тебе будет хорошо спаться. Мы живем достаточно высоко, и воздух у нас действительно чистый.

Он высунул голову в окно и несколько раз глубоко вдохнул.

— Ничто не заменит свежий воздух,— добавил он, отойдя от окна.— В душе я до сих пор остаюсь деревенским парнем. Что с тобой, Билл?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Мне показалось, что ты побледнел. Ну ладно, спокойного сна. Кровать разбудит тебя в семь. Ты сможешь хорошо выспаться.

— Спасибо, Джо. Спокойной ночи.

Как только Талли вышел из комнаты, он собрался с силами, подошел к окну и закрыл его. Затем, обливаясь потом, включил вентиляцию и опустился на край кровати.

Билл долго сидел так, выкуривая сигарету за сигаретой. Он понял, что ошибся, полагая, будто обрел внутреннее спокойствие. Впереди его ждали стыд за самого себя и мучительная, непроходящая душевная боль. Теперь он всегда будет пасовать перед такими ничтожествами, как Эд Шульц,— лучше бы он вообще не вышел живым из той передряги. Наконец он достал из кармана упаковку снотворного и лег, проглотив сразу пять таблеток. Потом заставил себя встать, чуть приоткрыть окно и подумал, хорошо бы выключить автоматику: пусть свет горит и когда он заснет.

Вскоре пришел сон. Он снова был в космосе — на самом деле он никогда с ним и не расставался. Он был счастлив, как человек, который проснулся и обнаружил, что все дурное, что с ним происходило, было лишь страшным сном.

Его разбудил плач. Сначала Билл испытал лишь легкое беспокойство, но затем почувствовал, что нужно что-то предпринять. Именно из-за этого плача ему начал сниться момент падения. Но для него это был не сон, а реальность. Биллу снилось, что его руки цепляются за скобы, скользят, соскальзывают, а под ногами нет ничего, лишь черная пустота космоса...

Он проснулся, судорожно ловя ртом воздух, и увидел, что лежит на кровати в квартире Джо Талли, а в комнате горит яркий свет. Но плач ему не приснился — он продолжался.

Билл потряс головой, затем прислушался.

Он понял, это была кошка, вернее, котенок. Билл сел на кровати, следовало проверить, в чем дело, даже не будь он астронавтом, для которого симпатия к кошкам была традиционной. Тем более что он сам любил их не по традиции. Кошки, опрятные и выносливые, терпеливые, хорошо переносящие перегрузки, пушистые и ласковые кошки просто нравились ему. Он встал, оглядевшись, убедился, что в комнате котенка нет, и на слух определил, что звук доносится через слегка приоткрытое окно. Билл замер от испуга и попытался собраться с мыслями. Он говорил себе, что от него ничего больше не требуется, звук, вероятно, доносится из соседнего окна. Но сам чувствовал фальшь этих заверений — звук был слишком близко. Каким-то загадочным образом котенок очутился прямо за окном, на высоте тридцати пяти этажей.

Билл снова сел и достал сигарету, но она сломалась в его дрожащих пальцах. Он уронил ее на пол, встал и сделал шесть напряженных шагов к окну — он шел так, словно его сильно толкали в спину. Затем опустился на колени, широко распахнул окно и, крепко зажмурив глаза, ухватился за подоконник.

Через некоторое время его перестало трясти. Билл открыл глаза, задохнулся и вновь зажмурился, потом снова открыл их, стараясь не смотреть на землю и звезды. Он был почти уверен, что котенок сидит на балконе прямо за окном — это было единственное разумное объяснение. Но оказалось, что балкона нет, нет ничего, где, по логике вещей, мог находиться котенок.

А мяуканье становилось все громче. Казалось, оно доносится прямо из-под его ног. Все еще держась за подоконник, Билл медленно опустил голову и заставил себя взглянуть вниз. Там метра на полтора ниже подоконника здание облегал узкий карниз. На нем сидел несчастный, жалкий котенок. Он посмотрел на человека и мяукнул.

Билл понимал, что если он ухватится одной рукой за подоконник, то сможет достать котенка, высунувшись по пояс из окна. Он прикинул, не позвать ли Талли, но решил, что не стоит. Тал-

ли был ниже его ростом и наверняка не смог бы достать котенка таким образом. К тому же спасать котенка надо было срочно, пока этот пушистый, безмозглый дурачок не свалился вниз.

Билл решил попробовать. Высунувшись, он левой рукой ухватился за подоконник и вытянул вниз правую. Затем открыл глаза и увидел, что до котенка остается каких-то двадцать-тридцать сантиметров. Котенок, увидев руку, с любопытством принюхался. Билл тянулся до тех пор, пока не захрустели кости. Котенок быстро отскочил от тянущихся к нему пальцев на несколько метров, затем уселся и принялся умываться. Всхлипывая от волнения, Билл опустился на пол прямо у окна.

— Я не могу,— прошептал он.— Я не могу сделать это еще раз...

Космический корабль «Валькирия» находился в двухстах сорока девяти днях полета от земного космопорта «Луна» и приближался к порту «Марс» на Деймосе, одном из спутников Марса. Уильям Коул, старший офицер связи и второй пилот, сладко спал, когда помощник начал трясти его.

— Эй, Билл! Проснись — у нас беда!

— Что? В чем дело? — Он уже тянулся к одежде.— В чем дело, Том?

Через пятнадцать минут Билл уже знал, что его помощник не преувеличивал: главный радиолокатор вышел из строя. Том Сэндбург обнаружил это во время очередной проверки, когда Марс уже находился в пределах досягаемости локатора. Капитан выслушал доклад и пожал плечами:

— Исправьте и побыстрее. Без локатора нам не обойтись.

Билл Коул покачал головой.

— Внутренние системы в порядке, капитан, похоже, у него отломалась антенна.

— Это невозможно. Это мог сделать только метеорит, но защитная система корабля подала бы сигнал.

— Могло произойти все, что угодно, капитан. Мог износиться металл, и она просто отвалилась. Так или иначе, антенну надо менять. Прекратите вращение корабля, я вылезу и установлю новую. Я смогу это сделать, как только корабль начнет сбрасывать обороты.

Для своего времени «Валькирия» была великолепным кораблем. Ее построили задолго до того, как родилась идея создания искусственного гравитационного поля. Тем не менее для удобства пассажиров здесь применялась антигравитация. «Валькирия» постоянно вращалась вокруг своей оси, как пуля, выпущенная из винтовки. В результате угловое ускорение — его почему-то называют центробежной силой — давало пассажирам возможность спокойно стоять или лежать в гамаках. Вращение начиналось, когда отключались ракетные ускорители, выводившие корабль на орбиту, а заканчивалось при посадке. Все это достигалось с помощью обратного вращения маховика, установленного по центру корабля.

Капитан выглядел обеспокоенным.

— Я начал сбрасывать обороты, но мы не можем долго ждать. Перестройте локатор для пилотирования.

Коул начал было объяснять, почему радиолокатор не может быть использован для работы в малом радиусе, но затем замолчал.

— Это невозможно, сэр. Технически невозможно.

— Когда я был в вашем возрасте, для меня не существовало ничего невозможного! Что ж, найдите другой выход из положения. Я не могу сажать корабль вслепую. Даже если мне дадут за это медаль Харримана.

Коул какое-то мгновение колебался, прежде чем ответить.

— Мне придется самому выйти в космос и заменить антенну. Ничего другого я предложить не могу.

Капитан отвернулся, сжав зубы.

— Готовьте запасную антенну. И поторопитесь.

Когда Коул с инструментами и запасной антенной появился в отсеке, через который нужно было выходить в космос, он увидел там капитана. К его удивлению, тот был в скафандре.

— Объясните мне, что надо делать,— приказал он.

— Неужели вы собираетесь справиться с этим сами?

Капитан молча кивнул. Билл посмотрел на талию капитана, точнее, на то место, где она должна была находиться. И подумал, что капитану лет тридцать пять, не меньше.

— Боюсь, я не смогу четко все объяснить. Я рассчитывал сделать это своими руками.

— Я никогда никому не поручал заданий, которых не могу выполнить сам. Объясните.

— Извините, сэр, вы можете подтянуться на одной руке?

— При чем здесь это?

— У нас на борту сорок восемь пассажиров...

— Хватит слов!

Билл и Сэндбург, оба в скафандрах, помогли капитану вылезти в космос. Там, за стеной отсека, была бездонная, испещренная звездами пустота. Корабль все еще вращался, и любое движение наружу означало движение вниз, туда, в миллионы миль пустоты. Естественно, они пристегнули к поясу капитана трос, и все-таки у Билла упало сердце, когда он увидел, как капитан растворяется в бездонной черной дыре. Трос, намотанный на барабан, пополз вперед, но через пару метров остановился. Прошло несколько минут, трос не шелохнулся, и Билл наклонился к Сэндбургу, упершись шлемом в его шлем:

— Подержи меня за ноги. Я выгляну наружу.

Он повис вниз головой и огляделся. Капитан неподвижно висел на руках, держась за вмонтированную в корпус скобу, так и не приблизившись к антенне. Билл дал Сэндбургу знак втащить его обратно и встал на ноги.

— Я пошел.

Повиснув на двух руках и раскачиваясь, он без особых усилий приближался к капитану. «Валькирия» была настоящим межпланетным кораблем, и, в отличие от других кораблей, на ее корпусе были скобы, предназначавшиеся для удобства портовых ремонтников. Оказавшись рядом с капитаном, Билл, ухватившись за скобу, на которой тот висел, помог ему перейти на следующую — ближе к отсеку. Пять минут спустя Сэндбург втаскивал капитана в отсек, а за ним карабкался Билл. Он отстегнул запасную антенну и инструмент от скафандра капитана и пристегнул к своему. А затем снова пополз навстречу космосу, не дожидаясь, пока капитан придет в себя настолько, что начнет возражать, если, конечно, он все еще собирался возражать.

Добраться до антенны, раскачиваясь от скобы к скобе, было не так уж сложно, хотя под ногами у него была бездна. Скафандр несколько замедлял его движение — перчатки были слишком

неуклюжими,— но он привык к скафандрам. Он был в восторге оттого, что пришел на помощь капитану, и не переставал думать об этом. Его немного беспокоило, что вращение усиливалось — отсек был расположен ближе к оси вращения, чем антенна, и он чувствовал, как растет его вес. Установить запасную антенну оказалось сложным делом. Она была нормального размера и весила немного, но оказалось, что выполнить задачу просто нереально. Одной рукой он держался за скобу, другой придерживал антенну, а гаечный ключ держать было не в чем. Как бы он ни старался, у него ничего не получалось, не хватало одной руки.

Наконец, он принял решение и дернул за страховочный трос, давая Сэндбургу сигнал ослабить его. Затем отстегнул карабин от пояса и, держась одной рукой, второй дважды обмотал трос вокруг скобы и завязал узлом, оставив висеть свободный конец двухметровой длины, и прикрепил карабин ко второй скобе. Получилась петля, нечто вроде веревочного сиденья, которое выдерживало его вес, пока он вставлял запасную антенну на место. Теперь дело пошло.

Он почти закончил работу. Ему оставалось затянуть дальний от него болт. Антенна уже была закреплена в двух местах и действовала. Он решил, что для выполнения последней задачи ему хватит одной руки. Он приподнялся со своего импровизированного сиденья и, раскачиваясь, как обезьяна, оказался с другой стороны антенны.

Когда и с этим было практически покончено, ключ вырвался из его рук и полетел вниз, вниз, вниз... У него закружилась голова, пока он смотрел на сверкающий на солнце ключ, постепенно теряющийся в черной космической мгле. До этого он был слишком занят, чтобы смотреть вниз.

По его спине пробежала дрожь.

— Слава Богу, что я все закончил,— сказал он себе.— Чтобы подобрать ключ, пришлось бы слишком далеко идти.

Он решил вернуться на то место, где находился прежде. И обнаружил, что не может этого сделать. Добираясь сюда, он раскачался, держась за трос. Теперь трос висел на другой стороне и дотянуться до него он не мог. Возвращение было невозможно.

Он висел, держась обеими руками за скобу, и уговаривал себя не поддаваться панике. Не может быть, что не окажется выхода.

Если добраться до отсека по противоположной стороне корабля? Но там корпус «Валькирии» был гладким, на протяжении двух метров там не было ни одной скобы. Даже если бы он не устал — а ему пришлось признать, что он устал и замерз,— даже если бы он был полон сил, вернуться на прежнее место хватило бы ловкости разве что шимпанзе.

Он еще раз посмотрел вниз и сразу же пожалел об этом. Под ним были звезды, бесконечные звезды в бесконечной глубине. Он попытался забраться на скобу, стараясь закинуть на нее ноги.

Это была тщетная и ненужная попытка, отнявшая у него много сил. Он подавил охвативший его страх и снова повис на руках.

С закрытыми глазами висеть было легче. Но время от времени он все же открывал их и вглядывался в то, что его окружало.

Мимо проплыла Большая Медведица, за ней — Орион. Он пытался считать минуты по количеству вращений корабля, но обнаружил, что не может быстро соображать, и опять закрыл глаза.

Руки начинали неметь и замерзать. Он решил повисеть на одной руке, чтобы вторая набралась сил. Он отпустил левую руку, почувствовал резкие уколы — начало восстанавливаться кровообращение — и постучал ею по телу. Потом решил, что пора дать передышку правой руке. Но, потянувшись к скобе левой рукой, он не смог до нее достать. У него уже не было сил на отчаянный рывок, он не мог подтянуться и схватить скобу второй рукой. Правую руку он уже не чувствовал. Он видел, как она скользит по скобе, соскальзывает с нее... Потом он почувствовал, что напряжение спало, и понял, что летит вниз... вниз. И заметил отдаляющийся от него корабль.

Когда он пришел в себя, то увидел склонившегося над ним капитана.

— Лежи спокойно, Билл.

— Где...

— Все нормально. Когда ты упал, патруль с Деймоса был уже около корабля. Их приборы зафиксировали твое падение, и они тебя подобрали. Насколько мне известно, такое — первый случай в истории. А теперь лежи спокойно. Ты болен, Билл,— ты провисел там более двух часов.

До него снова донеслось мяуканье, на этот раз оно казалось громче. Билл встал на колени и перегнулся через подоконник.

Котенок сидел на прежнем месте. Билл высунулся чуть дальше, помня о том, что смотреть надо только на котенка и никуда больше.

— Кис-кис! — позвал он.— Эй, кис-кис! Сюда, давай сюда!

Котенок перестал умываться, вид у него был озадаченный.

— Давай, котя,— мягко повторил Билл.

Он оторвал одну руку от подоконника и поманил котенка пальцем. Тот подошел чуть ближе и снова сел.

— Котик,— умоляющим голосом позвал Билл и вытянул руку как можно дальше.

Пушистый комок тут же отступил назад. Билл убрал руку и начал обдумывать ситуацию. Все его попытки оказались напрасными. Вот если бы перелезть через подоконник и встать на карниз, держась за оконную раму... Он знал, что опасности в этом нет никакой — если только не смотреть вниз!

Он встал коленями на подоконник, спиной к улице и, держась за него обеими руками, спустил вниз ноги, не отрывая взгляда от края кровати. Казалось, карниз переместился. Билл никак не мог нащупать его и уже решил, что промахнулся, когда, наконец, коснулся его пальцами ног. Карниз был сантиметров пятнадцать шириной. Он глубоко вздохнул.

Оторвав правую руку от подоконника, он повернулся и посмотрел на котенка. Того явно заинтересовало происходящее, но подходить ближе он не собирался. Билл решил, что сможет сделать несколько шагов по карнизу, держась одной рукой за оконную раму, а другой поймать котенка.

Он сделал несколько медленных, неуклюжих шагов, как ребенок, только начавший ходить. Слегка согнув колени и наклонившись вперед, он готов был схватить котенка. Котенок понюхал протянутые к нему пальцы и отскочил назад. Одна лапка соскользнула с карниза, но он тут же восстановил равновесие.

— Дурачок,— укоризненно сказал Билл,— хочешь шмякнуться своей пушистой башчонкой об асфальт? Пошевели мозгами, если они у тебя есть,— добавил он.

Положение выглядело безвыходным; теперь, как бы он ни тянулся, он не мог достать котенка, не отпуская окно. Он несколько раз позвал его без особой надежды и задумался, как быть дальше.

Он мог вернуться обратно в квартиру. Он мог простоять здесь всю ночь в надежде, что котенок подойдет ближе. Или мог ото-

рваться от окна и поймать его. Карниз был достаточно широк и спокойно выдерживал его вес. Если он прижмется к стене, то сможет держаться за нее левой рукой. Он начал медленно продвигаться вперед, держась за окно до тех пор, пока оно не ушло из-под пальцев, и перемещался так медленно, что ему показалось, будто он стоит на месте. Затем, когда его левая рука коснулась стены, он сделал ошибку, на мгновение посмотрев вниз, на сверкающую далеко под ним мостовую. Он быстро перевел глаза на стену и начал смотреть на точку, находившуюся на уровне глаз чуть впереди. Он все еще был на карнизе!

Котенок оставался на старом месте. Билл сделал шаг правой ногой и согнул колени. Его правая рука опустилась позади котенка. Он сделал резкое размашистое движение, словно ловил муху, и котенок оказался у него в руке — царапающийся и кусающийся комочек.

На секунду он замер, не обращая внимания на сопротивление котенка, и, вытянув руки вдоль стены, пошел назад. Он не видел, куда идет, так как не мог повернуть голову, в противном случае ему грозила потеря равновесия. Путь обратно казался бесконечно долгим, куда более долгим, чем путь сюда, но, наконец, кончики его пальцев коснулись рамы. Еще несколько секунд, и он, перегнувшись через подоконник, взобрался на него, присел передохнуть и перевел дыхание.

— Да,— сказал он громко,— однако тут тесновато. Ты, дружок, создаешь серьезную угрозу уличному движению.

Билл посмотрел на мостовую, до нее было далеко, и выглядела она довольно неприветливо. Он перевел взгляд на звезды. Их яркое мерцание показалось ему очень красивым. Котенок устроился поудобнее у него на коленях и замурлыкал. Билл рассеянно погладил его и потянулся за сигаретой. Он подумал, что завтра явится в космопорт и пройдет медицинские тесты, в том числе и психометрические. Он почесал котенку за ухом.

— Ну что, пушистик,— сказал он,— отправимся-ка мы с тобой в долгое-долгое путешествие.

Это история о Райслинге, Слепом Певце Космических Дорог... Разве что — не официальная версия.

В школе вы пели его слова:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.

Возможно, что пели вы по-французски или по-немецки. А может, это был эсперанто, и над вашей головой рябило радужное знамя Терры. Какой язык — не важно... Но что точно — *земной* язык. Никто не переводил «Зеленые холмы» на шепелявую венерианскую речь; ни один марсианин не каркал и не вышептывал их в длинных сухих коридорах. Эти стихи — наши. Мы с Земли экспортировали все — от голливудских «мурашек по коже» до синтетических актиноидов, но «Холмы» принадлежали исключительно Терре, ее сыновьям и дочерям, где бы они ни находились.

© Ян Юа, перевод
© М. Борисова, перевод стихов

Все слышали множество историй про Райслинга. Может, вы даже из тех, кто снискал степени или шумно приветствовал ученую оценку его опубликованных сборников, таких как «Песни космических дорог», «Большой канал и другие поэмы», «Выше и дальше» и «Кораблю — взлет!» Но хотя вы еще со школы пели его песни и читали его стихи, ставлю один к одному, что никогда вы не слышали таких, как «С той поры, как Чпок-Толкач повстречал мою кузину», «Моя рыжая мочалка из ангаров Венусбурга», «Покрепче, шкипер, держи штаны» или «Мой скафандр для двоих».

Вряд ли стоит цитировать эти вирши в семейном журнале.

Репутацию спасли Райслингу осторожный литературный душеприказчик и удивительное везение: никто никогда не брал у него интервью. «Песни космических дорог» появились через неделю после его смерти, и когда они стали бестселлером, то официальную историю свинтили из того, что о нем хоть кто-нибудь помнил плюс знойные рекламные тексты издательств. В итоге классический портрет Райслинга достоверен примерно так же, как топорик Джорджа Вашингтона или лепешки короля Альфреда. Честно говоря, у вас не возникло бы желания пригласить его к себе в гости: в обществе он был несъедобен. У него была хроническая солнечная чесотка, и он непрерывно скребся, ничем не омрачая более чем неприметную красоту.

Портрет работы Ван дер Воорта для харримановского юбилейного издания райслинговых сочинений представляет человека высокой трагедии: суровый рот, невидящие глаза под черной шелковой повязкой. Да не был он никогда суровым! Рот его всегда был распахнут: поющий, ухмыляющийся, пьющий или жрущий. Повязкой служила любая тряпка, обычно грязная. С тех пор как Райслинг потерял зрение, он все меньше и меньше заботился об опрятности собственной персоны.

«Шумный» Райслинг был джетменом второго класса — с глазами не хуже ваших,— когда имел неосторожность наняться на круговой рейс к астероидам в окрестностях старика Джови на КК «Тетеревятник». В те дни наемные экипажи не отягощались ничем; общество Ллойда расхохоталось бы вам в лицо при упоминании о страховке космонавта. Об Актах по космической безопасности и не слыхивали, а Компания отвечала лишь за оплату —

если и когда. Так что половина кораблей, ушедших за Луна-Сити, так и не вернулась. Космонавты не ведали осторожности; и охотнее всего подряжались за акции, причем любой из них держал бы пари, что сможет сигануть с двухсотого этажа Харримановской башни и благополучно приземлиться, если вы, конечно, предложите три к двум и позволите нацепить резиновые каблуки.

Джетмены были самыми беспечными из всей корабельной братии, но и самыми вредными. По сравнению с ними мастера, радисты и астрогаторы (в те дни еще не было ни суперов, ни стюардов) были изнеженными вегетарианцами. Джетмены знали слишком много. Многие доверяли способностям капитана благополучно опустить корабль на землю; джетмены знали, что это искусство беспомощно против слепых и припадочных дьяволов, закованных в двигатели.

«Тетеревятник» был первым из харримановских кораблей, переведенный с химического топлива на ядерный привод... вернее, первый, который не взорвался при этом. Райслинг хорошо знал этот корабль — это была старая лоханка, приписанная к Луна-Сити и курсировавшая по маршруту от орбитальной станции Нью-Йорк-Верх к Лейпорту и обратно — пока ее не перепаяли для глубокого космоса. Райслинг работал на ней и на маршруте Луна-Сити, и во время первого глубокого рейса к Сухим Водам на Марс и — ко всеобщему изумлению — обратно.

К тому времени как он нанялся на юпитерианский круговой рейс, ему следовало бы стать главным инженером, но после Суховодного пионерского его вышибли, внеся в черный список, и высадили в Луна-Сити за то, что вместо слежения за приборами, он провел время, сочиняя припев и несколько строф. Песенка была препакостная: «Шкипер — отец своему экипажу» с буйно-непечатным последним куплетом.

Черный список его не волновал. В Луна-Сити у китайского бармена он выиграл аккордеон, смошенничав на один палец, и продолжал существовать дальше пением для шахтеров за выпивку и чаевые, пока быстрый расход космонавтов не заставил местного агента Компании дать ему еще один шанс. Год-другой он подержал нос в чистоте на Лунном маршруте, вернулся в глубокий космос, помог Венусбургу приобрести зрелую репутацию,

давал представления на пляжах Большого Канала, когда в древней марсианской столице возникла вторая колония, ну и отморозил уши и пальцы ног во втором рейсе на Титан.

В те дни все делалось быстро. Раз уж двигатели на ядерном приводе пришлись ко двору какому-то количеству кораблей, выход из системы Луна—Терра зависел лишь от наличия экипажа. Джетмен был редкой птахой: защита урезалась до минимума, чтобы сэкономить на весе, и женатые мужчины не часто имели желание рисковать на радиоактивной сковородке. Райслинг в папаши не собирался, так что в золотые деньки бума заявок на него всегда был спрос. Он пересек и перепересек систему, распевая вирши, кипящие у него в голове, и подыгрывая себе на аккордеоне.

Мастер «Тетеревятника» его знал: капитан Хикс был астрогатором во время первого рейса Райслинга на этом корабле.

— Добро пожаловать домой, Шумный,— приветствовал он Райслинга.— Ты трезв или мне самому расписаться в книге?

— Шкипер, как можно надраться местным клопомором?

Он расписался и пошел вниз, волоча аккордеон.

Десятью минутами позже он вернулся.

— Капитан,— заявил он мрачно,— барахлит второй двигатель. Кадмиевые поглотители покорежены.

— Причем здесь я? Скажи чифу.

— Я сказал, но он уверяет, что все будет о'кей. Он ошибается.

Капитан указал на книгу.

— Вычеркивай свое имя и вали отсюда. Через тридцать минут мы поднимаем корабль.

Райслинг посмотрел на него, пожал плечами и снова пошел вниз.

До спутников Юпитера пилить долго; керогаз класса «ястреб», прежде чем выйти в свободный полет, обычно продувается три вахты. Райслинг держал вторую. Глушение реактора в те времена производилось вручную с помощью масштабного верньера и монитора контроля опасности. Когда прибор засветился красным, Райслинг попытался подкорректировать реактор — безуспешно.

Джетмены не ждут — потому они и джетмены. Он раздраил заглушку и взялся выуживать «горячие» стержни щипцами. Погас

свет, Райслинг продолжал работу. Джетмен обязан знать машинное отделение, как язык знает зубы. Райслинг мельком глянул поверх свинцового щита в тот момент, когда погас свет. Голубое радиационное свечение ему ничуть не помогало; он отдернул голову и продолжал удить на ощупь. Закончив работу, он воззвал в переговорную трубу:

— Второй двигатель накрылся. И, жопы куриные, дайте сюда свет!

Свет там был — аварийная цепь,— но не для него. Голубой радиационный мираж был последним, на что отреагировал его зрительный нерв.

Пока Пространство и Время, крутясь, ставят
звездный балет,
Слезы преодоленных мук серебряный сеют свет.
И Башни Истины, как всегда, охраняют Большой
Канал,
Никто отраженья хрупкие их не тронул,
не запятнал.
Народа уставшего плоть и мысль сгинули
без следа,
Хрустальные слезы былых богов вдаль
унесла вода,
И в сердце Марса не стало сил, и хладен
простор небес,
И воздух недвижный пророчит смерть тем,
кто еще не исчез...
Но Шпили и Башни в честь Красоты слагают
свой мадригал,
Придут времена, и вернется она сюда,
на Большой канал!

Из сборника «Большой канал», с разрешения Lux Transcription, Ltd, Лондон и Луна-Сити

На обратной петле Райслинга высадили на Марс в Сухих Водах, ребята пустили шляпу по кругу, а шкипер сделал взнос в размере двухнедельного заработка. Вот и все. *Финиш.* Еще один космический боз, которому не посчастливилось рассчитаться сра-

зу, когда сбежала удача. Один зимний месяц — или около того — он пересидел в Куда-Дальше? с изыскателями и археологами и, вероятно, смог бы остаться навсегда в обмен на песни и игру на аккордеоне. Но космонавты умирают, если сидят на месте; он заполучил место в краулере до Сухих Вод, а оттуда — в Марсополис.

Во времена расцвета столица была хороша; заводы окаймляли Большой Канал по обоим берегам и мутили древние воды мерзостью отходов. И так было до тех пор, пока Трехпланетный Договор не запретил разрушение древних руин во благо коммерции; но половина стройных сказочных башен была срыта, а оставшиеся обезображены под герметичные жилища землян.

А Райслинг так и не увидел этих перемен, и никто не сказал ему о них; когда он вновь «увидел» Марсополис, он представил его прежним, таким каким город был до того, как его рационализировали для бизнеса. Память у Райслинга была хорошей. Он стоял на прибрежной эспланаде, где предавались праздному покою великие Марсианской Древности, и видел, как красота эспланады разворачивается перед его слепыми глазами — льдисто-голубая равнина воды, не движимая прибоем, не тронутая бризом, безмятежно отражающая резкие яркие звезды марсианского неба, а за водой — кружево опор и летящие башни гения слишком нежного для нашей громыхающей, тяжелой планеты.

В результате возник «Большой канал».

Неуловимая перемена в миропонимании, давшая ему возможность видеть красоту Марсополиса — где красоты больше не было,— повлияла и на всю его жизнь. Все женщины стали для него прекрасными. Он знал их по голосам и подгонял внешность под звук. Ведь гадок душой тот, кто заговорит со слепым иначе, чем ласково и дружелюбно; сварливые брюзги, не дающие мира мужьям, даже те просветляли голоса для Райслинга.

Это населило его мир красивыми женщинами и милосердными мужчинами. «Прохождение темной звезды», «Волосы Вероники», «Смертельная песня вудсовского культа» и прочие любовные баллады были прямым следствием того, что его помыслы не были запятнаны липовыми мишурными истинами. Это делало его пробы зрелыми, превращало вирши в стихи, а иногда даже в поэзию.

Теперь у него была масса времени для размышлений, времени, чтобы точнее подбирать слова и трепать стихи до тех пор, пока они как следует не споются у него в голове. Монотонный ритм «Реактивной песни» пришел к нему, не когда он сам был джетменом, а позже, когда он путешествовал на попутках с Марса на Венеру и просиживал вахту со старым корабельным товарищем.

Когда все чисто, сдан отчет, вопросов больше нет,
Когда задраен шлюз, когда нам дан зеленый свет,
Зарплата — в норме, Бог — в душе, дорога —
в никуда,
Когда кивает капитан, и грянул взлет, тогда
Верь двигателям!
Слушай рев,
Познай крушенье основ.
Почуй на твердой койке,
Что потроха все — в стойке,
Познай безумной дрожи власть,
Познай ракеты боль и страсть.
Познай экстаз ее! Отпад!
Стальные конусы торчат,
В них — двигатели!

В барах Венусбурга он пел новые песни и кое-что из старых. Кто-нибудь пускал по кругу шапку; она возвращалась с обычной выручкой менестреля, удвоенной или утроенной в знак признания доблести духа, скрытого за повязкой на глазах. Это была легкая жизнь. Любой космопорт был ему домом, любой корабль — личным экипажем. Ни одному шкиперу не приходило в голову отказаться поднять на борт лишнюю массу слепого Райслинга и помятого ящика с аккордеоном; Райслинг мотался от Венусбурга до Лейпорта, Сухих Вод, Нью-Шанхая и обратно, когда скулеж начинал доставать его.

Он никогда не приближался к Земле ближе орбитальной станции Нью-Йорк-Верх. Даже подписывая контракт на «Песни космических дорог», он сотворил свою закорючку в пассажирском лайнере где-то между Луна-Сити и Ганимедом. Горовиц, первый его издатель, проводил на борту второй медовый месяц и услышал пение Райслинга на корабельной вечеринке. Горовиц на слух

узнавал достойное для издательского дела; полный состав «Песен» был напет прямо на пленку в радиорубке того же корабля, прежде чем Горовиц позволил Райслингу исчезнуть с горизонта. Следующие три тома были выжаты из Райслинга в Венусбурге, куда Горовиц заслал своего агента, чтобы держал Райслинга под градусом, пока тот не спел все, что вспомнил.

«Взлет!» — не совсем подлинный Райслинг. Многое, без сомнения, принадлежит Райслингу, а «Реактивная песня» несомненно его, но большую часть стихов собрали после его смерти у людей, которые знали его во времена странствий.

«Зеленые холмы Земли» рождались двадцать лет. Самый ранний известный нам вариант был сочинен на Венере во время запоя с кем-то из подконтрактных приятелей еще до того, как Райслинг ослеп. В основном стихи были про то, что намеревались наемные работяги сотворить на Земле, если и когда они ухитрятся оплатить все роскошества и позволят себе все же уехать домой. Некоторые строфы были вульгарны, некоторые — нет, но припев был явно тот же, что и в «Зеленых холмах».

Мы точно знаем, откуда и когда пришла окончательная версия «Зеленых холмов».

Это произошло на Венере на корабле с Острова Эллис, предназначенного для прямого прыжка к Великим Озерам, Иллинойс. Кораблем был старый «Сокол» — самый юный в классе «ястреб» и первый, примененный Харримановским трестом для новой политики транспортного обслуживания пассажиров экстра-класса на трассах с движением по расписанию между земными городами и любой колонией.

Верхом на «Соколе» Райслинг решил вернуться на Землю. Может, его собственная песня влезла ему под шкуру... а может, он просто возжаждал увидеть еще разок родные горы Озаркс.

Компания больше не закрывала глаза на безбилетников; Райслинг это знал, но ему никогда не приходило в голову, что правила могут относиться к нему самому. Он старел — для космонавта,— но это никак не могло сказаться на его привилегиях. Они были непреходящи — просто Райслинг знал, что он — одна из достопримечательностей космоса наряду с кометой Галлея, кольцами Сатурна и грядой Брюстера. Он зашел через люк для экипажа,

спустился на нижнюю палубу и устроил себе логово на первой же пустой противоперегрузочной койке.

Там его и обнаружил капитан, делавший на последней минуте обход корабля.

— Что это ты здесь делаешь? — вопросил он.

— Тащусь на Землю, капитан,— Райслингу не требовались глаза, чтобы различить четыре капитанские нашивки.

— Но только не на этом корабле — ты знаешь правила. Живо сворачивайся и катись отсюда. Мы поднимаем корабль.

Капитан был молод; он всплыл уже после активной зоны райслинговой жизни, но Райслинг знал этот тип — пять лет в Харриман-Холле с курсантской практикой на одном единственном рейсе вместо крепкого опыта на рейсах в Системе. Двое мужчин не имели ничего общего ни по происхождению, ни по духу: космос менялся.

— Ну, капитан, вы же не поскупитесь на путешествие домой для старого человека.

Офицер замешкался — несколько человек экипажа остановились послушать.

— Я не могу этого сделать. «Меры Космической Безопасности, статья шестая: никому не следует выходить в космос, кроме имеющих на то разрешение членов экипажа зафрахтованного корабля или оплативших проезд пассажиров данного корабля в соответствии с уставом, вытекающим из данных правил». Вставай и выметайся.

Райслинг развалился на койке, заложив руки за голову.

— Меня вынуждают уйти, но будь я проклят, если пойду сам. Несите.

— Мичман! Уберите этого человека.

Корабельный полицейский уставился на верхнюю распорку.

— Не могу сделать это должным образом, капитан. Я потянул плечо.

Прочие члены экипажа, присутствовавшие мгновением раньше, слились по цвету с переборкой.

— Ладно, позовите рабочую команду!

— Ай-ай, сэр,— полицейский тоже ушел.

Вновь заговорил Райслинг:

— Послушай, шкипер... давай без каких-то там обид. У тебя есть лазейка, если хочешь отвезти меня,— статья «Космонавт, терпящий бедствие».

— «Космонавт, терпящий бедствие», мой Бог! Ты — не космонавт, терпящий бедствие, ты — космический вымогатель. Я знаю тебя; ты годами шатался по системе. Ладно, на моем корабле это не пройдет. Эта статья предназначается, чтобы помочь в трудную минуту людям, которые потеряли свои корабли, а не позволять кому-либо свободно болтаться по космосу.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я не потерял свой корабль? После последнего путешествия по найму я так и не побывал на Земле. Закон гласит, что я имею право на обратный рейс.

— Сколько лет назад это было? Ты потерял свой шанс.

— Разве? В законе нет ни слова о том, когда человек воспользуется обратным рейсом, закон говорит просто: человек его получит. Пойди, шкипер, взгляни. Если я ошибся, я не только выйду на своих двоих, но еще извинюсь смиренно перед всем экипажем. Валяй — смотри. По-спортивному.

Райслинг готов был к эху свирепого взгляда, но шкипер лишь отвернулся и выдавился из отсека. Райслинг знал, что использовал слепоту, чтобы поставить капитана в безвыходное положение, но это его не смущало — скорее уж Райслинг наслаждался.

Десятью минутами позже прозвучала сирена, по бычьему рогу переговорки он услышал приказы для внешних постов. Когда мягкий вздох шлюзов и легкий звон в ушах дали ему знать, что отрыв от земли неминуем, он встал и пошаркал вниз, в машинное отделение, так как хотел быть поближе к двигателям, когда те рванут. На корабле класса «ястреб» провожатый ему не требовался.

Неприятности начались во время второй вахты. Райслинг развалился в инспекторском кресле, поигрывая с клавишами аккордеона и пытаясь разродится новой версией «Зеленых холмов».

Глотнуть бы воздуха без нормы
Там, где родился я на свет...

и та-ра-ра-ра-ра-ра «Земли» — как надо не паковалось. Он попробовал еще раз.

Пускай меня излечат ветры,
Те, что обвили, облегли
Грудь милой матери-планеты,
Прохладные холмы Земли.

Уже лучше, подумал он.

— Как тебе это нравится, Арчи? — спросил он сквозь приглушенный рев двигателей.

— Ничего себе. Давай-ка трави целиком.

Арчи Макдугал, старший джетмен, был старым другом по космосу и барам одновременно; много лет и миллионов миль назад он ходил в подручных у Райслинга.

Райслинг сделал ему одолжение пёсней, затем сказал:

— Вам, салагам, сладко живется. Все автоматическое. Когда я крутил такой красотке хвост, спать не приходилось.

— Да и нам, салагам, пока не удается.

Они поболтали на профессиональные темы; и Макдугал показал дампинг прямого действия, заменивший ручные верньеры, которыми пользовался Райслинг. Райслинг щупал рычаги и задавал вопросы, пока не ознакомился с новой установкой. У него все еще оставалась самонадеянная уверенность, что он по-прежнему джетмен, а его нынешнее занятие трубадура — просто уловка во время одного из пустяковых недоразумений с Компанией, мол, с кем не бывает.

— Вижу, что у тебя все еще стоят старые ручные дампинг-блины,— заметил он, порхая ловкими пальцами по приборам.

— Все, кроме приводов. Я их отсоединил: они заслоняли шкалы.

— Тебе следует держать их в готовности. Может пригодиться.

— Ну, не знаю. Я думаю...

Райслинг так никогда и не узнал, что думал Макдугал, ибо в этот миг на волю вырвалась неприятность. Макдугал поймал ее сразу и непосредственно: радиоактивный пучок сжег его на месте.

Райслинг почуял, что случилось. Сработали въевшиеся рефлексы прежнего образа жизни. Он захлопнул заглушку и одновременно дал аварийный сигнал на контрольный пульт. Затем Райслинг вспомнил о свинченных приводах. Ему пришлось долго шарить по углам, пока он не нашел их. В то же время он пытался вытащить максимум пользы от радиационных экранов. Его волновало только, где лежат приводы. Все остальное здесь было для него на свету, как в любом другом месте; он знал каждую пипку, каждый рычаг так же, как знал клавиши своего аккордеона.

— Машинное! Машинное! Что за тревога?

— Не входить! — крикнул Райслинг.— Здесь «горячо».

Это «горячо», подобное солнцу пустыни, он чувствовал лицом и костями.

После проклятий на все дурные головы за неудачу с гаечным ключом, который был ему нужен, он поставил приводы на место. Затем предпринял попытки исправить положение вручную. Работа была долгая и деликатная. Но вскоре он понял, что следует развалить двигатель, реактор и — все.

Первым делом он доложился:

— Контроль!

— Контроль, айе!

— Развалить третий двигатель — авария.

— Это Макдугал?

— Макдугал мертв. Райслинг на вахте. Оставайтесь на связи.

Ответа не было; шкипер мог быть ошарашенным, но не мог вмешаться в аврал машинного отделения. Он должен был считаться с кораблем, пассажирами и экипажем. Двери пришлось оставить закрытыми.

Должно быть, еще больше капитан удивился тому, что Райслинг послал на запись. Вот что это было:

Мы на гнилой Венере пухли,
Где тошнотворен каждый вздох,
Где падалью смердели джунгли
И гибелью сочился мох.

Во время работы Райслинг переписал всю Солнечную систему: «... острые, яркие скалы Луны... радужные кольца Сатурна... морозные ночи Титана...», все это пока открывал и разваливал двигатель и пока удил его начисто. Завершил он дополнительным припевом:

Пылинку в небе мы отыщем
Глядишь — и в списки занесли.
Вернуться бы к людским жилищам
На ласковых холмах Земли...

...затем в рассеянности вспомнил, что хотел присоединить исправленный первый куплет:

А в небесах полно работы,
И ждут, и манят нас они.
Готовность! Старт! И пропасть взлета!
Внизу — увядшие огни.
В путь, сыновья великой Терры.
Могучий двигатель ревет.
Отринув страх, не зная меры,
Вперед и ввысь! И вновь — вперед!

Теперь корабль был в безопасности и мог спокойно дохромать до дома без одного двигателя. Относительно себя Райслинг не был так уверен. «Ожог» кажется острым, думал он. Райслинг не мог видеть яркий розоватый туман, клубящийся в отсеке, но знал, что он есть. Райслинг продолжил реанимацию продуванием воздуха через внешний клапан, и повторил это несколько раз, позволяя уровню радиации упасть так, чтобы его смог выдержать человек в соответствующих доспехах. Занимаясь этим, он послал еще один припев, последний кусочек подлинного Райслинга, который когда-либо мог быть:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.

— Не будь таким сентиментальным болваном, Сэм!

— Сентиментальный я или нет,— упорствовал Сэм,— но, когда я вижу рабство, я понимаю, что это — рабство. А на Венере царит самое настоящее рабство!

Хамфри Уингейт фыркнул:

— Просто смешно! Служащие Компании работают по законным, добровольно заключенным контрактам.

Сэм Джонс удивленно поднял брови:

— В самом деле? Что же это за контракт, на основании которого человека бросают в тюрьму, если он уходит с работы?

— Неверно! Каждый рабочий имеет право уволиться после обычного двухнедельного предупреждения,— уж мне ли не знать! Я...

— Да, да,— устало согласился Джонс.— Ты юрист. Тебе все известно насчет контрактов. Одна беда с тобой, придурком тупоголовым. Ты не понимаешь ровно ничего, кроме юридической фразеологии. Свободный контракт — черта с два! А то, о чем

© М. Ермашова, перевод

говорю я,— факты, а не казуистика. Мне безразлично, что написано в контракте, но фактически люди там — рабы!

Уингейт осушил свой бокал и поставил его на стол.

— Значит, по-твоему, я тупоголовый придурок? Ну что ж, я скажу тебе, Сэм Хьюстон Джонс, кто ты такой: недоделанный салонный — даже не «красный» — «розовый»! Тебе никогда в жизни не приходилось зарабатывать на хлеб, и ты находишь просто ужасным, что другому приходится это делать. Нет, погоди минутку,— продолжал он, увидев, что Джонс порывается что-то сказать,— послушай меня. Работники Компании на Венере гораздо лучше устроены, чем большинство людей их класса здесь, на Земле. Им обеспечена работа, питание, жилье. Если они заболевают, им оказывается медицинская помощь. Но беда в том, что эти люди не хотят работать...

— А кто хочет работать?

— Не смешно. Если бы они не были связаны довольно жестким контрактом, ничто не помешало бы им бросить хорошую работу, как только она им надоест, и потребовать от Компании бесплатного проезда обратно на Землю. Так вот, хоть это и не приходит тебе в голову, в твою благородную, склонную к благотворительности милосердную голову, но Компания имеет обязательства по отношению к своим акционерам — к тебе, в частности! — и не может позволить себе гонять туда и обратно межпланетный транспорт для людей, считающих, что мир обязан их содержать.

— Ты убил меня своим сарказмом, дружище,— проговорил Джонс, сделав гримасу.— Я стыжусь того, что я акционер.

— Тогда почему же ты не продашь свои акции?

На лице Джонса отразилось негодование.

— Какое же это разрешение вопроса? Ты думаешь, что, спустив свои акции, я могу снять с себя ответственность за то, что мне известно о Венере?

— Да ну их к черту! — воскликнул Уингейт.— Пей!

— Ладно,— согласился Джонс. Это был его первый вечер после возвращения из учебного полета в качестве офицера запаса; теперь надо было наверстывать упущенное. «Скверно,— подумал Уингейт,— что этот полет привел его именно на Венеру...».

* * *

— Вставайте! Вставайте! Поднимайтесь! Па-адъем, бездельники! Выкатывайтесь отсюда! Пошевеливайтесь!

Уингейту показалось, что этот хриплый голос пропиливает насквозь его больную голову. Едва он открыл глаза, как его ослепил резкий свет, и он тут же зажмурился. Но голос не собирался оставлять его в покое:

— Десять минут до завтрака,— дребезжал он.— Идите, получайте свой завтрак, не то мы его выкинем!

Уингейт опять открыл глаза и, напрягая всю силу воли, заставил себя поглядеть вокруг. На уровне его глаз двигались ноги, большей частью в джинсах, но иногда и голые — то была отталкивающая, обросшая волосами нагота. Неразбериха мужских голосов, в которой он мог уловить отдельные слова, но не фразы, сопровождалась неотвязным аккомпанементом металлических звуков, приглушенных, но проникающих повсюду: шррг, шррг, бомм!

Шррг, шррг, бомм! Каждое такое «бомм» ударяло по его трещавшей от боли голове. Но еще сильнее бил по его нервам другой шум — монотонное жужжание и шипение; он не мог определить, откуда идет этот шум.

Воздух был насыщен запахом человеческих тел, скученных на слишком тесном пространстве. Запах не был настолько отчетлив, чтобы назвать его зловонием, и в воздухе было достаточно кислорода. В помещении ощущался теплый, слегка отдающий мускусом запах тел, все еще согретых постелью,— не грязных, но и не свежевымытых. Это было угнетающе и неаппетитно, а в его нынешнем состоянии почти тошнотворно.

Уингейт мало-помалу начал осматриваться: он находился в каком-то помещении вроде казармы. Там было полно народу — мужчин, которые вставали, шлепали ногами по полу, одевались. Уингейт лежал на нижней, первой из четырех узких коек, громоздившихся у стены. Сквозь просветы между ног, двигавшихся мимо его лица, он мог видеть такие же этажи коек вдоль стен, от пола до потолка. Кто-то присел на край койки и, натягивая носки, прижался широкой задницей к его ногам. Уингейт подтянул ноги. Незнакомец повернул к нему лицо.

— Присел на тебя малость, приятель? Извини.— Затем добродушно добавил: — Лучше выматывайся отсюда. Старшина будет орать, чтобы все койки были подняты.

Он широко зевнул и встал, уже позабыв об Уингейте и его делах.

— Погодите минутку! — быстро окликнул его Уингейт.

— А?

— Где я? В тюрьме?

Незнакомец с беззлобным интересом пристально посмотрел в налитые кровью глаза Уингейта, на его отекшее, неумытое лицо.

— Эх, парень-парень, ты, видно, здорово набрался на свои подъемные!

— Подъемные? О чем вы, черт возьми, толкуете?

— Господи, да ты что, честно не знаешь, где находишься?

— Нет.

— Да ведь...— У него, казалось, не было большой охоты говорить о вещах само собой разумеющихся, однако по лицу Уингейта видно было, что тот действительно ничего не знает.— Что ж, ты на «Вечерней Звезде» летишь на Венеру.

Несколько минут спустя незнакомец тронул его за рукав.

— Не огорчайся так, приятель. Не о чем переживать.

Уингейт отнял руки от лица и прижал их к вискам.

— Не может быть,— сказал он, обращаясь больше к себе, чем к кому-либо другому,— не может быть...

— Кончай! Пошли завтракать.

— Я не хочу есть.

— Да пошли ты все это подальше. Я понимаю, каково тебе сейчас... Со мной тоже такое бывало. Все же поесть надо.

Подошедший старшина корабельной полиции разрешил спор, ткнув Уингейта дубинкой в бок.

— Что здесь, по-твоему, лазарет или салон первого класса? Подними-ка койку на крюки!

— Потише, начальник,— примирительно сказал новый знакомый Уингейта,— нашему приятелю сегодня не по себе.

Он одной рукой стащил Уингейта с койки и поставил на ноги, а другой — поднял койку вверх, плотно прижав ее к стене; крюки щелкнули, и койка закрепилась вдоль стены.

— Ему будет еще больше не по себе, если он вздумает нарушать заведенный порядок,— предупредил унтер-офицер и прошел дальше.

Уингейт неподвижно стоял босиком на плитах холодного пола; его охватило ощущение беспомощности и нерешительности, которое усиливалось оттого, что он был в одном нижнем белье. Его покровитель внимательно разглядывал эту жалкую фигуру.

— Ты забыл свой мешок. Вот...

Он просунул руку в углубление между нижней койкой и стеной и вытащил оттуда плоский полиэтиленовый пакет. Сломав печать, он вынул содержимое — рабочий комбинезон из джинсовой ткани. Уингейт с благодарностью надел его.

— После завтрака добейся у надсмотрщика пары башмаков,— добавил его новый друг.— А сейчас нам надо поесть.

Когда они подходили к камбузу, последний из очереди как раз отошел от окошка и оно захлопнулось. Товарищ Уингейта застучал в него кулаком:

— Откройте!

Окошко с шумом распахнулось.

— Добавок нет! — изрекла появившаяся в просвете физиономия.

Незнакомец просунул в окошко руку, чтобы оно снова не захлопнулось.

— Мы не хотим добавки, приятель,— сказал он,— мы еще не начинали.

— Так чего же вы, черт подери, не можете приходить вовремя? — заворчал человек в камбузе. Все же он кинул на широкий подоконник два порционных пакета.

Незнакомец передал Уингейту один пакет и присел прямо на пол, прислонясь спиной к переборке камбуза.

— Как тебя зовут? — спросил он, раскрывая свой картонный пакет.— Меня — Хартли, Большеротый Хартли.

— А меня — Хамфри Уингейт.

— Ладно, Хамф. Рад познакомиться. Так что это за спектакль ты мне тут устроил?

Он подхватил ложкой огромный кусок яичницы и отпил глоток кофе из уголка бумажного пакетика.

— Меня, наверно, напоили и втащили на корабль,— сказал Уингейт, и лицо его исказилось от тревоги. Он попытался выпить кофе, подражая Хартли, но коричневая жидкость вылилась ему на лицо.

— Эй, это не дело! — воскликнул Хартли.— Сунь уголок в рот и не нажимай, а только соси. Вот так! Он продемонстрировал свой метод.— Твоя версия звучит для меня не очень убедительно. Компании не приходится вербовать людей обманным путем, когда целые толпы ждут очереди, чтобы завербоваться. Что же случилось? Может, вспомнишь?

Уингейт попытался это сделать.

— Последнее, что я помню,— проговорил он,— это ссору с водителем из-за проездной платы.

Хартли кивнул:

— Они всегда мошенничают. Думаешь, он тебя оглушил?

— Ну нет... вряд ли. Чувствую я себя вроде неплохо, если бы не проклятое похмелье...

— Пройдет. Можешь радоваться, что «Вечерняя Звезда» — корабль с большой силой тяжести, а не траекторная штука. Вот где бы ты был по-настоящему болен, уж поверь мне.

— Что это значит?

— А то, что на таком корабле то ускоряют, то замедляют скорость полета. Им приходится это делать, потому что это пассажирский корабль. Если бы нас послали на транспортном, было бы совсем другое дело. Вами просто-напросто выстреливают, и вы летите по траектории без силы тяжести весь остальной путь. Вот там новичкам достается!

Он ухмыльнулся. Уингейт был не в состоянии распространяться насчет каких-нибудь других тяжких испытаний, кроме тех, что выпали на его долю в данный момент.

— Совершенно не могу себе представить, как я сюда попал,— повторил он.— Вы не думаете, что они могли втащить меня на борт по ошибке, принимая за кого-то другого?

— Не могу сказать. Послушай, ты не собираешься кончать свой завтрак?

— Мне хватит.

Хартли воспринял эти слова как приглашение и быстро управился с порцией Уингейта. Потом он встал, скомкал оба картонных пакета и, бросив их в мусоропровод, сказал:

— Что же ты теперь намерен делать?

— Что я намерен делать? — На лице Уингейта появилось выражение решимости.— Я собираюсь отправиться прямо к капитану и потребовать у него объяснений — вот что я намерен делать!

— Я действовал бы осторожнее, Хамф,— заметил Хартли с сомнением в голосе.

— К черту осторожность! — Уингейт быстро вскочил.— Ох, моя голова!

Чтобы отделаться от него, старшина направил Хамфа к своему начальнику. Хартли ждал вместе с Уингейтом за дверью каюты, чтобы составить ему компанию.

— Постарайся уладить дело как можно скорее,— посоветовал он.

— Почему?

— Мы через несколько часов сядем на Луне, чтобы запастись горючим. Эта остановка будет твоим последним шансом выбраться отсюда, если ты, конечно, не захочешь идти обратно пешком.

— Я не подумал об этом,— обрадовался Уингейт.— Я считал, что мне при всех условиях придется проделать весь круговой рейс.

— Это вполне возможно; но ты через одну-две недели мог бы пересесть на Луне в «Утреннюю Звезду». Если они допустили ошибку, им придется вернуть тебя обратно на Землю.

— Это уж я устрою,— с воодушевлением сказал Уингейт.— Я пойду в Луна-Сити прямо в банк и поручу снестись с моим банком, чтобы получить аккредитив и купить билет на рейс Луна — Земля.

В обращении Хартли произошла еле уловимая перемена. Он никогда в жизни не получал в банке аккредитив. Может быть, такому человеку, как его новый знакомый, действительно достаточно пойти к капитану, чтобы добиться своего!

Полицейский офицер слушал историю Уингейта с явным нетерпением и скоро прервал его, чтобы просмотреть список эмигрантов. Проведя пальцем по всему списку до буквы «У», он указал на соответствующую строчку. Уингейт прочитал ее, чувствуя, как у него холодеет сердце. Тут стояло его имя, правильно написанное.

— А теперь мотай отсюда,— приказал офицер,— и не отнимай у меня время.

Но Уингейт был тверд.

— Этот вопрос отнюдь не вашей компетенции. Я требую, чтобы вы провели меня к капитану.

— Да вы...

Один момент Уингейту казалось, что этот человек его ударит. Он решил предостеречь его.

— Будьте осторожны. Вы, видимо, являетесь жертвой непреднамеренной ошибки, но перед законом ваша позиция будет весьма шаткой, если вы будете игнорировать статьи космического права, на основании которого этот корабль лицензирован. Не думаю, что ваш капитан очень обрадуется, когда ему придется давать объяснения по поводу ваших действий в федеральном суде.

Было ясно, что он разозлил этого полицейского. Но человек не становится офицером, если он подвергает риску своих начальников. По лицу офицера заходили желваки, и он молча нажал кнопку. Появился младший старшина.

— Проводите этого человека к администратору.— он повернулся спиной к Уингейту в знак того, что аудиенция окончена, и стал набирать номер по внутреннему телефону.

Уингейта быстро пропустили к администратору, который одновременно являлся коммерческим агентом Компании.

— Что произошло? — спросил администратор.— Если у вас есть жалоба, почему вы не можете подать ее в обычном порядке на утреннем приеме?

Уингейт объяснил свое дело, насколько мог ясно и убедительно.

— Итак,— сказал он в заключение,— я хочу, чтобы меня высадили в Луна-Сити. У меня нет никакой охоты доставлять Компании какие-либо неприятности из-за того, что, несомненно, явилось следствием моей собственной непредумышленной ошибки. Тем более — я вынужден это признать — возлияния в этот вечер были довольно обильны, и, возможно, в какой-то степени я сам был виной недоразумения.

Рассеянно выслушавший его администратор ничего не ответил. Он стал рыться в возвышавшейся на одном конце стола груде папок, вынул одну и раскрыл. Перед ним лежала пачка официальных бумаг стандартного размера, скрепленных в верхнем углу. Несколько минут он лениво изучал их. Уингейт ждал.

Астматическое дыхание администратора с шумом вырывалось из его легких, и он то и дело постукивал ногтями по зубам.

Уингейт подумал, что, если этот человек еще хоть раз протянет руку ко рту, он, Уингейт, завопит и начнет швырять вещи на пол. В этот момент администратор бросил ему через стол папку.

— Взгляните сюда,— сказал он.

Уингейт увидел, что одна из бумаг — это контракт между Хамфри Уингейтом и Компанией по эксплуатации Венеры сроком на шесть лет, оформленный по всем правилам.

— Это ваша подпись? — спросил администратор.

Профессиональная осторожность Уингейта сослужила ему хорошую службу. Желая выиграть время, он тщательно изучал подпись и старался овладеть собой.

— Что ж,— сказал он наконец.— Я согласен, что эта подпись очень похожа на мою, но я не признаю, что это — моя подпись. Я не графолог.

Администратор раздраженно отмахнулся:

— У меня нет времени препираться с вами. Давайте проверим отпечаток пальца. Вот! — Он кинул через стол полоску бумаги для оттиска.

Уингейт хотел было воспользоваться своим законным правом и отказаться... Нет, ему это только повредило бы. Терять было нечего — на контракте не могло быть отпечатка его пальца. Если только не...

Но все было правильно. Даже своим неопытным глазом он видел, что оттиски одинаковы. Он поборол охватившую его панику. Может быть, все это кошмар, вызванный его вчерашним спором с Джонсом? А если не кошмар, а явь, то не мистификация ли это, которую он должен раскрыть?.. Но людей его положения не мистифицируют, вся эта история слишком смехотворна. Он осторожно подбирал слова:

— Я не хочу оспаривать вашу позицию, дорогой сэр. Некоторым образом мы оба, вы и я, стали жертвами достойной сожаления шутки. Вряд ли надо доказывать, что у человека в бессознательном состоянии, в каком я, очевидно, вчера находился, могли взять оттиск пальца без его ведома. С первого взгляда контракт действителен, и я, конечно, признаю вашу добросовестность в этом деле. Но фактически у документа не хватает одного необходимого для всякого контракта элемента.

— Какого?

— Намерения обеих сторон войти в договорные отношения. Невзирая на подпись и оттиск пальца, фактом является то, что у меня не было намерения заключить договор, и это легко может быть доказано другими фактами. Я преуспевающий адвокат с хорошей практикой, как покажут уплачиваемые мною налоги. Бессмысленно предполагать — и ни один суд этому не поверит,— что я добровольно отказался от моей привычной жизни ради шести лет работы по контракту со значительно меньшим доходом.

— Ах, так, значит, вы адвокат? Тогда, если и было жульничество — то с вашей стороны. Почему вы выдаете себя здесь за радиотехника?

При этой неожиданной фланговой атаке Уингейтом снова овладела паника. Он в самом деле был специалистом по радио — это было его хобби, но как они об этом узнали? «Молчи! — сказал он себе.— Не признавай ничего!»

— Все это вздор,— запротестовал он.— Я требую, чтобы меня пропустили к капитану! Я могу расторгнуть этот договор в течение десяти минут!

Администратор немного выждал, прежде чем ответить.

— Вы кончили?

— Да.

— Очень хорошо. Теперь буду говорить я. Послушайте меня, господин космический адвокат. Проект этого контракта составлен хитрейшими юридическими умами на двух планетах. При этом особенно учитывалось, что контракты будут подписывать лодыри, которые сначала пропьют свои подъемные, а затем решат, что вовсе не желают работать на Венере. Этот контракт предупреждает всякие возможные протесты, и он так хорошо продуман, что его не расторгнет сам дьявол. Ваши басни уличного адвоката в данном случае слушает тоже не дурачок. Вы говорите с человеком, который знает — юридически,— на каком он свете. А насчет свидания с капитаном,— если вы думаете, что командиру такого корабля больше нечего делать, как слушать горячечный бред самозваного профессионального болтуна, то вы очень ошибаетесь! Возвращайтесь-ка в казарму!

Уингейт хотел что-то сказать, но потом раздумал и повернулся, чтобы идти. Ему нужно было поразмыслить обо всем этом. Администратор остановил его:

— Постойте. Вот копия вашего контракта.— Он кинул бумаги, и тонкие белые листы рассыпались по полу. Уингейт подобрал их и молча вышел.

Хартли ждал его в коридоре.

— Как дела, Хамф?

— Неважно. Я не хочу об этом говорить. Мне надо подумать.

Не говоря ни слова, они возвращались той же дорогой, которой пришли, и вскоре подошли к трапу, который вел на нижние палубы космического корабля. В этот момент по нему поднимался какой-то человек. Уингейт отметил это без всякого интереса.

Потом он еще раз поднял взгляд. Внезапно нелепые события этого дня сплелись в единую цепь, и он, обрадованный, закричал:

— Сэм! Ах ты, старый пьянчуга! Я должен был догадаться, что это твоя проделка!

Все теперь ясно. Сэм инсценировал все это похищение и, напоив Хамфри, отправил его в полет. Шкипер был, вероятно, его приятель — какой-нибудь офицер запаса, и они вдвоем состряпали это дело. Разумеется, это была грубая шутка, но он был слишком счастлив, чтобы сердиться. Джонс все равно заплатит ему за свои штучки — как-нибудь на обратном пути из Луна-Сити.

Тут только он заметил, что Джонс оставался серьезным. Более того, он был одет в такой же синий комбинезон, какой был на завербованных рабочих.

— Хамф,— сказал он,— ты все еще пьян?

— Я? Нет. В чем де...

— Неужели ты не понимаешь, что мы попали в переделку?

— Ах, черт, Сэм, шутка шуткой, но теперь уж хватит! Я понимаю, говорю тебе. Я не сержусь, это было здорово разыграно!

— Разыграно? — проговорил Джонс с горечью.— Или ты тоже меня разыгрывал, когда уговаривал завербоваться?

— *Я* уговаривал *тебя* завербоваться?

— Да, конечно. Ты был так чертовски уверен, что знаешь, о чем говоришь. Ты утверждал, что мы можем завербоваться, провести месяц или около того на Венере и вернуться домой. Ты хотел держать со мной пари, и вот мы поехали в доки и нанялись. Нам это показалось блестящей идеей — единственным способом разрешить наш спор.

Уингейт тихо свистнул.

— Будь я... Сэм! Я ни черта не помню. Я, должно быть, изрядно выпил, прежде чем потерял сознание.

— Да, очевидно, так. Жаль, что ты не потерял сознание раньше. Но я не виню тебя. Не насильно же ты меня тащил. Во всяком случае, я сейчас пойду, чтобы попытаться поправить дело.

— Погоди-ка, послушай раньше, что случилось со мной. Ах да, Сэм, это Большеротый Хартли. Хороший парень!

Хартли стоял рядом в нерешительном ожидании; он шагнул вперед и поздоровался. Уингейт рассказал Джонсу обо всем и добавил:

— Так что, как видишь, тебе вряд ли окажут радушный прием. Я, вероятно, уже все испортил. Но нам обязательно удастся расторгнуть контракт, как только мы сможем добиться разбора дела, если сошлемся на время заключения договора. Мы завербовались менее чем за двенадцать часов до отбытия корабля. Это противоречит Космическому предохранительному акту.

— Да, да, я понимаю. Луна находится в своей последней четверти. Они, наверное, стартуют вскоре после полуночи, чтобы воспользоваться благоприятным положением Земли. Интересно, который был час, когда мы завербовались?

Уингейт достал копию своего контракта. Нотариальная печать указывала время одиннадцать часов тридцать две минуты.

— Слава богу! — крикнул он.— Я знал, что тут где-нибудь окажется ошибка. Контракт недействителен — сразу видно. Это докажет бортовой журнал.

Джонс внимательно изучал бумагу.

— Взгляни еще раз,— сказал он.— Печать показывает одиннадцать, только утра, а не вечера.

— Но это невозможно,— запротестовал Уингейт.

— Да, конечно. Однако это — официальная отметка. Очевидно, их версия будет такова, что мы завербовались утром, нам выдали подъемные и мы устроили великолепный кутеж, после чего нас потащили на борт. Я как будто припоминаю, что у нас были хлопоты с вербовщиком, который не хотел нас нанимать. Возможно, мы уговорили его, отдав ему свои подъемные.

— Но ведь мы нанимались не утром. Это неправда, и я могу это доказать!

— Разумеется, ты можешь это доказать, но *как ты можешь это доказать прежде, чем вернешься на Землю*?

— Вот таково положение,— заключил Джонс после нескольких минут довольно бесплодной дискуссии.— Нет никакого смысла пытаться расторгнуть наши контракты, во всяком случае здесь: нас просто высмеют. Единственное, что остается,— это сделать попытку столковаться при помощи денег. Только таким образом нам, мне кажется, удастся выбраться отсюда в Луна-Сити — внести деньги в банк Компании, и к тому же много денег!

— Сколько?

— Тысяч двадцать по меньшей мере...

— Но это несправедливо!

— Перестань, пожалуйста, толковать о справедливости. Неужели ты не можешь понять, что они взяли нас за то место, где волосы короткие и курчавые? Тут не будет никакого судебного решения. Куш должен быть достаточно велик, чтобы побудить второстепенного служащего Компании пойти на риск и сделать то, что не предусмотрено регламентом.

— Но я не могу найти такую сумму.

— Об этом не беспокойся. Я беру все на себя.

Уингейт хотел было возразить, но передумал. Бывают моменты, когда очень удобно иметь богатого друга.

— Я должен дать радиограмму сестре,— продолжал Джонс,— чтобы она все устроила.

— Почему сестре, а не вашей фирме?

— Потому что надо действовать быстро. Юристы, ведущие дела нашей семьи, будут добиваться подтверждения. Они пошлют радиограмму капитану с запросом, действительно ли у него на борту находится Сэм Хьюстон Джонс, а капитан ответит «нет», так как я завербовался под именем Сэм Джонс. У меня была глупая мысль: как бы не попасть в «Радионовости» и не повредить интересам семьи.

— Ты не можешь осуждать ваших юристов,— возразил Уингейт из чувства профессиональной солидарности,— они распоряжаются чужими деньгами.

— Я не осуждаю их, но я хочу, чтобы были приняты срочные меры, а сестра сделает все. Она по тексту радиограммы поймет, что это я. Единственная трудность — добиться у администратора разрешения ее послать.

Джонс ушел, чтобы выполнить свое намерение. Хартли ждал вместе с Уингейтом — для компании, а также из понятного интереса к таким необычайным событиям. Когда Джонс наконец возвратился, его лицо выражало нескрываемую досаду. При взгляде на него Уингейтом внезапно овладело мрачное предчувствие.

— Тебе не удалось послать радиограмму? Он не разрешил?

— Нет, все-таки разрешил,— ответил Джонс,— но этот администратор... ну и крепкий же орешек!

Даже без воя сирены Уингейт почувствовал бы, что они снижаются над Луна-Сити. Сила тяжести на поверхности Луны составляет всего одну шестую по сравнению с земной, и это уменьшение немедленно сказалось на его расстроенном желудке. Хорошо еще, что он мало ел. Хартли и Джонс привыкли к космическому пространству и легко переносили такие изменения скорости. Странно, как мало сочувствия испытывают те, кто не подвержен космической болезни, к тем, кто от нее страдает. Трудно сказать, почему зрелище человека, мучимого рвотой, задыхающегося, со слезящимися глазами, извивающегося от боли в желудке, кажется чуть ли не забавным, но это так. Болезнь эта делит все человечество на две прямопротивоположные непримиримые группы — высокомерно презрительных, с одной стороны, и беспомощно жаждущих кровавой мести — с другой.

Ни у Хартли, ни у Джонса не было врожденного садизма, который так часто проявляется в подобных случаях,— как у того остряка, который предлагал солонину в качестве лекарства. Но сами они не страдали и поэтому давно уже забыли о своем собственном мучительном опыте и просто не в состоянии были понять, что Уингейт буквально переживает «участь горше смерти». Даже значительно горше, ибо мучение это длилось целую вечность: настолько искажено чувство времени у тех, кто страдает от космической и морской болезни, а также (как я слышал) у курильщиков гашиша.

В действительности же остановка на Луне длилась менее четырех часов. Лишь к концу стоянки Уингейт овладел собой настолько, что у него снова возник интерес к радиограмме Джонса. К тому же Джонс заверил его, что в Луна-Сити он сможет провести время до отправки обратно на Землю в отеле, снабженном центрифугой.

Но ответ на радиограмму запаздывал. Джонс ожидал вестей от сестры в течение часа — возможно, еще до того, как «Вечерняя Звезда» приземлится в доках Луна-Сити. По мере того как проходили часы, он стал получать из радиокаюты все менее дружелюбные ответы на свои вопросы. В семнадцатый раз обозленный техник резко предложил ему проваливать. Вслед за тем Джонс вдруг услышал предупредительный гудок к взлету корабля; он вернулся и сообщил Уингейту, что его план, очевидно, рухнул.

— У нас, правда, еще в запасе десять минут,— произнес он с полной безнадежностью.— Если радиограмма придет до того, как нам дадут старт, капитан сможет высадить нас в последнюю минуту. Но похоже на то, что нет больше никаких шансов.

— Десять минут...— произнес Уингейт.— А мы не могли бы как-нибудь выбраться наружу и бежать?

Джонс, казалось, уже был доведен до белого каления.

— А тебе уже случалось когда-нибудь бегать в безвоздушном пространстве?

Во время перелета от Луна-Сити до Венеры Уингейт был слишком занят, чтобы особенно предаваться беспокойству. Он многому научился по части мытья уборных и проводил десять часов в день, совершенствуясь в своей новой профессии. Полицейские злопамятны.

Вскоре после того как «Вечерняя Звезда» покинула Луна-Сити, она вышла за пределы, в которых возможна радиосвязь с Землей. Оставалось только ждать прибытия в Адонис — порт Северной полярной колонии на Венере. Там Компания имела достаточно мощную радиостанцию, чтобы поддерживать непрерывную связь с Землей, за исключением шестидесяти дней прохождения Венеры по ту сторону Солнца и более короткого периода солнечных помех при ее прохождении между Землей и Солнцем.

— На Венере нас, наверно, будет ждать приказ об освобождении,— заверил Джонс Уингейта,— и мы тут же возвратимся с обратным рейсом «Вечерней Звезды», но уже в каюте первого класса. В самом худшем случае нам придется ждать «Утреннюю Звезду». Это будет не так плохо, раз мне переведут деньги: мы сможем их потратить в Венусбурге.

— Ты, наверно, был там во время своего учебного полета? — спросил Уингейт, и в его голосе послышалось любопытство.

Он не был сибаритом, но скандальная репутация самого ужасного или самого блестящего — в зависимости от взглядов ценителя — увеселительного центра на трех планетах была достаточно велика, чтобы поразить воображение даже менее падкого на удовольствия человека.

— Нет, к сожалению! — возразил Джонс.— Я все время находился на досмотре корпуса корабля. Кое-кто из наших ребят туда ездил... Ну и ну! — Он тихо свистнул и покачал головой.

Но оказалось, что никто не ожидал их прибытия и не было никакой радиограммы. Снова стояли они возле помещения связи, пока им грубо не приказали вернуться в свои помещения и готовиться к высадке, «и живее!»

— Увидимся в приемочном бараке, Хамф! — были последние слова Джонса, и он убежал в свое помещение.

Полицейский, в распоряжении которого находились Хартли и Уингейт, выстроил своих подчиненных в нестройную колонну по два. Неприятно резкий металлический голос из громкоговорителя передал приказ. Их повели по центральному проходу вниз, через все четыре палубы, к нижним пассажирским воротам. Они прошли через воздушную камеру и сошли с корабля, но не на открытый воздух Венеры, а в туннель из листового металла, ведущий в какое-то здание, которое находилось на расстоянии примерно пятидесяти ярдов.

Воздух в туннеле был едким — здесь распыляли обеззараживающие средства,— но Уингейту он показался свежим и живительным после спертого воздуха на корабле. Этот воздух да еще составляющая пять шестых от земной сила тяжести на Венере, достаточно высокая, чтобы не тошнило, и достаточно низкая, чтобы вызвать чувство легкости и силы, вместе вселяли в него неразумный оптимизм и создавали бодрое настроение.

Туннель вел в довольно просторное помещение без окон, но ярко и ровно освещенное из скрытого источника. В нем не было никакой мебели.

— Кома-а-нда, стой! — крикнул полицейский и передал бумаги худощавому, похожему на конторщика человеку, стоявшему у внутренней двери.

Человек взглянул на бумаги, сосчитал людей, одну бумагу подписал, вернул ее старшине, и тот ушел через туннель обратно на корабль. Похожий на конторщика человек повернулся к иммигрантам. На нем, как заметил Уингейт, были надеты одни короткий трусы, не шире повязки, а все тело и даже ноги были покрыты сильным загаром.

— Ну, вот что,— сказал он мягким голосом,— скиньте одежду и бросьте ее в тот ящик! — Он указал на приспособление, вделанное в одну из стен.

— Зачем? — спросил Уингейт. Он сказал это без всякого вызова, но не сделал никакого движения, чтобы повиноваться.

— Ну-ну,— обратился к нему конторщик, все еще мягко, но с ноткой раздражения в голосе.— Давайте не будем спорить. Это для вашей же безопасности. Мы не можем себе позволить импортировать болезни.

Уингейт сдержался, чтобы не ответить резко, и дернул молнию своего комбинезона. Несколько человек, ожидавших, чем кончится спор, последовали его примеру. Комбинезоны, башмаки, белье, носки — все было брошено в ящик.

— Следуйте за мной! — приказал их новый хозяин.

В следующем помещении их встретили четыре человека в резиновых перчатках, вооруженные электрическими ножницами. Началась стрижка. Уингейт снова хотел запротестовать, но решил, что игра не стоит свеч. Он лишь подумал: «Неужели и женщины вынуждены подвергаться таким жестким карантинным мерам? Как это, должно быть, обидно — пожертвовать красивой копной волос, которую растили лет двадцать».

Затем их повели под душ. Завеса из теплой водяной пыли совершенно закрывала проход через комнату. Уингейт с удовольствием устремился к воде: с тех пор как он покинул Землю, ему впервые удалось сносно помыться. Было вдоволь жидкого зеленого мыла, и оно хорошо пенилось. Полдюжины служителей, одетых столь же скудно, как и их проводник, стояли у дальнего конца водяной стены и следили за тем, чтобы люди оставались под душем положенное время и хорошо помылись. В некоторых случаях они делали весьма интимные замечания. У каждого служителя к поясу был прикреплен красный крест на белом поле, подтверждающий его официальное положение.

В коридоре Уингейт и остальные попали в поток горячего воздуха и быстро обсохли.

— Остановитесь! — Уингейт подчинился, и обратившийся к нему санитар со скучающим видом приложил в верхней части его руки тампон, от которого он почувствовал холод, затем поцарапал это место.— Это все, следуйте дальше! — Уингейт присоединился к очереди у одного из столов. То же самое было проделано с другой его рукой. К тому времени, когда он подошел к дальнему концу помещения, его руки были покрыты маленькими красными царапинами, более двадцати на каждой.

— Что все это значит? — спросил он последнего санитара, который сосчитал царапины и отметил его имя на листе.

— Анализы... чтобы установить вашу сопротивляемость и иммунитет.

— Сопротивляемость чему?

— Всему. Как земным болезням, так и здешним. Здешние — это по большей части грибковые заболевания. Проходите, вы задерживаете очередь!

Позднее Уингейт узнал об этом подробнее. Для того чтобы житель Земли приспособился к условиям жизни на Венере, требовалось от двух до трех недель. Без иммунитета к болезням этой планеты было бы просто смертельно подвергать кожу, и особенно слизистые оболочки, действию прожорливых невидимых паразитов, которыми кишит поверхность Венеры.

Беспрестанная борьба за существование, которая повсюду является главным условием развития, на Венере особенно интенсивна. Это — следствие усиленного обмена веществ во влажных испарениях ее джунглей. Болезни, вызываемые на Земле патогенными микробами, были почти ликвидированы обычным бактериофагом. Здесь, на Венере, где болезни были почти те же, с некоторыми отличиями, тот же бактериофаг оказался способным на видоизменение, сделавшее его и здесь столь же сильно действующим средством. Но кроме микробов оставались еще и голодные грибковые паразиты.

Представьте себе худшие из грибковых заболеваний кожи, которые вы когда-либо встречали,— стригущий лишай, чесотку, паршу, бластимикоз, споротрихоз. Добавьте к этому ваше представле-

ние о плесени, о влажной гнили, о поганках, произрастающих на тухлятине. Затем представьте всех этих паразитов в их ускоренном движении: нарисуйте себе картину, как они кишат прямо у вас на глазах и атакуют вас — подмышки, глазные яблоки, мягкие влажные ткани вашего рта, как они устремляются в ваши легкие...

Первая экспедиция на Венеру целиком погибла. Со второй приехал врач, у которого хватило предусмотрительности запастись довольно большим, как ему казалось, запасом салициловой кислоты и ртутного салицилата, а также маленьким ультрафиолетовым излучателем. Трое из участников этой экспедиции вернулись.

Широкая колонизация требует приспособления к окружающей среде, умения защищаться от нее. Луна-Сити, на первый взгляд, может служить отрицанием этой аксиомы, но так только кажется. «Лунатики» всецело зависят от воздушного котла, вмещающего лишь пространство их герметически закупоренного города. Однако Луна-Сити не является самоснабжающейся колонией. Это всего-навсего аванпост, обсерватория, место для разработки недр, станция для снабжения горючим.

Венера — колония. Колонисты дышат воздухом Венеры, едят ее продукты, подвергают свою кожу действию ее климата и себя — всем опасностям, таящимся в ее природе. При этом обитатели Земли могут жить только в холодных полярных районах Венеры, где климат напоминает джунгли Амазонки в жаркий день во время сезона дождей. Здесь они босиком шлепают по болотам, не избегая главных опасностей новой среды. К этому их и готовят.

Уингейт съел свой обед — пищу вполне удовлетворительную, но плохо сервированную и безвкусную, если не считать венерианской дыни. За съеденную им порцию в чикагском ресторане для гурманов содрали бы сумму, на которую целое семейство среднего достатка могло питаться неделю. Устроившись на ночь в отведенном ему месте, он попытался разыскать Сэма Хьюстона Джонса, но не мог найти никаких следов, и никто из завербованных не мог припомнить, чтобы его видели. Один из служащих карантина посоветовал Уингейту разузнать о своем друге у агента Компании. Уингейт так и сделал — в своей обаятельной манере, к которой он всегда прибегал, имея дело с мелкими служащими.

— Приходите завтра утром. Будут вывешены списки.

— Благодарю вас, сэр. Извините, что потревожил вас, но я не могу найти моего друга и беспокоюсь, не заболел ли он или не случилось с ним чего-нибудь. Не могли бы вы мне сказать, нет ли его в списке больных.

— Что же... подождите минутку,— служащий стал водить пальцем по своим записям.— Хм... вы говорите, он был на «Вечерней Звезде»?

— Да, сэр.

— Нет, он не... Мм, нет... О да, вот он! Он здесь не сходил.

— Что вы сказали?

— Его отправили на «Вечерней Звезде» дальше, в Новый Окленд на Южном полюсе. Он был нанят как помощник машиниста. Если бы вы мне это сказали, я бы сразу сообразил. Все рабочие-металлисты из этой партии посланы на новую Южную электростанцию.

Через минуту Уингейт достаточно овладел собой, чтобы произнести:

— Очень благодарен за вашу любезность.

— Пожалуйста, пожалуйста.— Служащий отвернулся.

— Колония Южного полюса! — пробормотал Уингейт.— Колония Южного полюса...

Его единственный друг — на расстоянии двенадцати тысяч миль. Теперь Уингейт почувствовал себя совершенно одиноким — одиноким, обманутым, покинутым. За время, прошедшее между его пробуждением на борту корабля и встречей с Джонсом, у него не было возможности ясно оценить свое тяжелое положение. Он еще сохранял высокомерие светского человека, инстинктивное убеждение в том, что все это несерьезно: такие вещи просто не случаются с людьми, во всяком случае с людьми его круга.

Но с тех пор его человеческое достоинство было столько раз оскорблено и унижено (особенно постарался полицейский офицер), что он уже не был так уверен в том, что застрахован от несправедливости или произвола. Постриженный и вымытый помимо своей воли, лишенный своей одежды и облаченный в какую-то набедренную повязку, увезенный за миллионы миль от привычной социальной среды, вынужденный подчиняться при-

казам людей, равнодушных к его чувствам и заявляющих свои права на его личность и поступки, и вот теперь, отрезанный от общения с единственным человеком, на поддержку которого он мог рассчитывать,— Уингейт понял наконец с отчетливостью, от которой похолодел, что с ним, *с ним*, Хамфри Бентоном Уингейтом, преуспевающим адвокатом и членом всех юридических клубов, теперь может случиться все, что угодно.

— Уингейт!

— Это тебя. Проходи, не заставляй себя ждать!

Уингейта протолкнули в пролет двери, и он оказался в переполненном помещении. Более тридцати человек сидело у стен. У стола, рядом с дверью, расположился служащий, занятый своими бумагами. В центре, возле невысокой, ярко освещенной трибуны, стоял человек с чрезвычайно бойкими манерами. Служащий у двери поднял взгляд и бросил Уингейту:

— Поднимитесь туда, чтобы все могли вас видеть!

Он указал на трибуну. Уингейт, мигая от яркого света, двинулся вперед и выполнил то, что ему велели.

— Контракт номер 482-23-06,— прочитал служащий,— завербованный Хамфри Уингейт, сроком на шесть лет, радиотехник, разряд заработной платы шесть-Д, контракт представляется для найма.

Три недели понадобилось им, чтобы сделать его пригодным к работе. Три недели — и ни слова от Джонса. Уингейт не подхватил никаких болезней при контакте с венерианским воздухом и теперь должен был вступить в активный период своего принудительного труда.

— Ну вот, патроны, прошу вас,— заговорил бойкий человек,— у нас есть работник, подающий исключительно большие надежды. Я едва решаюсь сказать вам, какие оценки он получил за свои способности, приспособляемость и общие знания. Скажу только, что администрация предлагает за него тысячу долларов. Но было бы неразумно использовать такого человека для обычной административной работы, когда мы так нуждаемся в хороших рабочих, чтобы вырвать богатства из дебрей и недр. Смею предсказать, что счастливый покупатель, который приобретет себе

этого рабочего, уже через месяц поставит его руководителем работ. Но осмотрите его сами, поговорите с ним и решайте!

Служащий что-то шепнул ему. Он кивнул и продолжал:

— Меня просят уведомить вас, джентльмены и патроны, что работник сделал обычное законное предупреждение за две недели о своем увольнении,— разумеется, если он покроет все расходы!

Он весело засмеялся и многозначительно подмигнул, как будто за его замечанием крылась необыкновенно удачная шутка. Никто не обратил внимания на его сообщение, один лишь Уингейт с отвращением оценил характер остроты. Он предупредил о своем желании уволиться на другой же день после того, как узнал, что Джонс направлен в колонию Южного полюса. Но Уингейт тут же обнаружил, что хотя теоретически он имел право уйти с работы, но фактически это лишь давало ему право умереть с голода на Венере, если он не отработает свои подъемные и проезд в оба конца.

Несколько человек собрались вокруг трибуны, внимательно рассматривая и обсуждая его: «Не особенно мускулист...», «У меня нет особой охоты предлагать цену за этих шибко умных молодчиков, они смутьяны...», «Да, но тупой не оправдывает своих харчей...», «А что он умеет делать? Погляжу-ка его анкету...». Покупатели направились к столу служащего и стали рассматривать результаты многочисленных анализов и исследований, которым подвергался Уингейт во время своего карантина. Только один из них, с маленькими блестящими глазками, остался возле трибуны. Он боком придвинулся к Уингейту, поставил одну ногу на подмостки, приблизил к нему свою физиономию и заговорил доверительным тоном:

— Меня не интересуют те дутые рекламные листы, парень. Расскажи мне о себе сам.

— Мне нечего добавить.

— Говори смелее. Тебе у меня понравится. Совсем как дома. Я бесплатно вожу своих парней в Венусбург. Есть у вас опыт в общении с неграми?

— Нет.

— Ну, здешние туземцы, собственно, не негры, это только так говорится. Похоже, ты смог бы стать бригадиром. Приходилось раньше?

— Немного.

— Ладно... может быть, ты слишком скромный. Я люблю, когда человек держит язык за зубами. Я никогда не позволяю моему надсмотрщику применять плетку.

— Еще бы,— перебил его другой патрон, подойдя к трибуне,— это вы оставляете для себя, Ригсби!

— А вы не лезьте не в свое дело, Ван Хайзен!

Ван Хайзен, пожилой коренастый человек, не обратил на его слова никакого внимания и заговорил с Уингейтом:

— Ты предупредил о своем увольнении. Почему?

— Все это было ошибкой. Я был пьян.

— А пока — будешь ты честно работать?

Уингейт задумался.

— Да,— сказал он наконец.

Ван Хайзен кивнул, тяжелой походкой отошел к своему стулу и осторожно опустил на него свое массивное тело, подтянув штаны, такие же как у рабочих.

Когда все расселись, агент весело объявил:

— Ну вот, джентльмены: если вы готовы, давайте послушаем первое предложение по этому контракту. Я был бы рад, если бы сам мог сделать на него заявку — на должность моего помощника, честное слово! Так вот... я не слышу предложений...

— Шестьсот!

— Прошу вас, патроны! Разве вы не слышали, что я упомянул о предложении в тысячу?

— Я не подумал, что вы сказали это серьезно. Он какой-то сонный.

Агент Компании поднял брови.

— Извините, мне придется попросить работника сойти с трибуны.

Но, прежде чем Уингейт успел сойти, другой голос произнес:

— Тысяча!

— Ну вот так-то лучше! — воскликнул агент.— Я должен был знать, что вы, джентльмены, не допустите, чтобы от вас ускользнула такая возможность. Но этого еще мало. Слышу ли я тысячу сто? Давайте, патроны, ведь не можете вы наживать свои богатства без рабочих! Слышу ли я...

— Тысяча сто!

— Тысяча сто от патрона Ригсби! Ну и дешевка это была бы — за такую цену! Сомневаюсь, однако, чтобы он вам достался. Слышу ли я тысячу двести?

Грузный коренастый человек поднял большой палец.

— Тысяча двести от патрона Ван Хайзена. Я вижу, что сделал ошибку и только отнимаю у вас время; интервалы должны быть не менее двухсот. Слышу ли я тысячу четыреста? Слышу ли я тысячу четыреста? Идет раз за тысячу двести... идет два...

— Тысяча четыреста! — бросил Ригсби мрачно.

— Тысяча семьсот! — сразу же добавил Ван Хайзен.

— Тысяча восемьсот! — сердито отрезал Ригсби.

— Нет,— протянул агент.— Интервалы не менее двухсот! Прошу вас!

— Ладно, проклятье, тысяча девятьсот.

— Я слышу тысяча девятьсот. Это число трудно написать. Кто даст две тысячи сто?

Ван Хайзен снова поднял палец.

— Значит — две тысячи сто! Наживать деньги стоит денег! Что я слышу? Что я слышу? — Он сделал паузу.— Идет за две тысячи сто — раз... идет за две тысячи сто — два... Вы так легко отказываетесь, патрон Ригсби?

— Ван Хайзен...— остальное было произнесено слишком невнятно, чтобы можно было разобрать.

— Еще один шанс, джентльмены! Идет... идет... Пошел! — Он громко хлопнул ладонями.— Продан Ван Хайзену за две тысячи сто! Поздравляем, сэр, с удачной покупкой!

Уингейт направился вслед за своим новым хозяином к дальней двери. В проходе их остановил Ригсби:

— Ладно, Ван, вы позабавились! Согласен скостить ваши убытки на две тысячи.

— Прочь с дороги!

— Не будьте идиотом. Он для вас не подарок. Вы не умеете заставлять людей потеть, а я умею!

Ван Хайзен, не слушая его, быстро прошел мимо. Уингейт последовал за ним в теплую зимнюю изморось, к стоянке, где параллельными рядами выстроились стальные «крокодилы».

Ван Хайзен остановился возле тридцатифутового «ремингтона».

— Влезайте!

Длинный, похожий на ящик корпус машины-амфибии был нагружен до самой ватерлинии запасами, приобретенными Ван Хайзеном на базе. Человек шесть лежало, растянувшись на брезенте, который покрывал груз. Один из них уставился на Уингейта, затем перемахнул через борт.

— Хамф! О, Хамф!

Это был Хартли. Уингейт сам удивился радости, охватившей его при этой встрече. Он схватил руку Большеротого и обменялся с ним обычными ласковыми ругательствами.

— Ребята! — крикнул Хартли,— познакомьтесь с Хамфом Уингейтом. Это — замечательный малый. Хамф, познакомься с компанией. Вот Джимми — позади тебя. Он крутит эту баранку.

Названный им парень весело кивнул Уингейту и, пройдя вперед, сел на место водителя. По знаку Ван Хайзена, втиснувшего свои телеса в маленькую кормовую кабину, он повернул руль, и «крокодил» пополз, шлепая по грязи и лязгая звеньями своих гусениц.

Трое из шести рабочих были старожилы, в том числе и Джимми, водитель. Они привезли с фермы на рынок продукты и теперь увозили закупленные припасы. Ван Хайзен приобрел контракты еще на двух рабочих, кроме Уингейта и Большеротого Хартли. Уингейт узнал этих людей, так как встречал их на «Вечерней Звезде» и в карантине. Они выглядели несколько удрученными, и Уингейту это было понятно. Но люди с фермы как будто чувствовали себя отлично. Они, очевидно, смотрели на поездку с грузом в город и обратно как на прогулку и лежали, непринужденно болтая и знакомясь с приезжими.

Нескромных вопросов они не задавали. Никто не расспрашивает вновь прибывшего на Венеру, кем он был до того, как попал на борт корабля, если он сам не заговорит об этом. Это было не принято.

Как только они выбрались из предместья Адониса, машина скатилась по склону на пологий берег и бревном шлепнулась в воду. Ван Хайзен поднял окошко в перегородке, отделявшей кабину от трюма, и заорал:

— *Dumkopf!* Сколько раз я говорил тебе: опускайся на воду потихоньку!

— Извините, хозяин, я проглядел,— ответил Джимми.

— Ты не зевай, а то я найду себе другого крокодильщика! — и Ван Хайзен захлопнул окошко.

Джимми оглянулся вокруг и подмигнул другим клиентам. Он был занят по горло: болото, которое они пересекали, выглядело, как твердая почва,— так густо оно поросло буйной растительностью. «Крокодил» теперь был на плаву, широкие звенья гусениц действовали, как гребные колеса. Клинообразный нос судна раздвигал в сторону кустарники и болотную траву, ломал и перемалывал деревца. По временам гусеницы врезались в грунт, и тогда «крокодил», переползая через отмель, снова превращался в сухопутный транспорт. Тонкие, нервные руки Джимми твердо держали руль, он огибал большие деревья, но при этом выбирал самый короткий и прямой путь, внимательно следя за местностью и за судовым компасом.

Вскоре беседа стала затихать, и один из рабочих фермы затянул песню. У него был недурной тенор, и мало-помалу к нему присоединились и другие. Уингейт заметил, что и он, запоминая слова, подтягивает певцу. Они спели «Расчетную книжку» и «С тех пор, как надсмотрщик увидел мою кузину», затем грустную песенку под названием «Они нашли его в зарослях». Но потом последовала легкая песенка «Ночью, когда прекратился дождь»— бесконечная вереница строф, рассказывающих о различных и маловероятных событиях, происшедших по этому случаю («Заказал надсмотрщик всем по стакану...»).

За «Рыжую мочалку из ангаров Венусбурга» Джимми наградили аплодисментами. Все восторженно подхватили припев. Уингейт нашел эту песенку невозможно вульгарной. Однако у него не было времени задуматься над этим, запели другуют песню, которая вытеснила из его головы все предыдущие.

Ее начал тенор — мягко и протяжно. Другие пели припев, пока запевала отдыхал,— все, кроме Уингейта, он сидел глубоко задумавшись. Три строки второго куплета вместо тенора пел хор.

Ты тиснул палец и подписал свое имя.
(Уходи, уходи!)
Тебе подъемные уплатят, а ты стыд заглуши.

(Будь проклят этот день, будь он проклят!)
Тебя на ферму пошлют на острове Эллис,
Ты увидишь, что стало с нашим братом, рабом
на шесть лет.
Они не выплатили подъемных, и снова их запрягли!
(Чтоб остались тут, чтоб остались!)
Но я расплачусь и скоплю деньги на обратный путь!
(Ты так говоришь, ты так говоришь!)
И тогда, увидите, я отправлюсь на Землю!
(Настанет тот день, настанет!)
О, мы все это слышали тысячу и один раз!
Мы не скажем и теперь: «Лжешь!» Мы хотели бы, чтобы так случилось.
Но мы снова увидим тебя в Венусбурге, где ты
платишь за свои удовольствия!
(Очень медленно.) И никогда ты не выплатишь
подъемных в этой петле!
(Уходи!)

Уингейт был подавлен. На него подействовали и песня, и тепловатый мелкий дождик, его угнетал непривлекательный ландшафт, низко нависший белый туман — то, что Венера неизменно предлагает вам вместо открытого неба. Он отодвинулся в дальний угол трюма и сидел один, пока Джимми не крикнул: «Свет впереди!»

Уингейт высунулся за борт и с любопытством посмотрел в направлении своего нового жилища.

Прошел месяц, а от Сэма Хьюстона Джонса — ни слова! Венера уже повернулась один раз вокруг своей оси; за двухнедельной зимой последовало такое же короткое лето, ничем не отличающееся от зимы, только разве дождь лил немного сильнее и было несколько жарче. Теперь снова была зима. На ферме Ван Хайзена, расположенной вблизи полюса, как и на большей части обитаемой территории Венеры, никогда не наступала полная тьма. Слой облаков высотой в несколько миль смягчает свет солнца, низко нависающего над планетой в течение длинного дня, и ослабляет жару.

Во время двухнедельных периодов, называемых «ночью» или «зимой», рассеянный свет создает впечатление нескончаемых сумерек.

Месяц — и ни слова. Месяц — и ни солнца, ни луны, ни звезд, ни зари. Никогда здесь не бывает ни свежего, живительного дуновения утреннего ветерка, ни радостной игры полуденного солнца, ни желанных вечерних теней — абсолютно ничего, чтобы отличить один знойный, удушливый час от другого. Одна только тяжелая монотонность сна, труда, еды и снова сна — ничего, кроме разрывающей сердце тоски по прохладному голубому нёбу далекой Земли.

Обычай требовал, чтобы новички ставили угощения старожилам. Уингейт заказал для надсмотрщика водки, называемой рира, и когда он в первый раз расписался в своей расчетной книжке, то обнаружил, что этот товарищеский жест стоил ему дополнительного четырехмесячного пребывания, прежде чем он законным образом сможет покинуть свою «работу». После этого он решил никогда больше не заказывать риры и отказался от короткого отпуска в Венусбург, поклявшись сберегать каждый грош, чтобы расплатиться за свои подъемные и проезд.

Но вскоре Уингейт понял, что рира, слабый алкогольный напиток,— это не порок, не роскошь, а необходимость. Для жизни человека на Венере она была также нужна, как и ультрафиолетовые лучи, применяемые во всех осветительных системах колонии. Рира вызывала не опьянение, а душевную легкость, освобождение от тревог, и без нее он не мог уснуть. Три ночи самобичеваний и мучений, три дня он чувствовал себя изнуренным и ни на что не способным, ловя на себе суровый взгляд надсмотрщика,— и на четвертый день он вместе с другими заказал себе бутылку, с тупой болью сознавая, что цена этой бутылки еще на полдня сокращает его микроскопическое продвижение к свободе.

Уингейт не был допущен к работе на радиостанции: у Ван Хайзена уже был радист. Хотя Уингейт и значился в списках как помощник радиста, его отправили на болото. Перечитывая свой контракт, он обнаружил пункт, предоставляющий его хозяину право так поступить, и даже признал половиной своего ума — юридической и правоведческой половиной,— что этот пункт вполне резонный, правильный и даже справедливый.

Он отправился на болото. Вскоре он научился обольщением и запугиванием заставлять хрупкий туземный народец, существа-амфибии, собирать урожай луковиц подводных растений — *Hyacinthus veneris johnsoni* — болотных корнеплодов Венеры. Научился подкупом приобретать сотрудничество их матриархов, обещая им премии в виде «тигарек». Это был термин, обозначавший не только сигареты, но и вообще табак — единица обмена в торговых сделках с туземцами.

Он работал также в сарае, где очищали луковицы, и научился, хоть медленно и неловко, срезать верхнюю пористую кожуру с ядра луковицы размером в горошину. Только это ядро имело коммерческую ценность, и его следовало вынимать в целости, не повредив и не порезав. Руки Уингейта огрубели от сока, запах вызывал у него кашель и жег глаза, но это было приятнее, чем работать на топях, так так здесь он находился среди женщин. Женщины работали быстрее, чем мужчины, и их маленькие пальцы более умело очищали нежные ядра. Мужчины привлекались к этой работе только при обильном урожае, когда требовались дополнительные рабочие руки.

Уингейт научился своему новому ремеслу у работавшей в сарае по-матерински ласковой старой женщины, которую звали Хэйзл. Работая, она ни на минуту не умолкала, а ее искривленные пальцы спокойно, без всякого напряжения делали свое дело. Уингейт закрывал глаза и представлял себе, что вернулся на Землю, что он снова мальчик и слоняется по кухне у бабушки, в то время как она шелушит горох и что-то непрерывно рассказывает.

— Не выматывайся, парень,— сказала ему Хэйзл,— делай свое дело, и пусть дьяволу будет стыдно, грядет Великий день!

— Какой Великий день, Хэйзл?

— День, когда ангелы Господни поднимутся и поразят силы зла. День, когда князь тьмы будет сброшен в преисподнюю и Пророк примет власть над детьми неба. Так что ты не тревожься. Неважно, где ты будешь, когда придет Великий день,— важно только, чтобы на тебя снизошла благодать.

— А ты уверена, Хэйзл, что мы доживем до этого дня?

Она оглянулась вокруг, затем с таинственным видом прошептала:

— Этот день почти наступил. Уже теперь Пророк шествует по стране, собирая свои силы. Со светлой фермерской земли долины Миссисипи придет человек, известный в этом мире,— она зашептала еще тише,— под именем *Негемия Скаддер!*

Уингейт надеялся, что ему удалось скрыть, как он поражен и как все это его рассмешило. Он вспомнил это имя. Какой-то пустозвон-евангелист из лесной глуши, там, на Земле,— мелкое ничтожество, мишень для веселых шуток местных газетчиков!

К их скамье подошел надсмотрщик:

— Работайте, работайте, вы! Здорово отстаете!

Уингейт поспешил повиноваться, но Хэйзл пришла ему на помощь:

— Оставь его, Джо Томпсон. Требуется время, чтобы научиться этому делу.

— Ладно, мать,— ответил надсмотрщик с усмешкой,— ты заставляй его трудиться, слышишь?

— Хорошо, лучше позаботься о других. Эта скамья выполнит свою норму.

Уингейта два дня подряд штрафовали за порчу ядер. Хэйзл теперь давала ему в долг часть того, что очищала сама. Надсмотрщик это знал, но все ее любили, даже надсмотрщики, а они, как известно, никого не любят, даже самих себя.

Уингейт стоял возле ворот огороженного участка, где находился барак для холостяков. Оставалось пятнадцать минут до вечерней переклички, он вышел: его влекло подсознательное стремление отделаться от клаустрофобии– болезни, владевшей им все время пребывания на Венере. Но ничто не помогало. Здесь некуда было выходить на «открытый воздух»– заросли заполняли всю расчищенную территорию; свинцовые облака низко нависали над головой, и влажный зной сдавливал обнаженную грудь. Все же здесь было лучше, чем в бараке, хоть там имелись влагопоглощающие установки.

Он еще не получил своей вечерней порции риры и поэтому был угнетен и расстроен. Однако сохранившееся еще у него чувство собственного достоинства позволяло ему хоть на несколько минут предаваться своим мыслям, прежде чем уступить веселя-

щему наркотику. «Я погиб,— подумал он.— Еще через пару месяцев я буду пользоваться каждым случаем, чтобы попасть в Венусбург. Или еще хуже: сделаю заявку на жилье для семейного и обреку себя и своих малышей на вечное прозябание».

Когда Уингейт прибыл сюда, женщины-работницы, одинаково тупоумные, с похожими одно на другое лицами, казались ему совершенно непривлекательными. Теперь он с ужасом обнаружил, что не был больше столь разборчив. Он даже начал шепелявить, как другие, бессознательно подражая туземцам-амфибиям.

Он уже раньше заметил, что иммигрантов можно разделить примерно на две категории: одни — это дети природы, другие — надломленные. К первым относятся люди без воображения и умственно малоразвитые. Вероятно, они и там, на Земле, не знали ничего лучшего — жизнь в колониях казалась им не рабством, а свободой от ответственности: обеспеченное существование и возможность время от времени покутить. Другие — это изгои, те, кто некогда занимали какое-то положение, но из-за свойств своего характера или вследствие несчастного случая лишились места в обществе. Возможно, они услышали от судьи: «Исполнение приговора будет приостановлено, если поедете в колонии».

Охваченный внезапной паникой, Уингейт понял, что теперь его собственное положение определяется почти так же и он становится одним из надломленных. Его жизнь на Земле рисовалась ему, как в тумане, вот уже три дня он не мог заставить себя написать еще одно письмо Джонсу. Он провел всю последнюю смену в размышлениях о том, не взять ли ему несколько дней отпуска для поездки в Венусбург. «Сознайся,— сказал он себе,— ты уже скользишь вниз, твой ум ищет успокоения в рабской психологии. Освобождение из своего бедственного положения ты полностью свалил на Джонса, но откуда ты знаешь, что он может тебе помочь? А вдруг его уже нет в живых?» Из глубин своей памяти он выловил фразу, которую когда-то вычитал у одного философа: «Раба никто не освободит, *кроме него самого*».

Ладно, ладно, возьми себя в руки, старина. Держись крепко. Больше ни капли риры! Хотя нет, это непрактично: человек не может не спать.

Ладно,— но тогда никакой риры до выключения света в бараке: сохрани ясный ум и по вечерам строй планы освобождения. Держи ухо востро, узнавай все, что можешь, находи друзей и жди, когда подвернется случай.

Сквозь мрак он увидел приближающуюся в воротам человеческую фигуру. Это была женщина. Одна из эмигранток? Нет. Это была Аннек Ван Хайзен, дочь патрона.

Аннек была крепкая, рослая, белокурая девушка с печальными глазами. Он много раз видел, как она разглядывала рабочих, возвращающихся в свои бараки, или бродила в одиночестве на расчищенном от зарослей участке перед фермой. Аннек была не уродлива, но и не привлекательна. Чтобы украсить ее крупную фигуру, требовалось нечто иное, чем набедренная повязка, которую носили все колонисты,— наиболее подходящую в этом климате одежду.

Аннек остановилась перед ним, дернула молнию мешочка, заменявшего ей карман, и вынула пачку сигарет.

— Я нашла их тут, рядом. Это вы, наверное, потеряли?

Он знал, что Аннек лжет, она ничего не поднимала с того момента, как он увидел ее издали, и сорт сигарет был такой, какой курили на Земле, здесь их имели только патроны, ни один завербованный не мог их себе позволить. Что было у нее на уме?

Уингейт заметил, как она волнуется, как часто дышит, и со смущением понял, что девушка пытается сделать ему подарок. Почему? Уингейт не был высокого мнения о своей внешности или обаянии, да и не имел для этого никаких оснований. Но он не понимал, что среди иммигрантов он выделялся, как павлин на птичьем дворе. Все же он должен был признать, что Аннек находила его привлекательным; не могло быть другого объяснения ее выдумке, ее трогательному маленькому подарку.

Первым движением Уингейта было резко ее осадить. Он ничего не хотел от нее и был возмущен этим вторжением в его уединение. Он сознавал также, что это может осложнить его положение, даже сделать его опасным. Нарушение местных обычаев — а тут было именно такое нарушение — поставило бы под угрозу всю социальную и экономическую жизнь в колониях. С точки зрения патронов, сношения с завербованными были невозможны в такой же мере, как и с амфибиеобразными туземцами. Связь меж-

ду рабочим и женщиной из касты патронов легко могла бы разбудить старого судью Линча.

Но у Уингейта не хватало духу быть грубым с Аннек. Он увидел слепое восхищение в ее глазах, было бы бессердечно оттолкнуть девушку. Кроме того, в манерах Аннек не было ничего вызывающего, не было и робости. Ее обращение было по детски наивным и непосредственным. Уингейт вспомнил о своем намерении найти друзей; здесь ему предлагалась дружба, правда, опасная дружба, но она могла бы оказаться полезной для него, для его освобождения. На какой-то момент он почувствовал стыд от того, что как бы взвешивал, насколько полезен для него этот беззащитный ребенок. Но Уингейт подавил это чувство, говоря себе, что ведь он не причинит ей зла. Во всяком случае, не надо забывать старой поговорки о мстительности отвергнутой женщины!

— Да, возможно, я и потерял их,— сказал он. Затем добавил: — Это — мои любимые сигареты.

— Разве? — воскликнула она со счастливой улыбкой.— Тогда возьмите их, пожалуйста!

— Спасибо. А вы не выкурите со мной одну? Хотя нет, это, наверно, не годится: ваш отец будет недоволен, что вы здесь задерживаетесь.

— О, он сидит за своими расчетами. Я посмотрела, прежде чем выйти,— ответила Аннек и, казалось, не заметила, что сама раскрыла свой маленький обман.— Но вы курите, я... я вообще почти не курю.

— Может быть, вы предпочитаете пенковую трубку, как ваш отец?

Она смеялась дольше, чем того заслуживала его плоская острота. Они продолжали пустую болтовню: урожай созревает хорошо, погода как будто прохладнее, чем на прошлой неделе, нет ничего приятнее, чем подышать немного свежим воздухом после ужина.

— А вы когда-нибудь гуляете после ужина? — спросила Аннек.

Уингейт не стал объяснять, что за долгий день на болоте он слишком устает, а только подтвердил, что гуляет.

— Я тоже,— выпалила Аннек.— Очень часто....возле водонапорной башни.

Уингейт посмотрел на нее.

— Разве? Я это запомню.

Сигнал к перекличке дал ему желанный повод распрощаться. «Еще три минуты,— подумал он,— и мне пришлось бы назначить ей свидание».

На следующий день Уингейта снова послали на болото: горячка с очисткой луковиц в сарае уже прошла. «Крокодил» с трудом продвигался вперед, высаживая на каждом участке одного или нескольких рабочих. На борту оставалось четверо — Уингейт, Большеротый, водитель Джимми и надсмотрщик. Снова остановились, и из воды с трех сторон показались плоские светлоглазые головы амфибиеобразных туземцев.

— Вот, Большеротый,— сказал надсмотрщик,— это твой участок. Полезай за борт!

Большеротый посмотрел вокруг.

— А где мой ялик? — Колонисты пользовались маленькими яликами из дюралюминия, чтобы собирать в них урожай. Но на борту «крокодила» не осталось ни одного ялика.

— Он тебе не понадобится. Ты будешь очищать это поле для посева.

— Это-то ладно. Все же я никого тут не вижу и не вижу поблизости твердой почвы.

Ялики служили для двух целей, когда человек работал отдельно от других людей с Земли и на некотором расстоянии от надежной сухой почвы: он становился для него спасательной лодкой, если «крокодил», который должен был его забрать, выходил из строя, или же служил островком, если по какой-либо причине приходилось сесть или лечь, будучи на посту. Старожилы рассказывали мрачные истории о людях, которые простаивали по колено в воде в течение двадцати четырех, сорока восьми, семидесяти двух часов, а затем тонули, лишившись рассудка только от усталости.

— Сухое место есть вон там! — Надсмотрщик указал рукой в направлении группы деревьев на расстоянии, может быть, четверти мили.

— Возможно, это и так,— ответил Большеротый спокойно.— Поехали, посмотрим.— Он взглянул на Джимми, который повернулся к надсмотрщику в ожидании приказаний.

— Проклятье! Не спорь со мной! Перелезай за борт!

— Нет,— сказал Большеротый.— Не раньше, чем я увижу что-нибудь получше, чем два фута ила, где мне придется сидеть на корточках!

Маленький водяной народец с живым интересом следил за спором. Одни шепелявили и прищелкивали на своем языке, а те, кто немного понимал речь колонистов, по-видимому, давали подробные — несомненно искаженные — объяснения своим менее образованным собратьям. Это еще больше обозлило и без того взбешенного надсмотрщика.

— В последний раз говорю: выходи!

— Итак,— сказал Большеротый, поудобнее размещая свое большое тело на полу судна,— я рад, что мы покончили с этим вопросом.

Уингейт стоял позади надсмотрщика, и это, вероятно, спасло Большеротого Хартли по меньшей мере от хорошей шишки. Уингейт схватил надсмотрщика за руку, когда тот замахнулся. Одновременно на него бросился и Хартли, все трое сцепились и несколько секунд боролись на дне «крокодила».

Хартли сидел на груди у надсмотрщика, в то время, как Уингейт вырывал дубинку из сжатых пальцев его правой руки.

— Счастье, что вы увидели, как он выхватил эту штуку, Хамф,— проговорил Большеротый.— А то мне сейчас потребовалась бы уйма аспирина.

— Да, я тоже так думаю,— ответил Уингейт и отшвырнул оружие далеко в болото. За ним немедленно нырнули туземцы.— Мне кажется, теперь ты можешь его отпустить.

Надсмотрщик, быстро вскочив на ноги, ничего не сказал и повернулся к крокодильщику, спокойно остававшемуся все время на своем месте у руля.

— Почему ты, черт тебя подери, не помог мне?

— Я полагал, что вы сами сможете постоять за себя, хозяин,— ответил Джимми уклончиво.

Уингейт и Хартли были оставлены работать помощниками тех, кто был высажен на другие участки. Надсмотрщик не обращал на них внимания и отдал только короткий приказ высадить их. Но когда они, вернувшись в барак, умывались перед ужином, им велели явиться в Большой дом. Их ввели в кабинет патрона, и

они увидели, что надсмотрщик уже там. Он самодовольно ухмылялся, в то время как выражение лица Ван Хайзена было самое мрачное.

— Что я слышу о вас обоих? — налетел он на Уингейта и Хартли.— Отказываетесь работать, набрасываетесь на десятника — видит Бог, я покажу вам, где раки зимуют!

— Позвольте, патрон Ван Хайзен,— начал Уингейт тихо, почувствовав себя вдруг в привычной атмосфере судебного разбирательства.— Никто не отказывается от исполнения своих обязанностей. Хартли только протестовал против того, что его заставляли выполнять опасную работу, не обеспечив разумных мер безопасности. Что же касается драки, то это десятник напал на нас. Мы действовали с целью самозащиты и остановились, как только обезоружили его.

Надсмотрщик наклонился к Ван Хайзену и шепнул ему что-то на ухо. Патрон казался еще более рассерженным, чем раньше.

— Вы вели себя так на виду у туземцев! У туземцев! Вам известен закон колоний? Я мог бы послать вас за это на рудники!

— Нет,— возразил Уингейт.— Это десятник вел себя так в присутствии туземцев. Наша роль была пассивной. Мы лишь оборонялись.

— Вы называете нападение на десятника пассивной ролью? Ну так вот, слушайте меня. Ваше дело — работать. Дело десятника — указывать вам, где и как работать. Он не такой болван, чтобы пускать на ветер деньги, которые я в вас вложил. Только он один может судить о том, опасна ли работа, а не вы!

Надсмотрщик снова шепнул ему что-то на ухо. Ван Хайзен покачал головой. Десятник настаивал, но патрон прервал его нетерпеливым жестом и снова повернулся к обоим рабочим.

— Вы не получите сегодня ни ужина, ни риры. Завтра увидим, как будете себя вести.

— Но, патрон Ван Хайз...

— Все. Идите в свой барак.

Когда огни были погашены и Уингейт прополз на свою койку, он обнаружил, что кто-то спрятал в ней еду. Он с благодарностью съел все, размышляя о том, кто бы это мог сделать. Он был сыт, но без риры все же не мог уснуть. Уставившись в гнетущую

тьму барака, Уингейт обдумывал свое положение. Оно и до этого было почти невыносимо, теперь же мстительный и всесильный надсмотрщик превратит его жизнь в сущий ад. Уингейт уже достаточно видел и слышал, чтобы знать, что этот ад очень скоро наступит. Прошло, должно быть, около часа, когда он вдруг почувствовал, как чья-то рука толкнула его в бок.

— Хамф, Хамф,— услышал он шепот,— выходи наружу. Есть дело! — Это был Джимми.

Уингейт осторожно пробрался между рядами коек и выскользнул в дверь следом за Джимми. Большеротый уже был во дворе, и рядом с ним виднелась четвертая фигура. Это была Аннек Ван Хайзен. Как она сумела пройти на запертый участок барака для холостяков? Глаза у нее припухли, словно от слез.

Джимми заговорил полушепотом:

— Девушка сказала, что мне завтра прикажут отвезти вас обоих обратно в Адонис.

— Зачем?

— Она не знает. Но полагает, что вас хотят продать на Юг. Вообще говоря, это не очень правдоподобно, старик еще никогда никого не продавал на Юг, но ведь никто прежде и не бросался на его надсмотрщиков. В общем, не знаю.

Они потеряли несколько минут на бесплодный спор. Затем, после гнетущего молчания, Уингейт спросил Джимми:

— Ты знаешь, где они хранят ключи от «крокодила»?

— Нет, почему вы...

— Я могла бы достать их для вас,— предложила Аннек.

— Но вы не умеете управлять «крокодилом»,— сказал Джимми.

— Я несколько недель наблюдал, как ты это делаешь.

— Ну, положим, вы справитесь с этим,— продолжал возражать Джимми.— Положим, что вам удастся бежать на этой посудине. Вы заблудитесь, не проплыв и десяти миль. Если вас даже не поймают, то вы умрете от голода.

Уингейт пожал плечами.

— Я не собираюсь позволить продать себя на Юг.

— Я тоже,— добавил Хартли.

— Погодите минуту.

— Что ж, я не вижу...

— Погодите минуту,— раздраженно повторил Джимми.— Разве вы не видите, что я думаю?

Некоторое время все молчали. Наконец Джимми сказал:

— Доченька, вы бы отошли в сторону и дали нам поговорить. Чем меньше вы будете знать, тем лучше для вас.

У Аннек был обиженный вид, но она послушно отошла. Трое мужчин коротко посовещались. Потом Уингейт сделал Аннек знак присоединиться к ним.

— Большое спасибо за то, что вы предупредили нас, Аннек,— сказал он.— Мы придумали выход из положения.— Он сделал паузу, затем смущенно добавил: — Ну что ж, спокойной ночи!

Она подняла на него взгляд.

Уингейт не знал, что ему делать. Он проводил ее за угол барака и снова пожелал спокойной ночи. Когда он вернулся, его лицо было все таким же смущенным. Все трое вошли в барак.

Патрон Ван Хайзен тоже никак не мог уснуть. Для него всегда было мучительно наказывать своих людей. Черт возьми, почему они не могут быть хорошими парнями, чтобы оставить его в покое! И без того в эти дни у него было немало забот. На сбор урожая он затрачивал больше, чем мог выручить в Адонисе, во всяком случае после уплаты процентов.

В этот вечер он вспомнил о расчетах, которыми занимался после обеда, чтобы как-нибудь отделаться от охватившего его неприятного чувства. Но ему трудно было сосредоточиться на цифрах. Этот Уингейт... Он купил его для того, чтобы тот не достался этому рабовладельцу Ригсби, а не только затем, чтобы иметь еще одного рабочего. Он уже и так вложил в рабочих слишком много денег, хотя десятник все время жаловался, что не хватает рабочей силы. Теперь придется либо продать несколько человек, либо просить банк снова продлить закладную.

Рабочие больше не окупают затрат на их содержание. Это уже не тот сорт людей, которые прибывали на Венеру, когда он был молод. Он снова склонился над своими книгами. Если рыночные цены снова немного поднимутся, банк за несколько более высокий процент, чем в прошлом сезоне, охотно учтет его векселя. Может быть, тогда все обойдется.

Его размышления были прерваны приходом дочери. Он всегда был рад видеть Аннек, но на этот раз то, что она хотела ему сказать и что наконец выпалила, лишь окончательно взбесило его. Занятая своими думами, Аннек даже не заметила, что причинила отцу почти физическую боль.

Но тем самым вопрос разрешился, поскольку это касалось Уингейта. Он отделается от этого смутьяна. С резкостью, с какой он никогда не обращался с Аннек, Ван Хайзен велел ей идти спать.

Разумеется, все это только его собственная ошибка, сказал он себе, ложась в постель. Ферма на Венере не место для воспитания молодой девушки, лишившейся матери. Его Аннекхен — теперь уже почти взрослая женщина, как может она найти мужа здесь, в это глуши; что она будет делать, когда он умрет? Она ведь не знает, что после него ничего не останется, не хватит даже на обратный билет до Земли. Нет, она не будет женой рабочего! Нет, пока останется хоть капля жизни в его старом, усталом теле.

Что ж, Уингейту придется уехать, и тому, кого они называют Сэтчелом,— тоже. Но он не продаст их на Юг. Нет, нет, он никогда не поступал так ни с одним из своих людей. Он с отвращением подумал об огромных, напоминающих фабрики плантациях на много миль дальше к югу, где температура всегда на двадцать-тридцать градусов выше, чем на его болотах, и смертность среди рабочих составляет нормальную статью в калькуляции стоимости урожая. Нет, он отвезет их и продаст на вербовочной станции. Кто их там купит — уже не его дело. Но он не продаст их прямо на Юг.

Ему пришла в голову новая мысль. Он стал что-то вычислять и решил, что ему, быть может, удастся за контракты этих двух не выдохшихся еще рабочих получить достаточно денег, чтобы купить для Аннек билет на Землю. Он был уверен, что его сестра примет Аннек, вернее, был почти уверен, хотя она поссорилась с ним из-за его женитьбы на матери Аннек. Время от времени он мог бы посылать дочери немного денег. И, быть может, она сумеет там стать секретаршей или получить еще какую-нибудь неплохую профессию, как другие девушки на Земле.

Но что это будет за ранчо без Аннекхен?

Он был так погружен в свои тяжкие думы, что не услышал, как его дочь выскользнула из своей комнаты и вышла во двор.

На следующее утро, когда все собирались на работу, Уингейта и Хартли оставили в бараке. Джимми было приказано явиться в Большой дом. Они увидели его несколькими минутами позже — он выкатывал из сарая «ремингтон». Джимми захватил их с собой, затем вернулся к Большому дому и стал ждать патрона. Вскоре вышел Ван Хайзен и, не сказав никому не слова и ни на кого не взглянув, влез в свою кабину.

«Крокодил» взял направление на Адонис, тяжело и шумно двигаясь со скоростью десять миль в час. Уингейт и Большеротый беседовали вполголоса и с любопытством чего-то ждали. После томительно долгого ожидания Джимми вдруг остановил «крокодил». Ван Хайзен поднял окошко кабины.

— Что случилось? — спросил он.— Машина испортилась?

Джимми ответил ему с усмешкой:

— Нет, я сам остановил ее.

— Зачем?

— Выйдете, тогда узнаете.

— Я так и сделаю, черт возьми! — Окошко захлопнулось, Ван Хайзен стал протискиваться своим жирным телом в узкие двери кабины.— Это что за дурацкие шутки?

— Вылезайте и идите пешком, патрон. Вашему путешествию — конец.

Ван Хайзен, казалось, лишился дара речи, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

— Я говорю серьезно,— продолжал Джимми.— Это — конец путешествия для вас. Я всю дорогу держался твердой почвы, чтобы вы могли вернуться обратно пешком. Идите по следу, который я проложил. Вы сможете проделать этот путь за три-четыре часа, хоть вы и такой жирный.

Патрон перевел глаза с Джимми на других. Уингейт и Большеротый наступали на него, их взгляды были недружелюбны.

— Лучше уходите, папаша,— сказал Большеротый мягко,— пока вас не выкинули отсюда.

Ван Хайзен прижался спиной к перилам машины, схватившись за них руками.

— Я не покину своего собственного судна,— прохрипел он.

Большеротый поплевал на ладони, затем стал потирать руки.

— Ладно, Хамф, он хотел этого...

— Постой минутку.— Уингейт обратился к Ван Хайзену: — Послушайте, патрон Ван Хайзен, мы не обойдемся с вами грубо, если не будем к этому принуждены. Но нас трое, и мы полны решимости. Лучше вылезайте без скандала.

С лица старика градом лил пот, и, очевидно, не только от удушающей жары. Его грудь бурно поднималась, казалось, он готов к сопротивлению. Вдруг внутри у него как будто что-то погасло. Все его тело обмякло, выражение лица, до этого вызывающее, стало настолько пришибленным, что на него было неприятно смотреть. Не говоря больше ни слова, Ван Хайзен перелез через борт, ступив прямо в грязь, которая была ему по щиколотку. Он долго стоял так, сутулый, с согнутыми коленями...

Когда они были уже далеко от места, где бросили своего хозяина, Джимми повернул «крокодил» в другом направлении.

— Дойдет он, как ты думаешь? — спросил Уингейт.

— Кто? Ван Хайзен? Конечно, дойдет... Может быть...

Он был теперь всецело поглощен машиной. Она сползла вниз по склону и шлепнулась в судоходный водоем. Через несколько минут болотная трава сменилась открытой водой; Уингейт увидел, что они находятся в широком озере, дальние берега которого терялись в тумане. Джимми взял курс по компасу. Далекий берег оказался песчаной отмелью, скрывавшей заболоченный рукав. Некоторое время Джимми следовал по рукаву, затем остановил машину и неуверенно произнес:

— Это должно быть где-то здесь.— Он пошарил под брезентом, сложенным в углу пустого трюма, и вытащил широкое плоское весло. Затем подошел к перилам и, высунувшись, сильно ударил веслом по воде.

Шлеп!.. Шлеп, шлеп... Шлеп!

Он ждал.

Плоская голова амфибиеобразного туземца рассекла воду вблизи берега; он смотрел на Джимми светлыми веселыми глазами.

— Хелло! — окликнул его Джимми.

Туземец сказал что-то на своем языке. Джимми отвечал на том же говоре, вытягивая губы, чтобы воспроизвести странные

клохчущие звуки. Туземец выслушал, а затем снова нырнул в воду.

Он вернулся — по-видимому, следовало бы сказать, что она вернулась,— через несколько минут, и с нею еще одна.

— Тигарек? — с надеждой сказала вновь прибывшая.

— Тигарек, когда прибудем на место, старушка! — неопределенно пообещал Джимми.— Вот... влезай!

Он протянул руку, туземка приняла ее. Не человеческая, но все же странно приятная фигурка грациозно взвилась на борт. Она легко уселась на перила рядом с водителем. Джимми пустил машину полным ходом. Как долго вел их маленький лоцман, Уингейт не знал — часы на пульте управления были испорчены,— но его желудок подсказал ему, что это продолжается уже слишком долго. Он порылся в кабине и вытащил оттуда неприкосновенный запас, который поделил с Большеротым и Джимми. Предложил немного еды туземке, но она понюхала ее и отвернула голову.

Вскоре после этого вдруг раздался свистящий звук, и в десяти ярдах впереди поднялся столб пара. Джимми сразу остановил судно.

— Не стреляйте! — крикнул он.— Это мы, ребята!

— Кто вы такие? — раздался невидимый голос.

— Путешественники!

— Вылезайте, чтобы мы могли вас видеть!

— Хорошо.

Туземка толкнула Джимми в бок.

— Тигарек! — заявила она твердо.

— А? Да, конечно.

Он стал выкладывать ей пачки табака, пока она не признала количество достаточным, затем прибавил еще одну. Туземка вытащила из-за левой щеки веревку, завязала свою добычу и скользнула за борт. Они увидели, как она поплыла, подняв пакет высоко над водой.

— Живей, покажитесь! — торопили из зарослей.

— Мы идем!

Они вылезли в воду, которая была им по пояс, и пошли вперед, держа руки над головой. Отряд в составе четырех человек вышел из укрытия и осмотрел их, держа оружие наготове. Стар-

ший разведчик обыскал их набедренные повязки и послал одного из солдат осмотреть «крокодил».

— У вас строгая охрана,— заметил Уингейт.

Старший разведчик взглянул на него.

— И да и нет,— сказал он.— Этот маленький народец сообщил нам, что вы плывете. Они стоят всех сторожевых псов на свете!

Беглецы снова отправились в путь. Теперь машиной управлял один из разведчиков. Их конвоиры не были недружелюбны, но и не желали разговаривать.

— Подождите, пока вас примет Начальник,— отвечали они на вопросы.

Местом их назначения оказалась широкая полоса довольно высоко расположенной равнины. Уингейт был поражен, когда увидел множество строений и массу народа.

— Как же они могут сохранить такое место в тайне? — спросил он Джимми.

— Если бы штат Техас был покрыт вечным туманом, а жителей было бы столько, сколько в Уокегане, штат Иллинойс, вы тоже могли бы там многое скрыть!

— Но разве все это не обозначено на карте?

— На карте Венеры? Не будьте наивным.

Судя по тем словам, которые он раньше слышал от Джимми, Уингейт должен был увидеть лагерь беглых рабочих, которые скрываются в зарослях и находят случайное пропитание в окружающих болотах. Но он обнаружил здесь культуру и энергичную администрацию. Правда, это была неотесанная поселенческая культура и несложное административное устройство, с малым числом законов и неписанной конституцией, но зато тут действовала система правил общежития. Нарушители подвергались наказанию, не более несправедливому, чем на Земле.

Хамфри Уингейта поразило, что беглые рабы — пена, выброшенная с Земли человеческим прибоем,— были способны создать общество. Его предков удивляло, когда ссыльные уголовники с Ботани Бэй развили высокую цивилизацию в Австралии. Уингейта феномен Ботани Бэй, конечно, не удивлял: это принадлежало истории, а история никогда не вызывает удивления, если она уже свершилась.

Успех этой колонии стал понятнее Уингейту, когда он больше узнал о характере Начальника, который был вдобавок и генералиссимусом, и судьей низшей и средней инстанции, избираемым всей общиной. (За верховный суд решения выносила вся община голосованием. Эта процедура показалась Уингейту безобразно неуклюжей, однако общину она, видимо, устраивала.) В качестве судьи Начальник выносил решения, не скрывая своего отвращения к системе свидетельских отношений и к теории права, что напоминало Уингейту рассказы, слышанные им об апокрифическом старом судье Бине из «Закона к западу от Пекоса».

Чаще всего Начальнику приходилось выносить решения по поводу инцидентов, вызываемых большим недостатком женщин в колонии (мужчин было втрое больше). Уингейту пришлось признать, что тут действительно возникала ситуация, в которой традиционный обычай мог быть источником бед; он восторгался проницательностью, здравым смыслом и знанием человеческой природы, с какими Начальник разбирался в сильных человеческих страстях, поддерживая *modus operandi* для терпимого сосуществования.

Человек, которому удавалось сохранить мир при таких обстоятельствах, не нуждался в юридическом образовании.

Начальник избирался всеобщим голосованием, а его советники были членами выборного совета. Уингейт был убежден, что Начальник мог бы стать во главе любого общества. Этот человек обладал беспредельной энергией, большой жизненной силой, у него был громогласный смех, смелость и умение принимать решения. Он был прирожденным лидером.

Трем беглецам было предоставлено несколько недель отдыха, чтобы прийти в себя и найти занятие, которое было бы полезно для общины и обеспечило бы их самих. Джимми оставался при своей машине, конфискованной для общины. По молчаливому согласию, существовавшему в общине, тот, кто привел машину, имеет право ею управлять. Большеротый получил назначение на работу в поле и делал почти то же, что у Ван Хайзена. Он признался Уингейту, что теперь ему приходится трудиться больше, но все же он был доволен, потому что, как он выразился, «здесь как-то свободнее».

Мысль о том, чтобы вернуться к сельскому хозяйству, внушала Уингейту отвращение, хотя этому у него не было никаких

разумных объяснений. Однако на этот раз его опыт в области радио сослужил ему хорошую службу. Община имела временную маломощную радиостанцию, которая постоянно использовалась для перехватов, но редко — для передачи: из опасения, как бы община не была обнаружена. Прежде лагеря беглых рабов нередко уничтожались полицией Компании вследствие неосторожного пользования радио. Поэтому в общине осмеливались включать радиопередатчик только в случае крайней необходимости.

Но без радио им обойтись было трудно. Помощь маленького народца давала им возможность поддерживать контакт с другими общинами беглецов, но это была крайне ненадежная связь, и обычно сообщения, кроме самых простых, искажались до неузнаваемости.

Когда обнаружилось, что у Уингейта были соответствующие технические познания, ему была доверена радиоаппаратура общины. Предыдущий радиотехник пропал без вести в зарослях. Помощником Уингейта был приятный старик по кличке Доктор, который мог слушать сигналы, но ничего не понимал в эксплуатации радиоаппаратуры.

Уингейт увлеченно принялся за исследование допотопной установки. Проблемы, возникавшие у него из-за нехватки оборудования, и необходимость пустить в ход радиостанцию доставляли ему такое удовольствие, какого он не испытывал с тех пор, как был мальчишкой, хотя сам он этого не осознавал.

Он с увлечением пытался сделать радиосвязь безопасной. Его захватила идея, заимствованная из какого-то описания эпохи первых шагов радио. Его радиоустановка, как и все другие, действовала на основе частотной модуляции. Он где-то видел однажды схему передатчика совершенно устаревшего типа с амплитудной модуляцией. Он почти совсем не помнил ту схему, однако разработал устройство, которое, как ему казалось, должно будет действовать и сможет быть присоединено к имеющемуся у него аппарату.

Он попросил у Начальника разрешения сделать такое устройство.

— Почему же нет? — прогремел в ответ Начальник.— Я не имею ни малейшего представления о вещах, о которых вы говорите, голубчик, но если вы считаете, что можно построить радиостанцию,

которую Компания не обнаружит, возьмитесь за это. Вам бы не надо и спрашивать меня, это — ваше дело!

Проблема была более сложной, чем Уингейт себе представлял. Он работал над ней, пользуясь неловкой, но беззаветной помощью Доктора. Первые схемы соединений Уингейту не удались; но пять недель спустя, после сорок третьей попытки, схема уже действовала. Доктор, находившийся в зарослях на расстоянии нескольких миль, сообщил, что ему удалось услышать передачу при помощи маленького специально сконструированного приемника.

Одновременно Уингейт работал над своей книгой. Он не мог бы сказать, зачем он ее пишет. Пожалуй, ее можно было назвать политическим памфлетом против колониальной системы. Но здесь ему некого было убеждать в правильности своих тезисов; не мог он также ожидать, что когда-нибудь предложит книгу вниманию читающей публики. Теперь его родиной была Венера. Он знал, что у него нет никаких шансов вернуться; единственный путь лежал через Адонис, а там его ожидал ордер на арест за добрую половину преступлений из имеющихся в кодексе: нарушение контракта, воровство, похищение человека, преступное оставление человека в опасных обстоятельствах, преступный сговор и подрывная деятельность. Если бы полиция Компании его поймала, она заточила бы его в тюрьму на веки вечные.

Нет, книга возникла не потому, что он надеялся ее опубликовать, а из-за полуосознанной потребности привести в порядок свои мысли. Он произвел полную переоценку ценностей, которыми прежде жил; для его душевного покоя ему было необходимо сформулировать новые. Для его педантичного, лишенного богатого воображения ума было естественным желанием изложить на бумаге все свои соображения и заключения.

Несколько робея, он показал рукопись Доктору. Он знал, что прозвище этого человека связано с его прежней профессией на Земле. Доктор был профессором экономики и философии в одном из университетов, и он рассказал ему кое-что о том, как он попал на Венеру.

— Маленькая история, в которой была замешана одна из моих студенток,— признался он.— Моя жена заняла непримиримую позицию в этом деле, и так же поступило правление университе-

та. Правление давно уже расценивало мои воззрения как слишком радикальные.

— А это так и было?

— О Боже, нет! Я был твердокаменным консерватором, но обладал дурной привычкой выражать консервативные принципы скорее реалистическим, чем аллегорическим языком.

— Сейчас вы, вероятно, радикал?

Доктор слегка поднял бровь:

— Отнюдь нет! Радикал или консерватор — все эти термины существуют для эмоциональных позиций, а не для социологических воззрений.

Доктор взял рукопись, прочитал ее до конца и возвратил ее Уингейту без всяких замечаний. Но Уингейт настаивал, чтобы он высказал ему свое мнение.

— Ладно, если вы требуете, мой друг...

— Да.

— Я сказал бы, что вы впали в самое распространенное из всех заблуждений относительно социальных и экономических факторов — уверовали в «дьявольскую теорию».

— Как вы сказали?

— Вы приписываете экономическому злодейству создание условий, являющихся просто следствием человеческой глупости. В колониальном рабстве нет ничего нового; это — неизбежный результат империалистической экспансии, естественный результат устарелой финансовой системы.

— Я подчеркиваю в моей книге роль, которую играют банки.

— Нет, нет и нет. Вы полагаете, что банкиры — негодяи. Вовсе нет. Так же, как и служащие Компании, или патроны, или правящие классы там, на Земле, не являются негодяями. Людей вынуждает необходимость. И вот они придумывают разные рациональные объяснения, которые оправдывали бы их действия. Это даже не алчность. Рабство экономически невыгодно, непродуктивно, но люди втягиваются в эту систему, как только обстоятельства вынуждают их к этому. Другая финансовая система... но это уже другой вопрос.

— Я все же думаю, что все это коренится в извращенности людей,— сказал Уингейт упрямо.

— Не извращенности, а просто глупости. Я не могу доказать вам, но вы убедитесь сами.

Ввиду успеха «тихого радио» Начальник послал Уингейта в большую поездку по другим лагерям Свободной Федерации, чтобы и им помочь установить новое оборудование и научить, как с ним обращаться. Уингейт провел в поездке месяц, много трудился и получил огромное удовлетворение от работы. Свою поездку он закончил с приятным сознанием, что сделал для свободных людей в борьбе против их врагов больше, чем это могло быть достигнуто в результате кровавого сражения.

Когда он вернулся в свою общину, то нашел там ожидавшего его Сэма Хьюстона Джонса.

Уингейт бросился к нему.

— Сэм! — крикнул он.— Сэм! Сэм!

Уингейт схватил его за руку, колотил по спине и осыпал ласковыми ругательствами, как все сентиментальные люди, когда пытаются скрыть свои чувства.

— Сэм! Ах, ты, старый негодяй! Когда ты прибыл сюда? Как тебе удалось бежать? И как это ты, черт тебя побери, сумел проделать весь путь от Южного полюса? Или тебя перевели до того, как ты бежал?

— Здорово, Хамф,— сказал Сэм.— А теперь спрашивай по порядку и не так быстро!

Но Уингейт продолжал возбужденно тараторить:

— Господи Боже мой, как приятно видеть твою страшную физиономию, старина! Как я рад, что ты приехал сюда, это замечательное место. У нас тут самое предприимчивое маленькое государство во всей Федерации. Оно тебе понравится. Здесь все — замечательные ребята!

— А ты у них кем будешь? — спросил Джонс, разглядывая его.— Президентом местной торговой палаты?

Уингейт взглянул на него, затем рассмеялся:

— Я понял. Но серьезно, тебе здесь понравится. Разумеется, тут все иначе, чем на Земле, но Земля — это дело прошлое. Не лучше ли забыть о том, чего не вернешь, а?

— Погоди минутку, ты просто ничего не понял, Хамф. Послушай, я не бежавший раб. *Я здесь для того, чтобы увезти тебя домой.*

Уингейт открыл рот, закрыл его, потом снова открыл.

— Но, Сэм,— сказал он,— это невозможно. Ты не знаешь!..

— Думаю, что знаю.

— Но ты ошибаешься. Для меня не может быть возврата. Если бы я вернулся, мне пришлось бы предстать перед судом, и он, несомненно, воздал бы мне по заслугам. Даже если бы я отдался на милость суда и сумел отделаться легким приговором, то прошло бы двадцать лет, прежде чем я стал бы свободным человеком. Нет, Сэм, это невозможно. Ты не знаешь всех обвинений, которые мне предъявят.

— Это я-то не знаю? Твоя история обошлась мне в кругленькую сумму, пока я все распутал.

— Как?

— Мне известно, как ты бежал. Я знаю, что вы похитили «крокодил» и высадили своего патрона, что ты уговорил двух других батраков бежать вместе с тобой. Мне пришлось действовать самой тонкой лестью и дать, уж не буду говорить сколько, отступного, чтобы уладить все дело. Господи помилуй, Хамф, почему ты не совершил что-нибудь более невинное, например убийство, изнасилование или ограбление почтовой конторы?

— Ну что ж, Сэм, то, что я совершил, я сделал не для того, чтобы причинить тебе хлопоты. Я совсем выкинул тебя из моих расчетов. Я действовал на собственный страх и риск. Мне, право, очень жаль твоих денег...

— Забудь об этом. Деньги не имеют для меня значения. У меня их как грязи. Ты и сам знаешь. Просто удачно выбрал себе родителей. Я пошутил, но, видно, это получилось не совсем удачно.

— Ладно, извини.— Смех Уингейта был несколько искусственный. Никто не любит благотворительности.— Но расскажи мне, что случилось. Я все еще пребываю во мраке неизвестности.

— Хорошо.

Джонс был так же поражен и расстроен разлукой со своим другом после высадки в Адонисе, как и Уингейт. Но он знал, что ничего не сможет сделать, пока не получит помощь с Земли. Он много недель работал в качестве рабочего-металлиста на Южном полюсе в беспрестанном ожидании, ломая голову, почему сестра не отвечает на его обращения. Он написал ей несколько писем в дополнение к первой радиограмме, так как это был единственный род

связи, который он мог теперь себе позволить. Но дни тянулись за днями, а ответа не было.

Когда он получил, наконец, радиограмму от сестры, все разъяснилось. Сестра не могла сразу получить радиограмму, потому что она сама находилась не на Земле, а на борту той же самой «Вечерней Звезды», в каюте первого класса, под именем своей горничной. «Это обычай моей семьи, чтобы избежать огласки,— пояснил Джонс.— Если бы я радировал не ей, а нашим поверенным, или если бы на корабле было известно настоящее имя сестры, мы бы встретились с ней в первый же день».

Радиограмма не была ей передана также и на Венере, потому что к тому времени планета проходила по другую сторону Солнца. Примерно на протяжении шестидесяти земных дней не было связи между Землей и Венерой. Радиограмма оставалась в конторе фирмы до тех пор, пока поверенным не удалось связаться с его сестрой.

Получив радиограмму, она устроила небольшое торнадо. Джонс был освобожден, неустойка по его контракту уплачена, и достаточно крупная сумма денег переведена на его имя на Венеру менее чем за двадцать четыре часа.

— И это все,— закончил Джонс,— за исключением того, что мне придется по возвращении объяснить сестрице, как я попал в эту историю. Уж и задаст она мне трепку!

Джонс нанял ракету на Северный полюс и там сразу же напал на след Уингейта.

— Если бы ты задержался еще хоть на один день, я бы тебя застал. Мы нашли твоего бывшего хозяина примерно в одной миле от ворот его фермы.

— А, старая каналья все же добрался. Я очень рад.

— И слава Богу, а то я бы не смог тебя отмазать. Он был страшно изможден, и сердце его бешено колотилось. А ты знаешь, что на Венере бросить человека на произвол судьбы считается уголовным преступлением с обязательным смертным приговором, если жертва умирает?

Уингейт кивнул:

— Да, я знаю. Правда, я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь патрон был отправлен в газовую камеру, если находили труп рабочего. Но это — между прочим. Продолжай.

— Ну вот. Он был ужасно обижен. Я его не виню, хотя и тебя не осуждаю. Никто не хочет быть проданным на Юг, а я догадываюсь, что ты ожидал именно этого. Итак, я заплатил ему за этого «крокодила» и за твой контракт — погляди на меня, я теперь твой новый владелец! — и за контракты двух твоих друзей. Все же он не был удовлетворен. Мне, наконец, пришлось добавить к этому билет первого класса на Землю для его дочери и пообещать найти ей работу. Полагаю, что наша фирма может себе позволить еще одну служащую. Как бы то ни было, старина, ты теперь свободный человек. Единственный вопрос — разрешит ли нам Начальник уехать отсюда. Это как будто не полагается.

— Да в том-то и дело. Кстати, я и забыл: как же ты нашел нашу общину?

— Пришлось заняться сыском, но это долго рассказывать. Вот потому-то я так и задержался. Рабы не любят болтать. Во всяком случае, Начальник назначил нам прием на завтра.

Уингейт долго не мог уснуть. После первого взрыва бурной радости он начал размышлять. Действительно ли он хочет вернуться? Вернуться к цитированию статей законов в интересах той стороны, которая его нанимает, к бессмысленным светским обязанностям, к пустой, бесплодной, полной всякого вздора жизни богатого, преуспевающего класса, в среде которого он вращался и которому служил? Хотел ли он этого — он, который боролся и трудился среди *настоящих* людей? Ему казалось, что анахроничное маленькое «изобретение» в области радио представляло собой большую ценность, чем все, что он когда-либо делал на Земле.

Потом он вспомнил о своей книге. Может быть, он мог бы добиться ее опубликования? Может быть, ему удалось бы разоблачить позорную, бесчеловечную систему продажи людей в легальное рабство?.. Сон разом слетел с него. Вот где его ожидало настоящее дело! Он должен вернуться на Землю и защищать права колонистов. Возможно все же, что судьба предопределяет жизнь человека. Может быть, он как раз тот человек, которому удастся это сделать: подходящее социальное положение, большой опыт... *Он* может заставить слушать себя!

Уингейт заснул, и ему снился прохладный, сухой ветерок, ясное голубое небо, лунный свет...

Большеротый и Джимми решили остаться на Венере, хотя Джонс мог бы договориться с Начальником и об их отъезде. «Да ведь дело в том,— сказал Большеротый,— что нас там, на Земле, ничто не ожидает, не то мы просто не уехали бы оттуда. И, кроме того, нельзя же вам взять на себя содержание еще двух безбилетных пассажиров. Да здесь не так уж плохо. Когда-нибудь тут будет замечательно. Мы останемся и будем расти вместе с общиной!»

Они повезли Джонса и Уингейта в Адонис. Это теперь было не опасно, ибо Джонс официально стал их владельцем. «Крокодил» возвратился из Адониса в общину, нагруженный различными товарами, которые, как настоял Джонс, должны были считаться их выкупом. В сущности, разрешение, данное Начальником, никогда не рисковавшим тайнами своей общины, было получено именно потому, что его привлекла возможность послать надежного и не вызывающего подозрения властей агента за запасами, в которых община сильно нуждалась. Планы Уингейта начать борьбу за отмену работорговли не произвели на него никакого впечатления.

Прощание с Большеротым и Джимми оказалось для Уингейта более тяжелым и грустным, чем он мог ожидать.

В первые две недели по возвращении на Землю Уингейт и Джонс были слишком заняты, чтобы часто встречаться. За время обратного путешествия Уингейт обработал свою рукопись и теперь проводил целые дни, знакомясь с приемными издателей. Только один из них проявил к нему больший интерес, чем того требовала формальное письмо с отказом.

— Мне очень жаль, мой друг,— сказал ему этот издатель.— Я охотно опубликовал бы вашу книгу, несмотря на ее спорный характер, если бы она имела хоть малейший шанс на успех. Но, откровенно говоря, она не имеет никаких литературных достоинств. Я охотнее прочитал бы краткое изложение.

— Я вас понимаю,— ответил Уингейт сердито.— Крупная издательская фирма не может себе позволить печатать то, что вызовет раздражение у сильных мира сего.

Издатель вынул сигарету изо рта и взглянул на молодого человека, прежде чем ответить.

— Я, очевидно, должен был бы обидеться, но я не обижаюсь. Все это — широко распространенное недоразумение. Сильные мира сего, как вы их называете, не прибегают к насилию в нашей стране. Мы издаем то, что публика будет покупать, для этого мы и занимаемся изданием книг. Я предложил бы вам, если вы меня послушаетесь, один способ привлечь к вашей книге внимание читающей публики. Вам нужен соавтор, человек, владеющий искусством писать книги, он сделает вашу книгу интересной.

Как раз тот день, когда Уингейту вернули от тайного соавтора переработанную рукопись, его посетил Джонс.

— Сэм,— обратился к нему Уингейт.— Погляди, что этот сукин сын сделал с моей книгой! Слушай: «... Я снова услышал свист бича надсмотрщика. Худощавое тело моего товарища покачнулось от удара. Он закашлялся и медленно соскользнул в воду, доходившую ему до пояса; цепи на ногах потянули его вниз». Честное слово, Сэм, ты когда-нибудь слышал подобный вздор? И взгляни на новое название книги: «Я был рабом на Венере»! Это звучит как признание в суде.

Джонс молча кивнул.

— Послушай-ка это,— продолжал Уингейт.— Рабыни, «битком набитые в тесном помещении, как скот в загоне, с обнаженными телами, блестевшими от пота, отпрянули от...»— о черт, я не могу читать дальше!

— Да ведь на них ничего и не было, кроме набедренных повязок!

— Да, но это не имеет никакого отношения к делу. Костюм работниц Венеры — это необходимость в тех климатических условиях. Нет оснований ухмыляться по этому поводу. Этот человек превратил мою книгу в идиотскую эротическую писанину, у него хватает наглости защищать свой текст! Он утверждает, что полемическую брошюру на социальную тему надо писать сочным языком.

— Ну что ж, он, может быть, и прав в некотором отношении. В «Путешествиях Гулливера» имеется несколько колоритных эпизодов, а сцена бичевания в «Хижине дяди Тома»— отнюдь не подходящие чтение для детей, не говоря уже о «Гроздьях гнева».

— Будь я проклят, если прибегну к такого рода дешевой сенсации. Я борюсь за честное дело, которое каждый может понять.

— Так ли это? — Джонс вынул трубку изо рта.— Интересно, сколько пройдет времени, пока у тебя откроются глаза. Что представляет собой твое дело? В нем нет ничего нового; то же самое происходило на Старом Юге, а затем в Калифорнии, в Мексике, в Австралии, в Южной Африке. Почему? Потому что в условиях свободного предпринимательства, когда денежная система не может удовлетворить его нужды, использование капитала метрополии для развития колоний неизбежно приводит к снижению жизненного уровня в стране и к рабскому труду в колониях. Богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Любая добрая воля правящих классов не изменит этого положения, потому что основная проблема требует научного анализа и математического ума. Ты полагаешь, что сможешь объяснить эти проблемы широкой публике?

— Я могу попытаться.

— А чего *я достиг, когда пытался разъяснить это тебе*, до того как ты своими глазами увидел последствия? А ты ведь — малый не дурак. Нет, Хамф, эти вещи слишком трудно объяснить людям, они слишком абстрактны, чтобы заинтересовать кого бы то ни было. Ты ведь на днях выступал в женском клубе?

— Да.

— И что же, ты имел успех?

— Да вот... Председательница позвонила мне заранее и попросила ограничить мое выступление десятью минутами, так как должна прибыть их президентша и у них будет мало времени в запасе.

— Хм... Ты видишь теперь, с чем конкурируют твои великие социальные откровения! Но это не беда. Десяти минут вполне достаточно, чтобы объяснить эту проблему человеку, если он способен ее понять. Ты кого-нибудь убедил?

— Ну... Я не уверен.

— Ты меня не убеждай, что не уверен! Может быть, они тебе и хлопали, но сколько человек подошли к тебе после выступления и выразили желание подписать чеки? Нет, Хамф, благоразумные рассуждения никуда не приведут тебя в этом развращенном мире.

Для того чтобы заставить слушать себя, ты должен быть демагогом или политическим проповедником, вроде этого типа — Негемии Скаддера. Мы весело и с треском несемся на всех порах в преисподнюю, и это не прекратится, пока все не провалится ко всем чертям!

— Но... О черт, что же мы можем сделать?

— Ничего. Все должно стать гораздо хуже, прежде чем стать немного лучше. Давай выпьем!

Меня зовут Холли Джоунс, мне пятнадцать лет. Я очень умная, но по виду этого не скажешь — выгляжу я, как недоделанный ангелочек, то есть тускло и скучно. Родилась я здесь же, в Луна-Сити, что почему-то удивляет всяких типов с Земли. Если уж на то пошло, я — местная в третьем поколении, дед с бабкой участвовали в строительстве первого поселка, где теперь мемориал. Живу с родителями в Доме Артемиды. Это кооператив в Пятом уровне, на глубине восьмиста футов. Но дел у меня по горло, так что дома я появляюсь редко.

По утрам я в технической школе, во второй половине дня занимаюсь или летаю со своим компаньоном Джеффом Хардести, а когда прибывает туристический корабль, сопровождаю землероек. Вот и сегодня прямо из школы отправилась его встречать.

Из карантина, как стая гусей, тянулись туристы. Я не стала лезть вперед, мистер Доркас и без того знает, что работаю я лучше всех. В гидах я временно, мое основное занятие — космические корабли. Но раз уж взялась за что-то, делай как следует.

Мистер Доркас меня заметил.

© Н. Изосимова, перевод

— Холли, подойди, пожалуйста. Мисс Брентвуд, Холли Джоунс будет вашим гидом.

— Холли,— повторила она,— какое необычное имя. Ты, правда, гид, детка?

К землеройкам я отношусь терпимо. Некоторые из моих самых близких друзей — земляшки. Как говорит папа, родиться на Луне — счастье, земляшкам просто не повезло. В конце концов и Гаутама Будда, и Христос, и доктор Эйнштейн были этими.

Но до чего же они раздражают! Если бы не старшеклассники, кто бы, интересно, с ними работал? Я ответила:

— В моем документе написано именно так,— оглядев ее при этом с ног до головы, точно так же, как она в тот момент оглядывала меня.

Ее лицо показалось мне знакомым. Возможно, я видела ее фотографию в светской хронике какого-нибудь земного журнала. Одна из многочисленных тамошних богатых бездельниц. Она была хороша до противности... бархатная кожа, мягкие, волнистые, серебристые волосы, размеры фигуры примерно 35-24-34, сверху и снизу — вполне достаточно, чтобы я почувствовала себя как тот рисунок «палка, палка, огуречек», низкий, прямо в душу лезущий голос и вообще — все для того, чтобы существа женского типа видами попроще начали задумываться, а не стоит ли продать душу дьяволу. Но не ощутила дурных предчувствий. Она ведь была землеройкой, а землеройки не в счет.

— Все гиды по городу — девушки,— объяснил мистер Доркас.— Холли очень компетентна.

— Нисколько не сомневаюсь.

Потом она стала охать и ахать, как все туристы. Неужели гид нужен только затем, чтобы проводить до отеля? А где таксист? А носильщики? Узнав, что мы пойдем по подземному городу одни, она изумленно вытаращила глаза.

Мистер Доркас терпеливо отвечал на все вопросы и в заключение произнес:

— Мисс Брентвуд, Луна-Сити — единственная столица в Солнечной системе, где женщина по-настоящему чувствует себя в безопасности. Здесь нет ни темных аллей, ни преступников.

Очень надо было мне все это слушать. Я сунула мистеру Доркасу бумажки — печать поставить — и взяла ее вещи. Вообще-то

таскать чемоданы не мое дело: большинство туристов приходят в восторг, узнав, что тридцать футов положенного им багажа тут еле тянут на пять. Но надо же было заставить ее сдвинуться с места. Вдруг она остановилась:

— Мне не дали карты города.

— Нет в наличии. Поэтому и нужны гиды.

— Но почему бы не обеспечить картами туристов? Или вы, гиды, боитесь остаться без куска хлеба?

Представляете?

— Вы действительно думаете, что гид — это профессия? Мисс Брентвуд, если бы тут водились обезьяны, они бы этим и занимались.

— Тем более, почему не напечатать карты?

— Да потому, что Луна-Сити не такой плоский, как...— я чуть не ляпнула «землеройковые города», но вовремя прикусила язык,— как земные города. То, что вы видели из космоса,— всего лишь метеоритный щит. Под ним располагаются более десяти уровней, и город уходит на много миль в глубину.

— Да, я знаю, но почему бы не сделать карту для каждого уровня отдельно?

От землероек только и слышишь: «Да, я за, но...»

— Я могу показать вам единственную карту города. Это стереоскопический макет высотой в двадцать футов. Но даже там отчетливо видны только очень крупные сооружения. Гидропонические фермы, Замок горного короля, Пещера летучих мышей.

— Пещера летучих мышей? — повторила она.— Это где летают?

— Да, мы там летаем.

К «Цюриху» — отель, который она выбрала,— можно попасть через тоннель Грэя, мимо Марсианского посольства, сойти у марсианского храма, затем в Шлюзовую камеру, и вы на бульваре Дианы. Но я-то отлично знаю, где можно срезать путь. Мы сошли с движущегося тротуара около здания компании Мэйси-Гимбел и спустились лифтом, предназначенным для их сотрудников. По-моему, ей должно было это понравиться. Я велела ей ухватиться за кольцо. Она глянула в шахту и отпрянула назад:

— Ты шутишь?

Я уже собиралась вести ее обычным путем, но тут вниз проехала наша соседка. Я крикнула:

— Здравствуйте, миссис Гринберг!

— Привет, Холли. Как твои?

Сузи Гринберг можно назвать толстухой. Она ехала, повиснув на одной руке, другой держала маленького Дэвида и при этом умудрялась читать газету «Дейли лунатик».

Мисс Брентвуд смотрела на это, прикусив губу. Потом спросила:

— Что надо делать?

— Можете держаться обеими руками, я, так и быть, возьму сумки.

Связав носовым платком ручки чемоданов, я поехала первая. Когда мы спустились, ее трясло.

— Господи, Холли, как вы тут живете? Неужели тебе не хочется домой?

Все они так спрашивают. Я сказала: «Я была как-то на Земле», но особо распространяться не стала. Два года назад мама отправила меня в Омаху; в гости к тетке. Это было какое-то наказание. Жара, холод, грязь, какие-то букашки... Я весила целую тонну и отвратительно себя чувствовала. А чертова тетка без конца гнала меня на улицу заниматься, видите ли, физическими упражнениями. Все, чего мне там хотелось, так это влезть в ванну и потихоньку страдать. К тому же я заболела сенной лихорадкой. Вы, наверное, и не слышали о сенной лихорадке. Это когда вы живы, но лучше бы вы умерли.

Я должна была там пойти в школу, но позвонила папе и все ему рассказала. Слава богу, он разрешил мне вернуться. До землероек никак не доходит, что их жизнь — дикость. Но землеройки есть землеройки, а мы — это мы. И с места нам не сойти.

Как и все лучшие отели, «Цюрих» располагается в первом уровне на западной стороне. Так, чтобы было видно Землю. Я помогла мисс Брентвуд зарегистрироваться у дежурного робота и нашла ее номер с иллюминатором. Клиентка, охая и ахая, тут же принялась пялиться на Землю. Выглянув, я определила, что было тринадцать часов с минутами: Солнце отсекало самый край Индии. Еще хватит времени прихватить следующего клиента.

— Ну все, мисс Брентвуд?

Вместо того чтобы ответить, она пролепетала с благоговением:

— Холли, видела ты что-нибудь более прекрасное?

Вид был скучный-прескучный. Кроме Земли, висящей в небе, смотреть не на что. Но туристам только того и надо. Не успев улететь с Земли, уж готовы глазеть на нее часами. Надо признать выглядит она неплохо. Но когда вы наблюдаете за тем, как там меняется погода, приятно сознавать, что вы в этот момент в другом месте. А может, и вам доводилось провести лето в Омахе?

— Конечно,— согласилась я.— Вы еще куда-нибудь хотите или поставите вот здесь подпись?

— Что? Извини, я замечталась. Нет, не сейчас, то есть да, хочу! Холли, я хочу туда! Я должна! Есть у меня время? Еще не скоро стемнеет?

— До захода Солнца еще два дня.

Она очень удивилась.

— Как необычно! Холли, ты можешь раздобыть скафандр? Мне надо наружу.

Я не удивилась: все они называют скафандрами герметические костюмы.

— Мы, девушки, там не работаем,— сказала я.— Но могу позвонить приятелю.

Мы с Джеффом Хардести конструируем космические корабли. Джеффу восемнадцать, он учится в институте Годдарда. Я изо всех сил стараюсь не отставать от него. Мы должны создать собственную фирму «Джоунс и Хардести, космическое конструирование». Я рассчитываю получить докторскую степень довольно скоро, потому что у меня блестящие способности к математике. А это главное в конструкторском деле. Я не стала говорить всего этого мисс Гринвуд, ведь туристы считают, что девушка моего возраста не может быть космическим конструктором.

По вторникам и четвергам Джефф водит туристов. Клиентов он встречает у Западного шлюза, а в перерывах занимается. Я дозвонилась до Шлюзовой и попросила Джеффа.

— Привет, Одна Десятая.

— Привет, Штрафной Вес. Можешь взять клиента?

— Ну, я должен был вести одну семейку, но они что-то запаздывают.

— Отмени их. Мисс Брентвуд встаньте, пожалуйста, здесь. Это мистер Хардести.

Джефф уставился на нее, и вот тут я ощутила беспокойство. Но хоть и говорят, что мужчины в таких случаях слепо следуют своим инстинктам, я все же не допускала мысли, что Джеффа может прельстить землеройка. Они ведь говорят на другом языке.

В Джеффа я не влюблена, мы просто коллеги. Но все, что затрагивает интересы «Джоунс и Хардести», касается и меня лично.

Когда мы встретили Джеффа у Западного шлюза, тошно было смотреть, как он пускает слюни до полу. Он даже не пытался скрыть, что именно так привлекает его в мисс Брентвуд. Почему мужчины такие придурки?

Зато мисс Брентвуд, кажется, ничего не имела против. Джефф — парень крупный, в герметическом костюме он похож на Инеистого великана из «Золота Рейна». Улыбнувшись, клиентка поблагодарила его за то, что ради нее он изменил свои планы. Тут же он совсем обалдел и промямлил какую-то глупость, вроде того, что для него это только удовольствие.

Я держу свой герметический костюм в Западном шлюзе, чтобы, когда я передаю клиента Джеффу, он мог пригласить меня прогуляться вместе с ним. На этот раз он почти не разговаривал со мной, пока эта платиновая зараза была рядом. Но я помогла ей выбрать костюм, пошла с ней в раздевалку и подогнала его. Эти прокатные костюмы требуют тщательной подгонки, иначе там, в вакууме, они могут защемить очень нежные части организма... кроме того, в них есть такие вещи, которые девушке должна объяснить девушка. Когда мы вышли из раздевалки, на мне костюма не было. Джефф даже не поинтересовался почему. Сразу взял клиентку за руку и повел к шлюзу. Мне пришлось между ними вклиниться, чтобы она подписала мне бланк.

Никогда в жизни дни не тянулись так долго... Джеффа я видела всего один раз. Он ехал по бульвару Дианы. Естественно, с этим блондинистым чучелом.

И хотя больше я его не встречала, я знала, что происходит. Он пропускал занятия и три ночи подряд водил ее в «Дункан Хайнс», в зал с видом на Землю. Меня это не касается. Пускай теперь она учит его танцевать. Надеюсь, у нее это лучше получится. Джефф свободный гражданин, и если он такой кретин,

чтобы пропускать школу и недосыпать из-за какой-то расфранченной землеройки,— на здоровье! Но как он смеет пренебрегать интересами фирмы! Ведь «Джоунс и Хардести» жутко загружены работой. Мы строим звездный корабль «Прометей». Больше года вкалывали как проклятые, света белого не видели, летали и то раз в неделю, а это чего-то стоит.

Конечно, сейчас звездный корабль — утопия. Двигателя нужного нет. Но скоро произойдет технический переворот и будут построены масс-конверторные силовые установки — а значит, и звездные корабли. По крайней мере, так говорит мой папа. А уж он-то точно знает. Отец — главный инженер по космическим трассам на всей Луне, да и теорию Ферми в институте Годдарда тоже читает он. Поэтому мы с Джеффом строим межзвездный корабль, основываясь на его предположениях. Наше детище снабжено замкнутой системой жизнеобеспечения. Здесь есть все: жилые и подсобные помещения, поликлиника, лаборатории.

Отец считает, что это так, полезная тренировка, но мама лучше его разобралась. Она химик-математик и соображает не хуже моего. Мама отлично знает, что к моменту создания двигателя, когда другие фирмы только начнут суетиться, у «Джоунс и Хардести» уже будет готовый проект.

Вот почему меня бесило, что Джефф расходует время на эту мымру. Раньше мы старались не терять ни минутки. Джефф появлялся после обеда, мы быстро делали уроки и сразу принимались за дело. Это были счастливые часы. Мы проверяли друг у друга расчеты и ломали головы над чертежами. Но в тот же день, как я познакомила его с мисс Ариэль Брентвуд, он не соизволил явиться. Я сделала уроки и не знала, как быть: то ли начинать без него, то ли еще подождать — мы проводим серьезное изменение защиты силовой установки,— когда мне позвонила его мать.

— Дорогая, Джефф просил передать, что обедает с туристкой и не сможет прийти.

Всю ту неделю я мучительно привыкала к мысли, что «Джоунс и Хардести» — конец. Джефф больше не отменял встреч. Ведь он их и не назначал. По четвергам после обеда мы обычно летали, если никто из нас не был занят с туристами. В этот четверг он не позвонил. Где они были, я знаю. На катке в Фингаловой пещере.

Я осталась дома и работала над «Прометеем». Пересчитывала массы и моменты инерции гидропонических ферм и складов с учетом изменений, введенных в защиту. Но выходило с ошибками. Дважды забывала логарифмы, так что пришлось лезть в таблицу. Я настолько привыкла обо всем спорить с Джеффом, что мой мозг просто отказывался нормально работать.

Передо мной лежал лист, и вдруг мне бросился в глаза знак фирмы «Джоунс и Хардести». Я сказала себе: «Холли Джоунс, брось валять дурака. Ясно, что это конец. Ты ведь отдавала себе отчет в том, что рано или поздно он влюбится. Какой же ты инженер, если не можешь взглянуть правде в глаза? Она красива и богата, заставит своего папашу пристроить Джеффа на Земле. Слышишь? На Земле! Так что подыскивай себе другого компаньона или организуй собственное дело». Я стерла надпись «Джоунс и Хардести», вывела «Джоунс и компания» и уставилась в одну точку. Потом стала стирать и это, но получилось пятно, на него упала слеза. Это уж было совсем глупо!

В следующий вторник родители обедали дома. Это меня несколько насторожило, потому что папа обычно обедает в порту.

Если вы не космический корабль, то не рассчитывайте, что мой папочка обратит на вас внимание. Но сегодня он вдруг заметил, что я заказала себе только салат, да и тот не поела.

— В этой порции не хватает восьмисот калорий,— сказал он.— Не взлетишь ведь без топлива. Ты что, хандришь? Может, стоит показаться врачу? — он глянул на маму.

— *Все в порядке, спасибо,— гордо ответствовала я.*

Вовсе я не хандрила. Подумаешь, не молола языком. Не имею права, что ли? Терпеть не могу, когда ощупывают эти доктора, поэтому на всякий случай добавила:

— Я мало ем, потому что после обеда собираюсь летать. Но если тебе так хочется, могу заказать себе целую гору мяса с картошкой, а потом завалиться спать.

— Ну-ну, не злись. Как полетаешь, перекуси... и передай привет Джеффу.

Я процедила сквозь зубы:

— Ладно,— и, извинившись, вышла из-за стола.

Намек на то, что я, видите ли, не могу летать без мистера Джефферсона Хардести, был для меня унизителен, но я сдержалась. Папаша бросил мне вслед:

— Не опаздывай к ужину.

Еда меня совершенно не интересовала. На меня это не похоже. Направляясь к Пещере летучих мышей, я даже подумала, уж не подхватила ли чего-нибудь. Но лоб не горел, да и желудок был в порядке. Вдруг меня пронзила жуткая мысль: что, если я ревную?

Нет, невозможно. Я не какая-нибудь чувствительная барышня, а деловая женщина. Джефф был моим компаньоном и товарищем. Под моим руководством он мог бы стать великим конструктором. Каждый из нас ценил интеллект другого, и без всяких там штучек. Деловая женщина не может себе этого позволить. Сколько полезного времени угробила, например, моя мама, чтобы выносить меня!

Нет, все, что угодно, только не это. Я просто нервничала, ведь Джефф не очень-то разбирается в женщинах. Кроме того, он ни разу не был на Земле и не представляет, что это такое. Если она соблазнит его уехать на Землю, с «Джоунс и Хардести» покончено. «Прометей» может так и остаться недостроенным.

Я пришла к этому грустному выводу у самого входа в Пещеру летучих мышей. Мне не очень-то хотелось летать, но тем не менее я прошла в раздевалку и надела крылья.

Почти все, что написано о Пещере летучих мышей, неверно. Это резервуар городского воздухохранилища. Воздух нагнетается сюда очистительными насосами, работающими на большой глубине. Такие воздухохранилища есть в любом городе. Нам просто повезло, что наше достаточно велико и в нем можно летать. Специально его не строили. Это большой вулканический купол шириной в две мили. Если бы в прошлом здесь произошло извержение, то он превратился бы в кратер.

Туристы иногда жалеют нас за то, что мы лишены возможности плавать. Я как-то раз попробовала в Омахе. Вода попала мне в нос, и я жутко перепугалась. Вода для того, чтобы пить, а не для того, чтобы в ней барахтаться. Я слышала, как землеройки гово-

рят: «О да, мы летали много раз». Я проделала то, что они имеют в виду, между Белыми Песками и Омахой. Я чувствовала себя ужасно, меня тошнило. Эти их штуки не внушают доверия.

Я оставила туфли и юбку в раздевалке, надела на ноги хвостовые лопасти, застегнула «молнию» на костюме с крыльями, а мне помогли затянуть плечевые ремни. Мои крылья — не какие-нибудь там магазинные «Кондоры», у меня «Чайки» работы Сторера, специально изготовленные под мои размеры и распределение масс. Мои крылья влетели нам в хорошую копеечку, так быстро я из них вырастала, но эти, последние, куплены собственными трудами, на гонорары от туристов. И какие они прекрасные! «Кости» из титанового сплава, легкие и прочные, как настоящие птичьи кости, компенсация натяжения в плечевых суставах и там, куда вставляются кисти рук, автоматическая работа подкрылков, переход на самопроизвольное взмахивание крыльями при замедлении полета — тоже автоматический. Скелет крыла обтянут тончайшей стиреновой кожей, оперение основной части крыла и скапул — раздельное. Они летают чуть ли не сами собой. Сложив крылья, я вошла в шлюз.

Пока камера заполнялась, я раскрыла левое крыло и попробовала управление подкрылком — в последний раз, когда я летала, мне показалось, что меня немного заваливает. Но подкрылок раскрылся как надо, и я решила что, скорее всего, просто переборщила тогда с управлением. С «Чайками» Сторера надо поосторожнее, они очень маневренны, иногда даже чересчур. Когда на двери появился зеленый сигнал, я заспешила наверх, поглядывая на барометр. Семнадцать фунтов, то есть на две единицы больше, чем на уровне моря на Земле, и почти в два раза больше, чем у нас в городе. Тут бы и страус взлетел. У меня поднялось настроение, и мне стало жаль всех землероек, придавленных собственным весом, который в шесть раз больше, чем положено. Они никогда, никогда, никогда не смогут летать.

На Земле и я бы не смогла. Нагрузка на мои крылья составляет менее фунта на квадратный фут, так как мой вес с крыльями меньше двадцати фунтов. А на Земле я весила бы более ста фунтов, так что сколько там ни хлопай крыльями, все равно не взлетишь.

Мне стало так хорошо, что я забыла про Джеффа. Расправив крылья, пробежала несколько шагов, нагнулась для прыжка, загребла воздух крыльями и взмыла вверх.

Слегка работая руками, я спланировала к отверстию для подачи воздуха, которое находится в центре на дне пещеры. Мы называем этот район Детским эскалатором, так как, двигаясь в восходящем потоке воздухе, вы можете подняться на полмили, ни разу не шевельнув крыльями. Почувствовав, что попала на Эскалатор, я качнулась вправо, чуть сильнее, чем нужно, потом выправилась, и струи воздуха понесли меня вверх.

На высоте около двухсот футов я оглядела пещеру. Она была почти пуста — не более двухсот человек в воздухе, и еще сто отдыхали, сидя на балках: в общем, достаточно места, чтобы порезвиться. Поднявшись на пятьсот футов, я отклонилась от воздушного столба и начала работать крыльями. Вы не затрачиваете никаких усилий, когда парите, но трудитесь, когда летаете, причем от вас самих зависит, насколько интенсивно. При парении каждое из моих крыльев несет на себе десять фунтов веса, это ерунда — на Земле у вас уходит больше сил на то, чтобы просто лежать в постели. Когда вы поднимаетесь, вообще не нужно ничего делать, все получается само собой, лишь бы было движение воздуха.

Даже если вы не находитесь в восходящем потоке, а парите горизонтально, достаточно просто грести кончиками пальцев, чтобы двигаться. На это хватит сил и у дряхлой старушки. Подъем происходит за счет разницы в воздушном давлении, но вам незачем это знать: вы лишь легонько гребете, а воздух сам вас держит, как если бы вы лежали на удобнейшей в мире кровати. Когда вы гребете, то двигаетесь вперед, как будто плывете в лодке... По крайней мере, мне так говорили, сама я никогда в лодке не плавала. В Небраске у меня была возможность попробовать, но я не люблю попусту рисковать.

Когда же вы летите по-настоящему, у вас действует вся рука, включая кисть, а за счет плечевых мышц увеличивается сила гребка. Крылья уже не только поднимают вас вверх, но и толкают вперед. Теперь не только крайние перья меняют свой наклон (как при планировании), теперь все ваши крылья резко сгибаются и

разгибаются, они не создают больше подъемной силы, они влекут вас вперед, в то время как вес ваш удерживается скапулами, расположенными под мышками. Таким образом, вы можете наращивать скорость, или набирать высоту, или то и другое одновременно, контролируя угол атаки ступнями ног, я хотела сказать — хвостовыми лопастями, надетыми на ступни.

Только кажется, что это очень сложно, на самом же деле нет. Все получается само собой. Вы летаете точно так же, как птица. Птенцы ведь могут научиться, а они не бог весть какие сообразительные. В общем, это так же легко, как легко дышать, стоит только научиться... а уж какое это удовольствие, вы и представить себе не можете.

Я поднималась к куполу, энергично работая крыльями и установив подкрылки так, чтобы подниматься без завихрений — поднималась под углом, не доступном большинству наших летунов. Я невелика ростом, но вся состою из мышц, а летать научилась еще в шесть лет. Зависнув в воздухе, огляделась. Внизу у южной стены туристы примеряли крылья для прыжков, если это можно назвать «крыльями». Глазеющие туристы толпились и в галерее для посетителей вдоль западной стены. Я круто нырнула вниз к галерее, затем, приняв горизонтальное положение, быстро полетела вдоль нее. Джеффа с его Цирцеей нигде не было, но из-за того, что я не смотрела вперед, я чуть в кого-то не врезалась. Затормозила в самый последний момент и начала падать. Мне удалось выровнять полет только через пятьдесят футов. Конечно, никакой опасности не было, так как галерея находится на высоте двухсот футов, но выглядела я глупо, и исключительно по собственной вине: нарушила правила безопасности.

Таких правил немного, но их необходимо соблюдать. Первое — уступи дорогу оранжевым крыльям. Это начинающие. У летящего передо мной не было оранжевых крыльев, но я мчалась на него сзади. Следует уступать дорогу летящему ниже или летящему впереди, как и тому, кто находится ближе к стене или движется против часовой стрелки.

Неужели меня кто-то видел? Какой позор! Я снова поднялась на самый верх, убедилась, что подо мной никого нет, и, как ястреб, сложив крылья и подняв хвост, камнем бросилась вниз.

Остановилась я у галереи и, сделав резкий гребок вперед обоими крыльями, с такой силой опустила и расправила хвост, что почувствовала, как на ногах натянулись мышцы. Затем заскользила вдоль галереи с предельной скоростью. Глаза у туристов полезли на лоб. «То-то же, будете знать»,— думала я с удовольствием.

Но что за черт! Сверху прямо на меня кто-то летел. Этот ненормальный застопорил над моей головой, и от резкого воздушного толчка я чуть было не потеряла управление. Я загребла воздух, остановила скольжение на крыло, выругалась и посмотрела по сторонам, желая выяснить, кто же это был. Черный с золотом узор крыльев — Мэри Муленбург, моя лучшая подруга.

Она качнулась ко мне.

— Привет, Холли! Здорово я тебя напугала?

— Ни капельки. Но ты бы поосторожнее, распорядитель полетов отнимет у тебя крылья на месяц.

— А вот и фи, его нет в воздухе, он где-то пьет кофе.

Все еще злясь, я отлетела в сторону и начала набирать высоту. Мэри крикнула что-то мне вслед, но я сделала вид, что не слышу, думая про себя: «Ну, Мэри, голубушка, я тебе еще покажу. Ты у меня на землю свалишься». Думать так было, конечно же, глупо. Мэри летает ежедневно, и мышцы у нее, что плечевые, что грудные, как у миссис Геркулес. Когда она меня догнала, я уже остыла, и мы полетели рядом. Она крикнула:

— Сядем?

Я согласилась. Мэри всегда расскажет что-нибудь любопытное. Мы направились к нашему обычному месту — опоре для прожекторов. Вообще-то она не предназначена для того, чтобы на ней сидели, но начальство почти никогда сюда не заглядывает.

Мэри подлетела к опоре первая и остановилась как вкопанная. Блестящая посадка. Меня же немного занесло в сторону, но Мэри протянула мне крыло и помогла обрести равновесие. Сесть на эту жердь непросто, особенно из горизонтального полета. Два года назад мальчик, который только-только снял оранжевые крылья, попытался это сделать... Он ударился о балку левым боком и все две тысячи футов летел вниз, описывая круги и судорожно молотя крыльями. Он разбился. Он мог спастись — вполне можно без-

опасно приземлиться и с поломанным крылом, если не так держаться за воздух вторым, планировать вниз покруче и затормозить перед самой землей. Но бедный парень всего этого не знал, он сломал себе шею, что твой Икар. С тех пор я насестом не пользовалась.

Мы сложили крылья, и Мэри подвинулась ко мне.

— Тебя разыскивает Джефф,— сказала она, лукаво улыбаясь.— Но на твоем месте я бы не стала к нему подходить.

— Почему это? Я хотела сказать, с какой стати я должна к нему подходить?

Мэри выведет из себя кого угодно.

— Да ты вечно к нему мчишься, как только свистнет. Но сегодня он снова возится со своей земной красоткой. Это тебя не смущает?

— Мэри, что ты городишь?

— Ну ладно, Холли Джоунс, не придуривайся. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Уверяю тебя, нет,— сказала я с холодным достоинством.

— В таком случае ты единственная в Луна-Сити, кто этого не понимает. Все знают, что ты без ума от Джеффа, все знают, что она тебя подрезала... И ты просто сгораешь от ревности.

Мэри моя любимая подруга, но когда-нибудь я спущу с нее шкуру.

— Мэри, но ведь это же полнейшая чушь! Как тебе такое в голову могло прийти.

— Слушай, дорогуша, кончай притворяться. Я же на твоей стороне.

Она похлопала меня по плечу тыльной стороной крыла. Тут я отпихнула ее назад. Добрую сотню футов она падала, затем выровняла полет, сделала петлю и снова уселась рядом со мной, скаля зубы. За это время я успела сообразить, что сказать.

— Мэри Муленбург, во-первых, я ни от кого не схожу с ума, и меньше всего от Джеффа Хардести. Мы с ним просто друзья. Поэтому говорить о том, что я «ревную», совершенно бессмысленно. Во-вторых, мисс Брентвуд — настоящая леди и не «подрезает» никого, уж меня — во всяком случае. В-третьих, она просто туристка, а Джефф ее сопровождает. Чисто деловой контакт, не более того.

— Ну хорошо-хорошо,— примирительно сказала Мэри.— Я была не права, Но все-таки...— Она пожала крыльями и замолчала.

— Что все-таки? Мэри, говори до конца.

— М-мм... Ну, я лишь удивилась, как ты догадалась, что речь идет об Ариэль Брентвуд, если она тут ни при чем.

— Так ведь ты же сама назвала ее по имени.

— Ничего подобного.

Я лихорадочно соображала.

— Ну, допустим. Но это же очевидно. Мисс Брентвуд — клиентка, которую я передала Джеффу, вот я и предположила, что о ней-то ты и говоришь.

— Да? Только вот что-то не припоминаю, чтобы я употребила слово «клиентка». Но если уж она и вправду ваша общая туристка, то почему тогда не ты сопровождаешь ее в городе? Я думала, у вас, гидов, принято так.

— Ну если по городу все это время ее он водил, я об этом ровным счетом ничего не знала.

— Одна ты только и не знала.

— И знать не желаю. Такими вопросами занимается специальная комиссия. Все равно Джефф ни гроша не получит за эту работу.

— Само собой. По крайней мере, в банк у него эти денежки не примут. Ладно, Холли, вижу, что была не права. Тогда тем более, почему бы тебе ему не помочь? Она хочет научиться парить.

У меня не было ни малейшего желания навязывать свои услуги этой парочке.

— Если мистеру Хардести нужна моя помощь, он сам меня об этом попросит. А пока что я буду заниматься своим делом... Что и тебе рекомендую.

Когда она скрылась из виду, я с трудом достала носовой платок — в костюме с крыльями это неудобно, но от света прожекторов у меня начали слезиться глаза. Я вытерла слезы, высморкалась, убрала носовой платок и приготовилась к прыжку.

Но не прыгнула. А так и осталась сидеть в задумчивости со сложенными крыльями. Я должна была признать, что Мэри отчасти

права — Джефф действительно был занят только... этой землеройкой. Так что рано или поздно он отбудет на Землю и с «Джоунс и Хардести» будет покончено. Но тут я напомнила себе, что собиралась стать конструктором космических кораблей, как папа, задолго до того, как мы объединились с Джеффом. Я ни от кого не зависела и могла вести дело совершенно самостоятельно, подобно Жанне д'Арк или Лизе Мейтнер. Я почувствовала себя лучше... холодная, суровая гордость, как у Люцифера из «Потерянного Рая».

Я узнала красивые с серебром крылья Джеффа, когда он был еще далеко, и хотела улизнуть потихоньку. Но Джефф, если захочет, все равно меня догонит, поэтому я решила: «Холли, не будь дурой! С чего это ты должна удирать?.. Будь просто подчеркнуто вежлива».

Он приземлился рядом, но ко мне не приблизился.

— Привет, Одна Десятая.

— Привет, Нуль. Ну что, много украл за последнее время?

— Всего-навсего Городской банк, но меня заставили водворить его на место,— он нахмурился и добавил: — Холли, ты на меня злишься?

— Да что ты, Джефф, с чего ты взял?

— М-мм... Мэри Длинный Язык что-то такое болтала.

— Она? Не обращай внимания на то, что она несет. Это всегда наполовину вранье, наполовину пустая болтовня.

— Да, с серым веществом у нее плоховато. Так, значит, ты на меня не злишься? Послушай, сделай доброе дело. Помоги одному моему другу, одной клиентке... Она хочет научиться парить на крыльях.

Я сделала вид, что обдумываю его просьбу.

— Я ее знаю?

— Да-да. Дело в том, что ты-то нас и познакомила. Ариэль Брентвуд.

— Брентвуд? Джефф, тут ведь столько туристов. Дай вспомнить. Такая высокая девушка? Блондинка? Хорошенькая?

Он улыбнулся во весь рот, как дурак, и я чуть его не столкнула.

— Вот-вот, как ты точно ее описала!

— Припоминаю... Она думала, что я понесу ее сумки. Но зачем тебе помощь, Джефф? Мне она показалась очень способной, с хорошим чувством равновесия.

— Да, конечно, все это так и есть. Но видишь ли, я хочу, чтобы вы друг друга получше узнали. Она... она очень хорошая, Холли. Настоящий человек. Ты ее полюбишь, когда лучше узнаешь...

Если бы не мое хорошее воспитание, я бы ответила: «Пошел вон, дурак безмозглый! Мне нет дела до твоих земных подружек». Но вслух я произнесла:

— Ладно, Джефф.

Итак, я стала учить Ариэль Бренвуд летать! Эти так называемые «крылья», которыми туристам разрешено пользоваться, практически лишены органов управления, а их площадь составляет пятьдесят квадратных футов. Хвост мало того что неподвижен, он еще и отклонен кверху, так что если вы остановитесь в воздухе (что почти невозможно), то приземлитесь на ступни ног. Все, что может турист,— пробежать несколько ярдов, оттолкнуться (это получается само собой) и скатиться вниз по воздушной подушке. Зато потом будет рассказывать внукам, как он летал по-настоящему, словно птица...

Так «летать» и обезьяна научилась бы.

Я унизилась до того, чтобы напялить на себя эти идиотские штуки. Потом поднялась по Детскому эскалатору на сто футов, продемонстрировав Ариэль, что с их помощью действительно можно «летать». После этого я с радостью их скинула, помогла Ариэль застегнуть комплект большего размера и надела свои красавцы. Джеффа я отослала (два инструктора — это чересчур), но, увидев на ней крылья, он опустился возле нас.

Я подняла на него взгляд.

— Опять ты?

— Здравствуй, Ариэль. Приветик, мелочь. Тебе не кажется, что ты слишком сильно затянула плечевые ремни?

— Кто здесь тренер — я или ты? Если хочешь помочь, стряхни свои цветастые плавники и надень то же, что и Ариэль... Я на твоем примере буду объяснять, чего не следует делать. А нет, так заберись на двести футов вверх и оставайся там — как-нибудь обойдемся без советов празднолетающих.

Джефф надулся, как маленький, но Ариэль меня поддержала.

— Делай, как говорит инструктор, Джефф. Будь молодцом.

Глайдеры он не надел, но и не отстал. Кружил рядом, не сводя с нас глаз, пока ему не влетело от дежурного распорядителя за то, что он торчал в туристской зоне.

Надо отдать Ариэль должное — она была прилежной ученицей. Я поймала себя на мысли, что, пока думала только о том, как ее научить, она мне даже нравилась. Она очень старалась и благодаря хорошим рефлексам и развитому чувству равновесия быстро все схватывала. Я сказала об этом, и она скромно призналась, что когда-то занималась балетом.

Около полудня она спросила:

— Можно мне попробовать настоящие крылья?

— Ну ты даешь, Ариэль. Нет, не стоит.

— Почему?

Я не нашлась что ответить. Она полностью освоила все, что можно, с этими ужасными глайдерами. Чтобы учиться дальше, ей нужны настоящие крылья.

— Ариэль, это опасно. Поверь, это совсем не то, что ты делала до сих пор. Ты можешь удариться или даже разбиться.

— А отвечать будешь ты?

— Нет, ты же дала расписку.

— В таком случае я хочу попробовать

Я прикусила губу. Расшибись она без моей помощи, я не проронила бы и слезинки. Но она — моя ученица... это малость попахивало Давидом и Урией.

— Ариэль, я не могу тебе этого запретить, но я снимаю крылья и умываю руки.

Теперь уже она прикусила губу.

— Если ты так настроена, я не буду тебя упрашивать. Может быть, Джефф поможет?

— Конечно,— выпалила я,— если он такой дурак, как я о нем думаю.

Выражение ее лица изменилось, но она ничего не сказала, потому что рядом появился Джефф.

— О чем спор?

Мы хором стали объяснить, в чем дело, но только сбили его с толку — он решил, что это моя идея, и начал на меня орать: я что,

спятила? Я хочу, чтобы Ариэль разбилась? Соображаю я или нет. Я рявкнула:

— Заткнись! — потом добавила тихо, но твердо: — Джефферсон Хардести, ты просил меня позаниматься с твоей приятельницей, и я согласилась. И нечего теперь встревать. Не думай, что я позволю разговаривать с собой подобным тоном. А теперь мотай отсюда. На взлет — и крылышками, крылышками!

Он насупился и произнес:

— Я категорически запрещаю.

За время воцарившегося молчания можно было медленно сосчитать до пяти. Потом Ариэль спокойно сказала:

— Пошли, Холли, раздобудем мне какие-нибудь крылья.

— Пошли.

У всех, кто летает, крылья, естественно, свои. Напрокат их не выдают. Правда, можно купить уже бывшие в употреблении: дети из них выросли или еще что-нибудь в этом роде. Я разыскала мистера Шульца и сообщила, что Ариэль собирается купить крылья. Но я ей этого не позволю, пока она их не испробует. Перебрав сорок с лишним пар, я нашла комплект, который стал мал Джону Квивераз,— я знала, что эти крылья в порядке, но тем не менее тщательно их проверила.

Помогая ей с хвостовым оперением, сказала:

— Ариэль, все-таки зря мы это затеяли.

— Знаю. Но нельзя же, чтобы мужчины думали, будто мы у них под каблуком.

— Да, пожалуй.

— На самом-то деле, так оно и есть. Но только им незачем об этом знать.— Она пробовала хвостовое управление.— Лопасти раскрываются большими пальцами ног?

— Да. Но ты этого не делай. Просто держи ноги вместе, вытянув носки. Понимаешь, Ариэль, по-настоящему ты еще не готова. Сегодня будешь лишь парить. Обещаешь?

Она посмотрела мне в глаза:

— Буду делать только то, что ты мне позволишь... даже не буду трогать крылья, пока ты не разрешишь.

— О'кей. Готова?

— Готова.

— Прекрасно. Ой, Господи, ну и маханула же я. Ведь они не оранжевые.

— А это имеет значение?

— Еще какое.

Далее последовало утомительное выяснение отношений — мистер Шульц не желал опрыскивать крылья оранжевой краской для какой-то там пробы. Ариэль окончила спор тем, что купила их не пробуя, но потом пришлось ждать, пока краска высохнет.

Мы вернулись к вышке, и Ариэль взлетела. У нее отлично получилось, она споткнулась всего один раз при посадке. Джефф все время торчал поблизости, выписывая над нами восьмерки, но мы не обращали на него никакого внимания. Очень скоро она научилась заворачивать в широком плавном вираже. Наконец, я опустилась рядом с ней и спросила:

— Ну что, хватит?

— Мне никогда не хватит. Но если ты скажешь, я их сниму.

Она взглянула поверх крыла на Детский эскалатор — около десяти человек лениво скользили по нему вверх.

— Вот бы разок попробовать! Это, наверное, такое блаженство.

— Вообще-то, чем выше, тем безопаснее.

— В чем же тогда дело?

— М-м-м... безопаснее, если ты знаешь, что делаешь. Подниматься и воздушном столбе — то же, что просто парить, иными словами, делать то, что ты делала до сих пор. Ты спокойно лежишь, а поток сам уносит тебя на полмили вверх. Потом ты так же спускаешься, плавно описывая круги вдоль стены. Но ты наверняка хлопнешь крыльями или выкинешь еще какой-нибудь фокус.

Она серьезно покачала головой:

— Я не сделаю ничего, чему ты меня не учила.

Но я все же беспокоилась:

— Слушай, подняться надо будет всего на полмили, но потом больше пяти миль вниз. Уверена, что руки у тебя выдержат?

— Уверена.

— Имей в виду, можешь начинать спуск в любой момент, необязательно подниматься до конца. Время от времени слегка

сгибай руки, чтобы не онемели. Только ни в коем случае не хлопай крыльями.

— Не буду.

— Ладно,— я расправила крылья.— Пошли.

Я ввела ее в поток, плавно качнулась вправо, потом влево и начала двигаться вверх против часовой стрелки. При этом я очень медленно гребла руками, чтобы она не отставала. Как только у нас стало получаться синхронно, я крикнула:

— Продолжай точно так же,— резко взмыла вверх и, отлетев в сторону, зависла над ней футах в тридцати.— Ариэль!

— Да, Холли.

— Я буду над тобой. Не тяни шею, тебе на меня незачем смотреть, это я должна держать тебя в поле зрения. У тебя здорово получается.

— Я чувствую себя прекрасно.

— Слегка покачивайся. Не напрягайся, до купола еще далеко. Если хочешь, можешь грести сильнее.

— Слушаюсь, капитан.

— Не устала?

— Да нет же. Боже мой, я живу,— она хмыкнула.— А мама говорила, мне никогда не стать ангелом.

Я не ответила, потому что на меня чуть не налетели красные с серебряным крылья. Они резко затормозили и зависли между мной и Ариэль. Физиономия Джеффа была почти такой же пунцовой, как и его крылья.

— Черт подери! Ты соображаешь, что делаешь!

Я крикнула:

— Оранжевые крылья! Прочь с дороги!

— Чтобы вас сейчас же здесь не было! Обеих!

— Не смей вклиниваться между нами! Она моя ученица. Ты знаешь правила.

— Ариэль! — крикнул Джефф.— Начинай спускаться. Я буду рядом.

Я пришла в бешенство.

— Джефф Хардести, даю тебе три секунды, чтобы убраться отсюда, а потом обязательно сообщу, что ты нарушил Правила. Третий раз повторяю: оранжевые крылья!

Джефф что-то прорычал, опустил правое крыло и отлетел от нас. Этот идиот скользнул в пяти футах от кончика крыла Ариэль. Мне бы следовало и об этом сообщить — новичкам необходимо уступать как можно больше свободного пространства. Я спросила:

— Ну как, Ариэль, все в порядке?

— Все в порядке, Холли. Жаль только, что Джефф так обозлился.

— Переживет. Скажи, когда устанешь.

— Я не устала. Я хочу подняться до конца. На какой мы высоте?

— Думаю, футов четыреста.

Некоторое время Джефф покрутился внизу, потом набрал высоту и стал летать над нами... Скорее всего, как и я, он хотел лучше видеть, что происходит. Пока он не вмешивался, меня вполне устраивало, что мы вдвоем за ней следим, поскольку я уже начинала нервничать — ведь Ариэль могла не отдавать себе отчета в том, что обратный путь будет таким же долгим и утомительным, как и наверх. Я-то могу парить, пока голод не погонит меня вниз, но для новичка это сильное напряжение.

Джефф носился над нами взад и вперед — он слишком деятельная натура, чтобы парить подолгу, а мы с Ариэль медленными кругами продолжали подниматься к куполу. Я крикнула:

— Ариэль, теперь устала?

— Нет.

— А я — да. Пожалуйста, давай спускаться.

Она не стала спорить, а только спросила:

— Хорошо, что мне для этого надо делать?

— Наклонись вправо и выйди из круга.

Я собиралась отодвинуть ее в сторону на пять или шесть сотен футов, ввести в обратный, направленный вниз поток, затем — кругами по пещере, опускаясь, вместо того чтобы подниматься. Я взглянула вверх, пытаясь найти Джеффа. Он направлялся к нам. Я крикнула:

— Джефф, встретимся внизу.

Возможно, он не расслышал, но ничего — сам догадается. Я снова взглянула на Ариэль.

Ее там не было.

Наконец я отыскала ее взглядом на добрую сотню футов ниже — она молотила крыльями и неслась вниз, потеряв управление.

Не знаю, как это могло случиться. Возможно, она слишком сильно накренилась, упала на крыло и начала трепыхаться. Но я и не старалась понять — в глазах у меня потемнело от ужаса. Казалось, я висела там целый час, окаменев, и смотрела на нее.

Потом я завопила: «Джефф!» — и бросилась вниз.

Но я никак не могла ее догнать, у меня не возникало ощущения, что я падаю. Я полностью сложила крылья, но и это не помогло — она была все так же далеко.

Начало падения всегда бывает очень медленным из-за малого тяготения. Даже камень и тот пролетает едва три фута в первую секунду. Эта первая секунда тянулась целую вечность.

Наконец я почувствовала, что падаю. Я слышала, как свистит воздух, но мне никак не удавалось к ней приблизиться. Ее беспорядочные, отчаянные движения не позволяли ей летать быстрее, в то время как я неслась вниз изо всех сил, сложив крылья. В мозгу все время вертелась только одна безумная мысль — только бы мне с ней поравняться, а там уж я сумею заставить ее нырнуть, затем расправить крылья и начать парить. Но я не могла ее догнать.

Этот кошмар был нескончаем.

В действительности нам оставалось не более двадцати секунд для того, чтобы в падении преодолеть расстояние в тысячу футов, больше времени не требуется.

Но двадцать секунд могут тянуться ужасно долго... достаточно долго для того, чтобы раскаяться во всех глупостях, которые я наговорила или сделала, достаточно долго, чтобы помолиться за нас обеих и мысленно попрощаться с Джеффом. Достаточно долго, чтобы увидеть, как на нас несется пол, и понять — мы неминуемо разобьемся, если я ее не догоню.

Я посмотела вверх. Джефф падал прямо над нами, но он был еще очень далеко. Я тут же снова глянула вниз... я ее догоняла... обгоняла — была под ней!

Затем я затормозила всем, чем можно, так что чуть не осталась без крыльев. Я с силой загребла перед собой воздух, замерла на мгновение и заработала руками, даже не заняв горизонтально-

го положения. Первый взмах, второй, третий... я перехватила ее снизу, и мы бешено завертелись на месте.

Потом был сильный удар о землю.

Я чувствовала одновременно слабость и удовлетворение. Я лежала на спине в полутемной комнате. Кажется, мама была где-то рядом... папа был здесь, это точно. У меня зачесался нос, я попыталась поднять руку, но рука не двигалась. Тогда я снова уснула.

Проснулась я голодная, спать больше не хотелось. Я лежала на больничной кровати, руки были в гипсе. Вошла сестра с подносом.

— Хочешь есть? — спросила она.

— Просто умираю с голоду,— призналась я.

— Ну что ж, сейчас поедим.

И она начала кормить меня с ложечки.

Я отвернулась от третьей ложки и твердо спросила:

— Что у меня с руками?

— Тс-с,— произнесла она и сунула мне ложку в рот.

Немного погодя пришел очень симпатичный доктор и ответил на мой вопрос:

— Ничего особенного. Три простых перелома. В твоем возрасте кости срастаются моментально. Но нам приятно твое общество, вот я тебя и держу, заодно хочу убедиться, что нет внутренних повреждений.

— Внутри у меня все цело,— ответила я.— По крайней мере, ничего не болит.

— Я же сказал, что это всего-навсего предлог.

— Доктор?

— Да?

— Я смогу снова летать?

Я со страхом ждала ответа.

— Конечно. Я видел, как люди, пострадавшие намного серьезнее, поднимались вверх и делали три круга подряд.

— Слава богу. Спасибо, доктор. А что случилось с той, другой девушкой? Она... она...

— Брендвуд? Она здесь.

— Да, здесь — отозвалась Ариэль из дверей.— Можно?

У меня отвисла челюсть, я с трудом выговорила:

— Да. Конечно, входи.

Доктор предупредил:

— Только недолго,— и вышел.

— Садись.

— Спасибо.

Она не шла, а прыгала, и я увидела, что одна нога у нее забинтована. Она уселась на краешек кровати.

— Ты повредила ногу?

Она пожала плечами.

— Ничего страшного. Растяжение и разрыв связок. Два сломанных ребра. Но меня вообще могло бы уже не быть на белом свете. А знаешь, почему я осталась жива?

Я не ответила. Она прикоснулась к моей гипсовой повязке.

— Вот почему. Ты подхватила меня в воздухе, и я рухнула на тебя сверху. Ты спасла мне жизнь, из-за меня у тебя теперь сломаны руки.

— Не надо меня благодарить. Я бы сделала то же самое для любого другого.

— Верю и не собираюсь тебя благодарить. Разве благодарят человека, который спас жизнь? Ты просто должна знать, что я этого не забуду.

Мне нечего было ответить, и я спросила:

— Где Джефф? С ним все в порядке?

— Он скоро будет здесь. Джефф не пострадал, хотя я удивляюсь, как он не сломал обе лодыжки. Он с такой силой стукнулся ногами об пол, что это вполне могло случиться. Но, Холли... Холли, родная моя... Я сюда пробралась, чтобы поговорить о нем, пока его нет.

Не знаю, чем уж они меня перед этим пичкали — я была в каком-то полусне, но почувствовала, что смущаюсь.

— Ариэль, что произошло? Все было так замечательно, и вдруг на тебе.

Она понуро ответила:

— Я сама виновата. Ты сказала, что мы спускаемся, и я посмотрела вниз. Вниз, в буквальном смысле слова. До этого все мои мысли были заняты только тем, как добраться до самого верха. Я и не предполагала, что поднялась так высоко. А тут я гляну-

ла вниз... у меня закружилась голова, стало страшно, и я перестала соображать.— Она пожала плечами.— Ты оказалась права, я была не готова.

Я понимающе кивнула:

— Ясно. Но не переживай. Когда у меня заживут руки, я снова возьму тебя наверх.

— Холли, милая,— она дотронулась до моей ноги,— только я больше не полечу. Я возвращаюсь. Улетаю в среду на «Билли Митчел».

— Мне очень жаль.

Она слегка нахмурилась.

— Правда? Холли, ведь ты меня не любишь?

Я совсем растерялась. Ну что тут скажешь? Особенно если учесть, что так оно и есть. Я медленно произнесла:

— Что значит — не люблю? Я просто не очень хорошо тебя знаю.

Она кивнула.

— Я тоже не очень хорошо тебя знаю... хотя узнала намного ближе всего за несколько секунд. Но, Холли, послушай, пожалуйста, и не сердись. Это касается Джеффа. Он не слишком хорошо себя вел последние несколько дней, я имею в виду то время, что я была здесь. Я уеду, и все будет по-прежнему.

Теперь, когда она назвала вещи своими именами, я уже не могла уйти от разговора, чтобы она не вообразила того, чего на самом деле нет. Поэтому мне пришлось объяснить, что я деловая женщина, что если я и казалась расстроенной, то только потому, что распалась фирма «Джоунс и Хардести», так и не построив свой первый космический корабль, что в Джеффа я совсем не влюблена, а просто ценю его как друга и компаньона, но раз уж фирма «Джоунс и Хардести» не состоялась, она превратится в «Джоунс и компания».

— Так что видишь, Ариэль, тебе вовсе не надо отказываться от Джеффа. Если чувствуешь себя за что-то обязанной, забудь про это.

Она моргнула, и я с удивлением заметила, что она сдерживает слезы.

— Холли, Холли, ты ничего не понимаешь.

— Все я прекрасно понимаю. Не маленькая.

— Конечно, ты взрослая... но все же до конца ты не разобралась. Первое,— она подняла верху палец,— Джефф меня не любит.

— Не верю.

— Второе. Я его не люблю.

— Снова не верю.

— Третье... Ты говоришь, что ты к нему равнодушна, впрочем, к этому мы еще вернемся. Холли, я красивая?

Менять тему разговора — типично для женщин. Но я, наверно, никогда не научусь делать это так быстро.

— М-мм?

— Я спрашиваю, я красивая?

— Ты ведь сама прекрасно знаешь, что да!

— Да, знаю. Я умею немного петь и танцевать. Но одного этого недостаточно, чтобы получать хорошие роли, потому что я всего лишь третьесортная актриса. Так что, хочешь не хочешь, приходится быть красивой. Сколько мне лет, по-твоему?

Я было заколебалась, но лгать не стала:

— Ты старше, чем думает Джефф. По крайней мере, двадцать один. Может быть даже двадцать два.

Она вздохнула:

— Холли, я гожусь тебе в матери.

— Ну уж! В это я и вовсе не поверю.

— Я рада, что по мне этого не скажешь. Но прежде всего поэтому совершенно невозможно, чтобы я влюбилась в Джеффа, хотя, конечно, он прелесть. Но вообще, все это неважно. Важно то, что *он любит тебя*.

— Что-что? Ну знаешь, это самая большая глупость из всего, что ты до сих пор сказала. Я ему нравлюсь или нравилась. Но не больше,— я чуть не подавилась.— А мне больше ничего и не надо. Да ты бы только послушала, как он со мной разговаривает.

— Я слышала. Но мальчики в этом возрасте еще не умеют выражать того, что чувствуют, они стесняются.

— Но...

— Подожди, Холли. Я кое-что видела, чего не могла видеть ты, так как была без сознания. Знаешь, что случилось, когда мы с тобой грохнулись?

— Ну ясно — нет.

— Джефф прилетел, как карающий ангел, через долю секунды после нас. Еще не успев приземлиться, он стал сдирать с себя крылья, чтобы освободить руки. На меня он и не взглянул. Просто перешагнул. Потом взял тебя на руки и стал качать, рыдая как ребенок.

— Это... правда?

— Правда.

Может, я действительно немного нравилась глупому верзиле.

— Понимаешь, Холли,— продолжала Ариэль.— Даже если ты к нему равнодушна, все равно надо быть с ним мягкой и внимательной. Ведь он любит тебя, и ты можешь легко сделать ему больно.

Я постаралась собраться с мыслями. Любовные истории... это как раз то, чего следует избегать деловой женщине... но если Джефф и вправду питает ко мне такие чувства, предам ли я свои идеалы, если выйду за него замуж, лишь для того, чтобы сделать его счастливым? Чтобы сохранить фирму? В конечном счете разве не это главное?

Но если я так поступлю, то «Джоунс и Хардести» уже не будет, ее сменит «Хардести и Хардести».

Ариэль не умолкала:

— Может, ты его еще полюбишь. Такое бывает, детка. И если так случится, ты будешь жалеть, что бросила его. И уж какая-нибудь другая девица постарается его не упустить, ведь он такой славный парень.

— Но...— я замолчала, так как раздались шаги Джеффа, я их всегда узнаю. Он остановился в дверях и посмотрел на нас, сдвинув брови.

— Привет, Ариэль,

— Привет, Джефф.

— Привет, Покалеченная,— он оглядел меня с ног до головы.— Боже, на кого ты похожа.

— Ты тоже выглядишь не лучшим образом. Я слышала, у тебя плоскостопие?

— Хроническое. Как ты ухитряешься чистить зубы с этими штуками на руках?

— А я и не чищу.

Ариэль соскользнула с кровати и сказала, удерживаясь на одной ноге:

— Должна бежать. Пока, ребята.

— Пока, Ариэль.

— До свидания, Ариэль. И... спасибо.

Джефф закрыл за ней дверь и сказал несколько грубовато:

— Не двигайся.

Потом обнял меня и поцеловал.

Ведь я не могла его остановить, правда? Со сломанными руками. К тому же это совпадало с интересами фирмы. Я совершенно обалдела, потому что Джефф никогда меня не целовал, разве что в дни рождения, а они не в счет. Я попыталась ответить на поцелуй, чтобы показать, что я все оценила.

Не знаю, чем они меня перед этим пичкали, но у меня зазвенело в ушах и снова закружилась голова.

— Кроха,— он склонился надо мной.— Сколько беспокойства ты мне причинила!

— Ты тоже мне не дешево достаешься, олух ты низколобый,— сказала я с достоинством.

— Да, пожалуй,— он с грустью на меня посмотрел.— О чем ты плачешь?

Я и не заметила, что плакала. Тут я вспомнила.

— Ох, Джефф! Я угробила свои прекрасные крылья.

— Достанем новые. Ну, держись. Я сейчас повторю.

— Давай.

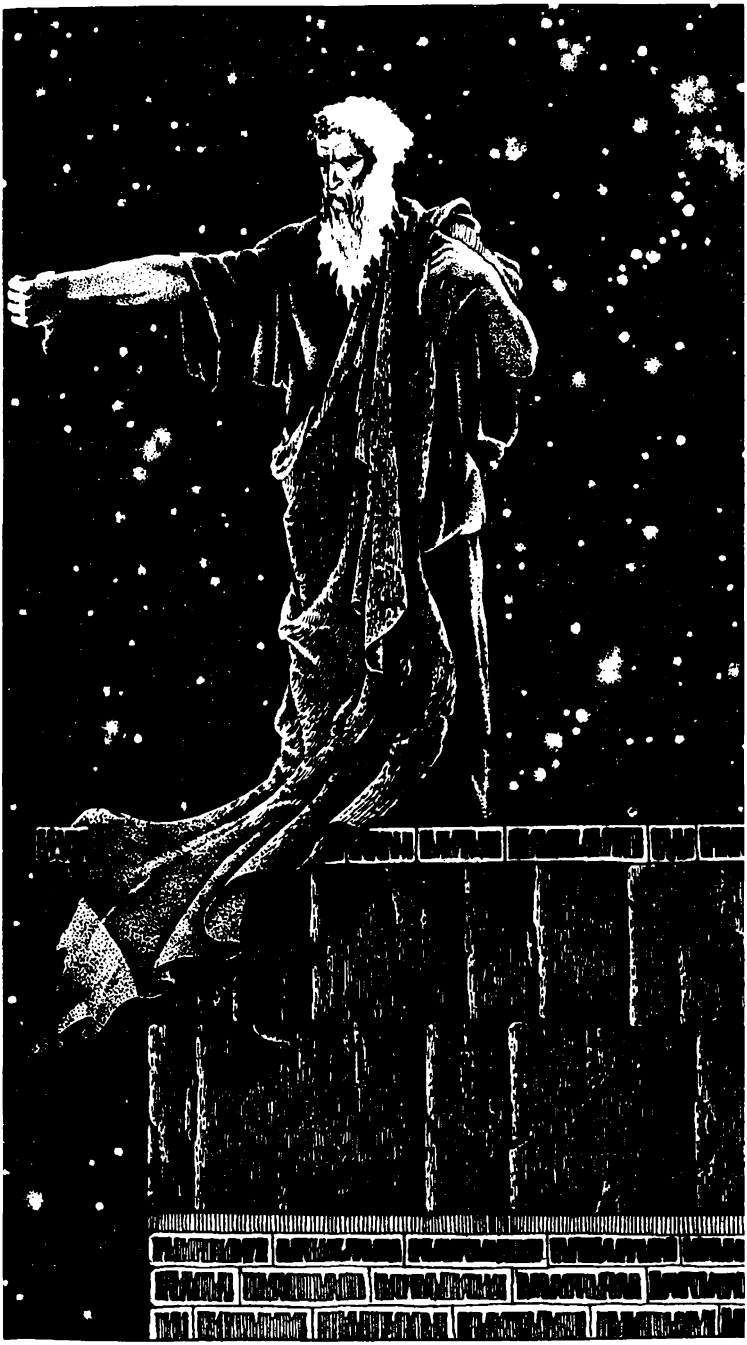
И он меня поцеловал.

Я полагаю, в названии «Хардести и Хардести» заложено больше ритма, чем в «Джоунс и Хардести».

Оно и в самом деле лучше звучит.

РЕВОЛЮЦИЯ
В 2100 ГОДУ

ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

1

На посту было холодно. Я захлопал было в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов — эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимания.

Был я тогда молод и не очень умен — свежеиспеченный легат из Вест Пойнта, один из ангелов господа, личной охраны Воплощенного Пророка.

При рождении мать посвятила меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсолом, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, ворчал на военную службу, но уж если говорить

© Ю. Михайловский, перевод

честно, мне нравилась монашеская жизнь — подъем в пять, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологией толпы, основами чудес. После обеда мы практиковались в стрельбе и укрепляли тело упражнениями.

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать ангелом господа, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за послушание и неплохие по практическим дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в самый святой из всех полков Пророка, в котором даже рядовые были в ранге офицеров, и которыми командовал Разящий Меч Пророка, маршал войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в ту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то что щит мой блестел как прежде, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политиканством. Священники, дьяконы, государственные министры, дворцовые функционеры — все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз «Non Sibi Sed Dei» приобрел кисловатый привкус.

Я и сам был не без греха. Хоть я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделением на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту — ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой, в семинарии, прежде чем попасть в Вест Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и военным отрядом нашего прихода. В военном училище я попросту не видел женщин. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушение дьявола.

Но Новый Иерусалим — не Вест Пойнт, и ангелам не запрещалось жениться, хотя большинство моих товарищей не стремилось к этому, ибо женитьба вела к переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными священниками.

Не запрещалось выходить замуж и мирским дьяконессам, которые работали во Дворце и в Храме. Но чаще всего они были старушками, напоминавшими мне моих тетушек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. Не увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Я стоял на том же посту месяц назад, впервые охраняя личные апартаменты Пророка, и, разумеется, волновался, ожидая обхода дежурного офицера. Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звуки шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, обслуживающие Пророка. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, заступающие на суточное дежурство, тянули жребий — кому выпадает честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, подошла к парапету, остановилась там и стала смотреть на звезды. Я выхватил пистолет, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это всего-навсего дьяконесса.

Сначала я решил, что она — мирская дьяконесса, могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной дьяконессой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собралась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, малый брат».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

— Простите, старшая сестра,— сказал я.— Я не увидел в темноте.

— Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал, что нам не следовало говорить наедине: ее смертное тело было посвящено Пророку, так же как душа — господу, но я был молод и одинок, а она — молода и очень хороша собой.

— Вы прислуживаете Его Святейшеству этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой:

— Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня.

— Должно быть, это великая честь — лично служить Пророку...

— Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не осчастливил меня.

Она добавила с горячностью:

— *Я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.*

Несмотря на то что дьяконесса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

— Я уверен, что вы проявите себя с честью.

— Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробыла в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Элбени. В свою очередь, я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от стены Истины, где был посвящен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере, и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, вдруг услышал, как мой хронометр прозвенел четверть первого.

— Боже мой! — воскликнула сестра Юдифь.— Мне давно пора быть в келье.— Она бросилась бежать, но остановилась...

— Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

— Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства.

Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять-шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскалатор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить с

ней. Другие встречи были так же мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!»– и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не подошел к ней, но, по-моему, она меня заметила.

В «Храмовом вестнике» публиковалось расписание дежурств всех служб. Включая, разумеется, легатов и девственниц. Я выходил на дежурство каждую пятую ночь, девственницы тянули жребий раз в неделю. Отсюда следует, что наши дежурства совпали снова через месяц с небольшим. Когда я увидел ее имя в списке, я поклялся себе, что заслужу честь охранять личные апартаменты Пророка. У меня не было никаких оснований думать, что Юдифь будет в ту ночь искать меня, но мое сердце подсказывало, что я ее увижу. Пожалуй, никогда прежде я не тратил столько ваксы и мела. В мою пряжку можно было глядеться, как в зеркало.

Пробило половину одиннадцатого, но Юдифь не появлялась, хотя я слышал, как ровно в десять девственницы строились в коридоре. Единственное, чего я добился,— сомнительной привилегии стоять на часах в самом холодном месте дворца.

Не исключено, мрачно размышлял я, что она выходит пококетничать с часовым каждый раз, когда дежурит. Я с горечью вспомнил о том, что все женщины — сосуды греха и так было всегда с момента грехопадения. И кто я такой, в конце концов, чтобы именно меня она избрала своим другом? И вообще ночь слишком холодна, чтобы Юдифь выглянула из теплого Дворца.

Я услышал шаги, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Но оказалось, что это дежурный офицер, обходящий караулы. Я поднял пистолет и спросил, кто идет. В ответ послышался его голос:

— А какой сегодня пароль?

— Мир на Земле,— ответил я автоматически. И добавил: — Жуткая холодина, старший брат.

— Осень наступает,— согласился офицер.— Даже в Храме холод.

Он прошел близко от меня. Его пистолет и перевязь с парализующими бомбами позвякивали на ходу о его кирасу. Обычно он всегда останавливался поболтать, но сейчас он, видно, торопился нырнуть в теплоту дежурки. Я же возвратился к своим грустным мыслям.

— Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте, под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

— Добрый вечер, сестра Юдифь.

— Шш-ш! — прижала она палец к губам.— Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл. Это наконец произошло. На меня пал жребий.

Я сказал:

— А! — И потом добавил растерянно: — Поздравляю вас, старшая сестра, да прояснит господь лицо Пророка в то время, когда вы будете ему прислуживать.

— Да, да, спасибо,— ответила она быстро...— Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться. Я должна вас покинуть.

— Вы лучше поспешите,— согласился я. Я был разочарован оттого, что она не может побыть со мной, но счастлив, что она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

— Да пребудет с вами господь,— добавил я.

— Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали,— сказала она. Ее глаза блестели, и я решил, что это — радость. Но ее следующие слова поразили меня.

— Я боюсь, Джон Лайл.

— Боитесь? — Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом.— Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

— О, я надеюсь. Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я не молился за нее, я старался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри Дворца Пророка не больше, чем корова знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифи.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри Дворца. Тут же послышался топот шагов и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на кучку женщин, столпившихся у пор-

тала апартаментов Пророка. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

— В чем дело? — спросил я и вытащил из ножен меч.

Пожилая сестра повернулась ко мне:

— Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.

— Я слышал крик.

— Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда Пророк обратился к ней.

— Кто она?

— Да вы, я посмотрю, любопытны, младший брат.— Пожилая сестра пожала плечами.— Если это вас так интересует — сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

— Пустите меня к ней!

Пожилая сестра загородила мне дорогу.

— Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор ангелы приводят в себя нервных девственниц?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифи. В свободные часы я обшаривал те части Дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна, может быть, ей запрещено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате Зебадия Джонс заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб был на три курса старше меня, и в Вест Пойнте я был его подопечным. Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

— Джонни, дружище, ты на покойника стал похож. Что тебя грызет?

— А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

— Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустяках, пока мы не вышли на широкую террасу, окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Тогда он сказал:

— Давай выкладывай все.

— Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

— Почему бы и нет? На то и друзья.

— Ты не поверишь. Ты будешь потрясен.

— Сомневаюсь. Последний раз это со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о святой дьяконессе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифи, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб кивнул головой и сказал:

— Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди не повинился?

— Нет,— ответил я в растерянности.

— Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невинен... Каждому порой приходят в голову греховные мысли. Но инквизитор ищет грех, и, если он его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, у меня подвело кишки. Я старался не показать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

— Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и наивностью, но я им не завидую. Порой избыток набожности скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

— Но...— начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь.

Я переменил тему разговора:

— Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

— А я откуда знаю? — он взглянул на меня и отвернулся.

— Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во Дворце.

— Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

— Значит, ты все-таки знаешь?

— Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо.

— Зеб, все, что ты знаешь... или можешь догадываться... Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

— Спокойней. Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин говядина.

Все еще волнуясь, я двинулся дальше. Он продолжал, понизив голос:

— Джон, господь бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты не изучал внутренних мистерий?

— Нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю почему.

— Мне надо было бы познакомить тебя с некоторыми положениями этого курса. Хотя я не мог этого сделать — ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... Джон, в чем, по-твоему, заключаются обязанности девственниц?

— Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

— Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию,— молоденькая невинная девочка из провинции. Очень религиозная и преданная, так?

Я ответил, что ее преданность религии видна с первого взгляда. Это меня к ней и привлекает.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его министров. Разговор о налогах и податях, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед

девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул:

— Ты и в самом деле божий агнец. Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и дьяконах Дворца. Я помню, как...

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мятущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь имеет полное право считать себя девственницей как в физическом, так и в моральном смысле этого слова. Она может таковой и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда уж ей ничего не оставалось, как понять, она подняла шум...

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб,— взмолился я.— Это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили до высшего изучения. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь Бог ничему не дает пропасть задаром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Замолчи. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен особой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. А если Пророку приходится снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание господа, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифью ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеб прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Неожиданно Зеб прервал ход моих мыслей.

— Что это? — воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам Дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к Воротам Убежища.

Зеб сказал сам себе:

— А, вот в чем дело — забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что показался за стенами гетто после пяти.— Он присмотрелся и добавил: — Не думаю, что он добежит.

Предсказание Зеба оправдалось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, кроме кучи камней, из-под которой высовывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся. Зеб заметил выражение моего лица.

— Что ж,— сказал я, обороняясь.— Разве эти парии не упорствуют в своих ересях? Вообще-то они кажутся вполне безвредными созданиями.

Зеб поднял бровь:

— Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

— Но это же не настоящий бог.

— А он, может быть, думает иначе.

— Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Он улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

— Я тебя, Зеб, не понимаю. Убей, не понимаю. Десять минут назад ты втолковывал мне установленные доктрины, теперь ты, кажется, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Он пожал плечами:

— Я могу выступать адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест Пойнте. Когда-нибудь я стану знаменитым теологом, если Великий Инквизитор не доберется до меня раньше.

— Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно — забрасывать камнями людей? Ты так думаешь в самом деле?

Он резко переменил тему:

— Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина.

— Снотти Фассет,— губы Зеба сжались.

Я хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и весь первый год я был у него в услужении. Хотел бы я забыть этот первый год.

— Так, значит, вот в чем дело,— ответил я медленно.— Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

— Конечно, и не агентом-провокатором,— согласился он.— И все-таки я полагаю, что Священному совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

— Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какое-нибудь организованное сопротивление Пророку.

— Как тебе сказать... На Западном берегу определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба — охранять Дворец.

2

Но нам не пришлось об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: Дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы прямое попадание водородной бомбы. Кроме того, человек, входящий во Дворец даже со стороны Храма, был бы проверен и узнан десять раз, прежде чем

достиг бы ангелов внутренней стражи. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним — было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. Я, наверное, опротивел бедному Зебу, беспрерывно говоря о Юдифи и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне:

— Послушай, ты в нее влюбился?

Я постарался уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит из рамок простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

— Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах. Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решился:

— Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это — смертный грех, но ничего не могу поделать.

— Чепуха. Тебя не перевоспитаешь. Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

— А?

— Чего ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

— Конечно, хочу,— признался я наконец.— Но как?

— *Именно это я и хотел выяснить. Тебе нельзя жениться, не* отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не мог рассердиться на него толком за такое бесстыдное и грешное предложение. Он хотел, чтобы мне было лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

— Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

— Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

— Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.— Я оглянулся и присел на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер капитан Питер ван Эйк был слишком толст, чтобы обходить посты чаще, чем раз за смену. Я смертельно устал, потому что последнее время недосыпал.

— Прости.

— Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифи, не для сестры Юдифи.

Я знал, чего хочу для нас с Юдифью: маленькую ферму, вроде той, на которой я родился. Свиньи, цыплята, босые ребятишки с веселыми измазанными физиономиями и улыбка Юдифи при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает полотенцем пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы в соседней деревне.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

— Зеб,— продолжал я.— Прости мое любопытство. Но ты намекнул, что такие вещи... такие встречи происходят прямо во дворце. Но как? Мы же все живем как под увеличительным стеклом. Это физически невозможно!

Он ухмыльнулся так цинично, что мне захотелось врезать ему по физиономии, но в его голосе не было усмешки:

— Хорошо, возьмем для примера твой случай...

— Об этом и речи быть не может!

— Я сказал «для примера». Сейчас все равно сестра Юдифь недостижима. Она заперта в своей келье.

— Она заперта? Ее арестовали?

В моем сознании пронеслись слова Зеба о допросах и инквизиторах.

— Не бойся. Ее камера даже не заперта. Ей просто приказали не выходить из кельи, посадили на хлеб и воду и велели читать молитвы. А сами они занимаются тем, что очищают ее сердечко и напоминают о ее духовных обязанностях. Когда она научится правильно смотреть на вещи, ей позволят снова тянуть жребий, и на этот раз она не станет падать в обморок и изображать из себя великовозрастную дурочку.

Я справился с первой реакцией на эти слова и заставил себя размышлять спокойно.

— Нет! Юдифь никогда не пойдет на это. Она предпочтет остаться в келье навсегда.

— Ты уверен? А я бы не стал на твоем месте клясться. Они умеют убеждать. Они будут молиться за ее душу круглые сутки, сменяя друг друга. И давай допустим, что она позволит себя уговорить.

— Нет!

— Допустим! Только допустим! Дай мне закончить рассказ о ее будущем.

— А откуда тебе все это известно?

— Ты забыл, что я трублю здесь уже три года. Что же ты думаешь — за этот срок я ничего не увидел и не услышал? Ты расписховался, начал канючить, что они с ней сделают? Так что мне ничего не оставалось, как спросить у птичек. А птички мне поведали, что, после того как Юдифь позволит себя просветить и станет хорошей девочкой, она сможет совершить свое святое служение Пророку. После этого она продолжит выходить на дежурство каждую неделю, и примерно раз в месяц она будет вытягивать жребий на личное общение с Пророком. И года не пройдет — если, конечно, Пророк не отыщет в ее душе какой-нибудь особой небесной красоты — как они перестанут включать ее имя в жребий. Но тебе совсем не надо ждать так долго, хотя это безопаснее.

— Все это отвратительно и постыдно!

— В самом деле? А я думал, что и царь Соломон прибегал к подобной системе. И в его курятнике было даже больше несушек, чем в гареме Святого Пророка. Итак, если тебе удастся достигнуть взаимного согласия с девственницей, которая тебе понравилась, ваши отношения катятся по накатанной дорожке. Сначала надо сделать ценный подарок Старшей сестре, и в будущем такие подарки должны поступать к этой уважаемой матроне с завидной регулярностью. Придется подмаслить кое-какие ладошки, и я тебе подскажу, какие именно. Эта гигантская куча кирпичей, которую мы охраняем, таит немыслимое число темных задних лестниц. Так что если соблюсти все наши обычаи, то я не вижу причины, почему каждой ночью, когда я буду на часах, а ты будешь свободен от дежурства, тебе не согревать постельку тепленьким девичьим тельцем.

Я был готов взорваться и выразить мое возмущение его цинизмом, как вдруг мне в голову пришла мысль.

— Зеб,— сказал я.— Ты с самого начала говорил неправду. В каждой комнате дворца есть Глаз и Ухо. И даже если я найду их и постараюсь обрезать провода, через три минуты в дверь ворвутся офицеры безопасности.

— Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

— Не обращай внимания,— продолжал он.— Пойми, Джон, небольшие грешки не есть угроза Церкви — опасны не они, а измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу. А если ты попадешься когда-нибудь на чем-то более серьезном, то тебе пришьют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они очень любят вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался распутать у себя в голове эти аргументы и контраргументы, но сдался.

— Все это не имеет отношения,— сказал я,— ни ко мне, ни к Юдифи. Но я теперь понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

— Да... довольно смелое заявление.

— Я должен это сделать.

— Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку.

Я схватил его за руку.

— В самом деле?

Он вздохнул:

— Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, какая романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что Юдифь вызвала немилость Пророка. Тебе вряд ли хочется угодить на суд военного трибунала.

— Я готов пойти и на это.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

— Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно было быть короткое.

— Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

— Еще что-нибудь?

— Да. Скажи, что я — в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесть записку. «Мне нужна ваша помощь,— гласила она,— и я очень вам благодарна. Можете ли вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи и была напечатана на обычной магнитомашинке, которыми пользовались во дворце. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

— Пойдем подышим свежим воздухом. Я обожрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости Глаз и Ушей, он выругал меня негромко, но зло:

— Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, что ты нашел что-то в салфетке. Так какого же черта ты выскочил как ошпаренный? Потом, как будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда Господь Бог распределял людям мозги?

Я попытался протестовать, но он оборвал меня:

— Забудь об этом. Я понимаю, что ты не желал всунуть обе наши шеи в петлю, но учти, что добрые намерения не принимаются во внимание трибуналом: первое условие любой интриги — вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному психоаналисту малейшее отступление от норм поведения. Надо было сидеть в столовой, как всегда, покрутиться там после обеда и спокойно обождать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира,— ответил я виновато.— Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так сразу. Погоди.— Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обменяй их и затем съешь настоящую записку, но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоем кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Да, но это ведь тоже запрещено.

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник прочтет тебе нотацию и даст наряд вне очереди. Запомни на будущее, Джон: если тебя в чем-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я переоделся к смотру. Еще через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, сказал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

— Ты хороший парень, Джон Лайл,— сказал он.— Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала Дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре послышались легкие шаги, и в дверях появилась чья-то тень. Зеб приказал мне знаком остаться на посту и сам подошел к порталу. Он вернулся почти сразу и поманил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне женщина. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Женщина остановилась и толкнула меня к темно-

му алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевидно, металлоискатель. Она провела им в воздухе, выключила и спрятала.

— Можете говорить,— сказала она тихо.— Здесь безопасно.

И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

— Юдифь? — прошептал я.

— Да,— ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она сдавленно вскрикнула, и руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку, о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым собакам? Называйте это как хотите, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда она вытащила жребий, и заплакала. Я сказал ей:

— Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

— Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Он...

Я обнял ее:

— Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... в случае, если мы тебя не выведем отсюда. Так что теперь мы не имеем права плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно сказала:

— Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

— Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада была всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка

Юдифи была знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах — там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее бы поймали в двадцать четыре часа. Никто не даст убежища сбежавшей девственнице. По закону общей вины любой такой доброжелатель совершил бы этим то же преступление, как и укрытый им беглец, а потому погиб бы той же смертью, как и человек, которого он спрятал. Путь на север был, по крайней мере, короче, хотя значил бы те же ночные переходы, поиски укромных убежищ днем и голод. В Элбени жила тетка Юдифи: Юдифь была уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способ перейти границу.

— Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом,— сказала Юдифь.

— Нам? — должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор, пока она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

— Ты хочешь послать меня одну?

— Ну... я просто не думал о другом варианте.

— Нет!

— Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас — это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одну девушку. Нет никакого смысла.

— Я не пойду одна!

Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

— Ну, хорошо. Главное убежать тебе. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

— Без тебя я никуда не уйду.

— Но ведь это же необходимо! Ведь Пророк...

— Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Две минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше рисковать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них ровным счетом нет никакой логики. Я сказал:

— Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из Дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила упрямо:

— Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну, хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признаться снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом.

Тогда Юдифь предложила:

— Джон, ты знаешь девственницу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, возможно, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор был прерван самой сестрой Магдалиной.

— Быстро! — шепнула она мне, заглянув в альков.— Назад, на пост.

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом — вот старый дурак! — решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечах. Я беспомощно старался поддерживать беседу.

Наконец он поднялся на ноги.

— Мне уж за сорок,— сказал он.— Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что глаз и рука тебя не подводят. Думаю, надо обойти Дворец. Приходится быть бдительным. Говорят, Каббала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик.

Я замер. Если он начнет осматривать коридор, то, без всякого сомнения, обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался спокойный Зеб:

— Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Я так и не понял.

Офицер схватил наживку:

— С удовольствием.

Он спустился по ступенькам.

— Вытащи меч, сын мой. Встань в позицию. так. Теперь скрещиваем мечи. Нападай! Стоп. Не так. Я повторю медленно... В тот момент, когда острие приближается к моей груди... (Ничего себе грудь. Капитан Ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) Я поднимаю меч и заставляю тебя отступить на шаг. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движение. Ты парень сильный и мог бы парировать удар. Тогда я вот что делаю...— Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине.— Теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его. Офицер отступил. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз. Они повторяли его, каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан оказался действительно замечательным фехтовальщиком и был полностью уверен в своем мастерстве. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог оторвать глаза от дуэли — это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к кордегардии. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

— Это было совсем недурно, Джонс,— прохрипел он.— Ты неплохой ученик.— Он попыхтел еще и добавил: — Мое счастье, что настоящие встречи куда короче. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам.

Он повернул к кордегардии, добавил весело:

— Господь вас хранит.

— Господь хранит и вас, сэр,— ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова стал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

— Он ушел,— успокоил их я.— Бояться нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала пока ничего не предпринимать.

— Я отвечаю за очищение Юдифи,— сказала она.— Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

— Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

— Не волнуйся, Джон,— сказала она.— Может быть, жребий и не попадет на меня в первый же день. Мы должны слушаться умного совета.

Сестра Магдалина презрительно фыркнула:

— Ты совершенно не права, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди...— она замолчала и прислушалась.— Ш-ш-ш, замрите.

И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

— Джон, Магги,— прошептал он громко.— Что произошло?

— Мы поймали шпиона, Зеб,— сказал я быстро.— Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

— Вы стукнули его?

— Он не придет в себя,— ответил спокойный голос Магдалины из темноты.— Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

— Ну и ну!

— Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодари бога, что я не воспользовалась обычным ножом — а то весь пол был бы в крови.

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

— Переверни его, Джон. Посмотрим, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

— Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли: «Его-то мы оплакивать не будем».

— Ну, Зеб?

— Встань у портала. Если кто-нибудь подойдет — я проверяю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

— Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

— Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, что это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп за плечи, женщины — за ноги и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись,— может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется. Обстоятельства были сильнее нас.

Зеб был краток:

— С этим покончено. Нас сменят через десять минут. Нам надо обо всем договориться раньше, чем появятся ангелы...

Наши предложения были непрактичны и даже в этой обстановке нелепы, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

— Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифи. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы — все четверо, окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

— Понятно,— сказал я.

— И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

— Тогда нам надо просить помощи. И есть только одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3

— Каббала? — повторил я тупо.

Юдифь ахнула от ужаса.

— Как же так... Это значит — продать наши бессмертные души! Они же поклоняются сатане!

Зеб обернулся к ней:

— Я не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом:

— Вы — каббалист?

— Нет.

— Так откуда вы знаете?

— И как,— добавил я,— обратиться к ним за помощью?

Ответила Магдалина:

— Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магдалина продолжала:

— Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет противоречить Церкви. Но потом я узнала — как узнаешь ты,— что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить.— Она взяла девушку за руку.— Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. Мы и не воюем против Бога. Мы боремся с Пророком, который делает вид, что представляет Бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами — и мы тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при нервном слабом свете, пробивавшемся от портала.

— Ты можешь поклясться, что это правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против Бога?

— Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

— Просвети меня, Господь,— прошептала она.— Я иду к Каббале.

Магдалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам:

— Ну?

Я ответил сразу:

— Если Юдифь согласна, то и я согласен.

И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить».

Магдалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

— Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор поломает нам кости.

На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор, и услышал, как в ванной

весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаскивают одеяло, даже когда я себя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку.

— Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы пробежаться вокруг Дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за набожность, если Ухо услышало их. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на ладонь. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зеб от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной по азбуке Морзе.

— Будь естественным,— сказали мне точки и тире.— Не удивляйся нас вызовут на проверку во время отдыха после обеда.

Я надеюсь, что не высказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: «Хорошо понял».

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, чего со мной не случалось с училища. Когда занятия кончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что Зеб, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк таймс».

— Джонни, мой барашек,— сказал он, обернувшись ко мне.— Подскажи мне, что это может значить — «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

— Тебе этого знать не надо,— проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

— Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

— Может, и заслужишь, но сначала просидишь тысячу лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат. Он чихнул и сказал:

— Ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым исполнительным и преданным человеком в части. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба:

— Ничего не имеем против, при условии, если мы заглянем в город. Мне надо кое-что купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зеб оборвал меня:

— Бросай свою работу! Я тебе помогу вечером. Пошли.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевидно, Зеб решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во Дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал, что-то брызнуло мне в глаза,— и ослеп.

Раньше чем я успел крикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Но мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла. Казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки. Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал дважды и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:

— Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске с пистолетом, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

— Желаете ли вы заявить со всей ответственностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете себя в наше распоряжение?

Каждый из нас ответил «да».

— Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли открытыми только рот и нос. Затем нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм —

ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца, и сразу, хотя и не спал, все вокруг мне стало казаться нереальным. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного к спине и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Затем последовали вопросы, много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел горячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Затем в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне просто нравился ее голос как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня к реальности. Шлем был снят с головы.

Нет смысла рассказывать о дальнейших инструкциях и порядке приема в группу нового члена. В процедуре была какая-то торжественная красота и никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространенные сплетни.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда они сняли с меня шлем, я увидел стоящего передо мной в полной форме с выражением торжественности на круглом лице капитана Питера Ван Эйка, нашего толстого офицера. Он был здесь главный!

После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что решено не посвящать Юдифь в тайны подполья. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то немногое, что она знала, так что, если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас проводили новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший дворец, был одним из них. Громадное здание заключало в себе ловушки: двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными членами подполья. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Усилия впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище.

Меня тревожило то, что мы не слышали ни слова об исчезновении Снотти Фассета. Это было подозрительно, настораживало больше, чем тщательное расследование. Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о котором он не должен был рапортовать каждый день своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова потому, что следил за кем-нибудь из нас. Если так, то все это значило, что начальник службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежедневные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение от того, что за мной не следят, если бы этот факт не обсуждался с тревогой в подполье. Я даже не знал, как зовут блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно Великому Инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои товарищи, несмотря на почти невероятную осведомленность Каббалы о жизни Дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе безопасности — у нас не было ни одного человека среди блюстителей. Причина была простая. Подполье было так же осторожно в отборе людей, как и служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем в туннель, а будем находиться в таких местах, где обязательно будем замечены.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

— Эти ископаемые издания, наверное, попали сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последнего «Тайма»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он обернулся ко мне:

— *Джек, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.*

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился в коридор. Через некоторое время я входил в подземное убежище. Зеб был уже там и кроме него несколько членов группы. Они окружили Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

— Вы посылали за мной?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

— Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, но удар по близким и любимым — удар самый жестокий.

— Инквизиция? — с трудом выговорил я.

В глазах Питера я увидел жалость.

— Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с ней не удалось связаться.

— Предъявлены обвинения? — спросил Зеб.

— Официально нет.

— Та-ак. *Плохо.*

— И плохо и хорошо,— не согласился с ним Ван Эйк.— Если это касается того, о чем мы думаем,— Фассета, у них есть все основания полагать, что она виновата не больше вас. И тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере, обычно они делают так.

— Но что дальше? — спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

— Сейчас мы ничего сделать не можем. Нам не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

— Но не можем же мы сидеть и ничего не предпринимать?

Питер сказал:

— Спокойно, сынок. Магги единственная из всех нас может проникнуть во внутренние покои дворца. Придется довериться ей.

Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

— Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним вернулись и продолжали «быть на виду», но, к моему облегчению, Ван Эйк запретил.

— Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифи достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет.

Я почти выкрикнул:

— Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

— Сынок, любой человек может выдать всех на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистические мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

— Мастер, вы держите нас здесь, как наседка цыплят, а в то же время послали Магги сунуть голову в мышеловку. А что, если Юдифь сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул:

— Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но они ее не арестуют — она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифи. Но Зеб возмутился:

— Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

— Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она — солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять кому-нибудь, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

— Ну? — требовал я.— Ну?

— Спокойствие, Джон,— ответила она устало.— Я ее видела.

— Ну и как она?

— Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального,— может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но капитан оборвал меня.

— Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

— Да так,— и Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания.— Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим знакомым. Мы условились обменяться любезностями.

Зеб хотел вмешаться, но Ван Эйк крикнул:

— Молчать! — И затем добавил резко: — Значит, Великий инквизитор препоручил допрос другому и сам им заниматься не стал! В таком случае я полагаю, что арест не связан с Каббалой.

Магги покачала головой:

— Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. Я умолила прервать допрос под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони.

— Они не должны начать снова — мы не можем этим рисковать. Старший офицер, останьтесь. Остальные все идите. Кроме тебя, Магги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Магги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан выбрался наконец из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединился к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено стальным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Хвала-Богу Биирпе, наполовину шотландец, наполовину индеец. Хвала учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем; мы редко разговаривали, и в этот вечер он был, как всегда, молчалив и тактичен.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога. Он принялся выстукивать:

— *Голову выше ты был выбран сегодня ночью во время твоего поста детали позже поешь и принимайся разговаривать захвати клейкую ленту с собой на пост шесть дюймов на фут повтори.*

Я кое-как выстукал «понимаю», продолжая делать вид, что ем.

4

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Хвалы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне показалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и бодрым. Мы стояли на северном конце западного укрепления. Тут же находился один из входов во Дворец. Прошел час, и я уловил движение в дверях. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в коридоре.

Я подошел к Зебу.

— Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

— Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

«*В середине дежурства, в момент, когда пробьют часы,* войдите во Дворец через дверь, из которой вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два пролета. Пройдите еще пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственниц. У дверей будет стоять часовой. Он не будет сопротивляться, но вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Она, возможно, будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру. Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога. Не глотайте записку — чернила ядовиты. Бросьте ее в дезинтегратор наверху лестницы. Желаем успеха».

Зеб прочел записку через мое плечо.

— Все, что тебе понадобится,— мрачно сказал он,— так это способность творить чудеса. Боишься?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, думаю, нам лучше выполнять все, как приказано.

— Да, насколько я знаю нашего Мастера. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я буду прикрывать тыл.

— Правильно.

— Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я прислонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем — всю церемониальную чепуху, которую положено было носить, но которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по темной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказался в той части Дворца, в которой до этого не бывал. Я передвигался в абсолютной темноте, надеясь только на правильность инструкции. Один пролет, второй... Я чуть не грохнулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где же теперь дезинтегратор? Он должен находиться, как обычно, на уровне пояса наверху лестницы. Я лихорадочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и запор. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести стольких людей. Я уже было отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это дезинтегратор? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку. Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением выдернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел в шагах двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу,— видно его задело осколком оболочки бомбы — сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать, и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственниц был слабо освещен, только синие лампы горели под потолком. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не оставалось, как броситься к ней и зажать ей рот перчаткой. Я несильно ударил ее по шее ребром ладони, и она обмякла.

Сначала половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им,— и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник Безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежавшим без чувств часовым. Я нашел

ключи на цепочке, обвязанной вокруг ее кисти, и поднялся, мысленно прося у нее прощения. Она казалась похожей на ребенка и была даже беспомощнее, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь — и моя любимая оказалась у меня на руках. Она спала глубоким сном и застонала, когда я ее поднял, но не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семижды, если тот, кто виноват в этом, сможет выдержать.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам?

Я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пробежал мимо лестницы, и мне пришлось вернуться и нащупывать ее, потом ощупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из Дворца, и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на руки капитана Ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом Дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притащив мою амуницию.

— Одевайся! — прошептал он.— Тревога для нас! Ты обязан охранять Дворец.

Он помог мне завязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копье. Затем мы стали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители, как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Кто-то из старших офицеров пробежал мимо нас во Дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел ответить пароль. Потом мимо пробежали Ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал гореть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решился прошептать:

— Что случилось, черт возьми? Все в порядке?

— И да и нет,— ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

— Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда находишься при исполнении служебных обязанностей.

— Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

— Я не имел в виду сегодняшнюю ночь,— сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к конъергардии, останавливаясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

5

Нас построили в зале и продержали по стойке «смирно» пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легатов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану Ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер был разгневан точно так же, как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих похождений. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке «смирно», как плебея. Они хотели взять нас на выдержку. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я был бы уверен в своей чистоте и, естественно,

унижен и оскорблен — ждать, как пария в очереди за продовольственной карточкой! Как кадет-мальчишка!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие.

Командующего я не любил никогда. Это был низенький человечек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров, вместо того чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, положив руки на рукоять меча.

— Помоги мне, боже. И это Ангелы Господа! — произнес он мягко в полной тишине и затем выкрикнул: — Ну!

Никто не ответил.

— Молчите? — кричал он.— Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

— Лайл!

— *Слушаюсь, высокопочтенный сэр.*

— Что ты об этом знаешь?

— Я знаю только, что хотел бы присесть, высокочтимый сэр.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его зажглась холодная ирония:

— Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он сдался и приказал разойтись. Я понимал, что это не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку, и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются аналитиками.

Зеб меня восхитил. Он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох. Я старался отвечать ему естественно и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

— В конке концов, мы офицеры и джентльмены,— говорил я.— Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели, закрыл глаза, но заснуть не мог. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, а то бы они не темнили так... Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие.

— Тихо,— прошептал голос, которого я не узнал.— Я должен тебя предохранить.

Я почувствовал укол. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

— Ничего особенного ночью ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос. Второй раз я проснулся от того, что кто-то грубо тряс меня. Я зарыл лицо в подушку и проворчал:

— Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня смотрели дула пистолетов.

— Вставай!

Они были в форме Ангелов, но без знаков различия. Головы были покрыты черными капюшонами с прорезями для глаз. И по этим капюшонам я их узнал: служители Великого Инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в церковной школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция бич, но бич для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти капюшоны, я уже знал, что я — мертвец, если все это не кошмар и я сейчас не проснусь. Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным.

— Что вы здесь делаете?

— Вставай,— повторил безликий голос.

— Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный покачал пистолетом перед моим носом. Двое других схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

— Вы обязаны дать мне одеться, по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по Дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощника знаком:

— Ладно. Только быстро.

Я тянул время как мог, стараясь изобразить спешащего человека: сломал молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава легли в положение, означающее знак бедствия. Затем я подобрал ненужную одежду ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра пистолет и сказал:

— Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутренние покои. Мы спустились на шесть пролетов вниз и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

— Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим Инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

— Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но святой церкви нужна срочная информация. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты господа? О, разумеется, боишься. Помоги мне разобраться в маленьком деле, прежде чем вернешься к завтраку. И ты сделаешь это к дальнейшему процветанию Господа.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

— Подготовьте его. Только, ради Бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но в самом деле не причинили боли. Они вертели меня как нечто неживое. Они раздели меня до пояса, приладили ко мне электроды и провода, обернули правую руку резиновой полосой, привязали меня к креслу и даже прикрепили миниатюрное зеркальце к горлу. У пульта управления один из них проверил напряжение и работу приборов.

Я отвернулся от пульта и постарался припомнить таблицу логарифмов от одного до десяти.

— Понимаешь ли наши методы, сын мой? Эффективность и доброта — вот что их отличает. Теперь скажи мне, милый, куда вы ее дели?

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

— Кого?

— Зачем ты это сделал?

— Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Приборы на пульте дернули стрелками, и инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не подействовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению; но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос инквизитора. Я не помню, что он спрашивал, но наверняка я отвечал первыми попавшимися словами.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце концов они вернули меня к реальности еще одним уколом. Инквизитор внимательно изучал красную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

— Откуда это у тебя, мой мальчик?

— Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой:

— Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Разреши, я объясню тебе кое-что. Вы, грешники, не всегда сознаете, что в конце концов Господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с обязательностью падающего камня, и результат нам всегда известен заранее. Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки Господа, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам Господь, чтобы проникать в подсознание. Обычно дальше этого допрос не идет, за исключением тех редких случаев, когда слуга сатаны встретился с грешником раньше, чем мы, и вмешался в святая святых — в мозг человека. Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много такого, что наказуется. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую каким-то другим грешником, и вынужден признать, что сведения, необходимые церкви, скрываются за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

— Никакая стена сатаны не остановит Господа. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и безвредно для упорствующего грешника. Я желал бы, чтобы у меня было достаточно времени, я действительно очень жалею, что у меня нет времени, потому что верю, что ты, Джон Лайл, хороший мальчик в сердце своем и не принадлежишь к сознательным грешникам. Но хоть время бесконечно, я им сейчас не располагаю. Есть второй путь. Мы можем презреть дьявольский барьер и ударить по тем частям мозга, которые владеют сознанием. Да поведут нас вперед знамена Господа Бога!

Он отвернулся от меня и сказал:

— Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

— Послушай, Джон Лайл,— сказал инквизитор.— Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты — заблудший ягненок, и моя цель — спасти тебя.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— Не благодари меня, благодари Господа, которому я служу. Но,— продолжал он, слегка нахмурившись,— прошу тебя учесть, что наступление на разум хоть и необходимо, может оказаться болезненным. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды:

— Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на стрелки приборов и добавил сухо:

— Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

— Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скрючилась. Перехватило горло. Я задыхался. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение...

— Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался до тех пор, пока не превратился в тысячу тупых пил...

— Кто тебе помогал?!

Невероятный жар душил меня. И я никуда не мог от него деться.

— Зачем ты это сделал?!

Я мечтал сорвать с себя жгучую кожу, но руки не повиновались мне.

— Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... падение... свет и боль... холод и жар, звук...

— Любишь ли ты Господа?..

Жгучая жара и боль, трещотки в голове, заставляющие кричать.

— Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то с размаху бил открытой ладонью по рту.

— Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я ничего не ответил. Не было необходимости симулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить их. Зеб, бедный Зеб! Старина Зеб! Бедняга Зеб! Неужели наши не успели создать преграду в его мозгу? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я.

Голова моя дернулась от нового удара.

— Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

— Выдал что? — пробормотал я.

Великий Инквизитор приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

— Милый сын мой, сделай это для Господа... и для меня. Ты молодец, ты отважно пытался защитить своих товарищей, но они-то тебя предали, и твоя отвага уже никому на свете не нужна. Не надо уходить на тот свет с такой тяжестью. Сознайся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного.

— Вы хотите убить меня?

Он возмутился:

— Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься. Но тебе следует бояться встречи с Создателем, раз душа твоя так отягощена грехами. Открой наконец свое сердце и сознайся.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом приказал:

— Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Пока не стоит выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел ввиду под механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы инквизитора не многим отличались от средневековых пыток, разве что он куда лучше знал человеческую анатомию и расположение нервных центров и, надо сказать, мастерски использовал свои знания... Сам инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность. Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Несколько раз я терял сознание, и помню только, холодный поток воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

Помню еще голос, сказавший:

— Он еще выдержит. Сердце крепкое.

...Я был мертв. И это было приятно. Но наконец очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но тело меня не слушалось. Я открыл глаза и оглянулся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры подошла ко мне и пощупала пульс.

— Доброе утро.

— Доброе утро,— ответила она.— Как мы себя чувствуем? Лучше?

— Что случилось? — спросил я.— Все кончилось? Или это только перерыв?

— Тихо,— сказала она.— Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы среди своих.

— Меня спасли?

— Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиться. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Комната, в которой я очнулся, была частью подвалов Ново-Иерусалимского универмага. Эти подвалы были связаны системой ходов с подземельями Дворца.

Зеб зашел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

— Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв.

— Кто? Я? — он наклонился надо мной и похлопал меня по руке.— С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах инквизитора. Он рассмеялся.

— Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер, никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я прямиком

направился в комнату Ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в подземелье и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мысли мои перескочили на более важную тему.

— Зеб, а как Юдифь? Нельзя ли мне с ней увидеться? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

— А они тебе не сказали?

— Что? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной, как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

— Все в порядке. Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался.

— Уехала? Это же нечестно! Почему она не подождала два дня, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

— Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены, что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменил тему:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно.

— Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

— А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

— Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

— Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

— Более или менее. Пока стану писать левой рукой.

— Во всяком случае, мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастеришко, который пытал Юдифь, скончался во время операции по твоему спасению.

— В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

— Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе бы пришлось стать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

— Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его кусать ногти.

— Кусать ногти? — Зеб явно удивился.

— Пока он не обкусал бы их до локтей. Понимаешь?

— Да,— усмехнулся Зеб.— Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

— Ну тогда ему повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался?

— Я? Да я даже не участвовал в твоем спасении. Я к тому времени еще не вернулся во Дворец.

— Как так?

— Не думаешь ли ты, что я все еще исполняю обязанности Ангела.

— Об этом я как-то не подумал.

— Не мог я вернуться после того, как скрылся от ареста. Теперь мы оба дезертиры из армии Соединенных Штатов — и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

6

Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Правда, в тот момент мне было не до долгих рассуждений. Нельзя сказать, что я порвал с церковью в результате трезвого раздумья. Конечно, я понимал, что присоединиться к подполью значило порвать все старые связи, но тогда я об этом не задумывался. А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира? Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Зеб смотрел на меня испытующе:

— Не понравилось?

— Ничего. Я привыкаю. Просто события разворачиваются слишком быстро.

— Понимаю. Нам придется забыть о пенсии, и теперь неважно, какими по счету мы были в Вест Пойнте.

Он снял с пальца кольцо училища, подкинул его в воздух, а потом сунул в карман.

— Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше не слышать: «Стройся! Равнение на середину!» Но все равно мы будем работать там, где нужно, главное — борьба.

Питер Ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня:

— Тебе лучше, сынок?

— Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

— Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше,— он помолчал, пожевал губами и добавил: — Но, сынок, я и ума не приложу, что с тобой делать.

— Как так?

— Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в организацию: мы не имеем права вмешиваться в сердечные дела. Такие дела нарушают привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того как мы тебя приняли, нам пришлось впутаться в такие авантюры, которых, строго говоря, и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

— Не вспыхивай, как девушка,— сказал капитан.— Ведь с точки зрения боевого духа нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема — что делать с тобой. Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за свободу и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

— Может быть, я и не первый умник, и, право, мне никогда не приходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул головой:

— Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном.

— Кем?

— Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень помогает. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Скажи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

— Я еще не специализировался.

— Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

— У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

— К сожалению, у нас нет артиллерии. Мне нужен специалист по пропаганде, но ты не подойдешь.

— Зеб был в нашем выпуске первым по психологии толпы. Начальник училища уговаривал его перевестись в духовную академию.

— Я знаю об этом, и мы постараемся использовать Зеба, но не здесь и не сейчас. Он слишком увлекся сестрой Магдалиной, а я не люблю, когда возлюбленные работают вместе. Влияя друг на друга, партнеры могут исказить объективную картину. Теперь о вас. Как вы думаете, а не получился бы из вас убийца?

Он задал этот вопрос серьезно, но как-то походя. Я с трудом поверил собственным ушам. Меня всегда учили — и я принимал это за аксиому, что убийство — один из страшных грехов, подобный кровосмешению или клятвопреступлению... Я еле заставил себя произнести:

— А братья прибегают... к убийству?

— А почему нет? — Ван Эйк не спускал с меня взгляда.— Интересно, если тебе представится возможность, ты убьешь Великого Инквизитора?

— Разумеется! Но при условии, если это будет честный поединок.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь дадут тебе шанс на честный поединок? А теперь давай вернемся в тот день, когда инквизитор арестовал сестру Юдифь. Представь себе, что у тебя была бы единственная возможность выручить ее — убить инквизитора ножом в спину. Что бы ты сделал?

Я ответил не колеблясь:

— Я бы его убил!

— И тебе было бы стыдно, ты бы раскаивался?

— Никогда!

— Видишь, как ты заговорил! А ведь Великий Инквизитор не одинок. Есть субъекты и похуже его. Запомни: человек, который жрет мясо, не имеет морального права презирать мясника. Каждый епископ, каждый министр, любой человек, которому выгодна тирания, вплоть до самого Пророка — прямой соучастник всех преступлений, которые совершает инквизиция. Человек, который покрывает грех, потому что это ему выгодно, такой же грешник, как тот, кто этот грех совершил первым. Осознаешь ли ты эту связь?

Может показаться странным, но я все это понял сразу. В конце концов последние слова мастера не противоречили тому, что говорилось в Писании.

Мастер Питер продолжал:

— Но учти — мы не приемлем возмездия. Возмездие — прерогатива Господа. Я никогда не пошлю тебя убить инквизитора, ибо этим ты возьмешь на себя право творить возмездие. Мы не соблазняем человека грехом как приманкой. Но мы ведем войну. Она уже началась. В этой войне мы проводим различного рода операции. Например, мы знаем, что ликвидация вражеского командира в бою важней, чем разгром целого полка. Так что мы можем отыскать ключевого человека и убрать его. В одной епархии епископ может быть именно такого рода командиром. В соседней он просто марионетка, которую поддерживает система. Мы убьем первого, но поможем второму сохранить свое место. Мы должны лишить их лучших мозгов. Поэтому я спрашиваю,— тут он склонился совсем близко ко мне.— Хочешь ли ты быть одним из тех, кто охотится за их командирами? Эти операции для нас крайне важны.

Мне вдруг подумалось, что в последнее время всегда находится кто-то, кто подсовывает мне неприятные факты и заставляет их признавать, тогда как обыкновенные люди всю жизнь занимаются тем, что обходят неприятности, избегают их. По зубам ли мне такое задание? Могу ли я отказаться от него? Как мне показалось, мастер Питер дал понять, что убийц набирают из добровольцев — а если я откажусь, легко ли мне будет сознавать, что кто-то другой должен исполнять самую тяжелую работу, а я хочу остаться чистеньким?

Мастер Питер был прав: человек, который покупает мясо, не имеет права смеяться над мясником — он кровный брат мяснику... Сколько есть людей, которые ратуют за смертную казнь, но они ужаснутся, если им самим предложат ее совершить. А разве мало тех, кто выступает за войну, но сам дезертирует, потому что боится быть убитым.

Левая рука должна знать, что делает правая! А сердце ответственно за действия обеих рук. И я ответил:

— Мастер Питер. Я готов служить... служить в том качестве, в котором братья решат меня использовать.

— Молодец.— Питер чуть осклабился и продолжал: — Между нами, признаюсь тебе, что работу убийцы я предлагаю каждому новому добровольцу, когда я не уверен, понимает ли он, что мы собрались не для того, чтобы играть в пинг-понг, но ради великого дела, которому каждый из нас должен отдать себя целиком без всяких условий,— он должен быть готов ради дела расстаться со своим имуществом, своей честью и своей жизнью. У нас нет места для тех, кто умеет отдавать приказания, но отказывается чистить нужники.

Счастливое облегчение овладело мною:

— Значит, вы не всерьез предлагали мне работу убийцы?

— Обычно я не предлагаю серьезно эту работу новобранцам. Уж очень мало на свете людей, пригодных для этого. Но, честно говоря, в твоем случае я был совершенно серьезен, потому что мы уже знаем, что ты обладаешь редчайшими качествами.

Я постарался сообразить, что во мне редчайшего и особенного, но не смог.

— Простите?

— В конце концов, тебя на этой работе обязательно поймают. Каждый наш убийца успевает выполнить в среднем три с половиной задания. Это неплохой показатель, но нам желательно его повысить, хотя подходящие исполнители встречаются очень редко. В твоем случае мы знаем, что, когда они тебя поймают и начнут допрашивать, им от тебя ничего не добиться.

Видно, мои чувства отразились на моей физиономии. Опять допрос? Я до сих пор не слышу на одно ухо.

Мастер Питер сказал мягко:

— Разумеется, тебе не придется снова пережить все это. Мы всегда предохраняем убийц. Мы делаем так, что им легко покончить с собой. Так что не волнуйся.

Поверьте мне, что после воспоминания о допросе мысль о самоубийстве была для меня облегчением.

— А как это делается? — спросил я.

— Для этого есть дюжина различных способов. Наши врачи могут заминировать тебя так, что ты будешь способен покончить с собой усилием воли. Конечно, есть и другие способы — цианистый калий в дырке зуба, например. Но к этому они уже привыкли и обычно сперва затыкают рот тряпкой, так что капсулу не надкусить. Но мы и тут нашли способ.— Он широко развел руки, завел их за спину.— Если я заведу руку за спину, чего в нормальных условиях человек никогда не делает, лопнет миниатюрная капсула, вшитая между лопатками. В то же время ты можешь стучать меня по спине хоть весь день, и ничего со мной не случится.

— А вы сам были... убийцей?

— Нет. Да и как я могу им быть, если у меня совсем другая работа? Но все мы, кто занимает в организации ответственные посты, обязательно заминированы. По крайней мере, мы не выдадим того, что знаем. К тому же я ношу бомбу в брюхе,— он похлопал себя по животу.— Если эта бомба взорвется, то погибнут все, кто окажется со мной в комнате.

— Мне бы такую бомбу на том допросе! — воскликнул я.

— Не сглазь! Тебе же сказочно повезло. Но если понадобится мина, мы ее тебе подложим.

Он поднялся.

— А пока не думай о моем предложении. Тебя еще должна исследовать группа психологов. А они придирчивые ребята.

Несмотря на его последнюю реплику, я немало думал о его словах. Правда, со временем уже не с таким содроганием.

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Иконоборца» — осторожной, слегка критичной, взывающей к реформам сверху газете. Это была газета типа «Да, но...» — внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорится, а в том, как. Ее номера мне приходилось видеть даже во Дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему человеку и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, через систему связи универмага мы не только сообщались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызывало подозрений у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь — в ящике, на котором было написано «Резиновая обувь». Коммерческие операции магазина служили хорошими прикрытием для наших широких связей.

Успешная революция — огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка заговорщиков, которые шепчутся за углом и собираются при свече на покинутых руинах, не сделают революции. Революции нужно множество людей, запасы современной техники и современного оружия. И, чтобы управлять всем этим, нужны конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку, и я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю, что из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное — это искажение исторического прошлого.

Например, я узнал, что, оказывается, перед приходом Первого Пророка Соединенные Штаты управлялись не шайкой сатаны. Я не хочу сказать, что их государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе. Впервые в жизни я читал книги, не прошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оборачивался, боясь самого себя, ожидая, что кто-то обязательно должен следить за мной, смотреть мне через плечо.

Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их как противные господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «безмозглые» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) посылали в космос корабли и люди уже покорили Марс и Венеру.

Я был этим так взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в Ангелы Господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совмещенных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была заглушена сотнями других. Например, иностранными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «безмозглые» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что англичане не едят человеческого мяса и даже, может быть, никогда и не ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что им было до безобразия много разрешено; я даже видел письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором местный епископ укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. В одном не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Мастер Питер сообщил мне, что управление психологии не пропустило меня в убийцы. С одной стороны, я почувствовал гро-

мадное облегчение. С другой — глубоко оскорбился. Чем же я им не подошел? Почему мне не доверяют? Я ощутил унижение.

— Не переживай,— сухо сказал Ван Эйк.— Они ввели в компьютер твои данные и проиграли на нем ситуацию, в которой ты должен выполнить задание. И обнаружили, что все шансы за то, что тебя поймают в первый же раз. А мы не хотим, чтобы наши люди погибали так быстро.

— А что же теперь?

— Я тебя отправлю в Главный штаб.

— Главный штаб? А где это?

— Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

— Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, записал голос, проанализировал походку и проверил все мои психические данные.

— Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я — личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. А прежде чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

— Неплохой набор,— произнес доктор Мюллер, разглядывая их.— Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, но запомним для себя, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать.

— А что такое синтетический? — спросил я.

— Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического — задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учтешь мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные живущего человека.

— А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

— Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца, и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые?

— Минутку, доктор,— перебил его я.— А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

— А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из наших умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, вы поете?

— Неважно.

— Тогда этот отпадает. Он — баритон. Я могу многое в вас изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании?

— Вы думаете, я справлюсь?

— Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного — это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились. Нос Ривса был с горбинкой — кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы одинаковыми стали наши зубы. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также просветлить мне кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на свежем воздухе.

Но самой трудной частью перевоплощения были искусственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким прозрачным слоем, на котором были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор

Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал, что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться ходить, как ходил Ривс, смеяться, как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что много зарабатывал бы как актер, и мой тренер полностью со мной согласился.

— Послушайте, Лайл,— повторил он,— когда вы наконец усвоите, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы обязаны научиться!

— А мне казалось, что я веду себя, как Ривс,— робко возражал я.

— Ведете! В этом-то и беда, что только ведете. И разница между вами и Ривсом, как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны стать настоящим Ривсом. Попытайтесь. Беспокойтесь, как он, о распространении тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о налогах и расцветке... Давайте. Попытайтесь.

Каждую свободную минуту я изучал дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалиста по текстилю. Я изучал способы торговли и понял, что мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал, что продавать и покупать — просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

И вот все кончено. За две недели я стал Адамом Ривсом, коммивояжером.

7

— Лайл,— сказал мне Питер Ван Эйк.— Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

— Да, сэр.

— Хорошо. Повтори приказ.

— Сначала я должен проехать отсюда до побережья. Явлюсь в сан-францисское отделение фирмы и отчитаюсь там в своих сделках. Потом возьму отпуск и поеду отдыхать. В Аризоне, в городе Фениксе, я должен посетить церковную службу. После

службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную проповедь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

— Правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник даст тебе указания.

— Слушаюсь.

Питер встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

— До свидания, Джон. Берегите себя.

— Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

— Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении. Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть и подготовиться к сеансу гипноза.

— Вот и все,— сказали мне после окончания сеанса.— Выполняйте приказание.

— А как насчет послания, которое я должен доставить в Главный штаб?

— Оно уже в вас.

— Гипнотически? Но если меня арестуют?

— Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. Вы не сможете вспомнить их, пока кто-нибудь их не произнесет. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в определенном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Сначала я думал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Но когда узнал, что послание будет в безопасности, то не стал даже просить. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземкой. Станция находится напротив универмага, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал тоннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая повозка, положил туда

багаж, сел сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому полицейскому участку. Должен признаться, что я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает бежавшего преступника Джона Лайла. Но они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список разыскиваемых лиц слишком длинен для того, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я принял это за неблагоприятный знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и поставили у стены. Но само ожидание позволило мне собраться с силами. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на хронометр, потом поднял глаза к станционным часам и снова посмотрел на хронометр.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал:

— Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку:

— Отпечатки пальцев, попрошу.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем разрешении на передвижение по стране, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

— Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

— Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами. Сержант был вежлив:

— Придется попросить всех вас вернуться на участок для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен. Билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

— Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

— Прошу прощения.— Тут он обернулся ко мне.— А, вы — Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дайте-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

— Совершенно верно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

— Ну, конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, против вас мы ничего не имеем. Быстро возвращайтесь в ракету. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжал читать газету, чтобы успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран, «иностранные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представительств и миссий и нескольких сообщений о зверствах «безмозглых». Я подумал, куда деваются все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность. Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы спустились в ионосферу и приближались к Цинциннати. Мы обогнали солнце и из ночи прилетели в вечер.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом, но даже добился кое-каких успехов. Даже обнаружил, что получаю больше удовлетворения, уговорив несговорчивого торговца, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моего нового лица, а полностью углубился в мир текстиля.

В Канзас-Сити я улетел точно по графику и не встретил никаких препятствий в полиции, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера.

Ракета на Канзас-Сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за тридцать. Мы поглядели друг на друга, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок заказы и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сиденье и смотрел телефильм на экране в передней части салона.

Он толкнул меня в бок и, когда я обернулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного Храма, над которым развивались знамя Пророка и вымпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени Храма.

Взвод Храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил наверху лестницы треножники огнеметов.

Дальше стена снималась другой камерой, очевидно установленной на крыше Храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Чтобы продлить мучения людей, стражники целились огнеметами по ногам. Люди падали и катались в страшных мучениях по площади. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы доползти до девушки и дотронуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и услышал:

«...аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и присылки подкреплений не понадобится. Епископ Дженнинг объявил военное положение. Агенты сатаны окружены. Проводятся аресты. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву. Миннесотские гетто будут закрыты, и все парни переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальнейших вспышек. Да пусть послужит это предупреждением каждому, кто осмелится подняться против божественной власти Пророка.

Передачу вела телестанция "Крылья ласточки" на средства Ассоциации Торговцев, производящих элегантнейшие в мире

предметы женского туалета. Покупайте наши товары! Спешите! Новинка. Статуя Пророка, чудесным образом светящаяся в темноте! Высылайте один доллар наложенным платежом...»

Я снял наушники и повесил их на место. Я молчал, ожидая, что скажет мой сосед. И он заговорил с откровенным возмущением:

— Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия.— Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

— Интересно, почему они взбунтовались?

— Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

— Вы могли бы повторить это и в церкви,— согласился я.— Кроме того, даже нормальный еретик — если такие бывают — должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает.— Я со счастливой улыбкой похлопал по черному портфелю.— По крайней мере, мой бизнес, хвала Господу.

Мы немного поговорили о состоянии дел в стране. Я присматривался к нему. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его облике заставило меня насторожиться. Может, нервы не в порядке? Или это шестое чувство человека, за которым охотятся?

Взгляд мой упал на его руки, и меня охватило чувство, что я должен что-то увидеть. Но ничего особенного не было. Я приглядел ся и заметил все-таки весьма мелкую деталь — на пальце левой руки след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое носил много лет в Вест Пойнте и после него. Конечно, это ничего еще не значило — многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но почему он вдруг снял кольцо? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил. В Вест Пойнте я никогда не считался хорошим психологом, но сейчас стоило вспомнить то немногое, чему меня все-таки научили. Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания,— это то, что нападающие шли невоору-

женными на укрепленные позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный. Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольца и уносят его с собой в могилу. Единственное объяснение в таком случае: он не хочет, чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз начала спускаться, ее тряхнуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла, что он сказал, но я разобрал.

Это ругательство было типично для Вест Пойнта, и я никогда не слышал, чтобы его употреблял кто-нибудь, кроме выпускников академии.

Отсутствие кольца было не случайно. Он — офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание.

Но даже если он охотится за мной, он совершил минимум две грубые для секретного агента ошибки. Даже самый неопытный новичок (я, к примеру) никогда не сделает таких ошибок, а ведь секретная служба состояла не из дураков, у них работали и лучшие головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и буду думать, что они случайны. Почему?

Вряд ли потому, что он сомневался, что я — тот человек, который ему нужен. В таком случае на основании проверенного тезиса о том, что каждый человек виновен, пока не доказано, что он не виновен, он просто арестовал бы меня и подверг допросу.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели испугать меня, заставить бросить все и помчаться в укрытие,— и навести их таким образом на след моих товарищей. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактам.

Когда я понял, что мой сосед — секретный агент, меня охватил холодный страх, схожий с морской болезнью. Но когда я решил, что раскусил его, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги — не предпринимать ничего такого,

что могло бы вызвать подозрение...» Сиди ни месте и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит, я проведу его сквозь все отделения универмага Канзас-Сити — пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки меня бил озноб, когда мы сошли в Канзас-Сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу — прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «храни вас Господь», обогнал меня и направился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не успокоило — он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился к универмагу неспешно.

Я провел деловую неделю в Канзас-Сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную непредусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но как бы то ни было, я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер.

Мы приземлились на аэродроме в нескольких милях от Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

— Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

— Нормальная процедура,— заметил сержант.— Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение. Но для Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным, когда мне велели подождать результатов анализа в комнате полицейского участка. Я сидел там, ломая голову, какой вред мне могли причинить десять кубиков собственной крови.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не хватало решимости попытаться убежать. Может быть, они в самом деле боялись лихорадки. Я сидел и ждал.

Здание было временным, и стенка между комнатой, где я сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голоса, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, что кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и приблизил ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного покаяния, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я слышал ее во время службы во Дворце, то она меня не шокировала, да и что мне до чужой морали. О Ривсе ни слова.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. Небольшая ракета спустилась к земле, притормозила и замерла в четверти мили от меня... Пилот выпустил шасси, подогнал ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна. Я хорошо знал этот тип ракет (я водил такую же, играя за армию в воздушное поло; в тот год мы обыграли и флот и Принстонский колледж).

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не выключено, почему бы не попробовать. Я посмотрел на открытое окно. Возможно, оно снабжено виброзащитой, и тогда я даже не успею узнать, от чего я погиб. Но я не видел никакой проводки, а тонкие стенки вряд ли могли скрыть в себе провода. Может быть, окно было оборудовано только контактной сигнализацией?

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты:

— Какая группа крови?

— Первая, сержант.

— Совпадает?

— Нет, у Ривса третья.

— Ого! Позвони в главную лабораторию. Мы возьмем его в город на анализ сетчатки.

Я попался и знал это. Они уже наверняка поняли, что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле.

И я выпрыгнул в окно.

Я опустился на руки, перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Дверь в ракету была раскрыта, и зажигание не отключено — дуракам везет!

Я не стал выводить ракету на главное поле, а дал полный газ. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей и взмыли вверх, взяв курс на запад.

8

Я набрал высоту, чтобы включить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я отлетел на некоторое расстояние от аэропорта, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через минуту поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения казалось не таким уж и чудом. Или, может быть, слишком чудом? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют пленника без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение — рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам.

Конечно, оставалась вероятность, что мне в самом деле повезло. В любом случае я не хотел попадаться им снова, как и не хотел привести их к моим товарищам. Я нес важное послание и не мог врагам доставить такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту полицейских ракет, но не больше. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил карами земными и небесными. Может, это начнется позже. Я отключился.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Денвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Баки были почти полные — у меня горючего на десять часов, или на шесть тысяч миль. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невозможен, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я взял курс на Гавайскую республику. Затем я заложил программу в автопилот: дальность полета 3100 миль, скорость 800 миль в час. Только-только.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, анализаторы принялись вычислять и пришли быстро к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут. Перехватить меня нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Перехватчики поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался... Я хотел, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Вторая задача. Как из этой штуки выбраться? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, которая катапультирует вас с креслом. Об этом позаботились конструкторы. Потом раскроется парашют, и вы комфортабельно опуститесь на божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть один недостаток: и корабль и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия. Все просто и непритязательно — как корова в церкви.

Я смотрел перед собой и ломал голову. Каждую минуту я пролетал тринадцать миль, и каждую минуту у меня становилось минутой меньше. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу — но нельзя открыть люк в ракете, летящей на высоте шести миль. Стоит учесть и скорость — меня просто разрежет дверью как масло.

Все зависело от того, сколь надежен у этой штуки автопилот. Хорошие автопилоты могут все сделать. Те, что подешевле и попроще, могут поддерживать скорость, высоту и направление пилота, но этим таланты их исчерпываются.

Мой опыт полетов на такой ракете ничему меня не научил по той простой причине, что пользоваться парашютом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на слово. Я поискал инструкцию, но не нашел ее. Без сомнения, я мог отвинтить панель автопилота и поработать над ним с отверткой в руках, но для этого понадобился бы целый день; в этих автопилотах до черта транзисторов и проволочной лапши. Так что я вытащил парашют и принялся его надевать, напевая:

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство...

Автопилот не ответил ни слова, и, надо признаться, я бы очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Я был уже над пустыней и видел, как солнце отражалось в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шесть миль слишком холодно и неуютно. Да и кислорода мало. Я перевел ракету на планирующий спуск. Мне хотелось, чтобы она в определенной точке начала опускаться вертикально. Затем я собрался выключить двигатели и выпрыгнуть наружу. Автопилот включит двигатели снова, и я надеялся, что это случится, когда я успею отлететь от ракеты.

Двигатели я намеревался выключить в тридцати тысячах футов от земли так, чтобы автопилот успел включить тормозные устройства и ракета не врезалась бы в землю, что меня никак не устраивало.

Я выключил двигатели. Дверь не открывалась. А когда открылась, это было так неожиданно, что я буквально вывалился нару-

жу. С секунду и я и ракета свободно падали рядом, потом расстояние стало увеличиваться. Я медленно вращался вокруг своей оси.

Понемногу ракета обогнала меня, и тут заработали ее двигатели — автопилот принялся за работу, стараясь вернуть ее на заданный курс. Так мы расстались.

Следя за тем, как она удаляется, я почувствовал, что глаза обжигает страшный холод. Я закрыл глаза руками, чтобы не отморозить. Но с закрытыми глазами мне показалось, что я вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко — милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Далеко поблескивали выхлопы ракеты. Корабль набирал высоту и продолжал путь к океану. Я пожелал ракете счастливого пути и благородной кончины в океане, а не от выстрелов перехватчика.

Продолжая падать, я смотрел на удаляющийся огонек ее выхлопа.

Триумф моего кораблика заставил меня позабыть о том, как я перепуган. Вываливаясь из него, я помнил, что должен совершить затяжной прыжок. Расставаясь с кораблем, тело наверняка оставит второй огонек на экране радара. Чтобы исчезнуть с экрана, я должен как можно скорее выпасть из их поля зрения, а парашют можно будет раскрыть только у самой земли.

Мне никогда еще не приходилось совершать затяжных прыжков. Я всего-то прыгал два раза, оба прыжка были учебными под надзором инструктора, что только и требовалось от кадетов перед сдачей выпускных экзаменов.

Пока я падал, зажмурив глаза, я чувствовал себя вполне пристойно, если не считать непреодолимого желания дернуть за кольцо. Рука сама отыскала кольцо, и пальцы вцепились в него. Я приказал пальцам отпустить кольцо, но они почему-то не подчинились. Но открывать парашют нельзя было ни в коем случае — я был еще слишком высоко и, как только парашют раскроется, я стану медленно передвигающейся целью, которую может сбить каждый желающий.

Я намеревался открыть парашют где-то в пятистах футах над землей, но мои нервы не выдержали, и я не дождался. Почти прямо подо мной был большой город — Прово, штат Юта, и я смог

уговорить себя, что если не потерплю еще хоть секунду, то опущусь посреди этого города.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался негодный парашют. Но тут парашют весьма чувствительно для меня раскрылся. Я глубоко вздохнул — легкие стосковались по густому воздуху.

Я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я подогнул, как положено, колени, и тут же земля стукнула меня по ногам, и парашют потащил за собой, ударяя о кусты и волоча сквозь колючки.

Следующее, что помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и потираю ушибленную коленку. Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что и мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых, я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой и пошел по обочине к огням Прово.

Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где, коленка болела. Чувствовал я себя — хуже некуда.

И все-таки я с трудом удерживался, чтобы не засвистеть. Да, они за мной гонятся, но они гонятся за пустой ракетой. Я надеялся, что мне на этот раз удалось их провести,— и тогда я свободен и сравнительно легко отделался... Если уж скрываться где-нибудь, то лучше места, чем штат Юта, не придумаешь. Это всегдашний центр ересей с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо проносились огни машин, и прежде чем достиг города, я покинул дорогу и пошел напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Оставалось два часа до комендантского часа, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Больше часа бродил я по жилым районам, прежде чем нашел то, что нужно,— аэрокар, который я мог украсть. Это был «форд», припаркованный у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, и все-таки открыл ее. Зажигание было выключено, но я и не надеялся на повторную удачу. Устройство двигателей входило в программу обучения в училище. Спешить было некуда. Через двадцать минут я замкнул цепь.

Не спеша выехал я на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома стали мельчать и расстояние между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Двигатель кашлянул и заурчал. С треском распахнулись крылья аэрокара.

Земля ушла вниз.

9

Украденная мной машина оказалась и старой, и плохо ухоженной. В двигателе что-то постукивало, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не понравилось. Но она летела, и горючего должно было хватить до Феникса. Хуже было полное отсутствие навигационных приспособлений, если не считать нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало. Ну что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я держал высоту пятьсот футов.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кражу не обнаружили. Мне пришло в голову, что за мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому Инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды — кража. Конечно, оставались еще поджог и изнасилование. Я решил было, что обойдусь без изнасилований, но тут же подумал, что женитьба на святой дьяконессе может быть расценена именно так. Что ж, терять мне больше нечего.

Я не стал передавать управление автопилоту, потому что старался обходить города на почтительном расстоянии. Лишь отлетев

на сто миль к югу от Прово, я решил, что могу позволить себе поспать.

В тех краях, за Великим Каньоном, люди попадаются очень редко. Так что я приказал автопилоту поддерживать высоту восемьсот футов от поверхности земли, перебрался на скамейку для пассажиров и тотчас же уснул.

Мне снилось, что Великий Инквизитор старается сломить мой дух, пожирая в моем присутствии сочный бифштекс.

— Признавайся! — кричал он, откусывая кусок от бифштекса и смачно пережевывая его.— Признавайся, и сразу станет легче. Тебе кусочек от серединки или поджаристый краешек?

Я был готов уже во всем признаться, но, на мое счастье, проснулся.

Ярко светила луна. Мы как раз подлетели к Великому Каньону. Я метнулся к рычагам и взял управление на себя, испугавшись, что простоватый автопилот сойдет с ума, стараясь удержать нас на высоте восьмисот футов от поверхности гигантских ступеней каньона.

Открывшийся передо мной вид поразил меня настолько, что я на время забыл о голоде. Если вам не приходилось видеть Великий Каньон, то не стоит тратить время, рассказывая вам об этом. Но я могу порекомендовать вам поглядеть на него ночью при свете луны с высоты птичьего полета.

Через двадцать минут мы пересекли Великий Каньон, я снова передал управление автопилоту и принялся обшаривать аэрокар, не пропуская ни одного ящика, ни одного шкафа, ни одного укромного местечка в поисках пищи. В результате я раздобыл дольку шоколада и несколько орешков арахиса. Таким образом, я устроил пышный пир. Я считаю, что мне сказочно повезло, потому что я готов уже был обсасывать кожу с сидений. Я устроил себе пышный пир... ведь у меня во рту не было ни крошки с самого Канзас-Сити. Проглотив трофеи, я снова уснул.

Я не помню, чтобы я включал будильник, но звон разбудил меня перед самым рассветом. Рассвет над пустыней — не менее потрясающее развлечение для туриста, но, к сожалению, мне пришлось заняться штурманскими обязанностями, и я мало что увидел. После нескольких минут упорных подсчетов я пришел к вы-

воду, что, если мои поправки на ветер были правильными, через полчаса я должен увидеть Феникс.

Мне по-прежнему везло. Я перелетел через гряду холмов, и направо открылась зеленая возделанная равнина и посреди нее город. Солнечная долина и Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем к каньону Соленой реки. Приземление было неудачным — я сорвал колесо и разбил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Я выбрался на шоссе и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. И тут неожиданно грузовик догнал меня на открытой местности. Мне ничего не оставалось, как помахать водителю рукой, приветствуя его. Но грузовик затормозил около меня.

— Подвезти, парень?

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня.

— Дружище! — сказал он в восторге.— Это был горный лев или только медведь?

Я совсем забыл, как выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

— Оба. И обоих я задушил голыми руками.

— Я верю.

— В самом же деле,— добавил я,— я ехал на велосипеде и слетел с дороги.

— На велосипеде? По этой дороге? Уж не от самой ли долины?

— Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку.

Он покачал головой.

— Давай-ка лучше вернемся к львино-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Больше он ни о чем меня не спрашивал, и это меня устраивало. Я подумал, что версии, придуманные на ходу, ведут к неожиданным осложнениям. Никогда в жизни я не видел этой дороги и не знал, каково пришлось бы на ней велосипедисту. Когда мы

выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Наконец мой хозяин остановился у придорожного ресторана.

— Все наверх,— сказал он.— Пора завтракать.

— Хорошая идея,— ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за еду и даже сам попытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и сказал:

— Через три четверти мили полицейский кордон. Думаю, что для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

— Да...— сказал я.— Полагаю, что мне лучше пройтись пешком. После завтрака очень полезны пешеходные прогулки. Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройтись назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней — машин меньше.

— Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решился зайти в маленький дом, в котором обитала испанско-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испанским языком, но я попросил «агуа», и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Дорога повернула к городу, и мне не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал, пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежевыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять полицейских, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес нужной мне церкви. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов. Вздохнув облегченно, я уселся в заднем ряду и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, пока не понял, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

— Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдало выражение лица. Он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— О нет, сэр,— пробормотал я.— Я здесь сам впервые. Так вы не Бэрд?

Я был в панике. Бэрд — единственный мой контакт в этой части страны. Если я его не найду, меня поймают за несколько часов. Голос священника донесся как бы издалека. В голове уже вертелись несбыточные планы украсть еще одну ракету и направиться ночью к мексиканской границе.

— К сожалению, меня зовут иначе. Вы хотели бы видеть господина Бэрда?

— Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та индианка спрячет меня до темноты?

— Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь же, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Сердце мое забилось с двенадцатикратным ускорением. Я постарался не выдать волнения.

— Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

— Нет, напротив. Он сломал ногу — и с удовольствием примет гостя.

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги и карандаш и написал адрес.

— Отсюда два квартала, и потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел, в конце концов, нужный дом. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

— Да?

— Посетитель к достопочтенному Бэрду.

Последовало короткое молчание, потом тот же голос сказал:

— Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Обойдите дом и найдете меня в саду.

Дверь щелкнула и открылась. Я прошел в сад. На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков.

— Что нужно тебе, сын мой?

— Мне нужен совет.

Через час я запивал вкусный завтрак свежим молоком. К тому времени, как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд кончил меня инструктировать.

— Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

— Нет. Санчес вывезет меня из города и доставит в место, откуда меня проводят в Главный штаб. Все ясно.

Я покинул Феникс в двойном дне фургона грузовика. Нос мой упирался в доски. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые голоса полицейских и невозмутимо спокойный испанский ответ Санчеса. Кто-то прошагал по моей голове, и между досками верхнего дна появились светлые щели.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

— В порядке, Эзра: Это хозяйство отца Бэрда. Каждый вечер Санчес ездит к нему на ферму.

— Так чего ж он сразу не сказал?

— Когда он волнуется, забывает английский. О'кэй, пошел, чико!

— Gracias, señores. Buenas noches.

На ферме отца Бэрда меня посадили в геликоптер, бесшумный и хорошо оборудованный. Оба пилота обменялись со мной приветствием, но больше не сказали ни слова. Мы поднялись, как только я устроился в кабине.

Иллюминаторы пассажирской кабины были закрыты. Не знаю, ни в каком направлении мы летели, ни сколь далеко. Поездка была не из комфортабельных, потому что пилоты все время летели над самой землей, чтобы их не засек радар.

Выйдя из спустившейся машины, я увидел прямо дуло пулемета, за которым возвышались два неулыбчивых человека.

Но пилоты сказали пароль, мы обменялись тайными знаками.

Мне показалось, что часовые были чуть-чуть разочарованы, что я оказался своим и они не смогли отличиться. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще ярдов пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из под ног. Я выругался про себя — они могли предупредить, что мы в лифте. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне велели держаться покрепче. Платформа двинулась вперед с громадной скоростью. Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал увидеть ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей широко улыбнулся.

— Все вы так,— сказал он.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что в ней вы чувствовали себя, как на улице. Она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов.

Я помню фотографии Карлсбадских пещер. Главный штаб напомнил их, хотя, конечно, те пещеры уступали штабу и в размерах, и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить

истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров.

Мы стояли несколько выше ее пола, и пещера была залита ровным светом. Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел там игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась, по крайней мере, в четверти мили от нас, а вся пещера была не менее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо чувства, присущего людям, запертым в помещении, я был охвачен страхом перед огромным открытым пространством. Мне даже захотелось, словно перепуганной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав:

— У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдемте.

Они повели меня по тропинке, которая вилась между сталагмитов размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с гипсовыми лилиями в них, мимо влажных куполов, которые были стары, когда человека еще не было на земле, под разноцветными занавесями сталактитов. Моя способность удивляться была явно перенасыщена.

Наконец мы вышли на ровную долину и быстро добрались до городка. Строения в нем не были строениями в принятом смысле этого слова — они оказались просто системами перегородок из пластика, чтобы не пропускать шума. Большинство зданий стояло без крыш.

Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласили:

АДМИНИСТРАЦИЯ

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно сморкался. Такие клерки — неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его сто-

ле гласила, что он — младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, по всему судя, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

— Рад встретиться с вами, мистер Лайл,— сказал он, пожимая мне руку.

Он почесал нос и чихнул.

— Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы уложим вас на сегодняшнюю ночь в приемной?

Я ответил, что полностью удовлетворен, и это, по-моему, его порадовало.

10

Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят как великого героя, и представлял себе, как мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах, о том, как мне удалось все-таки принести в Главный штаб важное сообщение.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, как только я кончил завтракать, но я его самого не увидел, принял меня старый знакомый мистер Джайлс. Я был несколько задет таким отношением ко мне и сухо спросил его, когда мне будет удобнее нанести официальный визит командующему.

Он чихнул и сказал:

— О, да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и что клерк просто следует установившемуся порядку. Но лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К полудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие.

Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом я получил шанс рассказать о своих похождениях, к сожалению, только магнитофону. Живые люди прокрутят запись, но я не получу такого удовольствия, как от живых слушателей. Потом меня загипнотизировали, и они получили послание, которое я нес в себе.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, что за послание я принес в Главный штаб. Он ответил коротко:

— Мы не говорим курьерам содержания посланий.

Его тон указывал, что вопрос мой был нетактичен.

Тут меня прорвало. Не знаю, был ли он старше меня по рангу (знаков различия на нем не было), но мне было плевать.

— Что же получается, черт возьми! Мне что, не доверяют? Я тут рискую головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

— Дело вовсе не в том. Это делается для вашего же блага.

— Как так?

— Мы считаем, что чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если попадетесь в руки полиции,— это лучше и для вас, и для наших товарищей. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

— Нет.

— Я тоже. Мне никто не рассказывал об этом, потому что это знание мне в данный момент не необходимо. Но,— продолжал он,— я думаю, что вам можно сказать в общих чертах, что вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагрузили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

— Обычные сводки? Почему же Питер Ван Эйк сказал мне, что я несу послание особой важности. Что же он, шутил?

Техник улыбнулся:

— Я знаю, что он имел в виду. Вы содержали в себе одно важное сообщение, касающееся в первую очередь вас самого. Вы несли в себе гипнотически собственное удостоверение личности...

Мои путешествия по врачам, психотехникам, отделам снабжения и так далее дали мне почувствовать размеры помещения.

«Игрушечный городок» был административным центром. Энергетическая станция и склад находились в другом зале и отделялись от нас десятками метров скалы. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои «курятники» подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от жилых помещений. Свежей воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, и в некоторых проходах текли подземные ручьи — источник, кстати, дополнительной вентиляции. Воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно 20, а относительная влажность 32% зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я был уже на работе и трудился в арсенале, проверяя и налаживая оружие. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботится о чинопочитании (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо было после всех переживаний сидеть в прохладном арсенале и заниматься спокойным делом?

В тот же день я вошел в гостиную и хотел присесть. И тут услышал знакомый баритон:

— Джонни! Джон Лайл!

Я подпрыгнул на месте от неожиданности и увидел бегущего ко мне Зеба Джонса, здорового старика Зеба, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

— Когда ты сюда попал? — спросил я, наконец.

— Недели две назад.

— Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал?

— Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали: «Заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба, что очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

— Я в бюро пропаганды,— сказал он.— У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных

статей о жизни Пророка и его аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и так далее. Все это, разумеется, абсолютная правда, и пишу я с большим одобрением. Правда, я довольно сильно нажимаю на действительную стоимость драгоценностей и несколько раз упоминаю о том, какая великая честь для народа — содержать наместников Бога на земле.

— Не понимаю я тебя, Зеб,— сказал я, нахмурившись.— Ведь люди любят глядеть на эти штуки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на Храмовый праздник.

— Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие газеты долины Миссисипи и Юга — мы распространим их среди самых бедных слоев населения Штатов, среди людей, которые твердо убеждены, что благочестие не должно быть роскошным, что бедность и добродетель — синонимы. Пусть они начнут сомневаться.

— Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание таким способом?

— Это тоже входит в подготовку к нему.

После обеда мы с Зебом отправились в его комнатку. Мне было спокойно и уютно. В тот момент меня мало волновало, что мы с ним участвуем в движении, которое имеет мало шансов на победу, и, вернее всего, мы или погибнем вскоре в бою, или будем сожжены как бунтовщики. Кроме Зеба, у меня никого не осталось, и я себя чувствовал, как в детстве, когда мать сажала на стул в кухне и кормила пирогами.

Мы болтали о том, о сем, и постепенно я многое узнал о нашей организации, в частности, обнаружил — и был этим весьма удивлен,— что не все наши товарищи были братьями. Я имею в виду братьев по Ложе.

— Разве это не опасно? — спросил я.

— А чего ты, старина, ожидал? Некоторые из наших товарищей не могут по религиозным соображениям присоединиться к Ложе. Но нам никто не давал монополии на ненависть к тирании и на любовь к свободе. В нашей борьбе нам нужна поддержка как можно большего числа людей. Любой идущий с нами по одной дороге — наш попутчик и товарищ. Любой.

Я подумал, что эта идея логична, хотя чем-то она мне не понравилась. И я решил смириться с действительностью.

— Наверное, ты прав. Можно допустить, что, когда дело дойдет до сражений, мы используем даже париев, хотя конечно же их нельзя принимать в братство.

Зеб уставился на меня уже знакомым мне взглядом:

— Ради бога, Джон! Когда же наконец ты снимешь шоры?

— А что?

— Неужели тебе до сих пор не пришло в голову, что самое существование париев является частью пропагандистского трюка тирании, которая всегда ищет козла отпущения?

— Но какое это имеет отношение?..

— Заткнись! И слушай старших! Отберите у людей секс, запретите его, объявите греховным, замените ритуальным размножением. Затолкайте человеческие инстинкты вглубь, превратите их в подспудное стремление к садизму. А потом подставьте толпе козла отпущения, дозвольте порабощенным людям время от времени убивать этого козла отпущения и в этом находить выход темным эмоциям... Этот механизм отработан тиранами за многие столетия. Тираны использовали его задолго до того, как было придумано слово «психология». И этот механизм по-прежнему эффективен. Не веришь — погляди на себя.

— Ты меня не так понял, Зеб! Я ничего не имею против париев.

— Вот и молодец! Продолжай в том же духе. Тем более что у тебя есть все шансы встретиться с ними в высшем совете Ложи. Кстати, забудь это слово — «пария». В нем заключается, как мы говорим, высокий негативный индекс.

Он замолчал. Молчал и я. Мне нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях. Поймите меня правильно: легко быть свободным, когда тебя воспитали свободным. А если ты воспитан рабом? Тигр, взращенный в зверинце, убежав, вновь возвращается в темноту и безопасность клетки. А если клетку убрать, он будет ходить вдоль несуществующей решетки, не смея перейти невидимую линию, отделяющую его от свободы. Подозреваю, что я был таким тигром и не мог перейти границу.

Мозг человека невероятно сложен. В нем есть отделения, о которых сам его владыка не подозревает. Мне казалось, что я уже устроил в собственном мозгу уборку и выкинул оттуда все суеверия,

которые мне положено было в себе таскать. Но, оказывается, моя «уборка» была не более как заметанием сора под ковры. Настоящая же уборка завершится не раньше чем через годы. Только тогда чистый воздух заполнит все комнаты моего разума.

Хорошо, сказал я себе, если я встречу одного из этих пар... нет, одного из этих товарищей, я буду с ним вежлив до тех пор, пока он сам будет вежлив со мной!

И в тот момент я не чувствовал ханжества в таком мысленном условии.

Зеб лежал на койке и курил. Я знал и раньше, что он курит, и он знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был не очень крупный грех, и мне даже в голову не приходило донести на Зеба, когда мы жили с ним во Дворце. Я даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами один из сержантов.

— А кто тебе здесь достает сигареты? — спросил я.

— Зачем просить других, когда можно купить их в лавке?

Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку и сказал:

— Мексиканские сигареты крепче тех, к которым я привык. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак вместо заменителей, к которым я привык. Хочешь закурить?

— Нет уж, спасибо.

Он сухо усмехнулся.

— Давай, прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

— Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

— Ну уж нет. Это гадкая привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов убьет меня, породив во мне рак легких.— Он глубоко затянулся, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, вполне доволен жизнью.— Но я не могу устоять против этой гадкой привычки. К тому же Господь Бог не обращает на это никакого внимания.

— Не богохульствуй.

— А я и не богохульствую.

— Да? Ты нападаешь на одно из основных положений религии. Господь всегда следит за нами.

— Кто тебе сказал?

На секунду я лишился дара речи.

— Это же... это же аксиома. Это...

— Я повторяю вопрос: кто тебе сказал об этом? Допустим, что за мной следит сам Господь Бог и накажет меня вечными муками ада за то, что я курю. Но кто тебе сказал об этом? Джонни, ты уже достиг в своем воспитании момента, когда ты понимаешь, что Пророка стоит скинуть и повесить на высоком-высоком дереве. И в то же время ты пытаешься навязать мне собственные религиозные убеждения. Поэтому я еще раз спрашиваю: кто тебе сказал? На каком холме ты стоял, когда с неба упала молния и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту новость?

Я не смог ничего ответить.

— Я знал разных людей,— продолжал Зеб.— И хороших, и скромных, и преданных. Но как ты назовешь человека, который уверяет, что знает, о чем думает сам Господь Бог? Человека, уверяющего, что он — его поверенный? И это помогает ему чувствовать себя всемогущим и править мной и тобой. Итак, появляется человек с громким голосом и средними умственными способностями. Он слишком ленив, чтобы стать фермером, слишком глуп, чтобы стать инженером, слишком ненадежен, чтобы стать банкиром, но, братишка, он может молиться! Он собирает вокруг себя других таких же. И вот родился Первый Пророк.

Я готов был согласится с Зебом, пока он не назвал Первого Пророка. Я уже пришел ко внутреннему заключению, что наш теперешний Пророк плох, но это еще не поколебало основы моей веры, впитанной с молоком матери. Я хотел реформировать церковь, но не хотел ее ломать.

— Что-то не так? — спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо.— Я опять тебя чем-то обидел?

— Нисколько,— ответил я тихо и принялся объяснять ему, что, если власть в стране держит в своих руках дьявольская банда, это еще не значит, что неверна сама вера.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора.

— Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор — вспомни, что даже в подполье меня пришлось тащить чуть ли не силой...— Он помолчал.— Ты полагаешь, доктрины дело логики?

— Конечно, это завершенное логическое построение.

— Тогда фигура Бога очень удобна. Ты можешь с его помощью доказать все, что тебе хочется. Ты просто подбираешь выгодные тебе постулаты, а затем уверяешь, что они тебе внушены свыше. И никто не может доказать, что ты врешь.

— Ты хочешь сказать, что Первый Пророк не был назначен свыше?

— Я ничего не хочу сказать. Насколько я знаю, я сам и есть Первый Пророк, прибывший вновь на землю для того, чтобы изгнать торгующих из Храма.

— Не смей...— начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся и сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

— Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она показалась мне удивительно хорошенькой и совсем молоденькой.

— Сестра Магдалина!

— Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей — Магги.

— Но почему вы здесь?

— Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то я не могла вернуться во Дворец, а так как наш тамошний подпольный центр переполнен, меня перевели сюда.

— Очень приятно видеть вас здесь!

— И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом села на кровать к Зебу. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затянулась и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда в жизни я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того чтобы продолжать спор, я сказал:

— Как хорошо, что мы снова все встретились. Вот если бы еще...

— Знаю,— сказала Магги,— если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

— Разве это возможно?

— Я не помню номер почтового ящика, но вы можете заглянуть ко мне в комнату. Будете писать, не запечатывайте. Мы проверяем письма, чтобы вы не написали лишнего. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончался. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифи с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написал письма в тот вечер. Было уже больше одиннадцати, и Магги сказала, что завтра рано вставать, как вошел ординарец.

— Командующий просит легата Лайла немедленно прибыть к нему.

Я быстро причесался и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм.

Дом Администрации был темен, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

— А, Джон Лайл,— сказал он.— Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, начальник отдела прикладных чудес в Вест Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

— Полковник... Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

— Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропал офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве не знаешь?

— Нет, не знаю. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр.

— Хорошо.

— А как вы...

— Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в движении много лет, Лайл. Но я не переходил на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать,— никто из нас не скрывается в подполье по собственной воле. Они хотели, чтобы я постригся в монахи. Им не нравилось, что мирской офицер знает слишком много о том, как организуются чудеса. Так что я взял отпуск и умер. Очень печально,— он улыбнулся и продолжал: — Но ты садись, садись. Я ведь собирался тебя позвать, да очень занят был. Только сейчас выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы поболтали немного. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж полковник здесь, значит, здесь и мое место.

В конце беседы Хаксли сказал:

— Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы поболтать. У меня есть для тебя работа.

— Да, сэр?

— Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Не думай, что я недоволен моими товарищами,— каждый из них посвятил нашему делу жизнь. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что не всегда легко сделать, если ты уже не мальчик. Но все-таки нам остро не хватает настоящих кадровых солдат. У меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный Штаб в успешно функционирующий механизм. Я буквально завален административными делами. Не поможешь ли ты мне?

Я поднялся:

— Я сочту за честь служить с вами.

— Отлично! Назовем тебя пока моим личным адъютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошли его последние слова. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зре-

ния профессионального военного, революция имеет большое преимущество — она дает возможность быстро расти по службе... Даже если жалованье получаешь нерегулярно.

Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и теперь я практически жил в кабинете — даже поставил раскладушку в углу, за письменным столом. В первый же день, стараясь разобрать груду входящих бумаг, я поклялся себе, что, как только разделаюсь с бумагами, первым делом напишу длинное письмо Юдифи. Но мне пришлось довольствоваться короткой запиской, потому что на самом дне груды я обнаружил меморандум, адресованный не генералу, а лично мне.

На меморандуме было написано: «Легату Лайлу», затем кто-то вычеркнул слово «легат» и написал сверху «капитану». Далее следовал текст:

«ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ВНОВЬ ЗАЧИСЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА:

1. От Вас требуется составление подробного доклада, включающего с возможной полнотой все события, мысли, соображения, инциденты, приведшие Вас к решению присоединиться к борьбе за свободу. Доклад должен быть подробным и максимально субъективным. Доклад, составленный в спешке, слишком коротко и поверхностно, будет возвращен Вам на предмет корректировки и дополнений, а в случае невозможности это сделать вам будет предложено пройти гипноэкзамен.

2. Ваш доклад будет рассматриваться как строго конфиденциальный, и Вы можете объявить секретной любую его часть. При желании Вы можете заменить буквами или цифрами имена собственные лиц, о которых идет речь, если это поможет вам высказываться с полной откровенностью.

3. Доклад должен быть написан в свободное от работы время, но без промедления. Черновик Вашего доклада должен быть представлен (далее чьей-то рукой была написана дата — сорок семь часов от той минуты, когда закончил чтение. Можете представить, *какими нецензурными выражениями я мысленно охарактеризовал автора этой приписки!*).

По распоряжению командующего полковник *М. Новак*,
начальник департамента психологии».

Я был крайне возмущен этими требованиями и решил, что все же сначала я напишу Юдифи. Но письмо не получалось — как вы прикажете писать любовное послание, когда вы знаете, что его обязательно увидят чужие глаза и будут подозрительно вдумываться в смысл самых ваших нежных слов.

Пока я писал Юдифи, мои мысли вновь вернулись к той ночи у парапета Дворца Пророка, когда я впервые увидел ее. И я подумал, что перемены во мне начались имéнно с этого момента, хотя кое-какие сомнения у меня возникали и раньше. Так что настырный полковник Новак с его анализами был совершенно ни при чем. Закончив короткое письмо, я решил не ложиться, а взяться сначала за проклятый доклад.

Через какое-то время я обнаружил, что уже второй час ночи, а я все еще не добрался до момента, когда был принят в Братство. С сожалением я прекратил исповедь (хоть уже начал получать от ее создания определенное удовольствие) и запер рукопись в стол.

На следующее утро за завтраком я отвел Зеба в сторонку, показал ему меморандум и спросил:

— Зачем этот допрос? Неужели они нас все еще в чем-то подозревают?

Зеб не удостоил меморандум внимательного взгляда.

— Ничего подобного,— сказал он.— Хотя конечно же любой шпион попадется на таком докладе, стоит его подвергнуть семантическому анализу.

— Но зачем же тогда этот доклад?

— Не все ли равно? Напиши его как следует и сдай куда надо.

Мне его реакция не понравилась.

— Сомневаюсь, что буду его дописывать. Лучше сначала поговорю об этом с генералом.

— Пожалуйста, если хочешь выглядеть дураком. Но поверь, что психоматематикам, которые будут анализировать доклад, твоя персона неинтересна. Им даже неважно, как тебя зовут. Перед началом анализа девица пройдется по всему докладу и заменит все имена, включая твое собственное. Ты для них — источник информации, не больше. Наш шеф замыслил какой-то грандиозный проект — я сам не знаю, какой, и ему надо набрать для него ворох статистических данных.

Я несколько успокоился.

— Чего ж они прямо об этом не скажут? А то я решил, что этот меморандум — приказ. И естественно, разозлился.

Зеб пожал плечами:

— Все произошло оттого, что меморандум готовил отдел семантики. Если бы над ним поработали пропагандисты, ты бы вскочил с кровати на рассвете и до завтрака закончил бы работу — так тебе не терпелось бы отличиться.

Он добавил:

— Между прочим, до меня донеслись слухи, что тебя повысили в чине. Прими мои поздравления.

— Спасибо,— неожиданно для самого себя я смутился.— Каково тебе теперь чувствовать себя подчиненным?

— Как? Неужели ты взлетел так высоко? Я-то решил, что ты всего-навсего капитан?

— Я и есть капитан.

— Извини меня, что я лезу к тебе со всякой чепухой, но я уже майор.

— Ничего себе! Поздравляю.

— Не стоит благодарности. Здесь надо быть, по крайней мере, полковником, чтобы не застилать по утрам свою койку.

По правде сказать, я был слишком занят, чтобы каждый день убирать койку. Спал я в основном на раскладушке в моем кабинете, и как-то раз мне пришлось неделю обойтись без душа.

Мне стало ясно, что организация была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к деревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то, что все бумаги, кроме сверхсекретных, проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать это самому. Попервоначалу я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятным для слуха званием: «Помощник начальника Генерального штаба». Зеб обогнал меня снова и уже исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его

шефа перевели в региональный штаб под кодовым названием «Иерихон».

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифи недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с ответом неделю. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят.

Если я напишу три раза подряд, что люблю ее, то какой-нибудь идиот шифровальщик обязательно это выкинет.

Почта достигала Мексики через длинный подземный туннель, большей частью естественный, в некоторых местах пробитый в известняке. Маленькая электрическая дорога перевозила не только документы и переписку, но также и продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечением трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в не известных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никому не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично одобрял эти прогулки, потому что они были одним из очень немногих средств размяться и не терять формы — многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Магги несколько раз выбирались в дальние пещеры. Магги всегда приглашала с собой какую-нибудь другую девушку. Сначала я протестовал, но она убедила меня, что это необходимо, чтобы избежать сплетен... девушки как бы оберегали друг дружку. Магги говорила мне, что Юдифь не стала бы возражать против таких пикников, потому что они совершенно невинны. Каждый раз спутницы Магги менялись и так получалось, что Зеб куда больше обращал внимания на этих девушек, оставляя Магги на мое попечение. Одно время мне казалось, что Маг-

ги и Зеб поженятся, но теперь я начал в этом сомневаться. Вроде бы они подходили друг другу, как сыр к маслу, но Магги совершенно очевидно не питала к Зебу ревности, хотя, с моей точки зрения, он вел себя совершенно бесстыдно. Значит, и он знал, что Магги это не волнует.

Утром в субботу Зеб сунул голову в мою келью и сказал:

— Выход в два часа. Захвати с собой полотенце.

Я поднял взор от кипы бумаг.

— Вряд ли я успею. А почему полотенце?

Но он уже исчез.

Через некоторое время ко мне в кабинет вошла Магги, чтобы забрать недельную разведсводку для Старика, но я и не пытался ее ни о чем спрашивать — на службе она идеальный штабной сержант. Днем я попытался перекусить, не поднимаясь из-за стола, все еще надеясь разделаться с делами и понимая, что не успеваю. Без четверти два я отправился к генералу Хаксли, чтобы он наложил резолюцию на послание, которое должно уйти вечером с гипнокурьером. Послание следовало немедленно отправить психиатру, который подготовит его для внушения курьеру. Генерал проглядел послание, завизировал его и произнес:

— *Сержант Энди сказал мне, что у вас свидание.*

— Сержант Эндрюс ошибается,— ответил я официальным голосом.— Я еще не обработал недельные доклады из Иерихона, Нода и Египта.

— Оставьте их на моем столе и выматывайтесь. Это приказ. Не в моих интересах, чтобы вы свихнулись от переутомления.

Я не стал напоминать генералу, что, по моим расчетам, он уже месяц не видел солнца. Я подчинился и вышел.

Я поспешил к нашему обычному месту встречи у женского общежития. Магги уже ждала там. С ней рядом стояла блондинка по имени Мариан Бус, которая служила клерком на интендантских складах. Я знал ее в лицо, но не был знаком. Девушки принесли с собой корзину с продуктами. Тут же подошел и Зеб. Он принес одеяло, на котором мы обычно сидели. Оно же служило и скатертью. В другой руке он нес переносной прожектор.

— Где твое полотенце? — спросил он.

— Я решил, что ты шутишь.

— Беги за ним. Мы пойдем Аппиевой дорогой, а ты нас догонишь. Пошли, девочки.

Они отправились в путь, а мне ничего не оставалось, как подчиниться. Схватив в моей комнате полотенце, я поспешил за ними и, только завидев их вдали, перешел с бега на шаг. Я с трудом отдышался — сидячая работа сказалась на мне катастрофически. Они услышали, как я топаю, и остановились, поджидая меня.

Мы все были одеты одинаково: в штаны, подпоясанные ремнями, с прикрепленными к ним фонарями, и куртки, обмотанные тросом. Хоть мне и не очень нравилось, что женщины в пещерах ходят в мужской одежде, я понимал, что пробираться по пещерам в юбках непрактично.

Мы покинули освещенный туннель, повернув к, казалось бы, сплошной стене. Но тут же оказались в трудно различимом, но вполне проходимом коридоре. Зеб привязал к входу в коридор конец лабиринтного шнура и начал стравливать его, как требовалось по инструкции. Зеб всегда серьезно относился к серьезным вещам.

Мы прошли по коридору с полмили, встречая следы тех, кто бывал здесь до нас. Затем мы покинули исхоженную тропу и вскоре уперлись в глухую стену.

— Здесь мы должны перебраться через стенку,— сказал Зеб.

— А куда мы направляемся? — спросил я.

— Мариам там бывала. Она нам покажет.

Перебраться через стену не стоило особого труда. На всякий случай мы страховали девушек тросами. По ту сторону перемычки туннель продолжался.

Если не знать о его существовании, можно тысячу лет проходить в метре от него и не догадаться о его существовании. Мы шли быстро, светя вперед фонарями, и останавливались лишь однажды, когда Зеб привязал к лабиринтному шнуру новый клубок. Вскоре Мариам сказала:

— Теперь не спешите. Мне кажется, что мы уже пришли.

Зеб обвел вокруг себя фонарем и присвистнул:

— Вот это да!

Магги медленно произнесла:

— Как здесь красиво!

Мариам лишь торжественно улыбнулась.

Я был с ними согласен. Мы оказались в небольшой высокой пещере шириной около восьмидесяти футов, которая протянулась в неизвестность, полого заворачивая направо. Главной достопримечательностью этой пещеры было спокойное, будто налитое тушью озерцо, перед которым расстилался маленький песчаный пляж.

Наши голоса звучали гулко, но негромко, потому что звуковым волнам мешали распространяться сталактиты, свисавшие с потолка пещеры. Зеб подошел к краю озера, присел и попробовал воду пальцами.

— Не очень холодная,— сообщил он. И тут же добавил: — Кто нырнет последним, тому глаз вон!

В последний раз я слышал такое выражение, когда был мальчишкой. Зеб уже расстегивал куртку. Я подошел к нему и приглушенным голосом заявил:

— Зеб! Что ты делаешь? Мы же не можем купаться вместе!.. Ты пошутил, да?

— И не собирался шутить,— сказал он, глядя мне в глаза.— А почему нельзя? Что с тобой, мой дружок? Ты боишься, что тебя накажут? Не бойся, они не увидят. С наказаниями у нас покончено.

— Но...

— Что «но»?

Я не смог найти ответа. Пользуясь терминами и понятиями, которым меня обучили, я мог бы объяснить ему всю греховность его намерений. Но я понимал, что Зеб рассмеется мне в лицо — и девушки услышат, что он смеется. А может быть, и они будут смеяться, потому что они с самого начала знали, что мы будем купаться вместе, а меня никто не предупредил.

— Зеб, послушай,— не сдавался я.— Я не могу... я не знал... у меня даже плавок с собой нет.

— Я тоже их не захватил,— сказал Зеб.— Скажи, а тебе мальчишкой не приходилось купаться нагишом?

Он не стал ждать моего ответа, а повернулся к девушкам и спросил:

— А вы чего ждете, хрупкие сосуды греха?

— Мы ждем, пока вы кончите спорить,— ответила Магги, подходя ближе.— Зеб, ты не возражаешь, если мы с Мариам разденемся по ту сторону большого камня?

— Отлично. Но учти: не нырять, не отвязывать страховочного конца и на берегу все время дежурит один из нас.

— Глупости! — возмутилась Мариам.— В прошлый раз я здесь ныряла.

— Тогда меня с тобой не было,— ответил Зеб.— Так что я повторяю: не нырять, а то отшлепаю.

Мариам пожала плечами:

— Будь по-твоему, полковник Зануда. Пошли, Маг.

Они зашли за камень размером с дом. На полпути Мариам остановилась, посмотрела на меня и погрозила мне пальцем:

— Чтобы не подглядывать!

Девушки исчезли за камнем, и до нас донеслось их хихиканье. Я быстро сказал:

— Ты делай, как хочешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Но я останусь здесь, на берегу. Я буду вас охранять.

— Как тебе удобнее. Я готов был дежурить с тобой поровну, но никто не может помешать тебе быть упрямым ослом. Без нужды не суетись — обе девушки отлично плавают.

В отчаянии я прошептал:

— Зеб, я уверен, что генерал категорически запрещает купание в подземных озерах.

— Поэтому мы ему и не будем докладывать,— ответил Зеб.— Никогда не беспокойте командующего без нужды — цитирую по уставу армии царя Иосифа, тысяча четырехсотый год до нашей эры.

И он продолжал раздеваться.

Я не знаю, почему Мариам именно меня предупредила, чтобы не подглядывал — я и не собирался! Когда она разделась, то вышла из-за камня и направилась прямо к воде, но свет переносного прожектора ярко осветил ее. Мариам закричала:

— Выходи, Магги! Если ты поспешишь, то Зеб будет последним и ему глаз вон!

Я не хотел смотреть на Мариам, но не мог отвести от нее глаз. Я в жизни не видел ничего похожего на зрелище, представшее моим глазам. Только раз мне удалось взглянуть на картинку, которую мне показал мальчик в нашей приходской школе. Но я успел лишь взглянуть и тут же на него донес.

Я сгорал со стыда, но смотрел на Мариам не отрываясь.

Зеб вошел в воду раньше Магги — правда, я думаю, что ей было все равно. Он почти нырнул — таким образом, чуть не нарушил собственный запрет. Он прыгнул в воду, но не скрылся под ее поверхностью, а сразу поплыл и вскоре уже догнал Мариам, которая плыла к дальнему берегу.

Затем из-за камня вышла Магги и тоже вошла в воду. Она не преподнесла свое появление как торжественное событие, подобно Мариам,— быстро и грациозно она скользнула в воду. Войдя в озеро по пояс, Магги легко скользнула вперед и сильными гребками поплыла в темноту. Вскоре она догнала остальных — мне было слышно, как они переговариваются, хотя я не видел их в темноте. Пока она не скрылась из глаз, я был бессилен оторвать от нее взгляд, даже если бы от этого зависело бессмертие моей души. Что же такое заключено в теле женщины, превращающее его в самое соблазнительное и манящее зрелище на свете? Истинно ли утверждение некоторых людей, что все дело лишь в инстинкте, который заставляет нас покоряться воле Господа, дабы плодиться и размножаться? А может быть, за этим скрывается нечто более загадочное и чудесное?

Я поймал себя на том, что губы мои шепчут:

«Как... телом подобна пальме, груди как грозди...»

В смятении и ужасе я заставил себя замолчать, ибо вспомнил, что Песнь Песней Соломона не более как чистая и священная аллегория, не имеющая ничего общего с подобным зрелищем.

Я уселся на песок и постарался успокоить свою смятенную душу. Через некоторое время я почувствовал себя лучше, и мое сердце перестало столь часто биться. И когда они возникли из темноты, подплывая к берегу, мне удалось даже выдавить из себя улыбку. Происходящее уже не казалось мне столь ужасным, и до тех пор, пока тела девушек были скрыты под водой, ничего страшного я не видел. Не исключено, что зло таилось не в телах девушек, а в моем извращенном греховном зрении.

— Тебя подменить? — спросил Зеб.

— Нет,— твердо ответил я.— Продолжайте купаться и веселиться.

— Хорошо,— согласился Зеб, перевернулся в воде подобно дельфину и поплыл назад. Мариам за ним. Магги подплыла на

мелкое место и замерла там, касаясь дна кончиками пальцев, и глядела на меня. Ее голова и плечи, как будто выточенные из слоновой кости, поднимались над черной водой, а длинные густые волосы окружали ее, струились по воде, как водоросли.

— Бедный Джон,— мягко произнесла она.— Хочешь, я выйду и побуду с тобой?

— Нет, спасибо, не стоит.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Как хочешь,— она также повернулась и поплыла прочь.

Пока она разворачивалась, на какое-то чудесное мгновение моим глазам предстало все ее прекрасное тело.

Минут десять спустя Магги снова появилась на моей стороне озера.

— Я замерзла,— сказала она, вылезла из воды и прошла под прикрытие камня.

Я подумал, что она не кажется голой — просто она не покрыта одеждой подобно нашей праматери Еве. В этом заключалось различие между ней и Мариам — та была голой.

Когда Магги вылезла из воды и мы с ней оба молчали, я понял, что в пещере не раздается ни звука. Нет на свете ничего более безмолвного, чем безмолвие пещеры. На поверхности земли вы всегда можете уловить какой-нибудь шум — но совершенно особенная тишина достижима лишь под землей. Если под землей ты затаишь дыхание, то ощутишь бесконечную совершенную тишину.

Я понял, что не слышу звуков от плывущих Зеба и Мариам. А эти звуки обязательно должны были до меня донестись. Я поднялся и сделал два шага по берегу озера, но остановился, потому что на моем пути находилась «костюмерная» Магги.

Я в самом деле был обеспокоен и не знал, что предпринять. Кинуть им веревку? Но куда? Прыгнуть в воду и искать их в глубине? Я тихо позвал:

— Магги!

— Что случилось, Джон?

— Магги, я волнуюсь.

Она сразу же вышла из-за камня. Она успела надеть брюки и прижимала к груди полотенце. Мне показалось, что она только что сушила полотенцем волосы.

— Почему ты волнуешься?

— Молчи и слушай.

Она замолчала. Через некоторое время она сказала:

— Я ничего не слышу.

— Вот именно. А ты должна слышать. Я слышал, как вы плыли, даже когда вы были у дальнего берега озера. А сейчас ни звука, ни всплеска. Не может быть, что они одновременно нырнули и ударились головами о камни?

— Не беспокойся, с ними все в порядке.

— Но я, честное слово, обеспокоен.

— Я уверена, что они просто отдыхают. На той стороне тоже есть маленький пляж, даже меньше этого. Там они и лежат. Я с ними там была, но замерзла и потому вернулась.

Но я уже принял решение. Я понял, что моя проклятая стеснительность мешает мне выполнить свой долг.

— Отвернись. Нет, уйди за камень. Мне нужно раздеться.

— Зачем? Я же сказала, что в этом нет нужды.

Я открыл рот, чтобы закричать, но не успел издать ни звука, потому что Магги закрыла мне рот ладонью. От этого движения полотенце упало, что заставило нас обоих смутиться.

— Боже мой! — воскликнула она.— Пожалуйста, не кричи.

Она отвернулась от меня, нагнулась и подняла полотенце. А когда она обернулась вновь, полотенце было надежно обмотано вокруг ее груди.

— Джон Лайл,— произнесла она,— подойди сюда и сядь. Сядь рядом со мной.

Она села и хлопнула ладонью по песку — и в голосе ее звучала такая уверенность, что я послушно уселся рядом с ней.

— Подвинься ближе ко мне,— сказала она.— Я не хочу кричать.

Я осторожно подвинулся к ней так, что мой рукав касался ее обнаженной руки.

— Так-то лучше,— сказала она совсем тихо, стараясь, чтобы ее голос не разносился по пещере.— А теперь слушай внимательно: там находятся два человека, которые хотят побыть вдвоем. Они находятся в полной безопасности — я их видела. К тому же оба — отличные пловцы. Ты же, Джон Лайл, должен умерить свой пыл и научиться не вмешиваться в чужие дела.

— Боюсь, что я тебя не понял,— искренне сказал я.

Но по правде сказать, я уже подозревал, что начинаю ее понимать.

— Ну что ты за человек! Скажи мне, Мариам что-нибудь для тебя значит?

— Значит? Нет, пожалуй, не значит.

— Мне тоже так казалось. По крайней мере, за все время ты и двух слов с ней не сказал. Значит, у тебя нет оснований ее ревновать. А если так, то оставь ее в покое и не суй нос в чужие дела. Теперь ты меня понял?

— Наверное, да...

— Вот и помолчи.

Я замолчал. Она не двигалась. Я остро ощущал ее обнаженность. Потому что она была обнаженной, хоть и была закрыта, и казалась необнаженной — я так надеялся, что она не догадывается о моем смущении... К тому же я остро ощущал себя участником... участником не знаю чего. Я мысленно заявил себе, что у меня нет оснований подозревать самое худшее, тем более что я не инспектор по морали.

Наконец я выговорил:

— Магги...

— Что, Джон...

— Я тебя не понимаю.

— Почему, Джон? Впрочем, а так ли надо все понимать?

— Мне кажется, что тебя совершенно не тревожит, что Мариам *осталась наедине с Зебом*...

— А что я должна по этому поводу делать?

Ну что ты будешь делать с этой женщиной! Она нарочно делала вид, что меня не понимает.

— Ну как тебе сказать... понимаешь, у меня создалось впечатление, что ты с Зебом... я хотел сказать, что вы собираетесь пожениться, когда можно будет...

Она засмеялась низким голосом.

— Полагаю, что у тебя и в самом деле могло сложиться такое впечатление. Но поверь мне, что эта проблема решена и забыта, ко всеобщему удовлетворению.

— Да?

— Пойми меня правильно. Мне очень нравится Зебадия, и я знаю, что ему тоже нравлюсь. Но психологически мы с ним оба доминантные типы — ты можешь проверить по нашим психологическим таблицам. Такие люди, как мы, не имеют права жениться друг на друге. Подобные браки совершаются не на небесах, поверь мне. К счастью, мы поняли это вовремя.

— Ага.

— Вот именно, что ага.

А вот как случилось то, что случилось в следующую минуту, я не понимаю. Я подумал было, что она такая одинокая... и оказалось, что я ее целую. Она прижалась ко мне, откинулась назад и ответила на поцелуй с таким жаром, какого я в ней и не подозревал. Что же касается меня, то в голове у меня гудело, глаза, кажется, вылезли из орбит, и я никак не мог сообразить, то ли я провалился на тысячу футов под землю, то ли я шагаю на параде.

Потом я пришел в себя. Она заглянула мне в глаза и прошептала:

— Дорогой мой Джон...

Затем она неожиданно вскочила на ноги, склонилась надо мной, забыв о том, что полотенце может упасть, и похлопала меня по щеке.

— Юдифи сказочно повезло,— сказала она,— интересно, она об этом догадывается?

— Магги! — взмолился я.

Она отвернулась от меня и сказала, глядя перед собой:

— Пойду кончу одеваться. А то простужусь. Я совсем закоченела.

А мне она совсем не показалась закоченевшей.

Вскоре она вернулась. Она была одета и яростно вытирала полотенцем свою пышную гриву. Я взял мое сухое полотенце и помог ей вытирать волосы. Я не думаю, что я предложил ей помощь — просто подошел и помог. У нее были такие густые и пышные волосы, что даже дотронуться до них — наслаждение. По мне мурашки бегали.

За этим занятием нас и застали Зеб с Мариам, когда они медленно подплыли к берегу. Мы слышали их смех и голоса задолго до того, как увидели их. Мариам вылезла из воды, обнаженная и

бесстыжая, как какая-нибудь шлюха из Гоморры, но я на нее почти *не обратил внимания*.

Зеб поглядел мне в глаза и спросил:

— Ты готов купаться, старик?

Я хотел было ответить, что и не собираюсь купаться, и намеривался в качестве оправдания заявить, что мое полотенце уже мокрое и мне нечем будет вытираться,— и тут я понял, что Магги наблюдает за мной... Она и слова не произнесла, просто смотрела на меня.

— Конечно, я выкупаюсь! — заявил я.— Я вас заждался.

Затем я крикнул:

— Мариам, скорей вылезай из-за камня! Мне негде раздеться.

Мариам захихикала и выскочила из-за камня, на ходу оправляя одежду. Я торжественно проследовал в раздевалку.

Я надеюсь, что, когда я покинул это убежище, я сохранил остатки торжественности. В любом случае я стиснул зубы и зашагал к воде. В первый момент вода обожгла меня холодом — но я чувствовал холод лишь в первые секунды. Я никогда не был хорошим пловцом, но выступал за мой класс и как-то даже купался в Гудзоне на Новый год. В общем, купаться в черном озере мне понравилось.

Я переплыл озеро. На той его стороне тоже был маленький песчаный пляж. Я не стал на него вылезать.

На обратном пути я нырнул и постарался достичь дна, но мне это не удалось. Видно, озеро было глубже двадцати футов. В глубине *было совершенно темно и совершенно тихо. Если бы у меня* были жабры, то, наверное, стоило бы остаться в нем навсегда, подальше от пророков, от Каббалы, от бесконечных входящих, исходящих бумаг, от забот и проблем, слишком сложных и тонких для меня.

Я вынырнул и с трудом восстановил дыхание. И быстро поплыл к нашему пляжу. Девушки уже разложили на одеяле обед, и Зеб закричал мне, чтобы я поторопился. Зеб и Магги не отвернулись, когда я вылез из воды, но я заметил, что Мариам беззастенчиво разглядывает меня. Не думаю, что я покраснел. Кстати, я никогда не любил блондинок. Я убежден, что Лилит была блондинкой.

11

Высший Совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Примерно через месяц после нашего разговора с Магги я сидел в комнате заседаний и стенографировал выступления. У нас остро не хватало людей. Моим номинальным начальником был генерал Пеновер, носивший звание начальника Генштаба. Но я видел его только раза два, потому что еще он числился начальником снабжения и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось быть собственным генштабом, а я стал при нем идеальным адъютантом. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него прибыли руководители местных организаций. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоят восемь тысяч семьсот девять членов. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше сочувствующих, но не зачисленных официально, на которых мы могли наверняка рассчитывать во время восстания.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек — жалкая кучка для того, чтобы поднять восстание в громадной стране, но каждый принятый человек увеличивал опасность разоблачения. Мы опирались на старинную систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе, при такой многочисленной организации мы еженедельно теряли людей и целые группы. Четыре дня назад вся организация в Сиэтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из арестованных знали важные секреты, и все они успели покончить с собой.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Глас Божий» в Новом Иерусалиме.

Начальник инженерной службы доложил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима.

Доклады продолжались — газеты, студенческие группы, захват ракетодромов, водоснабжение, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Она прикладная наука с четко определенными, испытанными историей принципами и методами. Но каждая революция — непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена, и проводят ее не кадровые военные, а в первую очередь народные массы, не имеющие опыта.

Магги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их программистам, которые вводили данные в «мозг». Когда сообщения кончились, наступила пауза. Мы ждали решений «мозга». Перфорированная лента выползла из «мозга», и Хаксли, наклонившись, взял ее.

Он посмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

— Братья! — начал он.— Товарищи, мы давно уже договорились, что, когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два — один в нашу пользу, мы начнем восстание. Сегодня этот день наступил. Я предлагаю назначить время восстания.

Никто не сказал ни слова, так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить. А все эти люди ждали годами, некоторые — большую часть своей жизни.

Пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимаясь...

Хаксли сидел не двигаясь, пока остальные не успокоились немного. Затем поднялся и сказал тихо:

— Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

— Генерал, одну минуту. Я не согласен,— это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все. Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

— Наш Совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, генерал Новак.

Новак медленно вышел вперед и обернулся к Совету.

— Братья,— сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица.— Вы знаете меня. Семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу. Я потерял семью, дом... Но я не могу позволить принять решение, прежде чем не скажу вам, что знаю с математической точностью: время для революции еще не наступило.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине.

— Да выслушайте меня, в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому, что если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

— Почему?

— Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественный приоритет Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

— Еще как сможем!

— Послушайте. Никакой народ не может быть подчинен долгое время без его молчаливого признания власти. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и хитрыми психотехниками в мире. И люди верят! ...Мы выиграем революцию, но за ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем! — Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес: — Это все.

Несколько человек сразу попросили слова. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом предоставил слово генералу Пеннойеру.

— Я хотел бы задать Новаку несколько вопросов,— сказал он.

— Задавайте.

— Может ли ваше управление сказать нам, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне верит в Пророка?

Зеб поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

— Шестьдесят два процента, плюс-минус три процента.

— А каков процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, знаем мы об их существовании или нет?

— Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Остальных нельзя считать верующими, но они довольны сложившимся порядком вещей.

— Как вы получили эти данные?

— Выборочным опросом и гипнопробами. Правительство потеряло много сторонников в первые годы совместной депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Закон о церковной десятине и декреты против бродяжничества опять же уронили престиж церкви. В настоящее время под влиянием нашей пропаганды правительство постепенно продолжает терять авторитет.

— Так сколько же нам понадобится времени?..

Начальник психологического управления ответил твердо:

— По нашим расчетам, понадобится три года и восемь месяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пеннойер повернулся к Хаксли.

— Думаю, что, несмотря на мое уважение к генералу Новаку, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить. Может быть, у нас больше не будет такого шанса.

Почти все присутствующие поддержали его.

— Пеннойер прав! Если мы будем ждать, нас кто-нибудь выдаст!

— Мы не сможем столько времени хранить в тайне такую организацию.

— Я уже десять лет в подполье. Я не хочу, чтобы меня здесь похоронили!

— Давайте победим, а потом уж будем думать, как найти сторонников.

— Да здравствует восстание!

Хаксли молчал, давая остальным выпустить пар. Я сам помалкивал, хотя бы потому, что мое положение не позволяло мне вмешиваться в дискуссию, но я был согласен с Пеннойером: невозможно ждать еще почти четыре года.

Я увидел, что Зеб что-то горячо обсуждает с Новаком. Они настолько углубились в спор, что не обращали внимания на то, что творилось вокруг. Но когда Хаксли наконец поднял руку, требуя тишины, Новак покинул свое место и поспешил к нему. Генерал выслушал Новака, и мне показалось, что он сдерживает раздражение, которое вскоре сменилось неуверенностью. Новак поманил к себе пальцем Зеба, который поспешил к своему шефу. Вся эта троица шепталась несколько минут, а Совет покорно ждал, пока они придут к решению.

Наконец Хаксли вновь обратился к залу:

— Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до следующего дня.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавался в авторстве) требовал передышки, по крайней мере, на два месяца, до Дня Ежегодного Чуда. Идея заключалась в том, чтобы вмешаться в проведение праздника. Ведь власть Пророка над людьми заключалась не только в пулеметах, но и в той вере, которую питали люди.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда Воплощения. Чтобы осознать это, надо понять, что массы одураченных людей верили в то, что ежегодно Первый Пророк возвращается с небес, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются со своими обязанностями. Люди в это верили, а меньшинство сомневавшихся не смело и рта раскрыть.

Я сам в это верил, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряжении — мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к этому шли приготовления к празднику Воплощения и

соответствующие изменения первоначальных планов. Генерал Новак почти немедленно после совещания выехал в Бьюлалэнд для проведения операции «Бедрок». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, но, хоть убейте, не знаю, где и на какой карте искать этот Бьюлалэнд.

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пеннойеру.

Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадываться. Операция «Бедрок» была психологическим маневром, а не забудьте, что мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес и неплохой физик. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках, и с отверткой или электронным микрометром — генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пеннойер иногда был склонен отменять мои мелкие приказания, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени. Вообще трудно было поймать на месте хоть кого-нибудь из руководства.

В эти же дни произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе отвлечься. Может быть, личная сторона тоже важна. Я типичный представитель большинства людей, я человек, которого сначала надо ткнуть носом, и только потом уже он разберет, что к чему, тогда как Магги, Зеб и Хаксли из того меньшинства, которому отроду даны свободные души,— они мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Не теряя времени, я поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

— Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Я не знаю, что с ним делать, но по совету одного из начальников моих отделов я решил вручить его вам. Вам придется его прочитать здесь.

— Слушаюсь, сэр,— сказал я несколько растерянно.

Письмо оказалось довольно длинным, и я не помню большей его части. Помню только ту, что произвела на меня наибольшее впечатление. Письмо было от Юдифи.

«Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью и никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не предназначены друг для друга... Сеньор Мендоза все отлично понимает... я надеюсь, что ты простишь меня... он во мне так нуждается: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... Я всегда буду думать о тебе, как о моем сильном старшем брате, и останусь твоей сестрой...»

Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо.

— Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть,— сказал он сухо и выбросил письмо в дезинтегратор, затем посмотрел на меня.— Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась, и я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма, и противное ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из комнаты, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня найти, если я срочно понадоблюсь. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Дверь открылась. Это был Зеб.

— Ну как ты? — спросил он.

— Ничего,— ответил я.

В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо, был Зеб. Он сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся на кровати, лег на бок.

— Не давай выбить себя из колеи, Джонни,— сказал он.— Люди умирали неоднократно, но очень редко от любви.

— Ты ничего не понимаешь!

— Нет, не понимаю,— согласился он.— Каждый человек — свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать голос.

— Зачем?

— Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался и, вы знаете, не мог. Я никогда в жизни не видел ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

— Ты выздоровеешь,— сказал он уверенно.— Теперь послушай, Джонни. Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь очень милая женщина, и, оказавшись на свободе, она неизбежно должна была встретить подходящего человека. Но нет, зачем объяснять все это влюбленному человеку?

Он поднялся.

— Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но генерал Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест за то, что я заставил себя ждать. И разреши дать тебе еще один совет...

Я ждал.

— Я советую,— сказал он,— поговори с Магги. Она тебе поможет.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом:

— Зеб, а что случилось между тобой и Магги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко:

— Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

— Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне поговорить с Магги... А ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и ответил:

— Она — свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову. Но, я думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать? Нет. Я считаю, что она самый лучший парень из моих друзей, но женюсь я лучше на горной львице.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Магги последовала. Магги все знала — оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывая упущенное днем время.

Мы с Магги часто гуляли после обеда, но не заходили так далеко, как с Зебом. Иногда я мог уделить на прогулку минут двадцать, не больше — надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я ждал их.

Неподалеку от города у нас было особенно любимое место. Тропинка вилась среди громадных каменных грибов, колонн, куполов и других пещерных чудес, которым было трудно придумать название и которые можно было с одинаковым успехом называть мятущимися душами и экзотическими цветами — в зависимости от настроения. На этой тропинке стояла каменная скамья. Тропинка здесь поднималась футов на сто над городком, так что мы могли сидеть и смотреть на наш мир сверху и молчать, и Магги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до восстания мы сидели там и рассуждали, что будет с нами, если революция победит. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится.

— А что будешь делать ты, Магги?

Она медленно затянулась.

— Так далеко в будущее я не заглядывала. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда.— Она сухо засмеялась и продолжала: — Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Постараюсь найти работу экономки или служанки — ведь хорошие служанки очень редко попадаются, на них большой спрос.

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндрюс, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет ходить в

бюро найма и искать работу, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. Магги, Магги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь, по крайней мере, дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Магги!

Я выпалил:

— Послушай, тебе этого делать не придется.

— Другого пути я не знаю.

— Ну тогда... тогда, как ты отнесешься к тому, чтобы готовить обед мне? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня после революции понизят до моего прежнего чина. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня.

— Ну что ж, Джонни, ты очень любезен.— Она раздавила сигарету и кинула ее вниз.— Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Твое начальство может не одобрить такого выбора.

Я покраснел и почти прокричал:

— Я совсем не то имел в виду!

Я знал, что хотел сказать, но никак не мог подобрать слов.

— Я имел в виду... Послушай, Магги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

— Джон, ты хочешь жениться? На мне?

Я сказал смущенно:

— Ну, в общем... в этом и была моя мысль...

Мне стало неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал. Она внимательно смотрела на меня, как будто увидела впервые, потом сказала печально:

— Что ж, я очень благодарна, в самом деле благодарна... и очень тронута... Но нет, Джонни, нет!

Из глаз ее покатились слезы, и она всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и закончила:

— Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я не ревела несколько лет.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг.

— Нет, Джонни! Сначала выслушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

— Почему нет?

— Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

— Старая? Ты старше меня не больше чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

— Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой» Пророка.

— Ты не виновата.

— Может быть. Но затем я была любовницей твоего друга Зеба. Ты знал об этом?

— Ну... в общем, я в этом не сомневался.

— Но это не все. У меня были другие мужчины. Одни по нужде — я покупала их милости, другие от одиночества и тоски. Когда Пророку надоедает очередная «невеста», она теряет во Дворце всякую цену даже для себя самой.

— Мне все равно! Мне все равно! Мне плевать! Это не имеет никакого значения!

— Ты это сейчас так говоришь. А потом это будет иметь для тебя значение. Я думаю, что знаю тебя, милый.

— Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем жизнь снова.

Она глубоко вздохнула.

— Ты думаешь, что любишь меня, Джон?

— Думаю, да.

— Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

— Но... но откуда мне знать, что такое любовь? Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

— И я не знаю,— сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова.

Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались. Мы поцеловались, и я спросил:

— Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

— О, нет!

— А я думал...

— Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты этого захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

— Черт возьми! На такое я не согласен.

— Нет? Посмотрим.

Она вырвалась из моих рук.

— Магги! — крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху. Я хотел догнать ее, споткнулся о сталактит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И удивительное дело. Я всегда считал Магги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклониться, чтобы ее поцеловать.

12

В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в комнате связи перед экранами телевизоров. Наш городок совсем опустел, все разъехались по боевым постам. Нам, оставшимся, надо было поддерживать связь между группами. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические планы для всей страны не могли быть разработаны в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать это. Войска были на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. Все, что нам оставалось,— ждать.

На главном экране светилось объемное цветное изображение внутренности Дворца. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, жертвоприношения, песнопения — бесконечная монотонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял окаменевшими рядами,— блестели шлемы, и копья казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера Ван Эйка, живот которого был закован в сверкающие латы, стоявшего впереди взвода. Я знал из донесений, что Ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком — значит, его не подозревают.

На трех остальных стенах комнаты связи находились многочисленные экраны поменьше. Они показывали толпы людей на улицах различных городов, забитые молящимися местные храмы. И на каждом экране люди не отрывали глаз от телевизоров, показывающих ту же суету, что и наш главный экран,— внутренности Дворца Пророка.

По всей Америке люди ждали Чуда. Чуда воплощения.

За нашей спиной психооператор склонился над телепаткой, находившейся под гипнозом. Телепатка, девушка лет двадцати, что-то пробормотала. Психооператор обернулся к генералу Хаксли:

— Станция «Глас Божий» в наших руках, сэр.

Хаксли кивнул головой. От этого зависело все. У меня задрожали колени. Взять станцию в свои руки мы могли только перед самым началом Чуда. Не раньше... Изображение передается по кабелю с этой станции, и единственная возможность внести коррективы в эту передачу — захватить хотя бы на несколько минут передающую станцию. Я был несказанно горд успехом моих товарищей, но гордость сменилась горем, потому что я знал, что ни один из них не доживет до вечера.

Но если они продержатся еще несколько минут, смерть их будет не напрасна, и души их найдут успокоение. На такие подвиги обычно шли такие братья, жены которых побывали в руках инквизитора.

Начальник связи дотронулся до рукава генерала Хаксли.

— Начинается, сэр,— сказал он.

Камеры глядели на дальний конец зала Храма. Мы увидели алтарь, и затем все взоры устремились к арке слоновой кости над алтарем — над входом святая святых. Вход был закрыт тяжелыми золотыми занавесями.

Я не мог оторвать глаз от экрана. После бесконечного, как мне показалось, ожидания занавеси дрогнули и медленно раздвинулись, и перед нашими глазами предстал реальный, будто могущий в любой момент сойти с экрана, сам воплощенный Пророк.

Он повернул голову, окидывая всех горящим взглядом, и мне казалось, что он заглядывает мне в глаза. Мне захотелось спрятаться. Я с удивлением услышал собственный голос:

— И вы хотите сказать, что можете воспроизвести это?

Начальник связи кивнул:

— С точностью до миллиметра. Наш лучший имперсонатор, подготовленный лучшими хирургами. Может быть, идет уже наш фильм.

— Но ведь это реально!

Хаксли взглянул на меня:

— Поменьше разговоров, Лайл,— сказал он.

Никогда еще он не был так сердит на меня. Я замолчал и обернулся к экрану. Это могучее лицо и горячий взгляд, это — актер? Нет! Я знал это лицо и видел его столько раз на церемониях. Что-то испортилось, и наш план провалился.

Хаксли спросил почти грозно:

— Есть связь с Новым Иерусалимом?

— Простите, нет, сэр.

Пророк начал говорить.

Его покоряющий, могучий голос гремел, как иерихонская труба. Он ниспрашивал благословения Господа на грядущий год. Потом замолчал, взглянул снова на меня, поднял очи горе и обратился к Первому Пророку, моля того явиться народу во плоти и предлагая свое тело посредником в этом.

Началось перевоплощение — у меня волосы стали дыбом. Я уже знал, что мы проиграли. Пророк вытянулся на несколько сантиметров, его одежды потемнели, и вот перед нами в старинной тоге стоял сам Негемия Скаддер. Первый Пророк и основатель Нового Крестового похода. Я чувствовал, как внутренности мои сковал страх, чувствовал себя снова маленьким мальчиком, впервые увидевшим это Чудо по телевизору в приходской церкви.

Он начал с добрых пожеланий народу и выражения своей любви к людям. Понемногу он разогрел себя, на лице появились капли пота и пальцы переплелись так же, как и в те дни, когда он призывал Бога на ранних собраниях крестоносцев в долине Миссисипи. Он клеймил грех во всех его проявлениях, грех плоти, духа и денег. В самый разгар речи он перешел на другую тему, чем весьма удивил меня.

— Но я вернулся сегодня не для того, чтобы говорить о малых грехах народа,— сказал он.— Нет! Я пришел к вам призвать вас к оружию. Поднимитесь и восстаньте! Сатана пришел к вам! Он здесь! Он среди вас! С гибкостью змея он проник сюда и при-

нял форму вашего наставника! Да! Он принял личину Пророка! Уничтожьте Пророка! Во имя Господа уничтожьте его и его приспешников!

13

— Докладывает Брюлер со станции «Глас Божий»,— сказал связист.— Станция отключена и будет взорвана через тридцать секунд. Группа попытается отступить до взрыва. Всего хорошего. Конец сообщения.

Хаксли пробормотал что-то и отошел от погасшего экрана. Малые экраны, передававшие сцены в различных городах страны, показывали полную сумятицу и растерянность. Но в то же время они вселяли в меня надежду. Повсюду начались бунты и столкновения. В шоке я смотрел на экраны, не в силах понять, кто друг, а кто враг. В открытом театре в Голливуде толпа затопила сцену и буквально поглотила чиновников и священников, сидевших в президиуме. Наверху над последним рядом стояло немало охранников, и поэтому я ожидал, что они сверху скосят бунтовщиков огнем из автоматов. Но прозвучал лишь один выстрел, и он был направлен не вниз, а в сторону. Один из охранников упал.

Дерзкий выпад против Пророка удался сверх ожиданий. И если правительственные войска по всей стране дезорганизованы так же, как в Голливуде, нам предстоят не бои, а удержание завоеванного.

Монитор из Голливуда погас, и я обернулся к другому экрану, передававшему картинку из Портланда, штат Орегон. Там тоже кипела схватка. Я увидел людей с белыми нарукавными повязками — это был единственный знак различия, который мы позволили в тот день. Но сражались не только наши братья. Я собственными глазами видел, как офицер безопасности упал, сбитый с ног кулаками невооруженных людей.

Сообщения и доклады из городов все накапливались, и теперь мы могли уже без опаски использовать собственные радиостанции. Я оторвался от экранов и поднялся к шефу, чтобы помочь ему разобраться в ситуации. Я все еще был растерян и не мог осознать всего, что произошло у меня на глазах. Перед моим мысленным взором все еще стояли лица обоих Пророков. Если

даже я получил от этой сцены такой эмоциональный шок, каково было простым верующим?

Первый доклад пришел от Лукаса из Нового Орлеана:

«Центр города захвачен. Энергостанция и связь в наших руках. Группы захвата занимают полицейские участки. Федеральные стражники деморализованы стереопоказом. Спорадическая перестрелка произошла между самими охранниками. Организованного сопротивления нет. Устанавливаем комендантский час. Да здравствует свобода!

Лукас».

Затем доклады начали сыпаться как из бочки горох: Канзас-Сити, Детройт, Денвер, Бостон, Миннеаполис — все крупные города Америки сообщали о нашей победе. С некоторыми вариациями они поведали одну и ту же историю: призыв к оружию нашего синтетического Пророка и последовавший перерыв в связи превратил правительственные войска в тело без головы, которое без всякого смысла махало мечами и било по себе самому. Могущество Пророка основывалось на суевериях и жульничестве: мы же обернули это оружие против самого Пророка.

Заседание Ложи в тот вечер было самым грандиозным из тех, на которых мне приходилось присутствовать. Мы расположились в Центре связи. Начальник службы связи исполнял функции секретаря заседания, получая и тут же передавая генералу Хаксли, как Мастеру Востока, доклады и телеграммы с разных концов страны, по мере того как они поступали. Мне тоже предложили занять почетное место, произведя меня в младшие подмастерья. Генералу пришлось позаимствовать у кого-то шляпу каменщика, которая оказалась ему мала — но никто не обращал на это внимания. Мы произносили древние слова от всего сердца, так, словно мы произносили их впервые в жизни. И если церемонию приходилось прервать, потому что поступила телеграмма, что Луисвилл наш, такой перерыв никого не раздражал. Мы строили здание нашего государства. Долгие годы трудилось лишь наше воображение, теперь мы принялись за этот труд наяву.

14

Временная столица была перенесена в Сан-Луис. Я сам отвез туда Хаксли. Мы обосновались на военной базе Пророка, вернув ей старое название казарм Джефферсона. Заняли мы так же помещения университета и восстановили его название — Университет имени Вашингтона. Если еще многие не понимали истинного значения этих переименований, скоро они поймут и это. Я тоже совсем недавно узнал, что Вашингтон боролся за свободу.

Хаксли называл себя военным губернатором и упорно отказывался от звания временного президента.

Положение было серьезное, более серьезное, чем могло показаться. Несмотря на то, что революция охватила всю страну и правительственные войска были практически разгромлены, мы не могли захватить сердце страны — Новый Иерусалим. Более половины населения было еще не с нами, многие были просто в растерянности. До тех пор, пока Пророк был жив и Храм оставался центром, вокруг которого могли собираться его сторонники, у него оставалась надежда победить нас.

Чудо дало только временный эффект. Пророк и его помощники были не дураки.

Они уже начали организовывать сопротивление тех, может и немногочисленных, но преданных приверженцев, которые отхватывали самые жирные куски при церковном режиме. Понемногу всем становилось ясно, что это мы подделали Пророка. Казалось бы, что вывод из этого ясен: если мы могли подделать Чудо, то, значит, и все предыдущие чудеса были подстроены,— телевизионные трюки — и ничего больше. Я сказал об этом Зебу, но он только посмеялся над моей наивностью. Верующие не подчиняются законам логики, сказал он. Трудно отказаться сразу от религии, которая обволакивает тебя с детства.

В любом случае Новый Иерусалим должен пасть, и время не было нашим союзником.

Тем временем в Университете собралось Временное конституционное собрание. Его открыл Хаксли, который отказался снова от президентского кресла, затем объявил, что все законы, принятые

со дня вступления на пост Пророка Негемии Скаддера, теряют силу. Нашей единственной целью, заявил он, является выработать пути возрождения демократии и подготовиться к свободным выборам.

Тут он передал слово Новаку и покинул собрание.

Времени на политику у меня не оставалось, но как-то раз я оторвался от работы, чтобы посидеть на вечерней сессии Ассамблеи, потому что Зебадия намекнул мне, что надо ждать внушительных фейерверков. Я пробрался на задний ряд и смотрел, как один из молодых гениев Новака демонстрирует фильм. Я застал только вторую его часть. Сначала он показался мне обыкновенным учебным фильмом по истории. В нем рассказывалось, что такое гражданские свободы, каковы обязанности гражданина свободного демократического государства. Разумеется, фильм категорически противоречил всему, что было положено учить в школе Пророка, но притом создатели фильма использовали все те приемы и методы изготовления учебных фильмов, что и их коллеги в стане Пророка. Фильм закончился, и молодой гений (не помню его имени, может, потому, что он мне с первого взгляда не понравился. Стоукс? Назовем его Стоуксом, не все ли равно!) начал говорить:

— Вы просмотрели реориентировочную ленту. Такой фильм совершенно не годится для того, чтобы перевоспитать взрослого человека. Его привычки и рефлексы сидят в нем так глубоко, что таким простым фильмом его не убедишь.

— Зачем же тогда вы тратите наше время, заставляя смотреть его? — выкрикнул кто-то из зала.

— Погодите, пожалуйста. Я хочу сказать, что, несмотря на эти недостатки, мы предназначали фильм именно для взрослых. Разумеется, при условии, что данный взрослый готов предварительно принять пищу духовную, которую мы ему предлагаем.

Экран вспыхнул вновь. На нем возникла прелестная пасторальная сцена, сопровождаемая задумчивой музыкой. Я не догадывался, к чему это Стоукс ведет, но зрелище было умиротворяющим. Почему-то я вспомнил, что недосыпаю уже четвертую ночь подряд, да и вообще не помню, когда я высыпался. Я откинулся назад в кресло и расслабился.

Я не заметил перехода от пейзажа к абстрактным фигурам. Мне казалось, что звучит та же музыка и на нее накладывается голос — монотонный, теплый, успокаивающий... Фигуры на экране однообразно поворачивались, и я начал растворяться в этих узорах...

Тут Новак вскочил со своего стула и с проклятием выключил проектор. Я выпрямился с острым чувством протеста, почти боли, вызывающей слезы на глазах. Новак быстро, упорно, хоть и негромко выговаривал Стоуксу, затем обернулся к нам.

— Встать! — приказал он.— Начнем разминку! Глубоко вдохните, пожмите руку вашему соседу справа, постучите его ладонью по спине... крепче, не ленитесь!

Мы подчинились, но я чувствовал себя дураком. И притом раздраженным дураком. Мне было так хорошо всего минуту назад, а теперь я вспомнил о горах бумаг, которые мне никогда не разобрать и потому не приходится надеяться, что я выкрою вечером хотя бы десять минут для встречи с Магги.

Молодой гений Новака заговорил.

— Как мне сейчас указал доктор Новак,— в голосе его не было раскаяния, он был по-прежнему уверен в себе,— нет нужды подвергать нашу аудиторию действию пролога, так как вас не нужно переориентировать. Но сам фильм, усиленный предварительным внушением, а если представится возможность, и добавлением небольшой дозы гипнотического вещества, в восьмидесяти трех процентах случаев поднимает в аудитории политическое чувство в нужном направлении. Это было проверено на группе добровольцев. Сам же фильм является плодом нескольких лет работы аналитиков, основанной на изучении докладов каждого из членов нашего Братства о том, как они разочаровались в Пророке и присоединились к революции. Лишнее отбрасывалось, нужное суммировалось, и то, что в результате получилось,— должно отвратить от Пророка самого верного его последователя. Разумеется, при условии, что он получит порцию воздействия в момент, когда к этому подготовлен.

Вот зачем им понадобилось, чтобы каждый из нас обнажал перед ними свою душу! Что ж, это кажется логичным. Не могли же мы себе позволить дожидаться того сладостного момента, когда все легаты охраны Пророка втюрятся в прекрасных дьяконесс и потому у них раскроются глаза.

В дальнем конце зала поднялся пожилой мужчина, похожий на сердитого Марка Твена.

— Господин Председатель!

— Я вас слушаю, товарищ. Назовите свое имя и округ.

— Вы знаете, Новак, как меня зовут? Я — Уинтерс из Вермонта. Вы одобрили эту схему?

— Нет.

— Но он — один из ваших мальчиков.

— Он свободный гражданин. Я контролировал производство фильма и исследования, на основе которых он создан. План использования фильма был предложен его группой, я не одобрил это предложение, но согласился на демонстрацию фильма в вашей аудитории. И я повторяю: он свободный гражданин, такой же, как и вы все.

— Можно тогда я выскажу свою точку зрения?

— Разумеется.

Пожилой мужчина приосанился и словно наполнился воздухом.

— Дамы... господа... товарищи! Я в этом движении состою уже сорок лет, куда дольше, чем большинство из молодого поколения прожили на свете. У меня есть брат, такой же хороший человек, как и я, но мы с ним не разговаривали много лет, потому что он искренне предан установленной вере и подозревает меня в ереси. И вот теперь этот щенок включает свои лампочки, чтобы обработать моего брата и сделать его «политически благонадежным».

Он перевел дыхание и продолжал:

— Свободного человека не надо обрабатывать. Свободные люди свободны потому, что они предпочитают приходить к собственным умозаключениям и предрассудкам своим собственным путем, без чужой помощи и не желают, чтобы их кормили с чайной ложечки самозванные промыватели мозгов. Мы сражались, а наши братья истекали кровью и умирали совсем не для того, чтобы сменить хозяев, какими бы замечательными ни были мотивы и побуждения новых господ. И я должен сказать, что мы с вами попали в яму, в которой сидим, именно усердием этих умоломов. Годами они учились тому, как оседлать человека и скакать на нем верхом. Они начали с пропаганды и подобных ей вещей и дошли до того момента, когда честное жульничество, к

которому прибегает коммивояжер или бродячий торговец, превратилось в высокую математику, в которой нормальному человеку никогда не разобраться.— Он указал пальцем на Стоукса: — Я уверяю вас, что американский гражданин не нуждается в защите от чего бы то ни было, за исключением таких типов, как этот!

— Это глупо,— раздраженно воскликнул Стоукс.— Нельзя давать детям играть со взрывчаткой. А мы имеем дело именно со взрывчатыми ингредиентами.

— Американцы — не дети!

— Они именно дети! По крайней мере, большинство.

Уинтерс окинул взглядом аудиторию.

— Вы видите, что я имею в виду, друзья? Он уже готов взять на себя роль Господа, точно как наш Пророк. А я на это говорю: дайте народу свободу, верните нам права свободных людей и детей. И если мы снова отдадим права в недостойные руки — то сами и будем расплевываться,— ни у кого нет права влезать руками в наши мозги.

Стоукс смотрел на него, не скрывая презрительной усмешки.

— Мы еще не можем сделать этот мир свободным и безопасным ни для себя, ни для наших детей,— закончил Уинтерс,— но Господь и не уполномочивал нас на это.

Новак тихо спросил:

— Вы кончили, мистер Уинтерс?

— Да, у меня все.

— Вы тоже уже высказались, Стоукс. Садитесь.

Мне пора было убегать — так что я выскользнул из зала и не увидел драматического финала этого спора: я не успел отойти от зала и ста шагов, как Уинтерс упал и испустил дух.

Но даже это прискорбное событие не прервало собрания. Оно приняло две резолюции: ни один гражданин не может быть подвергнут гипнозу либо иному психологическому воздействию без его письменного на то согласия и ни один политический или религиозный текст не может быть применен во время первых выборов.

Я так и не знаю, кто был прав в том споре. В последующие несколько недель мы бы чувствовали себя куда спокойней и уверенней, если бы были уверены, что народ твердо нас поддерживает. Пока лишь мы были временными правителями страны и по

ночам не осмеливались выходить на улицу меньше чем вшестером.

Правда, теперь у нас появилась униформа. Ее сшили из самой дешевой ткани в средних армейских размерах, мне мой мундир был мал. По мере того как мундиры поступали через канадскую границу, мы спешили одеть в них армию — белые повязки уже никого не удовлетворяли.

Помимо наших серо-голубых комбинезонов вокруг появились и другие униформы, их носили как бригады добровольцев, прибывшие в Америку из-за рубежа, так и некоторые национальные части из Африки. Мормонские батальоны надели тоги и отрастили бороды. Они шли в бой, распевая давным-давно запрещенный гимн: «Вперед, вперед, святые люди!» С тех пор как мормоны получили обратно их чтимый Храм, штат Юта, центр мормонов, стал самым надежным штатом среди тех, в которых мы установили контроль. Была своя униформа и у католиков Легиона, и это было полезно, потому что мало кто из них говорил по-английски. Солдаты Христианского Движения также носили совсем иные мундиры, и это было понятно, потому что они оказались соперниками нашего Братства уже в подполье и не одобряли нашего выступления, полагая, что следовало еще подождать. Наконец, армия Иеговы, набранная в резервациях париев на северо-западе и усиленная добровольцами со всего мира, носила мундиры, которые можно описать лишь как иностранные.

Хаксли осуществлял тактическое командование над всеми этими частями. Но их нельзя было еще назвать армией, скорее это был многочисленный сброд.

Единственное утешение заключалось в том, что армия Пророка была невелика. В ней было меньше двухсот тысяч человек — скорее это была внутренняя полиция, чем армия, и из этого числа лишь немногие смогли пробиться в Новый Иерусалим и укрепить, таким образом, гарнизон Дворца. К тому же, раз США уже сто лет не вели войн, Пророк не мог набрать добровольцев из числа ветеранов.

Правда, и мы были лишены возможности это сделать. Большая часть боеспособных солдат и офицеров была разбросана по всей стране и охраняла узлы связи и прочие ключевые пункты

больших городов, и нам нелегко было найти людей даже для этой работы. Штурм Нового Иерусалима заставит, как все понимали, поскрести со дна последние силы.

Это мы и старались сделать.

Дни, проведенные в штабе до начала восстания, уже казались мне спокойными и патриархальными. У меня уже было тридцать помощников, и я не подозревал, чем занимался каждый второй из них. К тому же массу времени отрывали попытки удержать ОЧЕНЬ важных граждан, желающих помочь Революции, от немедленной встречи с генералом Хаксли.

В эти дни случился один инцидент, который оказался важным для меня лично. Как-то моя секретарша вошла ко мне и сказала:

— Вас хочет видеть ваш близнец.

— Что? У меня нет братьев, тем более близнецов.

— Сержант Ривс,— пояснила она.

Он вошел, мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Я действительно был очень рад его видеть и сказал ему, что выполнил большую часть его работы.

— Да, кстати, я не успел никому сказать, что нашел вам нового клиента в Канзас-Сити. Магазин Эмери, Бэрда и Тейера. Можете воспользоваться.

— Я постараюсь, спасибо.

— Я не знал, что вы — солдат.

— Да я и не солдат. Но я стал им, когда мой пропуск потерял... силу...

— Простите меня за это.

— Не стоит извиняться. Я научился обращаться с оружием и буду участвовать в операции «Удар».

— Ой-ой, это условное обозначение совершенно секретно.

— В самом деле? Надо будет сказать нашим ребятам. А то они, по-моему, этого не понимают.

Я переменил тему.

— Собираетесь остаться в армии?

— Нет, вряд ли. Да, я хотел спросить вас, полковник. Вы полковник, не так ли?

— Да.

— Вы что, останетесь в армии? А то займемся текстилем!

Я удивился, но все-таки ответил:

— Что же, мне понравилось быть коммивояжером.

— Ну и хорошо, а то я остался без работы и подыскиваю партнера.

— Не знаю,— ответил я.— Я не заглядываю в будущее дальше, чем операция «Удар». Может быть, я останусь в армии, хотя не могу сказать, что военная служба нравится мне так же, как нравилась когда-то. Не знаю. Мне хотелось бы сидеть в винограднике под фиговым деревом.

— И ни кого не бояться,— закончил он за меня.— Хорошая мысль. Но почему бы вам, сидя под этим деревом, не развернуть несколько штук ситца? Ведь урожай с виноградника может подвести. Подумайте.

— Обязательно подумаю.

15

Мы с Магги поженились за день до штурма Нового Иерусалима. Медовый месяц продолжался ровно двадцать минут, пока мы стояли, держась за руки, на пожарной лестнице возле моего кабинета,— единственное место, куда не заходили посетители и начальники. Поэтому я вылетел на ракете, везя Хаксли на исходные позиции. Я попросил разрешения сесть за штурвал истребителя во время штурма, но Хаксли отказал мне в просьбе.

— Зачем, Джон? — сказал он.— Войну мы не выиграем в воздухе. Она решится на земле.

И он, как всегда, был прав. У нас было очень мало ракет и еще меньше надежных пилотов. Большая часть ВВС была выведена из строя, а некоторые летчики улетели в Канаду и были там интернированы. С теми машинами, что у нас были, мы могли только периодически бомбить Дворец, чтобы заставить их не высовываться наружу.

Кроме того, мы не могли серьезно повредить его, и это было известно и нам, и им. Дворец, такой роскошный снаружи, был под землей самым недоступным бомбоубежищем в мире. Он был рассчитан на прямое попадание ядерной бомбы — глубинные тун-

нели выдержат. А Пророк и его отборные войска находились именно в этих туннелях. Даже та часть, что поднималась над землей, была относительно неуязвима для обычных бомб, которыми были снабжены наши самолеты.

Мы не прибегали к атомному оружию по трем причинам: во-первых, у нас не было ни одной атомной бомбы. Насколько мне известно, в США не было изготовлено ни одной атомной бомбы после окончания Третьей мировой войны и подписания договора в Иоганнесбурге. Во-вторых, мы не смогли бы добыть ни одной бомбы. Конечно, можно было попытаться выторговать две-три бомбы у Федерации, ежели бы нас признали законным правительством США, но если Канада нас уже признала, то Великобритания с признанием не спешила, также не было признания и со стороны Североафриканской федерации. Бразилия колебалась. По крайней мере, она послала в Сан-Луи своего поверенного в делах. Но даже если бы нас признали все члены Федерации и приняли в нее, она бы никогда не согласилась выделить атомную бомбу для сведения счетов в гражданской войне. И в-третьих, должен вас уверить, что мы бы не стали прибегать к атомному оружию, даже если готовая бомба лежала у меня на коленях. И не потому, что были боязливы. Дело в том, что бомба, сброшенная на Дворец, убила бы не менее ста тысяч наших сограждан в городе и почти наверняка Пророк остался бы жив.

Приходилось выкапывать Пророка из норы, как барсука.

В 00 часов 01 минуту мы двинулись ко дворцу со стороны реки Делавар. В нашем распоряжении было тридцать четыре наземных крейсера, тринадцать из них — настоящие тяжелые машины, остальные — либо устаревшие, либо легко вооруженные. Это все, что оставалось от бывших бронечастей Пророка. Остальные крейсеры были уничтожены верными ему офицерами. Тяжелыми машинами мы хотели взломать стены. Легкие должны были сопровождать транспортеры, везущие пятитысячный штурмовой отряд.

Мы слышали, как шла бомбежка Дворца,— глухие взрывы и содрогание воздуха доносились даже сюда. Бомбежка продолжалась уже тридцать шесть часов, и мы надеялись, что никому во Дворце не удалось выспаться за это время, тогда как все наши солдаты по приказу спали по двенадцать часов подряд.

Ни один из наших крейсеров не был рассчитан на то, чтобы быть флагманом, поэтому в конической башне одного из них мы устроили командный пункт, выбросив телевизор дальнего действия и освободив место для нужных нам приборов управления боем. За спиной скорчились в тесноте психооператор и его команда телепатов, состоявшая из восьми женщин и невротического четырнадцатилетнего мальчика. Теоретически каждый из них мог контролировать четыре канала связи, но я сомневался, чтобы на практике это у них получалось.

Вперед мы двинулись зигзагами. Хаксли выхаживал по рубке спокойный, как улитка, посматривая мне через плечо и читая полученные сводки и донесения. Успевал он следить и за экранами телевизоров. Пеннойер командовал левым крылом и своим крейсером, Хаксли — правым крылом.

В 12.32 телевизоры погасли. Противник расшифровал нашу частоту и вывел из строя все транзисторы. Это было теоретически невозможно, но он это сделал. В 12.37 вышло из строя радио.

К этой неудаче Хаксли отнесся равнодушно.

— Переключитесь на светофонную связь,— сказал он.

Связисты уже предупредили его приказ: наши приемники и передатчики работали теперь на инфракрасных лучах — от корабля к кораблю. Прошел еще час. Хаксли так же неторопливо бродил по рубке, посматривая иногда на схему расположения движущихся крейсеров. Наконец он сказал:

— Пора перестраиваться в штурмовые порядки.

Я передал приказание крейсерам, и через девятнадцать минут последний крейсер доложил о готовности.

Я был доволен — некоторые водители еще четыре дня назад были шоферами грузовиков.

В 15.30 мы передали предварительный сигнал: «Выходим на боевые позиции». И я услышал, как наша орудийная башня содрогнулась — заряжали орудие.

В 15.31 Хаксли приказал открыть огонь.

Наша пушка выплюнула гигантский снаряд. От выстрела поднялась пыль и застила мне глаза. Машина от отдачи рванулась назад, и я чуть не упал. Мне никогда раньше не приходилось находиться рядом с тяжелым самоходным орудием, и я не ожидал,

что отдача так сильна. Но после второго выстрела я уже был готов к отдаче.

Между выстрелами Хаксли смотрел в перископ, стараясь определить эффективность артиллерийского огня. Новый Иерусалим отвечал на наш огонь, но мы еще не вошли в зону действия его орудий. У нас было преимущество стрельбы по неподвижному объекту, расстояние до которого было нам известно с точностью до метра. Но, с другой стороны, даже снаряды такого орудия не могли разрушить стен Дворца.

Хаксли повернулся от перископа и приказал мне:

— Дымовая завеса, Джон!

Я, в свою очередь, крикнул офицеру связи:

— Всем телепатам готовность номер один!

Офицер связи доложил, что связи с другими крейсерами нет, зато психооператор с помощью телепатов уже восстанавливал связь. Через минуту заговорил подросток. Он передал нам ответ генерала Пеннойера: «Ослеплены дымом. Перемещаемся влево». Вскоре мы наладили связь через телепатов с кораблями второй линии и с самолетами-корректировщиками. Корректировщик доложил, что видимость у него нулевая и радар ему ничем не помогает. Я приказал ему оставаться в прежнем квадрате в расчете на то, что утренний ветер разгонит дым.

Впрочем, мы не зависели от корректировщика, потому что наше положение было отлично известно. Дым также нас не беспокоил, точность наводки и стрельбы от него не зависела. Противнику было хуже. Выпустив дымовую завесу, начальник обороны Дворца отныне полностью зависел от своего радара.

Радар во Дворце был в полном порядке. Вокруг нас рвались снаряды. Прямых попаданий в наш крейсер еще не было, но мы чувствовали, как он вздрагивал, когда снаряды взрывались совсем рядом. Сообщения от других крейсеров были невеселыми: Пеннойер сообщил, что «Мученик» получил прямое попа-дание — снаряд разворотил переднее машинное отделение. Капитан «Мученика» старался обойтись одним двигателем и вдвое сбросил скорость, но от «Мученика» было мало толку. Орудие «Архангела» перегрелось, и ценность машины упала до нуля.

Хаксли приказал перестроиться по плану «Е». Он был рассчитан на то, чтобы снизить эффективность вражеского огня.

В 16.11 Хаксли приказал бомбардировщикам вернуться на базу. Мы были в пределах города, и стены Дворца были так близко, что мы могли пострадать от собственных бомб.

В 16.17 в наш корабль попал снаряд. Боевая башня заклинилась, орудие потеряло способность двигаться. Водитель был убит. Я помог психооператору надеть противогазы на телепатов. Хаксли поднялся с пола, надел шлем. Он посмотрел на боевую схему.

— Мимо нас через три минуты пройдет «Благословение». Передай, чтобы они снизили скорость до минимума и подобрали нас. Передай Пеннойеру, что я переношу флаг на «Благословение».

Мы перешли на другой крейсер без потерь, всей командой — Хаксли, я, психооператор и его телепаты. Лишь один из телепатов был убит и остался в крейсере — в него попал осколок снаряда. Еще одна телепатка вошла в глубокий транс, и мы вынуждены были оставить ее в замерзшей машине, что было куда безопасней, чем эвакуировать ее в пекло боя.

Хаксли изучал карты с моими пометками о движении крейсеров.

— Мне нужна связь, Лайл,— сказал генерал.— Пора начинать решительный штурм.

Я помог психооператору задействовать телепатов. Отказавшись от связи с «Мучеником» и забыв на время о резерве Пеннойера, мы смогли обойтись без двух потерянных телепатов. Но оставшимся пришлось трудиться с полной отдачей сил. Четырнадцатилетний подросток поддерживал даже пять линий связи. Психооператор беспокоился, выдержат ли его подопечные, но ничего не мог поделать.

Закончив передавать приказания крейсерам, я обернулся к генералу. Хаксли сидел на кресле, и сначала мне показалось, что он глубоко задумался, потом я понял, что он потерял сознание. Только подбежав к нему, я заметил, что по ножке кресла стекает кровь и капает на пол. Я положил его на пол и, расстегнув куртку, увидел торчащий между ребер осколок.

Я услышал голос связиста:

— Генерал Пеннойер докладывает, что он заканчивает маневр через четыре минуты.

Хаксли вышел из строя. Живой или мертвый, он в этом бою уже не будет участвовать. По всем правилам командование переходило к Пеннойеру. Но каждая секунда была на счету, и передача командования займет именно эти ценнейшие секунды. Что делать? Передать командование командиру «Благословения»? Я знал его — он был честный офицер, но без инициативы. Он даже не заглядывал в рубку, а управлял артиллерийским огнем из орудийной башни. Если я позову его, пройдет несколько минут, прежде чем он поймет, что делать дальше.

Что бы делал Хаксли, если бы он оказался на моем месте?

Мне казалось, что я размышляю целый час. В действительности хронометр показал, что прошло всего тринадцать минут между сообщением Пеннойера и моим ответом.

«Через шесть минут начинаем последний этап штурма. Приступайте к перестройке крыла соответственно плану».

Передав приказ, я вызвал к генералу санитаров.

Я перестроил свой фланг и отдал приказ «Колеснице»:

— Подплан «Д». Покиньте строй и приступайте к исполнению приказа.

Подплан «Д» предусматривал высадку транспортом «Колесница» десанта возле универмага, который был соединен туннелем с Дворцом. Из подземелья, где я впервые встретился с подпольщиками, десантники должны были маленькими штурмовыми группами рассредоточиться по Дворцу. Эти пятьсот человек были знакомы с расположением дворцовых помещений. Многие из них погибнут, но они создадут так нужную нам в момент атаки панику в стане противника. Отрядом этим командовал Зеб.

Мы готовы.

«Всем крейсерам. Начинаем атаку. Первый фланг — правый бастион. Левый фланг — левый бастион. Полная штурмовая скорость с соблюдением боевой дистанции. Беглый огонь. Повторить приказ».

С крейсеров поступали подтверждения.

Вдруг пришло неожиданное сообщение от подростка:

— Говорит капитан Ван Эйк. Ударьте по центральным воротам. Мы ударим по ним же с другой стороны.

— Почему центральные ворота? — спросил я.

— Они разбиты.

Если это правда, то это может решить все дело. Но я имел основание не доверять. Если они выследили Ван Эйка, то это ловушка. Не представляю, как он в разгар битвы со мной связался.

— Скажите пароль! — сказал я.

— Нет уж, сами скажите!

— Не скажу.

— Я скажу первые две буквы.

— Хорошо.

Он не ошибся. Я успокоился.

«В отмену прежнего приказа. Тяжелым крейсерам с обоих флангов штурмовать центральный бастион. Легким крейсерам перенести отвлекающий огонь на правый и новый бастионы. Повторите приказ».

Через девятнадцать секунд я отдал приказ приступить к штурму, и мы пошли вперед. Мне казалось, что мы летим на реактивном самолете, у которого прогорело сопло. Мы пробивались сквозь кирпичные стены, клонились на поворотах, чуть не перевернулись, свалившись в подвал разрушенного здания, и с трудом выбрались наверх. Я практически не управлял крейсером, как, впрочем, и все остальные командиры.

Когда мы замедлили движение, готовясь к новому выстрелу, я увидел, что психооператор приподнимает веко подростка.

— Боюсь, что он погиб,— сказал психооператор глухо.— Я слишком перегрузил его в последние минуты. Еще две телепатки потеряли сознание.

Наше большое орудие выстрелило — мы отсчитали десять секунд после выстрела и двинулись дальше, набирая скорость. «Бенисон» ударил по стене дворца с такой силой, что я думал — он будет сплющен от удара. Стена выдержала. Водитель выпустил гидравлические ноги, и нос крейсера стал медленно задираться. Крейсер встал почти вертикально, и мне показалось, что он вот-вот опрокинется, но тут стена поддалась, и мы вывалились через пролом в следующий двор.

Наше орудие заговорило вновь — оно стреляло в упор по внутреннему Дворцу. Я подождал, пока последний из крейсеров войдет во внутренний двор, а затем приказал:

«Транспорты с десантом, вперед».

После этого я связался с Пеннойером и сообщил ему, что Хаксли ранен и командование переходит к нему.

Для меня бой кончился. Он шел вокруг меня, но я не принимал в нем участия — я, который всего несколько минут назад узурпировал верховное командование.

Я закурил сигарету и подумал: что же мне теперь с собой делать? Глубоко затянувшись, я вылез через контрольный люк в орудийную башню и выглянул в бойницу. Дым рассеивался. Я увидел, как откинулись борта транспорта «Лестница Иакова» и солдаты, держа оружие наготове, посыпались во все стороны, разбегаясь в укрытия. Их встретил редкий неорганизованный огонь. «Лестница Иакова» уступил место «Ковчегу».

Командир десанта на «Ковчеге» имел приказ захватить Пророка живым. Я выскочил из башни, спустился в машинное отделение и отыскал запасной люк. Откинув крышку, я вывалился на землю и бросился за десантниками.

Мы вместе ворвались во внутренние покои.

Бой кончился. Мы почти не встречали сопротивления. Мы спускались с этажа на этаж все глубже под землю и наконец нашли бомбоубежище Пророка. Дверь была распахнута настежь, и Пророк был там, где мы его искали.

Но мы его не арестовали. Девственницы добрались до него раньше, и он уже не был властительным и грозным. От него осталось ровно столько, чтобы можно было его опознать.

— Угодно вам сказать что-нибудь до оглашения приговора? — невозмутимый взор Главного судьи внимательно изучал лицо обвиняемого.— Что ж, хорошо... Присяжные согласились в том, что вы нарушили один из основных пунктов, содержащихся в Ковенанте, и таким образом нанесли ущерб свободному гражданину. Мнение суда и присяжных таково, что деяние это было сознательным, поскольку вы были полностью осведомлены о возможности нанесения вреда этому свободному гражданину. Поэтому приговариваю вас к альтернативе. Выбирайте одно из двух.

Опытный наблюдатель наверняка заметил бы тень разочарования, скользнувшую по неподвижной маске безразличия, сквозь которую молодой человек взирал на ход собственного процесса. Выражение разочарования было, по меньшей мере, неуместно: его проступок принадлежал к числу тех, где наказание неизбежно — подобные приговоры нормальным людям не выносятся. Не дождавшись ответа, судья повернулся к приставу:

— Уведите его.

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

Внезапно приговоренный вскочил, уронив стул, на котором сидел. Диким взглядом, как будто внутри у него прорвалась какая-то плотина, он оглядел присутствующих.

— Стойте! — вскричал он.— Сначала я кое-что выскажу вам!

Невзирая на резкость манер, в нем ощущалось благородное достоинство хищного дикого животного, загнанного в угол. Он пожирал глазами аудиторию, грудь его тяжело вздымалась, казалось, он принимал присутствующих за свору псов, готовых кинуться на него и повалить на землю.

— Так как же? — кричал он.— Так как же? Получу я в конце концов право высказаться или нет? В разыгранной вами комедии не хватает только того, чтобы осужденного лишили права высказать все, что он думает по поводу происходящего тут!

— Вы можете говорить,— отозвался Главный судья тем же невозмутимым тоном, каким произносил приговор,— Дэвид Маккинон, сколько вам будет угодно и в любой избранной вами форме. Свобода слова не ограничивается даже для нарушивших Ковенант. Прошу вас говорить в микрофон.

Маккинон с отвращением взглянул на микрофон, торчавший прямо возле его лица. Знать, что каждое твое слово будет записано, а потом подвергнуто тщательному анализу, было отвратительно.

— Не желаю я никаких записей! — рявкнул он.

— А мы обязаны ее иметь,— спокойно ответил судья,— для того, чтобы все могли убедиться, справедливо или несправедливо с вами обращались и был ли соблюден Ковенант. Будьте добры исполнить нашу просьбу.

— О... да уж ладно...— Не высказывая особой охоты, подсудимый подчинился требованию и стал говорить в микрофон.— Смысла метать перед вами бисер нет никакого, но тем не менее я буду говорить, а вам придется выслушать мои... Вы тут болтаете о своем драгоценном Ковенанте, будто он есть что-то священное, что ли. А я с вами не согласен и не приемлю такого взгляда. Вы относитесь к нему так, будто он с Неба сошел в лучах Света. Мои деды дрались во времена Второй революции, но они сражались, чтобы сокрушить предрассудки, а не ради того, чтобы на их месте какие-то законченные идиоты возвели новые! — Он критически оглядел аудиторию.— В те времена были Мужчины! А из кого

состоит наше общество теперь? Из робких трусливых слабаков, в жилах которых течет чистая водопроводная вода. Вы так тщательно спланировали ваш мир, что из него оказались изгнанными радость и жизнелюбие. Никто не голодает, никто не подвергается опасности. Ваши корабли не тонут. У вас не бывает засух. Вы одомашнили погоду так, что даже дожди покорно идут только после полуночи! А почему, собственно, они должны ждать полночи, если вы все равно заваливаетёсь дрыхнуть уже в девять вечера? А если у кого-нибудь из ваших благонравных людишек возникнут не- желательные эмоции,— Боже, сохрани нас даже от мысли об этом! — он тут же топает в ближайшую психодинамическую клинику, а там сразу производят нужную манипуляцию с его малюсеньким мозгом. Благодарю Господа, что я никогда не соблазнялся прибегнуть к подобной операции! Я предпочитаю владеть своими эмоциями сам, какими бы неприглядными они не казались другим. Вы даже любовью занимаетесь только после посещения консультанта-психотехника, чтобы узнать, обладает ли Она столь же пресным и плоским умишком, что и вы. Да настоящего мужчину от вас так и тянет сблевать! А насчет того, чтобы подраться из-за женщины, то если у кого-нибудь и хватит смелости на это, то он уже через пару минут обнаружит возле себя проктора, отыскивающего на его теле наиболее подходящую точку для применения парализатора, а потом спрашивающего с отвратительной вежливостью: «Сэр, чем могу быть вам полезен?»

Пристав начал было пододвигаться к Маккинону. Тот повернулся к нему.

— А ну, ты! Отойди! Я еще не кончил! — он снова обратился к микрофону и продолжал: — Вы велели мне выбирать между двумя возможностями? Что ж, с выбором проблемы не будет. Вместо того чтобы согласиться на лечение, вместо того чтобы отправиться в одно из ваших маленьких, аккуратненьких, надежненьких, приятненьких заведений для переориентации и позволить банде тамошних докторов копаться в моем мозгу своими хитрыми пальцами, вместо того чтобы согласиться на все это, я выбираю старую добрую Смерть! О нет, выбора для меня не существует, для меня есть лишь одно решение. Я выбираю Ковентри и, клянусь, счастлив

этим! Надеюсь, что больше никогда не услышу о Соединенных Штатах!.. И все же есть одна вещь, о которой я хотел бы спросить прежде, чем отправиться туда. Зачем вы берете на себя труд жить? Мне кажется, что каждый из вас должен, хотя бы из-за убийственной скуки своего бытия, желать скорейшего окончания этой глупой и бесцельной волынки. Ну, вот теперь — все!

И он повернулся к приставу:

— Давай, уводи!

— Минутку, Дэвид Маккинон! — Главный судья предупреждающе вскинул руку.— Мы вас выслушали. Хотя ваша речь и не заслуживает этого, я все же хочу ответить на некоторые ваши выпады. Вам угодно выслушать меня?

Неохотно, лишь не желая показаться склочником, отказывающимся от выполнения столь резонной просьбы, молодой человек молча кивнул. Речь судьи была мягкой округлой речью ученого, более уместной в университетской аудитории.

— Дэвид Маккинон, вы говорили в тоне, который вам безусловно представлялся исполненным мудрости. И тем не менее речь ваша дика и плохо продумана. Я считаю необходимым указать на ряд допущенных вами искажений фактов. Ковенант — вовсе не предрассудок, а всего лишь временный контракт, разработанный рядом тех же революционеров, исходивших из чисто прагматических соображений. Они мечтали гарантировать максимум возможных свобод каждому отдельному члену общества. Вы сами тоже пользовались этими свободами. Вам не запрещались никакие действия, никакой образ жизни, при условии, что они не будут губительны для остальных. Даже деяние, запрещенное законом, нельзя было бы поставить вам в вину, если бы Государство не смогло доказать, что это деяние нанесло ущерб или вызвало опасность нанесения ущерба определенному юридическому лицу. Даже если кто-либо намеренно и целенаправленно наносит кому-то ущерб — как это сделали вы,— Государство не считает себя в праве прибегать к моральному осуждению человека, а тем более к его наказанию. Для этого у нас нет ни нужной мудрости, ни желания вызвать цепную реакцию несправедливостей, которые всегда сопровождают моральное принуждение и ставят под угрозу всеобщую свободу. Вместо этого осужденному предоставляется

выбор между психологической перестройкой, которая должна устранить тенденцию наносить ущерб другим людям, и отрешением его от Государства — путем высылки в Ковентри. Вы жалуетесь, что наш образ жизни тускл и лишен романтики, намекая, что мы ограбили вас, лишив вас переживаний, которые вам кажутся необходимыми. Вы свободны придерживаться любых экстремальных взглядов на наш образ жизни и высказывать свое мнение вслух, но вы не можете ожидать, что мы будем жить так, как того хочется вам. Вы свободны искать опасности и приключения, если таково ваше желание,— ведь существуют же опасности, например, в опытных лабораториях, трудно живется исследователям в горах Луны, гибнут люди в джунглях Венеры,— но вы не имеете права подвергать опасности нас, опасности, проистекающей из вашего бешеного нрава.

— Да чего вы из мухи-то делаете слона? — презрительно ввернул Маккинон.— Болтаете так, будто я кого-то зарезал, а я всего лишь расквасил нос хаму за то, что он оскорбил меня!

— Я разделяю вашу эстетическую оценку этого индивидуума,— ровно продолжал Судья,— и даже лично испытываю удовольствие от мысли, что вы ему «расквасили» нос, но ваши психометрические тесты показывают, что вы считаете себя вправе давать моральную оценку своим согражданам и полагаете, что можете лично исправлять их ошибки и даже наказывать за них этих граждан. Вы опасная личность, Дэвид Маккинон, вы опасны для нас всех, ибо мы не можем предвидеть, какой вред вы нанесете в следующий раз. С социальной точки зрения ваши иллюзии делают вас таким же безумным, как Мартовский Заяц. Вы отказались от лечения — поэтому мы лишаем себя вашего общества, мы с вами в разводе. Отправляйтесь в Ковентри!

Он обратился к приставу:

— Уведите его.

Маккинон посматривал в лобовой иллюминатор большого транспортного вертолета, испытывая в душе чувство растущего возбуждения. Вот он! Это должен быть он — эта черная полоса там, вдали! Вертолет все еще был далек от нее, но он был уверен, что видит Барьер — таинственную непроницаемую стену, отде-

ляющую Соединенные Штаты от резервации, известной под именем Ковентри. Его стражник оторвался от журнала, который читал, и проследил за направлением взгляда Маккинона.

— А, почти прибыли,— сказал он с удовлетворением.— Ну, теперь уже скоро.

— А по мне, так уж лучше бы еще скорее.

Стражник посмотрел на него с усмешкой, но без особой неприязни:

— Небось свербит от нетерпенья попасть туда, а?

Маккинон задрал подбородок:

— Будь спок, тебе еще не доводилось провожать к Воротам человека, который бы так жаждал переступить их порог.

— Ммм... возможно. Впрочем, все вы говорите одно и то же. Никто ведь не проходит в Ворота иначе, как по собственной воле.

— Да я-то и в самом деле так считаю!

— А все так считают. Хотя многие очень скоро возвращаются обратно.

— Слушай, а ты можешь рассказать мне что-нибудь об условиях там, за стеной?

— Извини,— сказал охранник, покачав головой,— но это никак не касается ни Соединенных Штатов, ни тех, кого они нанимают на работу. Да ты и так все скоро узнаешь.

Маккинон слегка нахмурился.

— И все-таки странно... Я пытался это выяснить и раньше, но не нашел никого, кто хотя бы намекнул, что он знаете, каково там — внутри... А ты говоришь, что кое-кто отсюда уходит обратно... Ведь должен же был хоть кто-то из них проболтаться?

— Ну, это-то просто,— улыбнулся охранник.— Частью их переориентации является подсознательный запрет обсуждать прошлые ошибки.

— Надо же, какая гнусная уловка! А, собственно, по какому праву Правительство умышленно утаивает от меня и подобных мне знания о том, что там происходит?

— Слушай, друг,— ответил охранник, начиная терять терпение,— ты ведь послал нас всех к чертовой матери. Ты заявил, что прекрасно обойдешься без нас всех. Тебе дают уйму территории для существования — чуть ли не самую лучшую землю на всем

нашем континенте; тебе разрешают взять с собой все свое имущество или все, что ты сможешь купить за свои деньги. Так какого черта тебе еще нужно?

Лицо Маккинона выразило крайнюю степень удивления.

— А кто мне даст гарантию, что там для меня найдется свободная земля?

— А это уж твоя проблема. Правительство следит только за тем, чтобы количество земли соответствовало численности населения. А уж что касается ее раздела, так это вы — грубые индивидуалисты — должны выяснять между собой. Вы отвергли наш образ жизни, так можно ли ожидать, чтобы наша организация еще и охраняла ваши интересы? — Стражник вернулся к своему чтиву и больше на Маккинона внимания не обращал.

Они сели на крошечном аэродроме, расположенном почти возле черной сплошной стены. Никаких ворот тут не было, но на самом краю аэродромного поля стоял домик охраны. Маккинон был единственным пассажиром. Сопровождавший его стражник отправился к караульне, а Маккинон спустился по лесенке из пассажирской каюты и пошел к грузовому люку. Двое летчиков как раз спускали из люка лесенку. Когда он подошел, один из летчиков глянул на него и сказал:

— О'кей! Вон оно там, твое барахло. Можешь забирать.

Маккинон прикинул на глаз:

— Его тут порядочно. Мне нужна помощь. Поможете выгрузить?

Летчик, к которому он обратился, прежде чем ответить, закурил.

— Барахло твое, если оно тебе нужно, ты сам и тащи. Мы вылетаем через десять минут.

Они обошли Маккинона и полезли в машину.

— Ах, вы...— Маккинон заставил себя проглотить окончание фразы и подавил гнев. У него исчезла последняя тень сожаления от расставания с цивилизацией. Он им еще покажет! Уж без них-то он как-нибудь обойдется!

Но прошло больше двадцати минут, прежде чем он, стоя возле горы своего багажа, проводил взглядом поднявшийся в воздух вертолет. К счастью, шкипер оказался более сговорчив в отношении времени вылета. Маккинон стал грузить багаж на стальную самодвижущуюся тележку. Под влиянием изящной литературы

давно прошедших дней, он рассматривал возможность воспользоваться караваном осликов, но найти зоопарк, который согласился бы ему их продать, не удалось. Впрочем, это было к лучшему — он был полностью неграмотен во всем, что касалось возможностей, привычек, предрассудков, пороков, болезней и ухода за этими полезными маленькими созданиями, причем не мог даже определить всю глубину своего неведения. Если бы затея удалась, то господин и его скотина объединились бы в стремлении сделать друг друга ужасно несчастными.

«Черепашка», которую он приобрел, была неплохой заменой осликам. Она была прочна, проста в управлении, что делало ее пригодной даже для идиота. Энергию она получала от шести квадратных ярдов солнечных батарей, смонтированных на низкой покатой крыше... Батареи питали мотор, работавший на одной единственной скорости, а когда мотор выключался, они пополняли свои энергетические запасы на случай облачной погоды или ночной поездки. «Черепашка» была «вечной» — все ее движущиеся части, кроме траков и механизма управления, были опечатаны и защищены от глупого любопытства.

Она могла развивать скорость до шести миль в час по ровной хорошей дороге. Если же на пути встречались холмы, тележка не останавливалась, а просто замедляла ход так, чтобы задача преодоления препятствия решалась без привлечения дополнительной мощности. Стальная тележка давала Маккинону ощущение независимости, подобное тому, что испытывал Робинзон Крузо. Ему и в голову не приходило, что «черепашка» — результат объединенных усилий и мозговой деятельности сотен тысяч людей — живых и давно умерших. За годы своей безмятежной жизни он привык пользоваться услугами куда более сложной техники, а поэтому, естественно, рассматривал повозку как деталь самого примитивного устройства — что-то вроде топора дровосека или охотничьего ножа. Хотя в прошлом таланты Маккинона были отданы литературной критике, а вовсе не изобретательству машин, он тем не менее считал, что с помощью собственного интеллекта и нескольких справочников легко сумеет соорудить дубликат «черепашки» в любой момент, когда это потребуется.

Он знал, что для этого нужна железная руда, но особым препятствием это не считал, ибо его знания в области рудной разведки,

добычи руды и выплавки металла были столь же обрывочны, как и знание характера ослов. Его багаж занял каждый кубический дюйм сравнительно скромного объема грузового отсека. Он сверил каждый предмет со списком и самодовольно пробежал последний еще раз с начала и до конца. Любой искатель приключений или исследователь из прошлых веков был бы счастлив иметь такое снаряжение, подумал он. Он представил себе Джека Лондона, которому показывает, например, эту сногсшибательную палатку. «Смотри, Джек,— сказал бы он ему,— видишь, она годится для всякой погоды, имеет отлично изолированные стены и потолок, она не ржавеет. Она так легка, что может быть расставлена одним человеком за пять минут, но одновременно так прочна, что в ней можно спокойно дрыхнуть, пока самый большой в мире гризли сопит, разнюхивая что-то под твоей дверью».

И Лондон почесал бы голову и сказал: «Дейв, ты — молоток! Если бы у меня была такая, это было бы шикарно!»

Он снова пробежал список. Концентратов, обезвоженных продуктов и витаминов ему хватит месяцев на шесть. За это время он построит парники для гидропоники и семена дадут всходы. Запасы лекарств... хоть он и надеялся, что болеть не будет — но лучше быть предусмотрительным. Легкая спортивная винтовка — игрушечка! — самая последняя модель. Его лицо омрачилось: Военный департамент отказался продать ему облегченный бластер. Когда он заявил, что бластер — часть принадлежащей ему общественной собственности, ему без всякой охоты выдали чертежи и расчеты, сказав, чтоб он собрал бластер сам. Ладно, он еще изготовит себе такую штучку, как только найдется свободная минута.

Все остальное тоже в порядке. Маккинон сел на водительское место, взялся за рукояти, приводящие машину в движение, и направил ее к караулке. Теперь он ждал, чтобы ему открыли Ворота и впустили внутрь. Вблизи караулки ошивались солдаты. По серебряной полоске, нашитой на простой серый килт — часть полевой формы,— он распознал легата и обратился к нему:

— Я готов к отправке. Будьте добры открыть Ворота.

— О'кей! — ответил ему офицер и повернулся к солдату, серый килт которого означал простого рядового.— Дженкинс, передай на

подстанцию, пусть расширяют. Скажи им — отверстие номер три,— добавил он, прикинув на глазок габариты «черепашки».

Он обратился снова к Маккинону.

— Моя обязанность напомнить вам, что вы можете вернуться к цивилизации даже сейчас, если согласитесь госпитализироваться по поводу вашего невроза.

— У меня нет невроза.

— Ладно. Но если передумаете в дальнейшем, то возвращайтесь к этому Входу. Там у них есть сигнал, который даст часовому знать, что вы хотите, чтобы Ворота открылись.

— Я об этом и знать ничего не желаю.

Легат пожал плечами.

— Возможно. Но нам тут нередко приходится отправлять беглецов в карантин. Была бы моя воля, и вход и выход были бы куда труднее,— его прервал сигнал тревоги.

Солдаты, стоявшие рядом, четко развернулись и на бегу доставали свои бластеры. Страшный зев стационарного бластера возник на крыше караульного помещения и нацелился на Барьер. Легат ответил на вопрос, написанный на лице Маккинона:

— Подстанция готова отворить Ворота,— он повел рукой в направлении здания, потом встал лицом к Маккинону.— Езжайте прямо на центр отверстия. Ограничение Стасиса требует гигантского расхода энергии. Если заденете за край, придется собирать вас по кусочкам.

Яркая светящаяся точка возникла у подножья Барьера как раз напротив того места, где они стояли. Она превратилась в полуокружность на угольно-черном фоне того, что было ничем. Теперь отверстие было достаточно большим, чтобы Маккинон мог увидеть то, что лежало за образовавшейся аркой. Он с любопытством заглянул туда.

Отверстие было шириной футов двадцать. Теперь оно уже больше не росло. Оно открывало вид на голые скалистые холмы. Маккинон взглянул и в бешенстве перевел глаза на Легата.

— Меня обманули! — крикнул он.— На этой земле человек жить не может!

— Не кипятитесь,— ответил тот.— Хорошая земля за холмами. Кроме того, входить не обязательно. Но если идете — идите.

Маккинон вспыхнул и нажал на обе рукоятки. Траки пришли в движение, и повозка медленно поползла вперед — прямо к Воротам в Ковентри.

Когда он проехал еще несколько футов за Ворота, он обернулся. Барьер высился над ним, и ничто не указывало на то место, где раньше были Ворота. Возле того места, где он въехал в Ковентри, стоял небольшой сарайчик из листового железа. Он решил, что там и находится сигнал, о котором упоминал легат, но это Маккинона не интересовало, и он вернулся к изучению вида, лежавшего перед ним.

Прямо перед ним, извиваясь между холмами, виднелось что-то вроде дороги. Она была без покрытия, давно не ремонтировалась, но поскольку уклон шел от него, «черепашка» могла выдерживать нормальную скорость. Он двинулся по этой дороге, но не потому, что она ему нравилась, а потому, что это был единственный путь, который вел из местности, абсолютно не подходившей для его целей.

Никакого движения на дороге не наблюдалось. Это вполне устраивало Маккинона. У него не было ни малейшего желания общаться с людьми, пока он не найдет годную для поселения землю и не застолбит ее за собой. Однако холмы были явно обитаемы — несколько раз ему казалось, что какие-то небольшие темные зверюшки мелькают среди скал, а временами чьи-то блестящие встревоженные глаза бросали на него опасливые взгляды.

Сначала ему и в голову не пришло, что эти маленькие робкие создания, прятавшиеся в свои убежища при его приближении, могли бы пополнить его пищевые запасы — они просто забавляли его, их присутствие даже согревало ему душу. Но когда он подумал, что они и впрямь могут быть использованы в пищу, эта мысль сначала вызвала в нем отвращение — обычай убивать ради развлечения исчез задолго до рождения Маккинона, а появление производства синтетических белков во второй половине прошлого столетия привело к экономическому краху индустрию разведения крупного рогатого скота для забоя — сам он вряд ли когда-нибудь в жизни пробовал настоящее мясо.

Но раз такая мысль все же пришла, надо было действовать. Он ведь так и так собирался жить на подножном корму. Хотя

запасов еды ему должно было хватить на продолжительное время, было мудро сохранить ее и воспользоваться тем, что предлагала сама природа. Он подавил свои эстетские предрассудки, твердо решив подстрелить одну из зверюшек при первом удобном случае.

Задумано — сделано. Он достал винтовку, зарядил и положил на сиденье. Как и положено по закону падающего бутерброда, дичь на ближайшие полчаса исчезла из поля зрения. Наконец, когда он огибал очередной скалистый выступ, он увидел свою добычу. Она выглядывала из-за небольшого валуна, ее хитрые глазки недоверчиво поблескивали, не обнаруживая, впрочем, особого страха. Он остановил «черепашку», тщательно прицелился, положив для уверенности ствол на кокпит. Будущая жертва тут же нахально выскочила на открытое место.

Маккинон нажал на гашетку, невольно напрягая все мышцы и скашивая глаза в сторону. Пуля, естественно, ушла вверх и вправо.

Но в данную минуту он был слишком занят, чтобы разбираться в причинах происшедшего. Ему почудилось, что мир вокруг него взорвался. Правое плечо онемело, губы были разбиты так, будто кто-то лягнул его в рот, в ушах противно звенело. Он страшно удивился, увидев, что ружье в его руках цело и ничуть не пострадало.

Маккинон положил винтовку, выкарабкался из машины и побежал к тому месту, где только что было животное. Теперь признаков такового не наблюдалось. Он поискал вокруг, но ничего не нашел. Удивляясь, вернулся к машине, решив, что винтовка испорчена и что ее надо будет получше проверить, перед тем как снова пускать в дело. Между тем его жертва с любопытством наблюдала за всеми странными манипуляциями Маккинона. Животное было ошеломлено происшедшим, поскольку к выстрелам привыкло не больше Маккинона.

Прежде чем снова завести «черепашку», ему пришлось заняться своей губой, которая распухла и болела. Из глубокой царапины на губе сочилась кровь. Это обстоятельство еще больше усилило его подозрение, что ружье испорчено. В романтической литературе XIX–XX веков, которую Маккинон обожал, отсутствовали предупреждения, что стреляя из винтовки, достаточно тяжелой, чтобы убить человека на значительном расстоянии, следует держать

правую руку так, чтобы отдача не швыряла бы правый большой палец вместе с ногтем вам прямо в рот.

Он воспользовался антисептиком и пластырем и отправился дальше в несколько подавленном настроении. Ущелье, по которому он въехал в холмы, расширялось, сами холмы покрылись зеленью. Он сделал еще один крутой разворот и увидел перед собой обширную плоскую равнину. Она простиралась до самого горизонта, затянутого тонкой дымкой.

Большая часть равнины была обработана, и ему даже показалось, что кое-где виднеются человеческие жилища. Маккинон направился в их сторону со смешанным чувством. Встреча с людьми означала некоторое облегчение его жизни, но становилось ясно, что застолбить участок земли тут будет труднее, чем он думал. И все же... Ковентри велика!

Он уже достиг точки, где дорога выходила на равнину, когда на дорогу вышли двое мужчин и загородили ему путь. В руках они держали оружие на боевом взводе. Один из них крикнул:

— Стой!!!

Маккинон повиновался и, когда они подошли, спросил:

— Что вам угодно?

— Таможенный досмотр. Подъезжай к конторе,— и он указал на небольшое строение, расположенное у самой дороги, которого Маккинон раньше на заметил.

Тот перевел взгляд со здания на говорившего и почувствовал, как нечто, пышущее жаром и застилающее мозг, поднимается из самых глубин его естества. Это нечто не желало, чтобы веские суждения Маккинона подчинялись чужим, куда менее веским.

— Что ты болтаешь? — рявкнул он.— А ну, отойди в сторону и дай проехать!

Тот, что пока молчал, поднял свое оружие и направил его прямо в грудь Маккинону. Другой схватил его за руку и отвел ствол в сторону.

— Не надо убивать этого дурня, Джо,— сказал он недовольно.— Ты всегда торопишься! — затем, обращаясь к Маккинону: — Ты оказал сопротивление властям. Давай-ка за нами и по-быстрому.

— Властям? — Маккинон горько засмеялся и поднял лежавшую на сиденье винтовку.

Он не успел вскинуть ее к плечу — мужчина, который вел переговоры, лениво выстрелил, даже не беря на себя труд прицелиться. Винтовка Маккинона вырвалась у него из рук, взлетела в воздух и приземлилась в кювет позади «черепашки».

Тот, что молчал, скучноватым взглядом проследил за полетом винтовки и заметил:

— Недурной выстрел, Блэки. Ты даже не задел его.

— Чистая случайность,— пробормотал другой, но улыбнулся, довольный комплиментом.— Хотя и рад, что не попал в него — не придется докладную писать.— Тут он снова принял официальный вид и обратился к Маккинону, который сидел, ничего не понимая и растирая онемевшие пальцы.— Ну, так как же, крутой парень? Будешь паинькой или нам придется обработать тебя всерьез?

Маккинон сдался. Он подъехал к указанному ему месту и с тоской ожидал дальнейших распоряжений.

— Вылезай и начинай разгружаться,— сказали ему.

Повинуясь силе, он подчинился. По мере того как он сбрасывал с машины свой драгоценный груз, тот таможенник, которого звали Блэки, разбирал все на две неравных кучи, а Джо что-то заносил в официальную форму. Внезапно Маккинон заметил, что Джо записывает только то, что попадает в первую кучу. Остальное он понял, когда Блэки приказал ему снова погрузить в «черепашку» предметы, лежавшие в первой куче, а остававшиеся во второй начал сам втаскивать в помещение таможни. Маккинон запротестовал...

Джо дал ему в зубы холодно и беззлобно. Маккинон рухнул на землю и тут же вскочил, готовый к бою. Он был в таком бешенстве, что мог сразиться и с нападающим носорогом. Джо выбрал удобный момент и снова сунул ему в зубы. На этот раз Маккинону скоро встать не удалось. Блэки отошел к умывальнику, стоявшему в углу комнаты. Он вернулся, неся мокрое полотенце, и бросил его Маккинону.

— Вытри морду, приятель. И давай-ка в колясочку, ехать пора.

У Маккинона оказалось достаточно времени для размышлений, пока он вез Блэки в город. Кроме невразумительных слов «призовой суд» в ответ на вопрос о месте их назначения, Блэки ничего ему не поведал, да и Маккинон не стал настаивать, хотя просто изнывал от недостатка информации. Рот саднило от полученных

ударов, голова раскалывалась, и он ни в коем случае не хотел спровоцировать своими неуместными вопросами новые решительные действия.

Видимо, Ковентри вовсе не находилась в состоянии той приграничной анархии, о которой он мечтал. Тут, судя по всему, имело место какое-то правительство, хотя оно и не походило на то, с чем ему приходилось сталкиваться раньше. Он-то рисовал себе страну благородных независимых людей, предоставлявших друг другу полную свободу и преисполненных глубочайшего уважение к согражданам. Нет, мерзавцы там, разумеется, тоже должны быть, но с ними разговор короткий и, надо думать, с летальным исходом, как только они проявят свою истинную подлую натуру. У него было твердое подсознательное убеждение, что добродетель всегда торжествует.

Однако, обнаружив правительство, он ожидал, что оно будет действовать по тем канонам, к которым он привык с детства — будет честным, терпеливым, достаточно эффективным и постоянно заботящемся о свободах и правах граждан. Он знал, что правительство не всегда таково, но лично с отклонениями от нормы никогда не сталкивался. Его знание было абстрактным, точно так же, как представления о каннибализме или рабстве.

Если бы он подумал получше, то, вероятно, понял бы, что гражданских служащих в Ковентри никогда не подвергали экзамену, чтобы определить их психологическую пригодность к будущим обязанностям, и поскольку каждый обитатель Ковентри находился тут — это уж точно — за нарушение Ковенанта и отказ от терапии, то можно было легко предположить, что все они деспотичны по натуре и непредсказуемы в действиях.

Теперь он возлагал все надежды на то, что его приведут в суд. Все, чего он жаждал в настоящую минуту,— это получить шанс изложить свою историю суду.

Его надежды на судебную процедуру могут показаться не слишком логичными в свете того, что еще совсем недавно он отбросил прочь все связи с официальными учреждениями, но хотя он и стряхнул их прах со своих одежд, куда же было деваться от всосанных с молоком матери привычек и представлений, воспитанных окружающей средой? Он мог проклясть суд, унизивший

его своим приговором и поставивший его перед выбором, и все же искренне ожидал от этого суда правосудия. Он мог настаивать на своей полной независимости, но одновременно ожидал, что люди, с которыми ему предстоит столкнуться, будут подчиняться Ковенанту — других-то он никогда не встречал! Он не был в состоянии отбросить прочь собственную историю, равно как не мог расстаться с телом, к которому так привык.

В общем, в голове у Маккинона был полный туман.

Маккинон не успел встать, когда судья вошел в зал заседаний. Приставы быстренько помогли ему понять, что к чему, но злобный взгляд с судейского кресла он успел заработать. Ни внешний вид судьи, ни его манеры особых надежд не внушали. Это был отлично упитанный наглый тип, чей садистский характер был написан на его лице и отражен в осанке. Им пришлось подождать, пока он беспощадно расправился с несколькими мелкими нарушителями спокойствия. Маккинону казалось, что все здесь услышанное полностью противоречит Закону.

Тем не менее он оживился, когда было названо его имя. Встал и попытался изложить свое дело. Удар молотка судьи прервал его.

— В чем его обвиняют? — заревел судья, и на лице его грозно проступила сеть мрачных морщин.— Судя по всему, пьянство и буянство? Я положу конец этому распутству среди молодежи, даже если на это уйдут последние капли моих сил! — И он обратился к секретарю: — Раньше судился?

Секретарь что-то зашептал ему на ухо. Судья бросил на Маккинона взгляд, в котором подозрительность смешивалась с негодованием, а затем предложил таможеннику выйти вперед. Блэки изложил дело четко и ясно, с легкостью человека, привыкшего давать показания. Физическое состояние Маккинона он объяснил тем, что тот оказал сопротивление офицеру, находившемуся при исполнении служебных обязанностей. Он передал суду список, подготовленный его коллегой, но почему-то позабыл упомянуть о тех предметах, что были изъяты еще до составления этого списка.

Судья повернулся к Маккинону:

— Хочешь что-либо добавить к сказанному?

— Разумеется, доктор,— начал было тот.— Тут нет ни слова...

Банг! Удар молотка прервал его. Пристав подскочил к Маккинону и постарался объяснить ему, как именно следует обращаться к судье. Объяснение совсем запутало Маккинона. Согласно его опыту, термин «судья» был эквивалентом понятия врач-психиатр, хорошо знающего социальную проблематику. Кроме того, он не имел ни малейшего представления, что существуют какие-то формы, применяемые в специальных случаях. Однако он постарался приноровиться к ситуации...

— С разрешения высокого суда, этот человек солгал. Он и его компаньон напали на меня и ограбили. Я просто...

— Контрабандисты всегда вопят, что их грабят, когда оказываются в руках таможенников,— прорычал судья.— Сознаешься ли ты, что оказал сопротивлению досмотру?

— Нет, ваша честь, но...

— Хватит! Штраф в размере пятидесяти процентов от суммы положенной пошлины. Плати прямо секретарю.

— Но, ваша честь, я не могу уплатить.

— Не можешь уплатить?

— У меня нет денег. Есть лишь имущество.

— Вот как! — Судья повернул лицо к секретарю: — Решение по делу. Имущество конфисковать. Десять суток за бродяжничество. Общество не потерпит, чтобы эти нищие иммигранты шлялись где попало и нападали на законопослушных граждан. Следующий!

Маккинона уволокли. Только скрип ключа в замке тюремной камеры объяснил ему, на каком свете он оказался.

— Эй, дружище, какая там погодка снаружи? — в тюремной камере оказался еще один обитатель — крепко скроенный мужчина, поднявший глаза от разложенного пасьянса, чтобы приветствовать Маккинона. Он сидел верхом на скамье, где лежали карты, и разглядывал новичка спокойными, блестящими и насмешливыми глазами.

— Снаружи более или менее спокойная, а в судебной камере — штормовая,— ответил Маккинон, стараясь говорить таким же легкомысленным тоном, что ему удалось не полностью: губы саднили, улыбка получалась кривая.

Узник перекинул ногу через скамью и подошел к нему легкой скользящей походкой.— Слушай, друг, а это ты, должно быть, заработал прямо от коробки передач, не иначе.— Он осмотрел губу Маккинона.— Болит?

— Еще бы,— признался тот.

— Надо, пожалуй, заняться этим делом,— заключенный подошел к двери и громко залязгал решеткой.— Эй, Левша! Тут у нас пожар! Давай по-быстрому!

Явился тюремщик и встал у двери.

— Чего тебе, Линялый? — спросил он не слишком дружелюбно.

— Моему старому школьному корешу заехали монтировкой по морде, болит — спасу нет. У тебя есть шанс улучшить свой счет с Господом Богом, сделав доброе дело,— сбегай в больничку, возьми там пластырь и граммов пять неоанодина.

Выражение лица тюремщика явно говорило, что такого желания у него нет. Линялый запечалился.

— Ну же, Левша,— сказал он,— я-то думал, что ты прямо ухватишься за возможность совершить благородный поступок,— потом помолчал и добавил: — Вот что я тебе скажу: если ты сделаешь по-моему, я покажу тебе, как решается та загадка — сколько лет Анни. Годится?

— Сначала расскажи.

— Нет, это слишком долго. Я напишу решение и отдам тебе.

Когда тюремщик вернулся, сокамерник Маккинона с мягкой заботливостью перевязал его, одновременно продолжая болтать.

— Меня кличут Линялый Мейги. А тебя как, дружище?

— Дэвид Маккинон. Извини, твое имя я не расслышал.

— Линялый,— и объяснил, усмехаясь,— но это не то имячко, которым мамаша наделила меня при рождении. Это скорее профессиональный довесок к моей застенчивой и неброской натуре.

Маккинон удивился:

— Профессиональный довесок? А какая у тебя профессия?

Достоинство Мейги явно было ранено:

— Ну, Дейв,— сказал он,— я же тебе такого вопроса не задаю. И все же,— продолжал он,— она у меня такая же, как и у тебя,— умение жить.

Мейги был благодарным слушателем, а Маккинон рад случаю излить кому-нибудь свои несчастья. Он во всех подробностях живописал, как решил лучше отправиться в Ковентри, нежели подчиниться решению суда, и как, едва он успел туда прибыть, его схватили и опять потащили в суд.

Мейги кивнул.

— И неудивительно,— отозвался он,— «Таможенник тогда работает неплохо, когда в душе он жулик и пройдоха».

— А что будет с моим имуществом?

— Его продадут, чтобы оплатить пошлину и штраф.

— Интересно, а что останется на мою долю?

Майги так и уставился на него:

— Останется? Да чему же там оставаться? Тебе же еще, надо думать, придется оплатить судебные издержки...

— Э? А это что еще за штука?

— Это такое изобретение, когда приговоренный оплачивает собственное повешенье,— объяснил Мейги коротко, но не очень ясно.— Означает же это, что, когда через десять суток твой срок истечет, ты все еще будешь должником суда. А следовательно, тебя закуют в кандалы и заставят работать за доллар в день.

— Линялый, ты надо мной издеваешься?

— А ты подожди и увидишь. Тебе еще многое предстоит узнать, Дейв.

Ковентри было куда более хитрое место, чем представлял себе Маккинон. Мейги объяснил ему, что оно состоит из трех независимых суверенных государств. Тюрьма, в которой они сидели, находилась в так называемой Нью-Америке. У нее было правительство, избранное демократическим путем, но обращение, которое Маккинон успел уже испытать на собственной шкуре, было отличным примером того, какова эта администрация.

— Однако эта община — рай по сравнению со Свободным Государством,— заявил Мейги.— Свободное Государство управляется диктатурой чистой воды. Я был там... Главой правящей клики является некто по прозвищу «Освободитель». Их пароли «Долг» и «Покорность». Деспотичная дисциплина насаждается так жестоко, что ни о каких свободах и речи быть не может. Государственная идеология заимствована из обрывков старинных функциональ-

ных доктрин. В государстве видят единый механизм с одной головой, одним мозгом и одной целью. Все, что не разрешено,— запрещено. Честное слово,— говорил Мейги,— ты ложишься спать, а в постели твоей уже прячется агент секретной службы. И все же,— продолжал он,— жизнь там легче, чем у Ангелов.

— Ангелов?

— Ну да. У нас они сохранились. Ты же знаешь, что после Революции три-четыре тысячи самых оголтелых Ангелов выбрали Ковентри. Там — в холмах на севере — есть их колония. Во главе ее Воплощенный Пророк, и все такое прочее. Среди них есть и неплохие ребята, но и они способны загнать тебя в рай, даже если ты от этого помрешь.

У всех трех государств есть одна общая забавная черта — каждое заявляет, что оно и есть единственное и законное правительство Соединенных Штатов, и каждое дожидается того дня, когда оно присоединит к себе «невостребованную часть», т.е. все, что лежит за пределами Ковентри. Ангелы провозгласили, что это событие произойдет, когда Первый Пророк возвратится на Землю и поведет их за собой. В Нью-Америке эта идея используется преимущественно в качестве дежурного предвыборного лозунга, о котором забывают сразу же как отголосуют. А в Свободном Государстве это прочно фиксированная политическая цель. Как следствие осуществления этой цели, между Свободным Государством и Нью-Америкой происходят перманентные войны. «Освободитель» вполне логично считает, что Нью-Америка это тоже «невостребованная территория» и ее следует привести под власть Свободного Государства прежде, чем преимущества цивилизации последнего будут распространены на области за Барьером.

Рассказ Мейги совершенно разрушил иллюзии Маккинона о лежащей за Барьером стране воплощенной анархической утопии, но все же дать этой иллюзии погибнуть без борьбы он не мог.

— Но, послушай, Линялый,— настаивал он,— неужели тут нет местечка, где бы человек мог жить сам по себе, без всяких пошлых попыток надеть на него хомут?

— Нет...— задумался Линялый.— Нет... Разве что бежать в холмы и спрятаться там. Так, разумеется, можно жить, только придется

постоянно опасаться Ангелов. Да и поживы там маловато — надо питаться подножным кормом. Ты когда-нибудь пробовал так жить?

— Ну... не то чтобы пробовал... но зато я перечитал всех классиков — Зейна Грея, Эмерсона Хьюга и всех прочих...

— Что ж, тогда, может, у тебя что-нибудь и выйдет толковое. Но если ты и в самом деле решил стать отшельником, попытай это дело лучше за Барьером, там препятствий все же поменьше.

— Нет! — Маккинон гордо выпятил грудь.— Никогда! Никогда я не поддамся психологической переориентации только для того, чтобы меня оставили в покое! Если бы можно было повернуть время вспять и оказаться в тех же местах, где я был до ареста, я, конечно, прямиком отправился бы в Скалистые горы или подыскал себе заброшенную ферму... Но с этим диагнозом, что висит у меня на шее... После того как мне объявили, что я не гожусь для человеческого общества, пока мои эмоции не перекроят так, чтобы они подходили для их затхлого мирка... Нет, никогда! Даже если бы это сводилось к простой поездке в какой-нибудь санаторий...

— Понятно,— согласился Линялый, кивнув головой,— ты хотел бы жить в Ковентри, но не согласен с тем, что Барьер отрезает тебя от прочего мира...

— Нет, нет, не так... Впрочем, может быть, ты и прав. Слушай, ты тоже думаешь, что со мной нельзя иметь дело, а?

— На мой взгляд, ты парень что надо,— заверил его Мейги, усмехнувшись,— но помни, я ведь тоже живу в Ковентри... Так что я может быть и не судья...

— Судя по твоему разговору, мне кажется, что тебе тут не очень нравится. Как ты оказался в Ковентри?

Мейги предостерегающе поднял палец:

— Тихо! Тихо! Это вопрос, который здесь не принято задавать никому. Тебе положено думать, что каждый прибыл сюда потому, что тут славно живется.

— И все же... тебе здесь явно не по душе.

— Но я ведь не говорил, что мне тут не нравится. Наоборот, мне здесь нравится. Есть в этой жизни какая-то изюминка! Тутошние мелкие несообразности служат источником невинных парадоксов. А когда станет жарковато, всегда можно прошмыгнуть в Ворота и отдохнуть в славной уютной больнице, пока тревога не уляжется.

Маккинон снова удивился:

— Жарковато? Разве тут не управляют погодой?

— Что? Ах нет, я вовсе не имел в виду управление погодой — в Ковентри ничего подобного нет, она приходит сюда снаружи. Я употребил эти слова в качестве фигурального выражения.

— И что оно означает?

Мейги улыбнулся, как бы отвечая собственным мыслям:

— Скоро сам узнаешь.

После ужина, состоявшего из хлеба, похлебки, сервированной в жестяной миске, и крохотного яблока, Мейги посвятил Маккинона в тайны криббеджа. К счастью, у того не было денег, которые можно было проиграть. Наконец, Мейги сложил колоду, не тасуя.

— Дейв,— сказал он,— тебе нравится гостеприимство, предложенное сим заведением?

— Не так чтобы очень. А что?

— Предлагаю отсюда выписаться.

— Отличная мысль, но как?

— Об этом-то я сейчас и размышляю. Как ты думаешь, способен ли ты ради доброго дела выдержать еще один тычок в свой многострадальный хлебальник?

Маккинон осторожно пощупал лицо:

— Думаю, что смогу, если это уж так необходимо. В любом случае, вряд ли будет хуже...

— Вот это молоток! А теперь слушай... Этот тюремщик — Левша — он мало того, что недоумок, он еще крайне чувствителен к мнению посторонних о своей внешности. Когда погасят свет, ты...

— Выпустите меня! Выпустите меня отсюда!

Маккинон колотил по прутьям дверной решетки и визжал, что есть мочи. Ответа не было. Заключенный не унимался, голос его звенел истеричным фальцетом. Дабы выяснить причину переполоха, у решетки возник разъяренный Левша.

— Какого дьявола ты разорался?! — рычал он, злобно пялясь сквозь прутья решетки.

Маккинон изменил тон и перешел на слезливую мольбу:

— Ох, Левша, выпусти меня, голубчик! Ну пожалуйста! Не выношу темноты! А здесь темно... Выпусти меня... Пожалуйста, не покидай меня одного...— и он, рыдая, кинулся на дверь.

Тюремщик выругался:

— Еще один слабонервный идиот! Слушай, ты, заткнись и дрыхни, иначе я войду и дам тебе славный повод похныкать,— и он повернулся, чтобы уйти.

Тут Маккинон впал в справедливый, но непредсказуемый гнев невменяемого:

— Ах ты гнусная обезьянища! Идиотская крысья морда! Где ты подцепил свой вонючий нос?!

Левша вернулся, лицо его было искажено яростью. Он пытался что-то выговорить, но Маккинон не дал:

— Да! Да! — вопил он, кривляясь, как капризный, вошедший в раж мальчишка.— Твоя мать загляделась на бородавочника!

Тюремщик ударил туда, где, по его мнению, лицо Маккинона прижималось к прутьям двери. Тот уклонился и одновременно вцепился в руку Левши. Не встретив сопротивления и теряя равновесие, тюремщик грохнулся об решетку, и его рука глубоко просунулась в камеру. Пальцы Маккинона скользнули вдоль запястья и крепко ухватились за него. Он откинулся назад, таща за собой тело тюремщика, так что тот оказался тесно вжатым в прутья двери, а рука, к кисти которой прямо-таки присосались пальцы Дейва, все глубже входила в камеру.

Вопль, трепетавший в горле Левши, так и не вырвался наружу — в игру вступил Мейги. Из темноты, бесшумные как смерть, руки Линялого проскользнули сквозь решетку и сжали жирную шею сторожа. Левша рванулся и чуть было не высвободился, но Маккинон бросился всем весом вправо, выворачивая руку тюремщика, угрожая ей переломом и причиняя невероятную боль.

Маккинону казалось, что этот театр, гротескная борьба безмолвных статуй, длится бесконечно долго. Пульс в его ушах отдавался громом, и он опасался, что кто-нибудь услышит этот гром и прибежит на помощь Левше. Молчание наконец нарушил Мейги.

— Все! — шепнул он.— Обыщи карманы.

Маккинон с трудом справился с этой задачей, руки его онемели и дрожали, действовать через решетку было чертовски неудобно. Но ключи все же нашлись в самом последнем кармане. Он передал их Мейги, который сначала дал телу тюремщика сползти на пол, а уж потом взял их у Дейва. Мейги управился быстро. Дверь

распахнулась с пугающе громким лязгом. Дейв перешагнул через тело Левши, но Мейги наклонился над ним, отстегивая от пояса тюремщика полицейскую дубинку.

Потом стукнул Левшу дубинкой за ухом. Маккинон остановился.

— Ты убил его?

— Черта с два! — ответил Мейги шепотом.— Левша — мой дружок. Пошли.

И они помчались по тускло освещенному коридору между клетками камер к двери, ведущей в административную часть здания — к своей единственной надежде. Левша по глупости оставил эту дверь открытой, и сквозь щель был виден свет, но когда они осторожно прокрались к двери, то услыхали гулкие шаги, доносившиеся издалека. Дейв заглянул за угол. Он озирался в поисках убежища и не нашел ничего лучшего, как забиться в угол, образованный выступом камеры и стеной. Он поискал взглядом Мейги, но тот исчез.

Дверь широко распахнулась. Из нее вышел какой-то мужчина, остановился и огляделся по сторонам. Маккинон увидел в его руке инфракрасный фонарик, а на глазах специальные очки — обязательная принадлежность фонарика. Он понял, что темнота его теперь не спасет. Инфракрасный луч двинулся в его направлении. Маккинон изготовился к прыжку... И тут раздался глухой удар. Тюремщик вздохнул, покачнулся и рухнул безжизненной массой. Над ним стоял Мейги, покачиваясь на пятках и оценивающе глядя на свою работу, в то время как пальцы его руки поглаживали «рабочий» конец дубинки.

— Хватит с него,— решил он.— Пошли, Дейв.

Он ввинтился в дверь, не дождавшись ответа. Маккинон следовал по пятам. Освещенный коридор уходил вправо, заканчиваясь двухстворчатой дверью, ведущей прямо на улицу. В левой стене возле самой уличной двери находилась низенькая открытая дверца, которая вела в маленькую служебную комнату.

Мейги притянул к себе Дейва.

— Подфартило,— шепнул он.— Там никого нет, кроме дежурного сержанта. Мы проскочим мимо, а потом — вон в ту дверь... на чистый воздух.

Знаком он велел Дейву держаться рядом и осторожно прокрался к конторе. Потом вытащил из кармашка на поясе крошечное зеркальце, лег на пол и, прижавшись лицом почти к самому косяку, осторожно выдвинул зеркальце вперед. Видно, разведка с помощью самодельного перископа его удовлетворила, и, повернув голову так, чтобы Маккинон мог читать по губам, он выдохнул:

— Порядок! Там только...

И тут двести фунтов одетой в тюремную форму Немезиды обрушились на его плечи. По коридору разнесся сигнал тревоги. Мейги, продолжая сражаться, рухнул на пол, но был явно куда слабее противника, а кроме того, был захвачен врасплох. Ему удалось высвободить голову из тисков и крикнуть:

— Беги, малыш!

Маккинон слышал топот бегущих сапог, но все его внимание было поглощено видом двух сцепившихся фигур. Он потряс головой, подобно животному, сбрасывающему сон, и изо всех сил ударил ногой в лицо тому из борцов, который был покрупнее. Тот завыл от боли и ослабил хватку. Маккинон схватил своего компаньона за шиворот и поставил на ноги. В глазах Мейги прыгал смех.

— Здорово разыграно, сынок! — прокомментировал он, давясь словами, когда они вырвались на улицу.— Хотя в крикете такой удар вряд ли признали бы правильным. И где это ты так насобачился?

Дейв ответить не мог — он был слишком занят попыткой не отстать от размашистого, а потому казавшегося более медленным, аллюра Мейги. Они перемахнули через улицу, нырнули в переулок, свернули в какую-то щель и помчались между двумя домами. Что было в течение следующих минут или часов, Маккинон не помнил. Потом ему вспоминалось, будто он карабкался по крыше, но как он попал на крышу — не помнил. Запомнилось ему и то бесконечно долгое время, когда он сидел в одиночестве, сжавшись в комок, в весьма зловонном мусорном баке, и тот ужас, который охватил его, когда раздались приближающиеся шаги, а сквозь щели в стене бака брызнул свет.

Грохот и звук убегающих шагов, раздавшиеся в эту секунду, подсказали ему, что Линялый увел погоню за собой. Но когда тот вернулся и открыл крышку бака, Маккинон чуть не придушил его, прежде чем Мейги успел доказать, кто он такой.

Когда им удалось стряхнуть преследование, Мейги повел его через весь город, продемонстрировав глубочайшее знание проходных дворов и закоулков, а также гениальное умение затаиваться. Они достигли окраины города в каком-то полуразрушенном и очень далеком от административного центра квартале.

— Что ж, пожалуй, это конец пути, малыш,— сказал Мейги.— Если пойдешь по этой улице прямо, скоро окажешься за пределами города. Ты этого хотел, верно?

— Да вроде бы,— как-то неуверенно сказал Маккинон и посмотрел вдоль улицы.

Потом он повернулся, чтобы продолжить разговор с Мейги, но тот уже исчез. Начисто растворился в темноте, исчез, не сказав ни слова, не бросив прощального взгляда. Маккинон с тяжелым сердцем двинулся в указанном ему направлении. Конечно, у него не было оснований ожидать, что Мейги останется с ним. Услуга, оказанная ему Дейвом — если так оценивать тот удачный пинок,— была оплачена с процентами. И все же он только что потерял своего единственного друга, которого он обрел в этом странном мире. Дейв чувствовал себя одиноким и ужасно несчастным.

Он медленно тащился вперед, стараясь держаться в тени домов, настороженно всматриваясь в размытые черные пятна, которые могли оказаться полицескими патрулями. Пройдя лишь сотню ярдов и уже начиная тревожиться, что до сельских просторов еще далеко, он вдруг окоченел от ужаса, когда из темной пустоты подъезда раздалось громкое шипенье. Он постарался подавить свой испуг, рассудив, что полицейским незачем шипеть. Какая-то тень отделилась от черного провала подъезда и тронула его за рукав.

— Дейв,— сказала она тихонько.

Маккинон ощутил ребячье чувство облегчения и защищенности:

— Линялый!

— Я передумал, Дейв. Жандармы заметут тебя еще до зари. Ты ж тут ни черта не знаешь... Вот и вернулся.

Дейву было одновременно и приятно, и обидно

— Черт побери, Линялый,— запротестовал он.— Нечего тебе за меня бояться. Как-нибудь выберусь.

Мейги грубовато потряс его за плечо:

— Не будь ослом. Ты еще такой зеленый, что, пожалуй, начнешь кукарекать насчет своих гражданских прав и всего прочего. И тут же снова заработаешь разбитую губу. Слушай,— продолжал он,— я собираюсь отвести тебя к своим друзьям, они приютят тебя до тех пор, пока ты не дойдешь до кондиции, нужной в здешних условиях. Но они, понимаешь ли, в контрах с законом. Так что тебе придется стать всеми тремя священными обезьянами одновременно: не видеть зла, не слышать зла, не болтать о зле. Подходит?

— Да, но...

— Никаких «но» тут быть не может. Пошли!

Вход был с тыльной стороны старинного складского помещения. Ступеньки вели вниз, в западинку. Этот вонючий от сваленного здесь мусора проход приводил к двери в задней стене склада. Мейги постучал в филенку тихими условными ударами. Подождал и прислушался. Потом шепнул:

— Ш-ш-ш! Это Линялый.

Дверь открылась, и две большие жирные руки обхватили Мейги за шею. Его приподняли с пола, а владелица рук запечатлела на щеке Мейги звучный поцелуй.

— Линялый!

— Вот это достойный прием, Матушка! — ответил он, когда его наконец опустили на пол.— Но я хочу представить тебе своего друга. Матушка Джонсон, это Дэвид Маккинон.

— К вашим услугам,— сказал Дейв с автоматической вежливостью, но в глазах Матушки Джонсон загорелось внезапное подозрение.

— А он не шпик? — резко спросила она.

— Нет, Матушка, он из недавних иммигрантов, но я за него ручаюсь. Ему тут слегка припекли задницу, и я привел его сюда, чтоб она поостыла малость.

Она немного смягчилась под влиянием этого насмешливо-вразумляющего голоса.

— Что ж...

Мейги игриво ущипнул ее за щеку:

— Вот и умничка! Когда поженимся?

Она стукнула его по руке.

— Даже если б была лет на сорок моложе, еще вопрос, пошла бы я за такого балабона. Входите,— произнесла она, обращаясь к Маккинону,— уж раз вы дружок Линялого, хотя это как раз вам чести не делает,— она быстро заковыляла вперед, спустилась по лестнице вниз, крикнув кому-то, чтобы открыли нижнюю дверь.

Комната была плохо освещена, обстановка в основном состояла из длинного стола и множества стульев, на которых восседало около десятка мужчин, выпивавших и беседовавших между собой. Маккинону это напомнило виденные им старинные гравюры английских пивных, существовавших до Краха.

Мейги был встречен взрывом шутливых приветствий:

— Линялый! Как тебе это удалось, Линялый?! Небось в канализацию просочился? Тащи выпивку на стол, Матушка, Линялый объявился!

Он отклонил овацию величественным мановением руки, выкрикнул общее приветствие и повернулся к Маккинону.

— Друзья,— его голос с трудом прорвался сквозь гул голосов,— я хочу представить вам Дейва — лучшего друга из всех, кому когда-либо приходилось давать пинок тюремщикам в нужную минуту. Если бы не Дейв, меня тут не было бы сегодня.

Дейв обнаружил себя сидящим за столом между двумя мужчинами с кружкой пива, сунутой ему в руку весьма пригожей девицей. Он начал было благодарить ее, но она убежала помогать Матушке Джонсон справляться с внезапным потоком заказов. Против Дейва оказался весьма мрачного вида парень, который не проявил почти никакого энтузиазма при встрече Линялого. Он изучал Маккинона с непроницаемым лицом, которое время от времени передергивал тик, заставлявший его чуть ли не ежеминутно подмигивать правым глазом.

— Чем занимаешься? — грубо спросил он.

— Оставь его в покое, Алек,— вмешался Мейги быстро, но вполне дружелюбно.— Он только что прибыл из-за Барьера. Я уже об этом говорил. Он в порядке,— повысил голос Мейги, как бы доводя сказанное до сведения всех присутствующих.— Он тут всего двадцать четыре часа, а уже успел совершить побег из тюрьмы, избить двух таможенников и нахамить самому судье Флейшейкеру. Хватит для одного рабочего дня?

Дейв сразу стал центром почтительного внимания, но парень с тиком продолжал цепляться:

— Все это, может, и так, но я задал ему простой вопрос — какой у него рэкет? Если такой как у меня, я этого не потреплю, тут и одному тесно...

— В той дешевке, которую ты именуешь своим рэкетом, всегда тесно, а он занимается совсем другим делом. Можешь забыть о его рэкете.

— А почему он сам молчит? — недовольно парировал Алек.— Я его спрашиваю, сеет ли он дикий овес, а он..

Мейги чистил ногти кончиком длинного острого ножа.

— Лучше бы тебе спрятать свой нос в рюмку, Алек,— заметил он самым миролюбивым тоном и не поднимая глаз,— а то как бы я его ненароком не отрезал и не окунул туда.

Алек нервно крутил что-то в руке. Мейги, вероятно, не знал, что это такое, но тем не менее сказал:

— Если ты думаешь, что сумеешь воспользоваться вибратором быстрее, чем я ножом, то валяй — это будет интересный эксперимент.

Алек постоял, глядя на Мейги, лицо его дергалось от тика. Матушка Джонсон подошла к нему сзади и, положив руки на плечи, заставила сесть.

— Мальчики! Мальчики! Разве можно так вести себя! Да еще при госте? Линялый, спрячь своего потрошителя лягушек — мне за тебя стыдно!

Нож тут же исчез.

— Ты как всегда права, Матушка,— ухмыльнулся Мейги.— Попроси-ка Молли налить мне еще стаканчик.

Старик, сидевший справа от Маккинона, следил за происходящим с пьяным любопытством, но, видимо, что-то сообразил, потому что теперь уставился на Дейва в упор.

— Ты, парень, овес-то сеял? — кисло-сладкий запах из его рта ударил в нос Маккинону, когда старик наклонился к нему, желая подчеркнуть важность вопроса движением распухшего и дрожащего пальца.

Дейв глянул на Мейги в поисках совета и указаний. Мейги ответил за него:

— Нет, не сеял... Матушка Джонсон знала про то, когда впускала его сюда. Ему нужно убежище, которое мы обязаны ему дать, исходя из наших обычаев.

По комнате разнесся беспокойный гул голосов. Молли перестала разносить выпивку и, не скрываясь, прислушивалась к разговору. Однако старика ответ видимо удовлетворил.

— Верно... это верно...— подтвердил он и выцедил глоток из стакана,— убежище, оно дается... когда необходимо, при условии, ежели...— Речь перешла в неразборчивое бормотание.

Напряженность спала. Большинство присутствующих подсознательно были настроены так же, как и старик, и были готовы извинить вторжение, сочтя его за необходимость. Мейги снова повернулся к Дейву:

— Я полагал, что ни тебе, ни им полную правду знать не обязательно, но пришлось сыграть в открытую.

— А что он имел ввиду?

— Дедуля спросил тебя, сеял ли ты дикий овес, т.е. являешься ли ты членом древнего и достоуважаемого сообщества воров, головорезов и наркоманов.

Мейги глядел на выражение лица Дейва с сардонической ухмылкой. Дейв же в полном недоумении переводил взор с Мейги на остальных, видел, как они перемигиваются, и не мог понять, какого же ответа ждут они от него. Молчание прервал Алек.

— Ну,— прорычал он,— так что же вы засохли? Валяйте, задавайте ему вопросы... Или кореша такой знаменитости, как Линялый, могут вваливаться в наш клуб, не испросив нашего разрешения?

— Мне кажется, я уже просил тебя успокоиться, Алек,— совсем тихо ответил Мейги.— Кроме того, ты нарушил регламент... Сначала присутствующие здесь наши друзья должны решить, стоит ли обсуждать этот вопрос вообще.

Какой-то низенький человечек, с застывшим в глазах выражением постоянного беспокойства, ответил ему:

— Не думаю, что в данном вопросе это правило приложимо, Линялый. Если бы он пришел сам или как-нибудь иначе попал бы в наши руки, тогда, конечно, да. Но сюда его ты привел. Я думаю, что выскажу общее мнение, сказав, что он должен ответить на наш вопрос. Если никто не возражает, я сам задам его,— тут он

разрешил себе маленькую паузу. Никто не возразил.— Ладно, продолжим... Дейв, ты слишком много видел и слишком много слышал. Как ты — уйдешь отсюда или останешься и поклянешься в верности нашей Гильдии? Я должен тебя предупредить, что если ты начнешь сеять дикий овес, то это уж на всю жизнь, и есть лишь одно наказание тому, кто предаст свою шайку.

Он провел пальцем по горлу — старинный жест, означающий смерть. Дедуля издал подходящий к случаю звук, втянув в себя с хлюпаньем воздух, и радостно захихикал.

Дейв дико огляделся. Лицо Мейги ничего не выражало.

— А в чем я должен поклясться?

Разговор прервал громкий внезапный стук в наружную дверь. Были слышны голоса, приглушенные двумя закрытыми дверями и лестничным пролетом, оравшие «Открывай!» Мейги легко вскочил на ноги и скомандовал:

— Это за нами, малыш! Прячемся!!

Он подскочил к массивному старомодному радиоле-магнитофону, стоявшему у стены, нагнулся, что-то там нажал и затем откинул одну из панелей. Дейв увидел, что внутренность радиолы подверглась хитроумной переделке, чтобы там скорчившись мог поместиться человек. Мейги впихнул его туда, панель встала на место, и Дейв остался один.

Его лицо оказалось прижатым вплотную к частой металлической декоративной решетке, прикрывающей динамик. Он видел, как Молли быстро убрала со стола два лишних стакана и выплеснула выпивку из одного из них на стол, чтобы скрыть влажные следы донышек. Маккинон смотрел, как Мейги скользнул под стол и подтянулся... Теперь его не было видно — каким-то образом он, вероятно, прилепился к нижней поверхности столешницы.

Матушка Джонсон ужасно копалась, открывая двери. Нижнюю она открыла с большим шумом, потом медленно карабкалась по ступенькам, останавливаясь на каждом шагу, спотыкаясь и жалуясь во всеуслышание. Дейв хорошо слышал, как она открывала верхнюю дверь.

— Нашли же вы время! Поднимаете с постелей честных людей! — ругалась она.— И без вас дело найти трудно, еле сводишь концы с концами, все время из рук работа валится, а тут еще вы...

— Заткнись, старуха! — ответил мужской голос.— И веди нас вниз. У нас к тебе дело.

— Какое еще дело? — надрывалась она.

— Могло быть насчет торговли спиртным без разрешения, но на этот раз у нас другой интерес.

— Я не... это частный клуб! Все спиртное принадлежит членам клуба! Я его только подаю.

— Ну, это еще вопрос. Вот мне и хочется поболтать с членами этого самого клуба. Ну-ка прочь с дороги и побыстрее!

Толкаясь, они ввалились в комнату в авангарде с Матушкой Джонсон, все еще громко выражавшей свои горести. Главным был полицейский сержант. Его сопровождал постовой. За ними вошли еще двое в форме, но уже в солдатской. Судя по нашивкам на килте, один из них был капрал, другой — рядовой. На причитания Матушки Джонсон сержант внимания не обращал.

— Ладно, ребята,— скомандовал он,— встать к стене!

Они подчинились — неохотно, но быстро. Сержант приказал:

— Капрал, приступай к делу.

Мальчишка-судомойщик глядел на все круглыми глазами. Он уронил стакан. Тот подпрыгнул на каменном полу, издавая звон, похожий на звон колокольчика.

Мужчина, что допрашивал Дейва, заговорил:

— В чем, собственно, дело?

Сержант ответил с приятной улыбкой:

— Заговор — вот в чем. Всех вас, разнообразия ради, забирают в армию.

— Вербовщики! — ахнул кто-то у стены.

Капрал деловито выступил вперед.

— В колонну по два! — выкрикнул он.

Однако маленький человечек еще не сказал своего последнего слова.

— Мне не понятно,— возразил он.— Мы же заключили мир со Свободным Государством всего три недели назад?

— Тебя это не касается,— сказал сержант,— и меня тоже. Мы берем всех пригодных к службе, кто не занят в важных отраслях экономики. Двигай!

— Тогда меня брать нельзя.

— Это еще почему?

Человечек показал им обрубок руки. Сержант поглядел на него, потом на капрала, который неохотно кивнул головой, и сказал:

— О'кей, но утром зайди в участок, зарегистрируйся.

Они уже шли к двери, когда Алек вырвался из шеренги и с криком забился в угол.

— Вы не смеете! Не пойду! — в руке он сжимал весьма серьезного вида виброклинок, а правую сторону лица тик свел так, что в углу рта обнажились зубы.

— Взять его, Стивс! — приказал капрал.

Рядовой двинулся было, но тут же застыл, когда Алек направил на него вибронож. Ему вовсе не хотелось ощутить между ребрами клинок, а сомнений в опасности этого полубезумного истерика у него не было. Капрал флегматично и лениво направил небольшую трубочку в точку прямо над головой Алека. Дейв услышал тихий щелчок и тонкий звон. Алек еще несколько секунд простоял без движения, на его лице выразилось такое напряжение, как будто он мобилизовал все свои силы на борьбу с чем-то невидимым. Затем он медленно соскользнул на пол. Судорога исчезла, выражение лица смягчилось. Теперь он выглядел усталым и чем-то удивленным ребенком.

— Пусть двое возьмут его,— распорядился капрал.— И вперед!

Сержант вышел последним. У двери он задержался и спросил Матушку:

— Линялого давно не видала?

— Линялого? — Она очень удивилась.— Так он же в тюряге.

— Ах, да... в самом деле...— и вышел.

Мейги отказался от поднесенного Матушкой Джонсон стаканчика. Дейв поразился, увидев, что тот впервые казался по-настоящему встревоженным.

— Не понимаю,— бормотал Мейги про себя, а потом спросил безрукого: — Эд, просвети меня.

— Да ведь новостей с тех пор, как тебя замели, почти не было, Линялый. Договор-то подписали раньше. Судя по газетам, я предполагал, что все на какое-то время улеглось.

— Я тоже. Но правительство, видимо, опять готовится к войне, раз объявило всеобщую мобилизацию.— Он встал.— Мне необходима информация... Эл!

Поваренок просунул голову в дверь.

— Чиво тебе, Линялый?

— Сбегай, да почеши языки с пятью-шестью нищими. Постарайся разыскать их «Короля». Знаешь, где его логово?

— Еще бы! За Аудиторией.

— Выясни, что тут заварилось, но не говори, что это я послал тебя.

— Бу сде, Линялый. Жди! — мальчишка исчез.

— Молли!

— Что тебе, Линялый?

— Сходи на улицу и проделай то же самое с несколькими панельными девицами. Я хочу знать, что они слыхали от своих клиентов.

Она кивнула в знак согласия. Мейги продолжал:

— Хорошо бы разыскать ту рыжую малышку, что патрулирует Юнион-Сквер. Она даже из мертвого выманит любой секрет. Вот тебе...— он вытащил из кармана пачку банкнот и отсчитал ей несколько.— Лучше возьми эту капусту с собой... Может, придется давать взятку копу, чтобы выпустил тебя из того квартала обратно.

Разговаривать Мейги был не расположен и потребовал, чтобы Дейв ложился спать. Тот подчинился без разговора, так как не спал ни минуты с тех пор, как въехал в Ковентри. Ему казалось, что с того времени прошла целая жизнь. Он жутко устал. Матушка Джонсон устроила ему постель в темной душной комнатенке на том же подвальном этаже. Никаких гигиенических удобств, к которым он привык, тут не было — всяких этих эйркендишн, усыпляющей музыки, гидравлических матрасов, звуконепроницаемости, да и от автомассажа пришлось отказаться. Но он слишком устал, чтобы думать об этом. Впервые в жизни он заснул не раздеваясь.

Проснулся он с головной болью, во рту будто конный полк ночевал, а сердце томило предчувствие неминуемой беды. Сначала он никак не вспомнить — где он находится, думал, что все еще в арестной камере — там, снаружи. Обстановка, окружавшая

его, была неизъяснимо омерзительна. Он хотел было вызвать служителя и заявить протест, но тут память вернула его к вчерашним событиям. Он вскочил с постели и обнаружил, что кости и мышцы ноют, и — что еще хуже — он, против обыкновения, неимоверно грязен. Более того — у него чесалось все тело.

Он вышел в общую комнату и застал Мейги сидящим у стола. Тот приветствовал Дейва:

— Привет, малыш! А я уж собирался тебя будить. Ты проспал почти целый день. Поговорить бы надо.

— О'кей, только попозже. Где тут «Освежение»?

— Вон там.

Все это вовсе не походило на знакомые Дейву туалетные комнаты, но, несмотря на покрытый жидкой грязью пол, ему удалось хоть частями кое-как помыться. Затем он обнаружил, что здесь нет полотенца из сухого подогретого воздуха, и пришлось вытереться собственным носовым платком. Новой смены платья тоже не было. Пришлось выбирать — либо надевать старое, либо ходить голышом. Он вспомнил, что ничего в Ковентри насчет нудизма не слыхал даже в спортивных передачах — надо думать, нравы тут были другие.

Дейв снова надел свою грязную одежду, хотя прикосновение ношеного белья вызвало появление мурашек во всем теле. Матушка Джонсон приготовила ему чудный аппетитный завтрак. Кофе восстановил его мужество, несколько подорванное рассказом Мейги. Если верить Линялому, ситуация достаточно серьезна. Нью-Америка и Свободное Государство согласились игнорировать взаимные противоречия и заключили союз. Они на полном серьезе решили прорваться из Ковентри и атаковать Соединенные Штаты.

— Но ведь это просто чудовищная чушь, не так ли? Их же ничтожная горсточка. К тому же есть и Барьер.

— Я не знаю — пока... Но, видимо, у них есть основания считать, что они через него прорвутся. Болтают, будто это же средство может быть использовано и как наступательное оружие, с помощью которого небольшая армия может стереть с лица Земли все Соединенные Штаты.

Маккинон поразился.

— Ну,— сказал он,— я об оружии, о котором никогда не слыхал, судить не берусь, но что касается Барьера... Я не знаком с

математической физикой, но меня всегда уверяли, что преодолеть Барьер теоретически невозможно, что он просто ничто, его даже пощупать нельзя. Конечно, через него можно перелететь, но и в этом случае для живой материи он смертелен.

— А если предположить, что они изобрели какое-то поле, защищающее от эффекта Барьера? — высказал догадку Мейги.— Впрочем, для нас вопрос не в этом. Вопрос вот в чем: они создали Союз, в который Свободное Государство вкладывает технику и командный состав, а Нью-Америка, с ее более многочисленным населением — людскую силу. А это означает, что нам с тобой нельзя и носа высунуть на улицу — мы окажемся в армии, не успев глазом моргнуть. Так вот, что я предлагаю: как только стемнеет, я выберусь отсюда и попробую пробраться к Воротам раньше, чем они пришлют сюда кого-нибудь, у кого хватит соображения заглянуть под стол. Может, и ты со мной прошвырнешься?

— Снова к психотерапевтам? — Маккинон ушам своим не верил.

— Ну, да... а почему бы и нет? Что тебе терять? Все это проклятущее место в скором времени превратится в подобие Свободного Государства, и ты, парень, со своим темпераментом тут же попадешь в кипяток. А что плохого в чистенькой тихой больничной палате, где можно отлежаться, покуда все не успокоится? А на психиатров можно и внимания не обращать — будешь урчать как зверюга всякий раз, когда они сунут нос в твою палату. Им это быстро надоест.

Дейв покачал головой.

— Нет,— медленно сказал он.— Это не по мне.

— А что же ты будешь делать?

— Еще не знаю. Вернее всего, уйду в холмы. Ну, а в крайнем случае, объединюсь с Ангелами, если уж дело до петли дойдет. Я не против того, чтобы они молились за мою душу, если, разумеется, оставят в покое мой разум.

Помолчали. Мейги явно сердился на ослиное упорство Дейва, которому предлагались вполне приемлемые варианты. Дейв же уписывал жареную свинину, продолжая одновременно обдумывать свое положение. Он отрезал еще кусок.

— Господи, вкусно-то как! — заметил он, торопясь нарушить натянутое молчание.— Не помню, чтобы я когда-нибудь ел такую вкуснятину!.. Послушай!..

— Что? — спросил Мейги, поднимая взгляд и видя на лице Дейва тревогу.

— Эта свинина... она синтетическая или настоящая?

— Конечно, настоящая. А что такое?

Дейв не ответил. Ему удалось добежать до туалета прежде, чем процесс расставания с проглоченным начался на полную катушку. До того как уйти, Мейги поделился с Дейвом деньгами, чтобы тот мог купить себе вещи, необходимые для жизни в холмах. Маккинон протестовал, но Линялый настоял на своем.

— Не будь дураком, Дейв. Снаружи мне нью-американские деньги ни к чему, а ты в холмах без нужного снаряжения загнешься. Ты тут затаись на несколько дней, пока Эл или Молли не купят тебе все необходимое, тогда у тебя, возможно, и появится шанс... А может, ты передумал и пойдешь со мной?

Дейв покачал головой и взял деньги.

Когда Мейги ушел, Маккинон почувствовал себя совсем брошенным. Матушка Джонсон и Молли были одни, и пустые стулья огорчительно напоминали ему о людях, что произвели на него такое незабываемое впечатление. Дейву очень хотелось, чтобы Дедуля или Безрукий заглянули на огонек. Даже Алек с его жутким нравом — и то был бы желанной компанией. Интересно, наказали ли его за сопротивление вербовщику?

Матушка Джонсон пробовала научить Дейва играть в шашки, надеясь поднять этим его явно упавший дух. Он считал себя обязанным притвориться заинтересованным, но мысли его были далеки от шашек. Со стороны главного судьи было, конечно, очень мило советовать ему поискать приключений в межпланетных путешествиях, но такая честь могла выпасть лишь на долю людей с техническим или инженерным образованием. Наверняка ему следовало заняться не литературой, а наукой или техникой. Жил бы он тогда сейчас на Венере, наслаждаясь отчаянной борьбой с силами природы, вместо того чтобы прятаться по углам от мерзавцев в полицейских мундирах. Какая несправедливость!

Нет! Не нужно заниматься самообманом! Фронтир есть фронтир, даже инопланетный, там нет места для специалиста по истории литературы. Дело тут вовсе не в людской несправедливости, а просто таков закон природы, надо смотреть правде в глаза.

Он с горечью подумал о человеке, которому сломал нос, по каковой причине и оказался в Ковентри. Может, Дейв и в самом деле «постельный паразит», но воспоминание об этом оскорблении вызвало у него ту же вспышку безумной злобы, что вовлекла его в неприятности. Он был рад, что подбил нос этому — так его и этак! Какое право имел он шляться там, поглядывая сверху вниз на людей и обзывая их подобными словами!

Вдруг он обнаружил, что в таком же мстительном духе он вспоминает и о своем отце, хотя было бы чертовски затруднительно объяснить связь между ними. Эта связь не лежала на поверхности, ибо его родитель никогда не опускался до брани. Чем ругаться, он улыбнулся бы самой сладенькой из своих улыбочек и процитировал бы нечто, вопиющее по своей сахаристости и благонравию. Родитель Дейва был одним из самых отвратительных мелких тиранов, когда-либо порабощавших своих близких под личиной любви и добросердечности. Он никогда не впадал в гнев, он только печалился — в тоне «твое-поведение-в-школе-причиняет-мне-нестерпимую-боль» — и постоянно умудрялся находить вполне альтруистическое обоснование своим вполне эгоистическим поступкам. Убежденный в своей незыблемой правоте, он никогда не мог встать на точку зрения сына по какому бы то ни было вопросу, а просто подавлял его натуру во всем, да еще с высоты моральных принципов.

В результате ему удалось добиться двух одинаково отрицательных последствий: естественное стремление ребенка к независимости, подавляемое дома, теперь слепо восставало против любой дисциплины, власти или критики, откуда бы они не исходили, и подсознательно ассоциировались с никогда не подвергаемой сомнению отцовской властностью. Во-вторых, долголетнее подчинение отцу привело к тому, что Дейв усвоил главный общественный порок последнего — право судить с собственных моральных высот поведение других людей.

Когда Дейва арестовали за нарушение основного закона, т.е. за атавистическую склонность к насилию, его папаша умыл руки, заявив, что совершил все возможное, чтобы сделать из сына «настоящего мужчину», и что он лично не заслуживает ни малейшего упрека за то, что сын так плохо воспользовался его заветами.

Слабый стук в дверь заставил их спешно убрать шашечницу. Матушка Джонсон отпирать не торопилась.

— Наши так не стучат,— сказала она,— но и шпики лупят в дверь куда сильнее. Готовься прятаться.

Маккинон встал возле тайника в радиоле, которым пользовался накануне, а Матушка Джонсон пошла на разведку. Он слышал, как она снимает засов верхней двери, потом раздался ее не очень громкий, но зато чрезвычайно взволнованный призыв:

— Дейв! Скорее сюда! Торопись!

Это оказался Линялый, почти потерявший сознание, оставляющий за собой кровавый след.

Матушка Джонсон пыталась поднять его безжизненное тело. Когда подбежал Маккинон, они вдвоем стащили Мейги вниз и положили на длинный стол. Стараясь устроить его поудобнее, они заметили, что его глаза на мгновение приоткрылись.

— Привет, Дейв,— шепнул он, пытаясь вызвать на лице хоть тень былой насмешливой улыбки.— Кто-то побил моего туза козырем...

— А ты помолчи,— оборвала его Матушка Джонсон, а потом, уже тише сказала Дейву: — Бедняга... Дейв, его нужно отнести к доктору.

— ...не смог...сделать...нужно...— бормотал Линялый,— ...надо ...до Ворот...— голос его прервался. Пальцы Матушки Джонсон работали безостановочно, как будто движимые своим собственным разумом. Маленькие ножницы, возникшие из каких-то тайников ее крупной фигуры, резали одежду Мейги, чтобы можно было оценить масштабы несчастья. Критическим взором она спокойно произвела инвентаризацию ущерба.

— Работа не для меня,— постановила она,— но ему надо поспать, прежде чем мы понесем его. Дейв, притащи мне коробочку со шприцем из аптечки в туалете.

— Нет, Матушка! — это был сильный и протестующий голос Мейги,— дай мне «перечную» пилюлю,— продолжал он,— там...

— Но, Линялый...

Он оборвал ее:

— Мне действительно нужен доктор, но как я до него доберусь, если не смогу идти?

— Мы понесем тебя.

— Спасибо, Матушка,— тон его смягчился,— я знаю, что вы это сделаете, но полиция может заинтересоваться таким зрелищем. Дай мне пилюлю.

Дейв пошел за Матушкой в туалетную и, пока она копалась в аптечке, спросил:

— А почему бы не послать за каким-нибудь врачом?

— Есть только один, которому мы доверяем, его люди так и зовут — Врач. Все прочие не стоят того, чтобы потратить на них щепотку отравы.

Когда они вернулись в комнату, Мейги опять был без сознания. Матушка Джонсон хлопала его по щекам до тех пор, пока он не пришел в себя и не начал ругаться. Тогда она дала ему пилюлю. Сильный стимулятор, незаконный отпрыск каменного угля, тут же возымел действие. По всем внешним признакам Мейги выглядел совершенно здоровым. Он сел и нащупал пульс на левой руке своими длинными чуткими пальцами.

— Работает как метроном,— объявил он.— Моторчик вполне способен перенести дорогу.

Он подождал, пока Матушка Джонсон забинтовала его раны стерильными бинтами, а потом начал прощаться. Маккинон взглянул на Матушку. Она кивнула.

— Пойду с тобой,— сказал он Линялому.

— Это еще зачем? Опасность от этого только возрастет.

— Ты не в той форме, чтобы путешествовать одному, со стимулятором или без — все равно.

— Черта с два! Мне же придется за тобой приглядывать.

— Я иду с тобой!

Мейги, пожав плечами, сдался.

Матушка Джонсон вытерла мокрое лицо и расцеловала обоих.

Пока они не выбрались из города, их путешествие напоминало Маккинону кошмарное бегство прошлой ночью. Выбравшись, они двинулись на северо-запад вдоль шоссе, которое вело к подножью холмов. Время от времени им приходилось сходить с него и прятаться от редкого сейчас транспорта. Один раз они чуть было не напоролись на полицейский патрульный автомобиль,

оборудованный инфракрасным прожектором и почти невидимый, но Линялый проявил незаурядное чутье, и им удалось спрятаться за низкой стенкой, отделявшей дорогу от поля.

Дейв спросил, как Мейги узнал о приближении патруля. Тот хмыкнул:

— Будь я проклят, если знаю, но думаю, что почую полицейского даже если его запрячут в стаде козлов.

По мере того как ночь близилась к концу, Линялый становился все молчаливее. Его обычно оживленное лицо постарело и покрылось морщинами — эффект прекращения действия наркотика. Дейву казалось, что изменившееся и непривычное выражение лица дает ему возможность глубже проникнуть в характер этого человека, что маска боли и есть истинная сущность Мейги, а вовсе не те сдержанные эмоции, которые он демонстрирует окружающим его людям в обычное время. Уже в десятый раз Дейв задавал себе вопрос, что же сделал Линялый, что суд признал его социально невменяемым? Этот же вопрос он задавал себе каждый раз, когда впервые встречался с кем-нибудь в Ковентри. В большинстве случаев ответ был очевиден. Черты нестабильности их характеров были отчетливы и хорошо различимы. Вот Матушка Джонсон оставалась для него загадкой, пока не объяснила ему все сама. Она, оказывается, отправилась в Ковентри вместе с мужем, теперь уже овдовела, но предпочла остаться тут с друзьями, которых приобрела за это время, в условиях, к которым привыкла, и не желала менять эту жизнь на другую, возможно менее приятную.

Мейги сел на обочину.

— Бессмысленно, малыш,— признался он.— Не могу больше.

— Как это не можешь! Я тебя понесу.

Мейги слабо улыбнулся:

— Нет, я говорю серьезно.

— А далеко ли еще? — не отставал от него Дейв.

— Вероятно мили две-три.

— Держись крепче! — Он взвалил Мейги на закорки и пошел. Первые несколько сот ярдов были относительно легки. Мейги весил фунтов на сорок меньше Маккинона. Однако вскоре тяжесть дополнительного груза начала сказываться. Руки, поддерживающие колени Линялого, занемели. Ребра ныли от груза и

его неудачного распределения. Дышать было трудно. Руки Линялого крепко охватывали его шею.

...две мили... может быть больше... сильнее наклониться вперед... ноги пусть волокутся сзади... только бы не упасть... когда-нибудь выработается автоматизм... подобно автоматически сжимающимся челюстям... а как длинна миля?.. если на ракете, ее и не заметишь... если на прогулочной машине — секунд тридцать... если на стальном краулере — десять минут... тренированным солдатским шагом — пятнадцать... а с человеком на закорках, да еще по ухабистой дороге, да еще если ты устал как собака?..

...пять тысяч... двести...восемьсот шагов... цифры ни о чем не говорят... но с каждым шагом путь короче на двадцать четыре дюйма... остаток непредставим... бесконечен... считай шаги... считай, пока не спятишь... пока цифры начнут жужжать не в мозгу, а снаружи... и шум... шум... от этих огромных, тяжелых, нескончаемых шагов... они отдаются где-то в черепе... считай их сзаду наперед... не забудь вычитать по два каждый раз... нет, так еще хуже... все равно остаток невообразим, и его нельзя выразить в числах...

...мир замкнут... нет ни прошлого, ни будущего... ничего нет... совсем ничего... кроме пыточной необходимости поднимать то одну, то другую ногу и выбрасывать их вперед... нет никаких ощущений, кроме рвущего сердце отлива силы воли, столь необходимой для выполнения этого бессмысленного действа...

Он очнулся внезапно, обнаружив, что руки Мейги уже не сжимают его шею. Он наклонился, упал на одно колено, чтобы не уронить свою ношу, затем медленно опустил ее на землю. На мгновение ему показалось, что Линялый мертв — он не мог найти пульс, а бледное лицо и безжизненное тело были совсем как у покойника. Однако, приложив ухо к груди, он с облегчением услышал регулярные удары сердца. Он связал запястья Мейги его собственным носовым платком и просунул свою голову в петлю рук. Однако он так устал, что никак не мог поднять безжизненное тело и закинуть его себе на спину. Линялый очнулся, когда Маккинон все еще пытался сладить с этим делом. Его первые слова были:

— Полегче, полегче! Чего ты добиваешься?

Дейв объяснил.

— Лучше развяжи мне руки,— попросил Линялый,— думаю, я смогу немного прогуляться пешком.

Он действительно прогулялся — прошел не больше трех сотен ярдов и сдался окончательно.

— Слушай, Дейв,— сказал он, когда чуть-чуть пришел в себя,— ты захватил с собой «перечные» таблетки?

— Да. Только тебе больше нельзя. Еще одна доза может оказаться смертельной.

— Знаю... слышал... Но я думал о другом — что если ты проглотишь одну штучку?

— Господи! Конечно! Линялый, какой же я, однако, осел!

Теперь Мейги казался ему не тяжелее летнего пальто. Звезды сияли ярче, его силы были неисчерпаемы. Даже когда они сошли с шоссе и пошли по проселку, который вел к дому Врача у подножья холмов, путь казался сносным, а ноша легкой. Маккинон знал, что наркотик сжигает его плоть, что ресурсы энергии организма уже давно выработаны и потребуются долгие дни, чтобы восстановить эту безумную растрату. Впрочем, сейчас все это *было ему безразлично.*

Никакая цена не казалась ему слишком дорогой, когда наконец он оказался у калитки забора, окружавшего дом Врача,— на своих двоих и со все еще живым подопечным, который к тому же находился в полном сознании.

Маккинону целых четыре дня не позволяли видеться с Мейги. Все это время его самого держали на положении полуинвалида, чтобы восстановить потерянные за двое суток двадцать пять фунтов веса и ликвидировать последствия огромной перегрузки на сердце в последнюю ночь. Высококалорийная пища, солнечные ванны, отдых, мирные окрестности, плюс его собственное железное здоровье помогли ему быстро и полностью восстановить вес и силы. Он был очень доволен и собой, и своей болезнью, и постоянным общением с Врачом и Персефоной.

По календарю Персефоне было пятнадцать. Дейв никак не мог решить, считает ли он ее более взрослой или более юной. Она родилась уже в Ковентри и прожила всю свою короткую жизнь в доме Врача, так как ее мать умерла там при родах. Во многих отношениях она была совершенным ребенком, поскольку не имела опыта жизни в цивилизованном обществе и мало общалась с обитателями Ковентри, если не считать пациентов, посещавших Вра-

ча. Зато ей разрешалось без спроса брать книги из библиотеки этого опытного и оригинального ученого. Маккинон неоднократно поражался глубине ее научных познаний — она знала гораздо больше, чем он. От разговора с ней оставалось впечатление, что он беседует с пожилым и всезнающим матриархом, но тут же у нее прорывалось какое-нибудь совершенно нелепое высказывание о внешнем мире, и он вспоминал, что перед ним всего лишь неопытный ребенок.

Маккинон немного увлекся ею. Нет! Конечно, совсем несерьезно, особенно учитывая ее щенячий возраст! Но все же на нее было приятно смотреть, а он стосковался по женскому обществу. Он и сам был еще достаточно молод и вполне был способен извлекать удовольствие из созерцания редкостных умственных и физических достоинств этой юной девицы.

Его гордости был нанесен сокрушительный удар, сравнимый только с приговором на ссылку в Ковентри, когда выяснилось, что Персефона рассматривает его вкупе с другими обитателями Ковентри как жалкого неудачника, заслуживающего лишь сострадания и помощи, ибо с головой у него что-то неладно.

Дейв пришел в бешенство и целый день куксился в одиночестве, но чисто человеческое стремление оправдаться и быть за это обласканным, заставило его отправиться на поиски Персефоны с целью убедить ее в собственной неправоте. Он подробно и весьма эмоционально разъяснил ей причины, которые привели его к суду и осуждению, разукрасив свой отчет блестками собственной философии и остроумия, после чего доверчиво спросил, поняла ли она, в чем дело, и одобряет ли теперь его поведение.

Никакого одобрения не последовало.

— Я не понимаю вашу точку зрения,— сказала она.— Вы сломали ему нос, а он вам ничего плохого не сделал. И вы хотите, чтобы я это одобрила?

— Но Персефона,— запротестовал он,— ты же игнорируешь тот факт, что он обозвал меня оскорбительным словом!

— Не вижу связи,— отпарировала она.— Он губами произвел звук, обидел вас словом. Если это слово к вам не подходит, то звук лишен смысла. Если слово верно определяет ваши качества, если вы и есть то, что означает данный звук, значит, вы полностью соответствуете представлению человека, который высказал

ваше определение вслух. Иными словами, никакого ущерба вам нанесено не было. А вот что сделали вы — дело совсем иного рода. Вы сломали ему нос. Это уже ущерб. Защищая себя, общество должно было отыскать вас и определить, действительно ли вы столь эмоционально неустойчивы, что можете снова нанести ущерб кому-то из своих сограждан в недалеком будущем. Если да, то вас надо отправить в карантин на излечение или удалить вас из общества — в зависимости от того, что вы предпочтете.

— Значит, и ты думаешь, что я псих? — обвинил он ее.

— Псих? Не в том смысле, в каком вы это понимаете. У вас нет пареза, нет тромба в мозгу или какого-то другого дефекта, который мог бы обнаружить врач. Но с точки зрения вашей семантической реакции, вы столь же социально ненормальны, как какой-нибудь фанатичный охотник за ведьмами.

— Послушай, но ведь это же дико несправедливо!

— А что такое справедливость? — она взяла на руки котенка, с которым играла.— Я пошла домой. Становится прохладно.

И она ушла в дом, бесшумно ступая по траве босыми ножками.

Если бы наука семантики развивалась так же быстро, как психодинамика и ее производные — искусство пропаганды и управление психологией толпы, Соединенные Штаты, надо думать, никогда не попали бы под власть диктатуры, а затем не были бы вовлечены во Вторую революцию. Все научные принципы, положенные в основу Ковенанта, увенчавшего Революцию, были сформулированы очень давно — еще в первой половине XX века.

Но труды пионеров семантики — К. К. Огдена, Альфреда Коржибского и других — были известны лишь горстке ученых, в то время как психодинамика в результате серии войн и неистовства вышедшего из-под контроля производства получила сильнейшее ускорение и шла вперед мощными рывками.

Семантика — «значение значений» — дала метод, который впервые показал, как научная методология может быть применена к любому факту повседневной жизни. Поскольку семантика имела дело со словами, написанными или изреченными, детерминирующими поведение человека, то ее сначала восприняли как нечто, имеющее отношение только к словам, а потому интерес-

ное лишь для профессиональных словесных манипуляторов, т.е. для писателей, работающих в области рекламы, и для профессуры, интересующейся этимологией. Крошечная группка неортодоксальных ученых попыталась приложить семантику к личным проблемам человека, но их труд был сметен эпидемиологическими массовыми психозами, подобными тем, что уничтожили Европу и ввергли Соединенные Штаты в эпоху Темных Веков.

Ковенант был первым общественным документом, составленным на научных основах, и здесь мы должны отдать должное его основному автору — доктору Михею Новаку — тому самому Новаку, который был главным психологом революции. Революционеры хотели обеспечить максимум личной свободы гражданам. А как можно было сделать это без учета математической вероятности? Сначала они отправили на свалку идею «справедливости». Семантически исследованная «справедливость» не является реальностью — такого феномена в континууме пространство-время-материя, в который можно ткнуть пальцем и сказать — вот она, справедливость,— просто не существует. Наука же имеет дело лишь с тем, что может быть наблюдаемо и может быть измерено. Справедливость — не может, а потому никогда не будет иметь одного и того же значения для двух разных людей. А всякие там «звуки», произносимые в связи с этим словом, лишь увеличивают и без того большую путаницу.

А вот ущерб — физический или экономический — может быть и указан, и измерен. Ковенант запретил гражданам наносить друг другу ущерб. Любая акция в отношении данной личности, которая не вела к физическому или экономическому ущербу, объявлялась вполне законной.

Поскольку концепция «справедливости» была отброшена, не могли остаться и основанные на ней стандарты наказания. Пенология заняла место рядом с ликантропией и другими древними поверьями и ворожбой. Но поскольку было бы непрактично разрешать источнику опасности оставаться в обществе, то нарушителей общественного спокойствия подвергали осмотру и тех, что были способны на повторение такого поступка, ставили перед выбором — либо пройти психологическую переориентацию, либо быть изолированными от общества — т.е. отправиться в Ковентри.

Ранние проекты Ковенанта содержали в себе пункт, по которому социально нестабильные личности могли госпитализироваться и принудительно подвергаться переориентации, особенно в связи с тем, что психиатрия уже стала настолько компетентной, что могла излечивать все неврожденные неврозы и вылечивать или ослаблять почти все врожденные, но тут Новак встал намертво.

— Нет,— сказал он.— Правительству больше никогда не будет разрешено вмешиваться в деятельность мозга кого-либо из граждан без их согласия, иначе мы получим тиранию почище той, что была когда-то. Каждый гражданин имеет право принять или отвергнуть Ковенант, даже если мы полагаем, что этот гражданин безумен.

В следующий раз, когда Дейв встретился в Персефоной, он нашел ее в состоянии полной растерянности. Его собственная уязвленная гордость была тут же забыта.

— Девочка моя,— воскликнул он,— что случилось с вами?

Постепенно он уяснил, что она присутствовала при разговоре Врача и Мейги и впервые услышала о задуманной против Соединенных Штатов военной операции. Дейв похлопал ее по руке.

— И всего-то? — осведомился он ободряюще.— А я-то боялся, что это с тобой что-нибудь произошло.

— Всего-то!! Дэвид Маккинон, неужели у вас хватит наглости стоять здесь передо мной и заявлять, что вы об этом знали давно и это вас нисколько не тревожит?!

— Меня? А с какой стати? Да уж если на то пошло, то что я могу сделать?

— Что можете сделать? Вы можете отправиться наружу и рассказать там все! Вот что вы можете сделать! А что касается «с какой стати», то... Нет, Дейв, вы просто невозможны...— она залилась слезами и выбежала из комнаты.

А он остался стоять с открытым ртом, а затем высказал позаимствованное у своих предков выражение, означавшее, что понять женщину вообще невозможно.

Персефона к ланчу не явилась. Маккинон спросил Врача, где она.

— Рано позавтракала,— ответил Врач между двумя глотками,— а потом отправилась к Воротам.

— Что?! Как же вы ей позволили?

— Она свободный человек. Да она бы и не послушалась меня. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Последних слов Дейв уже не расслышал, так как выскочил из комнаты и уже был за дверью, ведущей во двор. Он обнаружил Персефону, когда она выводила из сарая свой маленький мотоцикл.

— Персефона!

— Что вам угодно? — спросила она с ледяной вежливостью, так не соответствующей ее возрасту.

— Ты не должна этого делать! Ведь именно там ранили Линялого!

— Я еду. Пропустите меня.

— Тогда я еду с тобой!

— Зачем?

— Чтобы заботиться о тебе.

Она сморщила нос:

— Пусть только кто-нибудь осмелится меня тронуть!

В том, что она сказала, была изрядная доля правды. Врач и все члены его семьи пользовались личным иммунитетом, каким вряд ли в Ковентри мог похвалиться кто-нибудь еще. Как естественное следствие сложившейся ситуации, в Ковентри почти не было компетентных медиков. Число членов врачебной профессии, совершавших антиобщественные проступки, очень невелико. Пропорция же тех, кто отвергал психиатрическое лечение, вообще ничтожна. И это ничтожное меньшинство состояло главным образом из тех, кто был полным профаном в своей профессии. Врач же был природным целителем, обрекшим себя на добровольное изгнание, чтобы иметь возможность использовать свое искусство в самой интересной для него среде. Его мало занимала чистая наука, ему нужны были пациенты, и чем серьезней они были больны, тем лучше — тем интересней было приводить их в порядок.

Он стоял выше обычаев и выше закона. В Свободном Государстве «Освободитель» нуждался в нем, чтобы удерживать себя на грани жизни и смерти с помощью вливаний инсулина. В Нью-Америке он имел не менее могущественных пациентов. Даже среди

Ангелов Господа Бога сам Пророк безропотно выполнял все указания Врача.

Но Маккинон не был удовлетворен.

Какой-нибудь темный идиот, думал он, мог причинить девочке зло, не зная об ее статусе. Впрочем, дальнейшие его протесты все равно были напрасны. Она внезапно завела мотор и заставила Дейва отпрыгнуть в сторону. Когда он пришел в себя, Персефона была уже далеко. Преследовать ее он не мог.

Не прошло и четырех часов, как Персефона вернулась. Он примерно так и ожидал. Если такой ловкий человек, как Линялый, не смог добраться до Ворот под покровом ночной тьмы, то весьма сомнительно, чтобы это удалось юной девице днем.

Его первое чувство было чувством облегчения, потом ему очень захотелось поговорить с ней. Пока ее не было, он все прокручивал в памяти их разговор. Была полная уверенность, что ее ждет неудача; хотелось реабилитироваться в ее глазах; поэтому он жаждал оказать ей помощь в столь дорогом для нее деле: он сам доставит предупреждение наружу.

Может, она попросит его о такой помощи? Это казалось вполне вероятным. Ко времени ее возвращения он уже убедил себя, что она будет его просить. Он согласится... со спокойным достоинством... и пойдет... и, может быть, будет ранен... или даже убит... и станет героем... если ему не повезет.

В воображении он видел себя смесью из Сидни Картона, Белого Рыцаря и того человека, который отнес послание к Гарсии, плюс чуточку Д'Артаньяна.

Но она ни о чем его не попросила. Она даже не дала ему шанса поговорить наедине. К ужину она не вышла. После ужина заперлась с Врачом у него в кабинете. Вышла оттуда и тут же прямиком отправилась в свою комнату. В конце концов, он решил, что с тем же успехом может сам пойти спать.

Лечь в постель, уснуть, попробовать все начать утром заново... Нет! Не так-то это просто! Враждебно глядели на него стены. Другая, критически настроенная часть мозга явно решила не дать ему заснуть. Болван! Ей же не нужна твоя помощь! Зачем она ей? Что у тебя есть такого, чего нет у Линялого? Да он лучше тебя во сто раз! Ты для нее просто один из множества психов, которые ежедневно кишмя кишат в этом доме.

Но я не псих! Только то, что я не пожелал подчиниться диктату большинства, еще не делает меня психом. Или делает? Если все остальные в этих местах «с приветом», то чем ты-то от них отличаешься? Ну, не все... Вот Врач, Матушка Джонсон. Они тут совсем по другим причинам. Их не приговаривали. И Персефона родилась тут.

А как насчет Мейги? Он безусловно умен или кажется таким? Дейв обнаружил, что мысль о несомненной психической устойчивости Мейги вызывает в нем неприязнь. Почему это он смеет отличаться от всех нас?

От нас? Он объединил себя с прочими обитателями Ковентри? Ладно, ладно, признайся, идиот, ты ничем не отличаешься от них. Тебя вышибли... Достойные люди не захотели иметь с тобой дела, а ты упрямишься как осел, не желая признать себя нуждающимся в лечении.

Мысль о лечении бросила его в дрожь и снова заставила вспомнить отца. Почему так? Он припомнил, как Врач сказал ему несколько дней назад: «Что тебе необходимо, сынок, так это поглядеть в глаза родителю и послать его подальше. Очень жаль, что детям не часто удается послать туда своих пап и мам».

Он зажег свет и попробовал читать. Без толку. И почему это Персефона так обеспокоена судьбой людей, что живут снаружи? Она ведь их не знает. Друзей у нее там нет. Уж если он не чувствует себя обязанным по отношению к ним, то почему ей есть до них дело? У тебя нет обязательств? А сколько лет ты вел сладкую легкую жизнь? И все, что они за это просили,— вести себя как следует. Если уж говорить напрямик, где бы ты был сейчас, если бы Врач задумался и спросил, а обязан он тебе чем-нибудь или нет?

Он все еще пережевывал горький хлеб самопознания, когда первый бесцветный утренний свет вполз в комнату. Он встал, накинул халат и прошлепал через холл в комнату Мейги. Дверь была открыта. Он просунул голову внутрь и шепнул:

— Линялый, ты не спишь?

— Входи, малыш,— тихо отозвался Мейги.— В чем дело? Не спится?

— Нет...

— Мне тоже. Понесем наше знамя вместе...

— Линялый, я хочу сматываться. Пойду за Барьер.

— Э-э! Когда?

— Сию минуту.

— Рискованное дело, малыш. Подожди несколько дней, я постараюсь пойти с тобой.

— Нет, не могу ждать, пока ты поправишься. Я должен предупредить Соединенные Штаты.

Глаза Мейги широко раскрылись, но тон остался неизменным:

— Уж не удалось ли этой ловкой козявке всучить тебе кой-какие свои убеждения?

— Нет. Ну, не совсем так. Я делаю это ради себя самого. Это необходимо мне. Слушай, Линялый, что ты знаешь об этом оружии? У них действительно есть что-то, чем можно угрожать Штатам?

— Боюсь, да,— ответил Мейги,— я знаю об этом очень мало, но вроде бы бластеры перед ним просто ерунда. Дальность куда больше. Не знаю, что они собираются делать с Барьером, но сам видел, еще до того, как меня замели, что они ведут к нему линии электропередач. Послушай, если тебе действительно удастся выбраться отсюда, там ты найдешь парня, который может пригодиться. Обязательно отыщи его.— Мейги что-то нацарапал на клочке бумаги, сложил его и отдал Дейву, который не глядя сунул листочек в карман, продолжая выспрашивать:

— Линялый, Ворота охраняются строго?

— Через Ворота *не пройдешь. Это точно. Вот что тебе* придется сделать...— Мейги оторвал другой листок и начал что-то чертить, одновременно комментируя рисунок.

Прежде чем уйти, Дейв пожал руку Мейги.

— Попрощайся тут за меня, ладно? И поблагодари Врача. Мне лучше уйти, пока все спят.

— Конечно, малыш,— согласился Мейги.

Маккинон скорчился за кустом и осторожно следил за группой Ангелов, входивших в свою суровую и, признаться, безобразную церковь. Он трясся от страха быть обнаруженным и от ледяного утреннего ветра. Однако нужда перевешивала чувство страха. У этих изуверов была пища, он должен был ее получить.

Первые два дня, после того как он покинул дом Врача, были сравнительно легки. Правда, он простудился, ночуя на холодной земле. Простуда застряла в бронхах и здорово мешала ходьбе. Но

сейчас это не имело значения, надо было только держаться, чтобы не выдать себя, закашлявшись или чихнув, пока верующие не скроются в храме. Он смотрел как они проходят — суровые мужчины, женщины в юбках, подметающих дорогу, с лицами, изрезанными морщинами и частично скрытыми головными платками, заморенные работой и многочисленными детьми. Лица были мрачны и неулыбчивы. Даже ребятишки смотрели угрюмо.

Последний из прихожан скрылся за дверями храма, только пономарь еще продолжал заниматься какими-то своими делами во дворе. Прошло еще несколько минут, показавшихся Маккинону бесконечными, ибо ему все это время приходилось прижимать пальцем верхнюю губу, чтобы удержаться от чихания, пока пономарь наконец не вошел в церковь и не закрыл за собой дверь.

Тогда Маккинон выбрался из своего убежища и помчался к дому, который наметил заранее, так как тот стоял на краю расчистки и был дальше других от церкви.

Собака поначалу вела себя подозрительно, но он ее успокоил. Дом был заперт, однако задняя дверь легко поддалась взлому. У него голова закружилась, когда он увидел пищу — черствый хлеб и твердое соленое масло, изготовленное из козьего молока.

Неверный шаг, сделанный пару дней назад, заставил его искупаться в холодном горном ручье. Несчастье не было уж так велико, но потом оказалось, что все питательные таблетки размокли и превратились в месиво. Он, конечно, ел их весь день, но к вечеру они заплесневели и их пришлось выбросить.

Хлеба ему хватило на три ночевки, но масло растаяло и нести его дальше было нельзя. Он пропитал им, как мог, очерствевший хлеб, а остальное слизал с пальцев языком. Потом долго мучила жажда. Через несколько часов после того, как он съел последнюю крошку украденного хлеба, он достиг первой своей цели — главной реки, куда впадали все остальные реки Ковентри. Где-то ниже по течению она уходила под занавес Барьера, а дальше текла в океан. Поскольку Ворота были закрыты и охранялись, это был единственный путь для бегства, открытый одинокому храбрецу.

А сейчас это была просто вода. Его мучила жажда, так как простуда еще не прошла. Однако, чтобы напиться, придется ждать темноты: вдали на берегу виднелись люди, некоторые, как ему

показалось, носили форму. Один из них привязывал к причалу легкое каноэ. На это каноэ Маккинон сразу же положил глаз и ревниво следил за ним, уже считая его своей собственностью. Суденышко все еще стояло на месте, когда сгустились сумерки.

Луч раннего утреннего солнца защекотал у него в носу, и Маккинон чихнул. Он проснулся мгновенно, поднял голову и осмотрелся вокруг. Каноэ, которое он украл, плыло по середине реки. Весел не было. Он никак не мог вспомнить — были они раньше или нет? Течение быстро несло лодку вперед. Похоже, при такой скорости он мог за ночь и до Барьера добраться. А может, он уже проплыл под ним? Нет, это, конечно, полная ерунда.

И тут он увидел Барьер — всего лишь в миле от него — черный и грозный. И все же это было самое чудесное из всех зрелищ, что попадались ему в пути за последние дни. Маккинон был слишком слаб и болен, чтобы радоваться, но вид Барьера укрепил решимость, которая заставляла его не останавливаясь двигаться вперед. Маленькое суденышко царапнуло дно. Он увидел, что течение в излучине пригнало его к берегу. С трудом он выбрался *из лодки, затекшие мышцы и суставы отчаянно ныли.* Вытащил нос лодки на песок. Потом передумал, отпихнул ее от берега, дав самый сильный толчок, на какой был способен. Он долго следил, как челнок исчезает за поворотом — не было смысла оставлять улики своего выхода на берег.

Большую часть дня он проспал, проснулся лишь один раз, чтобы уйти с солнца, которое уж очень стало припекать. Но солнце выгнало холод, скопившийся в его костях, и он почувствовал себя гораздо лучше. Хотя Барьер был всего лишь в миле или около того, ему понадобилась чуть ли не вся ночь, чтобы, следуя извивам реки, добраться туда. Что Барьер близко, он узнал по столбам пара, поднимавшимся над водой. Когда солнце взошло, Маккинон принялся обдумывать, что делать дальше. Барьер пересекал реку поперек, но стык между ним и водой скрывался облаками пара. Где-то под поверхностью — но как глубоко он не знал — Барьер кончался. И его нижний край, приходя в соприкосновение с водой, заставлял ее кипеть.

Медленно, неохотно и без всякого героизма Маккинон начал стаскивать одежду. Время действовать пришло, но он его не то-

ропил. Ему попался обрывок бумаги, данный Мейги, захотелось еще раз поглядеть, что там написано. Но купание в горной речке превратило бумагу в кашу, и прочесть текст было нельзя. Он выкинул ее. Впрочем, сейчас все казалось неважным. Тело его сотрясала крупная дрожь, хотя солнечные лучи были теплы. А потом думать уже стало не о чем — на том берегу появился патруль. Может, они видели его, может — нет. Он нырнул.

...Глубже, все глубже, как только хватает сил... еще глубже, и попробуй добраться до дна, чтобы убедиться, что ты опустился ниже этой ревущей смертельной основы Барьера... вот уже пальцы коснулись ила... теперь поднырни под Барьер... может это тоже смертельно, как и попытка подняться над ним... скоро ты это узнаешь... а в какую сторону плыть?.. тут ведь нет указателей...

Он оставался под водой, пока терпели его измученные легкие. Затем стал всплывать и почувствовал на лице прикосновение кипятка. В бесконечные мгновения отупляющей тоски и одиночества он понял, что попал в ловушку между жаром и холодом воды — в ловушку под Барьером.

Двое солдат лениво болтали, сидя в крошечном доке неподалеку от Барьера. Река, вырывавшаяся из-под Барьера, никакого интереса для них не представляла. Они видели ее тысячи раз за долгие дни опостылевшей службы. За спиной зазвенел сигнал тревоги, заставивший их насторожиться.

— В каком секторе, Джек?

— На нашем берегу. Да вот же он, видишь?

К тому времени, когда они его вытащили и положили на палубу дока, прибыл сержант в сопровождении рядового.

— Жив или уже жмурик? — спросил он.

— Мертвяк, по-моему,— ответил тот, чья очередь делать искусственное дыхание еще не подошла.

Сержант расплылся в улыбке, выглядевшей весьма странно на его грубом лице.

— Ни хрена себе! А я заказал «Скорую». Ладно, пускай везут прямо в морг.

Медицинская сестра успокаивала его, но Маккинон поднял такой крик, что ей пришлось вызвать дежурного хирурга.

— Спокойно, спокойно. Что это еще такое? — говорил ему медик, одновременно нащупывая пульс.

Дейву все же удалось довести до его сознания, что он не утихомирится и не позволит сделать себе укол успокоительного, пока ему не дадут изложить свою историю. Они пришли к соглашению, что Маккинону разрешат говорить (только покороче, договорились?), а доктор замолвит словечко своему начальству, в обмен на что Дейв позволит сделать ему укол.

На следующее утро два человека, не назвавших даже своих фамилий, были введены к Дейву хирургом. Они выслушали его рассказ и уточнили некоторые детали. В полдень его на машине доставили в штаб соединения. Там его допросили еще раз. Он быстро набирал силы, но вся эта болтовня ему скоро надоела, ему было необходимо удостовериться, что его донесение воспринято всерьез. Последний из допрашивающих заверил его:

— Сегодня днем вас примет Командующий.

Командующим оказался приятный невысокий человек с быстрыми, немного птичьими манерами и совершенно не похожий на военного. Он серьезно выслушал, как Маккинон повторяет свой рассказ (по подсчету Дейва уже в пятый раз). Когда Маккинон кончил, генерал утвердительно кивнул:

— Будьте спокойны, Дэвид Маккинон, все необходимые шаги уже предприняты.

— Но как быть с их оружием?

— Об этом тоже позаботились, а что касается Барьера, то пробиться через него будет потруднее, чем полагают наши соседи. Но ваши усилия принесли свои плоды. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

— Нет, мне... но у меня там остались два друга... Там...— он попросил, чтобы что-нибудь было сделано для Мейги и чтобы Персефоне разрешили выйти из Зоны, если она того пожелает.

— Об этой девушке я уже слышал,— заметил генерал.— Мы с ней свяжемся. Если она захочет принять гражданство, это можно будет устроить. Что же касается Мейги, то тут дело иное...— он нажал кнопку на своем видеофоне.— Пригласите ко мне капитана Рендолла.

Легкими шагами в кабинет вошла ладная фигура, одетая в форму капитана армии Соединенных Штатов. Маккинон бросил

на нее вежливо-безразличный взгляд, которым дарят случайного посетителя, но тут же выражение его лица изменилось.

— Линялый! — заорал он.

Их взаимная радость вряд ли подходила для обстановки личного кабинета Командующего, но генерал по-видимому не возражал. Когда они успокоились. Маккинон задал вопрос, задать который хотел уже давно.

— Послушай, Линялый, я же ничего не понимаю...— он замолчал, подумал и поднял обвиняющий палец: — Понял! Ты из Секретной Службы!

Линялый довольно ухмыльнулся.

— А ты думал,— ответил он,— что Армия Соединенных Штатов оставит такое чумное место без присмотра?

Генерал прочистил горло:

— А что вы думаете делать дальше, Дэвид Маккинон?

— Что? Я? Да пока у меня нет планов...— Потом повернулся к своему другу.— Знаешь, Линялый, я все же, пожалуй, пойду на эту психологическую переориентацию... Раз уж ты снаружи...

— Думаю, в этом не будет необходимости,— вмешался генерал.

— Не будет? А почему, сэр?

— Вы излечились сами. Возможно, вы этого и не знали, но вас проверяли четыре психотехника. Я имею удовольствие сообщить вам, что статус свободного гражданина будет возвращен вам, когда вы того пожелаете.

Генерал и капитан «Линялый»-Рендолл частично решили на этом закончить интервью. Рендолл вместе со своим другом вернулись в лазарет. Дейв требовал немедленного ответа на тысячу вопросов.

— Но Линялый, ты же, надо полагать, прибыл сюда еще до меня?

— За день или за два.

— Значит, все мои хлопоты были впустую?

— Я бы так не сказал,— отозвался Рендолл.— Я ведь мог и не прорваться. А уж если по правде, то многое знали и до нас. Были и другие... Во всяком случае,— продолжал он,— теперь, когда ты уже здесь, надо тебе подыскать подходящее занятие.

— Мне? Об этом рано говорить. Во всяком случае, это будет не классическая литература, это уж точно... Вот если бы я не был

так туп в математике, то можно было бы подумать насчет межпланетных...

— Ладно, об этом поговорим вечером,— предложил Линялый, взглянув на хронометр.— Сейчас мне пора бежать, но я заскочу попозже, и мы сходим в столовку пообедать.

Он выскользнул в дверь с быстротой, непостижимой для Маккинона, напомнившей ему кухню воровской малины. Дейв поглядел ему вслед и неожиданно для себя самого крикнул:

— Эй! Линялый! А не мог бы я поступить в Секретную...

Но Линялого уже не было, и Маккинону пришлось задать этот вопрос самому себе.

«...в целях сохранения и развития средств межпланетного общения, а также для обеспечения занятости молодежи нашей планеты...»

Выдержка из законодательного акта №7118
Палаты Представителей об учреждении
Космического строительного корпуса

— Стройся! — рыкающий голос старшего сержанта Космической пехоты пронзил туман и слякоть гадкого утра в Нью-Джерси.— Когда называют ваше имя, отвечайте «здесь», выходите вперед с вещами и поднимайтесь на борт. Есть такие, кому не ясно? Ну, тронулись. Аткинс!

— Здесь!

— Остин!

— Здесь!

— Эйрис!

© А. Тюрин, перевод

Один за другим пехотинцы выходили из строя, вскидывали на плечи вещмешок, а вместе с ним сто тридцать фунтов дозволенного личного имущества и карабкались по трапу. Они были молоды: ни одного старше двадцати двух, так что порой поклажа перевешивала новобранца.

— Каплан!

— Здесь!

— Кейт!

— Здесь!

— Либби!

— Здесь! — тощий долговязый блондинчик выпал из строя, поспешно вытер нос и схватился за свои шмотки. Крякнув, затащил пузатый холщовый мешок на плечо, закрепил его и ухватил свободной рукой чемодан. Затем мелкой трусцой дворняжки направился к трапу. Новобранец преодолел всего лишь несколько нижних ступенек, когда чемодан двинул его по коленкам. Пошатнувшись, он натолкнулся на крепкую фигуру в зеленовато-голубом мундире Космического флота. Сильные пальцы ухватили его за руку и поставили в вертикальное положение.

— Не падай, сынок, не надо. Ты не так старайся, и все будет в порядке,— мощная рука поправила холщовый мешок новобранца.

— Ой, простите,— смущенный юнец машинально насчитал четыре полоски под метеором на серебряном галуне.— Капитан, я не...

— Соберись, сынок, и дуй на борт.

— Есть, сэр!

На борту парня встретил полумрак. Когда глаза Либби стали что-то различать, он увидел корабельного старшину, который большим пальцем через плечо махнул в сторону одного из распахнутых люков.

— Тебе сюда. Найди там свой рундучок и жди около него.

Либби поспешил выполнить указание. В широком, сплюснутом отсеке он обнаружил скопище людей и вещей. Линия из ламп тлеющего разряда бежала вдоль стыка переборки с подволокой, гудение вентиляторов создавало мягкий фон человеческим голосам. Либби перебрался через груду манаток и высмотрел свой рундучок под номером «семь-десять» у дальней переборки. Пе-

хотинец сорвал пломбу с комбинационного замочка, набрал шифр и открыл крышку. Рундук находился на втором ярусе и отличался скромными размерами. Либби стал прикидывать, что ему затолкать в эту щель. Но тут динамик заглушил болтовню и потребовал от всех внимания.

— Слушай мою команду! Первое отделение — по местам. Старт через двенадцать минут. Задраить люки. Выключить вентиляторы за две минуты до старта. Закрепить на палубе все тяжелые предметы и лечь, когда зажжется красная сигнальная лампа. Лежать до объявления отбоя. Старшинам проверить исполнение команды.

Тут же заглянул старшина, осмотрелся и сразу же начал руководить размещением багажа. Тяжелые вещи были принайтованы к палубе. Крышки рундуков закрыты. К назначенному времени каждый пехотинец нашел себе местечко на палубе, а старшина даже пристроил подушку под свою голову. Лампы покраснели и динамик гаркнул:

— Всем внимание — старт корабля! Приготовиться к вертикальному ускорению.

Старшина спешно прилег на два мешка, не забывая пронзительным взглядом озирать отсек со своего лежака. Вентиляторы зашелестели, останавливаясь. На две минуты наступила тишина. Либби почувствовал, как всполошилась его сердечная мышца. Две минуты тянулись, не желая оканчиваться. Но вот палуба задрожала и грохот — такой бывает при сбросе пара из котла высокого давления — ударил парня по барабанным перепонкам. Тело вдруг стало очень массивным, тяжесть, навалившись на грудь, сдавила сердце. Спустя неопределенное время сигнальные лампы вспыхнули белым и динамик промычал:

— Занять места согласно табельному расписанию. Первое отделение, приступить к несению вахтенной службы.

Вентиляторы снова загудели. Старшина встал, сосредоточенно почесал задницу, хлопнул в ладоши и сказал:

— Порядок, парни,— после чего прошелся по отсеку и отдраил люк в коридор.

Либби встал, наткнулся на переборку и чуть не рухнул. Его руки и ноги изрядно затекли. Кроме того, он чувствовал не слишком

приятную легкость, как будто сбросил по меньшей мере половину своего и так незначительного веса.

Следующую пару часов он был слишком занят, чтобы размышлять или скучать по дому. Чемоданы, ящики и мешки надо было перетащить в трюм и принайтовать, подстраховываясь от углового ускорения. По ходу дела Либби выискал химический гальюн и изучил принцип его действия. Он познакомился со своей койкой и узнал, что она принадлежит ему лишь восемь часов в сутки: еще двое новобранцев должны давить клопа на ней же. Три отделения уминали свои пайки в три смены — всего было девять смен — двадцать четыре парня и старшина за одним длинным столом, который целиком заполнял узкий отсек возле камбуза.

После ленча Либби решил получше уложить свои вещички в рундуке. Парень стоял перед ним, созерцая фотокарточку, которую намеревался прилепить к внутренней стороне дверцы, когда по отсеку пронеслось:

— Смирррна!

У входа стоял капитан, сбоку от него старшина. Старший офицер заговорил:

— Вольно, присаживайтесь. Маккой, сообщите на центральный пост управления, чтобы подключили ваш отсек к дымовому фильтру.

Старшина кинулся к коммутатору на переборке и, нажав кнопку вызова, зашептал в микрофон. Почти одновременно жужжание вентиляторов поднялось на пол-октавы и осталось на этом тоне.

— Теперь можно курить. Кстати, я собираюсь потолковать с вами. Ребята, вам предстоит провернуть большое дело, может быть, самое большое за всю вашу жизнь. Теперь вы — крутые мужики и перед вами одна из самых тяжелейших работ, за которую когда-либо брались люди. То, что вам предстоит натворить, является частью громадного плана. Вы и сотни тысяч таких, как вы, должны переоборудовать Солнечную систему — чтобы люди могли использовать ее куда лучше, чем ранее. При этом вы получаете отличную возможность стать полноценными и счастливыми гражданами Федерации. По той или иной причине на Земле вам не везло. Одни стали ненужными, потому что их профессия

была отменена техническим прогрессом. Другие не смогли правильно распорядиться своим досугом и заработали большие неприятности. Короче, вы все были неудачниками. Вас наверняка называли плохими мальчиками и ваши характеристики были украшены множеством черных пятен. Но теперь вы должны забыть об этом. Жизнь начинается снова. Единственная запись, которая имеется сейчас в вашем досье на нашем корабле,— фамилия в начале чистого листика бумаги. И от вас зависит, что в дальнейшем появится на этом листе. Теперь о работе. Не светит нам заурядная ремонтная или восстановительная операция на Луне, с уикендами в Луна-Сити и прочими домашними удобствами. Не летим мы на планету с сильной гравитацией, где можно плотно закусить и быть уверенным, что обед не вывалится из желудка обратно на стол. Вместо всего такого мы имеем задание причалить к астероиду HS-5388 и превратить его в космическую станцию ЗМ-3. Он не может похвастаться атмосферой и сила тяжести составляет не более пары процентов от привычной вам земной. Вы будете порхать над ним как мухи по меньшей мере полгода, без девчонок, без телевизора, без всякого веселья — кроме того, что вы придумаете сами — ну и, конечно, тяжкий труд каждый Божий день. Вы сполна изведаете космическую болезнь, тоску по земным лужайкам и прочим зеленым полянкам, и может быть,— страх перед космическим пространством. Если не станете осторожничать, то рискуете обгореть на солнышке. Желудок ваш будет давать «SOS», харчи бросаться туда, откуда пришли,— в общем, вы сильно пожалеете, что завербовались. Но если вы переборете себя и наберетесь советов опытных космонавтов, то вернетесь с астероида сильными, здоровыми, с небольшим счетом в банке, а также со знаниями и умениями, которые вам не приобрести на Земле и за сорок лет. Вы станете настоящими мужчинами и будете вполне осознавать это. Последнее. Довольно неуютно почувствуют себя те, кто не привыкнет сразу к такой жизни. Уделяйте друг другу немного внимания, и все будет хорошо. Если вам что-то очень не понравится и вы не сможете управиться с проблемами самостоятельно — обращайтесь ко мне. Ну, вот и все. Вопросы есть?

Один из новобранцев поднял руку.

— Сэр? — несмело обратился он.

— Говори, юноша, но сперва назови себя.

— Роджерс, сэр. У нас будет возможность получать письма из дому?

— Да, только не слишком часто. Раз в месяц или около того. Почту будет привозить капеллан, а также инспекционные и грузовые суда.

И тут вклинился динамик, заревев:

— Слушай мою команду. Приготовиться к невесомости. Через десять минут — переход в режим свободного полета.

Старшина проверил страховочные тросы. Все незакрепленные вещи были ловко принайтованы и каждому пехотинцу выданы целлофановые пакетики. Едва все это было проделано, как Либби почувствовал, что становится легким,— нечто подобное он уже испытывал при внезапной остановке поднимающегося экспресс-лифта в каком-нибудь небоскребе. Разница заключалась в том, что чувство не пропадало, а все нарастало и нарастало. Сперва это можно было назвать приятной новизной ощущений, а потом быстро приелось и стало утомлять. Кровь начала биться в ушах, а ноги зябнуть и даже леденеть. Слюна стала выделяться с бешеной скоростью — он попытался сглотнуть ее, но поперхнулся и отчаянно закашлял. Потом его желудок судорожно сжался и выбросил вон полупереваренный ленч. После первого приступа рвоты Либби услышал вопль Маккоя.

— Эй, оболтус, трави харчи в пакет. Не дай этой дряни угодить в вентилятор.

Либби кое-как догадался, что это обращаются к нему. Новобранец нащупал свой пакет как раз перед тем, как его настиг второй приступ, и прежде чем метнуть струю, он успел поднести пакет ко рту. Когда тошнота отпустила Либби, он обнаружил, что парит почти у самого потолка лицом к входному люку. Как раз там появился главный старшина и обратился к Маккою.

— Как тут у вас?

— Близко к норме. Правда, кое-кто из парней промазал мимо пакета.

— Ладно, это дело убрать — и точка. Воспользуйтесь шлюзом правого борта,— распорядившись, главный старшина уплыл.

Маккой потянул Либби за рукав.

— Ну, свинтус, раз отличился, давай лови теперь своих бабочек,— старшина протянул ему ветошь, сам взял другую и аккуратно подхватил шарик из блевотины, парящий перед ним.

— Как там у тебя, пакет в порядке? Если опять затошнит — остановись и пережди, пока не пройдет.

Либби подражал ему как мог. Через несколько минут они на пару выловили большую часть летучей блевотины. Маккой осмотрелся и удовлетворенно произнес:

— Теперь снимайте грязные шмотки и смените пакеты. Трое или четверо, тащите все к шлюзу.

Пакеты были уложены в шлюз правого борта, потом внутренний люк закрыли, а внешний открыли. Когда внутренний люк распахнулся снова — в шлюзе была чистота: пакеты выдуло в космос напором воздуха.

«Свинтус» обратился к старшине.

— Грязные робы тоже выбросим?

— Разбежался. Мы их космосом почистим. Эй, пехота, неси заблеванные мундиры в шлюз и крепи их там на переборочных крючьях. Привязывай покрепче.

На сей раз шлюз не открывали минут пять. Когда же люк распахнулся, робы были совершенно сухие — вся влага в вакууме испарилась. Единственное, что осталось от позора,— стерильный осадок. Маккой осмотрел эти следы с заметным одобрением.

— Сойдет. Несите обратно в отсек. И почистите как следует — щеточкой перед вытяжкой.

Следующие несколько дней были заняты беспросветным страданием. Всякая тоска по дому напрочь перечеркивалась муками космической болезни. Капитан соглашался лишь на пятнадцать минут небольшого ускорения для каждой из девяти камбузных смен, но передышка только усугубляла течение дрянной болезни.

Обычно Либби отправлялся на обед слабым, но с волчьим аппетитом. Но пайка оставалась в желудке лишь до возобновления свободного полета, когда болезнь скручивала новобранца по новой.

Как-то на четвертый день полета он сидел, прислонившись к переборке и наслаждаясь оставшимися минутами тяжести в конце обеденной смены. К нему подошел Маккой и уселся рядышком. Старшина приладил к физиономии дымовой фильтр

и закурил. Для начала глубоко затянулся, а потом принялся разглагольствовать:

— Ну, как оно, земляк?

— Мне кажется, ничего. Но эта раскосмическая болезнь, итти ее налево...Маккой, как вам удалось привыкнуть к ней.

— И ты скоро справишься с этой пакостью. Тело выработает новые рефлексы — так и у меня было. После того как научишься лопать, не задыхаясь и не срыгивая, с тобой будет полный порядок. Тебе даже понравится. Невесомость ведь успокаивает и расслабляет. Четыре часа сна удовлетворят тебя так же, как и десять.

Либби удрученно покачал скорбной головой.

— Чую, не привыкнуть мне.

— Да привыкнешь. Во всяком случае, тебе бы лучше привыкнуть. На этом сраном астероиде считай что нет никакого тяготения. Главный геодезист говорит, оно не больше двух процентов от нормального земного. Этого маловато будет, чтобы вылечить твою космическую болячку. Учти, там даже во время священного обряда жратвы никто не станет включать ускорение.

Либби испустил стонущий звук и обхватил руками голову.

Найти нужный астероид среди пары тысяч других — так же просто, как с земной орбиты углядеть в городе Лондоне Трафальгарскую площадь. Вы ведь стартуете со скоростью около девятнадцати миль в секунду, что примерно равно скорости самой Земли. И пытаетесь выписать траекторию, которая не только пересечет орбиту крошечного, быстро несущегося тела, но и обеспечит само свидание. Астероид HS-5388 — «восемьдесят восьмой» — лежал от Солнца на расстоянии около двух десятых астрономической единицы, что составляло чуть больше двухсот миллионов миль. Когда корабль стартовал, он находился в трехстах миллионов миль от астероида, причем с противоположной стороны от Солнца. Капитан Дойл распорядился, чтобы штурманы рассчитали базовый эллипс, по которому корабль должен был двигаться в свободном полете вокруг Солнца примерно триста сорок миллионов миль. Принцип использовался тот же, что применяется охотником, который стреляет утку «влет», вводя элемент опережения. Но представьте, что во время выстрела дневное светило слепит вам глаза, что птицу с вашей «огневой позиции» не видно и у вас для прицела нет ничего, кроме нескольких пыльных отчетов о том, как цель летела, когда ее наблюдали в последний раз.

На девятый день капитан Дойл отправился в штурманскую рубку и начал тыкать клавиатуру массивного вычислительного комплекса. Затем он послал дневального передать поздравления штурману и пригласить его в рубку. Через несколько коротких минут внушительная фигура вплыла в дверь, зафиксировалась с помощью троса и поприветствовала капитана, пристегнутого ремнями к своему креслу:

— Утро доброе, Шкипер.

— Привет, Блэки,— старый космический волк поднял глаза от экрана,— Я как раз проверяю твои расчеты по «обеденным» ускорениям.

— Может отправим за борт всех этих крысят, сэр? Вместе с очередной порцией мусора. Тогда ни вам, ни мне заниматься ерундой больше не придется.

— К сожалению, это лишь прекрасная мечта. А в жизни, если мы не дадим ребятам проглотить свою пайку, то довезем до астероида кучку доходяг. Начиная с десяти по корабельному времени, я собираюсь приступить к торможению. Какие у нас были скорость и координаты на восемь вечера?

Штурман оперативно достал из кителя блокнот.

— Скорость — триста пятьдесят восемь миль в секунду; курс: прямое восхождение — пятнадцать часов, восемь минут, двадцать семь секунд; склонение — минус семь градусов, три минуты; расстояние до Солнца — сто девяносто два миллиона четыреста восемьдесят тысяч миль. Наше радиальное положение — двенадцать градусов над курсом и почти нулевое на курсе по прямому восхождению. Солнечные координаты нужны?

— Пока что обойдемся без них,— капитан склонился к компьютеру, принял озабоченный вид и, пока шли расчеты, сосредоточенно жевал кончик языка.— Я хочу, Блэки, чтобы ты покончил с ускорением за один миллион миль до орбиты «восемьдесят восьмого». Меня трясет от злости, когда я трачу топливо, но в поясе астероидов полно хлама, а этот чертов булыжник такой крохотный, что нам придется еще и заложить поисковую кривую. За эти двадцать часов торможения кое-что надо будет сделать. На восьмой час начинай изменение курса влево. Примени асимптоматическое приближение. К шести утра наш доблестный звездолет должен быть неподалеку от «восемьдесят восьмого», на круговой

траектории, параллельной его орбите. Если меня не забудут разбудить, я поднимусь в три.

— Есть, сэр.

— Когда получишь окончательные расчеты, заброс их мне. Журнал распоряжений пришлю тебе попозже.

Корабль ускорялся по расписанию. Вскоре после трех утра капитан появился в рубке и уставился в забортную темноту. Солнце все еще пряталось за корпусом корабля, и непроглядная мгла пробивалась только голубыми просверками приборных панелей да лучиком света из-под крышки планшета. Услыхав знакомые шаги, штурман повернулся.

— Доброе утро, капитан.

— Надеюсь, доброе, Блэки. Он уже виден?

— Еще нет. Мы познакомились с полдюжиной камней, но ни один не был похож на наш «восемьдесят восьмой».

— Что-нибудь есть поблизости?

— Не так чтобы очень. Разве что горсточка песка — время от времени мы на такие натыкаемся.

— Это вряд ли нам повредит — мы же заходим им в хвост. Если бы все навигаторы хорошо понимали, что астероиды движутся всегда по определенной траектории на фиксированной скорости,— никто бы не имел здесь неприятностей.— Капитан остановился, чтобы прикурить.— Народ говорит, что космос опасен, и я отрицать этого не стану. Но, перебирая все аварийные ситуации за последние двадцать лет, я вижу, что проблемы возникают только от беспечности.

— Вы правы как всегда, шкипер. Между прочим, под крышкой планшета — кофе.

— Спасибо, я уже попил кофейку у себя в каюте.

Капитан, присоединившись к вахтенным у стереоскопов и радаров, стал всматриваться в мерцающую черноту. Тремя сигаретами спустя ближайший к нему вахтенный рявкнул:

— Вижу свет.

— В каком направлении?

Помощник капитана снял показания с индикаторов стереоскопа:

— Ноль точка два, к корме один точка три. Легкое смещение вперед.— Помощник придвинулся к радару и добавил:

— Дистанция — семь девять ноль четыре три.

— Это проверить можно?

— Вполне, сэр.

— Каков диаметр диска? — раздался оглушительный голос штурмана из-под крышки планшета. Первый вахтенный поспешно стал крутить ручки прибора, но капитан легонько отодвинул его в сторону.

— Я сам справлюсь, сынок.— Дойл приложился к двухглазому окуляру и обозрел серебристый шарик. Затем стал осторожно разводить светящиеся кресты окуляров, пока они не коснулись верхнего и нижнего краев диска.

— Засекайте!

Показания были записаны и переданы штурману, который быстро вынырнул из-под крышки.

— Это наш малыш, кэп.

— Я рад.

— Мне сделать визуальную триангуляцию?

— Пусть вахтенный помощник займется этим. А ты иди вздремни. Мы будем ее делать, пока не подойдем достаточно близко, чтобы применить оптический дальномер.

— Спасибо. Тогда я пошел.

Весть о том, что «восемьдесят восьмой» уже виден, облетела весь корабль за несколько минут. Либби вскоре оказался на десантной палубе, где протиснулся сквозь возбужденную толпу сотоварищей, чтобы разглядеть через иллюминатор будущий дом. Маккой охладил пыл собравшихся.

— К тому времени, когда эта штука разбухнет настолько, что начнет маячить в глазах, мы все будем отдыхать на наших посадочных местах. А что вы хотите, у нее диаметр всего-то сто миль.

И это было действительно так. Какое-то время спустя корабельные динамики заголосили.

— Слушай мою команду. Всем занять посадочные места. Задраить люки. Приготовиться к отключению вентиляторов по сигналу.

Следующие два часа бдительный Маккой не давал подняться никому из своего отделения. Толчки маневровых двигателей чередовались с тошнотворными периодами невесомости. Лопасти вентиляторов замерли и затворные клапаны с щелчком встали на

свои места. Всего несколько мгновений корабль находился в свободном падении. Последний толчок двигателя, еще пять секунд падения — и корпус слегка тряхнуло. Из динамика донесся трубный звук и вентиляторы снова загудели.

Маккой без труда взмыл вверх и, побалансировав на носках, твердо встал на ноги.

— Все, бойцы, приехали. Конечная остановка.

Коренастый парнишка, который был чуть моложе остальных, без особой ловкости подражая старшине, прыгнул к люку, едва Маккой удалился, и заорал:

— Братва, на выход. Кто не прочь прогуляться снаружи?

Голова старшины просунулась в отсек:

— Притормози, малыш. Собираясь на прогулку, учитывай, что за бортом нет никакого воздуха. Ты там превратишься в ледышку или сгоришь, а если повезет, лопнешь как спелый помидор. Командир отделения, выдели шесть человек, чтобы принесли скафандры. Остальным быть здесь.

Шестерка быстро вернулась, навьюченная парой дюжин здоровенных пакетов. Либби выпустил из рук те четыре, которыми нагрузился, и смотрел, как они медленно опускаются на палубу. Маккой вынул из упаковки один скафандр и начал инструктаж:

— Это стандартная рабочая модель «Марк-4» серийного выпуска второй модификации.— Старшина взял скафандр за плечи и встряхнул так, что тот развернулся и стал похож на кальсонную пару. Шлем же беспомощно свесился вниз.— Скафандр будет поддерживать вашу жизнедеятельность в течение восьми часов, соответственно на это время имеется и запас кислорода. Есть также баллон с азотом для обеспечения нормального состава дыхательной смеси и кассетный фильтр, поглощающий водяные пары и углекислоту.

Старшина уныло бубнил, дословно воспроизводя инструкцию с описанием и правилами пользования скафандром. Маккой знал такие скафандры как свои пять пальцев, и это знание уже не единожды спасало ему жизнь.

— Скафандр соткан из стекловолокна и имеет асбестоцеллюлозную пропитку. Такая ткань гибка, очень прочна и отражает все лучи, какие только могут быть в Солнечной системе за орбитой

Меркурия. Надевают такой костюмчик поверх обычной одежды. Но обратите внимание на закрепленные проволокой складки в виде гармошек на основных стыках. Они для того, чтобы сохранять постоянным внутренний объем скафандра при сгибаниях рук и ног. В противном случае внутреннее давление газа превратит скафандр в пузырь, использовать который для движения будет довольно затруднительно.

Шлем отлит из прозрачного силикона, освинцован и поляризован, чтобы отражать часть лучевой энергии. Его можно оснастить фильтрами требуемого типа. На данный момент есть приказ носить фильтр не слабее, чем «янтарный» номер два. Дополнительную защиту дает свинцовая пластина, которая прикрывает голову и спускается вниз по спине скафандра, полностью экранируя позвоночник.

Скафандр оснащен двусторонним телефоном. Если ваше радио заглохнет, чего не миновать, то можно пообщаться, соприкоснувшись шлемами. Вопросы есть?

— А как есть и пить все эти восемь часов?

— Никто вас не станет заставлять носить скафандр восемь часов кряду. Вы, парни, всегда будете лопать свою пайку на базе, кроме того, чтобы заморить червячка, в шлеме имеется капсула для сахарных шариков. Что касается воды — в том же самом шлеме у рта есть соска, которую можно ухватить, повернув голову влево. Но не дуйте много жидкости, прежде чем влезть в скафандр. Сортиром, к сожалению для некоторых, он не оборудован.

После столь подробных разъяснений каждый получил по скафандру. Как его натягивать на себя, Маккой показал на личном примере. Для начала облачение нужно было разложить на палубе и расстегнуть переднюю молнию, которая соединяла шею с причинным местом. Затем усесться на середину скафандра и натянуть его нижнюю часть на свои ноги, совсем как колготки. Далее втиснуться в каждый рукав, так чтобы кисти рук влезли в тяжелые, но гибкие рукавицы. Наконец, надо было сгорбиться и откинуть голову назад, чтобы она попала в шлем.

Либби аккуратно повторял все движения Маккоя и поэтому смог подняться в полном оснащении вслед за старшиной. Затем проверил молнию, которая отвечала за герметичность скафандра.

По краям она была снабжена двумя мягкими уплотнениями, которые соединялись застежкой и припечатывались давлением воздуха изнутри. Выдыхать необходимо было только в пластиковый мундштук, который уходил к фильтру.

Маккой суетился вокруг новобранцев, проверяя застежки, подтягивая там и сям пояса и поясняя, как пользоваться элементами оснащения, которые находились у скафандра снаружи. И вот, удовлетворенный, он доложил на центральный пост, что его отделение прошло основной интруктаж и полностью готово к выходу на поверхность астероида. Разрешение на получасовую прогулку для акклиматизации было от поста получено.

Группами по шесть человек Маккой проводил своих пехотинцев через воздушный шлюз на поверхность астероида. Либби первым делом зажмурился от непривычного блеска скал. Солнце находилось в добрых двухстах миллионах миль отсюда и купало планетку в радиации, равной лишь пятой части того, что расточалось на старушку Землю. Но Либби вынужден был зажмуриться из-за блеска ввиду полного отсутствия атмосферы. Сейчас он был весьма рад своему янтарному фильтру. Солнце, скукожившееся до размеров одноцентовой монетки, сияло над головой на совершенно черном небе, немигающие же звезды теснили не только друг друга, но и само верховное светило.

В наушниках Либби раздался голос одного из сотоварищей:

— Ух ты. Горизонт-то совсем на носу. Спорим, что он не дальше мили отсюда.

Либби глянул на голую, совершенно плоскую равнину и машинально прикинул.

— Меньше, чем треть мили,— выдал он.

— С чего ты взял, Свинтус? И кто тебя вообще спрашивал?

В ответ на грубость Либби решил быть еще точнее.

— На самом деле — одна тысяча шестьсот семьдесят футов, учитывая, что мои глаза — на высоте пяти футов и трех дюймов.

— Ну и придурок же ты, Свинтус. Чего ты все пыжишься, пытаясь доказать, что у тебя одного в котелке что-то есть.

— Мне и пыжиться не надо,— запротестовал Либби.— Если астероид круглый и имеет диаметр в сто миль, то горизонт, само собой, должен находиться как раз на таком расстоянии.

— Ой-ой. Чья бы корова мычала.

Маккой прервал перебранку, обратившись к обидчику.

— Ну-ка, угомонись. Скорее прав Либби, чем ты.

— Либби прав на все сто,— раздался незнакомый голос.— Я определил это для штурмана, прежде чем уйти из рубки.

— Серьезно? — снова подал голос Маккой,— Ну, если главный геодезист говорит, что ты прав, Либби, значит — ты прав. Снимаю шляпу. Только откуда ты узнал?

Либби слегка зарумянился.

— Черт его знает. В общем, это было единственно правильное решение.

Старшина и геодезист уставились на него, но все-таки решили оставить эту тему.

К концу «дня» по корабельному времени (для «восемьдесят восьмого» период вращения составлял восемь с половиной часов) работа уже вовсю кипела. Корабль был посажен у гряды приземистых холмов. Капитан выбрал небольшую смахивающую на чашку долину, нескольких тысяч фунтов длиной и вдвое меньше шириной, чтобы разбить в ней постоянный лагерь. Его должны были снабдить крышей, загерметизировать и наполнить воздухом.

Внутри холма, который отделял корабль от долины, предстояло устроить кубрики, кают-компанию, офицерские квартиры, лазарет, комнату отдыха, штабные помещения, каптерки и прочее. Через холм надо было прорыть туннель, соединяющий все эти помещения и переходящий в герметичную трубу, плотно состыкованную с шлюзом правого борта корабля. Трубу и туннель планировалось оснастить конвейерным транспортером для перемещения людей и грузов.

Либби нашел себя приписанным к команде кровельщиков. Он таскался по холму вместе с главным специалистом по крышам с переносным атомным нагревателем. С этой штукой на Земле было бы нелегко возюкаться — там она бы тянула на восемьсот фунтов, а здесь весила всего шестнадцать. Остальная часть команды расправляла и готовилась устанавливать вручную гигантский прозрачный купол, который должен был послужить «небом» долины.

Главный кровельщик отыскал на склоне, ведущем в долину, отметки, наладил нагреватель и начал проделывать в скальной

породе глубокую выемку, похожую на ступеньку. Он двигался вперед, держась одного и того же уровня с помощью линии, прочерченной мелом вдоль всей скалистой стены. Либби решил выяснить, кто это так сноровисто сделал разметку.

— Элементарно,— стал объяснять напарник,— два или три геодезиста взяли теодолит, установили на высоте ровно в пятьдесят футов над дном долины и прикрепили к нему поисковый прожектор. Затем, один из них, как метеор, промчался по кругу, чиркая мелом на высоте, которую показывал луч.

— Наша крыша будет точно на высоте пятьдесят футов?

— Скорее, на высоте ста фунтов в среднем. Из-за давления воздуха она примет форму колокола.

— Нормального земного давления?

— Половинного.

Либби сосредоточился на мгновение, затем на его физиономии выписалось недоумение.

— Но послушайте, эта долина имеет тысячу футов в длину и более шестисот в ширину. При половине от давления сто пятьдесят футов на квадратный дюйм и учитывая, что крыша будет в виде арки, нагрузка составит одну целую восемь десятых миллиона фунтов. Какая ткань выдержит такое напряжение?

— Паутина.

— Паутина?

— Да, паутина. Крепчайшая штука в мире, прочнее лучшей стали. Синтетический паучий шелк. Марка, которую мы используем для крыши, имеет прочность на разрыв в четыре тысячи фунтов на погонный дюйм.

Либби, ненадолго задумавшись, выложил:

— Ага, при периметре около ста восьмидесяти тысяч дюймов максимальное давление на верхнюю точку свода будет около шестисот двадцати пяти фунтов на дюйм. Достаточно хороший запас.

Главный кровельщик облокотился на нагреватель и кивнул.

— Что-то вроде того. Да ты, малыш, я посмотрю, страшно быстр в арифметике.

Либби был потрясен таким мнением и стал оправдываться.

— Я только хочу знать все точно.

Они быстро продвигались по склону, делая ровную выемку, в которой «паутина» будет заякорена и настолько «притерта» к ска-

ле, что купол окажется вполне герметичным. Белая, пышущая зноем лава извергалась из-под резца нагревателя и неторопливо стекала под гору. Коричневый дым, в который превращалась испаряющаяся скальная порода, почти мгновенно конденсировался в вакууме и оседал белым порошком. Главный кровельщик показал на него:

— Эта пылища запросто вызовет силикоз, если мы оставим ее здесь и потом станем ею дышать.

— А как можно убрать порошок? — озадачился Либби.

— Втянем его пневмоустановкой.

Либби использовал это высказывание как повод для следующего вопроса:

— Мистер...

— Давай без мистера. Меня зовут Джонсон.

— Хорошо, Джонсон. Откуда мы возьмем столько воздуха, чтобы хватило на всю долину, не говоря уж о туннелях? Я подсчитал: нам потребуется двадцать пять миллионов кубических футов или даже больше. Мы что, станем его делать прямо тут?

— Нет уж, это слишком хлопотно. Мы захватили его с собой.

— На корабле?

— Именно. Под давлением в полста атмосфер. Так что не волнуйся.

Либби учел и это.

— Сдается мне, что для его транспортировки понадобилась бы емкость длиной в восемьдесят футов.

— Угадал. Он запрессован в три специальных трюма, вернее, гигантские резервуары. Этот корабль в свое время возил воздух на Ганимед. Я был на нем тогда новобранцем, но только в воздушной команде.

Через три недели постоянный лагерь был готов к заселению, а все необходимое с корабля выгружено. Склады ломились от инструментов и съестных припасов. Капитан Дойл перевел свой офис под землю, передав командование кораблем старшему помощнику, доверив ему возвращение на Землю с сильно сократившимся экипажем.

Либби наблюдал с удобного места на склоне холма за стартом корабля. Тут его и прихватила ностальгия. Вернется ли он когда-нибудь домой? В тот момент он искренне хотел сменять

остаток жизни на тридцать минут, проведенных вместе с мамой и Бетти.

Он начал спускаться с холма, направляясь к входу в главный туннель. Так или иначе, на корабле отправилось его письмо родне, и, если повезет, капеллан вскоре доставит ответ с Земли. В ближайшие деньки будет не до развлечений. Ему понравилась работа в воздушной команде, но завтра он вернется в свое отделение. Либби не очень-то хотелось этого. Парни там были вполне нормальные, но ему казалось, что он явно выпадает из их строя.

А вскоре рота Космического строительного корпуса приступила к своему основному делу — стала долбить на «восемьдесят восьмом» ракетные шахты. С их помощью капитан Дойл должен был спихнуть этот стомильный шарик с его обычной орбиты и загнать на новую траекторию вращения — между Землей и Марсом. Тогда его и начнут использовать в качестве космической станции — убежища для аварийных кораблей, гавани для спасательных катеров, заправочной базы и форпоста Военно-космических сил.

Либби приставили к нагревателю у шахты Н-16. Теперь его обязанностью было устройство аккуратных ямок, куда саперы потом закладывали взрывчатку,— на нее и приходилась большая часть работы. На Н-16 было поставлено две группы под общим руководством немолодого старшины. Тот сидел на краю шахты, держа в руках чертеж, и время от времени занимался вычислениями с помощью круглой логарифмической линейки, болтающейся у него на шее.

Либби только что закончил с одним мудреным вырезом для трехфазного направленного взрыва и поджидал саперов, когда вдруг поймал своими наушниками распоряжение старшины относительно величины заряда. Новобранец тут же нажал кнопку передатчика.

— Мистер Ларсен! Вы ошиблись!

— Кто это сказал?

— Либби. Вы ошиблись в величине заряда. Если такой взорвется, он разнесет и шахту и нас вместе с ней.

Старшина, покрутив диски линейки, возразил:

— Зря волнуешься, сынок. Заряд рассчитан правильно.

— Не зря, сэр,— не мог угомониться Либби.— Вы умножили там, где должны были разделить.

— У тебя есть опыт подобной работы?

— Нет, сэр.

— Закладывайте заряд,— Ларсен обратился уже к саперам.

И те принялись исполнять приказ. У Либби пересохло в горле, он глотнул и облизал губы. Он знал, что ему надлежит сделать, но не сразу смог преодолеть робость. И все-таки в два неуклюжих прыжка Либби оказался перед саперами, вклинился между ними и рванул провод из детонатора. Пока он трудился, над ним мелькнула тень, и опустившийся рядом Ларсен схватил его за руку.

— А вот этого уже не стоило делать, сынок. Прямое нарушение приказа. Я должен буду доложить о тебе,— и старшина принялся восстанавливать цепь.

Уши Либби окрасились в багрянец от смущения, но он снова произнес с отвагой загнанного зверя:

— Я обязан был это сделать, сэр. Вы ошиблись.

Ларсен, помедлив, скользнул взглядом по упрямой физиономии новобранца.

— Ладно. Пусть это и пустая трата времени, но мне не хочется держать тебя перед зарядом, которого ты боишься.

Капитан Дойл хорошо расслабился в своих апартаментах. Ноги его отдыхали на пульте, капитанский взор упирался в опорожненный стакан.

— Недурственное пиво, Блэки. Как думаешь, сможем мы сварить еще, когда наши запасы подойдут к логическому концу?

— Вот уж не знаю, капитан. Разве мы захватили дрожжи?

— Это тебе и предстоит узнать.— Капитан повернулся к дородному мужчине, расплывшемуся в третьем кресле.— Ну, Ларсен, я чертовски рад, что обошлось без беды.

— Все равно меня гнетет то, что я смог так облажаться. Я же дважды пересчитывал. Был бы это динамит, я сразу бы сообразил, что ошибся. Не всполошись тот паренек, ну и рвануло бы.

Капитан Дойл похлопал старого сержанта по плечу.

— Забудь, дружище Ларсен. Ты и при желании не сможешь больше никому навредить — я распорядился, чтобы из шахты даже при небольших зарядах убирали всех людей. Эта изотопная

взрывчатка — хитрая бестия. Посмотри, что случилось в шахте А-9. Десятидневный труд улетел в тартарары из-за одного заряда. Но я хочу повидать этого паренька. Как ты сказал, его зовут?

— Либби Э.Дж.

Дойл нажал кнопку на пульте. В дверь тут же постучали. В ответ на капитанское «войдите» появился парень с нарукавной повязкой дневального.

— Рядового Либби — ко мне.

— Есть, сэр.

Через несколько минут Либби доставили в каюту капитана. Он с волнением зыркнул взглядом и заметил Ларсена — что не очень-то укладывалось в его голове. Новобранец доложил едва слышным голосом:

— Рядовой Либби по вашему приказанию прибыл.

Капитан глянул на него.

— Ну, Либби, я слышал, ты и мистер Ларсен разошлись сегодня утром во мнениях. Расскажи-ка об этом поподробнее.

— Я... я ничего плохого не делал, сэр.

— Ну конечно же не делал. Ты не провинился этим утром — наоборот, оказал нам всем неоценимую услугу. Все-таки, как ты узнал, что в вычисления вкралась ошибка? У тебя есть опыт саперной работы?

— Нет, сэр. Я только понял, что мистер Ларсен сделал расчет неправильно.

— Но как?

Либби помялся, переступил с ноги на ногу.

— Ну, сэр, он просто показался мне неверным. И все тут.

— Секундочку. Я вклинюсь, капитан. Можно я задам этому молодому человеку пару вопросиков? — подал голос капитан третьего ранга Блэки Родс.

— Конечно, давай.

— Ты тот самый малыш, который именуется Свинтусом?

Либби зарумянился:

— Да, сэр.

— Я слышал кое-что об этом парне.— Родс вытащил свою внушительную фигуру из кресла, подошел к книжной полке и взял толстенный том. Он полистал его, а затем, остановившись на какой-то странице, стал задавать Либби вопросы.

— Квадратный корень из девяносто пяти?

— Девять целых семьсот сорок семь тысячных.

— А кубический?

— Четыре целых пятьсот шестьдесят три тысячных.

— Логарифм?

— Что, сэр?

— Бог мой! Можно ли в наши дни выйти из школы, не имея об этом понятия.

Либби почувствовал себя совсем неуютно.

— Я не очень-то долго учился. Мои предки не признавали Ковенанта до самой папиной смерти. Лишь после того я немного походил в школу.

— Ясно с тобой. Логарифм — это показатель степени, в которую ты возводишь определенное число, называемое основанием, чтобы получить число, логарифм которого ты ищешь. Усек?

— Не совсем, сэр.

— Я попробую опять. Если ты возведешь десять во вторую степень — в квадрат — получишь сто. Следовательно, логарифм ста по основанию десять — два. Соответственно, логарифм тысячи по основанию десять — три. Ну так, логарифм девяносто пяти?

— Я не могу извлечь его точно. Это дробь.

— Ладно.

— Тогда приблизительно — это будет одна целая девятьсот семьдесят восемь, или около того.

Родс повернулся к капитану.

— По-моему, дальнейшие вопросы излишни.

Пребывающий в задумчивости Дойл кивнул.

— Да, у паренька, похоже, большие способности к математике на интуитивном уровне. Но давайте посмотрим, что он еще может.

— Боюсь, мы должны отправить его на Землю, чтобы там тщательно исследовали это дело.

Либби ухватил смысл последней фразы.

— Сэр, не надо отсылать меня домой. Мама будет ужасно огорчена.

— Ничего такого с тобой не случится,— поспешил успокоить его Дойл.— Когда закончишь службу, тогда и проверим тебя в психометрической лаборатории. А пока я с тобой не расстался бы и за трехмесячное жалованье. Мне легче бросить курить. Но давайка мы еще тебя погоняем.

Весь следующий час капитан и штурман слушали как Либби, во-первых, выводит теорему Пифагора, во-вторых, получает законы Ньютона и Кеплера на основании тех данных, которыми пользовались первооткрыватели, в-третьих, безошибочно оценивает на глаз длины, площади и объемы. И вот уже Либби, прыгнув в суть теории относительности и непрямолинейности пространственно-временного континуума, начал изливать знания быстрее, чем мог говорить,— тут капитан Дойл и притормозил его, подняв руку.

— Достаточно, сынок. А не то у тебя будет жар. Сейчас иди спать, а утром явишься ко мне. Я снимаю тебя с полевых работ.

— Есть, сэр.

— Между прочим, как твое полное имя?

— Эндрю Джексон Либби, сэр.

— Действительно, твои предки никак не могли подписать Ковенант. Ну, спокойной ночи.

После ухода Либби два старших офицера принялись обсуждать свое открытие.

— Как вы оцениваете это, шкипер?

— Ну, он, ясное дело, гений, один из тех самородков, которые появляются невесть откуда раз в сто лет. Я завалю его своими книжками и посмотрю, что из этого получится. Не особо удивлюсь, если он окажется еще и скорочтеем вдобавок.

— И надо же, кого мы открываем среди этих мальчишек — а ведь все они ничего не представляли из себя на Земле.

Дойл кивнул.

— В том-то и беда. Эти пацаны не чувствовали там, что нужны.

«Восемьдесят восьмой» прошел еще несколько миллионов миль вокруг Солнца. За это время оспины на его «физиономии» сделались куда глубже. Шахты были выложены изнутри дюритом — лабораторным продуктом с плотной кристаллической решеткой, на которой гаснет даже атомный распад. Затем «восемьдесят восьмой» получил порцию мягких шлепков, направивших его по курсу к новой орбите. Через несколько недель реактивные выбросы из шахт возымели должное действие, и «восемьдесят восьмой» прочно встал на траекторию, ведущую к Солнцу. Едва

он достигнет базовой точки — в одну целую и три десятых расстояния от Солнца от Земли — как новая порция шлепков спровадит его на круговую орбиту. С этого момента имя ему будет ЗМ-3, то есть третья космическая станция «Земля-Марс».

В сотнях миллионах миль от него еще две роты Космического строительного корпуса заставляли пару других астероидов сойти с проторенной колеи и завращаться вокруг Солнца между Землей и Марсом. В итоге все три небесных тела должны были оказаться на одной орбите. Одно из них участвовало бы в гонках по этой орбите ста двадцатью градусами впереди «восемьдесят восьмого». Другое — ста двадцатью градусами позади. Когда ЗМ-1, ЗМ-2 и ЗМ-3 встанут на свои места, ни один путешественник, терпящий бедствие между Землей и Марсом, не окажется брошенным на произвол судьбы.

В течение тех месяцев, пока «восемьдесят восьмой» летел к Солнцу, капитан Дойл сократил трудовой день членов экипажа и перевел их на сравнительно легкие работы: постройку отеля и превращение долины под куполом в крытый сад. Искрошенная скала стала вполне плодородной землей, в которую внесли всякие удобрения и культуры анаэробных бактерий. Затем космическая пехота посадила растения, адаптировавшиеся в Луна-Сити за тридцать с лишним поколений к малой тяжести, и стала нежно о них заботиться. Если не принимать во внимание низкую гравитацию, «восемьдесят восьмой» стал парням почти что родным домом.

Но когда астероид вышел на траекторию, касательную к будущей орбите ЗМ-3, рота опять вернулась к распорядку дня, характерному для маневрирования, когда вахты идут через одну, а капитан держится на кофе и ловит мгновения сна прямо в штурманской рубке.

Либби был приписан к баллистическому вычислительному комплексу — трем тоннам думающего металла, господствующим в штурманской рубке. Либби помогал настраивать и обслуживать его — после того, как главный боевой наводчик разрешил. Он очень уважал этот компьютер, наверное, потому, что бесхитростно думал о машине, как о человеке, причем похожем на него самого.

В последний день маневрирования залпы из шахт стали более частыми. Либби занимал правое кресло у пульта комплекса, бормоча расчетные показатели для следующих толчков, не забывая

восхищаться точностью, с которой машина отслеживала курс. Капитан нервно крутился возле компьютера, время от времени тормозя, чтобы глянуть через плечо штурмана. Конечно, цифры не врут, ну а что случится, если произойдет отказ думающей техники. Никто никогда еще не передвигал такой большой массы. А вдруг она полетит себе дальше и дальше. Ерунда, конечно. Но капитан был весьма рад, когда астероид сбавил скорость.

Космический пехотинец аккуратно коснулся капитанского локтя.

— Сообщение с флагмана, сэр.

— Читай.

— «Флагман — "восемьдесят восьмому". Лично Дойлу. Нахожусь поблизости, буду любоваться вашим прибытием. Кирни».

Дойл осклабился. Любезно со стороны старикашки, ничего не скажешь. Когда астероид наконец сделается станцией, стоит пригласить адмирала «приземлиться» на обед и показать ему сад.

Следующий толчок был мощнее прежних. Рубку сильно затрясло. Через мгновение посыпались сообщения наблюдателей: «Шахта 9 — в норме», «шахта 10 в норме»...

Внезапно прекратилось привычное бормотанье Либби.

Дойл повернулся к нему.

— Что случилось, парень? Ты заснул? Быстренько запроси полярные координаты. Я должен знать параллакс.

— Капитан...— голос Либби едва не сорвался.

— Ну... шевели губами, не тяни!

— Капитан, машина не отслеживает курс.

— Спайерс! — седая голова главного наводчика ту же вынырнула с другой стороны вычислительного комплекса.

— Сэр, позвольте доложить вам через минуту.

Голова опять скрылась, но через пару мучительных минут появилась снова.

— Гироскоп сбился. Калибровка займет по меньшей мере часов двенадцать.

Капитан, ничего не сказав, развернулся и направился в дальний угол рубки. Штурман внимательным взглядом проследил за ним. Дойл наконец прошел обратно, посмотрел на хронометр и обратился к штурману.

— Ну, Блэки, если через семь минут у меня не будет данных для залпа, мы все пропали. Какие будут умные предложения?

Родс уныло покачал головой. И тут Либби робко подал голос:

— Капитан...

— Да? — резко крутанул головой Дойл.

— Данные следующего залпа для шахты 13 — семь целых шестьдесят три сотых; для шахты 12 — шесть целых девяносто сотых; для шахты 14 — шесть целых восемьдесят девять сотых.

Дойл уперся взглядом в лицо Либби.

— Ты уверен, сынок?

— Они должны быть такими, капитан.

Дойл будто окаменел. Он не смотрел на Родса, его взгляд уходил куда-то вперед. Затем капитан сделал пару глубоких затяжек, стряхнул пепел и твердым голосом приказал.

— Взять данные. Огонь вести по команде.

Четыре часа спустя Либби все еще бубнил залповые данные, лицо его посерело, глаза были прикрыты. Однажды он даже оказался в обмороке, но когда его привели в чувство, то снова принялся выдавать цифры. Время от времени капитан и штурман подменяли друг друга, но ему замены не было.

Залпы теснились один к другому, но толчки стали уже слабее.

После очередного хиленького залпа, Либби открыл глаза, обозрел подволоку и произнес:

— Это все, капитан.

— Запросите полярные координаты,— окликнул Дойл вахтенного помощника.

Тот вскоре доложил:

— Параллакс — постоянен, угловой солнечный коэффициент — постоянен.

Капитан потянулся в своем кресле.

— Ну, Блэки, мы сделали это — спасибо Либби.

Вдруг Дойл заметил беспокойный и внимательный взгляд пехотинца.

— Что случилось, парень? Мы промазали?

— Капитан, вы как-то сказали, что хотели бы иметь в саду нормальную земную силу тяжести?

— Ну, говорил.

— Если та книжка по гравитации, которую вы мне дали почитать, не надувательство чистой воды, то мне, похоже, известен способ, как добиться этого.

Капитан посмотрел на Либби так, будто видел его впервые.

— Я уже устал удивляться тебе. Ты можешь притормозить поток мыслей такого сорта для того, чтобы пообедать с адмиралом?

— Отличная идея, капитан!

Динамик озвучил грубым голосом информацию узла связи:

— Сообщение с флагмана: «Хорошо сделано, "восемьдесят восьмой"».

Дойл наградил всех улыбкой.

— Приятное подтверждение того, что мы не промахнулись.

Динамик гаркнул вновь:

— Сообщение с флагмана: «Отмена последнего сообщения. Ждите поправку».

На лице Дойла прорисовались удивление и беспокойство, а динамик вскоре продолжил:

— Сообщение с флагмана: «Хорошо сделано, ЗМ-3».

ПОВЕСТЬ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ

Это повествование предназначено в первую очередь для тех, кто уже прочел первые два тома данного собрания сочинений, известного под впечатляющим названием «История будущего».

Первый том, «Человек, который продал Луну», охватывает события на отрезке времени от наших дней до конца двадцатого столетия и завершается первыми неуверенными шагами человека в космосе. Читатель смог убедится, что некоторые рассказы, относящиеся к нашему времени, благополучно устарели. Могу объяснить это тем, что писатель-фантаст имеет профессиональные трудности, схожие с проблемами, преследующими синоптиков и гадалок.

Том второй, «Зеленые холмы Земли», посвящен героическим будням освоения Солнечной системы, и все включенные в него истории относятся к рубежу двадцатого и двадцать первого веков.

Если глянуть в таблицу, приложенную ко второму тому, то вам покажется, что время действия всех этих историй укладывается в

© А. Тюрин, перевод

двадцатипятилетний промежуток. Но это лишь оптическая иллюзия, порожденная требованиями полиграфического дела. Указанную последовательность историй тоже не надо принимать за чистую монету. Многие сюжеты пересекаются во времени, однако в них заняты разные персонажи в разных точках пространства.

Предлагаемый Вашему вниманию третий том начинается примерно через добрые семьдесят пять лет после событий, описанных в последнем рассказе из предыдущего тома. Внушительный кусок «истории будущего» уложился в этот временной разрыв.

«Зеленые холмы» завершились тем, что Соединенные Штаты стали ведущей державой в широкомасштабной космической экспансии, которая охватила все пригодные для жизни планеты Солнечной системы. Но на первой же странице третьего тома мы видим Соединенные Штаты, погруженными во тьму нового Средневековья. Страну, забывшую про космос, отгороженную железным занавесом даже от остальной Земли, находящуюся под гнетом теократии, столь же тотальной, как и коммунизм.

Впечатление у вас может соответствовать тому, что возникает при чтении плохо отредактированных журнальных повестей с продолжениями. В предыдущем номере герой висит, болтая ногами, над ямой, кишащей змеями, в обществе злодея, который отпускает шуточки в его адрес. А в следующей части сериала мы находим героя, прогуливающимся в полном здравии и наилучшем настроении по Пятой авеню.

Я мог бы, конечно, извиниться перед читателями. Дескать, мои произведения не планировались на роль подлинной истории будущего — о которой мне известно столько же, сколько и публике,— не являются они и частями большого сериала, поскольку сюжетно не зависят друг от друга. Мол, эти вещи были написаны, чтобы развлечь читателя и доставить автору средства на прокорм.

Но я считаю, что раз уж вы потратились на третий том, то имеете право на объяснительную от автора — почему все-таки он позволил себе столь большой временной разрыв между второй и третьей книгой.

В таблице между «Зелеными холмами» и первой вещью следующего тома можно увидеть три взятых в скобки названия. Как раз истории с этими названиями, будь они написаны, охватили

бы пропущенные три четверти столетия и составили еще один том собрания.

Время действия первой из ненаписанных историй — «Звук его крыльев» — начиналось бы незадолго перед событиями «Логики империи» и заканчивалось через несколько лет после них. В ней рассказывалось бы о юности, карьере телевизионного проповедника и взлете на политический Олимп преподобного Негемии Скаддера, «Первого Пророка», Президента Соединенных Штатов, разрушителя американской конституции и основателя теократического режима.

Вторая история — «Затмение» — являлась бы в значительной степени параллелью Американской Революции и распаду колониальной системы в 20 веке, но речь в ней пошла бы о земных колониях на Марсе и Венере, которые, добившись экономической и политической независимости, порвали бы с матушкой-Землей. Что привело бы к почти полному прекращению межпланетных сообщений. В «Логике империи» показаны некоторые процессы, ведущие к остановке в освоении космоса. Если материнская планета не в состоянии больше эксплуатировать колонии, торговля и связь с ними сходят на нет, межпланетные сообщения делаются необычайно дорогими. Сами же освободившиеся от колониализма нации могут даже законодательно оформить запрещение контактов с бывшей метрополией.

«Каменная подушка» заполнила бы брешь между учреждением теократического режима и его свержением Второй Американской Революцией. Эта история поведала бы о создании революционного подполья. История названа в честь подушек из камня, на которых отдыхали бы мученики подполья как в тюрьме, так и вне ее. Эти революционеры находились бы почти в столь же безвыходном положении, что и антикоммунисты в СССР. Но «Каменная подушка» показала бы превосходство в иных случаях ножа над атомной бомбой и неразумность охоты на комаров с помощью топора.

Эти три произведения, вероятно, не будут когда-либо написаны. «Затмение» касается тем, раскрытых в двух романах, которые не укладываются в прокрустово ложе «Истории будущего». Было бы скучно и для вас и для меня заново пережевывать эти темы. Что касается двух других пропущенных историй, то основными

их недостатками являются минорность тона и печальный конец. Я не против трагедий и написал их прорву, но нынче их чересчур много развелось в газетных заголовках. В общем, не хочу я сейчас писать трагедию и сомневаюсь, что у вас возникло бы желание прочитать ее. Может, потом, в более благоприятные времена, когда мы все будем чувствовать себя по-другому.

В любом случае, если даже Карузо, Клеопатра и Санта-Клаус могут надоесть публике, то что говорить обо мне вкупе с моей псевдоисторией будущего, которая уже заслужила больше свиста и топота, чем криков «браво».

Я отчетливо сознаю, что кратко сформулированные темы ненаписанных историй не проработаны достаточно тщательно, чтобы выглядеть убедительными. Особенно это относится к прекращению уже сложившегося межпланетного сообщения и установления в США диктатуры, базирующейся на суевериях. Но достаточно вспомнить открытия викингов тысячелетней давности, их поселения, основанные в Америке. Ведь труды скандинавских мореплавателей оказались напрасными и Колумбу пришлось начинать все сначала. Космические же перелеты в ближайшем будущем, вероятнее всего, будут сомнительным предприятием, субсидируемым военным ведомством. Они могут отмереть и возродиться вновь уже на новой технической базе и из новых экономических и политических соображений. Я не утверждаю, что так обязательно будет, а только говорю, что так может быть.

Что касается идеи о возможном уничтожении свободы волной религиозной истерии, то я хоть и приношу извинения за такую мысль, но все же считаю подобное развитие возможным, хотя и не слишком вероятным. В нашей культуре имеется глубоко спрятанный слой религиозного фанатизма, это явление укоренено в американской истории и не раз уже прорывалось в прошлом. И сейчас оно дает о себе знать. В последние годы в нашей стране наблюдался резкий рост влияния некоторых евангелических сект. Среди которых есть и те, что имеют крайне теократические, антинаучные, антилиберальные воззрения.

Общеизвестно, что любая секта, экстремистский культ или религия станут возводить свою веру в закон, если приобретут достаточно политической власти, чтобы сделать это. И будут со-

провождать это подавлением оппозиции, превращением образования в машину для промывания мозгов, истреблением и преследованием еретиков. Совершенно все равно, называется вера коммунизмом или холироллеризмом. В любом случае фанатики будут поступать именно так. «Хранители истинной веры» никогда не согласятся на мирное сосуществование с еретиками.

Тем не менее в нашей стране попытки возвести религиозные убеждения в статус закона лишь изредка были успешными. Отдельными штатами принимались законодательные акты о закрытии увеселительных заведений по воскресеньям, о контроле за деторождением, можно вспомнить федеральный «сухой» закон и такие теократические анклавы, как Сион Воливы, Нову Смита и кое-что еще. Наша страна образует столь немыслимую смесь верований и сект, что некоторая степень терпимости всегда соблюдается. Ведь религиозные меньшинства, объединившись, наверняка будут сильнее, чем даже самое крупное из них.

Может ли положение измениться? Получит ли какая-нибудь секта достаточное большинство голосов на выборах, чтобы захватить власть над всей страной? Скорее всего, нет. Однако соединение энергичного проповедника с мощью телевидения, большими деньгами, современной техникой рекламы и пропаганды может дать результат, настолько превосходящий усилия Билли Санди, насколько сеть универмагов Сирс Робак превосходит какую-нибудь лавчонку.

Добавьте для пущего эффекта экономическую депрессию, обещания Царства Божия на земле, хорошие дозы антисемитизма, антикатолицизма, расизма, ксенофобии плюс приличные порции антиинтеллектуализма для домашнего употребления — и итоги могут быть весьма устрашающими. Особенно если учесть нашу избирательную систему, при которой идеологическое меньшинство, распространенное в достаточном количестве штатов, может завоевать в Вашингтоне практическое большинство.

Я представляю себе Негемию Скаддера как проповедника из захолустья, соединяющего в себе черты Кальвина, Савонаролы, судьи Резерфорда и Хью Лонга. Его влияние не будет носить общенационального характера до смерти г-жи Рэйчел Биггс, ранее обращенной в его веру, дамы с единственным достоинством —

сказочными деньгами, оказавшимися у нее после кончины мужа-миллионера, отнюдь не разделявшего ее убеждений. Эти деньги она завещает Брату Скаддеру, а он создаст на них телестанцию. Затем объединит усилия с бывшим сенатором от своего штата. Они наймут крупное рекламное агентство и вступят на путь, ведущий к славе и богатству. Затем им понадобятся штурмовые отряды, они возродят Ку-Клукс-Клан во всем, кроме названия, вместе с балахонами, паролями, тайными знаками. Эта атрибутика еще раз сыграет свою роль. Потом будет кровь на избирательных участках и на улицах, но Скаддер выиграет выборы. А следующие выборы ему уже не понадобятся.

Такое невозможно? А вспомните Клан двадцатых годов, они пошли далеко даже без энергичного лидера. Вспомните Карла Маркса — его антинаучная ахинея, называемая «Капитал», уничтожила свободу мысли на доброй половине планеты Земля. А ведь при этом даже не использовались эмоциональные каналы воздействия, присущие религии.

Способность человека глотать чепуху и превращать ее в насилие и репрессии пока не знала никаких ограничений.

Нет, должно быть, я никогда не создам истории Негемии Скаддера, я его слишком не люблю. Но надеюсь, вы со мной согласитесь, что она МОГЛА БЫТЬ написана. Хотя бы для того, чтобы рассказы, следующие по времени действия за ней, были достоверны. Но независимо от того, поверите ли вы в предпосылки, на которых основываются эти истории, или нет, я надеюсь, что мои сочинения придутся вам по вкусу. В противном случае мне останется одно: зарабатывать на хлеб чем-то другим. И это в мои-то годы...

Номер был заявлен как балет-чечетка, но разве опишешь это такими простыми словами?

Его ноги творили замысловатую барабанную дробь, рассыпчатую и чистую. Зал замер, затаив дыхание, когда он взлетел высоко в воздух, выше, чем может быть дано человеку, и на лету исполнил фантастическое, невероятное *entrechat douze*.

А потом уверенно приземлился на кончики пальцев и в тот же миг отчеканил громоподобное фортиссимо.

Прожектора-пистолеты погасли, на сцену дали полный свет. Зрительный зал надолго примолк, потом понял, что пора, и разразился бурей аплодисментов.

Он стоял лицом к залу, как бы позволяя валу человеческих чувств смести себя. Было ощущение, что надо наклониться вперед, чтобы выдержать напор; напор, от которого по всему телу разливалось живительное тепло.

Как чудесно, когда танцуешь, как великолепно, когда тебе хлопают, когда ты любим, когда ты желанен.

© А. Шербаков, перевод

Когда занавес окончательно опустился, он позволил своему костюмеру увести себя со сцены. Как всегда в конце представления, он был чуточку пьян; танец был счастливой отравой даже во время репетиций, но видеть перед собой зрительный зал, который подхватывает, несет и приветствует — такое не приедалось. Каждый раз это было внове, каждый раз от этого неистово билось сердце.

— Шеф, сюда. Ну-ка, улыбнулись. Хоп!

Полыхнула лампа-вспышка.

— Благодарим.

— Это я вас благодарю. Как насчет «по рюмашке»?

Его чуть не затолкали в дальний угол артистической уборной. Все как на подбор замечательные ребята, чудо-парни: репортеры, фотографы — ну все до единого.

— А еще по одной? На посошок.

Он готов был. И не только по одной, но костюмер, надевая ему левый штиблет, предупредительно напомнил:

— Вам же через полчаса оперировать!

— Оперировать?— изумился фотограф из газеты.— И что за операция?

— Цереброктомия левого полушария,— ответил он.

— В самом деле? Как насчет сняться за этим делом?

— Буду рад. Если клиника не возражает.

— Это мы уладим.

Ну чудо-парни.

—...Хотела бы дать очерк-портрет чуть под иным углом,— прозвучал над ухом женский голос. Он поспешно оглянулся, чуть сконфуженный.— Например, что заставило вас решиться на карьеру танцора?

— К сожалению, не расслышал,— извинился он.— Боюсь, что здесь слишком шумно.

— Я спросила, почему вы решились на карьеру танцора.

— Как вам сказать? Даже не знаю, что ответить. Боюсь, в двух словах не расскажешь, о многом придется вспомнить...

Джеймс Стивенс со зверским видом уставился на своего зама по технической части.

— По какому поводу ты такой развеселый?— спросил он.

— Просто лицо у меня такое,— ответил зам извиняющимся голосом.— Веселого мало. Еще одна авария.

— Только этого не хватало! Постой, дай я сам соображу. Пассажирский или грузовой?

— Грузовик с прицепом компании «Климакс» на челночной линии Чикаго — Солт-Лейк-Сити чуть к западу от Норт-Платта. И еще...

— Что «еще»?

— Вас требует к себе «сам».

— Это интересно. Более чем интересно. Слушай, Мак.

— Да, начальник.

— Тебе по вкусу было бы заделаться в главные инженеры по транспорту «Норт-Американ Пауэр-Эйр»? Слыхать, вакансия открывается.

Мак почесал нос.

— Забавно слышать это от вас, начальник. А я как раз собирался спросить, какого сорта рекомендацию вы дадите, если я подамся обратно в мостостроители. На что готовы, чтобы от меня избавиться.

— От тебя-то я избавлюсь. Сию же минуту. Вали в Небраску, разыщи этот гроб с музыкой, прежде чем туда доберутся охотнички за сувенирами, и приволоки сюда все декальбы с него, а заодно и их панели управления.

— А если встрянет полиция?

— Сам понимаешь. Просто не теряй надежды вернуться.

Отдел Стивенса располагался сразу же по соседству с зональной энергоцентралью; администрация НАПЭ устроилась под горушкой примерно в километре оттуда. Имелся обычный переходный туннель; Стивенс прошел в туннель и нарочно выбрал самую малоскоростную дорожку, чтобы выгадать побольше времени на размышления, прежде чем явиться пред лицо высшего начальства.

К моменту прибытия умом пораскинул, но выводы оказались малоутешительны.

«Сам», то есть Стенли Ф.Глисон, президент правления, приветствовал Стивенса мирно.

— Входите, Джим. Садитесь. Сигару?

Стивенс боком присел на стул, от сигары отказался, достал сигарету и, пока закуривал, осмотрелся по сторонам. Кроме высшего начальства и его самого присутствовали Харкнесс, начальник юридического отдела, доктор Рэмбо, тоже главный, но по исследовательской части, и Страйбел, главный инженер по городским энергопоставкам. «Как раз пятеро,— мрачно подумал он.— И все тяжеловесы, средний вес отсутствует. Ох и полетят головушки с плеч! Начиная с моей».

— Ну что ж, все в сборе,— почти воинственно начал он.— У кого карты? Потянем, кому сдавать?

На вид Харкнесса это нарушение приличий несколько задело; Рэмбо, похоже, был слишком погружен в какие-то личные скорби, чтобы обращать внимание на шпильки в дурном вкусе. А Глисон просто проигнорировал сказанное.

— Джеймс, мы тут бьемся, соображаем, как нам выкарабкаться. Вас я пригласил в слабой надежде, что вы еще не уехали. Выскажитесь.

— Притормозил просто, чтобы поглядеть, нет ли для меня личной почты,— проворчал Стивенс.— А то уже болтался бы в Майами на пляже, превращал бы солнышко в витамин *D*.

— Знаю,— ответил Глисон.— Отпуск вы заработали честно. Но увы, Джимми. Ситуация не улучшается, а делается только хуже. Идеи есть?

— А что говорит доктор Рэмбо?

Рэмбо моментом вскинулся.

— Рецепторы де-Кальба абсолютно надежны,— заявил он.

— Однако летят один за другим.

— Они тут ни при чем. Значит, вы с ними обращаетесь не так, как положено.

И Рэмбо опять погрузился в свои неразрешимые трудности.

Стивенс повернулся к Глисону и развел руками.

— Насколько я в курсе, доктор Рэмбо прав. Возможно, и впрямь сплоховал мой отдел, но я не в состоянии обнаружить причину. Готов подать заявление об отставке.

— Не нужна мне ваша отставка,— милостиво сказал Глисон.— Мне нужен выход из положения. На нас лежит ответственность перед обществом.

— И перед акционерами,— вставил Харкнесс.

— Будем чисты перед обществом — акционеры нас не потревожат,— мудро рассудил Глисон.— Так что скажете, Джимми? Есть предложения?

Стивенс закусил губу.

— Одно есть,— объявил он,— причем самого меня мало устраивающее. После этого мне одна дорога — в распространители дамских журналов.

— Даже так? И что за предложение?

— *Сунуться за консультацией к Уолдо.*

И куда только девалась апатия доктора Рэмбо!

— Что? К этому шарлатану? Это же научный вопрос! На-уч-ный!

Заныл и Харкнесс:

— До-октор Стивенс! И впрямь, знаете ли...

Глисон жестом потребовал тишины.

— Предложение доктора Стивенса логично. Но боюсь, Джимми, что вы с ним несколько подзапоздали. Я говорил с Уолдо на прошлой неделе.

Насколько удивился Харкнесс, настолько набычился Стивенс.

— И даже не дали мне знать?

— Джимми, увы. Просто разведал обстановку. Но без толку. Условия, которые он выставляет, для нас равнозначны конфискации.

— Все еще дуется на нас из-за патентов Хатауэя?

— Все еще злобу тешит.

— Вам следовало поручить это мне,— вставил Харкнесс.— Он так с нами не поступит. Речь идет об интересах общества. Если понадобится, заплатим аванс, а вопрос о гонораре передадим в третейский суд. Пусть вынесет беспристрастное решение. Детали я улажу.

— Не дай бог,— сухо сказал Глисон.— По-вашему, судебным решением можно заставить курицу снести яйцо?

Харкнесс всем своим видом изобразил возмущение, но промолчал.

А Стивенс продолжил:

— Предположительно есть зацепка, как подступиться к этому типу, *иначе я не вылез бы с этим предложением. Я знаком с* одним его другом...

— С другом Уолдо?! Разве у него могут быть друзья?

— Ну не друг, а что-то вроде родственника. Его врач во младенчестве. С его помощью можно бы попытаться договориться с Уолдо по-хорошему.

Доктор Рэмбо вскочил.

— Это переходит всяческие границы,— заявил он.— Так что вынужден просить прощения, но...

И не дожидаясь, пока простят, размашистым шагом удалился, едва соизволив дать время двери на то, чтобы отвориться перед ним.

Глисон проводил его тревожным взглядом.

— Джимми, чего это он так разошелся? Можно подумать, Уолдо — его личный враг.

— Некоторым образом. И даже хуже: ниспровергатель всей его вселенной. Последние два десятка лет, после того как Прайор пересмотрел общую теорию поля и расправился с принципом неопределенности Гейзенберга, физики держат свою физику за точную науку. Нам, то есть вам и мне, аварии с энергоподачей на транспорте — докука солидная, а для доктора Рэмбо это еще и покушение на его богов. Так что приглядывайте за ним.

— В каком смысле?

— В том, что может натворить черт-те чего. Когда у человека рушится мировоззрение, это дело сверхсерьезное.

— Н-да-а-а. А вы сами? Вас тоже и так же допекло?

— Не совсем. Я инженер, то есть, с точки зрения Рэмбо, высокооплачиваемый лудильщик. Разные личные установки. Я просто в некоторой растерянности.

Ожил аудиокоммуникатор на столе у Глисона.

— Главный инженер Стивенс, ответьте. Главный инженер Стивенс, ответьте.

Глисон подхватил трубку.

— Здесь. Говорите.

— Поступила шифровка нашим кодом. Даю перевод: «Потерпел аварию в четырех милях к северу от Цинциннати. Добираться ли дальше в Небраску или приволочь вы-знаете-что из собственной таратайки?» Конец сообщения. Подписано: «Мак».

— Передайте, чтобы возвращался. Но на своих двоих!— свирепо рявкнул Стивенс.

— Вас понял, сэр.

Аппарат отключился.

— Это от вашего зама?— спросил Глисон.

— Да. Шеф, нет больше моего терпежу. Мне ждать и ковырять-ся с этой аварией или все же попытать счастья насчет Уолдо?

— Попытайте счастья.

— О'кей. Если не дождетесь вестей, просто вышлите выходное пособие в гостиницу «Долина пальм» в Майами. Я буду четвертый нищий справа.

Глисон позволил себе горестную усмешку.

— Если уж и вы не справитесь, я буду пятый. Удачи.

— До скорого.

Стивенс удалился, и только тут впервые раскрыл рот главный инженер по городским поставкам Страйбел.

— Если пойдут аварии по городским энергоприемникам, ох и туго мне придется.

— Так уж и худо? Подумаешь, будете нищий номер шесть.

— Вряд ли. Я буду висельник номер один. Меня просто линчуют.

— Но энергоподача в города от аварий застрахована. У вас там полно предохранителей и параллельных линий.

— Примерно так же застрахованы и декальбы. Ни больше ни меньше. А представьте себе седьмой подземный этаж Питтсбурга, когда там вырубится освещение. Впрочем, лучше не представляйте.

Доктор Граймс протиснулся сквозь верхний люк своего подземного дома, глянул на оповеститель и убедился, что в его отсутствие в дом забрался гость. Кто-то из очень хороших знакомых, поскольку знает код замка, отметил доктор с некоторым оживлением, загромыхал вниз по лестнице, стараясь легче ступать на больную ногу, и вошел к себе в приемную.

— Док, привет!

В ответ на лязг входного люка встал и направился поздороваться с хозяином Джеймс Стивенс.

— Здоров, Джеймс. Налей себе чего-нибудь. Ах, уже налил? Ну, тогда налей мне.

— Есть такое дело.

Пока гость справлялся с поручением, Граймс избавился от своего допотопного пальто до пят и швырнул его, по крайней мере, в сторону вешалки. Пальто тяжко бухнулось на пол, куда более тяжко, чем можно было ожидать по внешнему виду, несмотря на солидные размеры. И глухо лязгнуло.

А Граймс, согнувшись в три погибели, взялся снимать объемистые штаны, такие же увесистые, как и пальто. Под ними оказались обычные иссиня черные брюки конторщика, врачу уж вовсе ни к селу ни к городу. На взгляд существа, не искушенного в человеческом обычае одеваться,— скажем, сказочного жителя Антареса,— медицинское светило могло бы показаться пребезобразным, даже монструозным. А на взгляд обитателя одной с ним планеты, очень напоминало матерого жука-навозника.

Брюки Джеймс Стивенс оставил без внимания, но на сброшенную хурду-мурду он глянул с неодобрением.

— Все еще таскаете эти дурацкие доспехи,— не удержался он от комментария.

— А как же!

— Док, не доведет вас до добра эта хренация. Только здоровье себе портите.

— Без нее быстрей испорчу.

— Не надо. Я только в лаборатории доспехи ношу, а больше нигде. И, как видите, на здоровье не жалуюсь.

— И зря.

Граймс подошел к табуретке, на которую пересел Стивенс, и скомандовал:

— А ну, ногу на ногу!

И чуть только Стивенс исполнил приказ, ребром ладони резко ткнул гостя под коленную чашечку. Сработало еле-еле.

— Паршиво,— отметил Граймс, оттянул гостю веко и глянул на глазное яблоко. Покачал головой и изрек:— Дрянь дело.

Стивенс досадливо отстранился.

— Со мной все тип-топ. И речь не обо мне, а о вас.

— Это в каком же смысле?

— А в таком. Холера вас забери, док, вы же репутацию теряете. Послушали бы, что о вас болтают.

Граймс кивнул.

— Слышал, и не раз. Мол, бедняга Гэс Граймс на старости лет маленько того. Зря волнуешься по этому поводу. Я всю жизнь как ходил не в ногу со всеми, так и хожу. А вот у тебя с коэффициентом усталости наверняка непорядок. Сколько тебе выводят?

— Понятия не имею. Здоров как бык.

— Как бык, говоришь? Да я тебя побью в двух раундах из трех.

Стивенс потер веки.

— Док, кончайте проезжаться на мой счет. Расклеился я, ваша правда. Сам знаю, но это от переутомления, а не от чего-нибудь.

— Уши вянут! Джеймс, ты приличный специалист по излучениям, физик...

— Не физик, а инженер.

— Ладно, пусть инженер. Но не медик. Пойми, нельзя год за годом поливать организм всеми видами излучения, как из бочки, и не поплатиться за это. Организм не так устроен, чтобы выдерживать такие купанья.

— В лаборатории я ношу доспехи. Вы же в курсе.

— Слава богу. А вне лаборатории?

— Слушайте, док! Очень не хотелось бы затрагивать эту тему, но вы же несете чушь. Никто не спорит, в воздушном бассейне наших дней имеет место рассеянная лучевая энергия, но совершенно безвредная. Специалисты по коллоидной химии...

— Обхихимия это калоидная, а не химия!

— Вы что, вы уже достукались до того, что коллоидной химии не признаете? Да весь наш жизненный баланс на ней стоит!

— А с какой стати мне ее признавать? Живые ткани построены на коллоидах, и я согласен: это так и есть. Но я уже сорок лет кряду твержу, что живые ткани нельзя подвергать облучению, вперед досконально не разобравшись в возможных последствиях. С точки зрения эволюции человеческий организм рассчитан на адаптацию только к естественному облучению со стороны Солнца, да и то к ослабленному за счет толстого ионизированного слоя в атмосфере, да и то не так чтобы очень. А уж где такого слоя нет... Ты когда-нибудь видел, что такое солярно-рентгеновский рак?

— Не довелось.

— Молокосос ты! А вот мне довелось. Я еще интерном был, когда пришлось ассистировать при аутопсии этой штуки. Парнишка

был участник второй экспедиции на Венеру. Четыреста тридцать восемь метастаз мы в нем насчитали, да так и не досчитали — бросили.

— Солярно-рентгеновского рака больше не существует.

— И слава богу. Но урок нам был дан, и забывать его грешно. Дай волю вашей гениальной пацанве, вы у себя в лабораториях такой каши наварите, что никакая медицина разобраться не поспеет. Мы же поневоле отстаем. Ничего не знаем, покуда не проявится, а проявляется-то не вдруг. А тогда, когда вы уже понакрываетесь.

Граймс тяжело сел, и внезапно стало видно, что он измучен и утомлен не меньше своего куда более молодого гостя. И Стивенс ощутил, что у него язык не поворачивается на продолжение этого разговора. Что-то в этом роде бывает, когда твой самый близкий друг ни с того ни с сего втюривается в совершеннейшее черт знает что. Он сидел и ломал голову, как бы не ляпнуть что-нибудь не то.

И решил переменить тему.

— Док, я не просто так пришел. Есть несколько вопросов для обсуждения.

— Например?

— Во-первых, относительно отпуска. Сам понимаю, что расклеился. Переутомился, так что, похоже, нужен отпуск. А во-вторых, я к вам насчет Уолдо.

— То есть?

— Вот именно. Насчет Уолдо Фартингуэйт-Джонса, не будь дурно помянуто его непреклонное и злое сердце.

— Уж он-то тут каким боком? Никак тебя вдруг заинтересовала *myasthenia gravis?*

— Ни в коем разе. Его состояние мне абсолютно без разницы, страдай он плюс ко всему еще хоть чесоткой, хоть паршой, хоть скоротечным неизлечимым дристунцом, чего от души ему желаю. Но мне надо задействовать его мозги.

— Ах вот как?

— В одиночку мне не справиться. Тот еще, знаете ли, людям помощничек ваш Уолдо. Он мастер только ими пользоваться. Вы — это его единственный нормальный человеческий контакт.

— Ну, это не совсем так.

— А с кем еще у него контакт?

— Ты не так понял. У него нет контакта ни с кем. Я — просто единственный человек, у которого хватает наглости с ним не церемониться.

— А я-то думал!.. Впрочем, неважно. Неужто вы считаете такое положение нормальным? Уолдо — это человек, без которого нам не обойтись. Где написано, что гений его масштаба обязательно должен быть таким неприступным, таким неподатливым на рядовые общественные запросы? Не надо. Понятно: это во многом продиктовано его хворобой, но почему, почему именно она именно к нему привязалась? Вероятность случайного совпадения тут исчезающе мала.

— Его немочь тут ни при чем,— ответил Граймс.— Вернее, при том, но не с того боку, с которого ты подступаешься. Его гениальность некоторым образом проистекает из его слабости...

— То есть?

— Ну-у...

Граймс погрузился в собственные мысли и дозволил себе умом вернуться вспять к долгим — длиною в целую жизнь (разумеется, жизнь Уолдо) — размышлениям об этом своем особом пациенте. Припомнились какие-то подсознательные опасения, когда он принял этого младенца во время родов. Внешне младенец выглядел приемлемо, разве что был несколько синюшный. Но в родилках того времени множество малышей являлось на свет с небольшим цианозом. И тем не менее как-то рука не поднималась шлепнуть новорожденного по попке, чтобы тот от удара впервые хватил полные легкие воздуха.

Однако собственные чувства были подавлены, «рукоприкладство» состоялось по всем правилам, и новорожденный человечек провозгласил свою независимость вполне удовлетворительным криком. Что еще оставалось сделать молодому врачу по всем болезням, на полном серьезе относившемуся к своей клятве Гиппократа? Впрочем, он и нынче относится к ней на полном серьезе, хотя временами позволяет себе распространяться насчет ее лицемерности. И ведь прав оказался в своих предчувствиях: была в этом малыше какая-то гнильца еще и помимо *myasthenia gravis*.

Поначалу было как-то жаль этого карапуза и было необъяснимое чувство ответственности за его состояние. Патологическая

мышечная слабость — инвалидность абсолютная, поскольку у пациента нет уцелевших конечностей, способных заменить увечные. Жертва вынуждена лежать, все органы, все конечности у нее на месте и действуют, но мускулатура прежалостнейшим образом слаба и не способна к нормальным усилиям. Жизнь поневоле проходит в состоянии полнейшего изнурения, у нас с вами такое могло бы наступить на финише марафонского бега. Но мы-то отдышимся, а вот больной не отдышится, и помочь ему нечем.

Пока длились детские годы Уолдо, врач не терял надежды, что ребенок умрет и тем избежит приговора к трагической никчемности. Но в то же время, будучи врачом, он делал все, что только в его силах и в силах бесчисленных консультантов, чтобы ребенок жил, и ухаживал за ним, как только мог.

Естественно, Уолдо не мог посещать школу — Граймс выискивал ему домашних учителей посострадательнее. Уолдо не мог играть в обычные игры — Граймс изобретал игры для лежачего, которые не только развивали бы воображение, но и подвигали бы пациента на предельное напряжение своих вялых мускулов.

В ту пору Граймс опасался, что этот тепличный ребенок, огражденный от обычных стрессов созревания, может навсегда остаться инфантильным. Теперь-то — тому уж много лет — он понимал, что тревожился напрасно. Подрастающий Уолдо буквально цеплялся за все, что только могла предложить ему эта убогая жизнь, он жадно учился и до седьмого пота напрягал волю, чтобы заставить служить свои непослушные мышцы.

Особую сообразительность он проявил в поисках средств обхода своей мускульной слабости. В семь лет он разработал способ управляться с ложкой. Обеими руками. Это позволило ему, хотя и с громадным усилием, но питаться самостоятельно. А в десять лет он изобрел свое первое механическое приспособление.

То был аппаратик, который держал перед ним книгу под любым удобным углом, направлял свет на нужное место и переворачивал страницы. Аппаратик управлялся нажимом от кончика пальца с помощью простенькой кнопочной панели. Разумеется, построить его самостоятельно Уолдо не мог, но зато сумел продумать и изложить замысел. Родители были достаточно богаты, чтобы воспользоваться услугами конструктора-профессионала, осуществившего проект увечного малолетки.

Вот так малыш Уолдо впервые почувствовал вкус к умственному господству над взрослым человеком, который ему не родня и не прислуга, и Граймс был склонен считать этот случай началом долгого психологического процесса, по ходу которого Уолдо в конце концов начал рассматривать все человечество как своих слуг, как руки, которых ему недостает, руки, которыми он либо пользуется, либо может воспользоваться.

— Док, вы что, не в себе?

— А? Извини, отвлекся. Так что, видишь ли, сынок, уж так-то напускаться на Уолдо ни к чему. Лично мне он не по душе. Но приходится принимать его таким, каков он есть.

— Гляжу, допринимались.

— Умолкни. Сам признал, что нуждаешься в его уме. Не было бы этого ума, не родись он калекой. Ты его родителей не знал. Доброго десятка были люди, приятные, умные, но ничего особенного. И Уолдо одарен не в большей степени, чем они, но напрягать свои таланты, чтобы хоть чего-то добиться, ему пришлось намного больше. Ему приходится соображать, у него нет другого выхода.

— Согласен. Тысячу раз согласен, но с какой стати притом еще и ядом исходить? Талантливые люди в большинстве своем не таковы.

— А ты раскинь мозгами. Чтобы хоть чего-то добиться в своем положении, парню пришлось крепить волю и настраивать ум исключительно в одном направлении, ничьих иных соображений в расчет не принимая. Вот он и заделался невыносимым эгоистом. Чего еще от него ждать?

— Я бы... Да ладно, это неважно. Он нужен нам позарез, все дело в этом.

— Зачем?

Стивенс пустился в объяснения.

Наверное, уместно будет подчеркнуть, что проявления культуры: нравы, оценки, построение семьи, застольные обычаи, принятый образ жизни, методы обучения, учреждения, форма правления и так далее, жестко определяются хозяйственными потребностями наличествующей технологии. Хотя такое утверждение слишком расплывчато и в значительной степени упрощено,

тем не менее бесспорно, что многие из неотъемлемых особенностей долгого мира, наступившего после конституционного возвышения Объединенных наций, своим происхождением обязаны технологическим методам, разработанным в тепличных условиях, поневоле созданных воюющими сторонами, вовлеченными в сражения сороковых годов. В преддверии той поры как ненаправленное, так и направленное излучение электромагнитной энергии, за небольшими исключениями, использовалось только в качестве удобного средства связи. Даже телефонная связь осуществлялась почти всецело посредством соединения аппаратов с помощью металлических проводов. Если какой-нибудь житель Монтерея желал пообщаться с женой или деловым партнером, находящимися, скажем, в Бостоне, между ними через весь континент протягивался физически осязаемый медный нейрон.

Силовая энергоподача без проводов в ту пору рассматривалась как прихоть фантазии, россказни для субботних приложений к газетам и журналам, тема для развлекательных книжонок.

Прежде чем было покончено с медной паутиной, что заплела весь континент, понадобился последовательный — впрочем, нет, не последовательный, а сложный параллельно-последовательный — прогресс во многих областях техники. Ненаправленное излучение энергии — штука экономически невыгодная; поэтому пришлось дожидаться открытия коаксиального луча, которое явилось следствием экономических ограничений времен Великой войны. Радиотелефон не мог заменить проводную связь до тех пор, пока микроволновая техника не проложила в эфире, так сказать, торной дороги. И даже после этого потребовалось изобретение прибора для настройки, с каким человек, ничего не понимающий в технике — скажем, десятилетний ребенок,— обращался бы с той же легкостью, с какой обращались с наборным телефонным диском, прибором, характерным для проводной связи общего пользования заканчивающейся эры.

Проблему в конце концов разрешила фирма «Белл лабораториз»; и от этого решения оставался всего один шаг до создания приемника лучевой энергии, аппарата, который устанавливается в частном доме, запертый на ключ, опечатанный и снабженный счетчиком. Так стала принципиально возможна силовая энерго-

подача с помощью радиоизлучения. Оставался лишь один камень преткновения — низкий коэффициент полезного действия такой энергосистемы. В свое время промышленная революция стала возможна лишь после изобретения паровой машины; авиации пришлось дожидаться создания мотора, работающего на цикле Отто; точно так же довелось ждать своего часа и беспроводной системе энергопитания: для нее был необходим дешевый и чрезвычайно мощный источник энергии. Поскольку лучевая передача энергии — процесс, по своей природе чреватый огромными потерями, использовать этот процесс можно было только при наличии дешевой и настолько изобильной энергии, чтобы ее не жаль было непроизводительно терять.

Такой источник был открыт в том же году — атомная энергия. Физики, работавшие на армию Соединенных Штатов — в ту пору Соединенные Штаты Северной Америки имели собственную армию,— изготовили сверхвзрывчатку; когда должным образом соотнесли данные в рабочих журналах, которые велись во время опытов, обнаружилось все необходимое для осуществления почти любой ядерной реакции, даже для так называемого «солнечного феникса», то есть водородно-гелиевого цикла, что является источником энергии Солнца.

Так появился экономически доступный источник для излучателя электромагнитной энергии. Реакция, в ходе которой медь расщепляется на фосфор, кремний-29 и гелий-3, а далее следуют цепи затухающих преобразований, оказалась одним из нескольких дешевых и удобных способов, в дальнейшем примененных для производства практически безграничных количеств энергии.

Разумеется, в беседе с Граймсом Стивенс не упомянул ни о чем из сказанного выше. Для Граймса весь этот динамический процесс оставался как бы за пределами осознания; развитие лучевой энергетики он воспринимал примерно так же, как его дед воспринимал развитие авиации. Видел, как исчезают исчертившие небо линии электропередачи, теперь на многие годы сделавшиеся источником медного сырья; наблюдал, как по всему Манхэттену перекапывают улицы, чтобы извлечь толстенные кабели. Мог бы даже припомнить свой первый радиотелефон, ни от чьей милости не зависящий, но почему-то с двумя наборными дисками: когда он

впервые воспользовался такой штукой, то вместо «Кулинарии» по соседству с ходу дозвонился до какого-то адвоката в Буэнос-Айресе. Целых две недели все его местные телефонные звонки шли через Южную Америку, пока он наконец не сообразил, что диск диску рознь и все зависит от того, каким вперед воспользоваться.

В то время Граймс еще не покорился новшествам в архитектуре. Так называемый «лондон-план» его нимало не привлекал; ему нравился сам вид надземных домов. Однако по мере того как возрастала нужда в увеличении полезной площади, он шаг за шагом отступал и уходил под землю. Но не столько из-за дешевизны, удобства и общепризнанной практичности образа жизни в пещере на трех уровнях, сколько потому, что уже тогда начал слегка тревожиться по поводу возможных последствий от погружения человеческого тела в мощные электромагнитные поля. Стены из плавленого камня в его новом обиталище изнутри были обшиты свинцом; кровля пещеры имела двойную толщину. Его нора была защищена от электромагнитных полей настолько, насколько это вообще возможно.

— ...Вся соль в том,— толковал Стивенс,— что энергоснабжение подвижного состава начало давать дьявольские сбои. Пока что не настолько серьезные, чтобы парализовать транспорт, но достаточные для смятения умов. Имело место несколько очень неприятных аварий. До поры до времени удается избегать широкой огласки, но ведь не навек же. Я должен как-то разобраться с этим.

— Почему ты?

— Почему я? Не прикидывайтесь дурачком. Во-первых, потому, что я заведую в НАПЭ энергоснабжением транспорта и от этого зависит слой масла у меня на хлебе. И, во-вторых, потому, что проблема сама по себе ставит меня в тупик. Должным образом сконструированный прибор обязан работать. Постоянно и при каждом включении. А он не работает, и мы не в состоянии понять почему. Наши ведущие матфизики вот-вот начнут лепетать что-то уж вовсе невразумительное.

Граймс пожал плечами. При этом зрелище Стивенс досадливо поморщился.

— Док, по-моему, вы недооцениваете серьезность проблемы. Вы представляете, сколько лошадиных сил уходит на перевозки? Если подсчитать суммарное энергообеспечение грузопотока и добавить к этому потребности личного и общественного транспорта, то окажется, что «Норт-Американ Пауэр-Эйр» поставляет более половины энергии, используемой на континенте. У нас нет права на ошибки. А прибавьте к этому еще и дочерние предприятия по городскому энергоснабжению. Там пока что обходилось без аварий. Но это пока. Страшно себе представить, что будет, если крупный город останется без энергии.

— Хотите, скажу, как вам быть?

— Вот как? Извольте.

— Отправьте эти ваши штучки-дрючки на свалку. Вернитесь к паровозам и двигателям на нефтяном топливе. Избавьтесь от этих ваших электромагнитных волчьих ям, будь они трижды прокляты.

— Категорически исключено. Вы не понимаете, что говорите. На переналадку энергохозяйства ушло больше пятнадцати лет. Теперь мы уже втянулись в это. Гэс, если НАПЭ прикроет лавочку, половина населения по северо-западному побережью сдохнет с голоду, не говоря уже о том, что будет вокруг Великих озер и с агломерацией от Филии до Бостона.

— Ч-черт!.. И тем не менее, возможно, это не так страшно, как отравительство по капле, которым вы занимаетесь сейчас. Это все, что я могу сказать.

Тут уж Стивенс рассвирепел.

— Слушайте, док! Мил вам ваш заскок — носитесь с ним, как с писаной торбой, но не требуйте, чтобы и я с ним считался. Никто кроме вас не ждет никаких подвохов от мощного радиоизлучения.

— Значит, получит сюрпризец,— мирно ответил Граймс.— Ты знаешь, каков был прошлогодний рекорд по прыжкам в высоту?

— В жизни не слушал спортивных новостей.

— А не мешало бы время от времени. Лет двадцать тому назад он составлял двести двадцать три сантиметра. А с тех пор из года в год понижается. Попробовали бы сопоставить график понижения с ростом насыщения атмосферы высокочастотными электромагнитными полями, с вашей милой искусственной радиацией. Могли бы получить любопытные результаты.

— Чушь свинячья! Любому пацану известно, что большой спорт вышел из моды. Мы просто сделали шаг вперед к более интеллектуальной культуре.

— К более интеллектуальной? Вот уж брехня! Люди перестали играть в теннис потому, что постоянно чувствуют себя усталыми. Ты глянь на себя. Краше в гроб кладут.

— Имею поводы, док, и ни к чему проезжаться на мой счет.

— Извини. Но в биологическом аппарате человека явно имеет место расстройка. Я мог бы доказать это с цифрами в руках, но любой врач, который хоть чего-то стоит, в моих доказательствах не нуждается и сам это видит. Если есть глаза и если они не отведены чудесами медицинской техники. Пока что я не могу уверенно сказать, чем это вызвано, но будь я проклят, я носом чую, что ваш товарец здесь очень даже при чем.

— Быть этого не может. Никаких полей не выпускали в атмосферу, пока самым придирчивым образом не проверили у биологов. Мы не дураки и не мошенники.

— Может быть, подольше следовало проверять. Речь ведь не о часах и не о неделях. Речь о кумулятивном эффекте многих лет прополаскивания живых тканей высокими частотами. Он наличествует?

— Уверен, что отсутствует.

— Уверен. Вера не знание. Никто никогда даже не пробовал с этим разобраться. Кстати, а каково воздействие солнечного света на обычное силикатное стекло? Обычно отвечают: «Нулевое». А ты видел стекло, которое долго валялось в пустыне?

— Имеете в виду иридизацию? Видел, конечно.

— То-то. За несколько месяцев в пустыне Мохаве любая бутылка начинает играть всеми цветами радуги. А ты когда-нибудь обращал внимание на оконные стекла в старинных домах Маячной горки?

— В жизни не бывал на Маячной горке. Где это?

— В Бостоне, если хочешь знать. И выглядят они в точности как та бутылка, только на это ушло лет сто, если не больше. А теперь скажите мне, физики-шизики, вы способны количественно уловить изменения в структуре стекол с Маячной горки по годам?

— М-м-м, вероятно, нет.

— Однако они имеют место. А кто-нибудь когда-нибудь пытался оценить, что за изменения произошли в тканях организма за тридцать лет прямого воздействия ультракоротковолнового облучения?

— Нет, но...

— Без твоих «но» обойдется. Кое-какие изменения я вижу. Об их причине могу только догадываться. Возможно, притом ошибаюсь. Но чувствую себя куда бодрее с тех пор, как всякий раз, выходя наружу, обязательно надеваю пальтецо со свинцовой подкладкой.

Стивенс сдался.

— Док, может, вы и правы. Не хочу свариться с вами. Но как насчет Уолдо? Не захватите меня с собой, когда отправитесь к нему? Не поможете ли договориться с ним?

— Дело терпит или нет?

— Не терпит.

— Тогда двинем хоть сию минуту.

— Подходит.

— Звякни к себе в контору.

— То есть вы кроме шуток насчет «сию минуту»? Очень кстати. Что касаемо конторы, так я в отпуску. Однако проблема вот где у меня сидит. Давно пора с ней разобраться.

— Кончили трепаться. Поехали.

Они выбрались наверх, на стоянку к своим машинам. Граймс направился было к своему ландо — старомодному, громоздкому, семейному «боингу». Стивенс остановил его.

— Вы никак собрались раскочегарить этот свой драндулет? Да мы же на нем, дай бог, только к вечеру доберемся!

— Чем плохая машина? Ходит отлично, заатмосферный движок имеется. Запросто долетит до Луны и обратно.

— Долететь долетит, но ведь еле ползет. Пошли на мое «помело».

Граймс окинул критическим взглядом веретенообразную тачанку своего приятеля. Кузов был настолько невидим, насколько с этим смогла справиться индустрия пластмасс. Поверхностный слой толщиной в две молекулы явно имел тот же коэффициент преломления, что и воздух. Так что если содержать в чистоте,

то и не разглядишь. Однако тут да там пыль попристава́ла, опять же и отпотевание — вот и просматривается эдакий мыльнопузырный призрак чего-то самолетоподобного.

Но зато сквозь стенки ясно видны металлические части аппарата: балка, а точнее сказать, осевой сердечник, и расширяющийся сноп антенн для приемников де-Кальба при ее оконечности. На вид ни дать ни взять гигантская ведьминская метла, прозвище свое вполне оправдывает. А поскольку сиденья из прозрачной пластмассы смонтированы одно за другим поверх балки так, что металлический стержень проходит между ног у пассажиров и водителя, прозвище звучит вдвойне уместно.

— Сынок,— заметил Граймс.— Я не щеголь и за элегантным видом не гонюсь. И тем не менее сохранил какие-то остатки самоуважения и два-три перышка личного достоинства. И категорически отказываюсь болтаться с этой штукой промеж шенкелей, тем более высоко в воздухе.

— Мука с вами, до чего же вы персона старого закала.

— Возможно. И тем не менее намерен придерживаться причуд, с которыми сумел дожить до своих лет. Так что ни в коем разе.

— Слушайте! Перед взлетом я включу поляризацию кузова. Может, на этом помиримся?

— До непрозрачности?

— До полной.

Граймс с сожалением окинул взглядом свой рыдван и ощупью протиснулся в едва видимый люк «помела». Стивенс помог ему. Устроились, оседлали насест.

— Молодчина док!— приговаривал Стивенс.— Я вас туда в три притопа доставлю. Из вашего корыта больше восьмисот в час не выжмешь, а до «Инвакола» по вертикали тысяч сорок, уж не меньше.

— А мне не спешно,— проворчал в ответ Граймс.— И вот что: при Уолдо не смей называть его дом «инвалидной коляской».

— Есть не называть,— *пообещал Стивенс, шаря в пустом на вид воздухе.*

Внезапно корпус машины стал матово-черным, скрыв пассажиров от глаз. И так же внезапно засиял ослепительным зеркальным блеском. Машина вздрогнула, взмыла и разом исчезла с глаз долой.

* * *

Если верить глазам, Уолдо Ф.Джонс витал в воздухе посредине сферического помещения. А глаза не обманывали, поскольку он действительно там витал. Его дом находился на околоземной орбите с периодом обращения, в точности равным двадцати четырем часам. Притом сам дом вокруг своей оси не вращался; вот уж в чем не нуждался Уолдо, так это в псевдогравитации, организуемой с помощью центробежной силы. Именно потому он и покинул планету, чтобы избавиться от ее поля тяготения; и за семнадцать лет, которые прошли с тех пор, как его дом был построен и выведен на орбиту, Уолдо ни разу не спустился на земную поверхность; при любых обстоятельствах даже мысль об этом ему в голову не приходила.

Здесь, в космосе, на орбите, в принадлежащей лично ему ракушке с кондиционированным воздухом, он был почти избавлен от невыносимого пожизненного рабства, навязанного мышечным бессилием. Те малые силы, которыми он располагал, здесь не было нужды целиком тратить на борьбу с изнурительным мощным земным притяжением, ими можно было распорядиться куда более осмысленным образом.

Еще в раннем детстве Уолдо проявил острый интерес к полетам в космосе, но не потому, что стремился исследовать неведомые дали, а потому, что его детский преждевременно развитый ум подметил, какие гигантские возможности сулит ему невесомость. И уже подростком он здорово помог первым космонавтам-испытателям, соорудив для них систему управления, которая требовала от пилота минимальных усилий в момент разгона и торможения, то есть при двойных и тройных перегрузках.

Изобрести что-то в этом духе никаких хлопот не представляло; он просто приспособил к делу манипуляторы, с помощью которых сражался с обычной силой тяжести, им воспринимаемой как постоянная перегрузка. И первый же удачно сконструированный и безопасный в полете космический корабль был снабжен аппаратурой, которая в свое время помогла Уолдо перебраться с больничной койки в инвалидную коляску.

Компенсаторы ускорения, нынешнее стандартное оборудование, применяемое на судах, следующих на Луну и обратно, ведут

свое происхождение от полной до краев ванны, в которой Уолдо обычно ел и спал до того момента, как покинул родительский дом, чтобы перебраться в свой теперешний, кое в чем уникальный. Большая часть самых важных изобретений Уолдо первоначально предназначалась для облегчения его собственной участи и лишь впоследствии была приспособлена для общего пользования. Даже общепринятые аппаратики, гротескно человекоподобные и всем известные под названием «уолдиков», а точнее говоря, «Синхронные пантографы-удвоители Уолдо Ф. Джонса, патент #296001437, новые серии и прочие, прежде чем он переконструировал их для массового производства, имели предшественников — несколько поколений механизмов, которыми Уолдо пользовался в собственной мастерской. Первый из уолдиков, донельзя примитивный по сравнению с нынешними, неизбежно встречающимися в любой мастерской, на любой фабрике, на любом заводе или складе, был когда-то сконструирован для того, чтобы его создатель мог работать по металлу на токарном станке.

Когда-то Уолдо возмущался по поводу клички, которой наградили его детища,— он был задет таким бесцеремонным панибратством,— но, поостыв, по-деловому оценил преимущество, проистекающее из отождествления его имени с таким общеупотребительным и незаменимым механизмом.

Когда журналисты взялись называть его дом в космосе «Инваколом», казалось бы, следовало ожидать, что Уолдо отнесется к этому как к дальнейшему росту своей популярности. Однако этого не случилось. Уолдо настолько возмутился, что даже предпринял попытку наложить запрет на это словцо. Почему? А потому что, хотите верьте, хотите — нет, Уолдо никогда не считал себя инвалидом.

Он рассматривал себя не как калеку, сбоку припеку человеческого общества, а как сверхчеловека, высшую стадию развития вида, существо, которое не нуждается в грубой силе безволосых обезьян. С его точки зрения последовательность ступеней развития выглядела следующим образом: от волосатых обезьян через безволосых к Уолдо. Какой-нибудь ленивый шимпанзе без видимого напряжения мышц способен тащить одной рукой полторы тысячи фунтов. В этом Уолдо убедился, заполучив экземпляр и

долготерпеливо доводя животное до исступления, чтобы заставить его показать свою силу. Физически развитый человек может сжать в руке силомер с усилием, равным ста пятидесяти фунтам. А вот сам Уолдо, исходя потом от напряжения, в жизни не смог бы показать на таком силомере больше пятнадцати фунтов.

Соответствовал истине этот непритязательный вывод или нет, но Уолдо уверовал в него и принял за основу. Обычные люди — это отребье с гипертрофированными мускулами, безволосые шимпанзе. А он, Уолдо, десятикратно превосходит их.

И должен во многом шагнуть вперед.

Хоть Уолдо и не ходил по Земле, а дела его делались там. Помимо управления своими многочисленными предприятиями, он постоянно консультировал множество фирм по теории и практике механизмов и машин. Под рукою в помещении находилось все, что нужно для работы. Прямо перед ним располагался цветной стереотелевизор. Там мерцали наготове две системы координат: ортогональная и полярная. Выше и правее висел телевизор поменьше. Оба приемника были оснащены полной записью посредством параллельных устройств, удобства ради убранных в соседний отсек.

С экрана меньшего телевизора за Уолдо наблюдали два мужских лица. На большем экране была видна внутренняя часть обширного цеха, скорее похожего на ангар. Непосредственно перед окуляром располагался шлифовальный станок, на котором шла обработка какой-то крупной отливки. Рядом со станком стоял рабочий, на лице у него была написана с трудом сдерживаемая злоба.

— Лучший ваш кадр,— объявил Уолдо тем двоим с малого телевизора.— При том, что наверняка руки у него — крюки и он понятия не имеет, что такое точная работа, все же он гений по сравнению с теми кретинами, которых вы именуете станочниками.

Рабочий зыркнул по сторонам, будто пытаясь понять, откуда доносится голос. Было очевидно, что он слышит Уолдо, но видеть не может: ему телевизора не поставили.

— Не на мой ли счет остришь?— резко сказал рабочий.

— Мой дорогой, вы меня не так поняли,— умильно пропел Уолдо.— Я говорил исключительно в похвалу вам. И весьма надеюсь, что мне удастся обучить вас элементарным приемам точной

работы. А потом уж не обманите наших ожиданий, научите работать придурков, что возле вас вертятся. Будьте добры, перчатки.

Перед рабочим на обычной подвеске болталась пара пятипалых перчаток длиной до локтя — очередной уолдик. Точно такая же пара находилась перед самим Уолдо, соединенная в параллель с наземной. Манипуляторы-исполнители, действиями которых Уолдо собирался управлять с помощью своих сервомеханизмов, были смонтированы на рабочем месте шлифовщика перед станком.

Указание Уолдо было адресовано рабочему. Тот взглянул на висящие перед ним перчатки, но даже пальцем не шевельнул.

— Кто не показывается, тот пусть мне не приказывает,— решительно сказал рабочий, поглядывая куда-то в сторону.

— Дженкинс, послушайте,— начал один из двойки с малого экрана.

Уолдо вздохнул.

— Господа, у меня нет ни времени, ни желания наводить дисциплину у вас в цеху. Соизвольте развернуть свой телевизор так, чтобы наш чересчур раздражительный друг имел возможность видеть меня.

Произошла перестановка; в глубине кадра как на малом телевизоре Уолдо, так и на большом появилось лицо рабочего.

— Ну вот. Теперь лучше?— кротко спросил Уолдо.

Рабочий что-то буркнул.

— Послушайте... Простите, а как вас зовут?

— Александр Дженкинс.

— Отлично, дружище Алек. Руки в перчатки.

Дженкинс сунул руки в уолдики и застыл в ожидании. Уолдо надел приготовленные перчатки; и все три пары манипуляторов, заодно с исполнительной, установленной на станке, ожили. Дженкинс закусил губу так, словно почел крайне неприятным, когда надетые перчатки взялись распоряжаться его пальцами.

Уолдо плавно сгибал и разгибал их; две пары уолдиков на экране в тот же миг точно повторяли эти движения.

— Алек, дорогой, вы реагируйте на прикосновение,— подавал советы Уолдо.— Мягче, мягче. Заставьте свои мускулы работать на благо себе.

Закончив разминку, Уолдо перешел к более сложным движениям. Уолдики на станке отозвались, переключили подачу, легко

и аккуратно продолжили цикл обработки отливки. Вот одна механическая рука опустилась вниз, отрегулировала высоту стола, а в это время другая увеличила подачу эмульсии в зону шлифовки.

— Ритмичней, Алек, ритмичней. Не дергайтесь, не делайте лишних движений. Старайтесь поспевать за мной.

Отливка с обманчивой быстротой приобрела форму, стало ясно, что на станке обрабатывается корпус обычного трехкулачкового зажимного патрона для токарного станка. Вот зажимы разжались, готовый корпус упал на ленту транспортера, место на станке заняла следующая заготовка. Уолдо неторопливо и умело повторил цикл, его пальцы в уолдиках работали с усилиями, которые следовало бы измерять долями унций, но две пары уолдиков в десятках тысяч миль внизу, на Земле, в точности следуя его движениям, развивали силу, необходимую для тяжелой ручной работы.

Еще один корпус патрона упал на транспортер. И Дженкинс, хотя никто не понукал его работать собственноручно, явно устал от усилий предугадать и повторить движения рук Уолдо. Со лба у него лил пот, на носу и на подбородке повисли капли. Улучив момент перезагрузки станка, он резким движением вырвал руки из уолдиков-задатчиков.

— Хватит,— объявил он.

— Алек, давайте-ка еще одну. Вы делаете успехи.

— Нет.

Рабочий отвернулся, как бы собираясь уйти. Уолдо сделал резкое движение — такое резкое, что пришлось напрячь все силы даже в его невесомом окружении. Одна из стальных рук уолдика-исполнителя взметнулась и схватила Дженкинса за запястье.

— Алек, не спешите.

— Да пошел ты!

— Спокойней, Алек, спокойней. Вы будете делать, что говорят, или нет?

Стальные пальцы с силой сжались, заходили. Уолдо приложился на все свои расчетные две унции.

Дженкинс зарычал. Единственный оставшийся зритель — другой ушел вскоре после начала урока — воскликнул:

— Мистер Джонс! Минутку.

— Либо заставьте его слушаться, либо увольте ко всем чертям. Вы же знаете, что у меня в контракте стоит.

И тут вдруг изображение и звук прервались. Через несколько секунд восстановились. Дженкинс смотрел волком, но больше не упрямился. Уолдо продолжил, будто ничего такого не случилось:

— Алек, дорогой, ну-ка еще разок.

Проведя еще один цикл, Уолдо распорядился:

— Теперь двадцать самостоятельных повторений с сигнальными лампами на локте и запястье. Со включенным хроноанализатором. Ваш график и заданный должны совпасть. Надеюсь, так и будет, Алек.

На том закончив беседы с рабочим, он выключил большой экран, обратился к наблюдателю на малом:

— Макнай, продолжим завтра в это же время. Дело движется. Сроки выдержим и превратим этот ваш дурдом в современное предприятие.

И выключил малый экран, даже не попрощавшись.

Уолдо несколько поспешил с окончанием занятия, потому что краем глаза углядел предупредительное помаргивание на панели своего домашнего информатора. К дому приближалось какое-то судно. Дело привычное: туристы вечно суются, и автоохраннику приходится гнать их в шею. Но это судно дало условный сигнал и поэтому было пропущено к причалу. «Помело», однако номерной знак Уолдо разглядел не вдруг. Оказалось, флоридский. Кто из хороших знакомых раскатывает с флоридским номером?

Мгновенно перебрав в уме список, поскольку он был короче некуда, Уолдо убедился: нет у него знакомых, знающих условный сигнал и вдобавок способных щеголять флоридским номером. Мгновенно заговорила пугливость, с которой Уолдо относился к внешнему миру; и он включил схему, посредством которой с помощью своих уолдиков мог управлять несомненно противозаконными, но куда как смертоносными защитными устройствами, установленными в доме. Тем более что судно подваливало с непрозрачным кузовом. Ох, не к добру это.

Из «помела» выбрался кто-то, на вид довольно молодой. Уолдо присмотрелся. Кто-то незнакомый — вряд ли это лицо можно было принять за более или менее известное. Нажим в одну унцию, и это лицо перестанет быть лицом, но Уолдо четко держал

свое серое вещество под контролем; рукам воли не дал. Незнакомец повернулся, как бы собираясь помочь вылезти другому прибывшему. Да вот и другой. Но это же дядя Гэс! Вот старый дурак! Надо же, сообразил: приволок с собой совершенно чужого человека! И ведь знает же! Знает, как Уолдо относится к чужим.

Тем не менее команда на открытие замка была подана и прибывшие впущены.

Гэс Граймс протиснулся в люк, подтягиваясь от одного поручня до другого и натужно пыхтя, как обычно, когда попадал в невесомость. И, как всегда, сам себе объяснил: это не от чрезмерного усилия, это диафрагма жестковата стала. Следом скользнул в люк Стивенс с безобидно спесивым видом землеройки, отлично управляющейся в космосе. Едва оказавшись в приемной, Граймс замер на месте, рыкнул и обратился к поджидавшему гостей манекену в полный рост:

— Уолдо, привет.

Кукла слегка повернула голову и повела глазами.

— Рад видеть, дядя Гэс. Хоть бы позвонили, прежде чем выбираться. Я бы вам на обед что-нибудь вкусненькое припас.

— Не стоит хлопот. Вряд ли мы проторчим тут так долго. Уолдо, это мой друг Джимми Стивенс.

Кукла уставилась на Стивенса.

— Как поживаете, мистер Стивенс? Добро пожаловать во «Фригольд»,— произнесла она деревянным голосом.

— Как поживаете, мистер Джонс?— ответил Стивенс и с любопытством воззрился на куклу. Кукла выглядела на диво живой. В первый момент Стивенс и принял ее за живого человека. Некое «разумное факсимиле». Если вспомнить, ему доводилось о ней слышать. Мало кто видел Уолдо собственной персоной, все больше разглядывали картинку на экране. А те, кто являлся в «Инвакол» — ой, слава богу, вовремя вспомнил: не в «Инвакол», а во «Фригольд»,— те, кто являлся во «Фригольд» по делам, слышали только голос Уолдо и упивались видом этого чучела.

— Дядя Гэс, без обеда я вас не отпущу,— объявил Уолдо.— Уж придется вам остаться. Вы у меня нечастый гость. Я сейчас что-нибудь быстренько соображу.

— Раз так, то, может, мы и останемся,— смилостивился Граймс.— А насчет меню не беспокойся. Ты меня знаешь. Я что хочешь разжую.

Стивенс от души поздравил себя с блестящей мыслью толкнуться со своими тяготами к доку Граймсу. Пяти минут не прошло, и на тебе! — Уолдо настоятельнейшим образом уговаривает их остаться и пообедать. Добрый знак.

Он не обратил внимания на то, что приглашение относилось только к Граймсу, а светлая мысль распространить местное гостеприимство на них обоих высказана отнюдь не хозяином дома.

— Ты где, Уолдо?— продолжил беседу Граймс.— В лаборатории?

И сделал недвусмысленное движение, чтобы пройти дальше в дом.

— Да вы не утруждайтесь,— поспешно сказал Уолдо.— Уверен, вам будет удобнее там, где находитесь. Минутку, я сейчас раскручу приемную, чтобы вы могли сидеть, как привыкли.

— Уолдо, ты что, не в себе?— вспылил Граймс.— Ты же знаешь: есть вес, нет веса, — это мне все равно. А вот компания твоей болтливой куклы мне вовсе не улыбается. Я приехал повидать не ее, а тебя.

Настойчивость старшего друга слегка удивила Стивенса; он как раз подумал, что раскрутка была бы со стороны Уолдо очень уместной любезностью. В невесомости было чуточку не по себе.

Ответное молчание Уолдо неприятно затянулось. Наконец он заговорил, и повеяло холодом.

— Вот уж о чем не может быть и речи, дядя Гэс. Кто-кто, а вы-то должны же это знать.

Граймс ему не ответил. Вместо ответа он взял Стивенса за локоть.

— Джимми, пошли. Отваливаем.

— Док, да вы что! С чего?

— Уолдо вздумал игры играть. А я ему в этом не компания.

— Но-о...

— Пошли-пошли. Уолдо, открой шлюз.

— Дядя Гэс!

— Слушаю.

— Ваш спутник — вы за него ручаетесь?

— Естественно. Иначе сюда не приволок бы, дурья твоя башка.

— Я у себя в мастерской. Дорога открыта.

— Так-то, сынок. Вали за мной,— подмигнул Граймс Стивенсу.

И Стивенс потащился вслед за Граймсом на манер рыбы, плывущей за товаркой, по пути во все глаза разглядывая сказочное жилище, в котором оказался. И про себя заметил, что место было единственным в своем роде, такого он в жизни не видел. Здесь начисто отсутствовало представление о верхе и низе. Космические корабли и даже космические станции хоть и находятся постоянно в состоянии свободного падения по отношению к любым внутренне ощутимым ускорениям, но тем не менее неизменно строятся с мыслью о верхе и низе; вертикальная ось корабля определяется направлением действия его ускорителя; а верх и низ на космических станциях определяются по радиусу относительно оси раскрутки.

Очень немногие полицейские и военные суда имеют два и более направления ускорения; когда такой корабль совершает маневр, его персоналу приходится закрепляться и закреплять все подвижные предметы. На некоторых космических станциях искусственная тяжесть за счет вращения обеспечивается только в жилых секциях. И тем не менее существует общее правило: человек привык к чувству веса, и во всем, что сделано его руками, это подразумевается. Так обстояло всюду, кроме дома Уолдо.

Землеройке очень трудно обойтись без ощущения веса. По-видимому, этого требует инстинкт, с которым мы рождаемся. Любой, кто рассуждает о корабле, находящемся на околоземной орбите, склонен считать, что «низ» находится в той стороне, где Земля, и, стало быть, обращенную к Земле стенку корабля считает полом, на котором можно стоять и сидеть. Это совершенно ошибочное мнение. У того, кто находится внутри свободно падающего тела, ощущение веса и, соответственно, ощущение «верха» и «низа» отсутствует. За исключением того, которое вызвано собственным полем тяготения корабля. Но что касается последнего, ни дом Уолдо, ни любой мыслимый космический корабль пока что не строятся такими массивными, чтобы им оказалось присуще поле тяготения, ощутимое для человеческого тела. Хотите верьте, хотите нет, а это так и есть. Чтобы человек ощутил

свой вес относительно корабля, последний должен быть размером с хороший планетоид.

Случается, возражают, что тело, вращающееся вокруг Земли по замкнутой орбите, не является свободно падающим. Такая точка зрения характерна для людей, живущих на поверхности Земли, и совершенно ошибочна. Свободный полет, свободное падение и движение по околоземной орбите — это равнозначные термины. Луна постоянно падает на Землю; Земля постоянно падает на Солнце, но результирующий вектор их суммарного движения направлен так, что не дает им приблизиться к своим хозяевам. Так что как бы то ни было, а это свободное падение. Спросите у любого астрофизика или специалиста по баллистике.

А когда наличествует свободное падение, ощущение веса отсутствует. Чтобы человеческое тело ощутило вес, на пути действия поля тяготения должно находиться препятствие.

Кое-какие из приведенных рассуждений промелькнули в голове Стивенса, пока он, подтягиваясь на руках, пролагал путь в мастерскую Уолдо. Дом Уолдо был построен безо всякого учета соображений о «верхе» и «низе». «Пола» в нем не было; мебель и аппаратура крепились к любой из стен. Палубы и платформы располагались под любым удобным углом, каких бы размеров и формы ни были, потому что не предназначались ни для хождения, ни для стояния. Точнее говоря, это были не палубы, а сферические рабочие поверхности. И вдобавок необязательно было крепить приборы к этим поверхностям; довольно часто, когда к аппаратуре требовался доступ со всех сторон, она висела в воздухе, закрепленная лишь легкими ремнями или штангами.

Вид у этой мебели и аппаратуры был непривычный, а часто непривычным было и назначение. Большая часть предметов мебели на Земле угловата и по крайней мере на девяносто процентов предназначена только для одного — для того, чтобы тем или иным образом препятствовать действию ускорения земного притяжения. Большая часть мебели в домах на поверхности Земли — и под нею — это статические механизмы, противостоящие силе тяжести. Все столы, стулья, кровати, диваны, вешалки, полки, шкафы *et cetera* предназначены только для этой цели. А у остальной мебели и аппаратуры эта цель непременно стоит на втором

месте и в большой степени определяет конструкцию и массивность.

А в доме Уолдо никакой нужды не было в этой угловатой массивности, такой необходимой на Земле, и поэтому многие предметы вокруг обрели сказочное изящество. Всякие запасы, сами по себе массивные, оказалось удобно держать по отдельности в пластмассовых прозрачных чехлах толщиной с яичную скорлупку. Громоздкие аппараты, которые на Земле неизбежно пришлось бы ставить на фундаменты и снабжать кожухами, здесь витали в воздухе на легких эластичных растяжках или просвечивали сквозь пленку толщиной в стрекозиное крыло.

И повсюду были парные уолдики, побольше, поменьше и в натуральную величину, с телевизионными объективами.

Было очевидно, что Уолдо может воспользоваться отсеками, через которые лежал их путь, не покидая своего креслица. Если вообще пользовался креслицем. Вездесущие уолдики, хрупкость мебели и прихотливое использование всех стен в качестве рабочих или укладочных поверхностей придавали всему вокруг безумно фантастический вид. Стивенс чувствовал себя так, будто угодил в фильм Диснея.

Но жилых секций им по дороге пока что не попалось. Стивенс терялся в догадках, на что могут быть похожи личные апартаменты Уолдо, и силился представить себе, как и чем они обставлены. Стульев нет, ковров нет, кровати нет. А что есть? Может быть, картины? И как-то надо было схитрить насчет бокового освещения, чтобы не жмуриться, куда ни обрати взгляд. Аппаратура связи могла не отличаться от обычной. Но на что похож здесь умывальник? Как выглядит стакан, из которого пьют? Как бутылка с заглушкой? Или вообще нет нужды в сосудах? В голову не приходило никаких решений. Ясно было одно: даже опытный инженер стал бы в тупик перед лицом затруднений, диктуемых здешними условиями.

Как соорудить приличную пепельницу, когда нет силы тяжести, которая удержала бы на месте окурки и пепел? А курит ли Уолдо? Предположим, он любитель разложить пасьянс; как он находит управу на карты? Может быть, пользуется магнитным столиком и намагниченными картами?

— Джим, вон туда.

Держась одной рукой за поручень, Граймс указал другой на входное отверстие одной из неопознаваемых поверхностей. Стивенс проскользнул в люк. И не успел глянуть по сторонам, как пришел в изумление, заслыша злобное басовитое рычание. Вскинул взгляд — прямо по воздуху на него несся огромный мастифф, пасть разинута, клыки оскалены. Передние лапы раскинуты, как бы обеспечивая равновесие в полете; задние — поджаты под брюхо. Судя по виду и голосу, псина явно собиралась растерзать чужака в клочья, а потом знатно пообедать.

— Бальдур!

Голос раздался откуда-то из-за собаки. Та убавила свирепости, но полета прервать не могла. И тут на добрый десяток метров вымахнул уолдик, схватил пса за ошейник.

— Увы, сэр,— продолжил тот же голос.— Мой друг не ждал, что вы появитесь.

— Бальдур, как жизнь? Ну как ты себя ведешь!— укорил пса Граймс. Пес взглянул на него, заскулил, замахал хвостом. Стивенс осмотрелся, поискал, откуда исходит голос. И нашел.

Он оказался в огромном сферическом помещении; в самом центре этого помещения находился заплывший жиром человек. Уолдо.

Уолдо был одет без претензий: трусы, маечка... На руках у него были металлические перчатки до локтя — уолдики-задатчики. Пухлое лицо, двойной подбородок, ямочки на щеках, гладкая кожа — он выглядел как исполинский ангелочек, витающий над каким-нибудь святым. Но взгляд у него был отнюдь не ангельский, лоб и череп — явно принадлежали взрослому мужчине. Уолдо глаз не сводил со Стивенса.

— Позвольте представить вас моему питомцу,— произнес Уолдо усталым фальцетом.— Бальдур, дай лапу.

Пес протянул переднюю лапу. Стивенс торжественно пожал ее.

— Позвольте ему обнюхать вас.

Уолдик на ошейнике дрогнул и дал собаке возможность приблизиться к Стивенсу. Животина с довольным видом лизнула мокрым языком запястье Стивенса. Только тут Стивенс получил возможность осознать, что шерсть у пса преимущественно белая, но с большими коричневыми пятнами вокруг глаз. И припомнил собаку с глазами как блюдца из сказки о солдате и огниве. Попытался,

ежась под несколько неприязненным взглядом Уолдо, пролепетать что-то вроде «Ах ты красавец! Какой ты замечательный пес!».

— Сэр, к ноге! — скомандовал Уолдо, когда церемония знакомства закончилась. Пес внезапно выставил лапу, уперся ею Стивенсу в бедро, перевернулся в воздухе, оттолкнулся и поплыл по направлению к хозяину. Чтобы устоять на месте, Стивенсу пришлось судорожно схватиться за поручень. Граймс оттолкнулся от люка, а закончил полет возле бруса поблизости от хозяина дома. Стивенс направился следом.

Тем временем Уолдо не торопясь разглядывал Стивенса. Не сказать, чтобы это была откровенная грубость, но было в этом взгляде что-то отчасти раздражающее. Стивенс почувствовал, что медленно наливается краской, начиная с затылка; чтобы оградить себя от этого, принялся с особым вниманием обозревать помещение. Оно было просторное, но производило впечатление загроможденного из-за скопления, скажем так хлама поблизости от Уолдо. Вокруг него под разными углами, так чтобы экраны были против глаз, реяло с полдюжины телевизоров разного размера. Три из них имели объективы для двусторонней связи. Между телевизорами плавали различные панели управления, некоторые — очевидного назначения, хотя и необычной конструкции, как, например, очень сложная панель включения освещения с рубиновыми сигнальными огоньками на каждую цепь, панель голосового селектора, панель управления всем телевидением, панель включения силовой аппаратуры. Но было по крайней мере полдюжины панелей, которые полностью поставили Стивенса в тупик.

К стальному кольцу вокруг рабочего пространства было прикреплено несколько пар уолдиков. Две пары величиной с кулачки макаки были снабжены телескопическими удлинителями. Именно одним из этих уолдиков воспользовался Уолдо, чтобы схватить собаку за ошейник. К сферическим стенам тоже были прикреплены уолдики, включая одну пару такого исполинского размера, что не понять было, зачем такие нужны. Их пальцы были растопырены, и Стивенс на глаз прикинул, что от кончика мизинца до кончика большого пальца будет примерно метра полтора.

При стенах было изобилие книг, но книжных полок не было. Книги, казалось, росли на стене, как капустные кочаны. Стивенс сперва пришел в изумление, а потом подумал — и правильно

подумал, как выяснилось позже,— что этот фокус проделан благодаря магнитикам на корешках.

Автоматизированное освещение было устроено по-новому, очень сложно, но зато удобно для Уолдо. Однако вряд ли его можно было назвать удобным для посетителей. Разумеется, прямого света не было; источники света были со всей тщательностью направлены так, чтобы ни один не бил в глаза, куда бы Уолдо ни повернул голову. Но светильники, расположенные у него над головой, чтобы хорошо видеть все, на что вздумается бросить взгляд, буквально слепили любого, кто оказался бы лицом к Уолдо. Стоило Уолдо повернуть голову, одни светильники загорались, другие гасли — чтобы свет всегда шел сзади. Кажется, эта схема называется «электрический глаз». И Стивенс взялся прикидывать, как бы попроще осуществить такую схему.

А Граймс не стал церемониться.

— Уолдо, черт подери! Уйми эти свои лампочки. У нас вот-вот головы заболят.

— Извиняюсь, дядя Гэс.

Уолдо вынул из перчатки правую руку и коснулся пальцами панели управления. Блики пригасли. Свет теперь не шел отовсюду, куда гостям случалось глянуть, но стал ярче, потому что площадь светильников уменьшилась. Огни на стенах бежали приятным волнистым узором. Стивенс попытался осмыслить узор. Оказалось, это трудно, поскольку было не понять принципа управления движением узора. Удалось это только тогда, когда он перестал вертеть головой и стал двигать одними глазами. Ага, значит, переключениями света управляет движение головы; движения самого глаза слишком малы для этого.

— Ну что, мистер Стивенс, как вам мой дом? Интересно?— несколько свысока улыбнулся Уолдо.

— Очень! Очень-очень! Уверяю вас, это самое замечательное место из всех, где мне пришлось бывать.

— И что же тут такого замечательного?

— Ну-у, полагаю, отсутствие определенной ориентации. Это — и замечательные механические новшества. Полагаю, я не слишком заземлен, но не проходит ожидание пола под ногами, а потолка над головой.

— Мистер Стивенс, это просто результат функционального конструирования. Живу в особых условиях — вот и дом мне нужен особый. Новшества, о которых вы говорите, состоят главным образом в исключении ненужного и добавлении новых удобств.

— Правду сказать, самое интересное, что я здесь вижу, это вовсе не дом.

— Неужели? А что, если не секрет?

— Это ваш пес Бальдур.

Заслыша свое имя, пес вскинулся и огляделся.

— Мне никогда еще не попадались собаки, способные сладить с невесомостью.

Уолдо улыбнулся, и впервые в его улыбке проглянуло что-то ласковое и теплое.

— Да, Бальдур заделался совершеннейшим акробатом. Он попал сюда совсем щенком.

Он подался вперед и потрепал пса за уши, и внезапно стало видно, насколько он слаб, насколько его жест не соответствовал размерам псины. Движения пальцев оказались настолько вялы, что еле-еле взъерошили жесткую шерсть, едва сдвинули с места огромные уши. Но Уолдо как бы не осознал, как бы ничуть не обеспокоился тем, что так разоблачил себя. А еще раз обернулся к Стивенсу и произнес:

— Что Бальдур! Вам бы глянуть на Ариэля.

— Что за Ариэль?

Вместо ответа Уолдо коснулся панели селектора и раздался мелодичный свист на три тона. На стене у них «над» головами послышался шорох, и оттуда устремилась к ним желтая крошка — кенар. Кенар несся в воздухе, сложив крылья. Будто камушек. Лишь у самой груди Уолдо он распахнул крылышки, зачерпнул ими воздух, сделал несколько взмахов, распустил хвостик, прекратил полет, снова сложил крылышки и завис. Не совсем, однако, завис, а позволил движению воздуха медленно-медленно снести себя к самому плечу Уолдо, выпустил свои шасси и уцепился коготками за хозяйскую майку.

Уолдо переменил позу и погладил птичку кончиком пальца. Та прихорошилась.

— Ни одна пойманная на земле птаха неспособна научиться летать таким манером,— объявил Уолдо.— Я знаю. У меня их полдюжины передохло, прежде чем я убедился, что они совершенно неспособны перестроиться. Слишком велики зрительные бугры в мозгу.

— И что с ними происходило?

— У человека это назвали бы острым психозом на почве страха. Они пытались летать; и собственное замечательное искусство вело их здесь к полной катастрофе. Естественно, все что они делали, здесь не годилось, а понять это они были не в силах. В конце концов птицы прекращали летать и вскоре после этого умирали. *От разбитого сердца, как сказал бы поэт,*— улыбнулся одними губами Уолдо.— Но Ариэль — гений среди птиц. Он вылупился из яйца уже здесь и безо всякой посторонней помощи изобрел совершенно новые способы полета.

Вытянув палец, Уолдо предложил пташке новый насестик, который та приняла.

— Ариэль, погостил и будет. Ступай домой.

В ответ кенар завел «арию с колокольчиками» из «Лакме».

Уолдо ласково встряхнул птичку.

— Нет, Ариэль. Тебе пора спать.

Кенар подобрал лапки, на секунду-другую завис над пальцем, сделал несколько сильных взмахов крыльями, чтобы выйти на курс и набрать скорость, и пулей устремился туда, откуда прилетел, сложив крылышки и поджав лапки.

— Джимми не просто так прилетел. Ему надо кое о чем поговорить с тобой,— вступил в разговор Граймс.

— Доставьте удовольствие,— неохотно ответил Уолдо.— Но, может быть, сперва пообедаем? Аппетит не нагуляли, сэр?

Возможно, Уолдо сытого легче будет уговорить, чем Уолдо голодного, подумал Стивенс. Вдобавок его собственный средний отсек информировал, что неплохо бы одолеть килокалорию, а то и две.

— Еще как нагулял.

— Отлично.

Обед так обед.

Стивенс так и не сумел прийти к окончательному выводу, то ли сам Уолдо приготовил пищу с помощью своих бесчисленных тезок, то ли эту важную работу исполнила прислуга, избегавшая

попадаться на глаза. При теперешних способах приготовления пищи Уолдо и сам мог бы справиться с этим делом; он, Стивенс, управлялся без труда, так же как и Гэс. Он просто взял себе на заметку при первой же возможности спросить у дока Граймса, держит ли Уолдо в доме прислугу, и если держит, то какую именно. Да потом оно как-то позабылось.

Обед прибыл в небольшом пищевом контейнере, воздвигшемся между ними на конце длинной раздвижной пневмоштанги. Пневмоштанга слегка вздохнула и замерла. На сами блюда Стивенс почти не обратил внимания — и так было понятно, что они сытны и вкусны,— все его внимание было приковано к утвари и способам сервировки. Уолдо пристроил свой бифштекс прямо перед собой в воздухе, отделял от него дольки кривыми хирургическими кусачками и отправлял в рот с помощью изящных щипчиков. Жевал с большим трудом.

— Давно уже нельзя достать хороших бифштексов,— заметил он.— До чего жесткое мясо! Бог свидетель, я на плату не скуплюсь. Но и на жалобы потом — тоже.

Стивенс не ответил. Бифштекс, доставшийся ему, был, по его мнению, уж слишком мягок, просто таял на зубах. Управлялся он с ним с помощью ножа и вилки, правда нож был излишен. Было очевидно, что Уолдо не ожидает от гостей перенятия своих бесспорно лучших приемов и столовых принадлежностей. Стивенс ел с тарелки, зажатой между колен, для чего по примеру Граймса пришлось прямо в воздухе сесть на корточки. Сама тарелка с рабочей стороны была продуманно снабжена колючими шипами.

Напитки были сервированы в крохотных упругих пузырях, снабженных наконечниками. Ну, как в рожках с сосками для младенцев.

Наконец пищевой контейнер со скорбным вздохом унес посуду и столовые приборы.

— Курите, сэр?

— Благодарю.

Тут-то и увидел Стивенс, как приходится устраивать пепельницы в невесомости. Они представляли собой патрубки с колоколообразными приемниками на конце. Достаточно было небольшого подсоса, чтобы пепел, стряхиваемый о край колокола, исчезал в мгновение ока безо всяких затрат внимания.

— А теперь к делу,— снова вступил в разговор Граймс.— Видишь ли, Джимми работает одним из главных инженеров в «Норт-Американ Пауэр-Эйр».

— *Что?*

Уолдо выпрямился и замер, только вдохнул-выдохнул. И обратился к Граймсу так, словно никакого Стивенса рядом в помине не было:

— Дядя Гэс, неужели вы хотите сказать, что привели ко мне в дом деятеля из этой шайки?

— А ты не кипятись. Расслабься. Черт дери, сколько тебе говорено: не напрягайся, не давай ничему взвинтить свое кровяное давление.

Граймс подгреб поближе к хозяину дома, на допотопный лекарский манер схватил за запястье и стал считать пульс.

— Та-ак. Дыши медленнее. Ты что задумал? Одуреть от избытка кислорода?

Уолдо силился освободиться. Прежалостное зрелище: старик был в десять раз сильнее, чем он.

— Дядя Гэс, вы...

— Заткнись!

На несколько минут воцарилась тишина, неприятная по крайней мере для двоих из трех присутствующих. Граймс не обращал на это никакого внимания.

— Вот так-то,— сказал он наконец.— Теперь получше. Не лезь из кожи вон и послушай, что я скажу. Джимми — отличный пацан и в жизни не сделал тебе ничего худого. И вел себя здесь пристойнейшим образом. У тебя нет права хамить ему, на кого бы он ни работал. По-хорошему ты обязан перед ним извиниться.

— Да будет вам, док,— запротестовал Стивенс.— Боюсь, что оказался здесь не так, как хотелось бы, не под своим флагом. Весьма сожалею, мистер Джонс. Это не входило в мои намерения. Я с *самого начала порывался объяснить, но-о...*

Лицо Уолдо оставалось непроницаемым. Видимо, он очень старался совладать с собой.

— Ничего, мистер Стивенс. Сожалею, что вспылил. Мне не следовало переносить на вас дурные чувства, которые испытываю к вашим нанимателям, это совершеннейшая правда. Однако Бог свидетель, никакой любви я к ним не питаю.

— Знаю. И тем не менее я с большим сожалением слышу это из ваших уст.

— Меня обжулили, вам понятно? *Обжулили!* Посредством такого омерзительного лжезаконного мошенничества, какого свет не...

— Уолдо! Не увлекайся!

— Дядя Гэс, сожалею,— и Уолдо продолжил, стараясь не повышать голоса:— Вам известно о так называемых патентах Хатауэя?

— Безусловно.

— «Так называемые» — это мягко сказано. Этот человек был у меня просто слесарем. Эти патенты принадлежат мне.

По мере того как Уолдо продолжал рассказ, делалось ясно, что его версия имеет под собой основания — и Стивенс это почувствовал,— но в то же время пристрастна и неубедительна. Возможно, Хатауэй и впрямь работал в доме по найму обычным слесарем, как утверждал Уолдо, но тому не было никаких доказательств. Ни контракта, ни каких-либо записей. И оформил на свое имя несколько патентов — единственные, которые оформил, и по своему полету очень напоминавшие затеи Уолдо. А потом скоропостижно скончался. Его наследники, действуя через адвокатов, продали эти патенты фирме, с которой у Хатауэя были какие-то делишки.

Уолдо утверждал, что эта фирма подослала Хатауэя с целью кражи и надоумила наняться на работу именно ради этого. Однако она благополучно скончалась, а все ее активы перекупила НАПЭ. «Норт-Американ Пауэр-Эйр» предложила Уолдо полюбовное соглашение. Уолдо предпочел обратиться в суд. И проиграл дело.

Будь даже Уолдо прав, Стивенс не видел у дирекции НАПЭ законных средств удовлетворить его претензии. Служащим корпорации доверены деньги других людей; если бы директора НАПЭ совершили попытку уступить имущество, по всем правилам оформленное за корпорацией, любой акционер мог бы запретить им сделать это до или взыскать компенсацию лично с них после осуществления такого замысла.

Так по крайней мере подумалось. Но ведь он, Стивенс, не юрист. Его, Стивенса, это дело касается лишь в одной точке: на фирму, в которой он, Стивенс, состоит, Уолдо здорово зол, а без услуг Уолдо ему, Стивенсу, не обойтись.

Приходилось признать: слабо похоже на то, что присутствие доктора Граймса поможет изменить этот роковой расклад.

— Но-о это случилось еще до меня,— забормотал он.— Так что я, естественно, почти не в курсе. Ужасно сожалею по поводу всей этой истории. А бьет она сейчас по мне, потому что в настоящий момент я угодил в крупные неприятности и позарез нуждаюсь в вашей помощи.

Особого недовольства при этих словах Уолдо не выказал.

— Вот как? А о чем, собственно, речь?

В ответ Стивенс в нескольких чертах обрисовал затруднения, в которые попал с приемниками де-Кальба. Уолдо слушал внимательно. Но когда Стивенс закончил, он отозвался:

— Ага, это примерно то же, что рассказал мне ваш мистер Глисон. Разумеется, вы, будучи поближе к технике, рисуете более соответственную картину, чем этот распорядитель чужими деньгами. Но с какой стати вы явились с этим ко мне? Я не специалист по микроволновой технике и не нахватал степеней в шикарных учебных заведениях.

— Я пришел к вам по той же причине, по которой приходит к вам любой, кто действительно столкнулся с технической проблемой,— искренне сказал Стивенс.— Насколько я знаю, вами поставлен рекорд по решению любых задач, за которые вы брались. Этот рекорд пока никем не побит, и он напоминает мне еще об одном человеке...

— О ком?— внезапно насторожился Уолдо.

—Об Эдисоне. Он точно так же не тревожился о степенях, но зато решал все трудные задачи своих дней.

— Ах, об Эдисоне... Я думал, речь о ком-то из наших современников. Да, в свое время Эдисон поработал, тут двух мнений быть не может,— великодушно признал Уолдо.

— Я не вел точных подсчетов, кто из вас больше преуспел. Я просто припомнил, что Эдисон пользовался славой человека, который предпочитает браться за более трудные задачи. То же довелось слышать и про вас. Надеюсь, моя проблема достаточно трудна, чтобы заинтересовать вас.

— В ней что-то есть,— согласился Уолдо.— Чуточку не по моей части, но что-то есть. Однако должен сказать, я с удивлением слышу столь высокий отзыв о моих талантах со стороны служащего

«Норт-Американ Пауэр-Эйр». Если этот отзыв искренен, думается, без особого труда удалось бы убедить вашу фирму в том, что это я, вне всякого сомнения, являюсь автором так называемых патентов Хатауэя.

«Невозможный мужик,— подумал Стивенс.— Мертвая хватка». А вслух сказал:

— Вся беда была, наверное, в том, что этим делом занимались администраторы и юристы. Их вряд ли хватило бы на то, чтобы отличить в конструкторской работе дар божий от яичницы.

Такой ответ, видимо, умилостивил Уолдо.

— А что по этому поводу говорят у вас в отделе исследований?— спросил он.

Стивенс поморщился.

— Да толком ничего. Выглядит это так, как будто доктор Рэмбо просто не верит сводкам, которые я ему подаю. Говорит, что такого быть не может, и с каждым разом все глубже отчаивается. Увы, я твердо убежден, что уже довольно много недель он держится исключительно на аспирине и снотворном.

— Рэмбо,— протянул Уолдо.— Доводилось слышать. Посредственный ум. Интуиции ни на грош, держится на хорошей памяти. Не думаю, что меня отпугнула бы неспособность Рэмбо справиться с задачей.

— Так вы считаете, что есть надежда решить ее?

— Притом без особых трудов. После звонка мистера Глисона я отчасти уловил суть дела. Вы существенно дополнили информацию, и, на мой взгляд, просматриваются по крайней мере два плодотворных направления, в которых стоит поработать. Как бы то ни было, а одно такое направление всегда имеет место. Я имею в виду верное.

— Значит, вы примете мое предложение?— спросил Стивенс, облегченно вздыхая.

— Кто вам сказал?— изумился Уолдо.— Мой дорогой сэр, о чем вы говорите? Это был просто милый послеобеденный разговор в приятном обществе. Вашей компании я не помогу ни за что на свете. Льщу себя надеждой полюбоваться, как она развалится и разорится так, чтобы духу от нее не осталось. То, о чем вы говорили, мне представляется прекрасным толчком к полнейшему краху.

Стивенс с трудом совладал с собой. Его обвели вокруг пальца. Этот жирный ханыга попросту забавлялся, водя его за нос. Порядочности в нем ни на грош. Тщательно подбирая слова, Стивенс продолжил речь:

— Мистер Джонс, я не прошу у вас пощады для «Норт-Американ», я взываю к вашему чувству долга. Задеты интересы общества. От услуг, которые мы оказываем, зависит жизнь миллионов людей. Безотносительно того, кто этим занимается: вы ли, я ли — эти услуги должны быть оказаны и впредь. Подчеркиваю — должны.

Уолдо выпятил губу.

— Боюсь, вы зря давите мне на чувства,— сказал он.— Боюсь, благополучие этих ползающих по Земле стай, которым имени не нахожу, это не моя забота. Я и так сделал для них больше, чем следовало бы. Они вряд ли заслуживают помощи. Дайте им волю, и большинство ринется обратно в пещеры и схватится за каменные топоры. Мистер Стивенс, случалось ли вам видеть, как ряженая во фрак дрессированная обезьяна откалывает цирковые номера на роликовых коньках? Так вот, мне хотелось бы, чтобы вы навсегда запомнили: у меня не мастерская, где клепают ролики для обезьян.

«Если пробуду здесь еще хоть минуту,— сам себя молча вразумил Стивенс,— я чертовски о том пожалею». А вслух произнес:

— Как я понял, это ваше последнее слово?

— Можете считать, что да. Всего наилучшего, сэр. Ваш визит меня очень порадовал. Благодарю вас.

— Прощайте. Спасибо за угощение.

— Не стоит благодарности.

Стивенс крутнулся в воздухе, чтобы направиться к выходу, но тут его окликнул Граймс:

— Джимми, подожди меня в приемной.

Как только Стивенс оказался вне пределов слышимости, Граймс повернулся к Уолдо и смерил его взглядом с головы до ног. И произнес, подчеркивая каждое слово:

— Уолдо, я всегда знал, что ты один из самых больших поганцев на всем белом свете, но...

— Дядя Гэс, ваши комплименты меня мало тревожат.

— Заткнись и слушай. Я имел в виду, что ты не только самый отвратный эгоист, каких знаю, но еще и самый настоящий жулик.

— Что вы имеете в виду? Объясните.

— Какая пакость! В проблеме, перед которой оказался этот парень, ты смыслишь не больше, чем я. А воспользовался своей репутацией чудотворца, чтобы довести его до отчаяния. Ты же дешевка, шут гороховый и трепло, если...

— Прекратите!

— А ты валяй,— невозмутимо отозвался Граймс.— Накачивай себе кровяное давление. Я мешать не стану. Чем быстрее у тебя лопнут прокладки, тем лучше.

Уолдо взял себя в руки.

— Дядя Гэс, но с чего вы решили, что я блефую?

— С того, что знаю тебя как облупленного. Будь у тебя возможность поставить добрый товар, ты мигом пересмотрел бы положение и прикинул, как сделать НАПЭ окорот на том, что имеешь кое-что, в чем они так позарез нуждаются. Уж тут-то ты взял бы реванш, всему свету показал бы.

Уолдо покачал головой.

— Дядя Гэс, вы недооцениваете, насколько меня задела та история.

— Еще как дооцениваю! И я не кончил. Касательно твоей ответственности за всю нашу породу, о чем ты так мило ему натрепал. У тебя же есть голова на плечах. Ведь ты же не хуже меня знаешь, что из всех людей первым пострадаешь, случись на Земле какой-нибудь затор. И если не стремишься его предупредить, значит, просто не знаешь, как это сделать.

— А уж это-то с какой стати? Вот уж что меня не волнует. Я независим. И вы об этом прекрасно знаете.

— Ах, независим? А кто сварил сталь для этих стен? Кто вырастил бычка, которым ты нынче пообедал? Ты так же независим, как пчелиная матка, и почти так же беспомощен.

Уолдо ошеломленно захлопал глазами. А придя в себя, ответил:

— Ну нет, дядя Гэс! Я действительно независим. У меня здесь всего запасено на несколько лет.

— На сколько именно?

— Ну-у, лет на пять.

— А что потом? Ты мог бы прожить еще полсотни, если со снабжением все будет в порядке. Как предпочитаешь подохнуть — от голода или от жажды?

— Вода не проблема,— призадумался Уолдо.— А что касается запасов, наверное, можно было бы чуть серьезнее заняться гидропоникой и разведением какого-нибудь скота на мясо...

Граймс тут же прервал его неприятным смешком.

— Тем более, значит, я прав. Ты действительно не знаешь, как управиться с бедами Джимми, раз так с ходу начинаешь соображать, как спасти свою шкуру. Знаю я тебя. Скумекай ты и вправду хоть что-то на этот счет, ты не рассуждал бы про садик на подоконничке.

Уолдо ответил задумчивым взглядом.

— Это не совсем так. Как решить проблему, я не знаю, но кое-какие мысли по этому поводу имеются. Спорим на половину моих смертных грехов, что я в силах разгрызть этот орешек. После ваших слов, надо признаться, отдаю себе отчет, насколько связан с земной экономикой, и,— он слабо улыбнулся,— уж я-то не из тех, кто пренебрегает своими интересами. Секунду! Я сейчас кликну вашего дружка.

— Не спеши. Я состою при этом деле по другой причине, не только потому, что познакомил тебя с Джимми. Решение должно быть не абы какое, а особенное.

— Что вы имеете в виду?

— Это должно быть такое решение, чтобы пропала нужда насыщать воздух высокочастотными электромагнитными полями.

— Ах вон оно что! Дядя Гэс, послушайте, я знаю, как вы увлечены своими теориями, и никогда не оспаривал вашей возможной правоты, но и вы не вправе ожидать от меня, чтобы я свалил в одну кучу две такие разные и сложные проблемы.

— Глянь с другой стороны. В этом ты тоже заинтересован. Подумай, что будет, если все окажутся такими, как ты.

— Вы имеете в виду мои физиологические особенности?

— Вот именно. Знаю, что тебе неприятно говорить на эту тему, но жареный петух вот-вот клюнет. Если все будут такие, как ты, слабаки, то кофеек с пирожными для Уолдо — фьюить! А до это-

го день ото дня все ближе. Ты же единственный из всех, кого я знаю, способен оценить последствия.

— Такое трудно себе вообразить.

— Трудно. Но стоит только захотеть, и любой толковый мужик различит, как нарастают симптомы. Это эпидемическая миастения, не обязательно острая, но уже достаточная, чтобы превратить в ад нашу механизированную цивилизацию. Достаточная, чтобы сыграть дурную шутку с твоими линиями снабжения. Со времени нашей прошлой встречи я сопоставил кое-какие данные, которыми располагаю, и изобразил кое-какие кривульки. Надо бы тебе на них глянуть.

— Они у вас с собой?

— Нет, но я тебе пришлю. А пока что положись на мои слова.

Граймс умолк, выждал, а потом спросил:

— А теперь что скажешь?

— Примем за предварительную рабочую гипотезу,— процедил Уолдо.— Пока не взгляну на вашу цифирь своими глазами. Вероятно, придется попросить вас кое в чем разобраться на Земле. Если ваши данные и впрямь соответствуют вашим словам.

— Впрямь. Бывай.

И Граймс засучил ногами в воздухе, поскольку, забывшись, вздумал было встать и выйти вон пешим ходом.

О чем думал Стивенс, пока дожидался Граймса, лучше не описывать. Самой кроткой мыслью была плаксивая: о том, что приходится брать на себя, когда решаешься заняться якобы простенькой инженерной работой. Ну что ж, недолго осталось ею заниматься. Но сам в отставку подавать он не намерен. Пускай выгоняют, а сам он не сбежит.

Но вперед, черт побери, он съездит-таки в отпуск, а уж потом займется поисками другой работы.

Несколько минут ушло на пожелания, чтобы Уолдо был здоров и силен настолько, чтобы он, Стивенс, мог съездить ему по роже, и все дела. Или нет — лучше бы дать ему в жирное брюхо. Оно бы веселее.

Он опешил, когда кукла внезапно ожила и окликнула:

— Мистер Стивенс.

— А? Да.

— Я решил принять ваше поручение. Мои юрисконсульты уладят детали с вашей конторой.

Стивенс настолько опешил, что промедлил с ответом несколько секунд, а тем временем кукла успела в очередной раз издохнуть. Что говорить, появления Граймса Стивенс теперь ожидал с нетерпением.

— Док!— воскликнул он, едва замаячила подплывающая фигура старика.— С чего это он? Как вы этого добились?

— Никак. Он сам подумал и передумал,— сухо ответил Граймс.— Поехали отсюда.

Доставив доктора Огастеса Граймса на порог его дома, Стивенс направился к себе в отдел. И только поставил «помело» на стоянку и вошел в туннель, ведущий к местной энергоцентрали, как буквально налетел на своего заместителя. Маклеод хватал воздух ртом, как рыба на песке.

— Шеф! Вы! Я так и подумал! Я тут вас жду! Вы мне нужны!

— А теперь что погорело?— подозрительно спросил Стивенс.— Город какой-нибудь?

— Нет! Почему вы так решили?

— Оставь. Дело говори.

— Насколько я знаю, городская подача течет, как светлый ручеек. Никаких сюрпризов. А я вам вот что должен сказать: *я свой драндулет отремонтировал.*

— Что-о? Ты хочешь сказать, что отремонтировал машину, в которой хлопнулся?

— Не так чтобы уж хлопнулся. В резервной батарее мощи было до упора. Когда отказал прием, я просто включил аварийное питание и сел чин-чинарем.

— И отремонтировал? В чем было дело? В декальбах или в чем-нибудь другом.

— В декальбах, в декальбах. Но теперь они в ажуре. Но я не сам ремонтировал. Мне помогли. Понимаете ли...

— Так что же с ними стряслось?

— Толком не знаю. Понимаете, я решил, что не стоит брать авиатакси, чтобы не рисковать еще раз хлопнуться на обратном пути. И кроме того, я же на своей таратайке летел, и мне не улы-

балюсь распатронить ее, чтобы вытащить декальбы. Так что я нанял тягача. Мысль была какая? Приволочь ее сюда целиком. Договорился с парнем, у которого был двенадцатитонный гусеничный трактор с платформой, и мы...

— Не зли, а то и убить могу! Говори, что случилось!

— Так я как раз о том. Доволоклись до Пенсильвании, и тут буксировщик киксанул. Правая ведущая звездочка накрылась. Красота! Джим, верьте слову, эти дороги — сплошной кошмар!

— Забудь. Кто будет тратить содранные налоги на дорожные работы, когда девяносто процентов перевозок идет по воздуху? Ну полетела у вас звездочка. И что потом?

— Все равно не дороги, а жуть,— гнул свое Маклеод.—Я как раз рос в тех краях. Когда я был пацан, там шла шестиполоска, гладкая, как детская попка. И содержать такие в порядке не мешало бы. Вдруг да пригодятся в один прекрасный день.

Видя, что промелькнуло в глазах начальства, Маклеод зачастил:

— Водила сконтачился со своей конторой, там обещали прислать аварийку из ближайшего городка. Чую, все ясно: три или четыре часа куковать, а то и больше. А мы как раз в местах, где я рос. Ну и говорю себе: «Мак, у тебя чудный случай повидать родное захолустье и каморку, куда по утрам заглядывало солнышко». Ну это фигурально выражаясь. Если взаправду, то в нашем доме никаких окон не было.

— Родись ты хоть в бочке, мне-то что за дело!

— Начальник, без нервов,— отозвался Маклеод.— Я гну к тому, чтобы вы поняли, как да что. Но не рассчитывайте, что это вам понравится.

— Уже не нравится.

— Это все цветочки. Вылезаю я из кабины и смотрю по сторонам. До моего родного городка — миль пять, так что пехом брести неохота. Гляжу, а примерно в четверти мили от дороги у пригорка деревья такие пышные, и кажется мне, что место-то знакомое. Ну и почапал посмотреть поближе. Вижу, все верно: при том пригорке должна быть хибара, где жил-поживал Грэмпс Шнайдер.

— Грэмпс Снайдер?

— Не Снайдер, а Шнайдер. Дед, с которым наша пацанва дружила. На девяносто лет старше любого в округе. Я думал, он помер,

однако сходить да глянуть — это не в тягость. А оказывается, не помер. «Привет, Грэмпс»,— говорю. «Заходи, Хью Доналд,— отвечает.— Только ноги не забудь вытереть. Там подстилка есть». Захожу, присаживаюсь. А он хлопочет, что-то кипятит в кастрюльке на плите. «От утренней хворобы»,— говорит. По-настоящему-то он не совсем колдун.

— То есть?

— Я имею в виду, этим не кормится. Курей разводит, огород держит, и сектанты, большей частью менониты, кое-чем делятся, подкидывают. Но в травах и прочем он с понятием. Кончил кипятить — отрезал мне ломоть сладкой коврижки. «Благодарю»,— говорю, а он толкует: «Хью Доналд, да ты подрос», и как у меня с ученьем дела, интересуется. Отвечаю, мол, наилучшим образом. А он зырк на меня опять и говорит: «А однако что-то тебя донимает». Не спрашивает, а отмечает факт. Жую, значит, коврижку, а сам, не знаю с чего, пытаюсь растолковать ему, что меня мает. Ведь непростое дело. Грэмпс всю жизнь поближе к земле держался. А нынешнюю теорию поля в двух словах не объяснишь. Путался я, путался, и тут он встает, надевает шляпу и говорит: «Пошли-ка, глянем на твою машину». Ну, бредем к шоссейке. Вижу, ремонтники прибыли, но тягач еще не на ходу. Помог Грэмпсу залезть на платформу, забираемся в мой рыдван. Показываю ему декальбы, силюсь объяснить, что они делают. Вернее, что должны делать. Так, абы время прошло. А он тычет в связку антенн и спрашивает: «Вот эти пальцы, что ли, энергию ловят?» Объяснение ничем не хуже прочих, так что я поддакнул. «Понял», — говорит, лезет в карман брюк, достает кусок мела и давай линии метить на каждой антенне спереди назад. Тут я сунулся глянуть, что там ремонтники поделывают. Минуты не прошло, подходит ко мне Грэмпс. «Хью Доналд,— говорит,— эти пальцы, они теперь будут действовать». Мне смешно стало, но, думаю, зачем старика обижать — поблагодарил его горячо. А тут и тягач наладили. Так что распрощались мы с ним, побрел он к себе в развалюху, а я в машину на всякий случай заглянул. Не было мысли, что он что-нибудь напортил, а просто для верности. Просто для порядка. Глядь на декальбы — а они работают!

— То есть как это!— оторопел Стивенс.— Ты хочешь навесить мне, что какой-то ветхий знахарь отремонтировал тебе декальбы?

— Не знахарь, а колдун. Но в целом — так и есть.

Стивенс тряхнул головой.

— Просто совпадение. Иногда они сами собой восстанавливаются так же ни с того ни с сего, как выходят из строя.

— Это по-вашему. Не тот случай. Я все это вам рассказал, только чтобы вас удар не хватил при взгляде. А теперь пойдемте да глянем.

— На что? Куда?

— Во внутренний гараж.

Пока шли в гараж, где Маклеод оставил свое «помело», тот продолжал частить:

— Я подписал водиле платежку и улетел. И об этом никому ни-ни. Ногти сгрыз до локтей, все вас дожидался, чтобы вы первым полюбовались.

«Помело» выглядело вполне обычно. Стивенс осмотрел декальбы и увидел по бокам антенн черточки, кое-как проведенные мелом. Ничего необычного.

— Погодите. Сейчас включу прием мощи,— сказал Маклеод.

Стивенс подождал, пока послышался шумок включенных контуров, и глянул.

Антенны декальбов, жесткие металлические трубки, изогнулись, они извивались, как черви, они тянулись куда-то, будто пальцы.

Сидя на корточках, Стивенс глаз не мог отвести от этого устрашающего зрелища. Маклеод слез с водительского седла и присел рядом.

— Вот так, шеф,— сказал он.— А теперь что будем делать?

— Сигарета найдется?

— А что у вас из кармана торчит?

— Ой! Да, действительно.

Стивенс вынул из пачки сигарету, зажег и — такого за ним не водилось — в две затяжки вытянул наполовину.

— Что молчите?— не отступался Маклеод.— Скажите свое слово. С какого рая они так себя ведут?

— Три мысли есть насчет что делать,— чуть запинаясь, сказал Стивенс.

— Я весь внимание.

— Первая: уволить ко всем чертям доктора Рэмбо и взять на его место Грэмпса Шнайдера.

— А что? Независимо от прочего — неплохая идея.

— Вторая: тихо сидеть здесь, пока не явятся ребята со спецмедупаковкой и не заберут нас, куда след.

— А третья?

— А третья,— свирепо сказал Стивенс,— третья — это выволочь отсюда этот чертов гроб с музыкой, утопить в самом глубоком месте Атлантики и сделать вид, что ничего такого не было.

Дверца машины распахнулась, сунулся какой-то слесарь.

— Доктор Стивенс! Вы здесь?

— Убирайся вон!

Слесарь отлетел в сторону. Послышался его обиженный голос.

— Вам телефонограмма из главного управления.

Стивенс встал, устроился на сиденье водителя, выключил панель управления и убедился, что антенны прекратили возбужденное шевеление. Теперь они выглядели такими великолепно пряменькими и жесткими, что поневоле брал соблазн усомниться в верности собственного зрения. Стивенс спрыгнул на пол, следом обрушился Маклеод.

— Зря я наорал на вас, Уайти,— сказал Стивенс примирительным тоном.— О чем телефонограмма?

— Мистер Глисон просит явиться к нему как можно быстрее.

— Иду. А для вас, Уайти, есть срочное задание.

— Да?

— Видите этот гроб с музыкой? Опечатайте дверцы, и чтоб никакая макака в нее носа не сунула. А потом отбуксируйте, отбуксируйте— вы поняли, что я сказал? — включать не пробуйте, а отбуксируйте в главную лабораторию.

— О'кей.

Стивенс зашагал прочь. Маклеод окликнул его:

— Шеф! А на чем я полечу домой?

— Ах да! Это же твоя личная собственность! Мак, она позарез нужна компании. Оформи купчую — я подпишу.

— И-ишь вы! Вот не уверен, что горю жаждой продать ее. Может, это и гроб с музыкой, но не исключено, что вскоре это будет единственная надежно работающая машина во всей стране.

— Не дури. Если прочие откажут, она тебя не выручит, сколько бы ни была на ходу. Поскольку просто выключат подачу мощи.

— Предположим,— согласился Маклеод и вдруг как-то странно ожил.— Однако такая особо одаренная таратаечка должна бы стоить куда подороже серийной. Такую не пойдете и не купите.

— Мак, в сердце твоем алчность, а в пальцах воровство. Сколько ты хочешь?

— Предположим, двойную цену против серийной, новенькой. Вам это без проблем.

— Случайно знаю, что ты купил ее со скидкой. Однако лады. *Либо компания сдюжит это дело, либо вообще разорится, а тогда* ей будет без разницы.

Глисон вскинул взгляд на вошедшего Стивенса.

— А, Джим, вот и вы! Вы, поди-ка, чудо совершили с нашим другом Уолдо Великим. Великолепная работа!

— И много он с нас сдерет?

— Как у него заведено. Разумеется, то, что у него заведено, больше напоминает разбой с нанесением тяжких телесных повреждений. Но если ему удастся, расходы оправдаются. Причем платим мы только в случае положительного результата. Так что, должно быть, он здорово уверен в себе. Говорят, он в жизни не промазал насчет гонорара по контрактам такого типа. Расскажите хоть, как он выглядит. Вы действительно побывали у него в доме?

— Действительно. И расскажу об этом, но попозже. Сейчас возникло одно дело, я могу думать только о нем, причем заговариваюсь. И просветиться насчет него следует в первую очередь вам.

— Даже так? Слушаю.

Стивенс открыл рот, закрыл рот и сообразил, что ни одна душа не поверит, пока сама не увидит.

— А может, есть возможность сходить со мной в главную лабораторию? У меня там есть что показать.

— Непременно.

Зрелище извивающихся металлических щупов потрясло Глисона гораздо меньше, чем Стивенса. Он удивился, но не опешил. Правду сказать, потому, что инженерной подготовки не хватило на полноту эмоционального восприятия всей сложности увиденного.

— Н-да-а, похоже, что-то не то,— протянул он.

— Что-то не то? Слушайте, шеф, что бы вы подумали, увидя, как солнце восходит на западе?

— Подумал бы, что надо позвонить в обсерваторию и справиться, в чем дело.

— Ну а я бы скорее примирился с восходом солнца на западе, чем с этим зрелищем. Это все, что могу сказать.

— Признаюсь, как-то это все непонятно,— согласился Глисон.— Ничего подобного я в жизни не видел, откровенно говоря. А что по этому поводу говорит Рэмбо?

— Он еще не видел.

— Тогда, наверное, лучше бы послать за ним. Может быть, он еще не отбыл домой.

— Может, лучше показать это Уолдо?

— Обязательно. Однако доктору Рэмбо полагается увидеть это раньше, чем Уолдо. Как ни говорите, а это его епархия, и, боюсь, ему и так-то не сладко. Не хотелось бы действовать через его голову.

Стивенса внезапно осенило.

— Минутку, шеф. Вы правы, но если вам без разницы, лучше бы показали ему это вы, а не я.

— С какой стати, Джимми? Вы же ему дадите пояснения.

— По поводу этой чертовщины я все равно не скажу больше, чем уже сказал вам. И на ближайшие часы буду чрезвычайно занят.

Глисон глянул на Стивенса, пожал плечами и кротко произнес:

— Раз по-вашему так будет лучше, Джим, я не возражаю.

Уолдо целиком ушел в работу и поэтому чувствовал себя счастливым. Он никогда бы не признался — даже себе не признавался бы,— что его отдалению от мира по собственной воле присущи некоторые недостатки, причем прежде всего — скука. У него никогда не было возможностей вволю предаваться удовольствиям общения, за которыми незаметно бежит время; он искренне был убежден, что безволосым обезьянам нечего предложить ему во взаимном сближении. А удовольствия, доступные одинокому интеллектуалу, обладают свойством приедаться.

Да, он то и дело подступал к дяде Гэсу с предложением переселиться во «Фригольд» на постоянное жительство, но говорил

себе, что руководит им желание позаботиться о старике. Да, споры с Граймсом доставляли удовольствие, но он не сознавал, как много они значат в его жизни. Истина заключалась в том, что Граймс был единственным представителем человеческой породы, безоговорочно относившимся к нему как к равному, как просто к такому же человеку. И Уолдо наслаждался этим общением, совершенно не отдавая себе отчета в том, что удовольствие, которое черпает в обществе старика — это самое обычное, но и самое драгоценное из человеческих удовольствий.

Однако сейчас он был счастлив единственным доступным ему счастьем — он работал.

Перед ним были две задачи: поставленная Стивенсом и поставленная Граймсом. Требовалось найти единое решение для обеих. Подход к каждой был трехэтапным. Во-первых, необходимо было убедиться, что они действительно существуют, что положение и впрямь таково, как об этом заявлено на словах. Во-вторых, предстояли исследования в направлениях, указываемых предварительными данными, с целью прояснения картины. И в-третьих, когда картина полностью прояснится, надо было изобрести решение.

Именно «изобрести», а не «найти». Это доктор Рэмбо мог бы сказать «найти» или «вывести». Рэмбо рассматривал Вселенную как жестко упорядоченную и подчиненную неизменным законам. Для Уолдо Вселенная была противником, которому он всячески стремился навязать свою волю. Он и Рэмбо могли говорить об одном и том же, но с разных исходных позиций.

Дел было невпроворот. Стивенс доставил множество сведений, причем одни из них касались основ теории полевой энергосистемы, другие — приемников де-Кальба, ключевых аппаратов этой системы, а третьи — всевозможных аварийных ситуаций, вызванных отказами этих аппаратов. До настоящего времени Уолдо не уделял серьезного внимания полевой энергетике просто потому, что не нуждался в этом. Он находил ее интересной, но сравнительно простой. В голову сразу же пришли самоочевидные усовершенствования. Ну, например, касательно стоячей волны, той основы, на которой строится коаксиальный луч: КПД приема можно было бы значительно повысить путем посылки

обратного сигнала, с помощью которого автоматически корректировалась бы наводка луча. В этом случае КПД энергоснабжения движущегося объекта можно было бы поднять до значения КПД стационарного приемника.

В настоящий момент эта идейка могла подождать. Попозже, когда будет решена непосредственно поставленная задача, можно будет содрать с НАПЭ бешеные деньги за эту подсказку; а наверное, еще забавнее будет вступить с ней в конкуренцию. Есть, конечно, вопрос: когда кончается срок действия их основных патентов? Надо будет глянуть.

Но пусть и с пониженным КПД, а приемники де-Кальба должны работать всякий раз непрерывно и безотказно. И Уолдо со счастливым пылом ринулся выяснять, почему же это не так.

Сама напрашивалась — это для него сама напрашивалась — проблема дефектов изготовления. Но вышедшие из строя декальбы, доставленные Стивенсом, на этот счет помалкивали. Уолдо просветил их рентгеновскими лучами, измерил микрометром и интерферометром, подверг сперва всем обычным испытаниям, а потом особым, которые придумал сам. Декальбы не работали.

Тогда он взял пару отказавших декальбов одинаковой конструкции и, пользуясь одним как моделью, а другим как источником металлического сырья, сам у себя в мастерской соорудил декальб. Пришлось применить свои точнейшие сканеры и самые крохотные уолдики — крохотные, как ладошки эльфа, всего в дюйм размером — в особенности на стадии окончательной сборки. Получился декальб почти идентичный модели, идентичный настолько, насколько это было достижимо технологически при высшей квалификации исполнителя.

Декальб работал великолепно.

А его старший близнец по-прежнему отказывался работать. Это ничуть не обескуражило Уолдо. Наоборот, привело в восторг. Ведь удалось доказать, причем со всей определенностью доказать, что отказ декальба вызван не огрехами при изготовлении, а пробелами в теории. Следовательно, поставленная перед ним задача не высосана из пальца.

Стивенс сообщил во всех подробностях о возмутительном поведении декальбов в машине Маклеода, но Уолдо пока что не

принял во внимание этот случай. В свое время, когда заведенным порядком дойдет черед, он разберется и с этой историей. А пока что он отложил ее в стол. Безволосые обезьяны склонны впадать в истерику. Вероятно, вся эта байка яйца выеденного не стоит. Извиваются, видите ли, будто кудри Медузы. Тоже мне!

Половина времени уходила на задачу, поставленную Граймсом.

Пришлось признать, что биологические науки — если, конечно, можно назвать их «науками» — гораздо увлекательнее, чем думалось. А ведь он их, прямо скажем, избегал; неспособность дорогих «специалистов» хоть как-то справиться с его болезнью в детские годы внушила ему презрительное отношение к этим дисциплинам. Они предлагали ему порошки старых баб, расцвеченные изящной терминологией. Граймса он любил и даже уважал, но Граймс — это был особый случай.

Материалы Граймса убедили Уолдо, что старик кое-что углядел. Причем всерьез. Выкладки был неполны, но тем не менее убедительны. Кривая третьей производной, не сказать чтобы экстраполированная с потолка, показывала, что примерно лет через двадцать не останется людей достаточно сильных, чтобы заниматься тяжелыми работами. Люди сгодятся только на то, чтобы нажимать кнопки.

Притом он как-то не учел, что сам годится лишь на то, чтобы нажимать кнопки; к телесной слабости безволосых обезьян он отнесся так, как мог бы отнестись старосветский фермер к потере кондиций у своего тяглового скота. Никто не требует, чтобы этот фермер сам тянул плуг, на то есть лошади.

А вот коллеги Граймса по занятиям, должно быть, все подряд были дурачье дурачьем.

Тем не менее он привлек лучших физиологов, неврологов, нейрохирургов и анатомов, каких только смог найти. По списку, как товары по каталогу. Надо было подковаться в этих вопросах.

И был порядком разозлен, когда оказалось, что ни под каким видом не удастся устроиться так, чтобы заняться вивисекцией на людях. К этому моменту он уже убедился, что ультракоротковолновое излучение поражает главным образом нервную систему и что вопрос следует рассматривать в рамках теории электромагнитного поля. И собирался произвести некие тонкие опыты, во

время которых люди были бы непосредственно подключены к аппаратуре его собственной конструкции, позволявшей разобраться, чем именно нервный импульс отличается от электрического тока. Нюхом чуял, что имей он возможность частично отключить участки нервной сети человека и заменить их электропроводящими обводами, причем сделать это «непосредственно на объекте исследования», можно было бы совершить блестящие открытия. Правда, после этого объект опытов рисковал оказаться в тягость даже самому себе.

Но власти не вняли; пришлось удовлетвориться опытами на трупах и на животных.

И тем не менее прогресс был очевиден. Мощное коротковолновое излучение оказывало на нервную систему воздействие, причем двояким путем: с одной стороны, вызывало фантомные импульсы в нейронах, недостаточно сильные, чтобы последовала мускульная реакция, но, как он подозревал, все же достаточные для того, чтобы держать тело в состоянии подавленного нервного возбуждения; а с другой стороны, у живого объекта, подвергавшегося воздействию поля, независимо от срока воздействия наблюдалось определенное малое, но измеримое снижение эффективности подлинных нервных импульсов. В эквивалентной электросхеме это второе явление можно было бы описать как ухудшение свойств межпроводной изоляции и соответственный рост токов утечки.

В сумме оба эти процесса вызывали у подвергнутых облучению состояние небольшой усталости, чем-то похожее на недомогание на ранних стадиях туберкулеза легких. Жертва не чувствовала себя заболевшей; просто как-то переставало хватать живости. Большие мускульные усилия не казались невозможными; они просто были неприятны; требовали слишком большого напряжения воли.

Но любой терапевт-ортодокс оказывался вынужден признать больного совершенно здоровым. Да, имеет место небольшой упадок сил, но в остальном — ничего серьезного. Вероятно, результат сидячего образа жизни. Свежий воздух, солнце, лечебная физкультура — вот и все, что требуется.

Док Граймс один-единственный на свете считал, что нынешняя общепризнанная склонность к сидячему образу жизни явля-

ется следствием, а не причиной всеобщего понижения жизненной активности. Изменение происходило медленно, по крайней мере столь же медленно, сколь росла плотность высокочастотной энергии в воздухе. А пострадавшие если и замечали неладное, то относили на счет того, что стареют, «стали тяжеловаты на подъем, не то, что в молодости». И даже были довольны, что стали тяжеловаты на подъем: не дергались и жилось поспокойнее.

Граймс первым призадумался над этим, когда начал замечать, что все без исключения его пациенты юного возраста записались в книгочеи. Оно неплохо, когда пацан читает книжки, но нормальный-то мальчишка должен время от времени беситься. Куда подевались вечный футбол под ногами у взрослых, игра в прятки и прочее, чего одежка не выдерживала в дни его собственного детства?

Черт подери, да не должен пацан день-деньской обхаживать собственную коллекцию марок!

Уолдо шаг за шагом близился к ответу на эти недоумения старого врача.

Нервная система в целом представляет собой нечто похожее на приемную антенну. И как таковая способна улавливать электромагнитные волны и делает это. Но результатом оказывается не наведенный электрический ток, а нервная пульсация — нечто до боли похожее, но в то же время решительно иное, чем электрический ток. Чтобы вызвать мышечную активность, можно вместо нервных импульсов приложить к живым тканям электродвижущую силу, но ЭДС — это ни в коем случае не нервный импульс. При том же результате ток и импульс распространяются с очень уж разными скоростями. Электрический ток распространяется почти со скоростью света, а нервный импульс движется со скоростями порядка метров в секунду.

Именно в этом различии скоростей распространения Уолдо учуял ключ к пониманию проблемы.

Но позабыть о фантастической истории с «помелом» Маклеода на задуманный долгий срок ему не дали. Позвонил доктор Рэмбо. Уолдо ответил на звонок, поскольку звонили из лабораторий НАПЭ. Увидел на экране незнакомого человека и спросил:

— Кто вы и что вам нужно?

Рэмбо пугливо огляделся по сторонам.

— Шш-ш! Не так громко. Могут подслушать,— прошептал он.

— Кто может подслушать? Кто вы такой?

— Да те же, что и всегда. На ночь всегда запирайте дверь. Я доктор Рэмбо.

— Какой такой доктор Рэмбо? Ах да. Послушайте, доктор, что означает это ваше вторжение?

Доктор так подался вперед, что чуть не выпал во «Фригольд» из стереоизображения.

— Я понял, как этого добиться,— свистящим шепотом произнес он.

— Чего добиться?

— Четкой работы декальбов. Наших распрекрасных декальбов.

Внезапно он выбросил вперед руки, судорожно шевеля пальцами.

— Вот как они действуют! Вьются, вьются, вьются!

Уолдо ощутил естественный порыв прервать разговор, но превозмогло любопытство — а что прозвучит дальше? Рэмбо продолжал:

— И знаете почему? Знаете? Отгадайте.

— Так почему же?

Рэмбо приложил палец к носу и плутовато засмеялся.

— Хотите знать? Много ли дадите за то, чтобы знать? Но так и быть, я скажу.

— Так говорите.

И тут в глазах Рэмбо явился смертельный страх.

— Наверное, нельзя говорить. Наверное, подслушивают. Но я все равно скажу! Все равно! Слушайте внимательнейшим образом. Миром владеет неопределенность.

— Это все?— полюбопытствовал Уолдо, теперь уже решительно забавляясь скоморошеством собеседника.

— А вам мало? Куры закаркают, петухи сядут на яйца. Вы здесь, а я там. А может быть, и нет. Нет ничего определенного. Ничего. Ни-че-го-шень-ки. Крутится-вертится шарик лото, чем обернется, не знает никто. Один я знаю.

— Что знаете?

— Как обернуть его чем мне захочется. Глядите.

Рэмбо выхватил перочинный нож.

— Если порезаться, кровь потечет. Верно? Или неверно?

И полоснул по указательному пальцу левой руки.

— Глядите-глядите.

Он поднес палец к самому окуляру. Порез, хотя и глубокий, был едва различим и вообще не кровоточил.

«Капитально!— подумал Уолдо.— Истерическое сжатие сосудов, образцовый клинический случай». А вслух сказал:

— Ну, это любой может проделать. Покажите что-нибудь похлеще.

— Любой? Верно. Любой. Только если будет знать как. А теперь попробуем вот эдак.

Он воткнул нож себе в ладонь левой руки, так что острие вышло на запястье. Повернул лезвие в ране, выдернул нож и показал ладонь. Крови не было, порез мгновенно сомкнулся.

— А знаете, почему так выходит? Потому что есть плюс-вероятность, что нож там побывал, и есть минус-вероятность, что он там побывал. Вот эту минус-вероятность я и открыл!

Потеха кончилась, Уолдо стало скучно.

— Это все?— повторил он.

— Этому нет конца, ибо отныне нет ничего определенного,— торжественно объявил Рэмбо.— Полюбуйтесь.

Он положил нож плашмя на ладонь и перевернул ее.

Нож не упал, он как бы прилип к перевернутой ладони.

И тут Уолдо ощутил прилив интереса. Не исключено, что ему показали фокус, вероятно, это был фокус, но куда более впечатляющий, чем порезы без кровотечения. Порезы без кровотечения характерны при определенных психозах; но чтобы нож прилипал к ладони — такого случиться не должно было. Уолдо включил второй видеофонный канал.

— Мне главного инженера Стивенса из «Норт-Американ Пауэр-Эйр»,— потребовал он.— Немедленно!

Рэмбо не обратил на это внимания, он продолжал лекцию о ноже.

— Он просто не знает, где теперь низ, потому что отныне нет ничего определенного,— певуче мурлыкал Рэмбо.— Может, упадет, а может, и нет. По-моему, упадет. О! Упал. Хотите посмотреть, как я пройдусь по потолку?

— Вызывали, мистер Джонс?

На втором экране появился Стивенс.

Уолдо отключил звук на канале связи с Рэмбо.

— Да. Я по поводу этого дергунчика Рэмбо. Поймайте его и срочно доставьте ко мне. Я хочу его видеть.

— Но-о, мистер Дж...

— Шевелитесь!

Уолдо отключил связь со Стивенсом и опять включил звук на связи с Рэмбо.

— ...неопределенность. Хаос царит, черная магия ходит по белу свету. Или, наоборот, белая пу черну?

Рэмбо как-то странно посмотрел на Уолдо, внезапно просиял и выпалил:

— Всего доброго, мистер Джонс. Очень рад был вашему звонку.

Экран погас.

Уолдо нетерпеливо ждал. «Все это был розыгрыш,— твердил он себе.— Рэмбо устроил мне чудовищный розыгрыш». Розыгрышей Уолдо терпеть не мог. Он еще раз позвонил Стивенсу. Того не было на месте. Он попросил перезвонить.

Вскоре Стивенс перезвонил. Волосы у него были взлохмачены, лицо — красное.

— У нас худые дела,— сказал он.

— Вы его взяли?

— Рэмбо-то? Да, хоть и с трудом.

— Так давайте его сюда.

— Во «Фригольд»? Но это невозможно. Вы не поняли. У него крыша поехала. Сошел с ума. Его увезли в больницу.

— Много на себя взяли,— ледяным тоном сказал Уолдо.— Без вас знаю, что сошел, но мое распоряжение остается в силе. Устраивайтесь как хотите. Наймите санитаров. Дайте расписку. Суньте, кому надо. Но доставьте ко мне срочно. Это необходимо.

— Вы не шутите?

— Не имею такого обыкновения.

— Для ваших исследований? Он не в форме и ничем не может быть вам полезен, это я вам могу сказать точно.

— А уж это мне предоставьте решать,— заявил Уолдо.

— Хорошо,— неуверенно сказал Стивенс.— Я попытаюсь.

— Смотрите, не подведите.

Стивенс еще раз перезвонил спустя полчаса.

— Мне не доставить вам Рэмбо.

— Вы недотепа и зря едите свой хлеб.

Стивенс побагровел, но сдержался.

— Личности здесь ни при чем. Он исчез. Не довезли до больницы.

— Как это?

— В голове не умещается. Его везли пристегнутым к носилкам, он был как в корсет запеленут. Сам видел, как его пристегивали. Но когда прибыли в больницу, оказалось, что он исчез. Причем санитары твердят, что ремни остались нерасстегнутыми.

«Чушь»,— просилось с языка у Уолдо, но Стивенс продолжал:

— Но это еще далеко не все. Верьте слову, я сам с удовольствием покалякал бы с ним. Я только что с осмотра его лаборатории. Помните те чокнутые декальбы? Ну те, заколдованные?

— Понял, о чем речь.

— У Рэмбо оказалась еще одна сборка, которая проделывает то же самое.

Уолдо на несколько секунд лишился дара речи, а потом тихо произнес:

— Доктор Стивенс...

— Да.

— Хочу поблагодарить вас за усилия. И не будете ли вы так любезны, не доставите ли обе сборки приемников, я имею в виду те, что ведут себя неподобающе, во «Фригольд», причем незамедлительно?

Сомневаться не приходилось. Взглянув на доставленные декальбы собственными глазами, увидев необъяснимо змеящиеся антенны и проведя первые же пришедшие в голову опыты, Уолдо вынужден был прийти к заключению, что имеет дело с новым явлением, законы которого были ему совершенно неизвестны.

Если у этого явления вообще могли быть хоть какие-нибудь законы.

Сам перед собой Уолдо никогда не хитрил. Если то, что он видел, он действительно видел, значит, это новое явление противоречило всем законам, тем самым законам, которые он принимал как действующие,— законам, из которых он прежде ни разу не встречал исключений. И у него хватило духу признать,

что первоначальные отказы декальбов — это такое же ошеломляющее нарушение всех физических законов, как и ни с чем не сравнимое поведение этих двух сборок. Разница только в одном: восстановление выглядело впечатляюще, а выход из строя — нет.

Совершенно очевидно, что доктор Рэмбо тоже обнаружил это; его, Уолдо, информировали: с первого же момента неприятностей с декальбами у доктора начали проявляться все более нарастающие признаки нервного перевозбуждения.

Потеря доктора Рэмбо заслуживала сожаления. Рэмбо безумный произвел на Уолдо гораздо большее впечатление, чем когда-либо смог бы произвести Рэмбо трезвомыслящий. Было ясно, что у этого человека какие-то способности хоть и в зачатке, но были; и он чего-то добился, причем большего, чем Уолдо, это надо было признать; хотя и заплатил за это душевным здоровьем.

Не возникло опасений, что обстоятельства, оказавшие такое воздействие на Рэмбо, каковы бы они ни были, способны поколебать и разум Уолдо. Возможно, такая уверенность в своих силах была полностью оправдана. Для защиты от недружелюбного мира вполне хватало собственных параноидальных склонностей Уолдо. С его точки зрения, они представляли собой здравую по своей природе, необходимую поправку на общую нестерпимость его положения, не большую патологию, чем, скажем, мозоль или благоприобретенный иммунитет.

И опять же он, вероятно, в большей мере способен был невозмутимо смотреть в глаза выводящим из равновесия фактам, чем девяносто девять процентов его современников. Он был рожден для бед, столкнулся с ними и раз за разом преодолевал. Да самый дом, в котором он пребывал, был порукой спокойствия и бесстрашия, с которыми он отражал натиск мира, не будучи в состоянии к нему примениться.

Сами собой напрашивающиеся направления исследований причудливо извивающихся металлических стержней на какое-то время оказались исчерпаны. Рэмбо недоступен, у Рэмбо не спросишь. Ну и что? Ведь остается еще один человек, которому известно больше, чем Уолдо. Этого человека и надо разыскать. И Уолдо еще раз позвонил Стивенсу.

— От доктора Рэмбо так и ни звука?

— Ни слуху ни духу. Прихожу к мысли, что бедняги нет в живых.

— Возможно. А этого знахаря, приятеля вашего зама, кажется, зовут Шнайдер?

— Грэмпс Шнайдер.

— Да-да. Не будете ли вы так любезны устроить мне разговор с ним?

— По телефону или вам желательна личная встреча?

— Предпочел бы, чтобы он прибыл ко мне, но понимаю, что он стар и немощен. Вряд ли ему легко дастся перелет. А если он еще к тому же окажется подвержен космической болезни, толку мне от него не будет.

— Посмотрим, что можно сделать.

— Очень хорошо. Ускорьте, пожалуйста, это дело. И еще. Доктор Стивенс!

— Слушаю.

— Если все же придется ограничиться разговором по телефону, устройте так, чтобы к нему в дом был доставлен комплект стереопередатчика. Мне желательно в наибольшей мере обеспечить непринужденную обстановку.

— О'кей.

— Представляешь?— обратился Стивенс к Маклеоду, закончив разговор с Уолдо.— «Великий Я» проявляет заботу о ком-то из окружающих.

— Должно быть, заболел жирюшечка,— решил Маклеод.

— Похоже на то. А вкалывать придется не столько мне, сколько тебе. Поедешь со мной. Потащились в Пенсильванию.

— А на ком останется централь?

— Скажи Каррузерсу, пусть будет за начальство. Если что-нибудь полетит, мы все равно горю не поможем.

В тот же день попозже Стивенс опять вышел на связь.

— Мистер Джонс?

— Да, доктор.

— Ничего не выйдет.

— Имеете в виду, Шнайдер не прибудет во «Фригольд»?

— Во-первых, это, а во-вторых, то, что вам не удастся потолковать с ним по видеофону.

— Вы говорите так, будто он помер.

— Избави Бог. Имею в виду, что он ни при каких обстоятельствах и ни с кем не хочет говорить по видеофону. Говорит, очень жаль, что причиняет вам неудобство, но он против всех этих штучек: фотоаппаратов, кинокамер, телевидения и так далее. Опасные вещи, говорит. И боюсь, закоснел в своих предрассудках.

— В качестве посла вы заставляете желать лучшего, доктор Стивенс.

Стивенс сосчитал про себя до десяти и потом ответил:

— Уверяю вас, я сделал все, что в моих силах, чтобы исполнить ваше желание. Если я не подхожу вам как сотрудник, будьте добры, обратитесь к мистеру Глисону.

И прервал связь.

— Как вы насчет того, чтобы дать ему в зубы?— заметил Маклеод.

— Мак, ты читаешь мысли.

Уолдо еще раз попытался через собственных агентов, но ответ получил тот же самый. С его точки зрения, это было нечто возмутительное; вот уже много лет ему не попадались люди, которых нельзя было бы купить, застращать или в крайнем случае уговорить. Покупка сорвалась; инстинктивно он сознавал — не похоже, что Шнайдер капризничает. А как застращать или объехать на кривой козе человека, с которым нельзя повидаться и поговорить?

Тупичок случился. Безвыходный. Ладно, забудем.

Если, конечно, не применить средств на уровне «хуже смерти».

Нет. Нет, только не это. Об этом даже думать не приходится. Лучше бросить все это дело, признать, что оно не по зубам, и так и сказать Глисону. Уолдо уже семнадцать лет не ступал ногой на земную поверхность. Ничто не могло подвигнуть его на то, чтобы отдать свое тело на милость этого чудовищного поля тяготения. Ничто!

Ведь оно могло теперь даже убить. Сдавить грудь, задушить. Не-ет.

Пухлый Купидон, надутый так, что аж звенит, изящным движением пересек свой вертеп. Как? Отказаться от своей свободы? Даже на время! Самому отдаться на пытки? Нет, это нелепо. Дело того не стоит.

Проще упросить агорафоба залезть на Пюи-де-Дом или потребовать, чтобы клаустрофоб взял у кого-нибудь интервью в самой глубокой шахте мира.

— Дядя Гэс?

— А, Уолдо, привет. Рад видеть и слышать.

— Не опасно ли мне спуститься на Землю?

— Чего? Как это? Объясни подробней. Я не понял.

— Я спрашиваю, не повредит ли мне экскурсия на Землю?

— Ну ты даешь! Звучит так, будто ты впрямь надумал в гости к нам.

— О том и речь.

— Уолдо, что стряслось? Ты в своей тарелке?

— В своей, в своей, но мне надо повидать на Земле одного человека. Другого способа поговорить с ним нет, а поговорить очень надо. Эта экскурсия мне повредит?

— Не должна бы, если побережешься. Если на то пошло, ты здесь родился. Однако будь поосторожнее. У тебя солидное ожирение сердца.

— И вы считаете, это опасно?

— Нет. Смотришься неплохо. Просто не перенапрягайся. И держись поспокойнее.

— Постараюсь. Как только могу. Дядя Гэс!

— Да.

— Вы не съездили бы со мной, не помогли бы мне справиться?

— Ну, я думаю, в этом нет необходимости.

— Дядя Гэс, пожалуйста. Я больше никому не доверяю.

— Уолдо, ты же взрослый человек. Ладно, на этот раз так и быть.

— А теперь запомните,— обратился Уолдо к пилоту.— Модуль ускорения ни в коем случае не должен превысить одно и одну десятую *g*. Даже во время посадки. Я все время буду следить по акселерометру.

— Я двадцать лет вожу машины медпомощи,— ответил пилот.— И пациента не побеспокоил ни разу.

— Это не ответ. Вы поняли? — одно и одна десятая. И к этой цифре даже не приближайтесь, пока не пройдем стратосферу. Тихо, Бальдур! Прекрати сопеть.

— Усек.

— Для верности повторяйте про себя. От этого зависит ваша премия.

— Если так привыкли, водите сами.

— Как бы вам не пришлось отвыкать, милейший. Если я в этом контейнере сдохну, останетесь без работы на всю жизнь.

Пилот что-то буркнул.

— Что вы сказали?— вскинулся Уолдо.

— Сказал, что, может, овчинка и стоит выделки.

Уолдо побагровел, открыл рот, но тут вмешался Граймс.

— Уолдо, спокойней. Помни о своем сердечке.

— Да, дядя Гэс.

Граймс скользнул вперед и знаком дал знать пилоту, что хочет сесть поближе.

— Что бы он ни говорил, не обращайте внимания,— вполголоса сказал Граймс пилоту.— Но насчет ускорения уж постарайтесь. Он вправду не выдержит больших ускорений. Того и гляди, отдаст концы в контейнере.

— Думаете, будет велика потеря? Далеко не уверен. Но пойдем аккуратненько.

— Вот и славно.

— Я готов занять место в контейнере,— отозвался Уолдо.— Дядя Гэс, не поможете ли с ремнями справиться?

Разумеется, контейнер был не обычного типа, а специально построенный на этот случай. На взгляд он больше напоминал огромного размера гроб на карданном подвесе, позволяющем постоянно удерживаться в плоскости, перпендикулярной результирующему вектору ускорения. Уолдо плавал в воде — удельный вес его жировых тканей был достаточно низок,— отделенный от нее обычной нежесткой водонепроницаемой парусиной. Голову и плечи поддерживала пригнанная по телу подкладка. В контейнер был встроен механический автомат для искусственного дыхания, подкладки под спину находились под водой, а убирающиеся грудные накладки — над водой.

На специальном сиденье слева от контейнера сидел наготове Граймс с неоадреналином. Справа от контейнера, пристегнутый к специальной полке, находился Бальдур. Пес как бы уравновешивал Граймса.

Граймс удостоверился, что все готово, и объявил пилоту:

— Стартуйте по своей готовности.

— О'кей.

Пилот захлопнул люк. Входная труба сжалась в гармошку на плоском причале «Фригольда», дав возможность кораблю отвалить. И корабль плавно отправился в путь.

Уолдо закрыл глаза. На лице у него явилось выражение неземного страдания.

— Дядя Гэс, а вдруг корабельные декальбы откажут!

— Не имеет значения. В машинах медпомощи шестикратный запас.

— Вы уверены?

Едва ощутив появление веса, Бальдур начал скулить. Граймс заговорил с ним — пес притих. Но по мере того как машина углублялась в гравитационное поле Земли, суммарное ускорение поневоле нарастало, хотя скорость машины существенно не менялась. Уолдо казалось, что это тянется нестерпимо долго и никогда не кончится. А пес ощущал, как все тело наливается изнурительной тяжестью. Причины он не понимал, но происходящее ему не нравилось: более того — устрашало. Он начал выть.

Уолдо открыл глаза.

— О Господи!— простонал он.— Сделайте же хоть что-нибудь! Он, должно быть, умирает.

— Сейчас гляну,— ответил Граймс, отстегнул ремень безопасности и потянулся через контейнер. Перераспределение масс заставило кардан качнуться; Уолдо колыхнуло к стенке контейнера.

— Ой!— с трудом выговорил он.— Осторожней!

— Не обращай внимания.

Граймс погладил пса по голове и ласково заговорил с ним. Когда тот успокоился, Граймс собрал в горсть шкуру на его загривке, прицелился и всадил дозу успокаивающего. И потер место укола.

— Вот так, старичок. Теперь тебе полегчает.

Врач отвалился на свое место, от этого Уолдо опять качнуло, однако он молча вынес эту пытку.

После входа в атмосферу машина резко дернулась всего один раз. Взвыли оба: и пес, и Уолдо.

— Частник,— вполоборота крикнул пилот.— У меня преимущество, а он нарушил.

И пробурчал что-то про баб за рулем.

— Я видел. Наш не виноват,— сказал Граймс Уолдо.

Пилот с изяществом посадил машину на площадке, подготовленной между шоссе и домом Шнайдера. Их прибытия дожидалась целая команда; под присмотром Граймса контейнер с Уолдо сняли с кардана и вынесли из машины. Как ни старались действовать осторожно и не спеша, все-таки не обошлось без встрясок и толчков. Уолдо перенес их с молчаливой стойкостью, но из-под закрытых век градом катились слезы.

Едва его вынесли из машины, он открыл глаза и спросил:

— Где Бальдур?

— Я его отвязал,— пояснил Граймс,— но он не может следовать за нами.

— Бальдур, сюда! Ко мне, малыш!— хрипло окликнул Уолдо.

Пес, остававшийся внутри корабля, услышал голос хозяина, приподнял голову и придушенно гавкнул. Он все еще чувствовал устрашающую немочь, но пополз на брюхе, силясь исполнить приказ. Граймс вовремя оказался у дверцы и увидел, что происходит.

Пес дополз до края своей полки и сделал потешную попытку ринуться туда, откуда слышал хозяйский голос. Он попытался применить единственный известный ему способ передвижения: оттолкнулся задними лапами и полагал, что вылетит через открытую дверь и прекратит полет, упершись передними лапами в контейнер. Но вместо этого рухнул с полуметровой высоты на пол кабины, неловко принял удар на непружинящие передние лапы и при том болезненно взвизгнул.

Теперь он лежал пластом там, где упал, голоса не подавал, но и не пытался двигаться, а дрожал всем телом.

Граймс наклонился над ним, осмотрел, убедился, что животное не покалечилось, и вышел из кабины.

— С Бальдуром небольшая авария,— объяснил он Уолдо.— Ничего серьезного, но бедный чертяка не умеет ходить. Лучше оставь его в кабине.

Уолдо с усилием покачал головой.

— Хочу, чтобы он был со мной. Пусть раздобудут носилки.

Граймс позвал двух человек на подмогу, договорился с водителем машины медпомощи насчет носилок и приказал помощникам нести собаку. Один из них заворчал:

— Вряд ли эта работенка по мне. Псина-то вот-вот набросится. Гляньте, какие у нее глазища.

— Не набросится,— заверил его Граймс.— Просто перепугана до потери сознания. Давайте, я подержу ее за голову.

— А что с ней? То же самое, что и с этой жирной тушей?

— Не-ет, с ней все в порядке, здорова, как бык. Просто ей в жизни не приходилось ходить. Она на Земле в первый раз.

— Окосеть, будь я трижды проклят!

— Знаю один такой случай,— охотно отозвался второй носильщик.— Про одну псину, что выросла в Лунополисе. Так она первую неделю на Земле вообще ходить не могла — только ползала, выла и делала под себя.

— В точности как эта,— мрачно отозвался первый.

Носилки с Бальдуром поставили рядом с контейнером Уолдо. А тот с неимоверным усилием приподнялся на локте, вытянул руку и положил на голову собаке. Пес лизнул хозяйскую руку и разом перестал дрожать.

— Так-то вот, дружок,— прошептал Уолдо.— Здорово худо, а? Ну, ничего, держись.

Бальдур вильнул хвостом.

Четверых отрядили нести Уолдо и еще двоих — нести собаку. Грэмпс Шнайдер ожидал на пороге своего дома. Ни слова не сказал, когда процессия приблизилась, просто дал знак, чтобы Уолдо внесли в дом. Носильщики с собакой замялись.

— Его тоже,— сказал Шнайдер.

Когда прочие удалились — даже Граймс вернулся к машине,— Шнайдер заговорил.

— Добро пожаловать, мистер Уолдо Джонс.

— Спасибо за привет, дедушка Шнайдер.

Старик любезно кивнул, не говоря ни слова, и подошел к носилкам с Бальдуром. Уолдо хотел было предупредить его, что для незнакомых зверюга опасна, но какое-то странное стеснение — наверное, поле тяготения на нервы подействовало — помешало отозваться вовремя. А потом он увидел, что зря беспокоился.

Бальдур перестал тихо поскуливать, поднял голову и лизнул Грэмпса Шнайдера в подбородок. И радостно завилял хвостом. Уолдо почувствовал внезапный приступ ревности; ведь до этого за псом никогда не водилось, чтобы он проявил дружелюбие к незнакомым людям без особого приказа хозяина. Это была нелояльность, даже более того — измена! Но Уолдо подавил в себе неприятное чувство и хладнокровно расценил это происшествие как свой тактический успех.

Шнайдер отвел в сторону собачью морду и тщательно осмотрел собаку, поталкивая, поглаживая, вытягивая ей лапы. Приподнял Бальдуру губы, глянул на десна. Оттянул веки, заглянул и за них. Покончив с осмотром, подошел к Уолдо.

— Пес-то и не хвор,— сказал Шнайдер.— Просто у него ум за разум зашел. С чего бы это?

Уолдо рассказал о необычном прошлом Бальдура. Шнайдер выслушал, покивал — причем Уолдо не поклялся бы, что старик что-то понял — и внимательным взглядом окинул Уолдо.

— Нехорошо, когда ребенок лежит в постели. Давно это с тобой?

— С рождения, дедушка.

— Это нехорошо.

Шнайдер обошелся у Уолдо точно так же, как и с Бальдуром. Уолдо с гораздо большим трудом сносил чужое прикосновение, чем обычный, здоровый, но легко возбудимый человек, однако выдержал это по причинам вполне прагматическим. Чувствовал, что как-то надо втереться, умаслить этого диковинного старикашку. Ни к чему настраивать его против себя.

Поэтому постарался не возмущаться тем, что с ним творят, а чтобы пополнить свои знания о старом шамане, повнимательнее осмотрел. Это была совмещенная комната-кухня. Узковатая, но довольно длинная, она была тесно заставлена. Весь кухонный конец занимал собой то ли огромный очаг, то ли камин, однако теперь он был заложен кирпичом, а сквозь дырку в его дымоход шла жестяная труба от плиты с механической подачей угля. Плита углом заходила в камин слева. Соответствующее место справа занимала тумба с небольшой мойкой. Вода подавалась в мойку ручным насосиком, рукоять которого торчала из-за тумбы.

Судя по обстановке, решил Уолдо, либо Шнайдер старше, чем выглядит, что просто невозможно себе представить, либо унаследовал этот дом от кого-то, кто уже век как помер.

Жилой конец комнаты был загроможден и заставлен, что просто неизбежно в небольших помещениях. Кругом были книги: в нескольких шкафах, стопками на полу, россыпью на стульях так, что вот-вот свалятся. Старинный, заваленный бумагами деревянный стол представлял собой пьедестал для давно устаревшей механической пишущей машинки и занимал целый угол. Над ним на стене висели часы-ходики в виде домика. Над циферблатом имелись две дверочки; именно в тот момент, когда Уолдо разглядывал часы, из левой выскочила резная деревянная птичка, раскрашенная красной краской, четыре раза пропела «фью-фью» и тут же спряталась. Следом из правой дверцы явилась серая птичка, трижды лениво прокуковала и вернулась на место. Уолдо решил, что очень хорошо бы заиметь такие часы; разумеется, их маятник и гиря во «Фригольде» не работали бы, но часы легко можно приспособить на центрифугу, дающую ускорение в одно *g*, где у них будут как бы те же условия для работы, что и на поверхности Земли.

В голову не пришло поставить скрытый источник питания для имитации работы маятника; Уолдо любил, чтобы механизмы работали так, как задуманы.

Слева от часов висел старомодный бумажный табель-календарь. Какого года, было не разглядеть на темном фоне, но повыше была отчетливо видна надпись крупными буквами «ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА В НЬЮ-ЙОРКЕ – НА ПАМЯТЬ О МИРЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». У гостя глаза чуток округлились при взгляде на нечто вколотое в подушечку для булавок на краю стола. То была круглая плоская пластмассовая штуковина с заколкой для крепления к одежде. Она была так близко, что Уолдо смог прочесть надпись на ней:

ЗА СВОБОДНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР
шестнадцать к одному

Но тогда, стало быть, Шнайдер не то что стар, а ветхозаветно стар!

Дверной проем с арочным верхом вел в другую комнату. Что там находилось, было не разглядеть, арка была завешена занавеской из крупных раскрашенных бусин на ниточках.

Вся комната полна была различных запахов, многие из них отдавали стариной и затхлостью, но не из-за нечистоплотности.

Шнайдер выпрямился и поглядел на Уолдо.

— Нет у тебя в теле никакого изъяна. Вставай и ходи ногами.

Уолдо слабо покачал головой.

— К сожалению, не могу, дедушка.

— Тебе надо дотянуться до силы и приказать, чтоб она тебе служила. Ну-ка, попробуй.

— К сожалению, не знаю, как это делается.

— В том-то и вся закавыка. Все на свете туман, если кто не знает. Ты отослал свою силу в Иномир. Тебе надо дотянуться до Иномира и стребовать ее назад.

— Но где этот «иномир», дедушка?

Шнайдер, казалось, засомневался, отвечать ли. А потом сказал:

— Его нельзя увидеть. Он и тут, и там, и повсюду. Но прежде всего вот здесь,— постучал он себя пальцем по лбу.— Ум помещается в нем и через него управляет всем телом. Постой-ка.

Он порылся в стенном шкафчике, вынул какую-то баночку. В баночке было снадобье, похоже, мазь, и он принялся натирать себе руки этой мазью.

Закончив, вернулся к Уолдо и опустился рядом с ним на колени. Взял обеими руками Уолдо за запястье и принялся ласково растирать.

— А ты свой ум не напрягай,— приказал он.— Ты старайся силу почуять. Иномир-то рядом, и силы в нем полным-полно. Постарайся почувствовать это.

Массаж оказался донельзя приятен утомленным мускулам Уолдо. То ли от снадобья, то ли просто от рук старика по телу пошла упоительная теплая волна. «Будь он помоложе, я бы его в массажисты нанял,— подумал Уолдо.— Он же самый настоящий магнетизер».

Шнайдер выпрямился и сказал:

— Полегчало, а? Теперь отдохни немного, пока я кофе заварю.

Уолдо с приятным чувством откинулся на свое ложе. Уж очень он устал. Не столько сама по себе езда дала по нервам, сколько хватка проклятого поля тяготения, в которой он чувствовал себя, как муха в патоке. Пассы Грэмпса Шнайдера принесли облегчение и навеяли сон.

Должно быть, он все же вздремнул, так как последнее, что помнилось, было зрелище, как Шнайдер бросает в кофейник яичную скорлупу. А старик уже стоял перед ним с кофейником в одной руке и дымящейся чашкой в другой. Отставил их, взял три подушки, примостил их Уолдо под спину и протянул чашку. Уолдо с трудом вытянул обе руки, чтобы ее взять.

Шнайдер отвел чашку в сторону.

— Не-ет,— с укоризной сказал он.— И одной руки больше чем хватит. Ты делай, как я показывал. Ты тянись в Иномир за силой.

Он взял правую руку Уолдо, поднес пальцы к фаянсовой дужке, сомкнул их на ней, поддерживая руку Уолдо своей. А другой рукой ласково провел по руке Уолдо от плеча до самых кончиков пальцев. И опять по руке прошла теплая волна.

И Уолдо с удивлением увидел, что держит чашку одной рукой. Вот это да! Ко времени, когда он семнадцать лет назад покинул Землю, у него уже сложилась неизменная привычка ничего никогда не пытаться удержать одной рукой. Разумеется, во «Фригольде» он частенько управлялся одной рукой со всякой мелочью и без помощи уолдиков. Видимо, годы упражнений сказались, хватка улучшилась. Отлично! Настоящий триумф!

Почувствовав прилив задора, он пил из чашки, держа ее одной рукой и стараясь изо всех сил не пролить кофе на себя. А кофе был вкусный, ничего не скажешь. Такой же вкусный, как и тот, что он сам себе готовил из самых дорогих экстрактов. Уж если совсем честно сказать, возможно, даже вкуснее.

Когда Шнайдер предложил ему к кофе свежеразогретую коврижку с коричневой сладкой корочкой, которая благоухала корицей, он настолько разошелся, что взял ее левой рукой, не спрашивая, куда бы отставить чашку. И положа локти на край контейнера, поочередно то откусывал, то запивал, то запивал, то откусывал.

Разговор за чашкой кофе заканчивался, и, похоже, пора было начать разговор касательно декальбов. Шнайдер не стал запираться,

что знает Маклеода, и припомнил, хотя и смутно, случай, когда он наладил Маклеодово «помело».

— Хью Доналд — славный парнишка,— сказал он.— Машин я не люблю, но чинить детям разные штуки — это одно удовольствие.

— А не расскажете ли мне, дедушка, каким образом вы отремонтировали машину Хью Доналда Маклеода?— спросил Уолдо.

— Что, у тебя есть такая же, поломанная, и ты хочешь, чтобы я ее починил?

— У меня полным-полно таких поломанных, я взялся их починить, но, должен признаться, не знаю, как это сделать. И приехал, чтобы узнать, как это получается у вас.

Шнайдер призадумался.

— Это трудно. Показать-то можно, но не так существенно, что делаешь, как что при том думаешь. А это только с опытом приходит.

Должно быть, на лице Уолдо изобразилось слишком большое недоумение, потому что старик пояснил:

— Говорят, на все на свете можно смотреть так, а можно эдак. Это как бы правда, но не вся, потому что смотреть можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет. Кто-то из древних говорил, что либо все на свете существует, либо нет. Это не вся правда, поскольку кое-что одновременно и существует, и не существует. Кто с опытом, тот способен и так смотреть, и этак. Случается, то, что существует в нашем мире, в Иномире не существует. А это важно, поскольку живем-то мы в Иномире.

— То есть как это «живем в Иномире»?

— А как же еще нам жить-то? Ум — не мозг, а ум — существует в Иномире, а до здешнего мира дотягивается через тело. Это один из верных способов глядеть на вещи, хотя есть и другие.

— Значит, есть несколько способов рассматривать приемники де-Кальба?

— Правильно.

— А будь у меня с собой прибор, который не работает, вы показали бы мне, как надо на него глядеть?

— Да нужды нет, и притом я не люблю, когда машины в доме. Лучше я тебе нарисую.

Уолдо вздумалось было настоять, но он подавил в себе этот порыв. «Ты пришел сюда, смиренно прося о наставлении,— сказал он себе.— Не учи учителя, как тебя учить».

Шнайдер раздобыл карандаш и лист бумаги и со всем тщанием и очень ясно изобразил сноп антенн и главную балку машины. Эскиз выглядел довольно точно, хотя и недоставало нескольких существенных, но второстепенных деталей.

— Вот эти пальцы,— сказал Шнайдер,— проникают глубоко в Иномир, чтобы зачерпнуть силу. А что зачерпнули, то вот по этому столбу,— указал он на балку,— передают туда, где сила используется, чтобы машина двигалась.

«Прекрасное аллегорическое объяснение,— подумал Уолдо.— Если принять, что "Иномир" — это синоним гипотетического эфира, оно звучит если не полно, то безукоризненно». Но ему стариковы речи ничего не объяснили.

— А Хью Доналд устал,— продолжал Шнайдер,— и какая-то маета его ела. Вот он и выискал одну из худых правд.

— То есть вы хотите сказать,— раздельно произнес Уолдо,— что машина Маклеода вышла из строя по той причине, что он тревожился на этот счет?

— А из-за чего же еще?

К ответу на этот вопрос Уолдо был не готов. Стало очевидно, что старик целиком в плену каких-то странных фантазий; тем не менее он мог бы показать Уолдо, что именно надо делать, хотя почему — и сам не знал.

— А что вы сделали, чтобы изменить положение?

— Да ничего я не изменял! Я просто глянул с другого боку.

— Но как глянули? Мы нашли там какие-то пометки мелом...

— Ах, те? Они помогали мне сосредоточиться в нужную сторону, а больше они ни для чего. Я рисовал их вот так,— он взялся водить карандашом по эскизу,— а сам в это время представлял себе, как пальцы тянутся за силой. Ну они и потянулись.

— И это все? И больше ничего?

— Зачем? Хватит и этого.

«Либо старик сам не понимает, каким образом он произвел ремонт,— рассудил Уолдо,— либо он тут вообще ни при чем, а имеет место чистое, хотя и удивительное совпадение».

Пустая чашка давно стояла на краешке контейнера, ее вес приходился на металл, пальцами Уолдо ее только придерживал. Увлекшись разговором, он позабыл про нее, и чашка выскользнула из усталых пальцев, упала на пол и разбилась.

Уолдо вконец расстроился.

— Виноват перед вами, дедушка. Я пришлю вам другую.

— Не тревожься. Я починю.

Шнайдер тщательно собрал осколки и положил на стол.

— Ты устал,— продолжил он.— Это нехорошо. Из-за этого теряешь, что приобрел. Возвращайся домой, отдохни, а потом можешь поупражняться, как силу возвратить.

Мысль показалась Уолдо здравой; он очень устал, и сделалось очевидно, что у старого пройдохи никаких особых секретов не вызнать. Он с чувством и глубоко неискренно поклялся, что будет упражняться, «как силу возвратить», и попросил Шнайдера оказать любезность и кликнуть носильщиков.

На обратном пути обошлось без приключений. У Уолдо не хватило духу даже на то, чтобы пререкаться с пилотом. Полный тупик. Одни машины не работают, хотя должны, а другие работают, но невозможным образом. И никто не знает, что делать, кроме старикашки, у которого помутилось в голове. Несколько дней Уолдо трудился апатично, по большей части повторяя опыты, которые уже проделывал, лишь бы не признаваться себе, что застрял, что не знает, как быть дальше, что по-настоящему-то он потерпел поражение и пора бы позвонить Глисону и признаться в этом.

Два «заколдованных» комплекта декальбов продолжали работать, стоило их включить, но все тем же диковинным и невероятным образом, с извивающимися антеннами. Другие неожиданно вышедшие из строя и присланные ему на обследование декальбы по-прежнему отказывались работать. А третьи, годные, действовали великолепным образом, без нелепых верчений и подергиваний.

В невесть какой раз он достал нарисованный Шнайдером эскизик и внимательно изучил его. «Остается только одна возможность,— подумал он.— Еще раз вернуться на Землю и настоять, чтобы Шнайдер в моем присутствии действительно проделал все, что им было сделано с целью вернуть декальбы в рабочее состояние». Теперь он понимал, что на этом следовало бы настоять с са-

мого начала, но тогда его настолько сбила с толку борьба с этим до чертиков сильным гравитационным полем, что не достало воли выстоять.

Возможно, в этом его заменит Стивенс и при том изготовит стереофотоснимки процесса для дальнейшего изучения? Нет, старик суеверно предубежден против искусственных изображений.

Уолдо плавно подплыл туда, где стоял один из неработающих декальбов. Проделанное Шнайдером было, судя по его словам, до нелепости просто. Он нарисовал мелом на антеннах черточки, вот так, чтобы сосредоточиться. А потом уставился на антенны и представил себе, как они «черпают силу», устремляясь в «Иномир».

Бальдур неистово залаял.

— Да замолчи, дурак!— огрызнулся Уолдо, не сводя глаз с антенн.

Каждый металлический патрубочек по отдельности начал извиваться, вытягиваться. Послышался тихий ровный звук нормально работающего аппарата.

Уолдо все еще обдумывал происшедшее, когда внимания потребовал телевизор. Нет, ни капельки не грозила опасность повредиться в уме, как это произошло с Рэмбо; и тем не менее думал он так напряженно, что голова заболела. И все еще не пришел в себя, когда пришлось включить видеофон.

— Да.

Звонил Стивенс.

— Привет, мистер Джонс. Это... Мы тут думали... То есть...

— Дело говорите.

— Ну-у, насколько вы близки к результату?— выпалил Стивенс.— Тут, понимаете ли, здорово наседает...

— Это еще как?

— Частично обесточило Большой Нью-Йорк прошлой ночью. К счастью, не в час пик и аварийщики сумели кинуть времянки, прежде чем исчерпался резерв, но вы же представляете себе, что было бы, случись это, когда все на ногах. По моему собственному отделу число отказов за последние недели удвоилось, и страхователи почуяли неладное. Так что мы срочно нуждаемся в результатах.

— Поимеете вы свои результаты,— свысока сказал Уолдо.— Я на завершающих этапах.

Не то чтобы он уж так был в этом уверен, но Стивенс разозлил его даже больше, чем большинство безволосых обезьян.

На лице Стивенса боролись сомнение и надежда.

— Полагаю, вы откажетесь хотя бы намекнуть нам, в каком плане они ожидаются?

Разумеется. Но невозможно было не позабавиться, не подшутить над Стивенсом.

— Ближе к объективу, доктор Стивенс. От вас я не скрою.

И сам подался вперед, так что в некотором смысле они оказались носом к носу.

— Черная магия ходит по белу свету!— зловеще сказал Уолдо и разом прервал разговор.

Глубоко в подземном лабиринте родной централи в Северной Америке Стивенс воззрился на темный экран.

— Что за докука, шеф?— поинтересовался Маклеод.

— Не понял. Не совсем понял. Но идея такая, что у нашего толстячка крыша поехала, причем таким же манером, как у Рэмбо.

На лице Маклеода явилась счастливая улыбка.

— Какая прелесть! Всегда был уверен, что он тот еще придурок.

Но Стивенс не намерен был шутить.

— Лучше бы ты молился, чтобы он был в своем уме, поскольку мы от этого зависим. Дай-ка мне нынешнюю сводочку глянуть.

Черная магия ходит по белу свету. Объясненьице ничем не хуже других, призадумался Уолдо. Причинность дает сбой за сбоем; священные законы физики больше не действуют. Магия. Как утверждает Грэмпс Шнайдер, это, видимо, зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Дело ясное, Шнайдер знал о чем толкует, хотя, разумеется, понятия не имел о физической теории, положенной в основу декальбов.

Подождите минутку! Подождите. Вероятно, он сам, Уолдо, подходил к этой проблеме не с того боку. Он занялся ею с некой собственной точки зрения, с точки зрения, которая настроила его критически по отношению к словам старика. Исходил из предположения, что уж он-то, Уолдо, понимает в этом деле больше,

чем Шнайдер. Да, спору нет, он выбрался из дому, чтобы навестить Шнайдера, но считал-то его колдуном из захолустья, человеком, который, возможно, располагает некой долей полезной информации, но в основе своей невежественным и погрязшим в предрассудках.

Предположим, придется глянуть на ситуацию с иной точки зрения. Примем, что все сказанное Шнайдером — это никакие не предрассудки и не аллегории, а сугубый факт и высокая наука...

Понадобилось несколько часов на сложные размышления.

Прежде всего Шнайдер то и дело употреблял слово «Иномир».

Что оно означает буквально? «Мир» — это пространственно-энергетический континуум; следовательно, «Иномир» — это континуум, но отличный от того, в котором пребывает сам Шнайдер. Теоретическая физика не отвергает таких представлений; возможность существования бесконечного числа континуумов заложена во многие знакомые и вполне ортодоксальные суждения. Это предположение даже используется в некоторых выкладках.

Именно это и имел в виду Грэмпс Шнайдер? Реально физически существующий «Иномир»? Поразмыслив, Уолдо убедился, что, должно быть, так оно и есть, хотя старик не пользовался общепринятой физической терминологией. «Иномир» — это звучит как поэзия, но термин «дополнительный континуум» имеет тот же физический смысл. Стало быть, Уолдо заблудился в двух терминах.

Шнайдер утверждает, что этот Иномир повсеместен: он тут, там и везде. А разве это не прекрасное описание взаимно однозначного наложения двух пространств? Некое дополнительное пространство может располагаться относительно данного таким образом, что расстояние между ними представляет собой бесконечно малую величину, однако существует. Точно так же можно представить себе две плоскости, которые не пересекаются, которые разделены непредставимо малым промежутком, но тем не менее существуют по отдельности одна от другой.

Иномир не является полностью недостижимым; Шнайдер говорит о возможности проникновения в этот континуум. Звучит как фантастика, но для целей данного исследования должно быть принято. И Шнайдер подразумевал — нет, прямо утверждал,— что такое проникновение совершается мысленным усилием.

Уж так ли это фантастично? Если некий континуум располагается неизмеримо близко, но в то же время вне прямой физической досягаемости, не будет в диковину обнаружить, что он легче всего достижим с помощью некоего трудноуловимого и, вероятно, подсознательного усилия мозга. Когда речь о мозге, все трудноуловимо, и небеса порукой в том, что никто не знает, как именно действует мозг. Ни малейшего понятия не имеет. Смехотворна и безнадежна попытка описать, например, процесс создания симфонии в рамках коллоидной химии. А поскольку никто не знает, как работает мозг, приписать ему еще одно необъяснимое свойство — *в этом нет ничего неприемлемого.*

Если уж так-то подумать, все понятия, касающиеся сознания и мысли, выглядят фантастически невероятными.

Так и быть, значит, Маклеод сам вывел из строя свою машину несоответственной мыслью; а Шнайдер отремонтировал ее соответственной. И что из этого следует?

А по крайней мере следующий предварительный вывод: в выходе из строя всех остальных декальбов, вероятно, повинны те, кто с ними работал. Операторы, вероятно, находились в состоянии упадка сил, утомления, неясной тревоги и поэтому заразили — нет, поразили — декальбы, которыми управляли. Каким именно образом — это пока неясно. В первом приближении скажем так: в Иномире все эти декальбы замкнулись накоротко. Неряшливая терминология, но на данном этапе помогает прояснить картину.

Но ведь отсюда всего один шаг до гипотезы Граймса! «Упадок сил, утомление, неясная тревога» — это то, о чем толкует док. Окончательных доказательств пока нет, но правота дока для Уолдо очевидна. Реально нарастающая эпидемия аварий — это просто аспект всеобщей *myasthenia,* вызванной коротковолновым облучением.

Но если это верно...

Он включился в видеофонный канал на Землю и вызвал на разговор Стивенса.

— Доктор Стивенс,— с ходу же приступил он к делу,— имеется одна предварительная мера предосторожности, которую следовало бы принять уже сейчас.

— Да?

— Но прежде позвольте задать вопрос. Много ли было случаев отказа декальбов на машинах в личном пользовании? В каком соотношении?

— Сию секунду не могу привести вам точных цифр,— ответил несколько заинтригованный Стивенс,— но на транспорте личного пользования аварий практически не было. Страдает в основном общественный и грузовой транспорт.

— Так я и думал. Частник не полетит, когда нет настроения, а платному водителю приходится. Вне зависимости от того, как он себя чувствует. Примите меры к особому психофизическому обследованию водителей общественного и грузового транспорта, на котором используются декальбы. Отстраняйте от полетов всех, кто хоть немного не в форме. Позвоните доктору Граймсу. Он скажет вам, на что обратить внимание.

— Легко сказать, мистер Джонс. И вдобавок большинство таких водителей, практически все, это не наши служащие. Они нам неподконтрольны.

— Это ваша проблема,— пожал плечами Уолдо.— Моя забота — подсказать вам, как временно уменьшить число отказов, пока я отрабатываю свое решение вопроса.

— Но-о...

Уолдо не дослушал окончания фразы; он сам сказал все, что хотел, и прекратил разговор. Он уже звонил по другому, не знающему отдыха, арендованному каналу, которым был связан со своей наземной конторой, со своими «гномами». И дал более чем странный приказ — достать книги, очень старые, очень редкие. Книги по магии.

Прежде чем что-то предпринять для исполнения требования Уолдо, Стивенс посоветовался с Глисоном. Глисон засомневался.

— Он объяснил, почему дает такой совет?

— Ни слова не сказал. Рекомендовал связаться с доктором Граймсом и получить у него более подробные указания.

— С каким еще доктором Граймсом?

— С врачом, который свел меня с Уолдо, с нашим общим знакомым.

— А-а, припоминаю. Н-да-а-а. Трудновато будет брать за ворот людей, которые не у нас работают. Однако, полагаю, некоторые из

наших крупных клиентов пошли бы нам навстречу, если бы мы к ним обратились и привели некие резоны. А почему вы так странно смотрите?

Стивенс рассказал Глисону о последнем необъяснимом заявлении Уолдо.

— Не думаете ли вы, что это могло подействовать на него точно так же, как на доктора Рэмбо?

— Как вам сказать? Полагаю, могло. А в этом случае следование его советам к добру не приведет. Есть ли еще какие-нибудь предложения?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда не вижу альтернативы. Придется последовать его совету. Он наша последняя надежда. Возможно, напрасная, но единственная.

Стивенс несколько приободрился.

— Можно бы поговорить об этом деле с доктором Граймсом. Уж он-то знает Уолдо как никто на свете.

— При том, что вы направлены на консультацию именно к нему, это будет вполне уместно. Поговорите.

Рассказ Стивенса Граймс выслушал молча. Когда Стивенс закончил, врач сказал:

— Скорее всего, Уолдо имеет в виду симптомы, которые я наблюдал, занимаясь коротковолновым облучением. Дело несложное. Можешь взять гранки монографии, которую я подготовил. Прочти и все поймешь.

Эта информация Стивенса не порадовала, а только усилила подозрения насчет того, что Уолдо маленько того.

— А что касаемо второго твоего вопроса, Джим, трудно мне себе представить, чтобы Уолдо свихнулся таким манером.

— Мне-то он никогда не казался особо уравновешенным.

— Понимаю, о чем речь. Но его параноидальные наклонности не в большей мере напоминают случай с Рэмбо, чем ветрянка свинку. На деле-то один психоз защищает от другого. Но я побываю у него, погляжу.

— Правда? Вот и славно.

— Но не нынче. Нынче мне надо присмотреть кое за кем. Несколько детишек простыло, перелом ноги со смещением, и, похо-

же, полиомиелит в округе прорезался. Так что раньше конца недели мне никак.

— Док, почему вы не откажетесь от общей практики? Ведь скучное же дело.

— И я так думал, когда был помоложе. Но примерно сорок лет назад перестал лечить болячки и начал лечить людей. И это доставляет мне радость.

Уолдо погрузился в оргию чтения, глотая трактаты по магии и близким темам с неимоверной быстротой. Раньше этими предметами он вообще не интересовался. Но теперь, когда велик оказался шанс, что в них можно почерпнуть что-то полезное, он, читая не просто так, а под определенным углом, нашел там очень много интересного.

О некоем ином мире там упоминалось часто. Иногда его называли «Иномиром», иногда «малым миром». Будучи теперь убежден, что этим термином обозначается реально существующий, материальный континуум, отличный от нашего, Уолдо отчетливо видел, что многие мастера запретных искусств придерживались буквально той же точки зрения. И указывали, как можно использовать этот иномир. Временами фантазировали, временами давали чисто практические советы.

Было совершенно очевидно, что по крайней мере девяносто процентов всей магии, а вероятно, и больше — это галиматья и чистой воды мистификация. Чувствовалось, что на мистификацию ловились даже профессионалы; им не доставало научного метода; они применяли однозначную логику так же неверно, как и двузначную логику устаревшего Спенсерова детерминизма; и речи не было о современной расширенной, многозначной логике.

Тем не менее там, где дело касалось рассуждений о концепции иного, отличного, но доступного мира, в законах контактозной, симпатической и гомеопатической магии ощущалась некая искаженная истинность. Человек, имеющий доступ в иное пространство, вполне мог бы исповедывать логику, в которой объект способен «быть», «не быть» или «быть чем угодно иным» с одинаковой легкостью.

Какими бы бессмысленными или путаными ни представлялись магические обряды, восходящие к поре, когда это искусство

находилось в общем пользовании, перечень его достижений выглядел впечатляюще. Это маги обнаружили кураре, дигиталис, хинин, гипноз и телепатию. Это маги Древнего Египта разработали гидравлические машины. Собственно, химия развилась из алхимии. По делу-то, многие современные науки своим происхождением обязаны колдунам. Наука отбросила все лишнее, пропустила сырой материал сквозь пресс двузначной логики и привела знание к формам, в которых оно доступно любому.

К несчастью, та часть магии, которая оказалась несовместима с категориями, введенными методологией девятнадцатого века, была отброшена и отлучена от науки. Ее лишили доброго имени, позабыли или объявили сказками и суевериями.

Поневоле закрадывалась мысль, что колдовство есть недоразвитое научное знание, отброшенное до того, как с ним удалось разобраться.

И все же проявления неопределенности, которыми характеризуются некоторые аспекты магии, те самые проявления, которые Уолдо начал теперь связывать с представлениями о гипотетическом дополнительном континууме, наблюдались достаточно часто и в наши времена. Свидетельства на эту тему оказывались поразительны для любого, кто подходил к ним без предубеждения: полтергейсты, камни, падающие с неба, явление материальных предметов из ничего во время спиритических сеансов, люди с дурным глазом, то есть, как теперь делается понятно, люди, по некоторым неясным причинам оказавшиеся средоточием неопределенности, дома с привидениями, странные возгорания, из тех, что когда-то связывали с саламандрами. Имелись сотни подобных случаев, записи о них были составлены тщательно и заверены, однако отвергнуты ортодоксальной наукой, объявлены «невозможными». С точки зрения известных закономерностей, они и впрямь были невозможны; однако если расценивать их с позиции наличия внешнего дополнительного континуума, они делались сами собою разумеющимися, естественными.

Уолдо остерегался рассматривать свою предварительную гипотезу Иномира как доказанную; тем не менее это была приемлемая гипотеза даже в том случае, если некоторых непонятных случаев не удастся объяснить и с ее помощью.

В Иномире могли действовать иные физические законы — а почему бы и нет? Тем не менее Уолдо принял для себя предположение, что Иномир во многом похож на известный мир.

Иномир мог оказаться обитаем. Интереснейшая мысль! В этом случае через «магию» оказывалось осуществимо что угодно. Что угодно!

Пора было кончать с отвлеченными рассуждениями и заняться небольшим, но глубоким исследованием. Прежде всего с сожалением пришлось отказаться от попытки применить формулы средневековых магов. Оказалось, что ни одна процедура целиком не описывается с их помощью; нечто существенное — и об этом упоминалось в записях, об этом свидетельствовал его собственный опыт — передавалось ученику непосредственно словом учителя. Подтверждалось это и опытом его общения со Шнайдером: имели место вещи и образцы поведения, которые обязательно требовали прямого обучения.

К сожалению, ему предстоит учиться всему, что необходимо, без посторонней помощи.

— Господи! Дядя Гэс, как рад вас видеть!

— Да вот решил глянуть на тебя. Ты же мне несколько недель не звонил.

— Это правда, но, дядя Гэс, я был жутко занят работой.

— И, поди, чересчур. Перебирать-то не след. Дай-ка глянуть на твой язык.

— Да все со мной в порядке.

Но язык все равно пришлось высунуть; Граймс осмотрел его и пощупал пульс.

— Похоже, с тобой все о'кей. До чего-нибудь докапываешься?

— Еще как! Почти довел до конца дело с декальбами.

— Отлично. Из твоего разговора со Стивенсом, похоже, следует, что ты нашел какую-то зацепку, которая заодно сгодится и для моей любимой задачки.

— Да. Некоторым образом. Но я сказал бы наоборот. Смахивает на то, что заботы Стивенса — это следствие проблемы, которую углядели вы.

— То есть?

— Вот именно. Симптомы, вызванные ультракоротковолновым облучением, очень сильно влияют на надежность декальбов.

— Каким образом?

— Точно еще не знаю. Но рабочую гипотезу я разработал и как раз сейчас ее проверяю.

— Н-да-а-а. Есть желание побеседовать на эту тему?

— Очень большое. Причем именно с вами.

Уолдо пустился в рассказ о подробностях своего свидания со Шнайдером, насчет которых прежде Граймсу ни словом не обмолвился, хотя Граймс сопровождал его туда и обратно. Граймс знал, Уолдо ничего не обсуждает, пока не будет к этому готов.

Заслыша о третьем комплекте декальбов, зараженных невероятными подергиваниями, Граймс недоверчиво поднял бровь.

— Ты хочешь сказать, что сам сообразил, каким образом это делается?

— Вот именно. Точнее сказать, не «каким образом». Я просто могу это делать. И делал уже не раз. Я вам покажу.

Уолдо отплыл в ту сторону помещения, где на временных растяжках были пристегнуты несколько комплектов декальбов, больших и малых.

— Гляньте на этот крайний. Его доставили нынче. Вышел из строя. Сейчас я применю к нему фокус-покус Шнайдера, и он заработает. Одну минуточку. Я включу источник мощности.

Он вернулся к центральному кольцу, занял свое обычное место и включил излучатель энергии. Поскольку «Фригольд» отлично экранировал все находящееся внутри от внешних излучений, пришлось установить в космическом доме небольшую энергоцентраль и малый излучатель примерно того же типа, что и гигантская аппаратура НАПЭ; без них не было бы возможности испытывать декальбы в рабочем состоянии.

Снова присоединившись к Граймсу, Уолдо прошелся вдоль линии декальбов, включая возбуждающие цепи. Все, кроме двух, начали выказывать странную подвижность антенн, которую он про себя начал называть «подвижностью Шнайдера».

— Вон тот на дальнем конце работает, но не дергается,— предупредил Уолдо.— Он никогда не выходил из строя и, стало быть, не нуждался в обработке. Это мой контрольный прибор. А вот

этот,— он указал на аппарат прямо перед собой,— нуждается в ремонте. Следите за мной.

— Что ты собираешься делать?

— Правду сказать, и сам не знаю. Но сделаю.

Уолдо не знал. Знал только одно: необходимо, не сводя глаз с антенн, представлять себе, как они проникают в Иномир, как тянутся за силой, тянутся, тянутся...

Антенны начали извиваться.

— Вот и все, что надо. Но это строго между нами. Я научился этому у Шнайдера.

Они возвратились к центру сферы. Предложил это Граймс под предлогом желания взять сигарету. А на деле при виде извивающихся антенн ему стало не по себе, но не хотелось говорить об этом.

— Как ты это объясняешь?

— Как не совсем понятное проявление инопространства. Мне о нем известно меньше, чем Франклину о природе молнии. Но я дознаюсь. Обязательно! И мог бы, не сходя с места, разрешить затруднения Стивенса, если бы знал, как справиться с вашей проблемой.

— Не вижу связи.

— Должен быть какой-то способ добиться общего результата через инопространство. Научиться излучать энергию в инопространство, а потом черпать ее оттуда. Тогда излучение не оказывало бы вредного воздействия на человеческий организм. Оно никогда бы не соприкоснулось с ним; оно распространялось бы в обход. Я вожусь над этим со своим излучателем, но пока что безуспешно. Однако своего добьюсь.

— Надеюсь. Кстати, а разве излучение от твоей станции гуляет по этому помещению?

— Да.

— Тогда напялю-ка я свое защитное пальтецо. И тебе тоже это не на пользу.

— Без разницы. Сейчас выключу.

Едва Уолдо обернулся к выключателю, раздалось приятное чириканье. Бальдур гавкнул. Граймс огляделся по сторонам, высматривая, откуда звук.

— Ты что тут себе завел?— спросил он.

— Вы о чем? Ах, это. Это мои часы с кукушкой. Забавно, верно?

Граймс согласился, что забавно, хотя особой пользы в этом приобретении не видел. Уолдо пристроил часы на краю легкого металлического обруча, вращавшегося с такой скоростью, чтобы часы находились под действием центробежной силы в одно *g*.

— Смастерил эту игрушку, пока раздумывал над проблемой инопространства,— продолжал Уолдо.— Надо было чем-то руки занять.

— Насчет этого инопространства я как-то не совсем четко понимаю.

— Представьте себе континуум, очень похожий на наш и наложенный на наш примерно так же, как один лист бумаги на другой. Оба пространства неслитны, они отделены одно от другого самым малым интервалом, какой только можно себе вообразить. Они сосуществуют, но обычно не соприкасаются. Имеет место взаимная однозначность между точками обоих пространств, как мне представляется, хотя они необязательно имеют одни и те же размеры или форму.

— Но-но! Должны иметь.

— Никоим образом. Представим себе отрезок прямой длиной в милю и отрезок длиной в дюйм. В котором из них больше точек?

— Разумеется, в том, что длиной с милю.

— Нет. Количество точек в них обоих одинаково. Хотите, докажу?

— Верю тебе на слово. В жизни не занимался этими разделами математики.

— На слово так на слово. Ни размеры, ни форма не являются помехой для установления полного точечного взаимосоответствия двух пространств. Да и сами эти понятия тут, по существу, неприложимы. «Размеры» — это вопрос внутренней структуры пространства, его протяженности, выраженной через свойственные ему одному постоянные. А «форма» существует сама по себе — по крайней мере вне нашего пространства — это проблема кривизны пространства, его открытости или замкнутости, динамики расширения или смыкания.

Граймс пожал плечами.

— На мой слух это звучит как тарабарщина.

И отвернулся, глядя, как вертятся на своем колесе часы с кукушкой.

— Наверняка,— радостно согласился Уолдо.— Мы ограничены собственным опытом. Знаете, каким я представляю Иномир? (То был чисто риторический вопрос). Он представляется мне размерами и формой похожим на страусиное яйцо, но тем не менее целой вселенной, существующей бок о бок с нашей и здесь, и в окрестностях самой далекой звезды. Я знаю, что это ложное представление, но так мне легче все это себе представить.

— Дело твое,— сказал Граймс и кувыркнулся в воздухе: от непрерывного верчения часов с кукушкой у него слегка закружилась голова.— Слушай! По-моему, ведь ты выключил излучатель?

— Выключил,— согласился Уолдо и посмотрел туда же, куда и Граймс. И увидел шевелящиеся антенны декальбов.— Кажется, выключил,— произнес он с сомнением и бросил взгляд на панель управления излучателем. И у него глаза полезли на лоб.— Но я и вправду его выключил. Он вправду выключен.

— Но тогда какого же дьявола...

— Да помолчите вы!

Надо было сообразить; как следует сообразить. Действительно ли излучатель не работает? Уолдо подплыл к нему, осмотрел. Да, в нем ничто не теплится, как в динозаврах. Просто для того, чтобы лишний раз убедиться, он вернулся, надел свои уолдики, залез в нужные схемы и частично рассоединил их. Но декальбы продолжали шевелить антеннами.

Не теплился один-единственный комплект декальбов, тот, над которым не была проделана обработка по Шнайдеру; от него не доносилось никакого шума. А все остальные работали неистово, добывая энергию. Но откуда?

Уолдо попытался припомнить, упоминал или нет Маклеод, разговаривая со Шнайдером, об излучателях, от которых декальбам полагается получать энергию. Он сам, Уолдо, об излучателях даже не обмолвился. Просто к слову не пришлось в разговоре. Но Шнайдер что-то сказал. «Иномир-то рядом, и силы в нем полным-полно».

А он, Уолдо, хотя и собирался буквально толковать речи старика, на эту фразу не обратил внимания. «В Иномире-то силы полным-полно».

— Мне так неприятно, что я наорал на вас, дядя Гэс,— сказал он.

— Все о'кей.

— Но и вы бы, поди, не сдержались.

— Это выглядит так, сынок, что ты изобрел вечный двигатель.

— Некоторым образом. Или отменил закон сохранения энергии, что тоже звучит неплохо. Эти декальбы питаются энергией, которая до сей поры в этом мире не существовала!

— Н-да-а-а.

Чтобы проверить это предположение, Уолдо вернулся к кольцу управления, вставил руки в уолдики, включил переносный сканер и обследовал пространство вокруг декальбов самыми чувствительными датчиками в диапазоне радиоизлучения, какими располагал. Стрелки приборов даже не дрогнули; на длинах волн, к которым чувствительны декальбы, в помещении ничего не теплилось.

Энергия поступала в них из инопространства. Не от его излучателя, не от замечательных станций НАПЭ, а из инопространства. Но в этом случае он, Уолдо, даже не приблизился к решению проблемы неисправных декальбов; и, быть может, так никогда ее и не решит. Погодите, погодите, а что именно записано у него в контракте? Он попытался вспомнить точную формулировку.

Возможно, есть способ обойти это дело. Возможно. Да, это самоновейшее дураковаляние питомцев Грэмпса Шнайдера может иметь весьма замысловатые последствия. Кое-что замаячило в мыслях, но надо было подумать.

— Дядя Гэс...

— Что, Уолдо?

— Вы можете вернуться и передать Стивенсу, что у меня готов окончательный ответ. Его проблему мы решим, и вашу тоже. А тем временем мне вправду надо очень серьезно подумать, и я хочу побыть наедине с самим собой. Будьте так добры.

— Приветствую вас, мистер Глисон. Бальдур! Тихо! Входите. Устраивайтесь поудобнее. Как дела, доктор Стивенс?

— Как дела, мистер Джонс?

— А это мистер Харкнесс,— сказал Глисон, указывая на появившуюся следом фигуру.— Он руководит нашим юротделом.

— Ах да, действительно. Нам же предстоит обсудить вопрос о контракте. *Добро пожаловать во «Фригольд», мистер Харкнесс.*

— Благодарю,— холодно сказал Харкнесс.— Будут ли присутствовать ваши юрисконсульты?

— Они уже здесь,— указал Уолдо на стереоэкран, где видны были две фигуры. Фигуры поклонились и пробормотали что-то вежливое.

— Это в высшей степени против правил,— заныл Харкнесс.— Свидетели должны присутствовать лично. Услышанное и увиденное по телевизору в качестве свидетельских показаний к рассмотрению не принимается.

Уолдо поджал губы.

— Это ваше официальное возражение?

— Ни в коем случае,— поспешно сказал Глисон.— Чарлз, не настаивайте.

Харкнесс угомонился.

— Господа, не стану отнимать у вас время,— приступил к делу Уолдо.— Мы собрались, чтобы я мог исполнить свое обязательство согласно нашему контракту. Условия известны, не будем их повторять,— сунул он руки в свои уолдики-задатчики.— Вот здесь, у дальней стены, вы видите ряд приемников силового излучения, в просторечии именуемых декальбами. Доктор Стивенс может, если желает, сверить их серийные номера...

— Нет необходимости.

— Очень хорошо. Я включу свой местный излучатель, чтобы мы имели возможность убедиться: он работает удовлетворительно,— пока Уолдо говорил, уолдики хлопотливо трудились.— А затем я по одному приведу в действие приемники.

Его руки замелькали в воздухе; пара малых уолдиков включила нужные переключатели на пульте управления последнего в ряду аппарата.

— Это декальб обычного типа, ни разу не отказавший в работе. Его доставил мне доктор Стивенс. Доктор, если угодно, вы можете убедиться, что он работает нормальным образом.

— Мне это и так видно.

— Впредь мы будем называть такие приемники «декальбами», а их работу «обычной», — малые уолдики опять захлопотали.—

А вот тут у нас приемники, которые я предпочел бы называть «шнайдер-декальбами», поскольку они подверглись определенной обработке, — антенны зашевелились, — а их работу — «работой по Шнайдеру». Доктор, вы не возражаете?

— О'кей.

— Вы привезли с собой пришедший в негодность приемник?

— Как видите.

— Вы способны привести его в действие?

— Нет, неспособен.

— Вы уверены? Вы его тщательно изучили?

— Более чем тщательно,— кисло признал Стивенс, которому начала надоедать нелепая церемонность Уолдо.

— Очень хорошо. А теперь я приведу его в действие.

Отплыв со своего места в центральном кольце и добравшись до неисправного декальба, он расположился так, чтобы всем телом заслонить свои действия от глаз наблюдателей. А потом вернулся в кольцо и с помощью уолдиков включил этот декальб.

Тот немедленно заработал «по Шнайдеру».

— Господа, вот результат,— объявил Уолдо.— Мною разработан метод восстановления декальбов, самопроизвольно вышедших из строя. Я подвергну обработке по Шнайдеру любые приемники, которые вы мне доставите. Платить за это вам не придется, это входит в счет моего гонорара. Я обучу ваш персонал, как производить обработку по Шнайдеру. Тоже в счет своего гонорара. Однако не могу гарантировать, что действовать в соответствии с моими наставлениями сможет любой ваш работник. Не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что обработка очень трудна и требует гораздо больших усилий, чем представляется. Думаю, доктор Стивенс вам это подтвердит,— улыбнулся он одними губами.— Считаю, что наше соглашение с моей стороны выполнено полностью.

— Минутку, мистер Джонс,— вмешался Глисон.— А надежен ли декальб, прошедший обработку по Шнайдеру?

— Абсолютно. Я это гарантирую.

Гости сошлись в кружок и забубнили. Уолдо ждал. Наконец Глисон ответил за всех.

— Мистер Джонс, это не совсем те результаты, которых мы от вас ожидали, но мы согласны: ваши обязательства по отноше-

нию к нам выполнены. Разумеется, при условии, что вы обработаете по Шнайдеру любые декальбы, которые к вам доставят, и обучите этому наш персонал, способный к такому обучению.

— Не возражаю.

— Ваш гонорар будет сию же минуту переведен на ваш счет.

— Отлично. Все поняли, все согласны? Успешно ли и в полной ли мере я исполнил ваше поручение?

— Совершенно верно.

— Вот и прекрасно. Если ваше терпение не иссякло, мне хотелось бы показать вам кое-что еще.

Секция стены сложилась в гармошку, гигантские уолдики устремились в открывшееся помещение и извлекли оттуда громадный прибор, своим видом несколько напоминавший обычный комплект декальбов, но значительно более усложненный. Большая часть этих усложнений была чистой воды декорацией, но даже у опытного инженера на доказательство этого ушла бы уйма времени.

У машины была одна новая особенность — встроенный счетчик нового типа, рассчитанный на работу в течение заданного срока, а затем саморазрушающийся, и радиоустройство, позволяющее изменять этот срок. А также прибор, разрушающий себя и приемник, если в конструкцию сунется кто-то, кто в ней не разбирается. Таким образом Уолдо намеревался предварительно решить вопрос о торговле свободной и неограниченной энергией.

Но об этих вещах он не сказал ни слова. Малые уолдики захлопотали, крепя аппарат к временным растяжкам. Когда с этим было покончено, Уолдо произнес:

— Господа, перед вами прибор, который я решил назвать «джонс-шнайдер-декальб». А его существование означает, что больше вам энергией не торговать.

— Вот как?— сказал Глисон.— Можно ли спросить, с какой это стати?

— А с той,— прозвучал ответ,— что я могу торговать ею дешевле и общедоступнее, чем вы, а в этом случае вам конкурировать со мной — дело безнадежное.

— Сильно сказано.

— И сейчас будет показано. Доктор Стивенс, вы обратили внимание, что все остальные приемники работают. Вот я их выключаю,— захлопотали уолдики.— А теперь я выключаю свой

излучатель и прошу вас убедиться с помощью своей аппаратуры, что в этом помещении не имеется никакой лучистой энергии, кроме энергии видимого света.

Несколько помрачневший Стивенс занялся своими приборами.

— Поток энергии в помещении отсутствует,— объявил он несколько минут спустя.

— Хорошо. Держите свою аппаратуру включенной, чтобы можно было и в дальнейшем убедиться в этом. А я приведу в действие свой приемник,— металлические ручки замкнули переключатели.— Доктор, пронаблюдайте. Всесторонним образом пронаблюдайте.

Стивенс повиновался. Приборам на пульте не поверил, включил в параллель свои.

— И что скажете, Джеймс?— прошептал Глисон.

Стивенс неприязненно поморщился.

— Эта проклятая штука жрет энергию ниоткуда.

Гости воззрились на Уолдо.

— Господа, я вас не тороплю,— благородно сказал Уолдо.— Совещайтесь, сколько вам будет угодно.

Гости удалились, насколько позволяло помещение, и пустились в перешептывания. Было видно, что Глисон и Харкнесс вступили в спор, а Стивенс целиком ушел в себя. Это было как нельзя более кстати. Уолдо от всей души надеялся, что Стивенс не решится еще раз взглянуть на милую штучку, которая отныне именуется «джонс-шнайдер-декальбом» — ДШДК. Ни к чему было, чтобы Стивенс разобрался в ней. По крайней мере, до поры до времени. Уолдо тщательно следил за тем, чтобы говорить о ДШДК только правду, однако не всю: не упомянул, что все декальбы, обработанные по Шнайдеру, являются источниками свободной энергии.

Если Стивенс с ходу разберется в этом, может выйти пренеудобная ситуация.

Измерителю-разрушителю Уолдо нарочно придал таинственный и сложный вид, но установил его не зря. Позже будет возможность подчеркнуть — и это будет соответствовать истине,— что без этих приборов НАПЭ на рынке энергии останется ни с чем.

Уолдо был очень напряжен. Игра была рискованная; он предпочел бы знать гораздо больше о явлении, следствиями которого пытался торговать вразнос, однако — и тут он мысленно пожал плечами, храня самоуверенную усмешку,— дело тянется уже несколько месяцев, а ситуация с энергией критическая. Уж это-то разрешится, если только достаточно быстро удастся заполучить подписи гостей в строке, где положено их проставлять.

Поскольку у него нет ни малейшего намерения действительно конкурировать с НАПЭ.

Глисон отделился от общества Стивенса с Харкнессом и подплыл к Уолдо.

— Мистер Джонс, а не могли бы мы уладить это дело полюбовно?

— Что вы намерены мне предложить?

Примерно час спустя Уолдо со вздохом облегчения наблюдал, как судно гостей отваливает от причала. «По высшему классу розыгрыш,— думал он.— И ведь сработал». Дельце провернуто. Он великодушно позволил, чтобы его уговорили объединиться, и добился — и тут позволил себе проявить нешуточную горячность — немедленного заключения контракта, без адвокатской возни и предосторожностей. Теперь или никогда, либо делаем дело, либо кончаем разговоры. И притом с благородным видом подчеркнул, что в предлагаемом контракте есть пункт, в котором говорится, что он не получит ровным счетом ничего, если его заявления насчет ДШДК в дальнейшем не подтвердятся.

Глисон обдумал этот пункт, решил подписать контракт и сделал как решил.

Даже после этого Харкнесс попытался выдвинуть претензию, мол, Уолдо — служащий НАПЭ. Мол, ранее сам подписал контракт на исполнение особого поручения за обусловленный гонорар. Претензия была явно высосана из пальца; даже Глисон согласился с этим.

В обмен на все права на ДШДК, на который Уолдо согласился представить чертежи — ждите, пока Стивенс увидит эти эскизы и разберется в них! — ему был обещана учредительская доля

акций НАПЭ без права голоса, но полностью оплаченная и не подлежащая налогообложению. Неучастие в делах компании — это была его собственная идея. В торговле энергией предстояли головоломные трудности, причем в изобилии. Можно было предвидеть, что начнется: браконьерские приспособления, хитрости для обхода счетчиков, да мало ли что еще. Близилась эра свободного энергопотребления, и усилия остановить ее в перспективе бесплодны, Уолдо был в этом убежден.

Он так хохотал, что перепугал Бальдура — пес забеспокоился и громко залаял.

Теперь можно позволить себе забыть про патенты Хатауэя.

Однако в его торжестве над НАПЭ оставалась одна задоринка, чреватая последствиями: он заверил Глисона, что декальбы, «обработанные по Шнайдеру», впредь будут работать безотказно. А сам верил, что так и будет, просто потому, что полагался на Грэмпса Шнайдера. Однако доказать не смог бы. И сам понимал, что слишком мало знает о явлениях, связанных с Иномиром, чтобы ясно различать, что может, а чего не может случиться. Это все еще требовало обширного и трудного исследования.

Но Иномир — это было дьявольски трудное место для изысканий!

Предположим, рассуждал он, что человеческая порода слепа, что зрение у нее так и не развилось. Оставим в стороне вопрос, насколько слепые могли бы цивилизоваться, просветиться и усвоить научные представления, но трудно себе представить, чтобы они хоть когда-нибудь сумели в принципе развить у себя астрономию. Они могли бы говорить о Солнце, как об источнике энергии, действующем по сложной циклической схеме, и оценивать направление на него, поскольку Солнце так могуче, что его можно «видеть» кожей. Они могли бы указывать его местонахождение, могли бы изобрести приборы, которые улавливают солнечный свет, могли бы изучать Солнце.

Но разве они в силах были бы заметить бледные звезды? Очень на то непохоже. Само существование небесной вселенной, ее безмолвные бездны и осиянное величие были бы для них непредставимы. И даже если бы кто-то из их ученых каким-то образом оказался вынужден принять наличие вселенной, причем не как

фантастическое, невероятное допущение, а как факт, как бы он мог исследовать этот факт в подробностях?

Уолдо попытался вообразить себе фототелескоп, изобретенный и сконструированный слепцом, задуманный так, чтобы слепец мог им управлять и мог бы накапливать сведения, в которых могли бы разобраться другие слепцы. Не получилось: слишком много ловушек оказывалось на пути. Чтобы решить такую проблему, никуда было не деться от мучительных трудов по увязыванию в цепь внутренних рассуждений, а для этого была нужна изощренность куда более могучего гения, чем его собственный. Неимоверное напряжение требовалось, чтобы ему, зрячему, изобрести телескоп для слепого; способа самому слепому без посторонней помощи преодолеть возникающие трудности Уолдо вообще не видел.

В данном случае такую помощь оказал ему Шнайдер; в одиночку он безнадежно застрял бы в самом начале пути.

Но даже с подсказками Шнайдера проблема исследования Иномира мало чем отличалась от задачи самостоятельного постижения слепцом начал, ведущих к зарождению астрономии. Постичь Иномир Уолдо не мог; он мог только прикоснуться к нему, применяя «обработку по Шнайдеру». Будь оно проклято, куда уж тут до конструирования приборов, с помощью которых возможно изучение иновселенной.

Напрашивалось, что в конце концов придется еще раз побывать у Шнайдера в поисках наставлений, но эта уловка представлялась такой гадкой, что Уолдо отбросил саму мысль о ней. Опять же Грэмпс Шнайдер вряд ли сможет научить его большему; они говорят на разных языках.

Инопространство существует и оказывается достижимо при определенной направленности разума: либо сознательной, чему учил Шнайдер, либо подсознательной, жертвами которой оказались Маклеод и ему подобные,— это все, что дано знать.

То, что мысль и только мысль сама по себе способна воздействовать на физические явления, противоречило всей материалистической философии, в которой он вырос. В этом представлении было что-то крайне неприятное. Оказывалось, что убеждение в незыблемости физических законов и миропорядка —

предрассудок, и он, Уолдо, находится у такового в плену. Люди, предопределившие его мировоззрение, натурфилософы, создавшие мир науки и сопутствующих технологий: Галилей, Ньютон, Эдисон, Эйнштейн, Штейнмец, Джинс и мириад их коллег, рассматривали Вселенную как механизм, действующий по жестким правилам. Очевидные неудачи в следовании этим правилам, следовательно, рассматривались либо как ошибки в наблюдениях, либо как неудовлетворительность построенных гипотез, либо как следствие недостаточности имеющихся сведений.

Даже кратковременное возвышение неопределенности по Гейзенбергу не изменило фундаментального ориентирования на упорядоченный космос; сама эта неопределенность рассматривалась как нечто определенное! Ее можно было выразить, описать с помощью формулы, на ней оказалось возможно построить строгую статистическую механику. А в 1958 году, когда Горовитц переформулировал волновую механику, неопределенность эту самую вообще удалось исключить. Порядок и причинность были восстановлены в правах.

И вдруг такое дело, будь оно неладно! Ведь с тем же успехом теперь можно молиться о ниспослании дождя, загадывать желания в полнолуние, ходить к «исцелителям верой» и в конце концов капитулировать перед прелестным солипсизмом епископа Беркли: «Не бытует сей клен в отсутствие взглядов зевак».

Уолдо не был так всецело предан Абсолютному Порядку, как Рэмбо; ему не угрожало умственное расстройство по случаю краха основополагающих принципов; и тем не менее, так-его-распротак, это большое удобство, когда все на свете происходит так, как тебе преподано. Из порядка и закона природы выводится предсказуемость; без предсказуемости жить невозможно. Часы должны идти мерно; если воду греть, она закипает; пища — не в погубление, а во здравие; приемники де-Кальба должны работать, причем так, как полагал их конструктор; хаос несносен и жить в нем никак нельзя.

Предположим, однако, что хаос — всему голова и что порядок, который, как нам представляется, мы обнаружили окрест себя, есть попросту плод воображения, фантазм; куда это нас за-

вело бы? В этом случае, решил Уолдо, вовсе не исключено, что десятифунтовая гиря и впрямь падала в десять раз быстрее фунтовой до того самого дня, когда дерзновенный Галилей выдумал и объявил, что это не так. Не исключено, что вся с великим тщанием продуманная теоретическая механика развилась из представлений нескольких твердолобых личностей, навязавших миру свои воззрения. Возможно, сами звезды твердо держатся курсов, назначенных им верой астрономов. Так и создали из Хаоса Упорядоченный Космос — посредством Разума!

Мир был плоским до тех пор, пока географы не решили иначе. Мир был плоским, и Солнце, величиной с лохань, восходило на востоке и заходило на западе. Звезды были крохотными огоньками, усыпавшими прозрачный купол, едва-едва возвышавшийся над самыми высокими горами. Грозы были гневом богов, и движение воздушных масс оказывалось вовсе ни при чем. Всем тем миром правил сотворенный Разумом анимизм.

Ближе к нашим временам это изменилось. Миром стала править распространившаяся договоренность относительно материалистической и неизменной причинности; на ней целиком воздвиглась технология цивилизации, обслуживаемой машинами. Эти машины и впрямь работали так, как было назначено конструкторами, потому что все верили, что так должно быть.

И так оно тянулось до тех пор, пока несколько пилотов, неким образом одуревших от длительного мощного электромагнитного облучения, не усомнились в своих машинах и не заразили их неопределенностью. Вот с какого момента черная магия ходит по белу свету.

В уме Уолдо явилась мысль, что мало-помалу становится ясно, как складывались судьбы магии. Магия в анимистическом мире была законом случайности; под напором философии неизменной причинности магия шаг за шагом все пятилась и пятилась. И вот наконец магию вместе с ее миром вообще выгнали вон на задворки «предрассудка». Естественно. Любой добросовестный экспериментатор, исследуя дома с привидениями, образование материальных тел во время спиритических сеансов и все такое прочее, сообщал о неудаче опытов. Своими убеждениями он не давал этим явлениям проявиться.

Лишь там, где, куда ни глянь, не увидишь белого человека, в глубине африканских джунглей, могли сохраниться совсем иные места. Там все еще, возможно, правят бал диковинные, ускользающие законы магии.

Возможно, эти рассуждения были уж слишком сильным перегибом; и тем не менее за ними было преимущество, которым не обладали ортодоксальные концепции: они объясняли колдовство, которое Грэмпс Шнайдер чинил над декальбами. Любая рабочая гипотеза, которой не под силу было объяснить способность Шнайдера — и его самого, Уолдо — мысленно приводить декальбы в рабочее состояние, не стоит ни гроша. А эта гипотеза объясняет, ей соответствуют фразочки Грэмпса типа: «Все на свете туман» и «Кое-что одновременно и существует и не существует. Смотреть на вещи можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет».

Очень хорошо. Примем эту гипотезу. И будем действовать по ней. Мир изменяется в зависимости от того, каким образом на него смотрят. Но если так, то уж он-то, Уолдо, знает, каким образом смотреть. Он подает голос за порядок и предсказуемость!

И навяжет этот взгляд. Введет в упорядоченный космос свое представление об Иномире!

Заверения, данные Глисону о надежности обработанных «по Шнайдеру» декальбов, в этом случае следует считать добрым началом. Значит, так и будет. Сказано, что надежны — значит, и будут надежны. Не выйдут из строя никогда.

Постепенно в уме складывалась и прояснялась собственная концепция Иномира. Хотелось считать его упорядоченным и в основном подобным здешнему пространству. А местом смыкания обоих пространств мыслилась нервная система; кора головного мозга, зрительные бугры, спинной мозг и прилегающие участки нервных путей. Эта картина отвечала тому, что говорил Шнайдер, и не противоречила явлениям, как он сам, Уолдо, их понимал.

Постойте! Если нервная система расположена в обоих пространствах, то, возможно, именно это и приводит к относительно медленному распространению нервных импульсов по сравнению со скоростью света. Да! Если в инопространстве константа ***c*** меньше, чем в здешнем, то это так и должно быть.

Стала являться твердая уверенность, что это так и есть. Он что, он просто рассуждает? Или создает новую вселенную? Возможно, придется отказаться от сложившегося в уме образа инопространства, размерами и формой напоминающего страусиное яйцо, поскольку пространство с более медленной скоростью света не меньше, а больше привычного пространства. Нет... Нет, погодите минутку, *размеры* пространства зависят не от постоянной ***c***, а от радиуса кривизны, выраженного через эту постоянную. А так как ***c*** — это скорость, то, значит, размеры зависят от представлений о времени — в этом случае времени как скорости изменения энтропии. В том и заключается особенность, позволяющая сравнить оба пространства: они обмениваются энергией, и, следовательно, каждое воздействует на энтропию соседнего.

То, которое быстрее приближается к постоянству энтропии, должно быть «меньшим».

Так что нет нужды отказываться от образа страусиного яйца, с которым так сроднился! Иномир есть замкнутое пространство с малой ***c***, с высокой скоростью изменения энтропии, с малым радиусом и почти постоянной энтропией — великолепный резервуар энергии с любой точки зрения, готовый излиться в здешнее пространство, как только происходит замыкание межпространственного интервала. Для своих собственных обитателей, если таковые существуют, Иномир может выглядеть простирающимся на сотни миллионов световых лет; для него, для Уолдо, он страусиное яйцо, которое вот-вот взорвется от избытка энергии.

Стали приходить мысли о способах проверки собственной гипотезы. Если, используя шнайдер-декальбы, начать отбор энергии с максимально возможной быстротой, удастся ли воздействовать на местный потенциал? Не образуется ли градиент энтропии? Можно ли реверсировать процесс, отыскав способ закачивать энергию в Иномир? Нельзя ли создать разные уровни в разных точках и таким образом произвести проверку перехода к постоянной максимальной энтропии?

Дает ли скорость распространения нервных импульсов удобный ключ к определению ***c*** в инопространстве? Можно ли, применяя этот ключ в сочетании с энтропией и иссследованием

потенциала, получить математическое описание инопространства в рамках представлений о его постоянных и возрасте?

Уолдо занялся этим. Его вольные, ничем не сдерживаемые рассуждения закончились определенным положительным результатом: выявилось по крайней мере одно направление, с которого можно было подступиться к этому инопространству; он разработал принцип действия для телескопа слепца. Какова бы ни была истина об этом континууме, она больше, чем некая истина; это целая последовательность новых истин. Вот подлинный состав этой последовательности: истины, характеристические закономерности, что внутренне присущи инопространству, плюс новые истинные закономерности, которые проистекают из взаимодействия характеристик инопространства с обычным пространством. Рэмбо напоследок крикнул, что может случиться все что угодно. И неудивительно. Почти все возможно, все так или иначе вероятно, если правильно применить и сочетать три набора закономерностей: закономерности нашего пространства, закономерности инопространства и закономерности связи между ними обоими.

Но прежде чем теоретики смогут начать работу, отчаянно необходимы новые данные. Теоретик из Уолдо был никакой, и сам он как бы с изнанки признавал этот факт, решив для себя, что теория — это непрактичная и ненужная потеря времени для него как инженера-консультанта. Пусть, мол, ею занимаются безволосые обезьяны.

Но инженеру-консультанту довелось искать ответ на вопрос, будут ли шнайдер-декальбы длительно и непрерывно действовать, гарантирует ли он это? А если не гарантирует, то что до́лжно сделать, чтобы обеспечить такое постоянное действие?

Самая трудная и самая интересная сторона подобного исследования должна была быть связана с выяснением взаимоотношений между нервной системой и инопространством.

Ни электроизмерительная техника, ни нейрохирургия не были изощрены настолько, чтобы обеспечить точные показания на уровнях, которые Уолдо предполагал исследовать.

Но ведь у него были уолдики.

Самые малые из уолдиков, которые он до сих пор применял, имели ладони поперечником примерно в сантиметр и, разумеется,

соответствующий сканер для управления ими. Для того, что он задумал, они были слишком велики. А задумал он опыты с живой нервной тканью, изучение ее изоляции и ее поведения *in situ*.

Он употребил эти крохотные уолдики для изготовления еще меньших.

И в конце концов соорудил крохотные металлические лепестковые зажимы с поперечником чуть больше трех миллиметров. Пружины в их сочленениях, служившие псевдомышцами, едва можно было разглядеть невооруженным глазом, — но у него же были сканеры.

В окончательный набор уолдиков, которые он применил для нейрохирургии мозга, вошла целая последовательность механических рук: от обычных, почти в натуральную величину, до этих сказочных крох, которые могли обращаться с предметами, слишком малыми, чтобы за ними можно было наблюдать простым глазом. Они были смонтированы так, чтобы работать в одном и том же месте. Уолдо управлял ими от одних и тех же уолдиков и мог менять, не снимая своих перчаток. Тем же переключением, которым производилась смена манипуляторов, достигалась и автоматическая перемена параметров сканирования, рост или уменьшение увеличения, так что Уолдо постоянно видел по стереоприемнику изображение своих рабочих рук «в натуральную величину».

На каждом комплекте уолдиков были свои хирургические инструменты и свое электрооборудование.

Получилась невиданная доселе хирургическая оснастка, но вот уж о чем Уолдо и не думал; и некому было его надоумить.

К своему великому удовлетворению, он установил-таки механизм, посредством которого коротковолновое облучение расстраивает физиологическую деятельность человеческого организма.

Синапсы между дендритами действовали как точки утечки. И нервным импульсам иногда не удавалось перепрыгнуть с дендрита на дендрит, они куда-то стекали. Куда? Уолдо был уверен, что в инопространство. Дело выглядело так, что такая утечка создавала предпочтительный путь, некий сток, вызывающий постоянное ухудшение состояния жертвы. Мышечная деятельность не совсем затухала, так как доступны оставались оба пути, но ее эффективность

падала. Картина складывалась примерно такая же, как в электросхеме из металлических проводов с некачественной изоляцией относительно «земли».

Большую часть этих экспериментальных данных Уолдо получил в дар от несчастного кота, погибшего во время этих опытов. Кот родился и вырос вне мощных полей излучения. Наблюдая второстепенные подробности процессов, происходящих в нервных тканях, Уолдо подверг животное мощному облучению и увидел, как кота поразила myasthenia, почти такая же полная, как и его собственная.

Когда кот скончался, Уолдо чуть не расчувствовался над ним.

Но если Грэмпс Шнайдер прав, то вовсе нет нужды разрушать излучением человеческий организм. Если у людей достанет ума на взгляд с нужной стороны, излучение на них не подействует; они даже смогут черпать энергию из Иномира.

Именно этим предлагал ему заняться Грэмпс Шнайдер.

Причем именно ему самому!

Грэмпс Шнайдер сказал, что ему нет нужды быть слабым!

Что он может стать сильным...

Сильным!

СИЛЬНЫМ!

До сих пор как-то о том не подумалось. Уолдо пренебрег дружественной хлопотней Шнайдера, его советом преодолеть слабость. Даже мысль об этом была бы непоследовательностью, изменой самому себе. Свою слабость, свою особенность, отличавшую от безволосых обезьян, он, Уолдо, рассматривал как изначальный, само собою разумеющийся факт. Еще ребенком принял как данное свыше, как впредь не подлежащее пересмотру.

И, естественно, не обратил внимания на слова Шнайдера в той мере, в какой они относились непосредственно к нему самому.

Стать сильным!

Стоять на собственных ногах — ходить, нестись сломя голову!

И... и он мог бы, мог бы без страха спуститься на поверхность Земли. Он не обратил бы внимания на гравитационное поле. Говорят, его никто не замечает; можно даже носить предметы — большущие, тяжелые. Причем носят все. И даже могут подбрасывать.

Внезапно руки как-то сами судорожно дернулись в уолдиках, и это было вовсе не похоже на его обычные, безукоризненно экономные движения. Исполнительные уолдики были крупней натуральной величины рук, поскольку он мастерил новую опытную установку. Одна из подвесок лопнула, плоский зажим на ней нехорошо звякнул, ударившись о стену. Дремавший поблизости Бальдур приподнял уши, огляделся и вопросительно уставился на Уолдо.

Уолдо воззрился на пса, тот заскулил.

— Фу! Молчать!

Пес затих и взглядом попросил прощения.

Как-то не вникая, что делает, Уолдо осмотрел повреждение. Ерунда, но без ремонта не обойтись. Сила. Но ведь если бы он стал сильным, он мог бы делать все, что угодно, буквально все, что угодно! Та-ак, уолдики шестой номер и новый ремень вместо лопнувшего... Если бы он стал сильным! Уолдо бездумно потянулся к уолдикам шестой номер.

Сила!

Он мог бы даже встречаться с женщинами... И быть сильнее, чем они!

Он мог бы плавать. Мог бы ездить верхом. Мог бы вести машину, прыгать, бегать. Мог бы брать разные вещи голыми руками. Мог бы даже научиться танцевать!

Стать сильным!

Мог бы мускулы заиметь! Мог бы ломать вещи.

Мог бы... Мог бы...

Уолдо включил гигантские уолдики с захватами в рост человека. Уж кто силен, так это они! Одной исполинской клешней выдернул из стопки шестимиллиметровый стальной лист, поднял его и встряхнул. Лист загудел, как колокол. Уолдо еще раз встряхнул его. Вот где сила!

Он зажал лист обеими клешнями, перегнул пополам. Металл сложился неровно. Он судорожно принялся мять его в гигантских ладонях, как ненужную бумажку. От жуткого скрежета у Бальдура шерсть встала дыбом на загривке — сам Уолдо как ничего не слышал.

Тяжело дыша, остановился. Со лба катил пот, в ушах звенела кровь. Но ему было мало. Хотелось еще больше напрячься, самому

себе показать, что такое сила! Вломившись в соседний склад, он выбрал четырехметровый угольник, толкнул туда, где смог взять обеими гигантскими ручищами, и потащил к себе.

Угольник не прошел в двери; Уолдо крутанул его половчее и при этом попортил клешней дверную раму. И не заметил этого.

В здоровенном кулаке угольник выглядел как увесистая дубина. Взмахнул ею. Бальдур попятился так, чтобы кольцо управления прикрыло его от исполинских ручищ.

Мощь! Сила! Разносящая вдребезги, неодолимая сила...

Судорожным рывком Уолдо остановил замах угольника у самой стены. Нет, не так. Он сгреб другой конец угольника левой клешней и попробовал согнуть. Большие уолдики предназначались для тяжелой работы, но угольник на то и угольник, чтобы не гнулся. Уолдо напряг руки в своих задатчиках, силясь заставить стальные кулачища исполнить свой приказ. На панели управления вспыхнул предупредительный сигнал. Уолдо слепо врубил аварийную перегрузку и нажал еще.

Гул уолдиков и хрип собственного дыхания утонули в диком скрежете металла по металлу, угольник начал уступать. Ликуя, Уолдо поддал еще. Угольник начал складываться пополам, но тут уолдики не выдержали. Правые захваты сдали первыми, кулачище разжался. Левый кулак, потеряв упор, вывернулся, угольник вылетел из него.

Вылетел, проломил тонкую стену, проделал рваную дыру и лязгнул обо что-то в соседнем помещении.

Гигантские уолдики превратились в мертвый лом.

Уолдо вынул из перчаток свои пухлые розовые ручки и глянул на них. Плечи налились тяжестью, из груди вырвался хриплый всхлип. Он закрыл лицо руками; сквозь пальцы хлынули слезы. Бальдур жалобно заскулил и прижался поближе.

А на панели управления все звенел и звенел звонок.

Лом был убран прочь, и ровная чистая заплата закрыла то место, где угольник проложил себе путь. Но замены гигантским уолдикам еще не было; их опорная рама пустовала. Уолдо был занят сооружением силомера.

Годы прошли с тех пор, как он перестал заботиться о численном измерении собственной силы. От нее пользы было мало; он

сосредоточился на тренировке ловкости, а в частности на точном и четком управлении своими тезками. В избирательном, полном и виртуозном пользовании собственными мускулами ему не было равных; он управлял — приходилось управлять. Но в самой по себе силе он не испытывал нужды.

С его станочным парком под рукой было нетрудно сварганить приборчик со шкалой, показывающей в фунтах силу сжатия одной руки. Пружинка с ярмом для захвата — вот и все. Он приостановился и обозрел свою поделку.

Надо было только снять уолдики, взять ярмо голой рукой и сдавить, и все станет ясно. И все же он колебался.

В диковину было держать в голой руке такую здоровенную железяку. И-и — оп! Потянуться в Иномир за силенками. Он закрыл глаза и сжал силомер в кулаке. Открыл. Четырнадцать фунтов, то есть меньше, чем он издавна привык располагать.

Но ведь это он еще не взаправду попытался. Он попытался представить себе ладони Грэмпса Шнайдера у себя на руке, ощутить тот теплый зуд. Силу, дотянуться и стребовать силу. Четырнадцать фунтов, пятнадцать... семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один! Победа! Победа! Сила и смелость изменили ему, не сказать, которая вперед. Стрелка свалилась на нуль; надо было отдохнуть.

А вправду ли он добился такого выдающегося результата? Или двадцать один фунт — это нормально для теперешнего возраста и веса? Здоровый сильный человек не из лежебок должен выжать около ста пятидесяти фунтов, Уолдо об этом знал.

И тем не менее двадцать один фунт — это было на шесть фунтов больше, чем он когда-либо раньше показывал.

Ну-ка, еще разок! Десять, одиннадцать... двенадцать. Тринадцать. Стрелка заколебалась. Ну, это он еще не дожал, это же смешно. Четырнадцать.

И застопорило. Как он ни напрягался, как ни собирал в кулак всю волю, больше четырнадцати не выжималось. И раз за разом постепенно выходило все меньше и меньше.

Шестнадцать фунтов — таков был лучший результат, которого он добился за следующие дни. Двадцать один — это, казалось, была счастливая случайность, везенье с первого раза. Горечь жгла.

Нет, так легко он не сдастся. Ведь не вдруг он достиг теперешних богатства и известности. Он не отступался, старательно припоминал, что именно говорил ему Шнайдер, и силился почувствовать, именно почувствовать прикосновение рук старика. Твердил себе, что и впрямь делался сильнее от этого прикосновения, но не удалось осознать из-за сильной земной гравитации. И продолжал попытки.

В глубине души понимал, что в конце концов можно еще раз отыскать Грэмпса Шнайдера и попросить помочь, если фокус так и не удастся. Но уж так не хотелось делать это, уж так не хотелось. Не потому что пришлось бы повторить эту ужасную езду — хотя и этой причины, вообще говоря, было больше чем достаточно,— а потому, что если отыскать и попросить, а вдруг Шнайдер не сумеет помочь, тогда вообще не останется никакой надежды. Ни-ка-кой.

И лучше жить в сознании краха и коря за то самого себя, чем окончательно лишиться надежды. Он упрямо отгонял мысль о поездке.

Уолдо почти не считался с обычным земным распорядком дня, ел и спал, когда захочется. Мог вздремнуть в любой момент. Однако со вполне правильными интервалами спал подолгу. Разумеется, не в постели. Человек, витающий в воздухе, не нуждается в постели. Но Уолдо выработал в себе привычку перед тем, как крепко заснуть часиков на восемь, обязательно пристегиваться, чтобы от случайного движения воздуха не навалиться ненароком на какой-нибудь переключатель или рукоятку управления.

Однако с тех пор как одолело страстное желание обрести силу, сон стал некрепок, и пришлось часто прибегать к снотворному.

Вернулся доктор Рэмбо и пустился рыскать вокруг. В его безумных глазах горела ненависть. Во всех своих бедах Рэмбо винил его, Уолдо. И даже во «Фригольде» не было спасения от Рэмбо, потому что безумный физик открыл способ нырять через одно пространство в другое. Вот он, вот он! Голова торчит из Иномира. «Ты не уйдешь от меня, Уолдо!» Исчез. Нет, теперь он вынырнул сзади. Руки тянутся, извиваются, точь-в-точь как антенны декальбов. «Ага, Уолдо!» Но собственные руки Уолдо

превратились в гигантские уолдики-клешни, готовые схватить Рэмбо.

Ах! А уолдики-то сломаны!

Рэмбо наседает, Рэмбо наваливается, Рэмбо вцепился в горло.

Грэмпс Шнайдер произносит в самое ухо спокойным и сильным голосом: «Сынок, ты тянись за силой. Ты чувствуй, чувствуй ее в руках». И Уолдо хватает чужие пальцы, сдавившие горло, напрягается, силится разорвать их мертвую хватку.

И они разжимаются. Победа! Сейчас он даст как следует и навеки спровадит Рэмбо в Иномир. Ага! Одна рука уже свободна. Неистово лает Бальдур, надо крикнуть ему, чтобы замолчал, чтобы бросился на Рэмбо, чтобы помог...

А Бальдур все лает, лает.

Он был у себя дома, в огромном круглом помещении. Бальдур еще раз визгливо гавкнул.

— Тихо!

Уолдо огляделся по сторонам.

Примащиваясь поспать, он закрепился на четырех растяжках, расходящихся, как оси тетраэдра. Две из них по-прежнему были зацеплены за пояс, и Уолдо болтался на них внутри кольца управления. Третья отстегнулась от пояса — застежка плавала в воздухе примерно в метре сбоку. А четвертая не только отстегнулась — от нее был оторван кусок длиной метра в полтора при застежке; и этот кусок захлестнуло петлей на шее Уолдо.

Он стал обдумывать случившееся. Сколько ни прикидывал, невозможно было представить себе, каким образом растяжка могла лопнуть, если только не он сам оборвал ее, борясь с привидевшимся во сне кошмаром. Пес не мог это сделать, у него не было точки опоры. Значит, он, Уолдо, сделал это сам. Растяжка была хиленькая, лишь бы фиксацию обеспечивала. Однако...

Всего несколько минут ушло на переделку силомера в динамометр — ярмо иначе приспособить. Закончив работу, он включил средние уолдики, закрепил в них обрывок растяжки через динамометр и скомандовал уолдикам — дернул.

Для разрыва растяжки потребовалось усилие в двести двенадцать фунтов.

Он торопливо взялся переделывать динамометр обратно в силомер. Работал лихорадочно и потому неловко — уйму времени ухлопал. Кончил дело, помялся, а потом еле слышно шепнул: «Ну, Грэмпс, пора!» и стал сжимать руку.

Двадцать фунтов... двадцать один. Двадцать пять!

Да уже за тридцать, а он даже не вспотел! Тридцать пять, сорок, сорок один, сорок два, сорок три. Сорок пять! Шесть! С половиной. Сорок семь фунтов!

Вздохнул всей грудью и дал руке отдохнуть. Стребовал, значит, силенки. Ведь стребовал же!

Когда как-то совладал с собой, призадумался, что делать дальше. Первый порыв был позвонить Граймсу, но Уолдо подавил этот порыв. С этим поспеется, прежде надо окончательно убедиться.

Он переложил силомер в левую руку и сжал. Вышло похуже, чем с правой, но почти сорок пять фунтов. Забавно, что никаких перемен в себе не чувствуется. Просто он обычный здоровый человек, и ничего особенного.

Захотелось попробовать и остальные мышцы. Много времени потратил, приспосабливая прибор под измерение удара ногой, под толчок, под рывок мускулами спины и прочие варианты. Вот бы поле тяготения сюда, вот что нужно попробовать — поле в одно ***g***. Ну так есть же приемная, ее можно раскрутить.

Однако управляется приемная с кольца, а тащиться туда надо по длинным коридорам. Есть центрифуга поближе, та самая, на которой вертятся часы с кукушкой. Чтобы отладить ход часов, он ведь соорудил обруч с регулируемой скоростью вращения. Вернувшись в кольцо управления, Уолдо остановил обруч; часы разладились от внезапной перемены режима, красная птичка выскочила, выдала разок бодрое «фью-фью» и угомонилась.

Держа в руке панель радиоуправления мотором, который приводит колесо во вращение, Уолдо устроился внутри обруча, упершись обеими ногами в обод и свободной рукой взявшись за спицу так, чтобы оказаться в стоячем положении относительно центробежной силы, едва она проявится. И осторожно-осторожно, сперва помаленечку, включил мотор.

Сход с места застал врасплох, и Уолдо чуть не сбросило с обруча. Однако он удержался, приспособился, а потом поддал ходу. Пока что все хорошо. Он постепенно разгонял обруч, и радость

текла по жилам от ощущения псевдогравитационного поля, от ощущения, что ноги наливаются тяжестью, но ведь держат!

Обруч разогнался до полного *g*. Можно было выдержать. Вправду можно! Да, разумеется, на верхнюю часть туловища действовала меньшая сила, чем на нижнюю, поскольку ось вращения находилась примерно в полуметре над головой. Дело поправимое: он медленно присел на корточки, крепко держась за спицу. Неплохо получилось.

Но обруч пошел враскачку, мотор взвыл. Опоры были рассчитаны только на часы с кукушкой и их противовесик; такая большая масса, как у Уолдо, да еще и несбалансированная — это была чрезмерная нагрузка для механизма. Точно так же осторожно Уолдо выпрямился, чувствуя сильный толчок от икр и бедер. И остановил обруч.

Происходящее очень взволновало Бальдура. Пес чуть ли не выворачивал шею, пытаясь уследить за тем, как крутится Уолдо.

А тот все откладывал звонок Граймсу. Загорелось соорудить местное управление раскруткой приемной, чтобы заиметь подходящее место и поучиться стоять. А потом пришлось и учиться ходить; глядя со стороны, дело легкое, но Уолдо-то в жизни не ходил. Может, в ходьбе есть какой-нибудь фокус?

А потом пришло в голову научить ходить Бальдура. Попробовал пристроить пса на обруч для часов, но пес отказался. Увернулся и постарался уплыть подальше. Не отвертишься: потащишься за хозяином в приемную, а уж там-то, черт дери, все равно пойдешь. Давно за этим надо было приглядеть. Такая здоровая скотина и, понимаешь, ходить не умеет!

Представил раму на ножках с колесами, в которую можно было бы втиснуть пса, чтобы заставить стоять как положено. Рама вышла точь-в-точь как мудрое устройство для обучения младенцев искусству ходьбы, но Уолдо о том не догадывался. Он ни разу в жизни не видел такой штуки.

— Дядя Гэс...

— А, Уолдо, привет! Как жизнь?

— Прекрасно. Слушайте, дядя Гэс, вы могли бы прибыть во «Фригольд»? Прямо сейчас.

Граймс покачал головой.

— Увы. Мой дилижанс в ремонте.

— Да все равно он еле тащится. Возьмите такси, или пусть кто-нибудь вас подвезет.

— Чтобы ты его обхамил на пороге? Нетушки.

— Я буду мирен, как ягненочек.

— Постой. Как раз вчера Джимми Стивенс обмолвился, что хочет тебя видеть.

— Вот и вытащите его,— улыбнулся Уолдо.— Увижусь с ним с удовольствием.

— Попробую.

— Перезвоните мне. И давайте побыстрее.

Уолдо встретил гостей в приемной, которую оставил без раскрутки. И едва они вошли, приступил к своему спектаклю.

— Наконец-то! Рад вас видеть. Доктор Стивенс, вы не могли бы подвезти меня на Землю? Прямо сейчас. Стряслось одно дело.

— Ну-у, пожалуй, можно.

— Поехали.

— Уолдо, да погоди ты. Джимми ведь не приспособлен управляться с тобой так, как надо.

— Придется рискнуть, дядя Гэс. Большая срочность.

— Но-о...

— Никаких «но». Едем сию минуту.

Затолкали в «помело» Бальдура, привязали. Граймс присмотрел, чтобы сиденье Уолдо было откинуто и в первом приближении походило на компенсатор торможения. Уолдо уселся и закрыл глаза, чтобы отпугнуть желающих задавать вопросы. Но украдкой глянул на молчаливого Граймса; вид у того был мрачный.

Стивенс гнал чуть ли не как на рекорд, но посадил машину как можно более плавно на паркинге над домом Граймса. Старик коснулся руки Уолдо.

— Как себя чувствуешь? Сейчас кого-нибудь кликну, и мы тебя перетащим в дом. А уж там уложим в постельку.

— Нельзя, дядя Гэс. Дело не ждет. Руку не дадите?

— То есть?

Но Уолдо потянулся за тем, о чем просил, и сам встал на ноги.

— Кажется, со мной все будет в порядке,— он отпустил руку доктора и шагнул к двери.— Вы не отвяжете Бальдура?

— *Уолдо!*

Уолдо обернулся со счастливой улыбкой.

— Да, дядя Гэс, это правда. Я больше не слабак. Могу ходить, как видите.

Граймс схватился за спинку одного из сидений и потрясенно сказал:

— Уолдо, я старый человек. Тебе не следовало проделывать со мной такие штуки.

И смахнул с глаз слезу.

— Да уж,— согласился Стивенс.— Препоганая вышла шуточка.

Уолдо, недоумевая, глянул на одного, потом на другого.

— Мне очень жаль,— просяще сказал он.— Просто очень хотелось сделать вам сюрприз.

— Все в порядке. Пошли вниз и выпьем по рюмашке. Там ты нам все расскажешь.

— Отлично. Бальдур, вперед!

Пес встал и зашагал следом за хозяином. Походка у него была какая-то занятная; тренажер, который соорудил Уолдо, обучил пса не собачьей трусце на четыре такта, а иноходи.

На много дней застрял Уолдо у Граймса, набираясь сил, овладевая новыми рефлексами, укрепляя вялые мышцы. Рецидивов не было; *myasthenia* исчезла. Надо было привести себя в форму — это все, что требовалось.

Граймс тут же простил ему ненужную выходку и театральное явление в добром здравии, однако настаивал, чтобы Уолдо не спешил и полностью поменял свои привычки, прежде чем самостоятельно пускаться на поиски приключений. То была мудрая предосторожность. Даже самые простые вещи могли подставить ножку. Уолдо мог ходить по ровному месту, но спуску по лестнице пришлось учиться. С подъемом обошлось попроще.

В один прекрасный день явился Стивенс, забрался в дом и застал Уолдо сидящим в гостиной за просмотром какого-то зрелища по стерео.

— Привет, мистер Джонс.

— А, привет, доктор Стивенс.

Уолдо поспешно встал, нашарил обувь, застегнул молнии.

— Дядя Гэс говорит, ее надо носить и не снимать,— объяснил он.— Мол, все носят. А вы застали меня врасплох.

— Грех невелик. Дома носить обувь не обязательно. Где док?

— Ушел на весь день. Правда не обязательно? А мои нянечки постоянно ходят обутыми.

— Да все так ходят. Но никто не заставляет, и такого закона нет.

— Раз все, значит, и я. Но не скажу, чтобы обувь мне нравилась. Дохлая она какая-то, вроде пары отключенных уолдиков. Но научиться очень хочется.

— Чему? Как обувь носить?

— Нет. Вести себя как все люди. Это и впрямь очень трудно,— заявил Уолдо на полном серьезе.

А Стивенса как осенило, он ощутил волну сочувствия к этому человеку без прошлого и без друзей. Все тут ему в диковину, все незнакомо. Возник порыв признаться в том, что вечно было на уме, когда речь заходила об Уолдо.

— Вы и впрямь теперь сильный человек?

На лице Уолдо явилась счастливая улыбка.

— И с каждым днем делаюсь все сильнее. Нынче утром показал на силомере двести фунтов. И гляньте только, сколько лишнего веса сбросил.

— А и верно, вид у вас прекрасный. Забавно, знаете, ведь я с нашей самой первой встречи чуть ли не молился, чтобы вы стали сильным, как обычный человек.

— Правда? А почему?

— Как сказать... Наверное, согласитесь, что разговаривали вы со мной ехиднейшим образом, причем не раз. Изводили меня постоянно. Вот я и думал: был бы он не такой слабак, я бы ему как следует морду набил.

Уолдо тем временем расхаживал по комнате, привыкая к обуви. Заслыша эти слова, он остановился и с великим изумлением уставился на Стивенса.

— То есть вы хотели побиться со мной на кулаках?

— Точно. Так, как вы со мной тогда, разговаривать с людьми нельзя, если не готов постоять за себя кулаками. Не будь вы тогда калекой, я бы разок разделал вас под орех. Да не разок, а больше.

Уолдо, казалось, с трудом осваивает какой-то новый подход.

— Кажется, я понял,— протянул он.— Ну раз так, то...

И с этими словами изо всех сил послал вперед увесистый кулачище. Стивенс этого, естественно, не ожидал. Удар нечаянно пришелся ему в подбородок, и он рухнул без сознания.

Пришел он в себя, сидя на стуле. Уолдо тряс его.

— Я что-нибудь не так сделал?— тревожно спросил Уолдо.

— Чем это вы меня?

— Рукой. Я что-нибудь не так сделал? Это не то, что вы хотели?

— Что я хо-о...— искры все еще сыпались из глаз.— Слушайте, значит, по-вашему, бой начинается с этого?

— А разве нет?

Стивенс постарался объяснить Уолдо современный этикет культурного мордобоя на американский лад. Уолдо слушал, хлопал глазами и наконец кивнул.

— Ясно. Сперва надо предупредить противную сторону. Так и быть, вставайте и начнем заново.

— Не спешите вы! Подождите минутку. Вечно вы не даете мне закончить то, что начал говорить. Это раньше я на вас зуб имел, а теперь перестал. Вот о чем речь. Ехидина вы были жуткая, сомневаться не приходится. Но иначе вы не могли.

— Не хочу быть ехидиной,— на полном серьезе сказал Уолдо.

— Знаю, что не хотите, и вам это удается. Я сказал бы, вы теперешний мне нравитесь. Имею в виду, после того, как стали сильным.

— Это вы вправду?

— Вправду-вправду. Только не надо пробовать на мне такие ударчики.

— Не буду. Я просто вас не понял. Знаете ли, доктор Стивенс, это...

— Зовите меня Джим.

— Джим. Ужасно трудная штука — понять, чего от тебя в действительности ждут. В этом нет почти никакой системы. Возьмите отрыжку. Я не знал, что рыгать в присутствии других не положено. По-моему, отрыжка — естественное дело. А дядя Гэс говорит, что нет.

Стивенс попытался растолковать Уолдо насчет отрыжки — без особого успеха, поскольку выяснилось, что Уолдо почти начисто

лишен даже теоретических представлений о правилах поведения в обществе. У него не было даже книжного представления о сложности нравов, поскольку он почти не читал художественной литературы. Он еще в раннем детстве перестал ее читать, потому что не хватало личного опыта, который необходим, чтобы оценить по заслугам изящную словесность.

Он был богат, он был могуч, он был гений в области механики, но все еще нуждался в том, чтобы побыть в детском саду.

И он надумал-таки, как быть.

— Джим, у вас так хорошо получается насчет помочь мне. Вы объясняете лучше, чем дядя Гэс. Давайте я найму вас в учителя.

Стивенс подавил легкий укол самолюбия.

— Увы. У меня есть работа, я там постоянно занят.

— Ну, это-то без проблем. Я заплачу вам больше, чем там. Скажите сами, сколько вы хотите. И по рукам.

Стивенс тяжело вздохнул.

— Вы не поняли. Я инженер и в личные помощники к вам не пойду. Работать у вас по найму я не стану. Я помогу всем, чем только можно, но денег с вас за это не возьму.

— А что плохого в том, чтобы брать за это деньги?

«Он же неверно ставит вопрос,— подумал Стивенс.— В такой постановке на него невозможно ответить».

Он пустился в долгие и путаные рассуждения по поводу профессиональной и деловой этики. И не слишком преуспел: Уолдо вскоре перестал понимать, о чем речь.

— Боюсь, что до меня не доходит. Но я вот о чем: вы не могли бы научить меня, как вести себя с девушками? Дядя Гэс говорит, что ему просто страшно вывести меня на какую-нибудь вечеринку.

— Ну-у, я попробую. Обязательно. Уолдо, но я заскочил повидаться с вами по вопросам, которые возникли у нас на централи. Касательно теории двух пространств, о которой вы мне рассказывали...

— Это не теория, это факт.

— Пускай так. Но я хочу знать вот что: когда вы рассчитываете вернуться во «Фригольд» и возобновить исследования? Нам нужна кое-какая помощь.

— Вернуться во «Фригольд»? Мне это и не снится. Никаких исследований я возобновлять не собираюсь.

— Как, вообще не собираетесь? Но, Бога ради, вы даже наполовину не закончили исследований, которые наметили в разговоре со мной.

— Ребята, вы и сами можете справиться. Разумеется, я всегда помогу, проконсультирую.

— Так что же, может быть, нам удастся привлечь Грэмпса Шнайдера?— с сомнением в голосе предположил Стивенс.

— Не советую,— ответил Уолдо.— Позвольте, я вам покажу письмо, которое он мне прислал.

Вышел ненадолго и вернулся с письмом.

— Читайте.

Стивенс пробежал взглядом текст.

«...Ваше великодушное предложение о совместном участии в предполагаемых работах по энергетике я ценю, но, правду сказать, у меня нет интереса к подобным вещам и такую ответственность я почел бы для себя бременем. Новость о вашем выздоровлении меня крайне обрадовала, но не удивила. Мощь Иномира принадлежит тому, кто на нее притязает...» И дальше о том же. Писано было отменным старинным каллиграфическим почерком чуть дрожащей рукой; в тексте не было и следа простонародных выражений, которые Шнайдер употреблял в разговоре.

— Н-да-а-а. Кажется, я понял, что вы имеете в виду.

— Полагаю, он считает наши ухищрения со всякими игрушками неким ребячеством,— задумчиво сказал Уолдо.

— Видимо, да. Но скажите, а вы-то чем собираетесь заняться?

— Я-то? Да точно еще не знаю. Одно могу сказать: повеселиться хочу. Причем повеселиться всласть. И пока только присматриваюсь, насколько это веселое дело — быть таким же человеком, как все.

Костюмер надел ему правый штиблет.

— А насчет того, как я увлекся танцами, это долгая история,— продолжал он.

— Хотелось бы поподробней.

— Из клиники звонят,— раздался в уборной чей-то голос.

— Скажите, что скоро буду. А что, если бы вы заглянули ко мне, скажем, завтра во второй половине дня? Найдется время?— обратился он к журналистке.

— Лады.

Сквозь стеснившихся вокруг репортеров и фотографов плечом прокладывал себе дорогу какой-то человек. Уолдо поймал его взгляд.

— Привет, Стенли. Рад видеть.

— Привет, Уолдо.

Глисон вынул из-под плаща какие-то бумаги и шлепнул их на колени танцору.

— Погляди и принесешь мне на следующий концерт, поскольку все равно там буду. Хочется еще раз посмотреть.

— Понравилось?

— Нет слов!

Уолдо улыбнулся и подхватил бумаги.

— Где тут подпись проставить?

— Глянул бы вперед,— предупредил Глисон.

— Да ни к чему. Что тебе хорошо, то и мне. Ручку не одолжишь?

К нему пробился озабоченный коротышка.

— Уолдо, я насчет той записи...

— Мы уже говорили об этом,— отрезал Уолдо.— Я выступаю только перед публикой в зале.

— Так мы совместим запись с бенефисом в Уорм Спрингс.

— Это другое дело. О'кей.

— Пока суд да дело, киньте глазом на афишку.

Образец был уменьшенный, в двадцать четвертую долю листа:

ВЕЛИКИЙ УОЛДО
со своей труппой

На месте даты и названия театра пока стояли прочерки, но была фотография Уолдо в костюме Арлекина, взмывшего высоко в воздух.

— Отлично, Сэм, отлично!— счастливо кивнул Уолдо.

— Опять из клиники звонят.

— Я уже готов,— отозвался Уолдо и встал. Костюмер накинул плащ на его литые плечи. Уолдо резко свистнул.

— Бальдур! Ко мне. Пошли.

У двери на миг приостановился и помахал рукой.
— Доброй ночи, ребята!
— Доброй ночи, Уолдо.
Ну все как на подбор чудо-парни!

— Мне еще не приходилось встречать ребят с Земли, которые не были бы нахалами.

Мистер Эндрюс хмуро посмотрел на начальника Патруля.

— Это ребячество, Сэм. И не оправдывайтесь. Я надеялся, что отряд готов к вылазке. Вместо этого увидел, что вы и ваш новенький собираетесь подраться. А ведь оба удостоены звания Разведчик-Орел. В чем дело?

Сэм нехотя достал газетную вырезку.

— Полагаю, в этом.

Вырезка была из «Колорадо Скаутинг Ньюс»:

«Отряд-48. Денвер — МЕСТНЫЙ РАЗВЕДЧИК ЖАЖДЕТ НЕБЕСНОЙ СЛАВЫ. Брюс Холлифилд, Разведчик-Орел, перебирается со своей семьей на станцию Южный Полюс, Венера. Те, кто знают Брюса,— и даже те, кто не знают,— ожидают, что за короткое время он добьется звания Орла (Венера). Брюс проведет в Луна-Сити три недели в ожидании транспорта Луна—Венера. В последнее время Брюс усиленно готовился к лунной разведке и уже прошел подготовку для работы в космическом скафандре в барокамере космопорта Пайк-Пик. Брюс признал, что надеется

© Б. Иванов , перевод

пройти испытания и получить звание Орла (Луна) за время пребывания на Луне.

Если он этого добьется — а мы готовы поставить на Брюса! — то станет первым трижды Орлом в истории.

Давай, Брюс! Денвер тобой гордится. Покажи этим лунным разведчикам, что такое настоящая разведка».

Мистер Эндрюс оторвал взгляд от заметки.

— Откуда она взялась?

— Кто-то прислал ее Пиви.

— Что дальше?

— Ну, мы все прочли ее, а когда Брюс прибыл, ребята стали над ним смеяться, и он обиделся.

— Почему вы не остановили ребят?

— Я сам в этом участвовал.

— Сэм, эта заметка не глупее тех, что печатают в нашем листке. Брюс ее не сам писал, и вам не следовало отравлять ему жизнь. Пришлите его ко мне. А пока сделайте перекличку.

— Слушаюсь, сэр. Мистер Эндрюс...

— Что такое?

— А каково ваше мнение? Сможет этот парень получить звание Лунного Орла через три недели?

— Нет — и я сказал ему об этом. Но он рвется использовать свой шанс. Между прочим — вы его инструктор.

— Я? — Сэм был потрясен.

— Вы. Это ваш шанс все исправить. Понимаете меня?

Сэм сглотнул.

— Полагаю, да.

— Пришлите ко мне Холлифилда.

Парень с Земли стоял в одиночестве у доски объявлений и делал вид, что изучает ее. Сэм тронул его за рукав.

— Вас требует шкипер.

Брюс быстро повернулся и ушел. Сэм пожал плечами.

— Ракетный Патруль — становись! — крикнул он.

— Лунный Патруль — становись! — подхватил Спили Оуэнс.

Когда перекличка закончилась, из офиса вышел мистер Эндрюс; следом за ним шагал Брюс, Земной разведчик выглядел сильно обескураженным.

— Мистер Эндрюс сказал, что я поступаю в ваше распоряжение.

— Так точно.

Сэм и Брюс настороженно посмотрели друг на друга. Наконец Сэм сказал:

— Слушай, Брюс, давай считать, что ничего не было.

— Согласен.

— Отлично. Пошли.

По знаку, поданному Разведмастером, Сэм скомандовал:

— По двое! За мной!

Разведчики отряда номер один, толкаясь, вышли за дверь, взобрались на самодвижущуюся дорожку, пересекающую весь город, и отправились к Восточному шлюзу.

Чабби Шнейдер, квартирмейстер отряда, с двумя помощниками уже ждал их около стеллажа со скафандрами. Тут же громоздилось походное снаряжение — упаковки с пищей, канистры с водой, огромные баллоны с воздухом, мотки проволоки, большой стальной цилиндр,— короче, все, что может понадобиться на безвоздушной поверхности Луны.

Сэм представил Брюса квартирмейстеру.

— Надо его экипировать, Чабби.

— Этот новый скафандр, думаю, ему подойдет.

Сэм достал скафандр и развернул его. Серебристо-белый костюм из стекловолокна с алюминиевым покрытием снизу доверху застегивался на молнию. Выглядел он весьма впечатляюще. На воротнике Брюс заметил ярлык: «ПРЕДОСТАВЛЕНО КЛУБОМ "КИВАНИС" ИЗ ЛУНА-СИТИ».

Шлем походил на пластиковую чашу, покрытую алюминием. Прорезь для глаз была прозрачной, но сильно затемненной. Чабби подал Брюсу вязаный комбинезон. Потом вдвоем с Сэмом они запихнули Брюса в скафандр, и Чабби застегнул на нем пояс с инструментами.

Обе кромки пояса крепились к скафандру с помощью молнии; для верхней кромки было предусмотрено несколько рядов зубчиков — таким образом получалась складка. Пояс на Брюсе застегнули так, чтобы складка была максимальной.

— Ну, как? — спросил Сэм.

— Воротник сильно давит на плечи.

— Когда увеличится давление, это пройдет. Если мы ослабим воротник, твоя голова может выскочить из шлема, как пробка.

Сэм пристегнул Брюсу заплечный контейнер с воздухом, водой, радиостанцией и прочим снаряжением.

— Проверь давление, Чабби.

— Сначала оденемся.

Пока Сэм и Чабби надевали скафандры, Брюс нашел впускной и выпускной воздушные клапаны, клапан сброса давления на воротнике, а рядом с ним патрубок шланга для воды. Он сделал глоток и проверил свой пояс.

Тем временем Сэм и Брюс надели шлемы. Сэм включил радиостанцию Брюса, прикрепил ему к уху датчик давления кислорода в крови и застегнул шлем.

— Стой, сейчас подадим давление,— сказал Сэм. Его слова эхом отдавались внутри шлема. Чабби подсоединил шланг от измерительного устройства в стене к впускному воздушному клапану на скафандре Брюса.

Брюс почувствовал, как воротник скафандра поднимается. Воздух внутри стал спертым, шлем запотел. Когда давление достигло тридцати фунтов, Чабби выключил подачу воздуха и стал следить за прибором. К ним подошел мистер Эндрюс в огромном шлеме с шестифутовым контейнером за плечами.

— Давление стабильно,— отрапортовал Чабби.

Сэм подключил баллон с воздухом на скафандре Брюса.

— Открой впуск и надави подбородком на клапан, иначе задохнешься,— проинструктировал он.

Брюс выполнил приказание. Шлем наполнился свежим воздухом. Сэм отрегулировал клапаны на скафандре Брюса.

— Следи за стрелкой — сказал он, указывая на датчик давления кислорода в крови на поясе у Брюса.— Стрелка должна стоять на белом поле.

— Я знаю.

— А я повторяю. Если стрелка заскочит на красное, будешь разговаривать со святым Петром.

— Какой груз вы ему даете? — спросил Разведмастер.

— Только для устойчивости,— ответил Сэм.— Фунтов триста.

Брюс прикинул: при силе тяжести в одну шестую от земной это означало пятьдесят фунтов, включая его самого, контейнер и скафандр.

— Я понесу полный груз,— запротестовал он.

— Мы сами решим, что для вас лучше,— возразил Разведмастер.— Поторопитесь, отряд уже готов.— И он вышел.

Сэм выключил рацию и коснулся шлемом шлема Брюса.

— Не бери в голову,— сказал он.— Перед вылазкой старик всегда нервничает.

На Брюса быстро нацепили груз: запасные баллоны с воздухом и водой, коробку с продовольствием, короткие широкие лыжи и лыжные палки, полевое оборудование, аптечку неотложной помощи, старательский молоток, два верхолазных троса, сумку с крюками и кольцами, фонарь, нож. Остальные лунные разведчики тоже увешались грузом. Сэм скомандовал: «Пошли!».

Мистер Эндрюс передал оператору шлюза список членов отряда и первым вошел внутрь; за ним последовали разведчики. Из шлюза стали выкачивать воздух — Брюс почувствовал, как раздувается его скафандр. Вспыхнул зеленый огонек; мистер Эндрюс открыл наружную дверь — и Брюс увидел безвоздушную лунную равнину.

Равнина, сверкавшая под ярким солнцем, ослепила его. Далекие остроконечные горы казались нарисованными. Чтобы дать отдых глазам, Брюс посмотрел на небо. И у него закружилась голова. Небо, усыпанное сверкающими как алмазы звездами, было чернее самой черноты. Никогда прежде ему не доводилось видеть таких ярких звезд: здесь их свет не рассеивался в атмосфере.

— По маршруту — марш! — прозвучал в шлеме голос Разведмастера.— Быстрым шагом. Джек Уиллс, вы проводник.

От группы отделился человек и гигантскими плавными прыжками устремился вперед, одолевая зараз футов пятнадцать.

Ярдов через сто он остановился; отряд вытянулся за ним в колонну на пятьдесят ярдов. Проводник махнул рукой, и отряд двинулся в путь.

К Сэму с Брюсом подошли мистер Эндрюс и какой-то разведчик.

— Спиди будет помогать вам,— сказал мистер Эндрюс Сэму,— пока Брюс не научится ходить. Поторапливайте его. Путь предстоит неблизкий.

— Поторопим,— ответил Сэм.

— Даже если придется его нести,— добавил Спили.

Разведмастер длинными прыжками пустился догонять отряд. Брюс хотел последовать за ним. Казалось, что это легко — будто летишь. Он не хотел, чтобы его несли. Но Сэм ухватил его за левый ремень на скафандре, а Спиди за правый.

— Смотри, как надо,— сказал Сэм.— Встань и попробуй оттолкнуться ногами, как мы.

Брюс самоуверенно попробовал. Ему казалось, что за три дня, проведенные в Луна-Сити, он приобрел необходимые навыки. И учиться ходить, как ребенок,— просто смешно.

Ничего тут сложного нет — он легок, как птичка! Правда, идти шагом оказалось трудно, хотелось плыть. Спускаясь, он почувствовал, что двигается быстрее. Внезапно земля ушла из-под ног. И он вытянул вперед руки...

Он висел на поясе вниз головой и слышал смех своих наставников.

— Что произошло? — спросил Брюс, когда они перевернули его.

— Становись на землю.

— Я знаю, отчего это,— добавил Спиди.— Я был на Земле. Здесь масса и твой вес не соответствуют друг другу, а твои мускулы к этому не привыкли. Ты сейчас весишь столько, сколько ребенок на Земле, а инерция у тебя, как у толстяка.

Брюс попытался опять. Несколько остановок и переворотов показали ему, что имел в виду Спиди. Его груз был легче пуха, но, если при поворотах не наклоняться в сторону, этот груз опрокинет его даже при ходьбе. Он и опрокидывал Брюса несколько раз, пока тот не приобрел некоторого навыка. Наконец Сэм спросил:

— Как по-твоему, теперь ты сможешь бежать?

— Думаю, да.

— О'кей. Но запомни: когда тебе понадобится повернуть, сначала притормози, иначе полетишь кувырком. Спиди, пошли.

Брюс старался все делать, как они. Длинные, скользящие прыжки, похожие на полет. Это и был полет. Вверх! .. Скользишь...

Касаешься земли ногами и опять вверх. Это было занятнее, чем катание на коньках или на лыжах.

— Эй! — охладил его пыл Спиди.— Не забывай выставлять ноги вперед.

Когда они догнали отряд, мистер Эндрюс отдал приказ двигаться короткими прыжками.

Далекие горы становились все ближе: Брюсу казалось, что он летает всю жизнь.

— Сэм, как по-твоему,— спросил он,— теперь я могу передвигаться самостоятельно?

— Может быть... Через пару миль попробуем.

— Ага.— Брюс почувствовал себя настоящим лунным жителем.

Спустя некоторое время чей-то голос произнес: «Шагом!» Отряд перешел на шаг. Проводник залез на небольшой холмик и поднял вверх лыжи. Отряд остановился, и все начали пристегивать лыжи. Впереди лежала широкая долина, покрытая каким-то мягким веществом, похожим на порошок.

Брюс повернулся к Сэму и впервые посмотрел назад, на запад.

— Грандиозно! — выдохнул он.

Над далекой крышей Луна-Сити висела Земля в половинной фазе. Круглая, чуть зеленоватая, немного больше полной Луны, но несравненно прекраснее ее, с зелеными лесами, коричневыми пустынями и ослепительно белыми облаками.

Сэм лишь мельком взглянул на нее.

— Пятнадцать часов.

Брюс тоже попытался определить время, но не сумел, потому что линия рассвета пролегала большей частью через океан. Он сказал об этом Сэму.

— Видишь светлое пятно на темной стороне? Это Гонолулу. Вот оттуда и считай.

Пристегивая лыжи, Брюс размышлял над этим объяснением, затем выпрямился и ловко повернулся кругом, даже не споткнувшись.

— Хм, ты умеешь кататься на лыжах? — удивился Сэм.

— И даже имею значок.

— Здесь все по-другому. Просто волоки ноги и старайся не упасть.

Брюс решил любой ценой удержаться на ногах. Он зачерпнул горсть мягкого вещества и пропустил его сквозь пальцы. Оно было легким и походило на хлопья. Интересно, почему оно не слеживается?

Мистер Эндрюс послал Спиди прокладывать лыжню, а Сэм и Брюс присоединились к колонне. Удержаться на ногах оказалось сложно. Рыхлая почва разлеталась направо и налево и при слабой гравитации так медленно оседала, что казалась плывущей в воздухе,— когда лыжная палка протыкала такое облако, в нем появлялось абсолютно круглое отверстие.

Колонна резко повернула влево, после чего вновь пошла прежним курсом. Справа осталась круглая впадина диаметром ярдов пятьдесят; Брюс не разглядел в ней дна. Он остановился было, чтобы задать вопрос Сэму, но голос Разведмастера поторопил его:

— Брюс! Не задерживаться!

Так они шли долго, пока наконец не раздался голос Спиди:

— Твердая почва!

Колонна вскоре подтянулась, и люди остановились, чтобы снять лыжи. Брюс выключил рацию и прикоснулся шлемом к шлему Сэма.

— Что это было, там, где шкипер на меня прикрикнул?

— А, это. Утренняя глория. Они очень опасны.

— Утренняя глория?

— Нечто вроде сливного отверстия в раковине. Если ступишь на склон, то уже никогда не выберешься. Почва уходит из-под ног, и ты скатываешься на самое дно. Там и остаешься — пока не кончится воздух. Так погибли многие. Они выходили утром в одиночку и, вероятно, должны были вернуться до темноты.

— Откуда же известно, что с ними случилось, если они выходили в одиночку?

— Представь себе: к яме ведут следы — а следов, ведущих назад, нет.

— О! — Брюс почувствовал себя глупцом.

Отряд запрыгал дальше. Горы все приближались, постепенно вырастая на фоне неба. Мистер Эндрюс приказал остановиться.

— Привал,— сказал он.— Сэм, установите укрытие к западу от тех скал. Брюс, наблюдайте, что делает Сэм.

Укрытие представляло собой герметичную палатку, которая натягивалась на раму из толстой витой проволоки и состояла из секций. Огромный контейнер за плечами Разведмастера оказался надувной оболочкой.

Каркас укрытия поставили на закрепленную по углам горизонтальную раму, на которую было натянуто асбестовое покрытие. Затем установили куполообразную крышу и стенки. Сэм проверил прочность соединений и приказал развернуть оболочку. К раме прикрепили воздушный шлюз — стальной цилиндр,— а к нему при помощи уплотнительных прокладок — надувную оболочку. Одновременно двое разведчиков устанавливали солнечный экран.

Пятеро разведчиков заползли внутрь и встали, подняв руки повыше. Остальные затащили снаряжение, кроме лыж и палок. Последним забрался мистер Эндрюс и закрыл шлюз. Металлический каркас прервал радиосвязь; Сэм подключил свой шлем к телефонному разъему на шлюзе.

— Проверка,— сказал он.

Через рацию Сэма Брюс расслышал ответ:

— Готовы к заполнению.

— О'кей.

Оболочка вздулась и заполнила каркас.

— Брюс, входи,— сказал Сэм.— Осталось только отрегулировать экран.

— Я лучше посмотрю.

— О'кей.

Экраном служили легкие жалюзи, установленные поверх укрытия. Сэм приоткрыл их наполовину.

— Внутри холодно,— пояснил он,— потому что оболочка быстро наполнилась воздухом. Но нагревается он быстро.— По сигналу изнутри Сэм чуть прикрыл жалюзи.— Брюс, залезай внутрь. Может пройти полчаса, пока температура стабилизируется.

— Пожалуй,— ответил Брюс,— у меня немного кружится голова.

Сэм внимательно посмотрел на него.

— И жарко?

— Да.

— Ты слишком долго пробыл на солнце неподвижно. И воздух в скафандре не циркулировал. Вот.— Сэм открыл воздушный клапан Брюса пошире.— Заходи.

Брюс с готовностью подчинился. Когда он задом вполз в укрытие и выпрямился, двое парней подхватили его. Они закрыли клапаны, отстегнули шлем и стянули с него скафандр, который, пропутешествовав по рукам, водворился на стеллаже. Брюс огляделся.

Вдоль всего укрытия, от шлюза до перегородки санузла в дальнем конце, шли лампы дневного света. Около перегородки были сложены скафандры и шлемы. Разведчики расположились по обе стороны длинного помещения. Около воздушного кондиционера рядом с входом стоял часовой, к его уху был прикреплен датчик давления кислорода в крови. Рядом с ним мистер Эндрюс сообщал Сэму по телефону об изменениях температуры. Посередине Чабби разворачивал свой продовольственный склад. Он махнул рукой.

— Эй, Брюс! Садись, будем есть.

Двое разведчиков освободили место для Брюса, он сел. Один из них спросил:

— Ты был в Йеле?

Брюс ответил, что не был.

— Я туда собираюсь — сообщил ему разведчик,— у меня там брат.

Брюс почувствовал себя как дома.

Когда вошел Сэм, у Чабби уже все было готово: дымящаяся ароматная тушенка, булочки и персиковое мороженое. Брюс решил, что разведчики живут неплохо. После ужина сигнальщик достал губную гармошку и заиграл. Брюс откинулся назад, ощущая приятную дремоту.

— Холлифилд! — Брюс очнулся.— Давайте посмотрим, как вы оказываете первую помощь.

В течение получаса Брюс демонстрировал свое умение накладывать воздушные жгуты и аварийные заплаты на скафандр, делать искусственное дыхание человеку в скафандре, оказывать помощь при солнечном ударе, кислородном голодании и переломах.

— Это вы умеете,— заключил Разведмастер.— А что делать, если у человека разбился шлем?

Брюс растерялся было, но быстро нашелся:

— Похоронить.

— Правильно,— согласился Разведмастер,— поэтому будьте осторожны. Ладно, ребята, а теперь — шесть часов сна. Сэм, установите дежурство.

Сэм назначил шестерых, в том числе себя.

— А разве я не должен дежурить? — спросил Брюс.

— Нет,— вмешался мистер Эндрюс.— И себя тоже исключите, Сэм. Завтра вы с Брюсом предпримете вылазку. Вам необходимо поспать.

— О'кей, шкипер,— ответил Сэм и добавил, обращаясь к Брюсу: — Здесь нет ничего сложного. Вот, смотри.

Дежурный должен был наблюдать за несколькими приборами, но главное, как и в скафандре,— контроль за давлением кислорода в крови. Спертый воздух проходил через резервуар с окисью кальция, которая связывала углекислый газ, а сама превращалась в карбонат кальция. Далее очищенный воздух проходил через гидроокись натрия, и из него удалялась влага.

— Дежурный должен следить, чтобы воздух в помещении постоянно очищался,— продолжал Сэм.— Если что-нибудь испортится, он разбудит нас, и мы заберемся в скафандры.

Мистер Эндрюс погнал их спать. Брюс дождался своей очереди в уборную и нашел место, чтобы лечь. «День угас... Солнце зашло...» — заиграла гармошка.

Было странно слышать эту песню, когда Солнце светило над самой головой. Конечно же, нельзя было ждать захода Солнца целую неделю. Странная жизнь в этих колониях... Спать ложатся рано вечером, встают в час ночи. Надо бы порасспросить обо всем Сэма. Вообще-то он ничего — только строит из себя всезнайку. Непривычно спать на голом полу — не то чтобы это было очень неудобно при малой тяжести... Брюс еще размышлял об этом, когда его оглушили звуки побудки, сыгранной на гармошке.

На завтрак была подана яичница, приготовленная в сложных условиях. И меньше чем через час отряд снялся и двинулся в путь, к базовому лагерю.

Путь их пролегал через перевалы, между кратерами. Они прошли тридцать миль, и Брюс уже проголодался, когда проводник подал сигнал: «Шагом!». Отряд приближался к воздушному шлюзу в скале.

Базовый лагерь был не таким удобным, как Луна-Сити. Просто ряд герметичных пещер в скале. Каждый отряд имел здесь свое помещение, отдельное и хорошо оборудованное. Воздух в базовом лагере, как и в Луна-Сити, обновлялся при помощи гидропонного сада. Кроме того, лагерь был оснащен солнечной энергетической установкой; аккумуляторы снабжали его энергией во время длинных холодных лунных ночей.

Брюс проглотил завтрак моментально: ему не терпелось поскорее пуститься с Сэмом в путь. Они экипировались как и раньше, только теперь вместо запасов еды взяли с собой дополнительные баллоны с воздухом и водой. К воротнику скафандра Брюса с помощью пружинной застежки Сэм прикрепил неприкосновенный запас.

У шлюза их остановил Разведмастер:

— Куда собрались, Сэм?

— На юго-восток. Я буду оставлять по пути метки.

— Хм... Тяжелый маршрут. Ладно, назад вернетесь к полуночи. И держитесь подальше от пещер.

— Есть, сэр.

Выйдя из шлюза, Сэм с облегчением вздохнул.

— Уф! Я опасался, что он запретит нам забираться в горы.

— А мы заберемся?

— Конечно. Ведь ты умеешь?

— У меня значок по альпинизму.

— В любом случае, самое сложное буду делать я. Пошли.

Сэм направился в сторону выжженной солнцем равнины. Они двигались со скоростью восемь миль в час, которая вскоре увеличилась до двенадцати. Брюс шел за ним мерным шагом и наслаждался.

— Ты это здорово придумал, Сэм.

— Глупости. Если бы я здесь не побывал, то постарался бы прикрыть этот гимнастический зал.

— И все-таки мне нужна эта вылазка, чтобы получить значок овладевшего лунными навыками.

Сделав несколько длинных прыжков, Сэм спросил:

— Послушай, Брюс, ты на самом деле надеешься получить звание Лунного Орла?

— А почему бы и нет? Я уже получил все дополнительные значки. Остались только четыре обязательных, но они совершенно разные: разбивка лагеря, лунные навыки, проводка и разведка. Я готовился как проклятый и теперь надеюсь набраться опыта.

— Я не сомневаюсь, что ты готовился. Но в квалификационной комиссии сидят настоящие зубры. Тебе надо стать истинным лунным аборигеном, чтобы пройти эту комиссию.

— Значит, они не пропустят разведчика с Земли?

— Можно сказать и так. Все остальные значки только дополнение к основному: лунные навыки. Экзаменаторы — старые аборигены. Тебе не отвертеться книжными ответами, они узнают, сколько ты здесь пробыл, и наверняка посчитают, что твоих знаний недостаточно.

— Но это же нечестно!

Сэм фыркнул:

— Лунные навыки — не игрушка, а весьма реальная штука. «Вы остались в живых?» Если допустишь ошибку, ты погиб — и они тебя похоронят.

Брюс не нашелся, что ответить.

Вскоре они подошли к подножию горы. Сэм остановился и вызвал базовый лагерь.

— Парсонс и Холлифилд, отряд номер один, возьмите пеленг.

База ответила быстро:

— Один-один-восемь. Какой у вас знак?

— Пирамида и записка.

— Сигнал принят.

Сэм сложил из камней пирамидку, вырвал из блокнота листок бумаги, написал на нем дату, время и имена и положил его сверху.

— Теперь полезем вверх.

Им предстояло подняться вверх по руслу, по которому никогда не текла вода. Сэм несколько раз дернул за веревку и только после этого разрешил Брюсу лезть следом. Время от времени он делал молотком зарубки на камнях. Наконец они уперлись в скалу высотой футов пятьсот, первые сто из которых уходили вверх вертикально и были абсолютно отвесными. Брюс выпучил глаза.

— И мы полезем туда?

— Конечно. Смотри на дядюшку Сэмюэля.

Вертикальная стена заканчивалась небольшим выступом. Связав два троса, Сэм принялся бросать их вверх, стараясь зацепить выступ. Дважды он промахивался, и трос падал вниз. Наконец трос перекинулся через выступ.

Вбив в каменную стену крюк поближе к краю скалы, Сэм надел на него кольцо и прикрепил трос. Чтобы проверить прочность крепления, он велел Брюсу подергать за свободный конец троса. После чего начал восхождение.

Первые тридцать футов он прошел быстро, цепляясь за трос ногами, затем вбил еще один крюк и прицепил к нему трос безопасности. Эту операцию Сэм проделывал еще дважды. Наконец достиг выступа и крикнул: «Отцепляй!».

Брюс отцепил трос, и тот взмыл вверх. Через некоторое время Сэм крикнул: «Зацепляй!». Брюс ответил: «Проверка!» — и безуспешно попытался оторвать спущенный Сэмом трос.

— Забирайся,— приказал Сэм.

— Забираюсь,— ответил Брюс.

Сила тяжести в одну шестую земной — рай для альпинистов, подумал он. По пути он задержался только, чтобы отцепить трос.

Оставшийся путь Брюс хотел пройти первым, но Сэм не позволил. Очень скоро Брюс порадовался этому: он обнаружил, что лунный альпинизм имеет три отличия от земного. Первое — малая сила тяжести — было преимуществом, но два других усложняли дело. Удерживать равновесие, будучи облаченным в скафандр, оказалось трудно, а взбираться на скалу, отталкиваясь плечами и коленками,— неудобно, к тому же существовала опасность порвать скафандр.

Наконец они выбрались на ровную площадку, окруженную остроконечными вершинами, сверкающими на фоне черного неба.

— Куда теперь? — спросил Брюс.

Сэм посмотрел на звезды и показал на юго-восток.

— Фотокарты показывают, что там открытое пространство.

— Идет.

Они потащились шагом, поскольку поверхность оказалась слишком неровной, чтобы передвигаться прыжками. Идти пришлось довольно долго, наконец они выбрались на возвышенное место, откуда можно было видеть Землю.

— Который час? — спросил Брюс.

— Почти семнадцать,— ответил Сэм, поглядев вверх.

— Мы должны вернуться к полуночи.

— Вообще-то,— ответил Сэм,— сначала я надеюсь выбраться на открытое пространство.

— Мы заблудились?

— Конечно, нет! Я же отмечал дорогу. Но здесь я никогда не бывал. Думаю, здесь прежде не бывал никто.

— Давай пройдем еще с полчаса, потом повернем назад.

— Годится.

Через полчаса Сэм решил, что пора возвращаться.

— Давай залезем еще вон на ту возвышенность,— попросил Брюс.

— О'кей.

Сэм забрался на вершину первым.

— Эй, Брюс, у нас получилось!

Брюс поднялся к нему.

— Господи!

В двух тысячах футов под ними лежала мертвая лунная равнина. Со всех сторон, кроме южной, ее окаймляли горы. В пяти милях виднелось два небольших кратера в виде восьмерки.

— Я знаю, где мы,— объявил Сэм.— Эта пара видна на фотографиях. Давай спустимся, пройдем на юг еще миль двадцать, сделаем круг и вернемся на базу. Проверь, как у тебя с воздухом.

В баллоне Брюса давление было достаточным, а вот у Сэма оно оказалось низким: он больше работал. Путешественники поменяли оба баллона и приготовились к спуску. Сэм забил крюк, прицепил к нему кольцо, прикрепил трос к своему поясу и пропустил его сквозь кольцо. Конец троса он пропустил у себя между ног, обвязал его вокруг бедра и поперек груди, перекинул через плечо и взял в руку. Таким образом, у него получилось как бы сиденье. Сэм начал спускаться, понемногу стравливая трос.

Вскоре он добрался до выступа внизу.

— Готово! — крикнул он и освободил трос.

Брюс сделал, себе такое же сиденье и вскоре присоединился к Сэму. Склон стал более пологим, и Сэм послал вперед Брюса, а сам страховал его наверху. Они спустились на следующий уступ. Брюс огляделся.

— Здесь мы застрянем.

— Может быть.

Сэм связал вместе все четыре троса и спустил их вниз. На камни у подножия горы упало всего футов десять троса.

— Спуститься-то мы спустимся,— сказал Брюс.— А вот тросы придется оставить здесь.

Сэм нахмурился:

— Они из стекловолокна, да и стоят дорого: их привозят с Земли.

— Значит, остаться придется нам.

Сэм внимательно осмотрел скалу и вбил в нее крюк.

— Первым пойдешь ты, а когда спустишься до половины, вбей две крюка и к одному привяжи трос. Тогда я смогу его перехватить.

— Я против,— запротестовал Брюс.

— Если мы потеряем тросы,— убеждал его Сэм,— нас за это не похвалят. Пошел.

— Все-таки мне это не нравится.

— Кто здесь главный?

Брюс пожал плечами и, ухватившись за трос, стал спускаться. Вскоре Сэм остановил его:

— Середина. Свей мне гнездышко.

Справа Брюс увидел только гладкую каменную стену. С другой стороны он нашел трещину.

— Здесь есть трещина,— сообщил он Сэму,— но только одна. Нельзя вбивать два крюка в одну трещину.

— Вбей их подальше друг от друга,— приказал Сэм.— Скала крепкая.

Брюс нехотя подчинился. Крюки вошли легко, но Брюс с большей радостью ощутил бы сопротивление камня, что означало бы прочное сцепление крюка со скалой. Он привязал трос.

— Спускай!

Через пару минут Брюс уже стоял внизу и отстегивал трос.

— Готово?

Он поспешил по каменным обломкам к краю скалы.

— Сэм,— крикнул он,— это пылевая равнина.

Брюс прошел вдоль скалы около пятидесяти ярдов, затем надел лыжи. Выбравшись на равнину, он остановился и посмотрел наверх.

Сэм уже добрался до крюков и вытянул трос. Он пропустил трос сквозь кольцо второго крюка, уселся в своем веревочном

сиденьи и несколько раз перекинул трос от одного крюка к другому, сделав своеобразный якорь. Потом начал спускаться. Одолев половину из оставшихся двухсот футов, Сэм остановился.

— Что случилось? — спросил Брюс.

— Карабин зацепился за кольцо и не проходит,— ответил Сэм.— Сейчас я его освобожу.

Он поднялся на фут и резко отпустил трос. К удивлению Брюса, Сэм повис, накренившись вместе с сиденьем под немыслимым углом. Брюс понял: крюк не выдержал.

Пролетев примерно четыре фута, Сэм остановился: трос, зацепленный за второй крюк, задержал падение. Сэм раздвинул ноги пошире, чтобы восстановить равновесие. Тут Брюс заметил, что прямо на голову Сэма падает камень. Он закричал.

Сэм посмотрел вверх и резко оттолкнулся от скалы — камень пролетел мимо. Брюс не понял, ударил он Сэма или нет. Сэм восстановил равновесие и вдруг снова сильно накренился вместе с сиденьем — второй крюк не выдержал тоже.

Брюс наблюдал, как Сэм медленно-медленно наклоняется и начинает падать. Казалось, он падал целую вечность.

А потом он упал.

Брюс запутался в лыжах, и ему пришлось долго возиться с ними. Он заставил себя собраться и осторожно двинулся к месту происшествия.

Отчаянный толчок спас Сэма, не дав его шлему разбиться о скалу. Сэм лежал среди каменных обломков и не пошевелился, когда Брюс дотронулся до него. Лыжи мешали Брюсу, и он с трудом вытащил Сэма из-под обломков. Глаза его были закрыты, но скафандр держал давление.

— Сэм! — крикнул Брюс.— Ты меня слышишь?

Стрелка, показывающая уровень кислорода в крови, находилась в красной области. Брюс приоткрыл клапан пошире, но стрелка не сдвинулась с места. Брюс хотел перевернуть Сэма лицом вниз, но тогда он не смог бы удержать в шлеме голову Сэма и видеть показания прибора. И Брюс решил делать искусственное дыхание в этом положении. Он сбросил лыжи и пояс.

Ему мешало давление в скафандре, кроме того, он не мог нащупать ребра Сэма. Он стал просто давить Сэму на грудь — раз-два, раз-два.

Стрелка качнулась и медленно двинулась к белой зоне. Когда она переползла на белое, Брюс перевел дух. Стрелка осталась на белом. Сэм пошевелил губами, но ничего не было слышно. Брюс коснулся его шлема своим.

— Сэм, ты как?

Но услышал только:

— Берегись! Камень!

Брюс задумался. Что же теперь делать? До тех пор, пока Сэм не окажется в герметичном помещении, сделать ничего нельзя. И Брюс решил звать на помощь — быстро!

Послать дымовой сигнал? Выстрелить три раза из пушки? Брюс, ты же на Луне. И ему захотелось, чтобы вдруг откуда-нибудь появились спасатели на лунной тележке.

Можно еще попробовать радио. Надежды мало, но все же... Он снова взглянул на стрелку, потом взобрался на камень, выдвинул антенну и стал звать:

— На помощь! На помощь! Слышит меня кто-нибудь?

Заметив, что Сэм пошевелился, Брюс поспешил к нему. Сэм сидел и ощупывал левое колено. Их шлемы соприкоснулись.

— Сэм, с тобой все в порядке?

— А? У меня что-то с ногой.

— Сломана?

— Откуда мне знать? Включи свою рацию.

— Она включена. Это твоя сломалась.

— Да? Как это произошло?

— Когда ты упал.

— Упал?

Брюс ткнул пальцем вверх.

— Не помнишь?

Сэм воззрился на скалу.

— Не знаю. Но болит очень сильно. Где остальные?

— Мы одни, Сэм,— медленно произнес Брюс.— Вспомни.

Сэм нахмурился:

— Догадываюсь. Брюс, надо выбираться отсюда. Помоги мне надеть лыжи.

— Ты думаешь, с таким коленом ты сможешь двигаться?

— Должен.

Брюс поставил Сэма на ноги и привязал лыжу к больной ноге, пока он балансировал на другой. Попытавшись встать на больную ногу, Сэм потерял сознание от боли.

Брюс прибавил ему кислорода, и стрелка вернулась в прежнее положение на белом. Брюс снял лыжу, выпрямил ноги Сэма и стал ждать. Вскоре Сэм открыл глаза. Брюс коснулся его шлема.

— Сэм, ты понимаешь меня?

— Да, конечно.

— Ты не можешь стоять на ногах. Я понесу тебя.

— Нет.

— Что значит нет?

— Лучше сделай сани.— И Сэм снова закрыл глаза.

Брюс положил рядышком обе лыжи Сэма. К каждой были прикреплены по два стальных стержня. Брюс понял, для чего они. Надо пропустить стержни сквозь четыре кольца, по два на каждой лыже, и убрать крепления — получатся узкие сани.

Брюс снял с Сэма ранец, укрепил ему спереди баллоны и велел держать их.

— Я буду тебя тащить.. Потихоньку.

Скафандр свисал с санок, но с этим ничего нельзя было поделать. Брюс приладил к стержням трос и привязал ранец Сэма.

После этого он пропустил сквозь кольца на лыжах кусок троса таким образом, чтобы получилась петля, а свободный конец троса привязал к своей руке.

— Если тебе что-нибудь понадобится,— сказал он Сэму,— дерни за веревку.

— О'кей.

— Ну, пошли!

Брюс надел лыжи, просунул голову в петлю, как в хомут, взял лыжные палки и двинулся на юг вдоль обрыва.

Это занятие успокоило его. Он понимал, что ему предстоит пройти много миль. Земля скрывалась за скалой, а по Солнцу время определить не удалось. Вокруг не было ничего, только чернота, звезды, ослепительное Солнце, выжженная пустыня под ногами да уходящая в небо скала — ничего, только молчание и необходимость добраться до базы.

Что-то дернуло его за руку. Сначала он испугался, но, сообразив в чем дело, направился к саням.

— В чем дело Сэм?

— Я больше не могу. Слишком жарко.— Его побледневшее лицо было покрыто капельками пота.

Брюс дал ему глоток воздуха и задумался. У Сэма в ранце был солнечный тент — кусок ткани на складном каркасе. Через пятнадцать минут Брюс опять был готов двинуться в путь. Одна опора тента была привязана к ноге Сэма, а вторую Брюс согнул и засунул Сэму за плечи. Конструкция выглядела ненадежно, но держалась.

— Ну, ты как?

— Нормально. Слушай, Брюс, думаю, мое колено уже в порядке.

— Дай-ка я потрогаю.

Брюс ощупал колено сквозь скафандр: оно было вдвое толще здорового. Почувствовав, как Сэм вздрогнул, Брюс коснулся его шлема:

— Ты не можешь идти,— и вернулся к своей упряжке.

Спустя несколько часов Брюс наткнулся на следы. Они вели с северо-востока, поворачивали и шли вдоль гор.

— Сэм, как узнать, это старые следы или свежие?

— Никак. Старые следы выглядят точно так же, как и свежие.

— И идти по ним бессмысленно?

— Можно — если нам с ними по пути.

— Понял.

Брюс вновь впрягся в санки.

Каждые несколько минут Брюс с надеждой вызывал по радио базу и прислушивался. Появление следов воодушевило его, хоть и было ясно, что оно мало что значит. Следы стали отходить от горы, или, вернее, гора начала отворачивать от следов, образуя нечто похожее на бухточку. Однако Брюс выбрал более короткий путь, как и его предшественник.

Нужно было смотреть, куда идешь. Брюс знал, что нужно, но приходилось одновременно следить за приборами, тащить сани и не сбиваться со следа — и он потерял бдительность. Обернувшись, чтобы взглянуть на Сэма, он почувствовал, что лыжи выскальзывают из-под него.

Он машинально упал на колени и попытался удержаться с помощью лыж. Ему бы, наверное, это удалось, если бы не сани.

Они налетели на него сзади, и люди, сани, лыжи — все покатилось вниз.

Брюс отчаянно пытался встать, но почва стала проваливаться под ним. Он успел увидеть, что угодил — среди бела дня! — в утреннюю глорию, этот лунный эквивалент зыбучих песков. Затем пыль сомкнулась над его шлемом.

Он почувствовал, что скользит, падает, опять скользит и мягко на что-то опускается.

Брюс попытался собраться. Одна часть его сознания была охвачена ужасом и отчаянием, оттого что он не смог спасти Сэма; вторая была обеспокоена необходимостью что-то предпринять. Он не покалечился и мог дышать. Брюс предполагал, что погребен в утренней глории, и догадывался, что от любого движения погрузится еще глубже.

Нужно было во что бы то ни стало найти Сэма. Расталкивая мягкие хлопья, Брюс пощупал шею. Сбруя от саней все еще была на нем. Он ухватился за нее обеими руками и потянул. Это малоприятное занятие было похоже на барахтанье в грязи. Наконец Брюсу удалось подтащить сани к себе — или себя к саням. Он нащупал шлем Сэма.

— Сэм, ты меня слышишь?

И услышал глухой ответ:

— Да, Брюс.

— Ты в порядке?

— В порядке? Не будь дураком, Брюс. Мы в утренней глории.

— Знаю, Сэм. Я ужасно виноват.

— Ладно, не хнычь. Теперь уже поздно.

— Я не хотел...

— Прекрати! — В голосе Сэма слышались паника и злость.— Не в этом дело. Мы пропали — разве ты не понимаешь?

— Нет! Сэм, я вытащу тебя отсюда, клянусь.

Сэм ответил не сразу.

— Не обманывай себя, Брюс. Никому не удавалось выбраться из утренней глории.

— Не говори так. Мы еще не умерли.

— Пока нет, но умрем. Я пытаюсь привыкнуть к этой мысли.— Он помолчал.— Брюс, сделай одолжение, освободи меня от этих саней — я не хочу умереть привязанным.

— Сейчас.

В полной темноте, в перчатках, на ощупь, в чем-то мягком и сыпучем развязать веревки было почти невозможно. Брюс повернулся и неожиданно заметил, что его левая рука не утопает в пыли. Он дернулся и ему удалось освободить шлем. Вокруг тьма кромешная. Брюс пощупал пояс, пытаясь отыскать фонарь.

При свете фонаря он увидел, что засыпан пылевой массой не весь; прямо над головой нависал каменный свод, ноги упирались во что-то твердое. Темнота поглотила луч фонаря.

Брюс заметил, что все еще держится за сани, и попробовал освободить Сэма. Когда это не удалось, он снова зарылся в пыль.

— Сэм! Мы в пещере!

— Что?

— Держись! Сейчас я тебя вытащу.

Брюс осторожно попытался выбраться из пыли. Она не отпускала его: лыжи мешали. Брюс отстегнул одну лыжу, вытащил ее, потом повторил манипуляции, повернулся и выкарабкался на каменный пол, таща за собой петлю от саней. После чего положил фонарь на пол и с силой потянул за трос. Сэм, сани и весь груз медленно выползли из пыли. Брюс коснулся шлема Сэма.

— Смотри! Мы куда-то попали.

Сэм не ответил.

— Сэм, ты меня слышишь?

— Слышу. Спасибо, что вытащил меня. Теперь отвяжи.

— Посвети мне.— Брюс развязал трос.— Ну, вот. Теперь я осмотрюсь и попытаюсь найти выход.

— Почему ты решил, что здесь есть выход?

— А ты когда-нибудь видел пещеру без выхода?

— Он не нашел выхода,— медленно ответил Сэм.

— Он?

— Посмотри.

Сэм посветил фонарем за спиной Брюса. На полу лежал человек в скафандре устаревшего образца.

Брюс взял фонарь и осторожно приблизился к фигуре на полу. Человек был мертв: его скафандр стал мягким. Он лежал, скрестив на груди руки, будто прилег вздремнуть. Брюс заглянул ему в лицо: оно было темным и худым, кожа присохла к костям. Брюс отвел фонарь в сторону.

— Ему не повезло,— мрачно произнес он, вернувшись.— У него в сумке я нашел вот эти бумаги. Надо взять их с собой, чтобы дать знать родным.

— Ты неисправимый оптимист, Брюс. Ладно, давай.

Сэм взял бумаги. Это были два письма, старинная плоская фотография девочки с собакой и кое-какие документы. Среди них были водительские права на имя Абнера Грина, выданные в Республике Массачусетс в июне 1995 года.

Брюс присвистнул:

— 1995! О, Господи!

— Я бы не рассчитывал найти его родных.

— Я нашел у него одну вещь, которой мы можем воспользоваться. Смотри.

Это был моток пеньковой веревки. Брюс продолжал:

— Я свяжу тросы между собой, один конец прикреплю к твоему поясу, а другой — к моему. Получится пятьсот или шестьсот футов. Если я тебе понадоблюсь, дерни за веревку.

— О'кей. Смотри под ноги.

— Я буду осторожен. Сам-то ты в порядке?

— Конечно. Он составит мне компанию.

— Ладно... Я пошел.

Все направления казались одинаковыми. Чтобы не ходить кругами, Брюс туго натянул трос. Вскоре луч фонаря уперся в стену. Тупик. Брюс пошел вдоль стены влево, ступая очень осторожно, поскольку пол был усеян обломками камней, и увидел какой-то проход. Проход вел наверх, но сужался. Через триста футов, судя по тросам, проход сузился настолько, что пришлось остановиться.

Брюс выключил фонарь и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Он ощутил странное чувство — панику. Брюс заставил себя не включать фонарь до тех пор, пока не убедится, что впереди нет просвета. Затем он вернулся в пещеру.

Еще одна череда камер вела вниз. Дойдя до черной бездонной дыры, Брюс повернул назад.

Детали менялись, но результат всякий раз был один и тот же: размотав трос до конца или упершись в очередное препятствие, он гасил фонарь и ждал в темноте — но не обнаружил ни одного просвета. Обследовав, по своим оценкам, дугу в сто восемьдесят градусов, Брюс вернулся к Сэму.

Сэм лежал на куче пыли. Брюс бросился к нему.

— Сэм, что с тобой?

— Все в порядке. Просто я переполз на перину: эта скала чертовски холодная. Что ты нашел?

— Пока ничего,— признался Брюс. Он присел на кучу пыли и наклонился к Сэму.— Я сейчас снова пойду.

— Как у тебя с воздухом? — спросил Сэм.

— Скоро придется вскрыть резервный баллон. А у тебя?

— Я прикрутил его до предела. Ты делаешь всю работу, и я экономлю воздух для тебя.

Брюс нахмурился. Он хотел запротестовать, но раздумал. Они должны были дойти до конца вместе, а он, вполне естественно, потреблял воздуха больше, чем Сэм.

Одно было ясно — время уходит.

— Слушай, Сэм. Этим пещерам и переходам конца нет. Я не успею их обследовать, даже если у меня будет весь воздух Луна-Сити.

— Этого я и боюсь.

— Но мы знаем, что выход прямо над нами.

— Вход, ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать — выход. Смотри — эти утренние глории устроены как песочные часы: сверху широкий конус, а внизу куча пыли. Эта пыль просыпается сквозь отверстие в потолке, и куча растет, пока не закупорит отверстие.

— Ну и что?

— А то, что если мы отгребем пыль, то освободим отверстие.

— Пыль будет сыпаться бесконечно.

— Нет, не будет. В конце концов наступит момент, когда пыль вокруг отверстия ссыплется, а та, что подальше, останется на месте.

Сэм обдумал это сообщение.

— Может быть. Но когда ты попробуешь взобраться наверх, она осыплется под тобой. Брюс, в этом-то и весь ужас: в утренней глории не на что опереться.

— Черт! Если я не смогу взобраться на лыжах по склону и меня засыплет, у тебя останется мой запасной баллон.

Сэм хмыкнул.

— Не спеши. Я могу отдать его тебе. В любом случае,— добавил он,— мне не выбраться.

— Как только я ступлю на край воронки, вытащу тебя, как пробку из бутылки, даже если тебя засыплет. Все, время уходит.

Пользуясь лыжами как лопатой, Брюс начал раскидывать гигантскую кучу. Периодически на него сверху обрушивалась гора пыли, но Брюса это не смущало: он знал, что, прежде чем покажется отверстие, надо перелопатить многие кубические ярды пушистой массы.

Через некоторое время он помог Сэму перебраться на новую кучу, откуда тот светил Брюсу фонариком. Работа пошла быстрее. Брюс вспотел. Ему даже пришлось приоткрыть клапан воздушного баллона. Он попил воды и немного поел и снова взялся за работу.

Он уже видел отверстие в потолке. Огромная куча пыли обрушилась на него. Брюс посмотрел вверх и подошел к Сэму.

— Потуши фонарь.

Сомнений не было: сверху просачивался слабый свет. Брюс поймал себя на том, что толкает Сэма и орет как оглашенный. Он замолчал, потом сказал:

— Сэм, старина, я тебе никогда не говорил, из какого я патруля?

— Нет. А из какого?

— Из подземного. Смотри, как я копаю? — И он набросился на кучу.

Скоро в отверстие проник солнечный луч и слабо осветил пещеру. Брюс копал до тех пор, пока в отверстие не перестала сыпаться пыль. Тогда он решил, что пора.

Он сделал поводья от себя к Сэму на всю длину тросов, затем связал оставшиеся баллоны в одну связку, приладил пеньковую веревку к здоровой ноге Сэма, а другим концом веревки обвязал, связку баллонов: в первую очередь Брюс намеревался вытащить Сэма, а потом уже снаряжение. Наконец он надел лыжи и прикоснулся к шлему Сэма.

— Ну вот, приятель. Следи, чтобы трос не засыпало.

Сэм схватил его за руку.

— Подожди.

— В чем дело?

— Брюс, я хочу сказать, что ты молоток, и если мы не выберемся...

— Ну, ладно, ладно. Мы выберемся.— Брюс полез вверх.

До отверстия он поднимался по конусу елочкой. Добравшись до отверстия, стал двигаться лесенкой, чтобы легче было пролезть в узкое отверстие и подняться по склону утренней глории. Поднимался он очень медленно, осторожно переставляя ноги и стараясь не оставаться на одном месте слишком долго. Наконец сначала голова, а затем и все его туловище оказались на поверхности. Теперь нужно было взобраться по склону глории.

Брюс неуверенно остановился. Край воронки был слишком отвесным, массы пыли вот-вот обрушатся. Брюс задержался лишь на мгновение и сразу же почувствовал, что его лыжи вязнут. Тогда он двинулся вбок, стараясь обойти нестабильную часть воронки.

Сгубил его провисший трос. Когда Брюс сделал шаг в сторону, трос зацепился за выступ на краю отверстия, дернулся и погрузился в мягкую массу склона. Брюс почувствовал, как его лыжи заскользили назад; он попытался двигаться быстрее, чтобы поскорее миновать падающую массу, но лыжи погрузились в пыль, он сделал неосторожное движение, упал, и пыль засыпала его.

Снова он очутился в мягкой пушистой темноте. Сначала он лежал тихо переживая свое поражение. Он не понимал, где верх, где виз и как отсюда выбраться. Потом попытался вылезти и почувствовал, что его тащат за пояс. Это Сэм пытался ему помочь.

Через несколько минут Брюс с помощью Сэма вновь оказался на полу пещеры. Единственный свет исходил от фонаря в руке Сэма; но этого оказалось достаточно, чтобы увидеть: новая гора пыли, закрывшая отверстие, была еще больше прежней.

Сэм показал наверх.

— Очень жаль, Брюс,— вот и все, что он сказал.

Едва сдерживаясь, Брюс ответил:

— Как только отдышусь, начну сначала.

— А где твоя левая лыжа?

— Ох! Должно быть, свалилась. Найдется, когда я начну копать.

— Хм... А сколько у тебя осталось воздуха?

Брюс посмотрел на свой пояс.

— Около трети баллона.

— А я уже дышу остатками. Мне нужно сменить баллон.

— Сейчас.

Брюс хотел подключить новый баллон, но Сэм остановил его.

— Возьми себе новый баллон, а мне отдай свой.

— Но...

— Никаких «но»,— оборвал его Сэм.— Чтобы справиться с работой, тебе нужен полный баллон.

Брюс молча подчинился. Его голова была занята арифметикой. Ответ всегда был одним и тем же: он знал, что ему не хватит воздуха, чтобы повторить этот геркулесов труд и передвинуть такую гору пыли.

Теперь Брюс и сам начал верить, что им не выбраться отсюда. Это лишало его сил, ему захотелось лечь рядом с Абнером Грином и так же, как он, прекратить борьбу.

Но этого Брюс не мог себе позволить: ради Сэма ему придется копать гору пыли до тех пор, пока он не упадет от нехватки воздуха. Он машинально взял уцелевшую лыжу и принялся за работу.

Сэм дернул за веревку. Брюс подошел к нему.

— Что с тобой, приятель? — спросил Сэм.

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

— Ты выбит из колеи.

— Я этого не говорил.

— Но ты так думаешь. Я же вижу. Теперь слушай! Ты убедил меня, что сможешь вытащить нас отсюда и — клянусь Господом! — ты это сделаешь. Ты достаточно нахален, чтобы стать первым, кому удастся одолеть утреннюю глорию,— и ты им станешь! Выше голову!

Брюс замялся.

— Слушай, Сэм, я не хотел говорить, но ты должен знать: нам не хватит воздуха, чтобы все это повторить.

— Я это понял, когда увидел, что пыль опять падает.

— Так ты знал? Теперь, если ты помнишь какие-нибудь молитвы, прочти их.

Сэм дернул его за руку.

— Не время читать молитвы: пора заняться делом.

— О'кей.— Брюс начал вставать.

— Я не это имел в виду.

— А?

— Нет смысла копать снова. Один раз стоило попробовать, второй раз — пустая трата кислорода.

— А что же делать?

— Ведь ты обошел не все выходы?

— Нет.— Брюс подумал.— Я попытаюсь еще, Сэм. Но чтобы обойти все выходы, у меня не хватит воздуха.

— Искать можно дольше, чем копать. Но искать надо не наугад, а в той стороне, где горы. В любом другом направлении будут только новые утренние глории. Нам нужно выбраться наружу в горах, подальше от этой пыли.

— Но... Сэм, где эти горы? Здесь, внизу, не отличишь запад от будущей недели.

— Там.— Сэм показал пальцем.

— Откуда ты знаешь?

— Ты показал мне. Когда ты прорвался наверх, я смог по углу луча определить, где находится Солнце.

— Но оно висит над головой.

— Висело, когда мы вышли. Теперь оно переместилось на пятнадцать-двадцать градусов западнее. Слушай, эти пещеры, вероятно, были большими пузырями, газовыми карманами. Поищи в том направлении и найдешь выход наверх, не засыпанный пылью.

— Найду, будь я проклят.

— Как далеко мы отошли от гор, когда провалились сюда?

— С полмили.

— Правильно. Тебе не удастся найти то, что нам нужно, если ты будешь привязан ко мне. Вот, возьми эту бумагу и оставляй метки по дороге, но побольше.

— Я готов.

— Молодец! Счастливо!

Брюс встал.

Это было такое же унылое и утомительное занятие, как и прежде. Брюс обвязался тросом и отправился в путь, бросая на землю клочки бумаги и считая шаги. Порой ему чудилось, что он уже под горами, но каждый раз это оказывался тупик. Дважды он огибал кучи, которыми были обозначены другие глории. Всякий раз, возвращаясь, он подбирал свои метки, чтобы сэкономить бумагу и не сбиться впоследствии с пути. Один раз он увидел просвет, и сердце его часто забилось, но отверстие оказалось слишком маленьким даже для него, не говоря уже о Сэме.

Воздух кончался, но Брюс старался не думать об этом, только следил, чтобы стрелка оставалась на белом поле.

Один из проходов вел влево, потом вниз; Брюс уже начал подумывать, не повернуть ли назад, и остановился. Сначала глаза не различали ничего, затем ему показалось, что впереди замаячил свет. Обман зрения? Возможно. Он прошел еще сотню футов и пригляделся еще раз. Это был свет!

Через несколько минут он уже высунулся из отверстия и оглядел пылающую под солнцем равнину.

— Здорово! — приветствовал его Сэм.— Я уж подумал, что ты провалился в дыру.

— Почти. Сэм, я нашел!

— Я это знал. Пошли.

— Правильно. Только откопаю вторую лыжу.

— Нет.

— Почему?

— Взгляни на датчик. На лыжах мы никуда не дойдем.

— Да, ты прав.

Они бросили весь свой груз, кроме баллонов с воздухом. Там, где позволяла высота свода, они передвигались прыжками. В некоторых местах Брюс почти нес своего напарника. Иногда они ползли на четвереньках, и Сэму с его больной ногой приходилось нелегко.

Брюс выбрался наружу первым, предварительно обвязав Сэма тросом. Когда он его вытаскивал, Сэм ему почти не помогал. На поверхности Брюс поднял его и прислонил к скале.

— Эй, приятель! Мы выбрались!

Сэм не ответил.

Брюс вгляделся ему в лицо: оно было безжизненным, глаза закрыты. Прибор на поясе объяснил почему: стрелка находилась в красной области.

Впускной клапан Сэма был открыт до предела. Глубоко вдохнув, Брюс подсоединил свой баллон к скафандру Сэма. Он видел, как стрелка на приборе Сэма скакнула к белому, а его собственная стрелка уползла в красную область. Если не двигаться, то воздуха внутри скафандра хватит минуты на три-четыре.

Но Брюс двигался. Он подключил шланг от своего впускного клапана к единственному баллону, который теперь был соеди-

нен со скафандром Сэма, и открыл клапан. Стрелка его собственного индикатора остановилась. Теперь они с Сэмом были сиамскими близнецами, подсоединенными к одному-единственному, наполовину пустому баллону с таким жизненно необходимым воздухом. Брюс обхватил Сэма одной рукой, положил его голову себе на плечо, шлем к шлему, и отрегулировал клапаны, чтобы обе стрелки оставались на белом. Сэму он дал воздуха побольше и стал ждать. Скала под ними была в тени, хотя солнце по-прежнему жгло равнину. Брюс огляделся, ища кого-нибудь или что-нибудь, потом вытянул свою антенну.

— На помощь! — позвал он.— Помогите! Мы заблудились!

Он слышал, как Сэм бормотал в свою мертвую рацию:

— На помощь! Мы заблудились!

Брюс покачивал бредившего Сэма на руках и повторял:

— На помощь! Возьмите наш пеленг!

Через некоторое время он перенастроил клапаны и снова принялся повторять:

— На помощь! На помощь! Возьмите наш пеленг!

Он уже не почувствовал, как чья-то рука тронула его за плечо. И даже когда его помещали в шлюз лунной тележки, он все еще продолжал бормотать: «На помощь! На помощь!»

Мистер Эндрюс навестил Брюса в лазарете базового лагеря.

— Как вы себя чувствуете, Брюс?

— Я в полном порядке и прошу, чтобы меня выписали.

— Вас не выписывают по моему указанию. Я хочу знать, где вы находитесь,— улыбнулся Разведмастер.

Брюс покраснел.

— Как Сэм? — спросил он.

— С ним все обойдется. Только обморожение и колено: скоро он будет здоров.

— Я рад за него.

— Наш отряд уходит. Я перевожу вас в третий отряд, к мистеру Харкнессу. Сэм вернется с машиной снабжения.

— Я думаю, что смогу выступить с отрядом, сэр.

— Возможно, но мне бы хотелось, чтобы вы остались в третьем отряде. Вам нужно набраться полевого опыта.

— Сэр... — Брюс не знал, с чего начать.— Мистер Эндрюс...

— Да?

— Мне следовало бы вернуться. Я понял кое-что. Вы были правы. Человек не может стать старым лунным волком за три недели... Я понимаю, что был слишком самонадеян.

— Это все?

— Да, сэр.

— Хорошо, теперь послушайте меня. Я поговорил с Сэмом и с мистером Харкнессом. Мистер Харкнесс будет держать вас в ежовых рукавицах. Мы с Сэмом займемся вами, когда вы вернетесь. Через две недели, начиная с сегодняшнего понедельника, вы должны быть готовы предстать перед квалификационной комиссией.— И Разведмастер добавил: — Ну, как?

Брюс задохнулся, но быстро взял себя в руки.

— Есть, сэр!

— Вспрыснуть сделку — это я уважаю,— бодро заявил толстяк, перекрывая голосом шум кондиционера.— Пей, профессор, а то ты уже на три порции от меня отстал.

В прохладный сумрак бара, моргая, словно приучал глаза к полутьме помещения после безжалостного сияния пустынного солнца снаружи, шагнул от порога новый посетитель, и толстяк радостно завопил.

— Эй, Фред! Фред Нолан! Иди к нам! — окликнул его толстяк и повернулся к своему гостю: — Я с ним познакомился по пути сюда, вместе летели от самого Нью-Йорка. Садись, Фред, пожми ручку профессору Эпплби, старшему механику звездолета «Пегас». Вернее, он будет его главным механиком, когда звездолет построят. Я только что втюхал профессору партию хреновой стали для его таратайки, давайте по этому поводу выпьем.

— С удовольствием, мистер Барнс,— согласился Нолан.— А с профессором мы знакомы по делам приборостроительной компании «Климакс».

— Чего?

© М. Пчелинцев, перевод

— «Климакс» снабжает нас прецизионной аппаратурой,— пояснил Эпплби.

На лице Барнса появилось сперва недоумение, а затем — улыбка.

— Ну, тогда тем более необходимо выпить. Что тебе, Фред? «Старомодный»? А тебе, профессор?

— И мне. Только не зовите меня профессором, пожалуйста. Во-первых, я не профессор, во-вторых, этот титул меня старит, а я еще молодой.

— Это уж точно, док! Пит, два «старомодных» и один двойной «манхэттен»! А я-то и впрямь представлял тебя ученым из комикса — старцем с длинной седой бородой. Но вот теперь, познакомившись с тобой, все никак не могу понять...

— Что именно?

— Зачем тебе, в твои-то годы, хоронить себя в такой глуши...

— «Пегас» на Лонг Айленде не построишь,— заметил Эпплби,— да и стартовать отсюда удобнее.

— Оно конечно, да я ведь о другом. Я вот о чем... В общем, я продаю сталь. Тебе нужны специальные сплавы для звездолета — пожалуйста, я продам. Но сейчас, когда все дела закончены, скажи мне, на кой черт тебе все это сдалось? Что тебя тянет на Проксиму Центавра или на какую другую звезду?

— Ну, этого не объяснишь,— улыбнулся Эпплби.— Что тянет людей взбираться на Эверест? Что тянуло Пирри на Северный полюс? Почему Колумб уговорил королеву заложить ее бриллианты? До Проксимы Центавра еще никто не добирался, а мы хотим добраться.

Барнс повернулся к Нолану.

— А ты, Фред, можешь это понять?

Нолан пожал плечами.

— Я торгую прецизионной аппаратурой. Кто-то выращивает хризантемы, кто-то строит звездолеты. Лично я продаю приборы.

Дружелюбное лицо Барнса продолжало недоумевать.

— Ну...

Бармен принес поднос с напитками.

— Послушай, Пит,— обратился Барнес к нему.— Вот ты ответь мне на один вопрос. Ты сам полетел бы на «Пегасе», если бы тебя туда взяли?

— Нет.

— А почему?

— Мне здесь нравится.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос, правда — в перевернутом виде.

— В одних живет дух Колумба, а в других нет,— кивнул Эпплби.

— Колумб рассчитывал вернуться обратно,— стоял на своем Барнс.— А ты? Ты же сам говорил, что лететь не меньше шестидесяти лет. Вы же не долетите!

— Мы нет, наши дети — да. А обратно вернутся наши внуки.

— Ты что, женат?

— Разумеется. Экипаж подбирается только семьями. Вы ведь знаете, что весь проект рассчитан на два-три поколения.— Он вынул из кармана бумажник.— Вот, пожалуйста, миссис Эпплби и Диана. Ей три с половиной года.

— Хорошенькая девочка,— печально произнес Барнс и передал фотографию Нолану, который взглянул на нее, улыбнулся и вернул Эпплби.— И что же с ней будет?

— Как что? Полетит с нами, разумеется. Не отдавать же ее в приют.

— Нет, конечно, только...

Барнс смолк и опрокинул в рот оставшуюся часть выпивки.

— Не понимаю я этого, хоть режь,— признал он.— Кто хочет выпить еще?

Допив свой коктейль, Эпплби встал.

— Пора домой. Я ведь семейный человек,— улыбнулся он.

— Теперь моя очередь,— сказал Нолан после его ухода.— Вам то же самое?

— Ага.— Барнс поднялся из-за стола.— Пошли за стойку, Фред, там пить удобнее, а мне сейчас надо не меньше шести порций.

— Пошли. А с чего это вы так завелись?

— То есть как, «с чего»? Разве ты не видел фото?

— Ну и что?

— Что! Ну а вот как ты, лично *ты* к этому относишься? Я торговец, Фред, я продаю сталь, и мне плевать, на что ее употребит заказчик. Я готов продать веревку человеку, который собирается

ею удавиться. Но я люблю детей! И мысль об этой малышке, которую родители берут в сумасшедшую экспедицию!..

— А почему бы и нет? С родителями ей будет лучше. Она привыкнет к стальным палубам ровно так же, как другие дети привыкают к городским тротуарам.

— Да ведь они обречены на гибель! Они не долетят!

— Может, и долетят!

— Так вот не долетят они. У них нет ровно никаких шансов. Я это знаю. Я же расспросил об этом технических работников. Девять шансов из десяти, что они сгорят прямо на старте. И это — еще самое лучшее, что может с ними случиться. Если они даже выберутся из Солнечной системы — а они этого ни в жизнь не сделают,— все равно ничего не выйдет. До звезд они не доберутся.

Пит поставил следующую порцию перед Барнсом, тот выпил не глядя.

— Еще один, Пит. Так не может у них ничего получиться. Это теоретически невозможно. Они окоченеют от холода, или поджарятся, или помрут с голодухи. Но только никуда они не доберутся.

— Может, и так.

— Все равно, это безумие. Давай скорее, Пит, и налей себе тоже. Вот Пит, он у нас человек мудрый. Он-то ни в какие звездные авантюры не пустится. Подумаешь, тоже Колумб! Да дурак он был, Колумб! Остолоп! Сидел бы себе дома и не рыпался!

— Вы неверно меня поняли, мистер Барнс,— покачал головой бармен.— Ведь если бы не такие люди, как Колумб, нас бы сегодня не было здесь, верно? Просто по характеру я не путешественник. Но в путешествия верю. И ничего не имею против «Пегаса».

— Но ведь ты не можешь же согласиться с тем, что они берут с собой еще и детей?

— Ну, как сказать... говорят, на «Мэйфлауэре» тоже были дети.

— Это — совсем другое дело.

Барнс посмотрел на Нолана, видимо ища поддержку, а затем — снова на бармена.

— Если бы господь предназначал человека для полетов к звездам, он создал бы нас с ракетными двигателями. Налей мне еще, Пит.

— Вам, наверное, хватит пока, мистер Барнс.

Возбужденный толстяк хотел вроде поспорить с таким мнением, но передумал.

— А теперь я пойду в Небесный зал и найду какую-нибудь, которая согласится со мной танцевать,— объявил он.— Сп'ночи.

Заметно раскачиваясь, он двинулся к лифту.

Нолан молча наблюдал за его уходом.

— Бедный старина Барнс,— сказал он, когда за толстяком закрылась дверь, а затем пожал плечами.— Наверное, мы с тобой, Пит, просто совершенно черствые люди.

— Мой старик, помнится, считал необходимым ввести закон против летательных аппаратов, чтобы всякие дураки не ломали себе шеи, и потому что людям не дано летать. Он был не прав. Людям всегда хочется попробовать что-нибудь новое, отсюда и прогресс.

— Вот уж не думал, что вы помните время, когда люди еще не летали,— сказал Нолан.

— О, что вы, я уже в годах. Да уже здесь лет десять прожил, не меньше.

— А по свежему воздуху не скучаете?

— Нет. Когда я подавал напитки на Сорок второй улице, свежего воздуха там не было и в помине, так что не по чему скучать. А здесь мне нравится. И всегда есть что-то новое. Сначала атомные лаборатории, сейчас вот «Пегас». Но это — не главная причина. Мне здесь нравится. Здесь мой дом. Вот посмотри.

Он взял с полки коньячный ингалятор, большой, хрупкий хрустальный шар, закрутил его и подкинул прямо вверх, к потолку. Он поднимался медленно, грациозно, затем надолго завис в верхней точке, словно не желая возвращаться, и начал опускаться медленно, словно парашютист в замедленном кадре на экране. Пит смотрел, как ингалятор проплыл мимо его носа, а затем легко взял его двумя пальцами и вернул на полку.

— Видел? — спросил он.— Вот оно — тяготение одна шестая *g*. На Земле у меня все время опухали ноги, когда я стоял за стойкой, а здесь я вешу всего тридцать пять фунтов. Нет, мне нравится здесь, на Луне.

По помещениям орбитальной станции разнесся голос:

— Всем факел-пилотам! Немедленно явиться к коммодору!

Джо Эпплби выключил душ, намереваясь послушать сообщение, но продолжения не последовало.

Меня это не касается, подумал он с удовольствием, я в отпуске.

Но не мешало бы убраться побыстрее. Пока не передумали...

Он оделся и, выйдя из душевой, зашагал по коридору. Коридор проходил по внешнему кольцу станции — этакого огромного колеса, висящего в небе, и медленное вращение этого колеса рождало силу, прижимающую ноги к полу,— некое подобие гравитации.

Едва Джо достиг своей каюты, громкоговоритель повторил:

— Всем факел-пилотам — явиться к коммодору! — И через мгновение добавил: — Лейтенанту Эпплби — явиться к коммодору!

На этот раз Эпплби с удовольствием — и достаточно грязно — выругался.

© Н. Романецкий, перевод

Каюта коммодора была переполнена. Кителя большинства присутствующих украшали серебристые факелы — эмблемы факел-пилотов. Лишь главный врач да сам коммодор Бэррио носили эмблемы ракетчиков.

— ...ситуацию,— сказал коммодор, когда Эпплби вошел в каюту. Скользнув взглядом по опоздавшему, коммодор закончил: — Таким образом, станцию «Прозерпина» может спасти только аварийный прыжок к Плутону. Есть ли вопросы?

Вопросов у присутствующих не нашлось. У Эпплби вопросы были, но он, как всякий опоздавший к командиру, решил не высовываться.

— Прекрасно,— подытожил Бэррио.— Джентльмены, этот кусок по зубам лишь факел-пилотам. Кроме того, дело касается лишь добровольцев.

Отлично, подумал Эпплби. Сейчас найдется прыткий юнец, и остальные смогут со спокойной совестью очистить помещение. Этак я даже успею на следующий шаттл. И вниз, к Земле...

— Добровольцев попрошу остаться,— сказал коммодор.— Остальные могут быть свободны.

Превосходно, подумал Эпплби. Только не бросайся к дверям сломя голову, малыш. Держись с достоинством и постарайся затесаться между парнями повыше ростом.

Парни повыше ростом остались сидеть на месте. Низкорослые последовали их примеру.

Джо Эпплби почувствовал себя обманутым, но сыграть отступление в одиночку пороху не хватило.

— Благодарю вас, джентльмены,— спокойно сказал коммодор.— Не могли бы вы подождать в кают-кампании?

Эпплби, недовольно ворча, тут же растворился среди серебристых факелов. Конечно, он хотел бы смотаться к Плутону, но не в тот момент, когда в кармане лежат отпускные документы!..

Как и все факел-пилоты, он поплевывал на огромные расстояния. Это старики-ракетчики смотрят на такие полеты испуганными глазами. Для факельного же корабля, с его постоянным ускорением, сходить к Плутону — как два пальца о... Впрочем, стариков можно понять. По тем орбитам, какими пользовались ракетчики, Юпитер и обратно — это пять лет жизни. До Сатурна

вдвое дольше. Уран — еще вдвое, Нептун... Что же касается Плутона, то на эту планету ни один ракетный корабль вообще никогда не покушался — для такого полета нужны мафусаилы, которым не жалко выбросить из жизни девяносто лет. А потому плацдарм на Плутоне завоевали лишь факельные корабли. С их помощью и создали станцию «Прозерпина». Криологическая лаборатория, пункт наблюдения за космической радиацией, обсерватория, занимающаяся измерением параллаксов, физическая лаборатория — и все это в пятислойном куполе, защищающем людей и оборудование от невыразимого космического холода...

А примерно в четырех миллиардах миль от станции «Прозерпина» Джо Эпплби шагал за одним из товарищей по профессии в кают-кампанию.

— Эй, Джерри! — окликнул он.— Не скажешь ли мне, куда это я собрался добровольцем?

Джерри Прайс оглянулся:

— Э, да тут припозднившийся Джо Эпплби!.. О'кей, но с тебя выпивка.

Сказано — сделано. Когда они расположились за столиком в кают-кампании, Джерри объяснил, что с «Прозерпины» пришла радиограмма. На станции эпидемия болезни Ларкина.

Эпплби присвистнул. Болезнь Ларкина вызывалась мутировавшим вирусом, по-видимому, марсианского происхождения. В крови заболевшего резко падало количество эритроцитов. Затем — очень быстрая смерть. При лечении помогал только метод массированного переливания крови в течение всего периода болезни.

— А посему, мой мальчик,— заключил Джерри,— кому-то придется на всех парах нестись к Плутону с запасом консервированной крови.

Эпплби нахмурился:

— Мой отец в свое время дал мне два совета — всегда держать рот на замке и никогда не лезть в добровольцы!

Джерри ухмыльнулся:

— В добровольцы мы вроде бы и не лезли...

— А на сколько рассчитан полет? Дней на восемнадцать? Дело в том, что у меня кое-какие обязательства на Земле.

— Восемнадцать дней полет длится при одном *g*. А в данном случае, я думаю, перегрузки будут покрепче. У них там кончаются запасы крови. Да и доноров не осталось.

— Покрепче — это сколько? Полтора *g*?

Прайс пожал плечами:

— Полагаю, два.

— Два *g*?!

— А что такого? Люди выдерживали и побольше...

— Ага, конечно! При кратковременном импульсе... А тут речь идет о днях. Два *g*, да будет тебе известно, великолепно сажают сердце. Особенно, если еще придется вставать...

— Тебе-то чего скулить? Вряд ли тебя выберут, раз у них есть такая героическая натура, как я. Так что когда будешь в отпуске, вспоминай обо мне. Я буду ангелом милосердия, с мрачной решимостью на лице попирающим бездонные пустыни Космоса... Возьми-ка мне еще выпить.

А ведь он прав, подумал Эпплби. И поскольку нужны всего два пилота, то у меня есть хороший шанс попасть на следующий шаттл.

Он достал из кармана черную записную книжку и с энтузиазмом принялся изучать номера телефонов.

— Сэр, вы — лейтенант Эпплби?

Джо обернулся. За спиной стоял посыльный коммодора.

— Да, я — лейтенант Эпплби.

— Сэр, коммодор просит вас немедленно явиться к нему.

— Иду! — Джо поймал взгляд Джерри.— Так кто из нас более героическая натура?

— Ты, разумеется! — Джерри улыбнулся.— Не взять ли мне на себя заботу о твоих обязательствах на Земле?

— Перебьешься!

— Перебьюсь, конечно... Что ж, парень, удачного тебе полета!

У коммодора Бэррио сидели врач и какой-то лейтенант, выглядящий старше Джо.

— Присаживайтесь, Эпплби,— сказал Бэррио.— Вы знакомы с лейтенантом Клюгером? Это ваш капитан. А вы пойдете вторым пилотом.

— Слушаюсь, сэр!

— Эпплби, мистер Клюгер — самый опытный факел-пилот из тех, что у нас есть. А вас выбрали потому, что, по медицинским данным, у вас исключительная выносливость к перегрузкам. Это будет тяжелый полет, Эпплби.

— Каков уровень перегрузок, сэр?

Бэррио заколебался. И наконец сказал:

— Три *с половиной g*.

Три с половиной *g*!.. Джо мысленно присвистнул. Это не перегрузки — это испытание на разрыв...

— Прошу прощения, сэр,— запротестовал врач,— но максимум, что я могу разрешить, это три *g*.

Бэррио нахмурился:

— По закону, право окончательного решения принадлежит командиру корабля. И от этого решения зависят три сотни жизней!

— Доктор,— сказал Клюгер,— давайте-ка еще раз посмотрим график.

Врач протянул ему через стол лист бумаги. Клюгер развернул его таким образом, чтобы Джо мог видеть изображенную на нем кривую.

— Вот как это выглядит, Эпплби,— сказал Клюгер.

Кривая на графике сначала медленно опускалась, а затем резко падала вниз. Врач коснулся указательным пальцем точки перелома.

— Вот это,— сказал он бесстрастно,— момент, когда доноры так же начинают страдать от нехватки крови, как и прочие больные. И если запасы не восполнить, положение быстро становится откровенно безнадежным.

— Откуда взялась эта кривая? — поинтересовался Джо.

— Так выглядит графическое отображение эмпирического уравнения болезни Ларкина, рассчитанного для двухсот восьмидесяти девяти больных.

Эпплби обратил внимание на вертикальные линии, пересекающие график. Каждая линия была помечена цифрами, выражающими ускорение и время. Возле крайней правой линии было написано : «1*g* — 18 дней». Это означало, что, совершив рейс со стандартным ускорением, они прибывали на станцию «Прозерпина» к тому времени, когда эпидемия успевала выкосить весь

персонал и спасать становилось некого. Два *g* сокращали продолжительность рейса до двенадцати дней семнадцати часов, и в этом случае жертвами болезни становилась половина колонии. Тройные перегрузки улучшали ситуацию, но количество погибших все еще было велико.

Теперь Джо понимал, почему коммодор настаивал на рискованных трех с половиной *g*. Вертикальная линия, помеченная этими цифрами, пересекала кривую в том месте, где она резко поворачивала вниз, и полет должен был продлиться девять дней и пятнадцать часов. Таким путем они сумели бы спасти почти всех, но — Господи! — что это должен быть за рейс!

Продолжительность полета уменьшалась обратно пропорционально квадрату ускорения. Для восемнадцати дней требовалось всего одно *g*, тогда как для девяти дней нужно было уже четыре. А вот четыре с половиной дня обеспечивались уже фантастическими шестнадцатью *g*. И кто-то в уголке графика написал эти два числа — 4,5 и 16.

— Слушайте, ведь эти данные рассчитаны для факел-автомата! Как раз то, что надо. Есть в нашем распоряжении факел-автомат?

— Да, есть,— тихо сказал Бэррио.— Вот только каковы его шансы?

Джо заткнулся. Корабли-автоматы частенько терялись даже в пространстве между внутренними планетами. Вероятность же того, что такой корабль сумеет попасть в зону радиоконтроля на расстоянии в четыре миллиарда миль... М-да-а-а!

— Разумеется, мы сделаем такую попытку,— пообещал Бэррио.— И если факел-автомат доберется до зоны радиоконтроля, я немедленно сообщу вам.— Он повернулся к Клюгеру.— Итак, ваше решение, капитан. Времени у нас мало.

— Ну что вам далась эта половина *g*? — сказал Клюгер врачу.— Помнится, я читал сообщение о шимпанзе, которого крутили на центрифуге очень долго и при очень больших перегрузках...

— Да, но это был шимпанзе, а не человек!

— А сколько тот шимп выдержал, док? — выпалил Джо.

— Три с четвертью в течение двадцати семи дней.

— Вот это да! И в каком виде он был после окончания испытания?

— А ни в каком,— коротко сказал врач.

Клюгер посмотрел на график, перевел глаза на Джо и наконец повернулся к коммодору:

— Ускорение будет в три с половиной *g*, сэр.

— Тогда вперед,— кивнул коммодор.— Отправляйтесь в лазарет. У вас очень мало времени.

Спустя сорок семь минут их уже упаковывали в противоперегрузочные капсулы разведывательного факельщика «Саламандра».

«Саламандра» была пристыкована к орбитальной станции. Джо, Клюгер и их сопровождающие прошли по стыковочному туннелю, связывающему ось станции со шлюзом корабля. После полной промывки желудка и дюжины процедур и инъекций Джо чувствовал себя преотвратно.

Хорошо еще, подумал он, что старт производится в автоматическом режиме.

Разведывательный корабль предназначался для полетов при очень высоких ускорениях, и рычаги управления располагались над противоперегрузочными капсулами так, что до них можно было дотронуться пальцами, не поднимая высоко руки. Врач и ассистент впихивали в капсулу Клюгера, а два медицинских техника занимались Джо.

— Нижнее белье гладкое? — спросил один из них.— Складок нет?

— Полагаю, все в порядке.

— И тем не менее придется проверить.

Он провел руками по телу Джо, а затем занялся устройствами, необходимыми любому человеку, вынужденному в течение нескольких дней находиться в одном и том же положении.

— Трубка слева от вашего рта — это вода, в двух справа — глюкоза и бульон.

— Пища только жидкая?

Парящий в воздухе врач повернулся к Эпплби и строго сказал:

— В этом полете ничего твердого вам не понадобится, не захочется и не должно быть. А кроме того, будьте осторожны при глотании.

— Я уже сталкивался с перегрузками, док!

— Конечно, конечно. Но все-таки будьте осторожны.

Противоперегрузочная капсула была очень похожа на ванну. Правда, размеры ее были побольше, да и жидкость, заполнявшая ванну, была поплотнее воды. Сверху ванна закрывалась прикрепленной к ее краям резиноподобной пленкой. При перегрузках человек должен плавать в жидкости, упакованный как бы в кокон из пленки. А сейчас, в состоянии невесомости, пленка, кроме всего прочего, еще и не позволяла жидкости удрать из ванны.

Сопровождающие помогли Эпплби разместиться в центре капсулы и прикрепили его к пленке липкими лентами. Затем голову и шею Джо разместили в специальном подголовнике, который можно было подогнать по размерам персонально к каждому пилоту.

Врач перебрался к капсуле Джо и спросил:

— Все в порядке?

— Да.

— Не забудьте, что я сказал о глотании.— Врач повернулся к Клюгеру.— Мы закончили, капитан. Разрешите покинуть ваш корабль?

— Да, спасибо, док!

— Ну, удачи вам!

Медики удалились.

Рубка «Саламандры» не имела иллюминаторов. Впрочем, в них и нужды не было. Прямо перед лицом Джо расположилась приборная панель, на которой разместились дисплеи с данными контроля аппаратуры и экран радара. Возле лба находился окуляр коэлостата. Едва стыковочный туннель отошел от «Саламандры», на приборной панели вспыхнул зеленый сигнал.

Клюгер поймал взгляд Джо в зеркале, установленном перед ними.

— Второй, докладывайте!

— Минус семь ноль четыре. Система ориентации — на режиме. Факел разогрет. Корабль к старту готов.

— Проверим ориентацию.

Окуляр коэлостата опустился к глазам Клюгера. Тот некоторое время смотрел в окуляр, потом сказал:

— Продублируйте меня, Джо.

— Есть, сэр!

Джо тронул кнопку, и окуляр опустился к его лицу. Изображения трех звезд совмещались точно на пересечении волосков.

— Лучше и быть не может, капитан.

— Запросите разрешение на старт.

— «Саламандра» — к центру управления. Прошу разрешения на «Прозерпину». Автоматический старт по компьютерной программе. Проверка систем закончена, по всем параметрам зеленые огни.

— Центр управления — к «Саламандре». Старт разрешен... Удачи вам, парни!

— Капитан, разрешение на старт получено. Минус три нольноль.

Произнося привычные слова, Джо угрюмо думал о том, что мог бы сейчас находиться уже на полпути к Земле. Ну какого черта военным всегда достаются всякие неожиданные спасательно-освободительные задания?!

А потом таймер начал отщелкивать последние тридцать секунд, и он напрочь забыл о своем несостоявшемся отпуске. Им овладело ликующее ожидание старта, привычная страсть пилотов. Лететь... не важно куда... Хоть к черту на рога, но лететь! И когда включился факел, Джо не выдержал и улыбнулся.

А потом на него обрушился новый вес собственного тела.

При трех с половиной *g* он весил теперь шестьсот тридцать фунтов. Джо почувствовал, как на него улеглась железобетонная плита. Она прижала его голову к подголовнику, сдавила грудную клетку, сделала его абсолютно беспомощным. Он изо всех сил старался расслабиться, позволить жидкости окружить тело со всех сторон. Это для обычного, кратковременного стартового рывка требовалось собраться и напрячь все мышцы, здесь же, наоборот, нужно будет находить в постоянном расслаблении.

Он старался дышать неглубоко и медленно. Атмосфера в рубке состояла из чистого кислорода, и такого дыхания вполне хватало, чтобы кровь насыщалась животворным газом. Но даже для такого дыхания требовалось предпринимать немалые усилия. А как трудится сердце, старающееся прогнать потяжелевшую кровь через суженные перегрузкой сосуды!.. Боже, помоги мне, мысленно взмолился он. Я просто не сумею это выдержать. Да, однажды я сумел пройти через четыре *g* в течение девяти минут, но, кажется, тогда не было так плохо...

— Джо! Джо!

Эпплби с трудом открыл свинцовые веки и попытался встряхнуть головой. Голова встряхиваться не пожелала.

— Слушаю, капитан.

Джо видел в зеркале лицо Клюгера, обвисшее и искаженное. А потом ему и вовсе показалось, что на него смотрит оскалившийся в дьявольской улыбке череп.

— Проверить ориентацию! — скомандовал череп.

Джо позволил руке плавать и лишь свинцовыми пальцами коснулся кнопок управления прибором.

— Мы точно на курсе, капитан.

— Очень хорошо! Свяжитесь с Луной.

Станция слежения на Земле экранировалась факельной струей, но Луна была почти прямо по курсу, и Джо вызвал на связь лунную станцию. Оператор продиктовал ему данные наблюдения за стартом «Саламандры» и добавил к ним цифры, полученные с Земли. Джо повторял цифры вслух, а Клюгер вводил их в бортовой компьютер.

Когда работа закончилась, Джо обнаружил, что напрочь забыл за нею о своем невыносимом весе. Зато теперь он почувствовал себя хуже, чем когда-либо. Отчаянно ныла шея, и, кажется, под левой икрой все-таки образовалась складка. Он поерзал, пытаясь разгладить ее, но стало только хуже.

— Как дела, капитан?

— Все в порядке. Отдыхайте, Джо. Я беру первую вахту на себя.

— Есть, сэр!

Джо попытался выполнить приказ, но тут же понял, каково отдыхается человеку, придавленному железобетонной плитой. Тело было переполнено болью, а пресловутая складка превратилась в главного врага. Кроме того, все сильнее ныла шея — похоже, он просто вывихнул ее при старте. Джо попытался повернуть голову по-другому и тут же понял, что для нее существует всего два положения — плохое и хуже некуда. Тогда он закрыл глаза и попытался заснуть.

Через десять минут он убедился, что к человеку, все мысли которого заняты всего тремя вещами — ноющей шеей, складкой под ногой и железобетонной плитой на груди,— сон не придет.

Слушай, малыш, сказал он себе, ведь эти перегрузки не на один час. Расслабься, отнесись к ним проще, иначе задолго до

конца полета получишь адреналиновое истощение. Как там говорится, в нашем Уставе? «Идеальный пилот всегда должен быть расслаблен и спокоен. Сангвиник по темпераменту, он никогда не должен обращать внимания на мелкие неприятности...» Эх, хотел бы я посмотреть на сукиного сына, приросшего задницей к удобному креслу! Хотел бы я посмотреть, как бы он писал эту чушь, встретившись с «мелкой неприятностью» в лице трех с половиной *g*!.. А впрочем, прекрати, парень! Давай-ка переключимся на что-нибудь более приятное. Хотя бы на девочек, да будут благословенны их тела и души!

Это был испытанный прием. Воспоминания о подружках не раз помогали ему преодолевать скуку миллионов миль космических путешествий. Однако на этот раз Джо достаточно быстро убедился, что призрачный гарем обманул его надежды. Сладостные воспоминания не включали воображение, и потому он забыл о своих гуриях и вновь окунулся в несчастье...

Проснулся он в поту. Ему приснился кошмарный сон. Будто бы он направляется к Плутону, и полет происходит при очень больших перегрузках.

Боже! Да это же вовсе не сон!

Тяжесть, казалось, возросла еще больше. Когда он шевелил головой, рождалась режущая боль в боку. Он задыхался, пот ручейками струился по лицу. Ручейки заливали глаза, и Джо попытался вытереть лицо рукой. Но тут обнаружилось, что рука ему не подчиняется, а кончики пальцев и вовсе онемели. Собрав все силы, он все-таки сумел передвинуть руку по груди и вытер глаза. Лучше не стало.

Он уставился на хронометр интегрирующего акселерографа и попытался вспомнить, когда же ему следует заступить на вахту. Не сразу, но до него дошло, что с момента старта минуло уже шесть с половиной часов.

Боже, да ведь ему давно пора сменить капитана!

Он перевел взгляд на зеркало. Лицо Клюгера было по-прежнему перекошено дьявольской усмешкой, глаза закрыты.

— Капитан! — крикнул Джо.

Клюгер даже не пошевелился. Джо потянулся к кнопке сигнала тревоги, но тут же передумал: пусть бедняга хоть чуть-чуть поспит.

Но кто-то на борту и вкалывать должен... А посему пора прочистить себе мозги и браться за дело!

Акселерометр показывал заданные три с половиной *g*, судя по показаниям приборов, факел пребывал в штатном режиме, радиометр констатировал утечку менее десяти процентов от опасного уровня.

Интегрирующий акселерограф высвечивал на дисплее время, прошедшее с момента старта, а также скорость и пройденное расстояние. Последние величины определяла инерционная система навигации: ведь определить свое местоположение по ориентирам в пустом космосе, как известно, не просто. Под этими тремя числами светились еще три. Это были те же самые величины, но полученные расчетным путем. Сравнивая эти пары, Джо легко мог определить, насколько фактическое местоположение корабля соответствует расчетному. Факел был включен менее семи часов назад, скорость была около двух миллионов миль в час, а пройдено было уже более шести миллионов миль. Еще на одном дисплее горели эти же параметры, но скорректированные с учетом гравитационного поля Солнца. Впрочем, этот дисплей Джо полностью игнорировал — в районе земной орбиты солнечное влияние не превышает одной двухтысячной *g* и учитывается в расчетных данных.

Сравнив показания, Джо с удовлетворением отметил, что параметры, определенные инерционной системой, вполне согласуются с расчетными. Тем не менее он решил произвести проверку и по данным внешних наблюдателей.

И Земля, и Луна теперь одинаково экранировались конусом факела, а потому Джо крутил ручки до тех пор, пока радар не нацелился на Марс. Тогда он отправил сигнал «Где я нахожусь?» Ответа ждать не стал — сигнал достигнет станции слежения на Марсе только через восемнадцать минут. Вместо этого он взялся за коэлостат. Совмещенное изображение трех звезд слегка размазалось, но погрешность была слишком мала для того, чтобы произвести коррекцию. Тогда Джо зарегистрировал все свои манипуляции в бортжурнале.

А закончив работу, почувствовал себя намного хуже, чем раньше. Теперь ныли уже и ребра, а каждый вздох вызывал в легких острую боль. Из-за недостаточной циркуляции крови руки и ноги

занемели. Он пошевелил ими, но это лишь привело к появлению «мурашек на теле» и утомило его. Тогда он замер и принялся наблюдать за увеличением скорости. За каждый час скорость возрастала на семьдесят семь миль в секунду. Или более чем на четверть миллиона в час. Цифры были потрясающие, но Джо впервые в жизни завидовал пилотам ракетных кораблей. Да, им требуется целая вечность, чтобы добраться куда-либо, но зато с каким комфортом они к этому «куда-либо» летят!

Без факельных кораблей человек вряд ли отважился бы на освоение планет, расположенных дальше Марса. E = McS. Масса — это энергия, и фунт песка способен выдать из себя пятнадцать миллиардов лошадиных сил в течение часа. В атомных ракетах используется всего лишь доля процента этой энергии, тогда как в факельных кораблях выгребают четыре пятых. Конвертерная камера факельного корабля — самое настоящее крошечное солнце, и частицы вырываются из нее почти со скоростью света.

Эпплби всегда гордился тем, что он факельщик, но сейчас было не до гордости. Ноющая боль из шеи перетекла в голову. Ему хотелось согнуть колени, но, лежа в противоперегрузочной капсуле, делать этого не стоило. В придачу, лежащая на животе железобетонная плита уже вызывала тошноту. А Клюгер оказался способным дрыхнуть в такой обстановке, черт бы его подрал!.. И как они могут рассчитывать, что человек сумеет выдержать подобные условия?! Прошло всего восемь часов, а у него уже совершенно нет сил. Так откуда взять их на целых девять дней?..

Позже — он уже потерял всякое представление о времени — Джо услыхал, как его зовут по имени.

— Джо! Джо!

Боже, да дайте же человеку умереть спокойно!.. Глаза Джо блуждали, он никак не мог найти зеркало.

— Джо! Вам пора сменить меня... Я совсем спекся.

— Есть, сэр...

— Проверьте местоположение и ориентацию, Джо. У меня что-то не получается.

— Я это уже сделал, сэр.

— Сделали?.. Когда?

Взгляд Джо медленно переместился на хронометр. Однако чтобы разглядеть цифры, ему пришлось закрыть один глаз.

— Примерно шесть часов назад.

— Что?.. Сколько же сейчас времени?

Джо молчал. Да отвяжись же ты от меня, думал он.

— Кажется, я был в отключке,— пробормотал Клюгер.— Какова ситуация?

Джо молчал. Клюгер повысил голос:

— Я жду доклада, второй!

— Что?.. О, все в порядке: идем точно по расчетным... Капитан, я, похоже, вывихнул ногу. Как бы на нее взглянуть?

— Да плюньте вы на свою ногу!.. Какие были данные?

— Какие данные?

— Какие данные!.. Очнитесь, мистер! Вы на вахте.

Чья бы корова мычала, подумал со злобой Джо. И если ты не оставишь этот тон, я плюну не на ногу, а на тебя...

— Данные, второй,— повторил Клюгер.

— Что?.. Возьмите из бортжурнала, если вам без них не обойтись...

Джо ожидал после такого своего ответа потока бранных слов, но ничего не произошло.

Когда он открыл глаза в следующий раз, Клюгер, кажется, снова «был в отключке». Джо не мог вспомнить, проверял ли капитан его действия по бортжурналу. Более того — он не мог вспомнить, заносил ли вообще хоть какую-то информацию в бортжурнал. Потом он решил, что настала пора провести следующую проверку местоположения корабля, но его мучала страшная жажда, и надо было сначала попить. Пил он очень осторожно, но все же капелька воды умудрилась попасть в дыхательное горло. Приступ кашля отозвался болью по всему телу и скрутил его настолько, что в мыслях не осталось ничего другого, кроме отдыха.

Немного отдохнув, он взглянул на хронометр.

Так, двенадцать часов и... Нет, минуточку! Сутки и двенадцать часов... Да этого же просто не может быть!

Джо перевел взгляд на другие приборы. Скорость «Саламандры» уже превысила десять миллионов миль в час, и они находились на расстоянии более девяноста миллионов миль от Земли, успев выйти, таким образом, за пределы марсианской орбиты.

— Капитан! Эй! Лейтенант Клюгер!

Лицо Клюгера по-прежнему походило на ухмыляющуюся маску. Охваченный паникой, Джо пытался оценить сложившуюся ситуацию. Три звезды в коэлостате вновь превратились в одну. Стало быть, либо корабль вернулся на идеальный курс самостоятельно, либо Клюгер произвел коррекцию. А может, это дело рук второго пилота?.. Чтобы разобраться, Джо решил просмотреть бортовой журнал. Найдя нужную кнопку, он с трудом нажал ее.

А потом обнаружил, что забыл остановить перемотку. Запись прокрутилась до самого старта и переключилась на воспроизведение. Свободные от информации участки проскакивали на большой скорости, и лишь там, где была зарегистрирована речь, лента замедлялась. Джо прослушал собственный рапорт о первой проверке местоположения, затем ознакомился с сообщением станции слежения на Фобосе, спутнике Марса. Фобос сообщал, что «Саламандра» находится на расчетной траектории, и под конец поинтересовался: «Куда это вы мчитесь, как на пожар?»

Оказалось, что несколькими часами ранее Клюгер и в самом деле произвел коррекцию. Лента, проскочив пустой участок, снова замедлилась: Клюгер диктовал кому-то письмо. Письмо было достаточно бессвязным и оказалось незаконченным. Один раз Клюгер прервался, крикнув: «Джо! Джо!» — и Джо услышал собственный ответ: «Да заткнись ты, ради Бога!» Странно, он совершенно не помнил об этом.

Джо знал, что должен заняться каким-то делом, но совершенно не мог припомнить — каким. Он слишком устал, чтобы думать, да и все тело его терзала боль. Только ноги были от нее свободны — он их попросту не чувствовал.

Джо закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. А когда снова открыл их, дисплей показывал, что со старта прошло уже почти трое суток. И тогда Джо заплакал...

...Звонок гремел безостановочно. Джо осознавал, что на борту общая тревога, но не испытывал к этому факту ни малейшего интереса. Лишь хотелось капельку тишины... Онемевшие пальцы напрочь не желали искать выключатель, но Джо сумел заставить их проделать это и даже принудил пальцы нажать кнопку. Потом он собрался отдохнуть от совершенного подвига. И тут в рубке раздался голос Клюгера:

— Джо!

— Ну что еще?

— Джо, не засыпайте, или я снова включу сигнал тревоги. Вы слышите меня?

— Да...

Так этот гром — твоих рук дело, подумал Джо. Черт бы тебя побрал!..

— Джо, мне надо поговорить с вами. Я больше не могу.

— Что — не могу?

— Я больше не могу выдерживать эти перегрузки. Они убивают меня...

О черт, подумал Джо. Неужели ты включил весь этот гром из-за такой ерунды!

— Я умираю, Джо. Я ничего не вижу. Я должен выключить факел. Я должен сделать это.

— Ну так что вам мешает? — раздраженно сказал Джо.

— А вы не понимаете?.. Вы должны поддержать меня. Мы сделали все, что смогли, но это невозможно выдержать... Так должно быть отражено в бортжурнале. Тогда все будет нормально.

— Что должно быть отражено?

— Черт, да сосредоточьтесь вы! Я не могу много говорить. Наш диалог будет записан в бортжурнал. Вы должны сказать... сказать, что перегрузки стали просто невыносимыми и пора выключить факел. Иначе нам конец... Я соглашусь с вами, и все будет нормально...— Сдавленный шепот Клюгера был еле слышен.

Джо не имел ни малейшего представления, о чем Клюгер говорит. Он даже не мог вспомнить, зачем Клюгеру понадобились эти дикие перегрузки.

— Джо, поторопитесь!

Господи, ну что ты ко мне пристал? — подумал Джо. Сначала разбудил за каким-то чертом! И теперь покоя не даешь...

— Отстаньте от меня,— пробормотал он.— Лучше поспите...

Он задремал, но звонок тут же разбудил его. Теперь пальцы Джо быстро нашли кнопку, и звонок заткнулся. Но Клюгер снова включил сигнал тревоги. Джо снова выключил. Наконец Клюгер угомонился — наверное, устал,— и Джо смог заснуть.

Очнулся он от ощущения свободного падения. И все еще пребывая в экстазе — ведь тяжесть и боль исчезли без следа,— вдруг осознал: он по-прежнему на борту «Саламандры», а «Саламандра»

летит к Плутону. Что же случилось? Неужели они уже достигли цели? Да нет, приборы показывали, что со старта минуло четыре с небольшим дня. Так что же?.. Порвалась лента с программой? Барахлит автопилот?.. И тут он вспомнил свое последнее пробуждение.

Боже, Клюгер-таки выключил факел!

С физиономии Клюгера исчезла дьявольская усмешка, черты его лица казались обрюзгшими и старыми.

— Капитан! — позвал Джо.— Капитан Клюгер!

Веки у Клюгера задрожали, губы шевельнулись, но Джо ничего не услышал. Он выскользнул из капсулы, переплыл к Клюгеру и завис над ним.

— Капитан, вы слышите меня?

— Мне пришлось сделать это, парень,— прошептал Клюгер.— Я спас наши с тобой жизни. Ты сумеешь лечь на обратный курс?

Глаза Клюгера открылись, но смотрел он куда-то в пространство, за пределы рубки.

— Послушайте, капитан! Я должен снова включить факел.

— Что? Нет, Джо! Нет!!!

— Я должен.

— Нет! Это приказ, второй!

Эпплби пристально посмотрел в глаза Клюгера, а потом ребром ладони ударил его в челюсть. Глаза Клюгера закрылись, тело обмякло. Джо отыскал трехпозиционный переключатель и перевел его с положения «Первый пилот, второй пилот» в положение «Только второй пилот». Рычаги управления у капсулы Клюгера теперь ничем не управляли. Бросив взгляд на капитана, Джо обнаружил, что голова того свалилась с подголовника. Джо водрузил голову на место, тщательно закрепил ее липкой лентой и вернулся в свою капсулу. Здесь он столь же тщательно разобрался с собственной головой и потянулся к кнопке включения автопилота. Существовала какая-то причина, из-за которой они должны были продолжить полет, но даже под страхом смертной казни он бы не смог вспомнить эту причину. Он и не стал ее вспоминать. Он просто нажал на кнопку, и обрушившаяся тяжесть раздавила его в лепешку...

...На этот раз из полусна-полусмерти его вытащило ощущение головокружения. Головокружение продолжалось несколько се-

кунд, появились даже позывы к рвоте. К счастью, рубка перестала вращаться вокруг него, и он принялся разбираться в показаниях приборов. Оказывается, «Саламандра» только что прошла половину пути, и теперь перегрузки ускорения сменились перегрузками торможения. Скорость, превысившая три миллиона миль в час, теперь будет снижаться так же неуклонно, как возрастала, но и за это придется платить старую цену — три с половиной *g*.

Джо вдруг пришло в голову, что о случившемся событии надо бы доложить капитану — пусть хоть чуть-чуть порадуется парень.

— Капитан! Эй, капитан!

Клюгер не пошевелился.

Джо позвал его еще раз, а потом нащупал пальцем кнопку сигнала тревоги.

Клюгер от звона не проснулся. Проснулась память Джо. Он тут же выключил сигнал, но вместо звона на него обрушилось чувство раскаяния. А к физическим перегрузкам, едва он вспомнил неприглядные факты, добавились стыд, ощущение утраты и паника. Он понимал, что все случившееся следует отразить в бортжурнале, но не мог найти слов. Как никогда разбитый и уставший, он отказался от своего намерения и тут же впал в забытье.

Проснулся он от какого-то беспокойства. Что-то его мучило, что-то он должен сделать... чем-то он должен помочь Клюгеру... Чем?.. Факел-автомат...

Точно, вот оно! Если автоматический корабль достиг Плутона, все их мучения столь же автоматически завершаются. Посмотрим-ка... Со старта прошло уже более пяти дней. Если автомат сумел добраться до цели, то...

Он прокрутил ленту назад и отыскал записанную информацию. Информация была следующей: «Орбитальная станция — к "Саламандре". С чрезвычайным сожалением сообщаем, что факел-автомату не удалось достичь назначенного места. Надеемся только на вас. Бэррио».

Увлекаемые тремя с половиной силами тяжести, по щекам Джо покатились слезы слабости и разочарования.

На восьмые сутки он понял, что Клюгер мертв. Он понял это не по зловонию разлагающейся плоти — он не был способен отличить его от острого запаха своего собственного тела,— и не потому,

что капитан ни разу не проснулся ни в момент разворота, ни позже — всякое чувство времени было Джо утрачено. Но ему приснилось, что Клюгер зовет его: «Джо! Джо! Скорей!» — а он так придавлен тяжестью, что даже не может ответить.

Сон казался настолько реальным, что Джо попытался ответить капитану уже после того, как проснулся. И посмотрел на Клюгера в зеркало. Лицо Клюгера не изменилось, но Джо со слабым ужасом понял, что капитан мертв. И тем не менее попытался разбудить его сигналом тревоги. В конце концов он сдался — пальцы его стали багровыми, и он не чувствовал своего тела ниже поясницы. Ему показалось, что он тоже умирает, и он вдруг ощутил от предчувствия этого события самую настоящую радость. А потом вновь погрузился в летаргическое забытье, ставшее его нормальным состоянием.

Когда после более чем девяти дней полета автопилот выключил факел, наступившая невесомость не привела Джо в сознание. Очнулся он позже, обнаружив себя плавающим в воздухе посреди рубки — каким-то образом его тело умудрилось выбраться из противоперегрузочной капсулы. Чувствовал он приятное томление и зверский аппетит. По большому счету, именно голод его и разбудил.

Оглянувшись по сторонам, Джо вспомнил, как и зачем он здесь оказался. Он подтянулся к своему пульту и проверил приборы. Ничего себе! — прошло уже два часа, как наступила невесомость.

По плану режим сближения нужно было рассчитать еще в полете, скорректировать после наступления невесомости, набить на перфоленту и поставить перфоленту в автопилот. Джо же ничего этого не сделал и потерял целых два часа.

Он проскользнул между капсулой и пультом и вдруг почувствовал, что у него парализованы ноги. Впрочем, Бог с ними — ни в невесомости, ни в капсуле ноги не нужны. Главное, что руки хоть и плоховато, но слушаются.

Обнаружив мертвое тело Клюгера, он был по-настоящему потрясен, но тут же заставил себя успокоиться и взяться за работу.

Самым плохим было то, что он не имел ни малейшего понятия, где находится «Саламандра». Плутон мог быть за миллионы миль отсюда, а мог оказаться совсем рядом — так сказать, сразу за

бортом. Не исключено, что его уже заметили и даже передали параметры режима сближения. Самое время проверить бортжурнал.

Сообщения Джо обнаружил сразу: «"Прозерпина" — "Саламандре". Слава Богу, вы появились! Вот элементы подлета».

Далее перечислялись временные характеристики управления факелом, а также расстояния, пеленги и допплеровское смещение.

Спустя некоторое время: «Вот новые, уточненные параметры. "Саламандра", спешите!»

И еще через несколько минут: «"Саламандра", почему не включаете факел? В порядке ли ваш компьютер? Можем произвести для вас все расчеты».

Мысль о том, что кто-либо, помимо факельщика, может рассчитать маневр факельного корабля, показалась Джо совершенно абсурдной. Он спешно взялся за работу, но тут же обнаружил, что руки не справляются с привычным делом — пальцы нажимали не те клавиши, и приходилось постоянно вносить исправления. И только через полчаса он сообразил, что проблема заключается не только в пальцах. Проблемой оказались сами по себе столь привычные и хорошо знакомые баллистические расчеты.

Он не мог рассчитать предстоящий маневр.

«"Саламандра" — к "Прозерпине". Передайте параметры маневра для выхода на околопланетную орбиту».

Ответ пришел настолько быстро, что Джо понял: они все сделали, не дожидаясь его запроса. С нудной тщательностью он набил перфоленту и ввел ее в автопилот. И только тут заметил величину перегрузки для торможения. 4,3 *g*...

Четыре с лишним собственных веса!..

Боже, а он-то рассчитывал, что сближение произойдет на одном *g*! Впрочем, так бы оно и было, если бы он не потерял целых три часа...

Но это же нечестно! Они не имеют права требовать от него такой маневр!

Рыдая, как ребенок, Джо вполз в противоперегрузочную капсулу, устроил голову в подголовнике и нажал кнопку, переключающую управление кораблем на автопилот.

У него было несколько минут свободного времени, и он потратил их на капризные жалобы. Как они могли предложить ему

такой маневр?.. Черт возьми, ему самому следовало произвести расчеты!.. Вечно его водят, как барана на поводке!.. Эх ты, покладистый Джо, с которым все делают, что им вздумается... И этот чертов Клюгер здесь, улыбается, как дурак, а сам всю работу свалил на него, Джо!.. Если бы ты, Клюгер, не был таким болваном-энтузиастом, если бы...

И тут его снова расплющила железобетонная плита.

Когда шаттл с Плутона подошел к «Саламандре», встречающие нашли на ее борту один труп, одного почти мертвого человека и пребывающий в целости и сохранности груз драгоценной крови.

А потом к Плутону пришел транспортный корабль, доставивший на «Саламандру» новых пилотов и забравший домой Эпплби. Джо оставался в лазарете, пока его не отправили для дальнейшего лечения на Луну. Перед отбытием он, в сопровождении главного врача станции, явился к Бэррио. Коммодор грубовато сообщил ему, что, выполняя это задание, факел-пилот Эпплби проделал отличную... дьявольски отличную работу. А когда беседа закончилась, и врач помог факел-пилоту Эпплби подняться из кресла, тот вдруг сказал:

— Эй, коммодор!

— Я слушаю тебя, сынок.

— Ну-у... есть одна вещь, которую я не понял... э-э... я не понимаю... э-э... почему я должен ехать... ну-у... в гериатричекую клинику в Луна-Сити. Это ведь... э-э... для стариков. Вот это я... э-э... не понимаю, сэр, и... э-э...

— Я уже объяснял вам, Джо,— прервал его врач.— У них самая лучшая физиотерапия. Нам даже пришлось обращаться для вас за специальным разрешением.

— Но, сэр... э-э...— Джо выглядел растерянным.— Мне кажется смешным, ехать в стариковский... э-э... госпиталь.

— Так надо, сынок.

Джо смущенно улыбнулся:

— О'кей, сэр, если вы так... э-э... считаете.

Джо и врач направились к выходу.

— Доктор,— позвал коммодор.— Задержитесь ненадолго. Посыльный, помогите мистеру Эпплби.

— Джо, вы доберетесь без меня?

— Ну конечно... э-э... мои ноги много лучше.

Опираясь на посыльного, Джо вышел.

— Доктор,— сказал Бэррио.— Давайте-ка начистоту... Он поправится?

— Нет, сэр.

— Но хотя бы лучше ему станет?

— Чуть-чуть, пожалуй... Во всяком случае, при лунном тяготении ему будет легче пользоваться тем немногим, что у него еще осталось.

— А умственные функции?

Врач помолчал и сказал:

— Видите ли, сэр... Дело в том, что большие ускорения убыстряют процесс старения. Ослабевают соединительные ткани, разрываются капилляры, многократные перегрузки изнашивают сердечную мышцу. Плюс гипоксия вследствие недостаточного снабжения мозга кислородом.

Коммодор трахнул кулаком по столу.

— А вы взгляните на случившееся иначе, сэр,— мягко посоветовал врач.

— Какое, к черту, иначе! — взорвался коммодор.— Вспомните, каким он был прежде. Совсем ребенок, подвижный, веселый и... И посмотрите на него теперь. Это же старик, дряхлый старик, понимаете?!

— И все-таки взгляните на происшедшее иначе,— настаивал врач.— Да, вы пожертвовали одним человеком. Зато спасли двести семьдесят.

— Пожертвовал одним человеком?! Если вы имеете в виду Клюгера, то он награжден орденом посмертно. Его жена уже получает пенсию. Это лучшее, на что может рассчитывать любой из нас... Но нет, доктор, я думаю вовсе не о Клюгере.

— Я тоже,— тихо сказал врач.

Не вините марсиан. Человечество в любом случае открыло бы пластобиологию.

Вспомните хотя бы собачьи породы — эндокринных великанов вроде сенбернаров и датских догов и нелепых уродцев чихуахуа и пекинесов. Припомните аквариумных рыбок.

Непоправимое свершилось, когда доктор Морган создал новый подвид дрозофил, перетасовав их хромосомы с помощью рентгеновских лучей. А после этого потомки в третьем колене тех, кто пережил Хиросиму, ничему новому нас не научили. Эти злополучные чудища просто вызвали широкий интерес к генетике.

Мистер и миссис Бронсон ван Фогель не замышляли никаких социальных потрясений, когда отправились в генетический питомник «Феникс». Просто мистеру Бронсону вздумалось купить Пегаса. Он упомянул об этом за завтраком.

— Дорогая, ты сегодня утром занята?

— Да нет. А что?

— Я бы хотел съездить в Аризону и заказать Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня? А зачем?

© Н. Гурова, перевод

Он расплылся в улыбке.

— Да просто так. Толстун Джордж заходил вчера в клуб с шестиногой таксой — длиной больше ярда, честное слово. Мысль очень недурная, но он до того пыжился, что мне захотелось, чтобы он выпучил глаза. Ты только вообрази, Марта: я опускаюсь на вертолетную площадку клуба верхом на крылатом коне! Это ему не такса!

Она оторвала взор от берегов Джерси и снисходительно посмотрела на мужа. Обойдется это недешево, но Бронси такая прелесть!

— Когда отправляемся?

Приземлились они на два часа раньше, чем вылетели. Пятидесятифутовые буквы аэровывески слагались в надпись:

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПИТОМНИК «ФЕНИКС»
Управляемое биоразвитие. Поставка рабочей силы.

— Поставка рабочей силы? — прочла Марта.— А я думала, тут просто создают новых животных.

— Они и моделируют, и ставят на поток,— объяснил ее супруг с гордостью.— Поставками занимается материнская корпорация «Работники». Тебе следовало бы это знать! Ты ведь владеешь солидным пакетом акций «Работников».

— Ты хочешь сказать, что я владею оравой горилл? Неужели?

— Разве я тебе не сказал? Мы с Хаскеллом...— Он наклонился и сообщил контрольной башне, что приземлится вручную. Ему нравилось щегольнуть своей сноровкой.— Мы с Хаскеллом вкладывали твои дивиденды от «Дженерал атомикс» в корпорацию «Работники». Отличное помещение капитала: черной работы для антропоидов еще хоть отбавляй.

Он ударил по кнопкам, и вой носовых реактивных двигателей положил конец разговору.

Бронсон переговорил с управляющим еще в полете, и им была оказана торжественная встреча. Правда, без красной ковровой дорожки, балдахина или ливрейных лакеев, но управляющий приложил все усилия, чтобы возместить их отсутствие.

— Мистер ван Фогель! И миссис ван Фогель! Такая честь!

Он усадил их в маленький роскошный унибиль, и они унеслись с аэродрома вверх по пандусу прямо в вестибюль административного

здания. Управляющий, мистер Блэксли, не успокоился, пока не водворил их в кресла у фонтана в своей личной приемной, не поднес зажигалку к их сигаретам и не приказал подать прохладительные напитки.

Такие знаки внимания докучали Бронсону ван Фогелю, поскольку адресовались они не ему, а рейтингу его жены по системе Дана и Брэдстрита (десять звездочек, солнце в лучах и небесная музыка). Он предпочитал людей, которые, казалось, свято верили, что он вовсе не женился на состоянии Бригсов, а как раз наоборот.

— У меня к вам дело, Блэксли. Я хочу кое-что заказать.

— О? Наше оборудование в вашем распоряжении. Так что вам угодно, сэр?

— Я хочу, чтобы вы сделали для меня Пегаса.

— Пегаса? Крылатого коня?

— Вот именно.

Блэксли пожевал губами.

— Вы серьезно хотите лошадь, способную летать? Животное на манер мифологического Пегаса?

— Да-да! Я же уже сказал.

— Вы ставите меня в сложное положение, мистер ван Фогель. Как я понимаю, вам требуется подарок для вашей супруги? Возможно, вам подойдет миниатюрный слон, приученный вести себя гигиенично, умеющий читать и писать? Он держит стило хоботом — очень-очень мило!

— А он разговаривает? — вмешалась миссис ван Фогель.

— Видите ли, прекрасная дама, у него ведь нет гортани, да и язык... Его смоделировали без дара речи. Но если необходимо, я выясню, что могут сделать наши пластицисты.

— Марта...

— Бронси, я не возражаю против Пегаса, но в этом игрушечном слонике что-то есть. Могу я его увидеть?

— О, разумеется! Харстон!

— *Слушаю, босс,— раздалось из воздуха.*

— Доставьте Наполеона в мою личную приемную.

— Сию минуту, сэр.

— А ваш Пегас, мистер ван Фогель... Я предвижу затруднения, но решать специалистам. Доктор Каргру — движущая пру-

жина нашей организации, самый выдающийся биодизайнер, то есть земного происхождения, во всем мире,— он повысил голос, включая передачу.— Доктор Каргру!

— В чем дело, мистер Блэксли?

— Доктор, прошу вас, зайдите ко мне в приемную.

— Попозже. Я занят.

Мистер Блэксли извинился, ушел к себе в кабинет, а вернувшись, сообщил, что доктор Каргру сейчас придет. Тем временем привели Наполеона. Пропорции его благородных предков были точно соблюдены в миниатюре. Он выглядел как чудом ожившая статуэтка слона.

Размеренным шагом войдя в приемную, он по очереди отсалютовал хоботом всем троим. Салютуя миссис ван Фогель, он еще и опустился на передние колени.

— Какая очаровашечка! — прожурчала она.— Иди сюда, Наполеон!

Слон поглядел на Блэксли, а когда тот кивнул, вразвалку подошел к ней и положил хобот ей на колени. Она почесала у него за ушами, и он блаженно застонал.

— Покажи даме, как ты пишешь,— распорядился Блэксли.— Принеси принадлежности из моей комнаты.

Наполеон выждал, пока она не почесала особенно зудящее местечко, а затем выплыл из приемной и почти сразу возвратился, неся несколько листов плотной белой бумаги и большущий карандаш. Положив лист перед миссис ван Фогель, он изящно придавил его передней ногой, ухватил карандаш «пальцем», завершающим хобот, и вывел кривыми заглавными буквами: «Я ВАС ЛЮБЛЮ».

— Дусик! — Миссис ван Фогель упала на колени и обняла его за шею.— Я его беру! Сколько?

— Наполеон входит в серию из шести особей,— осторожно сказал Блэксли.— Вы предпочтете быть владелицей единственной модели или остальные можно продать?

— Ах, мне все равно! Мне нужен Наппи! А что, если я напишу ему записочку?

— Разумеется, миссис ван Фогель. Только печатными буквами покрупнее и самые обиходные слова. Наполеон знает их

практически все. Его цена, как одного из серии, триста пятьдесят тысяч долларов. В эту сумму входит пятилетняя оплата услуг его ветеринара.

— Выпиши джентльмену чек, Бронси,— бросила она через плечо.

— Но, Марта...

— Не нуди, Бронси! — Она нагнулась к слонику и начала выводить печатные буквы, даже не обернувшись, когда вошел доктор Каргру в белом халате и белой шапочке. От него веяло знобящим холодом. После небрежного рукопожатия он сунул в рот сигарету и сел. Блэксли объяснил суть дела.

Каргру мотнул головой.

— Физически невозможно.

Ван Фогель встал.

— Очевидно,— произнес он высокомерно,— мне следует обратиться в лабораторию Новожизни. Я прибыл сюда, потому что мы финансово заинтересованы в этой фирме, а я наивно поверил вашей рекламе.

— Сядьте, юноша! — прикрикнул Каргру.— Обращайтесь к этим косоруким идиотам, если вам так хочется. Но предупреждаю: они крылья и у кузнечика не вырастят. И сперва послушайте меня. Мы можем вырастить что угодно, и оно будет жить. Я могу создать для вас живое нечто — животным я его не называю — точь-в-точь, как этот стол. Оно будет абсолютно бесполезным, но живым. Будет поглощать пищу, пользоваться химической энергией, выбрасывать экскременты и проявлять раздражимость. Но это была бы дурацкая затея. Стол и животные существуют в разных планах. Их функции различны, а потому они различаются формой. Сделать для вас крылатую лошадь я могу...

— Но вы же только что сказали, что не можете...

— Не перебивайте. Я могу сделать крылатую лошадь, точно такую, как на иллюстрациях к сказкам. Если вы заплатите, мы ее сделаем, мы же коммерческое предприятие. Но летать она не будет.

— Почему?

— Потому что ее тело не создано для полета. Древние мифотворцы понятия не имели об аэродинамике, а о биологии знали и того меньше. Они просто снабдили лошадь крыльями, присобачили их с помощью канцелярских кнопок и клея. Но для созда-

ния летательного аппарата этого мало. Запомни, сынок, что животное — это машина, работающая по принципу внутреннего сгорания с контрольной системой, оперирующей рычагами, и гидравлическими системами. В аэродинамике петришь?

— Ну, я пилот.

— Х-м-м-м! Раз так, попробуй понять вот что: двигателя для полета у лошади нет. Она работает на сжигании сена, а этого мало. Мы могли бы приспособить пищеварительную систему лошади к потреблению только сахара, и тогда, возможно, у нее хватало бы энергии на коротенькие полеты. Но на мифического Пегаса она похожа не будет. Для прикрепления летательной мускулатуры ей понадобится грудина футов десять длиной, а размах крыльев понадобится, пожалуй, в восемьдесят футов. В сложенном виде крылья будут накрывать ее наподобие шатра. Через кубически-квадратный камень преткновения не перепрыгнешь!

— А?

Каргру нетерпеливо пожал плечами.

— Подъемная сила определяется размерами, возведенными в квадрат, а нагрузка при прочих равных равна тем же размерам, возведенным в куб. Я мог бы, пожалуй, сделать для вас Пегаса величиной с кошку, более или менее сохранив желаемые пропорции.

— Нет! Я хочу ездить на нем. Размах крыльев мне даже нравится, а большую грудину я как-нибудь стерплю. Когда я мог бы его получить?

Каргру поморщился, снова пожал плечами и ответил:

— Надо проконсультироваться с Б'на Крийтом.

Он засвистел, зачирикал, часть стены перед ними словно растаяла, и они увидели лабораторию. Передний план трехмерного изображения занимал марсианин в натуральную величину.

Едва это существо зачирикало, отвечая Каргру, миссис ван Фогель взглянула на него и сразу отвела глаза. Глупо, конечно, но вид марсиан вызывал у нее дрожь отвращения — а уж тем более таких, которые придавали себе получеловеческое обличие.

Минуты две марсианин и Каргру продолжали чирикать и жестикулировать, а потом Каргру повернулся к ван Фогелю.

— Б'на рекомендует, чтобы вы выбросили это из головы, и спрашивает, не предпочтете ли вы отличного единорога, а то и пару с гарантией нормального размножения?

— Единороги — позавчерашний день. А сколько времени надо на Пегаса?

После еще одного разговора, смахивавшего на поскрипывание старой двери, Каргру ответил:

— *Возможно, десять лет. С полной гарантией — шестнадцать.*

— Десять лет? Смешно!

Каргру процедил презрительно:

— Я думал, что на это уйдет пятьдесят лет, но раз Б'на говорит, что уложится в три-пять поколений, значит, так оно и будет. Б'на — лучший биомикрохирург двух планет. В хромосомной хирургии ему нет равных. В конце-то концов, юноша, эволюции потребовалось бы миллион лет, чтобы достичь такого результата, если он вообще был бы достигнут. Или вы полагали, что за деньги можно покупать чудеса?

У ван Фогеля хватило ума смутиться.

— Извините меня, доктор. Забудем об этом. Но вы сказали, что можете создать для меня Пегаса, каким его принято изображать, если я не стану настаивать, чтобы он летал. Но ездить на нем я смогу? По земле?

— Безусловно. Играть в поло — нет, а ездить — пожалуйста.

— Хорошо, я согласен. Спросите Бенакрита, или как его там, сколько времени это потребует.

Тем временем марсианин исчез с экрана.

— Спрашивать его незачем,— заявил Каргру.— Это моя специальность — простые манипуляции. Сотрудничество Б'на требуется только для изменения конфигурации генов и их трансплантацию, то есть чисто генетической инженерии. Коня вы получите через полтора года.

— А побыстрее нельзя?

— О чем вы, милейший? Для формирования новорожденного жеребенка требуется одиннадцать месяцев. Месяц мне нужно для разработки формы и программы. Эмбрион будет извлечен на четвертый день для внематочного выращивания. За это время я произведу десять-двенадцать операций — прививки, зародышевые имплантации и прочее, о чем вы, конечно, слышали. Через год мы получим сосунка с крылышками, а еще через шесть месяцев я доставлю вам шестимесячного Пегаса.

— Согласен.

Каргру сделал пометки в записной книжке, потом прочел вслух:

— Один конь с крыльями, неспособный летать и давать крылатое потомство. Исходная порода во вашему выбору. Я рекомендовал бы паломино или араба. Искусственные маховые перья, окаймление из привитых рулевых перьев или их точной копии.— Он умолк и протянул листок ван Фогелю.— Распишитесь, и мы приступим сразу же до оформления типового контракта.

— Договорились. А гонорар? — Он поставил свою подпись под подписью Каргру.

Каргру сделал несколько пометок на другом листке и отдал его Блэксли — расход человеко-часов специалистов и технического персонала, материалы и накладные расходы. Он раздул цифры, чтобы покрыть расходы на собственные исследования, и все-таки поднял брови, когда Блэксли подвел итоги в долларах и центах.

— Ровно два миллиона долларов.

Ван Фогель замялся: при упоминании о деньгах его жена повернула голову, но затем вновь занялась грамотным слоником.

Блэксли поспешил добавить:

— Разумеется, если экземпляр будет единственным.

— Да, конечно,— деловито кивнул ван Фогель и приписал цифру на первом листке.

Ван Фогель был готов отправиться в обратный путь, но его супруга пожелала посмотреть «горилл», как она назвала антропоидных работников. Мысль о том, что эти получеловеки в значительной мере принадлежат и ей, пробудила ее любопытство. Блэксли с энтузиазмом предложил показать ей лаборатории, в которых работники выводились из человекообразных обезьян.

Занимали лаборатории семь корпусов — «Семь Дней Творения». Огромное здание «День Первый» было епархией Каргру, где размещались его сотрудники, операционные, инкубаторы и собственно лаборатории. Марта ван Фогель с ужасом, как завороженная рассматривала живые органы и даже целые эмбрионы, ведущие искусственное существование, которое поддерживалось хитроумными рециркулирующими системами из стекла и металла, а также изумительными автоматическими приборами.

Оценить высочайшие технические достижения она не могла, и все это повергало ее в уныние. В ней поднималось возмущение против пластобиологии, но тут Наполеон подергал ее за юбку, напоминая, что наука эта творит не только ужасы, но и много приятного.

В «День Второй» они заходить не стали — там работали Б'на Крийт и его сопланетники.

— Мы там не прожили бы и пяти минут,— объяснил Блэксли.

Ван Фогель кивнул, а его супруга ускорила шаг; марсиане даже за оргстеклом ей были ни к чему.

Прочие корпуса служили для формирования и коммерческого производства работников. В «Дне Третьем» в антропоидах формировались различия в соответствии с постоянно меняющимся спросом на чернорабочих. Огромный корпус «Дня Четвертого» был целиком занят инкубаторами для поточного производства антропоидов коммерческих типов. По словам Блэксли, с натуральными рождениями было покончено.

— Такое производство позволяет точно контролировать форсированные изменения, например в росте, и предотвращает потерю сотен тысяч рабочих часов антропоидными самками.

«День Пятый» привел Марту ван Фогель в восторг— антропоидный детский садик, где миленькие крошки учились говорить и получали дрессировку, обеспечивавшую подготовку к социальным условиям, которые соответствовали их положению у подножья общественной лестницы. Они выполняли простенькие задания — рассортировывали пуговицы и копали ямки в песочницах, получая леденцы в поощрение за быструю и аккуратную работу.

«День Шестой» завершал подготовку антропоидов. Каждая особь овладевала навыками для предназначенных ей обязанностей — уборки, рытья, а также сельскохозяйственных работ вроде прополки, пикировки и сбора урожая.

— Один фермер-нисей, руководя тремя неошимпанзе, выращивает столько же овощей, сколько десяток работников-людей,— заявил Блэксли.— Они попросту любят работать, когда мы завершаем их дрессировку.

Посетители поразились, с какими невероятно тяжелыми задачами справлялись модифицированные гориллы, и залюбова-

лись неокапуцинчиками, собиравшими плоды с учебных деревьев, а затем направились в «День Седьмой».

В этом корпусе производилась радиоактивная обработка генов, а потому он стоял в стороне от остальных. Им пришлось идти пешком, так как тротуарная лента ремонтировалась. Обходная дорога вела между рабочими бараками и вольерами. Несколько антропоидов сгрудились у сетки и принялись выпрашивать:

— Сигрету! Сигрету! Пжаст, мисси! Пжаст, босс! Сигрету!

— Что они говорят? — поинтересовалась Марта ван Фогель.

— Клянчат сигареты,— раздраженно ответил Блэксли.— Знают ведь, что этого нельзя, но они как дети. Я сейчас прекращу это! — Он подошел к сетке и крикнул пожилому самцу: — Эй! Полубосс!

На этом работнике в дополнение к стандартной парусиновой юбочке была еще и рваная нарукавная повязка. Он обернулся и приковылял к сетке.

— Полубосс! — приказал Блэксли.— Убери этих Джеков отсюда.

— Есть, босс,— прошамкал старик и начал раздавать затрещины тем, кто был рядом,— Пшли, джеки! Пшли!

— Но я захватила сигареты,— перебила миссис ван Фогель,— и с удовольствием угощу бедняжек.

— Их не следует баловать,— возразил управляющий.— Они приучены к тому, что удовольствие — это награда за работу. Я должен извиниться за моих бедных детей. В вольерах помещены старики, забывающие, как должно себя вести.

Она ничего не ответила и направилась вдоль сетки туда, где в нескольких шагах от остальных старый неошимп смотрел на них сквозь ячейки кроткими трагичными глазами. Он не выкрикивал с остальными «сигрет», и полубосс его не тронул.

— Хочешь сигарету? — спросила миссис ван Фогель.

— Пжалст, мисси!

Она раскурила сигарету и протянула ему. С неуклюжим изяществом он глубоко затянулся, выпустил дым через ноздри и застенчиво сказал:

— Сбо, мисси. Я — Джерри.

— Как поживаешь, Джерри?

— Какпжте, мисси? — И он поклонился, одним движением подогнув колени, наклонив голову и прижав руки к груди.

— Идем же, Марта! — К ней подошел ее муж с Блэксли.

— Сейчас,— ответила она.— Бронси, познакомься с моим другом Джерри. Правда, он — вылитый дядя Альберт? Только вид у него грустный. Почему ты такой печальный, Джерри?

— Они не воспринимают абстрактные идеи,— вмешался Блэксли.

Однако Джерри устроил ему сюрприз.

— Джерри пчальный,— объявил он с такой тоской, что Марта не знала, засмеяться ей или заплакать.

— Но почему, Джерри? — спросила она ласково.— Почему ты печальный?

— Работы нет,— заявил он.— Сигрет нет. Сласти нет. Работы нет.

— Это все старые работники, уже не способные трудиться,— снова вмешался Блэксли.— Безделье выводит их из равновесия, но у нас для них ничего нет.

— А! — сказала она.— Но почему вы не поручаете им сортировать пуговицы и вообще делать то, что делают малыши?

— Они даже с такой задачей не справятся,— вздохнул Блэксли.— Эти работники уже в маразме.

— Только не Джерри! Вы же слышали, как он разговаривает.

— Ну, может быть... Минуточку! — Он обернулся к обезьяночеловеку, который присел на корточки и, просунув сквозь сетку длинный палец, почесывал Наполеона за ухом.— Эй, джек! Сюда!

Блэксли ощупал волосатую шею работника и подцепил тонкую металлическую цепочку с жетоном, тоже металлическим. Он вгляделся в жетон и сказал:

— Вы правы, он еще не стар, но у него нелады со зрением. Я помню эту партию — катаракты в результате побочных мутационных изменений.

Он пожал плечами.

— Но это не причина мучить его бездельем!

— Право, миссис ван Фогель, вы напрасно принимаете это к сердцу. Они остаются в вольерах недолго — от силы дней десять.

— А-а! — произнесла она, смягчаясь.— У вас для старичков есть другое место? И там вы подбираете для них занятия? И отлично! Ведь Джерри хочет работать. Правда, Джерри?

Неошимп следил за их разговором, как мог. Ее слова он понял и ухмыльнулся.

— Джерри работать! Ага! Хороший работник! — Он пошевелил кистями, а потом сжал кулаки, продемонстрировав идеально противолежащие большие пальцы.

Мистер Блэксли, казалось, растерялся.

— Право же, миссис ван Фогель, вы напрасно... Дело в том...— он замолчал.

Ван Фогель слушал их с раздражением. Увлечения жены вызывали у него досаду — кроме тех случаев, когда это были и его увлечения. К тому же он проникался убеждением, что Блэксли вовлек его в непомерные расходы, и уже предчувствовал, как его жена отыщет способ очень нежно заставить его заплатить сполна.

Злясь на них обоих, он необдуманно брякнул:

— Не глупи, Марта! Они не отправляют их на покой, а ликвидируют.

Она не сразу поняла его слова, но тогда пришла в бешенство.

— Как?.. Что-о?! Да как это можно! Неужели вам совсем не стыдно? Да вы... вы собственную бабушку пристрелите!

— Миссис ван Фогель, прошу вас...

— Миссис ван Фогель, миссис ван Фогель... Хватит! Это следует прекратить! Понятно? — Она обвела взглядом вольеры, бродящих в них приговоренных к смерти работников.— Какой ужас! Вы обрекаете их работать, пока хватает сил, а потом отнимаете у них все маленькие радости и убираете их. Странно еще, что не съедаете!

— Как бы не так! — безжалостно вставил ее муж.— Продают на собачий корм.

— Что-о! Ну, это мы прекратим.

— Миссис ван Фогель,— умоляюще бормотал Блэксли,— разрешите, я объясню...

— Ха! Ну-ка, попробуйте! Если найдете, что сказать.

— Дело обстоит так...— Его взгляд упал на Джерри, который с тревогой прижимался к сетке.— Пшел, джек!

Джерри послушно поплелся прочь.

— Подожди, Джерри,— крикнула миссис ван Фогель, и Джерри неуверенно остановился.— Пусть он вернется! — приказала она Блэксли.

Управляющий закусил губу, потом позвал:

— Вернись сюда!

Он начинал испытывать к миссис ван Фогель глубокую неприязнь вопреки автоматическому благоговению перед ее рейтингом. Выслушивать наставления, как руководить собственным предприятием, это... ну, знаете, всему есть предел!..

— Миссис ван Фогель, меня восхищают ваши гуманные побуждения, но вы не осведомлены об истинном положении вещей. Мы понимаем наших работников и блюдем их интересы. Они безболезненно умирают до того, как дряхлость начинает причинять им тяжкие страдания. Они ведут счастливую жизнь, куда более счастливую, чем ваша или моя. Мы просто предупреждаем ее тяжелый конец, только и всего. Не забывайте также, что эти бедные животные без нас вообще на свет не появились бы.

Она вздернула голову.

— Чепуха! Вы еще начните цитировать мне Святое Писание. Это должно быть прекращено немедленно, мистер Блэксли, или я буду считать вас лично ответственным.

Блэксли уныло посмотрел на нее.

— Я отвечаю перед директорами.

— Вы так думаете? — она открыла сумочку и вытащила телефон. От волнения она не попыталась прозвониться напрямую, а вызвала местную станцию.

— Междугородняя? Соедините меня с мистером Хаскеллом, номер девять ка четыре-ноль-ноль-четыре, Мэррей-Хилл, Большой Нью-Йорк. Очередность — звезда семь-семь-семь. И побыстрей.— Она стояла, нетерпеливо постукивая носком туфли и гневно хмурясь, пока ее управляющий не взял трубку.— Хаскелл? Марта ван Фогель. Сколько у меня акций корпорации «Работники»? Да нет же! Какой процент?.. Столько? Нет, этого мало. Завтра утром мне требуется пятьдесят один процент... Хорошо, пусть через посредников, но достаньте их... Я вас не спрашиваю, во сколько это обойдется, я сказала: достаньте. Приступайте.— Она резко выключила аппарат и обернулась к мужу: — Мы улетаем, Бронси, и забираем Джерри с собой. Мистер Блэксли, будьте добры, распорядитесь, чтобы его освободили из этого вольера. Выпиши чек на требуемую сумму, Бронси.

— Марта, послушай...

— Я уже решила, Бронси.

Мистер Блэксли откашлялся. Осадить эту бабенку будет очень приятно!

— Крайне сожалею, но работники продаже не подлежат. Это нерушимое правило нашей корпорации.

— Хорошо. Беру его бессрочно напрокат.

— Этот работник изъят из числа сдаваемых в аренду. Так что найму он больше не подлежит.

— Вы долго будете препираться со мной?

— Извините, мадам! Этот работник не подлежит никаким видам найма, но из уважения к вам я готов предоставить его во временное пользование бесплатно. Но учтите, политика нашей корпорации строится на искренней заботе о благополучии наших подопечных, а не только на коммерческих соображениях. А потому мы оставляем за собой право производить инспекцию в любой момент, чтобы удостовериться, насколько хороший уход обеспечен этому работнику! — И он свирепо подумал: «Что? Съела?»

— Ну конечно! Благодарю вас, мистер Блэксли. Вы очень любезны.

Возвращение в Большой Нью-Йорк было не слишком веселым. Наполеону не понравилось летать, что он и выражал весьма недвусмысленно. Джерри терпел, но его тошнило. К моменту приземления ван Фогели перестали разговаривать друг с другом.

— Сожалею, миссис ван Фогель. Прикупить акций не удалось. Мы могли бы рассчитывать на пакет О'Тула, но за час до моего звонка их кто-то перехватил,

— Блэксли!

— Несомненно! Вам не следовало открывать ему свои намерения. Вот он и предупредил своих директоров.

— Не тратьте время, указывая на мои ошибки. Это было вчера. А что вы намерены предпринять сегодня?

— Дорогая миссис ван Фогель, что я могу? Дайте мне инструкции, и я постараюсь их выполнить.

— Чушь! Вы ведь должны быть находчивее и опытнее меня. Потому я и плачу вам — чтобы думали вы, а не я.

Мистер Хаскелл беспомощно развел руками. Его нанимательница с такой силой выдернула сигарету, что сломала ее.

— А где Вейнберг?

— Право же, миссис ван Фогель, юридически тут все ясно. Вы хотите приобрести акции, мы не можем их купить. Поэтому...

— Я плачу Вейнбергу за юридические советы. Вызовите его!

Вейнберг как раз собрался уходить. Хаскелл поймал его по поисковому каналу связи.

— Сидни? Это Оскар Хаскелл. Жду вас у себя.

— Извините. Может быть, в четыре?

— Сидни, вы мне нужны немедленно! — раздался голос его клиентки.— Говорит Марта ван Фогель.

Щуплый юрист беспомощно поежился.

— Хорошо, я еду,— сказал он. Эта женщина! Ну почему он не послушался уговоров жены и не ушел на покой, когда ему стукнуло сто двадцать пять лет!

Через десять минут он уже слушал объяснения Хаскелла, которые его клиентка все время перебивала. Когда они замолчали, он вздохнул:

— Но чего вы ожидали, миссис ван Фогель? Это просто рабочий скот. Вы не смогли приобрести права собственности на них, вам помешали. Но я не понимаю, чем вы расстроены. Вам же отдали работника, чью жизнь вы хотели сохранить?

Она что-то невыразительно буркнула себе под нос, а потом ответила ему:

— Это пустяк. Что такое жизнь одного работника из миллионов? Я хочу положить конец этому истреблению. Полностью.

Вейнберг покачал головой.

— Если вам удастся доказать, что они уничтожают этих животных жестокими способами, или пренебрегают перед ликвидацией условиями их содержания, или что ликвидация неоправданна...

— Неоправданна? Еще бы!

— Но, возможно, не в юридическом смысле, дорогая миссис ван Фогель. В деле Джулиуса Хартмана и др. против душеприказчиков (в тысяча девятьсот семьдесят втором году, если не ошибаюсь) был согласно иску наложен запрет на пункт в завещании, требовавший уничтожения ценной коллекции персидских

кошек. Но чтобы воспользоваться этим прецедентом, вам придется доказать, что эти существа даже в избыточном числе более ценны живые, чем мертвые. Вы не можете принудить владельца содержать скот в убыток себе.

— Вот что, Сидни, я вызвала вас сюда не для того, чтобы вы твердили мне, что это невозможно. Если то, чего я хочу, не имеет юридической силы, так добейтесь издания соответствующего закона.

Вейнберг посмотрел на Хаскелла, который сказал смущенно:

— Дело в том, миссис ван Фогель, что мы вместе с другими членами Ассоциации общественного процветания согласились не субсидировать никаких законодательных актов, пока нынешняя администрация находится у власти.

— Какая нелепость! Но почему?

— Законодательная гильдия предложила новый кодекс справедливости, который мы считаем абсолютно несправедливым,— скользящую шкалу, которая ложится тяжелым бременем на состоятельных людей, разумеется сформулированную очень мило, оговаривающую минимальные гонорары за законопроекты, представляемые ветеранами, а по сути грабительскую. Даже Фонд Бригса, пока действует этот кодекс, не сможет принимать участие в общественных делах. Даже ему это не по карману.

— Хм! Дожили! Депутаты объединяются в профсоюз! Подкупы требуют конкурентной основы. Добейтесь ее запрещения.

— Миссис ван Фогель! — взмолился Вейберг.— Как я могу добиться запрета на организацию, юридически не существующую? В юридическом смысле Законодательной лиги вообще нет. Как юридически не признается субсидирование прохождения законов.

— А детей находят в капусте! Перестаньте морочить мне голову, господа. Что вы намерены предпринять?

Заметив, что Хаскелл отвечать не собирается, Вейнберг взял эту неблагодарную задачу на себя.

— Миссис ван Фогель, полагаю, нам следует прибегнуть к услугам специального крючкотвора.

— Крючкотворов я не хочу знать — вообще. Я не понимаю хода их мыслей. Я ведь простая мужняя жена, Сидни.

Услышав это самоопределение, мистер Вейнберг поежился и тут же подумал, какие меры следует принять, чтобы она не узнала, что его штатный крючкотвор получает жалование из ее средств. Общественные условности требовали, чтобы он носил личину простецкого нотариуса, однако ему давным-давно пришлось убедиться, что проблемы Марты ван Фогель время от времени нуждаются в порядочной дозе махинаций, составляющих прерогативу юристов более экзотического толка.

— Я имею в виду творческую личность! — не отступал он.— Понимать его не обязательно — как не обязательно понимать композитора, чтобы получить наслаждение от симфонии. Я настоятельно рекомендую вам хотя бы побеседовать с ним.

— Ну, хорошо! Вызовите его сюда.

— Сюда? Моя дорогая миссис ван Фогель! — Хаскелл был шокирован, а Вейнберг изумлен.— Если станет известно, что вы консультировались с ним, суд не только откажет вам в любом иске, это на много лет вперед повредит любым предприятиям Фонда Бригса.

Миссис ван Фогель нетерпеливо повела плечами.

— Ах, мужчины, мужчины! Нет, я никогда не пойму хода ваших мыслей. Почему нельзя открыто проконсультироваться с крючкотвором, как, скажем, с астрологом?

Джеймс Родерик Маккой был не слишком внушительного телосложения, но казался очень внушительным. Он словно заполнял собой даже такую большую комнату, как гостиная миссис ван Фогель. На его визитной карточке значилось:

ДЖ. Р. МАККОЙ

«Единственный и несравненный»

Лицензированный крючкотвор: улаживание, заключение особых контрактов, проблемы. С полной гарантией. Небесный телефон 9-8М454, спросить Мака.

Телефонный номер был номером телефона в бильярдной дурно прославленного Клуба Трех Планет. Он не тратил времени на конторы, а все необходимые материалы хранил у себя в голове — единственном безопасном для них месте.

Он сидел на полу, обучая Джерри бросать кости, пока миссис ван Фогель объясняла ему свои трудности,

— Как вы считаете, мистер Маккой? Не начать ли действовать через Общество защиты животных от жестокого обращения? Мой рекламный отдел мог бы начать широкую кампанию.

Маккой встал с пола.

— Со зрением у Джерри полный порядок. Он сразу заметил, когда я чуточку подправил бросок, как будто сам только этим и занимался. Нет,— продолжал он,— с Обществом лучше не связываться. «Работники» только того и ждут. Примутся доказывать, что антропоидам очень нравится, когда их убивают.

Джерри с надеждой загремел костями в стаканчике.

— Будет, Джерри. Пшел!

— Есть, босс! — обезьяночеловек встал и направился к большому стерео, занимавшему целый угол комнаты. Наполеон затрусил за ним и включил проигрыватель. Джерри нажал селекторную кнопку и зазвучал блюз. Наполеон тут же нажал на другую, на третью... пока не загремел популярный оркестр. Слоник принялся отбивать ритм хоботом.

Джерри огорчился и переключил на блюз. Наполеон упрямо протянул хобот и выключил проигрыватель.

Джерри употребил непечатное слово.

— Мальчики! — окликнула их миссис ван Фогель.— Не ссорьтесь! Джерри, дай Наппи послушать, чего ему хочется. А ты послушаешь, когда он ляжет бай-бай.

— Есть, мисси босс.

— Джерри нравится музыка? — спросил Маккой с интересом.

— Нравится? Он ее обожает. И учится петь!

— А? Надо послушать.

— Разумеется. Наппи, выключи стерео! — Слоник подчинился, но с горько-обиженным видом.— А теперь, Джерри, «Колокольчики»! — И она запела: — Дзинь-дзинь-дзинь! Целый день, целый день...

— Дзина-дзин, зела ден, зела ден! — подхватил Джерри и продолжал один: — Мы катася поедем реди полей.

Он фальшивил, от него вяли уши; отбивая такт широкой ступней, он выглядел смешно, но он пел!

— Здорово,— заметил Маккой.— Жалко, Наппи не умеет разговаривать, не то бы мы послушали дуэт!

Джерри посмотрел на него с недоумением.

— Наппи разговаривает хорошо,— объявил он, нагнулся к слонику и что-то ему сказал. Наполеон в ответ хрюкнул и застонал.— Видеть, босс? — с торжеством осведомился Джерри.

— А что он сказал?

— Он сказал: «Можно Наппи поиграть стерео?»

— Отлично, Джерри,— вмешалась миссис ван Фогель.

Обезьяночеловек зашептал на ухо своему приятелю. Наполеон взвизгнул и отдернул хобот от приятеля.

— Джерри! — укоризненно произнесла его хозяйка.— Я это не говорила. Ему не надо включать твои блюзы. Отойди, Джерри. Наппи, включи что хочешь.

— Он что — хотел его надуть? — с интересом спросил Маккой.

— Бесспорно.

— Хм! В Джерри есть закваска полноправного гражданина. Обрейте его, обуйте в башмаки, и он будет как дома в квартале, где я вырос.— Он воззрился на антропоида, Джерри воззрился на него, озадаченно, но терпеливо. Миссис ван Фогель выбросила юбочку из парусины, служившую и символом его рабства, и данью приличиям. Теперь он носил шотландскую юбку военных цветов клана Камерон, в также шотландскую шапочку и сумку.

— Как по-вашему, его нельзя обучить играть на волынке? — спросил Маккой.— Я вроде бы нащупал зацепку.

— Не знаю. А что вы задумали?

Маккой сел по-турецки и начал бросать кости.

— А, не важно! — ответил он не сразу.— Ничего не выйдет. Но уже горячо.— Он сделал подряд четыре выигрышных броска.— Вы сказали, что Джерри все еще собственность корпорации?

— Только формально. Не думаю, что они решаться затребовать его обратно.

— А я бы не против.— Он подобрал кости и встал.— Все в порядке, сестричка. Выкинь из головы. Мне надо будет потолко-

вать с твоим заведующим рекламой, но беспокоиться тебе больше нечего.

Бесспорно, миссис ван Фогель следовало бы постучать, а уж потом войти в комнату мужа, но тогда бы она не услышала, что он говорил — и кому.

— Да-да,— услышала она его голос.— Он нам больше не нужен. Заберите его, и чем скорее, тем лучше. Только позаботьтесь, чтобы у ваших служащих было письменное судебное распоряжение вернуть его.

Она не поняла, о чем шла речь, и не подумала ничего дурного, но просто из любопытства поглядела на экран телефона через плечо мужа.

И увидела лицо Блэксли. Его голос говорил:

— Хорошо, мистер ван Фогель. Мы заберем антропоида завтра же.

Она грозно подошла к экрану.

— Минутку, мистер Блэксли...— И обернулась к мужу.— Бронси, ради всего святого, что ты затеваешь?

И перехватила на его лице выражение, которого прежде он не позволял ей видеть.

— Почему ты не постучала?

— Видимо, это к лучшему. Бронси, я не ослышалась? Ты просил мистера Блэксли забрать Джерри? — Она обернулась к экрану.— Так, мистер Блэксли?

— Совершенно верно, миссис ван Фогель. И должен сказать, что нахожу эту несогласованность весьма...

— Заткнитесь.— Она опять посмотрела на мужа.— Бронси, что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Марта, ты ведешь себя возмутительно. Твой слон и горилла превратили дом в зверинец! Сегодня я застукал твоего драгоценного Джерри, когда он раскуривал одну из моих заказных сигар... Не говоря уж о том, что они весь день крутят стерео, так что голова раскалывается. И я не обязан терпеть подобное в моем собственном доме!

— В чьем доме, Бронси?

— Это к делу не относится. Я не потерплю...

— Хватит — Она взглянула на экран.— Мистер Блэксли, мой муж, видимо, утратил интерес к экзотике. Аннулируйте заказ на Пегаса.

— Марта!

— Что посеешь, Бронси. Я оплачиваю твои прихоти, но будь я проклята, если буду оплачивать твои истерики. Заказ аннулирован, мистер Блэксли. Частностями займется мистер Хаскелл.

Блэксли пожал плечами.

— Вам, естественно, придется оплатить свой каприз. Пени...

— Я сказала, частностями займется мистер Хаскелл. И еще одно, господин управляющий Блэксли. Вы выполнили мое распоряжение?

— О чем вы?

— Вы знаете о чем. Бедняги еще живы и содержатся сносно?

— Вас это не касается!

Собственно, он отсрочил ликвидацию — директора не хотели рисковать, не выяснив прежде, что затеет Фонд Бригса. Однако доставлять ей такое удовольствие Блэксли не собирался.

Она смотрела на него, как на подложный чек.

— Ах, не касается? Так заруби себе на носу, прыщ бессердечный, что я считаю тебя лично ответственным. Если хоть один умрет по любой причине, я из твоей шкуры ковер сделаю! — Она отключила телефон и встала перед мужем.— Бронси...

— Разговаривать бесполезно,— перебил он ледяным голосом, который обычно пускал в ход, чтобы поставить ее на место.— Я буду у себя в клубе. До свидания!

— Именно это я и собиралась предложить.

— Что?

— Я распоряжусь, чтобы туда отослали твою одежду. Еще что-нибудь твое тут есть?

Он уставился на нее.

— Не говори глупостей, Марта!

— Я глупостей не говорю,— она смерила его взглядом.— До чего же ты красив, Бронси! Но я сделала глупость, когда вообразила, что могу с помощью чековой книжки купить себе красавца. Наверное, они достаются девушкам даром... или вовсе не доста-

ются. Спасибо за урок! — Она вышла из комнаты, хлопнув дверью, и заперлась у себя.

Пять минут спустя, приведя в порядок макияж и подышав «Кайфом» для успокоения нервов, она позвонила в бильярдную Клуба Трех Планет. Маккой появился на экране с кием в руке.

— А, это ты, кисонька. Ну, выкладывай побыстрее. А то мой удар.

— Я о деле.

— Ладно, валяй!

Она коротко изложила факты.

— Я сожалею, что аннулировала заказ на крылатую лошадь, мистер Маккой. Надеюсь, вашу задачу это не осложнит. Боюсь, я вышла из себя.

— Отлично! Выйди еще разок!

— А?

— Ты на правильном пути, детка. Позвони Блэксли еще раз. Наори на него. Скажи, чтобы он держал своих подручных подальше от тебя, не то ты из них вешалки для шляп понаделаешь. Подначь его забрать у тебя Джерри.

— Я не понимаю...

— И не надо, девочка. Запомни одно: бой быков не состоится, если быка хорошенько не разозлить. Распорядись, чтобы Вейнберг заручился временным запретом любых попыток «Работников» забрать Джерри назад. И пусть мне звякнет твой рекламный босс. А потом собери репортеров и скажи им все, что думаешь о Блэксли, да покрепче. Скажи им, что положишь конец этим массовым убийствам, даже если на это уйдет твой последний доллар.

— Ну-у... хорошо. А вы не заедете ко мне перед тем, как они соберутся?

— Не получится. Меня ждет игра. Может, завтра. И не мучайся из-за дурацкой клячи с крыльями. Аннулировала заказ, и аннулировала. Я с самого начала решил, что твой благоверный — последний дурак, а ты на этом сэкономила кругленькую сумму. Она тебе понадобится, когда я пришлю свой счет!

Яркие светящиеся буквы ползли по стенам «Таймс билдинг»:

«САМАЯ БОГАТАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ ЗА ОБЕЗЬЯНОЛЮДЕЙ»

А выше на гигантском видеоэкране маячило изображение Джерри в нелепом костюме вождя шотландского клана. Маленькая армия полицейских окружала городской дом миссис ван Фогель, а она сообщала всем, кто хотел послушать, включая несколько газетных агентов, что будет собственноручно защищать Джерри до последнего вздоха.

Отдел по связи с общественностью корпорации «Работники» отрицал намерение захватить Джерри. Отрицание пропало втуне.

Тем временем в самом большом судебном зале в городе устанавливались дополнительные видео- и аудиосистемы, ибо некий Джерри (не имеющий фамилии), назвавшийся законным постоянным жителем Соединенных Штатов, обратился в суд с просьбой запретить навсегда корпорации «Работники», ее администрации, служащим, преемникам или лицам, от нее зависящим, причинение ему какого бы то ни было физического вреда и, в частности, убивать его.

Через посредство своего адвоката, достопочтенного, именитого и чопорно респектабельного Ореста Помфри, Джерри подал иск от *собственного имени*.

Марта ван Фогель присутствовала на суде строго как зрительница, но ее окружали секретари, охранники, личная горничная, агенты по связи с прессой, разнообразные блюдолизы и телевизионная камера, нацеленная исключительно на нее. Она нервничала. Маккой потребовал, чтобы его инструкции Помфри получил через Вейнберга,— как бы тот не заподозрил, что они исходят от крючкотвора. У нее о Помфри было свое мнение...

Маккой настоял, чтобы Джерри вместо своей щегольской шотландской юбки оделся в выгоревшие парусиновые брюки и куртку. Ей это показалось дешевым театром.

И ее тревожил Джерри — яркий свет, шум, люди, набившиеся в зал, сбили его с толку, довели почти до нервного срыва.

Вдобавок Маккой отказался пойти с ней в суд. Он заявил, что об этом и речи быть не может, что одного его присутствия в зале будет достаточно, чтобы настроить судью против них, и Вейнберг его поддержал. Мужчины! Их мысли петляют, и они предпочитают кривые пути прямым. Она только укрепилась в своем убеж-

дении, что мужчин следовало бы лишать права избирать и быть избранными.

Но ей очень не доставало безмятежной убежденности Маккоя в том, что все идет как надо. Его не было рядом, и она уже недоумевала, что ее побудило доверить столь важное дело такому безответственному шуту гороховому с ветром в голове, как Маккой. Она искусывала палец и дорого заплатила бы, лишь бы он был сейчас тут.

Плеяда адвокатов, представлявших корпорацию «Работники», начала с ходатайства об отказе в иске без судебного разбирательства ввиду того, что Джерри — движимая собственность корпорации, составная ее часть, и права предъявлять ей иск у него не больше, чем у большого пальца судиться с мозгом.

Достопочтенный Огест Помфри поклонился судье и своим противникам с величавым достоинством государственного мужа.

— Поистине странно,— начал он,— когда заемный голос юридической фикции, бездушной, воображаемой величины, собирательного юридического «лица», именуемого «корпорацией», тщится доказать, будто живое из плоти и крови существо, наделенное надеждами, желаниями и страстями, не существует юридически. Вот рядом с собой я вижу моего бедного родича Джерри...— Он погладил Джерри по плечу, и обезьяночеловек доверчиво взял его за руку. Это произвело хорошее впечатление.

— А что я вижу, когда ищу взглядом эту абстракцию «Работники»? Решительно ничего. Какие-то слова, напечатанные на бумаге, какие-то подмахнутые документы...

— С позволения суда я хотел бы задать вопрос,— перебил глава адвокатов противной стороны.— Оспаривает ли уважаемый защитник тот факт, что законно зарегистрированная корпорация может владеть имуществом?

— Ответит ли защитник? — спросил судья.

— Благодарю вас. Мой ученый коллега соорудил соломенное чучелко. Я указал только, что вопрос о том, является ли Джерри имуществом корпорации «Работники», неправомерен, пустопорожен и задан не по существу. Я — часть корпоративного города, Большого Нью-Йорка. Разве это лишает меня гражданских прав,

которыми я обладаю, являясь живым человеком из плоти и крови? И даже права подать в суд на службы указанного города, если, по моему мнению, они наносят мне ущерб? Нынче мы сошлись в мягких лучах права справедливости, а не в холодных и узких рамках уголовного кодекса. И момент мне кажется подходящим для рассмотрения нелепой абсурдности, с которой мы свыклись и которая позволяет безликости документов и юридической фикции отрицать существование вот этого нашего бедного родича. Я прошу, чтобы высокоученые защитники корпорации признали де-факто существование Джерри и мы могли бы перейти к сути дела.

Они сгрудились, посовещались и ответили отказом.

— Отлично. Мой клиент просит подвергнуться допросу, чтобы суд мог определить его статус и существование.

— Протестую! Этот антропоид не может быть допрошен, будучи всего лишь собственностью и движимым имуществом ответчика.

— Именно это нам и предстоит выяснить,— сухо заметил судья.— Протест отклонен.

— Сядь вот на этот стул, Джерри.

— Протестую! Это животное не может принести присягу. Она выше его понимания.

— Что скажете на это вы, защитник?

— С позволения суда,— ответил Помфри,— проще всего было бы позволить ему занять место свидетеля и установить, так ли это.

— Пусть займет. Секретарь зачитает текст присяги.

Марта ван Фогель вцепилась в подлокотники своего кресла: *Маккой целую неделю тренировал его для этого момента. Не сорвется ли бедняжка, когда Маккоя с ним рядом нет?*

Секретарь пробубнил текст присяги. Джерри смотрел на него с недоумением, но терпеливо.

— Ваша милость,— сказал Помфри,— когда показания дают дети, допускается некоторое упрощение слов в соответствии с уровнем их умственного развития. Могу ли я? — Он подошел к Джерри.— Джерри, мой мальчик, ты хороший работник?

— Ага! Джерри хороший работник.

— Может, плохой работник, а? Ленивый. Прячется от полубоссов?

— Нет, нет, нет! Джерри хороший работник. Копать. Полоть. Не дергать овощи. Работать хорошо.

— Вы убедитесь,— обратился Помфри к судье,— что мой клиент четко представляет себе, что такое ложь, а что — правда. Попробуем установить, есть ли у него нравственные понятия, побуждающие его говорить правду. Джерри...

— Слушаю, босс.

Помфри растопырил руку перед глазами антропоида.

— Сколько пальцев ты видишь?

Джерри протянул руку и начал их загибать.

— Один... два... три... четри... э... пять.

— Шесть пальцев, Джерри.

— Пять, босс.

— Шесть пальцев, Джерри. Я дам тебе сигарету. Шесть.

— Пять, босс. Джерри без обман.

Помфри сделал широкий жест.

— Принимает ли суд его как свидетеля?

Суд принял. Марта ван Фогель перевела дух. Джерри считал не очень бойко, и она опасалась, что он забудет свои реплики и польстится на сигарету. Но ему было обещано столько сигарет, *сколько он захочет, и даже шоколаду, если он будет настаивать,* что пять — это пять.

— Полагаю,— продолжал Помфри,— этот факт можно считать установленным. Джерри — разумное существо. Если он может быть свидетелем, то может обратиться в суд. Даже собака может обратиться в суд. Согласны ли мои коллеги признать это?

Корпорация «Работники» через свою батарею адвокатов изъявила согласие — как раз вовремя, так как судья начинал хмуриться. На него эта сценка произвела большое впечатление.

Задул попутный ветер, и Помфри не замедлил им воспользоваться.

— С позволения суда, и если представители ответчика разрешат, мы могли бы сократить процедуру. Я изложу обоснование иска, а затем после нескольких вопросов дело может быть решено так или иначе. Я прошу признать, что корпорация «Работники» с помощью своих служащих намеревалась лишить моего клиента жизни.

Принято это не было.

— Ах так? Тогда я прошу суд принять во внимание широко известный факт, что работники-антропоиды ликвидируются, как только перестают приносить доход. Затем я вызову свидетелей, начиная с Ореса Блэксли, чтобы показать, что Джерри был — и предположительно остается — приговоренным к смерти.

Новое поспешное совещание привело к признанию того, что Джерри действительно должны были подвергнуть эвтаназии.

— В таком случае я изложу обоснование иска,— сказал Помфри.— Джерри не животное, а человек. И закон запрещает умерщвлять его. Это будет убийством!

Сначала воцарилась мертвая тишина, потом зал ахнул. Люди давно привыкли к животным, которые умели говорить и трудиться, но были столь же мало готовы признать такое животное личностью, индивидуальностью, человеком, как надменные римляне — признать человеческие чувства у своих рабов-варваров.

Помфри нанес удар, пока они еще не опомнились.

— Что такое человек? Совокупность клеток и тканей? Юридическая фикция вроде корпоративного «лица», готового отнять жизнь у бедного Джерри? Ничего подобного! Человек — это совокупность надежд и страхов, человеческих желаний, чаяний, более великих, чем он сам, он больше праха, из которого возник, не меньше Творца, поднявшего его из праха. Джерри забрали из тропического леса, сделали из него нечто большее, чем бессловесные существа, его предки. Так было и с вами, и со мной. И мы просим суд признать его человеческую сущность.

Представители ответчика заметили, что судья был тронут, и поспешили с возражениями. Антропоид, заявили они, не может быть человеком, так как не имеет ни человеческого облика, ни человеческого интеллекта. И Помфри вызвал своего первого свидетеля — владыку мастерства Б'на Крийта.

Обычно скверное настроение марсианина не улучшилось от того, что он вынужден был три дня прождать в стеклянной передвижной цистерне. Не говоря уж о том, что ему пришлось прервать свои исследования ради детских свар, которые затевали земляне.

Его раздражение еще возросло из-за новой проволочки, пока Помфри вынуждал своих противников признать его экспертом в рассматриваемом вопросе. Они жаждали внести протест, но не могли. Он же был директором их собственной научной лабораторий. Кроме того, он имел доверенность голосовать от имени всех марсианских владельцев акций «Работников» — не подлежащий оглашению факт, который нельзя было обойти.

Еще проволочка, пока не явился переводчик помочь с присягой — Б'на, эгоцентрист, как все марсиане, так и не потрудился изучить хоть один земной язык.

В ответ на требование говорить правду, всю правду и так далее он защебетал и зачирикал. Переводчик болезненно сморщился и сказал:

— Он утверждает, что не может этого.

Помфри попросил перевести дословно. Переводчик тревожно покосился на судью.

— Он говорит, что всю правду, если он ее скажет, вы, дураки... ну, не совсем «дураки» — это марсианское слово обозначает что-то вроде безголового червя — вы понять не способны.

Судья намекнул на неуважение к суду, и марсианин, когда понял, что ему грозит заключение в передвижной цистерне на тридцать дней, поубавил спеси и обязался говорить правду с наивозможнейшей точностью. После чего его признали свидетелем.

— Вы человек? — спросил Помфри.

— По вашим законам и вашим меркам — я человек.

— На каком основании? Ваше тело иное, чем у нас, даже наш воздух для вас смертелен. Вы не говорите на нашем языке, ваши представления нам чужды. Как же вы можете быть человеком?

Марсианин тщательно взвесил свой ответ.

— Я процитирую договор между Землей и Марсом, представляющий для вас высший закон. «Все члены Великой Расы, пребывая на Третьей Планете, будут пользоваться всеми правами и прерогативами туземной доминирующей расы Третьей Планеты». Бипланетный Трибунал интерпретировал эту статью договора как

утверждение, что члены Великой Расы являются «людьми», что бы ни подразумевал этот термин.

— Почему вы называете себе подобных Великой Расой?

— Из-за превосходства нашего интеллекта.

— Относительно людей?

— Мы люди.

— В сравнении с интеллектом земных людей?

— Это самоочевидно.

— Настолько же, насколько наш интеллект выше интеллекта бедняги Джерри?

— Это не самоочевидно.

— Больше вопросов к свидетелю у меня нет,— объявил Помфри.

Его противникам никак не следовало бы ввязываться в бой. А они ввязались и начали добиваться, чтобы Б'на Крийт уточнил разницу в характере интеллекта людей и антропоидов-работников. Владыка мастерства Б'на доходчиво объяснил, что культурные различия маскируют врожденные различия, если таковые имеются, и что в любом случае и антропоиды, и люди в такой малой степени используют потенциальные возможности своих интеллектов, что пока еще рано решать, какая раса на Третьей Планете станет великой.

Он только-только начал объяснять, что по-настоящему великую расу можно было бы получить путем скрещивания и отбора лучших качеств людей и антропоидов, когда его поспешно остановили, сказав, что больше к нему вопросов нет.

— С разрешения суда,— сказал Помфри,— мне хотелось бы указать, что мы не выдвигали никаких теорий, а просто опровергли утверждение противной стороны, что человека делают человеком определенный облик и определенная степень интеллектуальности. Теперь я прошу снова вызвать истца, чтобы суд мог определить, действительно ли он человек.

— С разрешения высокоученого суда...— адвокаты ответчика совещались с той минуты, как цистерну с Б'на Крийтом вынесли из зала, и теперь заговорил их глава:

— Цель иска, видимо, сводится к тому, чтобы защитить жизнь этой движимости. И продолжать разбирательство нет нужды —

ответчик гарантирует, что этой движимости будет дано умереть естественной смертью у ее нынешнего владельца, и предлагает иск отклонить.

— Что скажете вы? — спросил судья у Помфри. Помфри величественно завернулся в свою незримую тогу.

— Мы не просим бездушной благотворительности этой корпорации, мы ищем у суда справедливости. Мы просим, чтобы человеческая сущность Джерри была утверждена законом. Нет, не права голоса, не права иметь собственность, не отмены полицейских правил в отношении всей его группы, но мы настоятельно просим, чтобы суд признал его хотя бы настолько человеком, насколько является человеком аквариумное чудище, которое только что унесли отсюда.

Судья повернулся к Джерри.

— Ты этого хочешь, Джерри?

Джерри тревожно посмотрел на Помфри, а потом сказал:

— Есть, босс.

— Подойди сюда.

— Одну минуту,— глава адвокатской оравы выглядел растерянным.— Я прошу суд учесть, что постановление по этому иску может оказать неблагоприятное воздействие на давно сложившуюся коммерческую практику, необходимую для поддержания экономики...

— Протестую! — Помфри, весь ощетинившись, вскочил на ноги.— В жизни я не сталкивался с более возмутительной попыткой оказать влияние на исход дела. После этого мой досточтимый коллега предложит суду рассмотреть дело об убийстве в зависимости от политической конъюнктуры. Я возражаю...

— Достаточно,— сказал судья.— Это предложение так или иначе во внимание принято не будет. Продолжайте допрос вашего свидетеля,

Помфри поклонился.

— Мы выясняем смысл того странного нечто, которое называется «человеческой сущностью». Мы убедились, что это не вопрос облика, расы, планеты или остроты ума. Поистине определить это невозможно, но вот почувствовать нам дано. От сердца — к сердцу, от духа — к духу,— он обернулся к Джерри.

— Джерри. Ты не споешь судье свою новую песню?

— Ага.— Джерри с тревогой покосился на жужжащие камеры, микрофоны и прочую технику, а потом прочистил горло.

Далеко отсюда
На реке Суванни
Там я сецем буду...

Аплодисменты напугали его до полусмерти, а стук судейского молотка и того больше, но это не имело ни малейшего значения. Вопрос был решен бесповоротно. Джерри доказал, что он — человек.

В Пье-да-Терр с Луны его доставила пассажирская ракета. Неспроста для этого путешествия он выбрал себе фамилию, начинающуюся на букву А: благодаря этому он прошел портовую инспекцию одним из первых и попал к платформе скоростного поезда гораздо раньше остальной массы пассажиров. Войдя в вагон, он тотчас же направился в мужской туалет и заперся в нем.

Быстро надев пояс безопасности и прицепив его крючком к настенным креплениям, он неуклюже перегнулся, чтобы достать из сумки бритву. Неожиданный толчок поезда застал его врасплох, несмотря на пояс безопасности, он стукнулся головой и зло выругался. Выпрямившись, принялся лихорадочно действовать бритвой: и вот уже его усы исчезли, бачки стали заметно короче, он подрезал кончики бровей и зачесал их наверх. Затем он энергично протер полотенцем волосы, удаляя жир, делавший их прилизанными, расческой уложил их свободной волной. Теперь вагон двигался плавно, без толчков, со скоростью трехсот миль в

© И. Чебартынов, перевод

час, и он, освободившись от пояса безопасности, быстро вылез из лунного комбинезона, извлек из сумки твидовый костюм, обычный для землянина и мало подходящий для кондиционированных коридоров Лунной колонии. Надел его. Кеды он заменил ботинками. Метаморфоза свершилась: Джоэль Абнер, путешествующий делец, исчез, а его место занял капитан Джовес Гилид, исследователь и писатель. Это было одно из многих имен, которыми он пользовался. Но, как и другие, оно не было подлинным.

Гилид разрезал лунный комбинезон на ленты и спустил их в унитаз, туда же отправились идентификационная карточка Джоэля Абнера и пластиковое покрытие сумки. Сумка из темно-коричневой стала жемчужно-серой и шершавой на ощупь. Кеды он не решился бросить в унитаз, опасаясь, что они там застрянут, и поэтому он постарался поглубже засунуть их в урну.

Прозвучало предупреждение о торможении, и Гилид поспешно снова пристегнул ремни. Когда вагон вошел в поле соленоида и затормозил, от Джоэля Абнера осталось только несколько второстепенных деталей одежды и около двух дюжин катушек микрофильмов, в равной мере подходивших как путешествующему дельцу, так и писателю-лектору. Но Абнер-Гилид не был намерен позволять кому-либо знакомиться с ними поближе...

Он подождал в умывальной комнате и, убедившись, что из вагона все вышли, прошел вперед, в другой вагон, из него выбрался на перрон и направился к лифту.

— Отель «Новый Век», сэр? — предложил голос, прозвучавший над самым ухом. Гилид почувствовал, что чья-то рука ухватила ручку его сумки.

Подавив рефлекторное желание вырвать сумку из чужих рук, Гилид оглядел говорившего. На первый взгляд тот показался невысоким подростком в красной форме и квадратной фуражке. Но приглядевшись, Гилид заметил и преждевременные морщины, и бегающие глаза. Человеку было по крайней мере лет сорок.

«Печальный случай,— подумал Гилид.— И запущенный к тому же».

— Отель «Новый Век»,— продолжал между тем рассыльный.— Лучшие в городе удобства, шеф! Предусмотрена скидка в случае, если вы только что с Луны...

Обычно капитан Гилид останавливался в старой «Савойе», но на этот раз предложение отправиться в «Новый Век» пришлось ему по душе. В этом невероятно огромном ультрасовременном отеле он сможет легко затеряться, пока не придет время сделать задуманное.

Отдавать сумку ему не хотелось. Но слишком нелепо выглядело бы, если б он не позволил рассыльному нести свой багаж. Это привлекло бы внимание к нему... и сумке. Подумав, он решил, что этот коротышка вряд ли сможет убежать от него, даже если он, Гилид, будет на костылях. Вполне достаточно не спускать с него глаз.

— Веди, дружище,— с напускным дружелюбием сказал Гилид, отпуская без колебаний сумку.— О'кей...

Рассыльный крепко ухватился за ручку сумки и первым зашагал в пустой лифт. Пройдя в конец кабины, он опустил сумку на пол рядом с собой. Гилид же встал так, чтобы одна нога его находилась напротив сумки. Он стоял и смотрел, как кабина заполняется пассажирами. Наконец кабина лифта дрогнула и тронулась с места.

В переполненном лифте Гилида стиснули со всех сторон, но он ощутил дополнительное, почти незаметное нажатие сзади.

Его правая рука неожиданно рванулась вниз и сомкнулась на тонком запястье. Гилид не делал каких-либо новых движений, и владелец руки тоже не пытался вытащить руку или еще как-нибудь воспротивиться Гилиду.

Они оставались в таком положении, пока кабина не остановилась. Когда пассажиры рассосались, Гилид, протянув руку назад, взял сумку и вытащил владельца кисти из кабины. Это был, конечно, рассыльный; в его кулаке был зажат бумажник Гилида.

— Вы почти потеряли его, шеф,— объявил рассыльный без тени смущения.— Он вывалился из вашего кармана.

Гилид забрал бумажник и сунул его во внутренний карман.

— Выпал прямо через молнию,— заметил он.— Ладно, давай найдем полицейского.

Коротышка попытался вырваться.

— У вас нет никаких доказательств...

Гилид обдумал его слова. Действительно, его бумажник был уже спрятан. Что же касается свидетелей, то все пассажиры уже

покинули лифт. И к тому же они ничего не видели. Лифт ко всему был автоматический. Гилид являл сейчас собой человека в странной позе, удерживающего другого человека за руку. Да и сам Гилид не хотел разговаривать с полицией.

Он отпустил руку.

—Вали дальше, дружище. Будем считать, что мы квиты.

Но рассыльный не двинулся с места.

— Как насчет моих чаевых?

Гилиду начал нравиться этот мошенник. Нащупав в кармане бумажку в полкредита, он кинул ее рассыльному, который ухватил ее прямо в воздухе. Но тем не менее не ушел.

— Я возьму вашу сумку.

— Нет, благодарю, приятель. Я смогу найти твою восхитительную гостиницу и без твоей дальнейшей помощи. Отойди, пожалуйста.

— Да ну? А как насчет моих комиссионных? Я должен нести вашу сумку, иначе как они узнают, что я привел вас? Вот так.

Гилид был восхищен несокрушимым нахальством этого человека. Он нашел двухкредитную бумажку и отдал ему.

— Вот твоя выручка. А теперь проваливай, пока я не скрутил тебя в бараний рог.

— Один или с чьей-нибудь помощью?

Гилид усмехнулся и двинулся дальше по дорожке ко входу в отель «Новый Век». Подсознание немедленно информировало его о том, что рассыльный не вернулся к лифту, чего нужно было ожидать, а последовал за ним в толпу. Гилид проанализировал ситуацию. Рассыльный мог быть и на самом деле тем, кем казался — обычным городским подонком, совмещавшим при случае воровство с легальной деятельностью. С другой стороны...

Он решил избавиться от груза. Неожиданно свернув в бар, он остановился сразу же за дверью, чтобы купить газету. Пока для него печатался экземпляр, он взял, словно только что вспомнив об этом, три стандартных почтовых пневматических цилиндра. Расплачиваясь, он постарался, чтобы к его ладони прилипли несколько клейких адресных наклеек.

Взглянув в зеркало на стене, он убедился, что его «тень», поколебавшись, не решилась зайти в бар, но продолжает наблюдать за ним снаружи.

Гилид прошел внутрь бара и устроился в незаметной кабине. Хотя представление еще не закончилось — великолепно сложенная девушка как раз снимала последнее украшение,— он задернул штору кабинки.

Вскоре перед входом вопросительно мигнула лампочка.

— Входите,— сказал он.

Из-за шторы появилась хорошенькая и очень юная официантка. Ее пластиковый костюм практически ничего не скрывал. Она окинула взглядом кабину.

— Одиноко?

— Нет, благодарю. Я устал.

— Ну а как насчет рыженькой? Очень мила...

— Я действительно устал. Принесите мне две бутылки пива, закрытых, и немного сухих бисквитов.

— Как хотите,— она ушла.

Гилид быстро открыл дорожную сумку, достал десять катушек микрофильмов и уложил их в три почтовых цилиндра. Затем взял адресные наклейки, которые стащил перед этим, написал на каждой сверху: «Раймонд Кэлхон, П.О., ящик 1060, Чикаго». После чего продолжил очень внимательно заполнять прямоугольники, предназначенные для электронного глаза сортировальной машины. Эту работу нужно было выполнить безошибочно, чтобы робот не отверг написанный от руки адрес и не направил цилиндр почтовому клерку для переадресовки.

Он работал быстро, но с тщательностью гравера. Официантка вернулась раньше, чем он закончил. Лампочка предупредила его об этом, и он прикрыл наклейку локтем.

— Хотите, чтобы я отправила их?

Гилид испытал еще одно мгновение нерешительности. Когда он вышел из вагона, то был уверен в том, что, во-первых, личность Джоэля Абнера, путешествующего дельца, не была раскрыта, а во-вторых, что трансформация Абнера в Гилида произошла никем не замеченной, без осложнений. Эпизод с бумажником не то чтобы встревожил его, но заставил перевести эти два предположения из категории расчетной определенности в категорию недоказанной вероятности.

Предпринятая затем им проверка показала, что они все-таки были определенностью, но противоположного свойства. С момента,

когда он увидел своего недавнего носильщика стоящим снаружи бара, его подсознание било тревогу подобно сирене сигнального устройства, предназначенного для защиты от взломщика. Было ясно не только то, что он разоблачен, но и то, что враги организовали встречу с ним с немыслимой тщательностью — он и не думал, что такое вообще возможно. С другой стороны, математически вероятно почти до определенности, что они не действовали через эту девушку: они не могли знать, что он свернет именно в этот бар. То, что ее могли нанять, пока она отсутствовала после первого контакта с ним, представлялось ему маловероятным. Она явно не была достаточно умна, несмотря на ее опытность дворовой кошки, чтобы усвоить за столь короткое время инструкции и наставления в той мере, чтобы ухватиться за неожиданно представившийся случай — и все это за время, едва достаточное для того, чтобы сходить за двумя бутылками пива. Нет, эта девушка просто хотела получить чаевые. Следовательно, опасности она не представляла.

Однако ее костюм не давал возможности спрятать три почтовых цилиндра, так что ей вряд ли позволят беспрепятственно пересечь улицу, чтобы добраться до почтового отделения. А ему не хотелось, чтобы завтра утром ее нашли мертвой в канаве.

— Нет,— ответил он.— Мне все равно нужно на почту. Однако мысль была неплохая.

— Нет,— повторил он и дал ей полкредита.— Благодарю.

Она подождала, со значением глядя на пиво. Он снова пошарил в кармане, но обнаружив там только несколько монеток, достал из бумажника купюру в пять кредиток.

— Возьмите из этого.

Она вернула ему три бумажки по одному кредиту и немного мелочи. Гилид пододвинул мелочь ей, подождал, пока она взяла ее и вышла. Только после этого он поднес бумажник к глазам. Это был не его бумажник.

«Ты должен был заметить это раньше»,— сказал он себе. Даже если прошла всего секунда, прежде чем он взял его из сжатых пальцев рассыльного и положил в передний карман,— он должен был понять это и заставить рассыльного вернуть бумажник, даже если бы ему пришлось содрать с него заживо кожу. Но почему он уве-

рен, что это не его бумажник? Размер и форма были те же, вес, цвет и материал соответствовали — настоящая страусиная кожа — и это в эпоху синтетики! На нем было выцветшее пятно чернил — результат ношения протекающей ручки в том же кармане. Была на нем и v-образная царапина, которая появилась так давно, что он уже не мог вспомнить, при каких обстоятельствах это произошло.

И хотя это был не его бумажник, он снова открыл его. В нем было соответствующее количество денег, была карточка Клуба исследователей и другие удостоверения личности и карточки, лежала фотография кобылы, которая была у него когда-то. Но чем больше находилось фактов, доказывающих, что это его бумажник, тем больше крепла его уверенность в обратном. Все эти вещи были подделками!

Имелся способ получить решающее доказательство подмены. Гилид щелкнул выключателем, и в кабине стало темно. После этого он вынул перочинный нож и осторожно вскрыл шов бумажника. Открыв секретный кармашек, он пошарил в нем пальцем — кармашек был пуст! Дубликат его бумажника оказался не вполне совершенен: кармашек должен был быть с подкладкой, а его палец ощутил только голую кожу.

Гилид включил свет, отложил бумажник и возобновил прерванную работу над адресными наклейками. Потеря бумажки, которая должна была быть в секретном кармашке, была неприятна, почти катастрофична. Однако он не считал, что информация, содержащаяся в ней, оказалась под угрозой. Бумага эта выглядела вполне невинно, но обладала весьма неприятным свойством: извлеченная на свет, она должна была взорваться и исчезнуть во вспышке пламени. Гилид продолжал работать, но мозг его пытался решить более общую проблему: почему они пошли на такое ухищрение, стремясь скрыть, что бумажник украден. А за этим вопросом вставал другой, еще более сложный и щекотливый: почему они взялись именно за его бумажник? Закончив работу, Гилид засунул остатки адресных наклеек в подходящую щель. Одну из подготовленных наклеек спрятал в руке, поднял сумку и три почтовых цилиндра. Один из цилиндров он придержал пальцем отдельно от других. Гилид был уверен, что никаких атак в баре не будет.

Переполненный людьми тротуар между баром и почтовым отделением он при обычных обстоятельствах посчитал бы в равной мере безопасным. Но только не сегодня! Гилид сошел с тротуара и направился к почте, держась как можно дальше от других людей. Он заметил, что двое мужчин приближаются к нему с разных сторон, когда началась ожидаемая им операция «отвлечения внимания». За ослепляющей вспышкой и прогремевшим взрывом последовали испуганные крики и возгласы. Источник взрыва был для него очевиден, крики и возгласы, без сомнения, обеспечивались публикой. Гилид, готовый ко всему, даже не повернул головы на шум.

Мужчины быстро приближались. Большинство живых существ борются только тогда, когда их к этому вынуждают; мужчины, очевидно, знали об этом и не выказывали никаких агрессивных намерений.

Гилид ударил первого из них ребром подошвы в коленную чашечку, что было более надежным, чем удар носком ботинка. Мужчина повалился на второго, хоть и не опрокинув его, но испортив тому весь намеченный план действий. Гилид опередил и второго противника, нанеся ему сильный удар ногой в живот. Тот, которому он разбил коленную чашечку, лежал на тротуаре, но еще шевелился, пытаясь достать то ли пистолет, то ли нож. Гилид ударил его ногой в голову, перешагнул через тело и продолжал свой путь к почтовому отделению.

Идти медленно, только медленно, все время медленно. Нельзя, чтобы его видели бегущим, он должен выглядеть респектабельным гражданином, идущим по своим законным делам. Почтовое отделение приближалось, и пока еще никто не хлопнул его по плечу, не раздался ни один обвиняющий оклик, не было слышно звука торопливых шагов.

Он достиг почты и вошел внутрь. Итак, отвлекающий маневр его противников сработал великолепно. Но сработал он на Гилида, а не на них.

У адресной машины стояла небольшая очередь. Гилид присоединился к ней, вытащил ручку и начал надписывать адреса на цилиндрах. Почти сразу же за ним в очередь встал мужчина. Ги-

лид не старался скрыть от него, какой адрес он пишет: «Капитану Джовесу Гилиду, Клуб Исследователей, Нью-Йорк». Когда подошла его очередь использовать печатающую символы машину, он не скрывал, какие клавиши нажимает. Адрес в символах совпадал с адресами, написанными им на каждом цилиндре.

Работал он неуклюже, так как предварительно подготовленные наклейки были все еще спрятаны в его левой ладони. От адресной машины Гилид перешел к устройству, принимающему почту. Мужчина, стоящий в очереди за ним, последовал за Гилидом, даже не притворяясь, что он намерен отправить что-нибудь по почте.

Твонк. И первый цилиндр исчез со звуком сжатого воздуха. Твонк. И второй цилиндр отправился в путь... И в это же самое мгновение Гилид сжал последний цилиндр, левой рукой прижимая клейкий ярлык к тому месту, где он только что напечатал адрес. Не глядя на цилиндр, он проверил результат своей работы пальцами — ярлык был на месте, все углы приклеились. Затем — твонк — и цилиндр последовал за своими собратьями.

Гилид резко повернулся и с силой наступил на ногу человека, подобравшегося к нему сзади.

— О! Извините меня! — сказал он удовлетворенно и поспешил прочь, чувствуя, что настроение его улучшилось. И не только потому, что он передал свой опасный груз на попечение бездумной и отважной автоматики, которую невозможно было запугать, подкупить, напоить или совратить. Автоматике, в лабиринте которой цилиндр будет надежно спрятан, но также и потому, что наступил на мозоль одному из своих противников.

На ступеньках почтового отделения он остановился позади полицейского, который ковырял в зубах, уставившись на скопище людей и санитарную машину рядом с тротуаром.

— Что случилось? — спросил Гилид полицейского.

Полицейский вынул изо рта зубочистку.

— Сперва какой-то идиот устроил пожар,— объяснил он.— Потом двое парней подрались и порядком покалечили друг друга.

— О Господи! — прокомментировал Гилид и направился в отель «Новый Век».

В вестибюле он огляделся, ища своего вороватого приятеля, но того не было видно. Гилид сильно сомневался, что мошенник

входит в штат отеля. Он подошел к столу администратора отеля, записался как капитан Гилид, заказал номер, соответствующий персоне, которую он изображал, и позволил проводить себя к лифту.

Как раз в то мгновение, когда он собирался отправиться наверх, Гилид увидел рассыльного.

— Эй, коротышка! — окликнул он его.— Как дела?

Мошенник испуганно взглянул на него, затем прошел мимо, не отвечая, с пустым взглядом.

«Вряд ли,— рассуждал про себя Гилид,— этого негодяя используют вновь после того, как он был раскрыт; следовательно, внутри отеля находится штаб организации или своего рода "почтовый ящик", ее переговорный пункт. Очень хорошо. Это избавит всех от ненужных перемещений — и всем здесь будет весело».

Однако сначала ему хотелось принять ванну.

Поднявшись в свой номер, Гилид вручил проводившему его коридорному чаевые, но тот не уходил, продолжая стоять у двери.

— Хотите какую-нибудь компанию?

— Нет, благодарю. Я отшельник.

— Тогда воспользуйтесь вот этим,— коридорный вставил ключ от номера Гилида в стереопанель, повозился с ручками настройки. Вся стена засветилась и вдруг исчезла. Возникла, с удивительной иллюзией присутствия в комнате, роскошная блондинка.

— Это не запись,— сказал коридорный.— Это прямая передача из Тивори. У нас лучшее оборудование в городе.

— Да,— согласился Гилид и вынул ключ. Изображение исчезло, музыка прекратилась.— Но я хочу принять ванну, а потому убирайтесь, тем более что я потратил на вас свои деньги, целых четыре кредита.

Коридорный пожал плечами и ушел. Гилид сбросил одежду и вошел в душевую. Спустя двадцать минут, выбритый, вычищенный с головы до ног, вымытый, надушенный, чувствующий себя на десять лет моложе, он вернулся в номер. Его одежда исчезла.

Сумка была все на том же месте, и он подверг ее внимательному осмотру. Все оказалось в норме: и сама сумка, и ее содержимое. Катушек с микрофильмами в ней было соответствующее количество, хотя это и не имело значения. Важны были только

три катушки, но они уже были отправлены по почте. Остальные представляли собой мусор, копии его собственных лекций. Тем не менее он проверил одну из них, развернув и посмотрев несколько кадров.

Да, это была одна из его лекций, но не из тех, что были с ним, а из опубликованных копий, имевшихся в любом большом книжном магазине.

— Чудеса,— протянул он и положил катушку назад. Подобное внимание к деталям нельзя было не назвать достойным восхищения.

Гилид нажал кнопку обслуживания номеров — ответил видеоэкран.

— Да, сэр.

— Моя одежда пропала.

— Ее взял лакей, сэр.

— Я не давал приказа. Верните ее назад.

Лицо девушки на экране исчезло, после небольшой паузы возникло изображение мужчины.

— У нас нет необходимости отдавать приказы, сэр. Гости «Нового Века» получают все самое лучшее.

— Отлично. Но все же верните ее назад и побыстрее. У меня сейчас свидание с Королевой Мей.

— Очень хорошо, сэр,— изображение пропало.

Гилид с кислым видом проанализировал ситуацию. Возможно, он допустил фатальную ошибку, недооценив своего противника, представляя его в виде колоритной фигуры «карманника». Таким образом он позволил втянуть себя и девушку из бара в это дело; ему нужно было попасть куда угодно, только не в «Новый Век», пусть даже в «Савойю», хотя этот отель, в котором он обычно останавливался, вероятно, был такой же тщательно оборудованной ловушкой, как и эта роскошная дыра.

Можно было предположить, что жить ему осталось не более чем несколько минут. Следовательно, он должен использовать эти минуты, чтобы сообщить своему шефу о трех важнейших катушках с микрофильмами. Потом, если он все еще будет жив, он должен пополнить свой кошелек, чтобы иметь средства для действий: количество денег в его бумажнике, даже если его вернут, не

позволяло и думать о какой-нибудь серьезной акции. Далее он должен доложить о выполнении своего задания и предстать перед своими наставниками сам по себе, вне связи с микрофильмами.

Не то чтобы Гилид собирался улизнуть от мошенника и его компании. Настоящие артисты своего дела редки — пришпилить его такой простой штукой, как украденные штаны!

Он прямо-таки полюбил их за это и хотел увидеть еще раз — с синяками, если это возможно.

Не успело изображение мужчины исчезнуть со служебной панели, а он уже нажимал клавиши на коммутаторе. Конечно, номер станции, через которую он намеревался связаться с боссом, будет рассекречен, однако вполне стоило потерять одну «передаточную станцию» за возможность послать это сообщение.

Гилид набрал код. На экране появилось лицо девушки.

— Служба «Нового Века», сэр. Вы хотите позвонить?

— Да.

— Я очень сожалею, сэр. Центр связи реконструируется. Но я могу позвонить за вас из другого места.

— Нет, благодарю. Посылать почтового голубя тоже не надо,— он выключил коммутатор.

Бессмысленно биться головой о стенку. У них не было намерения позволить ему поговорить с кем-нибудь вне отеля. Он позвонил коридорному, сел в кресло, включив его на «малый массаж», и стал наслаждаться нежнейшими объятиями. Без сомнения, «Новый Век» имел самое лучшее оборудование в городе: его ванная была чудесна, это кресло — превосходно. Недавние неудобства Лунной Колонии и вероятность того, что это, может быть, последний массаж в его жизни, усиливали удовольствие от процедуры.

Дверь открылась, и вошел коридорный. «Почти моего роста»,— оценил Гилид. Брови мужчины чуть приподнялись при виде обнаженного клиента.

— Вы хотите компанию?

Гилид встал и подошел к нему.

— Нет, мой дорогой,— сказал он, ухмыляясь.— Я хочу тебя,— с этими словами он всадил кулак в солнечное сплетение коридорного.

Когда тот застонал и согнулся пополам, Гилид рубанул его ребром ладони по шее.

Куртка оказалась узковатой в плечах, а ботинки слишком большими, но тем не менее двумя минутами позже капитан Гилид последовал в небытие вслед за Джоэлем Абнером, а Джо, временный коридорный, вышел из комнаты.

Гилид прошел мимо пассажирских лифтов, уверенно направив куда-то клиента, который остановил его вопросом по дороге, и вскоре нашел служебный подъемник. Рядом с ним была дверь с надписью «Для быстрого спуска». Он открыл ее, схватился за свисающий пристяжной ремень и, не задержавшись даже, чтобы застегнуть его на поясе, шагнул через край шахты.

За время, меньшее, чем ему понадобилось бы для спуска на парашюте, он оказался на амортизирующем покрытии в подвале отеля, не успев даже поразмыслить о том, что лунная гравитация, несомненно, играет скверные шутки с мускулами ног человека.

Гилид вышел из шахты и с деловым видом направился в выбранном наугад направлении: ему сейчас годился любой выход из отеля, и он надеялся найти его в конце концов.

Сначала он забрел в огромную кладовую, потом отыскал грузовую дверь, служащую для загрузки кладовой. Когда он был в тридцати шагах от двери, та закрылась и прозвучал сигнал тревоги. Гилид повернул назад. В одном из бесчисленных коридоров под гигантским отелем он натолкнулся на двух полицейских и постарался проскользнуть мимо них. Но сделать это ему не удалось: один из полицейских пристально взглянул на него и затем схватил за руку:

— Капитан Гилид...

Гилид попытался высвободиться, не выказывая при этом особой ловкости или умения.

— А в чем дело?

— Вы — капитан Гилид?

—А вы — моя тетя Салли. Отпустите руку, коп.

Полицейский пошарил в своем кармане свободной рукой и вытащил записную книжку. Его коллега отодвинулся на несколько шагов и направил на Гилида пистолет.

— Вы — капитан Гилид,— забубнил первый полицейский.— Вы обвиняетесь в уплате фальшивой купюрой в пять кредитов в баре напротив отеля около тринадцати часов сегодняшнего дня.

Вы предупреждены и должны пройти с нами. Советую при этом молчать. Пошли.

«Обвинение может быть истинным, а может быть фальшивкой»,— подумал Гилид. Ведь он не проверял внимательно деньги, оказавшиеся в подмененном бумажнике. Но Гилид ничего не имел против того, чтобы его арестовали сейчас, когда при нем уже не было микрофильмов. Находиться в обычном полицейском участке, где ему не придется бороться с кем-то более зловещим, чем жуликоватые полицейские и тучные сержанты,— это будет легким развлечением по сравнению с Мошенником и Компанией, преследующими его. С другой стороны, ситуация выглядела слишком невероятной, разве что полицейские поднимались в его номер, где обнаружили раздетого коридорного, и, выслушав его рассказ, начали поиски.

Второй полицейский держался поодаль, не опуская пистолета, что делало размышления Гилида чисто теоретическими выкладками.

— О'кей, я пойду,— сказал он.— И вам совсем не обязательно так выворачивать мне руки.

Они поднялись в вестибюль и вышли на улицу. Второй полицейский ни на секунду не опускал своей пушки. Гилид расслабился, решив выждать. Около тротуара стояла полицейская машина. Гилид остановился.

— Я пойду пешком,— сказал он.— Полицейский участок сразу же за углом. Я хотел бы быть арестованным в своем районе.

Его зубы лязгнули, когда рукоятка пистолета обрушилась на него, и он упал лицом вперед. Как он оказался в машине, он вспомнить не мог, но когда они вытащили его наружу, он уже мог передвигаться сам, хотя координация движений у него была все еще нарушена.

Когда он окончательно пришел в себя (правда, с провалом в памяти), то обнаружил, что его то ли гонят, то ли волокут по длинному коридору. Затем его втолкнули в какое-то помещение, позади с лязгом закрылась дверь. Гилид выпрямился и огляделся.

— Приветствую, друг,— окликнул его зычный голос,— подтаскивай кресло к очагу.

Гилид сморгнул, пытаясь успокоиться, глубоко вздохнул. Его тренированное тело почти пришло в норму.

Комната, в которую его втолкнули, была камерой, старомодной и примитивной. Передняя часть помещения и дверь были сооружены из стальных прутьев, стены — из бетона. Единственная в камере мебель, длинная деревянная скамья, была занята тем человеком, который заговорил с ним. На вид ему было около пятидесяти лет. У него была внушительная фигура, умное лицо с крупными чертами, выражение которого было явно доброжелательным. Он лежал на спине в расслабленной позе, заложив руки за голову. Гилид узнал его; ему доводилось видеть этого человека и раньше.

— Хелло, доктор Болдуин.

Мужчина принял сидячее положение легким экономным движением.

— Я не доктор Болдуин. То есть я не доктор, хотя меня и зовут Болдуин,— он посмотрел на Гилида.— Но я знаю все, я знаю вас... присутствовал на некоторых ваших лекциях.

Гилид поднял брови.

— Человек будет казаться голым, присутствуя на собрании Общества теоретической физики и не имея докторской степени.

Болдуин громко расхохотался.

— Это был мой кузен со стороны отца, Хартли,— он протянул огромную ладонь.— Джордж Болдуин — Бигбелли для моих друзей. Новые и подержанные вертолеты. «Бигбелли Болдуин. Король вертолетов». Вы, должно быть, видели мои рекламные объявления.

— Сейчас, когда вы о них упомянули, я вспомнил.

Болдуин вытащил из кармана визитную карточку.

— Вот если вам понадобится вертолет, обещаю десятипроцентную скидку за то, что вы знаете старину Хартли.

Гилид присел на лавку.

— Боюсь, что в данное время я в вертолете не нуждаюсь. У вас странная приемная, мистер Болдуин.

Болдуин усмехнулся.

— В долгой жизни такие вещи случаются, капитан. Я не спрашиваю, почему вы здесь. Не спрашиваю, что вы делаете в этом обезьяньем наряде. И зовите меня Бигбелли.

— О'кей.

Гилид встал и подошел к двери. Напротив камеры была глухая стена, никого не было видно. Он свистнул, потом крикнул — никакого ответа.

— Что вас беспокоит, капитан? — мягко спросил Болдуин.

Гилид повернулся к нему. Его компаньон раскладывал на скамье игральные карты.

— Мне необходимо послать за адвокатом.

— Не суетитесь. Давайте сыграем.

— Нет, благодарю. Я должен выбраться отсюда.

Он крикнул снова — и снова не получил ответа.

— Берегите свои легкие, капитан,— посоветовал Болдуин.— Они придут, когда это будет нужно, но ни секундой раньше. Я это знаю. Сыграйте со мной. Это поможет убить время.

Болдуин, казалось, тасовал карты, но Гилид заметил, что на самом деле он подбирает их в какой-то последовательности. И он решил принять участие в игре, в конце концов, Болдуин был прав.

— Эта игра, которой я научился еще в детстве,— продолжал Болдуин. Сделав паузу, он посмотрел в глаза Гилиду.— Она столь же поучительна, сколь и занимательна, хотя совсем проста, когда вы разберетесь в ней.

Он начал раскладывать карты.

— Лучше играть двумя колодами, но можно и одной... Играют только двадцать шесть карт. Первыми идут черви. Количество очков для каждой карты соответствует ее положению. Туз червей — одно очко, далее — двойка, тройка... И так до короля червей, который соответствует тринадцати очкам. Бубновый туз четырнадцать очков и так далее. Понятно?

— Да.

— А черные карты не считаются. Они как пустое место. Вы готовы играть?

— А какие правила?

— Вы поймете быстрее, когда увидите игру. А потом, когда вы должным образом освоитесь, я сыграю с вами на половину акций в атомной компании.

Он возобновил раскладывание карт, выстраивая их в колонки по пять в ряд.

— Смотрите, что вы имеете,— заключил Болдуин.

Было очевидно, что при тасовке Болдуин определенным образом тщательно подобрал красные карты в группы, хотя оставалось неясным — для чего. Гилид уставился на разложенные карты, силясь понять смысл игры. И вдруг словно прозрел: порядок, в ко-

тором карты выстроились, обрел смысл. Двадцать шесть карт — двадцать шесть букв алфавита.

И он прочитал:

•	О	Н	И	•
М	О	Г	У	Т
В	И	Д	Е	Т
Ь	•	•	•	•
•	Н	А	С	•

Гилид протянул руку к картам.

— Попытаюсь побить набранное вами.

Он перетасовал карты, почти не скрывая, что подбирает их. После раскладки карт можно было прочесть:

З	А	Ч	Е	М
•	•	•	•	•
•	Э	Т	А	•
И	Г	Р	А	•
•	•	•	•	•

—О'кей, теперь ваша очередь.

Болдуин выложил:

•	•	Я	•	•
•	Н	А	•	•
Т	В	О	Е	Й
С	Т	О	Р	О
Н	Е	•	•	•

— Я выиграл снова,— с удовлетворением объявил Гилид.

Собрав карты, он разложил их в новой последовательности:

•	Д	О	К	А
Ж	И	Т	Е	•
•	•	•	•	•
•	Э	Т	О	•
•	•	•	•	•

Болдуин проворчал:

— Пожалуй, вы слишком искусны для меня. Дайте-ка мне карты.

Он выложил:

•	•	Я	•	•
П	О	М	О	Г
У	•	В	А	М
В	Ы	Б	Р	А
Т	Ь	С	Я	•

Гилид усмехнулся и построил пять новых колонок:

•	М	Н	Е	•
В	•	•	Т	Ю
Р	Ь	М	Е	•
Б	Е	З	О	П
А	С	Н	Е	Е

— Я перебил ваше счастье,— со злорадством в голосе заявил Болдуин и выложил следующую комбинацию:

•	Т	Ы	•	•
Г	Л	У	П	•
•	Э	Т	О	•
Н	Е	•	Т	Ю
Р	Ь	М	А	•

Гилид ответил:

В	Р	Е	Ш	Ь
•	•	•	•	•
•	Г	Д	Е	•
•	Ж	Е	•	•
•	•	М	Ы	•

Болдуин выложил:

•	Э	Т	О	•
О	Т	Е	Л	Ь
•	•	•	•	•
Н	О	В	Ы	Й
•	В	Е	К	•

Снова подбирая карты, Гилид обдумывал прочитанное. Он был готов поверить, что находится где-то в отеле «Новый Век»: вряд ли его противники позволили бы двум обыкновенным полицейским забрать его в обычную городскую тюрьму — если только она не находилась под их полным контролем, как и отель «Новый Век». Тем не менее это утверждение ничем не было доказано. Что же касается Болдуина, то он мог действительно быть на стороне Гилида, хотя более вероятно, что он подсажен сюда как агент-провокатор. Но он мог работать и на себя. Хотя Болдуин и показался Гилиду лжецом, он решил, что стоит принять его предложение. Сложившаяся ситуация не давала ему никаких выгод, любую же динамическую ситуацию он мог бы повернуть в свою пользу. Но требовалось больше данных.

— Эти карты липкие, как конфеты,— пожаловался он, снова раскладывая их на скамье.

•	•	•	В	•
Ч	Е	С	Т	Ь
•	Ч	Е	Г	О
•	•	Я	•	•
З	Д	Е	С	Ь

— Вам чертовски везет,— прокомментировал Болдуин.

М	И	К	Р	О
Ф	И	Л	Ь	М
•	Б	Е	Г	И
•	П	О	К	А
•	•	Ж	И	В

Гилид собрал карты и начал их тасовать, когда Болдуин неожиданно заявил:

— Игра окончена.

За дверью послышались шаги.

— Желаю счастья, сынок,— сказал Болдуин.

Итак, его сосед по камере знал о микрофильмах. В то же время он не воспользовался ни одним из дюжины имеющихся способов, чтобы показать, что он является членом одной с Гилидом организации. Следовательно, он либо был подсажен противником, либо представлял собой третью сторону. И что особенно важно, факт, что Болдуин знал о фильмах, доказывал его же утверждение, что Гилид находился не в тюрьме. Отсюда с горькой очевидностью следовало, что у него, Гилида, нет никаких шансов выбраться отсюда живым... Шаги, приближавшиеся к камере, может быть, отбивали последние секунды его жизни. Гилид понимал, что должен немедленно найти средство передать информацию о местонахождении микрофильмов до того, как его уведут отсюда. Что бы там ни было, микрофильмы должны быть переданы по назначению.

Шаги раздались совсем близко.

Все это время он тасовал карты. Паук, спустившийся с потолка, прилепился к руке Болдуина. Вместо того чтобы щелчком сбить его или раздавить, тот очень осторожно протянул руку к стене, чтобы паук смог опуститься на пол.

— Лучше держись в стороне, коротышка,— мягко сказал он.— А то один из больших парней может наступить на тебя и раздавить.

Инцидент, каким бы малым он ни был, определил решение Гилида. Он встал и протянул подтасованную колоду Болдуину.

— Я посмотрю, кто наши гости.

Шаги смолкли возле двери камеры. Пришедших было двое, и на них не было полицейской формы — маскарад закончился. Один остановился поодаль, прикрывая другого пистолетом, его напарник открыл дверь.

— Отойди к стене, пузатый,— приказал он.— А ты, Гилид, выходи, не то я выбью тебе все зубы просто так, ради развлечения.

Болдуин прошлепал к стене, а Гилид медленно вышел наружу. Он ждал удобного случая, но охранник попятился от него, так ни разу и не закрыв напарника с пистолетом.

— Впереди нас. И медленно,— приказал он.

Гилид подчинился. Принятые меры предосторожности лишили его возможности бежать или драться.

Когда они ушли, Болдуин вернулся на скамью. Он выложил карты, как будто раскладывая пасьянс, снова собрал их в том же порядке, в каком Гилид оставил их ему. Потом он спрятал колоду в карман. Сообщение, переданное Гилидом, гласило:

С	**К**	**А**	**Ж**	**И**
•	**Ф**	**Б**	**Б**	**•**
П	**•**	**Я**	**Щ**	**•**
1	**0**	**6**	**0**	**•**
Ч	**И**	**К**	**А**	**Г**

Охранники привели Гилида в комнату и заперли за ним дверь, оставшись снаружи. Гилид оказался перед большим окном с видом на город. Слева на стене висело изображение лунного пейзажа. Перед ним находился роскошно отделанный письменный стол.

Только частица его мозга отметила и запомнила все эти детали: основное внимание Гилида было направлено на особу, сидевшую за столом. Это была женщина. Старая, но не дряхлая и не беспомощная. Очень живые глаза на спокойном лице. Ухоженные руки с полупрозрачной кожей. На столе перед ней лежали два почтовых цилиндра, коды, какие-то рваные и испачканные обрывки одежды и пластика.

Она подняла глаза.

— Как поживаете, капитан Гилид? — спросила она высоким мягким сопрано, которое неплохо подошло бы для имитации пения гномов.

Гилид поклонился.

— Благодарю вас, хорошо. А вы, миссис Кейтлин?

— Я вижу, вы знаете меня?

— Мадам знаменита своей благотворительностью.

— Вы добры, капитан. Но я не буду тратить попусту ваше время. Я надеюсь, что мы сможем отпустить вас, не причинив вам неудобства, но...— она показала на два цилиндра, которые лежали на столе,— вы же сами видите, что вы еще нужны нам.

— Да?

— Так вот, капитан Гилид. Вы отправили по почте не два, а три цилиндра. Эти два были всего лишь пустышками, а третий не достиг места своего назначения. Возможно, он был просто адресован не так, как надо, и поэтому сортирующая машина его отвергла. Если это так, то мы в свое время его получим. Но мне кажется, что вы нашли какой-то способ изменить адрес. Я почти уверена в этом.

— Или, возможно, я подкупил вашего агента.

Она чуть заметно покачала головой.

— Мы очень тщательно проверили это, прежде...

— Прежде чем он умер?

— Пожалуйста, не уклоняйтесь от темы. Я должна знать, куда вы послали этот цилиндр. Я знаю, вас нельзя загипнотизировать обычными способами, у вас приобретенный иммунитет к наркотикам. Ваша нечувствительность к боли простирается за порог сознания. Все эти вещи не нужно доказывать, иначе вы не были бы на такой работе, как эта. Но я должна знать, куда вы послали цилиндр. Я должна его иметь. Какова ваша цена?

— Вы полагаете, у меня есть цена?

Она улыбнулась.

— Если старое выражение и имеет исключения, то история не зарегистрировала их. Будьте благоразумны, капитан. Несмотря на ваш предполагаемый иммунитет к обычным формам допроса, имеются другие способы сломить, изменить характер человека так, чтобы он стал вполне податливым. А у женщины моего возраста лишнего времени нет.

Гилид мягко проговорил:

— Это не ваш возраст, мадам, а знание того, что вы должны получить этот цилиндр как можно скорее, иначе вы не получите его никогда.

Он надеялся, что Болдуин окажется достаточно сообразительным, чтобы просмотреть карты и прочесть последнее сообщение. И действовать согласно ему. Если же Болдуин не догадается, а он, Гилид, умрет, цилиндр так и не будет востребован, и его в конце концов уничтожат.

— Возможно, вы правы. Тем не менее капитан, что вы скажете о десяти миллионах кредитов?

— Десять миллионов кредитов и нож в спину? — уточнил Гилид.— Давайте будем реалистами.

— Вам будут даны убедительные гарантии.

— Даже если это так... В конце концов, вы стоите по меньшей мере пятьсот миллионов.

Она наклонилась вперед.

— Вы мне нравитесь, капитан. Вы сильный человек. Я старая женщина, и у меня нет наследника. А теперь, предположим, вы станете моим партнером... и моим наследником?

— Журавль в небе.

— Отнюдь. Мой возраст и мой пол не позволяют мне активно действовать самой. И я вынуждена иногда полагаться на других. Я очень устала от неэффективных инструментов, от людей, которые позволяют обвести себя вокруг пальца... Вы и я, мы можем далеко пойти, капитан. Вы нужны мне.

— А вы мне не нужны, мадам.

Она не ответила, только нажала кнопку на столе. Отворилась дверь. Вошли двое мужчин и девушка. Гилид узнал в девушке официантку из бара. Они раздели ее догола, что показалось Гилиду излишним, так как ее рабочая форма не могла скрыть никакого оружия. Девушка запротестовала, плача и истерически вскрикивая.

— Успокойся, дитя.

Девушка замолчала на полуслове, глядя на миссис Кейтлин с удивлением. Ее кожу покрывали пупырышки от озноба, а слезы прочертили светлые дорожки на испачканном личике.

— Вы были какое-то время вне наблюдения, капитан,— продолжала миссис Кейтлин.— И в течение этого времени эта особа дважды видела вас. Следовательно, есть основание допросить ее.

Гилид покачал головой.

— Она знает не больше, чем рыба. В том, что вы собираетесь делать, нет необходимости. Всего пять минут гипноза убедят вас...

— О нет, капитан. Гипноз может дать осечку, если она член вашей группы.

Она сделала знак одному из мужчин, сопровождавших девушку. Тот подошел к шкафчику и открыл его.

— Я старомодна,— продолжала миссис Кейтлин.— Я доверяю простым устройствам больше, чем самым мудрым механизмам и процедурам.

Когда Гилид увидел инструменты, которые доставал мужчина из шкафчика, он сделал шаг вперед.

— Прекратите это! — крикнул он.— Вы не можете...

Он больно ударился носом о что-то твердое и невидимое. А мужчина не обращал на него внимания.

Миссис Кейтлин сочла нужным пояснить:

— Простите меня, капитан, я должна сказать вам, что здесь не одна комната, а две. Эта перегородка — стекло. Но особое стекло. И нет нужды травмировать себя, пытаясь достать нас.

—Простите.

— Да, капитан?

— Ваше время уже почти истекло. Отпустите меня и эту девушку. Вы же знаете, что несколько сот человек ищут меня сейчас, и они не остановятся, пока не разберут это здание по камешкам...

— Я думаю, что нет. Человек, соответствующий вашему описанию до мельчайших деталей, отбыл в Южную Америку через двадцать минут после того, как вы зарегистрировались в отеле «Новый Век». У него с собой ваше подлинное удостоверение. Он не достигнет Южной Америки, но обстоятельства его исчезновения будут скорее указывать на дезертирство, чем на несчастный случай или самоубийство.

Гилид попытался сменить тему:

— И чего же вы достигнете, мучая этого ребенка? Все, что она знает, у вас уже есть. Я уверен, что вы вовсе не думаете, что мы можем доверять таким детям, как она.

Миссис Кейтлин сжала губы.

— По правде говоря, я не ожидаю узнать от нее что-либо. Но могу узнать что-нибудь от вас.

— Увидим.

Мужчина, рывшийся в шкафчике, вопросительно посмотрел на свою госпожу. Она кивнула ему. Девушка непонимающе уставилась на него, явно не догадываясь о назначении инструментов, которые тот доставал. Мужчина и его напарник приступили к делу.

Девушка закричала. Она кричала невыносимо долго, а потом потеряла сознание. Мужчины подняли ее и поставили на ноги. Она стояла, качаясь, и тупо рассматривала свои навсегда искале-

ченные руки, а точнее то, что от них осталось. Кровь стекала с ее запястий и капала на пластик пола.

Гилид ничего не сделал и ничего не сказал. Он знал, что цилиндр, который он оберегал, содержит информацию, стоимость которой измеряется миллионами жизней. И в этой ситуации судьба одной девушки роли не играла. Она растревожила лишь очень глубокую область его мозга, но он почти автоматически блокировал эти центры.

Гилид незаметно перенес свое внимание на вид из окна, прикинул, откуда мог бы открываться такой пейзаж. Решил, что находится на девяносто первом этаже «Нового Века», приблизительно в ста тридцати метрах от северного края отеля.

Когда девушка умерла, миссис Кейтлин покинула комнату, не сказав ему ни слова. Мужчины собрали то, что осталось от допрашиваемой, и направились вслед за хозяйкой. Вскоре в помещение вошли те же двое охранников и, используя те же меры предосторожности, проводили его назад, в камеру.

Как только охранники удалились и Бигбелли получил возможность покинуть позицию у задней стены, он подошел к Гилиду и похлопал его по плечу.

— Эй, сынок, рад тебя видеть. Я уже боялся, что никогда не увижусь с тобой снова. Как было дело? Очень туго тебе пришлось, а?

— Нет, они меня не тронули, только задали несколько вопросов.

— Тебе повезло. Некоторые из этих проклятых полицейских играют в скверные игры... Они разрешили тебе позвать адвоката?

— Нет.

— Тогда они еще не закончили с тобой. Хочешь узнать, что будет дальше, сынок?

Гилид сел на скамью.

— Черт с ними. Не хочешь ли еще сыграть в карты?

— Не возражаю. Чувствую, мне сейчас повезет.

Болдуин вытащил двойную колоду. Гилид взял ее и просмотрел. Отлично. Карты пребывали в том же порядке, в каком он передал их Бигбелли. Очевидно, тот сунул их в карман, не проверяя. А так как он все еще был жив, то почувствовал облегчение, обнаружив это.

Гилид перетасовал карты и собрал первое сообщение:

Б	Е	Ж	И	М
•	С	И	Ю	•
•	Ж	Е	•	•
•	М	И	Н	У
Т	У	•	•	•

— Ну держись,— прорычал Болдуин.— Вот.

С	К	А	Ж	И
•	•	•	•	•
Т	Ы	•	•	•
Р	А	С	К	О
Л	О	Л	С	Я

— Как бы не так! Посмотрим, что будет дальше,— сказал Гилид, выкладывая карты:

П	О	К	А	•
•	Н	Е	Т	•
•	•	•	•	•
П	О	Р	А	•
У	Й	Т	И	•

— Тебе слишком везет, чтобы тебя оставили в живых,— посетовал Болдуин.— Странно, когда человек все время выигрывает.

Он пристально посмотрел на Гилида.

— Я так и думал! — завопил он вдруг.— Картежник проклятый, жулик...

Гилид вырвал свою руку.

— Ну ты, грязный жирный слизняк...

— Я тебя поймал, поймал,— Бигбелли схватил его за обе руки. Они начали бороться и повалились на пол.

Гилид незамедлительно обнаружил две вещи: этот неуклюжий человек оказался мастером любой формы грязной борьбы и мог симулировать ее предельно убедительно, не нанося вреда партнеру. Его нажатия на нервные центры находились на доб-

рый дюйм в сторону от нерва, а удары колен попадали по мускулам бедер, а не в пах.

Болдуин попытался задушить его. Гилид ему это позволил. Но Болдуин жал своим предплечьем на подбородок и лишь делал вид, что душит его.

В коридоре послышались шаги бегущих людей. Гилид мельком увидел охранников, которые колебались, остановившись у двери: очевидно, у них не было с собой усыпляющих гранат.

Затем один из них быстро открыл дверь, в то время как другой отступил, обеспечивая первому прикрытие и держа пистолет в руке.

Болдуин, не обращая на них внимания, продолжал сыпать ругательства и обвинения в адрес Гилида. Он позволил первому охраннику подойти к ним, а потом шепнул Гилиду на ухо:

— Закрой глаза.

И сразу же отпустил его. Даже сквозь закрытые веки Гилид ощутил невероятно яркую вспышку света, сопровождающуюся оглушительным треском. Он открыл глаза и увидел, что первый охранник лежит на полу и голова его повернута под неестественно большим углом. Второй охранник, с пистолетом, тряс головой, ствол оружия ходил ходуном. А Болдуин мчался к нему на четвереньках, возвышаясь над полом не более чем на три фута. Ослепленный охранник наконец услышал его и выстрелил в направлении шума. Разряд прошел слишком высоко, а Болдуин достиг охранника и сбил его с ног. Снова прозвучал треск ломаемых костей, и еще один человек расстался с жизнью. Болдуин встал и, схватив пистолет, направил его в сторону коридора.

— Как твои глаза, сынок? — возбужденно спросил он Гилида.

— Все в порядке.

— Тогда возьми эту штуку.

Гилид подошел и взял пистолет. А Болдуин бегом устремился в глухой конец коридора, где было окно. Однако оно, несмотря на все его яростные усилия, не открывалось.

Гилид отчаянно перебирал в уме возможные варианты. События развивались в соответствии с планом Болдуина, а не его. После принудительного посещения комнаты миссис Кейтлин он сориентировался в пространстве. Поворот влево по коридору должен привести к шахте быстрого спуска. Если он окажется в

подвале с пистолетом в руке, он сможет пробиться на улицу — в этом он был уверен — с Болдуином в кильватере, если тот пойдет с ним. Если же нет... Что ж, слишком велика была ставка...

Болдуин забежал в камеру и тут же показался снова.

— Теперь идем со мной,— резко сказал Гилид, движением головы показывая на поворот коридора.

— С дороги, сынок,— ответил ему Болдуин. Он нес тяжелую скамью, на которой они играли в карты. Держа ее наперевес, он устремился с ней к запечатанному окну, набирая скорость. Импровизированный таран тяжело ударил в окно. Пластик выгнулся и лопнул, как мыльный пузырь.

Скамья пролетела в проем и исчезла из виду, а Болдуин, упираясь руками и ногами, повис прямо над тысячью футами пустоты.

— Сынок! — завопил он.— Сюда!

Гилид уже пятился к нему, дважды выстрелив в направлении противоположного конца коридора. Он все еще не мог понять планы Болдуина, но этот человек уже продемонстрировал свою находчивость и... наличие резервов.

Болдуин между тем свистел в два пальца и размахивал рукой. Нарушая все городские правила, из потока движущегося на юг воздушного транспорта отделился вертолет и приблизился к окну. Он держался настолько близко, насколько позволяли лопасти винта. Открылась дверь, и пилот бросил им веревку, которую Болдуин ловко поймал. С невероятной скоростью Бигбелли прикрепил ее к нише окна, затем схватил пистолет.

— Ты первый,— сказал он Гилиду.— Быстрее.

Гилид опустился на колени и схватился за веревку. Пилот тут же наклонил ротор винта так, чтобы веревка натянулась. Гилид переполз по ней в кабину. Пилот подал ему руку; другой рукой он управлял аппаратом, как хорошо выезженной лошадью.

Вертолет накренился. Гилид развернулся и увидел Болдуина, похожего на большого паука, ползущего по своей паутине. Едва Гилид помог Бигбелли забраться внутрь, как водитель нагнулся и перерезал веревку. Вертолет снова накренился и скользнул прочь от стены.

Возле разбитого окна уже показались люди.

— Удираем, Стив,— приказал Болдуин пилоту.

Тот прибавил обороты, ввел машину в непрерывный поток городского движения и спросил:

— Куда?

— Давай домой... и скажи другим ребятам, чтобы отправлялись туда же... Нет, ты занят, я скажу сам.

Болдуин протиснулся в соседнее с пилотом кресло, надел наушники и поднес ко рту бесшумный микрофон. Водитель задал программу автопилоту, после чего откинулся в своем кресле и раскрыл журнал с картинками.

Вскоре Болдуин снял наушники и вернулся в отделение для пассажиров.

— Требуется много времени и вертолетов, чтобы хотя бы один наверняка оказался рядом, когда ты будешь остро нуждаться в нем,— сказал он.— К счастью, у меня их много. О, между прочим, это Стив Холидей. Стив, это Джо. Джо, а какова твоя настоящая фамилия?

— Грин,— ответил Гилид.

— Привет,— сказал пилот и снова опустил взгляд на журнальную страницу.

Гилид обдумывал ситуацию. Он не был уверен, что она улучшилась. Бигбелли, кем бы он ни был, явно представлял собой нечто большее, чем просто вертолетный делец... И он знал о микрофильмах. Тот парень, Стив, выглядел обычным молодым парнем, но ведь и Бигбелли сам порой выглядел болваном. Гилид подумал было о том, что, может быть, стоит попытаться одолеть их обоих, но, вспомнив виртуозность Бигбелли в схватке, решил воздержаться от этого. Бигбелли мог быть и в самом деле на его стороне. Гилид был наслышан о том, что Департамент часто использует больше одного отряда оперативников...

— Бигбелли,— начал он,— может быть, ты сначала высадишь меня в аэропорту? Я чертовски тороплюсь.

— Конечно, раз ты этого хочешь. Но я думаю, что ты не прочь сменить эту форму. В ней ты как священник на вечеринке. И как у тебя с деньгами?

Гилид пальцами пересчитал мелочь в кармане. Человек без денег — что без рук.

— Сколько времени это займет?

— Может быть, лишних десять минут.

Гилид снова подумал о способностях Бигбелли в драке и решил, что рыба в воде не может быть более мокрой.

— О'кей!

Он откинулся на спинку кресла и полностью расслабился. Но вскоре снова повернулся к Болдуину.

— Между прочим, как ты умудрился протащить эту световую бомбу?

— Я большой человек, Джо, на мне очень много места,— он рассмеялся.— Ты был бы удивлен, узнав, где я спрятал ее.

Гилид сменил тему.

— Как ты оказался там?

Болдуин посерьезнел.

— Это долгая и сложная история. Приходи как-нибудь, когда ты не будешь так сильно занят, и я расскажу тебе об этом все.

— Я сделаю это — и скоро.

— Хорошо. Может быть, и я к тому времени тоже смогу продать тебе эту подержанную машину.

Прозвенел сигнал автомата, водитель отложил свой журнал и посадил вертолет на крышу дома Болдуина.

Болдуин сдержал слово. Он провел Гилида в свой офис, послал слугу за одеждой — тот принес ее очень быстро — и протянул Гилиду пачку банкнот толщиной с подушку.

— Ты можешь переслать их мне по почте,— сказал он.

— Я принесу их лично,— пообещал Гилид.

— Хорошо. Будь осторожен на улице. Кое-кто из наших друзей наверняка окажется рядом.

— Я буду осторожен.

Гилид ушел неторопливо, как будто заходил по делам. Но чувствовал себя он менее уверенно, чем обычно. Гилид не любил загадок.

В вестибюле здания, принадлежащего Болдуину, была будка общественного телефона. Гилид зашел в нее и набрал код передающей станции, но не той, которую он пытался использовать ранее. Через несколько минут он говорил со своим шефом в Вашингтоне.

— Джо, где ты был?

— Позже, босс... сначала ЭТО,— используя устный код (дополнительная предосторожность не была излишней), он сообщил

шефу, что фильмы находятся в почтовом ящике 1060, Чикаго, и что их следует забрать оттуда немедленно.

Шеф отошел от микрофона, но вскоре вернулся.

— О'кей, готово. Теперь, что случилось с тобой?

— *Позже, босс, позже. Я полагаю, что приобрел новых друзей, которые очень хотят подраться со мной. Если я задержусь здесь, то могу заработать дырку в голове.*

— О'кей. Направляйся прямо сюда. Я хочу получить исчерпывающий рапорт. Буду ждать.

— Понял,— Гилид повесил трубку.

Он покинул будку с легким сердцем, чувствуя удовлетворение, которое испытываешь, когда успешно закончишь трудную работу. Он даже захотел, чтобы поблизости появился кое-кто из его «друзей», чувствуя желание лягнуть кого-нибудь из тех, кто заслужил это. Но они разочаровали его.

Гилид поднялся на борт трансконтинентального ракетоплана без всяких приключений и спокойно проспал весь путь до Нового Вашингтона.

Добрался он до Федерального Бюро Безопасности одним из многих скоростных маршрутов. После осмотра и проверки ему было разрешено пройти в офис к своему шефу.

Босс поднял глаза и нахмурился. Гилид проигнорировал это: босс всегда хмурился.

— Агент Джозеф Бриггс, три-четыре-девять-семь-два докладывает о выполнении задания, сэр,— спокойно сказал он.

Босс щелкнул на пульте тумблером записи.

— Ты законченный идиот. Как ты посмел показаться здесь?

— Полегче, босс. В чем дело?

Босс прошептал что-то невразумительное, затем сглотнул и сказал:

— Бриггс, этот ящик, 1060 Чикаго, про который ты говорил, он был пуст. Где эти фильмы? Ты взял их с собой?

Гилид-Бриггс едва сумел скрыть свое изумление.

— Нет, я отправил их почтой из почтового отделения, расположенного напротив отеля «Новый Век», по адресу, который вы только что назвали.

И добавил:

— Машина могла их отвергнуть. Я был вынужден написать символ от руки.

На лице босса появилась неожиданная надежда. Он коснулся другого тумблера и сказал:

— Хатер, по поводу дела Бриггса: проверь почтовые станции на предмет отвергнутой корреспонденции по этому маршруту...— он подумал, затем добавил: — Попытайся произвести проверку, исходя из предположения, что почтовый символ был принят машиной, но являлся ошибочным. То же для каждого следующего символа. После этого проверь комбинации из символов по два, три и так далее. Проверку произвести одновременно, используя всех агентов и наличный штат.

Он отключился.

— Такая проверка охватит все почтовые станции на континенте,— заметил Бриггс.— Это просто невыполнимо. Такое невозможно сделать.

— Это должно быть сделано. Ты имеешь представление о важности фильмов, которые ты охранял?

— Да, директор Лунной базы объяснил мне, что я везу.

— А вот действуешь ты не так, как должен был действовать, если знал это. Ты потерял самую ценную вещь, которой обладало когда-либо это или любое другое правительство,— ты потерял абсолютное оружие. И ты стоишь здесь, помаргивая глазами, как если бы потерял пачку сигарет!

— Оружие? — Бриггс пожал плечами.— Я бы не назвал так Эффект Новой, если только вы не относите самоубийство к оружию. И я не считаю, что потерял фильмы. Как агент, действующий в одиночку и получивший инструкцию в первую очередь держать их подальше от чужих рук, я использовал лучшие средства, оказавшиеся в моем распоряжении, чтобы их защитить. Это было в пределах моих прав. Меня каким-то образом засекли...

— Ты не должен был дать себя засечь.

— Само собой разумеется. Но так было. У меня не было поддержки, а моя оценка ситуации показала, что вероятность остаться в живых близка к нулю. Следовательно, я должен был защитить фильмы каким-нибудь способом, который не зависел бы от того, останусь я жив или нет.

— Но ведь ты остался жив. Ты здесь.

— Это не моя заслуга и не ваша, уверяю вас. Я должен был быть прикрыт. А ведь это был ваш приказ, вспомните, что я должен был действовать в одиночку.

Босс мрачно посмотрел на него.

— Это было необходимо.

— Да? В любом случае я не вижу, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. Или фильмы найдутся, или они будут уничтожены как невостребованная почта. Тогда я отправлюсь на Луну и привезу еще одну копию.

Босс пожевал губами.

— Ты не сможешь это сделать.

— Почему?

Босс поколебался, затем сказал:

— Имелось всего два фильма. У тебя был оригинал, который должен был быть помещен в хранилище здесь, в Арсенале. А другой надлежало сразу же уничтожить, как только станет известно, что оригинал в безопасности.

— Да? И что из этого?

— Тебе не понятна важность процедуры? Каждая бумажка, запись, папка были уничтожены, как только были сделаны фильмы. Каждый техник, каждый ассистент, занимавшийся этим, получил гипновнушение. Предполагалось не только защитить результаты исследований, но и стереть навсегда память о том, что такие исследования имели место. В стране не наберется и дюжины людей, которые знают об Эффекте Новой.

У Бриггса на этот счет было свое мнение, основанное на недавнем опыте, но он предпочел промолчать.

Босс продолжал:

— Секретарь все время давил на меня: когда же, наконец, фильмы будут в безопасности? Он был очень настойчив... и очень раздражен, когда позвонил ты и сказал, что фильмы в безопасности и что теперь он будет иметь их через несколько минут.

— Ну и что?

—А ты не понимаешь, придурок? Он сейчас же отдал приказ уничтожить второй экземпляр.

Бриггс присвистнул.

— Он поспешил, разве не так?

— Он представляет себе это не так. Он доложил президенту, что это я поспешил.

— Так оно и есть.

— Нет, это ты поспешил. Ты сказал мне, что фильмы лежат в ящике.

— А по-моему, я сообщил, что послал их туда.

— Нет, ты сказал не так.

— Проиграйте запись нашего последнего разговора.

— Записи нет. По приказу президента никаких записей, касающихся этой операции, не делается...

— Да? Тогда почему же вы записываете сейчас?

— Потому,— ответил босс резко,— что один из нас может расплатиться за случившееся, и это буду не я.

— То есть,— медленно произнес Бриггс,— это буду я.

— Я этого не говорил. Решать будет секретарь.

—Если покатится ваша голова, то за ней и его. Нет, вы оба решили подставить меня. Но прежде чем делать это, не выслушаете ли вы мой доклад? Ведь он может помешать вашим планам. У меня есть новости для вас, босс.

Босс постучал пальцами по столу.

—Давай. Но лучше пусть они будут хорошими.

Бесстрастным монотонным голосом Бриггс перечислил все события, которые произошли со времени получения фильмов на Луне до настоящего мгновения. Босс слушал его, не скрывая признаков нетерпения.

Закончив, Бриггс долго ждал ответа. Босс встал и прошелся по комнате. Наконец он остановился и сказал:

— Бриггс, никогда в жизни я не слышал такой фантастической лжи. Толстый мужчина, играющий в карты, бумажник, который оказался не твоим... украденная из номера одежда. И миссис Кейтлин, миссис Кейтлин. Ты что, не знаешь, что она одна из самых рьяных сторонников правительства?

Бриггс промолчал. Босс продолжал:

— А сейчас я расскажу тебе, что было на самом де-ле. Ты приземлился в Пье-да-Терр, совершенно правильно, но...

— Откуда вы знаете?

— Потому что ты был прикрыт, естественно. Ты же не думаешь, что я бы доверил это одному человеку, не так ли?

— Почему вы не сказали мне? Я мог бы позвать на помощь и спасти все это.

Босс оставил его слова без внимания.

— Ты нашел посыльного, потом отпустил его, зашел в тот бар, вышел и направился в почтовое отделение. Не было никакой драки на тротуаре, потому что никто не следовал за тобой. В почтовом отделении ты отправил три цилиндра, один из которых мог содержать, а мог и не содержать микрофильмы. Оттуда ты отправился в «Новый Век», покинул его примерно через двадцать минут и успел к транспорту в Кейптаун. Ты...

— Минутку,— возразил Бриггс.— Как я мог проделать это и все же оказаться здесь?

— Э-э-э...— на мгновение босс запнулся.— Это все детали. Ты был надежно опознан. Что же касается заданного тобой вопроса, то для тебя было намного лучше, если бы ты остался в этой ракете. Фактически...— взгляд шефа стал отрешенным,— ...ты не провалил это поручение. Ты продался.

Бриггс в упор посмотрел ему в лицо.

— Вы обвиняете меня?

— Не в данное мгновение. Именно поэтому для тебя было бы лучше остаться в ракете... пока все это не успокоится и не прояснится.

Бриггсу не нужно было объяснять, какое решение последует, когда «вопрос прояснится». Он вынул из кармана пластинку для записи, быстро заполнил ее и протянул боссу.

На пластинке было написано: «Немедленно подаю в отставку», стояли подпись, отпечаток пальца, дата и час.

— Пока, босс,— сказал Бриггс и повернулся, как бы собираясь уйти.

Босс завопил:

— Стоп! Бриггс, вы под арестом! — он потянулся к кнопке на столе.

Бриггс ударил его ребром ладони по горлу, а чтобы босс пробыл в отключенном состоянии достаточно долго, добавил удар в желудок. Проверка стола позволила обнаружить медицинский

набор. Бриггс сделал боссу укол снотворного, обеспечивающий двухчасовой сон; место для укола он подсознательно выбрал рядом с родинкой. Затем он вытер иглу, вернул все на прежнее место, стер ленту с разговором, включил на столе тумблер «не беспокоить» и покинул кабинет, избрав для этого другой путь.

Он отправился в ракетопорт и купил билет на первый рейс до Чикаго. За оставшиеся до старта двадцать минут он навел несколько справок и купил две-три мелкие вещицы, чтобы окружающие могли запомнить его лицо.

Когда объявили посадку на чикагский рейс, он вместе с толпой двинулся вперед. Не доходя до внутренних ворот, он стал частью толпы зевак, наблюдающих за отправкой, и, помахав кому-то из пассажиров в очереди у ворот, крикнул: «До свидания!», после чего позволил толпе увести себя от закрывающихся ворот. А затем проскользнул в мужской туалет. Когда он вышел оттуда, в его внешности произошло несколько поспешных, но эффектных изменений.

И, что более важно, изменились его манеры. Короткая незаконная операция в толпе обеспечила его рабочей карточкой. Через пятьдесят минут он отправился в путь через всю страну уже как Джек Гиллеспи, грузчик и помощник водителя на дизельном грузовике.

Мог ли написанный от руки адрес на пневматическом цилиндре быть причиной, по которой почтовая машина-автомат отвергла бы его? Бриггс восстановил в памяти наклейку, какой она была, когда он закончил над ней работу. Нет, его воспроизведение символов было верным и четким. Машина должна была принять их.

Могла ли машина отвергнуть цилиндр по другой причине, такой, скажем, как отогнутый уголок наклейки? Да. Но наличие написанного адреса было достаточно, чтобы почтовый клерк вернул цилиндр назад, на линию доставки; такая задержка не превысила бы десяти минут даже в часы пик. И с пятью такими задержками цилиндр достиг бы Чикаго за час до того, как он сделал по телефону свой доклад боссу.

Предположим, наклейка оторвалась бы совсем. В этом случае цилиндр отправился бы туда же, куда и другие два цилиндра.

В результате этого миссис Кейтлин завладела бы им вместе с двумя другими цилиндрами. А этого не произошло.

Следовательно, цилиндр достиг почтового ящика в Чикаго. Следовательно, Бигбелли прочитал сообщение в подобранной колоде и дал кому-то в Чикаго инструкции, использовав для этого радиоустановку вертолета. Следовательно, фильмы у Бигбелли — вывод, к которому он пришел еще в офисе босса.

В двухстах милях от Нового Вашингтона он затеял спор с водителем и оказался уволенным. Из телефонной будки в маленьком городке, где он очутился, Бриггс позвонил в деловой офис Болдуина.

— Передайте ему, что звонил человек, который должен ему деньги.

Вскоре послышался голос Болдуина:

— Привет, сынок. Как дела?

— Меня уволили.

— Я так и думал.

— Хуже. Меня хотят арестовать.

— Естественно.

— Я хотел бы поговорить с тобой.

— Хорошо. Где ты?

Гилид-Бриггс объяснил.

— Ты чист?

— По крайней мере, на несколько часов.

— Иди в местный аэропорт. Стив подберет тебя.

Стив не заставил себя долго ждать. Кивнув Бриггсу в знак приветствия, он рывком послал машину в воздух. Включив автопилот, он вернулся к чтению.

Гилид спросил:

— Куда мы летим?

— На ранчо босса. Разве он вам не сказал?

—Нет.

Гилид знал, что, возможно, он находится на пути без возврата. Правда, Болдуин помог ему бежать от неизбежной смерти: миссис Кейтлин наверняка не позволила бы ему жить ни на минуту дольше, чем это отвечало ее планам. Иначе она не позволила бы убить ту девушку в его присутствии.

Пока он не прибыл в бюро, он полагал, что Болдуин спас его потому, что знал что-то или же хотел срочно узнать нечто. А вот сейчас это выглядело так, словно Болдуин спас его из чисто альтруистических соображений. Гилид допускал существование иных мотивов, но был все же склонен считать их маловероятными. Итак, Болдуин мог иметь собственные причины желать, чтобы Гилид прожил достаточно долго, чтобы сделать доклад в Новом Вашингтоне, и в то же время он, возможно, сейчас заинтересован в уничтожении Гилида, когда его хотят арестовать, тем более что его исчезновение вряд ли будет замечено.

Болдуин мог быть даже партнером миссис Кейтлин в ее темных делишках. Некоторым образом это было самое простое объяснение, хотя оно и оставляло другие факты необъяснимыми. В любом случае Болдуин являлся ключевым персонажем: фильмы находились в его руках. Рисковать было необходимо.

Гилида все это не особенно беспокоило. Факты, известные ему, были словно начертаны мелом на черной доске его памяти. И сейчас его мозг ждал, пока достаточное количество переменных станет постоянными, чтобы позволить логике найти решение.

Полет оказался очень приятным. Стив доставил его на лужайку около большого сельского дома и представил пожилой женщине, которую назвал миссис Гарвер, а потом улетел.

— Будьте как дома, Джо,— сказала миссис Гарвер.— Ваша комната — самая последняя в восточном крыле. Душ — напротив. Ужин через десять минут.

Гилид поблагодарил и, последовав ее предложению, успел после душа попасть в гостиную за две-три минуты до начала ужина.

В гостиной он застал несколько человек. Его присутствие они восприняли как нечто само собой разумеющееся. Никто не спросил, почему он здесь. Одна из женщин представилась как Тейлин Вагнер, затем она представила его остальным присутствующим. Миссис Гарвер вошла, звоня в колокольчик, и все отправились в длинную обеденную комнату. Гилид не мог припомнить, когда он ел такую вкусную пищу и в столь удивительной компании.

После одиннадцатичасового сна — его первого настоящего отдыха за последние несколько дней — он как-то вдруг полностью проснулся. Возможно, от звуков, которые его подсознание не

смогло сразу идентифицировать, в то же время отказавшись пренебречь ими.

Гилид открыл глаза, осмотрел комнату и соскочил с кровати. Затаился у двери. За дверью слышались два голоса, мужской и женский. Женский принадлежал Тейлин Вагнер, мужчину он узнать не смог.

Мужской голос: — *Тоумает?*

Женский: — *Не.*

Мужской: — *Зулитси?*

Женский: — *Ипвсит. Нью-Джерси.*

Точно передать услышанные Гилидом звуки невозможно, во-первых, из-за ограниченности фонетических символов, а во-вторых, потому, что его уши не были привычны к подобным звукам. Слух являлся функцией мозга, а не уха. Его мозг, как бы развит он ни был, тем не менее настаивал на втискивании звуков, достигавших уха, в звуковые ячейки, предпочитая не начинать построение новых ячеек.

Узнав Тейлин Вагнер, он выпрямился и расслабился. Тейлин была частью некой ситуации, которую он принял, прибыв сюда; незнакомца, известного ей, он тоже должен принять.

Одежда, в которой он прибыл сюда, исчезла. Но его деньги — точнее, деньги Болдуина — лежали на том месте, где была его одежда. Там же лежала рабочая карточка Джека Гиллеспи и немногочисленные личные вещички Гилида. Рядом с ними кто-то положил прогулочные шорты и новые полукеды его размера.

Он с глубоким удивлением отметил, что этот некто оказался способен обслужить его, не разбудив.

Гилид надел шорты, полукеды и вышел из комнаты. Пока он одевался, Тейлин и ее компаньон ушли. Поблизости никого не было, столовая пуста, но три места были накрыты, включая и его собственное. Он выбрал себе поджаренную ветчину с яйцами, налил кофе. Двадцатью минутами позже, все еще в одиночестве, вышел на веранду. День был прекрасный. Он с интересом рассматривал жаворонка, когда из-за дома вышла молодая женщина. Одета она была почти так же, как и он. Женщина была очень миловидна, хотя и не настолько, чтобы это его раздражало.

— Доброе утро,— сказал Гилид.

Женщина остановилась, уперев руки в бедра, и осмотрела его сверху донизу.

— Ну,— сказала она,— почему мне никто ничего не сказал? — и затем добавила: — Вы женаты?

— Нет.

— Я охочусь в окрестностях. Объект — замужество. Давайте познакомимся.

— Джо. Но для женитьбы я неподходящий человек. Я избегаю ее много лет.

— Все неподходящи для женитьбы,— горько сказала она.— Меня зовут Гейл. Здесь, в корале, есть новая лошадь. Пойдемте посмотрим.

Они пошли. Кличка жеребца была Победитель. Гилид одобрительно отозвался о нем, хотя в лошадях разбирался весьма слабо.

— Если у вас нет настоящих дел,— сказала Гейл,— то сейчас самое подходящее время пойти искупаться.

— Я тоже так думаю.

Место, куда привела его Гейл, заросло кустами. Дно озерца было песчаным, и на какое-то время он снова почувствовал себя мальчишкой. Мальчики плещутся в воде, а такие вещи, как ложь, Эффект Новой, смерть и насилие, находятся где-то в невероятно далеком измерении.

Потом он лег на берегу и спросил:

— Гейл, что означает: «Тоумает»?

— Повтори снова,— попросила она.— У меня вода в ушах.

Он постарался воспроизвести беседу, которую слышал. Она недоверчиво посмотрела на него, потом рассмеялась.

— Ты не слышал этого, Джо.

— Но я слышал.

— Повтори это еще раз.

Он повторил, стараясь выговаривать слова более тщательно и имитировать акцент, с которым они произносились. Она фыркнула.

— На сей раз я поняла суть. Это Тейлин. Однажды какой-нибудь сильный мужчина свернет ей шею.

— Но что это означает?

Гейл искоса посмотрела на него.

— Если ты выяснишь это, я в самом деле выйду за тебя замуж, несмотря на твои протесты.

Кто-то свистнул им с вершины холма.

— Джо! Джо Грин! Босс хочет видеть тебя!

— Надо идти,— сказал он Гейл.— Прощай!

— Увидимся позже,— поправила она его.

Болдуин ждал его в комфортабельном кабинете.

— Привет, Джо,— поздоровался он.— Садись. С тобой хорошо обращались?

— Да, разумеется. У вас всегда такой стол?

Болдуин похлопал себя по животу:

— А, так ты думаешь, что я заслужил свое прозвище?

— Бигбелли, мне требуется немало объяснений.

— Джо, мне в самом деле жаль, что ты потерял свою работу. Если бы у меня было время, этого бы не случилось.

— Ты работаешь на миссис Кейтлин?

— Нет, мы с ней противники.

—Послушай, мне хотелось бы верить, но у меня нет причин... пока. Что ты делал там, где мы встретились?

— Меня схватили — миссис Кейтлин и ее ребята.

— Тебя схватили, и ты случайно оказался в одной камере со мной. И ты случайно знал о тех фильмах, которые я должен был охранять, и двойная колода в кармане была у тебя случайно?

— Если бы у меня не было карт, нашелся бы какой-нибудь другой способ поговорить,— мягко промолвил Бигбелли.— Не так ли?

— Разумеется.

— Я не хочу сказать, что все было случайно. Мы шли за тобой с Лунной базы. Когда тебя схватили, или, точнее, когда ты позволил затянуть себя в «Новый Век», я устроил так, чтобы они схватили и меня тоже. Я рассчитывал, что, находясь внутри, заполучу шанс протянуть тебе руку,— он помолчал, а потом добавил: — Я дал им понять, что я тоже из ФББ.

— Тогда это просто удача, что нас заперли вместе.

— Не совсем,— возразил Бигбелли.— Удача — это награда, которая следует за тщательным планированием. Была, конечно, определенная вероятность, что нас посадят вместе, надеясь кое-что

выяснить из того, что им нужно было узнать. Мне повезло, потому что я не рассчитывал на случай. А если бы не повезло, я должен был бы выбраться из камеры и найти тебя. Но для этого нужно было сначала попасть внутрь.

— Что представляет собой миссис Кейтлин?

— Совсем не то, что думает общественность. Она — «королевская пчела» или «черная вдова» банды. Банда — не совсем подходящее слово, скорее, сильная группа. Одна из нескольких групп, более или менее связанных друг с другом и обладающих собственными сферами влияния.

Гилид кивнул. Он знал, что имеет в виду Болдуин, хотя раньше ему не доводилось слышать, что столь уважаемая миссис была замешана в таких делах... пока его не ткнули носом в этот факт.

— А кем являешься ты, Бигбелли?

— Ну, Джо... ты мне нравишься, и мне в самом деле жаль, что ты попал в переделку. Видишь ли, я чувствую себя обязанным тебе. Как ты отнесешься к предложению снабдить тебя новой с иголочки индивидуальностью — даже новыми отпечатками пальцев, если хочешь. Выбирай любое место на шарике, какое понравится, любое занятие — мы для начала обеспечим тебя деньгами... или дадим достаточно денег, чтобы ты мог уйти в отставку и прожить весь остаток жизни в свое удовольствие. Что скажешь?

— Нет,— без колебаний ответил Гилид.

— У тебя нет ни близких родственников, ни близких друзей. Подумай. Я не могу вернуть тебе твою работу, но все остальное я могу сделать.

— Я думал достаточно. К черту работу, я хочу разобраться в этом деле, а ты — ключ к нему.

— Подумай еще, Джо. Это твой шанс развязаться с делами государства и начать нормальную счастливую жизнь.

— И он еще говорит — «счастливую».

— Ну, по крайней мере, безопасную. А если ты будешь настаивать на разъяснениях, то твоя безопасность станет крайне проблематичной.

— Не припомню, чтобы когда-нибудь искал безопасности.

— Тебе виднее, Джо. Во всяком случае...

Из динамика на столе донеслось:

— *Осние р флег рилп.*

Болдуин ответил: — *Ню,*— и быстро подошел к камину, в котором еще тлели угли. Он ухватился за каминную полку и потянул ее на себя. Все сооружение — очаг, облицовка и каминная решетка — сдвинулись, открывая проход в стене.

— Ныряй вниз по лестнице, Джо,— сказал он.— Это налет.

— Настоящее убежище.

— Еще какое. В доме больше потайных ходов, чем в кроличьей норе.

Болдуин вернулся к столу, открыл ящик. Достал три катушки микрофильмов и опустил их в карман. Гилид, собиравшийся спуститься, увидел катушки и остановился.

— Иди вперед, Джо,— поторопил его Болдуин.— Мы окружены. Некогда заниматься пустяками. Мы будем просто вынуждены убить тебя.

Вскоре они оказались глубоко под землей, в комнате, очень похожей на тот кабинет, что был вверху, только без солнечного света и без вида из окна. Болдуин на том же тарабарском языке сказал что-то в микрофон, висевший на стене, и получил ответ. Гилид, подумавший было, что этот жаргон был перевернутым английским, вынужден был отказаться от этой мысли.

— Как я уже говорил,— продолжал Болдуин,— если ты упорствуешь в том, чтобы получить ответы на все вопросы...

— Минутку, что это за набег?

— Всего лишь правительственные ребята. Обычный рейд. Они не будут слишком грубы и въедливы. Мамаша Гарвер с ними справится. Пока у них не возникнет мысль использовать просвечивающий радар, мы никому не причиним боли.

Гилид криво усмехнулся в ответ на столь пренебрежительное отношение к его прежней службе.

— А если они применят радар?

— Вот это устройство на стене завизжит в этом случае, как свинья. Но и тогда мы будем в безопасности против всего, кроме атомной бомбы. Но уж этого они не сделают. Им нужны фильмы, а не дыры в земле. Кстати, чуть не забыл... вот, лови.

И Гилид вновь оказался владельцем фильмов, с которых началось все это дело. Он размотал несколько кадров и убедился,

что это те самые фильмы. Он сидел спокойно, лихорадочно соображая, как ему выбраться отсюда с наименьшими потерями.

Из динамика опять что-то донеслось. Болдуин ничего не ответил, но сказал Гилиду:

— Нам осталось потерпеть совсем немного.

— Босс, кажется, решил проверить мой доклад.

Наверху наверняка были некоторые из его товарищей. Если он справится с Болдуином, сумеет ли он найти механизм управления дверью?

— Босс — глупец. Он проверит меня, но не слишком тщательно, потому что я богат. Миссис Кейтлин он не будет проверять совсем: она слишком богата. Он думает не головой, а политическими амбициями. Его предшественник был лучше — он был одним из нас.

Направление мыслей Гилида внезапно изменилось. Прежнему боссу он доверял.

— Докажи свое последнее замечание, мне это очень важно.

— Не сейчас. Потом ты убедишься, что это правда... если ты все еще настаиваешь на ответах. Ты проверил фильмы, Джо? Кинь их обратно.

Гилид не шелохнулся.

— Я полагаю, вы в любом случае сделали копии?

— В этом не было необходимости. Не выдумывай ничего, Джо. Ты порвал с ФББ, и тут ничего не изменить, даже если вместе с фильмами ты привезешь и мою голову. Ты ударил босса, припоминаешь?

Гилид отлично помнил, что ничего не говорил об этом Болдуину. Он начал верить, что у того в самом деле есть в ФББ свои люди.

— Во всяком случае, мне бы позволили уйти в отставку с чистым послужным списком. Я знаю босса — официально он будет счастлив сделать это.

Гилид просто тянул время, ожидая удобного момента.

— Успокойся, Джо. Я не хочу драки. Один из нас может погибнуть... или оба, если ты выиграешь первый раунд. И доказать тебе ничего не удастся, потому что во время твоих приключений в «Новом Веке» я был дома и играл с кошкой. А точнее, я прода-

вал вертолеты двум очень респектабельным джентльменам в то самое время, когда, по твоим утверждениям, был где-то в другом месте.

Он снова выслушал обращение динамика и ответил той же самой тарабарщиной.

Гилид оценил ситуацию и пришел к тому же выводу, что и предложенный Болдуином. Не склонный к печальным раздумьям, он тут же вернул фильмы Болдуину.

— Спасибо, Джо.

Он подошел к небольшому мусороприемнику в стене, включил его на полную мощность, бросил туда фильмы, подождал пару секунд и выключил устройство.

— Счастливого пути.

Гилид поднял брови.

— Бигбелли, ты удивляешь меня.

— То есть?

— Я думал, что ты хочешь с помощью Эффекта Новой добиться власти.

— Ерунда. Снимать скальп — чертовски плохой способ лечить человека от перхоти. Что ты знаешь об Эффекте Новой, Джо?

— Немного. Знаю, что это разновидность атомной бомбы, достаточно мощной, чтобы до смерти напугать любого, кто думает о ней.

— Это не бомба. И это не оружие. Это средство уничтожения планет путем превращения их в Новую. Если это оружие, военное или политическое, тогда я Самсон,— продолжал Болдуин.— А ты — Далила... Но я не Самсон. И я не собираюсь обрушить храм или позволить кому-либо сделать это. Но есть твари из породы разумных вшей, которые могут сделать именно это, если кто-то встанет у них на дороге. Миссис Кейтлин — одна из них. Твой друг босс — тоже из таких: если бы у него хватило храбрости, он бы тоже пошел по такому пути. Я намерен расстроить планы подобных людей. Что ты знаешь о баллистике, Джо?

— В пределах школьной программы.

— Непростительное невежество.

Динамик заговорил снова. Болдуин ответил и продолжал:

— Задача трех тел пока еще не имеет красивого общего решения, но есть несколько частных решений, например астероиды,

догоняющие Юпитер. И для прямолинейной системы существует решение... Слыхал об астероиде Земля-Анти?

— Это кусок скалы, который находится по другую сторону Солнца, и поэтому нам его никогда не видно.

— Верно. Только его там больше нет. Его превратили в Новую.

Обычно Гилид совершенно невозмутимо относился к сюрпризам. Но теперь вдруг подумал, что в последнее время таких сюрпризов слишком много.

— Как? Я думал, что Эффект Новой только теория...

— Нет. Если бы ты успел посмотреть эти фильмы, то увидел бы картину гибели астероида. Эта штука — «спичка», способная поджечь мир. Так и было — тот маленький мир вспыхнул и исчез.

— Почему же об этом никому не известно?

— Никто не видел, как это произошло. С Земли этого не видно, так как все случилось позади Солнца. А из Лунной колонии взрыва нельзя было заметить, потому что Солнце затмило его. Вспышку снимали кинокамеры с корабля-автомата. Об этом знали только ученые, которые изобрели бомбу. И все они — наши сторонники, кроме директора. Если бы не он, ты никогда бы не оказался замешан в это дело.

— Директор Финдли?

— Да. Приятный парень, но недалекий, умом не блещет. Ученый-политик со средними способностями. Наши ребята отлично с ним справляются, так что он не играет значительной роли. Но нам не удалось удержать его от посылки фильмов на Землю. Поэтому я должен был перехватить их и уничтожить.

— Почему бы вам просто не спрятать их? Если отвлечься от других соображений — это уникальное научное открытие.

— В данном тысячелетии человечество не нуждается в этом научном достижении. Все материалы я сохранил у себя в голове.

— Тогда твой кузен Хартли — это тоже ты, не правда ли?

— Конечно. Но я также и Болдуин Бигбелли. У меня есть и другие имена.

— Можешь быть хоть Снежной Королевой, меня это не касается.

— Как Хартли я задумал этот проект. И управлял им через своих ребят.

— Я никогда не считал это заслугой Финдли. Я не физик, но на такое он явно не потянет.

— Конечно, конечно. Я пытался доказать, что искусственная Новая не может быть создана. Политическая важность этого очевидна. Но я просчитался, и мы вынуждены были принять срочные меры.

— Вероятно, не следовало начинать все это...

— Нет, лучше знать худшее. Теперь мы настороже и будем препятствовать исследованиям в этом направлении.

Динамик снова что-то проворчал. Болдуин продолжал:

— Подобные по-настоящему опасные тайны природы нельзя раскрывать, пока разум не достигнет уровня, на котором он будет способен с ними справиться... Мамаша Гарвер зовет нас наверх.

Они направились к лестнице.

— Удивляюсь тому, что ты оставил миссис Гарвер одну в такой критической ситуации... Ведь она старая женщина.

— Уверяю тебя, она достаточно компетентна, чтобы с этим справиться. К тому же я направлял ход событий, ты же слышал.

— О-о.

Они снова поднялись в верхний кабинет.

— Я дам тебе еще один шанс для отступления, Джо. То, что ты все знаешь о фильмах, не имеет значения. Они больше не существуют, и тебе ничего не удастся доказать. Но ты должен понять, что, присоединившись к нам, ты будешь в курсе всего происходящего здесь. И при первом же подозрении ты окажешься мертвее покойника.

Гилид понимал, что момент, когда можно было повернуть назад, давно пройден. С гибелью фильмов был потерян последний шанс жить прежней жизнью. Но это его мало беспокоило; дело зашло слишком далеко. Он осознал наконец, что с того мгновения, когда он подтвердил, что понял зашифрованное с помощью игральных карт этим человеком сообщение, он перестал быть свободным актером, и все его действия направлялись ходами Болдуина. Ничего уже не поправить. Его будущее здесь, другого не дано.

— Понятно. Продолжай.

— Я знаю, что ты думаешь, Джо. Ты не прочь рискнуть, не обещая лояльности.

— Да... но почему ты решил дать мне этот шанс?

Теперь Болдуин был более сдержан:

— Ты способный человек, Джо. Ты сообразителен и имеешь мужество делать в критической ситуации не то, что общепринято, а то, что разумно.

— Поэтому ты решил привлечь меня?

— Отчасти поэтому. Но и потому, что мне понравилось, как ты ухватил суть новой карточной игры,— он усмехнулся:— И даже потому, что Гейл понравилось, как ты обращаешься с животными.

— Гейл? Какое она имеет отношение?..

— Она докладывала о тебе несколько минут назад, во время рейда.

— Гмм... Продолжай.

— Ты был предупредителен...— тут Болдуин, казалось, смутился.— Джо, то, что я сейчас скажу тебе, это чистая правда. Я хочу, чтобы ты принял это всерьез и не смеялся.

— О'кей.

— В некотором роде я секретарь отделения организации суперменов.

— Я так и полагал.

— Да? С каких пор? И откуда ты это узнал?

— Одно к одному: карточная игра, быстрота твоих реакций. Окончательно я это понял, когда ты уничтожил фильмы.

— Джо, что такое, по-твоему, супермен?

Гилид не ответил.

— Ну хорошо, обойдемся без этого избитого термина. Он приобрел почти комический смысл. Я хотел им шокировать тебя, но вижу, что мне это не удалось. Это слово теперь подразумевает пронизывающий взгляд, сверхчувственное восприятие, стальные мускулы, двойное сердце, сверхпрочную кожу и тому подобное — мечта подростка о герое, побеждающем драконов... Чепуха. Что такое человек? Чем он отличается от животных? Ответь, и у нас будет определение сверхчеловека — или Нового Человека, ХОМО НОВИС, который должен заменить ХОМО САПИЕНС — и заменяет его, потому что обладает большей способностью к выживанию. Я не пытаюсь доказать, что я супермен, оставляю это своим компаньонам и неумолимым процессам времени. То же относится и к тебе.

— Ко мне?

— Да, к тебе. У тебя явные симптомы принадлежности к Хомо Новис, Джо. Правда, ты пока неуклюж, не тренирован и тебе не хватает шлифовки. Возможно, ты принадлежишь к этой породе. Теперь — что такое человек? Что он может делать лучше, чем любое животное? И какой человеческий фактор выживания перевешивает любые возможности животных?

— Человек может думать.

— Я подсказал тебе ответ, так что твоей заслуги в нем нет. Отлично, ты доказал, что ты человек. Пойдем дальше. Чем, потвоему, должен обладать гипотетический супермен за счет мутации, научных открытий или других средств в дополнение к тому преимуществу, которое он уже имеет и которое позволило бы ему овладеть этой планетой в постоянной борьбе с другими видами животного мира? Какой фактор обеспечит превосходство Хомо Новис над людьми, подобное доминирование человека над охотничьим псом? Думай, Джо. Каким для этого должно быть направление эволюции доминирующего вида?

Гилид задумался надолго. Человеку не мешало бы обзавестись весьма многими способностями: зрением, заменяющим и телескоп, и микроскоп; способностью видеть во всем спектре электромагнитных волн, заглянуть внутрь вещей... аналогично со слухом... Невосприимчивостью к болезням, регенерацией органов — отрастить новую руку или ногу. Он должен летать без помощи громоздких и ненадежных приспособлений, вроде ракет и вертолетов, передвигаться по океанскому дну, как по суше; работать, никогда не уставая...

Но и орел может летать, однако его почти истребили, несмотря на его острое зрение, превосходящее зрение человека! Обоняние и слух намного лучше у собаки, а тюлень — лучше плавает. Крыса обладает феноменальной выживаемостью, она хитрее, и убить ее не просто... Но у крысы слишком мал мозг, поэтому ни выносливость, ни хитрость не помогут ей заменить человека.

— Еще более совершенное мышление,— ответил Гилид.

— Ты заслуживаешь приза! Супермен — это супермыслитель, остальное второстепенно. Новый Человек возьмет верх над Хомо Сапиенс в том, на чем специализируется,— в рациональном

мышлении, в организации данных и их хранении, в способности верно оценивать результат и приходить к правильному решению. Существо, которое сделает это лучше человека, и будет победителем. Имеются, конечно, и другие факторы выживания — хорошее здоровье, быстрые рефлексы, острота органов чувств, но они и в сравнение не идут со способностью мыслить. Это доказано историей: вспомни Марата в ванне, Рузвельта в инвалидной коляске, Цезаря, страдавшего эпилепсией и болезнью желудка, одноглазого и однорукого Нельсона, слепого Мильтона. Когда спадает шелуха, остается только мозг, и он выигрывает. Именно он, а не инструменты тела.

— Постой-ка,— сказал Гилид.— А эсперы?

Болдуин пожал плечами.

— Я ценю людей с экстрасенсорными способностями. Это как бы дополнительное зрение, но оно не имеет никакого отношения к способности правильно мыслить. Мозг эсперов может собрать больше данных, чем если бы использовались обычные чувства, но главное-то в интерпретации этих данных, умении их использовать... Если тебе хочется связаться телепатически с Шанхаем, я могу это устроить — у нас есть операторы в обоих концах,— но по телефону ты можешь получить оттуда любую информацию, причем с меньшими хлопотами и меньшей опасностью, что тебя подслушают... Телепаты не могут поймать сообщение по радио, это другой диапазон волн.

— Какой?

— Об этом потом. Тебе многое нужно узнать.

— Но я имел в виду не только телепатию, а весь комплекс парапсихологических явлений.

— Здесь тот же ход рассуждений. Телепортация пригодилась бы, если телекинез достигнет достаточно высокого уровня. Но, к сожалению, до него далеко, и пока грузовики справляются неплохо. И телевидение для совершенного человека имеет большую ценность, чем чревовещание... Мы зря теряем время, Джо.

— Извини.

— Мы определили мышление как накопление и интеграцию данных, получение правильных выводов. Посмотри вокруг. Большинство людей делает это достаточно хорошо, чтобы добраться

до ближайшего магазина и вернуться обратно домой, не сломав ногу. Если же средний человек пытается думать, то допускает глупейшие ошибки, обобщая, например, на основании единичного факта. Его логика однозначна. Те, кто поспособнее, могут использовать двузначную логику «или-или», но все равно приходят к неверным выводам. Голод, страдание или личная заинтересованность в ответе заставляют их без всякой логики слепо отбрасывать неугодные факты. Они без всякого удивления используют достижения техники, созданные более умными людьми, не понимая их сути, как котенок принимает миску молока. При этом такие люди даже не осознают, что есть высший уровень мышления, и считают свой умственный процесс сопоставимым с гением Эйнштейна. Когда их сбивает с толку Вселенная, они хватаются за астрологию, нумерологию, религию и иные свободные от ума причуды... Ухватившись за подобную величественную чепуху, они отрицают факты, даже если это угрожает их существованию. Труднее всего преодолеть бездну человеческой глупости.

Именно поэтому наверху всегда есть место для человека с куриными мозгами. Он легко может стать губернатором, миллионером или президентом колледжа. И именно поэтому Хомо Новис наверняка заменит Хомо Сапиенс, ведь эволюция никогда не останавливается.

Лишь изредка среди обычных людей можно встретить действительно логически мыслящего человека, по крайней мере хотя бы в одной области. Но вне стен кабинета или лаборатории он зачастую так же глуп, как и остальные, хотя он и в состоянии мыслить, если не испуган, не болен, не встревожен. Именно эта редкая разновидность Хомо Сапиенса ответственна за прогресс человечества, тогда как остальные лишь неохотно пользуются достигнутыми результатами. Даже если он произносит заклинания, сея хлеб, урожай будет зависеть от качества зерна, выведенного более умным, чем он, человеком. Реже встречаются люди, мыслящие и действующие нешаблонно. Если только они не маскируются, их все считают извращенцами, белыми воронами. И горе такому человеку, если он не перестанет быть белой вороной. Ибо инстинкт толпы велит уничтожить белую ворону, так как она опасна для остальных обыкновенных ворон, для их привычек...

Самый редкий тип — человек, который мыслит всегда и делает это быстро, точно и всеобъемлюще, несмотря ни на какие переживания, страхи, физическую боль; человек, у которого точная память и который различает, где истинные факты, где предположения, а где заблуждения. Такие люди есть, Джо. Это и есть Новый Человек, внешне неотличимый от Хомо Сапиенс, хотя на самом деле они отличаются друг от друга, как Солнце отличается от огарка свечи.

— И ты из таких? — спросил Гилид.

— Думай как хочешь.

— И ты полагаешь, что я тоже, может быть, такого сорта?

— Возможно. Окончательные данные будут у меня через несколько дней.

Гилид смеялся до слез.

— Боже мой, Бигбелли, если я будущая надежда человечества, то пусть лучше за мной пошлют еще одну бригаду. Конечно, я сообразительнее большинства парней, с которыми я сталкивался. Но ты и сам говорил, что конкуренция не была слишком большой. У меня нет никаких подсознательных откровений, я так же порочен и ленив, как любой другой человек. Я не прочь посидеть за кружкой пива. Я совершенно не чувствую себя суперменом.

— Кстати, о пиве... Давай-ка выпьем по кружке.

Болдуин встал и принес две банки.

— Вспомни: Маугли считал себя волком. Быть Новым Человеком — не значит лишить себя человеческих симпатий и удовольствий. Новые Люди были во все времена. Сомневаюсь, чтобы они подозревали, что их отличие от остальных позволяет им относить себя к иной породе. Они просто жили, сходились с обычными женщинами, распыляя свои таланты, пока случай снова не соединял генетические факторы.

— Тогда, как я понимаю, этот Новый Человек не является особой мутацией?

— Ха, кто не является мутацией, Джо? Любой из нас — результат миллионов мутаций. Пока мы сидели в подвале, на земном шаре произошли сотни мутаций в человеческой зародышевой плазме. Нет, Хомо Новис появился не потому, что его предок стоял слишком близко от циклотрона; он не является даже но-

вой породой, пока не осознает себя, не организуется и не станет придерживаться того, что заложено у него в генах. Нового Человека легко потерять: он может запросто раствориться в человеческой расе. Он — вариация, ставшая видом. Через миллионы лет вопрос будет стоять иначе: думаю, тогда от смешанных браков между Хомо Сапиенс и Хомо Новис не будет потомства.

— Ты предполагаешь, что Хомо Сапиенс исчезнет?

— Не обязательно. Собака, например, приспособилась к человеку. Сейчас собак больше, вероятно, чем до Рождества Христова... и они лучше питаются.

— И человек будет собакой Нового Человека?

— Опять не обязательно. Вспомни о кошках... Идея в биологическом отделении, снятии сливок с человеческой зародышевой плазмы,— пока обе расы не станут совершенно различными.

— А вы, ребята, напоминаете шайку мерзавцев, а, Бигбелли?

— Чепуха! Бормотание питекантропа.

— И новая раса, конечно, будет править...

— Не всеобщим же голосованием должен Новый Человек решать вопросы жизни и смерти!

— Я не об этом. Но создайте такую расу, и результат неизбежен. Бигбелли, я сторонник первобытной демократии, человеческого достоинства и свободы. Этот мир мне по душе, хотя это и нелогично. В работе мне приходилось схватываться с обычными парнями, я делил с ними эту жизнь; может быть, они были глупыми, но не плохими парнями. И мне не хочется видеть их домашними животными.

Толстяк впервые обнаружил признаки озабоченности. Личина хозяина процветающей фирмы «Короля вертолетов» спала. Перед Джо задумчиво сидел одинокий грустный человек.

— Я знаю, Джо, они из нас. Их жалкое состояние не уменьшает их благородства и достоинства, хотя это и возможно.

— Новый Человек придет, разумеется. Но зачем торопить этот процесс?

— Подумай сам,— он махнул в сторону точно такого же, как и внизу, мусороприемника.— Десять минут назад мы с тобой спасли всю нашу расу и эту планету. Это решающий час. Для того чтобы человечество выжило, кто-то должен быть на страже, а

здесь нет никого, кроме нас. И чтобы сделать это эффективно и не прозевать любой кризис, вроде этого, Новые Люди должны увеличивать свою численность и быть организованными. Сейчас нас крайне мало, Джо. А кризис разрастается, поэтому чтобы сразиться с ним, мы должны расти. В сущности, это бег наперегонки со временем: мы должны взять верх, чтобы ребенок никогда не играл со спичками.

Он остановился и мрачно помолчал.

— Я тоже сторонник демократии, Джо. Но это все равно что ждать подарка от Санта Клауса. Около полутора веков демократия или что-то похожее на нее могли процветать, не создавая серьезной опасности. Все проблемы были разрешены без катастрофических последствий, путем обычного голосования хотя бы и невежественных тугодумов. Но в настоящее время для выживания человечества политические решения должны основываться на знании ядерной физики, планетарной экологии, молекулярной генетики и даже системной механики. А среднему человеку это не по силам, Джо. Хотя они хорошие парни, вряд ли даже один из тысячи не заснет над первой страницей книги по ядерной физике. Они не в силах овладеть тем, что знать надо обязательно.

Гилид отметил этот довод.

— Тогда мы должны научить их, растолковать им суть — и они придут к правильным выводам.

— Нет, Джо, мы пытались сделать это, но ничего не получилось. Как ты заметил, большинство из них — хорошие люди. Собака тоже может быть благородной и доброй. Но есть и плохие — миссис Кейтлин со своей бандой, к примеру, и многие подобные ей. Здравый смысл — плохой помощник, когда ему противостоят интриги и постоянная ложь хитрых, злобных и эгоистичных людишек. Маленький человек не способен рассудить правильно, а у лжи обычно очень красивая упаковка. Слепого не научишь различать цвета; и нет у нас способа научить человека с несовершенным мозгом отличать правду от лжи. Нет, Джо, пропасть между нами хоть и узка, но невероятно глубока. И края ее сблизить мы не можем. Ты должен сам решить, на какой ты стороне, как это сделал каждый из нас.

Гилид решил сменить тему. Проблема, поднятая Болдуином, растревожила его. Разумом он был согласен с его доводами, но

сердце отвергало их, бунтовало. Ситуация была трагической: позиции обеих сторон были равно истинны, обоснованны, благородны.

— Чем вы занимаетесь еще кроме кражи фильмов?

— М-м-м... многим.

Болдуин расслабился и снова выглядел общительным и удачливым бизнесменом.

— Там, где это эффективно, мы применяем давление, действуя уточненными методами. И у нас есть над чем работать. Например, за тобой мы наблюдали десять лет.

— Неужели?

— Да. Это наша первоочередная задача. Через общественные каналы информации мы обрабатываем около одной десятой процента. Это составляет несколько тысяч человек, и мы держим их под постоянным наблюдением. Ну и еще среди нас есть садоводы,— усмехнулся он.

— Шути попонятнее.

— Мы пропалываем людей.

— Извини, сегодня я что-то плохо соображаю.

— Джо, тебе никогда не хотелось уничтожить какого-нибудь злого и никчемного выродка, заражающего все, к чему он прикасается, но которого тем не менее нельзя наказать законным путем? К ним мы относимся, как к злокачественной опухоли, и удаляем их из социального тела общества. Ведем постоянный учет и выносим приговор. Когда человек является моральным банкротом, мы вскрываем его счет при первой же возможности.

Гилид улыбнулся.

— Если бы вы были уверены в правильности своих действий, это могло бы быть интересно.

— Мы всегда уверены, хотя наши методы не всегда одобрили бы даже обезьяны. К примеру, насчет миссис Кейтлин у тебя есть сомнения?

— Ни малейших.

— Тогда почему бы тебе не предъявить ей обвинения? Не надо отвечать. Или возьмем собрание омоложенного Ку-Клукс-Клана, которое состоится через две недели в городе Каролина. Когда церемония достигнет апогея, и они начнут вопить свои заклинания,

подогревая друг в друге звериные инстинкты погромщиков, божья кара сотрет их всех с лица Земли, и притом не таясь.

— Мне можно принять участие в этом?

— Ты еще даже не кадет,— покачал головой Болдуин.— Мы планируем увеличение своих рядов, но это программа на тысячелетие. Сейчас важнее держать спички подальше от ребенка.

— Бигбелли,— медленно проговорил Джо,— сколько тебе лет?

— Я скажу тебе это, когда тебе будет столько же, сколько мне сейчас. Когда человеку страстно хочется жить, он живет достаточно долго. Но при следующей нашей встрече ты должен дать мне ответ.

— Я ответил тебе еще в самом начале, Бигбелли, но есть одно дело... Я хочу, чтобы ты обещал мне...

— Какое?

— Я хочу убить миссис Кейтлин.

— Пока подтяни свои штаны... Если она будет еще жива, когда ты окончишь курс тренировок, тебе разрешат это сделать.

— Благодарю...

— ...Но при условии, что ты окажешься подходящим инструментом для этой цели.

Болдуин повернулся к микрофону и окликнул:

— Гейл! — добавив еще какое-то слово на все том же странном языке. Гейл тут же возникла в дверях кабинета.

— Джо,— сказал Болдуин,— когда эта юная леди закончит твое обучение, ты будешь способен петь, свистеть, жевать резинку, играть в шахматы, катаясь под водой на велосипеде, делая все это одновременно. Забирай его, сестра, он полностью в твоем распоряжении.

— Ну, малыш, пошли,— проговорила Гейл, потирая руки.

— Сначала надо научиться как следует видеть и слышать, потом запоминать и говорить, а уж потом по-настоящему думать.

Джо взглянул на нее.

— А что же я сейчас делаю, если не говорю?

— Это какое-то хрюканье, а не разговор. К тому же английский структурально плохо подходит для мышления. Молчи и слушай.

В классе, расположенном под землей, у Гейл было лишь несколько видов аппаратуры для записи и воспроизведения звуковой и световой информации. Она спроецировала группу цифр на экран на короткий отрезок времени.

— Что ты увидел, Джо?

— Десять, шесть, ноль, семь, два — это все, что я запомнил.

— Цифры были на экране целую миллисекунду, а ты запомнил почему-то только левую сторону группы!

— Остальные я не успел прочитать...

— Смотри на все цифры сразу, не напрягайся, просто смотри.

На экране вспыхнула очередная группа цифр.

Джо от природы имел хорошую память, и индекс умственного развития у него был необычайно высок. Он постарался расслабиться и стал неукоснительно следовать указаниям Гейл. Вскоре он схватывал взглядом десять цифр. Гейл все уменьшала и уменьшала время вспышки.

— Что это за магический фонарь? — спросил он.

— Это тахископ Реншоу. Продолжим работу.

После Второй мировой войны Сэмюэль Реншоу, преподававший в университете штата Огайо, доказал, что большинство людей используют всего двадцать процентов способностей своего мозга видеть, слышать, ощущать и запоминать. Его открытие не получило признания, однако после его смерти этим открытием воспользовалась подпольная организация Новых Людей. К обучению Джо особому языку Гейл не приступала до тех пор, пока досконально не «прореншоуировала» его.

Нужно сказать, что после их беседы с Болдуином другие обитатели ранчо разговаривали на этом языке и в присутствии Джо. Иногда кто-нибудь переводил ему. Обычно это делала мамаша Гарвер. Ему было лестно, что его приняли в организацию, но мысль, что он пока самый младший ученик, удручала его. Он был ребенком среди взрослых.

Гейл начала развивать его слух, произнося отдельные слова нового языка и заставляя его повторять их.

— Нет, Джо, смотри,— говорила она после его неудачной попытки и произносила какое-нибудь слово, и оно появлялось на экране, разложенное на составляющие его звуковые элементы.

— Теперь твоя очередь.

Он произносил то же слово. На экране под первым рядом звуковых символов появился второй.

— Ну как, учитель?— спросил Гилид с ноткой торжества.

— Ужасно, куча ошибок. Последний горловой звук у тебя слишком затянут,— показала она.— Средняя гласная завышена, и подъем звука не получился. Тебя никто бы не понял, фраза прозвучала бессмысленно. Попробуй снова. И не называй меня учителем.

— Да, мадам,— серьезно ответил он и попробовал снова. На этот раз его звуковой ряд наложился на ее, и там, где символы совпадали, они уничтожались. Ошибки выделялись контрастным цветом. Экран полыхал всеми цветами радуги.

— Попробуй еще раз,— и она повторила слово.

— Черт возьми, если бы я знал, что означает это слово, мне было бы легче запоминать.

Она пожала плечами.

— Ультраспид — очень гибкий язык, Джо. Одно и то же слово почти никогда не повторяется. Конкретно это слово означает «Дальние горизонты не приблизить». Помогло это тебе?

Расшифровка слова казалась неправдоподобно длинной, но он научился верить Гейл. Гилид не привык, чтобы женщины были умнее его. Обычно он с жалостью относился к этим бедным, маленьким, беспомощным созданиям. Но эту женщину ему часто хотелось отшлепать. Гилид временами раздумывал, не является ли подобная реакция тем, что в старинных романах называлось любовью, но в конце концов решил, что вряд ли.

— Попробуй еще раз, Джо.

Структура ультраспида резко отличалась от любого другого земного языка. Когда-то очень давно Огден и Рикардо продемонстрировали, что достаточно всего восьмисот пятидесяти слов, чтобы выразить все «нормальные», обыденные человеческие понятия. Плюс еще по сотне слов для каждой специальной сферы, скажем, скачек или баллистики. Приблизительно в то же время фонетисты выделили из всех языков Земли около сотни звуков, которые изображались буквами специального фонетического алфавита.

На этих двух фактах и был основан ультраспид.

Буквы-звуки фонетического алфавита варьировались по длине, силе, высоте, подъему и падению звука. Более тренированный слух улавливал большее количество вариаций. Таким образом создан словарь основных свойств со звуковым алфавитом, удалось целое слово заменить одним фонетическим элементом, а целое предложение — одним словом ультраспида. Выигрыш при использовании ультраспида был примерно таким же, как при использовании в расчетах арабских цифр вместо римских.

Но Джо-Грин-Гилид-Бриггс, прежде чем изучить язык, должен был научиться слышать. И он упорно трудился, а экран продолжал высвечивать его ошибки.

Наконец наступил момент, когда произнесенное им слово-предложение полностью уничтожило то, что произнесла Гейл. И экран потемнел. Джо торжествовал. Подобного триумфа он не испытывал никогда прежде! Но радость его оказалась недолгой. Машина, заблаговременно запрограммированная Гейл, в ответ на успех Джо разразилась звуками духового оркестра и громкими аплодисментами, а затем сюсюкающим голоском добавила:

— Какой старательный и умненький мальчик.

Гилид был разъярен.

— Женщина, если ты когда-нибудь станешь моей женой, я тебя поколочу.

— Я еще не решила,— ответила она спокойно.— А теперь попробуем это слово.

В тот же вечер появился Болдуин и отозвал Джо в сторонку.

— Иди-ка сюда, Джо. Слушай, сынок, или ты во время работы будешь сдерживать свои животные инстинкты, или мне придется найти тебе другого учителя.

— Но...

— Ты меня слышал. После работы ты себе полный хозяин — купайся с ней, езди верхом и тому подобное. Но в рабочее время — работай. Дело есть дело. У меня есть на тебя виды, и ты мне нужен достаточно искусным.

— Она что, жаловалась на меня?

— Не говори глупостей. Мое дело — быть в курсе всего, что происходит.

— Гм-м-м... Бигбелли, а что это за разговоры о замужестве, ее постоянные шутки? Она это всерьез или только дразнит меня?

— Об этом спроси ее сам. Хотя это не имеет значение. Если она имеет в виду именно это, то выбора у тебя нет. Ее настойчивость равна силе всемирного тяготения.

— О, а у меня сложилось впечатление, что Новые Люди совсем не беспокоятся насчет женитьбы и других подобных обычаев, которые ты называешь «обезьяньими».

— Это кто как. В таких житейских вопросах гении руководствуются собственными правилами. Общепринятый моральный кодекс им безразличен. А ты, кажется, убежденный холостяк?

— Может быть, сменить учителя, если есть кто-то еще, умеющий делать все это?

— Любой из нас мог бы заниматься с тобой так же, как любой может учить ребенка разговаривать. На самом деле она биохимик, когда у нее для этого появляется время.

— Что значит, когда у нее появляется время?

— Будь поосторожнее с этой девочкой, сынок. Она такой же профессионал, как и ты — профессиональный боец. У нее на счету больше трехсот человек,— Бигбелли усмехнулся.— Но если тебе захочется сменить учителя, ты только мигни мне...

Гилид поспешил сменить тему.

— Ты говорил, что у тебя есть для меня работа. Как насчет миссис Кейтлин? Она еще жива?

— Да, черт бы ее побрал! Возможно, тебе придется отправиться на Луну, чтобы достать ее. Мне докладывали, что она строит там себе дачу. Видимо, сказывается возраст. Заканчивай побыстрее свои занятия, если хочешь рассчитаться с ней.

Лунная колония давно уже служила для отдыха богачей. Пониженная гравитация облегчала работу сердца, давала ощущение омоложения и, возможно, продляла жизнь.

— Отлично. Я так и сделаю.

Нового учителя Джо просить не стал. Зато принес на следующее занятие большое красивое яблоко. Гейл съела его, оставив ему маленький кусочек, после чего заставила работать еще упорнее, чем обычно. Продолжая совершенствование его слуха и произношения, она начала обучать его основному словарю из простых трех- или четырехбуквенных предложений.

Гилид, напрягавший все силы, постепенно постигал тонкости языка, одновременно тренируя свой не слишком развитый, как оказалось, мозг. Вскоре он начал понимать некоторые из обеденных бесед и даже отвечать простыми фразами на ультраспиде.

Он запоминал слова быстро, услышав один раз. Реншоу-процесс позволил ему полностью реализовать скрытые возможности его эйдетической памяти. А умственные процессы, которые и раньше не отличались медлительностью, стали намного быстрее, чем когда-либо ранее.

Уже сама способность человека изучать ультраспид является доказательством его сверхнормального разума. Использование же ультраспида делает этот ум во много раз эффективнее. Еще перед Второй мировой войной Альфред Коржибский показал, что человеческая мысль существует только в виде символов; представление о чистой мысли, свободной от абстрактных речевых символов, абсурдно. Мозг сконструирован так, что работать без символов он может только на уровне животного.

Ультраспид не просто ускоряет коммуникацию — своей структурой он делает мысль более логичной, а своей экономичностью многократно ускоряет мыслительный процесс: ведь на то, чтобы подумать о слове, требуется почти столько же времени, как и на то, чтобы его произнести.

Живое время — это отнюдь не календарное время. Жизнь человека — это мысли, которые текут через его мозг. Поэтому у Нового Человека эффективное время жизни достигает полторы тысячи лет, если считать по тому потоку идей, которые переполняют его. Он может стать энциклопедистом, что не дано обычному человеку, спеленутому смирительной рубашкой своего краткого времени жизни.

Когда Джо научился говорить, читать и писать, Гейл передала его другим для дальнейшего обучения. Но прежде она подвергла его нескольким экспериментам.

Три дня она запрещала ему есть. Когда стало ясно, что он может мыслить и сдерживать свое раздражение, несмотря на низкое содержание сахара в крови и голодные рефлексы, она добавила к этому бессонницу и боль, исподволь подталкивая его к нерациональному поступку. Но он оставался непоколебимо

спокоен, его мозг щелкал любые предложенные задачи так же надежно, как и электронный компьютер.

— Так кто тут не супермен? — спросила она его в конце их продолжительного семестра.

— Да, учитель.

Она схватила его за уши и звучно поцеловала.

— До встречи.

Однако снова увидеть ее Джо удалось только через много недель.

Его наставником в экстрасенсорном восприятии (ЭВ) оказался весьма невзрачно выглядевший маленький человечек по фамилии Бимс. Джо оказался не очень способным в проявлении экстрасенсорных феноменов. Ясновидением он не обладал. Несколько лучше обстояло дело с предсказаниями, но эта способность не улучшалась в процессе тренировки. Лучше всего у него получалось с телекинезом — он мог оживить игральные кости. Но, как заметил в свое время Бигбелли, от воздействия на выпадение игральных костей до переброски многих тонн груза было изрядное расстояние, преодоление которого, возможно, не стоило затрачиваемых на это сил...

В телепатии он оказался неустойчив: то называл карты без ошибок, то в течение трех недель непрерывно ошибался, вызывая раздражение наставника.

Более высоко организованная связь, казалось, была ему недоступна. Но однажды, без всякой видимой причины, он во время попытки телепатически опознать карты обнаружил себя «связанным» с Бимсом. Связь длилась целых десять секунд. Время, достаточное для трансляции тысячи слов по стандартам ультраспида.

— Это похоже на речь.

— Мысли — это и есть речь.

— Как мы делаем это?

— Если бы мы это знали, телепатия не была бы такой ненадежной. Одни могут делать это по желанию, некоторые — случайно, а другие, кажется, вообще на это неспособны. Мы знаем, что мысль, может быть, и не принадлежит к физическому миру в том смысле, что мы не можем изменить ее и манипулировать ею. Она подобна событиям в континууме на квантовом уровне. Сей-

час мы изучаем распространение квантовой концепции на все явления континуума. Наименьшую единицу мысли мы называем психон. Соответственно мы выходим на максимальную скорость мышления — это одна из универсальных констант.

— Насколько близки мы к максимальной скорости мышления?

— Около шести на десять в минус третьей степени от этой скорости.

— О...

— Создания, лучшие, чем мы, последуют за нами. Мы же собираем камешки на берегу бескрайнего океана.

— Что мы можем сделать, чтобы увеличить скорость?

— Собирать наши камешки с ясным умом.

Гилид помолчал целую секунду.

— Психоны могут быть уничтожены?

И тут связь неожиданно пропала.

— Как я говорил,— спокойно продолжил Бимс,— психоны еще вне нашего понимания. Теория говорит, что они не могут быть уничтожены, что мысль, как и движение, вечна. Верна эта теория или нет — вопрос пока остается открытым. Хочешь знать на него ответ — читай газеты через несколько сотен, а может, и тысяч лет.

Он встал.

— Я закончил с тобой.

— Но, доктор Бимс, эта связь была ясной, как по телефону. Возможно, завтра...

— Мы установили, что твои способности проявляются неустойчиво. У нас нет способа тренировать их. Время слишком дорого, чтобы попусту растрачивать его, и твое, и мое.

И, неожиданно перейдя на английский, он добавил:

— Нет.

И Гилид ушел.

В процессе обучения в других областях Джо увидел немало впечатляющих изобретений. Среди них было копирующее устройство, которое Новые Люди были намерены передать человечеству, как только социальная система перестанет контролироваться экономическими хищниками. Оно могло воспроизвести практически любой прототип, помещенный на его платформу.

Для этого требовался только материал и энергия — больше ничего. Источником энергии служил маленький ядерный генератор, размером с кулак Джо, а принцип действия опровергал общепринятую концепцию энтропии. В устройство закладывалась «сосиска», а получалась «свинья».

В этом аппарате потенциально была заключена новая экономическая система, настолько же отличная от существовавшей, насколько экономика почтовых линий отличается от системы кустарных мастерских.

Пока же Новые Люди редко покупали что-либо более чем в одном экземпляре, который затем использовался в качестве образца. Иногда образцы они делали сами.

Помещения под ранчо были переполнены технологическими чудесами: невероятно точные манипуляторы для использования в хирургии, химии, биологии. Кибернетические устройства, лишь немногим менее сложные, чем человеческий мозг. Перечислять все было бы слишком долго. Да Джо и не изучал все это: энциклопедист должен иметь знания в обобщенной форме, потому что даже с помощью ультраспида невозможно изучить все детали в каждой отдельной области знания.

Еще в начале его обучения, как только стало ясно, что он обладает необходимыми способностями, чтобы закончить курс, была проведена пластическая операция. Джо получил новую внешность: его рост уменьшился на три дюйма, изменилась форма черепа, цвет лица стал темнее. Черты его нового лица выбирала Гейл. Джо не возражал. Оно даже понравилось ему и казалось вполне соответствующим его новой внутренней индивидуальности.

С новым лицом, новым мозгом, новым мировоззрением он фактически стал новым человеком. Прежде гений от природы, он стал теперь тренированным гением.

— Джо, как насчет верховой прогулки?

— Я не прочь.

— Хочу немного потренировать Победителя. Он уже привык к седлу.

Бигбелли и Гилид отъехали от ранчо. Болдуин заставил молодую лошадь идти шагом и заговорил:

— Я считаю, что ты почти готов к работе, сынок.

Даже на ультраспиде речь Бигбелли обладала присущими ему одному особенностями.

— Я считаю так же. Но у меня все еще имеются кое-какие вопросы.

—Ты не уверен, что мы на стороне «хороших парней»?

—Я уверен, что вы хотите быть на их стороне. Совершенно очевидно, что организация подбирается из людей доброй воли и хороших намерений. А не только способных. Я не был в этом уверен до тех пор, пока...

— Да?

— Тот кандидат, что пришел шесть месяцев назад и сломал себе шею в результате несчастного случая...

— О да, очень печально.

— Очень своевременно, ты это имеешь в виду, Бигбелли?

— Черт побери, Джо, если это червивое яблоко закатилось так далеко, мы не можем позволить себе отпустить его.

— Я понимаю. Именно поэтому я теперь уверен насчет качества наших людей.

— Итак, это теперь «наши» люди?

— Да. Но я не уверен, что мы на правильном пути. Какое твое представление о правильности пути?

— Мы должны выйти из укрытия и учить обычных людей тому, что знаем. Обычный человек способен изучить многое и сможет использовать полученное. Надлежащим способом проинструктированный, уверен, он неплохо справится со своими проблемами. Он с удовольствием даст пинка паразитам, сидящим у него на шее, если будет знать, как это сделать. А мы можем показать ему.

В этом будет больше толку, чем в убийствах. Отметь, что я не возражаю против убийств любого негодяя, заслужившего это. Я просто утверждаю, что оно неэффективно.

Нет сомнений, мы вынуждены будем принимать предосторожности против таких кризисов, как тот, что свел нас вместе. Но в основном люди сами могут справиться со своими делами, если мы не будем вести себя так, будто настолько испуганы, что не можем контактировать с людьми, не можем выйти из нашей норы и протянуть руку.

Болдуин натянул поводья.

— Не говори, что я не общаюсь с простыми людьми, Джо. Я продаю подержанные вертолеты, зарабатывая этим на жизнь. И не пытайся утверждать, что мое сердце не с ними. Мы не похожи на них, но мы привязаны к ним крепкими узами, так как все мы, каждый из нас, страдает одним и тем же фатальным недугом — мы живые... А что касается убийств как политического оружия, почитай...

И он назвал несколько книг. И продолжал:

— Если меня не станет, у нашей организации не возникнет особых трудностей. А организации, созданные для подлых целей, они совсем другие... Они — империи личностей; поэтому если ты выберешь время и метод, то можешь уничтожить такую организацию, убив одного человека. Оставшиеся будут абсолютно безвредны, пока не обзаведутся новыми лидерами. А затем ты убьешь и его. Это вполне эффективно, если в основе оценки ситуации лежит ум, а не эмоции. Что же касается нашего тайного существования, то мы подобны урану-235 в уране-228, который неэффективен, пока не отделен. В каждом поколении были потенциальные Новые Люди, но они были слишком рассеяны, рассредоточены.

Тайна нашего существования крайне необходима, если мы хотим выжить и увеличить свою численность. Нет ничего опаснее, чем быть Избранными Людьми — и быть в меньшинстве. Один народ преследуется почти две тысячи лет только за претензию на избранность.

— Черт побери, Джо,— продолжил он после короткой паузы,— посмотри правде в глаза. Этим миром управляют так, как моя тетушка управляла бы вертолетом. С ультраспидом или без него, но простой человек не может научиться управляться с современными проблемами. Без толку болтать о неиспользованном потенциале его мозга — у него нет воли изучить то, что он должен знать. Мы не можем обеспечить его новыми генами, поэтому нам остается вести его за руку, чтобы удержать от убийства — себя или нас.

Мы можем дать им автономию в большинстве областей, можем дать им персональную свободу, можем дать любую меру личного достоинства — и мы дадим им это, потому что верим, что

индивидуальная свобода на всех уровнях является направлением эволюции, качеством максимальной ценности выживания. Но мы не можем позволить себе разрешать им баловаться вопросами жизни и смерти человечества. Они не годятся для этого.

И помочь в этом нельзя ничем. Каждая форма общества развивается и рождает собственную этику. Мы формируемся так, как нас неумолимо вынуждает логика событий.

Радиоустановка на луке седла Болдуина ожила. Прозвучал его личный вызов. Болдуин выслушал сообщение и резко произнес на ультраспиде:

— Назад к дому, Джо!

Он повернул коня и пустил его вскачь. Джо последовал за ним.

Вскоре после их возвращения Болдуин послал за Джо. Гейл была уже в кабинете. На лице Болдуина отсутствовало какое-либо выражение. Он сказал:

— У меня есть для тебя работа, Джо. Работа, насчет которой у тебя вроде нет никаких возражений,— миссис Кейтлин.

— Отлично.

— Не совсем,— потряс головой Болдуин.— Нас застали врасплох. Или второй экземпляр фильмов не был уничтожен, или же существовала и третья копия — нам не известно. А человек, который нам мог бы кое-что рассказать, мертв. Но миссис Кейтлин получила их, и теперь они в ее распоряжении. Такова ситуация. Детонатор Эффекта Новой установлен в отеле «Новый Век». Он опечатан и может быть включен только радиосигналом с Луны — сигналом, посланным миссис Кейтлин. Детонатор устроен так, что любая попытка проникнуть в него, пока действует «цепь запала» на Луне, заставит его сработать. Даже попытка просветить его соответствующими лучами будет иметь те же последствия. Вот мое мнение как физика: обезвредить сам детонатор невозможно, пока не будет разорвана запальная цепь на Луне, а потому не следует предпринимать какие-либо попытки добраться до детонатора в связи с крайней опасностью для всей планеты.

Запальная цепь и радиопередатчик установлены на Луне в здании внутри часового купола. Управляющее устройство миссис

Кейтлин держит при себе. С помощью устройства можно временно обеспечить цепь запала максимум на двенадцать часов. Когда цепь выключена, в здание на Луне можно проникнуть, но это вызовет тревогу, которая заставит миссис Кейтлин вновь включить цепь, а затем дать сигнал, который вызовет взрыв. В такой ситуации последовательность событий должна быть следующей.

Первое: миссис Кейтлин должна быть убита, а цепь — выключена.

Второе: здание, в котором находится передатчик и цепь запала, должно быть взломано; цепь уничтожена раньше, чем реле времени успеет включить ее. Сделать это надлежит очень быстро, и не только из-за охраны, но и потому, что оставшиеся в живых компаньоны миссис Кейтлин предпримут попытку захватить власть, установив контроль над детонатором.

Третье: как только на Земле станет известно, что цепь запала уничтожена, «Новый Век» будет атакован, в результате установка, реализующая Эффект Новой, будет уничтожена.

Четвертое: как только «бомба» будет уничтожена, должны быть найдены все лица, способные восстановить установку «Эффект Новой» по записям и чертежам. Поиск должен продолжаться до тех пор, пока не станет ясно, что не осталось никаких чертежей, в том числе и третьей копии фильмов. В дальнейшем с помощью гипнотического внушения ни одна компетентная личность, обладающая достаточными знаниями, не сможет вновь «открыть» этот Эффект. Есть какие-нибудь вопросы, малыш?

— Бигбелли,— спросил Джо,— знает ли миссис Кейтлин, что если Земля станет Новой, Луна тоже будет уничтожена этой катастрофой?

— Стены кратера загораживают ее купол, так что видеть Землю оттуда нельзя; очевидно, она верит, что находится в безопасности. Зло, в сущности, глупо, Джо. Несмотря на свой ум, Кейтлин верит в то, во что верить бессмысленно. Или, может быть, она готова рискнуть своей собственной жизнью ради соблазнительного приза абсолютной власти? Каковы ее планы? Она намеревается в самой что ни на есть ханжеской манере объявить о взятии власти в свои руки: она, дескать, является Служительницей Мира — что, в сущности, будет синонимом Императрицы

Земли. Поведение типичного параноика. Доказательством ее сумасшествия является то, что управляющее устройство — если мы не вмешаемся — автоматически уничтожит Землю через несколько часов после ее смерти.

Видимо, она хочет не только подчинить себе Землю, но и уничтожить ее после того, как умрет сама. Чтобы никто больше не был могущественнее ее. Есть еще вопросы?

Вот наш план. Вы двое отправляетесь на Луну, чтобы стать домашними слугами мистера и миссис Конти, богатой пожилой четы, живущей в Лунной Колонии. Конти — наши люди. Вскоре они захотят вернуться на Землю, а вы пожелаете остаться. Дадите объявление, в котором предложите свои услуги.

К этому времени миссис Кейтлин потеряет — все будет организовано надежным образом — двух или более человек из своей прислуги. Вероятно, она наймет вас, так как домашняя прислуга — дефицитный товар на Луне. Если нет — для вас будет организован другой вариант.

Когда вы окажетесь внутри ее купола, вы постараетесь продвинуться до положения личных слуг. Когда достигнете этого, выполните первый и второй пункты операции с максимальной скоростью.

Человек по фамилии Мак-Джинти, который уже находится внутри ее купола, поможет вам со связью. Он не состоит в нашей организации, но является нашим агентом-телепатом. Дальше этого его способности не простираются. О формах связи: Гейл будет связана с Мак-Джинти посредством телепатии, Мак-Джинти с Джо — скрытой радиосвязью.

Джо бросил взгляд на Гейл: он впервые узнал, что она телепат. Болдуин продолжил:

— Гейл, вы убьете миссис Кейтлин. Джо, вы взломаете вход в дом и уничтожите цепь. Вы готовы отправиться в путь?

Джо хотел бы поменяться заданиями, но когда Гейл ответила: «Я готова», он повторил те же слова.

— Хорошо, Джо, вы будете вести себя соответственно выбранному для вас коэффициенту умственного развития, равному восьмидесяти пяти. Коэффициент Гейл будет девяносто пять. Она будет казаться доминирующим членом супружеской пары...

Гейл ухмыльнулась.

— ...но ты, Джо, будешь представлять семью официально. Ваши биографии сейчас подготавливают. Позвольте мне еще раз повторить, что необходимо максимально спешить; здесь, на Земле, правительственные Силы Безопасности могут попытаться атаковать отель «Новый Век». Мы будем предотвращать такие попытки, но действуйте быстро. Желаю вам счастья.

Первая фаза операции «Черная Вдова» прошла точно в соответствии с намеченным планом.

Одиннадцать дней спустя Джо и Гейл уже находились на Луне, внутри купола миссис Кейтлин, где та, очевидно, считала себя в безопасности. Им была предоставлена комната в отделении для слуг. Когда они впервые вошли в нее, Гейл огляделась и сказала на ультраспиде:

— *Теперь ты должен жениться на мне. Я скомпрометирована.*

— *Заткнись, идиотка. Кто-нибудь может нас подслушать.*

— *Фи. Они подумают, что у меня астма. Тебе не кажется, что это благородный поступок — пожертвовать своей девичьей честью ради человечества?*

— *Какой честью?*

— *Подойди ближе, чтобы я могла стукнуть тебя хорошенько.*

Купол миссис Кейтлин был мечтой сибарита. Даже комнаты для слуг были роскошны. Вокруг здания, где жила миссис Кейтлин, был разбит роскошный сад. Напротив дома, на противоположном берегу маленького озера, единственного озера на Луне, находилось здание с цепью запала: оно было замаскировано под маленький греческий храм. Купол был ярко освещен пятнадцать часов из каждых двадцати четырех, что делало невидимым черное небо и суровые звезды. Когда приходила «ночь», свет постепенно ослабевал.

Мак-Джинти работал садовником и очень любил это занятие. Гейл установила с ним контакт, и вскоре они уже располагали всеми сведениями, которые ему удалось собрать. Штат купола превышал две сотни человек и образовывал собственную социальную иерархию, начиная с инженеров, обслуживающих купол и оборудование, личного пилота миссис Кейтлин и так далее, ниже и ниже, до помощника садовника. Джо и Гейл занима-

ли место где-то в середине, являясь комнатными слугами. Гейл попыталась завоевать популярность, невинно флиртуя. Но при этом оставалась верной симпатичной женой своего несколько робкого, более старшего по возрасту мужа.

Она охотно рассказывала о том, как до замужества работала в салоне красоты. По ее словам, там она достигла большого искусства в массировании больных спин и несгибающихся шей, научилась массажем облегчать головную боль и прогонять бессонницу. И всегда была рада продемонстрировать свое искусство.

Ее обязанности служанки, однако, не создавали условий для близкого контакта с хозяйкой.

В функции Джо входил, кроме всего прочего, вынос комнатных растений в горшочках с наступлением «ночи». Миссис Кейтлин считала, что «ночью» растения должны быть вне дома. Таким образом, Джо имел возможность выходить из дома, когда в куполе было темно, и достиг положения, когда ночной охранник у «греческого храма» разрешал ему подойти и угостить запрещенной сигаретой.

Мак-Джинти сообщил им один важный факт: в дополнение к охране около здания, замку и бронированному покрытию самого здания запальная цепь была снабжена ловушкой. Даже обесточенная, запальная цепь, будучи потревоженной, могла вызвать на Земле Эффект Новой...

Гейл и Джо обсудили эту новость в своей комнате. Гейл устроилась у него на коленях, как любимая жена, ее губы были у самого его уха.

— Возможно, ты сумеешь разрушить цепь от двери, не подставляя себя.

— Я должен быть уверен. Определенно имеется какой-то способ выключить это приспособление для возможного ремонта и осмотра.

— Где эта штука может находиться?

— Есть только одно место, которое соответствует всему замыслу — прямо под ее рукой на управляющем устройстве.

Он потер другое свое ухо. В нем находилась миниатюрная коротковолновая рация для связи с Мак-Джинти, и чесалось это ухо постоянно.

— Гм-м... Тогда остается только одно. Я должна узнать это от нее, прежде чем убить.

— Посмотрим.

На следующий день перед ужином она отыскала его в комнате.

— Получилось, Джо, получилось!

— Что получилось?

— Она клюнула на приманку. Услышала от своего секретаря о моем мастерстве массажистки. И вот мне было приказано продемонстрировать его сегодня в полночь. Я получила приказ прийти ночью и помочь ей уснуть.

— *Значит, этой ночью...*

Мак-Джинти ждал в своей комнате за закрытой дверью. Джо торчал в заднем холле, где рассказывал длиннющую историю мистеру Джеймсу. Голос в его ухе сказал:

— Гейл сейчас в ее комнате.

— ...и таким, значит, образом, мой брат женат на двух женщинах сразу,— закончил Джо свое повествование. И сказал после паузы: — Чистое невезение. Вытащу-ка я лучше эти горшки наружу, прежде чем миссис надумает спросить о них.

— Я тоже думаю, что так будет лучше. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Джеймс.

Гилид поднял два горшка и потащил их наружу. Выйдя из дома и поставив их на землю, он услышал:

— Гейл сказала, что она начала массаж. Она обнаружила управляющее устройство. Оно находится на поясе, который старуха держит на столике рядом, когда не носит его.

— Скажи, чтобы она убила ее и взяла устройство.

— Гейл говорит, что она хочет заставить ее рассказать, как отключить ловушку.

— Скажи ей, пусть не задерживается...

Вдруг в его мозгу ясно и четко, словно это был телефонный разговор, зазвучал голос Гейл:

— *Джо, я могу слышать тебя. А ты меня слышишь?*

— *Да-да,*— поспешно ответил он и добавил: — *Оставайся на связи, Мак.*

— *...Это будет недолго. Я причиняю ей сильную боль, скоро она сдастся.*

— *Не жалей ее,*— он поспешил к зданию храма.

— *Гейл, ты все еще ищешь мужа?*

— *Я нашла его.*

— *Выходи за меня замуж. Я буду бить тебя каждую субботу.*

— *Не родился еще мужчина, который смог бы побить меня.*

— *Я хочу попытаться.*

Он замедлил бег, оказавшись около храма.

— Эй, Джон!

— О, это ты, Джо... Спички есть?

— Нет,— он протянул руку. Затем, когда с охранником было покончено, он осторожно опустил его на землю.

— *Гейл, пора.*

В голосе Гейл послышались нотки испуга.

— *Джо, она оказалась слишком упряма. Не сдалась... Она умерла.*

— *Ладно. Возьми пояс. Выключи цепь запала. Затем посмотри, что там есть еще. Я собираюсь проникнуть внутрь.*

Он подошел к двери храма.

— *Я выключила цепь, Джо. Остальные тумблеры все похожи и не имеют обозначений.*

Джо достал из кармана маленький приборчик, полученный от Болдуина.

— *Переключи все тумблеры в другое положение, и таким образом ты переключишь нужный.*

— *О, Джо, надеюсь, что это так.*

Гилид установил свой приборчик против замка. Металл покраснел и начал плавиться. До него донесся сигнал тревоги. Голос Гейл снова зазвучал в его мозгу, в нем было напряжение, но не было страха.

— *Джо, они ломятся в дверь. Я в ловушке.*

— *Мак-Джинти, будь нашим свидетелем,*— продолжил Джо.

— *Я, Джовес, беру тебя, Гейл, в законные жены...*

В ответ прозвучало:

— *Я, Гейл, беру тебя, Джовес, в законные мужья...*

— *...любить и беречь,*— продолжал он.

— *...любить и беречь...*

— *...в счастье и горе...*

— *...в счастье и горе...*

Ее слова замерли в его голове.

— *...пока смерть не разлучит нас. Я открыл дверь, дорогая. Я собираюсь войти.*

— *...пока смерть не разлучит нас. Они взломали дверь в спальню, Джовес, мой дорогой.*

— *Держись. Я почти закончил.*

— *Они идут сюда, Джо. Прощай, мой дорогой. Я очень счастлива...*

Голос ее внезапно прервался.

Перед ним был ящик, в котором находилась цепь запального устройства. Сигнал тревоги звенел у него в ушах. Он достал из кармана еще один аппарат, воспользоваться которым он должен был только в крайнем случае... и привел его в действие.

Взрыв, уничтоживший ящик, ударил его в грудь огнем и металлом.

Надпись на большой металлической пластине гласит:

В память
мистера и миссис Джовес Грин,
которые поблизости от этого места
погибли ради жизни всего человечества.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 11. ...знаем университет, присвоивший ему ученую степень...— на Западе правом присвоить ученую степень обладает любой университет, поэтому одна и та же степень может оказаться почетной, будь она присуждена престижным учебным заведением, и не вызвать ни малейшего уважения, если ее присудил малоизвестный университет.

Стр. 12. ...когда Черный Верблюд...— в исламской традиции Черный Верблюд соответствует христианскому Ангелу Смерти, он увозит души умерших. Но в Коране о нем не упоминается, так как он порождение народных верований.

Стр. 14. ...Скотч, бурбон?..— сорта виски. Скотч, шотландское виски, приготовляется из чистого ячменя и отличается характерным запахом, появляющимся при сушке ячменного солода в торфяном дыму. Бурбон — американское виски, основой служит кукуруза.

Стр. 18. ...свою «тридцатку»...— выражение обязано своим происхождением телеграфу; тремя иксами или римской цифрой

тридцать телеграфисты обозначали окончание сообщения. Газетчики, подхватившие у них эту привычку, стали ставить значок в конце статьи, откуда пошли три разделяющие абзацы звездочки. Позже стало эвфемизмом понятия «смерть».

Стр. 20. ...фидуциарных...— то есть основанных на доверии. К фидуциарным обществам относятся общества взаимного кредита, взаимного страхования, товарищества на доверии и другие.

...барристер...— адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах (уголовном, гражданском, морском и т. д.).

Стр. 24. ...если верить актуариям...— то есть специалистам по технике страхования, занимающимся расчетами страховых взносов, премий и т.д.

К РАССКАЗУ «ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ»

Стр. 41. ...собрать Шалтая-Болтая...— отсылка к сказочной повести Льюиса Кэрролла (1832–1898) «Алиса в Зазеркалье», в которой всей королевской коннице и всей королевской рати предлагалось собрать одного из героев, упавшего со стены.

Стр. 48. ...Аннаполис, Вест-Пойнт, Годдард...— В Аннаполисе располагается Академия военно-морского флота США, в Вест-Пойнте — старейшая в США военная Академия сухопутных войск. В Годдарде, вымышленном городе, названном Хайнлайном в честь Роберта Хатчинза Годдарда (1882–1945), американского ученого, одного из пионеров космонавтики, положившего начало созданию жидкостных ракетных двигателей, автор размещает Ракетную академию.

К РАССКАЗУ «ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН»

Стр. 86. ...технику которого Коржибский...— граф Альберт Коржибский, (1879–1950), поляк по происхождению, создал теорию «общей семантики», базирующуюся на способности передавать идеи от поколения к поколению и в 1938 г. возглавил одноименный институт в Чикаго. В 1933 г. выпустил книгу «Наука и здравый смысл», в которой изложил основные тезисы своего учения, утверждая, что «всеобщая семантика» дает возможность человеку быстро превратиться в сверхчеловека. Идеи Коржибского оказали заметное влияние на творчество ряда американских фантастов — прежде всего, Альфреда Э. Ван-Вогта и Л. Рона Хаббарда.

К РАССКАЗУ «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ»

Стр. 137. ...результатов добился...— речь идет о «Манхэттенском проекте», секретной организации, которая была создана в 1942 г. в США для разработки и создания ядерной бомбы, и его административном руководителе, генерале Лесли Гровсе.

Стр. 141. ...чем кончил Мидас...— фригийский царь Мидас освободил и вернул богу Дионису пойманного силена, и в благодарность бог предложил выполнить любое желание Мидаса. Царь попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. В одном варианте мифа Мидас, сообразив, что его ждет голодная смерть, так как даже пища становится золотой, умоляет Диониса снять чары. В другом — умирает от голода, на что и намекает Хайнлайн.

Стр. 147. ...вроде Армагеддона...— Армагеддон, город у подножия горы Кармел, получивший известность как место кровавых

битв и умерщвления Иосии (IV Книга Царств, XXIII-29, или Книга Судей, V-19). В Откровении Иоанна Богослова Армагеддон — место последней битвы сил Добра и Зла. Впоследствии — символическое наименование грядущих бедствий.

Стр. 150. ...Вандербилда-старшего...— Корнелиус Вандербилд (1794–1877), американский финансист и миллионер.

...леди Годива...— леди Годива, жена Леофрика, графа Мерси, лорда Ковентри. В 1040 году Леофрик обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился — при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие — причем, как утверждает записанная в XIII веке Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь заслышав стук копыт, опускали взгляд.

Стр. 156. ...вся обратная сторона, еще нетронутая...— в 1950 г., когда был написан рассказ, так и было. Обратная сторона Луны была впервые сфотографирована космическим аппаратом «Луна-3» в 1959 г., а в 1965 г. аппарат «Зонд-5» произвел ее глобальное фотографическое обследование. Лишь после этого были созданы первые карты обратной стороны Луны, а расположенные там цирки и кратеры начали получать имена.

Стр. 159. ... плато Озарк...— расположено на территории штатов Арканзас и Миссури, простирается примерно на 500 км, имеет известняковую структуру и изобилует карстовыми пещерами. Средние высоты плато — 400–500 м, наивысшая точка — 823 м. На территории плато Озарк расположен национальный парк Хот-Спрингс.

Стр. 201. ...ты Карлейля читал?..— Томас Карлейль (1795–1881), английский писатель, публицист и историк, автор философского романа «Перекроенный портной», трехтомной «Истории Французской революции» и множества публицистических и литературно-критических работ.

Стр. 207. ...из Паломарской обсерватории...— обсерватория Маунт-Паломар находится в Калифорнии, известна тем, что до 1976 г. располагала самым крупным в мире телескопом-рефлектором с диаметром зеркала 508 см.

Стр. 222. ...стоило Линдбергу...— Чарльз Линдберг (1902–1974), американский летчик, совершивший в 1927 г. первый беспосадочный перелет через Атлантический океан из США во Францию на самолете «Дух Сент-Луиса», преодолев 5800 км за 33 часа 30 минут.

Стр. 224. ...Карла Сэндберга когда-нибудь читал...— Карл Сэндберг (1878–1967), американский поэт, автор многих стихотворных сборников, а также исторического романа «Скала воспоминаний» (1948 г.) и биографии Авраама Линкольна. Кроме того, собирал и издавал американские народные песни и индейский фольклор. Два его сборника переводились на русский язык.

Стр. 232. ...когда созерцал землю Обетованную...— Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы умер последний рожденный в рабстве, так как в землю Обетованную должны были войти только свободные люди. Но самому ему не было суждено перейти Иордан, и он мог только увидеть землю Обетованную с другого берега.

К РАССКАЗУ «ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК»

Стр. 233. ...Далила...— или Далида, в Библии филистимлянка из колена Данова, жившая в долине Сарек, которую полюбил Самсон и которая, выманив у него тайну его необыкновенной силы, передала богатыря в руки своих соотечественников.

Стр. 235. ...хоть в Литл-Америку...— это общее название пяти американских полярных станций в Западной Антарктиде

на восточной краевой части шельфового ледника Росса, в районе бухт Китовая и Кайнан.

Стр. 236. ...та же самая «железная дева», только без шипов...— «железной девой» именовалось широко распространенное в Средние века орудие пытки, нечто вроде разъемного футляра, грубо повторяющего форму человеческого тела и с внутренней стороны усеянного железными шипами. Человека помещали внутрь футляра, после чего обе половинки начинали медленно сжимать.

Стр. 238. ...строить из себя капитана Блая...— Уильям Блай (1754–1817), английский военно-морской деятель и мореплаватель, вице-адмирал. В 1776 г. участвовал в последней экспедиции капитана Джеймса Кука в качестве командира «Резольюшн». В апреле 1789 г. был командиром «Баунти», когда на корабле возле Полинезийских островов вспыхнул мятеж. Посаженный командой с восемнадцатью оставшимися ему верными людьми в баркас, Блай сумел преодолеть более 4000 миль и достичь до острова Тимор (Ост-Индия). Добравшись до Англии, Блай продолжил службу во флоте. Участвовал в подавлении восстания в устье Темзы в 1797 г., сражался против голландцев под Кампердауном, обстреливал Копенгаген. С 1801 г. губернатор Нового Южного Уэльса (Австралия). Жесткий режим, введенный Блаем в колонии, привел к восстанию австралийцев, и ему пришлось покинуть страну. Умер в Англии в отставке. Образ капитана Блая как сурового самодура-начальника неоднократно использовался в литературе и кинематографе.

Стр. 240. ...выпускником Оппенгеймера... кончал МТИ...— МТИ, Массачусетский технологический институт, расположенный на Восточном побережье США, один из известнейших учебно-научных центров мира. Колледжа Оппенгеймера в Америке не существовало.

Стр. 242. ...пришвартуйтесь к этакому «кружащему дервишу»...— образ взят из религиозной практики исламского мисти-

цизма. «Кружащиеся дервиши» — представители суфийского ордена маулеви, духовным отцом которого был Джалал ал-Дин Руми, знаменитый персоязычный поэт-философ. Члены ордена добивались состояния экзальтации с помощью определенной постановки дыхания, музыки и ритмических движений, совмещенных с произнесением имени Аллаха вслух.

К РАССКАЗУ «КОСМИЧЕСКИЙ ИЗВОЗЧИК»

Стр. 252. Жену целует Кейси, он к рейсу готов...— одна из многочисленных баллад и песен о Кейси Джонсе, герое так называемого «железнодорожного» фольклора, возникшего в США во времена строительства трансконтинентальных железных дорог.

К РАССКАЗУ «РЕКВИЕМ»

Стр. 274. ...К широкому небу лицом ввечеру...— из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Завещание», выбитого в камне на его могиле на острове Самоа.

Стр. 280. ...Уэллса, Жюля Верна и Смита...— в один ряд с известными классиками жанра Хайнлайн ставит Эдварда Элмера Смита (1890–1965), более известного как Док Смит, весьма плодовитого и популярного писателя. Самый известный роман Смита «Космический жаворонок», опубликованный в журнале «Эмейзинг сториз» в 1928 г.; в нем герои впервые вышли за пределы Солнечной системы, отправившись в межзвездный полет.

Стр. 281. ...сначала Чикагский университет... а затем Йеркская обсерватория...— Йеркская обсерватория в Виллиамс Бэй, штат Висконсин, принадлежит Чикагскому университету; там

расположен крупнейший в мире телескоп-рефрактор с диаметром объектива 102 см (большего диаметра быть не может, так как стекло не выдерживает нагрузки). Основана обсерватория в 1897 г. на средства чикагского миллионера Ч. Т. Йеркса астрономом Дж. Э. Хэйлом (1868–1938), по инициативе которого были так же построены обсерватории Маунт-Вилсон и Маунт-Паломар.

К РАССКАЗУ «ДОЛГАЯ ВАХТА»

Стр. 296. ...Лига Наций распалась...— Лига Наций, международная организация, созданная в 1919 г. после Первой мировой войны, имела уставной целью развитие сотрудничества между народами и гарантии мира и безопасности. Но в 1939 г. с началом Второй мировой войны фактически прекратила свое существование, хотя формально была распущена только в 1945 г.

Стр. 310. ...Он не был одинок... его окружали друзья; мальчик, затыкающий пальцем отверстие в дамбе...— герой голландской легенды, который, проходя мимо дамбы, заметил, как сквозь маленькое отверстие пробивается струйка воды. Понимая, что, если не закрыть воде дорогу, та размоет брешь, а потом снесет всю дамбу, мальчик заткнул отверстие пальцем и простоял так целую ночь, пока не появились взрослые.

...полковник Боуи, слишком больной, чтобы двигаться, но требующий везти его через границу...— полковник Джеймс Боуи (1799–1836), американский офицер и пионер фронтира, герой битвы при Аламо, национальный герой США, несмотря на то что принял мексиканское гражданство и даже женился на дочери мексиканского вице-губернатора Техаса; получил смертельное ранение в одной из так называемых Индейских войн. Вошел в историю еще и благодаря сконструированному им ножу, кото-

рый так и называется «боуи»; выгнутое маленьким ятаганом лезвие (около 38 см) и очень точно подогнанная под ладонь рукоять, носят в ножнах у пояса.

Стр. 311. ...умирающий капитан «Чесапика» все с тем же бессмертным вызовом на устах...— «Чесапик», фрегат США, который во времена наполеоновских войн, когда Америка выступала на стороне Франции, был взят на абордаж англичанами, после чего большая часть команды была насильственно переведена на английский корабль, а в 1813 г. погиб, приняв на траверзе Бостона неравный бой с несколькими английскими кораблями. Командовал фрегатом в последнем бою капитан Джеймс Лоуренс, будучи смертельно ранен, отдал приказ не сдавать корабль врагу.

...Роджер Янг, всматривающийся во мрак...— Роджер Янг (28.04.1918, Тиффин, штат Огайо — 31.07.1943, Соломоновы острова, Южный океан), рядовой 37-й пехотной дивизии. В одиночку атаковал и уничтожил пулеметный расчет противника, получив три смертельных ранения. За отвагу и самоотверженные действия перед превосходящими силами врага, в результате которых его товарищи по взводу смогли отойти без потерь, посмертно награжден медалью Конгресса.

К РАССКАЗУ «ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!»

Стр. 321. ...сыграем в пинокль?..— пинокль — карточная игра швейцарского происхождения, которая со временем распространилась по Европе и Америке. В ней может принимать участие любое количество игроков, что делает пинокль удобным в любой компании. Для игры используется колода в 48 карт, очки начисляются по заявленным комбинациям. Например, дама пик и валет бубен дают в комбинации 40 очков.

К РАССКАЗУ «ТЕМНЫЕ ЯМЫ ЛУНЫ»

Стр. 333. ..Вельзевул, Тор, Шива, Каин, Сет...— Вельзевул — он же Вельзебуб, Веельзебут, Баал-Зебуб, великий демон, которого часто принимают за Сатану. Ранее его почитали филистимляне и хаанеяне, последние по одной из версий изображали его в виде мухи, которой приданы атрибуты высшей власти. Имя переводится как «повелитель мух». Тор — бог грома в германо-скандинавской мифологии, сын Одина и Ерд. Шива — в индийской мифологии один из Тримурти (вместе с Брахмой и Вишну), одновременно бог-созидатель и бог-разрушитель; имя его переводится как «благой, приносящий счастье». Каин — согласно Ветхому Завету, старший сын Адама и Евы, первый убийца в роду человеческом. Сет — в древнеегипетской мифологии «бог чужих стран», пустыни, олицетворение злого начала, убийца бога Осириса.

К РАССКАЗУ «КАК ЗДОРОВО ВЕРНУТЬСЯ!»

Стр. 351. ...не ниже семидесяти по Фаренгейту...— то есть двадцати градусов по шкале Цельсия.

К РАССКАЗУ «А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК»

Стр. 383. ...фарфор династии Мин...— династия Мин была основана Чжу Юаньчжаном после свержения монгольской династии Юань в 1368 г. Просуществовала до 1644 г. Эта эпоха считается временем наивысшего расцвета китайского искусства изготовления фарфора.

К РАССКАЗУ «ЗЕЛЕНЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ»

Стр. 417. ...достоверен примерно так же, как топорик Джорджа Вашингтона или лепешки короля Альфреда...— рассказыва-

ют, что когда Джорджу Вашингтону (1732–1799), будущему первому президенту США, в детстве подарили томагавк, он опробовал его на вишневом дереве в саду, а когда отец спросил, что сталось с его любимой вишней, не стал отпираться, а признался в содеянном. В Англии же бытует легенда, будто бы король саксов Альфред Великий (840–901) после поражения от датчан скрылся от преследования в хижине дровосека, жена которого поручила ему присмотреть за лепешками, а потом дала великому воителю нагоняй за то, что те подгорели. Альфред Великий снес попреки, воспитав в себе тем самым смирение. Обе легенды хрестоматийны, но едва ли подлинны.

Стр. 420. ...*еще один космический боз*...— жаргонное слово, трансформировавшееся из аббревиатуры БОЗ, т.е. человек «без определенных занятий».

Стр. 427. ...*контроль, айе!*..— аye (*англ.*) — утвердительный возглас, распространенный в английском языке; двойное повторение на морском жаргоне означает выражение «есть, сэр».

К РАССКАЗУ «ЛОГИКА ИМПЕРИИ»

Стр. 443. ...*прибытия в Адонис*...— горд на Венере назван в честь прекрасного юноши, сына Мирры, превращенной в мирровое дерево, который полюбился богине любви Афродите (Венере), за что бог войны Арес подстроил ему смерть на охоте от клыков дикого зверя. Из капель его крови появились цветы, так же названные его именем. По другой версии его смерть — дело рук богини охоты Артемиды.

Стр. 461. ...*разбудить старого судью Линча*...— Чарльз Линч (ум. 1796 г.), американский плантатор и мировой судья, председательствовал в Виржинии на незаконных судилищах над тори (сторонниками англичан во время Войны за независимость). В его память судом Линча именуют всякий акт практики само-

конституированного суда, без соблюдения законной процедуры выносящего смертный приговор и приводящего его в исполнение на месте, причем за преступление лишь предполагаемое.

Стр. 471. ...феномен Ботани Бэй...— в 1787 г. английский король Георг III объявил, что «создан определенный план... вывезти большое количество заключенных, дабы избавиться от неудобств, причиняемых существующим переполнением английских каторжных тюрем. 26 января 1788 года первая партия каторжников была высажена на берег в заливе Ботани Бэй на западе Австралии, в пяти милях от нынешнего Сиднея, в том самом месте, где когда-то высаживался капитан Джеймс Кук.

Стр. 472. ...об апокрифическом старом судье Бине из «Закона к западу от Пекоса»...— Пекос, река протяженностью в 735 миль, протекающая в штатах Нью-Мексико и Техас и впадающая в Рио-Гранде; территории западнее ее — традиционный плацдарм ковбойского фольклора, представителем которого является и судья Бин. Он разбирал дела не по закону, а по здравому рассуждению и своему «ковбойскому правосознанию». Реальная личность, содержатель салуна и мировой судья, вершивший правосудие прямо за стойкой бара. «Закон к западу от Пекоса» — одновременно и его прозвище, и название народной баллады; само выражение стало крылатым, обозначая незаконный, но справедливый суд. Судья Бин был знаменит многочисленными экстравагантными решениями, вплоть до постановление оштрафовать труп погибшего от несчастного случая на все сорок долларов, найденные при нем, за незаконное ношение оружия.

К РАССКАЗУ «УГРОЗА С ЗЕМЛИ»

Стр. 489. ...похож на Инеистого великана из «Золота Рейна»...— инеистые великаны, хримтурсы, персонажи германо-скандинавской мифологии, по мотивам которой написана опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883).

Стр. 491. ...на катке в Фингаловой пещере...— Хайнлайн переносит на Луну название знаменитой пещеры на одном из Гебридских островов у берегов Шотландии, по преданию сооруженной великанами для героя кельтской мифологии Финна (или Фингала, как он назван Д. Макферсоном в «Песнях Оссиана»).

Стр. 501. ...это малость попахивало Давидом и Урией...— имеется в виду описанная в Библии история греховной любви израильского царя Давида к Вирсавии, жене военачальника Урии. Чтобы избавиться от соперника, Давид послал Урию на верную смерть.

К ПОВЕСТИ «ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ»

Стр. 517. ...легат из Вест-Пойнта...– В модели американского общества эпохи Пророков Хайнлайн сохранил название старейшего в США высшего учебного заведения, армейской академии в Вест-Пойнте. Зато ее выпускники, которым в наше время присваивается первое обер-офицерское звание вторых лейтенантов, в повести покидают *alma mater* в звании легатов. Слово это происходит от латинского *legatus* — посол. В Древнем Риме легатом именовался посол, выполнявший политические поручения; затем, в период республики — помощник полководца или наместника провинции; еще позже, в период принципата — наместник в императорских провинциях. В наши дни легатами называются уполномоченные Папы Римского, направляемые с особыми миссиями в иностранные государства.

Стр. 518. ...Non sibi sed Dei (*лат.*) — «Не себе, а Богу».

Стр. 519. ...на лбу ее звезду Соломона...— звездой Соломона, великого правителя и мудреца (в арабской традиции он превратился в Сулеймана ибн Дауда, чародея и повелителя джиннов) называют и шестиконечную, более известную как звезда Давида,

или щит Давидов, образованную наложением двух равносторонних треугольников, и пятиконечную — обе они встречаются на изображениях так называемой «печати Соломона».

Стр. 520. ...меня зовут Джон Лайл...— в детстве наибольшее влияние на Роберта Хайнлайна оказал его дед по матери, доктор Альва Э. Лайл, и впоследствии писатель неоднократно — в начале своей литературной карьеры — пользовался псевдонимом Лайл Монро.

Стр. 528. ...Все эти слухи о Каббале...— в буквальном переводе с древнееврейского слово это означает «предание». В Средние века так называлось распространенное среди приверженцев иудаизма религиозно-мистическое учение, первая запись которого была осуществлена приблизительно в VIII в. н. э.– это книга «Сефер Иецира» («Книга Творения»). Ее анонимный автор учил, что основа всего сущего — единый Бог, что мироздание зиждется на 10 цифрах и 22 буквах еврейского алфавита. Дальнейшее развитие каббалистическая мистика получила в анонимной же книге «Зогар» («Сияние»), появившейся примерно в XIII веке и рассматривавшей божество как бесконечное, а мир вещей — как эманацию божественных сил; там же впервые появилось понятие 10 сефиротов — творящих атрибутов божества, посредством которых оно открывается и познается; говорилось там и о переселении душ. На основании каббалистических выкладок производились гадания, использовалось учение также в магии и алхимии. Постепенно само это слово стало синонимом тайного знания, потаенной доктрины.

Стр. 538. ...ближе к кордегардии...— то есть к караульному помещению (или гауптвахте, слово можно перевести и так, но первое значение по смыслу подходит больше).

Стр. 542. ...говорит со мной по азбуке Морзе...— этот состоящий из комбинаций точек и тире код был разработан в 1838 году Сэмюэлом Финли Бризом Морзе (1791–1872), изобретателем

электромеханического телеграфного аппарата (1837). Но главное, разумеется, не в этом, а в великолепной подготовке, которую давала своим выпускникам Академия в Вест-Пойнте эпохи Пророков: для того чтобы одновременно вести мало-мальски осмысленный диалог и принимать и передавать сообщения по азбуке Морзе, требуется многолетняя практика. В противном случае задача практически невыполнима...

Стр. 548. ...не требовали аутодафе...— то есть, в переводе с португальского, акта веры; так именовалось оглашение и приведение в исполнение приговоров Святейшей инквизиции — в частности (но не исключительно) сожжение осужденных на костре.

Стр. 556. ...к дальнейшему процветанию Господа...— Хайнлайн прибегает к парафразу девиза ордена иезуитов: «Ad majorem Dei gloriam» (*лат.*) — «К вящей славе Господней».

Стр. 564. ...какими по счету мы были в Вест-Пойнте...– американцы в учебных заведениях делят не по широким градациям (как у нас — школьная золотая и серебряная медаль, институтский «красный диплом»), а индивидуально, определяя место каждого в рамках группы, курса, выпуска; так, Хайнлайн закончил Военно-Морскую академию в Аннаполисе двадцатым из выпуска в двести сорок три человека.

Стр. 565. ...станет Томом Пейном...— Томас Пейн (1737–1809) — особо колоритная фигура в истории Соединенных Штатов и Войны за независимость. Просветитель, философ, публицист, англичанин Томас Пейн вместе с французом маркизом де Лафайетом стоял у истоков американской Конституции, хотя и не принадлежал к числу ее формальных авторов (как, впрочем, и только что помянутый Лафайет, и сам автор проекта Декларации независимости США Томас Джефферсон). Герой Войны за независимость, гражданин Пейн тем не менее вынужден был в 1787 году покинуть США и вернуться в Англию. Ни первый президент США Джордж Вашингтон, ни второй — Джон

Адамс не разрешили ему вернуться в Америку. Осуществить это удалось лишь тогда, когда третьим президентом стал его друг Томас Джефферсон. Гражданин Пейн — это едва ли не имя нарицательное; это не только судьба, но и ролевая установка: человек, для которого дело и судьба дела важнее собственных лавров и судьбы.

Стр. 569. ...и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона...— Патрик Генри (1736–1799) — юрист, политический деятель и оратор, один из видных борцов за независимость колоний. Первый губернатор штата Вирджиния. Отказался участвовать в Конституционном конвенте, но горячо защищал Билль о правах. Избран в Национальную галерею славы. Наиболее известен речью в защиту независимости: «Что же до меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть». Томас Джефферсон (1743–1826) — американский просветитель, общественный деятель, идеолог Войны за независимость, автор проекта Декларации Независимости и третий президент США (1801–1809).

...искажение исторического прошлого...— впервые повесть была опубликована в журнале «Эстаундинг Сайнс Фикшн» в феврале–марте 1940 года. Следовательно, Хайнлайн до некоторой степени предвосхитил тезис Джорджа Оруэлла, сформулированный английским писателем восемь лет спустя в романе «1984» и гласящий: тот, кто управляет прошлым, управляет и будущим.

Стр.586. ...с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь...– мормоны, или «святые последнего дня»,— религиозная секта, в 1830 году основанная в США Джозефом (Джозайей) Смитом (1805–1844), сыном мелкого фермера из Вермонта. 21 сентября 1823 года ему явился (во сне) ангел Морони, со слов которого Смит и написал опубликованную в 1830 году «Книгу Мормона» — историю якобы существовавшей в Америке колонии «иерусалимских израильтян», которым Христос будто бы заповедал свое учение, записанное пророком Мормоном на мед-

ных скрижалях. «Книга Мормона» содержит свыше трехсот прямых библейских цитат и представляет собой сокращенный и модифицированный пересказ обеих частей Библии — Ветхого и Нового Заветов. Вероучение мормонов основывается как на «Книге Мормона», так и на откровениях самого Дж. Смита. В 1831 году, после очередного явления ангела Морони, Смит узнал, что Новый Иерусалим (вот откуда у Хайнлайна взято название для столицы Пророка) должен быть основан в местности Киртленд в штате Огайо, в результате чего там возникло поселение мормонов, ожидавших в соответствии со своим учением Второго пришествия Иисуса Христа именно в этом месте. В 1834 году условием обязательного спасения Дж. Смит объявил многоженство; вскоре он довел собственный гарем до тридцати жен, а его ближайший последователь и сподвижник Брайам Янг (1801–1877) — до двадцати четырех. В 1835 году мормоны отправили в мир двенадцать первых апостолов, и уже два года спустя им удалось обратить в свою веру и окрестить в Ливерпуле две тысячи британцев. Однако в это самое время, в 1837 году, в Огайо вспыхнуло восстание против мормонов, раздражавших окрестных жителей своей претензией на исключительность и святость, но главным образом — практикой многоженства. В результате от двенадцати до пятнадцати тысяч последователей Дж. Смита покинули Новый Иерусалим и перебрались в штат Иллинойс, где основали новое поселение, так и названное ими Нова. Здесь теократическая община просуществовала семь лет, однако в 1844 году последовало новое народное возмущение. Лидеры мормонов были арестованы, однако толпа ворвалась в тюрьму и учинила над ними самосуд — спастись удалось лишь Янгу, который и увел уцелевших своих последователей и приверженцев на Запад. Этот исход мормонов из Иллинойса получил название «эвакуации Новы». Мормоны добрались до территории, получившей впоследствии имя штата Юта, и здесь, на берегу Большого Соленого озера, основали город Солт-Лейк-Сити, ставший их Иерусалимом и Меккой вместе; там и по сей день расположен их главный храм. Здесь же в 1890 году была провозглашена отмена института многоженства.

Стр. 593. ...Gracias, señores. Buenas noches...— «Спасибо, сеньоры. Доброй ночи» (*исп.*).

...фотографии Карлсбадских пещер...– Карлсбадские пещеры расположены в горах Гуадалупе, южной части Скалистых гор, к юго-западу от горы Карлсбад, на территории национального парка в штате Нью-Мексико; это крупнейшие в мире по объему гротов карстовые пещеры, известные своими сталактитами и сталагмитами. Максимальная глубина Карлсбадских пещер – 313 метров, а общая протяженность залов и переходов – 33 километра. Один из самых популярных туристических объектов — всякий уважающий себя американец хоть раз там побывал.

Стр. 598. ...его аколитов...– то есть прислужников, псаломщиков или последователей.

Стр. 618. ...Лилит была блондинкой...– имя это в переводе с древнееврейского означает «Ночная». В древневавилонской традиции упоминается как ночной дух, образ являющейся во сне прекрасной женщины. Позднее, в Талмуде, Лилит превратилась в первую жену Адама. Образ этот вдохновлял многих писателей и поэтов.

Стр. 643. ...тридцать четыре наземных крейсера...– развитие танков до сухопутных военных кораблей представлялось в тридцатые годы вероятным и перспективным многим писателям.

Стр. 649. ...«Лестница Иакова»...– Иаков — патриарх, родоначальник народа израильского, младший сын Исаака, называемый также Израилем. Его история подробно изложена в библейской Книге Бытия (гл.25 и 27–50). Однажды, находясь на пути в Харран, Иаков узрел чудесное видение – ему приснилась таинственная лестница, соединяющая небо и землю (Бытие, гл. 28, ст. 10 и 22).

К ПОВЕСТИ «КОВЕНТРИ»

Стр. 650. ...в Ковенанте...— то есть в Соглашении. Хайнлайн опирается на ряд исторических ассоциаций: в XVI–XVII веках так называлось несколько соглашений, заключенных сторонниками Реформации в Шотландии для защиты пресвитерианской церкви и национальной независимости; в ходе Английской революции XVII века в 1643 году был заключен Ковенант между английскими и шотландскими пресвитерианами.

Стр. 652. ...возле себя проктора ...– то есть надзирателя; прокторами именуются служащие, следящие за соблюдением дисциплины в университетах (должность эта зародилась в Оксфорде и Кембридже), а также адвокаты и поверенные при специальных и церковных судах.

...выбираю Ковентри...— название для своей резервации Хайнлайн позаимствовал у английского города Ковентри. Во время Второй мировой войны этот город был полностью разрушен немецкой авиацией — в английский язык даже вошло слово «ковентризация» как синоним тотального разрушения. И хотя сегодня этот трехсоттысячный город полностью восстановлен и даже заметно вырос, в центре его возвышаются руины готического собора XIV века — зримый символ варварства войны. Ковентри у Хайнлайна — тоже порушенные земли.

Стр. 670. ...всех классиков — Зейна Грея, Эмерсона Хьюга...— Зейн Грей (1872–1939) — классик вестерна, наряду с О.Уистлером один из отцов этого типично американского жанра. Всего им написаны шестьдесят две книги вестернов (не считая произведений, принадлежащих к другим жанрам), по мотивам которых студией «Парамаунт» было поставлено сто восемь фильмов. На русский язык переведены два его романа (из которых наиболее известен «Пограничный легион») и несколько рассказов. Эмерсон Хьюг (1857–1923) — также американский писатель, известный своими приключенческими романами.

Стр. 686. ...фронтир есть фронтир, даже инопланетный...— фронтир — одно из основополагающих понятий американского менталитета. Это граница освоенных территорий, постепенно передвигавшаяся от Атлантического побережья на запад, к Тихоокеанскому, но одновременно и символ неосвоенного мира, извечно манящего человека.

К РАССКАЗУ «НЕУДАЧНИК»

Стр. 717. ...визуальную триангуляцию...— триангуляцией называется один из методов определения координат точек в пространстве, применяемый в геодезии и заключающийся в построении треугольника, у которого известны координаты двух вершин и расстояние между ними (базис). С каждой из двух точек, координаты которых известны, замеряются углы между второй известной точкой и той, координаты которой необходимо установить, после чего недостающие углы и расстояния вычисляются тригонометрически. Наряду с этим методом существует и другой — трилотерация — при котором измеряются все три стороны треугольника, а углы находятся тригонометрически.

Стр. 728. ...Эндрю Джексон Либби...— Эндрю Джексон (1767–1845) — генерал, седьмой президент США (1829–1837), заслужил в народе прозвище «Старый Гикори», что на язык родных осин можно перевести (не буквально, но по смыслу) двояко — и как «Старый дуб», и как «Старая дубина»; происхождением своим прозвище это, говорят, было обязано консервативным взглядам и упрямому характеру президента.

Стр. 729. ...культуры анаэробных бактерий...– то есть бактерий, способных жить в отсутствие свободного кислорода.

К «ПОВЕСТИ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ»

Стр. 736. ...Даже Карузо, Клеопатра и Санта-Клаус могут надоесть публике...— Энрико Карузо (1873–1921) — великий итальянский певец, тенор, непревзойденный мастер бельканто, триумфально выступавший во многих театрах мира. Клеопатра (69–30 гг. до н. э.) — с 51 г. до н. э. последняя царица Египта из династии Птолемеев, отличалась умом и образованностью. Была любовницей Юлия Цезаря, а после его гибели, с 41 г. до н. э.– Марка Антония (в 37 г. до н. э. стала его женой). После поражения в войне с Римом и вступления в Египет армии Октавиана Августа покончила жизнь самоубийством, дав укусить себя ядовитой змее. Санта-Клаус — одна из ипостасей всем знакомого Николая-Чудотворца, Николая-Угодника, то есть Николая, епископа Мирликийского, согласно житиям святых родившегося в 260 и умершего в 343 году н. э. и считающегося покровителем странствующих и путешествующих, сельского хозяйства, всех «сирых и убогих», моряков, торговцев и детей.

Стр. 737. ...называется вера коммунизмом или холироллеризмом...— Холи-Роллерс — это пренебрежительное обобщающее прозвище так называемых изуверских сект; переводится это примерно как «святокруты» или «вертосвяты».

...федеральный «сухой» закон...— имеется в виду закон о запрещении производства, ввоза и продажи в США спиртных напитков, принятый Конгрессом в 1919 году по инициативе члена Палаты представителей Эндрю Джона Вольштеда (1860–1947). Принятый из лучших побуждений, «сухой» закон создал ситуацию, весьма благоприятную для развития и процветания организованной преступности. Отменен в 1933 году.

...такие теократические анклавы, как Сион Воливы...— теократические анклавы — замкнутые, живущие по собственным законам теократические общины, которых, по подсчетам специалистов,

с 1787 по 1919 год в США было создано 270, а потом — еще почти 100. Это поселения гуттеритов и раппистов, широко известные общины «Евфрата», «Гармония», «Зоар», «Аврора», «Бетел» и другие. К их числу относится и Сион, поселение сионитов, последователей Александра Доуи (1848–1907), основателя так называемой «христианской католической церкви» и города Сион-Сити в штате Иллинойс. Уилбур Гленн Волива (1870–1942) — духовный лидер сионитов после Доуи, отличавшийся крайним фанатизмом.

...настолько превосходящий усилия Билли Санди...— Билли Санди (1863–1935) — американский проповедник-евангелист.

...Кальвина, Савонаролы, судьи Резерфорда и Хьюи Лонга...— Жан Кальвин (1509–1564) — один из деятелей Реформации, основатель кальвинизма. Француз по рождению, он примкнул к Реформации в 1534 году и в результате преследований вынужден был бежать в Швейцарию, где два года спустя появился его главный труд — «Наставление в христианской вере»; его «Церковные установления» (1541) приобрели характер государственного закона.

Джироламо Савонарола (1452–1498) — итальянский религиозно-политический реформатор, проповедник, монах-доминиканец, настоятель одного из флорентийских монастырей. Призывая вернуться к апостольскому идеалу, осуждал роскошь, развлечения, «суетное» светское искусство. После падения в 1494 году тирании Медичи и восстановления во Флоренции республики провел ряд демократических реформ, однако стремление соединить республику с теократией поубавило фанатику Савонароле популярности, он же в ответ начал попросту терроризировать Флоренцию. В конце концов, был признан еретиком и сожжен.

Джозеф Ф. Резерфорд (1869–1942) — судья, последователь Чарлза Тейза Рассела (1852–1916), основателя журнала «Башня Стражи» и организатора Международного общества исследователей Священного писания. После смерти Чарлза Т. Рассе-

ла был избран президентом Международного общества исследователей Священного писания, каковое и преобразовал в 1931 году в Союз свидетелей Иеговы. Это религиозное общество, основателем которого стал Резерфорд, дальше всего отошло от первоначального расселизма, хотя сами свидетели Иеговы это всячески отрицают.

Хьюи Лонг (1892–1935) — выходец из низов, он принадлежал к категории так называемых «самосотворенных» людей. С детства не чурался никакой работы; стремился к образованию — трехлетний курс юридического колледжа умудрился одолеть за восемь месяцев. Однако адвокатура была для него лишь трамплином к политической карьере. Он работал в различных структурах администрации штата Луизиана, занимал ряд выборных должностей, и в конце концов в 1928 году стал губернатором. Его предвыборным лозунгом было: «Все должны иметь долю в богатстве страны». Он обещал бесплатную раздачу ферм, бесплатное здравоохранение и многое другое, в результате чего завоевал множество сторонников. В то же время этот рыжий, курносый, веснушчатый человек с изрытым оспой лицом не признавал никаких юридических норм, применял малопочтенные методы для достижения своих целей и т.д. В 1931 г. он был избран сенатором США от Луизианы, а в 1932-м способствовал выдвижению и избранию Франклина Делано Рузвельта президентом. Утверждали, будто он больше Рузвельт, чем сам Рузвельт, и потому, естественно, Лонг вскоре стал заклятым врагом автора «Нового курса». Погиб от пули человека, которому не понравилась его предвыборная речь на митинге в Луизиане. Его судьба была положена американским писателем Робертом Пенном Уорреном в основу романа «Вся королевская рать» (1946).

Стр. 738. ...возродят Ку-Клус-Клан...— несмотря на бытующее мнение, будто название организации происходит от звукоподражания тройному лязгу ружейного затвора, Ку-Клус-Клан восходит к испорченному греческому «киклос», т.е. кружок. Первоначально эти кружки, называвшиеся по-разному (были, например,

«Всадники золотого кружка» и другие), объединяли белых для противостояния бесчинствам негров после победы северян в Гражданской войне (это прекрасно описано в «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл). Но потом, как это нередко бывает, общество переродилось; объединившись, кружки превратились в единый Ку-Клус-Клан и поставили целью «поддержание господства белых». Наконец, в 1915 году в Атланте, штат Джорджия, произошло окончательное оформление тайного общества в «невидимую империю кавалеров ККК — антинегритянскую, антисемитскую, антикатолическую» и т.д., причем использующую исключительно террористические методы.

К ПОВЕСТИ «УОЛДО»

Стр. 739. ...исполнил фантастическое невероятное entrechat douze...— entrechat (*фр.*) — антраша, балетный прыжок, во время которого совершаются удары ног одна о другую. По современной балетной терминологии их насчитывают девять разновидностей. Автор говорит о «двенадцатой» (douze — двенадцать) и, стало быть, делает три шага вперед в искусстве танца. Знатоки ценят не высоту прыжка, а четкость исполнения в полете заданной последовательности движения ног.

Стр. 740. ...цереброктомия левого полушария...— цереброктомия — операция по удалению (иссечению) коры головного мозга. Производится исключительно на животных, во время физиологических экспериментов, поскольку лишенный коры головного мозга индивид, оставаясь живым, способен вести чисто растительный образ жизни: есть, спать, производить физиологические отправления. Но психические процессы более высокого порядка ему не доступны.

Стр. 741. ...компании «Климакс»...— кроме явления, связанного с угасанием по причине возраста деятельности половых желез,

а также заключительного, относительно стабильного состояния растительности, слово «климакс» означает лестницу, а в английском и многих европейских языках — высшую ступень развития, кульминацию, расцвет.

Стр.802. ...изящным движением пересек свой вертеп...— вертеп — в католической традиции кукольное ежегодное рождественское представление, традиционным сюжетом которого является рождение Христа с соответствующей символикой: ангелы, волхвы, животные и проч.

Стр. 803. ..проще упросить агорафоба залезть на Пюи-де-Дом...— агорафобия — боязнь открытого пространства; Пюи-де-Дом — гора во Франции, поднимаясь на которую Блез Паскаль (1623–1662) открыл соотношение между падением атмосферного давления и высотой над уровнем моря.

Стр. 809. ...за серебряный доллар. Шестнадцать к одному...— значок с такой надписью — и примета времени, и характеристика его хозяина Грэмпса Шнайдера. Это значок-лозунг, призывающий к введению в стране биметаллизма с фиксированным отношением один к шестнадцати, а также свободной чеканке серебряной монеты. Биметаллизмом именуется система двойного денежного эталона, при которой деньги одновременно базируются и на золоте, и на серебре. При биметаллизме с фиксированным курсом соотношение стоимости этих металлов жестко внерыночно фиксируется казной. В США биметаллизм закончил существование в 1873 г., когда основной единицей был объявлен золотой доллар. Но борьба за его возвращение продолжалась еще долго, причем основное предлагавшееся соотношение было именно один к шестнадцати (хотя рыночное к тому времени достигло уже одного к сорока). Биметаллизм и свободная чеканка позволили бы фермерам и мелким предпринимателям отдать свои долги банкам «дешевыми» деньгами, то есть фактически произошла бы инфляция без пересчета долгов: золотые монеты мгновенно исчезли бы из оборота, их скупили бы за серебро и спрятали. В итоге получился бы серебряный стандарт без государственной

монополии на эмиссию денег. Активную борьбу за такое нововведение вели либеральные интеллигенты, сторонники У. Дж. Брайана, многократного и всякий раз неудачного кандидата в президенты.

Стр. 821. ...в законах контактозной, симпатической и гомеопатической магии...— «контакозная магия» — магические приемы, результаты которых наблюдаются сразу же после непосредственного прикосновения мага к человеку или предмету, над которым совершается обряд; «симпатическая магия» — магия, основанная на знании истинного имени человека или предмета или обладании их частицами (портретами, волосами, обрезками ногтей); «гомеопатическая магия», или «имитационная»,— магические обряды состоят из имитации желаемых результатов (прокалывание фигурок иглами с целью вызвать смерть или болезнь, прысканье водой с целью вызвать дождь).

К РАССКАЗУ «КОЛУМБ БЫЛ ОСТОЛОПОМ»

Стр. 892. ...на «Мэйфлауэре»... тоже были дети...— Мэйфлауэр — название барка, на котором в 1620 году пересекли Атлантику «отцы пилигримы», основатели английской колонии, ставшей впоследствии Соединенными Штатами.

К РАССКАЗУ «БЕЗДНА»

Стр. 947. ...В Пье-да-Терр с Луны его доставила пассажирская ракета...— Пье-да-Терр — выдуманный Хайнлайном космопорт. Название можно перевести как «Подошва Земли». Французское слово pied имеет значение «нога, ступня, ножка, подножие, основа, подошва горы», но существует выражение «mettre pied a terre» — «высадиться, выйти из вагона».

Стр. 1003. ...*Это тахископ Реншоу* — Самуэль Реншоу (1892–1981) — исследователь человеческой памяти, восприятия и обучения, пионер использования тахистоскопа (от греч. tachistos — быстрый, скорый и skopeo — смотрю) для улучшения распознавания зрительных образов и памяти. В 1946 г. получил патент на тахистоскопический проектор.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНИЯ ЖИЗНИ 9
ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ 32
ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН 77
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ 125
ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК 233
КОСМИЧЕСКИЙ ИЗВОЗЧИК 251
РЕКВИЕМ 274
ДОЛГАЯ ВАХТА 295
ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ! 313
ТЕМНЫЕ ЯМЫ ЛУНЫ 326
КАК ЗДОРОВО ВЕРНУТЬСЯ! 342
А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК 365
ПРОЖЕКТОР 394
ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ 399
ЗЕЛЕНЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ 416
ЛОГИКА ИМПЕРИИ 429

УГРОЗА С ЗЕМЛИ 484
ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ... 517
КОВЕНТРИ 650
НЕУДАЧНИК 707
ПОВЕСТЬ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ 733
УОЛДО 739
НА ЛУНЕ НИЧЕГО НЕ СЛУЧАЕТСЯ 858
КОЛУМБ БЫЛ ОСТОЛОПОМ 889
ТЯЖЕСТЬ НЕБЕС 894
ДЖЕРРИ – ЧЕЛОВЕК 916
БЕЗДНА 947

КОММЕНТАРИИ 1023